Е. Р. Романовъ.

Бѣлорусскій сборникъ.

Выпускъ шестой.

СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

Выпускъ шестой.

СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Дозволено цензурою. 6-го Ноября 1901 г.— г. **Вильно.**

Въ настоящій выпускъ вошли сказки, записанныя мною во время этнографическихъ поѣздокъ, совершенныхъ въ 1888—1891 годахъ на средства Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ двухъ изъ этихъ поѣздокъ меня сопровождали П. П. Буднецкій—нынѣ умершій, и К. Т. Аникіевичъ,—бывшіе мои ученики, вышедшіе изъ народа и впослѣдствіи ставшіе учителями сельскихъ школъ. Мною лично записано 49 сказокъ настоящаго выпуска, считая и варіанты; названными спутниками моими записано 7 сказокъ. Затѣмъ, по моимъ указаніямъ, записали 9 сказокъ сельскіе учителя и учительницы: г.г. Барановскій, Посретинскій, Тихановичъ, Васильевъ и г-жи Горбикъ и Бѣлинская. (См. указ. въ концѣ книги).

Записи сдѣланы въ слѣдующихъ уѣздахъ могилевской губерніи: въ гомельскомъ, гдѣ записано 9 сказокъ, въ быховскомъ—3, горецкомъ—2, климовичскомъ—6, могилевскомъ—1, мстиславскомъ—8, оршанскомъ—3, рогачевскомъ—3, сѣнненскомъ—8, чаусскомъ—5 и въ чериковскомъ—9. Въ витебской губерніи записи сдѣланы въ двухъ уѣздахъ: въ витебскомъ и городокскомъ. Здѣсь записано 7 сказокъ.

О томъ, какъ совершались мои этнографическія поѣздки и какъ производились записи произведеній народной словесности, я говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ (предисл. къ III в., стр. VIII—XIII). Не смотря на дешевое зубоскальство, съ которымъ отнесся въ своей рецензіи Н. Ѳ. Сумцовъ къ этому моему сообщенію, я повторяю, что работы производились именно такимъ образомъ, какъ онѣ у меня описаны. Недостойныя выходки г. Сумцова вообще заслуживали бы того, чтобы на нихъ остановиться для характеристики этого профессора. Но это было такъ давно, прочесть его рецензію я могъ только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ присужденія „Сборнику" Макарьевской преміи, изданіе настоящаго выпуска крайне замедлилось—и я оставляю всё на совѣсти г. Сумцова, въ томъ числѣ и мою біографію въ Словарѣ Брокгауза, скромно подписанную имъ буквами Н. С. Впрочемъ, „странности" г. Сумцова уже достаточно отмѣчены въ ученой литературѣ (напр. Рус. Мысль, Живая Старина и др.).

Возвращаясь къ настоящему выпуску, я долженъ заявить, что записи я дѣлалъ попрежнему этимологически. Въ этомъ важномъ

вопросѣ я спрашивалъ мнѣніе академиковъ А. Ѳ. Бычкова и Л. Н. Майкова, и они предпочли оставить записи прежнія, какъ во избѣжаніе пестроты, такъ и потому, что лица, знающія бѣлорусскій языкъ, не затруднятся читать неударяемые *о* и *е* по-русски. Остальные же звуки я старался передать возможно точнѣе.

Вездѣ, гдѣ удареніе разнится отъ общепринятаго, я обозначалъ это акцентной буквой. Съ стр. 60, во избѣжаніе пестроты, мягкое *д* и *т* изображаются вм. *дз* и *ц* буквами д̆ и т̆.

Одна изъ сказокъ—№ 17 записана, въ видѣ образчика, фонетически.

Надъ настоящимъ выпускомъ тяготѣлъ какой то злой рокъ.

Начатъ онъ печатаніемъ въ 1893 году, въ Витебскѣ, въ одной изъ частныхъ типографій. По отпечатаніи девяти листовъ, въ 1894 году, собиратель, прослуживши 8 лѣтъ въ Витебскѣ, былъ переведенъ для пользы службы въ самую западную губернію виленскаго учебнаго округа. Печатаніе остановилось на 10 листѣ. Въ 1895 году собиратель былъ переведенъ уже въ самую восточную часть округа. Печатаніе вновь возобновилось. Но въ это время закрылась типографія, и печатаніе вновь остановилось. Позже оно было перенесено въ другую типографію, но она, за множествомъ работы, изготовляла среднимъ числомъ лишь 4 листа въ годъ.

Наконецъ, только въ прошломъ году явилась возможность пріобрѣсти нужный шрифтъ въ Могилевѣ и перевести сюда печатаніе книжки.

Habent sua fata libelli!

Много пришлось имѣть переписки и съ цензурнымъ вѣдомствомъ...

Собранные мною матеріалы еще не исчерпаны. Но я ничего не могу сказать пока о ихъ судьбѣ.

Времени у меня слишкомъ мало, чтобы заняться ихъ разработкой; печатать же сырые матеріалы не хотѣлось бы.

Въ виду того, что предыдущіе выпуски разошлись, можетъ быть, явится возможность пересмотрѣть ихъ вновь, взять оттуда вещи болѣе цѣнныя и издать вторично, съ присоединеніемъ матеріаловъ ненапечатанныхъ. Можетъ быть, представится возможность издать схемы сказокъ, записанныхъ мною, такъ какъ полные тексты напечатать всѣ невозможно.

Могу только сказать, что приму всѣ мѣры, чтобы записи мои не погибли для науки.

Е. Романовъ.

Оглавленіе.

1. Пилачъ—добрый молодзецъ.

У нѣўкоторомъ царствьи, у нѣкоторомъ государствьи живъ сабѣ царь. И ня было ў яго дзяцей. Ёнъ ставъ Бога просиць, кабъ яму̀ народзився якій-нѐбудзь отродышъ. И народзився яму̀ отродышъ, Иванъ Ивановичъ сынъ, руській царевичъ. Тоды, ёнъ росъ не по часа̀хъ, да по минутахъ. Якъ ёнъ заплачець, дыкъ на яго оцецъ и мацъ говдрицъ: «мовчи, мой сынъ возлюбленный,—я цябе жаню на Ялени пріўкрасной!» Дыкъ ёнъ и змо́вкнець. По̀томъ, усцигъ уже до сямнатцаци лѐцяй, и увидавъ на го̀родзи полтретъ Ялены пріўкрасной. По́томъ прихо̀дзиць домовъ и говдрицъ на отца свойго, на мацъ: «вы говорили, же́ниця мяне на Ялени пріўкрасной!» А ёнъ гово́рицъ: ты яще дужа молодъ! Потомъ ёнъ рассярчавъ на отца и на мацярь и ўѣхавъ отъ ихъ во другій городъ, дзѣ находзилась Ялена пріўкрасная. Тамъ ёнъ обнучувавъ дзѣ и ставъ распрашавацъ объ Ялену. Такъ яму̀ отвѣчали: «што табѣ Яленыниякъ нельзя увидаць: дзѣствицялно, што яна потъ сохраненіямъ у Пилача—добраго молойца. Силно на яго нападаюць усякія купечаство, кабъ отобраць яѐ. И выводзюць яго на площадзь и даюць силныя ўдары. Заўтрашній дзень будуць яго ўзнова на площадзь выводзи̂ць и будуць сто ударовъ даваць. То ёнъ будзець просиць, што хто залджиць за мяне сто цалковыхъ, то я буду жаниць яго на Ялени пріўкрасной. Ну, да ты не кладзи дзенехъ первый разъ!» Ну, назаўтряго вывяли яго на площадзь и дали сто ударовъ,—не заклавъ нихто за яго дзенехъ. Тоды старуха яму сказала: «на заўтрашній дзень яго тожа будуць выводзиць, будуць яму назначаць удары уже ўдвоя, якъ было̀. Ёнъ тожа будзець просиць, кабъ хто заложивъ за яго дзенехъ удвоя, ну ты не кладзи!» Ну, назаўтряго вывяли яго ўзнова, дали двѣсця ўдаровъ,—опяць жа за яго нихто не заложивъ за яго дзенехъ. На третьцій дзень опяць жа хозяйка яму гово́рицъ, што будуць яго выводзиць на площадзь, то ёнъ будзець просиць, кабъ за яго заклали дзеньги, якія ёнъ будзець просиць. Такъ яна яму сказала: заложи дзеньги на третьцій дзень! Вывяли яго на площадзь, ёнъ заложивъ за яго дзеньги. Тоды Пилачъ добрый молодзецъ узявъ Ивана царевича исъ собою и повёвъ къ Ялёни пріўкрасной. Пришовши къ ёй и гово́рицъ: вотъ, гово́рицъ, Ялена пріўкрасная, якого я къ табѣ *кавалера*

привёвъ! Тоды ина сказала яму и говǒриць: на што мнѣ кавалеры? Ёнъ на яѐ сказавъ: коли я говорю, довжна слухаць! И такъ нѣсколько ўремя яны были ўтроихъ. Тоды ёнъ уже, скушно яму̀ стало тамъ,—ли жа пройцйтца, ли жа прокацйтца хочетца. Тоды ставъ просиць Пилача добраго молойца Иванъ царевичъ. Пилачъ добрый молодзецъ заклавъ своихъ добрыхъ пару лошадзей и выѣхавъ зъ города вонъ. Пǒтомъ, слышиць, што за имъ силная погоня: наславъ оцецъ Ивана царевича войська, кабъ отобраць Ивана царевича отъ Пилача добраго молойца̀. И ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, знавъ, што за ими силная погоня будзець, ну имъ ёнъ не казавъ, кабъ яны не злякались. Тоды ёнъ говǒриць: «хорошій я, говориць, кучаръ, только нѣту у мяне кучарськой шляпы. Обожджиця вы тутъ, а я пойду, возьму кучарськую шляпу!» И пошовъ на сустрѣчу къ той къ погони. Сустрѣкаець ету погонь, спрашіець у яго войсько: ци ня видзѣвъ ты, ня ѣхавъ тутъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето, говориць, я самый! Тоды яны хоцѣли яго убиць на мѣсьци. Такъ яны не могли съ орудзіи яго убиць, а ёнъ дзервянной палкой ихъ поўбивавъ усихъ, только оставивъ одногǒ солдата: пойдзи, каець, скажи свойму царю, кабъ ёнъ войська больше не церявъ! Ну ёнъ, етый солдатъ, пошовъ исказавъ ето цару. Царь наславъ войська ещѐ бǒляй, ўдвоя якъ былǒ. Такъ ёнъ опяць жа вороцився къ имъ и поѣхали. И чуець ёнъ опяць за ими погони. Тоды ёнъ говǒриць: да, хорошій я кучаръ, только нема̀ у мяне кучарськǒго кушака! Узявъ и пошовъ къ етому войську. Опяць же спрашіець войсько у яго: ци ня видзѣвъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето я, говориць, самый! Ну, яны яго хоцѣли съ орудзіи убиць. Такъ ёнъ узявъ палку дзервянную и поубивавъ ихъ усихъ, только оставивъ двухъ чаловѣкъ живыхъ. И приказавъ имъ опяць жа: «кабъ царь вашъ войська больше не церявъ: яму̀ Ялены пріўкрасныя и Ивана царевича не отобраць отъ мяне!» Цяперя опяць жа ёнъ сѣвъ на своихъ лошадзей и поѣхали. И ў третьцій разъ почувъ, опяць жа послышавъ, што силная погоня за имъ. Такъ ёнъ опяць жа говǒриць: хорошій я кучаръ, только нема̀ ў мяне сапоговъ зъ длинными голянищами! Злѣзъ ёнъ опяць и сустрѣкаетца зъ естымъ войськомъ самымъ. Войсько у яго спрашіець: ци не видавъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ и Ялена пріўкрасная и Иванъ царевичъ? А ёнъ говǒриць: ето я, говориць, самый! Яны яго хоцѣли ўбиць, такъ ёнъ опяць узявъ древяную палку и поўбивавъ ихъ усихъ,—оставивъ трёхъ чаловѣкъ. Пǒтомъ вороцився назадъ къ своимъ лошадзямъ, ажъ уже на томъ мѣсьци лошадзей нѣту: яны силно спǔдзились и занясьли ихъ—Ялену пріўкрасную и Ивана царевича, у домъ Кащи̇̀ безсмертныя. Тая Каща̀

безсмертная Ялену приўкрасную узявъ къ сабѣ ў комнаты, а Ивана царевича посадзивъ у вособняннную хату. Потомъ и не приказавъ яму давацъ пищи ниякой. И самъ зъ двора ўѣхавъ, Кащa безсмертная. Удрухъ являетца Пилачъ добрый молодзецъ и спрашіецъ у Ялены приўкрасной: а гдѣ жъ Иванъ царевичъ? Ина отвѣчала яму, што вотъ у отдзѣлной хаци, и приказавъ Кащa безсмертный ёй, кабъ не давала ниякихъ харчей яму. Ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, сказавъ ёй: «ня слухай яго, а якъ—либо да провизію яму украдня давай; а сама выпытавай у яго, у чомъ у яго смерцъ *зависицъ*!» Потомъ самъ ушовъ зъ двора, Пилачъ. Являетца Кащa безсмертная. И Ялена приўкрасная расплакалась перядъ имъ: скажицця пожалуста, у чомъ ваша смерцъ зависицъ? Ёнъ говорицъ: на што табѣ?—А я, говорицъ, хочу дужа знацъ! На яè ёнъ сказавъ: а, дура! у вѣнику моя смерцъ! И самъ опяцъ жа ушовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ на дворъ и спрашіецъ у Ялены приўкрасной: што ёнъ говоривъ?—Ёнъ говоривъ: у вѣнику яго смерцъ!—«Илжѐцъ ёнъ! Ну тольки возьми етый вѣникъ, убяри ў ленты ў хорошія, стужки, и постанови у шкапъ!» Самъ опяцъ жа пошовъ. Являетца Кащa безсмертная, поглядзицъ у шкапъ, ажъ у шкапи стоицъ вѣникъ убраный. Ёнъ тоды отвѣцивъ на Ялену приўкрасную: э, дура! говорицъ. Возьми, говорицъ, брось у печъ, спалицъ! Отвѣчала Ялена приўкрасная: у чомъ жа ваша смерцъ зависицъ?—Моя смерцъ зависицъ у козлѣ! А самъ опяцъ жа увыйшовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ и говорицъ: што ёнъ казавъ?—Ёнъ казавъ, што ў козлѣ яго смерцъ! И Пилачъ добрый молодзецъ сказавъ: убяри етаго козла у разныя йстужки, у цвяты, и рогъ яму вызолоцъ! Тоды яна узяла яго вобрала такъ, якъ ёнъ сказавъ. И поставила ў шкапъ. Тоды являетца Кащa безсмертная ў домъ и поглядзицъ у шкапъ, ажъ у шкапи стоицъ козёлъ ввобраный. Тоды ёнъ говорицъ на Ялену приўкрасную: дура! говорицъ. Загнала козла ў шкапъ, кабъ сцёклы побивъ! Ёнъ сказавъ, кабъ выкинули яго вонъ и отдали собакамъ. Тоды яна опяцъ стала просицъ: у чомъ смерцъ твоя зависицъ? Кащa безсмертная отвѣчаецъ: дамъ табѣ вѣры цяперь, што ты мою смерцъ приберегала бъ. Тольки моя смерцъ не находзитца при мнѣ, а моя смерцъ далякò. До моèй смерци три годà надо ицицъ, и не нáйдзешъ ниякой провизіи сабѣ. Моя смерцъ: на мори стоицъ дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы моя смерцъ!.. Пошовъ ёнъ зъ двора, являетца Пилачъ добрый молодзецъ. Цяпера спрашіецъ у яе: што ёнъ сказавъ тябѣ?—Ёнъ сказавъ, што яго смерцъ далякò: на мори стоицъ дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы смерцъ!.. Такъ ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, пошовъ къ Ивану царевичу: дайка мнѣ дзенехъ ты-

сячъ дзесятокъ, мнѣ надо на три годы побѣдаць! Иванъ царевичъ давъ ямў дзенехъ. Пришовъ ёнъ у госьцинницу и заказавъ ли сябе обѣдъ— усякія животныя по дзесяць паръ. Такъ уси удзивлялися зь яго, Пилача добраго молойцà. Приготовили ямў обѣдъ и приготовили дзесяць бочакъ вина. Ёнъ побѣдавъ и виномъ запивъ и отправився по Кащи безсмертныя смерць.

Ишовъ ёнъ два годы больше якъ съ половиной, и недалèко ўже былò йциць. И захоцѣлося ямў силно ѣсць. И сустрѣвъ ёнъ кошку, и самъ сабѣ говóрицъ: уловлю я ету коцёшка и зьѣмъ яго живого! Коцёнокъ яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ у большой пригодзи стану! Ну, ёнъ раздумався и пошовъ опяць: ня ўбивъ того коцёнка. Сустрѣкаець вовкà и говорицъ: дай я етаго вовчонка изловлю и зьѣмъ, и можа, якъ дойду до мѣста! Вовчанòкъ отвѣчавъ ямў: ня губи мяне: ты мною силно не подъясй, а тольки зубья поломаешъ,—а я табѣ у большой пригодзи стану! Ёнъ оставивъ яго, ни бивъ, ни ловивъ, и пошовъ. Опяць жа бяжиць собака. Друхъ ёнъ собаку етаго хоцѣвъ зловиць и яго хоцѣвъ зьѣсць. Собака яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ ў большой пригодзи стану! Удрухъ ёнъ оставивъ яго и самъ пошовъ. Прихóдзицъ къ мору и смотриць на мóря. На мори стоиць востровъ, на вострови дубъ. И думаець ёнъ: якъ до яго добратца? И самъ сабѣ говóрицъ: говоривъ мнѣ вовкъ,—што ў большой пригодзи стану! Кабъ ёнъ ко мнѣ сюды! Удрухъ являетца вовкъ. Пилачъ добрый молодзецъ садзився на яго и переѣжджавъ на востровъ къ дубу. И смотрицъ на дубъ: якъ жа на яго узобратца? И надумався: говорила мнѣ кошка, што ў большой пригодзи стану! Являетца кошка, уздралась на етый дубъ, у дупло. Вывярнула оттуда сундукъ. Пóтомъ ёнъ сундукъ етый узявъ и сѣвъ на вовка опяць и выѣхавъ на бéрехъ. Сѣвъ на бéрези и разломавъ сундукъ. Выскочила съ сундука качка и спрячилась у трясьнйкъ (тростникъ). Ёнъ начавъ думаць, што дзѣлаць. «Говоривъ мнѣ собака, што ў большой пригодзи стану!» Являетца собака и пошовъ по трясьникў. Уловивъ тамъ качку и принёсъ къ ямў. Пилачъ узявъ качку; сѣдзя надъ берегомъ, разорвавъ яé—вывалилось яйцо ў мóра. Тоды ёнъ ставъ думаць, што дзѣлаць. Узявъ, надумався. Узявъ, съ своé головы вырвавъ волóсься, сплёвъ небольшую вудочку, закинувъ вудку ў мóря и споймавъ рибку *уродзи* золотой. Рибка ямў отвѣчала: не бяри мяне, я табѣ ў большой пригодзи могу стаць! Тоды ёнъ говóрицъ: ну, пойдзи жъ, мнѣ вынясь яéчко, я ўбросивъ у мóря! Яна пошла, риба, на дно искаць яечко. Спросила ў другой рибы: ня видала яéчка? Риба отвѣчаець: ня видала! Спрашіець у раковъ: ня видали яечка, раки? Раки отвѣчаюць, што старый ракъ споймавъ яечко. А дзѣжъ ёнъ?— У кабакѣ пъянствуець! Сыскали рака. Ракъ вынясъ яéчко, отдавъ Пилачу.

Пилачъ ето яечко ўзявъ и понёсъ домовъ, къ Кащу безсмертному. Приходзиць къ Кащу безсмертному, Кащи нема дома. Ёнъ ето яечко на плиту́. Являетца Каща безсмертная къ плицѣ, хочець яечко вотобраць. Ну Пилачъ добрый молодзецъ не допусьцивъ и зжохъ тоя яечко соўсимъ. Якъ яечко испалилось, Каща безсмертная по́мяръ.

Цяперя ёнъ остався исъ Яленою пріўкрасною, съ Иваномъ царевичамъ. Запрягали яны лошадзей и ўѣжджали у царство къ Ивану царевичу, къ отцу. Ѣдучи имъ по дорози, захоцѣлося спаць Ялени и Ивану царевичу. И спрашуюць у Пилача: хочетца намъ крѣпко спаць? Отвѣчавъ Пилачъ д. м.: ложицесе спаць! Яны сичасъ жа уснули, а Пилачъ такъ лежавъ потъ каретой. Друхъ прилетаець на ету карету три голубы̀ и стали брукува̀ць: «Ѣдзець Иванъ царевичъ къ отцу къ мацери ў госьци съ Яленой пріўкрасной. Оцецъ жа доволенъ етому, а маць-то не весьма довольна пріѣзду Ивана царевича и Ялены пріўкрасной, ну (но) исъ хитросьцю ихъ жалаець приняць къ сабѣ: жалаець ина ихъ отра́виць. И приготуець ина имъ чай, нальéць у стаканы, то яны нехай ня пъюць, а нехай по полу́ разольюць, то увидзюць изъ естаго чаю примѣты: коли разольюць, такъ загоритца чай у тыхъ мѣстахъ, гдзѣ разольюць, отъ силныя сульмы̀. А хто слышиць, да скажець, дыкъ до колѣнъ ка́менямъ станець!» Сказавши етакъ и поляцѣли. И тольки слыхавъ Пилачъ д. м. ето, што голубы̀ говорили. Проснувся Иванъ ц. и Ялена пр. и поѣхали опяць. Нѣскольки ўремя проѣхали, опяць жа имъ захоцѣлось спаць. Удрухъ яны отвѣчаюць Пилачу д. м.—хо́чемъ мы крѣпко спаць! Остановився Пилачъ д. м. лошадзьми. Яны лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Яны жъ сичасъ уснули, а Пилачъ д. м. такъ ляжи̇́ць потъ каретой. Прилетаюць опяць жа три голубы на карету, и опяць жа стали говори̇́ць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци. И оцецъ весьма радъ ими, ну маць не такъ-то. Маць жалаець ихъ опяць жа такъ стряби̇́ць, отра́виць. Приготу́ець ина имъ жарко́я; яны нехай не ядуць, а нехай по́ полу раски̇́дуюць. Дыкъ и полъ мѣстами повы̇́горицъ тыми, идзѣ жаркоя ля̇́жиць. А хто слышиць да скажець, той по поясъ ка́менямъ станець!..» И поляцѣли. И нихто етаго ня чувъ, окро́ми Пилача, д. м. Ну, тоды проѣхали яны опяць жа нѣскольки урремя, захоцѣлось имъ опяць тожа спаць. Яны отвѣчали Пилачу д. м.—хочетца намъ крѣпко спаць! Пилачъ д. м. остановився лошадзьми. Яны опяць жа лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Друхъ прилетаюць три голубы на карету, стали разговариваць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци. Оцецъ весьма доволенъ ими, а маць не весьма довольна, и жалаець ихъ страбиць. Посьцéлиць имъ посьцель—одны будуць ножи да шабли; ну имъ замѣтно будзець, што подушки хорошія. Нехай яны у тую посьцель

не ложатца спаць, а лягуць на голомъ полу. А яна увидзиць, што яны спяць на голомъ полу, и будзець къ имъ лѣзць у вокошко, кабъ ихъ своими руками смерци придаць. Якъ будзець яна лѣзць у вокошко, нехай яны отрубюць ёй палцы ли примѣты. А хто чуець и скажець, и ўвесь ка́менямъ станець!..» И только чувъ Пилачъ д. м. Пріѣхали яны къ отцу, и оцецъ ими весьма доволенъ. По хитросьци и маць тожа. Пото́мъ, принимали ихъ къ сабѣ. Наливала яна имъ чай; а яны етый чай не пили, а по полу разлили,—полъ загорѣвся. Пилачъ д. м., якъ ѣхали, сказавъ ня ѣсць, ня пиць и на посьцель не ложитца. Яна етымъ осталась недовольна, ну только ще ня выказувала хитросьци своёй, а обходзилась коло ихъ хорошо. Поднашивала имъ жаркоя, яны опяць жа ня ѣли, раски́дали по полу. Полъ мѣстами и выгорѣвъ. Тоды постлала яна имъ посьцель. Яны пошли спаць, да не ложилися на посьцель, а лягли̂ на полу. И ўдрухъ смотри̂ць—у вокошко лѣзець яго маць. Такъ ёнъ узявъ и отрубивъ ёй пальцы. Яна отвалилась назадъ и закричала: хоцѣвъ сынъ зарѣзаць мяне! Назаўтраго вутро собиралася большая *публика* и судзили яго, якъ наказанію здзѣлаць. Думали здзѣлаць наказанія яго на растрѣлъ. Удрухъ ёнъ отвѣчавъ Иванъ ц., што у мяне ёсь чаловѣкъ такій, што мнѣ исказавъ усё, якая мнѣ будзець приготовленія; за *ецимъ* самымъ я издзѣлавъ такъ! И спросили у яго сичасъ чаловѣка того. Иванъ ц. вызывавъ своего̂ скрывацеля, Пилача д. м. У Пилача д. м. испрашивали: якъ ты могъ знаць ето, хто табѣ исказавъ?—Мнѣ сказали три голубы̂ етыя пришествіи! Публика у яго испросила: ну, раскажи, якъ ето было, якъ табѣ казали? Ёнъ ставъ говори̂ць: «Первый разъ приляцѣли три голубы и сказали: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци; ну мать ихъ хочець отруци̂ць. Якъ дась имъ чаю, нехай ня пъюць, а по полу разольюць! Яны ня пили, узяли по полу разлили, и полъ загорѣвся. А хто чуець, да скажець, по колѣно ка́менямъ станець!..» Такъ и ставъ Пилачъ д. м. по колѣно ка́менямъ. «Тоды другій разъ приляцѣли голубы и кажуць, што поставиць имъ мать жаркоя, и яны нехай не ядуць, а по полу раски́дуюць!.. Яны ня ѣли, а раски́дали—полъ мѣстами и выгорѣвъ. А хто чуець, да скажець, по поясъ ка́менямъ станець!» И ставъ по поясъ ка́менямъ Пилачъ, добрый молодзецъ. Публика видзиць ето дзѣло и гово́рить: нехай чаловѣкъ понапрасному не погибаець! Пилачъ д. м. отвѣчаець: «што слышивъ, то ўсё раскажу! Третьцій разъ приляцѣли голубы, сѣли на карету и говорили: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьпи, ну мать хочець ихъ стра́циць: посьце́лиць имъ посьцелю—одны ножи да сабли. Яны нехай у той посьцели не ложатца, а нехай лягуць на полу и смотрюць; якъ будзець къ имъ мать лѣзць у вокно, то нехай пальцы отрубюць ли примѣты. А хто ето чуець, ды скажець, той увесь

ка́менямъ станецъ!» И ставъ увесь каменямъ. Оправдали Ивана ц., и жанився ёнъ на Ялени пр. Прожили яны годъ, народзився имъ нарождзе́нецъ. И видзиць во снѣ Иванъ ц.: гово́рицъ яму Пилачъ добрый молодзецъ: «э, гово́рицъ, Иванъ ц.! народзився у васъ наслѣдникъ, и коли жалаеця вы мяне воскрясиць, возьмиця, етому маленькому рябёнку разрѣжця ме́зиный палецъ, и скольки сыйдзе́цъ крыви̂, помажця етый камень на́ўхрисць,—такъ я могу устаць!» Проснувся Иванъ ц. и ўходзиць къ Ялени пр. Смотри̂ць, ажъ ина родзила рябёнка. Удрухъ ёнъ ставъ расказавацъ свой сонъ. И расказавъ Ялени пр. етый свой сонъ, такъ яна и сказала: што скольки ёнъ насъ сберегавъ, то надо яго тожа узбяречь! Узяли разрѣзали *гетому* рябёнку ме́зиный палецъ и спусьцили крыви̂ можецъ исъ одну каплю. Узяли понясьли икъ тому каменю и помазали той камень на́ўхрисць. Такъ той камень развалився, и Пилачъ д. м. вышавъ оттуда, и ставъ изъ ими проживаць. И цяперь живе́ць.

С. Радомля, чаусск. у. **Отъ кр. Семена Ясонова, 25 л., негр. Произведеніе подверглось въ сильной степени позднѣйшей передѣлкѣ.**

2. Булатъ—добрый молодецъ.

Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ бывъ пребольшій охотникъ у крэгли гулять съ хлопцами. Отъ ёнъ разъ значить палками швыравъ у крэгли, а йде́ женщина, бабка. Тая палка отско́чила, да той бабцы по нозѣ. Яна озирнулась назадъ, хто ето швырнувъ,—ажно Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ. Тогды йна гово́ра: «Иванъ Ивановичъ, не со мною табѣ гулять, а ёсть у цара Кирбита царевна Кирбитовна,—отъ съ той табѣ погулять!» Ёнъ сабѣ задумався: игдѣ жъ мнѣ разыскать яе? сабѣ такъ думая. Пришовъ домовъ, собрався ў дорогу и поѣхавъ. Отъ ёнъ ѣхавъ, ѣхавъ, скольки дней, сутокъ, и самъ не зная, куды ѣдя. «Што жъ, кажа: ѣхавъ я, ѣхавъ, скольки дней—сутокъ ѣхавъ, ничого не бачивъ!» Поѣхавъ дальше, и на третьтія сутки пріяжджая ў лѣсъ. Пріяжджая ето ёнъ у лѣсъ, ажно стоить хатка. Ёнъ подъяжджая къ хати и говора на лакея: «*поди*, лакей, значить, спроси, игдѣ царевна Кирбитовна живе́!» Пошовъ лакей спрашавать; ёнъ, ня 'жидая лакея, самъ соскочивъ спросить. Уходя ў тую хатку, тамъ бабка. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ! Куды ѣдешъ, Иванъ Ивановичъ? Ёнъ говора: ѣду я къ ца́ру Кирбиту! хочу дочь посватать!— «Што жъ ты, говора, ѣдешъ? заяжджай ко мнѣ на хватеру, я тябе нау́чу, якъ достать яѐ! Ёсть, говора, у цара Кирбита Булатъ добрый молодецъ. Ёнъ яго хоча, Булатъ д. м., скасова̀ть, значить, цара Кирбита: хоча яго збить, зломать и по кольлю мясо потыркать. Дакъ царъ Кир-

битъ будя продавать Булата добраго молотца. Дакъ ты иди, кажа, на базаръ и якъ ты убачишъ, хто будя ў зялѣзьзи окованъ, дакъ того й купляй!» Ёнъ вышавъ на базаръ; ходивъ—ходивъ по народу—усё простонародія такоя: вотъ, хто якъ ба ў свитки, той у чекмяню̀, той у сяртуку́, а зъ зялѐзьзямъ не на́йдя ниякъ. Тогды ёнъ уже хотѣвъ домовъ итить, ажъ тутъ на яго й натра̀пивъ: водять яго, у зялѣзьзи уко́ваный весь. Вотъ то, значить, самый и Булатъ добрый молодецъ. Тяперъ ёнъ, царъ Кирбитъ, яго продае́ за то, што ёнъ хоча яго збить и зломать, по кольлю мясо потыркать. Тогды ёнъ пошовъ на базаръ и ўбачивъ, што царь Кирбитъ водя Булата добраго молодца, ў зялѣзи окованъ увесь, и продае яго. Тогды ёнъ икъ цару Кирбиту потхо́дя и гово́ра: «Здрастуй, царъ Кирбитъ! Продае́шъ ты добраго молотца?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Сто рублей!.. Яму подало́ся, што ето дорого. Прихо́дя ёнъ зъ ярмалки ня купивши домовъ, икъ бабцы, на хватеру. Бабка й говора: што жъ ты, купивъ Булата д. м.?—Нѣ, бабушка, ня купивъ!—Почаму ты ня купивъ?—Да подалося мнѣ дорого!—Якъ ето ты? кажа. Што ёнъ просивъ, тоя ты довжо́нъ заплатить! Ну, повячерай да ложись спать, а Богъ батька!.. Назаўтраго рано наставила яму́ самоваръ, напоила яго, накормила. «Ступай жа ты, кажа, на базаръ и ўбачишъ цара Кирбита, и гляди жъ, штобъ ты беспремѣнно купивъ Булата д. м. Што ёнъ будя просить за яго, дакъ ты довжонъ давать! Ну ёнъ пошовъ, напавъ яго на базары и говора: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ!—«Царъ Кирбитъ, продае́шъ ты Булата д. м.?» —Продаю!—«Што ты за яго хочешъ?—Двѣстя рублей! Иванъ Ивановичъ посумлі̀вся, ня купивъ,—дорого, значить. Приходя домовъ на хватеру. бабка спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Купивъ ты Булата д. м.?» Ёнъ каа: ня купивъ!—«А за чимъ ты ня купивъ?»—Дорого спрашуя, зато, бабка, я й ня купивъ!—«Ахъ ты, говора, такій ты, сякій, глупый! Што я табѣ говорила, дакъ ты довжонъ мяне слухать!» Дала яму́ повячерать, ёнъ и лёгъ спать. Вѣдомо, изъ ярмалку жъ поздно пріяжджають. Повутру́ яна яго ўзбудила, накормила яго и напоила. «Ступай жа ты, говора, на базаръ, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Будя ёнъ знов яго водить, и што будя спрашавать, тоя довжо́нъ платить! А коли ты яго ня купишь, дакъ яго мечъ, а твоя голова доловъ съ плечъ! Ты заѣхавъ не ў своё ўже царство. Што спрашуя, якія деньги, довжо́нъ платить!» Ёнъ выходя на базаръ: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.!—«Продае́шъ Булата д. м.?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Триста рублей! Подымая вышай. Ёнъ узявъ триста рублей вынявъ и отдавъ за яго, за Булата д. м. Тогды ёнъ узявъ яго и новёвъ на хватеру. Якъ ёнъ бывъ, значитца, окова́нъ, дакъ ёнъ узявъ яго за

цѣпъ да якъ страхну̇въ, дакъ усё ето объѣхало. Тогды ёнъ прихо́дя на хватеру и приводя Булата д. м. Ёнъ иде упяро́дъ, а Булатъ д. м. ззаду. Тогды бабка спрашуя: ну, купивъ ты Булата д. м.?—Купивъ, бабка! Тогды Булатъ д. м. спрашуя: якъ ты, Иванъ Ивановичъ р. ц., хочешъ достать царевну Кирбитовну? Тогды р. ц. Иванъ Ивановичъ и говора: «Булатъ д. м.! я ня могу знать, якъ яе́ достать!»—Тяперъ, говора, радъ царъ Кирбитъ, што мяне продавъ! Ё ў яго сямикрылная лошадь за двинатцатьми вартами. Коли ты сямикрылную лошадь достанешъ, дакъ и царевну Кирбитовну достанешъ!—«Якъ жа, говора, Булатъ д. м., мнѣ яе́ достать?»—Ты говори, говора: ишовъ царъ Кирбитъ у конюшню и менѣ вялѣвъ, дакъ тябѐ тогды пропустють! Ёнъ, значитца, и иде́ у конюшню. И говóра вартовщика̇мъ: здрастуйтя, рабятушки! А яны говóруть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Зачимъ ты сюды йде́шъ?—Да ишовъ, говора, царъ Кирбитъ, и мнѣ вялѣвъ! Тогды яны говоруть: нѣ, ёнъ ня йшовъ! А ёнъ говора: нѣ, ишовъ и менѣ вялѣвъ! Ну, другъ другу раскавують которые вартовщикѝ: я бывъ у вотлучцы, а ты заснувъ; вѣрно царъ Кирбитъ ишовъ и ямў вялѣвъ! Пропустили яго. Ну, яму первую було̀ трудно пройти, а тыя якъ по ганкахъ ишовъ. Приходя ёнъ къ послѣдняй ва́рти: «Здрастуй, рабятушки!»--Здрастуй! Зачимъ ты сюды йде́шъ?—«А йшовъ царъ Кирбитъ и менѣ вялѣвъ!» А яны яго не пускать; ето, значить, до лошади не допускають. А ёнъ говора: коли я пройшовъ первую, што ёнъ менѣ вялѣвъ, и другую пройшовъ, и ўсѣ, услѣдъ за имъ! Тогды яны й говоруть другъ другу: вѣрно царъ Кирбитъ пройшовъ, што ёнъ иде́. Коли первыя яго пропустили, дакъ намъ уже треба пропустить яго! Ну, ёнъ, тяперака, усѣ ва́рты пройшовъ и зайшовъ у конюшню. Зайшовъ у конюшню, поводъ отвязавъ, сѣвъ у стремя и поѣхавъ. Значитца, уворовавъ лошадь. Пріяжджая къ бабцы къ той. Бабка тая спрашуя: «доставъ лошадь?» Говора: доставъ!—«Ну, коли ты лошадь сямикрылную доставъ, дакъ и царевну достанешъ!»—Якъ жа мнѣ яѐ достать?—«А царъ Кирбитъ будя имшў, по нашаму—службу, править, што продавъ Булата добр. молойца. Дакъ ёнъ выйдя ў костёлъ Богу молитца, и ты йди ў костёлъ. Тогды ты убачишъ царевну Кирбитовну, свою нявѣсту.!» Ну, имша̀ отправляетца, значитца, кончаетца служба. Усѣ повыходили, а Иванъ Ивановичъ р. ц. остае́тца у косте́ли. Тогды ина яго увидѣла и ина осталась. Тогды ёнъ и говора, Иванъ Ивановичъ: «здрастуй, царевна Кирбитовна! пойдешъ ты за мяне замужъ?»—Дли милѣйшаго друга зъ десятыя итажи по полотенцу испущусь!.. Приходя ёнъ домовъ, Булатъ д. м. яго и спрашуя: видавъ ты царевну Кирбитовну?—Видавъ, говора, Булатъ д. м.!—Што яна табѣ объяснила?—Дли милѣйшаго друга по полотенцу къ табѣ испущусь!—Ну, садись жа, говора,

подъяжджай къ ей! Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Зравнявся зъ естымъ вокошкомъ; яна почула, што ёнъ зравнявся зъ яѐ вокошкомъ—штось дѣлала тамъ—то яна ўзяла, полотенца за щибе́лку защапила, и спустилась къ яму̀ на стремя. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, тогды обнимая ихъ ночь. Булатъ добрый молодецъ котёлъ разбивъ, ихъ накормивъ и спать положивъ. Чуя ёнъ топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій. Чуя ёнъ ето дѣло, ёнъ свою бронь узявъ и на часахъ ставъ. Шле́ царъ Кирбитъ роту солдатовъ: «гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по кольлю мясо пото́ркали, а царевну до двора узяли!» Тогды Булатъ д. м. сустракая ихъ. «Здрастуй, братъ! ти ня видѣвъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?»—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Шатнувъ своёй бро́няй направо—налѣво, усихъ избивъ, оставивъ усяго пять чаловѣкъ, и гово́ра имъ: ступайтя, скажитя свойму цару Кирбиту, сукиному сыну, штобъ ёнъ боляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и на сямикрылнаго коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая тёмная ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать положивъ. Свою бро́пю ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя топъ конскій и по́свистъ чаловѣчацкій, значить, идуть и свищуть. Шле́ царъ Кирбитъ два полкѝ солдатовъ. «Гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по кольлю мясо пото́ркали!» Ёнъ ихъ сустрака́я.—«Здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича рускаго царевича и царевны Кирбитовны?»—А я, говора Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Ёнъ своей бро́няй шатнувъ направо—налѣво, усимъ го́ловы откосивъ, оставивъ скольки, и каа: идитя, скажитя свойму ца́ру Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ не славъ, людей не теравъ,—усимъ ето будя! Самъ назадъ вярнувся, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Стали и заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ. Самъ свою бро́ню ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя ёнъ топъ конскій и по́свистъ чаловѣчацкій. Шле́ царъ Кирбитъ три полкѝ солдатовъ, штобъ яго збить и зломать, Ивана Ивановича р. ц., и по кольлю мясо поторкать, а царевну до двора ўзять. Ну, ёнъ ихъ сустракая. Яны говоруть: здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Своёй бро́няй шатнувъ направо—налѣво, усимъ го́ловы откосивъ, оставивъ тольки на 'твѣтъ пять чаловѣкъ. «Идитя, говора, къ свойму ца́ру Кирбиту, с. с., скажитя, нехай ня шле́, людей не терая,—усимъ ето будя! Вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ

ѣхать. обнимая ихъ ночь. Иванъ Ивановичъ р. ц.—тутъ ночавать, а Булатъ д. м.—проѣдомъ дальше! Той, значитца, дальше ѣхать. а Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Булатъ д. м. рассéрдився, узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и спать ихъ уложивъ. А самъ рассéрдився, пошовъ на дорогу зъ голыми руками, якъ стойть, не ўзявъ брони. Чўя топъ конскій, пóсвистъ чаловѣчацкій. Сустракая ихъ,—шесть полковъ шлé царъ Кирбитъ: гдѣ нападéтя, яго збитя, зломайтя, по кольлю мясо поторкайтя, а царевну до двора! Яны говоруть: здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевну Кирбитовну и Булата д. м.?—Здрастуйтя, здрастуйтя! Я самъ, говора, Булатъ д. м.! Вотъ яны стали яго воявàть мятлàми тамъ, протчими, а Булатъ д. м. якъ хвативъ дуба, у чатыре ухваты за вяршину, да якъ покативъ по ихъ, дакъ усихъ чисто подушивъ, побивъ, ажъ юшка зь ихъ потяклà. Тольки оставивъ десять чаловѣкъ отвѣтъ цáру дать: ступайтя и скажитя свойму цáру Кирбиту, с. с., штобъ боляй не посылавъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! Вярнувся самъ назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Иванъ Ивановичъ говора тутъ ночевать, а Булатъ говора дальшай ѣхать. А Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Ёнъ узявъ, рассéрдився: ночевать, дакъ ночевать! Котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать уложивъ. А самъ зъ голыми руками на дорогу пошовъ. Чуя топъ конскій, пóсвистъ чаловѣчацкій. Шлé царъ Кирбитъ девять полковъ солдатовъ, штобъ яго збить, зломать, мясо по кольлю поторкать, а царевну до двора. Ёнъ идé къ имъ безъ усякой брони, зъ голыми руками. «Здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича, и царевну Кирбитовну, и Булата д. м.?» —Здрастуйтя! Я, говора, Булатъ д. м.! Яны стали яго воевать, а ёнъ выхвативъ дубъ у восямъ ухватовъ, да повярнувъ направо й налѣво—усихъ ихъ и откосивъ. Тольки оставивъ сляпыхъ да хромыхъ, которыя не приступились. Тольки тыя и остались. Ёнъ имъ говора: идитя и скажитя свойму цару Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ боляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ назадъ вярнувся.

Приходя, ажъ сямикрылному лошадю голова прочь, Ивану Ивановичу, р. ц. голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема—украдена. Тогды Булатъ д. м. и говора: вотъ, Иванъ Ивановичъ р. ц., я казавъ дальшай ѣхать, а ты мяне не послухавъ! Што мнѣ зъ вами дѣлать: табѣ голова прочь, сямикрылному лошадю голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема! Узявъ ножъ, пузо коню разрѣзавъ, трыбухѝ вываливъ, самъ у рэбры сѣвъ. Лятйть крумкачъ старый и молодый. Одинъ говòра: крумъ! а другій: сыръ! Молодый сѣвъ да клёвъ того коня! А Булатъ д. м. яго за ногу̀ и схвативъ! Старый спрашуя: «Булатъ д. м., отпусти ты мойго

сына!» —А, ты, вȏроня, говора, по свѣту летаешъ, побольшай за насъ знаешъ: ти ё вода гоющая и живущая? Говора: ё! Подвязуй мнѣ гоющую бутылочку потъ правое крыло, а живущую подъ лѣвое! Булатъ д. м. спрашуя: игдѣ йна ё?—А за дванатцатьми вáртами гоющая; тожа такъ и живущая! Ёнъ подвязавъ ямȳ бутылочки, той воронъ и полятѣвъ. Прилятая къ той крыницы, гдѣ гоющая вода, опустився низянько и лятить. А вартовщикй за имъ гонютца, хочуть поймать яго. Ёнъ пролятѣвъ усѣ стыя варты и поднявся ўгȏру; нависъ на тую крыницу и ўзявъ гоющей воды. Тогды прилятая къ той крыницы, гдѣ живущая вода, и яѐ такъ жа набравъ. Тяперъ ёнъ полятѣвъ назадъ. Прилятѣвъ ёнъ туды, того вȏрона сына Булатъ д. м. узявъ и разодравъ наполамъ яго. Тогды зляпивъ, помазавъ гоющай водой—загойлось; помазавъ живущай—оживився. «Ну, ступай, говора, зъ Богомъ!» Пустивъ яго. Тогды узявъ Ивана Ивановича р. ц. зляпивъ; помазавъ гоющай водой—загоилось; помазавъ живущай—оживився. И коня такъ усё 'дно. Тогды й говора Ивану Ивановичу р. ц.: я табѣ говоривъ дальшай ѣхать, а ты казавъ тутъ ночевать. Отъ, якъ ты мяне не послухавъ, то й сямикрылной лошади голова была прочь и табѣ прочь. А гдѣ твоя царевна? Ёнъ говора: ня могу знать! Ну, тогды ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на сямикрылную лошадь посадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—стойть змяиный домъ, на дванатцать паль. Ёнъ такъ, якъ ѣхать, подъѣхавъ къ цáру Идолу и пошовъ къ ямȳ ў горницу. А царевна Кирбитовна убачила яго, дакъ ина рада яму. Тогды выхóдя царъ Идолъ, спрашуя яго: зачимъ ты сюды пришовъ? Ёнъ говора: якоя табѣ дѣло, што я пришовъ? Тогды узявъ, сошкробъ цара Идола, поднявъ яго за волосы ўгȏру—собравъ усѣ косы—и посадивъ яго на ладоню. Якъ ударивъ ладȏняю по ёмъ,—здѣлавъ яго, якъ жидовскую мацу. И кинувъ яго за вокно. Якъ кинувъ яго за вокно, расплывся ёнъ якъ г..но. Тогды царевну за рукȳ и повёвъ. Привёвъ, на сямикрылную лошадь уссадивъ,—сѣли и поѣхали. Обнимая ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать положивъ. Свою броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. царевичу обѣдъ съ отрȳтою: якъ ёнъ изъѣсть, дакъ пропадѐ, а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть! А хто ето чуя, да откажа, дакъ кáменямъ стáня!» Ну, ёнъ назадъ воротився, ихъ разбудивъ, котелъ разбивъ, накормивъ, напоивъ и на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—обнимая ночь. «Иванъ Ивановичъ! говора Булатъ д. м.: тутъ трэба ночевать!» —Нѣ, кажа: не далёко до двора, поѣдомъ домовъ! А Булатъ говора: тутъ ночевать! А ёнъ не ўсхотѣвъ. Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «колибъ ёнъ хотѣвъ насъ загубить, дакъ ба ёнъ упрэдъ

насъ загубивъ. Ты яго не послухавъ упародъ, дакъ и табѣ голова прочь и сямикрылному коню голова прочь; а я гдѣ была?» Ну й заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ, а самъ броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу шубу, золотая звѣзда и сяребраная, зъ гадами съ повзучими и зъ лятучими. Якъ ёнъ ету шубу надѣня, дакъ и пропадѐ; а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть. А хто ето чуя да откажа, дакъ ка́менямъ стаия!» Ёнъ вярнувся назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на коня уссадивъ; сѣли й поѣхали.

Тяперака Иванъ Ивановичъ р. ц. пріяжджая ко двору. Выноси мачиха шубу сыну: золотая звѣзда и сяребраная, штобъ яму почищай надѣтца и подыйти къ членамъ у сынотъ. Тогды Булатъ д. м. говора: дай-ка мнѣ помѣрать прэжда! Да за тую шубу, да ў лѣсъ. Тамъ вывалило осиньнику цѣлую десятину. Ёнъ уклавъ у восиньникъ шубу, тогды яго потпаливъ. Якъ стали лятѣть гады лятучія, повзучія! Ёнъ навязавъ мятёлъ, позбивавъ ихъ, позметавъ, усихъ попаливъ, и назадъ вярнувся. Нясуть Ивану Ивановичу р. ц. обѣдать яго мачихи слуги. Ёнъ говора: я свойму барину угождавъ усю дорогу, дайтя я поднясу и обѣдъ! Узявъ, понёсъ; упустивъ и разбивъ. Отратовавъ яго отъ двѐхъ смяртей. Тяперака ночи дождались. Яму отводють комлату, Булату д. м., штобъ не спать умѣсти зъ молодыми. А ёнъ говóра: я тутъ заночую, коло своихъ молодыхъ! А Иванъ Ивановичъ р. ц. говора: иди, братъ,—табѣ тамъ спокойно будя!—Нѣ, я тутъ буду ночевать! Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «коли ёнъ тутъ хоча ночевать, то нехай ночуя! Што за клопотъ, што мужъ изъ жаной ночуя? Коли бъ ёнъ хотѣвъ насъ страбить, то бъ ёнъ и прэжда загубивъ!» Ёнъ, значить, заночевавъ. Ноччи мачиха присылая трохъ идоловъ, штобъ Ивану Ивановичу р. ц. головў оторвать, а царевну Кирбитовну узять. Идуть яны у самую повночь вокошко выдрали, и лѣзуть у вокошко. А ёнъ сѣвъ подъ вокошкомъ. Ёнъ ухапивъ одного за головў, головў открутивъ! Тыя говорuть: лѣзь, братъ, ты! Полѣзъ другій, ёнъ и тому головў открутивъ. Полѣзъ третьтій, ёнъ и третьтяму головў открутивъ. Пошовъ на дворъ, вокошко ўставивъ и ставню причинивъ. Уходя ў горницу, запаливъ свячу, —смотра, ти ня ўзбрызнула на ихъ кровъ: штобъ моимъ молодымъ стыда ня було! А Иванъ Ивановичъ прошнувся. Зиръ: Булатъ д. м. хотѣвъ страбить насъ! Крикнувъ, гва́лтнувъ: хотѣвъ мнѣ ме́чамъ головў отсѣкти! Загадавъ по ўсяму царству кручча наковать и Булата д. м. усяго растерзать. Ну, звѣстно, у яго у часъ здѣлано ўсё, ето не ў на́щинца. Трэба яго уже вывести у чистое пóля и зачапить яго и растерзать во ўсѣ стороны,

Тогды ёнъ сказуя: «дай мнѣ, Иванъ Ивановичъ, р. ц., Богу помолітца и стбраю расказать! Вотъ, говора, якъ я за васъ страждався: Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. ц. обѣдъ съ отрутой, и шубу—золотая звѣзда и сяребраная. Якъ ёнъ той обѣдъ зъѣсть, ти шубу надѣня, дакъ пропадѐ, а жонка будя у мачихи свиньней пасть! А на третьтюю ночь пошлѐ на яго трохъ идоловъ, штобъ яму голову̀ оторвали, а жонку ўзяли! А хто чуя да откажа, дакъ каменямъ станя!» Тогды царевна Кирбитовна говора: вотъ, слуга наша вѣрная! А ёнъ уже ка́менямъ ставъ.

Черазъ годъ народився у ихъ сынъ. Тогды Ивану Ивановичу приснилося: «Вотъ, сына страби, вынь серца, и помажъ мяне, дакъ я тогды стану живымъ, и отроча̀ твоё будя живо!» Ёнъ и сказуя царевни Кирбитовни, а ина говбра: ну, жаль Булата д. м., ну свойго чада-дитяти ще жальнѣй!—Пояжджай ты, царевна Кирбитовна, у костёлъ, и я сичасъ буду! Тяперъ яна отправилась на чатвёрцы у костёлъ, а ёнъ слугамъ приказавъ: сичасъ положить на столѣ рабёнка, и отрубить яму̀ голову̀, тогды груди ўзрѣзать и ўзять серца и помазать Булата д. м. тымъ серцамъ! А ёнъ стоявъ якъ вылитый. Ну, якъ ёнъ яго помазавъ тымъ серцамъ, дакъ ёнъ 'страхнувсь, и чаловѣкомъ ставъ, якъ бывъ. Тогды пошли яны у костёлъ. Царевна Кирбитовна убачила, што Булатъ д. м. идѐ—дакъ моѐ чады нема́—стрэбляна,—такъ ина ўпала на полъ, спужалась. Тогды ёнъ говора: «царевна Кирбитовна, не пужайся: твой сынъ якій бывъ, такій и ё—пароджонъ опять. Вотъ нясуть твою чаду няньки у костёлъ!» Тольки йна яго убачила, стала, значитца, рада и весела: слава Богу за ўсё! А яго, рабёнка, значитца, сперва страбили и вынясли съ подъ яго съ подъ грудей серца, а посли приложили голову̀ и помазали гоющай водой, и загойлось, а тогды живущай—ёнъ и отживився. Ну, помолились Богу и поѣхали ки двору и по радости задали пиръ на ўвесь міръ. И я тамъ бывъ, и мёдъ—вино пивъ, и ў роти ня було и по бородѣ не тякло.

Д. Купресвка, вѣтковск. вол. гом. у. Отъ кр. Кузьмы Андреева 70 л. негр. Разсказъ, вообще, велся сбивчиво, при непрерывныхъ сдерживаніяхъ и напоминаніяхъ записывавшаго. Языкъ отчасти подвергся вліянію великоруссовъ—старообрядцевъ м. Вѣтки.

3. Пётра и Магдалена.

Нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, непрамѣнно ў томъ, у якомъ мы живёмъ, бывъ сабѣ такъ вяликій князь. Бывъ у яго сынъ, имянёмъ Пётра. И булб за тры тыщи вёрстъ у другомъ городи, у Старопольской у зѐмли, тожа король, и была ў яго дочь, прекрасная Магдале-

на. И ёнъ, етый король, бывъ лятàми старъ. Ёнъ прызываа къ сабѣ свою дочаръ пракрасную Магдалену. Да. Имѣли разговоръ яны мижда субдй. «Отъ, говбра: дочаръ моя пракрасная Магдалена: кому ето наша *куро*лѐвсьтво достàнетца? у насъ, говора, немà наслѣдства ниякаго, кромѝ васъ. Отъ, колибъ ты нашла такого чаловѣка, што бъ ёнъ уладавъ нашой зямлёй; бывъ бы ёнъ мужъ табѣ, ты яму жана; бывъ бы ёнъ нашаму куролевсьтву забярагáтялъ!» —Да. «Отъ, говора, отецъ мой батюшка: поставимъ мы слупъ тры сажни квадратныя у чыстомъ поли, и положымъ на верси моё кольцò, и выпишымъ моѐ потрэты, и вывядомъ пропись унизу потрэта: куды и якъ ѣхать, у якоя значытца царство. И хто, значытца, у мяне улюбўятца, и прiѣдя у наша царство, и ня тронучысь съ коня, достаня моё кольцо, ѣдячы у наша царство, той будя мой мужъ, а я яго жана. И будя ёнъ уладѝталъ нашаму царству. И ето будя собранiя ў тры годѝ, потому якъ ня ўсовяршэнныхъ лятахъ!» Отъ тяперака и разослали яны етыя потрэты по ўсихъ Яўропiяхъ. И получывъ етый князь, самый етый потрэтъ етый съ прописью, Пятровъ отецъ, и ня хотѣвъ показать сыну свойму, затымъ, што ёнъ одинъ у яго сынъ, штобъ ёнъ ня кинувъ отца свойго и мать, и ня ўѣхавъ у ето царство. И ходивъ разъ Пётра князицкiй сынъ у городи по базару, и продаютца етыя картины самыя, потрэты етыя. Ёнъ узявъ и купивъ етую картину и ўлюбився у яе такъ, што ня могъ безъ яе прожыть. Потомъ, приходя ёнъ домовъ—у свой домъ. И спрашуя у свойго отца—матяры: получыли вы яко-нибу̀дь повѣстя съ протчыхъ зямель. Отецъ яму̀ отвястѝвъ: нѣ, говора, мой сынокъ: мы ня получали ниякихъ звѣстiй. А Пётра отвястѝвъ яму̀: батюшка, говора: довжны получыть. Я ясно знаю, што вы получыли. Коли жъ вы, говора, мнѣ не покажытя и не благословитѐ, то ўсё равнò вамъ не видать сына свойгò. Потому што яна у мяне ёсть у кармани,— я не могу жыть безъ яѐ. Ёнъ вынявъ ету карту съ кармана и показавъ свойму отцу на лицо. Потомъ того отецъ говора: мой сынъ! ня ѣдь, каа, туды, потому ты у насъ ядинённый. Ты сабѣ руку̀ отшыбѐшъ, ти ногу̀, ти зъ лошади упадѐшъ, а ўже яѐ не достáняшъ!—Да, говора, батюшка: коли ня благословитѐ мнѣ, то я усё равнò самъ сабѣ смерть издѣлаю! Сына у васъ тыкѝ ня будя! Отецъ тогды узявъ, яго *ба*гословивъ на етой куролѐвни пракрасной Магдалени, жанитца, и мать дала своё кольцо яму̀ имяннòе, у роди багословенiя. И здѣлали корàбъ яму̀ и дали яму̀ слугу, которая яна у яго и прэжде была,—уроди подлишника яго (подъ лицо подходя). Ёнъ отправився у тую зямлю у самую, у тоя куролевсьтво, у которомъ объясняла Магдалена пракрасная куролевна ето дѣло здѣлать, собранiя ето. Ето хорошо, што скоро кáжатца, ну яно ня скоро дѣлалось. Провялось тому два годы съ половиной. На трэтьтiй годъ собрались царськiя

сыны и князицкія и куролевськія, и съ купцовъ, и съ протчыхъ господъ. И дѣло ето былд собранія, съ перваго и до чатвёртаго часу команда эта была: на коняхъ разъяжжались и доставали кольцо етоя на слупу̂. И много сами сябе портили—ломали руки и ноги, и соусимъ убивались до смерти. А посли чатвёртаго часа собирали етыхъ людей и клали у шпиталя̂ ня злячэніе. А у̂ Петра была нанявшы хватера, перваго номеру домъ. И ёнъ нѣскольки урэмя прожывшы тамъ, и самъ сабѣ думаа: пой-ду-тка и я посмотру собранія етаго, етыя команды! Ёнъ посли ходилъ день и другій и третьтій на ето чудо. Да. И на третьтій день убачывъ етый король, што етый чаловѣкъ зъ благородныхъ людей, да тольки бязъ лошади, пѣшный, и ня йде́ у дѣйстія. Ёнъ посылаа *малика* къ етому самому къ Петру. Иди, каа, спроси у етаго чаловѣка, откудова ёнъ, зъ якихъ урочыщъ и якая ихъ хвамылія! Маликъ пошовъ, и спросивъ: от-кудова ты, господинъ? и сказавъ маликъ. Ёнъ яму̂ отвястивъ: я родомъ зъ за бургоньскихъ [1]) горъ. Якъ жа ваша, господинъ, хвамылія? ёнъ спро-сивъ, маликъ. Ёнъ яму̂ отвястивъ: моя хвамылія Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ къ яму приходя, етый маликъ, къ королю и каа: етый господинъ зъ за-бургоньскихъ горъ, а хвамылія, Золотыхъ-ключовъ, етаго господина имянь-нямъ—прозываніямъ Пётра! Етый король вынявъ съ сво́яго кармана планъ и ставъ шукать у плани. И шукавъ довго, и не нашовъ такого урочыща —зъ за бургоньскихъ горъ, и хвамылии такой—Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ малика изновъ пославъ къ яму̂—иди, етаго господина привяди ко мнѣ. Етый маликъ прышовъ къ яму̂ и говора—господинъ пожалуйтя къ нашаму королю,—ёнъ трэбуя васъ. Етый господинъ Петра послухавъ етаго малика и пошовъ къ королю. Етый король ставъ говорыть яму руськимъ языкомъ. Ёнъ понимаа. По́томъ того полатыни ставъ говорить. Ёнъ понимаа. Потомъ того разными языками ставъ говорыть,—ёнъ усякими можа. Етый король тогды говора: вотъ, господинъ: ты учоный чаловѣкъ, а якъ жа ты, суды зайшовъ, да и у̂ дѣйстія ня йде́шъ? А ёнъ отвястивъ: я, говора, не ради етаго дѣйстія прыбывъ, а я, говора, шовъ по мору, да тутъ уже почувъ ето дѣйстія, дакъ я вылязъ и нанявъ, каа, домъ сабѣ, посмотрити етаго чуда вашаго. А тяперъ и самъ ня могу знать, якъ мнѣ прыбыть у свою страну, много я остався отъ судна, отъ свойго. Да, дакъ отъ, братъ: васъ зовуть йимяньнямъ Пётра; дакъ ты можашъ у мяне послу-жыть, я могу дать табѣ оправданія и проходнаю. Я виджу, што ты ча-ловѣкъ учо́ный! Пётра поблагодарывъ етому королю: я могу послужыть вамъ! Отъ ёнъ яго поставивъ на конюшни, завѣдовать кучарами. Да. Тя-перака дѣло вялдся, покуля кончылось тры годы, команда ета,—мѣсяцъ такъ, ти два.—И етый самый Пётра выяхавъ съ королемъ на той самый,

[1]) Бургонъ—бугоръ, холмъ, гора.

на тую самую команду, *мѣсто* кучара королевськаго. И много дивова́вся на ету команду. И самъ сабѣ усмихнувся и дворэцкому похваливсл: я бъ, говора, доставъ ето кольцо у тры минуты. Да. И етый самый дворэцкій доложывъ королю—што вашъ кучаръ, который ѣздявъ изъ вами на ету команду, дакъ исъ протчыхъ смяявся господъ, и хваливсл, што я могу достать кольцо у тры минуты, и ня буду трогатца зъ лошади. И король потрэбувавъ къ сабѣ Пётру и спросивъ у яго: ты, Пётра, можашъ достать кольцо?—«Ня знаю, ваша королевськое вяличаство. Протчые люди хитрэй мяне, и то за столькі урэмя ня могли достать. И ў томъ щэ, што у мяне лошади няма!» Етый король дозволивъ ямý выбрать коня якого хоча на конюшни, и ѣхать на ету команду. А самъ поѣхавъ изъ другимъ кучаромъ, король. Тепэръ, етый Пётра выбравъ лошадя на конюшни, засядлавъ, и поѣхавъ. И ѣхавъ во весь 'поръ, шыбко ѣхавъ. Король объяснивъ: господа, отсторонітясь, пустітя свѣжаго! Да. Етый Пётра якъ ѣхавъ, такъ не трогався зъ лошадя и кольцо доставъ. Магдалени пракра́сной курулевни у рукý давъ. Пóтомъ, посьли етого, команда коньчилася. И здѣлавсь разговоръ съ протчыхъ господъ: хто такій доставъ? И сказано господамъ: ихный кучаръ. Ето самое дѣло подали у сандтъ. Сандтъ осудивъ, што нялься простому чаловѣку королевствомъ уладѣть. Колибъ ёнъ дворанинъ, ти купецъ, ти съ протчыхъ господъ, дакъ ба такъ; а то ёнъ не сознався своёй хвамыліи. Етый король пожаловавъ яго у присуствіи сиклитардмъ. И ета прекрасная Магдалена улюбилася у яго, такъ якъ и ёнъ прежде у яè. Да й етый самый король, ня могъ дажа кушать безъ яго, трэбувавъ къ сабѣ на обѣдъ. Тяперака, опять жа етый самый король говора дóчцы своёй: ну, дочь моя милая, пракрасная Магдалена: коньчилося тяперака наша ето дѣло,—кому жъ тяперъ доста́нетца царство етое наша? Яна опять отцу сказала: государъ мой батюшка, то було дѣло у тры гóда, а тяперака здѣлаямъ дѣло у тры мѣсяцы! Потому што яна думала такъ, што окромя̀ Пётра нихто етого дѣла ня здѣлая, якъ бы яна ни ўздумала. «Узять, выписать газеты, разослать по ўсихъ Яўрдпіяхъ, штоба собра̀лись отъ у такихъ то мѣсяцахъ, отъ у такихъ то чыслахъ, хто жалая получыть Старъ-польское царство и достать мяне у супружаство благовѣрное, и здѣлаямъ мы команду подъ нóмяръ, исъ перваго нóмяра большыхъ членовъ, а съ утардго—младшыхъ, которыя ужэ понижайшы у жызни своёй, значытца, побядне́йшыхъ, и поставимъ номяръ подъ номяръ, и съ перваго и до десятаго номяра, и будямъ становить девять чаловѣкъ кругомъ, а десятаго чаловѣка у кругу, ў сярадіни. И ўсѣ съ припасомъ, зъ гóлыми шашками. Хто выйдя изъ круга, изъ девяти чаловѣкъ, цэлый, няра́нятый, той будя мой мужъ и ўладітэлъ етой зѐмли!» И ето дѣло здѣлалось скоро, и собранія ето И отецъ яго.

Пётровъ, дожыдавъ сына свойго тры годы, и яго й слыху нѣту. И получывъ етыя газеты, которыя засланы объ королевни объ етой. И посылая свойго, который на жытялстви у яго дворэ бывъ, братъ обяднѣвшый: ѣдь, говбра, братяцъ мой, у той городъ у Старпольску зе́млю и спрове́дуй, ти жывъ то мой тамъ сынъ Пётра! Етый самый братъ етаго князя и Пятровъ дядька прыѣхавъ у етый городъ и ставъ у послѣднямъ номяры. Ну, и командували. Якъ скомандуя: разъ—два! такъ усякій и иде, ня гуляя, девять чаловѣкъ и десятый той. И отсякали одинъ одному руку́, ти вухо, што попало; и портили сами сябе, много народовъ. Етый самый Пётра служывъ у етаго царà сиклитаромъ. И пошовъ на ето диво смотри́ти, якъ яны командують и пóртять сами сябе. Дакъ ёнъ тожа стóячы усмихнувся. И ето король замѣтивъ и пракрасная Магдалена. Дождали яны вечара. Пр. Магдалена потрэбувала яго къ сабѣ у палаты, Пятрá, и сѣла на яго колѣно и обняла яго, и имѣла разговоръ прыятный: милый мой другъ, Пётра! будя табѣ заўтрашній день служба! Отецъ мой потрэбуя тябе на ето дѣйствія, которое мы здѣлали, и дасть ёнъ вамъ свой мечь. И вотъ вамъ бархатная лента обвяртѣть дяржáньня у *е́той* мечи, штобъ ты рукъ не пому́ливъ! На заўтрашній день потрэбувавъ яго король: отъ, Пётра, господинъ сиклитаръ: ты учарá изъ людей смиявся, ну, возьми, попробуйка ты стать у который нибудь номяръ у дѣйствія. Пётра отказавъ, што у мяне, говора, нѣту мяч*а*. Король вялѣвъ прине́сти свою мечь. Пётра получывъ мечь отъ короля и ставъ у кружку, у третьтямъ номяры. И тамъ бывъ яго дядька, у томъ номяры (кумпаніи). И жалко яму́ булò портить дядьку, разлить кровъ. И сказавъ: господа, вы вышлитя етого чаловѣка зъ естаго нóмяру! Господа отвястѝла: а ето ня чаловѣкъ? ня у́сё ’дно чаловѣкъ? Ёнъ говора: няхай стоить, колѝ ня хóчытя,—ли мяне усё одно! Обкружыли яго девять чаловѣкъ; ёнъ ставъ у сяродки. И здѣлали команду: разъ—два! и стали усякій-сабѣ работáть, якъ яны умѣли. Отъ ёнъ, у кружку стóячы, усихъ девять чаловѣкъ намѣтивъ: которому вухо, которому руку́, котораго такъ ранивъ тольки; а дядьку отсѣкъ на правой руцѣ большый пáляцъ. Тутъ и здѣлалась коньчина етой командьи. Ёнъ утыркнувъ у низъ мечь у землю и кажа: хоть мяне звядѝтя, хоть другій кругъ давайтя! Изъ естыя радосьти или съ пячали ня могъ ёнъ сойти зъ мѣста. Пракрасная курулевна Магдалена сказала свойму отцу: идитя звядитя яго зъ мѣста—ня можа ёнъ сойти! Тутъ протчыя господа крикнули: хто такій здѣлавъ ето дѣло, отличывся у етой штуки? Тутъ сказали, што королевській сиклитаръ. И сказали, што нѣ, говора, нялъгà—ня сказано у зáкони, штобъ королевство досталóся сиклитару. Етый Пётра зъ естыя пячали здѣлався бóлянъ. Тяперъ потрэбували къ яму дохтора, и потомъ и другого. Ёнъ сказавъ:

господа, мнѣ дохторэй много ня трэба, а прыставтя мяне у номяръ первый домъ; тамъ ёсть у мяне слуга, товарышъ, и дайтя мнѣ одного дохтора. Было̀ дохтору прыказанія, штобъ каждый день тры разы ходивъ къ яму̀. А ёнъ дохтору самъ повялѣвъ: ходи ты ко мнѣ у тры дни разъ: я жалу̀дкомъ здоровъ, тольки съ тоски съ своѐ здѣлався нездоровъ! Прекрасная Магдалена ждáла довго отвѣстій отъ Пётра, и присылаа свою дѣвушку у етый домъ изъ грамотою и сказуя: милый мой другъ Пётра! коли ты хоть трóхи почу́стуешъ здоровъя, отпиши мнѣ, якъ ты мáесься. Отъ ёнъ узявъ отписавъ, и у̀ложывъ у письмо маткино кольцо своё имяннóя, и отдавъ дѣвцы. Ета прекрасная Магдалена получыла письмо отъ дѣвки и разсмотрѝла, што у ёмъ было и кольцо, утройнѣ дорожы за яѐ. Тогды яна узнала, што Пётра не простого колѣна. Тогды яна опять написала письмо и посылаа дѣвкой икъ Пётру опять. И написала: милый мой другъ Пётра! коли ты хочышъ, штобъ я была твоя и у̀ладѣть королевськимъ царствомъ, иди, на базары купи пару лошадей и купи повозочку, и нарадись вотъ у такихъ то часахъ и выяжжай. Я буду стоять наражòная вотъ потъ такимъ то дрэвомъ, посадка такаа.—Мы могомъ уѣхать отсюль съ тобою! Ёнъ узрадовався етой грамоти, и сказавъ своей слузѣ: пòйдомъ-ка мы, братъ, на гóродъ, купимъ сабѣ пару лошадей, да купимъ сабѣ кибиточку, и будомъ мы хоть своѐ гóра развóзить по городу̀; а то скушно намъ сидѣти тутъ! Отъ яны пошли, купили пару лошадей и купили сабѣ повозочку, и купили лошадямъ кормы—овса. «Ну, штожъ мы, братъ, тяперъ купили лошадей—Пётра отвящавъ слузѣ—а могорычà ня пили! Пòйдомъ-ка мы выпъемъ вина, или сюды принясóмъ, на хватеру!» Етый Пётра выпиваа, да по малу, а слугу пригоняя, штобъ выпивъ большы. Слуга отвящаа: нѣ, говóра: ня трэба много пить, а трэба лошадей доглѣдить. Пѐтръ отвястѝвъ: няхай лошади привыкають у хомутахъ—а ты пи, ня бойся! Потуля̀ яны пилѝ, покуля̀ слуга упився. Тогды Пётра запрогъ лошадей и забравъ съ собою грóшай, а слузѣ остальныя кинувъ, и съ той посудой, у якой яны были—съ шкатулкой,—а самъ и поѣхавъ. Прыяжжáа на тóя мѣсто, дѣ яна обящала быть, стоять, стало быть. И ёнъ бача, яна дяржала много одéжы съ собой. Ёнъ ёй отвястивъ: ня трэба табѣ много одéжы, и злата, и срэбра—у мянѐ своё ёсть; а возьми одну пару одéжы съ собой! Яны бросили которыя лишнія вещы, и поѣхали. И ѣхали яны троя сутокъ, ня выпрагáвшы кóняй, и сами ня спавшы. И ѣхали яны глухой дорогой, штобъ погоня ня здогнала ихъ. И прыѣхали яны, около мóра была нябольшаа залѝвка такая, и мижда мора и мижда заливки бывъ вы̀сыпъ, островѝна такая. И яны уѣхали у етую самую востровину, што дальшы и ѣхать нéкуды. И на етой востровини была травка хорошаа, и дрэвы были. Ёнъ и кажа: отъ, прекрас-

ная Магдалена! давайтяка мы тутъ лошадявъ попасомъ и сами отдыхнёмъ: тутъ насъ нихто ня знайдя! Яна была тожъ даликатнаго нѣжнаго званія.—Яны сѣли на травцы, и положыла голову яна на яго улоньня и заснула. Ёнъ сядѣвъ и боявся трогать яѐ, што няхай поспить. Потомъ того, ставъ разглядавать яѐ одѐжы, и грудь разгарнувъ, и смотрыть—кисетчыкъ шарстяный краснянькій. Ёнъ узявъ яго, съ шыи знявъ и посмотрѝвъ у яго, што ў имъ ёсть. Ажъ тамъ было два кольца—яго маполтяры и яѐ имяннойя. Тяперъ ёнъ узявъ, ето посмотрѝвъ, и ля боку положывъ. А воронъ лятѣвъ, думавъ, што кусокъ говядины и схвативъ етый кисетчыкъ, и поднявсь, и полятѣвъ. Етый Пётра тихонько поднявъ яѐ головў и подложывъ ёй подъ голову, штобъ не потравджыть ёй сна, и пройшовъ за етымъ за ворономъ. Думавъ ёнъ, ти не разглѣдя, да ти не брося назадъ доловъ. Ёнъ пролятѣвъ нѣскульки тамъ урэмя, разглѣдивъ, да на мòра и пустивъ у водў. Пётра смотра, што кисетчыкъ плыве пòда на лянвярху. Ёнъ пройшовъ бѐрагомъ, найшовъ лоточку и два вясѐлцы, на ланцужкахъ прикòваны. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: сяду я, параймў етый кисетчыкъ! Шкода ямў було етыхъ двухъ кольцовъ. Ёнъ якъ сѣвъ у лоточку, отъѣхавъ отъ берагу. И ставъ вѣтрыкъ подувать, и погнало яго на мора. И кисетчыка ёнъ ня доставъ и къ берагу ня прыгрòбся. И поднялася штўрма на моры и прыбила яго—плывъ разбойницкій корабъ. И убачывъ етый атàманъ, што мелькаетца штось у валахъ. Ёнъ сказавъ своимъ рабочымъ осначамъ: сядьтя, рабяты, у шлюпку и парайтя—штось малькàя у валахъ! Яны поѣхали и паранялй, прывязьли яго на корабъ. Етый атаманъ спрашуя: откудова ты, братъ—или господинъ? Ёнъ искàзуя имъ: да вотъ изъ естаго берага, изъ естой стороны. Дакъ вотъ, я поѣхавъ отъ берага, а вѣтрыкъ подувъ, дакъ я ня могъ исправитца изъ вѣтромъ! А ёнъ ужэ кажа: ну, откудова ба ты ня бывъ, дакъ тяперака нашъ ужэ! Вотъ яны якъ пошли на етымъ корабли—зайшли у турэщину и продали яго варвару, который зямлю пахавъ на куплёныхъ людяхъ: засилять у плугъ чаловѣкъ трытцать и пашуть на ихъ. И ето було урэмя ладное.

Тяперака, ета яго пракрасная Магдалена осталàсь. Прошнулась яна отъ сна отъ свойго, и довго ожыдала яго, покудова и сонца не зайшло. И осмотрѝла усѣ своѐ вещы—цэлы, тольки нѣту одногò кисетика. Яна сама сабѣ и говорыла: няўжэ ёнъ порадовався етымъ двомъ кольцамъ, нянужъ мною—што кольцы ўзявъ, а мяне кипувъ? И бѣдная довго плакала. И ня могла яна ночавать на зямлѣ. Узлѣзла на дрэво и ўсю ночь проплакала, сѣдючы на дрэви. Дождалася бѣлаго дня и осмотрила—деньги ихъ усѣ цэлы и одѐжа цѣла. Яна узялà которыя лёхкія грошы исъ собой, и бросила кòняй и повозку и ўсѣ вещы. И сама говорила идучы такъ:

Господи милосьливый! не няси мяне у тую сторонў, дѣ я родилася, дѣ отецъ мой, а няси мяне туды, откудова Пётра! Яна довго ишла, вышла на дорогу на столбовую. И по етой дорози ишла монашка изъ Ярусалима. Яна говора: здрастуй, матушка! Яна говора: здрастуй, сударыня!—Дѣ были, матушка?—Ходила у святый городъ, у Ярусалимъ, поклонитца святымъ можжамъ!—А большъ ничого, матушка, ня слыхали тамъ?—Нѣ, сударыня, ня слыхали!—Вотъ, матушка, што я буду у васъ просить: дайтя мнѣ чорнсе платьтя своё, а возьмитя вотъ моё цвѣтное; я щѐ вамъ и приплачу за ето!—Нѣ, сударыня, я съ тобой не замяняю на етое платьтя; а ёсть у мяне у сумки другѐя, дакъ я тaбѣ дамъ тоя! Ну отъ, яны и замянѝли, стало быть. Отдала яна платокъ и платьтя своё—а чорное надѣла на сябе. И распростилися, и пошли сами по сабѣ.

И ходила яна тры годы. И прышла за тры годы у етый городъ, идѣ Пётра родився и узросъ. Ходила по городахъ по протчыхъ и по сялѝхъ, дарыла нищыхъ, молебствы нанимала—живъ, дакъ за здоровъя, а помёръ, дакъ за ўпокой—усё за Пётра. И прышла у крайняю хату у городи и говора: матушка, пустітя мяне параночавать! Яны сказали: ночуй сабѣ, матушка! Яны дали ёй вячэрать. За вячэрою и спрашуя у хозяйки: отъ, матушка: хто у васъ уладйталь у городи у етомъ? А ета сказала:—матушка! у насъ князь, да й старый ужэ!—А дятей у яго няма? пытаа монашка.—Няма, матушка, отвястила хозяйка. Бывъ одинъ сынъ, ймяньнямъ Пётра,—ну й жалѣли яны яго вельми,—дакъ ёнъ якъ поѣхавъ кудысьто, дакъ и слыху няма—ужэ шэсть годовъ! Да. «Отъ, матушка: якъ ба мнѣ княгиню убачыть?» сказала монашка на хозяйку. Хозяйка каа: а вотъ, матушка, заўтрашній день свято у насъ; дакъ ты иди икъ собору,—яна будя у соборы. И яна примячѝа чужыхъ людей, странныхъ. Дакъ яна васъ сама узовѐ къ сабѣ! Назаўтраго устала монашка и пошла къ собору. И ета княгиня пошла у соборъ, и ишовъ за ёй маликъ, што знимая зъ яѐ одѐжу. Яна и сказала малику: по коньчаніи обѣдьни, позови тую монашку на 'бѣдъ! Отышла обѣдьня, маликъ етый подышовъ, позвавъ къ сабѣ ету монашку. Яны й пошли у етый домъ, князя етаго. Княгиня посадила яѐ обѣдать и за 'бѣдомъ и сказуя: дѣ, матушка была?—княгиня ета. *И*нà говòра: страдаю, говора, такъ, по свѣту, вотъ ужэ тры годы.—Штожъ ты такъ молодая страдаяшъ?—А такъ сабѣ, сударыня!—Да, вотъ, матушка: можа дѣ нибудь што слыхала?—Нѣ, сударыня, я ня слыхала ничѝго! А у васъ жа, сударыня, ёсть якдя-нибудь наслѣдство, сынъ или дочка?—Нѣ, говора, матушка: бывъ одинъ сынокъ хорошый, да дѣсь-то проявилась пракрасная Магдалена—штобъ яна на свѣти не родилась, якъ яна мойго сыночка звялà!—Нѣ, сударыня: Магдалена ня виновата, и Пётра ня виноватъ! Можа идѣ и Магдалена страждая, и Пётра!—Ахъ, дитятка моё

любоя! хорошэ ты мнѣ совѣтуяшъ! можа й правда! Ня пущу я тябе отъ сябе,—жыви ты ў мяне! Отъ яна осталася жыть тамъ. И нѣскульки урэмя прожыла.

Отъ тяперъ, стало быть, етый самый, который купивъ яго, Пётра, вàрваръ, тры годы на ёмъ пахавъ. И ѣхавъ турэцкій пашá—начальникъ. И ишовъ етый народъ за плугомъ, куплёный етый. И пашà смóтра—одинъ чаловѣкъ бытто за ўсихъ виднѣйшый. Ёнъ гукнувъ яго къ сабѣ: ходи кэ, братъ, судà! Ёнъ пришовъ къ яму̀. «Што ты, братъ,—якія ты вѣры-споведàнія?»—Я вѣры-споведанія—православный!—«Ну, штожъ ты мнѣ даси, я тябе откуплю отъ етыя каторжныя работы?»—Што жъ я вамъ дамъ? Коли хóчытя царство нябéсное заслужыти, дакъ откупи̇тя! Отъ ёнъ: ну, ступай, каа, братъ зъ Богомъ! Поѣхавъ пашà къ етому къ самому къ купцу, къ вàрвару, и заложывъ за яго грошы, скольки ёнъ спросивъ за яго. Тогды яго изняли изъ работы и послали къ пашу̇. Пашá етый сказуя: вотъ братъ: я виджу, што ты учоный чаловѣкъ. На которой ты служби жывъ прежде? А ёнъ говора: я бывъ сиклитаромъ прежде! Дакъ ёнъ яго на прежняю службу зновъ и постановивъ. Ну, прожывъ ёнъ тры годы̇ ще на етомъ дѣли. Тяперака, пожаловавъ яго пашá ужэ министромъ. И пробывъ ёнъ и министромъ тры годы̇. Тяперака, знатца, прожывъ ёнъ усяго шэсть годовъ. Да тры годы пахано на ёмъ. Усяго, знатца, девять лѣтъ. А Магдалена тры годы страждовáла по монашкахъ, покудова дойшла до яго города. И прожыла у яго у дворцэ тры года. И яго дворэцъ бывъ близко ля мора. И найшла яна такоя мѣсто, што задумала построить больницу и храмъ, цэркву, стало быть. И просила янà стараго князя на помочъ: поможытя вы мнѣ! у мянè ё своè грошы, и вы пособi̇тя: што построю я домъ и буду принимать странныхъ людей и буду дяржать я дохтора, и буду пользовать людей ли спасэнія душы своè! Етому вяликій князь старався пособить ёй. А Пётра, прожывшы шэсть годовъ у пашы, и ўсё тамъ думавъ объ ёй: идѣ яна? жива яна, ти нѣ? И задумавъ ёнъ домовъ отвѣдать. И скольки яго ни просивъ турэцкій пашà: останься ты тутъ, будяшъ ты доволянъ мною! Ёнъ жа просивъ тожа пашу̇: отпуститя вы мяне на ўрэмя, отвѣдать родi̇талявъ своихъ на старости лѣтъ ихъ. Ёнъ яго отпустивъ. И такій то приказъ дáдянъ на прыстань, штобъ остановився корабъ на прыстани и ўзявъ вещы етого министра. И ў яго вящэй булó дватцать чатыры шкатулки золота, и залито масломъ. Отъ ёнъ и пошовъ на корабъ. И бывъ на моры вострововъ такій, къ которому прыставали корабли на ўрэмя, каждый. Етый корабъ прыстававъ тожа къ етому вострову. И вышавъ увесь нарóдъ съ корабля на етый востровъ. И етый министяръ, закурывшы папиросу, и вышавъ и ёнъ. Тяперака, ёнъ якъ вышавъ, и была у яго дума про яè—дакъ ёнъ

якъ вышавъ, задумавшысь, дакъ и пошовъ, и пошовъ, дальшы да дальшы. Пóтомъ, ня ўдяржáвся корабъ на прыстани—ставъ большыи вѣтяръ,—и довжóнъ бывъ отвалить отъ бéрагу. Попéрадъ збóрку здѣлали. Народъ собрався, параклúкали, ти ўвесь ти нѣ народъ,—и одногó чаловѣка нѣту важнаго. Яны били у колокóлъ—ня слышно. И ударыли съ орýдяй—ня слышно. Корабъ ня ўдяржàвся, пошовъ у ходъ. Етый самый минúстяръ одумався, што я ишовъ на корàбъ, ето трэба мнѣ итить на корабъ! Ёнъ прышовъ на ето мѣсто, дѣ стоявъ корабъ—корабля нямà! Ёнъ якъ лёгъ на томъ мѣсти, ляжàвъ девять сутокъ. На девятыя сутки прышовъ другій корабъ. И смотруть—ляжыть чаловѣкъ, извёвшись изъ голоду и отъ холоду, чуть жывъ. Яны разсмотрэли, што чаловѣкъ блугурóдный. Атàманъ корабля етаго исказавъ узять чаловѣка етаго на корабъ. «У городи ёсть у насъ бясплатная больница, дакъ коли жывъ будя, отдадимъ у больницу, а коли помрэ, дакъ кúномъ у вóду!» А етыя вещы, которыя пошли упяродъ, яго дватцать чатыры шкатулки золота залитыя масломъ, дакъ яны проходили мимо той больницы, и—отдать, говора, етое масло монашки,—няхàй Богу молитца, на свѣтло попаля. И узяли, изнясли яго етыя самыя вещы. Отъ яна потрэбувала попа и стала молебство править: коли ёнъ жывъ, дакъ за здоровъя, а коли помéръ, дакъ за ўпокой. Тожа и стала потраблàть ето масло на свѣтло. Ажъ тамъ золото. Яна узяла и схоронила яго. Ета самая княгиня яè кажный день яè къ сабѣ трэбуя на вячэру и на бѣдъ. И якъ получыла яна етыя вещы, дакъ яна стала княгини говорыть: отъ, сударыня: послышымъ отъ твойго сына хоть письмо, хоть прыдя у побывку!

Ето яна узрàдовалась, етая самая княгиня. Пóтомъ того прышовъ корабъ, другій етый. И ўзяли знясли етого министра бóльнаго у ету больницу. Ета самая монашка просила дохтора—якъ няможно выпользовать етаго самаго министра. Потому яны другъ друга ня ўвознали—постарэли дужа. Тяперъ яна стала замячàть, што ёнъ якъ бытто ставъ у чуство прыхóдить. А ўсё-тыки ёнъ пячàлитца у томъ, што ня знаа, адѣ ёнъ ляжыть. Яна замѣтила и приказала своимъ служыталямъ: што изняситя у особую кóмлату етого господина! Да. Отъ яна яго и спрашуя: объ чымъ, господинъ, ты такъ дужа жýрысься?—Ахъ, говора: мнѣ ўсё якъ усё, тольки одно зъ думъ ня йдè!—Ну, скажы жъ ты мнѣ, господинъ: объ чомъ ты такъ жýрысься?—А вотъ, говора, объ чомъ я журусь: колибъ давъ мнѣ хто грóшый, дакъ я бъ вярнувся бъ къ пашý; а оттуль я бъ попавъ ба къ свойму отцу. А то я тяперъ ня знаю, дѣ нахожуся и кудóй и якъ прыбыть домовъ, къ родиталямъ своимъ. А ящэ, говора, журба другаа: я дѣ нахожусь, то нахожусь, а ящэ у мяне ё *сярдèшная*,—нямà вѣдома дѣ нахóдитца—жыва яна, ти нѣ? А яна отвящаа: а што, колибъ

я табѣ грошый дала,—ты бъ воротився назадъ?—Воротився бъ, говора. —Дакъ дать табѣ грошый?—Дайтя, говора, пожалуста, матушка. Яна пошла, узяла у свой хвартухъ двоя прыгорщэй золота и ўнясла яму: будя съ тябе, господинъ?—Будя, говора: благодару табѣ! Потомъ того яна говора: сягодьни ня 'тправитясь?—Нѣ, говора: параночую тутъ, покуль подойдя корабъ!—Ну, до свиданія! пойду я повячэраю, говора. Приходя у княжицкій дворъ. И тяперъ ето дѣло было у чатьвéръ потъ пятницу. Сѣли яны вячэрать. Княгиня говора: вотъ, матушка: казала ты, што про мойго сына чутка будя, ажъ во й чутки нямà ниякія! А яна сказала: сударыня, у нядѣлю хоть самóго побачымъ, хоть письмо получымъ, сына вашаго! Ета княгиня обняла яѐ и поцаловала: благодару табѣ, матушка, за твоѐ рэчы хорошыя! Повячэрала и сказала: отъ, сударыня: мнѣ трэба поспявàть; ляжыть чаловѣкъ хворый дужа, дакъ трэба доглѣдить!—Ну, дакъ и зъ Богомъ, яна говора. Вялѣла мальчыку запрэгть коня и отвезть яѐ туды, у больницу. Ета матушка ня ўспѣла прыѣхать, а отъ князя булò прыказанія рыбалку, штобъ икъ пятницы приготовàвъ рыбы. Ёнъ поймавъ одну рыбину хунтовъ у десятъ, и тую принёсъ и подавъ на кухни у вокнò. Етыя дѣвки стали чыстыть етую рыбину—нашли кисетъ шырстяный у ёй. И стали одна одной говорыть, дивовàтца. А княгиня ишла мимо, и пытая: што ето такóя? А вотъ, сударыня, кисетъ, говóруть, у рыби!—А покажытя-ка, дѣвки, и мнѣ! Яны узяли, ёй показали. Яна развярнула ягò, ажъ тамъ два кольца—имяннòя яѐ и Магдалéнино—именнóя тóжа,—два кольцà. Отъ яна, узявшы етыя кольцы и говóра: жыво вы пошлитя за матушкой! Жыва я буду, ти нѣ? Мальчыкъ прыяжжаа у больницу: скорѣй, матушка садитясь со мной,— княгиня будя жыва ти нѣ,—захворэла. Прыяжжаа матушка.—Што тамъ такоя—яна пытая—вамъ издѣлалось?—А вотъ, матушка: вы усё мнѣ унушàли своими словами; а ихъ нѣту на свѣти! Отъ тольки два кольца ихъ нашли у рыбини! Яна кажа: ахъ, сударыня: можа яны ишли на корàбли, можа у рукахъ нясли—можа упустили! А я вамъ говорỳ ѝмянно, што у нядѣлю якоя—якоя звѣстя, а будя. А пóтомъ, сударыня, мнѣ нéколи— трэба туды поспявàть! Ня вѣртя вы етому! Прыѣхала яна опять у больницу и пошла икъ ямỳ туды: што ты, говора: крэписься хоть трóхи, господинъ?—Да, краплюсь, матушка; да ўсё мнѣ съ ума ня йдѐ, якъ ба тутъ здѣлать? Яна каа: дакъ по чомъ ты такъ журысься? хто у тябе ё окромѝ отца?—Да вотъ, матушка: была у мяне хозяйка, дакъ я, якъ гора *менѣ* було, дакъ мало про яѐ думавъ; а я кинувъ яе бесчасную на берагỳ одну! Яна отвястѝла: што, господинъ? коли бъ ты увидавъ яе, радъ ба ты бывъ, ай нѣ? А ёнъ отвястивъ:—колибъ я вѣдавъ, дѣ яна живѐ, дакъ колибъ были крылушки, дакъ я бъ полятѣвъ, дѣ яна живе,—ко-

либъ вѣдавъ!—Што вы мнѣ, господинъ, дасте́, дакъ я вамъ покажу яѐ? —А дѣ жъ ты возьме́шъ яѐ?—А я пойду Бога попрошу, дыкъ ёнъ мнѣ покажа яѐ! Ну, дакъ показать вамъ яѐ?—Да покажы жъ, пожалуста, матушка! Ну, яна пошла у свою ко́млату, умылася, зачасала голову́ проти зеркала, одѣла своё платьтя и прыходя къ яму́. «Ето яна, ай нѣ?» отвястѝла яна яму́.—Ето куруле́вна пракрасная Магдалена! Посадивъ сабѣ на колѣны и обнявъ. И разгова́рували яны цэлную ночь. Да. Потомъ ёнъ зардѝ заснувъ. Яна сыскала жыда портного и змѣрала яму оде́жу такую, якъ у яе отца ёнъ носивъ. Опять жа у сыботу сказала княгини: получымъ якую нибу́дь звѣсть. И ясно я вамъ говору, што сына вашаго побачымъ! У нядѣлю потрэбувала попа и стала обѣдьню править. И сказала людямъ, штобъ прыхо́дили: побачытя якую-не́будь новину́! И княгини прыказала: прыяжжайтя у цэркву! Дождалася яна князя и княгини и провяла́ у цэркву ихъ, а сама врнулась назадъ у свою комлату, и позвала Пётра съ собою. И одѣлися обоя, и узя*ли* подъ ру́ки, и пошли у цэркву. И княгиня ета ня у́вознала ни сына, ни монашки. А люди замяча́ють старыя: ить жа ето, братъ,—молодый князь!—Да нѣ! одинъ одному гово́ру́ть.—Побачышъ, коли ето не князь! И пошло ето го́монъ по цэркви: хто тамъ такій?—Князь!—О?—Яйбогу, князь! И княгиня почула старая. Тольки няльзя имъ було у цэркви здра́ствуватца. По коньче́нiи обѣдьни выходють съ цэрквы. Вышли съ цэрквы. «Няу́жо́ ето вы мой сынъ, Пётра?»—Тошно такъ, матушка.—«А ето ваша Магдалена?»—Тошно такъ, матушка.—«Отъ жа, коли бъ матушка щэ вышла, о́тъ ба разомъ и поѣхали домовъ!»—Якая матушка? яны говоруть.—Да у насъ тутъ монашка, ужэ шэсть годовъ жывѐ!—Да жа ето я у васъ жыла! говора. —Ето ты матушка?—Тошно такъ, матушка.—Ты жъ ета сама Магдалена пракрасная?! говора.—Ну, ходитя жъ, моѐ дѣтки, поѣдомъ домовъ! Прыѣхали яны домовъ. И трохи такъ тамъ попировали, побѣдали тамъ,—закусили, прамо сказавши. Тогды ихъ узяли и повяньчали. И потрэбували турэцкаго пашу на свадьбу. И турэцкій паша прыѣхавъ. И прывёзъ тожа дватцать чатыры шкатулки золота и подарывъ молодому князю.

Тогды яны осталися жыть. И нямного пожылѝ, и захотѣлося Магдалени довѐдатца къ отцу свойму. Прыѣхали яны туды, у Старъ-польское царство, а батька ужэ помѐръ. И спросили, дѣ ихъ слуги? Ажъ ихъ слуги засо́жаны у мяшокъ,—значытца, у слупъ у такій. Дакъ яны девять годовъ просѐдили тамъ. И давали имъ хлѣба по хунту́ и воды у сутки. Отъ, Пётра пожанивъ своихъ слугъ умѣсто и подарывъ имъ Старо-польское царство. А самъ поѣхавъ домовъ, и остались тамъ жыть. И тяперъ жывуть.

Д. Романовичи, гом. вол. Отъ кр. Филип. Иванова, 51 г. „Служывъ колись у Кiевск. губ. дакъ прычучывся грама́дку, а писать ня могу.“

4. Лошадиная заповѣдь.

Нѣўкотором̀ царстьви-гусударстьви бывъ сабѣ царь. И было ў яго три сыны: два разумныхъ, третьцій дуракъ. Отъ ёнъ говбрицъ: сыновъё моѐ любыя! довжны мнѣ доставицъ лошадзиную заповѣдзь! Такъ сичасъ бо̀льшій говбрицъ: ахъ, бацюшка! я, говорицъ, доставлю лошадзиную заповѣдзь. Собрався, сѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповѣдныя лугѝ, ажъ тамъ дзѣвки гуляюцъ. «Здрастуйця, дзѣвки!»—Здрастуй, царській сынъ! Куды ѣдзешъ?—«А ѣду, говорицъ, лошадзиныя заповѣдзи шукацъ,— пославъ мяне бацюшка!»—Куды вамъ, говорюцъ, ѣхацъ? Помимо насъ лошадзиныя заповѣдзи не на̀йдзеця. Мы вамъ лошадзиную заповѣдзь доставимъ: чисьцѣ̀й нашія ня будзецъ!.. Нарвали разныхъ красокъ и зьвили яму̀ вянбкъ. Тоды ёнъ узявъ тэй вянокъ, имъ гроши заплацивъ и повёзъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на ву̀хо повѣсивъ и подъѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзицъ бацька на крылцо. «Бацюшка, говорицъ: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говорицъ. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Тоды сяредьній сынъ говорицъ: бацюшка, позвольця и мнѣ! Можа я чисьцѣ̀йшай заповѣдзи достану!—Можно, говбрицъ. Ёнъ сичасъ лошадзя узявъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповѣдныя луги, тамъ дзѣвки гуляюцъ. «Здрастуй!»—Здоровъ! Куды ѣдзешъ?—«А, бо̀льшій братъ лошадзиную заповѣдзь доставивъ, треба и мнѣ доставицъ: нехай и я буду знацъ, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!» Отъ, яны отвѣчаюцъ: да, говорюцъ: коли бо̀льшій братъ помимо насъ не доставъ, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣй якъ тая була̀, бо̀льшаго брата! Отъ, яны узяли, сичасъ красокъ понарвали, яму̀ вянокъ зьвилѝ—чисьцѣй, якъ тэй бывъ. Сичасъ подносюцъ яму. Ёнъ вянокъ бярѐцъ, госьцинцу имъ даецъ, вянокъ узявъ и поѣхавъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на ву̀хо повѣсивъ и подъѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзицъ бацька на крылцо. «Бацюшка, говорицъ: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говорицъ. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Цяперича прихо̀дзицъ уже третьцій сынъ, меньшій, дурачокъ, Иванъ Ивановичъ. Позвольця, говорицъ, бацюшка, и мнѣ доставицъ вамъ лошадзиную заповѣдзь. Коли вамъ доставали большія браты, и я, говорицъ, доставлю!—Мо̀жашъ, каецъ, сабѣ, и ты доставицъ.—Позвольця мнѣ, бацюшка, лошадзь сабѣ выбрацъ по 'быччу свойму!—Можашъ! Ёнъ пошовъ на стайню: што по крыжў хлопнецъ коня, то й убивъ; што по крыжў хло̀пнецъ коня, то й убивъ. Стайню перяйшовъ,—ня выбравъ, другую перяйшовъ—ня выбравъ. Тыя стайни выбивъ. Тутъ сичасъ кучары̀ донясьлѝ царю: ахъ, говорюцъ, царь нашъ милосьливый, на што вы позволили Ивану Дураку

выбирацъ лошадзь сабѣ? Ёнъ ня выбравъ, и двѣ стайни лошадзей выбивъ! Тоды повялѣвъ царь яго выгнацъ вонъ. Пошовъ ёнъ по вулицы смутный. Сустрѣкаецъ яго на вулицы старуха: эй, Иванъ Ивановичъ—што вы, говóрицъ, нѣшто смутны?—А якóя табѣ, говорицъ, дзѣло?—Да й пошовъ. Тоды обдумався: ахъ, говорицъ, што йто ина у мяне спрашавала—треба у яé спытацъ! Ворочаетца назадъ: погодзи, говорицъ, старуха: по якой ты часьци—почаму ты у мяне спрашаваешъ, зачимъ я смуценъ иду?—А вотъ, говорицъ —я увознала, што ты смуценъ!—Да, моé браты, говорицъ, достали лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставицъ: нехай и я буду знацъ, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!—Да, говорицъ, Иванъ Ивановичъ: вы сабѣ тутъ ня вы́бериця лошадзи!—Ну й раскажи жъ мнѣ, старуха, якъ мнѣ лошадзь выбрацъ?—А вотъ, говорицъ: спросйця вы у своей матушки—ёсцъ, говорицъ, у вашай матушки лошадзь у склепи, за двана́тцатьми дверями, за дванатцатьми замка́ми!—Якъ жа мнѣ, говорицъ, обрацйтца?—А йдзиця къ ёй у комлаты и скажиця: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяцъ, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? Такъ ина сичасъ, говорицъ, кинетца къ табѣ: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсцъ, за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? А ты скажи,—што, вотъ маменька: я успомнивъ на тóя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзйла и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавкóвыя травы рвала, и яму̀ у вокошко борса̀ла, дакъ я на тоя успомнивъ!.. Ина табѣ сичасъ ключи отдасцъ! Вотъ ёнъ ёй поблагодаривъ, и ворочаетца назадъ. И пошовъ у комлаты. Приходзицъ къ ёй и говорицъ: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяцъ, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками! Такъ ина сичасъ кинулась къ яму: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсцъ за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками?—А ёнъ говорицъ: вотъ, маменька, я успомнивъ на тоя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзила, и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавкóвыя травы рвала, и яму у вокошко борса̀ла, дакъ я на тоя успомнивъ! Такъ ина на яго закричала, ключи яму выкинула. Тоды ёнъ узявъ ключи, пошовъ, шесьцеро дврей отомкнувъ, а шесьцеро самъ конь разьбивъ оттýляцька.—Ахъ, говорицъ, Иванъ Ивановичъ! я прождався, говорицъ, цябе! сощѐгъ, ня ѣвши, тутъ! Што табѣ треба?—Ды, говорицъ, моé браты доставили лошадзиную заповѣдзь, дыкъ и намъ треба доставицъ!—Ну, цяперь, говорицъ, я пойду на трóя судокъ у заповѣдныя луги пугуляцъ, *пугудуватца*, а то я сощéгъ тутъ! А тоды поѣдземъ! Тоды, троя судокъ ёнъ прогулявъ—прибигаецъ къ яму̀. Ну, говорицъ: цяперь, бярись за мяне цихéнько, садзись на мяне лягéнько, сичасъ поѣ̀дзимъ! Ну, Иванъ Ивановичъ сѣвъ на яго. Ёнъ подвимаетца подъ небеса и поляцѣвъ. Сичасъ

прилетаюць у заповѣдныя луги,—гуляюць дзѣвки.—Здраструйця, дзѣвки!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, куды Богъ нясе́ць?—«Да, говорицъ: браты доставили лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставиць,—нехай и я буду знаць, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ! Отъ, яны отвѣчаюць: да, говорицъ: коли бо́льшія браты помимо насъ не доставили, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣй, якъ тыя были́, бо́льшаго брата! А ёнъ отвѣчаець: нѣ, я вашія заповѣдзи не жала́ю, я безъ васъ найду! И поѣхавъ. Ци много, ци мало отъѣхали, одно царство переляцѣли, ёнъ сичасъ гово́рицъ: Иванъ Ивановичъ, огляньси, говорицъ, упярёдъ, огляньси назадъ: ци нема якой погони за нами? Тэй Иванъ Ивановичъ глянувъ напярёдъ, глянувъ назадъ—нѣ, говорицъ: погони нема́, а напярёдъ нѣйкое во́гнища горицъ, говорицъ.—Да, говорицъ: ето ня вогнища горицъ, ето горицъ богатырськая кровъ! Твоя матушка, говорицъ, на мнѣ звоювала богатыря съ трёми головами, дакъ ето яго кровъ горицъ! Дзяржйся, говорицъ, якъ можно покряпчѣй, а то упадзе́шъ, огонь сха́пицъ, духомъ обсмылйшъ! То̀я вогнища переляцѣли, тоды ёнъ говорицъ: ну, Иванъ Ивановичъ, ложись оддыхаць, а я пойду у заповѣдныя луги̇, пугуляю, пугоду́юся. Я къ табѣ приду, узбуджу̀! Ёнъ лёгъ оддыха́ць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говорицъ, Иванъ Ивановичъ,—урёмя ўставаць—у дорози, говорицъ, не зале́жуютца,—треба на дзѣло посьпива́ць. Тоды ёнъ бярѐтца за яго цихе́нько и садзитца лягѐнько, поднимаютца подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говорицъ, Иванъ Ивановичъ назадъ—напярёдъ, ци нема якой погони за нами?» Иванъ Ивановичъ оглянувся назадъ, напярёдъ—нѣ, говорицъ, погони нема́ нийкія, а напѐредзи горицъ вогнища,—тоя було́ вяликая, а ето побольшая горицъ!—Ето, говорицъ, не защита горицъ, ето горицъ богатырськая кровъ! Твоя матушка на мнѣ звоювала богатыря цмока, съ шастьми головами. Смотри жъ, говорицъ,—дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у вогонь у стый, а то, говорицъ, сосмылйшъ! Такъ сичасъ переляцѣли ето огнища. «Ну, говорицъ, Иванъ Ивановичъ: ложись, оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги пугуляю, пугодуюся. А тоды къ табѣ приду, побу́джу!» Иванъ Ивановичъ лёгъ оддыхаць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги, пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говорицъ, Иванъ Ивановичъ—урёмя ўставаць—у дорози, говорицъ, не залѐжуютца, треба на дзѣло посьпиваць! Тоды ёнъ бярѐтца за яго цихе́нько и садзйтца лягѐнько, подня́лися подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говорицъ, Иванъ Ивановичъ, назадъ—напярёдъ,—ци нема якія погони за нами?»—Иванъ Ивановичъ, оглядзѣвся назадъ, напярёдъ,—нѣ, говорицъ, погони нема нийкія, а напе́редзи горицъ вогнища. Тыя вогнища были̇ вяликія, а ето напярядзй ще большая горицъ!—Да, говорицъ: ето не вогнища горицъ, ето горицъ богатырськая кровъ: твоя матушка

звоювала на мнѣ богатыря зъ дванатцатьми головами. Дакъ ето кровъ богатырськая горицъ. Глядзи жъ, каецъ, дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у огонь у етый, а то тутъ, говорицъ, совсимъ згоришъ! Тоды ёнъ, тольки бъ троху вылецѣць ба съ огня, и упавъ ёнъ—не переляцѣвъ и ўпавъ. Сичасъ лошадзь счўстувавъ, што яго нема—кўмельгомъ кинувся у вогонь, зубами схапивъ яго и вытащивъ.—Вотъ, я табѣ приказававъ—дзяржися покрѣнче, а ты мойго приказа ня слухавъ. Кабъ ящо маленько дали отъ краю упавъ, дакъ бы я ня вы̀хапивъ,—згорѣвъ ба! Ну, ты цяперь, говорицъ, ложись оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги попицъ, пугуляцъ, пугудуватца! Тэй лёгъ оддыхацъ, а ёнъ поляцѣвъ у заповѣдныя луги гудуватца. Черезъ три часы узвороцився къ яму̀, узбудзивъ Ивана Ивановича: ну, говорицъ: бярись за мяне цихе̍нько, садзись ляге̍нько и поѣдзимъ! Ёнъ уссѣвъ на яго, поднимаютца подъ небеса и поѣжжаюць. Пріѣжжаюць, на якомъ то царстьви-гусударьстви стоицъ дубъ. И ли того дуба три дороги. Тоды говорицъ: «ты цяперь, Иванъ Ивановичъ, становися ли етаго дуба, а я цяперь пойду у заповѣдныя луги. И ты, говорицъ, стой нямымъ. И будуць ѣхаць разьѣзчики, и забяруць яны цябе, тоды ты говорицъ, усё будзь нямымъ, хуць яны што̍ табѣ будуць приставляцъ, ѧкъ допекаць,—ты не говори—мычи, руками махай—ну ни слова не говори, мовчи. Тогда, якъ я треба табѣ буду, ты выйдзи, говорицъ, зъ дому, ды уздыхни цяжко и скажи: ахъ, кабъ моя лошадзь цяперь стала передо мной, якъ *листъ* передъ травой! Тоды я къ табѣ и явлюся!» Самъ и пошовъ. Ёнъ стоицъ ли дуба и думаецъ самъ сабѣ: «коли мнѣ съ конёмъ було̍ худо, а цяперь одному ѧкъ то мнѣ будзецъ?» Ци много, ци мало ёнъ постоявъ, сичасъ ѣдуць три разьѣзчики съ усихъ трёхъ дорогъ, и разомъ къ тому дубу. Стали яны у яго спрашавацъ: што вы, говорюць, за̍ людзи стоицё? Ёнъ мовчицъ—размахуецъ, мовчицъ. Тоды одзинъ говорицъ: да што вы у яго, говорицъ, спрашіецца? да ўбицъ яго съ караби̍на! А другій отвясьцѝвъ: «нѣ, каецъ: што намъ зь естаго за польза, што мы яго забъёмъ?» А тамъ уже одзе̍жа не наськая. «Лѣпи мы яго повезёмъ къ царю, нехай царь посмотрѝцъ, што не нашъ человѣкъ, што одзе̍жа не наськая, и безъ рячей,—нямый. Дыкъ намъ будзецъ чесь, што мы такого то человѣка приставили къ царю!» Узя̀ли у повозку и повязьли. Привȧжуюць къ царю и говорюць: царь нашъ милосьливый!—попали мы на дорози такого то человѣка, што не наськая одзе̍жа на имъ, и нямый! Царь спрашуя: откуль ты? Якій ты? А ёнъ рука́ми разма́хуецъ на ўси боки̍, мычицъ.—Ну, царь говорицъ: ёнъ непа́митовый; дыкъ ёнъ идзе̍цъ, самъ ня помницъ; ёнъ не знаецъ самъ, съ котораго ёнъ бо̍ку. Што яго трацицъ? отправця яго на кухню, нехай тамъ! Вотъ яны завялѝ яго на кухню, ёнъ тамъ узявъ кухарю дрòвы носи̍цъ, воду̑ носицъ.

Тоды почавъ пумугáць яму̀ и ку̀шунья гутувáць. А у̀сё нямымъ. И тэй не допытáетца ничо̀го у яго—у̀сё на кѝвъ. Цяперича царю донясьлѝ, што ёнъ пумугаець кушунья гутувáць яму. Цяперь царь, што самъ ѣсць, што выстаéтца, дыкъ ёнъ яму̀ шлéць, кабъ ёнъ самая тся ѣвъ, што царь ѣсць. Вотъ тэя двóрныя усéрдзилися, што набрóдъ, сь свѣту, ды тóя уживáець, што царь. Ето имъ стало процивно. Яны яму̀ узя̀ли, пушного хлѣба расстаря̀лися, поднясьлѝ, и пячóныя рѣдзьки. Отъ, ёнъ не у̀зявъ етыя пищи ѣсць, узявъ, бросивъ тамъ. Пошовъ у садъ къ садовнику̀, и тамъ показуець, размáхуець—што яму ѣсць нечего, дрéнное яму̀ поднясьлѝ. Я, каець, тутъ табѣ буду пусубля̀ць, каець, на-кивъ усё. Тэй принявъ, узявъ яго кормѝць хорошо. Отъ, ёнъ яму̀ узявъ пумугáць, узявъ дорожки чѝсьцицъ, узявъ прищéпки прищепляць, виноградъ, за виноградомъ ходзѝць. Тоды ёнъ узявъ сабѣ частку саду—и самъ и сóдзиць и прищепля̀ець—и завёвъ такого винограду, што и у̀ свѣци такого нема—яблоны, дуль и у̀сякаго разнаго винограду. Понасадзивъ тамъ, што й горóдника того перямóгъ. Тоды ето доклáли царю: што нямый, говорюць, позавóдзивъ у садзи--усякаго винограду, такого, што и у̀ свѣци нема! Тоды, у того царя ды былѝ три дочкѝ, а сына ни вóдного ня булó. Тоды бóльшая дочкá говóриць: бацюшка, говориць, и матушка, позвольця мнѣ узяць яго на ночь—мóець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому, ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставля̀етца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̀куюць у комнаты. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць (обнимать). Ина ягó жалѣець, ёнъ яé жалѣець, цалуютца, а говорѝць ничо̀го не говóриць—усё на кивъ. А йна у̀сё у̀ яго добиваетца рячей. Ну, добивалась, добивалась—мовчиць. Тоды, дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̀ коршéнь. Ёнъ пошовъ у будку у свою, опяць свою работу запиматца коло саду. Проходзиць дзень, наступаець ночь. Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка, говориць, матушка: позвольця мнѣ къ сабѣ у ложницу узяць нямого, я зь имъ помяхчи буду, можець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставля̀етца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̀куюць у комлату. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць. Ина ягó жалѣець, ёнъ яѐ жалѣець, цалуютца, а говорѝць ничо̀го не говóриць—усё на-кивъ. Покачалися ночь—нема ничого, не допыталась у ягò ничóго. Дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̀ кàрокъ! Проходзиць дзень, просиць узновъ меньшая дочкá: бацюшка, матушка, позвольця мнѣ яго къ сабѣ узяць: можа я допытаюся!—А й ты, каець, такъ допытаесься, якъ яны! Ну, сичасъ привáджуюць яго у комлаты. Повела ина яго у ложницу, поклалися. Ина яго

почала̀ жалѣць, обнимаць, цаловаць—усякими стацѝми. Ёнъ мычиць, нема ничого. Дождали свѣту, ина яго на крылцо вывела, обнила и пупулувала. Тоды ёнъ пошовъ у будку, и опяць завявся коло саду. Проходзиць дзень,—бо̀льшая сестра и говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ! —Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила службитокъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па̀хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са̀ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за воро́ты, да ў коршéнь яе́! Ина закричала къ бацьку: ай! бацюшка, матушка! на што вы, говóриць, етого дурного нямого дзѐржиця? Ёнъ жа, якъ вывевъ мяне съ саду, дыкъ якъ тронувъ у хребётъ, дыкъ я лéдьви живая осталàся! А бацька говóриць: якъ ты, говориць, стрѐла, такъ цябе и проводзивъ! Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можнó, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби́токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па̀хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са̀ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за вороты,—бэнцъ яе́ у ка̀рокъ! Ина закричала: ахъ, бацюшка, матушка, зачимъ вы дзéржиця етого дурного? Ёнъ жа чуць мяне не забивъ! А бацька говориць: якъ ты стрѐла, такъ ёнъ проводзивъ! Цяперица ме́ньшая сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби́токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яѐ потъ пáхи, водзивъ, водзивъ яе́ по усихъ сцѐжкахъ, по ўсихъ дорожкахъ, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ павизавъ. Тоды вывевъ съ саду, обнявъ и пупулувавъ яе́. Ина пошла у комлаты, а ёнъ назадъ у садъ. Цяперь, зачали ѣздзиць паничи,—королькѝ тамъ, князѝ—и къ бо́льшимъ и къ меньшай—што царю цижалó одному у царствьи: у яго сыновъ немá, дакъ на мѣсьци зяця поставиць. И цяперь, тыя двѣ съ князями, съ корольками по'бручи̇лися, а меньшая изь нямымъ съ тымъ,—злюбилася. Заручины погуляли, и зьвиньчалися. Тоды, ци мало, ци много яны пожилѝ, наступаець непріяцель уже на ихъ. Тоды ёнъ говориць, царь—на бо́льшаго: зяцёкъ мой любимый, можешъ ты, говóриць, поступиць на моё мѣсто на присту́пъ ициць! Сичасъ ёнъ узявъ силную вармію и пошовъ на присту́пъ. Тоды Иванъ Ивановичъ знаець тоя уремя, якъ яны начинаюць гуляць—сичасъ вы̀шавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, говориць, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ *лѣсъ* передъ травой—то́ бъ то до́брья *було*! Конь тэй ляцѝць, ажъ мацъ земля дрыжиць! Прибѣгъ и говориць: што, Иванъ Ивановичъ, што,—я табѣ треба?

А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говорицъ. Пошовъ бóльшій зяцъ на воинство; хоць ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каецъ, ето ня воинство, ето жарты, каецъ! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. Тó бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихéнько, садзись на мяне лягéнько—поѣдзимъ. Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на тóя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѐцъ, што конь ногами бъецъ, што самъ сячецъ, што конь ногами бъецъ. Добиваетца ёнъ до цмока съ трёми головами. Такъ сичасъ тыя три головы̀ яму зрубивъ! Такъ и забрáли ихъ у полóмъ усихъ. Потхóдзицъ къ яму̀ тэй зяцъ и говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлѝ отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: на што, говорицъ, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говорицъ, ваша вармія—дзѣ мнѣ зь ёй водзѝтца, кормицъ яé треба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю тáкъ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у мяне своé éсць. А вотъ вы, говорицъ, дайця мнѣ полоску съ спины—я ў трубучку скручу и ў карманьчикъ положу. Я рукою щупну и объ васъ спомяну, што вамъ помочи дававъ. А вы пóйдзеця у баню, за плечи щупнéця и на мяне уздумаеця, што я у васъ бывъ на помочи. Больши мнѣ ничого ня треба изъ васъ! Тоды ёнъ обращаетца къ яму задомъ, ёнъ узявъ, полоску и выдравъ у яго. Попрощалися и поѣхали ўрозь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не булó збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямы̀мъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотряецъ. Тутъ тыя приходзюць зъ воинства. И—рады, што забрали, помогли, непріяцеля,—пицъ, гуляцъ по рáдощахъ. Тыя сёстры бида на яé, гвалтъ такій: ты, каецъ, припила сабѣ дурного, нямого,—што ёнъ никуды̀. А якъ наши мужи, дакъ по свѣту ѣзьдзюць, горюющь! Почалѝ яѐ страмѝцъ, што бида. Ина заплакала и пошла къ яму̀. И показала яму, што сяютца коло яé, страмяцъ. А ёнъ мычицъ, размахуецъ руками: нехай сабѣ! каецъ.

Много—мало поживши, наступаецъ шасьциголовый цмокъ, дратца изъ ими, съ царёмъ, опяцъ. Царь тэй отвѣчаецъ на сярядьняго зяця: ну, говорицъ, зяцёкъ, можешъ ты заступѝцъ на моѐ мѣсто на присту́пи! Дакъ ёнъ силную вармію узявъ и пошовъ. И тэй бóльшій пошовъ—‘бáя пошли. Тоды Иванъ Ивановичъ, знаецъ тóя уремя, якъ яны починаюцъ гуляцъ—сичасъ вышавъ съ саду, уздухну̀въ цяжко и говорицъ: ахъ, штобъ, говорицъ, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то бъ то дóбря булó! Конь тэй ляцѝцъ, ажъ мацъ зéмля

дрыжиць! Прибѣгь и говбрыць: што Иванъ Ивановичъ—што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаець: треба, говориць. Пошовъ сяредьній зяць на воинство; хоць ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каець, ето ня воинство, ето жарты, каець! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говориць: бярись за мяне цихѐнько, садзись на мяне лягѐнько—поѣдзимъ! Сичасъ подпималисъ подъ небеса, приляцѣли на тóя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Ёнъ начавъ—што самъ сичѐць, што конь ногами бьѐць, што самъ сячецъ, што конь ногами бьецъ. Добиваетца ёнъ до цмока съ шастьми головами. И стали бигца. Потуль билися, покуль шесьць головъ зрубивъ яму̇. Тоды потхбдзиць сяредьній зяць и говориць: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьциць? нѣтъ табѣ даць, говориць, зимлй отписаць, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говориць: на што, говориць, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говориць, ваша варміа—дзѣ мнѣ зь ёй водзйтца, кормиць яе трѐба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю тáкъ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у меня своѐ ѐсць. А дай, говориць, мнѣ съ правыя руки мѐзинъ палецъ отрѣзаць—я яго у карманъ уложу, рукой щупну̇ и объ цябе спомяну̇. Ты пóйдзешъ у баню, за руку̇ щупнѐшъ—объ мяне успомнишъ! Ёнъ яму руку выставивъ; ёнъ сичасъ палецъ отрѣзавъ, у платочикъ увярцѣвъ да й у карманъ. Попрощалися и поѣхали у̇розь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не булó збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ѐсць человѣкомъ—прóстымъ, нямымъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своѐ мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотрѐець. Тутъ тыя приходзюць зь воинства. И—рады, што забрали, помогли непріяцеля,—стали пиць, гуляць по рáдощахъ. Тыя сёстры бида на яѐ, гвалтъ такій: ты, каець, принила сабѣ дурного, нямого—што ёнъ никуды̇. А якъ наши мужи, дакъ по свѣгу ѣзьдзюць, горююць! Почалй яѐ страмйць, што бида. Ина заплакала и пошла къ яму̇. И показала яму, што смяютца коло яѐ, страмяць. А ёнъ мычиць, размахуець руками: нехай сабѣ, каець.

Много—мало поживши, наступаець цмокъ двѣнатцацигол๏вый, дратца. Тоды тэй царь говориць: зяци моѐ любыя, послужили вы за бóльшихъ моихъ дочóкъ, сами за сябе, послужйца цяперь за мѐзиную мою дочь, за бещаспую—што ина принила сабѣ нямóго, дурнóго. Ина 'твящáла: да, говориць, бацюшка, матушка, я не жалáю! Коли мужъ мой дурный, дакъ я сама поступаю, сама пойду къ цмоку, на свою вочередзь! Ина собралася, узила сабѣ силныя варміи и пошла. Царь отвѣчаець: эхъ, зяци моѐ любыя! мало што ина зъ большія досады пошла! А вы, говориць, про-

ѣдзьця посмотриця, якъ што будзецъ,—мало што ина говорила! Зяци послухали, поѣхали. Ёнъ знаецъ, якъ яны начинаютца—сичасъ вышавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говорицъ: ахъ, штобъ, говорицъ, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то́ бъ то до̀бря було́! Конь тэй ляцицъ, ажъ мацъ зе̇мля дрыжицъ! Прибѣгъ и говорицъ: што, Иванъ Ивановичъ, што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говорицъ. Пошла моя жана на воинство!—Да, говорицъ—ето ужо воинство: то были смѣшки, а тоды жарты, а ето ужо воинство, говорицъ. Полизай, говорицъ, у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То̀ бывъ чистый красивый молодзецъ—яще̇ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. То была чистая збруя,—а ета ще побо́льшая. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихе̇нько, садзись на мяне ляге̇нько—поѣдзимъ! Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на то́я мѣсто, адзѣ яны бъютца. Начавъ ёнъ самъ сѣчь, конёмъ мясйцъ—самъ сяче̇цъ, конёмъ мѣсицъ, добився до двѣнатцациголоваго богатыря—-зьмѣя. Ставъ исъ тымъ битца, ставъ исъ тымъ битца,—ёнъ яму̇ шесьцъ головъ зьбивъ, а ёнъ яму̇ руку̇ поранивъ. Стали зновъ битца, стали битца—ёнъ яму яще шесцъ головъ зьбивъ, а рука у яго окровянилась. Помѣли змире̇ніе, побрали у̇ поло́мъ тую силу, польно ужо вою̇ва̀тца. Тоды ёнъ потхо̀дзицъ къ царицы. Ина говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлѝ отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: сударыня, мнѣ ваша ничо̀го ня треба. А я, говорицъ, милосьци вашія прошу,—шаликъ шъ шіи знящъ, мнѣ руку̇ завярцѣцъ. Тоды, говорицъ, вы пома̀цаеця—на шіи шалика нема̀—вы объ мяне успо̀мниця. Я поляджу на руку̇, и объ васъ успомню! Ина знила шаликъ и завизала яму̇ руку̇. Попрощались, одзинъ одному подзяковали и поѣхали. Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було̀ збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямы̇мъ. Конь пошовъ у заповѣдныя луги, у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у садъ, у свою будучку, и лёгъ, заснувъ на двѣнатцацъ судокъ, богатырськимъ сномъ. Тоды яны приходзюць ужо дво́ру, стали пиць, гуляць, узялѝ яѐ страмицъ, што бида: за сябе ѣзьдзили, и за твойго за дурного, каецъ, ѣзьдзили горювацъ, труждатца! Ну, начинаюцъ раду ра́дзицъ, стали царя просицъ: эхъ, польно, говорюцъ, бацюшка—яе́ сукрушацъ, сушицъ! Зработацъ вѝсильницу и повѣсицъ яго! Царь ето позволивъ: зработайця сабѣ ужо! Яны у̇зяли работацъ, ина побѣгла у садъ: пойду хуцъ потолкую яму, што ёнъ мнѣ 'твѣцицъ—мое̇цъ, ёнъ увойдзе̇цъ отъ смерци отъ етыя! Тоды ина приходзицъ у садъ, ажны ёнъ спицъ нау̇зничъ. Посмотрѝцъ, ажъ яѐ шаликъ у яго на руцѣ. Ина не то узрадовалась, не то спужалася—давай плакацъ надъ имъ, стала будзйцъ яго.

А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ,—ничо́го яму не зьдзѣлаець—не добу́дзитца. Тоды ина зъ радощи побѣгла у комнату; троху у комнаци повярнулася. А висильницу готу́юць. Побѣгла узновъ будзиць яго. А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ. Давай плакаць надъ имъ, стала будзиць яго, ничого яму не зьдзѣлаець—не добу́дзитца. Прибѣгла зновъ у комнату. Висильница готова ужо, и яны коло яе́ сияютца, што ина плачець по имъ: плюнь ты, табѣ людзей ня будзець! А йна ничого не кажець имъ. Побѣгла у третьцій разъ будзиць яго. Якъ стала будзиць,—будзила, будзила—не добудзилася. Стала плакаць. Капнули слёзы яѐ яму́ на грудзь. Тоды ёнъ прошнувсь, проговоривъ:—ахъ, каець, душенька—спекла ты мяне дужа!—Ахъ, спекла, говориць, душенька—на цябе ужо вунъ висильница готова!—«Ну, говориць, душенька, ня звѣстно, на кого: можець на мяне, можець сами на сябе! Идзи, говориць, у комнату и спроси: бацюшка и матушка, позвольця говориць, нямного, хоць перядъ смерцю увéсьци у комнату! Тоды позволюць яны увыйци, ты скажи: бацюшка и матушка, позвольця яму, потвярдзиця яму рюмушку вина даць, поднясиця, нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пóйдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю̀ на шію нацыпля̀ць. А тоды и другую!» Ну, ина пошла: бацюшка и матушка, позвольця, говориць, и яму у комнату увыйци хуць перядъ смерцю! Бацюшка позволивъ: идзи сабѣ, каець, увядзи! А тыя зяцѝ, сёстры, Божа мой, гвалтъ на яе—не вядзи! Пошла ина: ну, пòйдземъ, каець. Пришли у комнату. Бацюшка и матушка, потвярдзиця ужо яму, поднясиця яму рюмушку вина—нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю̀ на шію нацыпля̀ць!» Ну, царь повялѣвъ поднесьць. Поднясьли рюмку вина, ôтъ ина говориць: потвярдзиця ще одну яму поднéсьци—мы ужо отъ етого не збядьнѣемъ, якъ ѣли хлѣбъ, такъ и бу́дземъ ѣсьць! Царь другую рюмку позволивъ: поднясиця яму, говориць, и другую! Яму́ поднясьли. Выпивши другую рюмку,—ахъ. говориць: благодариць бацюшку за вино,—дужа вино пріятная! А тыя ужо дзивютца, што нямый да й заговоривъ. Тоды ёнъ: што, говориць, бацюшка мой наза́ный: спросице-ка вы у бòльшаго зяця: зачимъ ёнъ у баню, говориць, ня ходзиць? Хто у яго на пòмочи бывъ? И чимъ ёнъ плацивъ? говориць. Ето жъ я, говориць, у яго бывъ на помочи; я яму пособи́въ, а ёнъ мнѣ заплацивъ—яго заплата у мяне ў кармани! Вынимаець тую полоску, прикладаюць къ яго спини,—икъ-разъ ина й пришлася!—Ну, цяпер спросiця у сяредьняго зяця, зачимъ ёнъ при большой кунпаніи у порща̀ткахъ ву̀жанаець? И хто у яго на помочи бывъ, и чимъ ёнъ плацивъ? Агу! тому зяцю ужо колону̀ло у пяты!—Ето жъ я, говориць, у яго на помочи бывъ,

и ёнъ мнѣ заплацивъ съ правыя рукй мязёнымъ палцомъ! Сичасъ узявъ, съ кармана вынивъ; примѣрили—икъ-разъ и пришовся тэй палецъ! Отъ, ёнъ узявъ, обдвихъ тыхъ зяцёвъ на висильницу повѣсивъ, а яму съ свое шіи корону знявъ да яму на шію повѣсивъ. И здавъ яму усё царство. Тоды, ёнъ вышавъ на крылцо и уздухнувъ цяжко, и говорицъ: штобъ моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой, то бъ мнѣ добря бъ було цяперь! Конь бяжицъ, ажъ мацъ земля дрыжицъ. Прибѣгъ: што Иванъ Ивановичъ—я табѣ нужанъ? Да, говорицъ, нужно—поѣдзимъ къ свойму отцу й матушки, у своё царство! Запригаюцъ коня у поѣздъ, ёнъ поднявсь подъ небеса, и поляцѣли. Пріѣжжаюцъ къ свойму царському дворцу. Сичасъ спускаютца на зѐмлю и ѣдуцъ по зѐмли. И пріѣжжаюцъ потъ крылецъ. Выходзицъ бацюшка на крылцо, ёнъ отвичаецъ: што, говорицъ, бацюшка,—хорошá лошадзиная заповѣдзь? Бацюшка отвѣчаецъ: хороша, сынокъ! Ды зьдзѣвъ съ своѐ шіи корону, ды яму надзѣвъ. А тымъ вянкй ихъ давъ ды ў прóстыя солдаты оддавъ. Вотъ ёнъ два царства мѣецъ, и нихто яму ничого ня зьдзѣлаецъ. Здорóво живѐцъ, и намъ богословивъ здорово жицъ тутъ. И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по усахъ цякло́, а ў ротъ не пупáло. И дали мнѣ синь каптанѐнко. Я бягý, а жидъ кричицъ: синь каптанъ, синь каптанъ! Я думавъ—скинь каптанъ! да ўзявъ, да кинувъ; ды прибѣгъ двору, ды бѣлый свой надзѣвъ.

Д. Плещино, малятич. в. Крест. Степ. Ѳедоровъ, 60 л.

5. Казакъ Михайла.

Отъ—это ужо давно было́. Жилй сабѣ старикъ исъ старухой у городзи столицы. Бытто бъ, такъ сказацъ—или ў Кіеви или Москвѣ. Яны мѣли больше якъ по семъдзесятъ годовъ, и не было у ихъ дзяцей. Ну, разъ старикъ поѣхавъ у лѣсъ, ставъ рубицъ дрѐво. Зрубивъ древо одно, пошовъ снѣгъ силный. Тоды, старикъ зрубивъ ето древо—а яго и завѣяло. И што ёнъ зрýбицъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубицъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубицъ—яго завѣецъ,—силный снѣгъ бывъ. Ёнъ и обдумавъ, ставъ, перахрисьцйвся: Господзи, говорицъ, якъ я, говорицъ, нещáсянъ! Ня мѣю сабѣ прислуги ниякія и средствій ниякихъ. Поѣхавъ, говорицъ, дровъ нарубицъ, и то, говорицъ, пошла такая мяцель, што не даѐцъ мнѣ и работацъ! Троху социхла мяцель, ёнъ ихъ топоромъ выбивъ, дровы, положивъ на санки. Поѣхавъ. Ѣдзецъ—ли дороги стоицъ сухій пень. Ёнъ остановивъ лошадзь: зрублю, говорицъ, я етый пѐнюшекъ, усё больше, говорицъ. Што жъ я? Подыйшовъ къ пню и ударивъ обухóмъ по етымъ пню, кабъ троху снѣгъ обляцѣвъ. Удругъ, нѣйкаго младзенца плачъ послышався, якъ бытца, рабёшачекъ плачецъ. Ёнъ перахрисьцився, говорицъ: Господзи! што

я, говорыць, слышу? Ци мнѣ, каець, здаетца, ци якъ? Такъ жа яму уздумалося ударыць по етому пню ще разъ—послышавъ настояща голосъ рабяччій. Во, ёнъ думавъ—стану пень етый рубиць! И ставъ помаленьку рубиць вокругъ. Обрубивъ вокругъ, обломивъ, нашовъ молодзенца у етымъ самымъ пни. Старикъ здзѣвъ съ сябе шубку и уврацѣвъ яго. Положивъ на санки, привёзъ на свою хваперу, къ сабѣ. Жана, бытто такъ ёй, бытто ина рада, што такъ ёнъ поѣхавъ,—каець: етакая мяцель была, а ты у лясу!.. Ёнъ ёй отвѣщаець: молись Богу, говорыць. Я, говорыць, што нашовъ! Я и самъ не могу, што етакъ, откудова ето што?—Што ты, каець, такόя нашовъ?—Во, каець, полядзитку! Унόсиць, у шубцы, етого рабёшка. Баба была бытто рада, и потомъ стала Богу молитца, и спрашуець у яго: Богъ, каець, намъ давъ. А што мы будземъ дзѣлаць изъ имъ? Якъ, мы можамъ яго прознаць?—Ты, баба, ложись на полу, говорыць, и положи рабёнка ли сябе етого! А я, говорыць, пойду, къ такому то купцу первой гвильдыи—Комаровому, хай отпусьциць своѐ ма́цяры-рабёшка етого перабабиць! Пошовъ ёнъ къ купцу, говорыць: здрастуй, купецъ!—Здрастуй, здрастуй, говорыць, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ, говорыць, хорошаго скажешъ?—Отъ, купецъ господзинъ, скажу—пóймецѧ вы мнѣ (вѣры), ци не поймецѧ: моя жана сынка родзила. Я васъ прошу, кабъ вы позволили своѐ ма́цяры етого мойго сынка, рабёшка, перабабиць! Купецъ яму засьмiявся зь естаго старика: эхъ ты, говорыць, дзѣдъ Бобикъ: довжно быць, говорыць, якій обманъ хочешъ зь мянѐ издѣлаць! Ня то дли мяне—и ли моѐ маменьки еще, говорыць. Вы—я изнаю самъ—што вы бóльшай семъдзесятъ лѣтъ отроду мѣеця—большай, исъ своёй бабой, и у васъ не былò дзяцей. А цяперъ вы говорыця, што у васъ ёсь, народзився сынъ! Согласенъ, дзѣдушка: вы бѣднаго зложенія, а я ёсь купецъ, говорыць. Ежли жъ ето справядливо, дыкъ я табѣ сто цалковыхъ дамъ, а ежли жъ несправядливо, чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣцишъ тоды перадо мной и перадъ моёй матушкой, за несправядливое слово?—Я отвѣчу, што имѣю, дайжа своёй гóловой, подъ старосьци лѣтъ, што я неложное слово вамъ говору! Купецъ приказавъ запрегць пару лошадзей у хвайтонъ и посадзиць етого самаго дзѣдушку и свою мацъ у хвайтонъ, и поѣхаць къ етому дзѣдушку. И давъ купецъ мацяры своёй сто рублей, што обѣщавъ, и сказавъ: когда жа ёсь рабёшакъ, дакъ отдай дзѣдушку сто рублей, а ежли жъ нѣту, дакъ вязи дзѣдушку ко мнѣ и сама ѣдзь! Ну, пріѣхали. Поглядзѣла ета *са́ма* бабка,—ажъ ёсь нарòджаный сынъ у ихъ, младый юношъ. Ина и осталась. Жонка, отсылаець яго къ такому то протчаму купцу, за дочкой, перахрисьцйць етого рабёнка. Пошовъ дзѣдъ. Приходзиць къ такому то купцу и говорыць: здрастуй, купецъ господзинъ!—Здрастуй, здрастуй, говорыць, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ хо-

рошаго скажашъ?—Ды моя, говорицъ, баба сынка родзила. Я пріѣхавъ къ вашай дочки Лисавеци, кабъ ина была хростная маць мойму сыну! Купецъ удзивився, ажъ засьміявся, обрацився къ свойму домашнему сямейству и собственной своей дочцы, Лисавеци, высказавъ своимъ словомъ: што собственно старикъ такой то пришовъ, говорицъ, штобъ ты, моя дочь Лисавета, была хростная маць! Вышло ўсё сямейство етого купца къ дзѣдушку, и дочь етого купца. Посмотрѣли на етого дзѣдушку. И оцецъ яе сказуецъ: нѣ, говорицъ, дзѣдушка, ты довжно быць уздумавъ зъ моѐ дочкй посьміятца! Чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, если жъ окажетца несправядливымъ моё слово перадъ вашай дочкой Лисаветой, то я отвѣчаю своей головой.—А я табѣ, говорицъ, даю Лисавеци сто рублей, и поѣжжай! И пару лошадзей вялѣвъ запрагцй у хвайтонъ и отправивъ дочь свою.—Ежали жъ ёсь человѣкъ рожаный, у етого дзѣда нарождзёнъ сынъ, дыкъ, Лисавета, отдай яму етыхъ сто рублей! А ежали жъ нѣту —обратно поѣжжай до мяне! Пріѣхали. Оглѣдзила Лисавета, што уже ёсь сынъ нарожаный и старуха сядзйць за бабку—ну й осталася, Лисавета, етого купца дочь.—Ну, поѣжжай, говорицъ, дзядуля, къ такому то купцу, отпусьцйць сына, кабъ ёнъ бывъ хростнымъ отцомъ нашаго рабёнка! Старикъ пошовъ. Приходзицъ къ купцу. Купецъ вышавъ. Здрастуй!—Здрастуй, дзѣдушка Бобикъ! Объ чомъ, дзѣдушка, пришовъ?—Я пришовъ къ вамъ, попросиць вашаго сынка Василя, што у мяне родзився сынъ! Купецъ удзивився и засьміявся, сказавъ етому дзѣдушку: ахъ, дзѣдушка,—якъ можно быць? ты хоцйшъ зъ мойго сына якую нибудзь насьмѣшку здзѣлаць. Я собственно знаю, што вамъ зъ бабой больше семъдзесятъ лѣтъ лѣтъ и дзяцей у васъ не было! Пошовъ купецъ обвясьцивъ свойму сямейству, собственно сыну свойму Василю, што пришовъ такій то дзѣдушка перахрисьцицъ попросиць сына Василя хростнымъ отцомъ быць. Немало сямейство удзивилось. Вышавъ сынъ купцовъ Василь и самъ господзинъ купецъ етый.—Дзѣдушка, чимъ ты отвѣчаешъ?--Я отвѣщаю, што имѣю, дайжа своёй головой!—Отвѣчаецъ купецъ: я табѣ, сынъ мой, даю сто рублей и вялю запрэчь пару лошадзей, и пояжжай зь етымъ дзѣдушкомъ. Ежли жъ сынъ рожанъ у дзѣдушки етого, дыкъ отдай сто рублей етому дзѣдушку, а ежли нѣту, обратнымъ пуцёмъ возврацись ко мнѣ и дзѣдушку вязи! Пріѣхавъ Василь, купечецкій сынъ, смотрицъ: ажъ ёсь старуха за бабку и купечецкая дочь Лисавета за куму. Василь остався. Бабка перабабила. И помолилися Богу; забрала дочь Лисавета етого жъ рабёшка къ сабѣ и сѣли, поѣхали зъ Василёмъ къ попу. Пріѣхали къ попу, спрашіецъ попъ: чій ето рабёнокъ? Яны отвѣчаюцъ яму: отъ бацюшка! рабёнокъ *етый* отъ такихъ то стариковъ!—Охъ нѣ, говорицъ: довжно быць рабёнокъ *гэтый* либо якій; а вы мнѣ, говорицъ, кажецяя—што

стариковъ тыхъ. Чимъ вы, Лисавета и Василь, отвѣциця, ежли я етого рабёнка перахрищу и васъ хрóстными пріемниками ўпишу? Тогды яны сказуюць: мы вамъ, бацюшка, кладзёмъ по сто рублей грошій, и мы будземъ видны, какія мы ёсь и чіе, и вы насъ найдзецё, коли што. А чимъ вы, бацюшка, отвѣ*тития*?—А й я, говорицъ, також положу сто рублей! Вынявъ бацюшка сто рублей и отдавъ.—Пожалуй и ты, Василій, своѐ сто рублей, бацюшка говорицъ, и ты, Лисавета, и царковному старосьци зà руки. Ежали жъ правядно, то отдаць еты дзеньги старику! Староста узявъ еты дзеньги, бацюшка узявъ книгу и смотриць, якъ имя̀ бъ найци етому младзенцу. Нашовъ, што яму̀ имя̀ Казакъ Михайла. Ёнъ молитву отчитавъ, и расписався Василь и Лисавета и поѣхали у хвацéру дзѣдушки етого. Пріѣхали, згуляли хрезьбины. Етый рабёнокъ, Казакъ Михайла, не росьцѐць по годамъ, а росьцѐць по часамъ; на третьція, посьли свойго храстà, сутки, ставъ гласомъ молодзецкимъ говорѝць. И спрашуець у свойго рóднаго отца: отдайця мяне у класы у вученья! Старикъ крѣпко радъ, здзѣлався вясёлъ, здоровъ, што сынъ яго такъ скоро росьцѐць. Старикъ спрашуець у яго: у якіе цябе класы отдаць? Ёнъ яму отвѣщаець молодзецкимъ голосомъ: отдайця мяне у класы губэрськія! Старикъ дужа бытто вочинь ставъ печалевъ, што ёнъ етакъ говóриць, и сказавъ: ахъ, сынъ мой Казакъ Михайла! я бъ, говорицъ, табѣ совѣтовавъ, кабъ ты пошовъ у приходскій класъ. Ёнъ сказавъ яму тодà: ахъ вы, говорицъ, папенька и маменька! Чаго мнѣ йициць у приходскій класъ, коли я на памяць больше могу знаць етого класу! Старикъ отвѣцивъ яму: ну, Богъ съ тобой, идзи сабѣ, когда примуць! Казакъ Михайла самъ своей рукой сочинивъ сабѣ мэтрику: якого числа рождзёнъ, и якого числа хрѝщанъ, и хто у яго ёсь бабка, и хто у яго ёсь хростной маткой, и хто у яго ёсь хростный оцецъ, и отъ кого ёнъ рождзёнъ, а не рождзёнъ—собственно у пни рожд*ж*онъ, и у якимъ приходзи. И ящо мойму папеньку и матушцы ёсь у такой то цэркви триста рублей ли старосьци ихней! И пошовъ и подавъ ету мэтрику губерському испэктору, самъ одзинъ, собственно своёй рукой. И спэкторъ удзивився и сказавъ: Господзи, говорицъ: ицъ я уже давно живу по етой довжносьци и много обучивъ, ну щò на мяне не булò, кабъ еткій, такоя то число народзившись, и ето мало строку, и ёнъ усё ставъ понимаць! И принявъ яго у губерськое училища,—принятъ. Поучився Казакъ Михайла два дня, то ёнъ ставъ, расказавъ усимъ учицелямъ: эхъ, говорицъ, господа! вы ногдà либо—какую ошибку̀ мѣеця мнѣ собственно задаваныя уроки! Учицеля познали, сказали: и вѣрно, Казакъ Михайла, ты говóришъ намъ, што ты па нашихъ глазахъ высказавъ—што и больше насъ понимаешъ! Яны уже сами сказали. Третьцими сутками выписали яго изъ вучилища и выдали яму отъ сябе за ученьня бумагу, што Казакъ Михайла

понимаець то, што хорошо и отлишно. Приходзиць Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушщы и говбрицъ: отъ, я уже губэрськіе класы пройшовъ! Яны рады, старикъ съ старухой. «И вотъ тяперыча я намѣ̀ранъ пойцѝць попроситца у класъ тэй, идзѣ именно вучутца государськіе сыны и князецкіе, и нѝжшай не бываець, якъ генаралскіе сыны!» Тогда старику вродзи здзѣлалося скушно, а мацъ яго старуха слезно заплакала и говбрицъ яму: сей ты нашъ сынъ ёсь, а не похоронишъ ты насъ, я виджу, што ты не такъ вучисься! И ёнъ, Казакъ Михайла, отвѣцивъ молодзѣцкымъ голосомъ: што вы ето мнѣ сказали, штобъ я васъ оставивъ и не похоронивъ! Я васъ похороню, и при старосьци вамъ сынъ буду! Пераночевавъ, да й пошовъ. Приходзиць у класъ. Подавъ испэктору ету бумагу, зъ губэрськаго класу. Тогда понявъ испэкторъ, и прочитавъ, и ўдзивився: охъ, говориць,—ня слышно у насъ ще було ѐтакыхъ. И не знаю, а приняць надо! И пошовъ у класъ. Ставъ учитца. За одзинъ дзень, то наўчився процѝ государськыхъ сыновъ и процѝ князецкыхъ и генаралскыхъ, которые по пяць лѣтъ ученьня имѣюць. Учицелѝ приказали Казаку Михайли, кабъ ёнъ изъ ихъ спрашававъ уроки—зъ государськыхъ, князецкыхъ и генаралскыхъ дзяцей. Ёнъ и ставъ спрашаваць. Отпусьцили ихъ на 'бѣдъ, то стали гнѣвны государськіе два сыны, и князецкіе, и также смотрà, и генаралскіе—уси на яго напали. Ёнъ тогда обдумавъ самъ сабѣ и засьміявся: эхъ вы, вучаники вы ёсь и вучицесь вы,—я слухаю приказанія и вамъ расказую! Царській сынъ одзинъ узявъ камушóкъ и бросивъ на яго. И попавъ; и другій также. И смотрà--князецкій узявъ тожа бросивъ, и попавъ также; и генаранскій бросивъ. И стали Казака Михайлу вочань обижаць. Ёнъ имъ по ўдару просьцивъ. «Я вамъ, товариши, ето прощаю, а дальше я вамъ не позволю, кабъ вы на мяне бросали!» Бóльшій жа сынъ царській засьміявся: эхъ ты, говориць, што ты можашъ? Мы табѣ здзѣлаемъ, што хочемъ! Начали шпуляць на яго быстрѣе. Ёнъ узявъ, Казакъ Михайла, исъ царськаго сына зъ бóльшаго изнявъ шляпу, а другой рукой поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ етый домъ. Яны побѣжали отъ яго. Ёнъ пришовъ у свою хвацеру и побѣдавъ. Царській сынъ обжаловавсь свойму папашу, што якій то мѣщàнинъ мою шляпу знявъ однэю рукой, а другою поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ домъ. Государъ приказавъ аквитанту—свита государстьвенная—кабъ приказъ отдавъ и поѣхавъ изъ жандаромъ и забравъ такого-то старикова и старухина сына. Аквитантъ пріѣхавъ зъ жандаромъ забираць. Ёнъ яго не нашовъ у хвацеры. Тольки нашовъ старика и старуху. И говориць: эхъ вы, говориць: куды вы свойго сына дозволили йциць—што вы дозволили яму́ здзѣлаць? Баба и дзѣдъ заплакали перадъ свитомъ государськимъ, генараломъ: воля ваша! Изъ намы што

угодно, такъ жа и зь имъ! А мы што станемъ яму говорицъ, ёнъ нашихъ слововъ ня слухаець. А идзёць туды, куды своимъ мнѣніемъ надумаетца! —Ну, старики, вы будзеця правы! Я пожалѣю вашихъ лятдвъ, вашай старосьци, и ваши слова принявъ я съ униманіемъ, а съ сыномъ изъ вашимъ будзець поступлено законъ. И ужо ёнъ ня будзець ходзиць у классъ генаралскій! Ето часлд было приказано отъ испэктора, кабъ собратца къ пяци часомъ вечара, етымъ усимъ ученикамъ на заняція, и также Казаку Михайлу. Такъ и ёнъ у ты часы подладзивъ зь имы ицпць. Яны на яго ипяць жа, такимъ жа способомъ напали. Ёнъ имъ говбрицъ: эхъ вы, братцы, напрасно вы со мной эдакъ поступаеця! Ежали бы поступали со мной помяхче, я ба вамъ шляпу вашу отдавъ! Яны яго началй гбрше. Ёнъ, Казакъ Михайла, поздражався, и говорицъ: ахъ, Господзи, говорицъ: довжно мнѣ будзець—ужо одзинъ судъ! Узявъ, мёзинымъ пярстбмъ и ўдаривъ сына етого бблыпаго—такъ и ўбивъ. И самъ пришовъ на заняцію и объясьнивъ испэктору, што я ня могъ перанёсьци того, што на мяне пошли моѐ товараши изъ большимъ нападзеніемъ, я давъ имъ малый бывъ признàкъ--знявъ шапку и поддоживъ подъ домъ трохъ-итажный; и думавъ идучи на заняцію отдаць шляпу яму также. А якъ яны мяне воздражили, дыкъ я нѣякъ хоцѣвъ—малѣйша—не знавъ етого, што на мяне злучйтца—я тольки мезинымъ пярстомъ товханўвъ царськаго сына бблыпаго. Осмотрѣвся я, ажно яго й убивъ. И вамъ сознаюсь!—О, Казакъ Михайла, плохо ты здзѣлавъ!—Ну, што жъ дзѣлаць? Довжно быць судзьба моя такая! Куды мяне осудзюць, то я отвѣчу! И пошовъ. И васъ благодару, што я наўчився у васъ! Приходзиць у свою —къ свойму отцу, мацяры, и говорицъ: охъ, каець—дайця мнѣ побѣдаць! *ужо* вы посьлѝ етого, ранше не увидзиця, якъ можа быць пятнатцаць лѣтъ, ци дватцаць, ци соўсимъ ниразу! Старуха и старикъ заплакали гласно. Ёнъ имъ говорицъ: эхъ, бацюшка и матушка, и напрасно вы плачеця—вы тольки поживеџё у ёткой хатки троя одныхъ судокъ, или жа не больше, якъ шесьцеро. А тогда вы будзеця умѣсьци изъ государомъ пиць и ѣсь, и слуги вамъ тожа такъ будуць, якъ бы й государу! Старикъ исъ старухой повесялѣли и стали молитца Богу, и говоруць: «слава табѣ Господзи—што намъ Богъ давъ етакъ!» Удругъ—и никуда ня йдзець Казакъ Михайла исъ хаты, ужо никуда ня йдзѐць. Удругъ ѣдуць огромна сила войськà, и ўзяць Казака Михайлу, и повясьцѝ къ суду по приказанію государському, повясьци къ суду у санотъ. Ёнъ вышовъ, Казакъ Михайла, и отвѣцивъ: э, вы, господа кавалерія. Я увовсе не намѣранъ самовольно жиць, а якъ мяне заняли, я довжанъ отъ сябе откопнўтца! И идзиця вы, братцы, я й самъ иду! И пошовъ. Прихбдзиць самъ у санотъ и говбрицъ дзяжурному, каравульному начальнику: што я издзѣлавъ бтъ такое и

такое приступленіе! Каравульный начальникъ не знавъ, и ставъ спрашавацъ у яго дальше: якъ жа табѣ, братъ, злучилося ето? Ёнъ ставъ расказавацъ. «Дыкъ што, братъ, самъ пришовъ? говорицъ: цябе привядуцъ! говорицъ. Ты бъ походзивъ, погулявъ, табѣ йщо надокучицъ сядзѣць у цюрмѣ!» Сыйчасъ идзецъ самъ государъ, и ёнъ, Казакъ Михайла, усклонився. Государъ сказавъ: молотцомъ, Казакъ Михайла: мойго сына роднаго убивъ! Казакъ Михайла сказуець яму: ну й судзи мяне, коли я убивъ! Сѣли у засѣданіе судьдзи. Государъ приказавъ: у три часа дзѣло поконьчицъ *въ* приступленіи яго, кабъ яго довго... кабъ яго сычасъ. Такъ и здзѣлали. И у етого государа была отъ етого города у сями верстахъ башня такая, што тамъ находзютца разное бесія (bestia), што уже и больше и злѣя у свѣци нема. Осудзицъ яго туды и заперцъ у ту *баню* на троя судокъ. Присудзили яго везьци туды. Подали на яго зялѣзный вагонъ и кабъ кругомъ етого вагона ишли войська разная изъ голымы мечамы. И повязьли яго, посадзивши *въ* вагонъ. Привязьли яго у ету баню и пусьцили туда, и замкнули яго тамъ такимы замкамы, которыхъ и нѣтъ и ня будзецъ сильнѣй, замковъ тыхъ. Казакъ Михайла сѣвъ тамъ, остався. Тольки жъ войська отыйшлися, быць можецъ вярсту, или жа ня боли двюхъ, Казакъ Михайла вышовъ—дыкъ была баня—здзѣлався домъ пяцитажный. Казакъ Михайла ходзицъ по 'днэй тази, ходзицъ по другѣй, и гуляецъ у етымъ доми,—усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо выходзицъ и совнюшко заходзицъ—идзецъ пара убогихъ. Ёнъ и спрашуецъ у ихъ и призываецъ къ сабѣ на ночь. «Эхъ, нищіе убогіе, прошу вашія милосьци къ сабѣ на ночь. Я ёсь одзинъ у доми, и мнѣ веселѣй будзецъ!» имъ говорицъ. Нищіе убогіе зайшли къ яму. Ёнъ имъ то кушаньня поставивъ, што и самъ кушаецъ, й уси тые напитки, што й самъ пъѐцъ. Нищіе ядзяцъ, другъ другу говоруцъ между соби: што мы, скольки живёмъ и ходзимъ по свѣту, ну ще ня було намъ етакаго угощенія! И повячерали, помолились Богу и лягли спацъ. И пераночавали. И назаутраго урани устали и убираютца ици. Выходзицъ къ имъ Казакъ Михайла, и спрашіецъ у ихъ: идзѣ вы бывали, и што вы слыхали? Ци не слыхали вы и ци не видали либо якой новины?—Ахъ, каецъ, паночекъ, яны на яго говорацъ: мы видацъ не видали, а слыхацъ, говоруцъ, то слыхали, што у нашимъ царстьви якій то народзився Казакъ Михайла, и убивъ царськаго сына, и яго осудзили у такую баню, што идзѣ находзютца усѣ бесія. У ту баню якъ упусьцюцъ и замкнуцъ, такъ яго и зьядяцъ тамъ! Яму стала цикава ета новина ихъ. «Да, каецъ, господа убогіе,—бытто и я слыхавъ, што ето ёсь. Ну, зъ Богомъ!» Ёнъ сутки отживъ. Ну, и ходзицъ по днэй итази, ходзицъ по другей, и гуляецъ у етымъ доми, —усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо вы-

ходзиць и совнійко заходзиць. Идзець ще пара убогихъ, ёнъ ихъ и вядзець, остановляець: эхъ, нищіе убогіе, говорыць: проци ночи идзецё вы у городъ—вы довжны знаць, што у городзи плохо на ночь упросйтца. Зайдзиця вы ко мнѣ и параночуйця у мяне! Нищіе убогіе остановились и зайшли. Ёнъ имъ на вечаръ давъ кушаньня, такое жъ, якъ и самъ кушаець. Яны кушали, и мижды другъ друга говорàць: што мы и скольки живемъ на свѣци, ну еткаго кушаньня, ня ѣли, *акъ* тутъ намъ дали! Повячерали, помолилися Богу, тогды лягли спаць, и параночавали. Повутру устали, помолились Богу, и выбираютца. Уходзиць Казакъ Михайла къ имъ, и спрашіець: ахъ, господа нищіе, идзѣ вы бывали и што слыхали? Ци не слыхали, ци не видали новйны либо якой? Яны яму отвѣщаюць, етые убогіе: охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали. У нѣкоторымъ царстьви, и ў нѣкоторымъ государстьви, ня именно у томъ, у якомъ мы живемъ, ёсь лядо самородное; яно само орѐтца, и пашетца, и усѣваетца просой, и ў повночь лошадзь прибѣгаець, ту просу поѣдаець! Больше, говоруць, ничо́го не знаемъ!—Охъ, благодару васъ, господа убогіе, што вы сказали мнѣ,—хорошія новосьци. Якъ бы мнѣ Господзь помогъ сабѣ лошадзь ету достаць? Убогіе поблагодарили и пошли. Казакъ Михайла и ходзиць по дому, красуетца, по однэй итази, по другѐй, и вобче по ўсёмъ доми. На крылцо выходзиць, совнійко заходзиць. Идуць ящо пара убогихъ. Ёнъ на ихъ кличець: ахъ, нищіе убогіе—проци ночи идзецё у городъ,—васъ тамъ ци пусьцюць на ночь, хто? А зайдзиця, ко мнѣ, и параночуйця у мяне! Яны и зайшли. Ёнъ имъ поставивъ вячеру, тую, которую и самъ кушавъ. Яны ядзяць и другъ другу говоруць, што скольки мы ходзили по свѣту, то намъ етакаго кушаньня не злучалось кушаць. Поужинали, помолились Богу, и лягли спаць. Назаўтраго ўрани уставали, помолились Богу, и убираютца ицнць. Выходзиць къ имъ Михайла Казакъ, и яны благодарили яго за ношлегъ: благодаримъ васъ, паночекъ, за ношлегъ! скольки мы не жили, не ходзили, то намъ нигдзѣ етакаго угощенія не было̀! Ёнъ у ихъ спрашіець: ахъ вы, нищіе убогіе, гдзѣ вы бывали и што вы видали? Ци не видали, ци не слыхали либо якой новйны?—Охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали: у нѣкоторымъ царстьви, ў нѣкоторымъ государстьви, ня именно ў томъ, гдзѣ мы живёмъ, ёсь царевня, пруска королевня—сильная пракрасавица, такъ што ина до сябе никóго не допускаець—дорожйць сама своей красотой. И такъ жа оцецъ яѐ соблюдаець подъ большой строгосьцю. Поставивъ ёй домъ особо свойго семейства̀, обнёсъ вокругъ большой сильной ру́дзіяй, такъ што нихто ня можець перайци, и такъ жа и зъ лошадьдзю параѣхаць!—Отъ, благодару ще убогихъ! ваша мнѣ новйна очань находзитца испособна ли мяне, и жалавъ ба яѐ за супругу за сябе узяць!

—Ну, благодаримъ, панокъ!—Идзиця съ Богомъ! Ёнъ и погу̂люець у дому у своёмъ. Государъ уздумавъ и пославъ своихъ рабочихъ трохъ чаловѣкъ: одному давъ мятлу̂, а другому лопату, а третьцяму мяшокъ грязный, и приказавъ тыя косьци вы̂мясьци и высыпаць, куды жа мало народу хо̂дзиць. И яны пошли. И йдуць. Присма̂труюць бани етой. Отыйшли отъ города семъ вёрстъ, по приказанію, стали да й говора̂ць мижда со̂би: куды жъ намъ, говоруць, ици? А другѣй гово̂рыць: тутъ довжно быць! Третьцій то жа, што й яны: ня було тутъ етого дому, кажець. Казакъ Михайла послыхавъ, и выходзиць къ имъ и спрашіець у ихъ: што вамъ угодно, господа? хто васъ пославъ, зачимъ, што вы ня мо̂жеця дойциць? Яны сильно почустовали мижда соби, што ето за господзинъ. Ёнъ у ихъ повторивъ: вы мнѣ скажиця, чаго вы шукаеця? Можа я знаю!—А нѣ, говоруць, вы не знаеця!—А можа знаю!—Тутъ была, говоруць, баня, у которой уси находзилися бесія; и осу̂джанъ бывъ якій то Казакъ Михайла за приступленіе, што убивъ царськаго сына. Дакъ насъ послали косьци вывезьць и змѣсьци туды, гдзѣ нихто ня ходзиць!—Идзиць вы и скажиць тому, хто васъ пославъ, што Казакъ Михайла живъ, а кабъ государъ приказавъ сковаць мнѣ отросточку, сто пудовъ, на корхъ подуну̂ць сарабромъ, и кабъ изъ зялѣза зъ мяхкаго, собственно, якъ была баня выстроена! Яны пошли отъ яго, доложили свойму начальнику, тому, который пославъ. Начальникъ той удругъ написавъ протоколъ лишности государу, што Казакъ Михайла живъ и требуець отъ государа отросточку ли яго скуваць, сто пудовъ, и на корхъ подунуць сарабромъ. Государъ самъ сумився, што я не того чаловѣка занявъ, и поступивъ зь имъ такъ. Ну, однача, здзѣлавъ распораджѐніе кузнецамъ, приказавъ свойму аквитанту написаць приказъ строгій и подаць городскому справнику. Такъ и здзѣлали. Городскій справникъ собравъ съ свойго города кузняцовъ молотцовъ и спрашіець: эхъ вы, братцы, гово̂рыць: мо̂жеця вы у водны судки урема скуваць отросточку, сто пудовъ, и на одзинъ корхъ сарабромъ подунуць? Кузняцы отвѣцили: слушаемъ вашаго приказанія, сповнимъ! Скували отросточку срокомъ, за повсу*то*къ, и приставили къ исправнику. Такжа исправникъ и цару. Царъ приказавъ завезьць къ яму̂, и пославъ свойго аквитанта зъ рабочими: завязиця и подайця, и попросиця яго собственно лишно у мой домъ къ сабѣ, ко мнѣ на чай! Аквитантъ и отправився зъ рабочими, и приво̂зиць. Казакъ Михайла выходзиць. Аквитантъ павъ перадъ имъ на колѣни и отвѣцивъ яму̂: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла! И расказавъ словеснымъ приказомъ, што царъ васъ про̂сиць обядзы̂цельно къ сабѣ на чай! Казакъ Михайла отвѣцивъ аквитанту: охъ вы, братцы: моець, я цара попрошу до сябе у̂ госьци! Ёнъ, Казакъ Михайла, узявъ отросточку у праву руку и вышовъ у чи-

стое поля, раськивавъ, и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, сядзиць другой и просматруець,—отросточка ляциць яго. Ёнъ узявъ, потставивъ мезиный палецъ, отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась! И ёнъ пришовъ къ аквитанту: идзи, ѣдзь къ государу! Или жа мнѣ ня вѣришъ, дыкъ идзи, зьбяри ты комки, што разьбилась! Што просивъ васъ, кабъ вы мнѣ сковали отросточку изъ мяхкаго зялѣза, а вы мнѣ зьляпили зъ гоньчарныя глины! Ѣдзь къ цару и скажи, кабъ скувавъ мнѣ отросточку у двѣсьця пудовъ, и на два корхи кабъ серабромъ подунуць, ды кабъ съ такого зялѣза, якъ у мяне у бани! Аквитантъ отвѣцивъ: слушаю, говориць, Казакъ Михайла! и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ цару и доложивъ. Царъ давъ приказъ аквитанту, кабъ ковалёвъ тыхъ подъ арестъ, а приказаць другимъ, кабъ зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхи кабъ серабромъ подунуць. Тогда поѣхавъ аквитантъ съ приказомъ, и давъ приказъ справнику: якіе у васъ найлуччіе ёсь кузняцы, штобъ на которыхъ вы лучче можеця надзѣитца, тымъ прикажйця! Справникъ отвѣцивъ: слушаю, ваша привосходзицельство! Собравъ кузняцовъ и приказавъ имъ: вотъ, говориць: даю вамъ приказъ, кабъ вы зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхи серабромъ подунуць!—Слушаемъ, говоруць: мы постараемся ли васъ, говоруць. Ну, набрали зялѣза самаго такого, якого яны знали мякчѣйшаго, и начали работаць. До повсудокъ скували и еты отросточку и приставили къ справнику; а справникъ къ аквитанту. Доложивъ квитантъ государу. Царъ сказуець аквитанту: ѣдзь, братъ, ты ужо одзинъ будзешь посланецъ! Етый узявъ рабочихъ, узявъ отросточку и повёзъ. Подъѣжжая къ Казака Михайлы дому. Остановивъ рабочихъ ля дому, а самъ пошовъ на крылцо, павъ на колѣнкахъ. Казакъ Михайла убачивъ. И спрашіець у яго: Казакъ Михайла! што угодно, говориць, дзѣлайця,—привёзъ! говориць.—Скольки жъ вѣсиць?—Двѣсьця пудовъ.—Съ хорошаго жъ зялѣза, ци зъ глины зьляпиля, съ которыя гоньчары миски лѣпюць?—Просиць васъ государъ къ сабѣ на чай! Ёнъ говориць: эхъ, господзинъ аквитантъ, можець я попрошу государа къ сабѣ на чай! Узявъ, надзѣвъ тросточку на правую руку и вышовъ у чистое поля, раськивавъ, размахавъ, пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ и два. И просмотрѝвъ—отросточка справляетца! Ёнъ наставивъ мезиный палецъ правой руки—отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась. Тогды ёнъ и пошовъ. Приходзиць къ аквитанту: ахъ, якъ жа мнѣ, говориць, пойциць къ цару на чай? Пойдзицесь и скажицесь моимъ словомъ, што я дотудова не буду,—хай государъ скуець триста пудовъ тросточку, и на три корхи *срабромъ* подунуць. И съ самаго помякшаго зялѣза! Помниця, якъ мяне у баню запирали! Тогды я приду къ цару на чай! И аквитантъ поѣхавъ. Доложивъ государу, што

отросточка побита, и Казакъ Михайла просивъ, кабъ яму сковали отросточку, триста пудовъ, и на три корхи серабромъ подунуць! Царь удругъ приказавъ аквитанту подаць справнику приказъ, тыхъ кузняцовъ подъ арестъ, а ўзяць другихъ. Узявъ справникъ тыхъ кузняцовъ подъ арестъ. Узявъ другихъ: ахъ, братцы, говориць: што вы дзѣлаеця? Тые здзѣлали мошенство, а вы постарайцесь якъ лучче! вы жъ майсцера, большай мяне знаеця у етымъ дзѣли. Постарайцесь, братцы—получиця награду!—Постараемся, ваша високородзіе, дли васъ, вашъ приказъ споўнимъ получче! Скоро пошли и стали кувацъ. Якъ куваць, дыкъ куваць, якъ куваць, дыкъ куваць, и кували цѣлныя судки. И скували отросточку у судки и приставили къ исправнику. Також исправникъ и цару. Государъ пославъ аквитанта: ну ѣдзь, брацецъ, говориць—служи. И проси обядзицелно, штобъ—што не случитца—кабъ не 'ставилъ моѐ прозьбы, прибывъ ко мнѣ! Аквитантъ узявъ и отправився зъ рабочими, и привозиць. Казакъ Михайла выходзиць. Здрастуй, говориць, аквитантъ!—Здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла! Што угодно дзѣлайця со мной!—Нѣтъ, говориць, ты, говориць, посланецъ царській! Ну што жъ, говориць, скували?—Скували.—Дзѣ жъ ина?—А вотъ! Вялѣвъ подвязьцй. И подвязьли. Казакъ Михайла узявъ у правую руку отросточку и вышовъ у чистое поля, раськивавъ и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, самъ сядзиць два, самъ сядзиць три—и просматриваець. У чатьвёртомъ часу отросточка справляетца. Казакъ Михайла наставивъ колѣно правое—ета отросточка только угнулась. Ёнъ узявъ, цисканувъ, выпрамивъ яе, узявъ у праву руку, раськивавъ, размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, сядзиць два, сядзиць три, сядзиць четыре—и ў пятомъ часу просматриваець,—у пятомъ часу отросточка исправилась и упала на землю: тупымъ концомъ—здзѣлалася сажалка у семъдзесятъ сажанѣй растоянія и повтора аршина глыбини,—а войстрымъ, на семъдзесятъ сажаней колодзяжъ здзѣлалась—и йна не побилась. Ёнъ узявъ яе у праву рукў, и потходзиць къ аквитанту и говориць: слуга царськая, благодару, говориць, васъ, што вы скували отросточку! И поѣдзьця икъ цару и скажиця, што я буду ици у дзевяци часовъ вутра, тогды къ цару на чай я зайду. А ўпяродъ пойду къ свойму бацюшку и матушцы, отвѣдаю, ци живы яны, ци здоровы, ци померли. А оттуда пойду къ цару! Аквитантъ поѣхавъ, пріѣхавъ къ государу: Казакъ Михайла казавъ мнѣ, што къ вамъ будзець у дзевяць часовъ вутра, а прежде ёнъ заѣдзець отвѣдаць своихъ бацькбвъ, *такъ какъ* Казакъ Михайла ня бывъ шесь судокъ! Царъ приказавъ аквитанту свойму выдаць приказы по ўсимъ дзивизіяхъ, визіённымъ командзерамъ, кабъ кажнаго полка, сколькі имѣетца, уся музыка збрана, и кабъ усѣ солдаты надзѣли паратну одзѣжу, и поставиць у кож-

нымъ перавулку, дзѣ можно чаловѣку пройцицъ, кабъ и тамъ було, исключая тольки того провулка, гдзѣ невозможно. Музыка, ина по ближнихъ вулицахъ, и начальники водли яѐ! Такъ государъ приказавъ аквитанту. Аквитантъ усимъ начальникамъ приказавъ, тые полковымъ полковникамъ, ротнымъ, такъ пошло дальше. Такъ за одны судки усё войська приготовлено, строгимъ государськимъ аппираторськимъ приказомъ. Також и выстроили, исповнили. Идзець Казакъ Махайла, уходзиць у городъ, замѣцили яго, дали приказъ, подавши по полкамъ усимъ—музыка зайграла съ походнымъ маршомъ. Войска пѣсьни, начальство потходзиць, Казаку Михайлу чесь отдаець: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла!—Спасибо, братцы, ёнъ сказуець, што вы мяне проздравляеця! Аквитантъ царськiй обрачаетца: господзинъ Казакъ Михайла, милосьци просиць царь цябе!—Эхъ ты, брацецъ, слуга царськая! Иць я табѣ сказавъ, слова свойго мѣняць ня буду—мнѣ треба своихъ папеньку и маменьку отвѣдаць! Иць ты жъ посылавъ рабочихъ моѐ косьци измéсьци!—Тогда смотрѝць—не находзиць ёнъ мѣсносьци, идзѣ народу нѣту. Што жъ ето государъ, съ кимъ ёнъ шуцѝць? Што ёнъ хоцѣвъ найциць на зямлѣ, такихъ на зямлѣ мѣстовъ, идзѣ бъ людзи не ходзили. Вязьдзѐ по зямлѝ людзи ходзюць, якъ я вижу! Ну и идзи!—Ёнъ и пошовъ. А Казакъ Михайла пошовъ къ своимъ, папеньку и маменьку отвѣдаць. Приходзиць Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушки, яны живы, и слабы, и некому имъ прислужиць ли ихней старосьци. Ёнъ говориць: здрастуй! и цалуець имъ у рукỳ, бацюшку и матушцы. И яны рады, и бытто якъ поздоровѣли. Приняли яго и сказали такъ, што мы уже не надзѣялись, кабъ мы цябе видали живого и здороваго.—Эхъ, папенька и маменька: смяшнò мнѣ дли васъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у *своимъ* мнѣнiи. Я жа вамъ сказавъ, што буду! Я жъ вамъ сказавъ, што вы, при старосьци, будзеця находзитца у царськомъ семéйствьи, и прислуга вамъ такжа будзець! И приставивъ свою отросточку къ етой избушцы. Тогда и самъ увыйшовъ, и сѣвъ обѣдаць. И ўвидали яны, што ёнъ кушаньня кушаець такое, што у яго ня можець быць яно, ня видно было яго. И просиць ихъ къ сабѣ кушаць. Яны сказали: благодаримъ, сынъ нашъ рóдный, откудова табѣ Богъ послаЕъ ето кушаньня? Сѣвъ старикъ исъ старухой, покушали. Тода помолились Богу и благодарàць сына свойго рòднаго за хорошее кушанье. Ёнъ имъ отвѣцивъ: благодариця бóльшай Бога, якъ мяне. А йдзи, бацюшка, и ўняси мою отросточку, кабъ яѐ хто нибудзь не ўтащивъ! Старикъ пошовъ; вышовъ, посмотрѣвъ на отросточку, показалось яму крѣпко страшно. Вороцився старикъ: што такое ли моѐ избушки стоиць? Казакъ Михайла засьмiявсь и сказавъ, и говориць: эхъ, одно я вамъ говоривъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣнiи! Ето моя отросточка, съ кото-

рой я довжо̂нъ по̂ свѣту пуцешестовацъ, и дойцицъ сабѣ законную жану! Попрощався и пошовъ. И старикъ той сказавъ: Богъ табѣ поможи, што ты задумавъ. А мы такъ жа остаёмся, якъ были!

Не ожидаецъ царъ Казака Михайлу, а посылаецъ свойго аквитанта, попросицъ собственно Казака Михайлу, кабъ прiѣхавъ къ яму исъ своимъ папенькомъ изъ маменькой: и буду я видзѣцъ етыхъ стариковъ! Аквитантъ поѣхавъ. Подъѣжжаецъ, на колѣнкахъ павъ, подъѣжжая къ избушцы. Казакъ Михайла увидавъ, выходзицъ и говорицъ: посланéцъ царськiй! я жъ сказавъ, што я приду, то приду. Я жъ слова свойго не мѣняю! Аквитантъ говóрицъ: а мянѐ жъ посылаюцъ, говорицъ, я довжонъ поѣхацъ!—Ну, бяри мойго папеньку и маменьку, садзи исъ собой и ѣдзьця разомъ къ цару, а я не дальше, якъ чаразъ часъ урема буду йци! Аквитантъ забравъ и поѣхавъ, старика и старушку—и поѣхавъ. Привёзъ стариковъ у царськiй домъ и доложивъ цару, што привёзъ по приказу Казака Михайлы.—Благодару цябе, аквитантъ, заслужишъ лучче чаго! Што ёнъ цябе уподобавъ. Можа я чаразъ твоё обращенiе избавлюсь со ўсёй своей чéранью. Коли Казакъ Михайла приказавъ папеньку и маменьку приказавъ привѐзьци, довжно̂, ёнъ ихъ у мяне оставицъ пожицъ! Поздоровкався государъ: дзѣдушка и бабушка, не знаю васъ якъ дорожицъ, и не знаю, якъ устрѣцицъ! Узявъ государъ дзѣдушку за руку, а царица бабушку, поцаловали у руки, и повялѝ у свой домъ, и приглашали разныхъ кушаньевъ. Дзѣдъ и бабка говоруцъ то: ваша царськое вяличество! мы не знаемъ сами средствъ, якъ бы упросицъ сына за ваша прiяство. О! Што мы станемъ говорицъ, то ёнъ отвѣщаецъ: што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣнiи! Яны сѣли тогды, старики, ѣсь. Черазъ повчаса являетца Казакъ Михайла у домъ царськiй,—нихто не видавъ съ усяго етого войськà, што было̂ приготовлено. И говорицъ: хлѣбъ да соль! простымъ языкомъ. Государъ отвѣщаецъ: милосьци просимъ икъ намъ обѣдацъ! Я не знаю, што вы такiе за людзи!—А я Казакъ Михайла, я ёсь сынъ етыхъ стариковъ, которые зъ вами обѣдаюцъ! Царъ спугався, упавъ на мостъ и ўдругъ полежавъ пяцъ минутъ. Узявъ Казакъ Михайла цара подъ рукў и поднявъ, и говорицъ: вы чаго у своимъ доми боицёсь? Ёнъ, царъ, проговоривъ слово одно: што я не знавъ и не видзѣвъ, якъ вы увышли ко мнѣ, и якъ ето нихто не могъ васъ видзѣцъ. Воля ваша, Казакъ Михайла!—Што, я вамъ, високое аппяраторство, прощаю, што вы мяне запирали у баню такую, гдзѣ усѣ бесiя находзютца! Я избавився молитвой своей, тэй, которую я изнавъ! И вамъ усяго отъ мяне—кормицъ моихъ бацюшку и матушку тымъ кушаньемъ, якъ и сами, и также одзéжой одной, и такжа кушаньемъ и прислугой! А я, младыжъ-юношъ, хочу пойцицъ у свѣтъ Божiй! Государъ отвѣцивъ яму: благодару, Казакъ Михайла, што вы дали

мнѣ небольшое наказанія!—За етымъ до свиданія, ваша анпяраторськое вяличество! Я й пошовъ. Государъ спрашіецъ у яго: што табѣ треба на дорогу? можецъ у цябе дзенегъ нѣту?—Ахъ, ваша анпяраторськое вяличество, якъ жа вы говdриця? Штобъ у мяне не было! До свиданія. Я ўже пошовъ! И пошовъ.

Ну, якъ ици дыкъ ици, скоро казка кажетца, ня скоро дзѣло дзѣетца,—потходзиць къ тому жа ляду, самородному. Проса успѣла; смóтра на яѐ, словомъ якъ на лѣсъ. Казакъ Михайла узявъ, махнувъ своей отросточкой вокругъ сябе—нажавъ чатыре снопы, и звязавъ, и самъ сѣвъ, поставивъ ихъ стоймà нàўхрастъ. И самъ подъ еты снопы сѣвъ, и сядзиць. Ўдругъ у повночь лошадзь бягиць, ажъ земля-мацъ стогня. Лошадзь прибѣгши къ ляду самородному, и начилà просу ѣсь. Доѣлась до етыхъ сноповъ—пóрснула своими ноздрами и сказала человѣчимъ голосомъ: эй, хто тутъ ёсь? Никdго ў свѣци не боюсь, сключая Казака Михайлы! Казакъ Михайла младый юношъ, ёнъ еще не довжóнъ зайциць сюда! Казакъ Михайла мовчиць сѣдзя. Лошадзь опяць жа повтораецъ эты самы словы, и разинувъ ротъ на еты снопы. Тольки проглыцйць—Казакъ Михайла хвацивъ яѐ за грыву яѐ! Смотрйць—ажъ яна исъ сядломъ, и уздой зануздàна. Усхвацився на яѐ Казакъ Михайла, лошадзь сторопѣла и хвацилась подъ небеса. Казакъ Михайла оправився и сѣвъ вéрхомъ на яѐ, у сядло, настояща, якъ надо быць, молодзецкимъ мнѣніемъ. И ўзявъ отросточку у правую руку, и ударивъ лошадзь одзинъ разъ. Лошадзь почустовавъ, што ударъ больный ёй, и говориць молодзецкимъ голосомъ, што ёсь вѣрно на мнѣ Казакъ Михайла, а инàча нихто! И зморилась сильно лошадзь подъ небомъ, и пала на землю, и ў землю увязла до самыя спины,—тольки спинка вйдна. Тогда Казакъ Михайла излѣзъ, отвѣщаецъ лошадзи своёй, што, отъ, лошадзь, говориць: я цябе изъ зямли вызволю, тольки у такимъ то царствьи, у такимъ то государствьи ёсь царевня, пруская королевня, прακрасивая,—такъ што пригожѣй яѐ нѣту у свѣци. Можамъ мы съ тобой туда доѣхаць? И такжа лошадзь я табѣ ящо приговарую, што ина у доми у вособномъ. Тэй домъ кругомъ силной орўдзіяй обнясёнъ, такъ што мало котораа пцица можецъ чаразъ яѐ пераляцѣць. Ци можамъ, лошадзь? Ина яму отвѣщаецъ: скажи жъ ты мнѣ, якій ты ёсь младзенецъ? Я почустовавъ, што довжно быць Казакъ Михайла! Ёнъ засьміявся, якъ яна ето сказала: вѣрно, говориць, ёнъ!—dтъ цяперъ я табѣ скажу, што я могу *ча*разъ ету орудзію пераляцѣць, и царевна цябе будзецъ хватаць за руки, и будзецъ цябе просиць у свой домъ, ты яѐ ня слухай, а тащи къ сабѣ на сядло. И тогда мяне удà*ра*шъ ударомъ лёхкимъ, но не такимъ, якъ цяперъ! Тогда Казакъ Михайла говориць лошадзи: ну, я почустовавъ, што ты мяне понесла больно високо, ужъ просьци мнѣ, лошадзь моя, за етый ударъ, ужо генакъ ня буду! Узявъ зá грыву и вытащивъ ету лошадзь изъ зéмли, и

говорицъ: ну, ότъ, лошадзь, и ѣдземъ до царевны! А лошадзь яму объясняецъ—што ёсь у етого отца у яѐ лошадзь богатырськая тожа. Оцецъ яѐ богатыръ, и ёнъ погонитца у догонъ на лошадзи своёй. Казакъ Михайла говорицъ: благодару цябе, лошадзь, што ты мнѣ сказала, а я и не знавъ етого! Говори мнѣ, лошадзь, и больше чаго! Догоницъ мяне яѐ оцецъ? Лошадзь яму отвѣщаецъ: догоницъ!—Ага! Ну, а побидзицъ ёнъ мяне? Лошадзь отвѣщаецъ яму: побидзицъ!—Цссъ! Казакъ Михайла бытто и сумився, и уздумавъ то, што вѣрно мнѣ приходзитца у чужей сторонѣ свою жись коньчицъ. И бывъ обдумавъ ня ѣхацъ. А посьля подумавъ тὸ, што я разъ родзився, разъ и помирацъ! Поѣдземъ, лошадзь, съ тобой,—што Богъ дась, то и лучитца! И поѣхали. Выѣжжаюць у нѣкоторое царство, у нѣкоторое государство, именно у то, гдзѣ ета царевня, пруская королевня живѐцъ. И подъѣжжаецъ къ етому саду, смотрицъ—силная громадная орудзія. Ёнъ лёхкамъ ударомъ лошадзь ударивъ—лошадзь поднялась подъ небеса,—чаразъ ету орудзію пераляцѣла. И царевня, пруская королевня увидала ихъ, и подбѣгла къ вокошку, и даéцъ яму праву свою руку и просицъ яго: эй, говорицъ: и чувóмъ чувацъ, и видóмъ видацъ—ци самъ бѣлъ молодзецъ наѣжжая, ци воронъ косьци яго принёсъ? И хвацивъ ёнъ яё за руку, а ў комнату икъ ёй не пошовъ, а къ сабѣ узявъ на сядлὸ. Бытто лошадзь обидзилась за гласъ царевнинъ, што сказала неподобныя слова, и поляцѣла обратной пуцёй. Пяредьнія ноги чаразъ орудзію перанясла̀, задьними торганўла. Такъ усю ету орудзію поломала на мелкія часьци, и ўвесь городъ кирпичомъ заворoцила, усё строеньня, сключая государськаго дома. Етого жъ царевны отца на стайни лошадзь зарзала. Оцецъ жа яѐ ето уремя обѣдавъ. И такъ, бросивъ обѣдъ и бягицъ икъ ёй у однэй рубахи: эхъ, лошадзь моя богатырськая! гласомъ сказала мнѣ богатырськимъ, што моя царевна, пруская королевна, давно украдзена и звѐзена. Скажи мнѣ, лошадзь, попра̀ведьни: можамъ мы яго догнацъ? Лошадзь отвѣщаецъ: можамъ!—А звоевацъ?—Можамъ звоевацъ! Царъ обрацився у свою хвацеру, и хвацивъ войструю мечь, и поѣхавъ у догонъ на своёй лошадзи. Наѣжжая на Казака Михайлу. Казакъ Михайла нѣякъ ня ўслышавъ, што изза̀дзи на яго лучитца, й узявъ царъ свою войструю мечь, и махнувъ, и зрубивъ голову долой Казаку Михайли! А свою дочь узявъ къ сабѣ на сядло, и лошадзь такжа забравъ, и поѣхавъ. Казакъ Михайла остався няживымъ тое мѣсто.

Пріѣхавъ и сѣвъ добѣдовацъ. Добѣдавъ и лёгъ отдыхацъ. Царевна ета, пруская королевна, почустовала па сябе жалось, на своимъ щирымъ серцы. И отца жалко, и етого молотца жалко. И подумала такъ: што можа другого такого и ў свѣци нѣту, якъ ёнъ бывъ! Етого жъ цара была вода ґоющая и живущая. Царъ етый успувъ богатырськимъ

сномъ, и бытто якъ изъ дороги. Царевна, пруская королевна, вынила у свойго отца ключики, узила съ кармана, и оцецъ яе ня ўслыхавъ, якъ ина ключи брала. И пошла у склепъ, и ўзила воды гоющей и живущей. И пошла тогды пѣшшу, идзѣ Казакъ Михайла убитый. Прышла, узила, головў яго прыложила къ яго жиламъ, якъ треба быць, и тогды полила водой гоющей. Ето ўсё прижилóся. Удругъ жа, ня 'тходзя, царевна полила водой живущей—ставъ живъ—и ўставъ и воскакнўвъ: ахъ, якъ я крэпко ужасно бывъ уснувъ! И призабывъ собственно ўсё, зачимъ ёнъ доходзивъ. Удругъ, посмотрѣвъ ёнъ ли сябе, сядзіць крэпко пракрасивая барышня; ёнъ у яѐ и спрашаваець: здрастуйця, хто вы такія ли мяне сядзіця?—Разьви ты, Казакъ Михайла, уже и не знаешъ, хто я такая? Я ёсь царевна, пруская королевна, пракрасная дзѣвица, и твоя жана, и жалаю быць твоёю жаною! Ёнъ отвѣщаець: да! вотъ, якъ ты мнѣ сказала, я й увознавъ сичасъ! Дзѣ жъ мой лошадзь, охъ, Божа мой—дзѣ жъ мнѣ найциць яго? Смотриць ли сябе у другую сторону—ляжиць яго отросточка, таа, котораа ли яго способна. Ёнъ и говориць: благодару Бога, што моя отросточка ёсь! Можець я быць, найду и лошадзь свою. Царевна, пруская королевна, не тходзя, отвѣщаець: ты мяне на гэтой лошадзи не достанешъ, а табѣ треба ициць ящѐ у свѣтъ Божій. Ты уже бывъ пераставився и убитъ! Ты пóйдзешъ уновъ страдаць у свѣтъ Божій. И до свиданія на гэтомъ! Порукалиси и поцаловалиси. Идзи зъ Богомъ! Тольки я табѣ сказала, ды ще и ня ўсё.—Прошу цябе, скажи усё, куды мнѣ ициць!—Идзи ты,—у нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви ёсь Баба-Юга, зялѣзная нога, и ў яе три дóчки; тыя три дочки разнами скідаваютца звярыми, разными пераставленіями. То ты наймись у яе и пасьвиць трёхъ кобылицъ! Ёнъ пошовъ. Хоцітца яму ужасно ѣсь. Сустракаець, бяжиць яму чаразъ дорогу вовкъ. И говориць Казакъ Михайла самъ сабѣ—што трэба мнѣ етого вовка убиць и зьѣсь, бо печымъ мнѣ поживитца! Вовкъ ето услыхавъ и говриць: эй, Казакъ Михайла: ня би мяне и ня порци: я табѣ при злой годзини знадоблюсь! Стало яму жалко вовка̀. И пошовъ. Отхоцѣлося яму трошку ѣсць. Отъ, ициць дальше. Скоро казка кажетца, а ня скоро дзѣло дзѣетца,—бяжиць яму чаразъ дорогу заицъ. Ёнъ яго хоцйць убиць и зьѣсь. Заицъ говориць яму чаловѣчимъ голосомъ: ня би мяне, ня порци,—я табѣ при злой годзини знадоблюсь! Тэй и пошовъ—отхоцѣлося яму трошку ѣсь. Отъ, и ициць дальше. Потходзиць къ мору, и треба яму перайциць чаразъ мóра. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: Господзи, ѣсь мнѣ хочетца, и ѣвъ я давно, и чаразъ мора не ў чемъ: видно мнѣ оставиць усё ето, што пошовъ я чаго доходзиць. Охъ, Господзи, сяду, отдыхну трохи! Сѣвъ отдыхнуць и уснувъ. Троя судокъ уснувъ. У то ўремя силная бура узнилась на мóры, Китъ-рыба разгулялась у моры.

Другъ волна пракрацилась, Китъ-рыба попярдкъ мора задзéржилась, и такъ, ниякимъ средствіемъ ня можець исправитца. Казакъ Михайла говорицъ голосомъ: охъ, Господзи, отрублю етой рыби голову̀, покраплю̀сь я за ўсю дорогу! Тольки узявъ отросточку, хоцицъ отрубиць голову̀—Китъ-рыба отвѣщаець: эхъ, Казакъ Михайла: ня би мяне, ня порци, я табѣ при злой годзини знадоблюсь. Ты жъ видзишъ, што я табѣ ужо сычасъ нужна, перайци на тэй бокъ!—Ёнъ узявъ и перайшовъ по ёй. Тогды и говориць: ахъ, трэба яе звороцѝць у мора! Узявъ за хвостъ и звороцивъ яе у мора. Самъ и пошовъ. Приходзя къ той Баби-Юзѣ зялѣзной нозѣ и каець: добрый дзень!—Здоровъ, молодзецъ! Куды Богъ нясець? Ёнъ ёй говориць: бабушка, я иду—хочу што идзѣ заробиць!—А што жъ ты жалаешъ, каець: ци дзенегъ, ци хлѣба, ци одзежы, ци чаго!—Ахъ, бабушка, говориць: тогда я вамъ могу сказаць, якъ заслужу̀ у васъ, а вы мнѣ искажѝця, икая у васъ служба, моець, дли мяне и цижалà будзець! —Охъ, нѣ, молодзецъ—ня будзець цижала: у мяне ўсяго трохъ кобылицъ пасьциць троя судокъ!—Хорошо, бабушка, отвѣщаець ёй. Моець, и исповню ето!—Ну, й оставайся! Отъ табѣ ужинаць, и ночуй, и заўтра ураньни уставай, я табѣ сягодьни укажу, дзѣ моѐ кобылицы стояць! Ина и ўказала. Ну, й кладзись спаць, добрый молодзецъ! Ёнъ лёгъ спаць. Пераспавъ. Устаѐць съ утра и идзець у сарай; отчинивъ сарай—кобылицы, да! голодныя. Ёнъ гнаць. Бабушка послыхала,—охъ, молодзецъ добрый! Што жъ ты гонишъ и ня ѣвши, и съ собой ничо̀го не бярéшъ, на̀ табѣ хоця одзинъ пирожокъ! Ёнъ узявъ пирогъ, погнавъ. Выгнавъ у зялёные луги, у шавкóвыя травы, на крыничныя воды, и самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Полежавъ троху, ды пирогъ зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ два часа проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицы. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходо̀й, молодзецкой ступо̀й—во всѣ чатыре стороны, отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ и ставъ, да й плачець. Бяжиць вовкъ тэй: эхъ, Казакъ Михайла,—чаго плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ жа мнѣ не плакаць или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злу̀чаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я ўзявъ на своѐ руки пасьвиць! Вовкъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твоѐ кобылицы—табѣ ихъ не найциць! Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци,—яны были кобылицами, а цяперъ вовчицами,—стой жа тутъ на етымъ мѣсьци, и синій камень хапа̀й, и на ихъ кида̀й—якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стойць. Тойчасъ гонюць ихъ—ирвуць за заднія ноги, звяръё, вовки̇. Ёнъ синій камень хапаець и на ихъ бросаець, и говориць: якъ были вовчицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были вовчицами, такъ и пераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вéрхомъ и поѣхавъ. И давай ихъ своёй отросточкой угощаць. Яны

ажъ стогнуць. Подъѣжжаець къ дому къ ихнему, и выходзиць ета сама Баба Юга залѣзная нога и спра*шаваець*, не были ли кобылицы у шкодзи, либо гдзѣ, што ты опоздавъ зь имы на хвацеру ициць—уже скоро сонца зайдзець, а я табѣ приказавала, кабъ не позьнився. Ну, добрый молодзецъ, прощаю табѣ на первый разъ, а заўтра постарайся пораньше! Ёнъ загнавъ кобылицъ, Баба Юга дала яму вячераць, посцель послала. Ложись, добрый молодзецъ, отдыхай—ты заморився! Ёнъ и лёгъ, повячеравъ, помолився Богу и лёгъ спаць. И спиць. А я табѣ говору, добрый молодзецъ, —я пойду у баню помыюсь, а ты будзь у дворѣ. И я табѣ говору, спи ня вочань крэпко, кабъ никто ничагò не ўтащивъ!—Идзи, бабка, ёнъ каець на яѐ. Отъ ина и пошла. Етыя бабы собачка, чорной шерсьци, росту небольшого, потходзиць и говориць: охъ, здрастуй, добрый молодзецъ, Казакъ Михайла! Отъ, ёнъ и удзивився тогды: Господзи, почаму ёнъ моець знаць, што я Казакъ Михайла?—Я табѣ скажу, што Баба-Юга дзѣлаець сичасъ! Ина цяперъ у бани своихъ дочекъ усихъ наказаваець. Хоцишъ увѣраць мою правду, то идзи, посмотри! Ёнъ и пошовъ. Пошовъ. Потхóдзиць къ бани. Отомкнувъ вокошко и смотриць незамѣтно, кабъ ина ня ўвидала. Ина бъець и приказуець сярэдьней сястрѣ: што óтъ, шельма, большая измянила своё слово, а ты, бесція, не мѣняй. Кабъ вы сьскинулась зайчицами, и зьбѣгли у цёмный лѣсъ, подальше, якъ прошетшій дзень. Ёнъ жа васъ тамъ ня дóвжанъ найциць! Срэдьняя отвѣщаець: слушаю, маменька, сповню! Ёнъ упяродъ пошовъ и лёгъ, и спиць, бытто нигдзѣ ня бывъ. Удругъ давъ Богъ дзень. Ёнъ жа своимъ опяць порадкомъ бярѐць,—уставъ, Богу помолився, и бярець оброцѝ, и идзець у сарай, брытáець кобылицъ, садзитца и поѣжжаець. Баба-Юга послыхала: охъ, молодзецъ добрый, што жъ ты гонишъ ня ѣвши,—ты ѣсьци захочешъ!—А, бабуша, я моець сягодьни не захочу ѣсьци, я хорошо повячеравъ!—Нѣ, возьми, нà табѣ пирожокъ, зьѣжъ, захочешъ. Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И вывевъ у зялёные луги, у шавковыя травы, на крынишныя воды. Кобылицы ходзюць. Посмотрѝць на етый пирогъ, такъ яму ѣсць хочетца. Ёнъ узявъ, зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ тры часы проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходóй, молодзецкой ступóй—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ ставъ, да й плачець. Другъ бяжиць къ яму заицъ: чаго, добрый молодзецъ, плачешъ, чаго рыдаешъ?—
—Якъ жа мнѣ не плакаць, или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злучаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я узявъ на своѐ руки пасьвиць! Заицъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твоѐ кобылицы—табѣ ихъ не найциць. Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци: яны были кобылицами, а цяперъ зайчицы,—стой жа тутъ на етымъ

мѣсьци, и синій камень хапай, и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць. Яны дальше удвойнѣ, чимси учора были! Ёнъ ставъ и стоиць на етымъ мѣсьци. Другъ гонюць ихъ зайцы—ирвуць за заднія ноги. Ёнъ синій камень хапаець, и на ихъ бросаець, и говориць: якъ были зайчицами, такъ нераставцесь кобылицами! Яны якъ были зайчицами, такъ и нераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вѐрхомъ и поѣхавъ, и давай ихъ свой отросточкой угощаць,—яны ажъ стогнуць. И пріѣжжаець, тольки—тольки сонійка зайшло. И выходзиць Баба-Юга и говориць: охъ, добрый молодзецъ, плохо стараесься объ службi своéй, позно приводзишъ!—Ну, ничавȯ, бабка,—погода была, кобылички нямного зыкались (зыкъ), дыкъ яны ня вочань хорошо пасьвились днёмъ, дыкъ я пасьвивъ попозьнѣй! —Ну, я табѣ не позволяю, а сягодьній разъ я табѣ прощу, ды глядзи заўтра не спозьнись, а то пропала твоя служба—я табѣ ничȯго не заплачу! Ну, ложись спаць, никȳды не ходзи, я пойду у баню помыюсь! Баба Юга узила тры возы зялѣзнаго прутьця, и начила, повизла, у баню съ собой. И начила биць; поломала уси еты тры возы прутьця надъ срэдьней дочкой и прикáзыець мéньшай: вотъ, прохвостая, табѣ приказую посьлѣдьній разъ: сьнинутца рыбицами и у цéмное мȯра на дно. Пойдзѝць на своё мѣсто! Ну, яны пошли, стали у сараи. Давъ Богъ дзень —Казакъ Михайла уставъ, Богу помолився, и бярець оброцѝ, и идзѐць у сарай, брытáець кобылицъ, садзитца и поѣжжаець. Бабка послыхала: охъ, молодзецъ, што жъ ты гонишъ ня ѣвши? Ты знаешъ, што надо ѣсь. Я вȯ спала, нездорова, а й то ѣсь хочу. Нȧ во пирожокъ, зьѣжъ—захочешъ! Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И вывевъ у зялёные луги, у шавкȯвыя травы, на крынишныя воды. Ёнъ узявъ етый пирожокъ, вёрстъ на питьдзесятъ отъ сябе отбросивъ, и думаець: ня буду видзѣць, ня будзець ѣсь хоцѣтца. Самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Хочетца ѣсь яму худжай якъ тогда. Пошовъ молодзецкой ходóй, молодзецкой ступой. Поднявъ етый пирожокъ и зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ на дорози и уснувъ, не доходзя̀ до своéй сермяжки. И проспавъ тры часа. Прошнувся, нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходой, молодзецкой ступой—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Пришовъ къ цёмному мору и плачець. Другъ Китъ-рыба являетца. Чаго, говориць, Казакъ Михайла плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ мнѣ не плакаць, якъ не рыдаць: посьлѣдьній дзень дослужиць—и кобылицъ нема, и совнюшка захóдзиць! Китъ рыба яму отвѣщаець: отъ, цяперъ я табѣ знадоблюсь, яны были кобылицами, цяперъ стали рыбицами, и у цёмномъ моры на днѣ. На етымъ мѣсьци стой, синій камень хапай и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стоиць. Тойчасъ гонюць ихъ. Ёнъ синій камень хапаець, и на ихъ бросаець, и гово-

рицъ: якъ были рыбицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были рыбицами, такъ пераставились кобылицами. Ёнъ ихъ побрытавъ, сѣвъ на меньшую дочку и давай ихъ угощать отросточкой своёй, и тымъ боли меньшую. Тогда, пріѣхавъ къ воротамъ—совнюшко ужо зайшло порадошно. Охъ, голубецъ, каецъ, позно!—Ну, бабка, посьлѣдьній вечаръ—попасовавъ хорошо!—Ну каецъ, Богъ съ тобой, идзи вячерай, и ложись спаць, а я пойду у баню мытца, а ты будзь у дворѣ. И спи ня вочань крэпко, кабъ нихто ничо́го не ўтащивъ! Я коли не помыюсь, дакъ ночи̂ не пераночую сягодьнишней! Ёнъ пошовъ, и лёгъ спаць. А бабка узила тры возы зялѣзнаго прутьця и повизла у баню съ собой. Собачка жъ гэтый къ яму потхо́дзя къ посьцели, и говорицъ: эхъ, Казакъ Михайла, ты спишъ, а ня спи, идзи посмотри, што бабка приказаваецъ своимъ дочкамъ! Ёнъ уставъ и пошовъ у баню. Подышовъ подъ вокошко и смотрицъ. Баба Юга била, била дочекъ, тогда на бо́льшую: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды: кархай трохъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна кархапула. Тогда на срэдьнію тожа: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды—кархай трохъ жарабцовъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золоцая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна кархапула. Тогда позвала бабка меньшую: а ты кархай двухъ жарабцовъ, а посьля̀ коросьливаго жарабца, горбатаго, неўдало́го! Ина й карханула двухъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а третьцяго: коросьливаго, горбатаго, неўдало̀го. Тогды баба узила, усихъ зь етыхъ восьми жарабцовъ силу выбрала и ў етого у коросьливаго уложила. Казакъ Михайла полядзѣвъ, и побѣгъ напе́радъ, и лёгъ. Ина повела и постановила жарабцовъ восемъ, и кобылицъ, а дзевятаго у цѣсный кутокъ. Казакъ Михайла пераночававъ—уставъ ураньни, умывся, Богу помолився, и ожидаецъ, покуль Баба Юга устанецъ. Устаѐцъ бабушка: ну, говорицъ, добрый молодзецъ: што хочешъ за труды? Ты ня вѐрно служивъ, да ужо я табѣ прощаю. Што хоче́шъ: ци гроши, ци што?—Эхъ, бабка, за гроши ще убъѐцъ хто небудзь.—А чаго жъ ты жалаешъ?—Я, бабка, хочу отъ васъ узяць жаребчика!—Ну, жаребчиковъ—у мяне, говорицъ, восемъ жарабцовъ ничого, каецъ, а дзевятый—дыкъ дрэнный. Дыкъ мижда восьми выбирай сабѣ котораго хочешъ!—Хорошо! Бабушка отчинила конюшню, стояць жарабцы: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а дзевятый неўдалый-коросьливый, горбатый и сляпый. Ина й говорицъ: ну, вотъ, етыхъ бяри, зъ восьми, а тэй няўдалый! Ёнъ ёй отвѣщаецъ: охъ, бабушка, говорицъ: вамъ нехай хорошіе! Вы ня вочань довольны оставались службой, дакъ Богъ зъ вамы—я возьму худшаго!—А нѣ, каецъ: бяри уже зь етыхъ, я прощаю табѣ!—А хай сабѣ, будзецъ мнѣ

и тэй хорошъ!—Ну, каець, жалко, жалко, ты зь имъ пропадзѐшъ, али ўже трэба отдаць! Спорила, спорила и отдала. Ёнъ и повёвъ. Повёвъ, отвёвся, привёвся къ мору, и говориць,—садзитца на яго хоцѝць. Ёнъ на яго отвѣщаець: нѣ, говориць, Казакъ Михайла: не садзись на мяне, не глуми, я, говориць, ще младъ, дакъ ня выдзержу. Самъ ложись спаць, а мяне отпусьци маткинаго молока пососаць, тогды я больше силъ набярусь! Казакъ Михайла лёгъ спаць, а лошадзь, жаребчикъ, пошовъ маткина молока ссаць. Вотъ цяперъ Казакъ Михайла троя судокъ спавъ, а жаребчикъ троя судокъ маткино молоко ссавъ. Вдругъ бяжиць, ажъ земля мацъ дрыжиць. Казакъ Михайла со сна устаець, осматраваець самъ сябе, хватаець отросточку свою, хоциць размахнуць и ўбиць: потому ёнъ оторопѣвъ. Молодзецкимъ голосомъ и лошадзинымъ посвистомъ лошадзь говориць яму: эхъ, Казакъ Михайла! ня бей мяне, ня порци, я лошадзь твоя! Ты поѣдзешъ на мнѣ цяперъ и ўзнаешъ, достанешъ нявѣсту свою, которую ты пирадо́мъ достававъ! Казакъ Михайла повесялѣвъ. Удругъ сказавъ: слава табѣ Господзи, што можа я оправлюсь цяперъ! Сѣвъ, бярець за ўзду лошадзь, и садзитца на её. Садзитца на её и объясняець ёй: што въ такомъ то царстьви, въ такомъ то государстьви, е́сць царевня, пруская королевня, живець у садзи-виноградзи, въ особенномъ доми отъ свойго отца, отъ мацяры. Той жа садъ сѝлный, орудзіяй обагра́жанъ такъ, што рѣдко которая пцица можець пераляцѣць чаразъ ту орудзію. Мы съ тобой, лошадзь, можамъ пераляцѣць? Лошадзь отвѣщаець: можамъ! И того жъ государа ёсь лошадзь такая, богатырськая, и самъ етый государъ богатыромъ—и можець ёнъ насъ съ тобой догнаць?—Можець, говориць. А звоеваць можець?—Нѣ, ня можець!—Ну, хорошо, говориць. Благодару табѣ, —слава Богу, што ня можець.—Тольки, говориць, не ходзи къ ёй у покои, а тащи къ сабѣ на сядло, и ударашъ мяне ударомъ лёхкимъ! Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Ѣдзець. Подъѣжжаець къ етому саду, ударивъ ету лошадзь свою цихимъ ударомъ, ина перасколчила чаразъ ету орудзію, и прискочивъ къ царевни, пруской королевни. Увидала ина и говориць: ни чуво́мъ чуваць, а видомъ видаць—ци самъ бѣлъ молодзецъ наѣжжая, ци воронъ косьци яго заношаець?—Нѣ, говориць: ня воронъ косьци заношаець, а бѣлъ молодзецъ наѣжжаець!—Ну, прошу васъ, говориць, у комнату! —Нѣтъ, я прошу васъ къ сабѣ на сядло! Узявъ яѐ за правую руку, посадзивъ у сядло; лошадзь жа разсярчала, што царевна сказуець неподобныя сло́вы, и уляцѣла. Лошадзь жа ета, стоя на стайни, зарзала богатырськимъ голосомъ. Царъ самъ ето ўремя спавъ. Уставъ, одзѣвъ на сябе тухли, и бягиць у однэй рубахи, бизъ усяго.—Эхъ, лошадзь моя богатырськая, чаго ржё́шъ, чаго мяне зовё́шъ?—Вы спиця, а ўже наша королевна увезена давно, и уже далеча отляцѣли!—А што, каець,

лошадзь моя, можамъ догнаць?—Можамъ!—А звоеваць?—Нѣтъ, ня можамъ! Вотъ государъ и сумився. Што жъ будзець: догнаць догонимъ, а звоеваць, отняць, ня можамъ,—значитца, прйдзетца жись свою покончиць! Ну, ужъ дзѣлаць нечаго, пришовъ у комнаты одзѣвся, одзѣвъ на сябе одзѐжу и ўзявъ съ собой войструю мечь, и поѣхавъ. Осядлȁвъ свою лошадзь и поѣхавъ. Наяжжая на Казака Михайлу; тольки разложивъ свою войструю мечь, вынивъ исъ пахвы, и ўзявъ у правую руку и хоцѣвъ махнуць Казаку Михайли, кабъ головȣ долой. Казакъ Михайла ня ўслышавъ етого. Лошадзь яго трбпнула задней ногой, и ўбила гэту лошадзь. Тогда Казакъ Михайла послышавъ стукъ, оглянувся назадъ,—отляцѣли дзесяць вёрстъ оттуль. И ўвидавъ яго и обдумався: што жъ, лошадзь моя, ето вѣрно насъ догоняюць?—Да, говориць, вѣрно!—Што жъ ето за стукъ бывъ? —А ето, говориць, я правой нбгой яго лошадзь убивъ; а ёнъ самъ застався у живыхъ!—Вороцись, лошадзь моя, назадъ: я й яго побиджȣ! Лошадзь вороцився туда. Ёнъ наяжжая, налятȣ якъ давъ своей отросточкой, такъ и ўснувъ тэй царъ па мѣсьци! И не ўправився ничого ухвациць оборонитца! Самъ и поѣхавъ. Отъ, ѣдзець. Якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, узьѣзжжаець на чистое пбля подъ своимъ царствомъ, огромадное пбля. Усё то пбля побитымъ войськомъ укрыто, и такъ, што лошадзь яго по щотки идзѐць у крывй. Ёнъ уѣхавъ посрадзй поля того, и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго цара воины, хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? Отгукнйцеся, отзывнйцеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, хто не добитъ, обозвався: ето восько положивъ Трȣхонъ-молодзецъ.—А съ кимъ ёнъ бъётца-дзярѐтца?—Зъ Бабой Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу Ягипицу зьбиць и дочкȣ замужъ узяць за сябе!—А ў которымъ часу яны билиси?—У дзевятымъ вутра, отвѣщаець. Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Отъ, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць,—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣетца—пріѣхавъ на другое пбля—ще больше поля ще больше войська положано. Ужо лошадзь яго идзець по колѣны у крывй. Ёнъ уѣхавъ посярѐдъ пбля того и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго цара воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеся, отзывницеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, недобитый обозвався: ето восько положивъ Трȣхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бъетца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу-Ягипицу зьбиць и дочку за сябе замужъ узяць! —Болванъ ёнъ! за што много такъ силы кладзѐць! А ў которымъ часу яны билиси?—У дзесятымъ вутра! Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣетца—узьѣжжаець на третьцее пбля.

Еще больше пóля, еще больше воська положано. Уже лошадзь яго идзець по брухо у крывѝ. Ёнъ узъѣхавъ посярóдъ пóля того и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго цара воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеся, отзывницеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, недобитый обозвався: ето воська положивъ Трýхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бъéтца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу-Ягипицу зьбиць и дочку за сябе замужъ узяць!—Болванъ ёнъ! за штò много такъ силы кладзѐць! А ў которымъ часу яны билиси?—У одзинатцатымъ вутра! Ёнъ и поѣхавъ; ужо лошадзь свою гониць получче. Подъѣжжаець къ хвацери Трýхона-молотца, пасéтца яго лошадзь подъ яго окошкомъ, и Трýхонъ-молодзецъ самъ обѣдаець. Ёнъ злѣзъ съ своѐ лошадзи и обдумався: эхъ, почаму я знаю, хто изъ насъ сильнѣй? дай-ка угадаю! Пусьцивъ свойго коня на коня Трýхона-молотца,—такъ лошадзь Казака Михайлы якъ дунула ноздрами, такъ тая отбѣжалась вярсты на три отъ того мѣста, а Казака Михайлы лошадзь узила ѣсь пищь тую. Казакъ Михайла ужъ повеслялѣвъ; идзéць прамо у домъ Трýхона-молотца. Отросточка тожъ стоиць у пяредьней комнаци. Казакъ Михайла узявъ яѐ у лѣвую рукỳ, а свою у правую, и бъéць одна объ одну. И праговáруець: чія тросточка побъéтца, той и самъ плошѣй! Трýхона молотца отросточка бьетца, якъ горщокъ, отъ Казака Михайлы отросточки. Трýхонъ молодзецъ, обѣдая, и ўслыхавъ. Посмотрѣвъ у вокошко—и лошадзь яго отогнáта, и чужая пищь ѣсь яго. И ёнъ и закричавъ: хто ёсь у моёмъ доми? Никóго у свѣци не боюся, опрѝчи Казака Михайлы! Тольки я слышавъ такъ, што яго нѣту и живого на свѣци. Обрачáетца бѣжацъ—ёнъ стоиць. Спрашіець: эхъ, ни чувóмъ чувацъ, а видомъ видацъ! Ци самъ добрый молодзецъ заѣхавъ, ци воронъ косьци занёсъ? Скажи мнѣ своимъ словомъ праведнымъ: хто ты ёсь такой? И прошу цябе ко мнѣ обѣдаць умѣсьци со мной! Казакъ Михайла отвѣщаець яму: ты, Трýхонъ молодзецъ, дóвжанъ узнаць самъ! Узялися за руки и пошли обѣдаць. Я, кажетца, бытто, якъ Казакъ Михайла, али я раскажу табѣ злучай, што бытто цябе убито! А ёнъ яму отвѣщаець: правда, говориць: я бывъ убитъ! Ну, узялися за руки и пошли съ Трýхономъ, узялись обѣдаць, богатырськія напитки пиць, и богатырськія между сóби разговариваць слова. И Казакъ Михайла сказавъ на свою лошадзь: эхъ, лошадзь моя, хай жа и та ѣсь; мы жъ помиримся другъ зъ другомъ—насъ мало такихъ ёсь! И обѣдаюць, и лошадзи умѣсьци стали ѣсь пищь богатырськую. Казакъ Михайла говориць: знаешъ што, што я табѣ скажу? мы посьлѐ обѣда выѣдземъ съ тобой на чисто пóля и попробуемъ съ тобой сами мѝжда сóби даць по ўдару! Тогда, который зъ насъ сильнѣй остáнетца? И поѣхали тэй на своей лошадзи,

тэй на своёй. Выѣхали на поля и спрашуюць: ну, который изъ насъ постоиць перадомъ, а тэй будзець отъѣжжаць? Казакъ Михайла отвѣщаець: што я перадомъ постою! Ну ты, скольки ёсь силы лошадзиныя, такимъ лётомъ отъѣжжай, и ты не жалѣя мяне ударъ, кабъ намъ узнаць правду безъ усякой ошибки! Тэй отъѣхавъ, разогнався, скольки ёсь силы лошадзяныя, ляціць,—якъ ударыць Казака Михайлу! и самъ поѣхавъ опяць. Казакъ Михайла якъ стоявъ, такъ и стойць. Ёнъ спрашіець у лошадзи своёй, Казакъ Михайла: хто коло насъ бывъ? Лошадзь яму отвѣщаець: ето довжно быць щамѐль приляцѣвъ, погудзѣвъ и назадъ поляцѣвъ! Тогды ёнъ засьміявся самъ сабѣ и повесялѣвъ, и говорыць лошадзи своёй: што довжно быць тое праведно, што сильнѣя насъ никого нѣту во ўсимъ свѣци божжамъ! Такъ и узрадовався. Ѣдзець Трухонъ молодзецъ во весь лошадзиный духъ и наяжжая одзѐржуець лошадзь свою, и одзѐрживъ. И говорыць Казакъ Михаилъ: вы узнаць могли на скольки вы вёрстъ отъѣжжали отъ мяне? Трухонъ молодзецъ говорыць: я отъѣжжавъ на тритцаць вёрстъ.—А ударивъ ты мяне усими силами, не жалѣя? Трухонъ молодзецъ говорыць такъ: нѣ, говорыць, не жалѣя ударивъ!—Ну, цяперъ ты стой на етымъ мѣсьци, я поѣду! Казакъ Михайла ня ѣхавъ на тритцать верстъ, а не больше дзесяци, и ѣхавъ совяршенно походнымъ шагомъ лошадзинымъ. И вынивъ платокъ съ кармана, подъѣжжая къ Трухону молотцу у близкомъ разстояніи. И махнувъ платкомъ—такъ Трухонъ молодзецъ едвали не упавъ зъ лошадзи, и сказавъ: эхъ, Казакъ Михайла, воля ваша, дзѣлай што хочешъ! насъ двое было, ну я проци цябе младъ, и ў третьцію часъ не дойшовъ до цябе. Попрошу цябе поѣхаць, зь егой Бабой Ягипицой, зялѣзной ногой, подратца за мяне! Хорошо, Трухонъ молодзецъ! Я цябе послухаю, поѣду, зъ Бабой Ягипицой подзяруся. Можець быць окажетца ина посильнѣй мяне! И поѣхавъ. Пріѣхавъ у чистое поля зъ Бабой Ягипицой. Тая выѣхала тожа. Сышлись; ёнъ яѐ увидавъ у глàзы и говòрыць: эхъ, бабка, якъ мы будземъ дратца съ тобою? на травѣ намъ будзець нялвко. Дуни-ка, бабка, во ўси четыре стороны, кабъ бывъ голый токъ! Баба дунула уво ўсѣ четыре стороны—здзѣлався чистый токъ: кусты позносила,—усё! Эхъ, Трухонъ молодзецъ (не знаючи): такъ намъ будзець на току ня удобно! Дуни-ка, кабъ пяскомъ на ўси еты поля! Ёнъ дунувъ; здзѣлався пясокъ. И начали дратца. Ина яго бъець своёй кочаргой, а ёнъ яѐ бьець своёй огросточкой. Убивъ Бабу-Ягипицу по поясъ у зѐмлю, а ина яго стала просиць: эй, Трухонъ молодзецъ, цари, короли бъютца, отдыхъ мѣюць, а ты не даешъ отдыхаць! Ёнъ ёй отвѣцивъ: нѣ, баба, я не жалаю отдыхаць и табѣ не дамъ! Остаѐтца—бабу убиваець у землю по шію. И убивъ, головў зьбивъ ѐй, тулово вырвавъ и спаливъ на мелкій попелъ, и раздувъ попелъ, и поѣхавъ къ Трухону молотцу. Отъ, Трухонъ молодзецъ: твою Бабу Ягипицу я ўбивъ непрія-

целку!—Ну, што жъ, Казакъ Михайла, ну што жъ, каець, якъ дочку будземъ: останетца мнѣ, ци сабѣ возьмешъ? Казакъ Михайла отвѣцивъ такъ: ты жъ видзишь, што моя у мяне ёсь жана, и мнѣ ня нужно больше, зъ мяне довольно одной; а ты забирай сабѣ яѐ,—ци ўсихъ трохъ! Труховъ молодзецъ засьміявся и сказавъ: вотъ дакъ другъ, Казакъ Михайла, дороже стоиць роднаго брата! Родный братъ ня можець раздзялиць, якъ Казакъ Михайла! И до свиданьня! Благодару табѣ!—Живи здоровъ! и пользуйся етыми красавицами. А я свою забираю и жанюсь зъ ёй и живу! Попрощались,—тэй у своё мѣсто, тэй у своё, и живуць—поживаюць, добра наживаюць.

Д. Бабиничи, пугляевск. в. Кр. Макаръ Алексѣевъ, 47 л., негр.

6. Медвѣжьи сыны.

Одна купечацкая жана съ корзинкой пошла шукать грыбовъ. Потомъ, откуда узявся мядьвѣдь, большый, ухапивъ яѐ и понёсъ у лѣсъ. Прынёсъ у свою логву, гдѣ ёнъ, значить, ляжыть,—у логво своё. Осмотрѣвся мядьвѣдь, що женщына мертва,—значить,—спугалася. Смотра мядьвѣдь на яѐ, що дѣлать зъ ёй? Ёнъ яѐ покачавъ—лупнўла жана купечацкая, стала лядѣти. Мядьвѣдь ставъ ласкать яѐ, давъ ёй прыдовольствіе, щобъ значить яна не пугалася. Ставъ яѐ кормить, и потомъ жыть изъ ёй ставъ, такъ, якъ ижъ жаной. И прожывъ ёнъ нѣскольки уремя зъ ёй, и прыжывъ, и яна стала бяраменна. И родила двухъ сыновъ. И назвала большаго Костя, а другого Ваня. И такъ жыли *они* умѣсти много лѣтъ,—лѣтъ пятьнатцать тамъ и большы. Купчиха ета помёрла, осталися дѣти сами, и прожывали зъ мядьвѣдямъ, съ отцомъ своимъ. Потомъ мядьвѣдь почўствувавъ свою смерть и дужа заровъ. И стали збиратца много мядьвѣдявъ. Назбиралось ихъ много; ёнъ усихъ ихъ расправивъ, тольки оставивъ двохъ сабѣ мядьвѣдявъ. И прыказавъ имъ соблюдать, одному—Костю, а другому—Ваню, одному одного̀, а другому другого. Потомъ, зварнувъ дуба мядьвѣдь и доставъ богатырскіе доспѣхи, и давъ имъ по кольцу и по шабли тамъ, и по диньджалу, и сказавъ: вотъ, моѐ сыны! якъ вы пойдетя у разныя мяста̀ и города̀, то вы возьмитя, два диньджала етыхъ уторкнитя ў зямлю. А якъ будетя далеко, и подумая братъ на брата, похочетца яму̀ знать, якъ ёнъ жывѐ на свѣти, ти жывъ, ти мяртвъ, такъ нехай прыдя на ето мѣсто и посмотра диньджалъ. И коли етый диньджалъ будя свѣтлый,—якъ уторкнутъ, такъ сичасъ свѣтлый,—дакъ значитца мой братъ жывъ и здоровъ. А коли будя чорный и крывавый, то навѣрно хоть убитъ надѣятца (неопр. накл.), ти ў тямницы будя сидѣть! Парасказа̀въ етый мядьвѣдь усё своимъ сынамъ, и потомъ помёръ

и мядьвѣдь. Дѣти яго, сыновья, поховали яго якъ отца, и довго пла-
кали по ёмъ, по матяры, по отцу, и скорбѣли значитца, що осталися
сиротáми у пустыни. Такъ яны подумали между собой, братъ зъ бра-
томъ. И говóра бóльшій, Костя: братъ Иванъ, пóйдемъ мы ӯ свѣтъ, по-
бачимъ людей и разныхъ *овѣщей*! Намъ будя весялѣя жыть на свѣти!
Такъ, що подумали, то и случилось. Узяли своѐ ӯсѣ отцовскіе доспѣхи
своѐ, и пошли у ходъ. И медьвѣдѝ, котораго подарова́но имъ, каждый
свойго смóтра, слӯжа имъ вѣрно. И ӯзяли сабѣ и согнули по дубу, пры-
тыркнӯли етымъ диньджаломъ вяршины у зéмлю, прытыркнӯли, щобъ
было имъ мѣсто прымѣтное. Пóтомъ помолились Богу, пошли ӯ путь.
Ишли, ишли яны дорогою, мѣсяцъ или годъ, ти бóляй, и нашли яны
дорогою—случилось имъ двѣ дороги. Костя братъ и говóра Ивану: иди ты,
братъ, одной дорогой, а я другой. Коли жъ ты попéрадъ уздумаешъ на
мяне, то посмотрышъ диньджáла—здоровъ я буду, или ӯбитъ. Тогдѝ братъ
брата значитца будемъ шукать, идэ ёнъ дивсь! Попрощалися тамъ, и ра-
зышлись. Ишовъ, ишовъ Костя по 'дной дорози, и нахóдя на городъ на
одинъ. И видя большыи городъ, и во ӯсёмъ городи усё тёмно, и ӯсё
смутные люди, немà вясёлаго ничóго. Ёнъ спрашуя: ти немà дэ помя-
щэнія параночавàть? Вотъ ямӯ говóрать: господинъ! Утэтый купецъ пу-
скаа странныхъ людей,—идитя, попросѝтясь! Прыхóдя Костя икъ купцу:
господинъ, Костя говóра, купецъ: пуститя параночавать! Ёнъ говора:
ночуйтя! Потóмъ стали разговоры вéсти промежду собой. Костя спрашуя:
господинъ хозяинъ, що у васъ такое смутное и невясёлое во ӯсёмъ го-
роди?—Ахъ, говора, братецъ: у нашамъ царстьви неблагополушно: ёсть
змѣй, который пожыраа людей; и ямӯ давали, етому змѣю, кажный день
по чаловѣку. И прышлася чаргà до самóго уже цара: хоть самъ царъ
иди, хоть дочкӯ вядѝ. Такъ дочаръ пожалѣла отца и сказала: отецъ
мой, батюшка государъ! Пущай я погибну одна! Дакъ ѐтъ, братъ, у на-
шамъ царстьви якóе нещáсьтя! Поетому смутны и невéсялы! Такъ Костя
и говóра: да, ето худо, говора. Чаю попили, поужынали, или повячéрали,
и давайка, говора, братъ, спать ложытца: утро мудрѣй вéчара! Лягли
оддыхáть. Костю тò узрӯпилось, и думая: щò за штука? надо позарань-
шы уставать! Ёнъ распросивъ мѣсность ету, змѣеву, зная дорогу туды.
Уставъ, умывся, помолився Богу и говора: «Мишка, пойдёмъ-ка!» Костя
попрощався съ хозяиномъ и пошовъ. И прышовъ на ето мѣсто, дэ была
издилана для етыхъ людей кущ̀а такая, пострóяна. Вонъ прышовъ
туды, и вошовъ у ету кущу, и сѣвъ ожыдать, що будя. Ажъ ѐтъ ѐдя
съ коляской шастерыкóмъ, вязѐ генаралъ царскаю дочь. И збросивъ яѐ
коло кущы съ коляски, а самъ скорѣй говóра на кучара: «понѧй скорѣй!
поѣжжай дальшы, а то змѣй скоро выйдя!» Сховалися за кусты и смó-

трать, що будя исъ царской дочкой. Царевна ухо́дя у свою кущу у приготова́ную, смо́тра—молодый чаловѣкъ изъ мядьвѣдямъ, и вельми красивый. Яна гово́ра: милый, говора: убирайся отсюдова,—нехай, говора, я одна погибну! зачимъ табѣ пропадать? А ёнъ говора: нѣ, говора, царевна: обождж҃ы, говора, не робѣй!—Нѣ, говора, голубчикъ: тутъ якъ выйдя змѣй, дыкъ насъ усихъ поѣсть, а луччай я одна пропаду! А Костя говора: не робѣй! що Богъ дасть, то й будя! Такъ поговорыли промежду собой,—выхо́дя змѣй изъ воды. Оптрусився и говора: экъ, спасибо цару: за одного да трохъ прыславъ! А Костя говора: нѣ, проклятый змѣй: можа и однымъ подависься! А змѣй говора: якъ такъ? я во ўсимъ свѣти нико́го не боюсь, только ёсть ни ёсть у якомъ то царствьи, нѣўкоторомъ государствьи Костя да Йванъ. Дакъ Кости я боюсь. Ну только не боюсь: яго сюды воронъ костей не занясѐ! А Костя отвѣчаа: а я, говора, и здѣсь! А змѣй говора: ой, здѣсь?—А здѣсь, говора. Змѣй говора: ахъ, Костя—мядьвѣдчій сынъ! давай исъ тобой умѣсти помирымся, и мы ня будомъ во ўсёмъ бѣломъ свѣти никого̀ не боятца! А Костя говора: нѣ, пе́сьсее мясо! добрый молодецъ не ходя по свѣту, щобъ мирытца, а жалаа побитца! Змѣй говора: ну, давай! И стали яны дратца. Костя яму̀ тры головы̀ сымаа, а ёнъ яго у зе́млю ўбиваа. А Костя: эхъ, говора, Мишка: пособи! А Мишка потскакуа, сичасъ змѣя схвативъ, а Костя яму̀ усѣ голо̀вы зрубивъ. Етый змѣй бывъ на шасти голова̀хъ. Ёнъ тогды яго порубивъ у мелкія части, и въ огнѣ спаливъ яго. И змѣй ранивъ Костю у праваю ногу̀. Царевна схватила свой платокъ имянный и завязала яму̀ ногу. И стала яго просить у своѐ царскія палаты: и естли ты, господинъ богатырь, не погнѣваесься на мяне, возьми замужъ за сябе! Такъ што мой батюшка за́кликъ закликавъ: хто змѣя убъѐ, за того свою дочь оддамъ, и повцарствія! А Костя говора: естли вы жалаетя, я жалаю васъ. Только я ина́ча не могу, ближай якъ чаразъ годъ съ тобой жанитца. А царевна заплакала: ахъ, говора, збавитяль ты мой: вѣрно, говора, не жалаетя мяне за сябе! А Костя говора на яѐ: царская дочь! я со ўсимъ жаланіемъ жалаю васъ,—только нѣту урема мнѣ! И давъ ёй руку̀ свою: имѣйтя по̀вную надежду! И царевна дала своё кольцо имянноа, и попрощалася съ Костяй. И Костя гово̀ра: будьтя у повной надежди, только ожыдайтя чаразъ годъ у етый самый день! Тогды обратймся къ вянцу̀! Костя и ўшовъ зъ естымъ. «Мишка, пойдёмъ!» Костя пошовъ, и Мишка зъ имъ. Сичасъ возращаетца бывшы той генаралъ, который прывозивъ яѐ и говора: вотъ, говора, царевна: естли ты за мяне по́йдешъ, дакъ будешъ жыва, а то ўбъю тябе! Усё равно̀, ты погибнешъ! То прысягни мнѣ, *щобъ* я бывъ увѣранъ! А то сичасъ убъю. И парадъ царомъ скажы, що я тябе збавивъ, и змѣя ўбивъ! Царевна подумала: що жъ

мнѣ погибать? прысягла яму: и скажу батюшку цару, що ты мяне збавивъ! Ёнъ сичасъ яе ўзявъ у коляску и поѣхавъ у царскій дворъ. Прывѐзъ ету царевну. Усѣ стали рады, *що* царевна осталася ў жывыхъ. Государъ спрашуа у дочары: дочь ты моя милая, хто тябе збавивъ отъ такой погибели? А вотъ, говора: который мяне прывозивъ генаралъ, той мяне и збавивъ! Генаралъ потскакуа: я, говора, государъ, змѣя ўбивъ и дочь збавивъ! Ну, такъ якъ цару нельзя слова свойго змянить, надо за того дочь свою оддать, хто змѣя ўбивъ, и повцарства. Царевна бача, *що* надо за генарала ити, яна думаа: що тутъ дѣлать? Надумалась сабѣ: стать больной и провóдить урemя сабѣ, дожыдатца Кости свойго. Тутъ дохторà злѣчивали яѐ. Ей воўся ня треба былò лекарства, такъ якъ ина была здорова. Генаралъ опять своё бярéтца: къ вянцу. *И*на зновъ захворэла. И проводила цѣльный годъ етого генарала. *Я*на воўся ня была больна, только яго дурыла. Подышлò ето урemя, у которое треба подойти Костю. Говора отцу: я здорова ўже, папаша! Сичасъ назначили заручины: пить, пить и гулять, и весялйтца. Костя етый обращаетца у етый городъ и заходя къ самому етому купцу. Поздрастовались и говора: що, у васъ благополушно?—Благополушно, отвѣчаа купецъ: у нашаго цара сягодьни пъють заручины! А ёнъ говора: якія?—А, говора: коли были у прошлый годъ у мяне у доми и спрашували, чаго усё у насъ смутно и плачъ,—дакъ якъ царскаю дочкỳ *повъёзъ* генаралъ на зьяденія змѣю, етый самый генаралъ убивъ змѣя, и збавивъ царевну. Дакъ за того генарала и дочкỳ царъ оддавъ: Заўтрашній день будуть вѣньчатца!—Да, хорошо, говора, господинъ купецъ! Костя. Дасть Богъ и мы будомъ на свадьби! А купецъ говора: а дѣ намъ, говора, туды прыдетца быть? А ёнъ говора: якъ? нѣ, быть! я такъ щытаю, що мы будомъ на самомъ перади! А купецъ говóра: урáдъ-ли! А Костя: нѣ, будьтя уверны! Такъ! Мишка, поди сюда! Мишка—эээ! Костя сичасъ вынимаа бумажку, написавъ писямцо. Мишка, говора: нáкось, няси царевни, у рукỳ подай! Только, говора, никóму ў руки ня давай! Мишка сичасъ узявъ у своѐ лапы и побѣжавъ скоро. Прыбѣгъ къ царскому двору, часовые не допущають. Мишку нéкуды доступитца. Ёнъ кидавсь, кидавсь и ўрэзався прамо чаразъ стѣны. Якъ ставъ чаразъ стѣнку лѣзть, попавъ на еты шнуры, що звонѝ были, которыя по кóмлатахъ дають знать. И ўсё ето зазвенѣло. Тамъ спрашувають: що ето такое? Часовые подають знать, що якійся мядьвѣдь дярéтца. Царевна ўслыхала про мядьвѣдя, яна сичасъ ускрычала: ня битя яго, не чапайтя: нехай куды хоча, туды йдѐ. Царевна сичасъ побѣгла сама наўпротѝ, а мядьвѣдь къ ёй бяжыть. Мишка поклонився ёй низко и даéть ёй письмо. Яна прочитала сичасъ ето письмо, *що* Костя издѣсь, у нашымъ городи. Царевна ускрычала: папаша, папаша! вялйтя мнѣ дать лошадей! Госу-

даръ думая: що такое? Сичасъ вялѣвъ, и лошади былй сичасъ готовы; запрѐжаны были сичасъ у золотую коляску. Царевна садитца у коляску, а мядьвѣдь упярòдъ. Яна вялить кучарў: куды мядьвѣдь побягить, туды и ѣдь! Мишка къ дому къ етому прыбѣжавъ и ўскóчивъ у дворъ. Выскочила царевна съ коляски и бяжыть у етый домъ. А мядьвѣдь явився къ Костю. И Костя угадавъ, що царевна къ яму бягить, и ёнъ па ўстрѣчу. Обнялись и поцаловались. Такъ былй рады, що друхъ друха найшовъ. И царевна говора: слава Богу, слава Богу, що вы, Костенька, жывы! садитясь, говора, ѐдомъ къ папашу мойму у нашы царскія палаты! Костя обратився къ купцу: пòйдемъ жа, братъ, говора: я говорывъ, *що* будомъ напéради!—Да, говора, братъ: слава Богу! Садитца у коляску царевна и Костя, и купца забрали у коляску, съ собой умѣсти. Прыѣжжають. Стрѣвъ ихъ самъ государъ зъ вяликой радостю. И дочь говóра: вотъ, батюшка-государъ, мой збавитяль явився! Государъ говора: ахъ, дочь моя: зачимъ ты сказала, що генаралъ тябе етый избавивъ? Царевна говора: нельзя былó и мнѣ вы̀вертѣтца: я ямў дала прысягу! Ёнъ сказавъ: естли ты мнѣ не прысягнешъ, то я тябе усё равнò убъю! Я по няволи прысяглà! И ёнъ показуа прымѣту, Костя: òтъ, говора: якъ я ўбивъ змѣя—змѣй мнѣ ранивъ праваю нòгу. Царевна своимъ платкомъ имяннымъ завязала мнѣ ногў! Посмотрѣли господа етый платокъ—дѣстьвительно имянный царевны платокъ. Тожа покáзуа кольцо царевны имяннòа. Государъ прызнавъ: дѣстьвительно моѐ дочары̀ кольцо,—и ўся господà, бывшая тамъ. Прысудили етого генарала къ смерти, за яго службу за змѣннаю. Осудили яго на смерть и прывязали яго къ жарабцу и пусьтили яго у чистое пòля. (Колись было лягчѣйшее наказанія!)

На заўтрашній день Костя обвѣньчавсь и съ царской дочарью, свадьбу згуляли, и стали жыть да пожывать. И такъ яны хорошо жыли, *що* одинъ безъ одного не продыхали. И большы яны не пожыли зъ ёй, якъ одинъ годъ. И ў водинъ погодьливый день понравилося имъ на балхони пить чай. Костя смòтра и говора: ахъ, душанька: што ето, говора, близко такій тёмный лѣсъ? Царевна говора: ахъ, говора, Костенька: ето такій тёмный лѣсъ: колись-то дѣдушка мой поѣхавъ туды и не воротився. И скольки войська былò, не воротилось, и ўсё тамъ остаѐтца! Костя подумавъ сабѣ: що за штука тамъ такая жывé? надо бъ узнать! Ахъ, говора Костя, душанька: якъ мнѣ скушно! А ёй не говòра, што хòча ето мѣсто разузнать; тольки самъ сабѣ. И вотъ, говора: поѣду я поохочусь, погулять, душанька! Яна смѣтила и говора: Костенька, вы не правдитя: вы хочетя-тыки етого мѣста разузнать! А ёнъ говора: нѣ, душанька; поѣду, поохочусь! скушно мнѣ! Подáли ямў лошадь; сѣвъ на лошадь и ўзявъ сабѣ охотьниковъ чаловѣкъ десятокъ, али дванатцать, и собакъ шворокъ

десятокъ, и отправився. А мядьвѣдь услѣдъ, ни ступня за своимъ хозяиномъ! Якъ ёнъ прыѣхавъ къ етому къ лѣсу тёмному, и откуль што возьмися: туча, громъ, молоньня! И полився дождж ливнёмъ, и здѣлалась темнота силная; ничого не видно и не слышно: одинъ одного дажа не бача, а якъ тольки молоньня блисня, тогды ўбачуть другъ друга. И побило етыхъ усихъ охотьниковъ, яго служытялей, и собакъ усихъ, остався тольки Костя да мядьвѣдь.—Костя говора: Мишка, куды мы тяперъ пойдомъ? дѣ намъ дѣтца? Вотъ яны пошли по етомъ лясу. Шли ды й шли, шли ды й шли. Громъ ущукъ, дождж параставъ, и ўсё стало потихо. Потомъ бача Костя—ставъ лѣсъ радѣть (рѣд). И выходя на поляну. Поляна ета была вёрстъ на семъ, и кругомъ лѣсъ. По етой поляни стоять усё болваны, разные, разные: дѣ якій лошадь, дакъ такій болванъ; дѣ якій чаловѣкъ, дакъ такій болванъ; усё значитпа обратилось. И слыша Костя крыкъ. Крычить баба, стоючи на печи у вогнѣ: подогрѣйтя мяне! подогрѣйтя мяне! Костя смотра: *що* за бѣсъ такій? у вогнѣ стоить и крычить: подогрѣйтя мяне! А дровъ-то было много коло етыя печки. Ёнъ говора: постой-жа, туды твою, погоди! я тябе подогрѣю, проклятая баба! Ишъ, ёй ещё холодно! Вотъ я тябе подогрѣю! Вотъ, тольки-тольки нагнувся брать дровы, баба ета жалѣзнымъ прутомъ сѣканула Костю,—и ёнъ ставъ болваномъ по поясъ у зямлѣ. И мядьвѣдя ўдарыла, и мядьвѣдь болваномъ ставъ.

Иванъ у якихся сторонахъ ходивъ, и ўздумавъ на брата на Костю свойго: пойдутка я посмотру на гиньджалъ, якъ то мой братъ находитца: ти жывъ ёнъ, ти мёртвъ? Пошовъ на то мѣсто, идѣ гиньджалы (*g*) тырчать. Прыходя Иванъ Мядьвѣдчій сынъ, вытягнувъ Костявъ гиньджалъ—ёнъ потёмный, крывавый увесь! Покивавъ головой и говора: дѣсь мой братъ попався, видно, у добрыя лапы: надо мнѣ ити яго шукать! И пошовъ по яго дорози. Ишовъ, ишовъ, и прышовъ какуратъ у самый етый городъ, и попадая какуратъ икъ етому купцу зайтить у етый домъ. Купецъ етый, якъ убачивъ, и прызнавъ яго Костяй: какуратъ, якъ Костя. И мядьвѣдь такій. Здрастуй, говора, Костя! И Ваня самъ сабѣ подумавъ: á, говора: я попавъ на дорогу! И говора купцу етому: здрастуй, здрастуй, братъ!—Ахъ, говора, Костя: идѣ вы досюля были? по васъ давно царевна плача! А етому уже пошло повтора года. Ёнъ сабѣ змекнувъ: вотъ жа ето йдѣ Костя бывъ! Попрощався съ купцомъ, и не ставъ многого говорыть, и отправився у царскій дворъ. Царевна якъ увидала у вокошко, такъ бяжыть наўпроти и крычить: Костя мой, Костя мой! Ёнъ мовчить,—думая, якъ бы разузнать, идѣ ёнъ дѣвся.—Ахъ, говора царевна, Костенька мой: идѣ вы досихъ были? Ёнъ говора: да ў дальнихъ сторонахъ были! Прожывъ ёнъ день и другій, и вышли яны на

балхонъ. Ёнъ говора: ахъ, душанька: што ето у васъ за тёмный лѣсъ такій? А царевна говóра: да разви вы, говора, забылися? вы жъ тогды якъ пошли да поѣхали на 'хоту, ôтъ-кадà вы явились!—Да, да, говора: ето я запомнивъ! Вотъ тяперъ, разошлися, и побѣжавъ ёнъ у лѣсъ, куды̀ яна указавала. Якъ тольки убѣгъ у етый тёмный лѣсъ, усё ето самое злучилось, што и Костю. Ёнъ бився, бився, и выбився на ету поляну. И смотра—што ето такое? уся ета долина уставлена етыми болванàми: разные и цары, и енаралы, полковники тамъ, солдаты, собаки, львы, мядьвѣди и рáзное такóе. Ёнъ идéть по етой поляни и чуя етый крыкъ: баба крычить. Опять то жа крычить: подогрѣйтя мяне! Ёнъ идéть икъ печцы. И ўвознавъ свойго брата Костю и мядьвѣдя. Дакъ вонъ, говôра: да, я виджу, хто ты такая, я тябе, говора, подогрѣю! За што ты, говора, мойго брата посадила у зéмлю? А баба ета говóра: на што ёнъ мойго сына убивъ—змѣя?—Нука, Мишка, смотры съ того боку! вотъ мы будомъ яè подогрѣвать! Мишка эээ! сичасъ услýжуа и захôдя, якъ бы яе ето ззáди схапить. Куды ни поворóтитца, яна кѝдаетца съ прутôмъ къ имъ. Мишка, смотри получчай, да не зѣвай! А ў Ваньки было кольцо такое, що злые духѝ боялися яго. Ёнъ ето кольцô зъ руки показавъ етой баби. Яна прутъ упусьтѝла. А Мишка яе ззади зà плечи ухвативъ. А Йванька за прутъ ухвативъ. Мишка, тащы-ка яе сюда! Мишка бабу стащывъ съ печки,—и нѣту ни огня, ни дровъ ниякѝхъ. Ваня спрашуа: що ето такое ты надѣлала, баба? Яна говора: вотъ що, говора, Иванька, Мядьвѣдчій сынъ: ето усё были люди жывые!—Якъ жа ты ето дѣлала? Яна говора: утъ—этый прутъ, который у тябе, жалѣзный, етый дѣлавъ людей значить болванáми. Пусти, говôра, Иванъ, мяне, Мядьвѣдчій сынъ: я табѣ усё раскажу! Ну, ёнъ думая сабѣ: я то тябе пущу,—ты тольки мнѣ раскáзавай. Вотъ етый, говора, прутъ: утъ-этымъ концомъ удырь кого бы ня былô, дакъ ёнъ здѣлаетца болванôмъ на вѣкъ!—А хорошо, говора: ти можно отжывить?—А етый конецъ прўта удырь опять обратно, дыкъ якъ жывъ, такъ и будя!—Ну хорошо! А много яны уже здѣся стоять болванáми?—А ёсть говора нѣкотôрымъ по чатыреста лѣтъ уже! Ёнъ думая сабѣ: дай-ка я здѣлаю пробу! И ўдарывъ брата по головѣ прўтомъ. Братъ схватився, оптрусивсь и говора: ахъ, якъ крѣпко я заснувъ!—Да, говора, братъ: хôрошо ба ты спавъ! ты бъ, говора, вѣкъ здѣсь спавъ, кабы не я! Костя ўпавъ ямў на шыю и ставъ яго цаловать: благодару, братъ, тябе за твою дружбу! Ну я тябе не забуду! Ударывъ прутомъ и Мишку,—уставъ мядьвѣдь сичасъ.—Ну, хорошо, говора Ванька баби: искажы ты мнѣ усю правду: якую ты льготу даèшъ людямъ и звѣрамъ? А яна говора: а вотъ якую я даю льготу: тры разы̀ гоняю икъ водѣ,—жажду имъ утолить!—Вотъ, говора, якая ты му-

читалька здѣсь забралась! говоръ Иванъ, Мядьвѣдчій сынъ. Возьмика, Мишка, яе хорошенько ирвани! Мишка якъ рванувъ, бабу ету разорвавъ. А Иванька зрубивъ ёй голову и на мелкія части яе порубивъ, и огнёмъ спаливъ, и пóпялъ раздувъ етый. И ставъ бить прутомъ усихъ —царовъ, князёвъ, усё начальство, солдатъ, звяровъ. И усё, што было на етой поляни, усё обратилося живое. (Значить, ето была такая баба, що яна дѣлаа громъ, молоньню, хмары, дождж, и нагоняла на ихъ ету темноту, и нагоняла ихъ на ету поляну).

Вотъ, отправився Костя зъ братомъ къ своей жанѣ. Усѣ етыя войська закрычали ура, пѣсяльники запѣли, и музыка зайграла. Потхóдя къ городу къ етому; убачивъ царъ у подзóрнаю трубу, и спугався: не нарошно откуль такая войська йдè? И говора: вотъ, говора, дочь моя: такóе нещастя на насъ Богъ даè,—што намъ тяперака дѣлать? Кости *твого* пема, и рать нявидима на насъ наступаа. Вѣрно мы погибномъ! Государъ етый *бэрэ* хлѣбъ-соль и иде на сустрѣчу. А того ня знаа, що слава Богу, що иде щастя, иде зять Костя. Якъ стрѣтились, такъ зрадовались большòю рáдостю. Пошли у царскія палаты, стали пить и гулять и весялитца. И ето увесь народъ етый ня могъ жыть, не большы якъ тры ти чатыры дни,—сичасъ увесь помъёръ.

Сказка имѣетъ слѣдующее странное окончаніе:

Ну, тяперъ Костя прыдялйвъ свойго брата у полкъ. И бывъ чиновнымъ капитаномъ. И забывъ Костя на брата свойго на Ваню. Иванъ прожывъ пятьнатцать лѣтъ, нийкого чину яму не прыбувляетца,—усё капитанъ и капитанъ. Эхъ, говора: якъ жыть на свити не хорошо! вѣрно братъ забывся на мяне! И думая сабѣ: што такое за штука злучилась? я жъ яго збавивъ отъ смерти, а ёнъ мяне́ забывъ! Да що я здѣлаю: я не хочу служыть большы! Дяньщикъ, поди-ка сюды!—Чаго, барынъ? Нá-ка табѣ дватцать пять рублей и купи-ка лошадь съ повозкой! Дяньщикъ побѣжавъ, купивъ лошадь и повозку. Являетца къ барыну къ свойму: готова ужъ, барынъ, лошадь съ повозкой!—Ну, хорошо, дяньщикъ,—ступай стаканъ водки выпи! Дяньщикъ выпивъ стаканъ: благодару, барынъ!—А вотъ, заби*ра-ка* вещы, да уѣдомъ отсюль! Вотъ *ямщикъ* забравъ вещы, уклавъ у повозку, сѣли и поѣхали. Ѣхали яны нядѣлю, мѣсяцъ, и бóляй, ѣхали повгода и годъ. Капитану етому не злучилось ничòго хорошаго на дорози, и вышовъ у яго увесь капиталъ: нéма грошай ни у барына, ни у ямщика,—нé за що имъ ни выпить, ни закусить. Видить капитанъ, стоить большый домъ трохъ-итажный. И на воротàхъ на цѣпяхъ стоять два ильвы. Дяньщикъ, уѣжжай-ка у етый дворъ!—Ды што вы, барынъ: я боюсь,—етые львы насъ разорвуть!—Ня бойсь, дуракъ: ступай прамо, пошвыдчай разгоняй лошадь тольки! Дянь-

щикъ погнавъ лошадь швыдко. Львы етые схватили лошадь и разорвали. А капитанъ соскочивъ и дяньщикъ, и остались жывы. Ну-ка, дяньщикъ! —Чаго, барынъ?—Отчиняйка дверы, пойдомъ разыскавать,—можа чаго найдомъ попить, поѣсть! Вотъ и пошли по лѣсьвици; на самый вышній итажъ сошли. И ўвышли,—большая залъ; у етой зали стоить большый столъ, и ўсимъ нагрўжанъ: хлѣбъ ляжыть, водка, ковбасы, говядина, вины, и ўсё, що треба. И посрадини стола кружытца кружокъ, и на етомъ кружкѣ ляжыть большая трубка и табáка. Ну вотъ, дяньщикъ: хорошо мы найшли!—Да, барынъ, хорошо, да неколи намъ, барынъ, тутъ рассмàтравать, давай-ка ѣсть,—кожа болить! Вотъ яны сѣли за столъ; сѣли, выпили, по 'дной, по другой, по трѐтьтяй по малóй. Подъѣли, закусили хорошо. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Наклади-ка трубку съ табакомъ, запали, мнѣ подай!—Да дѣ жъ, барынъ, трубка да табакъ?—Вотъ, дуракъ, —разви не бачишъ? вотъ ляжыть!—Да яно кружытца!—Возьми и наклади ету трубку да й подай мнѣ! Дяньщикъ *бэрэ* трубку и накладаа табáки и подаѐ барыну. Барынъ бэрэ трубку, дяньщикъ запáлюа. Барынъ разъ-два спыхнувъ, являетца съ потолка по поясъ отсѣчано чаловѣка: голова е ў яго и руки, и кровъ течэ. И спускаетца съ потолка унизъ и ў горў, унизъ и ў горў, ажъ брызжы скачуть крывáвыя! Дяньщикъ спужався не напрасно, и сховався у тёмный кутокъ тамъ, ти ў ящикъ куды. Иванъ Мядьвѣдчій сынъ смотрѣвъ, смотрѣвъ: што за бѣсъ такій? схвативъ свою шаблю и ўдырывъ по етымъ трупў. И нейзвѣсно, што йдѣ дѣлось,—бытто бы и не былò ничóго. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—А вотъ здѣсь, барынъ!—Чаго туды сховався?—Барынъ, спугався до смéрти!—Вотъ, дуракъ! ня бойсь, ступай выпи водки стаканъ!—Хорошо, барынъ, благодару васъ! Дяньщикъ выпивъ стаканъ водки и закусивъ опять по прежняму. Капитанъ говора: дяньщикъ, накладай-ка трубку ещѐ!—Боюсь, барынъ, коли бъ еще якóго чорта не былò!—Ня бойсь, дуракъ! Дяньщикъ *бярэ* трубку, накладáа опять и подаѐ барыну. Барынъ закўруа трубку—и изновъ являетца—отъ пояса ноги, и съ потолка и до потолка, такъ скача, и ноги етыя пускаютца у пляски, ажъ брызки скачуть. Дяньщикъ изновъ спугався и изновъ сховався. Капитанъ схвативъ вою шаблю, якъ махнувъ—тольки брызки полятѣли: якъ и не былò ничóго. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—Сховався, барынъ!—Вотъ, дуракъ! поди сюда, ступай стаканъ водки пи!—Благодару, барынъ!—Да тольки смотры, не пужайся упярòдъ! Тольки управились выпить да закусить, ѣдя коляска шастерыкòмъ, и ўѣ*жджа*я у етый дворъ, и просто подъѣжджая потъ крылцó. Ускáкуа съ коляски полковникъ як*ись* и ўскáкуа туды, икъ капитану. Здрастуй, господинъ капитанъ!—Да, здрастуй, господинъ полковникъ!—Што вы давно тутъ живетé?—Да никакъ, недáвно!—Вы

можа быть здѣсь скучали?—Да чортъ возьми, зачимъ жа солдатъ будя скучать? Полковникъ говора: господинъ капитанъ, давай-ка выпъемъ!—Давай!—Выпили, закусили и покурыли. Полковникъ говора: господинъ капитанъ!—Што хо́четя?—Давай-ка у карты пойграямъ!—Да, да, да! давай-ка, говора, давай! Полковникъ говора: якъ жа бу́домъ гулять—у довгъ, ти на деньги? А той отвячаа: какой-чортъ у довгъ, давай на деньги! Полковникъ ставъ гулять зъ Иваномъ, пройгравъ яму тысячи двѣ й боляй, а Иванъ яму ничо́го не пройгравъ. Полковникъ пройгравъ капитану десять тысячъ, и нема денягъ, уже больш̆ы денягъ ня йимѣя полковникъ. Полковникъ говора: господинъ капитанъ! давай ударымъ на коляску и на лошадей!—А давай, говора: будуть у мяне и деньги и лошади! Ставъ полковникъ гулять, пройгравъ кучара и лошадей. Ахъ, говора: хорошо ты гуляешъ, капитанъ! обыгравъ ты мяне! Ну, дѣлать нечаго! Незвѣсно дѣ дѣвся полковникъ. Остався одинъ капитанъ да дяньщикъ. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Поѣдомъ! садимось у коляску да ѣдомъ, *вить* коляска наша и лошади наши! Вотъ и закутили,—такъ *що* стовпомъ пылъ поднявся. И скорое ў́ремя яны проѣхали, злучився изновъ имъ другій домъ, такій жа, только побо́льшы. И на етыхъ воротахъ уже чатыры львы. Якъ хватили стыхъ лошадей, и усё размялѝ, только остався одинъ капитанъ, а дяньщикъ и нейзвѣсно идѐ дѣвся. Капитанъ иде́ть у етый домъ. И оббѣгавъ увесь етый домъ, усюды пусто, и нема ничо́го. У самомъ низкомъ мѣсти дома етого бывъ большо́й котёлъ. И висить угорѐ пузырь, и гудеть у ёмъ, и крычить: а! вотъ-куды попався, Иванъ Мядьвѣдчій сынъ! я тябе, говора, доставъ у своѐ руки! Возьми ты у етый котёлъ ули шезьдесятъ ве́дяръ воды, да ў́сыпъ шесть крупинъ, да й звари мнѣ кашу! Ёнъ говора: чортъ возьми, якая тутъ будя каша, съ шасти крупинъ, съ шазьдесятѝ ве́дяръ воды! Скипятивъ етый котёлъ, крўжатца етыя крупины по етой водѣ, а етый съ пузыря змѣй подладився, да яго прўтомъ! И ёнъ здѣлався изновъ болвано́мъ, такъ, якъ и Костя.

Вотъ етый Костя uздумавъ на свойго брата и пошовъ изъ гиньджаломъ своимъ. Ёнъ и пошовъ. Прышовъ на мѣсто, вынявъ свой гиньджалъ, дыкъ ёнъ свѣтлый, такій жа, якъ и бывъ, а братьній вынявъ—тёмный и ў́весь у крывѣ. Да, говора: братъ дѣсь попався хорошо! И обратився назадъ домой, поѣхавъ у полкъ разы́скавать брата свого. И спрашуя ў́ полку: дѣ дѣвся мой братъ, Иванъ капитанъ?—Нейзвѣсно, говора, государъ: не знаемъ! Ёнъ журывся, що не мѣя вышшаго чину, ни прибавки жалованьня, ничо́го, и не знаемъ, дѣ дѣвся! Костя подумавъ и жжалився; ахъ, идѣ бъ мнѣ разыскать и узять трупъ яго! И ў́ѣхавъ у розыски. И пашовъ етый самый домъ. И якъ видя, що разорванныя лошади лежать и львы скуголють, просто бѣда, Костя говóра: я виджу, що та-

кое!—Сычасъ у яго бывшая кольцо, котораго *дя*волы боялись, духи злые, ёнъ показавъ. И ўсё ето погибло. Тогды ёнъ пошовъ по етомъ дому̀. Ходивъ, ходивъ, ничого не нашовъ. Приходя у етый нижный подвалъ етый, и ў етомъ самомъ пузырѣ гудѐть силно. Ооо!... говора: и ты, Костя, сюды попався! убивъ ты мого брата и матку мою ўбивъ, говора: вотъ я *та*перъ тябе страблю! Бяры-ка, носи шезьдесятъ вѐдяръ у котёлъ, и шесть крупинъ, и вары мнѣ кашу! Ёнъ тогды: да, я извару табѣ кашу скоро! Двигъ кольцо скорѣй изъ руки! И пузыръ етый упавъ на низъ сичасъ. И схапивъ ёнъ свою шаблю и ссѣкъ яго на мелкія части, етого бывшаго змѣя. Тогды прўтомъ удѝривъ и свого брата и *мядьвѣдя*. Усхапились *обѣ*, стали жывы. Иванъ говора: ахъ, братъ Костя: якъ крѣпко я ўснувъ!—Да, говдра, братъ: ўснувъ ты, братъ, на вѣкъ, коли бъ не я тябе ослобонивъ! И ўѣхали у своё царство. И братъ яго уже ожанивъ. И стали яны жыть да пожывать, да по старому деняжки нажывать. Згуляли свадьбу, и я тамъ бывъ, мѐдъ-вино пивъ, по бородѣ тяклд, у ротъ не попадало капельки.

Д. Рудня, прибытковской в. гом. у. Константинъ Григорьевъ, 45 л. малограмотный. Бывалъ съ извозомъ въ Витебскѣ.

7. Иванъ Васильевичъ Стрѣлокъ.

Иванъ Васильевичъ дужа бывъ хорошій стрѣлокъ. И дошло до пана. Ёнъ потребовавъ его къ сабѣ, спрашіить: [1]) хорошъ, говбрить, стрѣлокъ?—Хорошъ! говорить. Тогды ёнъ яго отправивъ на ѐгарскую, къ охвотникамъ. И на заўтрашній день говдрить: отправляйтися на хвоту,—якъ ёнъ будить охвотитца? Отправились яны на хвоту. Увыйшотши у лѣсъ, разыйшлися ўси ўрозь и пусьтили сыбакъ. Ну, тода зьвирина́ стала къ яму лятѣть: ёнъ на днымъ мѣсьти стбючи набивъ усякія зьвирины бисъ конца! А тые охвотники ходили цѣлый день и въ вочи никбго ня видили. Собра́лиси яны усѣ ўкучу и идуть домой, и найшли на етыго охвотника. Ну, яны тода смотрять, што у яго стольки зьвирины разныя, а ў ихъ ничагб, яны мижъ собою говорять: ти ни подѣлитца ёнъ зъ нами, а то намъ стыдно ити домой. А можить быть мы другій разъ забъёмъ, а ёнъ нѣ! Ну, яны сейчасъ гыворять яму. Ну, ёнъ говбрить имъ: возьмитя, пыдялитя мижъ собою по скольки прѝдетца, да пойдёмъ домой. Приходють домой. Сейчасъ доложили пану, што пришли охвотники съ охвоты. Выходить къ имъ панъ; пыздорбвкувся и спрашіить у ихъ: *какъ* новый охвотникъ занимаитца? Яны отвичають яму: хорошъ охвотникъ, говбрють! Ёнъ отпусьтивъ денихъ на вотку, а заўтра,

[1]) Мягкое д изображаемъ буквою Д, мягкое т буквою Т.

говорить, опять отправляйтися! Яны пошли, выпили, повужиныли, дали яму хватеру у вы вдовы. И у яе бывъ тольки одинъ мальчишка. Назаутраго, уставши опять отправились па хвоту. Ну, ёнъ цѣлый день ходивъ и у глаза никого ня видивъ, етый новый охвотникъ. Етые забили каждый, а ёнъ никого пе забивъ. А яму што назначена была зьвирина покуль будить жить, дыкъ ёнъ яе побивъ за динъ день. Собралиси яны итить домой. Ну, яны сами мижъ собою пыдялилиси. Приходють домой, опять доложили пану. Панъ выходить къ имъ и спрашіить ихъ: ну што, говорить: хорошъ повый охвотникъ? Яны отвичають: хорошъ! Ну, тоды ёнъ отпусьтивъ имъ деnихъ на вотку: выпитя, говорить, повужиныйтя, отдыхайтя, а назаутраго опять отправляйтися! Яны выпили, повужиныли и лягли спать. Назаутра пувутру опять отправилиси на хвоту. Ну, и день проходивъ ёнъ и никого не забивъ. И надумувся самъ собою: што ето такое? Никогда етого не было! Заутра устану рано и утоплюся у моря! И не дожидаючи охвотниковъ, отправився на хвартеру. Пришовъ ето ёнъ на хвартеру, пириночивавъ. Назаутраго утромъ, уставши, отправився къ морю. Пришотши къ морю, сѣвъ на берегу, и думаить ёнъ разьдиватца. Глянить у гору, видить, лятить три вутки. Тода ёнъ бярегь ружжо и думыить: ахъ, Господи! штоба убивъ пару вутокъ, дыкъ ба самъ не топився! Тольки узявъ ружжо, хотѣвъ прикласьтиси и ударить, яны опусьтилиси на берехъ и зьдѣлылиси дѣвицыми. Разьдѣлиси и пошли у моря купатца. Ёнъ тоды тихимъ вобразомъ поткрався, и узявъ одной дѣвицы, самой меньшай сяетры, платьтя, и самъ скрывся. Етыя вылизьли на берехъ, одѣлиси и пылятѣли, а етой нѣтъ платьтя, и ина осталася тутъ. Ина ходить по берегу, и спрашіить: хто платьтя моё узявъ? окажись, ня бось, говорить: старый чиловѣкъ—то отецъ мой, мени зы мяне—будишъ братъ мой, уровни со мной—будишъ мушъ мой! Ну, ёнъ сейчасъ вышивъ съ платьтимъ и оддавъ ёй. Ну, ина одѣлася и говорить яму: вотъ, ты тяперь будишъ мушъ мой! И приходи заутра у девить часовъ утра на ето мѣсто: ежели ты прежди зы мяне, ожидай мяне, а ежели я прежди, то я буду ожидать тябе! Сама попрощалася, полятѣла! Узявши и ёнъ пошовъ на хвартеру. Назаутра утромъ собираетца итп опять на тое мѣсто. А яго хозяйка была волшебница. Ина ето дѣло узнала, што зь имъ бывъ случай *такой*. Ина отправляить мальчишку свойго зь имъ, штобъ ёнъ не допусьтивъ яго до ёй. Ёнъ, идучи дорогую, говорить етому мальчишки: воротись, убью! А ёнъ говорить: *бей*, дыкъ бей! а я отъ тябе ни 'стануся. Приходють па той берехъ, ёнъ сейчасъ, етый солдатъ, сѣвъ, ружжо поклавъ. Мальчишка етый коло яго давай булуватца. Узявъ яго за голову. Якъ тольки узявъ ёнъ яго за голову, дыкъ етый солдатъ заснувъ

у яго на колѣнихъ. Сейчасъ ина подъижжаить на караблй на мори, закинула икорй и вышла на берехъ съ корабля. Видить, што ёнъ спить, на колѣнихъ у мальчишки, будйть ёй яго нилизя, дыкъ надумылыся— написала записку: ежели, заўтра, идучи дорбгую, ты не убъёшъ етого мальчишку, то ты мяне не увидишъ, а я тябе! Тоды подходить къ имъ ина и спрашіить у мальчишки: хто ето сьпить у тябе на колѣнихъ? Мальчикъ отвичаить: не тревожтя яго, ето солдатъ, ёнъ ужо уморився! Тода ина ету записычку за галстукъ ззаду заторкнула, и говорйть: пусь сьпить изъ Богомъ! Сама отправилась, сѣла у корабъ и отправляетца по мбри. Тода ёнъ, нямного поспавши, прошнувся, и спрашіить у мальчика: што, говорить, здѣсь никого не былб? Мальчикъ яму отвичаить: нѣтъ! никбго не было. Ну, яны отправились домой. Тода, пришотши домой, ставъ ёнъ разьдиватца: расьтягнувъ галстукъ, ета записка упала на землю зъ-за галстука. Ёнъ сейчасъ яѐ подхвативъ, прочитавъ, видить, што ина въ етой записки пишить: ежели ты заўтра не ўбъешъ яго дорбгую, придишъ изь имъ, дыкъ ты мяне не ўвидишъ, а я тябе. Ну, на заўтраго утромъ собираетца ёнъ опять ити; и мальчишка изъ имъ собираетца ити. Ёнъ яму отвичаить: ня йди, говорить, убъю! А ёнъ говорить: бей, дыкъ бей! коли убъёшъ, тода не пойду! Ну, ёнъ, узявши, пошовъ, и мальчишка стый пошовъ изъ имъ. Ёнъ, нямного отыйшовши, говорить: ня йди, воротись, а то убъю! А ёнъ отвичаить: бей хуць сейчасъ; потуда буду ити, покуль убъёшъ! Ну, ёнъ тоды зложився зъ ружжа и убивъ яго. Приходить на берехъ, ина ўжо ходить по берегу. Здоровкаитца изь имъ и говорить: вотъ ба надась ящо ето зьдѣлывъ. Ну, тода ина отвичаить яму: сядимъ у корабъ, поѐдимъ у моё царство! А ёнъ отвичаить ей: я не могу отправитца у ваша царство, я присигавъ Богу и великому государу служить вѣрно. Отслуживши, получивши оставку, вб тоды я могу! Й а тяперича, говорить, пойдемъ у моё царство! И идѣ шъ мы етый корабъ подѣнимъ? А ина отвичаить: ето корабъ нашъ! Сейчасъ вынила платокъ съ кырманà, махнула платкомъ, корабъ стый нивись идѣ дѣвся—не стало корабля на мори. И оддала яму етый платокъ у карманъ. На́, говорить: спрячь у карманъ! Тоды и пошли у стый городъ. Пришотши у городъ, ступай, говорить, найми хвартеру, номиръ самый первый, и што будуть просить за номиръ, ўдвоя давай, деньгами не стѣсьняйся, хватить зъ насъ! Ну, тоды ёнъ панявъ номиръ. Прожили яны на етой хвартери нядѣлю, ну, тода ина говорить яму: ступай явися пану! ты скольки ўремя не являвся, винуватъ будешъ! И проси пана, кабъ ёнъ позволивъ табѣ жанитца! Ну, ёнъ отправився къ пану. Сейчасъ докладають пану, што пришовъ къ яму охвотникъ молодой. И выходить къ яму панъ, пыздоровкувався и спрашіить у яго: што, гово-

рить, нужно табѣ? Ёнъ говоритъ: паночикъ, хотѣвъ васъ беспокоить: просйтца, кабъ вы позвóлили жанитца!—Хорошо, говоритъ: я стымъ доволенъ, што моé слуги будутъ жанитца тутъ! Тоды ёнъ говоритъ: паночикъ, хто мнѣ дась къ священьнику записку, кабъ повиньчавъ мяне? Панъ сѣвъ, самъ записку написавъ къ священьнику, што пиривиньчать такого-то егара! Приходитъ ёнъ на хвартеру къ своёй дѣвушки. Ина спрашiитъ яго: што панъ отвѣтивъ хорошаго? А ёнъ говоритъ: ничаво! слава Богу! Ина спрашiитъ: што, позволивъ жанитца? А ёнъ отвичаитъ: позволивъ! самъ записку къ священьнику написавъ!—Ну, ступай, говоритъ, къ священьнику, няси ету записку, на якой день ёнъ скажитъ прiѣжжать подъ вянецъ, и што будитъ проситъ за вянецъ? Коли будитъ проситъ пять, давай десить, а коли десить, давай дватцать. Ну, ёнъ пошовъ къ священьнику. Сейчасъ приходитъ къ священьнику и подноситъ яму записку. Священьникъ полядѣвъ ету записку, говоритъ: хуть сейчасъ прiѣжжайтя, пиривиньчаю!—А што возьмитя, батюшка, за труды? А ёнъ отвичаитъ: ня нужно мнѣ ничого! Ёнъ говоритъ: я деньги буду платить ни паньскiя, а своé! За труды, батюшка, надо! Я самъ служащiй чиловѣкъ! Ну, ёнъ яму давъ денихъ, а самъ отправився на хватеру. Приходитъ домой, ина спрашiитъ яго: што батюшка говоривъ? А ёнъ говоритъ: а ни за батюшкомъ! Батюшка говоривъ, хуть сейчасъ прiѣжжайтя! Ну, дыкъ нечиго медьлить, надо людей звать и будимъ сыбиратца и поѣдимъ подъ вянецъ! Ну, яны позвали людей. Собралиси и поѣхыли подъ вянецъ. Пиривиньчалися и згуляли свадьбу. Тоды ина гыворитъ хызяину свойму: ступай къ пану и проси пана позволенiя, кабъ позволивъ на плацу построить намъ сабѣ домъ! Ёнъ отправився. Пришовъ. Докладаютъ пану, што пришовъ егаръ, што недавно жанився! Выходитъ панъ къ яму и спрашiитъ яго: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаитъ: паночикъ, я пришовъ проситъ васъ, кабъ позволили выстроитъ домъ на плацу! Ёнъ говоритъ: на што строитца? вотъ ёсь домы паньскiе каменные, живи! А ёнъ отвичаитъ: нѣтъ, паночекъ, я хочу самъ построитъ сабѣ домъ на плацу!—Ну, *какъ* хочишъ! Ёнъ отправився домой. Приходитъ на хватеру, спрашiитъ хозяйка: што панъ отвѣтивъ? А ничого, говоритъ—позволивъ построитца. Ну, яны собрàлиси и пошли на плацъ, тольки узяли съ собою топоръ, лопату, вярёвки. Пришли на плацъ, обобрали сабѣ мѣсто и разьмѣрили, идѣ строитъ комнаты, анбары, пуни, конюшни. Ну, тоды, узяли вярёвкую разьмѣрили, и позабили колички по разьмѣру. И тода ина говоритъ: ну, душечка, оддохнёмъ нямного! И ёнъ лёхъ, и скоро ёнъ успувъ. И ти много спавъ, ти мало, то устаéтъ ёнъ, видитъ усё ето настроино. Ина сейчасъ бяретъ яго за руку, вядетъ у комнаты и говоритъ: вотъ, душенька, наша работа, што мы

мѣрили! Ну, пожили яны тамъ зь нядѣлю. Ина тода говоритъ: ну, душенька, нужно явитца къ пану, кабъ ёнъ ня сердився, што довго не являвся! Ёнъ отвичаитъ: а вотъ, душенька, тольки напъюся чаю, пойду! Ина говоритъ: што, душенька, пойдитя пѣшшу: ти ў насъ лошадей нема, ти што? Вотъ ина сейчасъ выходитъ на крыльцо и кричитъ: кучиръ! запригай чатьвёрку лошадей, и почище убиратъ! Ёнъ отвичаитъ: слушаю, государыня! Ну, яны напилиси чаю, ина говоритъ: вотъ, душенька, садитися и пыѣжжайтя! Ёнъ сѣвъ, и отправився къ помѣщику. Подъѣжжаитъ подъ паньскій дворъ, тутъ уси увидали дворовые, и думали, што ѣдитъ съ чужэй зямли якій нéбудь посланецъ, или принцъ, или князь, потому што у нашимъ царстьви такой упрѝжи нѣтъ. Всѣ вышли честь отдыватъ. Ёнъ, подъѣхавши къ крыльцу, выскочивъ къ имъ. Тутъ глидятъ уси и удивилиси, што ето ѣхавъ такъ егаръ. Тоды сейчасъ докладываютъ помѣщику, што оявився егаръ. Выходитъ панъ къ яму, смотритъ на яго лошадь, на яго ўпришъ, и зоветъ яго съ собою у комнаты, и говоритъ яму: скоро ты, братъ, другъ выстріився! А ёнъ отвѣчаитъ яму: ето ни я выстроивъ, а жана моя! А при етымъ панъ бывъ удовецъ. Дыкъ ёнъ проситъ яго: милосьти прошу прибытъ заўтра жъ жаною! Ну, ёнъ сѣвъ на своихъ лошадей и отправився домой. Пріѣжжаютъ домой. Ина сейчасъ выскакыитъ у спрашіитъ яго: што панъ отвѣтивъ хорошее? Ёнъ говоритъ: ничого ня ‘твѣтивъ, только просивъ прибытъ жъ жаной къ яму заўтра. Ина говоритъ: дыкъ што шъ тамъ такое? дыкъ и поѣдимъ! Назаўтраго утра уставши, чаю напилиси, ина вышла на крыльцо и гукаитъ: кучиръ! возьми, запряги шисьтярикъ лошадей, почище увобратъ! Ёнъ говоритъ: слушаю! сейчасъ готовы будутъ! Запрёхъ ёнъ лошадей, и яны вышли, сѣли и поѣхыли. Пріѣхыли къ пану. Якъ ёнъ, панъ, бывъ удовцомъ, а ина дужа красивая, то ёнъ захотѣвъ яе узятъ. Ну, яны тамъ пыгосьтили, пыгосьтили, ну ёнъ яе хутъ ба и хотѣвъ узятъ, ды безъ вины шъ ня можно,—хутъ сабѣ ёнъ и панъ, а той и егаръ. Ну, ёнъ отправивъ ихъ у дворъ. Тода сѣвъ самъ и задумывся, якую бъ вину найтитъ на яго, истребитъ яго, а жану узятъ за сябе. Въ то время выскакыитъ *думчій* и говоритъ: панокъ! я знаю объ чомъ вы задумылися! Ёнъ отвичаитъ яму: объ чомъ?—А, говоритъ: я знаю объ чомъ—объ егарской жанѣ! А вотъ я знаю яму службу, дыкъ ёнъ службы етой ни найдитъ и ни придитъ, а хутя и придитъ—дыкъ ваша мечь—яго голова съ плечъ! Вотъ пусьтъ принясетъ вамъ ворона, кабъ было зылотое пяро и сяребриное! Дыкъ етихъ птицъ нѣту, дыкъ ёнъ—хутъ ёнъ и придитъ, дыкъ ни принясетъ! Сейчасъ помѣщикъ требуитъ егара. Ёнъ являитца къ помѣщику. Объ чомъ, паночекъ, требуитя? Ёнъ отвичаитъ яму:

вотъ табѣ ёсь служба! Ёнъ спрашіить: якая служба? Ёнъ говорить: ступай, приняси мнѣ ворона, штобъ было зылотое пяро и сяребриное пяро! А кыли ни принясешъ, дыкъ моя мечь, а твоя голова съ плечъ! Ёнъ изъ етымъ отправився домой. Идучи до дому, силно заплакавъ. Ина сейчасъ выскакыить на крыльцо и спрашіить яго: объ чомъ, душечка, плачитя? Ёнъ отвичаитъ ей: какъ жа мнѣ ни плакать? У кого жонки хороши бываютъ, то тому постоянно такъ бываитъ, што головы съ плечъ зьлитаютъ! Ина яго уводитъ у комнаты и спрашіить: скажи, што ето за такое? А вотъ, говоритъ: сказавъ панъ: достань ворона, штобъ зылотое пяро и сяребриное, а коли, говоритъ, ни достанишъ, то мой мечь, а твоя, говоритъ, голова съ плечъ! Ина говоритъ: да, садися обѣдать, ложися оддыхать; у насъ садъ вяликъ, у саду разныхъ птицъ много, можа быть и найдёмъ. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спать. Спавъ ёнъ ти много, ти мало, тольки проснувся—видитъ, воронъ етый ходитъ по комнати. Ина отвичаитъ яму: вотъ, душенька, и ёсь! Устаньтя, напитися чаю и отнеситя пану ворона! Ёнъ уставъ, помывся, чаю напився и понёсъ етого ворона помѣщику. Приноситъ помѣщику, яму доложили, што принёсъ егаръ ворона. Ну, ёнъ сейчасъ выходитъ и говоритъ: пускай ворона, а самъ отправляйся домой! Ёнъ опять сѣвъ и думыитъ, якъ штобъ яму зьдѣлыть такое? Опять выходитъ думчій и говоритъ: объ чомъ вы задумылиси? Я, говоритъ, знаю объ чомъ. Вы, говоритъ, объ егарской жанѣ задумылиси! Вотъ я, говоритъ, знаю яму службу! Ёнъ спрашіить: какую?—А вотъ, говоритъ, пусьть привядетъ вамъ козу—шарсьтинка зылотая и кабъ шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ! Ни доставитъ ёнъ вамъ, дыкъ ваша мечь, а яго голова съ плечъ, а вамъ жана остамитца! Ёнъ сейчасъ требуитъ етого егара. Ёнъ являитца къ яму и спрашіитъ яго: объ чомъ, говоритъ, требуитя?—Вотъ, говоритъ: у тябе ёсь служба! Доставъ мнѣ козу, кабъ была зылотая шарсьтинька и сяребриная, и зылотой рохъ и сяребриный рохъ! А ни доставишъ—мой мечь, твоя голова съ плечъ! Ну, ёнъ отправляитца оттуда. Приходитъ домой. Жана спрашіитъ яго: што, говоритъ: объ чомъ панъ требувавъ?—Вотъ, говоритъ, объ чомъ: штобъ доставивъ козу—шарсьтинка зылотая и шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ, а коли, говоритъ, ни доставишъ—моя мечь, табѣ голова съ плечъ! Ина говоритъ: ето ничого! ящо подумыимъ! обѣдай, ложися спать! Ёнъ побѣдавъ, лёхъ спать. Прочнувся, поглядитъ—коза ужо ходитъ по комнытахъ. Вотъ ина говоритъ: устаньтя, умыйтися, чаю напитися, зывядитя козу яму! Ёнъ уставъ, умывся, чаю напився и повёвъ. Приводитъ къ пану. Сейчасъ докладуютъ пану, што егаръ привёвъ козу! Ну, панъ сейчасъ выходитъ. Смотритъ на ету козу и говоритъ яму: отправляйся домой! Ёнъ отпра-

вився. Ёнъ опять задумывся: што тутъ дѣлыть? ни якимъ родомъ яму, ничого ни подѣлыишъ! Тода выходить третьтій думчій. Вотъ ёнъ говорить: объ чомъ, говорить, задумылиси? Я знаю, объ чомъ вы задумылиси! Вы задумылиси объ егарской жанѣ! Вотъ, говорить: послать яго туда, ды нима вѣдома куда, пусьть принясеть то, ды нима вѣдома што! Вотъ етого, говорить, нійдѣ у сьвѣти нима. Дыкъ якъ пойдить, этого ни найдить, и такъ придить, дыкъ ваша мечь, яго голова съ плечъ! Ну, ёнъ требуить яго. Ёнъ сейчасъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? Ёнъ отвичаить яму: вотъ, говорить: ёсь у тябе служба. Ёнъ спрашіить: якая? А ёнъ говорить: вотъ, ступай туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нима вѣдома што! Ну, ёнъ отправився домой. Приходить домой. Жана и спрашіить яго: объ чомъ ето панъ требуить? А вотъ, говорить: говоривъ панъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нима вѣдома што!—Ну, садись, говорить, обѣдай, ды ложися спать. А вутро бываить мудренѣй вечера. Ну, назаўтраго ўстали яны утромъ, посьнѣдали. Жана говорить яму: ступай къ пану, пусь дась билетъ, бизь бялета ити нильзя. И говорить: пусь такъ билетъ пишить, якъ я скажу: нехай напишить годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна,—выпишить такой билетъ, тода и отправисься! Ну, являитца ёнъ къ помѣщику; докладываютъ помѣщику, што егаръ пришовъ! Ёнъ выходить къ яму и спрашіить: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаить: нужно мнѣ билетъ!—Ну, говорить, сейчасъ будить готовъ! А ёнъ говорить: нѣтъ, говорить, ни такой билетъ, якой выдаетца, а такой, якой я скажу! Ну, ёнъ отвичаить: ну, говори, какой табѣ нужно?—А вотъ, говорить, пишитя билетъ: годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна! Ну, отправляйся домой, а когда выпишимъ, тогда мы потребуимъ. Ну, ёнъ отправився домой. Яны никакъ не могли сыставить яму билета етого. Ето дѣло пройшло три годы. Ну, нашовся такой писарь, што выписавъ билетъ яму. Ну, сейчасъ требуить яго помѣщикъ. Ёнъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? А вотъ, говорить, табѣ билетъ. Ёнъ получивъ билетъ, и отправився домой. Приходить домой, жана и спрашіить: што, говорить, выписали билетъ?—Выписали!—Ну, садися, говорить, обѣдай, ды ложися спать, вутро бываить мудренѣй вечара. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спать. Назаўтраго утра уставши, чаю папивши, посьнѣдали, и отправляить ина яго у путь шукать етыхъ вящей. Увизала яму у дорогу харчей, и дала рушникъ, и пускаить клубочикъ: куды етый клубочикъ будить катитца, туды и ты ступай; идѣ етый клубочикъ подъ воротá подкóтитца, тамъ и ночуй. Уставши, ни чіимъ рушникомъ ни утирайся, только моимъ!

Ну, ёнъ отправився у путь. Ишовъ ёнъ много, ти мало, сто низьвѣсно, выходить на полянку. Видить, стоить чугунный домъ. Ёнъ подойшовъ къ етому дому, сейчасъ етый клубочикъ подкадився подъ ворота́. Ёнъ стучить у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашіить: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскій!—Што табѣ, говорить, нужно?—Отворитя ворота, пусьтитя на́ нычь!—Погоди, говорить, спрошу у барышни. Тода ина ускакыить и говорить: барышня, русскій егаръ про́ситца на́ нычь! Ну, говорить: пусьти яго, накорми яго, напой, и спать положи, пусь оддыхаить, ёнъ съ похо́ду утомився! Ина яго упусьтила, накормила, напоила и спать положила! Назау̂траго устае́ть ёнъ повутру, умывся, вынимаить свой рушникъ и утираитца. Ета служанка увидила и побижала къ барышни: барышня, говорить, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца. А ина говорить: нѣтъ, мой рушникъ зьдѣсь! Тода сейчасъ выходить барышня у кухню и спрашіить яго: а йдѣ ты узявъ етый рушникъ? А ёнъ отвичаить ей: ета мнѣ жана дала. Ина сейчасъ бросаетца къ яму и здоро́вкуетца: ето, говорить, рушникъ сестры моѐ малыя. Сейчасъ яго у комнату, стали пить, гулять—такъ ёнъ урема у яе провёвъ пошти мѣсицъ. Тода ина уздумала, спрашіить: куда шъ ты идёшъ, куда шъ тябе Богъ нясе́ть?—А вотъ, говорить, иославъ помѣщикъ: иди туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нязьвѣсно што.—Ну, што шъ ты гуляишъ? табѣ шъ давно надо было отправлятца! Сейчасъ выправляить яго, даеть ина яму клубочикъ--куда етый клубокъ будить катитца, туда и ты ступай! Нійдѣ ни ночуй, помимо идѣ клубочикъ подко́титца подъ ворота, тамъ и ночуй! Ну, выходить ёнъ узнова на полянку, видить, стоить домъ мѣдный, огромный, а етый ящо большій. Подкотився клубочикъ подъ етыя ворота. Ёнъ стучитца у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашіить у яго: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскій, на́ нычь! Ина говорить: сейчасъ спрошу у барышни! Сейчасъ ускакыить и говорить: барышня, русскій егаръ про́ситца на нычь!—Ну говорить, пусьти яго! Напои, накорми и спать положи! Ина сейчасъ открываить ворота и упусьтила яго. Напоила, накормила яго, и спать положила. Назау̂траго утромъ устаеть, сейчасъ одѣвся, умывся, вынимаить свой ру̂шникъ, утираитца. Дѣвица увидила етого рушника, побѣгла сейчасъ къ барышни. Барышня, говорить: егаръ вашимъ рушникомъ утираитца.—Нѣтъ. говорить: мой рушникъ зьдѣсь. Ина сейчасъ уходить на кухню и спрашіить у яго; а йдѣ вы етый рушникъ узяли?—Ето, говорить, мнѣ жана дала! А ина говорить: ето моя сестра! Ну,

яны поздордвкылиси, ина яго сейчасъ узила, повила съ собою у комнату, тамъ напилиси чаю, посьнѣдали. Ина яго спрашіить: куда шъ ты идешъ? куда тябе Богъ нясеть? Ёнъ отвичаить: што пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдымо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ина яму отвичаить: што шъ вы гуляитя? да вамъ давно нужно отправлятца! Ина сейчасъ отправляить яго, даетъ яму клубочикъ, и говорить яму: куды ёнъ будить катитца, туды и ты ступай. Нійдѣ ни ночуй, помимо, куда клубочикъ подкотитца подъ ворота! Ёнъ и пошовъ. Ишовъ ёнъ много ти мало, нязьвѣсно, скоро дѣло кажатца, ну тольки ня скоро дѣлыитца. Вышовъ ёнъ на поляну—видить домъ сяребриный огромнѣйшій. Подходить къ яму, сейчасъ клубочикъ подкатився подъ ворота. Ёнъ стучить у ворота. Сейчасъ выскакыить дѣвица и спрашіить: хто тамъ? Ёнъ говорить: егаръ русскій, пусьтитя на ночь!—Погоди, говорить, спрошу у барыни. Сейчасъ ускакыить ина: барыня, русскій егаръ проситца на ночь! Ина говорить: пусьти! напой яго, накорми, посьтелю посьтяли, пусь оддыхаить! Ина яго пусьтила, напоила, накормила и спать положила. Назаутраго утромъ, уставъ ёнъ, одѣвся, умывся, нынивъ рушникъ свой, утираитца. Дѣвица увидала ето, сейчасъ побижала къ барыни: барыня, говорить, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца! Ина говорить: нѣтъ, рушникъ мой зьдѣсь. Сейчасъ, барыня уходить на кухню. Спрашіить у яго: идѣ ты етый рушникъ узявъ? Ёнъ отвичаить: ето мнѣ жана дала!—Да, ето дочки моѐ малыя рушникъ! Ну, тоды ина гукаить: дѣвка, говорить: вяди яго у комнату, пусьть чаю напъётца, и дай яму посьнѣдыть. Ина яго увила у комнату, чаемъ напоила, накормила, и тоды ужо теща яго спрашіить у яго: куды идешъ? куды тябе Богъ нясеть? Ёнъ отвичаить: пославъ помѣщикъ: што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Тода ина отвичаить яму: оддохни шъ ты нямного, а я пойду узнаю, ёсь ли ето идѣ, или нѣтъ! Сейчасъ ина вышла за вороты, сейчасъ якъ сьвиснула, крикнула, позьлятѣли усѣ птицы, идѣ которыя ни былй, усѣ позьлятѣли. Здордвкуютца: здравія жалаимъ, барыня! Объ чомъ требуитя насъ? Ина отвичаить: вотъ, говорить, ходить русскій егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Вы летаитя, говорить, по лисахъ, по мохахъ, по болотахъ, ти ни знаитя, ти ня вѣдыитя етого дѣла? Яны отвичають: нѣтъ, и ни знаимъ, и ня вѣдымъ! Ина опять якъ сьвиснула, якъ крикнула, сейчасъ бѣгать зьвярьё, усякія гады, и зьмѣи, и люгашки. Яны здоровкуютца изь ёю:

здравія жалаимъ, барыня! Объ чомъ насъ требуитя?—А вотъ, говоритъ, ходитъ русскій егаръ, пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ти ня вѣдыитя, можа быть: вы шъ ходитя по лѣсахъ, по мохахъ, по болотахъ, усюдахъ! А яны отвичаютъ: нѣтъ, ни знаимъ и ня вѣдыимъ! Одна лягушка отвичаитъ: знаитъ, говоритъ, ни знаитъ: ёсь лягушка старушка, кода ета знаитъ, дыкъ знаитъ, а боли нихто ни знаитъ. А барыня говоритъ: а зачимъ жа ина ни пришла? А ета отвичаитъ: яе дома нѣту!—А гдѣ шъ ина?—Къ морскому раку на виселья ушла!—Сейчасъ жа ступай за ею, штобъ сію минуту тутъ была! Ну, сейчасъ ина являитца. Объ чомъ, барыня, требуитя?—Вотъ, говоритъ: ходитъ русскій егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди ты туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што,— ти ня вѣдыишъ ты? А ина говоритъ: а, знаю! Гукнити-ка егара того! Сейчасъ позвали егара. Ёнъ выходитъ къ ёй. Ина яму говоритъ; садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сѣвъ. Ина якъ заскакàла, дыкъ ниякая птица ни справитца изь ею лятѣть, ни то бѣчь. Занисла яго такъ далеча, што ёнъ самъ ни знаитъ куда! Тода ина якъ скакнула, ёнъ зь яе ўпавъ, и на кўпину сѣвъ. А лягушки нѣтъ, остався одинъ. И сядѣвъ ёнъ до етого, што и заночувавъ. И просѣдивъ ёнъ тамъ три дня. Ни знаитъ ёнъ, куды выйти, тольки видно одно небо. На чатьвёртый день, у повдни, чуитъ—зьвинитъ колокòлъ. Ёнъ думавъ, што вотъ тутъ яго хто убъетъ. Подъѣжжаитъ ёнъ къ яму ближи, и говоритъ: Нито, выстрой кабачокъ, попитъ да поѣсьти етому господину. Нито сейчасъ плёснувъ у руки, сейчасъ выстріився кабачокъ. Тода етый господинъ садитца, пъетъ и закусыитъ; а етый егаръ сядитъ на печки за трубою, и прячитца, боитца, кабъ етый господинъ ни 'тколотивъ яго, чаго ёнъ на печку забрався. Етый господинъ напився, наѣвся и говоритъ: Нито! убирай ето! И самъ усьсѣвъ на лошадей и поѣхавъ. Етый Нито увобравъ усё, и егаръ опятъ сядитъ на кўпини. Тода захотѣлось етому егару ѣсьть. Нечиго яму ѣсьть, и тода спрашіитъ: Нито! А ёнъ отвичаитъ: чаго изволитя!—Нѣтъ ли чаго поѣсь? хоть хлѣба кусокъ? Ёнъ отвѣчаитъ: егаръ, ды глупый! какое ўремя сидитя, и ня можитя спроситъ поѣсьти чаго. Сейчàсъ ёнъ выстріивъ кабачокъ. Зьлѣзь, говоритъ, съ печки! И подноситъ вотки, вина, разныя закуски. Ёнъ наливаитъ стаканъ и здоровкыитца изь имъ, зь Нито; будь здоровъ, Нито! А ёнъ отвичаитъ: кушайтя на здоровья! Ёнъ выпивъ стаканъ, наливаитъ и подноситъ етому Нито. Ёнъ яго посадивъ съ собою у рядъ и стали

изъ имъ пить и ѣсьти умѣсьти. Тода ёнъ говорить: вотъ, я етому господину, што пріѣжжавъ, служу яму дивяноста три года, и никогда ёнъ мнѣ стаканьчика ни поднёсъ! А етый егаръ говорить яму: пойдимъ ўмѣсьти, будимъ пить и гулять!—Ну, пойдимъ, Нито отвичаить яму. Ну, попили яны, поѣли и отправились. Вышли яны ужо зъ лѣсу, на большую дорогу. Выстріили кабачокъ, и стали пить и закусувать. Ѣхали купцы, и знають, што на етымъ мѣсьти не было кабачка, а тяперь ёсь кабакъ. Да дай зайдёмъ, посмотримъ, хто зьдѣсь живёть? Уходють у кабакъ, видють одного, а чують—разговаривають удвухъ. Тода яны спрашують: сь кимъ вы, господинъ, ето разговариваитя,—одинъ сидитя, а удвухъ разговариваитя? А ёнъ отвичаить: ето ёсь у мяне Нито. Кода хочитя посмотрѣть—сейчасъ ня будить етого кабачка. Имъ стало ето любопытно, яны стали яго просить: пожалуста, покажитя! Ёнъ сейчасъ якъ плёснувъ руками—нѣтъ ничого, стоять на чистомъ поли. Да. Ну, говорить: Нито, выстрой узнова, попотчуимъ етыхъ госьтей! Ёнъ сейчасъ выстріивъ, якъ бывъ кабачокъ, такъ и ёсь. Стали купцы просить етого егара, кабъ ёнъ продавъ етого Нито имъ: мы ѣзьдимъ по дорогамъ, намъ дужа ето надо,—не надо сабѣ пищи брать. А мы табѣ дадимъ вещь такую, што ты можишъ быть помѣщикомъ. Тоды етый Нито товкаить яго и говорить: миняйся, тольки вёрстъ у пяти или боли отыйшотши, помяни мяне; скажи: а йдѣ мой Нито? То я буду съ тобою. А есьли ты ни помянишъ, то я буду изь ими! А ў ихъ была такая мѣдная трубочка и молоточикъ. И якъ первый разъ стукнишъ—одинъ солдатъ выскочить во ўсёй походный муницы, а другій разъ—два, и такъ усё ўдвоя пойдить. Ну, яны поминялиси, распрощалиси и пошли: тыя своёй дорогой, а ёнъ своёй. Отыйшотши ёнъ вёрстъ пять или больши, тоды сейчасъ уздумавъ: ахъ, говорить: а йдѣшъ мой Нито? Ёнъ отвичаить: я зьдѣсь! Ну, сейчасъ являнтца яму тая лягушка, што яго возила—говорить: што ты такъ медьлинно идешъ? Заўтра помѣщикъ на твоёй жанѣ будить жанитца! Тода ёнъ отвичаить: ну пущай женитца! А ина отвичаить: нѣтъ, садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сейчасъ усьсѣвъ, ина потащила яго. У водинъ часъ доставила у яго домъ. Ну, тяперь, говорить, ступай няси пану Нито! Сейчасъ являитца ёнъ къ пану. А жана яго усё ўремя тамъ. Сейчасъ доложили помѣщику, што пришовъ егаръ. Ёнъ сейчасъ выходить къ яму и спрашіить: ну што, приставивъ ни то, ни сё? А ёнъ отвичаить: приставивъ! Позвольтя, говорить, кабъ Нито построивъ кабачокъ, пусьть, говорить, тутъ попьють, погуляють! Ёнъ говорить: мо-

жишъ, можишъ! пускай выстроить! Ёнъ сейчасъ, вышивши на крыльцо, говорить: Нито! выстройка зьдѣсь кабачокъ, пусьть тутъ попъють, погуляють! Ёнъ сейчасъ выстріивъ кабачокъ. Ну, начали пить, гулять,—шумъ такій, драка, крикъ! Нязьвѣсно откуль набра́лыся стольки якого народу. Тода панъ слухувъ ето, слухувъ, ды говорить: убирай ты ето своё Нито къ чорту! И бяри жапу свою и отправляйся, штобъ я тябе боли ня видивъ! Ну, ёнъ забрався и пошовъ у свой домъ. Назаўтра, напившиси чаю, посьнѣдали, и ёнъ лёхъ оддыхать. И уздумувъ на ету вещь, што дали яму купцы. Дай, говорить, узнаю: правда ето, што яны говорили, или нѣтъ! Тода ёнъ лежучи, стукнувъ етымъ молоточкомъ у трубочку, у конецъ,—такъ выскочивъ солдать во ўсёй походной амуницы. Тода ёнъ дальши стукыить—усё ўдвоя бо́льшіить. И настукувъ, што войско заняло́ увесь плацъ, нейди ужо и помясьтитца. Ёнъ уставъ, вышивъ, посмотрѣвъ, тоды пишить записку помѣщику: заўтра выходитя на плацъ, открываетца война! Ёнъ солдатомъ отославъ ету записку. Тода панъ ету записку прочитавъ, и сейчасъ требуить дворецкаго, оддаеть яму приказъ: заўтра у девить часовъ вутра пусьть разобъе́ть егарскій домъ. Ёнъ думавъ, што ёнъ тольки домъ разобъеть, и ўсё. Выѣжжаить дворный на плацъ. Смотрить у позорную трубу, видить, на плацу стоять войська, какъ тёмная туча—ни видать за войськомъ ничого, и пушки наве̏дины. Етый, ничого ня думавши, обратився опять къ пану, отвичаить яму: нѣтъ, паночекъ, звольтя посмотрѣть у позорную трубу—тамъ войсько выстроино якъ тёмная туча, пушки наведины. Панъ, довго ня думувши, вышовъ на балхонъ, смотрить у позорную трубу, видить—тутъ во́йська нисьчислённая сила. Сейчасъ оддавъ приказъ бить тривогу.—Ударили тривогу, собра́лися усѣ, ну й открыли огонь. Ёнъ якъ ударивъ съ пушакъ, дакъ усё яго побивъ на макъ. Самъ остався паномъ на томъ мѣсьти.

С. Надпѣйковичи, клим. у. Моисей Елисеевъ, 55 л., негр., былъ въ солдатахъ. Потомокъ аракчеевскаго поселенца. Въ вар. мѣсто пана заним. царь.

8. Солдатъ Иванька, мышь, жукъ и ракъ.

У нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви, за номеромъ пятымъ, у городи богатымъ, государстьвянная дочь хотѣла, кабъ яе хто нибудь рассмяшивъ: ня можа нихто рассмяшить яе нийкымы жи́жнями. Да, стойтя: я ошибку поймявъ! Треба було упѐради расказать солдата.

Служивъ солдатъ Иванька дватцать пять лѣтъ, выслуживъ сабѣ синій бялетъ. И ишовъ сабѣ по дорози, и було у яго три копѣйки

грбшай усяго. И ёнъ бывъ дужа пъяница большій, и куращій,—куривъ много, силно табáку скýрувавъ. И хлѣбосольливый дужа чаловѣкъ ёнъ бывъ. Такъ, хто ни спрося, дакъ ёнъ съ усякимъ подѣлитца, послѣднимъ подѣлитца. Хто ни спрося—дакъ ёнъ дасть. Да. Лятить яму на ýстрѣчу жýчакъ: эхъ, говора, солдатъ; отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе, говора, и гроши é; дай ты мнѣ Христа ради копѣачку! Ёнъ узявъ, отдавъ копѣачку, и идéть: отъ, говора: пойду за 'дну копѣачку выпъю, а за другую табаки возьму, покуру; а одну копѣачку отдавъ, кажа, убогому жучку! Бяжить къ яму на ýстрѣчь мышка: ахъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ. и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе и гроши è. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Ёнъ узявъ, подялився; ще копѣачку давъ, мышцы ѐтой. Да. Тогды ёнъ иде и говора: ну, за ету копѣачку зайду у корчмý, да тамъ табаки возьму на пипку, покуру, говора, зъ большóго гора! А копѣачку отдавъ убогой мышцы! Ну, тогды, сичасъ рáчикъ повзé: эхъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябé и гроши é. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Тэй и думая: мнѣ, говора, гóра; а етому рачику, мабыть, ще гóрай, коли ёнъ у мяне прося ради Христа копѣачку! Узявъ и тую копѣачку отдавъ. И пошовъ. И схóдятца яны зновъ напяродъ на ýстрѣчь ямý, и жýчакъ и мышка и рачикъ: «ну, коли жъ, говора, гóра табѣ якое стрѣнетца, дакъ ты насъ тогды стребуй: ахъ, говора: колибъ ко мнѣ рачикъ и мышка и жучóкъ, дакъ я бъ ниякого гóра не знавъ! Дакъ мы тойчасъ къ табѣ оявимся!»

Пошовъ ёнъ по пути-дорози и приходя у етый городъ. У етымъ городи, занимаетца государськая дочь сабѣ мужа выбирать. Хто, говора, мяне ýтѣша, рассмяшить на третьтимъ ватажѝ, за того я, говора, замужъ выйду! Ну, собралися князи, короли, усякаго званя, зъ етыя зямли, съ протчихъ государствявъ, штобъ значитца утѣшить яé. Ну, комедіи тамъ, разныя штуки притворали, штобъ яé утѣшить,—на коняхъ скакали, разное тамъ дѣлали,—надъ которой яна штукой рассмяéтца. Ну и солдатъ то жъ: пойцутка я, говорить, зъ гора: ти ни утѣшу? Можа ина зь мяне рассмяéтца, ти ня выйдя ина за мяне? Да. Ну, сычасъ ёнъ пришовъ, бача, разное—разное тамъ дѣлають,—усякія штуки, усякими манерами притвораютца. Ну, ёнъ доступився тамъ до лѣсьницы, хотѣвъ мó якое штуковáтое слово тамъ сказать, абы што—надумався самъ у сабѣ,—яго оттудова якъ пхнýли,—ёнъ якъ полятѣвъ, обмаравъ ету шинялйшку усю, одѐжишку усю, якъ ёсть, и доловъ звалився. Тода говора: «ахъ, колибъ, говора, къ мойму гору тяперака жучокъ, рачикъ и мышка,—дакъ ба я ниякого гора ня мѣвъ ба!» Сычасъ оявляютца: мышка, жу

чокъ, рачикъ. «Ну, што вамъ, говоруть, солдатъ, за нужда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: я, говора, умарався увесь чисто якъ ёсть; шинеляшку мою змарали, мяне съ третьтяго атажа убили, говора, и увесь я нездоровъ здѣлався!—«Ну, здѣвай, говоруть, шинялишку свою!» Ёнъ здѣвъ шинялишку. Сычасъ, жучокъ и рачикъ поволокли на рѣчку. А государськая дочка на ето смо́тра,—што зъ етого за штука будя? Тогды сычасъ помыли ету шинялишку,—ну, дѣ жъ имъ вѣшать яе сушить? Тогды, сычасъ ракъ ставъ на шійцы на своёй, а клюшни угдру задравъ. Тогды яны на рачка на етого повѣсили. А ёнъ, значитца, ня могъ здержитца—якъ полятить!.. Шинель ета зновъ умаралась. Зновъ яѐ понясьли мыть. Помыли. Ну, рачикъ гово́ра: стойтетка, я, говора, украплюсь хорошо ужо! Тогды сычасъ повѣсили на рачику шинель ету. Тогды жучакъ летая, крыльлями дмѐ, вѣтеръ нагоняя, штобъ скорѣй высушить шинель ету; а мышка сабѣ бѣгая выкругъ, да дѣ мокро, дакъ выкручуя, выжимая, штобъ скорѣй сохла значитца. Ну, яна, ета царевна, и утѣшилась зъ естыхъ словъ, и засьміялась. И сычасъ, подала отцу свойму бумагу своимы часовымы, которые часовые стояли тамъ перадъ ёй. «И вотъ, говора, папенька: ня утѣшивъ мяне нихто ни съ князёвъ, говора, ни съ королёвъ, ни съ протчихъ зямель, а утѣшивъ мяне простый радовый солдатъ. За того, говора, выходжу замужъ!» Ну, сычасъ собрали баль, заручины дѣлать; усѣ большіе начальники, увесь санотъ собрався.—Государськая дочь здѣлала яму тамъ дѣ нибудь кельню, покуль свадьба, до свадьбы до своѐ, и приставляла яму туды харчей, и табакъ куритялный, махорку. Теразъ кольки уремя почали свадьбу гулять,—пожанились яна зь имъ. Ну, згуляли свадьбу, прося яна яго у своѐ комлаты, къ отцу, у дворэцъ у государствьянный, побясѣдовать. Ну, ёнъ ня можа итить туды—вѣдомо, бясѣдовать ня можа съ колѣнами государствьянными: я, говора, не пойду туды! Што мнѣ твой отецъ?—я твойго отца знать не хочу! Построй мнѣ, гово́ра, залишную комлату у саду! Дяствьвитялно, была калавурка у саду, дакъ ёнъ зайшовъ туды, и живѐ тамъ,—дайжа къ жанѣ не лишитца,—ня хоча уво́вси зь ей жить, и говорить зь ей ня хоча. Да. Доставляють яму туды харчь, и яна сама туды прихо́джуя, у садъ у етый, говорить зь имъ. Тоды, прожили повгода, сказать, ли годъ, занимаетца у етомъ царствьи воинство. Той жа король занимаетца, который разныя штуки преставлявъ, хотѣвъ яе за сябе узять. Да. Приходжуя яна къ яму: душачка, говорить: узнимаетца на насъ король такій и такій! Хотя бъ ты зъ намы распрощався,—выяжжаамъ у дорогу у вяликую! Вѣдомо, царськое колѣно, дакъ выяжжають усѣ. Да. Ёнъ отказуа: «иди ты, каа, отвяжись! не знаю я нийкого прощенія! Я Богъ-вѣдая коли куривъ, во, три дни, якъ смерти къ

сабѣ 'жидаю. Ступай прэчь!» Яна заплакала и пошла. Бача, што ёнъ соўсимъ дурацкія слòвы говòра.

Сычасъ ето яна пошла, принясла́ яму табàки хунтовъ пять. Ёнъ ня мѣраючи набивъ трубку, моо, зъ гàрняцъ, закуривъ, дакъ напусьтивъ дыму пòвянъ садъ. И живе сабѣ—безъ ниякихъ. Ну, выяхали яны на воинство, на воинство выяхали—ёнъ одинъ ето остався у саду. Тогды сычасъ вышовъ съ калавурки съ своѐ и *обящаетца*: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гòру, говора, мышка, жу̀чакъ и рачикъ,—дакъ ба я ни якого гòра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за ну̀жда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора, выяхавъ отецъ нашъ туды зъ жаною, на воинство, говòра. Дакъ якъ ба, говора, мнѣ туды достатца? говора. Такъ сычасъ обящаютца мышка, жучокъ и рачикъ: свисьни ты говора, богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотая шарсьтинка и сяребраная шарсьтинка, ты возьми, у правое вухо у̀лѣзь, у лѣвое вылязь, и ѣдь! Такъ сычасъ ёнъ свиснувъ. Прибягая къ яму конь, золотая шарсьтинка, серябраная шарсьтинка. Што, говора, вамъ за нужда, а мнѣ за служба?—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ нашъ зъ жаною па воинство, хотѣвъ ба я туды достатца!—«Ну, лѣзь у правое вухо, у лѣвое вылѣзай!» Ёнъ у правое вухо улѣзъ, у лѣвое вы̀лязъ—здѣлався такій чистя̀къ, што ни у̀ казкахъ сказать, ни у̀ загадкахъ згадать! Обящаетца яму̀ лошадь: ну што, говора, солдатъ,—куды мы поѣдомъ?—А вотъ, говора,—у нашаго отца воинство йдѐ, дакъ поѣдомъ на воинство!—Ну, садись, говора, на мяне—поѣдомъ, говора, у̀ три минуты, говора, тамъ будомъ!. Узявъ ёнъ мечь—кладянецъ, сѣвъ и поѣхавъ зь етой лошадьдю. Якъ уѣхавъ у корольское вòсько, якъ махнувся на право—на лѣво, кругòмъ,—дакъ ихное вòсько ляжѝть на десять вёрстъ зразу! Тоды сычасъ отбивъ усю воську, наѣхавъ на етого на самаго короля узявъ, яму лѣвую руку̀ по плячò отрубивъ. Тогда сычасъ пріяжжая етый солдатъ палишно къ цару. Ну, царъ яго ня у̀вознавъ, и пытаа яго: Ну зъ якихъ ты, говора, колѣнъ: съ простыхъ, или зъ духовныхъ, ти зъ начальниковъ зъ якихъ большихъ, или зъ государстьвянныхъ колѣнъ? Ёнъ яму тожа не сказавъ совяршѐнно, зъ якихъ ёнъ находитца, увòвся ёнъ яму не сказавъ. Ёнъ распрашуя: чимъ васъ, говора, наградить: грошамы, говора, ти заслугу якую дать, ти щѐ чимъ! Ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ничòго, тольки дайтя мнѣ, говора, хусточку свою имянную,—платокъ, значитца, носовый.

Ну, царъ могъ дать яму хусточку сту имянную зъ бу̀кавой. Ёнъ сычасъ сѣвъ на свою лошадь и зазвинѣвъ, по пути—дорози, отъ ихъ. Сычасъ пріѣхавъ икъ етому саду, улѣзъ коню у лѣвое вухо, у правое

вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ёсть. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавковыя трдвы, на мядовыя воды, самъ зайшовъ у свою кельню, и живе́ тамъ,—бытто ёнъ вовся тамъ ня бывъ.

Тогды сычасъ пріяжжають зъ воинства—государськая дочь ета и отецъ яе, и усѣ началство. И приходя государськая дочь къ яму у садъ, у кельню, ну й обящаетца: эхъ, говора, душачка! ня бывъ ты тамъ, идѣ мы былй! Што мы страху, говора, повидали, што чаго! Да спасибо, говора, Господь нанёсъ чаловѣка такого, дакъ усю, говора, корольскую воську отбивъ! А по нашай сили, говора, пожалуй у нашай зе́мли побылй бъ,—забра́ли бъ кольки нашія зямлй, говора. Ну ёнъ обящаетца: я, говора, не такъ доволянъ вашимъ воинствомъ, якъ я, говора, нядово́лянъ самъ собой,—што я три дни, говора, живу ня пивши ня ѣвши, и таба́ки ня куривши! Тогды яна пошла, приставила яму харчей, табаки. Ёнъ, ня пивши, ня ѣвши, узявъ, у трубку повгарца табаки набивъ и давай курить,—напусьтивъ дыму на увесь садъ, одинъ. Сычасъ, ня довго думаючи, запимаетца зновъ воинство,—идеть три зямлй пу нашу зе́млю. Тэй король загойвъ руку, да йзновъ иде, и ще потпросивъ съ протчихъ зямель силы. Прихо́джуа государськая дочь изновъ къ яму: эхъ, говора, душачка: хоть ба ты пришовъ распрощався зъ намы, полядѣвъ, якъ солдаты идуть, другъ зъ другомъ прощаютца, полядѣвъ, сколько орудій иде́. Ёнъ обящаетца тожа самое: я, говора, не знаю ниякого прощенія. Я, говора, якъ у службы бывъ, дакъ я службу сповнявъ, знавъ уси етыя прикосло́вія, а тяперъ мнѣ ето ня треба,—я зъ лѣтъ вышовъ, и не могу воеватца, не могу вамъ помочи дать ниякія! Тогды сычасъ царъ выбрався съ своимъ воськомъ на воинство. Ёнъ опять остався у саду одинъ.

Изновъ жа вышовъ у садъ: «эхъ, говора, колибъ къ мойму го́ру, говора, мышка, жучакъ и рачикъ,—дакъ ба я ниякого го́ра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму: «што вамъ, говоруть, за нужда, а намъ за служба?»—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ зъ жаной на воинство, говора. Дакъ якъ ба мнѣ ето доставитца туды?—Свищи, говора, богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибяжить къ табѣ конь золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ: ну што, говора, солдатъ, вамъ за нужда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ—поѣхавъ царъ на воинство—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну лѣзь. говора, у правое вухо, а у лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а у лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Узявъ мечь—кладянéцъ и отправився по пути-дорози на воинство. Да. Якъ уѣхавъ у три зямли,

у корольское воська, да 'къ шахнувся направо, налѣво, кругомъ,—дакъ ляжйть ихъ воська на пятнатцать вёрстъ ззаду. Тоды сычасъ отвоевавъ ето воська—можа съ повмѣсяца воевавъ—тогды наскочивъ на етого короля и отрубивъ яму правую рукў. Отрубивъ ямў правую рукў,—сычасъ етого короля потхватили на носилки, а ёнъ и поѣхавъ къ свойму цару: ето ўже къ сьтю. Пріѣхавъ, поздрастувався. Сычасъ царъ яго ставъ опять спрашавать: раскажйтя вы мнѣ,—зь якихъ вы колѣнъ, и чимъ мнѣ васъ наградить: ти васъ дяньгамы, ти храстомъ якимъ, ти чиномъ? А ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ваша ничого, а дайтя мнѣ, говора, кольцо ваша золотое, имяннде, говора. Давъ ёнъ яму кольцо, ёнъ распрощався зь имы, сѣвъ на свойго коня, сычасъ и поѣхавъ обратно, назадъ. Сычасъ, якъ пріѣхавъ къ етому саду, у лѣвое вухо ўлѣзъ, у правое вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ставъ. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавковыя тровы, на мядо́выя воды. А самъ пошовъ у свою кельню и живе. Пріяжжаа етый царъ зъ воинства уже назадъ у свой дворэцъ. Государськая дочь сычасъ у садъ—яна думая объ имъ усё—изновъ прихо́дя къ мужу. «Эхъ, говора, душачка: мы, говора, на воинстьви былй, страху паглѣдились. Хоть ба ты побывавъ, побачивъ—скольки силы було́, скольки чаго! Да слава Богу налятѣвъ чаловѣкъ, отвоевавъ усё воинство!» Да! Ёнъ обящаетца: што жъ я, говора: я тутъ зъ голоду пропадаю—ня пивши, ня ѣвши третьтій день—дакъ мнѣ и дѣла няма до воинства! Сычасъ доставила яна ямў харчей, доставила таба́ки, заплакала слёзно и пошла отъ яго,—заплакала, што отъ яго ниякія рѣчи няма къ ёй хорошія. А покинуть не можѐть.

На етого цара зновъ обратно занимаетца девять зямель зразу! Да. Сычасъ яна прихо́джуа изновъ: ахъ, говора, душачка: тяперъ колибъ до насъ не дойшли: девять зямель идѐ на нашаго отца! Убираемся, говора, уси итить на воинство! Приди жъ, говора, распрощайся, говора, съ радовымы солдатамы съ своимы, и зъ началствомъ! Што ты, говора, ня хочашъ и на дворэцъ на нашъ узыйтить! Такъ сычасъ ёнъ говора: ня хо̀чу я распрощатца! я тяперъ со службы сышовъ, не знаю я нияко́го воинства! Иди сабѣ куды хочашъ! Ну, яна заплакала и пошла. Ну, а покинуть ня хоча яго,—щѐ думая жисьти дожидать зь имъ. Ну, поѣхали яны зновъ на воинство съ своимъ воськомъ. Ёнъ изновъ остався одинъ. Тогды сычасъ вышовъ у садъ и говора: «эхъ, говора, колибъ къ мойму го́ру, говора, мышка, жучокъ и рачикъ,—дакъ ба я нийкого гóра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за нўжда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: поѣхавъ отецъ мой воинство воевать, да на яго идѐть девять зямель,—дакъ якъ ба и мнѣ доставитца туды? Мышка, жучокъ и рачикъ говоруть:

свисьни богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ,—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ. Ну, што, говора, солдатъ, вамъ за нужда, а мнѣ за службa?—А вотъ, такъ и такъ: поѣхавъ царъ на воинство,—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну, лѣзь, говора, у правое вухо, а ў лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а ў лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Ну, садись на мяне, говора, верхи, поѣдомъ воинство воевать! Сычасъ ёнъ узявъ свою мечь кладянецъ, сѣвъ ёнъ на яго и поѣхали. Якъ уѣхали ето у сярэдину воська корольскаго,—ёнъ якъ шахнувся—махнувся, налѣво-право—кругомъ! дакъ не такъ самъ рубя, якъ конь копытáмы бъè! Осталáсь корольская воська, зразу вёрстъ на дватцать ляжйть. Отвоювавъ ето воинство усё корольское, отбивъ, девять зямель усихъ—можа у мѣсяцъ, якъ наѣхавъ на етого короля—дакъ ёнъ яму головў зрубивъ. Зрубивъ голову, тогды сычасъ пріяжжаа къ етому цару, свойму сьтю. Ну, и обратно обящаетца царъ: раскажитя вы мнѣ, зь якихъ вы колѣнъ и чимъ васъ награждать—грошамы, медалямы, ти половина царства вамъ отписать? А ёнъ говора: ня треба мнѣ вашаго ничóго,—ни гроши, ни медали, ни половина царства, ничого мнѣ ня треба—отрѣжтя мнѣ половина шапки вашія зъ дорогоцѣнными камнями! Сычасъ царъ довжóнъ бывъ суповнить ето: перарѣзавъ шапку,—часъ сабѣ кинувъ, часъ яму отдавъ. Да. Сычасъ ёнъ сѣвъ на свою лошадь, пріѣхавъ къ саду, етого лошадя на золотой муздéчки привязавъ коло своè калавурки,—самъ лёгъ отдыхать—на трое сутокъ зразу. Лёгъ на трое сутокъ спать, пріяжжая ето той царъ зъ воинства, зъ зямель съ тыхъ, зъ девяти. Сычасъ ета царськая дочь—рўпитца ёй—бяжить у садъ. Прихóдя къ калавурки икъ той,—стоить лошадь золотогривчикъ, никóго не пропуская. А ее самўю пропусьтивъ. Ина сама сабѣ ниўдивилася, што ето за штука такая? Откуль етый лошадь узявся, и привязаный стоить? Такъ сычасъ яна пришла къ етой калавурки—двери запёрты. Яна сычасъ дивитца у щелочку,—ёнъ спить,—и ў яго кольцо золотое на пальцы, шапка зъ боку ляжйть—половина, и хусточка имяннáя съ кишени видать. И самъ чистякъ такій, што ни у казкахъ сказать, ни ў загадкахъ згадать. Тогды яна приходжуа къ отцу къ свойму налишня зновъ: вотъ, говора, папенька: мы не знали, хто намъ воинство воевавъ! Воевавъ, говора, мужъ мой: такое и такое дѣло: хусточка, говора, имянная у яго, кольцо золотое у яго и шапка у яго,—усё, говора, у яго! Мы, говора, яго не ўвознали! Ну царъ собравъ баль, заказавъ обѣдьни, пославъ по усéй Росéи по своéй, пославъ письмы, газеты, што вотъ такій то и такій нашовся у мяне зъ радовыхъ солдатовъ, дакъ ёнъ имѣя большую силу—отвоевавъ мнѣ одинъ

три разы большое воинство! Ну, тяперъ яны тамъ зъ жаной живуть, мёдъ-вино пъють, и я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Новая Бычъ, бычан. вол. Кр. Кузьма Силинъ, 24 л. неграмотный. Ходивъ по людяхъ, бывъ ли Пропойську. Языкъ уже смѣшанный, пограничный между двумя говорами, южнымъ и восточнымъ.

9. Солдатъ, жукъ, мышь и ракъ.

Служивъ солдатъ дватцатъ пятъ годовъ, и получивъ награды дватцатъ пятъ рублей. Идетъ ёнъ домовъ, повзётъ жукъ по дорози. Драстуй, говоритъ, солдатъ!—Драстуй, говоритъ, жукъ!—Служивъ ты дватцатъ пятъ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатъ пятъ рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: получивъ!—Ну, говоритъ: дай и мнѣ одинъ рубъ, и я табѣ коли небудь пригоджуся. Солдатъ думаетъ: хутъ при етымъ мнѣ рублѣ, хутъ бязъ етого—бросивъ яму рубъ. Жукъ тэй сошкрёбъ рубъ, и поволокъ. Проходитъ нямножко солдатъ, вярсты двѣ, стрѣчаетца зь имъ мышъ. Драстуй, солдатъ!—Драстуй, мышка!—Служивъ ты дватцатъ пятъ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатъ пятъ рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: получивъ! Давъ жуку рубъ?—Давъ.—Ну, дай, говоритъ, и мнѣ рубъ. Я табѣ тожъ пригоджусь. Тоды ёнъ думувъ, думувъ: э, што, говоритъ: кода бъ не даватъ, дыкъ бы ни дного, а такъ—усё дно ўже. Узявъ бросивъ и мышини. Ина рубъ узила и потащила. Проходитъ ящо вярсты двѣ—усходитъ на мосьтикъ, на рѣчачку. Изъ воды выскакуетъ ракъ и говоритъ: драстуй, солдатъ!—Драстуй, говоритъ, ракъ!—Служивъ ты дватцатъ пятъ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатъ пятъ рублей, спрашуетъ у яго. А ёнъ отвѣчаетъ: Получивъ!—Давъ жуку рубъ?—Давъ!—А мышини давъ?—Давъ.—Дай и мнѣ, говоритъ, рубъ, я табѣ ще боли пригоджусь!—О, говоритъ, васъ много такихъ найдетца! А посли обдумався: а ўжо ўсё дно, говоритъ: ти зъ рублёмъ, ти безъ рубля! Узявъ икинувъ. Ракъ ухапивъ етый рубъ и потащивъ съ собой. Треба яму перяходитъ городъ столишный, того жа царства. И тамъ живъ царь. И ў тогожда царя была одна отъ роду дочка. И отъ рода ина ни сь кимъ не сміялася. Царь пабликовавъ: хто мою дочку рассмяётъ, того приниму у зяти къ сабѣ, къ ей, у наслѣдствія возьму! Солдатъ етый етого ничого не знавъ. Ёнъ думаетъ сабѣ: у пути выпитъ стаканьчикъ водки тутъ, ды й дальше, штобъ ничого нияково ня здѣлатъ! Ну ды й думаетъ сабѣ: ды й я жъ уже съ службы увольненъ, никого не боюся, хоть и пъянъ напъюсь! Зайшовъ у кабакъ, выпивъ стаканъ—два водки, покушавъ нямного сабѣ; такъ и дальше йще выпивъ стаканъ, посидѣвши.—А што жъ яму журитца? То ўремя про-

скочивъ уре́менный дожжъ. Проскочивъ, надѣлавъ на вулицы воды и грязи, и опять стала погода. Солдату итить некуды быль, дыкъ ёнъ тое ўремя водку пивъ побольше. Напився водки здо́рово, што й итить ня му́сить, тольки ина яго не разобрала щѐ. И ёнъ думаетъ итить. Расплатився, и пошовъ съ кабака,—у походъ, по городу. Проходя мимо дому государственнаго, обморо́чила яго силно хмель. Ёнъ оббрызкався и сунувся ў грязь. Откуда узявся етый самый яго ракъ, и жукъ, и мышъ, на помочь; отгарну́ли отъ яго грязь и воду̂, здѣлали мѣсто сухое. А ёнъ заснувъ. Узяли, яго расшпилили и разули. Тода, ракъ расставивъ своѐ клюшни, а яны ўзяли и развѣсили усю ету оде́жу на яго, и су̂шутъ. Ета царевна увидила у вокошко, и силно ўзрадовалась и зареготала, надъ етымъ чудомъ ужо. Побѣгла у другую комнату и кричитъ: батюшка! я, говоритъ, такого чуда ще отъ рода́ ня видила,—ходитя, посмотритя! Царь узрадовався, што ина засміялась, пошовъ посмотрѣвъ. И вялѣвъ убрать етого солдата къ сабѣ. Вялѣвъ яго убрать, умыть и одѣть получчы. Солдатъ прошнувся и ўробѣвъ; скучаетъ ужо, што здѣлавъ такое. Слуги етые говорютъ: ня бось, не скучай, тябе царь требуетъ къ сабѣ! Приводютъ яго къ царю, царь яго спрашіетъ: не робѣй, говоритъ, солдатъ! ты мою до́чку рассмяшивъ! Я, говоритъ, пабликова̀въ: хто мою дочку рассмяетъ, приму того у зяти. Ну й тябе ожаню зъ моей до́чкой! Занявся гулять свадьбу, ожанивъ яго на своей дочки.

Ожанёмши, когда ины ложилися спать ужо, дыкъ ёнъ ничого ящо не занимаетца съ походу, ляжитъ и спитъ. Ина пройзноситъ жалобу свойму отцу дни черезъ три: што ёнъ, говоритъ, спокоенъ силно....... Ёнъ отвѣчаетъ ей: на три дни я, говоритъ, яму̂ дамъ ильготы. А якъ прдйдетъ три дни, тоды я брошу яго у звяринецъ, коли ёнъ такій! Проходитъ три дни, ина обратно жалуетца. Ёнъ приказавъ, царь, отвясти яго у звяринецъ. Слуги отвяли яго.—Солдатъ етый умѣвъ играть у дудку. Здѣлавъ сабѣ дудку, сѣвъ подъ липою и ставъ играть. Потходитъ къ яму звѣрь левъ, и сѣвъ дли яго, и не допускаетъ къ яму ниякихъ зварей. У тое ўремя сватався ету царевну нѣйкій король. То царь обратно згулявъ свадьбу зъ етымъ королемъ, и пошли яны спать. То ёнъ первую ночь ничого ня дѣлаетъ. Откудова узявся етый ракъ, и мышъ, и жукъ. Сичасъ ракъ яго начинаетъ клюшня̀ми развора̀чувать, а жу́ка посалаетъ нутри. Жукъ оттуда понабра́совавъ то того, то сяго, а мышъ по'бдѣлала ихъ боихъ, и короля и дочку. Тода ошнулися яны, тода йна и говори́тъ: што жъ ты, говоритъ, ето надѣлавъ, такъ съ первой но́чи ошибся! Тоды ёнъ говоритъ: нѣ, на мяне ще етого не было́ ниразу!—Ну, говоритъ: я табѣ ету ночь ще замовчу, не буду доклада́ть отцу! Ёнъ того дня ничого ня ѣвъ, тольки вечаро̀мъ одного борщу̂ тро́ху сербану̂въ....... И позно

не спавъ. Якъ тольки заснувъ—яны обратно сотворили яму. Тоды яны ужо ошнулися—опять тое жъ. Ну, ина ўжо доклалася отцу. Отецъ имъ назначивъ ящо ночь едну переспать. То ёнъ уже тыя третьтія сутки ничого ня ѣвъ, до самаго вечара, и не спавъ двѣ части ночи. Тольки заснувъ подъ самую зарю. Жукъ обратно и ўбрався.—Дай мятлу, говорить: ёнъ ничого ня ѣвъ! Яны мятлу подали; ёнъ по нямногу тамъ повымевъ. Тоды яны съ зарёю ошнулися—а етые ўже разошлись уси. То ина идеть и говорить: луччы бъ я жила съ тымъ съ солдатомъ съ чистенькимъ, чимся зъ естымъ зъ грязнымъ! Царь повялѣвъ етого отвясти у звяринецъ, а того обратно у дворецъ, коли живъ. Узялй яго слуги и повялй. Уводють у звяринецъ, то солдатъ у дудочку поиграваеть, и левъ яго охраняеть. Ну, якъ только убросили етого короля, такъ звярьё яго и растаскали, короля. А етого обратно узялй ў домъ, солдата. Такъ ина узрадовалася, обнила яго, и пуцулувала, и сказала: другъ мой, будемъ съ тобой жить до конца вѣка.

Д. Селецкое. Ѳедотъ Лукьяновъ, 30 л. малограмотный.

Въ *Городокскомъ у. Вит. губ.* сказка варьируется такъ:

Шелъ солдатъ со службы. Было у него три алтына. За одинъ онъ предполагалъ купить земли, за другой выстроить хату, на третій ожениться. Вдругъ подбѣгаетъ мышина: служивенькій, дай мнѣ алтынъ, я табѣ къ худому ўремю пригоджусь! Солдатъ разсердился и, желая убить мышь, бросилъ въ нее алтыномъ. Но мышка подхватила алтынъ и убѣжала. Тогда летитъ жукъ: отдавъ ты мышины (смѣш. родит. съ дат. и предл.) одинъ алтынъ, отдай мнѣ другей! Солдатъ бросилъ въ жука алтыномъ, чтобъ его убить, но жукъ схватилъ алтынъ и улетѣлъ. Подошелъ солдатъ къ озеру. Выползаетъ ракъ: ну, солдатъ! давъ ты одинъ алтынъ мышины, другей жуку,—давай мнѣ третій! Хотѣлъ солдатъ и рака убить, бросилъ въ него алтыномъ, а тотъ схватилъ его клюшнями да потуль того й бывъ. Остался солдатъ безъ денегъ. Приходитъ онъ въ городъ, въ казенный домъ, гдѣ пи и ѣшъ, кольки хошъ, а тольки пъянъ не напивайся; а хто напъётца,—на мёртвый полокъ, къ звѣрямъ на зъѣденія. Солдатъ напился пьянымъ, свалился въ грязь; тогда пошелъ къ рѣкѣ платье мыть. Раздѣлся, да такъ съ—пьяна и заснулъ голый на берегу рѣки. Прибѣгаютъ мышь, жукъ и ракъ; вымыли платье, развѣсили на деревьяхъ сушить и поднимаютъ кверху, кабъ скорѣй высохло. Увидѣла это царевна и разсмѣялась. Пріѣхали за солдатомъ въ каретѣ, разбудили, одѣли и повезли во дворецъ. А въ это время пріѣхалъ и чужой король въ сваты. И было рѣшено отдать царевну за того, кто всѣхъ гостей разсмѣшитъ. Король посылаетъ своихъ слугъ: купите мнѣ соболиные са-

пожки, золотую шляпу, драгоцѣнный сертукъ и серебряную саблю! А солдатъ прибавляетъ: а мнѣ купите тамъ рогожи на сорокъ копѣекъ, на шинелъ, на штаны и на шапку! Ну, всѣ и разсмѣялись: якое, говорють, у солдата богатство, такую ёнъ сабѣ и одѐжу справляетъ! Ну, и оженился солдатъ на царевнѣ.

10. Семъ сѣдьневъ.

Живъ сабѣ старикъ исъ старухой, и было у ихъ семъ сыновъ, и ўсё сѣдьни. Сами яны не могли знать старики, якіе яны ремеслякѝ. Сами яны обое пòмярли и ихъ покинули. Остались яны сиротàми, и усякіе удивлялись, што якъ яны будуть кормитца,—што ўсё сѣдьни якъ одинъ. Зносили имъ обчество хлѣбъ тожа, кормѝть. По тыхъ поръ кормили обчествомъ, покудова надокўчило. Яни сказали мижда сòби, мужукѝ: што намъ за прибыль кормить ихъ? Сами себе ўголодимъ и ихъ ня вырось-тимъ. И до тыхъ поръ яны, етые сѣдьни, дожили, што ўже нихто къ имъ и не хòдить. Сѣдьни етые мижда сòби и говòрють: «вотъ, братцы: отъ насъ по'тчужалися ўсѐ люди, и Господь насъ осиротивъ отцомъ и матерю. Якъ мы будемъ тяперь кормитца?» А яны якіе сѣдьни?—усё богатыри якъ одинъ. А якъ Богъ дасть ночь, дакъ яны тоды и пойдуть сабѣ пропитанія йскать. Пòйдуть къ помѣщику, бываеть, ноччю, имбаръ подымуть, хлѣба сабѣ набяруть; а дровы якъ нужно,—у лѣсъ ноччю пойдуть, да й сажень на сабѣ приволокўть. Такъ яны посли отца и матери семъ лѣтъ и страдали. Потомъ дяревни донясьли до помѣщика што, баринъ, возьмѝтя етыхъ сиротъ у хвòльварокъ! Стали говорѝть, што Богъ ихъ знаеть, якъ яны питаютца, и не видимъ хòдя ихъ, и чимъ яны кòрмютца. Богъ ихъ знаеть, ти ядўть яны што, ти не ядуть—живы. Помѣщикъ ихъ сожалѐвъ тожа. Узявъ ихъ къ сабѣ. Семъ лѣтъ ихъ у сябе продерживъ. А знать не знавъ, якіе яны. Потомъ помѣщикъ отписавъ царю: што возьмѝтя ў мяне людей такихъ и такихъ: моя ня сила! Царь ихъ тожа привялѐвъ доставить къ сабѣ. Царь ихъ семъ лѣтъ безъ усякаго спросу одѣвавъ и кормивъ. На восьмомъ году царь у ихъ спрашуваеть: «скажѝтя вы, што зà люди такіе находитесь? Я васъ семъ лѣтъ одѣвавъ и кормивъ, и приглидàвъ васъ!» Одинъ говорить: я вотъ, государь, якій ремѐсникъ: ежелибъ васъ забиждàть найшла якая сила непріятельская, дакъ я каляный лукъ якъ натягну, ударю, поломлю усю силу однымъ разомъ! Государь ставъ доволенъ имъ. Спросивъ у другòго: ты якій ремѐслиникъ? Другій отвѣтивъ царю: ежели вамъ наймàть корабли строить да платѝть большія деньги, дакъ я отъ трёхъ разъ сякиру ўдарю, и корабъ стàнеть! Государь етому взрàдувався: єто хорошо мнѣ два чело-

рукій сичасъ узявъ письмо, у карманъ уклавъ, и ўссадивъ хромого на сляпого, и приказавъ яму, штобъ указувавъ сляпому дорогу. Сляпый и повёзъ хромого на погáршкахъ. Тольки сляпый куды зблу́дитца зъ дороги, дакъ ёнъ яго въ вухо: вотъ сюды! Ёнъ, сляпый, дотащивъ хромого съ трудами до царя. Хромый оддавъ записку государю. Государь прочитавъ ету записку, и собравъ у два раза больше воська и пославъ тожа ў догонь, и привялѣвъ, штоба забрять ихъ. «А не заберетё, дакъ я васъ подъ áрестъ возьму!» Яны зайшли тожа къ етой баби и спросили: давно тутъ, бабушка, ишли люди якіе? Баба имъ отвѣтила: а ишли, якъ етый садъ соджавъ! Яны говоря́ть, што вочень далёко ушкрябли́. «Будемъ, братцы, прибавлять шагу!» И мижда сóбя совѣтуютца, што забярёмъ и доставимъ живыхъ прямо къ царю. Етый, который каля́нымъ лукомъ бивъ, сказавъ: чутко вушко, приляжъ къ зямлѣ: ти ня стогнеть дорога, ци ня гонитца за нами якая погоня? Етый сичасъ прилёгъ и говорить: стогнеть дорога, гонитца за нами большая погоня, больше *въ* два разы!— Быстро воко, посмотри, ти далéча? Етый говóрить: пятьдесятъ вёрстъ, не больше. Ёнъ сичасъ узявъ каляный свой лукъ надтащивъ, надтягнувъ, якъ ударивъ,—дакъ и знова поломило усю силу: оставивъ тольки хромого да сляпого. Письмо сичасъ написали, узнова, у карманъ хромому уклали, довгорукій той. Хромого на сляпого уссадили, и зновъ сляпый потащивъ назадъ. Сляпый хромого притащивъ; хромый письмо царю оддавъ. Царь письмо прочитавъ. Посмотрѣвъ царь, што ничого не подѣлаешъ по письму зъ ими—поломилось усё,—а ў яго была птица жаръ, такая птица, што ёнъ самъ ѣздивъ на ёй самъ,—богатырька птица. Ёнъ приказавъ жаръ-птицы: штобъ доставила мнѣ непремѣнно нявѣсту и ихъ штобъ побила,—а то ў царство не прилетай! Яны жъ пришли къ морю. Етый сичасъ съ подъ поиса вынивъ топоръ, по водѣ три разá ўдаривъ обухóмъ, и здѣлавъ корабъ, такій якъ и ўпярёдъ. Тода сичасъ, переѣхадши мóря, опять три раза обухóмъ по кораблю ўдаривъ—и нема-знать дѣ дѣвся корабъ. Перейшодши мóря, захотѣли оддыхнуть. Яны ўзяли, лягли спать. Царевна, етого самаго, который каля́нымъ лукомъ бивъ, улюбила яго, и ўзяла яго голову на колѣни къ сабѣ—што ёнъ храбёръ и сі́ленъ. Пóтомъ того проспали яны одинатцать дней не просыпая. На двѣнатцатомъ дни являетца ета жаръ-птица къ ёй. Ина сичасъ давай ихъ будить, царевна, и ниякимъ родомъ не ўзбудила ихъ. Ина тоды давай плакать. Жаръ-птица спусьтилась и ўзяла царевну. И не слыхали яны, когда яна ў ихъ украла. Посадила яё на крыло на лѣвое, а правымъ замахала, и ўтекла отъ ихъ. Царевна заплакала, и тому богатырю, который каля́нымъ лукомъ бивъ, капнула на щаку́ слеза. И такъ ина слезой своёй, усё ровно, якъ варомъ на щаку узлила: ёнъ сичасъ прошнувся зъ вóтрону

и сказавъ: уставайтя, братцы моѐ: нѣту нашія царевны! Скольки трудилися, вялѝ и тяперь утратили! нѣту нашія царевны! Якъ намъ тяперь къ царю показатца? Чутко вушко, приляжъ ка ты къ зямлѣ,—идѣ ета погоня, што украла царевну у насъ: ти ўвышу, ти ўнизу? Етый сичасъ прилёгъ и говоритъ: што ўвышу, братцы любезные, шумитъ дужа погоня и выетъ царевна дужа!—Быстро вочко, посмотри: ти дужа височко? Той посмотрѣвъ да й говбритъ: подъ самами вбболоками!—Быстро вочко, посмотри: на которымъ крылѣ царевна? Ёнъ яму̀ отвѣчаетъ: на лѣвомъ! Ёнъ якъ навёвъ калѧ̀ный лукъ подъ лѣвое крыло, якъ ударивъ подъ крыло,—лятитъ царевна якъ шубень! А довгорукій подхвативъ яѐ, не давъ ёй много отпасьтъ отъ крыла,—сичасъ подхвативъ яѐ на ладони. Жаръ-птица оборотилась къ свойму царю бесъ крыла уже. Царь посмотрѣвъ, што не возможно ничого зъ ими подѣлать, и оставивъ зъ ими супрочѝвнитца.

А царевна етого ўлюбила, который калянымъ лукомъ бивъ, до такія степéнносьти, што не могла отъ яго растрятца дажа. Привялѝ яны яѐ тожа къ царю свойму, къ свойму отцу. Государь ня могъ знать, што зъ радосьти дѣлать зъ ими! Изъ дочкой цулувався, и спрашувавъ: што, якъ, дѣтка, откуль вѝзвулилася, и якъ вы гбря перенясьлѝ? Ина расказувала, што дужа вяликое гóря принѧ̀ли. Царь спросивъ: чимъ мы будемъ награждать ихъ за ето? Ина сказала, што ничавó, папенька, не жалаю, тольки примитя етого, который калѧ̀нымъ лукомъ бъетъ, ко мнѣ! Царь думавъ, што и ёнъ такъ хочетъ у пристани къ ёй, якъ и ина къ яму̀. Ну ёнъ не жалавъ у пристани йти. И чаго ни дѣлала ина, и ўговаривала яго, и батька просивъ, и ина батьку,—до тыхъ степенносьтей ўговаривали, покуль ёнъ бросивъ у ихъ житъ. И братьевъ своихъ оставивъ, а самъ увыйшовъ. Государь сказавъ: я знаю, почаму ёнъ не идётъ! Государь кажетъ: ёнъ думавъ, што ў мяне денихъ нѣту,— што я яму не показавъ. Повялѣвъ семъ ящиковъ насыпать серебра и завезть наперёдъ. Дакъ ёнъ поѝглитца и вéрнетца назадъ. Ёнъ сичасъ идéтъ, ажъ ящики съ серебромъ зъ деньгами на военныхъ лошадяхъ привезены и поставлены наўпрэдъ яго, куда яму йтитъ нужно. Ёнъ ящикъ расколотивъ и деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай люди бѣдные собираютъ! Яны сичасъ воротилися скорымъ пбспѣхомъ назадъ къ царю. Царь испросивъ: ну, што,—вярнувся?—Нѣтъ, ваша вяликое аппираторство! деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай деньги люди бѣдные собираютъ! А дочка царя беспокоитъ тожа, штоба непремѣнно яго доставить. Государь сказавъ: насыптя золота семъ ящиковъ и завязитя наперёдъ: ёнъ увидитъ и вéрнетца! Такъ и здѣлали, завязли. Пришовъ ёнъ, рассмотрѣвъ, и сказавъ: на што мнѣ золото? Што я буду зъ ими дѣлать? Узявъ и расколотивъ ящики и сказавъ: пущай усѣ люди собираютъ! Яны сичасъ

воротилися къ царю и сказали: што не ўзявъ дениxъ, рассыпавъ! Царь отвѣтивъ: кода погрѐбувавъ моёй лаской, то насыптя двѣнатцать бочонковъ пяскў: пущай засыплеть своѐ глазà, кода моя чесь яго не бярѐть! Яны сичасъ узяли, пясокъ етый напрэдъ завязли, поставили, и сами смотрють, што онъ будеть дѣлать. Ёнъ сичасъ посмотрѣвъ, што ето бочонки исъ пяскомъ. Ёнъ сичасъ узявъ лошадей, верёвки по'твизáвъ и бочонки у верёвки ўложивъ и сказавъ: можеть быть, при злой годины знадобйтца! Самъ на плячо ихъ узявъ и понёсъ. Эти сичасъ звоpятйлися звощики къ царю свойму. Царь и спросивъ: што ёнъ дѣлавъ съ пяскомъ? Яны сказали яму, што ёнъ бочки увизавъ у верёвки и понёсъ некуды за собой. Царь и говорить: погребувавъ моёй ласкую и засыплеть своѐ глàзы! Ёнъ сичасъ идёть дорóгую, ажъ горить роща берёзовая, силно горить, и на тэй рощи, видить, метаетца нѣхто у вогнѣ, а не можеть самъ знать—хто. Тольки кричить: ратуй, хто Богу вѣряеть! и я при злой годйни знадоблюсь! Ёнъ сичасъ бочонки разбивъ и ў водинъ грудъ пясокъ ссыпавъ. Ажъ ето, што на рощи метався, дакъ куды метанѐтца, дакъ огонь за имъ пóлымямъ. Ёнъ сичасъ узявъ, и давай на 'гонь бросать пясокъ етый. Затушивъ ёнъ етый огонь, ету рощу, и снявъ етого съ огня, што горѣвъ въ огнй. Ёнъ яму говорить: вотъ, благодарю табѣ, братъ любезный, што мяне пурутувавъ отъ смерти! Ёнъ спросивъ у яго: хто жъ ты такой нахóдисься? Ёнъ яму́ отвѣтивъ, што—я находжусь чортъ!—Почаму ты попався здѣсь у вогонь горѣть?—А потому, што мужикъ пъяный запаливъ рощу да й сказавъ: чортъ её возьми, исъ чортомъ зъ естымъ! Ну, ёнъ спросивъ: а ты хто?—Я, когда знаешъ, Ивана Йвановича—семъ сѣдьневъ, дакъ я бóльшій братъ!—Знаю, говорить. Вотъ, другъ любезный,—куды ты идёшъ?—А йду во весь свѣтъ бѣлый!—Вотъ, пóйдемъ рáзомъ, удвоихъ, не будемъ разлучатца одинъ отъ одного, разминатца!—Ну, штожъ, пóйдемъ! Идуть яны тожа само, ажъ стоить горѝ високая, високая. На той горѣ, ажъ тамъ мядьвѣдь, и вовкъ, и лисица, и заицъ, и голубѐцъ, и мурашка. А всѣ за одну горў дярўтца. Вовкъ хочеть сабѣ кабъ горѝ остáлась, а мядьвѣдь сабѣ, а лисица сабѣ, а заицъ сабѣ. Мурашка якъ ущѐмитца мядьвѣдю....., а голубецъ тожа яго кусать, мурашку вынимаеть, дакъ мядьвѣдь моркóчить. Лисица тожа дяретца, и вовкъ,—и кажный хочеть, кабъ горя остáлася которому—нибудь одному. Яны сичасъ пришодши къ горѣ и крикнули: миръ вашай кумпáніи! Яны сичасъ сказали: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ, силный могущій—богатырь!»—За што вы дярѐтесь? Мядьвѣдь отвѣтивъ: Иванъ Ивановичъ! рассуди ты намъ вѣрный судъ, дай намъ памить: кому горѝ ета довжна остатца? Ёнъ сказавъ: слухайтя мяне, я васъ разбяру! Мядьвѣдь сказавъ:

будемъ слухать вашаго приказанія! Ёнъ сичасъ узявъ, на мядьвѣдя сказавъ: навучи мяне помядьвѣжьи зворáчиватца, тоды скажу, дѣ табѣ жить! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвоему зворáчиватца. Тоды ёнъ и говорить: ну, ты вяликій дуплё, да й дурень большій! што ты будешъ на етой горѣ дѣлать? Пошовъ ба ты у лѣсъ: сѣють мужики овёсъ близко коло лѣсу; напёрся бъ ты якъ мѣхъ овса етого, и сядѣвъ ба ты подъ кýрчамъ. Не захотѣвъ ба ты, бываеть, овса, ёсь у лѣси пчолы. Выломавъ ба ты пчолъ! Покушавъ ба ты разныхъ сладосьтёвъ! Ёнъ яму поблагодаривъ, у ноги поклонився и пошовъ. Тода ёнъ у вовка спрашуеть: што ты тутъ будешъ дѣлать? Вовкъ яму отвѣтивъ: дятей ба тутъ повёвъ! Яму ёнъ отказавъ: тябе тутъ охотьники забъють и съ собаками тябе прогонють!—Куды жъ мнѣ дѣтца?—Навучи мяне посвойму зворáчиватца! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвойму зворачиватца, поповчи. Ёнъ говорить: пошовъ ба ты у лѣсъ, да идѣ мохи зъ водою ёсь, тамъ ба ты живъ! тябе нихто бъ не нашовъ! Вонъ, мужики пасуть коло лѣсу стáтокъ, ты бы укравъ ба овцу, поросёнка, козянёнка бъ; ты бъ бывъ доволенъ етымъ. А тутъ ты што зъяси? тябе забъють! Вовкъ сичасъ яму поблагодаривъ и пошовъ. Сичасъ лисица жáлобу занóсить: Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ, разбяри моё дѣло: я хочу, кабъ мнѣ горя осталась! Ёнъ отвѣчаеть ёй: што ты у етой горѣ будешъ дѣлать?—Дятей повяду, ямочки покопáю, и сама буду тутъ жить! Ёнъ ёй отвѣтивъ: што тябе найдуть охотьники, и собаки за хвостъ изъ ямки вытащуть!—Дѣ жъ мнѣ дѣтца? Ёнъ сказавъ: научи мяне полисиччу зворачиватца! Яна яго научила полисиччу зворачиватца. Ёнъ говорить: пошла бъ ты идѣ коло равóвъ коло крутыхъ, у лѣси, тамъ ба ты выкопала сабѣ печáрю—тамъ ба тябе ня дужа хто нашовъ: ни собака, ни охотьникъ! Яна й пошла. Тоды заицъ просить разобрать яго дѣло. А што ты жалаешъ?—Я жалаю, кабъ мнѣ горя осталася!—А што ты у ёй будешъ дѣлать?—Гнязди здѣлаю, зайчинятокъ повяду,—травку будуть збирать по горѣ по етой! А ёнъ яму отвѣтивъ: якъ вы што—мѣсица вóдитесь, дакъ табѣ й горы не хватить!—Дѣ жъ мнѣ дѣтца?—Научи мяне посвойму зворачиватца, я табѣ скажу, идѣ жить! Ёнъ узявъ и научивъ посвойму зворачиватца. Ёнъ и давай совѣтувать, идѣ жить: ты бы идѣ коло лясóвъ; тамъ зимою жито бъ откопавъ да зъѣвъ ба; тожа бъ сáмо лѣтомъ овса наѣвся, капусту—у горóдъ упёрся. А тутъ што ты на горѣ будешъ дѣлать? Заицъ поблагодаривъ и пошовъ. Остаётца голубецъ да мурашка. Ну вотъ, сичасъ и говорить на голубца: ну, ты што будешъ дѣлать на етой горѣ? Ёнъ сичасъ и говорить: я совъю гнязде́чко тутъ, и мнѣ тутъ усё чисто видать; хто идѣ што засѣеть, дакъ я буду усё видать и летать девбать! Ёнъ яму отвѣчаеть: тябе жъ ястребъ за-

дярѣтъ на кургани, потому, ты видѣнъ будешъ; и дятей твоихъ задяреть. Голубецъ яму отвѣчаетъ: дакъ идѣ мнѣ дѣтца?—Научи мяне поголубяччу зворачиватца, я табѣ дамъ толкъ, идѣ подѣтца! Ёнъ яго наўчивъ поголубяччу зворачиватца. Тода ёнъ яму сказавъ: полятѣвъ ба ты къ господину къ якому на крылцо, и сѣвъ ба ты на крылечко, и загуркавъ ба ты жалосно,—тябе господинъ узявъ ба, у комнату ўнёсъ ба; дали бъ табѣ пашанички, сыты рассолодили бъ, напоили тябе. Вотъ ба ты живъ сто разъ луччи у комнати! А ёнъ говорить: а правду ты говоришъ, Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ! Ёнъ поблагодаривъ яму, у ноги поклонився и полятѣвъ. Ну, говорить, мурашка: навучи-ка мене посвойму зворачиватца: табѣ остаётца ўся горя! Мурашка яго навучила посвойму зворачиватца. И осталась на горѣ. Потому што мѣста хватить зъ мурашкой. Сами яны пошли съ тымъ съ чортомъ къ царю. Чортъ поволокъ: ходимъ вотъ къ такому то къ такому царю ў слуги! Ёнъ и пошовъ. Приходють яны къ царю. Царь спросивъ: объ чомъ? Отъ яны сказали: у слуги наниматца! Посмотрѣвъ царь, што яны вумные хлопцы собрались,—царь жа не знавъ, што ето одинъ чортъ и другій богатырь, и за товариша яны ходють, за брата,—вотъ яны нанялися у царя. Царь ихъ улюбивъ. Слўжать яны вочень хорошо й прекрасно. И замѣчають яны, што царь вочень скушный часто бываетъ. Яны спрашують: ваша вяликое апператорство! объ чомъ вы смутны? Государь сказавъ: дочка ў мяне отобрана силою, воинствомъ! Яны сказали: што будеть, ваша вяликое апператорство,—мы доставимъ вамъ вашу дочь! Царь узрадувався етакъ, што поцулувавъ богатыря, и обнявъ, и сказавъ: ежели бъ ты, достанешъ мою дочку, то што жалаешъ, то будеть отпущено! Тяперь ёнъ сказавъ: достану, ваша вяликое апператорство! Государь сказавъ: ступай зъ Богомъ! Ёнъ сичасъ отправився й пошовъ. Вотъ сичасъ узявъ помядьвѣжьи йти. Ишовъ, ишовъ по мядьвѣ*дчу*—затомився; ёнъ збросився поповчи. Ёнъ тода поповчи ишовъ, ишовъ—затомився. Ёнъ тода сичасъ узявъ позаяччи бѣчь.—Бѣгъ, бѣгъ,—прибѣгъ ёнъ къ морю. Сичасъ черезъ моря скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Перелятѣвъ черезъ моря голубцомъ, и полисиччи пошовъ. Изнова полисиччи затомився. Подбѣгаеть подъ городъ, голубцомъ скинувся и ўлятѣвъ у городъ. Подлетаеть къ етому къ дому царьскому, и збросився мурашкой. И ўсповзъ по стянѣ на бавхонъ, на четвёртый тажъ. Царевна платьтя сабѣ къ вянцў вышивала и плакала граздо. Потомъ ёнъ скинувся молодцомъ—ни ў думки уздумать, ни ў сказки сказать—и подаеть письмо царевни. Ина ето письмо узяла читать,—за слязми ня можеть прозрить,—што отъ отца поклонъ и за ёй человѣкъ присланъ. Ина й сказала: якъ тябе Господь святый привузнёсъ сюда? Подарила яму кольцо золотое, и подарила яму ключи тожа отъ комода отъ свойго, и подарила яму платокъ хорошій,—

тожа отъ комода отъ свойго. Ёнъ скинувся мурашкую, дакъ ина ўзяла ў яго вусикъ отрѣзала, да ў бумажачку. Потòмъ того знова скинувся голубцóмъ; ина крылышка трошку отрѣзала да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся полисиччу—усё показававъ ёй придиѣты, якъ уйти оттудова. Ина сичасъ узяла, отрѣзала шерсти, тожа у бумажачку. Тода ёнъ скинувся знова позаяччи. Ина тожа шерсти знова отрѣзала, да ў бумажку. Ёнъ збросився поводчу,—тожа шерсти отрѣзала, да ўсё у бумажачку. Тожа помядьвѣдчи—тожа шерсти отрѣзала да ў бумажачку. Тода ина й говорить: другъ любезный! якъ ты мяне отсюль вóзьмешъ? Ёнъ сичасъ узявъ, зворятйвъ её мурашкой, и самъ зворятився. А тамъ приказанія строгое, штоба нихто не подходивъ къ бавхону, изъ людей нихто. Строго вочень государь смотрѣвъ, штоба яè нихто не ўвурувавъ зъ бавфона. Тода ёнъ зросивъ ёе мурашкой и самъ збросився, и вывевъ её по стянѣ изъ бавфона. Зъ города яны выповзли, и нихто не замѣтивъ. Тяперь зъ города яны выповзли и скинулись голубцами зробы и полятѣли. До тыхъ поръ лятѣли, покуль затомилися. Тода збросились полисичѵи и побѣгли. Тоды яны зновъ къ морю прибѣгли, збросились знова голубцами и полятѣли черезъ мòря. Перелятѣвши черезъ мòря, скинулись зайцами. Тоды яны заматорились позайчи, скинулись поновчи, тоды помядьвѣдчи. Помядьвѣдчи яны пришли къ самому царству, къ границы, къ царству къ ихному. Черезъ рѣчку збросились людьми; и перяйшли. И здѣлали яны вотдыхъ сабѣ на поли. Государьскіе слуги ходили по охоти тамъ, искали дичи, и замѣтили, што ето тая самая царевна, которую у ихнаго царя отобрято. Цяперь ёнъ тожа лёгъ спать, да й заснувъ крѣпко, а ина на колѣнихъ яго голову дéржить. Слуги приходють, якъ ба нè было, своей государини уклонилися. И мѣли у яè распросъ: якъ достакъ яè етый человѣкъ? Ина имъ и расказала. И яны мѣли гнѣвъ на яго большій, што ёнъ служивъ у царя, дакъ царь любивъ яго вочень. Дакъ яны узяли, да убили яго по *сярцомъ*. И приказали государини, што если будеть говорить, што мы яго ўбили, то мы тебе вобъёмъ тогда. А ты скажи, што мы тебе достали, што я яго не видала у глаза, а мене *эти* достали! Цяперь яны яе повялй сичасъ домой къ отцу. Тоды давай отецъ её распрашувать, по радосьти цулувать её, милувать: хто тебе доставъ? идѣ той человѣкъ, который тебе доставъ? Ина сказала, што вотъ эти мене достали. А яны Ивана Ивановича, семь сѣдьнявъ, порубили и тѣло яго ў рѣчку поубросили, одежу на 'гни попалили, и персьтень, той дарёвникъ царевнинъ, убросили, а платокъ спалили на 'гни.

Уводругъ лѣшій выйшовъ на вулицу, и слышить, што товариша яго на свѣти нѣту. И ёнъ не кажа никому ничòго, и бросився сичасъ жа къ той рѣчцы, и бросився у воду, и сыскавъ усё ето тѣло яго и

вынесъ яго на берегъ, и суснува́въ тѣло ето одно къ одному. И доставъ мѐртвыя воды и живыя. Тоды мертвой водой уздунувъ, спорснувъ, ёнъ оснувався; живэй водою ўспырснувъ—ёнъ отживився и говдрицъ: ахъ, братъ-товаришъ, якъ я крѣпко ўснувъ! Товаришъ яму сказавъ тожа: ты посѣченъ бывъ увесь на шма́тьтя и въ воду ўброс*инъ*! Тяперь ёнъ говоритъ: а дѣ твоя одежа?—А я, братъ, не знаю! Ёнъ яму отвѣчаетъ: твоя одёжа попа́лена на 'гни! Ёнъ отвѣчаетъ: у мяне были колцо золотое, поддрено, и ключи золотэя, и платочекъ,—дакъ не знаю, идѣ яно ўсё подѣлось? Чортъ яму отвѣтивъ, што ў рѣки ето ўсё. Сичасъ ёнъ у рѣку дунувъ,—нырнувъ искать уже ключовъ и колца. Ажъ ключи ракъ узявъ у клюшню да ў пячурю заволòкъ. Яны думали, што клюшникъ; уже старшимъ клюшникомъ раки поставили яго. Ёнъ сичасъ ключи отобравъ у рака, разжаловавъ яго,—знова якъ бывъ ракомъ, такъ и ставъ ракъ. А перстень у вукуня̀ на крылышку,—зачапивъ, да й волòчить. Вукуни̇ думали, што начальникъ якій,—тожа поклонялись яму ўси. Ёнъ тожа доставъ тэя ключи и колцо,—и вукуня̀ разжаловавъ—и доставивъ тожа ето ўсё товаришу. Ёнъ сказавъ: куда, братъ, тяперь пойдёмъ? Чортъ отвѣтивъ: пойдёмъ къ царю назадъ служить! У яго свадьба, у царя, тожа: одинъ убивецъ у прістань идётъ къ царю,—потому яны вы̀хвалилиси, што яны достали яѐ. Тоды ёнъ говоритъ: здѣлаемъ жа мы скрипучку-лубянку и дудочку-тросьтянку! Ну, здѣлали и пришли къ царю тожа на свадьбу. Уклонилися царю. Царь и спросивъ: што вы за люди такіе? Яны сказали, што мы музуканты. Мы слыхали, што вамъ нужны музуканты! Царь исказавъ: а ти можетя вы хорошо йграть? Яны сказали: што, вотъ, извольтя послушать! Якъ зайгравъ чортъ у скрипку свою, лубянку, царь почувъ, дакъ у яго не было̀ и съ бтъ-роду такихъ музукантовъ у полкахъ. Царь ставъ спрашувать: што вамъ за ето дать, што вы мнѣ свадьбу сыграетя? Яны яму сказали: ничаво не жалаемъ, тольки зъ нявѣстой поскакать по разу! Потдмъ того зач*ила́*сь у ихъ свадьба. Зач*али́* яны на первомъ вечери играть, дакъ якъ пошли тунцувать, дакъ до тыхъ поръ тунцували, што ня сила ўже тунцувать. Дакъ повалившись на землю ногами трясли,—што вочень красиво. Тогда первый вечеръ пошовъ чортъ скакать ужо изъ нявѣстую. Што нихто не могъ уздивитца коло тыхъ ска́ковъ! Назаўтраго чортъ зайгравъ тожа яще красивѣй танецъ. Приходитца другому музуканту съ царевной скакать. Ёнъ згрёбъ тое колцо дòреное и надѣвъ на рукỳ, и надѣвъ на цѣвку ключи дòреные царевнины. И ўзявъ царевну за рукỳ. Якъ пошовъ тунцувать, дакъ нихто не ўздивився коло танцовъ! Царевна, недовго дума*чи*, увознала, што ето той тожа молодецъ, што яѐ дустувавъ. Ина прикорятила тожа танецъ и обвищала отцу: што отецъ мой любезный: што ня той ли ето

человѣкъ самый танцуеть, который мяне дустувавъ? Государь, недовго думачи, распрясивъ ето дѣло, якъ ёнъ ее дустувавъ. И признавъ, што самый той, што се́ дустувавъ. А етыхъ, которые обманували, вялѣвъ къ жерябку̀ къ хвосту привизать и растаскать по полю. Тожа яны ожанили ее зъ естымъ съ самымъ, который ее доставъ. Ёнъ тоды премавъ за братами. И до тыхъ поръ тольки чортъ тамъ бывъ, покудова яго ожанивъ. Ёнъ яму поблагодаривъ, а той тому.

М. Романово, горецк. у. Отъ кр. Трофима Балакира, 46 л. негр. Запис. въ моемъ присутствіи г. Буднецкій.

11. Семъ Сяме́новъ.

Одинъ купецъ помиравъ, а дѣткамъ своимъ приказавъ и жанѣ, штобъ моимъ добромъ не распораджа́лись, а занимались хлѣбопашаствомъ. Потомъ, самъ помѐръ, жану оставивъ. И жану кинувъ бяремянною. Жана родила семъ хлопчиковъ до́разу. Урэмя трохи вялося, хлопчишки подросьли, поѣхали у водну соху̀ пахать. Царъ проѣжджавъ, и виджа ета притча, што на'дномъ коню усямёхъ пашуть. Посылая жандара: идитка спроси, хто у ихъ старшій? Прихо́дя и пытая: Божа поможи вамъ! хто мижъ васъ старшій? Дакъ яны у̀си скричали—въ одинъ голосъ: я старшій, я старшій! той кричить, той кричить. Ну, тогды приходя жандаръ: ваша царськое вяличество: уси отвѣтъ дали: уси старшіе, ка́жанъ старшій!—Идитка, говора, спроси: хто у̀ ихъ, якъ ихъ котораго звать? Приходя жандаръ: рабяты, якъ васъ звать? Отъ яны у̀си и крикнули: я Сяме́нъ, я Сяменъ, я Сямѐнъ!—уси Сяме́ны, семъ Сяменовъ! Жандаръ приходя: ваша царськое вяличество: уси Сямены, семъ Сяменовъ!—Ну, иди, говора: забрать ихъ съ собою, повязомъ у царській дворецъ! Узяли и повязьли̇̀.

Нямного урэмя провялѝ, ну, тяперака царськое дѣло распыта̀тца: чимъ жа вы будетя займатца? Первый уже говора: а отъ, царськое вяличество: стукъ да ляпъ, дакъ здѣлаю корабъ!—А, ето цару трэба! Ну, ты, другій Сяменъ: чимъ будешъ займатца?—Бо́льшій Сяменъ, говора, здѣлая корабъ, а я, говора, одинъ куды у̀годно погоню яго!—И е́то цару трэба! А ты, трэтьтій Сяменъ: чимъ будешъ занииматца?—Кузнецъ буду: што трэба, я цару ковать буду!—Ето хорошо! А чатьве́ртый Сяменъ, чимъ ты будешъ занииматца? А мой братъ коваль скуе́ мнѣ ружжо, дакъ я што заглянy, то́ убъю!—До́бро! Ну, а ты, братъ Сяменъ пятый,—ты чимъ будешъ занииматца?—А мой братъ будя птицы бить, а я буду носити, укучи зь имъ!—А ты, братъ шо́стый Сяменъ, чимъ будешъ занииматца?—А мой братъ, говора, ску́е стовпъ подъ воблаки, дакъ я буду на стовпѣ сядѣть и глядѣть, и буду узнавать, идѣ што дѣетца по

прочимъ царствамъ, и буду говорить, штобъ знакъ давать!—Ето дóбро! Ну, а ты, братъ Сяменъ сядьмый, чимъ будешъ заниматца?—А я, говора, царськое вяличество, первый злóдяй буду! Такъ царъ ставъ думать: што дѣлать етому первому злóдяю? Приставили яго къ суду. Судъ означая, штобъ завѣсить яго. Государыня пожалѣла, говора: няльзя! што будя напярёдъ, побачимъ, а такъ няльзя зря человѣка губить! Ну, и оставили усихъ. Кажанъ своимъ дѣломъ ставъ займатца. Нядовго думавши, той подъ воблаками сядить и означая, што у девятымъ царстви прекрасная Настася по саду ходя и такъ зяя, якъ сонушко. Нашаму цару згодилася бъ,—ёнъ у насъ холостый! Тяперъ царъ призывая вора етого, сядьмого Сямéна и говóра: можашъ ты Настасю изъ девятаго царства утащить суды?—Могу, говора, царськое вяличество: ето мое дѣло! Тольки мнѣ трэба двохъ братовъ узять: того, што стукъ да ляпъ сдѣлая корабъ, и того, што куды ўгодно погоня! Тяперака, нядовго думаючи, отправляютца яны у путь, три браты, три Сямѐны. Такъ ёнъ поймавъ, злóдяй, котика морского. Котикъ вымуштруванъ такъ, што ёнъ повялить, тое яму й дѣлая: припявая, скача, казки разныя кажа—такую красоту дѣлая, што Божа, Божа! Такъ приключилися яны у девятое царство, уси утроихъ, а чатьвёртый котъ. Той по бéрагу хóдя узморъя да стукъ да ляпъ—такъ корабъ, стукъ да ляпъ—такъ корабъ,—надѣлавъ уже, усю пристань занявъ кораблямы. Ухторый Сяменъ сортўя: одинъ туды гóня, а другій оттулѝ гоня. Яна, стóячи ў саду, дивитца: што ето такое, што одинъ человѣкъ такую уласть имѣя, етакія судны гонять. Котикъ приставляя фигуры, по палубахъ хóдючи, пѣсни припявая, и танцуя—и танцуя зло. Улюбовàлась яна, смотручи исъ сада, на етого котика, и говора: што ёсть за господинъ етому котику? я хóчу купить котика етого! Обозвався который находився воромъ: сударыня, не за грóши, а такъ даруемъ вамъ звѣрка етого, тольки позвольтя намъ торговать у вашамъ царстви тыми товарами, што у насъ у кораблях ёсть! Ина захотѣла упярёдъ сама поглядѣть тыхъ товаровъ и пришла на корабъ. На корабъ уступила—ёнъ на свойго брата крикнувъ: поддай сонныхъ кàплявъ и спяши гнать корабъ, якъ ня можно отъ берагу шибчѣй! А тамъ положивъ яѐ спать на свое колѣны. Пріяжджаютъ къ вóру (двору), той на стóвпи даѐ знакъ царю: приближаютца, говора, такъ и такъ, моѐ братцы изъ дорогимъ товаромъ! Такъ приблизилися къ вору, узяли яе, изняли,—яна спить! Потомъ прошнулася. Царъ нашъ якъ убачивъ, узрадовався стымы вещамы. Потомъ пожанилися государъ зъ естой дявѝцай. И ў государа ннродная мать була, мачиха. И превяликая волшебница. Такъ ёнъ распорадився у своимъ доми, царъ: злóдія выписавъ губурнаторомъ у губэрню,—здѣлавъ яму за ето, што ёнъ здѣлавъ доброе дѣло.

Потомъ царевна уже прося цара, штобъ ѣхать у госьти у тое царство́, откуда яна, у девятое царство пракрасной Настаси. Царъ яе́ послухавъ—узявъ Вана съ собой лакея, яны удвоихъ и поѣхали съ собой на корабли. Тамъ погосьтились у свойго тьстя, и два хлопчики тамъ родились у ихъ. И захотѣлось имъ уже оттуля̀, назадъ вярнутца у своё царство. Поворотили назадъ. Царъ и говора: Иванъ лакей, иди вечаркомъ чайку попѝ за'дно зъ нами! Ёнъ напився. Ну, Иванъ лакей, ложись зъ нами спать!—Нѣ, царськое вяличество,—я лягу на палуби и послухаю новинъ у свѣти, али чудовѝнъ! И пошовъ. Прилетая къ яму я̀нгелъ изъ нябесъ. Сѣвъ яму на ўло́ньня да говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое урэмя! Пріѣдя ко дво̀ру—проклятая мачиха вынеся три стаканы вина; якъ выпъють—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа—по колѣно ка̀мянямъ станя! А ёнъ, знатца, казавъ-ба спить, а самъ усё чуя. На другую ночь обночилися. Царъ изновъ зове: Иванъ лакей, попи чайку зъ нами! Ёнъ напивсь. Ложись спать зъ нами!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудовѝнъ! И пошовъ. Зновъ прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое ўрэмя: якъ пріѣдя, проклятая мачиха поднясе́ три куски жарко́го. Якъ зьядя̀ть по ковалку, усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа,—по поясъ камянямъ станя! На третьтяю ночь обночилися. Иванька чай пъе́, а яму ру̀пя. Ночуй зъ нами, Ванъ!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудовинъ! Пошовъ, лёгъ зновъ; лёгъ, казавъ-ба спитъ, а самъ усё чуя. Прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня, и гово̀ра: преподобно царъ ожанився, да не надовго! Пріѣдя домовъ, проклятая мачиха вывядя жарабка̀. А то не жарабо́къ, а сатана. Якъ чмыхнѐ, такъ и поѣсть ихъ духомъ! А хто чуя, да скажа—отъ, по глотку камянямъ станя! На чатьве́ртаю ночь тожа приключилося зновъ. Прилятѣвъ янгелъ и говора: да, преподобно царъ ожанився, да не на довгое ўремя. Якъ пріѣдя, проклятая мачиха отвяде имъ комнатку спать. Якъ лягуть, вылѣзя на дванатцать головъ сатана и пожрэ ихъ усихъ. А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя! Вутрикъ начинаетца, приключаютца яны икъ двору, пріяжджають. Такъ сустрака́я проклятая мачиха, вынѐся три чарки вина. Иванъ лакей потскакуя, блюдо ўзявъ зъ яе рукъ. Потомъ нога за ногу́ закрутивъ, повалився,—блюдо разбилось и три стаканы побились. Тогды проклятая мачиха усярдѝлась: мой сынъ, не лакея дяржѝшъ, а дурня якогось! Выносятъ сичасъ три кова́лки жаркого,—нядовго урэмя продовживши. Иванъ лакей сичасъ потскочивъ и блюдо ўзявъ. И тожа споткнувся зло, и блюдо разбилось, и помаралось усё объ зямлю, и пропало усё. Проклятая мачиха угнявѝлась и говора: мой сынъ! дѣ ты нанявъ дурня такого, што ёнъ одну шкоду издѣлавъ, адылѝ и другую?—Ну, моя маменька возлюбленная,—трэба простить: ёнъ у мяне человѣкъ дорогі́й! Потомъ: ходитя,

моѐ дѣти милыя, я вамъ жарабка̀ покажу: якая штука ёнъ ёсть! А Иванъ лакей сичасъ спяшѝвъ три ку́льки золотыхъ положить у ружжо у своё охвотницкое. Сатана якъ показалась, ротъ разявила, а ёнъ якъ пекану̀въ яго троямы ку́лькамы зра̀ду, такъ и конецъ яму̀, сатанѣ. Тяперъ мачиха угнявѝлась: дорогого коня забивъ ёнъ!—Ну, штожъ дѣлать: трэба простить: ёнъ у мяне дорогій человѣкъ! Потомъ: дѣти моѐ возлюбленныя, отвяду я вамъ комнату! видно у насъ тутъ штось неблагородное! Потомъ у повночь—а Иванъ лакей спяшить, штобъ свою дорогоцѣнную мечь подвойстрить икъ повночи. Тольки во повночь проклятая мачиха расчинила выходъ сатанѣ на дванатцать головъ. Ёнъ говора: Иванъ лакей, што жъ ты ня спишъ?—Потому, говора, проклятая сатана: я хо́чу пбратца съ тобой е́тую ночь, да вотъ штобъ господа не чули! Прикрывъ ихъ скатеркой бѣлой лицо и завѣсивъ простина́мы, штобъ етого дѣла ня у̀слыхали яны. Потомъ знявся—схватився битца съ сатаною, Иванъ лакей. Иванъ лакей подладився—шесть головъ зрубивъ сатанѣ, зразу шесть головъ проклятому. Потомъ ёнъ ставъ просить, проклятый: Иванъ лакей, отпусьти мяне!—Нѣ, проклятый, не пущу! Мнѣ ще́ смерть черазътябе примать трэба! Подла̀дився, лыгнувъ,—уси зрубивъ! Тольки кровъ на простину̀ линула. Дакъ ёнъ узявъ вядро́ воды и давай замывать. Свѣтло запаливъ. Ажны прочинаетца царъ, устаѐ, и царица, и бачуть, што мечь коло яго. «Отъ, Иванъ: усѣ поступки табѣ простили, а отъ єтого не простимъ! Ты хотѣвъ уже насъ зарѣзать! Да!»—Нѣ, говора, царськое вяличество! Мнѣ тольки умирать трэба, а вамъ разсказать. А проклятой мачиси, говора, возьмѝтя яе, проколѝтя грыбъ у роти, и продѣньтя золотое кольцо, потому, штобъ яна ня у̀бѣгла, якъ я буду разсказавать! Ну вотъ, говора: причастѝтя мяне, вы̀споводуйтя!... И почавъ: «первую ночь, якъ вы спали, прилятѣвъ ко мнѣ янгелъ изъ нябесъ, сѣвъ на у̀лоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое урэмя! Прiѣдя ко двору, проклятая мачиха поднясѐ три стаканы вина: якъ выпъютъ—усимъ конецъ будя. А хто чуя да скажа, той по колѣно ка́мянямъ станя!».. Такъ камянь шархъ по колѣно! «На другую ночь зновъ прилетая янгелъ и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое у̀рэмя. Якъ прiѣдя домовъ, выйдя къ яму проклятая мачиха, поднясе три ковалки жаркого. Якъ зъядятъ, такъ и конецъ усимъ. А хто чуя да скажа, той по поясъ ка́мянямъ станя!».. Камянь шархъ! по поясъ и окамянѣвъ ёнъ!—«На третьтяю ночь прилетая зновъ янгелъ и говора: да, хорошо царъ ожанився, да не надовго. Прiѣдя домовъ, вы̀ведя проклятая мачиха жарабка. А то не жарабокъ, а нячистая сила сатана. Якъ чмыхнѐ—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа, той по глотку ка́мянямъ станя!»... Такъ по глотку камянь и ставъ! Яны у̀же и заплакали, да у̀же ничого

нальзя подѣлать. «На чатьвёртаю ночь зновъ прилятѣвъ янгелъ, сѣвъ ко мнѣ на улоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое урэмя. Прiѣдя домовъ, проклятая мачиха отвядэ имъ комнату спать. Якъ заснуть, вылѣзя сатана на дванатцать головъ и усихъ ихъ пожрэ! А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя!..» Такъ шархъ—увесь камянь и ставъ! Што зь естого съ камяня плакали яны цѣлнаю ночь, и самы, и царственники уси! Што етакiй чаловѣкъ да загибъ. И обрекали обѣды, кормить и надѣлять, штобъ Богу молились, штобъ яго Господь здѣлавъ такъ, якъ и бывъ. Потомъ Господь приходя къ имъ, издѣлався чаловѣкомъ, и говора такъ: вотъ, государевичъ: ёнъ тябе отретовавъ отъ смерти,—дакъ коли ты порѣжешъ своихъ вбоихъ сыновъ да кровъ спустишъ, да камянь потрешъ кровъю, дакъ ёнъ будя чаловѣкъ опять!—Богъ мой, говора: што жъ мнѣ дѣлать порѣзаному тѣлу, куды мнѣ яго опредялить? Господь отвѣтъ дававъ: возьми у гробницы, и обаполъ камяня гробницы поставъ. А самъ ляжъ спать, зъ вечара,—потому вутро лучче вечара!.. Ёнъ такъ и здѣлавъ: порѣзавъ вбоихъ сыновъ, кровъ спустивъ и камянь помазавъ. А тѣлы у гробницы поклавъ коло камяня. Назаутраго повутру царъ прочинаетца—Ванъ яго сыновъ обаполъ за руки дяржить, и самъ живый. Тогды думая: што съ проклятой мачихой дѣлать, которая съ прокдлоной губой стоить, и продѣто золотое кольцо? Приставивъ яе къ суду. Судъ признававъ: узять осиновую дровину, и убить у груди яе, и дѣ мѣсто несподобное, положить яѐ. А самы стали жить и раевать. И тяперъ живуть. И я у ихъ бувъ.

Д. Демьянки, выл. вол. гом. у. Кр. Степанъ Григорьевъ, 45 л. негр. Живутъ и великоруссы старообрядцы. См. № 1 и 2.

12. Шкляныя горы.

Жили сабѣ такъ мужъ зъ жаною. То бывъ ёнъ работникъ, а яна яще луччая работница. То жа жъ яна работница силная. Яна тутъ покуль мужу отнясла обѣдъ, можа заглядка была—отнясла, статокъ треба прогнать, да й копу треба нажать—а у яе рябёночакъ бывъ маляныкiй у люльцы, можа ёнъ уже научився повзать. Такъ яна узяла серпъ и сама пошла жать, на работу. Отъ яна жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, дятёнокъ не плача, а матка не зная етого, не догадаетца. Дотуль яна жала, покуль у дворъ пора йти,—дятёнка и не глядѣла. Вѣдомо жъ, дома статокъ треба доглѣдить. У копу склала, хвать тогды за люльку—дятёнка нема у люльцы. Тяперъ яна тамъ шукать, шукать, гукать, гукать—нема дятёнка. Што ни шукала, што ни гукала—нема дятёнка! Тоды яна узяла пустую люльку и по-

шла у дворъ плачучи. А дятёнокъ тэй выповзъ зъ люльки и поповзъ, и поповзъ,—поповзъ у лѣсъ. Напавъ яго лясный хозяинъ и ўзявъ яго съ собою, и ростить яго. И поклавъ яму имя Иванъ Знайдёнъ. Ти много, ти мало пройшло, узростивъ ёнъ яго уже, и говорить яму: ну, иди тяперь къ свойму батьку, къ своёй матцы! Ёнъ пошовъ. Пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—бьютца три въюги. Ёнъ тяперъ: што вы, за што вы бьятёсь?—А вотъ за што, говорють: пашли мы, говорють, три вещи: первая ковёръ—самолётъ, другій вирьмякъ ненавидецъ, третьтій—кошалокъ денегъ. Дакъ вотъ мы не подѣлимъ. Дакъ за ето мы бъёмся!—О, кажить, за ето вы бьетеся? Отъ тамъ гора високая, високая. Дакъ вы йдитя на тую гору, да станьтя поплячъ, да й бяжитя зъ горы. Которая которую уже выпередя, дакъ тая усё й возьмя! Яны жъ пошли на тую гору, а ёнъ за тыя вещи, узявъ да й пошовъ,—уси забравъ! Не пошовъ жа ёнъ къ батьку да къ матцы, да пошовъ къ тому лѣсному хозяину, што яго растивъ. Тяперъ тэй хозяинъ: што ты, каа, вярнувся?—А што жъ я вярнувся: нашовъ три вещи!—Што за вещи?—А отъ, говоря: первый ковёръ-самолётъ, другій вирьмякъ-ненавидецъ, третьтій кошалокъ денегъ!—Ну, хорошо! Отъ жа я табѣ тяперь укажу нявѣсту! Ну, разсказавъ яму примѣты. «Будешъ ты ити,—будя лятѣть три голубки. И сядуть яны коло моря, пойдуть мытца-бялитца коло моря,—дѣвки такія, што разлюбоватца. Дакъ яны помыютца-побѣлютца, а ты якъ ладься дакъ ладься, якъ яны пойдуть мытца—бялитца, да одные платьтя уволочи, одѣяньня. Уволочешъ ты платьтя, тогды возьми яе за правую руку и вяди, и вяди, и вяди. И женисься ты зь ей, и якая табѣ жисть будя красивая! Тольки ня пи ты горѣлки отъ яе. А коли выпъешъ горѣлки отъ яе, дакъ яна тябе киня! Ну, ёнъ паучивъ яго етакъ. Ёнъ и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити по тыхъ примѣтахъ, якъ ёнъ яму указавъ, и пришовъ къ морю. Нашовъ битыя примѣты, залицовавъ. Пришовъ къ морю и сѣвъ на той примѣти. И бача, лятить три голубки. Якъ лятѣли, дакъ и упали коло моря, стали разбиратца, стали дѣвкамы; лятѣли голубкамы, а якъ разобрались, стали дѣвкамы, такимы злишнымы! Вотъ ёнъ тогды якъ повзъ, дакъ повзъ, поповзомъ, да й заволокъ одные одѣяньня къ сабѣ. Помылись яны, побялились, дакъ тыя падѣлись и полятѣли, а йна хватилась—немашъ яе одѣяньня. Тяперь яна шукать одѣяньня. Яна й шукать, яна й гукать, яна й плакать—нема одѣяньня, да й годи! Тяперь стала говорить: хто тутъ ёсть, хто зь мяне насмѣявся? Ежали старый, будя батюшка мой родный; ежали сярёдьній, будя дядюшка мой родный; ежали холостый—дакъ будя мой мужъ вѣрный! Ну, ёнъ отвястивъ. Яна пришла къ яму, бача, што молодецъ видный. Ну, хорошо, говоря: будешъ мой мужъ, а я твоя жана,—отдай моё одѣяньня! Отдавъ

жа ёнъ одѣяньня, яна надѣлася, ёнъ за правую рукў, и повёвъ. Якъ весть дакъ весть, и привдя яé къ батьку и къ матцы.

Ну, тяперь ёнъ живе зь ёй нядѣлю, или двѣ, или три. Тяперъ батька говóра: што, мой сынокъ, жанить пора тябе!—А ужо жъ, кажа, батюшка, пора!—Вотъ, поѣду у сваты—икъ тому къ тому къ богачу, высватаю жану табѣ! А ёнъ говóря: нѣ, батюшка, мяне зь естой жани, што я привёвъ! А батька говорить: ахъ, мой сынокъ! ты пò сьвѣту ходивъ, да якую ..... злюбивъ да й привёвъ. Етакая съ тобой жить ня будя! Батька жъ сусимъ зь ёй жанить не хоча, а ёнъ нуждáя батьку, што зь естой жани, да й годи,—што я привёвъ. Ну, и жанивъ. Зь естой жанивъ, што привёвъ. Скольки жъ ёнъ живъ зь ёю,—докуль водки отъ яе ня пивъ, хорошо було. А йна стала змущать яго: икáя, кажа, наша любовъ, што ты отъ мяне ничóго не вóзьмешъ,—дакъ икая сто любовъ? Стала змущать яго. Ну, и змусьтила яго. Выпивъ ёнъ отъ яе, кольки тамъ выпивъ, да выпивъ зь яè рукъ. Тяперь ёнъ и заснувъ. А яна тяперь надѣла свою 'дёжу, кинула яго и полятѣла. Тольки сказала: ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Ето ёнъ уво снѣ, значитца, бачивъ. Ёнъ увоснувъ, дакъ скрозь сонъ бытто чувъ. Во ёнъ тяперь прошнувся, цапъ-цапъ--немà жаны. Ёнъ приходя къ батьку: немà, каа, моè жаны,—кинула мяне!—А, мой сынъ! ти я табѣ не казавъ? Етакая волочащая у хозяйстьви жить ня будя!—Я пойду яе, батюшка, шукать!—Нѣ, мой сынъ, ня йди ты яе шукать, а табѣ возьму хорошую, вотъ зъ богача съ хорошаго...—Нѣ, батюшка, пойду яè шукать!... Ну, пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити, и зайшовъ къ тому къ лясному хозяину, хто яго ростивъ. Тяперь тэй и говоря: а што, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ти я не казавъ табѣ, ня пи горѣлки отъ жаны? А ты не послухавъ, вотъ яна тябе кинула. А штó бъ за житьтё табѣ былò хорошая!.. Што йна табѣ казала, икъ отходила?—А тольки сказала, што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—ў Шкляныхъ горахъ!—Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ я самъ ня вѣдаю, дѣ Шкляныя горы! Вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ,—лятить къ яму птаство, што ёсть ихъ на сьвѣти, уси злятѣли. Тяперь ёнъ спрашуетца: а што, говоря, птаство: вы пó сьвѣту летаетя—ти ня видѣли, ти не бачили, а дѣ Шкляныя горы находютца? Тожа яны отвѣщають: мы увесь сьвѣтъ злётуямъ, тожа Шкляныхъ горъ нигдѣ не видали!—«Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ вотъ не могу знать, идѣ Шкляныя горы находютца!» Тяперь ёнъ кажа: ну, вотъ жа: нà табѣ клубочакъ! Кинь стый клубочакъ: куды ёнъ будя катитца, туды й иди. Прикòтитца стый клубочакъ къ нашаму къ сяредьняму брату. Ти укажа, ти не укажа нашъ сяредьній братъ табѣ Шкляныя горы! Ёнъ узявъ

клубочакъ, кинувъ передъ собой. Клубочакъ покатився, и ёнъ услѣдъ пошовъ. Ити дакъ ити—прикатився етый клубочакъ къ сяредьняму брату. Такъ братъ етый и закричавъ на яго тожъ: а што, ти нашъ братъ не казавъ табѣ не пить водки отъ жаны отъ своѐ? А ты не послухавъ! Што яна табѣ казала, якъ отходила?—А тольки сказала: што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Тожа жъ ёнъ говоря: мѣвъ ба я табѣ указать, дакъ не могу знать, идѣ яны находютца! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ—икъ идуть икъ яму звярьё, што ёсть на сьвѣти, дакъ уси идуть къ яму,—тольки одныхъ вовковъ нема̀. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, звярьё, по́ сьвѣту хо́дитя, ти не бачили, ти ня видѣли, а дѣ Шкляныя горы находютца? Яны говоря̀ть: мы увесь сьвѣтъ сыхо́димъ, Шкляныхъ горъ нидѣ не видали!—Отъ жа жъ: мѣвъ я табѣ указать, тольки не могу знать, идѣ яны, Шкляныя горы! На̀ табѣ клубочакъ, кинь ты передъ собою. Куды етый клубочакъ будя катитца, туды ты и йди! Прико̀титца етый клубочакъ къ бо́льшаму къ нашаму брату: ти укажа, ти не ўкажа табѣ нашъ большій братъ!.. Ну, ёнъ узявъ етый клубочакъ, кинувъ передъ собой. Ёнъ покатився, а ёнъ иде́ть услѣдъ. Прикатився етый клубочакъ къ большаму брату, и ёнъ услѣдъ за клубочкомъ пришовъ туды. Такъ ёнъ и закричавъ на яго: а што, Иванъ Знайдёнъ: ти нашъ братъ табѣ не приказававъ, што ня пи̂ водки отъ жаны! А ты не послухавъ, вотъ яна и кинула тябе! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ. Якъ идуть къ ямў вовки,—сколькн ё на сьвѣти, уси йдуть. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, вовки, по сьвяту̀ ходитя,—ти не бачили, ти ня видѣли, идѣ Шкляныя горы находютца? Тэй кажа: не бачивъ! тэй кажа: ня видѣвъ! Такъ ёнъ крикнувъ на ихъ: якъ ба вамъ не знать? няможно вамъ не знать! вы по ўсяму сьвѣту бѣгаетя, якъ ба вамъ ня зьвѣдать усяго сьвѣту? Ти ўси вы, вовки, тутъ? Глядь, глядь,—одного вовка нема́, хромого. Ёнъ вышовъ на крылцо, якъ свисьнеть—листъ оппавъ зъ лѣсу! Вовка того нема. Ёнъ у другій разъ вышовъ. Якъ свисьня, дакъ го́льля спа́ло! (Ето Юрій бывъ). Колдыпа̀я и тэй. Ёнъ крикнеть на яго: идѣ ты ходишъ? Мы за тобой давно харчуемся, што тябе нема?—А я, говоря, далёко ходивъ!—Дѣ жъ ты далёко ходивъ?—А я бывъ, говора, у Шкляныхъ горахъ!—Ну, хорошо, говора. Ежали ты бывъ у Шкляныхъ горахъ,—штобъ ты доставивъ Ивана Знайдёна у Шкляныя горы!—Ну, хорошо! Тэй помѣвся яго доставить. Садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ на яго. Дакъ ёнъ хромый—колынъ! колынъ! колынъ!—Ахъ, вовкъ, говора:—што ты хромый? Якъ на табѣ ѣхать? будемъ луччи пѣшки итить!—Што то вярхомъ, а што пѣшки!—Нѣ, гово-

ря: у мяне ёсть вѐрстать такая,—ёсть ковёръ самолётъ; якъ сядешъ, удругъ достава!—Ну, хорошо и ето, говоря. Вырви жъ ты у мяне промижъ вӯши шерсьти. Коли я табѣ потрѐбнянъ буду, ты тяпе́лца высячи, моѐ шерсьти припячи,—я къ табѣ и буду! Отъ ёнъ яму указавъ, на якіе городы, на якое што лятѣть.—И прилятѣвъ къ Шкляны́мъ горамъ. Дрався, дрався, дрався, дрався на гȯры,ниякъ ня ўзлѣзя на горы. Вы́сякъ тяпе́лцо, расклавъ, и припёкъ вовчиныя шерсьти—ти не ўкажа вовкъ, якъ узлѣзьти? Бяжить и вовкъ къ яму: объ чимъ ты, Иванъ Знайдёнъ, мяне жалаешъ?—А о́тъ: не могу на горы узлѣзьть!—А отъ, у тябе ёсть гроши своѐ; иди на базаръ, купи зялѣза, и иди къ ковалю, и покуй зялѣзные кокти на рӯки й на нȯги. Узбйдешъ жа ты на горӯ, стрѣня тябе калавуръ. Будуть тябе спрашавать--што ты за чаловѣкъ? А ты скажи, што я кухарь, могу хорошо господамъ кушаньня зготува́ть. Отъ яны тябе примуть. Тамъ твоя жана за главную клюшницу. Вотъ ты тамъ и уба́чисься! Ну, тяперъ жа ёнъ пошовъ на базаръ, да купивъ зялѣза, да понёсъ къ ковалю, покувавъ кокти на руки и на ноги, и пошовъ на горӯ. И узыйшовъ. Стрѣвъ яго калавуръ. И спрашують у яго: што ты за чаловѣкъ?—А я, говоря, кухарь: могу хорошо господамъ кушаньня готовить!—О, намъ етакіе люди треба! Ну, тяперъ жа яны сказали яму: иди ты къ клюшницы, яна загадая, што готовать, якимы способамы. Ёнъ пришовъ икъ клюшницы. И ўгадавъ ёнъ яѐ, а йна яго,—общапилися и поцалувались. Отъ, я, каа, казала табѣ, што убачимся—не ўбачимся у Шкляныхъ горахъ,--о́тъ, такъ и пришлося! Тяперъ жа ёнъ живе тамъ и день, и два, и три, и нядѣлю, и нязвѣстно, кольки яны тамъ жили—тяперъ яна говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! Твой батька вѣдая, што ёнъ тябе жанивъ со мною, а мой то ня вѣдая, што я съ тобой жанилась. Отъ, на̀ табѣ грошай, иди на базаръ и купи шесьтярикъ кȯняй, што самыхъ налуччихъ; поіздъ, што самый налуччій, кучарёвъ, што самыхъ назлишнѣйшихъ! Ну, за гроши усё ёсть. Пошовъ на базаръ и ӯсё ето купивъ: и коняй покуплявъ, и поіздъ, и кучарёвъ, ти одного тамъ, ти двохъ. Ну, ѣдя ёнъ на етомъ поязди исъ кучарямы, и самъ ѣдя. Тяперъ ёнъ пріѣхавъ, такъ яна и говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! оставайся ты тутъ у Шкляныхъ горахъ, и ходи ты и по садȯхъ и по ’нбарахъ, идѣ табѣ любо, и пи и ѣжъ, што захочешъ; а вотъ тольки ёсть будочка, дреннымъ лычкомъ завязана, дакъ у тую будочку не гляди! А я поѣду къ свойму батьку на етомъ поязди и зъ естымы кучарямы; дакъ ёнъ якъ убача, што кони хорошіе, поіздъ хорошій, кучари злишные,—дакъ ёнъ и подумая, што ето сватъ пріѣхавъ на етыхъ лошадяхъ.

Отъ жа яна и поѣхала, а ёнъ оставсь. Ёнъ идѣ ходивъ, и по са-

дохъ и по 'нбарахъ, усюдахъ. И только яму зрупило: што ето значитца, што у тую будочку нельзя поглядѣть? Такъ и ўзрупило яму. Отчинивъ и поглядѣвъ. Висить тамъ бязсмертный Кащъ подвѣшанъ, и конь яго подвѣшанъ. Такъ ёнъ и говора: эй, Иванъ Знайдёнъ! покорми ты мяне! я тябе три разы отъ смерти отрятўю!—Чимъ жа тябе кормить?—А приняси мнѣ булку хлѣба! Ёнъ булку хлѣба пошовъ, принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коня кóрмя, самъ ѣсть и коня кормя. Булку хлѣба зьѣвъ, другія прóся. Ёнъ пошовъ, другую принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коню даéть, самъ ѣсть и коню даéть. Изьѣвъ дьвѣ булки, третьтія прося. Ёнъ пошовъ и третьтію принёсъ. Кащъ самъ ѣсть и коня кормя, самъ ѣсть и коня кормя. Подъѣвъ. Тяперъ, говора, покормивъ, и напой. Приняси мнѣ вядро воды! Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъé и коня пóя, самъ пъè и коня пóя. Вядро выпивъ, другого прося. Ёнъ пошовъ, другое принёсъ. Кащъ самъ пъе и коня поя, самъ пъе и коня поя. Выпивъ два вядры, третьтяго прося. Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъе и коня поя, самъ пъè и коня поя. Напився. Тяперъ, самъ оторвався, и конь оторвався. Ёнъ засѣдлавъ лошадя, и усьсѣвъ на лошадя: вотъ жа, говòря, Иванъ Знайдёнъ: за твою хлѣбъ-соль жана моя, а не твоя! Сѣвъ и поѣхавъ. Вó й поѣхавъ. И стрѣвъ ёнъ жану, узявъ съ собою и повёзъ у другія Шкляныя горы. Заставсь ёнъ одинъ у тыхъ горахъ. Ходивъ ёнъ, ходивъ, тошновавъ, тошновавъ: што тутъ дѣлать? пойду яè шукать! Изновъ жа: шукать яе? ня звѣстно, дѣ жъ тыя горы Шкляныя? Ёнъ уздумавъ опять на вовка, тяпелцо расклавъ, вовчиныя шерсьти припёкъ—колдыная вовкъ къ яму. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—А вотъ, говоря: бывъ нашовъ жану, да и зновъ потерявъ!—Вотъ жа ты, говоря, не послухавъ яè—не гляди у тую будочку! Якая бъ табѣ жисть была красивая! А ты вò не послухавъ, поглядѣвъ, дакъ и потерявъ! Ёнъ яму зновь указавъ тожа—на якіе городы, на якое што итить яму, на тыя на Шкляныя горы изновъ. И поставивъ силный калавуръ тэй Кащъ бязсмертный на тэй уже на своёй на Стеклянной горѣ.

Тяперь ёнъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Прилетая подъ тэй калавуръ. Тяперь съ ковёра сьсѣвъ, и уврнувся у вирьмякъ ненавидецъ. Ёнъ якъ надѣвъ, дакъ яго и ня видя нихто. Ёнъ прошовъ етый калавуръ. Ну, увыйшовъ туды, у городъ, ставъ пататца, идѣ бязсмертный Кащъ? И тутъ сказали яму, што ёнъ бывъ, али поѣхавъ кудысь-то, нязвѣстно. Тяперь ёнъ зайшовъ къ жанѣ и забравъ яè. И самъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и повёзъ яе. Пріѣжжая къ калавуру, сичасъ у вирьмякъ ненавидецъ уврнувся, самъ, и жану уврьтѣвъ, и пройшли калавуръ етый. Тяперъ усьсѣвъ опять на ковёръ самолётъ, самъ усьсѣвъ,

и жану посадивъ, и полятѣли. Сустракаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злўешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говоря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—Такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Тяперъ жа яны поѣхали у двору, высякли лядо, на тымъ ляди посѣяли пшаницы, съ тыя пшаницы наварили пива, пива напились и поѣхали. Яго догнали и жану отобрали. Вотъ жа, говоря: за твою хлѣбъ-соль дарую табѣ! Я бъ тябе ўбивъ, да за твою хлѣбъ-соль дарую. Помни, што разъ отъ смерти отретувавъ! Заставсь ёнъ одинъ знов. Думавъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Пойду изновъ за жаной! Ну, тяперъ ёнъ уже дорогу вѣдая: сѣвъ на ковёръ-самолётъ и полятѣвъ. А ёнъ поставивъ калавуръ тожа, тогды силный, а тяперъ ще силнѣй. Ну. А што яму етый калавуръ, коли ёнъ у вирьмякъ ненавидецъ увярнувся, дакъ яго нихто и ня видя. И пройшовъ мимо. Ну, пришовъ и распатався: идѣ тутъ бязсмертный Кащъ пребывая?—Ёнъ бывъ, говоря, да полятѣвъ у другое царство!—Ну, ёнъ къ жанѣ. Ёнъ забравъ яе, уссадивъ на ковёръ, самъ сѣвъ, и полятѣли. И ѣдуть. Опять стрѣкаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говóря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—О! такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Поѣхали у двору, высякли лядо, насѣяли пшаницы, наварили пива, напились и поѣхали. Догнали ихъ; ёнъ жану отобравъ. Ну, помни жъ: я тябе два разы отъ смерти отретувавъ. Я бъ тябе теперъ убивъ, да за твою хлѣбъ—соль дарую! Ну ўже коли за третьтимъ разомъ прiѣдешъ—убъю! Тяперъ ёнъ застався одинъ. Што тутъ дѣлать? Думавъ, думавъ—по смерть итить! А, пойду знов за жаной! Усьсѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Той калавуръ еще силнѣй поставивъ. На што яму калавуръ, коли ў яго ёсть вéрстать—увярнувся у вирьмякъ, дакъ яго нихто и ня видя. Пройшовъ мимо калавура. Увыйшовъ у городъ и патая: идѣ тутъ Кащъ бязсмертный проживая?—А ёнъ бывъ, говора, да полятѣвъ у другiй городъ! Ёнъ тяперъ зайшовъ къ жанѣ и говоря: распатайся ты у Каща, идѣ ёнъ выслуживъ етакого лошадя!—Дóбро, я распатаю. Тольки выйди ты зь естого города на ўремя, а то ёнъ тябе знистожа! Ёнъ вышовъ.

А ёнъ пріѣхавъ; яна подлѣзла къ яму лестями: ну што, говоря: идѣ ты сабѣ эткого лошадя выслуживъ?—О, гдѣ выслуживъ? Ты думаешъ, выслужа твой Иванъ Знайдёнъ? Нѣ, ня выслужа! Ёсть на тридевятой зямлѣ, на тридесятомъ царстьви ёсть Баба-Юга́. Дакъ ёсть у яé сто кобылицъ. Хто тольки спасé тыхъ кобылицъ три дьни, даé жарабца самаго перваго на выбо́ръ. Да нѣ у̊жо: ужо усё колья—дворъ занéсянъ частоколомъ—дакъ усё колья завѣшано уже головами: што не спасуть три дни, голову долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя етый Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу́ яго голову̊ завѣсюҭь! Отъ, тяперъ жа ёнъ побывъ трохи, опять жа поѣхавъ куды тамъ. Ёнъ изновъ увыйшовъ у етый городъ, Иванъ Знайденъ, распатався: ти бывъ тутъ Кащъ?—Бывъ!—А тяперъ дома?—Нѣ, поѣхавъ куды тамъ! Ну ёнъ тяперъ къ жанѣ. Ну што, говбря, ти паталася?—Паталася!—Ну, што̀ сказавъ?—А сказавъ, говоря, што за тридевять зямель, у тридесятомъ царстьви, ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яѐ сто кобылицъ. Хто тольки спасé тыхъ кобылицъ три дьни, дае жарабца самаго перваго на выбо̀ръ. Да нѣ у̊жо: ужо уси колья—дворъ занéсянъ частоколомъ—дакъ уси колья завѣшаны ужо головами: што не спасуть три дьни, ну голову̊ долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя твой Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу яго голову̊ завѣсюҭь! Ну̊, енъ думавъ, думавъ: што тутъ дѣлать? Разьви по смерть итить? Ну, да у̊же што Богъ дасть, то й будя, а пойду жарабца доставать! Тяперъ жа ёнъ уже знистóживъ и ковёръ тэй и ненавидецъ, и пошовъ пяшко̀мъ, коня выслу̊жувать.

Ну, тяперъ нема яму̊ ни двора, нема яму̊ ни села, нема яму ничо́го—су̊дки ишовъ ня ѣвши, нечимъ яму̊ и покормитца. Ишовъ, ишовъ ёнъ, и приходя къ морю. Ляжи́ть ракъ на бéрези. Узявъ ёнъ колъ: пойду, етого рака забью, и то подъѣмъ! Прихо̀дя ёнъ къ яму, ракъ говоря: эй, Иванъ Знайдёнъ, ня бй ты мяне! отколупи изъ мяне шалупа̀шку и возьми у карманъ. Коли я табѣ треба буду, дакъ ты тяпло раскладй, да шалупашку припячи, дакъ я къ табѣ й буду,—я табѣ знадоблюсь! А возьми мяне, да ко́ломъ етымъ, да спихни у воду̊! Значитца, ёнъ засохъ, ня можа звярнутца. Отъ ёнъ яго спихнувъ у воду̊, ёнъ поплывъ. Зався ёнъ опять ня ѣвши. Увышовъ у пущу—чикають дятлы у дереви. Ёнъ сопрянувся: полѣзу етыхъ дятловъ побяру, и то подъѣмъ! Подлѣзая туды—лятить дятелъ старый: эй, Иванъ Знайдёнъ, не бяри ты моихъ дѣтокъ! Вырви ты у мяне пярцо́ и у̊ложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскладй, и моё пе́рцо припячи. Дакъ я къ табѣ буду—я табѣ знадоблюся! Такъ ёнъ изновъ и полѣзъ доловъ ня ѣвши. «Богъ вѣдая! Куды я йду, никого ня вѣдаю, и што мнѣ Богъ

дасть? Можа и знадобитца хто!» Пошовъ ёнъ зновъ ня ѣвши. Ишовъ, ишовъ—повзѐ мурашка терезъ дорогу. «Возьму я колъ, да забъю ету мурашку, и то буду ѣсть!» Узявъ ёнъ колъ, и иде близко уже коло мурашки. Мурашка говоря: ня би ты мяне, Иванъ Знайдёнъ! вырви ты у мяне пярцо̀ и ўложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскдади, и мое пярцо припячи. Я табѣ два разы знадоблюся! Мусивъ ёнъ такъ здѣлать. Кинувъ колъ, пошовъ такъ. Приходя ёнъ уже къ той баби къ Юзѐ, куды йшовъ. Здрастуй, бабка!—А здрастуй, Иванъ Знайдёнъ! Што ходишъ?—А иду жарабца выслужувать!—О, хорошо. Я етакихъ людей дожидаю давно! Вотъ ты у мяне три дьни коли спасе́шъ сто кобылицъ, даю жарабца на выборъ! Сичасъ яму вячери нагото̀вила, яго покормила, посьтелю заслала, ёнъ лёгъ спать. Назаўтраго яна устала, хату затопила, обѣдъ наготува̀ла, ладокъ напекла, у кошель наклала и бу́дя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у по̀ля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, ускапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое по̀ля. Пасе́ть жа ёнъ ихъ до по̀лудня. Пасе́ть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму̀ полудновать. Ёнъ кошало̀къ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ.— А яны сонныя ладки. А яны йпохувалися, кобылицы. Тяперь ина приходя Баба-Юга къ яму̀ и будя яго: Иванъ Знайдёнъ, а дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? А? Вотъ и конюхъ! Вотъ и напа̀сьтивавъ! Думавъ ёнъ, думавъ: што тутъ? Ходили хорошо, и нема. Думавъ ёнъ, думавъ— што, звѣстно: говорили и тэй и тэй, што я табѣ знадоблюсь, да ня звѣстно. И ўздумавъ ёнъ на того вовка. Ну, якъ тяпелца расклавъ и припёкъ вовчиныя шерсьти, колтыпая вовкъ къ яму тэй. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—Объ чимъ, говоря, жалаю? Вотъ, кобылицъ, говоря, пасьтививъ, да не знаю, дѣ яны дѣлись!—О, говоря: ето жъ у тябе ўже у кармани! Тяперь яны похувалися у мо̀ря; дакъ ихъ ужо ракъ выгоня! А другій день будешъ пасьтивить, дакъ яны похуваютца у дяревъя; дакъ табѣ дятелъ выгоня. А третьтій день похуваютца у зѐмлю—дакъ тогды мурашка выгоня! Ну, й прощай за етымъ!.. Вотъ докуль вовкъ яму служивъ, тяперь уже ня бу́дя! Ну, тяперь ёнъ вынявъ ету шалупашку и припёкъ, ракову. Повзѐ етый ракъ къ яму̀. А што, Иванъ Знайдёнъ: што̀ бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне забивъ? Я казавъ, што табѣ знадоблюсь! Отъ яно такъ и ёсть! Отъ жа ты иди, стань тамъ и тамъ; а я пойду у мо̀ря, собяру усю свою силу,—я ихъ повыгоню. А ты стой да щитай! Якъ до послѣдьнія дощитаесься, ина вы̀скоча, дакъ ты хватайся садитца па яѐ, и тури у дворъ! Ёнъ такъ и здѣлавъ. Пригоняя ихъ у дворъ. Яна стоить у воротахъ, Юга тая, и бытьто рада: вотъ конюхъ, вотъ конюхъ! молодечъ! Тяперь ина на ихъ злу-

еть. То жъ яе дочки ўсё! Узяла залѣзный прутъ и пошла ихъ наказувать. А, говоря: шукины дочки, вы зь имъ любитеся, знюхались,—отъ яго не похувались! И набила ихъ.

Ну, тяперь, вячеря яму наготувана, ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, наклала у кошель, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у пбля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое пбля. Пасѐть жа ёнъ ихъ до пблудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму́ полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ тольки ладокъ тыхъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Приходя яна зновъ къ яму, будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ! Ёнъ прошнувся. А дѣ моихъ кобыличъ подѣвавъ? Вотъ конюхъ! Издайсь на етакого конюха! А ёнъ уже осьмялѣвъ; дыкъ ёнъ на яѐ сыкнувъ: што ты, говоря, Баба-Юга! што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють; идѣ хочуть. А коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну, хорошо, найду я тябе и ўвечари! Тяперь ёнъ высякъ тяпелцо, расклавъ, припёкъ дятлово пярцб. Лятйть дятелъ къ яму: а што, Иванъ Знайдёнъ: што бъ ты дѣлавъ тяперь, колибъ моихъ дятей поѣвъ? Ты бъ тяперь самъ убився! А вотъ я табѣ тяперь знадоблюсь! Ну, иди жъ ты стань вотъ тамъ и тамъ, я собяру свою силу,—я ихъ повыгоню! Ёнъ и ставъ тамъ—идѣ, по яго казкахъ. Ёнъ собравъ свою силу. Якъ зачали ихъ клювать, зачали дювбать,—падали яны, падали—негди имъ уже дѣтца! Стали выскакувать. Яны по дупляхъ похувались. А ёнъ щитая. Дощитавсь до послѣдьнія, усхватився на яе и потуривъ у двору. Ето ўже два дьни спасьтивъ. Пригоняя жъ ёнъ у двору, яна стоить у воротахъ: отъ, молодечъ конюхъ! Два дьни спасьтививъ! Ще день спасьтишъ—получишъ жарабца!.. А на ихъ злуя, што не похувались отъ яго. Узяла зялѣзный прутъ и давай ихъ бить. Тогды наготувала яму вячерять; ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, у кошель наклала, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у пбля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое пбля. Пасѐть жа ёнъ ихъ до пблудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму́ полудновать. Ёнъ кошалбкъ отчинивъ и зьѣвъ стыя ладочки. Якъ тольки зьѣвъ, такъ и заснувъ. Якъ ёнъ тольки заснувъ, яна и прихбдя къ яму зновъ. И будя яго: «Иванъ Знайдёнъ!» Ёнъ якъ усхбпитца! «А дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? Я на тябе здалася, а дѣ ты ихъ подѣвавъ?» А ёнъ на яе тожа отвѣтивъ: што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють, идѣ ходють, абы къ вечару я пригнавъ ихъ! Коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну дббря, я тябе увечари спасу! Яна ўсё не

надѣетца, што ёнъ на́йдя ихъ. *И*на уже вѣдая, дѣ яны. Тяперь ёнъ узявъ, тяпелцо высякъ, расклавъ, припёкъ мурашкино пярцо́. Повзе мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, коли бъ мяне зьѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Я жъ казала, што я табѣ знадоблюсь. Ну, йди жъ ты стань у(во)тамъ и тамъ, я собяру свою силу и ихъ повыгоню. А ты стой и щитай! Ёнъ пошовъ и ставъ. Мурашка собрала свою силу и выгнала ихъ съ подъ зямли. Ёнъ дощитався до послѣдьнія, усхапивсь на яе и потуривъ у двору. Ну, пригоняя у двору—тамъ яна у вочи яму бытто такъ рада: отъ, Иванъ Знайдёнъ, молодечъ! три дьня спасьтививъ! заўтри жарабча получа! А сама злуя на ихъ. Узяла зялѣзный прутъ и давай бить ихъ. Тяперь, яму вячеря нагатува́на; ёнъ повячерявъ и спать лёгъ. Давъ Богъ день, ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився. Тяперь яна прося яго уже зъ ласки: Иванъ Знайдёнъ, служивъ ты мнѣ хорошо три дьни, спасьтивъ моихъ кобыличъ, —прислужи ты мнѣ уже: разсѣй ты мнѣ лубучку маку! Такъ ёнъ и поумивъ: што тутъ? Уже жъ больше служивъ! што тутъ пораскидать, забавка? Узявъ ету лубучку маку и засѣявъ. Тяперь яна говоря: да, разсѣять ба я сама разсѣяла, а якъ ба яго подобрать, штобъ опять повна была? Ёнъ тутъ усердився: што такое?—вялѣла разсѣять, а тутъ собирать треба!—Нѣ, мнѣ того не ждать, покуль ёнъ узрастѐ; а мнѣ дучичасъ збирай! А не збяре́шъ—не получишъ жарабца! Тяперь ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ? служивъ кольки, и во̀ табѣ—не получишъ жарабца! И ўздумавъ ёнъ на мурашку, што яна тыки казала, што два разы знадоблюсь табѣ! Ёнъ тяперь тяпелцо высякъ, расклавъ, и припёкъ мурашкино пярцо̀. Мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне зьѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Ну, поставъ жа ты ету лубучку посярёдъ полянки, я собяру усю свою силу, яны сичасъ зволокуть! Ёнъ поставивъ ету лубучку,—такъ яны якъ поповзли, дакъ якъ мурашки,—такъ яму у минуту и ўстягнули,—повна лубучка Принося ёнъ ету лубучку къ ёй: на̀ табѣ, Баба ты Юга! Ну, день пройшовъ, ночувать треба. Ёнъ заночувавъ. И была ў яе́ служёбка. Дакъ тая служебка зная усё—усё,—што яна отобрала силу у усихъ жарабцовъ, да 'дному 'тдала. Дакъ ёнъ уже моцно сі́ланъ, што ня можа силы зносить. Дакъ ёнъ ляжи́ть подъ ясьлямы, тэй конь. Здѣлала яго самымъ пущимъ, силнаго того. «Дакъ не бяри ты самаго луччаго, а возьми ты самаго пущаго, што подъ ясьлямы, а тыхъ луччихъ не бяри!» Ёнъ назаўтраго, давъ Богъ день, уставъ, умывся, Богу помолився. Уходя яна: «Ну, Иванъ Знайдёнъ,—пора жарабца выбирать!» Ну, пошли выбирать! Ну, якъ яму уже сказано, дакъ якъ ишовъ, дакъ прямо къ тому къ пу́дломму, цапо̀чкой яго шлыгапу̀въ. Такъ ёнъ цапу̀-цапу̀

ускарабкався, уставъ. Ёнъ яго за гриву, узявъ и волочѐ. А тамъ такіе хорошіе, такіе тамъ бодры, што такъ и пляшуть. А ёнъ того волочѐ, пудлаго того. Та́къ ёй ня хочетца! Ахъ, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ты ў мяне бывъ хорошій конюхъ, хорошо мнѣ спасьтивъ, и ўсё, да бярёшъ самаго пудлаго! Ты возьми о́тъ етого, што тамъ пляша который!—Э, говоря, бабка: я самъ пло́хій человѣкъ, пло́хаго коня возьму! Узять мнѣ хорошаго, дакъ ёнъ мяне разобъѐ, зва́ля и побяжить куды! А сказано, на выбо́ръ! Ёнъ волочѐ того. Ёй хоть и ня хочетца, да ўже на выбо́ръ сказано, дакъ ёй нельзя судитца. Ну, вывявъ яго на Юрьеву росу̀. Лошадь говоря: попасі́ мяне зарю на ячмени, а зарю на пшаницы, а зарю на 'всѣ! Тогды, посьли того, конь лёгъ, покачався, уставъ, стрепянувся. Стала на ёмъ золотая шарсьтинка, сяребряная. Ну, садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжая къ тому городу, къ Шкляно̀му. Уѣхавъ у етый городъ и распытуя: ти дома бязсмертный Кащъ?—Нѣ, говоря: ёнъ бывъ, да выѣхавъ куды тамъ! Ёнъ тяперь узявъ жану, самъ сяди̇ть на лошади, яѐ посадивъ на лошадь и поѣхавъ оттуль. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ, конь яго зарзавъ. Ёнъ пыта я: чаг ты, несьсее мясо, зарзавъ? ти ты на мяне ржешъ, ти на жонку на мою? —Нѣ, не на тябе, а на жонку на твою!—А што табѣ моя жонка здѣлала?—Ничого, каа, яна мнѣ ня здѣлала, только укравъ твою жинку Иванъ Знайдёнъ!—О! дакъ ты етого спужався? Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди насѣямъ пшаницы, съ тыѐ пшаницы наваримъ пива, того пива напъёмся, и то яго догонимъ и жану отбяромъ. Лошадь говоря: нѣ, говоря, хозяинъ: мы тяперь уже жаны не'тбярёмъ!—«Якъ то не 'тбярёмъ»? Ёнъ и схапився!—А такъ, говоря: ёнъ уже выслуживъ нашаго меньшаго брата. Да ў яго уся сила отъ нашихъ бра́тцовъ. Дакъ мы уже тяперь у яго не 'тбярёмъ жаны!.. Не́коли жъ яму̀ уже ѣхать у двору да сѣчь лядо, да сѣять пшаницу, да варить пиво,—да вярнувся, да ўже усьлѣдъ за имъ. Тэй жа идеть шагомъ, пяредьній, а етый лятить—потъ кривавой пѣной,—што не догоня. Лошадь зъ лошадьдю говоря, зъ братомъ: што ты, говоря, догоняешъ мяне? Ти ты хочешь битца со мною, ти ты хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ (ѣхать)?—Нѣ, братецъ: якъ жа мнѣ съ тобой битца,—я съ тобой ня ровнянъ!—А коли хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ, дакъ ты свойго хозяина узьними подъ небеса, да й пусьти сь сябе,—нехай ёнъ ударитца объ сыру зе́млю, объ бѣлый камянь, нехай ёнъ разсыплетца дробнѣй маку!—Ахъ, мнѣ шкода, кажа, свойго хозяина: ёнъ хорошо мяне кормя! —Ничаго́, будя тябе Иванъ Знайдёнъ кормить! Отъ ёнъ яго узнёсъ подъ небеса и пусьтивъ яго сь сябе. Ёнъ якъ лятѣвъ—ударився объ сырую

землю, объ бѣлый камянь—разсыпався дробнѣй чорнаго маку! А Иванъ Знайдёнъ поѣхавъ уже зъ жаною. Тольки нязьвѣстно, куды ёнъ поѣхавъ: ти ў Шкляныя горы, ти къ батьку—икъ матцы.

Отъ, я бывъ съ плытами за Кіявомъ и патався; дакъ не допатався. Хотѣвъ къ яму у госьти зайтить.

С. Новая Ельня. Отъ кр. Григорія Тихонова, 77 л. неграмотн.

13. Царскій унукъ—Лыцаръ Давидоновичъ.

Вотъ, паночекъ, бывъ сабѣ такъ одинъ царъ. Богъ яго вѣдаеть, ти ёнъ бывъ царикомъ, ти тыки царомъ. Ну, дыкъ ёнъ тяперъ мѣвъ сабѣ одного сына, одинъ однымъ сынъ у яго тольки. Ёнъ яго ожанивъ тогды и дождавъ унука. Потымъ ёнъ померъ, батька. Застався съ унукомъ дѣдъ; и дѣдъ старый уже. Ну, тяперъ гэтый унўчакъ трохи ўже подросъ, годовъ можа съ семъ, а можа зъ восемъ. Узявъ ёнъ яго, отдаетъ у школу. Отдавъ у школу. Тяперъ ёнъ учитца-учитца, гэтый унукъ, дойшовъ до того, научився, што ўже дарэхтора вўчить. Дарэхтору гэто обыйшло, што ёнъ яго вучить, ставъ ёнъ зводить дѣду гэтому на малца: вашъ, каеть, унукъ икъ жидовкамъ на ночь ходить! Ну, тяперъ, гэтый дѣдъ уздумавъ: «што, каеть, яму зробить? Покуль што, напримѣръ каецъ, вучи яго, научай; а тамъ я разслухаюсь, потачки яму не дамъ!» А гэтого не кажеть дарэхторъ гэтый, што ёнъ яго вучить. Ну, што жъ говорить? Тяперъ гэтый дарэхторъ якъ напусьтивъ на яго купецкихъ сыновъ,—купецкія дѣти тожъ тамъ былй, зь имъ училиси ў гэтымъ училищи. Дыкъ ёнъ, гэтый малецъ, якъ обступють яны яго, дыкъ ёнъ скомшить комокъ зямли, абы снѣгу зимой,—которому дась—на мѣсьти й духъ вонъ! Ёнъ тяперъ къ гэтому цару, къ старику, уси къ яму, и купечаство гэто: «што ты, говоруть, дяржишъ яго, гэтакого? Дѣ-дѣ, говоруть, да дѣнь яго!» Гэтый царъ думавъ, думавъ: што зь имъ изробить? Бывъ то за морамъ нейди бязсмэртный царъ. Гэтый дѣдъ падумався узять яго послать къ бязсмэртному цару: нехай яго страбить тамъ бязсмэртный царъ! Написавъ письмо и запечатувавъ. А ўзявъ яго и выправляеть. Ёнъ тогды узявъ письмо, вышовъ на дворъ да обдумався: «дядулька, каеть, сь чимъ ты мяне выправляешъ? Мнѣ, говорить, трэба якей кіёчакъ; кабъ якей кіёчакъ дѣ скувавъ, ляску!» У яго жъ тожа кувалёвъ ня нѣтъ! Узявъ отвярнувъ сто пудовъ зялѣза и скувавъ яму буловку. Ёнъ гэту буловку, малецъ гэтый, узявъ. Поспробувавъ гэту буловку: «да што мнѣ, говорить, гэта буловка? мнѣ гэта буловка мала, говорить, соўсимъ!» Тогды тэй дѣдъ ящо прикинувъ сто пудовъ зялѣза къ гэтой буловцы. Скували буловку у двѣсьтя пудовъ. Тогды

гэтый малецъ ухапивъ гэту булòвку, якъ кинувъ угóру! Пошовъ у горницу, выпивъ стаганъ (g) чаю, шклянку. Тяперъ обдумався, што яна сычасъ будеть назадъ лятѣть, вышовъ, надстановивъ колѣно. Яна якъ ударила 'бъ колѣно—пополамъ пераломилась. «Ну, говóрить, дядулька,—полядитя, што жъ я буду дѣлать?» Ковалки принёсъ яму, положивъ. Тогды гэтый дѣдъ на гэтыхъ кувалёвъ почавъ сваритца: што вы, говóрить, дѣластя? Прикинувъ ящо питьдесятъ пудовъ жялѣза. Тогды ёнъ узявъ, попробувавъ,—кинувъ угóру. Повярнувся ў горницы, сычасъ жа й выходить,—звярнулася булóвка назадъ. Ёнъ надставивъ колѣно—тольки согнулася; пераломѝтца не пераломилась. Ну, кацець, дядулька,—дякуй! Узявъ письмо, попрощався зь дѣдомъ и пошовъ.

Якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходить ёнъ къ мóру. А бязсмэртный царъ за мóрамъ. Потымъ того, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ дѣлать? Узявъ пераксьсився, размахнувся, якъ ударивъ—мóра назадъ и напéрадъ, туды-сюды вода расхинáетца. Ёнъ дали, ёнъ дали. Якъ бить дыкъ бить, якъ бить дыкъ бить—вышовъ на берагъ. Сѣвъ отдыхать на берази, пераксьсився: слава табѣ, Господи, што мяне Богъ перанёсъ! Приходить къ бязсмэртному цáру, и попавъ яго ў доми, и подаéть писямцо налишно цáру бязсмэртному. Гэтый царъ распечатувавъ письмо и смотрѝть на гэто: смотрѝть у письмо, и полядѝть на яго. И стало яго жалко, напримѣръ, што прислано, напримѣръ, кабъ яго страбить, и нема—вѣдома за што. Тяперъ ёнъ, гэтый бязсмэртный царъ, узявъ, отпѝсуеть письмо назадъ, яго дѣду. А ў гэтаго бязсмэртнаго цара капулюшкóвъ висить на сьтѣнахъ, по пятсотъ пудовъ, спижòвыхъ,—много ихъ висить тамъ, кругомъ обѣшано. Ёнъ узявъ сь сьтяны капулюшòкъ ды: вотъ, говóрить, мой голубецъ! заняси дѣду свойму госьтинчика, говорить. Думавъ, што ёнъ подъ имъ и заснѐть тамъ. Узявъ гэтый капулюшокъ, ды ямў на головў й надѣвъ. А ёнъ страханувся, добрый молодецъ, у рукў яму пуцулувавъ: прощайтя! говóрить. Бязсмэртный царъ тольки стрáшитца: ну, молодецъ мальчикъ! Ёнъ вышовъ, вышовъ вонъ, значитца, подякувавъ, узявъ свою булóвку и капулюшòкъ: пятсотъ пудовъ капулюшокъ и двѣсьтя питьдесятъ буловка. Пераксьсився и пошовъ. Прихóдить къ мору и—Господи богослови!—полѣзъ узновъ у мóра. Дѣ ўдарить—тамъ и сухо, дѣ ўдарить—тамъ и сухо,—и перайшовъ водў, перабивъ водў. Приходить къ свойму дѣду. Пришовъ къ дѣду, письмо вынявъ. Обробѣвъ дѣдъ, што ёнъ вярнувся. Што зь имъ рóбить? Положивъ гэто письмо дѣду на столѣ—вынявъ,—ставъ дѣдъ расчитувать гэто письмо, што яму приславъ бязсмэртный царъ. А ёнъ хòдить по покои: забывся на тэй капулюшòкъ, што яму приславъ бязсмэртный царъ—дѣду госьтинчика. Тогды уздумавъ на гэтый капулюшокъ: ахъ, говорить, дядулька! Табѣ бязсмэрт-

ный цар прислав госьтинчик! Узяв гэтый капэлюш однэй рукой, да дѣду на голову—такъ того й раздавивъ, расьтиснувъ,—чисто расплывся дѣдъ тамъ, потъ капулюшкомъ. А—о! гэтый малецъ тяперъ оборобѣвъ. Ухапивъ булóвку и пошовъ у сьвѣтъ—дѣда замучивъ.

Якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, сустрѣкаеть ёнъ у якимъ то дворѣ,—ажны нясеть чаловѣкъ у коробцы съ току пять четьвяртей гороху бѣлаго. Тяперъ ёнъ подумавъ, спознавъ, што й ёнъ троху товаришъ яму, якъ ба ня было. «Э, говорить, Гороховикъ,—кидай горохъ, пóйдемъ у сьвѣтъ! Гэтый Гороховикъ сычасъ свой кошель обярнувъ, горохъ гэтый высыпавъ на зéмлю, пераксьсився: богослови Господи, у сьвѣтъ пóйдемъ! И пошли ободва. Якъ ити дыкъ ити, приходють яны тожъ дѣ, къ якому пруду. Ажъ у гэтымъ пруди дванапцать камянёвъ, мелетца на дванапцать камянёвъ. А тяперъ чаловѣкъ на вусóхъ дяржить прудъ гэтый увесь. Обышовъ ёнъ вокругъ гэтого чаловѣка: эхъ, братъ, говóрить, Вусачъ! кидай ты уси гэты пруды, пóйдемъ у сьвѣтъ, говорить. Ну, тэй кинувъ. Якъ кинувъ прудъ гэтый, дыкъ ёнъ—пошло усё урозь. Ну, тяперъ пошли утрохъ. Тяперъ яны, якъ ити дыкъ ити, приходють то яны у якѐй городъ. Прошли яны увесь городъ, не нашли никóго. А тамъ бязсмэртный царъ отъѣвъ увесь народъ. Сходють яны у конецъ города̀, ажны стоить ла̀зенка; и тóпитца гэта лазенка. Ну што, братцы, говорить: будемъ пилнувать, хто гэто, говóрить, у гэтой лазьня будеть мытца, говорить. Узяли яны пилнувать, ажны прилетаеть три ла̀стувки. Ськинулиси паненками, разьдѣлиси и пошли па̀ратца у лазьню у гэту. Тяперъ ёнъ говóрить: нука, Гороховикъ, говóрить: иди попробуй, подопри дьвери, —што туть окажатца? Гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ двери крэпко-крэпко. А ихъ три сястры паралося. Тяперъ большая сястра отвѣщаеть: ахъ, говóрить,—мéньшiя сятрицы! соскочьтя съ полка, отчинитя дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоровый подлёгъ подъ дьвери, говорить. Тяперъ, гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ дьвери, а ина, мѐньшая сястра, соскóчила съ полка, якъ ударила колѣномъ у дьвери,—дыкъ гэтый Гороховикъ за пятнанцать вёрстъ отлятѣвъ зь дьвярми! А яны тожъ не показуютца имъ, гэтыхъ двоя. Яны тогды узяли, надѣлиси, ськинулиси ла́стувками и полятѣли. А Гороховикъ пропавъ. Тожъ назаутра приходить Гороховикъ, принёсъ дьвери, установивъ, и пошовъ самъ къ товаришамъ своимъ. Нашовъ своихъ товаришовъ. А лазьня узновъ и затопилася. Вытопилася лазьня, прилетаеть узновъ три ластувки и узяли па̀ратца. Тяперъ уже кажеть тэй уже бóльшiй ихъ: ну, кабъ, касць, братъ Вусачъ, кабъ ты тяперъ попробува̀въ дьвери потперть! Вусачъ и подлёгъ. Тяперъ яна уже говорить, большая сястра: сястрица, говорить, сярэдьняя,—попробуй отчинить дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоро-

вый потпёръ дьвери! Сычасъ: гэтый Вусачъ подлёгъ подъ дьвери, а сярэдьняя сястра якъ соскочила, якъ ударила колѣномъ, дыкъ гэтый Вусачъ за пять вёрстъ зь дьвярми отлятѣвъ! Тяперъ самы одѣлиси и посьлятѣли узновъ. Гэтый Вусачъ пришовъ и дьвери принёсъ за собой. Установивъ дьвери, и самъ пошовъ, товаришовъ своихъ нашовъ. Назаўтраго поглядять—узновъ топитца лазьня! Тяперъ тэй говорить, Лыцаръ Давидоновичъ: ну, тяперъ, говорить, братцы, и мнѣ треба пилнуватца! Прилетаеть тожъ узновъ три ластувки, ськинулиси дѣвками, разьдѣлиси и пошли ўзновъ наратца. Ну, каець: трэба мнѣ тяперъ ити,—я-тку пойду подопру дьвери! Пошовъ, подлёгъ подъ дьвери. Тяперъ большая сястра говорить: ну, вотъ тяперъ, каець, сястрицы, дужо, говорить, ненъ здоровый потпёръ дьвери! Якъ мы, говорить, выдеремся отсюль? Ну, говорить, попробўю-тку я отчинять! Большая сястра якъ соскочила, ударила ў дьвери—дыкъ дьвери не подалиси, а верхъ сорвався, зьлятѣвъ доловъ. Такъ яны ихъ и половили тамъ. И тяперъ, якъ половили яны ихъ, дыкъ яны и говорутъ: мы по дружби своей друговъ шукали,—намъ ня було ровницы! дѣвки тыя кажутъ. А тяперъ,—хотѣвъ большую сястру узять нячистый смокъ. Яны большўю силу мѣли, не подалиси яму. Тяперъ яны сычасъ побралиси: меньшая сястра Гороховику, а сярэдьняя сястра Вусачу засталась, а гэтому, Лыцару Давидоновичу, большая сястра. Ну, говорить,—якъ мы дѣйстували, заступали гэтому городу, такъ вы тяперъ дѣйстуйтя, заступайтя за насъ, мўжи наши!

Сычасъ, назаўтраго вызываеть нячистый смокъ на пальбу. Нагнавъ народу—Божа сохрани што! Тяперъ меньшая тая сястра кажеть: ты жъ, говорить, Гороховикъ, набяри сабѣ коробку каменьня, и ты, говорить, усихъ побьёшъ чисто каменьнямъ, а яго, каеть, не чапай, ба, каеть, пропадёшъ! Ёнъ, гэтый Гороховикъ, пошовъ, назьбиравъ каменьня коробку свою. Ажъ стоить народу, такія сьтягѝ поставлявъ народу! Ёнъ, якъ шибнеть камянь, такъ и здѣлаеть вулицу! Якъ шибнеть, такъ и здѣлаеть вулицу! А гэтого ня трогаеть. Дойшли одинъ до 'дного, гэтый Гороховикъ и смокъ, одинъ одному склонилиси, и разышлиси ўрозь. Ну, назаўтраго больше того собравъ народу, выгнавъ ящо. И вызываеть ящо на пальбу яго. Тяперъ сярэдьняя сястра говорить: ну-ка, Вусачъ, говорить,—табѣ сяньни урэмя ити, говорить. Табѣ, каеть, ничого ня трэба, —ты, каеть, вусами ўсихъ побьёшъ, говорить. А яго не чапай! Тяперъ, ёнъ якъ вышовъ, якъ крутьнеть вусами—усихъ чисто попосѣкъ вусами. Остався ёнъ тольки одинъ. Сышлиси яны ўкучу, одинъ одному склонилиси, и разошлиси такъ, по чесьти. На третьтій день нагнавъ народу дыкъ у три часьти того, што тогды нагонявъ. Тяперъ, сястра тая большая: ну, говорить, Лицаръ Давидоновичъ,—табѣ сяньни ити на пальбу!

Ты, каеть, усихъ побъёшъ, усихъ побъёшъ, а яго ня тронь, не чапай, бо ты сьмѣлъ, отважанъ—пропадёшъ! Ну, ёнъ тяперъ якъ пошовъ на пальбу, Лицаръ Давидоновичъ,—размахнеть булбвку, якъ пусьтить,—такъ вулицу и выложить. Потскочить, ухопить—такъ и узнова! Побивъ усихъ; остався ёнъ тольки одинъ, гэтый нячистый смокъ. Тогды ёнъ, гэтый Лицаръ Давидоновичъ, подумавъ, подумавъ, адылй: ахъ, ити яго—ня ўступлю! Якъ разьвёвъ булбвку, размахнувъ-размахнувъ, покрутивъ, якъ пусьтить—и попавъ яму по сярэдини. Ёнъ тольки увогнувся, и пошовъ. Тогды ёнъ: ахъ, итить твою, каеть. Што жъ ты за такёй? Зновъ якъ раскрутивъ булбвку, якъ вытнець яго по сярэдини! Зновъ увогнувся, и пошовъ. Ёнъ трэтьтій разъ схапивъ гэту буловку: ахъ, мать твою такую! Якъ вытнеть—ёнъ повалився. Тогды якъ ускочивъ да къ яму! Якъ ударивъ щавкомъ по лбу—ёнъ и заснувъ на тымъ мѣсьти, гэтый *Ликсандра Видоновичъ*. Такъ ёнъ сычасъ узявъ яго жану, гэтый нячистый смокъ, и понёсъ за мбра съ собою. А гэты товариши у гэтымъ городи засталиси исъ своими жапами жить.

Ну, тяперъ, ёнъ якъ лежать дыкъ лежать, якъ лежать дыкъ лежать, гэтый Ликсандра Давидоновичъ—цѣлый годъ лежавъ; и буловка ли яго ляжить. Тяперъ, дѣ-то бабка якая была—двѣсьтя годовъ було ёй, гэтой бабцы,—и налучила на яго, што ёнъ ляжить. Ахъ, говбрить,—занапрасно гэтый чаловѣчакъ загибаеть, цѣлый годъ ляжить тутъ! Яна тамъ што коло яго поворожила—ёнъ и уставъ. «Ахъ, говорить, бабка моя пралюбезная,—якъ я смашно заснувъ!»—А, каеть, ты заснувъ бывъ на вѣкъ, каеть.—«А йдѣ жъ, говорить, моя жана?»—Ды узявъ, говорить, нячистый смокъ твою жану, понёсъ за мбра, говорить.—«Ахъ, говбрить, бабка моя пралюбезная! ти могу я оттуль достать яё коли, ти нѣ?»—Ня вѣдаю, каеть, голубокъ, якъ яё достать! Возьми ты, говорить, купи пара хортовъ, и пара, каеть, селязьнёвъ, и каеть, иди за мбра,—ты яё тамъ найдешъ, говбрить. Ёнъ узявъ свою булбвку, купивъ гэто ўсё, справивъ, и пошовъ за́ мора. Приходить къ мору, якъ ударить по мбру: дѣ ўдарить, тамъ сухо! дѣ ударить, тамъ сухо! дѣ ўдарить, тамъ сухо! Перайшовъ на тэй бокъ мора. Перайшовъ на тэй бокъ мора, попытався у пастуха, говорить: дѣ тутъ, говорить, нячистый смокъ живеть? говорить. Пастухъ яму нараивъ, показавъ яму дворэцъ, дѣ ёнъ живеть. «А ти ёсь ёнъ дома?» говорить.—Ёнъ, чуть-дянёкъ, дыкъ и лятить на сьвѣтъ, говорить. Тяперъ, гэтый Ликсандра Давидоновичъ захинувся дѣ и пераночувавъ. Назаўтраго, совъюшко ўзыйшло, обътрало, такъ ёнъ и пошовъ у гэтый дворэцъ просто. Ажно яго и не попавъ, у дому нема ўже, полятѣвъ на сьвѣтъ. Приходить ёнъ къ ёй: «а бачь, каеть,—ти ты мяне й тутъ нашовъ?»—А нашовъ, каеть.—«А штожъ

будеть, што ты мяне пашовъ: ты мяне ня возьмешъ отгэтуль!» Ина яго тогды тамъ покормила, и радить и радить. Давай яны радить,—допытайся ты, говорить, идѣ яго душа? Якъ ёнъ бязсмэртный смокъ,—идѣ яго душа? Ина ўзяла яго, запёрла у скрыню,—такая скрыня большая стоить. Ина яго ўзяла, усадила у скрыню и запёрла. Потымъ ёнъ прилетаеть домовъ ужо ўвечарў,—полетавъ по воздуху, по сьвѣту. Прилятѣвъ, походивъ: ахъ, каеть, якъ тутъ русьсее мясо пахнеть! А йна говорить: летаешъ по сьвѣти, набрався, говорить, воздуху, дакъ яно табѣ, говорить, и пахнеть!—А можа, каеть: стало быть и гэто! Тяперъ, увечара, сѣли яны за столъ, яна у яго допрашіеть, говорить: живёмъ мы съ тобой годъ, а правды не кажашъ ты мнѣ! Ёнъ сьмяетца зъ гэтого. Ина говорить: дѣ-тыки твоя душа знаходитца? Ёнъ тогды зь яе сьмяетца,—показавъ ёй у гэту щотку, што покои мятуть: во дѣ моя душа,—у гэтой щотцы! Дождали дня, пераночувавъ ёнъ, такъ ёнъ опять на сьвѣтъ и полятѣвъ зновъ. А йна ўзяла гэту щотку, увобрала яе у такея тьвяты, што золото, просто, и положила на ложку на яго. Прилетаеть ёнъ узновъ увечара и сычасъ отвѣщаеть: ахъ, говорить,—русьсее мясо пахнеть! Ина отвѣщаеть: ахъ, Божа мой! усё русьсее мясо! Летаешъ по сьвѣту, дыкъ ты набрався,—табѣ и пахнеть яно! Тогды ёнъ ужо на ложакъ на свой, отдыхать ужо. Напавъ гэту щотку, отвѣщаеть: душка, што гэто? говорить. А йна яму отвѣщаеть: гэто жъ, каеть, душа твоя! Ёнъ тогды ўхапивъ гэту щотку, якъ кинеть объ зёмлю, ды й захохотавъ: ахъ ты, каеть, дура-баба! Дѣ можно быть, кабъ у щотцы душа моя? Ина тогды й заплакала: «отъ жа, каеть: усё жъ ты мнѣ правды не кажашъ! Не могу я ў тябе правды дойти?» А ў яго бѣлый козёлъ бывъ, большущій—большущій козёлъ, и гэто ёнъ усё зь имъ при покои бываеть. Тяперъ ёнъ показыеть па гэтого козла: отъ, говорить, у гэтого козла душа моя! А ты, говорить, дура-баба,—кабъ у щотцы моя душа была!.. Тяперъ, назаўтраго, пераночувавъ и полятѣвъ тожа на сьвѣтъ. Яна назаўтраго узяла гэтого козла, просто увобрала яго у золото; и привязала гэтого козла ля столу. Прилетаеть ёнъ: што гэто? каеть.—А што, каеть, гэто? гэто жъ душа твоя, каеть. Ёнъ тогды ухапивъ гэтого козла, якъ кинеть, дыкъ ёнъ и разсыпався. Тогды ёнъ понявъ гэто, што ина дужа крэпко жалѣеть яго. Лягли яны спать, давай ина доходить у яго правды, дѣ душа. «Вотъ жа, каеть,—коли ты хочешъ знать, дѣ моя душа—и ёнъ гэто чуеть, Ликсандра Давидоновичъ: ёсь на моры, говорить, бѣлый камянь, ляжить сяродъ мора на высьпи; а ў томъ, каеть, камяни вутка, а ў тэй вутцы, говорить, яйцо, а ў тымъ, каеть, яйцы свѣчачка. Кажеть: кабъ тэй камянь хто разьбивъ, ды тую вутку заставъ, говорить, яйцо тое разьбивъ,—свѣчка погасьнеть, тогды мнѣ духъ

вонъ! Ну̂, тяперъ, назау̂траго, ёнъ уставъ и полятѣвъ зновъ на сьвѣтъ. А ёнъ вылѣзъ съ скрыни. «Ти чувъ ты што?»—Чувъ, каеть: усё чувъ! Дала яму обѣдать. Ёнъ побѣдавъ, и хортовъ своихъ покормивъ, и пошовъ къ мору. Видить ёнъ, ляжить камянь на моры бѣлый. Тяперъ ёнъ якъ дась по мору—вода тая разлегаетца туды-сюды. Ёнъ дали, ёнъ дали, птаство гэто плывѐть за имъ, хорты за имъ,—добивсь ёнъ до бѣлаго ка̀мяня до гэтого. Узлѣзъ на бѣлый камянь: ну, говорить,—слава табѣ, Господи, што добився! Якъ ударить у гэтый камянь булдо̀вкой своей—разы три якъ ударивъ—разско̀чився камянь гэтый! Тогды гэта вутка вырвалася отту̀ль и полятѣла, у лётъ. Ёнъ якъ напусьтивъ гэто селязьнёвъ, гэты селязьни якъ палягли на гэту вутку, почали яѐ крутить, подь сябе яе, на воду̂ ськи̂нули, подбили яѐ. Хорты гэтые потскочили, потплыли, узяли вутку гэту, пода̀ли яму у руки. Ёнъ тогды вутку разодравъ, а яйцо гэто заставъ. Яйцо запазуху уложивъ, а вутку хорто̀мъ отдавъ своимъ. А свѣчки не гасивъ. Тяперъ, приходить ёнъ узповъ у гэный у дворэцъ, дѣ яго жана, ажны нячистый смокъ захворѣвъ уже: тошнуеть, ходить. И бывъ у яго такей бизунъ. Узявъ ёнъ гэтый бизунъ, зъ воло̀вы скуры сплётянъ—три скуры у̂кучу,—узявъ бизунъ, а гонить пастухъ воловъ у по̀ля, выгоняеть съ оборы зь яго. Ёнъ сычасъ гэто, съ тошно̀ты, якъ ударить вола пугой,—перасячѐть, перасячѐть. А ёнъ у вороты у̂ яго, Ликсандра Давиновичъ гэтый: «здрастуй, говорить, смокъ бязсмэртный!» А ёнъ бизунъ тогды поднявъ, тольки хотѣвъ яго перасѣчь, а ёнъ выхапивъ зъ запазухи гэто яйцо, якъ ударить яму у̂ груди! Яйцо гэно разсыпалося, такъ яму̀ й духъ вонъ, на гэнымъ мѣсьти! Тогды яны яго у̂зяли зъ жаной, посѣкли на дробные ковалки, тяпло̀ расклали и яго спалили на 'гни на тымъ. А самы у яго дворѣ жить засталиси. И тяперъ живуть—уподоба̀въ жись тамъ, да й жаны не можѐть перавезьть теразъ мо̀ра...

Д. Петраши, сьнн. у. От кр. Еф. Григорьева.

14. Васька Попялышка.

Отъ, у нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, можать у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ старикъ со старухой, тридцать три го̀ды И не было̀ у ихъ дятей. Потомъ народився у ихъ сынъ. Росъ ёнъ не годами—годинами, не годинами—минутами. До выро̀сту сями лѣтъ ставъ ужу проси̇тца у своиго отца у̂ навученіе, въ школу. Отецъ яго не могъ запрестить, и давъ яму̀ волю, дозволивъ яму у школу ходить. Пробывъ ёнъ у школи три го̀ды. Стало яму̀ десить лѣтъ.

Прóситъ ёнъ свойго отца зъѣздитъ у городъ къ кувалямъ, здѣлатъ балдаву́, по сили моёй, зъ дротику, што ёнъ нашовъ у попяли. Рывся подъ ямочкой и нашовъ дротикъ. Ну, потомъ, отецъ поѣхавъ къ кувалямъ. Прежда были люди вумныи, узнали, што ёнъ человѣкъ не простой, здѣлали яму бóлдаву двинадцатъ пудовъ, съ самой хорошай стали, ну не у̑зяли яму работатъ зъ яго желѣза. Потомъ, прихóдитъ отецъ домой. Ёнъ сидѣвъ у вокна, ожидавъ отца, коли ёнъ яму̑ госьтинецъ етый привязётъ. Якъ узьѣжжаетъ отецъ на домъ, ёнъ узлѣзаетъ на лавочку, и пошовъ кругомъ столу. Отрѣзавъ себѣ скибочку хлѣба и посыпавъ солью, и у̑кусивъ три разà, и вышовъ на дворъ. Узявъ ету балдаву̑ и пова́живъ яè. И пусьтивъ яе за пудъ бóлоки. Ина якъ полетѣла за болока́ми, много у̑ремя пролетѣла,—ёнъ уходивъ у избу и прохаджувався. Потомъ уходитъ на дворъ, и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырьскимъ голосомъ—злетаетъ ета балдава. И ёнъ надставивъ своё колѣно правое—и ета балдавà разсыпалась надъ колѣномъ на мелкія часьти. Ёнъ тоды поклонъ даётъ батюшки: што отецъ мой милый, пожалуста, прошу васъ, кабъ необходимо *зъ* мойго желѣза здѣлали балдаву! Такъ отецъ опять жа поѣхавъ къ кувалёмъ, и просивъ ихъ: што у̑годно зъ мяне у̑зятъ, а здѣлатъ балдаву зъ естаго зялѣза, мойго сына! Капъ ящо куваль не стратилъ, и у̑тóрнувъ у щелку етый дротикъ. И потомъ обдумався смотрѣтъ; нацѣливаетца ето зелѣзо братъ у клещи и класть на гонь. То ето зелѣзо ещо прибавилось на пятъ пудовъ. И дли того, што двинадцатъ молодцовъ у двинадцатъ молотовъ двинадцатъ судокъ били. А ето зелѣзо усё приростало, бóльшѣло. Пóтомъ яны окопьчили работу. И насильно двинадцатъ человѣкъ усклали на возъ. Привозитъ отецъ яго домой. Вышовъ ёнъ на стрѣчу своиму отцу, и узрадовався своёй работи. Потому̑ жъ ёнъ опятъ, не смотря ничегò, узлѣзъ на лавку, отрѣзавъ па́ртычку хлѣба, посыпавъ солью и у̑кусивъ яе три раза. И вышовъ на *домъ* и проходився. Узявъ ету балдаву за конецъ и поваживъ яè, и пусьтивъ яе пудъ небеса. Потомъ уходитъ у избу, приклоняетца отцу и матушцы своёй: благодаримъ васъ за матушкино порождэніе, за батюшкино благословеніе,—што я не могу зъ вами житъ. А благословитя мяне, я пойду сабѣ ровносьти шукатъ! Отецъ благословивъ яго, означаетъ яго: когда, сынъ мой милый, тябе повиджу у глаза? Отвѣчаетъ ёнъ яму: батюшка мой любезный, батюшка мой родимый! ёжали я попаду сабѣ ровносьти у скоросьти, то ты не увидишъ мяне никогда! По етуму, по батюшкинуму благословенію, отецъ—мати плакали сильно, што жалко свойго рябёнка, што ёнъ такъ отвѣтивъ имъ. Потомъ ёнъ усдвясьтивъ ихъ словаса́ми: што, батюшка, тябе Богъ не оставитъ и безъ мяне!

Тожъ бярéть свою балдаву̀ и идеть. Заходить у Кирсонъ городъ, *) заходить къ кувалю. И здѣлавъ сабѣ дротяну̀ю плеть. И отправився путёмъ у ходъ по своёй дорози. Идучи путёмъ, подходить у силныя горы. Ажну̀ тамъ Горынъ богатырь бяреть на вилы горы и разна̀шуеть, и ровняеть поля, долины, и потѣху сабѣ маеть отъ етого. Подходить къ яму етый Васька Попялышка и чаломъ яму бьеть. Здрастуй, говорить, Горынъ богатыръ!—Здоровъ!--Хотѣвъ я твоей сили подивитца!—Што, говорить, моёй сили дивитца?—ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ўся сила! Ёнъ яму открываеть: я самый!—Ну, пойдемъ, говорить, мы за туварищувъ, удвоимъ!—Ёнъ яго принимаеть, и идуть удвоимъ. Уходють яны у пущу, на тёмный лѣсъ. Замѣчаеть Васька Попялышка,—што Дубинъ богатырь дубъ вывора̀чуеть,—возьмéть за макушку дуба и съ корнемъ выворачуеть, и размáхуеть. И ето за потѣху сабѣ мѣеть. Поровнялись яны два богатыри икъ третьтему. Етый жа Васька Попялышка опять жа чаломъ бьеть: здрастуй, говорить, Дубинъ-богатырь!—Здоровъ!—Хотѣвъ я твоей сили подивитца!—Што, говорить, моёй сили дивитца—ёсь нѣйди Васька Попялышка,—у того ўся сила! Ёнъ яму открывъ: я самый!—Ну, пойдемъ жа мы за дружбу разомъ! Собралось ихъ три богатыря: Васька Попялышка и Горынъ-богатырь и Дубинъ богатырь, и пошли дальше. Заходють у такія крутыя горы и большіе рвы, ажъ тамъ Каминъ-богатырь береть по тысичи пудовъ камень у обѣдви ру̀ки и размáхуеть: камень объ камень пусьтить—и яны разбиваютца. И ёнъ потѣху сабѣ отъ етуль маеть. Потомъ яны утроёмъ уже яму чаломъ бьють. Здрастуй, говорить, Каминъ-богатырь!—Здоровъ!—Хотѣли мы твоей сили подивитца!—Э, што моёй сили дивитца? ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ўся сила!—А ето жъ я! А со мной и Горынъ и Дубинъ!—Да примитя и мяне до кунпаніи!—Ну, пойдемъ за дружбу ўси разомъ! И пошли яны по етый пущи.

Находють хатку. Противъ етыя хатки стоить баня. Потомъ яны подходють къ етый 'збушцы, вотъ етый Васька Попялышка говорить: вотъ, братцы: ета йзбушка будеть проживаніе ваша! Потомъ остаéть ёнъ Горына-богатыря избушку топить,—а мы, говорить, пойдемъ по охоти прайтись! Оставсь етый у йзбушцы и затопивъ яе. Протопивъ ету избушку, и вокошко разчинивъ и жджéть своихъ туварищевъ. Потомъ видить, ока̀зыетца четыре голу̀бки и садятца при етый лазьни и скидáютца дявицыми. И зата̀плюють лазьню, и протопивши лазьню, начинають паритца. Якъ забачивъ ёнъ ихъ красоту, и поумивъ, кабъ ихъ заперть у лазьни. Подыйшовъ подъ двéря и подпёръ двери плячомъ, кабъ ихъ задéржить покуль туварищи прйдуть. Ну, яны пупарились, и идеть старшая мизь

*) Сказочникъ въ Херсонѣ не былъ.

етыхъ сястёръ. Поспробувала отчинять и говорить: вотъ, говорить, моѐ сястрицы: нѣйкій узгöрокъ натопъ, нельзя двярей отчинить! Такъ щавкомъ щавканýла, двери отлятѣли, и богатырь етый отскочивъ. И ина яму поклонъ бьетъ: здрастуй, говорить, Горынъ-богатырь? Якъ, почаму, по няволи, али по охвоти ты тутъ ходишъ. Ёнъ отвѣчаетъ ёй: не такъ по няволи, якъ по своёй охвоти! Ина яго щавкомъ убила и подъ вугöлъ подклала. Потомъ сами скинулись голýбками и полятѣли.

Ну, приходютъ яны съ охвоты. Тые жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка у лазьню. Поднимаетъ вугöлъ и вынимаетъ Горына-богатыря, и дунувъ у водно вухо ямý, и ý другое,—и отжививъ яго. Потому, посядѣли яны, и што пристарялись ужу на обѣдъ, то вялѣвъ Дубину-богатырю печку протопить и згутувать на обѣдъ. Потомъ того, пошли тожа утроихъ на охвоту. Етый Дубинъ-богатырь остався печку топить, тожа. Сухого дуба поломавъ, у печку наклавъ, протопивъ, што было, згутувáвъ. По ўправки дѣломъ, сѣвъ сабѣ у креселцо, вокошко отчинивъ и смотрить, ожидаетъ своихъ туваришувъ. Потомъ, видить ёнъ ето самое дѣло, статьтю: прилетаютъ четыре голубки, скинулись дявицыми, натопили ету лазьню. Протопёмши, и давай паритца. Тожа етый усмотрѝвся у дявѝцъ, и поумивъ сабѣ,—што пойду я сабѣ ихъ закýтаю, покуль туваришы прѝдуть. Ну, узявъ, подпёръ тожа плячомъ двярѝ. И пшла другая сестра и товханулась плячомъ у двери, и говòрить: ахъ, моѐ сястрицы: нѣйкая гнилая колода подкатилась подъ двери: нельзя двярей отчинить! Ина жъ тожа щавканула щавкомъ,—двери отлятѣли, богатырь отмахнувся. Ина яму чаломъ бьетъ: стой, говорить, Дубинъ-богатырь: почаму ты ходишъ,—по няволи, али по охвоти?—Нѣтъ, не по няволи, якъ по своёй 'хоти! Ина щавкомъ ударила, и ýбила, и подъ другій вугöлъ поклала. Сами скинулись голубками и полятѣли на мѣсто на своѐ. Идучи богатыри съ охоты, и ўси три,—два жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню; поднимаетъ вугöлъ, и вынимаетъ Дубина-богатыря. И дунувъ яму у водно вухо и ý другое,—и отжививъ яго. Уводить у йзбу; покушали, што имъ Богъ показавъ, и останавлѧютъ Камина-богатыря; сами тожъ пошли на охоту, на пущу. И опять за ними етый жа самый Каминъ-богатырь, протопивъ збушку, обѣдъ згутувавъ, и тожъ вокошко отчинивъ и жджетъ туваришувъ. И тожъ прилетаетъ четыре голубки. Затопили баню, и вытопивши стали паритца. Ёнъ усмотрѝвся у ихъ и поумивъ сабѣ: пойду я закутаю ихъ, сабѣ на забавку. Пошовъ и подпёръ двери плячомъ. Потомъ пшла ужу третьтія; товханулася у двёря: ахъ, говорить, сястрицы: нѣйкій камень подкатився подъ двери: няможно двярей отчинить. Щавкомъ якъ щавканула, ёнъ и отлятѣвъ. Ина яму чаломъ бьетъ: здрастуй, говорить, Каминъ-бога-

тырь: якъ, почаму ты ходишъ: ти поняволи, ти по хоти?—Нѣ, каеть: больше по охоти, чимся по няволи! Ина щавкомъ щавканула, убила яго, вуголъ поднила и яго подклала. Сами скинулись голубками и полятѣли на своё мѣсто. Скоро кажетца, довго дѣетца. Еты идуть съ охвоты. Два идуть у избу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню, поднявъ вуголъ, вынивъ Каминъ-богатыря, дунувъ яму у водно вухо, и ў другое. Отжививъ яго и повёвъ въ избу. Потомъ попищевалися, што имъ Богъ послав. Вотъ, говорить, ребяты: отправляйтеся вы на 'хвоту, а вочередь мнѣ печку ету топить! Тые пошли, а ёнъ топивъ—не топивъ, узявъ прадиковину ету смотрѣть. Тожа яны прилятѣли, поскидалися дявицыми и затопили ету лазьню. Ну, Васька Попялышка не согласянъ къ имъ ити. А тожа яны ожидали яго. Ёнъ пригутувавъ булдаву, и дротяную плеть положивъ ли сябе, и ожидаеть ихъ къ сабѣ у госьти. Ну, то самая малая яѐ сестра узываеть своихъ сястёръ: пойдемъ-ка къ Ваську Попялышку поводуватца! Ёнъ зъ большимъ удовольствомъ запрашіеть ихъ. Уходють яны у избу, ничаво не смотря. Ёнъ згрёбъ ихъ усихъ четырёхъ у лѣву руку, и ўзявъ свою дротяную плеть, и начавъ ихъ по свойму катать. И говорить: присигайтя: будетя наши жоны, али нѣтъ? то перестану катать! Потомъ яны отпрашуютца: Васька Попялышка! мы бъ со всею радосьтю, ну нашъ отецъ не такой! Ёнъ васъ усихъ завоюеть и насъ назадъ отбярѐть! И зновъ намъ житьтя ня будеть! Хотя жъ ты и дужа силёнъ и тувариши твоѐ,—ну усё жъ ты отрождёный и смерётный, а нашъ отецъ отъ поганаго смока, и не смерётный! И ты яго не звоюешъ! Ёнъ, на ето не смотря, подальше ихъ подёргувать узявъ. И дотуля бивъ, покамѣсь яны дали клятьбу объ сабѣ,—по кому зямли зьѣли—што мы согласны ражить изъ вами! Потомъ тувариши яго приходють. И ўзяли яны на радощу пиръ пирувать, и пить, и гулять. Потому вышла изъ за стола старшая сестра простудитца, и завидила силное воинство, прамогучую силу, што идеть къ етой избѣ. Ускочила ина у избу, и говорить: моѐ сястрицы, и брахненьки! вотъ покамѣсь мы жили! Васъ отецъ забьеть и насъ забярѐть! Ну, тая сила ишла, ажъ мать земля стогнала. Потомъ Васька Попялышка отвящивъ: што ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я буду пувелять! Ну, якъ узяли,—подышла ета сила, стала хату разьбивать. То ета хата тольки трясѐтца, а ничаво ей не бярѐть. Часъ и другей Васька Попялышка мувчавъ. Потомъ васаласть Горына-богатыря: выходи на ету силу, ломить! Горынъ-богатырь якъ вышовъ, узявъ на вилы гору, дыкъ такъ усю силу и закрывъ! И гуляють яны ипять жа, ничаво не смотря. Потомъ вышла другая сестра на крыльцо простудитца. И глянула туда, што побольшая сила ящо идеть, якъ ишла. Вотъ, ускакуеть ина у избу и говорить: вотъ, говорить, сястрицы и брах-

пеньки: не то была сила! Вотъ идетъ сила: не видать ни зямли, ни воды, ни лѣсу—прамогучая сила! Отъ тяперь жись наша несподѣжна! Отвѣщаетъ имъ Василь Попялышка: што я вамъ сказую, ребяты: питя и гуляйтя, и моё дѣло сотворяйтя, што я буду вялѣть! Подыйшла ета сила,—дыкъ стали ету хатку воюватъ—што тольки колышитца! А ничого ёй не ўредятъ. Потомъ Василь Попялышка васалаетъ: Каминъ богатырь, выходи, говоритъ, ету силу поломитъ! Каминъ богатырь якъ выскочивъ, узявъ камни и поўбивавъ ету силу, й усю поразмахавъ. Потомъ опять яны пили, гуляли. Пошла третьтія на крылцо простудитца. И ўскакуетъ скорымъ посьпѣхомъ, што ина увидила: вотъ, говоритъ, моё сястрицы и брахненьки: то была сила, ня сила. а тяперь собравъ нашъ отецъ силу до бѣлыя головы (до бабськаго полку), и самъ услѣдъ съ пужкую ѣдетъ! Василь Попялышка отвѣщаетъ тожъ: не робѣйтя, ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я пувялю! Такъ ета сила и ўзила ету хатку своими порядкыми воюватъ. Той Василь Попялышка васалаетъ Дубина-богатыря: а выйди-ка, Дубинъ богатырь, ету силу поломитъ! Дубинъ-богатырь вышовъ, и ўзявъ два дубы за макушки, и ўзявъ кругомъ сябе водитъ—убивъ ету силу ўсю! Потомъ опять пили-гуляли, ничавô не смотря. Вышла меньшая сестра на крылцо простудитца. И глянула туды, ажъ ѣдетъ самъ поганый цмокъ и съ пужкую. Убѣгаетъ ина скорымъ посьпѣхомъ у 'збу: моё сястрицы и брахненьки! идетъ самъ отецъ сюды! Тэй Василь Попялышка идетъ воюватца самъ съ поганымъ цмокомъ. Ставъ на столъ и ўзявъ свой изъ за шіи платокъ, и пивный стаканъ, и ўтôрнувъ у столь ножъ, и повѣсивъ платокъ. И приказыетъ:—вотъ, братцы моё: питя-гуляйтя, и етого стакана соберегайтя! якъ етый стаканъ крыви найдетъ и черезъ пойдетъ, то на помогу ко мнѣ выбѣгайтя! Такъ яны пили и гуляли, й ўси повоснули. И якъ яны были богатыри, дыкъ яны по двинадцатъ сутокъ спали, а двинадцатъ просыпались. Василь Попялышка воювавсь-воювавсь съ поганымъ цмокомъ, расcѣкавъ яго на мелкія часьти, ну ёнъ крошка къ крошцы зляпливався и опять жа повзетъ къ яму. То й до того у етой збушцы, што й по колѣни крови найшло. Тожа яму помочи нѣтъ. До того дѣло, што Василь Попялышка уморився. И посильничивъ яго поганый цмокъ,—убивъ. Увышовъ у вызбу, по'трубивъ усимъ богатырямъ голôвы, сонnымъ, и замкнувъ своихъ дочôкъ, у запоръ узявъ, на ланцуги, и повёвъ.

Такъ удругъ,—скоро ето кажетца, да ня скоро дѣетца—'другъ откудова узилась кобыла, золотая шарсьтина и сяребриная, и пала передъ Васькой Попялышкой и стала ирзатъ, копытами битъ, а ноздрями попелъ собиратъ—который зь яго сыпався. Ну й отживила яго. Ёнъ уходитъ у избушку и бяретъ своихъ туваришувъ головы и притаркаваетъ къ ту-

луву. И по три раза́ дунувъ, и отжививъ ихъ. И распрощенія прôситъ у ихъ: братцы! пили-гуляли, мойго дѣла вы не сповнили, хотитя сабѣ идитя сабѣ укучи, али ўрозь—а я 'динъ пойду, поганаго цмока добивать! Ины отвѣщаютъ яму: братъ Васька Попялышка: коли ты яго тутъ не помогъ, а ў яго царстви ты яму ничôго не здѣлаешъ! Ну ёнъ на ето не сомлѣвавшиси, сѣвъ на кобылицу и поѣхывъ. Пытався, пропйтувавъ яго городовъ и яго царства, и пошовъ. Подышовъ къ яго пылатамъ, и увыйшовъ у садъ вôвся. Сѣвъ подъ виноградомъ и размысьливавъ сабѣ мысьли: якимъ образомъ,—хоть далёко, али ёсь на яго смерть, што яго можно съ свѣту збавить? Вышла на крылцо тая царевна, што обицала за имъ замужамъ быть, и почила обижатца на свуго̂ отца: якій то, говорить, нашъ батька не любимый, не родимый, што ёнъ насъ разоривъ! Мы бъ не хотѣли яго царства, ни государства, зъ богатырями бъ жили, нийкого горя не мѐли! Заслышавъ Васька Попялышка етый гласъ и давай ее клй*чиць* къ сабѣ: отъ, говорить, любимая моя: я васъ буду одного дѣла просить! Кабъ ты разодѣла ету одежу и надѣла почищую; и подступить къ свойму отцу зъ горючими слезами, и спросить у яго, идѣ яго смерть подѣлась? Ну, три раза, говорить, будеть шутить, а за чатьвёртымъ правду скажеть! Такъ ина тутъ здѣлыла. Ськинула ету одёжу, надѣла другую, подыйшла къ свойму отцу, и укленьчила перядъ имъ, заплакала горючими слязми: батюшка мой милый, батюшка мой любезный,—скажи ты мнѣ, пожалуста,—якъ я старшая твоя дочь: идѣ твоя смерть, откуль, говорить, намъ *ее* дожидать?—Отвѣщаетъ ёнъ ёй: дочь моя милая! ёсь у табунѣ корова обга̂джаная; у той коровы, у хвостѣ, смерть моя! Ина пувялѣла яе обмыть и 'бчесать, и подвела къ ямў. А ёнъ усмѣявся: эхъ, говорить, дочерь моя любимая: у бабы волосъ дôвегъ, вумъ коротокъ! Якѐй я, говорить, буду писатца несмярётникъ, коли ета корова сичасъ падеть, дыкъ и мнѣ конецъ? Потомъ ина усьпяшйла скорымъ сьпѣхомъ и отвясьтйла Василю Попялышку тыя словы. У прикази ёнъ имъ: што почище одѐжу надѣньтя, и еще поласковѐйше поступитя и спытайтя про смерть! Тожъ ина зновъ надѣла дорогую одежу, подходила изновъ къ свойму отцу и говорила: отецъ мой родимый, отецъ мой любимый! польно вамъ шутить! Скажитя мнѣ—якъ я вашая старшая дочь,—откуль мнѣ вашей смерти ждать? Не вѣритца мнѣ, кабъ ее не было̂,—идѣ нѐбудь ды ина ёсть! Тожа ёнъ почавъ опять жа шутить: вотъ, говорить, дочь моя милая, дочь моя любезная: ёсь у стади криворогая коза; дыкъ у яѐ ў роги забита моя смерть! Ина вялѣла отыскать криворогой козы ў табунѣ, вымыла, вычисьтила яе, и подводила къ ямў. Тожа ёнъ усмѣхнувся: я табѣ сказавъ, што у бабы волосъ довегъ, вумъ коротокъ. Якѐй я буду несмярётникъ: ты бачишъ,

што ета коза ледва ходитъ! Ина падетъ, дыкъ и мнѣ конецъ? Ничого ина не отвѣщала, посьпѣшила ина къ Василю Попялышку у виноградъ. И учивъ ёнъ ее достатъ 'дежу ящо луччую и подступитъ къ яму и просітъ горючими слезами со трудами. То ина достала дежу ящо луччую и ўвубралась, и укленьчила, подступивши къ отцу, заплакала, сощапивши руки: батюшка мой милый, батюшка мой родимый! Скажи ты мнѣ—якъ я старшая дочь твоя--йдѣ твоя смертъ? Откуль мнѣ ее дожидатъ? Ёнъ тогды обсмѣявъ ее: ёсь свиньня оборвàная у стади: ў яе подъ хвостомъ! Тожъ ина уже чатьвёртый разъ пошла къ Василю Попялышку. Ёнъ каетъ: достань ты 'дежу якъ на неби звёзды и ўбярись, и подступи поближѣй, и поклонися пониже,—то я сподиваюсь, што ёнъ скажетъ правду! Ина справила одежу такую, по ўказу яго, Василя Попялышки, и пошла къ свойму отцу. Подыйшла поближѐйше, поклонилась яму пониже, и стала слéзно плакатъ: батюшка мой любезный! раскажитя мнѣ, айдѣ ваша смертъ!—То ёнъ думавъ, думавъ и ўздыхнувъ: вотъ, говоритъ, дочь моя любезная: хотитца табѣ моей смерти доведатца: ёсь у такихъ то и такихъ то городахъ крутая гора. У той горѣ ступа, а ў ступи заицъ, у зайцу вутка, у вутки яйцо, у яйцу смертъ моя! Такъ ина усьпяшила икъ Василю Попялышку и узвясьтила. Василь Попялышка, ничого ня 'жидавши, издѣлавъ сабѣ ковырьку и начáвъ горý копатъ. Поганый цмокъ узявъ хворатъ. Потомъ ёнъ докопався ступы. Дальше копатъ,—заицъ выпорхнувъ и побѣжавъ; ёнъ дальше копатъ—вылетѣла вутка. Потомъ ёнъ дальше копатъ,—находитъ яйцо, на самомъ днѣ, у шпунтѣ, у ступи. Васька Попялышка узявъ ето яйцо, перевярнувъ ступу, и ўзявъ ето яйцо, поклавъ на дно на ступу и ўдаривъ ковырькой. Ето яйцо на сколькі часьтей разлятѣлось. И на стольки часьтей етого царя, поганаго цмока, разорвало. Васька Попялышка припшовъ у тое царство, жанився на тэй царевни, и остався тамъ житъ.

С. Старое Село, мстислав. у. Отъ кр. Захара Иванова, 43 л. негр.

15. Иванъ Подвѣй.

Была сабѣ кунпанія у которомъ то царстьви,—извѣстно у которомъ,—у цара. Ну, была, значитца, кунпанія,—развёвъ сабѣ царъ, обѣдъ справивъ. Ну, одинъ обираетца и толкуетъ: прошу вашай милосьти, не прогнѣвайтесь, говоритъ: я вашу хлѣбъ-соль кушаю, вы не подумайтя, кабъ я вамъ жалавъ, говоритъ, а тольки ёсь у васъ одна дочь, и будетъ ина у цежáри, будетъ ина мѣтъ у васъ сына незаконно! Царъ такъ тэй сторонѣвъ: почомъ жа ты такъ увознавъ, што моя дочь такъ будетъ? Одна йна ў мяне дочь, и такъ будетъ не ў закони?—А вотъ такъ, го-

ворить, я увознавъ по вашихъ, значитца, дѣлахъ—прошу вашія милосьти,
штобы не прогнѣвались! Тогды тэй царъ обдумався: ахъ, говорить,—не
сказавъ имъ ничого, разсерчавъ, не обясьнивъ тимъ ничого, бытцомъ ос-
корбили яго: мою хлѣбъ-соль ѣли и оскорбили мяне,—откуль гэто мо-
жеть быть? Изъ слугъ не посьмѣеть, а госьти тожъ само подступки не
мяють! Тогды обдумався, самъ собою *думаю*: чимси я буду оскорб-
лятца, лучче я слупъ замурую безъ воконъ и безъ дьвярей, и такъ, што
нихто подступки ня здѣлаеть, не подыйдеть подъ яе! Отмуровавъ сабѣ
слупъ, и сичасъ и запёръ яѐ зь нянькой, съ прислугой, значитца. Обду-
малася ина: Господи, говорить, Господи! за якую, говорить, мяне покуту
засадили сюды, чимъ гэто я заслужила? Господи, говорить, Господи, хоть
ба мнѣ увидить светъ, якъ столькн я сяджу за нѣйкія покуты? Обду-
малась: ахъ, здаетца,—хоть ба што нѐбудь найти, да мнѣ стѣнъ расша-
волить, свѣту увидать! Тогды узяла, нашла коло сябе иглу и давай рас-
колуповать коло сябе дюрку у стяну. Колупала, колупала, и проколу-
пала дюрочку маленькую. И узрадовалася: О, Господи! хоть жа я ня-
множко, а увидала свѣту сабѣ! Отъ того свѣту,—вѣтеръ тамъ повѣивъ,
—и ина сталася, што не у такимъ уже дѣли. Церазъ скольки уремя,
нянька яѐ узнаеть, што якъ-то ина становитца дужа груба. Удивляетпа
гэто прислуга гэта: ахъ, говорить, Машка! што гэто, говорить, вы стали
такъ грубы?—Ахъ, говорить, бабочка моя, сама не могу увознать, сь
чаго гэто мнѣ стало! Донесла царю: нѣшто, говорить, паша Машка нѣ-
што—я сама не знаю—такъ груба стала! Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть:
ти не у вобмашцы я гэто яѐ приставивъ? Можа гэто не бабушка? Што
самъ сабѣ не можеть разобрать вумомъ: што якъ гэто можеть быть. Тре-
ба яе узять да посвидѣтелевать! Зазвавъ тамъ котораго знающаго и по-
свидѣтеливъ. Посвидѣтеливъ, тогды самъ себѣ: можа гэто ти не у куп-
паніи, тогды якъ обѣдавъ, можа ёнъ доглѣдивъ гэту штуку, што ёнъ
мяне такъ оскорбивъ? Самъ сабѣ обдумався и спрашіеть: скольки то мо-
жеть ходить женьскій полъ у гэтымъ дѣли? Зра, на человѣка нечего обдум-
ливать, што гэто можа оттуль, што я бясѣду справивъ! Обдумавшися,
самъ сабѣ думаеть: не могу я разобрать, треба людей распросить! Ну,
яму разсказали: отъ стольки и стольки будеть ходить. Ну, якъ сосчи-
тали яму люди,—дакъ ёй мѣсица повтора стало гэто посьли бясѣды. Ну,
ёнъ обдумався: такъ тому уже и быть, видать!

Церазъ скольки гэто урємя, народився гэтый яго... унукъ уже назы-
вать треба. Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть: якъ народився, узять яго
соскорбить яго! У нѣкоторыхъ ставъ пытатца, у вумныхъ людей: што,
якъ ба мнѣ што зробить изъ гэстымъ? Тогды гэты суcѣди, вумные лю-
ди, говоруть: гэто не падо! ужо што здѣлалося, пущай тое и будеть!

Потому за гэто уже вы будетя виноваты! Тогды ўзяли яго перахрисьтили. А якъ имя дать по отечеству, дакъ и сами не знали. Ну, дадимъ имя яму Иванюшка! А ина разсказала, якъ гэто усё дѣилось, — што ёнъ съ подвѣю ставъ. И наклали званьня: Подвѣй Иванюшка. Ну, не расьтёть ёнъ такъ якъ по годахъ, али усё ровно якъ по часахъ. Отдали яго у навуки, дѣдъ обдумався. Такъ што тикаво яму показываетца, такъ што хто по скольки ўчитца, а ёнъ у часъ тое можеть понятца. Тикавъ вельми. Выйдеть на прогулку гулять, дакъ такія штуки выказываеть, што къ которому пальцамъ прикранѐтца, дакъ усё ровно убиваеть яго. Возьметь, такія шутки здѣлаеть: зьниметь у кого зъ головы курашку, угòлъ подниметь, да яѐ подъ угòлъ подложить. Яны, тые вўчаники, обдумались: якъ ёнъ можеть такія штуки приставлять одинъ? Отъ, мы возьмемъ, да яго усёй кунпаніей накажемъ! А батькамъ боялися жалитца. А тогды обдумалиси: нѣ, ня будемъ ничого яму дѣлать! Увознали, што ў яго сила такая ёсь. Ну, а ёнъ зазываеть ихъ: што жъ, вы, говорить, — ходитя гулять! — Ну тябе къ лиху, съ твоёю гульнёй! — Што гэто за гульня, што коли прикранѐсься, дакъ чуть живъ отъ тябе, ти курашку зьнимешъ да подъ угòлъ! Такъ, што ёнъ расшутився; путка за ими уздогонъ. А яны: ты намъ гэто не таваришъ! говоруть. Ды ўскрикнули. Якъ ускрикнули, такъ отцы гэтые нѣкотòрые позамѣчали. Што гэто вы, говоруть: дакъ и вы бъ яму якую штуку здѣлали? — Коли ёнъ, говоруть: у яго такія дурныя жарты! къ кому прикранетца, дакъ усё ровно убиваеть; курашку зьниметь да подъ уголъ! — А чаму жъ вы упяродъ, говоруть, гэтого не объясняли! — Мы, говоруть, боялиси усякую вещь у вушн ўносить! Отцы тогды доносють государу, яго дѣдушку. Гэтый дѣдушка вѣры имъ не давъ. Гэто ня можеть быть. Такъ полядить на яго, дужа яму ўтѣшно на яго: што ёнъ и навуками дойшовъ, и такъ молодецъ. Ну, а яны говоруть: ёнъ, не надо, штобъ ёнъ тутака бывъ; хай сабѣ особя. Думавъ, думавъ, царъ, али ўзявъ самъ сабѣ, думаеть: не буду я яго никуды — хай сабѣ коло мяне будеть! Хоть ёнъ и якій у навукахъ, али ўсё жъ не ў закони! И не послявъ яго у школу.

Ну, церазъ скольки урёмя, выдався ёнъ якъ уже соўсимъ узрослый человѣкъ. Тогды ёнъ говорить: дѣдушка, говорить: што жъ вы мяне никуды не отдаетё у навуки? Гэто жъ, говорить, ти мнѣ статокъ гонять, — зь естыя школы? — Ахъ, мой унукъ! ти понявся жъ ты, говорить, гэтой навуки, ти здавъ ты акзаминтъ зь естыя школы? — А я, говорить, больше знаю, чимъ тамъ яны вучуть! Вотъ, полядитя! Сычасъ и здаеть яму акзаминтъ. Дѣдушка першъ узрадовався: отдамъ, думаеть. Али посьли обдумався: нѣ, говорить: хай будеть у мяне за прислугу! Ну, тогды самъ сабѣ думаеть: што жъ гэто, — на яго жалилиси, а ёнъ ниякихъ

замѣтокъ ня дѣлаеть тутъ! Ну жъ, нехай сабѣ: не буду яго примушать! Ну, значитца, лежали у яго тамъ капоры. А Иванька гэтый ще́ не видавъ гэтыхъ штукъ. Пришовъ къ гэтымъ капорамъ и дивитца: што гэто за штука, што я её щѐ ня видивъ? Али думаеть: мусить ина не дужа тяжка, гэта штука? А йна будеть пудовъ двѣсьтя. Боитца ёнъ свойго дѣдушки, кабъ не замѣтивъ; али дужа хочетца погулять зь ёй, зь естой штукой. Тогды ёнъ узявъ, разглѣдивъ, разглѣдивъ, ды самъ сабѣ думаеть: вить ёнъ ня ўвидить; ёнъ ненача ще́ отдыхаеть. А якъ устанеть, дакъ сапоги надѣнеть, я учую, якъ ёнъ будеть ходить. А дѣдушка, надѣвши калёши, ходить по хати, ды глядить на яго, што зь гэстого будеть. А ёнъ стоить ли яе, ды ўсё яе́ пока́тыеть потрошки. Тогды узявъ гэту штуку, поставивъ дубо́мъ яе. Поставивъ дубомъ, и каеть: о, казали, тяжка, а ина три хўнты ти будеть ти нѣ? Гэтый дѣдушка говорить: Иванька, што ты гэто дѣлаешъ? гэто жъ ина дужа тяжка? А ёнъ якъ спужався,—якъ кинувъ,—дакъ ина у четьверть у землю увыйшла. А самъ отскочивъ отъ гэтого мѣста. Тогды обдумався гэтый дѣдушка: якъ бы яго сорвать якъ нѐбудь, ссилить, кабъ у яго такія силы не было́. Тогды ёнъ думавъ, думавъ, не могъ додуматца. якъ ба яму што нѐбудь здѣлать. И засмутився. А Иванька говорить: дѣдушка! коли вы, говорить, сярдиты на мяне, пусьтитя мяне у бѣлый, говорить, свѣтъ! чимси вы будетя сэрца имѣть на мнѣ!—А вотъ, говорить, унукъ: загадаю я табѣ загадку! коли ты можешъ по моёй загадцы усё суповнить, ну тогды я могу тябе на свѣтъ любопитный пусьтить!—Ну, што жъ вы такое мнѣ обвѣсьтитё?—Ну, а вотъ такое дѣло я табѣ обвящу́: якъ у тябе такая сила, дакъ вотъ, штобъ ты мнѣ на три годы̀ дровъ мнѣ разстарався, и воды̀. Тогды я тябе пущу! Ну, Иванька говорить: коли я гэто дѣло здѣлаю, кабъ и вы мнѣ тое здѣлали, што я у васъ попрошу! Вы мнѣ здѣлайтя такую, говорить, ляску зь зялѣза,—не нямножачка, на триста пудовъ! Отъ, дѣдъ говорить: ну, здѣлаю я табѣ такую ляску, говорить. Тогды ёнъ узявъ: ну, коли здѣлаетя, говорить, дакъ подѣлайтя мнѣ такіе чапы воду̀ носить: я жъ гэтыми судами ня буду носить, говорить. Тогды ёнъ узявъ,—пошли у про́варъ, побрали тые чапы и почапили яму. Такъ што, пришодчи ёнъ къ водѣ, думаеть самъ сабѣ: гэто жъ я своими вёдрами тутъ воды не зачаплю, гэто жъ мелка тутъ вода! Пришовъ къ мо́ру и говорить: о̀тъ дѣ вода, дакъ вода! и зачарэ́пнуть можно! И тольки жъ, говорить, и ня мелко тутъ! Зачерпнувъ у моры воды и нясе́ть. А дѣдъ смотрить, што ёнъ такъ лёхко нясеть. Приносить воду̀: а што, дѣдушка: ти построили такую дѐжку, куды воду̀ лить,—коли захотѣли, кабъ я вамъ на три годы воды принёсъ? Ну, дѣдушка обобравъ тамъ якую дежку: хай, каеть, наливаеть,

а мы будемъ отбирать потроху! Усё жъ тыки скоро ня пущу яго! У здоръ, значитца, пошовъ изь имъ. Тогды гэтый Иванька говоритъ: отъ, дѣдушка: вы загрозили мнѣ; тяперь жа бяритя воду! Я наношу воды на три годы, али куды вы яе лить будетя? Я три судны принясу—вамъ на три годы!—Ну, ли, говоритъ, у гэту дежку! Ёнъ думавъ, не подниметъ ёнъ гэтого чапа вылить. А ёнъ узявъ, выливъ одно вядро—чуть ня пдвна яго дежка—отъ одного ведра,—што ёнъ намѣтивъ на три годы. А другое выливъ, дакъ и черазъ побѣгла. Ахъ, говоритъ, дѣтухна: доситъ воды, говоритъ: ня треба!—Нѣ, говоритъ, я ще тольки разъ принёсъ, а вы уже сподѣетёсь, што доситъ на три годы. А я ще два разы принясу! хоть палацъ вашъ залію, а принясу ще двое судовъ! Пошовъ, принёсъ. И заливаетъ палацы! Разгулявся дужа! Дѣдушка тэй чуть рукъ яму не цалуетъ. Тогды узявъ, приноситъ вёдры гэты: куды жъ вамъ, говоритъ, поставить? Обдумався: эть жа жъ и ёнъ мнѣ выгоду здѣлавъ, якую я просивъ! Ну, поставивъ ля дежки и отвѣщаетъ: треба бъ було вамъ третьтія принесьти, али нехай ужо, ладно, якъ вы пр́оситя! Тогды говоритъ: отъ, ти моё жъ дѣло спо́внитца, што я у васъ просивъ? Коли моё дѣло ня сповнитца, дакъ я ўсю воду принясу, дакъ васъ усё ровно, якъ на човни, васъ у мо́ра знясу̀, говоритъ. Буду ўже вашаго слова слухать, што вы скажетя; а якъ разгуляюся, тогды ўже не по малому по̀йдетъ, говоритъ.—Спо́внитца, спо́внитца, говоритъ, Ванюша!—А што жъ вамъ, дѣдушка,—што вы сказали, што дровы вамъ треба, говоритъ. А ўмяне жъ, говоритъ, сякеры нѣтути такой, говоритъ, кабъ вамъ дровъ навалять! Даетъ яму̀ такую то сякеру. Ёнъ глядѣвъ, глядѣвъ: ну, говоритъ: ти ня сякера жъ? говоритъ. Большъ я, говоритъ, рукой возьму, чимсь гэтой сякерой! Якъ пусьтивъ ёнъ гэту сякеру—зганѝвъ яе—такъ ина ўсё ровно якъ муха полятѣла. А можа, говоритъ, вы моихъ дровъ не хочетя? Гэто жъ я гэтой сякерой не могу насѣчь! —Нѣ, говоритъ, мнѣ дровы надо, говоритъ: я, говоритъ, дровъ не дарую, дарма̀, говоритъ, што ты мою сякеру закинувъ: рубай чимъ хочешъ, мнѣ дровы кабъ были!—Охъ, говоритъ, дѣдушка: не захочетя вы моихъ дровъ, говоритъ. Узявъ—ну, коли жъ вы мнѣ не спусьтили—пошовъ у пущу у драмущу—громадная пуща—ну, говоритъ, тутъ по моёй силёщцы и дровъ нема! гэткихъ дровъ я за три годы не наношу! Скольки то урэмя ёнъ ходивъ, подходитъ къ дубу—ёнъ яму вы̀дарився ня дужа вяликъ, ну, али большъ за другихъ—у чатыре охвата дубъ бывъ. Ёнъ яго съ коранемъ вы̀вярнувъ, узявъ на плечи, и нясе́тъ икъ дѣду, дровы гэты. Пытаетца: дѣдушка, повузкія вы, говоритъ, воро̀ты выстроили:—моѐ дровы не проходютъ празъ ваши вороты! А дѣдушка думаетъ: няўжо жъ тыки ёнъслупы̀ поразворачуетъ? Слупы жъ у мяне крэпкіе, каменные! А, ка-

етъ: якихъ ты сабѣ набравъ дровъ, такихъ и няси!—Ахъ, говоритъ, дѣдушка: я жъ вамъ по ласцы, говоритъ, а вы усё на здоръ! Ну, лядитя! говоритъ. Узявъ дубъ на плечи; якъ пошовъ, такъ гольлёмъ слупы по динъ бокъ и по другей бокъ и заваливъ! Тогды дѣдъ говоритъ: ну, я такихъ твоихъ дровъ не жалаю, говоритъ. А ёнъ отвѣщаетъ: нѣ, говоритъ, тольки жъ ще одинъ охапочекъ, а ще жъ два надо принесьти по вашаму укази! А я жъ сякеры не маю, дровъ попорадчитъ, дакъ треба ще два охапки принесьти! Якъ положивъ свойго дуба, къ мѣсту положивъ,—дыкъ занявъ, што можа сто сажнявъ дровъ стояло, а ёнъ однымъ дубомъ занявъ! Якъ принёсъ ёнъ гэтыхъ ящо два дуба гэткихъ, дакъ занявъ увесь дворъ, што ни пройти ни проѣхать! Отвѣщаетъ дѣдъ: якей жа ты, говоритъ, буянъ! Отвѣщаетъ ёнъ: отъ, дѣдушка: колибъ я своё штуки показавъ, тогды бъ я бывъ буянъ; а тяперъ я не буянъ, я тольки гуляюся!—А зачимъ жа ты мнѣ увесь дворъ загруздивъ?—А вамъ, говоритъ, хотѣлося, кабъ я загрудивъ! Вы думали, што я за пять годовъ вамъ гэто не справлю, ну я, говоритъ, за динъ день усё справивъ! Уздумавъ Иванъ, што троихъ судей воды ще не принёсъ. Обдумався гэто, што ляски моё нема ще. Тогды ёнъ узявъ,—дѣдушка, говоритъ: ти построили жъ вы, говоритъ, мнѣ ляску?—На што табѣ ляска,—можашъ ты и такъ пройти свѣтъ!—Ну, а за штожъ я вамъ служивъ, што вы мнѣ ляски гэтакъ не построитя? Можа вы за гэто разгнѣвались, што я вамъ дѣла не суповнивъ, судей воды не принёсъ? дакъ я вамъ суповню! А мнѣ ляска кабъ была! Дѣдъ гэтый обдумався: што ще отъ гэтыя воды хата не высохла, а ще якъ принясетъ, дакъ разрыетъ. Треба яму ляску здѣлать! Ну тольки на лихо яму такая ляска, у триста пудовъ! Здѣлаю яму лясочку у сто пудовъ! Узявъ сто пудовъ зялѣза, заказавъ ковалямъ, стали коватъ яму ляску. Отъ, говоритъ: табѣ, Иванъ, ляска работаетца, ти утѣшитеся вы гэтому дѣлу?—А коли вы по моёй прозьби ляску здѣлаетя, дакъ подякую; я коли нѣ, дакъ подъ такую штуку подсаджу васъ, клинокъ подобью, и будетя вы сидѣть тамъ по вѣкъ жисьти своё! А я пойду такъ у свѣтъ! Гэто ли мяне не ляска, а такъ якъ розка!—Иванька! вы жъ тольки подяржитя яё,—я жъ такую дѣлаю, якъ ты казавъ!—Нѣ, дѣдушка, вы мяне не обманетя: у мяне примѣтки ёсь, говоритъ; я важить ня буду! говоритъ. Ну, здѣлали ковали ляску, призываютъ яго къ гэтой ляцы,—што, значитца, ня могутъ повярнутъ яе. Пришовъ ёнъ къ гэтой лясцы, узявъ яё, якъ пусьтивъ угору, дакъ ина зазвинѣла, якъ пчела—угору пошла. Пошовъ ёнъ у хату, воды напився, вышовъ на дворъ, а ина ще тольки згоры звярнулася. Ёнъ палецъ наставивъ, ина на палецъ ударилася и разбилась... Отъ, дѣдушка, говоритъ: икая вашая ляска!

Прибавтя, говорить, вагй, стольки, якъ я говоривъ! Ну, ковали тые ўже й не рады, што почàли гэту работу: тó нельзя былó повярнуть, а тутъ ще прибавлять надо! Ну дѣдушка каеть: прибавтя яму̀ ещѐ сто пудовъ: мусить жа зь яго хватить! Призываеть яго туды: икуратно, говорить, ли тябе составили, кольки ты казавъ!—А вотъ, посмотримъ, говорить. Пусьтивъ яé угору̀, сѣвъ—посядѣвъ,—наставивъ цѣвку, руку̀, ина тожъ само увогнулася у дугу. Ляска то, ляска, говорить, ещѐ не сусимъ! ещé много треба! сколь-ки то я просивъ, стольки то нема! Приставили яны яму ще третьтію сотню. Ёнъ узявъ, на руцѣ поваживъ, кинувъ угору—колѣно наставивъ —яна чуть-чуть выгнулась. Поправтя, говорить, мнѣ!—Нѣ, мы ня можамъ повярнуть! Ну, ёнъ имъ повярнувъ, яны поправили. Пришовъ ёнъ къ дѣду, подя̀кувавъ за гэту ляску: побогословитя мнѣ дорогу, на свѣтъ ити!—Якъ жа мнѣ, говорить, тябе побогословить?— хай бы ты у мяне бывъ!—Ахъ, дѣдушка, говорить: ня 'динъ то, говорить, богатырь живъ тамъ, дѣ силу свою показавъ; али ровный до ровнаго зьбираетца! Ня то, говорить, богатырь, што много хлѣба и грóшій маеть, а то, говорить, богатырь, што ёнъ здоровъ,—отъ тò, говорить, богачъ! Тяперъ узявъ ёнъ (дѣдъ) обдумався, дакъ ня будетя?—Нѣ!—Ну, хай Господь вамъ побословить! Ну, радъ ёнъ, што яго на свѣтъ пусьтили. Пошовъ тогды къ матцы: дякуй вамъ, маменька, што вы мяне созродили! Маменька за яго узялась: хто жъ мяне будеть пропитывать?—У зàконъ я не зашла, тябе рòдила... Ахъ, говорить, матушка: тутъ моя ня жись зъ вами! Дѣдушка! каеть: хай моя матушка у васъ застаéтца! Ну, матушка яго побословила. Ёнъ и пошовъ.

Якъ пошовъ, вышовъ: слава табѣ Господи, што мяне на свѣтъ пусьтили! Якéй, каеть, хорошій свѣтъ, якъ маковъ цвѣтъ! Идеть ёнъ дорогою и думаеть: иду то я, иду, да дѣ жъ ба мнѣ найти товаришовъ? што жъ я одинъ? Уходить ёнъ у нѣйкое у царств*я*, ажн*и* тамъ богатырь собираеть каменьня. Ну такéй камень, якъ будыня, кòтить перадъ собою у логъ. Узрáдовався гэтый Иванька: тиху! и гэто ничòго сабѣ, што ёнъ такіе камушки бярéть и знóсить. Прихóдить ёнъ къ яму: здраствй, говорить, Гаврилушка!—Здраствй, говорить, Иванька!—Почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Иванъ?—А почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Гаврила?—Богатырь богатыра, говорить, далёко знаеть, по духу̀. Тогды узяли: ахъ, говорить, вамъ дóбро, васъ на свѣтъ пусьтили; отъ, мяне, говорить, отъ, треба гэты камешки носить; а не пускають!—Ну, коли тябе, говорить, не пускають,—иди со мной у товариши! Крапчѐй насъ никого у свѣти нема, што яны намъ здѣлають? Коли вóзьмутца за насъ, дакъ мы, говорить, однэй ляской на пять вёрстъ змахнёмъ; дакъ, отъ, наша будеть тогды воинство! Тогды узяли, пошли. Ну, пóйдемъ, говорить, сабѣ!

Я только, говорить, васъ слухаю, а то, говорить, мяне не пускали!—А, говорить, пойдемъ! зь ими вѣкъ не распрощаесься,—якъ зъ блохами! Узяли, пошли. Нямножко то яны пройшли, увыходють у другое царствя. Ажни гэто тожъ самое: стоить богатырь; якъ уляжеть плячомъ у гору, такъ и турить яе, дѣ лощина,—зямлю ровнуеть. Идеть Иванъ и говорить: одначъ и табѣ хорошая праца! Узявся зь имъ за руку и поздрастувався. Ставъ разсовѣтуватца: сколько ты на свѣти горъ спихнувъ? Ёнъ говорить: охъ, уже, говорить, тритцать годовъ я на свѣти проживъ, дакъ не одна гора доловкáхъ уже стала! Радъ ба отказатца, да няволя моя! —Почаму? Почаму такъ гэто?—То служба моя такая! Отъ, ёнъ говорить: эхъ, говорить: а ня можно жъ яе бросить, гэту службу?—Боюся, говорить, бросить яе!—Покрѣпче насъ никого нема, говорить. Кого мы будемъ боятца? Пойдемъ мы, говорить, у свѣтъ—свѣтъ тяперъ волный, тяперешнимъ урéмямъ!—Да, у свѣти, говорить, мы слыхали, нѣтъ богатыра получчаго, якъ вы Иванъ! Мы бъ, каеть, усякія штуки подѣлали, чимси яны на насъ такія покуты понакладовали!—Атъ, плювать, говорить Иванъ: свѣтъ якъ маковъ цвѣтъ! пойдемъ погуляемъ! А мы на гэту службу—забыть думать! И узяли, пошли у свѣтъ! Отъ, говорить, только три насъ богатыри нашлися! Кабъ намъ и чатьвёртый такей богатырь нашовся! Тогды гэтый, Горовэй, говорить: Я, говорить, хотѣвъ ба што заслужить!—А зъ насъ заслуги хватить, говорить. Ить, говорить, ня 'дну жъ ты гору спихнувъ тутъ! Вотъ и заслуга, говорить. Тогды пройшли яны, ажны такей жа зновъ богатырь находитца. Узявъ, лѣсъ то громадный, а ёнъ за мáкушки ихъ, да знашуеть у кучу. Здрастви, говорить, Лѣсовэй! Што ты, говорить, лѣсъ у кучу знашуешъ? Здѣлався, бытцамъ цыгáнъ?—Отъ дыму, говорить, закурився, отъ огня, говорить, загорѣвъ! —Досить табѣ гэто, макушки, говорить, зносить; умыйся ты, говорить, ды ходи зъ нами! А то мы, говорить, утроихъ уси бѣлы, а одинъ будеть нибытцамъ цыгáнъ межи насъ! Отвѣщаеть ёнъ яму: што не могу, говорить, бросить гэтой службы!—Почаму такъ?—А служба, говорить, не говорить! Лёгши спать—сонъ не бяреть, коли службы своѐ не суповнивши! Отвѣщаеть яму Иванъ: николи мы своѐ службы не суповнимъ! Али вбзьмемъ, говорить, свою волю и пойдемъ, говорить, у свѣтъ. Гэтый Лѣсовэй обдумався: што нѣту уже больше покрапчѣйшихъ опричи насъ! При такомъ нашамъ богатстви, хто намъ што здѣлаеть? Иванъ спрашіеть у яго: ну, ти обдумався, говорить, Лѣсовой?—Да, говорить: обдумався!—Ти вы мяне увознали, Ивана?—Да, говорить, увознали! Я слышавъ, говорить, што всѣ утѣти покрапчѣй васъ, Ивана! Ну, уговоривъ яго, такъ ёнъ и пошовъ. Тольки умыйся, говорить.—Чимъ жа, якъ ба бъ мнѣ тутъ умытца,—я дужо крѣпко загорѣвъ тутъ!—Во, говорить: наша вода усё

очисьтить. Смотрить ёнъ, мыетца—а усё чоранъ. Вынявъ Иванъ съ кишени ковалокъ мыла,—натка, говорить, зь етымъ помыйся! Ставъ ёнъ мытца. Мывся, мывся,—ну, говорить: хоть чоранъ, а усё жъ похожъ на люди, говорить. Ну, слава Богу, говорить: больше зъ насъ богатыровъ не надо! Кабъ намъ идѣ несходимую сыйти, найти сабѣ поселеніе! А йны отвѣщають: якъ жа, говоруть: а бывають, насъ ня могуть спороть съ такого поселенія?—Ить повыше нашихъ богатырськихъ силъ нѣту покрѣпче, говорить,—дакъ мы не боимся, говорить, никого! Тогды яны пройшли то пущай такой громадной,—можа яны сутокъ двое ишли. Уходють, ажни яны тамъ находють то нѣйкій хульварочекъ. Хто сабѣ, говоруть, ни будеть у гэтымъ хульварочку, хто сабѣ ни уладенецъ, надъ имъ али больше ня будеть, якъ мы! Стали яны любопыстоватца по тымъ хульварку. Увыйшли яны у збу, ажни,—по гэтой збѣ ходють, никого нѣтути. Гэты отвѣщають яму: тутъ нихто ня живеть, мусить!—А намъ, говорить, што за дѣло! хай сабѣ хто и живеть, а коли ёнъ нашъ будеть! Тогды яны обдумалиси, пошли у вобору. И коровъ—дакъ нема, а воловъ, дакъ одны только волы. И нязвѣстно, хто ихъ пасеть, хто ихъ поить и кормить. Тогды яны узяли, уходють у вынбаръ Ёнъ запёртъ. Приходить Иванъ, бярётца за клямку, такъ ино усё чисто отчиняетца перадъ имъ. Уходють у вынбаръ, ажъ тамъ и хлѣбъ, и крупы—усяго хватаеть, што имъ по надобносьти. Ну, покамѣсь мы, говорить, своё наживёмъ, дакъ гэтого намъ хватать будеть усяго! Самъ ёнъ остаётца бытто ужё повнымъ ходяиномъ, а йны яго прислуги. Отъ, говорить, братцы: мы богатыри уси ровны, ну только кому—нибудь надо бо́льшаму быть. Я и самъ у свѣтъ пошовъ и васъ пусьтивъ. Колибъ не пусьтивъ, дакъ ба ваша нескончінное го́ра *було*! Братцы, говорить: тяперъ жа што только я вамъ ни скажу, довжны вы мяне послухать! Усяго зъ насъ хватаеть, и треба жъ къ гэтому старатца, кабъ и *было*! Оставляють яны,—камянно́й, говорить, Гаврила! оставайся ты, говорить, дома за повара, а мы пойдемъ къ гэтому старатца: треба жъ, говорить, растерабить, распахать, засѣить! Гэто уже пераноч.вавши. Тогды яны узяли, пошли. А што жь мнѣ, говорить, на 'бѣдъ пристроить вамъ?—Сходи у хлѣвъ, возьми ляску мою, да по уху завали, говорить, волу,—такъ тогды, говорить, возьми яго, приняси у кухню, оббяли яго, да у котёлъ, говорить. Пошли. Тогды ёнъ пошовъ тойчасъ у вобору, вола гэтого по́ лбу, на плечи, у кухню принёсъ, оббяливъ да у котёлъ. Такъ што ёнъ уже справився, сядить ли вокошка поджидаеть ихъ. Ажнй лятить чатыре пташки. Сѣли яны ли лазьни, смотрить ёнъ—што йто зь ихъ покажетца? Тогды видить—яны сѣли бытцомъ то птушки,—обярнулися чаловѣчацкой статёю. Тогды ёнъ сабѣ думаеть: ну, вотъ—ихъ чатыре, и насъ чатыре: мы подружимся зь ими! Смотрить, што

жъ гэто яны будуть дѣлать? Ажны яны одна бяреть дровы, другая воду, третьтія печку затопл̂юеть у лазьни. Тогды яму здалося: ну, постой жа: якъ яны вытопють гэто лазьню, тогды я возьму, подопру ихъ хорошенько у лазьни, покуль подойдеть наша сила. Тогды мы ихъ забяромъ! Тогды узявъ, гэто, значитца, прахтиковався,—якъ яны стали мытца, заперлись, ёнъ гэто узявъ да знаружи и заперъ ихъ,—пля-чомъ улёгъ. Тогды яны якъ умылися, тогды у двери. Э, каеть, сяструшки! гэто жъ насъ нѣхто потпёръ! Чуеть ёнъ голосъ. Тяперъ: э, говорить: не управитца ёнъ пераличить, скольки на неби звѣздовъ, якъ будеть лятѣть! Якъ стукнула у двера—дакъ ёнъ ня могъ образумитца,--скольки вёрстъ лятѣвъ. Тогды узявъ, обдумався, уставъ: ахъ, Господи, говорить: кабъ я гэто лихо знавъ, дакъ я бъ лучче ихъ не чапавъ, говорить. Узявъ, побѣхъ у избу, полядить, ажни ничого немá, што ёнъ варивъ. Перша обдумався: можа волы личаные! Али нехай личаные тамъ яны, ти не личаные,—побѣхъ у вобору, вола етого на плечи, опять нáново кухню заложивъ. И усторопився гэтому, штобъ яго товариши не наказали: што ёнъ дѣлавъ? спавъ? Тогды ёнъ узявъ, ды говорить: гэто усякому будеть: нехай усякій довѣдаетца! Ня буду казать, каеть, хоть и накажуть! Прибиваеть дванаццать часовъ, приходить Иванъ уже съ своими съ товаришами. Эхъ, говорить, Каманьникъ ты! Нѣшто ты, говорить, такъ проспавъ до двананцати часовъ! ня могъ кушаньня наварить!—разсерчавъ на яго. Тогды ёнъ говорить: виноватъ говорить, перадъ вами, больше гэтакъ ня буду! Иванъ говорить: хоть бы ты сабѣ й бывъ, дакъ другій разъ тябе не покину! Разъ дѣла не суповнивъ! Тогды ёнъ и радъ: ну, болозѣ гэтакъ! Тогды ёнъ узявъ, Иванъ, говорить: можа табѣ спричина якая была, спреча якая—митрэнга (g), спречався хто,—дакъ ты мнѣ объясьни, говорить.--Нѣ, говорить: ничого ня было! Ну, говорить назаўтрага—оставайся, говорить, ты Горовый! Тольки, говорить, посьпишай,—а то, говорить, треба и отдыхнуть, и обжидай, покуль обѣдъ вашъ! Гэто, говорить, няловко! Гэгый Горовый самъ сабѣ думаеть: погоди, я пораньше справлюсь! Уставъ раненько, пошовъ у вобору, волу гэтому богатырськой ляской у лобъ, за хвостъ, ды й на плячо. Привёсъ на кухню ды ў котёлъ! Такъ што ёнъ справився и говорить: э, што гэго Камяньникъ дѣлавъ? Я вотъ и справився, а ще чатыре часы до повдня. А што ёнъ дѣлавъ? Сѣвъ ли вокна и сядить, справившись. Ажні—видить ёнъ—а бачь: лятить чатыре птушки. Тогды ёнъ узявъ и гэто сабѣ думаеть: што гэто зь ихъ будеть? Видить ёнъ гэто—сѣли яны ли лазьни. О, сабѣ думаеть: мы тутъ ходили и ня видили, што тутъ лазьня ёсь! Тогды яны узяли, обярнулиси чаловѣ-

чацкой статьй. Што такія гэто за птушки, што яны чаловѣчацкой статёй обярнулися? Выдрилося яму, што первѣйшія уже паненки. Самъ сабѣ думаеть: отъ, гэтыя паненки: ихъ чатыре и насъ чатыре; али видать, што тольки зъ большимъ примусомъ ихъ узять можно, а такъ, видать, яны за насъ не пойдуть. Узять ихъ по ласцы зь ими, дакъ яны, значить,—сурозно поступють, скажуть—утó мужикъ, холопъ! По сэрцу подойду ихъ! Найдуть товариши, побяромъ ихъ! Гэто ўже байки, мы ихъ ня пусьтимъ! Тогды яны стали мытца, а ёнъ узявъ и потпёръ ихъ. Ды думаеть: потпёрши палкой—чуть ня буду, што ины говорить будуть: улягу плячомъ, дакъ плячо не палка, ня зломитца. Хуть почую, што казать будуть! Яны учули. Ахъ, сястрицы! нѣхто узявъ насъ, говорить, потпёръ! Ну, говорить, коли такъ, ёнъ потпёръ,—намало яго турнемъ,—вярсты на двѣ хай отлятить отъ насъ! Ёнъ гэто слыхаеть и самъ сабѣ думаеть: гора покрѣпче васъ была, да й то я на логъ ихъ спихавъ. А васъ уже кабъ я пусьтивъ! Гэто байки на свѣти—говорить. Тогды яны якъ ударили яго,—якъ полятѣвъ ёнъ—на двѣ вярсты. Тогды ёнъ, уставши уже, обдумався: няўжо жъ тыки я на двѣ вярсты лятѣвъ? Кабъ мнѣ гэто змѣрать, дакъ неколи,—товариши придуть, скажуть, дѣ ты бывъ? Не такъ я крѣпко ударився, якъ я отлумився, зъ гэстого побою! Прибѣгъ у во дворъ—ажъ яго ничого нема, што ёнъ варивъ! Ну вотъ: поправся я тяперъ! говорить. А жалившись мнѣ свойму ходяину, дакъ вѣры ня йметь,—скажеть: гультай! я думавъ, што ты зробишъ хорошо, ажны ты ще попуще! Неколи мнѣ довго думать, треба опять за дѣло братца! Ну сказать имъ свою причину—стыдно. Треба лѣпи мовчать. Лѣпи своё дѣло справлю! Пошовъ, вола ўбивъ знова, кухню заложивъ—скоро, уже круто коло яго завивався, кабъ хвалы сабѣ попасьти сколько нябудь. Тольки заслонивъ, сѣвъ ли вокна дысядить. Приходить ходяинъ у дванаццать часовъ, смотрить—однача жъ, говорить: мой Горовэй троху, говорить, пораньше справився, али тольки, говорить, гультаивъ троху! Сѣли сабѣ, побѣдали. Стали отдыхать сабѣ. Говорить Иванъ: ну, хоть сабѣ отдыхнёмъ, говорить, не пойдемъ на работу, лѣпи заўтра пораньше уставемъ! Знайтя жъ, братцы, што заўтра Лѣсовэй остáнетца,—штобъ упяродъ,—дакъ за обѣдомъ заколупаесься. Назаўтраго ўраньни устали,—остаётца Лѣсовэй. Спрашіеть у яго: што, ходяинъ, варить?—Ить наша кухня тожъ неперамѣнная; икъ мы сами наживёмъ тутоцьки, тогды будемъ перамѣнивать! А тяперъ тожъ самое будеть: у вобори воловъ хватаеть, у вынбары крупъ тожъ хватить,—вотъ наша и ўсё! И пошли ў лѣсъ. Тутъ Лѣсовэй пошовъ у вобору, вола ўбивъ, на плечи, и принёсъ яго. Сычасъ оббяливъ, у котёлъ яго. Однача, говорить, усё одна да 'дна яда, говорить. Кабъ ня гэты волы, дыкъ бы й ѣсьти нечаго было! Тогды узявъ:

однача, говорить,—што яны подѣлаваютъ! Отъ жа, говорить: до повдня часовъ пять, а я ўже усё подѣлавъ! Помлѣеть усё у печи, нечаго ѣсь будеть! Кабъ я гэту штуку знавъ, дакъ бы съ перваго дня ставъ,—гэтакъ хорошо! Тогды ёнъ сядить гэто, высматруеть, ажны лятить чатыре птушки. Якъ сѣли--чатыре паненки. Однача жъ, говорить, штуки. Ще я и сне видавъ гэтыя лазьни—а тутъ лазьня! Ажни видить—одна бяреть дровы, одна воду, а третьтія печку палить,—празъ двери видно. Ого, каеть: гэто жъ тутъ и помытца можно! Сабѣ думаеть: погоди! Вытопили лазьню яны, стали мытца. Ну, думаеть: идѣ яны за насъ за мужуковъ пойдуть?--Треба зь ими сурозно,—узять потпёрти! Тогды узявъ и потпёръ ёнъ ихъ. Ня гэтакія штуки,--лѣсъ рвавъ съ коравями, у грудъ знашувавъ, а кабъ ихъ чатырохъ не придержить? Придержу ихъ! Потпёръ, самъ сабѣ думаеть: я то потпёръ, а можа и яны якія богатырки, можа якъ дадуть, дакъ я и косьтей не собяру укучу! Тогды яны помылиси, стукають у двери. Ахъ, говорить, сястрицы: потпёрты мы!—Ну што жъ робить: потпёрты—потпёрты! попадёмся и мы у ихъ руки!—Найдетца такій мацыматъ, што й насъ возьметь! Ну, а отъ гэтого ще вырвемся! Тогды якъ дали гэтому,—не на много ёнъ лятѣвъ—на вярсту! Ахъ, каеть: ти я бѣхъ, ти я лятѣвъ, дакъ и самъ ня вѣдаю! говорить обдумавшиси. Ахъ, говорить: што жъ я засидѣвся: кабъ жа и тамъ што небудь не прострочить! Наскакуеть ёнъ туды, тольки видить, што нѣхто бывъ, да пошовъ; а штобъ замѣтка, дакъ нема. Посмотрить; ёнъ,—ажни ничого нема, што ёнъ варивъ! Тогды ёнъ говорить: ахъ, говорить: однача жъ, говорить, товариши! Одинъ одному правды не кажамъ! Хай ба яны мяне перасьтераглй,—хай ба я правду знавъ! Узявъ, пошовъ, вола убивъ, на кухню, огонь заложивъ и опять страпать. Скоро уже, пошти што пораншe усихъ уже. Сабѣ думаеть: заўтра ўже останетца пѣвня нашъ ходяинъ! Дакъ ёнъ гэтыя штуки будеть знать; а мы уже не скажамъ. Заўтра одинъ коло 'дного посьмяёмся! Приходить гэтый Иванъ и смотрить: однача жъ, говорить: молодецъ Лѣсовэй! справився! отъ, гэто, говорить, молодецъ, за ўремя! говорить. Побѣдали, отдыхнули, ды совѣтуютца: отъ, братцы, говорить: заўтра уже вы пойдете утроихъ, а я останусь, троху отдыхну! Зварить—нема ничого, а ў лясу кореньня гэтого дурного поплянтуй, дакъ троху у плечахъ чуть! говорить. Гэтые жъ рано устали, у лѣсъ пошли. А ёнъ самъ сабѣ думаеть: а я трошку ще поляжу,—еще рано кухню раскладать! Уставъ и пошовъ самъ у вобору, расчинивъ вороты и говорить: однача жъ, говорить: за три дни порадошно мы воловъ зьѣли! Приходить къ волу, щавчкомъ яму у лобъ стукнувъ—отъ щавчка гэтый волъ завалився. Узявъ за храбетную кось и нясеть. Оббяливъ, обдѣлавъ, уложивъ у котёлъ,

кухню заложивъ, ставъ варить. Однача, говорить: мусить я надто рано заложивъ, говорить. Дакъ гэто няловко будеть. Больше йны гуляли, якъ дѣло суповняли! Сѣвъ, и смотрить. Ну ихъ къ лиху, и зъ работой зь ихной—стольки яны мнѣ и тамъ наработаютъ! Бяздѣльное дѣло—ѣсь зварить—и то яны мнѣ ку ўремю не суповняли! А ў лясў ўже и сусимъ ничого ня зробють! Сядѣвъ, сядѣвъ, нибытцамъ удрамавъ трошки. Чўеть ёнъ, ажни бытцамъ то якъ вѣтеръ зашумѣвъ. Туды-сюды ёнъ посмотрить, полядѣвъ къ лазьни, ажни видить ёнъ—чатыре паненки стоить. Лядѣвъ ёнъ, и самъ сабѣ думаетъ: а бачь, гэдкія, каеть, барышни! ти яны ѣхали, ти яны пѣхотой ишли? Надо жъ тыки, каеть: задремавъ, што не ўвидавъ! Ну, говорить, погоди! я ихъ, говорить, придёржу! Однача, мусить то й моѐ, каеть, зь ими загулялись, а мнѣ й не похвастовали! Загуляютца зь ими, а мнѣ й не похвастовались! Отъ жа, думаеть: ихъ чатыре, насъ чатыре. Яны жъ можа, который зь ихъ прогуливавъ, а я гулять зь ими не буду,—а побяру, говорить, коли удастца! Паненки пошли у лазьню, значитца, а ёнъ пришовъ и ставъ ли двярэй. Тогды узявъ и потпёръ ихъ. А яны тожъ у скоросьти: ти не остався, говорить, тутъ ихъ ходяинъ,—тыхъ, што зъ нами шутки закидавали? Ёнъ гэто и чуеть. Ишъ, говорить, подляцы! затымъ яны и опаздували! Ну, попробували яны отчинять,—нѣ, говорить, сястрицы: ня ў тыя руки мы попались. Нема у свѣти богатѣйшаго, якъ Иванъ Подвѣй! Коли тольки ёнъ гэто, дакъ нѣ ўже, ня вырвесься! Ну, на щасьтя, говорить, попробуемъ! Якъ вытнула у яго, дакъ усё ровно якъ у глину увязла—и не шевяльнувся. Говорить одна однэй: хоть намъ усимъ гэто будеть, а тольки треба попробувать гэто намъ усякой! Стукали-стукали, стукали-стукали,—якъ у глину! Тогды тойчасъ узявъ ёнъ ихъ усихъ чатырохъ. Ну, говорить: зьмирно, говорить, паненушки! васъ чатыре, насъ чатыре: отъ, насъ, говорить, будеть дружъя! Отъ, самъ сабѣ облюбопистававъ меньшую. Приходють товариши, дивютца: однача жъ, говорить: якъ жа вамъ гэто попалося?—Ахъ, вы, говорить, хохлы! чаму жъ вы мнѣ раньше не объясьнили? Такъ гэтый Иванъ распорадився: отъ, говорить: кому злучая была першая—тому тая, а другому другая; обярѣтя сами кажанъ сабѣ! Пожанились яны и стали жить. Ну, говорить, намъ нельзя жанитца: нашъ отецъ, говорить, не то: васъ поѣсь,—поѣсь васъ, говорить. А Иванъ говорить: нехай, говорить: будемъ глядѣть! Ну, пожили яны сутки. На другея сутки приѣжжаетъ икъ имъ Кащъ, ихный отецъ ужо. Кричить гэтый отецъ громкимъ голосомъ: отчинитя! Ну тольки покрапчѣйшихъ тутъ нема житалявъ, опрочь Ивана Подвѣя! той тольки вотъ одинъ! Гэты сыкнулися къ яму,—якъ дмухнувъ—дакъ якъ комъ! Выходить къ яму Иванъ. Ти ня воронъ твоихъ косьтей занёсъ? говорить.—Добрый молодецъ, говорить,

самъ увесь свѣтъ обходить!—Ну што, говорить: ти будемъ по ласцы, ти по сэрцу разбиратца?—А што жъ, говорить: ты жъ уже сэрца показавъ! —Якъ?—А такъ! Ты жъ якъ дмухнувъ, дакъ моѐ товариши якъ комары полятѣли!—Ну, дакъ будемъ, говорить, дратца. Вотъ табѣ шасьти-головный смокъ!—Будемъ! Якъ узявъ Иванъ свою ляску, якъ махануvъ,—такъ смоку головы три доловъ! Тойчасъ якъ махнувъ,—такъ ещѐ три доловъ!—Однача, Иванъ, лѣпи по ласцы будемъ разбиратца!—зъ малой силой я пришовъ къ табѣ! Пріѣжжаетъ ёнъ съ двананцатиголовнымъ смокомъ. Иванъ, будемъ мы, говорить, по ласцы разбиратца, али по сэрцу?—Нѣ, говорить Иванъ: ще никóли по ласцы не разбирався! Заколупють и яго—и ёнъ жа колупаетца. Якъ ставъ ёнъ свой ляской размахивать—не помножко ёнъ зьнимавъ голóвы—усяго по три головы̀. Зьнявъ уси двананцать головъ. Якъ зьнявъ гэты двананцать головъ, обдумався гэтый Иванъ, сабѣ думаетъ: не дась ёнъ мнѣ жить! ёнъ мнѣ будеть зло дѣлать! Треба узять да яго убить соўсимъ! Думаетъ ёнъ: коли жъ ба и ёнъ мяне ня ўбивъ—у сэрца увыйшовши. Ёсь у мяне пляшка живущія воды и пляшка гоющія, возьму я ихъ ли запаса у кишень сабѣ! Тогды узявъ, пляшки побравъ и нутка у догонъ пусьтитца за имъ. Нагоняетъ ёнъ яго, самъ сабѣ думаетъ: якъ свисну ззаду! Якъ дамъ у голову, такъ ёнъ уснеть зразу! Якъ давъ яму по головѣ, тогды ёнъ говорить: ахъ, говорить: нѣшто у мяне дрыжакъ! Замахнувся другéй разъ, дакъ ёнъ: ось якое лихо! рóзочка по носу ударила! Отвярнувся назадъ: охъ, говорить, Иванъ! ня стóило былó со мной чапáтца! Отвярнувся, щавкомъ у лобъ, —Иванюшка уснувъ! А Кащъ пошовъ назадъ и ўзявъ свою дочкý меньшую.

Тяперъ, пасить гэтого Каща бабушка скотъ. Натрапилиси коровы на Иваньку, подняли ровъ. Приходить гэта баба къ яму. А ёнъ да хвастовався: што бывъ крапчѣй усихъ Иванъ Подвѣй, а я ўбивъ. И дочку меньшую отнявъ! Дыкъ баба чуть чула, што ўбивъ, да не знасть, адѣ. Ну, подыйшла ина къ яму и догадалася, што мусить гэто Иванъ. Тогды ина узила ды сама сабѣ думаетъ: ти ёсь при имъ што? Ну, ина поглядѣла,—у однымъ кишени пляшку найшла, и ў другимъ пляшку. Погоди жъ, говорить: што гэто у яго за зелья? Узила, палецъ сабѣ разрѣзала, да съ одныѐ пляшки помочила—яко якъ бытто почалó згáиватца, выдавало такъ, што гóитца. Ина зъ другой—дакъ не бы̀ былó тамъ ничóго. Погоди жъ! Ина ўзила, зубы разнилà яму, да съ одныѐ пляшачки воды улила. Учула йна, што ёнъ бытцамъ-то поды̀хавать ставъ трошки. Узила другую пляшачку, тожъ само улила яму—ёнъ ставъ прочухáтца. Ахъ, говорить: якъ жа я, говорить, смашно уснувъ! Осмотрѣвся: о, я думавъ, што мою ляску хто ўзявъ, ажно моя ляска при мнѣ ляжить, говорить. Тогды бабушка отвѣщаетъ яму: вить ты на вѣкъ

жизни тутъ уснувъ, штобъ я на тябе не натрапилася! Отъ, видишъ, говорить: и жану жъ твою узяли, говорить.—Узяли?—Узяли!—Ну, школада, каеть, ды ня вѣдаю, якъ гэто повярнуть, говорить. Тогды енъ: бабушка! бабушка! порадьтя мнѣ, якъ ба мнѣ гэту штуку поправить? А ина яму: отъ жа, говорить, Иванъ: возьмись у яго за пастуха быть! И будь якъ можно ласковѣй, и паси скотъ якъ найлѣпи! Ласко паси! Бо у яго ёсь козёлъ бѣлый, роги золотэя; дакъ ёнъ яму усегды отвѣщаеть, якъ хто пасеть. Коли хто ти ударить скотину, ти што, дакъ ёнъ и объясьняеть Кащу! Ну, а ёнъ говорку яго знавъ. А я тамъ потькачусь къ твоей жанѣ: хай допытаетца, дѣ душа яго ёсь, што яго никъ ня убъешъ, *покамъ* яго душу найдешъ! Дочка будеть потпытывать у яго! Тогды ёнъ узявъ, зрадився зь имъ, и ставъ гонять на пасту. А якимъ жа гэто толкомъ? Ина, дочка тая, начала плакать, тужить, што страхъ якъ!—Объ чимъ ты, говорить, тужишъ?—Объ такимъ и такимъ дѣлу: по вашай, говорить, души! Дѣ ваша душа?—А ина уже зь имъ перавѣдалася. Ина уже знаеть, што ёнъ на пасту гоняеть у яе отца. Ну, а Кащъ думаеть: я жъ яго убивъ, ёнъ тяперъ ня 'тживеть уже. Тогды онъ обвясьтивъ: што моя душа, говорить, у гольнй, што которымъ хату мятуть! Ина узила, стужакъ накупляла, голéнь гэтый увобрала; няньчить яго и толкуеть зъ гольнёмъ зъ естымъ. Почувъ ёнъ. А сь кимъ ты гэто тамъ гукаешъ? Отвѣщаеть: изъ вашай, говорить, душою! Уходить ёнъ къ ёй, и смотрить: а дѣ моя душа?—А вотъ жа, вы казали—у гольнй! дакъ я голень прибрала и гукаю! Вырвавъ ёнъ голень, гэтый голень па зéмлю якъ кинувъ, гэтый голень и разсыпався. Вотъ, говорить, якая душа! Тогды ина опять стала плакать. Объ чимъ, дочь моя, такъ ты опять сосмутилася и плачешъ?—Я узрадовалася, што вашу душу нашла, прибрала яè и стала гукать,—а вы яè у мяне вырвали и кинули. Дакъ я объ гэтымъ смутна стала!—Почаму вы хочетя мою душу увознать? Вонъ, говорить: бѣлая свиньня ходить; дакъ у бѣлой свиньни моя душа, говорить. Ина узила гэтую свиньню, стужакъ насобирала, такъ што на холсту разныя штучки подѣлала—мѣтками разными,—узила тую свиньню прибрала, и гукаеть изь ёй,—говорить, радуетца, сьмяетца, толкуеть изь ёй. Такъ што ёнъ узновъ учувъ. А сь кимъ ты, говорить, дочь моя, гукаешъ?—А зъ душой изъ вашай! Ёнъ уходить. Икая тутъ душа?—А вы жъ казали, што у бѣлой свиньни душа ваша; дакъ я мусила вашу свиньню прибрать! Такъ ёнъ схапивъ гэту свиньню, якъ кинеть, такъ гэто усё поразсыпалось, куды которое. Тогды ина стала плакать, стала плакать, дужа силно! Тогды ёнъ отвѣчаеть: дочь моя милая: коли ты хочешъ мою душу узнать,—яб говорить, ня то што, дакъ и воронъ, и тэй ня можеть достать. Моя, говорить, душа у мори,—разсказую табѣ ясьтенно, ясьтенно. И а штобъ яè узять, дакъ за при-

слугами ня во́зьметя—прислугъ много у мяне. Перва на́ перва, говорить, слуга—ёсь воронъ; другая прислуга со́колъ; затымъ ёсь у мори ка́мушакъ, а ў тымъ камушку ёсь вутка, а ў вутцы яйцо; дакъ моя душа ў яйцы. Коли хочешъ, вотъ достань яѐ сабѣ тамъ! Тогды ина прихо́дить—якъ то тамъ окралася отъ отца отъ свойго—приходить и говорить: Иванюша, Иванюша! дале́ко его душа, не достанешъ! говорить.—Хай сабѣ хото у третьтимъ царстьви, дакъ достану! говорить. Тогды пригнавъ гэть Иванъ съ паствы, узявъ свою ляску молодецкую у ру́кў и пошовъ. Тольки прихо́дить къ мору, якъ дась по мо́ру—сичасъ вода гэто разлега́етца и ёнъ идеть по сухопутьтю. Справляетца гэтый грукъ (*g*), хочеть крикнуть. Про́сить ёнъ у яго, говорить: не кричи, милый! ты тяперъ у няволи, говорить, а я пущу тябе на волю! Ёнъ говорить, отвѣщаеть: што я боюся тыхъ прислугъ, дакъ я пропаду! А ёнъ отвѣ̀сьтивъ: ня бойся, говорить. Такъ гэтый грукъ утишився. Потхо́дить ёнъ къ соколу. Тэй, гэтый соколъ, тольки хочеть ускрикнуть, свиснуть хорошенько,—такъ ёнъ гэтого сокола упросивъ,—ёнъ утишився. Ворона упросивъ, говорить, и тябе прошу! Тяперъ вы посядитя, покуль я возьму; а тогды я васъ, говорить, на волю пущу! Соколъ яму отвѣсьтивъ: тутъ будеть, говорить, коршунъ; такъ што проси яго, говорить; а то вутка увыйдеть отъ тябе! Добрався ёнъ до коршуна, и упросивъ гэтого коршуна. Якъ давъ ляской своей по мору—добиваетца до того, што голый камушакъ ли яго. Якъ ударивъ ляской по камушку—такъ камушакъ гэтый разьлятѣвся! Тойчасъ вутка съ камушка; коршунъ за яе, да яму давъ! Ёнъ узявъ гэту вутку, разьдёръ яе пополамъ. И яйцо гэто за пазуху заклавъ. Ну, говорить, братцы: прощайтя, говорить, и на свѣтъ любопитный лятитя!—Прощай, говорить, Иванька: дякуй табѣ! Тольки жъ, говорить: ни по чомъ ня би яго: ни по̀ голови, ни по чомъ,—прамо у груди цаля̀йтя яму,—абы бъ тольки тое яйцо разьбилось! Полятѣли, а ёнъ пошовъ туды во дворъ на свою должнось опять. Приходить домовъ,—тольки ще на зд̀лочекъ займа̀тца стало. Погнавъ ёнъ на пасту и ставъ буянить: ставъ гэтыхъ коровъ пушкой своей стебать.—Гэтый козёлъ кае̃ть: до́бро, до́бро! каеть. Скажу я гэто свойму ходяину! По ласцы у насъ довго живуть; по злобѣ̀, говорить, и минутъ не бываютъ! Тогды ёнъ уже притишився перадъ повднёмъ и говорить на козла на того: будеть и табѣ такая частка! Подгоняеть подъ дворъ, да якъ сѣкане́ть гэтому козлу,—дакъ ажъ рогъ зьлятѣвъ! Кащъ гэто увидавъ: ахъ, говорить: якъ табѣ не совѣстно такъ бить скотину! Коли уже найлюбѣ́йшаму мойму—и то рогъ зьбивъ! Ёнъ тогды ня слухаеть, да ящо яму рогъ зьбивъ, перадъ глазами у яго. Кащъ я знавъ тябе *гэткого*, то бъ я тябе не державъ бы *еткого*! Ёнъ говорить: а не знаешь жа того, што й на самого́ погибель придеть! А ёнъ отвѣ-

щаетъ: а што жъ, говоритъ, будетъ мнѣ? Тогды ёнъ потходитъ подъ яго ближе,—узявъ гэто яйцо у праву руку. Тогды выдырилося гэтому Ивану, бытцамъ то стоитъ тристѣнная пуня—такой величиней! Ёнъ обдумався, гэтый Иванъ: хуть ёнъ дужа вяликъ—ти убъю ти ня убъю, а тымъ часомъ вытну яму! Якъ вытнувъ яму у грудь гэтымъ яйцомъ, такъ ёнъ обясьтивъ: ахъ, говоритъ, Иванъ, Иванъ! не знавъ жа я, што ты отживъ гэто ужо! Отъ коли я свою голову положивъ! И пропавъ. А Иванюша на гэтымъ царстьви и остався, и по сей день живетъ.

С. Мошканы, сѣннен. у. Отъ сѣннен. мѣщ. Якима Петрова, 29 л. неграм.

16. Боговѣтровичъ.

Было ето зъ начала, у царсьтви такій заказъ: коли выйдетъ дѣвцы двадцатъ годовъ, и ина ня выйдетъ замужъ, дыкъ тоды замуруватъ яе у стовбъ. Такъ значитца вышло: прыжила царськыя дочь двадцатъ годовъ и замужъ ня вышла. Замурували яе у стовбъ. И подаютъ пищь ей туды. То вышывъ годъ етыму, пищи ей требуютъ ужо на дьвѣ души. Теразъ нѣскольки урема отвѣчаетъ у стовбѣ: скажитя царю, штобъ ёнъ самъ пришовъ сюды! Той царь задумывся: хто тамъ мохъ бытъ другой? Нихто туды ня можетъ дойти, ни улѣзьти! То ёнъ пошовъ къ стовбу и думыетъ: якъ жа мнѣ звать кого другого? Потомъ надумувся; приходя къ стовбу и узываетъ: здрастьви, сильный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! Ёнъ яму съ стувба отвѣчаетъ: почаму ты мяне знаешъ, дѣдушка, што ты по имени вызываешъ?—Потому я знаю, што дочка мыя довжна родитъ ни 'тъ кого либо, якъ тольки по божжиму пывялѣнію, отъ вѣтру! А ёнъ яму отвѣчаетъ: да, такъ, такъ!—Ну, говоритъ: прошу я васъ, пойдемъ у палату мою, внучекъ мой! И выведи мать свою оттуль!—Дѣдушка, блыгословитя мяне хуть расъ шевяльнутца въ стовбѣ вашемъ? ёнъ ужо отвѣчаетъ. Ну, дѣдъ яго блыгословивъ: Бохъ тябе, говоритъ, блыгословитъ! Тода ёнъ шевяльнувся,—разьлятѣвся стовбъ на нѣскыльки часьтей! Пошли у царськія палаты. Ну, живутъ тама. Много ли урема прыживаютъ, етый унукъ купивъ сабѣ гармоникъ и играетъ, ходючи по горыду. Такъ красиво играетъ, што усѣ слухаютъ яго и идутъ за имъ. Ёнъ и самъ красивый дужа. Много народу пугубленія за ето, што тувпятца за имъ. То сапотъ зъ гусударёмъ рыспорядився, якъ ба яго збавитъ съ сьвѣту, штобъ яго не было соусимъ. Царь отвѣчаетъ: якъ жа яго збавитъ, коли ёнъ такую силу маетъ, ня зьвѣсно якую? А сапотъ царю сказыетъ: а вотъ, ёсь такое угомонища—пыдъ тремя дубами, за горыдомъ, идѣ быгатыри прыживаютъ. Пошлитя вы яго туды за дутымъ, на дрoвы вамъ пехай припясётъ—яго тамъ убъютъ!

То яго дѣдушка и паславъ туды: сходи, говоритъ, упучекъ мой милый, приняси дровъ на кухенные наши придѣлы! То ёнъ пошовъ. Тамъ дѣсьвительно было три быгатыря. Ёнъ ставъ дуба браТь, а яны дратца зь имъ. Ёнъ одного дуба якъ вырвувъ, якъ сьтебанувъ, дыкъ двухъ зразу убивъ. А треть-тій подаривъ яму шапку: на, говоритъ, дѣдушку свойму пяси! Будемъ мы братьти родные съ тобою; боли ужо дратца ня будемъ! Бяри сабѣ и дубы етые! Ёнъ узявъ, у вязку три дуба завизавъ и понёсъ. Якъ ишовъ вулицую, пырызорівъ триатажные домы, усѣ постройки, етыми дубами. Принёсъ у царській дворецъ, ударивъ етые дубы,—яны расссыпылись якъ у печку класьть. Тода говоритъ: дѣдушка, я принёсъ дровъ! Смотритя, якея дровы у насъ ёсьть! Етый посмотрѣвъ, говоритъ: да, ёсь тяперь дровъ! будетъ на много! И горыдъ жа ты разрывъ! А ёнъ говоритъ: а вотъ я вамъ и шапку госьтиньчика принёсъ! А нука, помѣритя, дѣдушка, шапку! Дайтя, я вамъ надѣну! Якъ тольки надѣвъ, дыкъ такъ ёнъ и пыкатився! Быгатырськыя шапка дужа тяжолыя, дыкъ ина зыдавила яго. То ёнъ говоритъ: што вы, дѣдушка, сьмѣху ня любитя: узяли ды упали? Тоды ёнъ говоритъ: матушка! матушка! дѣдушка ужо ня живъ! Беспремѣнно яго шапка задавила! Ну вотъ, матушка! кыли дѣдушка ня живъ, дыкъ и мнѣ надо отсюда убратца! Ды пойду у сьвѣтъ, блыгословитя мяне! Ти не найду ровпаго сабѣ товариша? Выливъ сабѣ тростку ву пудовъ коло пувтораста, пыпрощався зъ матушкой и отправився у путь.

Пошовъ. Идетъ полемъ, другого человѣка видитъ на поли: бяретъ силные камни и кидыетъ ихъ у гору,—гуляетъ изъ ими. Тоды Быговѣтровичъ подыйшовъ къ яму и говоритъ: здрастьви, Рашётникывъ! А етый говоритъ: здрасьтви, силный могучій быгатырь Быговѣтровъ! Ёнъ спрашіетъ у Рашетникова: пычаму ты мяне знаешъ, што по имени называешъ? А ёнъ говоритъ: я тябе знавъ, кода ты у маменьки у чареви бывъ! Ну, пойду изъ вами, будьтя вы мнѣ старшій, говоритъ Рашетникывъ! А Быговѣтровичъ, пойдёмъ! Ну, пошли яны удвоихъ. Увыйшли у пущу. Тамъ опять ходитъ человѣкъ пы лясу. Видютъ яны: вырветъ дубъ, ды догоры кореньями ставитъ. Яны коло яго идутъ. Быговѣтровичъ говоритъ: здрастьви, Дубовикъ! А ёнъ отвѣчаетъ: здрасьтви, силный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! Быговѣтровичъ спрашіетъ у яго: пычаму ты мяне знаешъ, што по имени называешъ? А ёнъ говоритъ: я тябе у тую пору знавъ, кода у маменьки у чареви лежавъ! Дубовикъ говоритъ: пойду и я зъ вами?—А милысьти просимъ! пойдёмъ зъ нами! Много яны прошли, находютъ домъ. Ну у доми нѣту никого. Тольки ёсь, пошли у пуню, тамъ ёсь двападцатъ быковъ. Называютца яны родные братьти, тольки Быговѣтровичъ етый больший братъ. А нука, гово-

рить, Рашетникывъ! останься, зготовъ намъ тутъ бычка, и вытыпъ баню; а мы пришовши съ охоты покушыемъ и ў бани помыемся! Ну, яны пошли на хоту, а етый за быка; узявъ яго за хвостъ, кожу долой, быка у котёлъ; быка зготòвивъ, баню начинаеть топить. Прилятѣло три ластувки, зьдѣлылись дѣвками, зытопили сами баню. Ёнъ бачить: насъ три и ихъ три; ето будуть наши подруги! Вытыпивши баню, етыя дѣвки стали мытца. Ёнъ узявъ, подпёръ ихъ плячомъ. А яны говорють: э, Рашетникывъ, пусьти насъ! намъ, говорють, жарко!—То то ёсь, говорить Рашетникывъ, што намъ васъ жалко!—Нѣтъ, говорить дѣвка: я якъ рызьбягўсь пы бани, ды якъ ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери: ты зы вярсту зылятишъ!—Ну, говорить Рашетникывъ, би ня би, быгатырськыя серца этыго ня терпить! и не пущу! Ина якъ рызогналась и якъ ударила у дьвери—дыкъ ёнъ зы вярсту зылятѣвъ! Оттуда, опомнившись, пришовъ домой, давай быка тягнуть съ котла, пылядить—старичокъ идеть зъ за пѐчи, самъ съ кокыть, а борода яго зъ локыть, у рукахъ пуга, и вядеть быка другого на тое мѣсто, што ёнъ узявъ. Рашетникывъ за быка, а старикъ за Рашетникыва. Пусьти, говорить Рашетникывъ. А старикъ говорить: пусьти мнѣ быка! а то я пўшкую якъ сьтебанў, ты зы вярсту пылятишъ! Якъ сьтябнўвъ старикъ,—Рашетникывъ зà версту пылятѣвъ! Приходить оттуда,—нема ничого: ни быка, ни бани, и братовъ ящо съ охоты нема.—Лёхъ, ляжить, яго голова болить. Пришли браты етые удвухъ, Дубовикъ и силный могучій быгатырь Быговѣтровъ, и спрашують яго: што ты ето, Рашетникывъ, ляжишъ? Говорить: угорѣвъ! Яны сійчасъ быка другого узяли и зготовили. Подъѣли и легли спать. На заўтрашній день,—останься ужо ты, Дубовикъ! сказавъ силный могучій быгатырь Быговѣтровъ: зыготовъ быка и вытыпъ баню! А сами, Рашетникъ и Быговѣтровъ, пошли на 'хоту. Дубовикъ остався топить баню и зготовить быка. Ёнъ пошовъ, узявъ быка за хвостъ, кожу долой, а яго у котёлъ. Пòтымъ пошовъ баню топить. Тольки ёнъ началъ топить баню, прилятѣли три ластувки: зьдѣлылись дѣвками и стали сами топить баню. Вытыпили, начинають мытца. Ёнъ сійчасъ подпёръ имъ баню и думыеть: васъ три и насъ три! Постой жа, ето будуть наши подруги! Дѣвка одна говорить: пусьти насъ, а то намъ жарко! А ёнъ отвѣчаеть: то то ёсь, што намъ васъ жалко!—Ну, говорить я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери, дыкъ ты за дьвѣ верстỳ зылятишъ! Дубовикъ говорить: би ня би, а богатырськыя серца етыго ня терпить! Ина якъ рызогналыся, да ударила у дьвери, дыкъ ёнъ за дьвѣ врсты зылятѣвъ! Тоды, тамъ полежавши, приходить домой, сичасъ за быка, съ котла тягнуть. Глядить—зъ за печки идеть старикашка, самъ съ кокыть, а борода зъ локыть, у рукахъ длинныя

пуга. Ёнъ идѣть и говорить: ты, Дубовикъ, ня тронь быка! А Дубовикъ тягнеть: мнѣ, говорить, надо на 'бѣдъ. Старикъ етый якъ шлёпнеть яго пугую, дыкъ ёнъ за дьвѣ вярсты пылятѣвъ. Пришовши оттуда, лёхъ, боленъ. Дѣвокъ нема, быка и бани нема. Приходють браты, а ёнъ ляжить. Спрашiеть Вѣтровъ: чаго ты ляжишь? А ёнъ говорить: угорѣвъ! Ну, яны сами быка зготовили, побѣдыли и спать лягли. На третьтiй день Быговѣтровъ кажеть: идитя вы на хоту, а я останусь! Авось я ти ня вытуплю баню, и зготовлю быка! Ну, яны пошли на хоту, а ёнъ остався топить баню и готовить быка. Ну, пошовъ ёнъ у пуню, узявъ быка, кожу зьдѣвъ, а мясо у котёлъ. Потомъ баню топить пошовъ. Прилятѣло три ластувки и зьдѣлылись дѣвками. Тая воды, тая дровъ, и сiйчасъ зготовили баню, и давай мытца. Ёнъ подпёръ баню плячомъ, и тростка у яго пувторгста пудовъ. Бо́льшая говорить: сильный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ! пусьти насъ, а то намъ жарко! А ёнъ говорить: вотъ то то и есь, што намъ васъ жалко! Потымъ говорить: васъ три и насъ три, дыкъ вы будетя нашими жена́ми! Ина отвѣчаеть: о нѣ, сильный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ! никогда етыго ня будеть! Я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери—ты за три вярсты зылятишъ! А Быговѣтровъ говорить: би ня би, а быгатырськыя серца етыго ня терпить. Я не пущу васъ! Ина якъ разьбѣглась ды ударить у дьвери,—тростка уѣхала у землю была. Ёнъ плячомъ подпёръ подъ дьвери, и тростку подьдёрнувъ подъ дьвери. Отвѣчаеть ина: по вѣкъ друзья наши будетя, пусьтитя! Ёнъ пусьтивъ ихъ. Пошли яны у домъ и осталиси тутъ и жить. Потомъ ёнъ за быка, старикъ зъ за печи, вядеть быка, нясеть ношку сѣна, и пушка длинныя у рукахъ—самъ съ кокыть, борода яго зъ локыть. Быка поставивъ у пуню. Силный могучiй быгатырь Быговѣтровъ тащить быка съ котла вонъ. Ёнъ, етый старикашка, говорить: пусьти мнѣ быка! А ёнъ, силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, говорить: не пущу! Тоды ёнъ говорить: пусьти мнѣ быка, силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, а то якъ дамъ табѣ пушкую, дыкъ пылятишъ за три вярсты!—Ну, би, ня би, отка́зываеть силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, а тольки быгатырськыя серца етыго ня терпить! Тоды старикашка хотѣвъ яго сьтябнуть, а ёнъ зы бороду! Дуба рысколо́въ, бороду клинымъ у дубъ забивъ. Сяди, говорить, тутъ! Пришли братьтя. Да, вотъ, говорить, вы 'тчаго угá́рували,—посмотритя! Ну, яны тоды сiйчасъ быка того зьѣли, у баню сходили, а посьли поживши, пожанилиси. Быговѣтровичъ узявъ большую сястру, а Рашетнику оддавъ малую, а Дубовику сяредьнiю. Яны и тяперь ящо умѣсьти живуть.

Д. Артюхи, бѣлынковичской вол. Кр. Корнѣй Якимовъ, 45 л. негр.

17. Гвидонъ Самихлёновичъ

У нѣўкатарамъ ча́рстьви, у нѣ́ўкатарамъ гасударстьви, ти ня ў томъ, у каторамъ мы жывёмъ, жыў дѣдушка зъ бабушкай. Нямношка у ихъ было́ дятей: двананцать сыноў, двананцать дачарей. Ёнъ двананцать сыноў жаниў, девить дачарей за́мушъ аддаў. Аста́лась три до́чари дѣвушки, аста́лась Ари́на, Ага́та Салихвата Примудрая и Наста́ся Прикра́ся Диміёнаўпа. Просють яны у айца благаславе́нства: «благаслави́, тятинька, и надяли́!.»—«А чимъ жа васъ благаславить?» Арина атвичаить: мине, тятинька, надяли иголкай ды ниткай!» Агата Салихвата атвичаить: «мине, тятинька, благаслави́ и надяли́ аднымъ зяре́шкамъ жыта!» Настася Прикрася атвичаить: «Тятинька наймилѣйшый, тятинька найлюбѣйшый! мине благаслави́ и надяли́, кабъ я ў три гады питнанцать сыноў радила, питнанцать силныхъ, магучихъ багатырёў: у лбахъ со́нца, у патылицы мѣсицъ, ноги у сирябрѐ, ру́ки ў зо́лати, тилиса́ у дро́бныхъ звёздачкахъ; кабъ яны уси были́ па васимна́нцать аршынъ у вышыну, па двананцать аршынъ у плячо́хъ шырины!» Ёнъ благаславиў усихъ трёхъ и надялиў.

Пашли яны у чи́ста по́ля, у зялёну дубро́ву,—кала си́няга мо́ря. Было́ ўрѐмя у Пятро́ўку. Захатѣлась ба имъ пакупатца, па си́няму морю палюбоватца. Тады яны самацвѣтная платьтя скидыва́ли и абаратились сызымъ ву́ткамъ, (твор. множ.) паплыли́ па мо́рю, стали купа́тца. Быў та у нѣўкатарамъ та чарстьви, у нѣўкатарамъ та гасударстьви, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. И пашо́ў ёнъ у чистая по́ля, кала синяго моря, заглёнаў,—у трехъ мистахъ самацвѣтная платьтя ляжить. Ёнъ узяў ета самацвѣтная платьтя и ў ваду̀ памачиў, и на тыхъ мистахъ апять палажы́ў, дѣ яно́ лежала. Нипадалѐчу стаи́ть дубъ, а у тымъ дубу̀ дуплё; ёнъ ўзяў и ў тымъ дупли̇̀ стаў, и схаваўся, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. Тады красныи дѣву́шки выплыва́ли сызымъ ву̀ткамъ сь си́няга мо́ря и бра́лися за самацвѣтная платьтя: яно́ мо́кра. Ну, дяйстьви́тильна, у ета ўре́мя самацвѣтная платьтя нядо́уга высушыть. Тады вы́сушыли яны̀ самацвѣтная платьтя, надѣлися и стали выкликать: «атзавися, аткликни́ся, хто ета дѣла зьдѣ̀лаў надъ нами? Кали старшый насъ, то будь айтецъ намъ, кали маложы насъ,—будь братъ нашъ; а кали роўный зъ намъ, то будь мушъ нашъ!» Ну, ёнъ выхадя̀ зъ дуба зъ дупля, атвичаить: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ни старѣйшый, ни маладѣйшый, а ўраўни́ зъ ва́мъ!» Яны атвичають: «то ёсь мушъ нашъ!» Ёнъ ихъ спрашываить: «дявицы приукра́сныи! чимъ вы которая мо̀жытя занятца—якимъ римяствомъ?» Арина атвичаить: «я магу иголкай ды ниткай усю тваю вармію адѣть!»—На скольки уре́мя барѐсься?—«А

я, кажыть, бярусь да жызьни, канца вѣку свайгό!» — «Станавись на праваю фала́нку! Ну, ты жа, Агата Салихвата, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?» — «А я, кажыть, магу аднымъ зярёшкамъ жыта усю тваю вармію пракармить!» — «На скольки урямини?» — «Да жызьни, канца вѣка майго!» — «Ну, станавись на пра́ваю фаланку! Да, мнѣ едакіи люди дόрага варты. А ты жа, Настася-Прикрася Диміёнаўна, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?» Ина яму атвичаить: «царю наймилѣйшый, царю найясьнѣйшый, Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая занятія плашэй усихъ: я магу у три гады питнанцать сыноў радзить—слаўныхъ, магучихъ, припышныхъ багатырёў: ува лбу сонца, у патылицы мѣсицъ, рўки у золати, нόги у сирябрѣ, тѣла усё у дрόбныхъ звёздачкахъ, па васимнанцать аршынъ у вышыну, па питнанцать аршынъ у пличахъ шырины!» — «А, ета дли мине дарόжы усягό састаить!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёновичъ. И законный бракъ Божый ёнъ зъ Настасій-Пирикрасій приняў.

Ну, у царя ня дόўга, ни пива ни варйть, ни вина курйть,—свадьбу сыграў. Пажыў, можать нямнόга урямя зъ ей, а етыхъ дѣвицъ, Арину и Агату Салихвату, къ сабѣ у палаты узяў. Адна стала ва́рмію адивать —вайськў, а другая стала—кармить.

И пражыў ёнъ жъ жаной сваёй нямнога урямя: ина затижарила пятьми сынамъ; прахадила ина тридцать восимъ нидѣль тижолая. Тольки-бы дьвѣ нидѣли ухадить ды й радить,—наступаить нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлупінъ, на адныхъ пличахъ двананцать галоў,—двананцать палкόў мѣить войська и двананцать багатырёў харабрыхъ. И ў царя Гвидона Самихлёнавича тожа двананцать палкόў и двананцать багатырёў харабрыхъ, магучихъ, припышныхъ. Етатъ нявѣрный зьмѣй вялить, кабъ прибыў на войну, на моря, у караблияхъ, и забратца на цэлыхъ шэсь мѣсицаў. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ и забраўся на моря на шэсь мѣсицаў са сваёй вайськόй. И праваюва́ў тόльки ўсягό дьвѣ нидѣли, супруга, яго жана̀, и радйла пяти сынόў. На тую жа бяду щанила и сука пяти псоў. Ну, большая систра Арина атъ ие пяти сыноў атнила̀, и ў бочку пасадила и на сйня моря успусьтила зъ бόчкай, а къ сястрѣ Настаси-Пирикраси пять псоў присадила. А сама письмό написала къ царю Гвидону Самихлёнавичу: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая систра, твая супруга, вазлюблиная жана̀, ни радйла пять сыноў, а радила пять псоў: якую прикажашъ ты придать злўю смерть?» — «Паслышъ, Арина!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёнавичъ: «ни вазможашъ ты придать маёй супруги вазлюблинай скорай злой смерти да майгό приходу. Ну, а калй ина̀ ни радйла пять сыноў, а радйла пять псоў, тады я вазьму, на двананцать каней ие на хвасты навяжу и раздярў!» Прашло урямя ящо дьвѣ нидѣли; ёнъ на мόри усяго прабыў цэлый мѣсицъ и пабядиў нипріятиля,—

вайськў разрушыў, багатырёў пабядиў. Дастаўся адинъ нивѣрный царь Шкарлупинъ зъ двананцати галавамъ. Царь Шкарлупинъ прикланиўся къ яго боздрымъ нагамъ, царю Гвидону Самихлёнавичу: царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! прашу тваёй миласьси: ни пабяди ты маи буйны галавы, ни разрушы ты маю багатырськаю силу, на пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая серца сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ! Вазьми ты мине у сваё чарства, буду я застаятиль за тибе!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаитъ Шкарлупину: ни даю я табѣ миласьси! падымаю сваю вострую мечь-самасѣчь и съимаю табѣ двананцать галоў съ плечъ; багатырськаю силу тваю разрушу, гарячію кроў тваю пралію, рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей—минуты прабью!... Сычасъ падымавъ вострую мечь-самасѣчь, заразъ яму буйны галовы съ плечъ зьмяиныхъ зняў, гарячію кроў пралиў, рятивая серца яму прабивъ сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ.

Тады идеть съ падъ ниприятиля у свой домъ. Супруга ягоная вазлюблиная, ужо аздаравѣла чириз дьвѣ нидѣли. Стричаитъ яго у варотахъ,—мужа свайго, съ хлѣбамъ и съ сольлю, и зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ, сь сѐрибрамъ, сь чистымъ зѐмчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и съ серцамъ пакорнымъ,—якъ ни нада и луччи быть. И ёнъ ей кажытъ: «няго шъ ты, супруга мая вазлюблиная, ни са мной жила, што ты ни радила пяти сыноў, а радила пяти псоў?»—«Мушъ мой наймилѣйшый, мушъ мой пайлюбѣйшый! ни радила я псоў, а радила я сыноў, и ни знаю, што нада мной падѣлалася? Я была нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ни магла варохнуть!» Ёнъ па ста дѣла ни пагнѣваўся. Ну, пажыў зъ ей нидѣлю али дьвѣ, а ў томъ—кольки Богъ благаславиў. Ина у другій разъ забиреминила пятьми сынамъ. Прахадила ина тридцать девить нидѣль тижолая, тольки бы нада ей уходить адну нидѣлю и радить,—наступаить нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлыхающій, на адныхъ пличахъ васимнанцать галоў, и ў яго двадцать восимъ палкоў вайськá и двадцать восимъ багатырёў харабрыхъ, магучихъ и припышныхъ. У нявѣрнага царя Шкарлыхающига—дужа сила вялйкая! И штобъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на вайну на три годы, на моря, у караблях, и забираўся бъ съ хлѣбамъ и съ сольлю, и са ўсимъ благапалучіямъ сваимъ. Ну, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ просить низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ Шкарлыхающига: «будь такій добрый, Шкарлыхающій! ублагатвари ублагатвареніямъ, и зробъ такоя удабренія! будь ты такій добрый, што дай ты мнѣ спакою нидѣльки на дьвѣ—на три. Я дужа низдарову: тольки што попъ выйшаў, тайнась прійзнасиў!» Ну, ёнъ яму ни ўвиряитъ, Шкарлыхающій; кричитъ гулкимъ багатырськимъ галасомъ, съ сваихъ съ усихъ языкоў са васимнанцати, и свищитъ бальшимъ маладецкимъ посвистамъ, съ усихъ сваихъ са вустоўъ: кабъ быў царь Гвидонъ

Самихлёнавичъ на вайну! Ня будишъ ты на вайну, грôдъ спалю, тибе ў
палонъ забяру, и съ тваёй супругай, са вазлюблинай, сы Настасяй Пи-
рикрасяй Диміёнаўнай, съ тыми дитятями, каторыи у чреви! Нѣтъ табѣ
спакою ня то што па дьвѣ—три нидѣли, дыкъ на два дьни! Тольки чатыри
часы на вы̂барку даю! Етатъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ обрамяниў
стыхъ чатыри часы,—ни убраўся у карабли. Нявѣрный царь Шкарлы-
хающій узяў горадъ запалиў. Не́кали царю Гвидону Самихлёнавичу да-
жыдать, пакулика жана рôдить. Ёнъ тады, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ,
пашоў, грôдъ утушыў. И забраўся тады съ хлѐбамъ и съ сольлю, на
три годы, у карабли на вайну. Жана яго—супруга прахадила тольки
шэсь дьней и радила пять сыноў. На тоя жъ павѣтрія барзіца ащани-
ла пять барзоў. Большая систра Арина атъ яе́ апять сыноў атнила, у
бôчку усадила, на синя мôря успусьтила, а пять барзянёнкаў къ ёй
падсадила. Письмо царю написала, па парусамъ паслала: «Царю найми-
лѣйшый, царю найяснѣйшый! мая систра, твая супруга, вазлюблиная
жана, Настася Пирикрася Диміёнаўна ни радила пяти сыноў, а радила
пяти барзоў. Якую прикажашъ придать ей злую скорую смерть?»—«Па-
слышъ, Арина! табѣ сказана упяре́дь е́тага уремини: ни вазможашъ ты
придать скорай и злой смерти маёй супруги да майго приходу. Ну, а
кали ина̀ ни радила пяти сыноў, а радила пяти барзоў, то вазьму
шалкôвую пятьлю на шыю узлажу̀, у девить сажонъ атъ сырой зямли ма-
тири на вôздуси падыму̀ и на шалкôвай пятьли удаўлю!»

Ну, яму Гасподь памôгъ у скôрамъ урѐмини ниприятиля пабядить,
двадцать восимъ палкоў разрушы̀ть, двадцать восимъ багатырёў пабядить,
тольки дастаўся адинъ Шкарлыхающій са васимнанцать галавамъ. И ёнъ са
васимнанцати галава̀мъ прикланиўся ка яго баздры̀мъ нага̀мъ, царю Гви-
дону Самихлёнавичу: «прашу тваёй миласьци, царь Гвидонъ Самихлё-
навичъ! дай спакою мнѣ! буду я застаятиль за тибе! Вазьми ты мине у
сваё чарства, ни пабяди ты мôи буйны галôвы, ни разрушы ты маю ба-
гатырськаю силу, ни пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая
се́рца даўгамѣрнымъ сваимъ капьёмъ!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ ат-
вича̀итъ Шкарлыхающиму: «я тибе упярёдъ прасиў дать мнѣ спакою на
нѣскальки урѐмя! Тольки мнѣ даў на выбарку чатыри часы! Я ни спра-
виўся у ета сусимъ карôткая урѐмя, и то ты могъ грôдъ мой запалить!
Табѣ я ни даю спакою ни на адну минуту; падымаю сваю мечь востраю
—самасѣчь и съимаю табѣ васимнанцать галоў съ плечъ! Якъ траву ка-
сой сакашу, такъ табѣ буйны галôвы съ плечъ сыму̀, гарячію кроў
тваю пралію, багатырськая рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей ми-
нуты прабью!» Тады сійчасъ падымаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ вос-
траю мечь—самасѣчь, якъ цапнуў—яму̀ заразъ усѣ буйны галôвы съ

плечъ зняў, гарячію кроў праляў, рятивая серца прабиў. Патуль и дѣла яго Шкарлыхающига ни стала!

Тады пашоў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у свой домъ съ синяга моря. Апять жанѣ прайшло дьвѣ нидѣли, якъ ина радила, и сустричаитъ яго апять тымъ жа чирядомъ у варотахъ, съ хлѣбамъ, съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ и сь сирябромъ, и сь чистымъ зимчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и сь серцамъ пакорнымъ. Ёнъ ёй тожъ здароў даётъ, супруги сваёй, и пытаитъ: «Няго шъ ты, супруга, жана мая, ни са мной жыла?»—«Мушъ мой наймильшый, мужъ найлюбезнѣйшый! знать ни знаю, вѣдать ни вѣдаю, што нада мной падѣлалася?—Я радила сыноў, а ня барзоў!»—«Ну, за етамъ разамъ пращаю да третига разу!» На ета жъ дѣла ёнъ ни пагнѣваўся на иѐ, стаў жыть, якъ Богъ благаславитъ.

Тады ина забиреминила третій разъ пятьми сынамъ. Прахадила тридцать девить нидѣль и три дьни, а чатыри бъ дьни нада прахадить и радить,— наступаитъ нявѣрный царь Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ. У яго двадцать восимъ галоў на магучихъ пличахъ и дьвѣ галавы па пиўнымъ катлў, па бальшымъ па пиўнымъ, якъ у пивуварняхъ пива варють. И ёнъ кричитъ крѣпкимъ багатырськимъ галасомъ, падыйшоўшы па синю морю падъ етатъ аградъ, падъ царя Гвидона падъ Самихлёнавича. Якъ крикнуў и свиснуў, увесь лѣсъ павяў, и зъ дуба листъ пасыпаўся, и зимля скалатилася,—ашъ у царя Гвидона Самахлёнавича палаты задрыжали и шкло зъ вакошакъ павылитила атъ Хвёдарава Тырина Бирдибіянавича галаса, атъ маладецкага бальшога посвиста. И у яго жъ войська семдесять палкоў и семдесятъ багатырёў, храбрыхъ, магучихъ и припышныхъ. Ну ў царя шъ Гвидона Самихлёнавича дванапцать палкоў и дванапцать багатырёў. Кричитъ: «кабъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ па вайну на моря, ў караблях, на шэсь гадоў,—забраўся бъ съ хлѣбамъ, съ сольлю, съ усимъ благапалучіямъ сваимъ,--аттуль лїтька атпуску ня будить табѣ!» Ёнъ стаў прасить, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ, Хвёдара Тырина Бирдибіянавича: «Стань н' айцоўськимъ мѣсьци, благатвари благатварѐніямъ, здѣлай такоя адабренія, будь такій добрый—дай спакою на пуўтары, али на дьвѣ нидѣли, я ни магу тибе ити ваювать, силу тваю разрушать: ляжў я при смѐрти, ничимъ нидьвижымъ, ни рукой, ни нагой ни магу варахнуть! А письмо пишать табѣ свищельникъ; ёнъ у домъ ка мнѣ зайшоў и тайпась Божыю прийзнасиў. Кабъ даў ты, прашу, мнѣ спакою на нидѣлю али на пуўтары!» Хвёдоръ Тыринъ Бирдибіянавичъ кажытъ: «пѣтъ табѣ спакою! даю два часы на выбарку! Кали ты ня выбирисься на карабляхъ у два часы,—горадъ выпалю, ти-

бе у палонъ забяру съ тваёй супругай вазлюблинай, съ Настасяй Пи-
рикрасяй Диміёнаўнай, и съ тыми дитящами, што ў чреви!» Тады ёнъ
етыхъ два часы обримяниў—Хвёдоръ Тыринъ Бирдибіянавичъ, узяў ды
й горадъ запалиў, палавину горада сійчасъ спалиў. Некали царю Гвидону
Самихлёнавичу жаны дажыдать, пакуль ина родить, забраўся съ хлѣбамъ, съ
сольлю,горадъ утушыўшы, у карабли,ваювать нипріятиля,—на шэсь гадоў.

Ну, супруга прахадила усяго троя съ палавинай сутакъ, и радила
пять сыноў; а на тую жъ пропась катянила кошка чатырёхъ катинён-
каў. Систра большая Арина атнила чатырёхъ сыноў, адинъ тольки да-
стаўся, а чатырёхъ катинёнкаў къ ёй присадила. Чатырёхъ сыноў у боч-
ку пасадила, бочку засмалила и на синія моря успусьсила—сама письмо
написала, и къ царю па парусамъ паслала: царю наймильшый, царю най-
яснѣйшый,—царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! твая супруга, вазлюбли-
ная жана, ни радила пять сыноў, я радила чатырёхъ катоў и ад-
наго сына. У стага сына, дяствитилна, ястьвинная праўда,—ва лбу
сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тили-
са ўси у дробныхъ звёздахъ. Якую ты прикажашъ придать ёй скораю
злую смерть?»—«Паслышъ, Арина! табѣ разъ казана, и два, и третій
разъ кажу: ни вазможашъ ты придать скорай и злой смерти ие, маёй
жаны, да майго узварота! Я самъ при смерти стаю,—на вадянымъ пу-
ти, при храбрамъ магучимъ багатыри, при Хвёдари Тырини Бирдибія-
навичу! Вотъ, Арина! прикажытя свищельникамъ у домъ мой—билака-
минныи палаты, прити, кщенья дать, а имя я й самъ яму нари-
каю, свайму любезнаму сыну: Иванъ Гвидонавичъ!» Свищельники у домъ
яго прийсхадили, малитву супруги яго прачитали, святоя кщенья мала-
денцу дали. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ карабли Хвёдара Тырина Бир-
дибіянавича пазатапиў, у четьвира сутакъ пабядиў усю яго вайську, толь-
ки астаўся адинъ разъядинъ, якъ перстъ, Хвёдаръ Тыринъ Бирдибія-
навичъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ бирёть сваю мечь-самасѣчь и
капьё, наступаить на Бирдибіянавича. Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ
прикланяитца двадцати васьми галавамъ ка баздрымъ ка нагамъ царя
Гвидона Самихлёнавича, и просить яго низкимъ паклонамъ и серцамъ па-
корнымъ—якъ ни пада на сьвѣти и луччи быть: «дай спакою! будь ты
большый братъ, а я меньшый, и буду я заступатиль за тибе—якъ самъ
за сибе!» Ну царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаить: «Нѣтъ табѣ спа-
кою ни на адинъ часъ!» И биреть востраю мечь-самасѣчь и капьё, и
махнуў ёнъ, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, вострай меччу-самасѣччу па
яго па буйныхъ галовахъ, и ёнъ ядина якъ траву касой сакасиў, такъ
вострай меччу-самасѣччу двадцать восимъ галоў съ плечъ збиў.

Прайшло тады дванацать часоў, якъ супруга яго радила, а ёнъ у

домъ у свой припоў. И лящыть ина пичимъ нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ня можать варахнуть, и съ сынамъ сваимъ Иванамъ Гвидонавичамъ. И ёнъ рассирчаў за етымъ за третимъ разамъ, што ни радила пять сыноў, а радила аднаго сына, и тольки, дяйствитилна паказала, што приукраснага сына радила: ува лбѣ сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усё у дробныхъ звёздачкахъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ вилѣў даставить бочку бальшую сваимъ слугамъ вѣрнымъ. Дастали бочку и палажили у иё Настасю Пирикрасю и съ сынамъ иё, пастнавили усякай ѣжы и усякихъ выпивакъ и напиткаў; и палажыў туды царь Гвидонъ Самихлёнавичъ золата и сирибра, и закубрили, зилѣзнымъ абручамъ иё аббили. И казаў карабельщикамъ на мόря аттянуть за тысичу вёрстъ и пусьтить на синія мόря. Карабельщики такъ и здѣлали, якъ имъ было приказана.

Ивану Гвидонавичу споўнилась двадцать чатыри часы-сутки, и ёнъ у такимъ у возрасьти станόвитца, якъ двадцать пять гадоў добрый маладецъ. И разгаваривaить съ матирью гласнымъ ричамъ: «што, кажыть, маминька?»—А што, кажыть, дитятка?—Вотъ што, маминька: кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка на биряжόкъ ўскатилася, на сухапутьтя! Ня ўспѣў ёнъ ета дѣла исказать, бочка на бéрази стаить. И ёнъ чуить, што валной ни качаить бочку, апать жа къ матири кажыть: «што, кажыть, маминька!»—А што, кажыть, дитятка?—«Кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка разлитѣлася и зилѣзныи абручи кабъ папокалися!» Ня успѣў жа ёнъ ета дѣла исказать,—ета бочачка у груду лящыть. И мать яго здарова стала, станавилась на сваихъ нагахъ.

Паглидять: яны дли аграду царськаго—дли царя Гвидова Самихлёнавичага, дли саду, стаять. Яны выходють у етатъ ува градъ,—на пажарная памѣсьтя, на гарўшку. Яму палюбилась ета пажарная памѣсьтя: видють и айцоўськіи бѣлы-каминны палаты и садъ-винаградъ. Ёнъ и кажыть: «а што, маминька!»—«А што, кажыть, дитятка?»—«Кали бъ Гасподь издаў намъ, кабъ выстраились бѣлы—каминныи палаты, двананцати итажовыи, зъ разнымъ выпискамъ, зъ усякимъ винаградамъ, зъ усякимъ разнасьтямъ и усякимъ птушкамъ!» Выстраиўся яму садъ-винаградъ и дварецъ—билакаминныи палаты двананцати итажовыи, и ўсё тоя, што ёнъ матири казаў. Ёнъ Госпада Бога усхваляить, Ісуса Христа ўспаминаить, и Дѣву Марѐю, и зъ матирью сваёй у еты бѣлы-каминныи палаты уступаить и жить зачинаить.

Паглядить Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка,—дажджόкъ буйный идеть. Ёнъ матири сваёй кажыть: «што, кажыть, маминька»?—«А што, кажыть, дитятка?»—Ды кабъ Гасподь издаў бы намъ, кабъ вылажыўся бъ мостъ на двананцать вёрстъ: залатая масьничинка, сиребряная масьничинка,

залатый гваздокъ, сиребряный гваздокъ!» Ня успѣў жа ёнъ ета дѣла исказать—сійчасъ тутатька тавій мостъ и ёсь. Па етамъ масту идуть утрёхъ карабельщики,—другъ на друшку аглидаютца и рассьмихаютца. «Вотъ, кажуть: якъ нашъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ зачаў хварсы хварсить, золатамъ и сирябромъ масты мосьтить, а черь душыть тряпьёмъ (бум. деньги) ды чирепьямъ (мѣдн. монета)!» Яны падъ еты палаты падходють, приглидаютца,—дьвери у палаты атчиняють, и у палаты царя Ивана Гвидонавича уступають. «Здароў, кажуть, паринь!»—«Здароў, братцы карабельщики!»—Што, паринь, ти тутъ царь жыветь?»—«Нѣтъ, братцы карабельщики: тутъ ни царь жыветь, а наслѣдьникъ царській!»—«Ну, пайдёмъ, рибяты, къ царю! кажуть карабельщики. А Иванъ Гвидонавичъ кажыть: «сядьтя, братцы карабельщики, пасядитя, са мной зъ малодымъ пахлапачитя, салодкаго пива испійтя, съ усякихъ папиткаў искуситя, золата и сирибра атъ мине примитя, са мной гаворки развядитя!..» Ёнъ зъ ими уремя праваждаў, пасидѣў и зъ ими гаворки добрыи мѣў: «буду я вашый миласьси типерь прасить, братцы карабельщики! Пойдитя вы къ царю, будить у васъ царь дапытыватца: што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?—Братцы карабельщики! прашу я васъ, атвичайтя царю маимъ слависамъ, якъ я вамъ кажу!»

Карабельщики пашли къ царю Гвидону Самихлёнавичу. У бѣлы-каминныи палаты уступають, царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, креслы падставляить и ихъ сажаить; промижъ ихъ и самъ садитца и разгувариваить. И Арина—большая систра тута. Иванъ Гвидонавичъ абярнуўся сызымъ галубкомъ, падлетиў падъ вакошка къ айцу свайму и слухаить. Стаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у карабельщикаў пытать: «што, братцы карабельщики, я у васъ буду дапытывать: вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?» Яны атказывають: «ниякаго дива мы у протчихъ старанахъ ни видили, апричь таго, якъ у вашымъ ва гради!»—«Што шъ за дива такоя у нашымъ ува гради?» пытаить царь Гвидонъ Самихлёнавичъ.—«Якъ жа ня дива! чирисъ три часы уремини ни было ничога диўнога, а типеритька выбудувалися бѣла-каминныи палаты, дванацати—итажовыи, зъ усякимъ выпискамъ, зъ усякимъ разнымъ разнасьтямъ, зъ усякимъ птушкамъ, и садъ-винаградъ уявиўся, и дварецъ, и дужа-дужа палаты пригожіи. Ну у тыхъ у палатахъ дужа паринь приукрасный; уси палаты асьвичаить краснымъ сонцамъ, яснымъ мѣсицамъ, и золатамъ и сирябромъ и чистымъ земчугамъ. Кала етыхъ жа палатъ вылажыўся

мостъ на двананцать вёрстъ—залатая масьничина, сиребряная масьнічина, залатый гвоздъ, сиребряный гвоздъ!» Тады сійчасъ и кажыть Арина: «што, братцы карабельщики: ничдга тўтака дивнага нѣтути, што палаты пригожы, и паринь приукрасинъ, и садъ-ванаградъ, и мостъ на двананцать вёрстъ! Вотъ, кажыть, цäрю наймильшый, цäрю найяснѣйшый, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ёсь диво,—дыкъ изъ диваў дива: пѣўкатарамъ-та чарстьви, нѣўкатарамъ гасударстьви, можа и ў томъ, у каторамъ мы живёмъ, стаить дубъ —Старадубъ у двананцать абхватаў. На тымъ дубу двананцать сукоў, на кäжынамъ суку па двананцать карабоў, у кажнымъ карабў па двананцать братоў, у кажынага брата па двананцать сыноў, у кажынага сына па двананцать званоў, на кажыный жа звонъ па двананцать усякихъ птушакъ. Малайцы пяють, салбўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звбнють—ни атслухатца!» Царськiй сынъ Иванъ Гвидонавичъ чуить статъ разгаворъ, што тётка-Арина пра дубъ дива гаварила. Ёнъ прилитаить къ матири, мать у яго и пытаить: «што, дитятка: ти казали карабельщики, якъ ты имъ атказуваў?»—«Якъ жа, маминька: карабельщики атказували маимъ слависäмъ: а тётинька Арина, каторая насъ исъ сьвѣту звадила, пра дубъ дива гаварила. Вотъ кали бъ Гасподь издаў намъ такоя дива падъ вышнія вакдшачка съ усякимъ примѣтамъ!..» Ни паспѣў жа ёнъ ета исказать, узъявиўся такій жа дубокъ падъ вышнія вакдшачка: малайцы пяють, салоўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звбнють—на атслўхатца.

Идуть карабельщики учатырёхъ, другъ на друшку аглидаютца и рассмихаютца; падъ палäты падходють, разглидають, дьвери атчиняють, у палаты уступають и здароў дають: «здрастуй, паринь!..» «Здрастуйтя, братцы карабельщики!»—«Ну што, паринь: ти тутъ царь жыветь?»— «Нѣ, братцы карабельщики: тутъ ни царь жыветь, а наслѣдьникъ царській жыветь!—«Дыкъ пбйдимъ, рибяты, къ царю!»—«Сядьтя, братцы карабельщики, пасядитя, са мной са маладымъ пахлапачитя, хлѣба и соли искуситя, съ усякихъ напиткаў испійтя, зблата и сирибрà атъ мине примитя!» Ёнъ ихъ напаиў и накармиў, золатамъ и сирябромъ надялиў. «Типерь, братцы карабельщики, буду я васъ прасить: пбйдитя шъ вы къ царю, будить у васъ царь распытувать: што вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили? Вы шъ атвичайтя маимъ слависамъ!» Яны къ царю приходють, у била-каминныи палаты уступають. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ—съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, стульлё падстиавляить и ихъ сажаить, промижды ихъ самъ садитца и распытуваить: «што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па

чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?» А Иванъ Гвидонавичъ абярнууся сызымъ галубкомъ, падлятѣу падъ вакошка, падъ карнизъ, у домъ къ айцу свайму, и слухаить. Карабельщики атказывають: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога дива ня видили, якъ у вашымъ ува гради!» —«А што шъ тамъ за дива?» —«Якъ жа ня дива: што чирисъ троя сутакъ назадъ ни было ничога, а типерь выбудувались била-каминныи палаты, двананцати итажовыи, съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ разнасьтямъ, и садъ-винаградъ, и мостъ на двананцать вёрстъ; и станить дубъ-Стара-дубъ у двананцать абхватау; на дубу тымъ двананцать сукоу, на кажынамъ суку па двананцать карабоу, у кажынамъ карабу па двананцать братоу, у кажынаго брата па двананцать сыноу, у кажынага сына па двананцать званоу, на кажыный звонъ па двананцать усякихъ птушакъ: малойцы пяють, салдуи играють, дробны птушки-щабечуть, званы звонють—ни атслухатца!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ са стула уставау, Госпада Бога усхваляу, Iсуса Христа успаминау и Дѣву Марею: «благадарю, кажыть, Господа Бога Iсуса Христа и Дѣву Марею, што усё дива у мой ува градъ зъ бѣлага сьвѣту папришло!» Тады кажыть Арина: «няго шъ, вы, братцы карабельщики, па бѣлу сьвѣту хадиушы, хароша трахтиру, али кабака, ня видили, и рандаря приукраснаго парня маладого ня видили? Тутъ ничога диунаго нѣтути! А няго шъ вы, па бѣлу сьвѣту хадиушы, и маста ня видили, али дубья такога ня видили у двананцать абхватау? Тутъ ничога диунаго нѣтути. А вотъ, кажыть Арина: царю наймильшый, царю найяснѣйшый: ёсь дива, дыкъ изъ диваў дива: нѣукатарымъ-та чарстьви, нѣукатарамъ-та гасударстьви, тольки ня у томъ, у каторымъ мы жывёмъ, на тридивятымъ чарстьви, на тридисятай зямлицы, за синимъ марямъ, за щирымъ барамъ, у зялёныхъ лугахъ гуляють чатырнанцать малойцау, ни пьють, ни ядуть и ничимъ сыты бывають, прихлажаютца, на сибе ничога на сьвѣти ни спадиваютца,—и голасъ у голасъ, и воласъ у воласъ, лицо у лицо—аднымъ словамъ, якъ адинъ. И у ихъ чатырнанцать каней гуляить, залатая шарсьтинка, сиребряная шарсьтинка, залатый капытъ, сиребряный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца, со рта полынь шубаить, у лѣвая вуха улизать—умуватца, у правая улизать—нарижатца, у самацвѣтная платьтя, у драгацэнная!»

Прилитѣу къ матири Иванъ Гвидонавичъ, мать у яго и пытаить: «ну што, дитятка: ти казали карабельщики тваимъ слависамъ?» —«Якъ жа шъ, маминька: карабельщики казали маимъ слависамъ, али тётинька Арина пра чатырнанцать малайцоу гаварила. Вотъ маминька: кабъ Гасподь издау, кабъ тыхъ чатырнанцать малайцоу ка мнѣ къ питнанцатаму—пажыубы я уремичка! Вотъ маминька: ти ни родныи ета братцы маи?» Ня успѣу жа ёнъ ета дѣла исказать,—такiй конь падъ вышнимъ вакошкамъ—падъ балхонамъ

и стайть! Ёнъ тады пирякстиуся и зъ матирью распрастиуся, на добрага каня садиуся и паѣхау на тридивятая чарства, на тридисятаю зямліцу, за синіи маря, за щирыи бары—у зялёныи пріижжаить луги къ братцамъ сваимъ. Конь шпарка бѣгъ, ня могъ самъ сибе уздиржать, могъ на калѣни припадать. Иванъ Гвидонавичъ могъ зъ добрага каня ссидать и могъ ёнъ пиридъ чатырнàнцати братами на калѣнкахъ стать: «здароў, братцы маи родныи, Гвидонавичи!»—«Здароў, здароў, Иванъ Гвидонавичъ, братицъ наймильшый, братицъ найлюбѣйшый! якъ тибе Гаспо̀дь сюды занёсъ: али добрый конь завёзъ, али ты самъ маладецъ сюды зайшоў?»—«Братцы маи найлюбезныи! мине Гаспо̀дь нёсъ и добрый конь вёзъ, и я добрый маладецъ самъ ишоў. Прашу я васъ, братцы милыи, на сваю старану узваратитца, къ айцу и къ матири сваёй. Я ни въ айцоўськихъ палатахъ праживаю;—па Гасподьняму благаславенью, и па Гасподьняму страéнью,—мнѣ Гаспо̀дь издаў, и ў мине выбудувалися двананцатиитажовыи палаты,—съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ винаградамъ, съ усякимъ птицамъ; и дварецъ, и садъ-виноградъ; и выламиуся мостъ на двананцать вёрстъ; кала моста каминныи палаты, и дубъ стаить съ усякими примѣтами и съ усякими харошими разнасьтями!»—«Братицъ нашъ наймилѣйшый! атвичають яму уси браты: ниякъ намъ ня можна на рòдную старану̀ сваю свѣтлыхъ вочъ сваихъ аказать!»—«Пачаму жа такъ?»—«А вотъ, у насъ вусты чорныи, што мы груди матири ня прòбували! Даёмъ мы табѣ каня пирямѣннаго: ѣдь ты къ матири,—кабъ мать здѣлала изъ груди тварашку, хуть бы съ куриная яйцо!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў у домъ свой, къ матири сваёй. Мать заплакала слéзна: што шъ ты, сынъ мой любезный, адинъ пріѣхаў, а тыхъ протчихъ сыноў ни привёзъ? Иванъ Гвидонавичъ атвичаить: «ня можна, маминька, имъ сваихъ свѣтлыхъ вачей паказать на рòдную старòнку: ихныи вусты чорныи, аттаго што грудей матири ня пробували. Прасили тибе, кабъ ты здѣлала изъ грудей сваихъ тварашку, хуть съ куриная яйцо!» Тады ина давай сама сибе парушать и даить. И малако капить. И здѣлала камòкъ тварашку—бизъ четьвирти два хунта—утроя сутакъ. У хустачку увязуваить, падаёть ямў и приказуваить: «гляди шъ, сынокъ: раздяли, кабъ усимъ была пòраўни!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў. У пять часоў могъ туды далитѣть,—къ братамъ сваимъ. Браты падбѣгли, добрага каня удиржали, и яго съ каня зняли. Ёнъ тваражокъ раздялиў на чатырнанцать далéй—якъ па куринаму яйцу кажнаму брату. Изьѣли яны етага тварашку, стали вусты ихныи бѣлы и чисты,—якъ и ў яго. Тады садились уси питнанцать малайцоў, родныхъ братоў, па добрыхъ канёў, и паѣхали на радитильскаю старану, къ сваёй матири и айцу. Пріѣхали

яны ува градъ къ билакаминнымъ братьнимъ палатамъ и пастнавѝли канéй кругомъ етыхъ палатъ. Сами яны са добрыхъ каней злизали, у билакаминны палаты уступали и матѝри здароў давали. Мать атъ радасьси спужалася: ни жыва, ни мёртва стала, и зъ ногъ упала. Яны ие на рукахъ падьняли, и скалыхнули, и вады у вочи плиснýли. Што шъ ты, маминька, такъ спужалася и ўрабѣла? Ни пужайся и ни рабѣй: мы ни вѝры, ни разбойнички,—а вазлюбли*нн*ыи тваи сыночки—сильныи, магучіи, припышныи багатырёчки!—«Няго шъ вы, дѣтки, ўси маи?»—«Дяйствити́льна, маминька, уси тваи!.. Тады яны уси стали пить и гулять и ў карты играть, прихлажатца, на сябе ничога на сьвѣти ни спадиватца, тольки на Бога упувать.

У скорамъ уремини Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка глядить и видить, што кони ихныи многа урону дѣлають добрымъ людямъ: иртомъ зяўнéть, агнёмъ пякéть, капытомъ тапанéть, да смерти бьéть, хвастомъ батнеть—за сто сàжань чилавѣка драбнѣй маку ссикéть! Иванъ Гвидонавичъ кажыть сваёй матѝри: «вотъ, маминька! кабъ Господь издаў намъ канюшанку каминнаю, вòкала залатую, крыша драгацэннага каминя, на нашыхъ на багатырськихъ на добрыхъ каней на питнанцать, и засыпалась ба имъ па сто читьвиртей аўсицá у день на кажынага каня, и залажылась ба имъ па сто питьдесятъ пудоў синца, и заливалась-ба имъ вадицы па дьвѣстя ведиръ на кажынага!» Ня ўспѣў жа ёнъ ета дѣла исказать, якъ канюшня и стаить. И кони пашли па мистамъ, па станкамъ, аўсà засыпалася, сѣна залажылася и вадỳ залѝлася.

Идуть карабельщики у шасьти. У еты палаты заходють, дьвери атчиняють, у палаты уступають. Якъ узгляпули еты карабельщики на питнанцать малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў,—такъ у ихъ ноги и адирвинѣли, языки акасьтинѣли, ня могуть абаратитца ува рту; вочи аставбинѣли, ни магли узглёнуть,—и прихинулись яны къ стинѣ плячамъ. Иванъ Гвидонавичъ зъ застольля выхадиў и зъ ими разгаворъ мѣў: «што вы, братцы карабельщики, такъ вочинна пужантись и рабѣитя? Ни пужайтись и ни рабѣйтя! тутъ ни варỳ, ни разбойники—а сильныи-магучіи багатырёчки—царськіи сыночки. Прашу я васъ: пойдитя вы къ царю Гвидону Самихлёнаричу, абъявитя ямỳ, што съ усяго бѣлага сьвѣту у яго градъ дива пришло!»

Пашли янỳ къ царю Гвидону Самихлёнавичу у билакаминныи палаты. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрыхъ здароўямъ, стульлё стнаўляить и ихъ сажаить, промижъ ихъ самъ садитца и разгаворъ мѣить. А Иванъ Гвидонавичъ сваимъ чирядóмъ абярнуўся сызымъ галубкомъ и падъ вакошкамъ слухаить. «Што вы, братцы карабельщики: вы па бѣлу сьвѣту хадили, якога дива ти ня видили?» Карабель-

щики атказываюťь: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога ďива ня виďили, якъ у вашымъ ува граďи!» Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаиť: «у третiй разъ чую, што у мой ува градъ усё ďива пришло! Што шъ такоя за ďива?»—«Якъ жа шъ ня ďива, атказываюť карабельщики: што чиризъ дванацать сутакъ ни было ничога, а ťиперь выбудувались палаты, садъ-винаградъ, выложыўся мостъ на дванацаťь вёрстъ, зъявиўся дубъ-Стародубъ съ усякимъ разнымъ примѣтамъ, и выстраилася канюшня каминная, вокала залатая, крыша драгацэннаго камня, и ў тэй канюшни питнанцать каней, у тыхъ жа каняхъ залатая шарсьťинка, сиребриная шарсьťинка, залатый капытъ, сиребриный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца со рта полынь шубаиťь, у правая вуха улизаťь—нарижатца, у лѣвая улизаťь—умуватца! Ну палаты жъ харашы, харашы, а ў тыхъ палатахъ парни—дужа приукрасны, питнанцаťь малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў. У ихъ ува лбахъ сонца, у патылицахъ мѣсицъ, руки у залаťи, ноги у сирябрѣ, ťилиса уси у дробныхъ звёздачкахъ; яны пьюťь и гуляюťь, ни на вошта па сьвѣťи ни ўпуваюťь!»

Тады бириťь царь Гвидонъ Самихлёнавичъ трёхъ инаралаў и трёхъ аквитандаў,—ни стау ни якай гаворки мѣťь зъ Аринай,—и пашоў етага ďива паглиďѣťь—самъ сёмый. На масту идуťь—усьмихаютца, надъ дубъ надходюťь—прислухаютца, надъ канюшню подходюťь—приглидаютца, къ била-каминнымъ палатамъ надходюťь—любапыствуютца. Тады ďьвери атчиняюťь и ў палаты уступаюťь. Узглянуў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на етыхъ на своихъ ка родныхъ сыноў—разудалыхъ малайцоў,—ёнъ спужаўся, зъ ногъ звалиўся, нижыу стау. Иванъ Гвидонавичъ кажыťь: «вазьмиťя, братцы, айда, на рукахъ ускалыхниťя, вады у вочи усплихниťя! Што шъ ты, ťяťинька, такъ пужаисься и рабѣишъ? Мы ни воры, ни разбойнички, а вазлюблиныи тваи сыночки,—сильныи магучiи багатырёчки!»—Скажыťя шъ вы мнѣ ястьвиннаю праўлу: дѣ Иванъ Гвидонавичъ и маťь ваша?—«Вотъ, кажуťь, ťяťинька: Иванъ Гвидонавичъ на лаўцы сиďиťь,—ёнъ у насъ большымъ—и маťь кала яго!» Протчiи браты кажуťь: «што шъ ты, Иванъ Гвидонавичъ, ни падайдёшъ къ айцу свайму?» А ёнъ атказываиť: «ни дастоинъ я къ айцу падхаďиť и буйный сваёй галавы схинуťь; а дастоинъ аťецъ мнѣ дванацаťь паклонаў атдаťь!—«Пачаму шъ такъ кабъ аťецъ нашъ буйнай галавой хинуўся—паклоны даваў?»—«А вотъ, кажыťь, пачаму: што я айца свайго у бочку ни саďиў и на синя моря ни пущаў, а мине аťецъ зъ матирью у бочку пасаďиў и на синiя моря успусьťиў. Вотъ пачаму даўжонъ ёнъ мнѣ дванацаťь паклоновъ издаťь, а матири ďевиťь паклонаў!»

Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ къ Ивану Гвидонавичу надступаў и

двананцать паклонаў издаў. А жанѣ сваѣй тольки три паклоны издаў—Настаси Пирикраси Димиёнаўни: шэсь паклонаў ина яму аслабанила.

Тады Гвидонъ Самихлёнавичъ Ивану Гвидонавичу кажыть: «вазьми ты, сынъ мой вазлюблиный, сваю тётку Арину, каторая васъ сь сьвѣту звадила, навяжы ие на двананцать на коньськихъ хвастоў и раздяри ие: першы ета смерть даставалась вашый матири!»—«Нѣ, тятинька: вяли сваимъ вѣрнымъ слугамъ даставить Арину сюды; а я съ камянной канюшни прикажу имъ, канямъ сваимъ, кабъ стаяли тиха, змирна и спакойна!»

Даставили Арину сюды. Вилѣў Иванъ Гвидонавичъ выступить сваимъ добрымъ канямъ исъ канюшни, приказаў стаять тиха, змирна; вилѣу слугамъ навизать на хвасты тётиньку Арину. И навизали ие на двананцать хвастоў. Тады вилѣу Иванъ Гвидонавичъ народу атдалитца атъ етыхъ каней, тады казау, штобъ еты кони стрипянули хвастамъ. Разлитѣлися костачки Арипины драбнѣй дробнага маку! И дѣла ни стала, и кони пашли па станкамъ, па сваимъ мистамъ.

Тады царь Гвидонъ Самихлёнавичъ ни пашоў у сваи старыи билакаминныи палаты жыть, пажывать. И атдаў сваю карўну царськаю Ивану Гвидонавичу и надялиў яго. Иванъ Гвидонавичъ стаў жыть ды пажывать, ды ўсимъ чарствамъ павиливать.

Д. Волотовки, козьян в. городок. у. вит. губ.

Запис , по моимъ указаніямъ, фонетически, въ видѣ опыта, учит. народн. учил. I. Барановскимъ отъ мѣстн. крестьян. старика неграм.

17. Дубъ Дорохвей.

Живъ дѣдъ ды й баба. Было у ихъ три дочки. Баба, узрастивши дочокъ, узила ды й померла; а дѣдъ жанився на другей, молодэй княгини. Якъ мачиха ня родная мамка, дыкъ ина не ўзлюбила своихъ падчерыкъ и кажеть дѣду: «вязи своихъ дочокъ либо ў лѣсъ, либо ў воду, либо ў чистое поля, а ня то я сама себе звяду со свѣту!» Жалко дѣду дочекъ, жонки жъ ящо горши жальчѣй. И послухайся ёнъ ее—не ўзявъ свойго розума; и кажеть ёнъ дочкамъ: «ну, дочушки: возьмитя вы корзинки, а я топоръ; и пойдемъ мы у болото!» Якъ пришли яны у болото, ёнъ имъ говорить: «вы, дочери мои любимыи, бярите ягодки на етый боровинки, а я пойду на тую боровинку лучинычку сѣчь!» Вотъ ёнъ отышовъ отъ ихъ такъ, штобъ имъ ня было видно; тоды узявъ сосновую досочку, ды привизавъ къ бѣлой бярёзинки; а самъ скорѣй ны коня, ды й поѣхавъ домой, штобъ серца горши ня было по роднымъ дочушкамъ, ды штобъ яны яго не засьпѣли. Досочка жъ тая лясь ды

лясь! по бярёзинки; а яны кажуть: «во, нашъ татулька усё лучинычку сякеть!»—Ды бяруть, бяруть ягодки. Брали яны, брали, покулитька спосьтигла ихъ тёмныя ночка. Тоды большая сестра кажеть: «пойдемъ, сястрицки, къ татки: знать ёнъ про насъ забывся!» Пришли яны къ тому мѣсту, дѣ ляскыла досочка, ашъ тамъ никого нѣтути! Заплакыли, залилися яны горючимъ слезамъ. А большая сестра говорить: «ну, пришла наша смярётка! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха: заставила ина нашаго татку со свѣту насъ зжить. А ёнъ самъ не захотѣвъ на вумъ насъ пыставлять. ды привёзъ у стытъ лѣсъ!» Сяредьнія шъ кажеть: «Пойдемъ лѣпши подъ зялёную сосенку, зьядимъ хлѣбца, што ў насъ у мяшочку, тоды пойдемъ далѣй,—авось куды либо прийдемъ». Нашли яны большую сосенку, сѣли подъ ей и сидять. Якъ стало имъ дужа бѣдно на родимаго татку, што ёнъ послухався злэй мачихи и звёзъ ихъ, родныхъ дочокъ своихъ, на згибель у тёмный боръ; якъ заплакыли, якъ залились яны буйнымъ, горючимъ слезамъ! Плакыли яны, плакыли, покулитька отъ ихъ буйныхъ чистыхъ слёзъ пошли рѣки на ўсѣ чатыре стороны.

И дыйшла одна рѣка ды царськыго-государськыго дома. Устаёть у тое вутро царь ранёнько, умываетца бѣлёнько, молитца Богу щирёнько, и выходить на балхвонъ. И видить ёнъ ряку, што учора и слухомъ было не слыхать, и видомъ не видать. Царь ни здивустца на сту ряку. И захотѣвъ ёнъ узнать, откулитька ина тякеть. Созываеть ёнъ своихъ вѣрныхъ слугъ и приказываеть имъ: «слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи! Идитя вы по беряшкў стый ряки ды самаго того мѣста, откулитька ина тякеть,—и хто тамъ ёсь—ти пень, ти колода,—ти человѣкъ, ти пташка, ти звѣрь, ти букашка,—вядитя сюды ко мнѣ!» Ишли тыи слуги ти много, ти мало, ти довго, ти коротко; а дойшли до сосёнки. И увидили подъ ёй трёхъ красныхъ дѣвицъ, трёхъ родныхъ сястрицъ. «Ну, кажуть, дѣвицы-красавицы: мы возьмемъ васъ у царській домъ! Такъ намъ царь приказавъ!» Дѣвицы имъ спокорилися. Пришовши къ царю, низёнько поклонилися. Царь ихъ пытаеть: «якого вы роду, якого вы племени?» Яны тоды говорюгь яму: «простаго мы роду и племени! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха, и заставила ина нашаго роднаго татку звясьти насъ у тёмный боръ. А мы тамытька дужа прибядьчилися, расплакылися, растужилися, и пошли отъ нашихъ буйныхъ слёзъ рѣки на ўсѣ чатыре стороны!» Пылядѣвъ на ихъ царь, а тыи дѣвицы такіи пригожіи, што ни ў сказки сказать, ни пяромъ нынисать. Царь и кажеть: «вы дѣвицы, а я холостъ: икая изъ васъ проворнѣй, тую и замушъ возьму!» Большая на ето яму отвѣчаеть: «а коли даси мнѣ, царь-государь, одно пшанишное зярёшко, дыкъ я усё твоё царство прокормлю!» Сяредьнія шъ

говорить: «я однэй ниткой усё царство шавкдвой одёжей надѣну!» Послѣ
за ўсихъ пытаетъ царь у малэй: «а ты шъ чимъ проворна и разумна?»
Ина яму отвѣчаетъ: «царь нашъ наясьнѣйшій, отецъ нашъ наймилѣй-
шій! Я й ня вумна, и ня дурна: а коли возьмешъ мене замушъ, дыкъ
я двападцать сыновъ спороджу—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, по-
хводка у похводку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ, по колѣно
ў золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дроб-
ны звёздычки, по вискамъ красно солнышко!» Царь ставъ думать—га-
дать, ды совѣтъ съ князями держать. И поряшивъ ёнъ жанитца на
малэй. А тыхъ пыдяливъ зямлёй и ўсякимъ быгатствомъ.

Жили яны ни много, ни мало, а знать три года. Царица стала бе-
ремена. У ету жъ пору-ўремячко спонадобилось царю ити войной у чу-
жіи далёкіи зёмли. Поѣхавъ ёнъ, а царица тутытька родила двенадцать
сыновъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говор-
ка у говорку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у се-
рябрѣ; во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звёздочки, по вис-
камъ красно солнышко. Большіи сёстры уздумыли тоды ихъ зъ маткой
стратить. Пыдкупили яны на ето бабку—пупорѣзницу. Ды слуги царсь-
кіи не допусьтили тую бабку; а царицу съ сынамъ берягли, якъ свой
глазъ во лбу. И послали яны къ царю гонца съ письмомъ, што Бохъ давъ
ёдыкую радысь. Ишовъ етытъ гонецъ цѣлый день, покуль не спосьтиг-
ла яго тёмныя ночка. Тоды ставъ ёнъ ношлегу сабѣ искать, и попавъ
къ большый сястры. Ина узнала, хто ёнъ такей, и стала казать: «но-
чуй у насъ, милый гось! Ды ти ня вытопить табѣ лазьню; ты бъ
зъ дороги пупарився! Старикъ согласився. Пыложивъ письмо за бож-
ницу, а самъ пошовъ у лазьню. Вотъ, якъ пошовъ ёнъ у лазьню,
ина узила, прочитала тое письмо и написала къ сярёдьній: «ся-
стрицка родная! спыродила наша милая сестра, якъ говорила! А мы
напишимъ царю, што родився у яго ни жукъ, ни жаба, ни повзучія
лягуха; ни йдетъ, ни повзётъ, ни скварётца, ни піётъ! Тоды ёнъ вя-
литъ её стратить и жёнитца на якей-либо изъ насъ!» Пришовъ го-
нецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. Переночевавъ, а назаўтра
уставъ ранёнько, умывся билёнько, помолився Богу щирёнько, и по-
шовъ опять у путь—дороженьку. Ишовъ ёнъ до самой тёмной ноченьки;
а якъ спосьтигла яго ночь, ёнъ и заночевавъ у малый сястры. Ета такъ,
якъ и большая, распытала яго про ўсё и зытопила лазьню. Ёнъ пошовъ
у лазьню; ина шъ тымъ—часомъ прочитала письмо сястры, сожгла тое,
што писали къ царю; а замѣсто яго ныписала, якъ казала ёй боль-
шыя сестра. И ящо прибавила: «такую скверь твоя жонка родила, што
ни ў басьни збаить, ни ў сказки сказать, ни людёмъ показать!» За-

клеила ина ето письмо и пыложила за божницу. Пришовши зъ бани гонецъ, повечеривъ и лёхъ спать. Переночевавъ, а назаўтра, уставши раненько, умывшись бѣлёнько, помолившись Богу щирéнько, опять отправився у дальній путь. Шовъ ёнъ, шовъ, дошовъ до царя и подавъ яму письмо. Царъ прочитавъ и зжихнувся: «Божа мой, Божа! якъ говорилося, а якъ спородилося!» Думавъ ёнъ, гадавъ ёнъ, и написавъ: «хто тамъ уродиўся—ти жукъ, ти жаба, ти скверь икая—оставить до мойго прихода, до мойго пріѣзда!» Пошовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ узадъ, и приходить ёнъ на ночь къ сяредьній сястры. Ина, якъ и першій разъ, велѣла вытопить яму баню. Ёнъ пошовъ туды, пыложивъ царській приказъ у божница. А йна узила, прочитала, ды сыжгла, а на тое мѣсто пыписала, штобъ ихъ, добрыхъ молодцовъ, сичасъ сказьнили. Пришовъ гонецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. На другéй день опять пошовъ далѣй. Шовъ ёнъ до поздній ноченьки и заночевавъ у большый сястры. И ў ей стопили яму баню. Пошовъ ёнъ у баню, дыкъ ина прочитала тое письмо ды й прибавила: штобъ одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а царицу зъ малымъ сыномъ засадили ў смолянўю бочку, и спусьтили усихъ на синё мóря.

Пришовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ у царській городъ. А городъ такъ и сіяеть отъ ихъ, добрыхъ молодцовъ! И князи, и бояры на ихъ ни ўзлюбуютца, и царському приказу ни здивуютца! Ды дѣлать нечего: воля царськая—воля Божжія: сполнять её надо! Узяли яны одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а малаго зъ маткой усадили у бочку, засмолили, и спусьтили усихъ на синё мóря.

Ды змиловався надъ имъ Бохъ и послаў повѣтерья: тотъ мѣхъ ня тонеть, а плывéть. И приплывъ ёнъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство. У етымъ чарстви бывъ дубъ—Дорохвей на дванадцать короклéй, па самомъ беряшку синяго моря. И ёсь у того дуба большое дупло. Вотъ старшій братъ кажеть: «братцы мои милыи, братцы родимыи! даéть намъ Бохъ гулянья-отдыханья: разорвёмъ мы мѣхъ и выйдемъ на волюшку!» Яны жъ яму отвѣчають: «не разорвать намъ, братитка, етого мѣха!»—«А, кажить: насъ мать спородила—на щастья блыгословила,—блыгословимъ жа и мы одинъ другого!» Блыгословили яны друхъ дружку расъ, другéй ды й третій. И якъ понатужились—понасилились яны за третьтимъ разомъ, дыкъ разлетѣвся тотъ мѣхъ на дробныи кусочки! Вышли яны, добрыи молодцы, на крутэй беряжокъ, увидили дубъ—Дорохвей на дванадцать короклей, и залѣзли у яго дупло.

Царица жъ зъ малымъ сыномъ плавала по мóрю три дня и три ночи. На чатьвёртый день сынъ кажеть: «ну, родимая мамка: чую я, што мы къ вострову прибилися: якъ бы намъ зъ бочки выбратца?»—«Нѣ,

дитятухна, говоритъ царица: дѣ намъ разбить едыкую бочку?» — «И, мать моя рбдная! ты мене спородила—на щастья блыгословила,—блыгослови шъ и теперь!—«Бохъ блыгословить, и я блысловляю!» —«Блыгословила шъ разъ — блыгослови и другѣй!» Ина и другѣй блыгословила.—«Блыгословила другѣй — блыгослови и третьтій!»—И третьтій блыгословила. За третьтимъ разомъ ёнъ понатужився, якъ ударить кулакомъ по бочки, дыкъ ина и разлетѣлась на ўси стороны. Тоды вышли яны на востровъ Будай, и построивъ ёнъ тутъ городъ Китай. Якъ зажилися яны тутъ, ёнъ и пытаетъ у матки: «дѣ бъ намъ, мамухна, сыскать одинадцать родныхъ братцавъ?» Царица шъ яму отвѣчаетъ: «ня сыскать намъ ихъ, дитятухна: згибли яны на синимъ мори!» Ёнъ жа каетъ: «вѣдаю, мамка: ёсь у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствьи дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; и ёсь тамъ большое дупло. Яны и сидять у етымъ дуплѣ, ды ня могутъ выйти, зато што ли дуба ёсь такая птица, што людей спожираетъ. И хочетъ ина ихъ сожрать, ды ня ўлѣзетъ у дупло; а оттулитька яны не выходютъ! Спяки ты, родная мамка, съ свойго молока дванадцать просвиръ, и блыгослови мене у дальній путь-дороженьку: пойду я искать родныхъ братцавъ!» Ина такъ и здѣлала.

Пошовъ ёнъ молодецъ-удалецъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство; увидивъ ёнъ тамъ дубъ-Дорохвей на дванадцать короклей: вяликъ дубъ, а птица ящо больши! «А, кажетъ ина яму: здорово, добрый молодецъ! Не такихъ я видала, и тб спожирала; а тебе ничого ня стоить зъѣсь!» Ёнъ отвѣчаетъ ёй: «ты, птица-корипица, погоди спохвалятца: дай-ка мы съ тобой поборахваемся!» Схвативъ ёнъ ее, якъ ударить объ крѣпкій дубъ,—такъ зъ дуба дванадцать суковъ долой! Ёнъ другѣй разъ ударивъ объ сыру зямлю,—и тутъ ина споконьчалася! Тоды ёнъ говорить: «хто ёсь у дуплѣ, выходи сюды! Коли старый человѣкъ —будь мнѣ батюшка; коли ровня мнѣ—братетка!» Вышло одинадцать добрыхъ молодцовъ. И стали яны просить у яго чаго-либо поѣсь. Вынувъ ёнъ тыхъ дванадцать просвиръ, и давъ имъ по одвэй, а одну сабѣ узявъ. Якъ стали яны ѣсь просвиры, дыкъ сичасъ распознали, што яны спечены зъ маткинаго молока. И догадалися яны, што ето ихъ братетка родный. И пошли яны уси зъ имъ, у яго городъ Китай.

И ѣхали черезъ етытъ городъ купцы-корабельщики у чарство ихъ батьки. Малый братъ приляпився къ ихъ кораблю мухэй и пріѣхавъ къ царю. Царь ставъ пытать у купцовъ: дѣ яны бывали, што видали? Яны яму кажуть: «были мы у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствьи. У етымъ чарствьи ёсь востровъ Будай, а на имъ городъ Китай. Ёнъ весь такъ и сіяетъ, зато што тамъ ходить дванадцать добрыхъ молодцовъ— голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говорка у го-

ворку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звёздочки, по вискамъ красно солнышко!» Царь сичасъ догадався и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣти!» А большая сестра говорить: «ту, царь: што ето за диво? не твои ето дѣти. Вотъ то—то будуть твои дѣти, хто достанеть у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствьи кота Валдая. Ёсь тамъ дубъ Дорохвей па двенадцать короклей: дыкъ на етымъ дубу живеть котъ. Унизъ ёнъ идеть—басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть!» Царевичъ усё слышить. Якъ поѣхыли купцы узадъ, ёнъ вярнувся зъ имъ у свой городъ, и кажеть братамъ и царицы: «загадала намъ тётка загадку,—ня вѣдыю, якъ её и разгадать! Блыгослови ты насъ на ето, матушка!» Ина ихъ блыгословила, и яны, добрыи молодцы, вышли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса: крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь у ихъ усё стало! Купцы жъ опять проѣхали черезъ ихъ городъ у чарство ихъ батьки. Малый царевичъ обярнувся мухэй, приляпився къ ихъ кораблю и поѣхавъ зъ имъ. Царь опять пытаеть ихъ: дѣ яны бывали, и што видали? Яны говорють: што на востровў Будай, у городи Китай, ёсь дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; по етому дубу ходить котъ Валдай: ёнъ унизъ идеть—басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть. Царь на ето чудо ни здивуетца и говорить: што вѣрно ето яго дѣти достали яго! А большая сестра опять кажеть: ето, царь, чудо ня чудо! вотъ тó чудо, што у тридевятэй зямлй, у тридесятымъ чарствьи ёсь яблонька серебряная, яблонька золотая; яблочко серебряное, яблочко золотое, вѣточка серебряная, вѣточка золотая. Хто достанеть ето чудо, то и будуть твои дѣти!». Царевичъ опять усё слышавъ. Вярнувся съ купцáмъ у свой городъ, расказавъ про усё матки и братамъ. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны! не достать намъ етыго дива, и не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Яны шъ попросили ее, штобъ ина ихъ блыгословила. Вышли опять у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса, крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь выросла имъ яблонька серебряная, яблонька золотая—вѣточка серебряная, вѣточка золотая—яблочко серебряное, яблочко золотое.

Опять жа купцы корáбельщики проѣхыли черезъ ихъ городъ къ царю на поклонъ. Зъ имъ обярнувшись мухэй, прiѣхывъ и малый царевичъ. Ставъ царь опять пытать ихъ, якое яны видили чудо. Яны расказали, што на востровў Будáю, у городи Китаи видили одну яблоньку серебряную, одну золотую, вѣточку серебряную, вѣточку золотую, яблочко серебряное, яблочко золотое. Царь етому диву ни здивитца и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣтки дыстали!» Большая жъ сестра опять говорить: ну, дѣ, царь, тотъ отживеть, хто утопився! Вотъ тó твои дѣти, хто до-

станеть у тридевятэй зямли, у тридесятомъ царстьви мостъ, што одна мосьничинка серебряная, одна золотая; а якъ ѣдешъ по имъ, дыкъ упярёдъ ёсь, а сзади нѣтути! Царевичъ вярнувся съ корабельщикамъ домой и разсказавъ братамъ и матери, якую имъ тётка загадала загадку. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны: не разгадать вамъ етый загадки,—не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Малый сынъ отвѣчаеть: «вялико щастье, мамухна, вяликъ и Бохъ: усё долю дась! Блыгослови ты насъ, якъ блыгословляла упярёдъ!» Ина блыгословила. Яны опять пошли у чистое полля, у зялёныи луга̀, у заповѣдныи лѣса; крикнули, гаркнули богатырськимъ голосомъ, и за ночь явився мостъ. Вотъ, якъ разсказали купцы корабельщики про ето чудо царю, ёнъ и кажеть: «ето ўже мои дѣтки достали яго! Поѣду я къ имъ!» Большая сестра ничо́го не нашла сказать. Ёнъ и поѣхавъ. Ина шъ за имъ услѣдъ. Якъ подъѣхыли къ тому мо́сту,—ямў мостъ ёсь, а ей нѣтъ! ямў мостъ ёсь, а ей нѣтъ! И приѣхавъ царь на востро́въ Будай, у городъ Китай. А ёнъ увесь такъ и сіяеть отъ яго сыновъ. Увидѣвъ тамъ царь царицу и сичасъ узнавъ ее. Ина шъ показала яму дванадцать сыновъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говорка у говорку, лицомъ якъ єдинъ; по колѣно у золоти, по поисъ у сярябрѣ; во лбу—ясёнъ мѣсицъ, у потылицы—дробны звёздочки, по вискамъ—красно-солнышко. На радысьти яны задали пиръ на ўвесь міръ. А бо́льшихъ сясьтёръ царь велѣвъ привязать къ коньськимъ хвостамъ и пусьтивъ у чистое по́ля.

Вировлянская вол. городок. у. у. витеб. губ.

17. Иванъ Ивановичъ—царевичъ.

Въ нѣўкоторомъ царстьви, въ иньшамъ государстьви живъ саби одинъ царъ. И захотѣвъ ёнъ саби жанитца, и поѣхавъ у протчія чужія зе́мли нявѣсту вибирать сабѣ. Поѣхавъ ёнъ у водно царство, ѣздивъ, ѣздивъ, подъ обичай жану не нашовъ. Вярнувся ёнъ домовъ. Поживъ колькинебудь дома тамъ, да й поѣхавъ у другое царство. Тожа и тамъ ня 'бискавъ подъ свою натуру. Вярнувся домовъ, и поживъ мало-много дома. Поѣхавъ ёнъ у трэтьтія царство, и ѣздивъ, ѣздивъ—тожа не нашовъ. Воротився домовъ и заѣхавъ у дяревню на ночь. Випросився у мужика на ночь у хорошаго, и ставъ тамъ питать сабѣ нявѣсты за себэ. Тутъ жа сыйчасъ, позно у вечарў, повъёвъ кучаръ лошадей поить, и спусьтивъ ваядро́. Сыйчасъ жа тутъ глянувся—тѐмно у хатахъ. А въ одной свѐтитца. Ёнъ пошовъ вядерца просить туды. Подыходя подъ вокошка, ажъ тамъ сядить три дѣвушки—се́стры, и разговаруять мижа собой. Вотъ, говора: царевичъ етый ѣздя да сватаетца, ну тольки крашшай мижда

трохъ насъ не найдя! Большая сказуя: коли бъ мяне ўзявъ, то я бъ яго ўсю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію одной глою опшила! А меньшая кажа: коли бъ мяне ўзявъ, то бъ я бъ яму родила дванацать сыновъ, да усѐ соколовъ: во лбѣ мѣсячко, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Вотъ тяперъ жа сычасъ той кучаръ,—не ставъ уже вядрà просить,—вярнувсь на хватеру, и выгукнувъ царевича, и ставъ яму говорить: отъ, говора, царськое вяличаство: якъ водивъ я лошадей, и спусьтивъ вядро. И глянувся я—у усихъ хатахъ тѐмно, а въ одной свѣтитца. Пошовъ я вядра просить, ажъ тамъ три дѣвушки сидять и шіяти. И вихваляятца мижда собой: нехай етый царевичъ хочь усю зѐмлю объѣздя, а крашшай насъ не найдя! Большая говора: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая каа: коли бъ мяне узявъ, я бъ яго усю вармію одной глою опшила! Самая меньшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яму родила дванацать сыновъ, да ўсё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Уходя царевичъ зъ надворъя и питаа у того мужика, што ночуя: што, каа: ѐ у васъ такія и такія дѣвки?—Е!—Ну, пойдомъ у сваты! Отъ, иде царъ и думаа: якую мнѣ узять? Отъ, думавъ, думавъ самъ сабѣ и надумався: хочь ба я большаю и ўзявъ—у мяне хлѣбъ ѐ; серадолшаю я бъ узявъ—у мяне и одѐжа ѐ. А возьму мѐньшаю! Узявъ за сябе меньшаю, и поѣхавъ у своѐ царство. И живъ тамъ, ти мало, ти много дòма. И заберэменила яго хозяйка. Тутъ тода жа издѣлалась трывога, и трэба яму съ свойго царства отправлятца на повгода. И прощаетца ёнъ исъ своей жаной и приказуя ёй дужа: што, говора, моя милая: коли Господь Богъ дасть табѣ, по прòстому—родйны, штó бъ ты ни родила, дакъ ко мнѣ прислала! Тутъ жа отправився ёнъ за своими потрэбками, а йна мѣсяцы у два родила, посьли яго, дванацать сыновъ, да усѐ соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры. Пиша яна пакетъ и отправляя съ свойго царства вѐрника, и строго яму приказуя, шобъ пакета не попускавъ никомў у рукы. Дочулися яе сѐстры, што яна обродилась, и ўзяли, по большой дорози по'ткўплювали сабѣ шинкѝ. Такъ жа, ихавъ той вѐрникъ съ пакетомъ. И случилося къ большай сястрэ нà ночь. И спрашуя таа сястра: куды тябе Богъ пясѐ? А ёнъ говòра: поѣду къ цару! Яна спрашуя: по якомъ случàю? —Обродилась царевна: дванацать сыновъ родила, да усё соколовъ, уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ, тяперъ яна кажа: а, тò моя рòдная! Ахъ, ради такого госьтя трэба лазьню стопити, а то ты стомився, заморився! Яго повялй у лазьню, а яна сичасъ жа пакетъ виняла и сама написала: родила табѣ, мой милый, дванацать штукъ-

кошѐччи лапи, мишинныя хвосты̀, собаччія роты̀. Узяла и запечатовала, и ўложила. Приходя той зъ лазьни, бярэ пакетъ, и отправляетца по дорози саби. Случаетца другая ночь, заяжжаа ёнъ на ночь. Тутъ жа и питаять у яго: куды ты ѣдешъ?—Ѣду, каа, къ цару!—По якомъ случа́ю? —Родѝла наша царевна! Испрашуя хозяйка тая: што жъ яна родила? —Двананцать сыновъ, да усё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ ета отвяща́а: ахъ, говора: ето наша роднаа сёструшка! А ето ёнъ къ сярэдьняй заяжжая. Такъ жа и таа: ахъ, говора: другъ нашъ! треба табѣ лазьню витопить! Повялѝ яго ў лазьню, а яна пакетъ разломила, ящѐ похудчай потправила. Прихо́дя той изъ лазьни, и отправляетца по дорози. А того не бача, шо.... Да и почомъ жа яму̀ бачить, мо, шось накру́чано! Пріяжжаа икъ цару на границу, отдае цару пакетъ. Разла́муя царъ пакетъ и ўзявъ читать. И ставъ силно плакать. Ахъ, говора, Божа милосьливый! Няўжли я парадъ Богомъ сограшивъ, що мнѣ такій случай злучивсь? И ўзявъ ёнъ пакетъ писать: шо, моя мила́я, до мого приходу якій табѣ Богъ случай давъ, щобъ ёнъ цѣлъ бувъ! И запечатавъ пакетъ. И ўручивъ свойму довѣрному. И поихавъ той назадъ довѣрникъ. Такъ жа заяжжаа икъ етой къ сястрѣ къ пярэдьняй, идѣ ёнъ ночававъ позадъ. Яна яго пригосьтила и лазьню затопила. Яго жъ повяли у лазьню, а яна узяла, пакетъ разломила и прописала: щобъ, моя милая, ня бачивъ я тябе у вочи до мого пріѣзду! Сичасъ жа того привялѝ зъ лазьни, ёнъ сичасъ узявъ пакетъ и поѣхавъ по своéй дорози. Такъ жа заяжжаа изновъ на тую хватеру, на другую. Тожа й тая пригосьтила. И повяла̀ ў баню. А сама пакетъ разломила и потправила ще похужай. Пріяжжаа ёнъ икъ царевни и отдае царевни пакетъ. Царевна пакетъ читая и силно плача: ахъ, говора, мой милый! що жъ ты зъ менэ зругнувся? Я жъ табѣ чимъ вихвалялась, тое й здѣлала! Тольки жъ думать нечаго, а царськое слово свято, що написано, тое надо и дѣлать. Сичасъ жа гукнула бондаровъ и ковалёвъ: сичасъ жа мнѣ изробить бочку, а ви, ковали, набитя зялѣзныя обру́чи! Бочку для ёй зробили. Яна узяла, одина̀нцать мальчиковъ у бочку упусьтила, и закубрила, и пусьтила на мо́ра: плывитя! когда я ня грэшная душа, дакъ ви живи будетя! А сама двананцатаго узяла и пошла у сьвѣтъ исъ свого царства. Ходила, ходила яна по ўсихъ царствахъ, и найшла сабѣ номастыръ. Доклалася къ гу̀меньшому; примитя мяне за чаля́дку! Гуменьшій принявъ яе за чалядку. А хлопчика стала просить, щобъ у школу. Той жа хлопчикъ вў̀читца скорымъ поспѣхомъ. И такъ выу̀чивсь ёнъ за годъ, шо протчія по десять лѣтъ ў̀чатца.

И скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣластца. И виросъ той мальчишка уже й настояща. И стала яму ўпротивно: ба́ча ёнъ, що яго

матка за чалядку служа. Ёнъ говора: матушка, годи табѣ служити, а пойдомъ ми да здѣлаемъ на большой дорози ли мора сабѣ домъ! Отъ, яны и пошли, знатца, оттуляка. Пришли къ мору и вистроили сабѣ тамъ домъ, и стали займатца разными торговлями. Ишли большой дорогой звощики повзъ домъ, и ожарабилась у ихъ кобыла. Дакъ яны подарили яму лошонка. Отъ, сыйчасъ ставъ ёнъ сабѣ людей прiучать и разными торговлями торговать. Пріяжжали къ яму корабельщики,—ишли морамъ. Такъ жа ёнъ ихъ и угосьтивъ. И побулй у яго корабельщики, и отправляютца яны, къ свойму, знатца, цару, корабельщики етыя. Ёнъ ихъ проводжая и заходя икъ свойму коню. И отвящая яму лошадь: ахъ, говора: хозяинъ мой любiй! узлѣзь ты, говора, на менэ и упади зъ менэ, и издѣлаесься ты голубцомъ. И полятишъ ты на той бокъ мора, и сядешъ ты корабельщику на правое плячо, и унясе ёнъ тябе у царськія комлаты. И вислухаешъ ты тамъ, що будя царъ съ царевняй гомонить! А царъ то той вярнувся изъ воинства, идѣ ёнъ бувъ, и большаю сабѣ сястру узявъ, свое жаны ужо.

Отъ, тяперъ, приходя корабельщикъ у комлату къ цару и расписуетца царъ зь имъ,—що, якъ вѣдомо, яны по мору ходять, дакъ имъ трэба расписатца. Тяперъ кажа корабельщикъ: ахъ, говора, цару наяспѣйшiй: отъ, на той бокъ мора шо здѣлалось: вистроилась удова, домъ сабѣ, и у 'дови мальчикъ, що крашшай у свѣти яго нѣтъ: уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Дрогнулося царськое серца, и сыйчасъ жа корабельщика отправивъ изъ дому свойго. Ахъ, говора, моя милàа! нумъ, поѣдомъ, посмотримъ на той бокъ, що тамъ за хлопчикъ—етаго дива?—Ахъ, говора, мой милый! Яна ужо отказуя яму: разьви ето диво—ето ня диво, а è диво: здѣсь—ня здѣсь, на три девяти зямель, у йньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шiять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ. И гнiè таа одéжа ни къ якой пользи! Вилятáа той голубецъ изъ царськаго дому, прилятаа у свой домъ, садитца на свою лошадь, и падаа доловъ, и дѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: ахъ, говора, хозяинъ мой любiй! що жъ тамъ царъ съ царевняй говоривъ?—А що жъ ёнъ говоривъ: ето, говора, ня диво, а утъ то диво, що здѣсь—ня здѣсь, на три-девяти зямель, у йньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шiять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ, и гнiè таа одéжа ни къ якой пользи! Конь мой любез-

ный, конь мой милый: ти не могдмъ ми ѐтаго дива достать?—Проси у матки басловéньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ попросивъ у матки басловеньства. Дала яму матка басловеньство, и сѣвъ ёнъ на свою добраю лошадь, и поѣхавъ у путь. Пріяжжаа на мѣсто икъ тому дубу. Здрастуй табѣ, дубя!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ! дубъ уже яму отвячàа. Ахъ, говоритъ, дубя: у якомъ ты ня ў преподобномъ мѣсьти стоишъ! Коли бъ ты пошовъ у мою сторонỳ, тамъ ба ету одéжу носили бъ, и за тябе бъ Бога просили! А той дубъ отвячаа яму: а що жъ, будяшъ ты мою одéжу знашавать? Ёнъ каа: буду!—Ну, я съ тобой пойду! Ёнъ жа сѣвъ на свою на лошадь, а дубъ услѣдъ за имъ такъ идé. Ёнъ пріѣхавъ домовъ и привёвъ дуба съ собой. И поставивъ сабѣ ли дому. И такъ жа ето дивно стало тамъ, што усяму міру. Идуть жа етаго дива глядѣти. Ишли корабельщики, мóрамъ, привярнули корабъ икъ яго двору, ня такъ любо отдыхать, якъ етаго дива посмотрйть. Отправляетца корабельщикъ ку яго двору. Провождаа хлопчикъ етый самый корабельщика, и заходя къ своей лошади. И отказуя яму лошадь: —вотъ, говора, хозяинъ любій! здѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора! И почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонѣть. Ёнъ узлѣзъ на лошадь и ўпавъ зъ яго, и здѣлався голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Прилятаа ёнъ туды, садитца корабельщику на плячо, и уходять яны у горницы. Расписуетца царъ съ корабельщикомъ, изъ накладной, и вихваляетца корабельщикъ: ахъ, говора, цàру наяснѣйшій! по той бокъ то мора диво здѣлалось: стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шіять одéжу дорогуу! Царъ етый вислухавъ, и корабельщика отсылаа назадъ, и кажа царевни: нумъ, моя милая, поѣдомъ етаго дива посмотрймъ! А яна говора: ето, мой милый, ня диво: а то диво, шо здѣсь-ня здѣсь, па три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кýкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Отъ, тяперъ жа, вилятая той голубецъ изъ яго комлатъ, и прилятаа у свой домъ. Ня йшовъ жа жъ у домъ, да пошовъ къ лошади. И питая у яго лошадь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ? Отвящая яму хозяинъ: говоривъ, що то ня диво, а утъ тò диво, шо здѣсь-ня здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кýкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Конь мой любій, конь мой

милый! ти ня можно мнѣ етаго дива достать? Конь яму отказавъ: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ бласловеньство, и поѣхали у путь. Пріяжжая ёнъ икъ щогли, и злазя изъ лошади съ свое́, и говора: здрастуй, щогла! Яна яму отвѣчая: здраствуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эка, говора, щогла: у якомъ ты ня ў преподобномъ мѣсьти стоишъ! Ежали бъ ты пошла у мою сторонў, тамъ ба ня помиравъ етой голодной смертю народъ! Ти ня пойдешъ ты со мной? Яна говора: пойду! Ёнъ на свого на коня сѣвъ, а яна за имъ услѣдъ. Приходя ёнъ икъ свойму двору, и становя щоглу ли дуба. Такъ жа солдатъ якъ упаде. у одежи надяётца, и на работу йдѐ. То диво було̀, а то сё диво, мо, нихто не бачивъ! И збираетца богато народу дива етаго глядѣти. Сыйчасъ жа пошовъ корабельщикъ мо́рамъ и приваливъ корабъ свой къ берагу дива етаго смотрить. И посмотривъ етаго дива и отправляетца у корабъ у свой. Хлопчикъ жа, провѐвши яго, и пошовъ икъ коню къ свойму. Отвящаа яму лошадь: хозяинъ мой любій! узлѣзь ты на мяне и упади зъ мяне; и здѣлайся голубцомъ, и лятѝ на той бокъ мора, и почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонить! И дѣлаетца ёнъ голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Садитца корабельщику на плячо, и уносяёнъ яго у дохъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ то було́ диво, а тяперъ ще бо́льшая: стоить щогла, а на щогли зязюля. Що ку́кня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—съ конёмъ и съ сядломъ, и на войну готовъ. Якъ упаде, у одежу надяётца и на работу йдѐ! Отправляя ёнъ корабельщика и говора: ахъ моя мила̀а! нумъ ми поѣдомъ етаго дива смотрѝть?—Э, мой милый! ето говора, диво? Ето ня диво! То утъ то́ диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, за тридевяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скоро́дя, съ хвоста сѣвъ пускаа, ў три дни хлѣбъ поспѣваа. Да некому яго зьядать, дакъ ёнъ тамъ такъ и загибаа! Такъ жа, голубецъ отправився домовъ, и ня захо̀дячи ў свой домъ, отправляетца къ коню къ свойму, и здѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: эхъ, хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А ёнъ говора: що жъ тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ: ето, говора, ня диво, а утъ-то̀ диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, и ў три дни хлѣбъ поспѣваа! Конь мой любій, конь мой милый, ти не мого́мъ ми етаго дива достать? Конь жа яму отвѣщаа: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ басловеньство; сѣвъ на свого добраго лошадя и поѣхавъ. Пріяжжаять икъ кабану. Здрастуй табѣ, кабанъ!—Здра-

стуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора: у якомъ ты мѣсьти непреподобномъ стоишъ, хлѣбъ сѣешъ! Отъ, якъ ба ты пошовъ у мою сторонў, тамъ ба ми етое жито зжинали, и етый хлѣбъ зьядали, и за тябе бъ Бога просили! Ты ня пойдешъ ты со мною?—Пойду, каа. Ёнъ сѣвъ на свою на добраю лошадь, а ёнъ услѣдъ за имъ. Приводя ёнъ яго икъ свойму двору и становя на стяпў. Такъ жа, якъ зязюля кукня, солдатъ изъ яе пукня, у одежи надяётца и на работу иде, жито жать.

Скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. У яго ўже здѣлалось такоа царство, шо уже большъ за того цара. То диво глядѣли, а то ще болшъ люди стали глядѣть. Ишовъ корабельщикъ мôрамъ и привярнувъ корабъ етаго дива глядѣть. И проводя хлопчикъ корабельщика и заходя икъ свойму коню. И спрашуя яго конь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора. И послухай ты, шо царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Садитца корабельщику на плячо, и уноси ёнъ яго ў домъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ тô булô диво, а тяперъ ще бôльшая: стоить на стяпў дикій кабанъ, лычамъ орэ, погами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, у три дни хлѣбъ поспѣваа. Солдатъ съ дуба пукня, у одежи надяетца и на работу иде—жито жать. Царъ корабельщика назадъ отправивъ, и ставъ исъ царевняй гомонѣть: ахъ, моя милаа! нумъ поѣдомъ етаго дива посмотрîмъ! А яна яму отвѣтовàла: ето диво ня диво, а ёсть диво: на три-девяти зямель и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёстяка тамъ ракà—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядáешъ, яна изновъ заростѐ. Отправляетца той голубецъ исъ царськаго дому и прилятаа къ свойму дому. Ня йшовши у домъ, да пошовъ икъ свойму коню. Отъ, конь у яго и спрашуя: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ? Ёнъ яму отказавая: а што гомонѣвъ? Казавъ, шо ето ня диво, а утъ тô диво, што здѣсь—ня-здѣсь, на три-девять зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёсть ракà—киселёви берага: приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядаешъ, яна изновъ заросте! Конь мой любій, конь мой милый, ти не могомъ ми етое диво достать? Конь говора: возьми у матки басловеньство и поѣдомъ у путь, и достаномъ! Ёнъ узявъ у матки басловеньство, сѣвъ и поѣхавъ. Пріяжжаа икъ рацѣ къ етой. Здрастуй, говора, ракà—киселёви берага!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора, рака! у якомъ ты не ў сподобномъ мѣсьти стоишъ! Ти ня пôйдешъ ты со мной у мою сторону? Тамъ ба тябе зьядали, тамъ ба тябе сьпивали, й усягды бъ ты свѣжая була, и за тябе

бъ Бога молили! Яна говора: пойду! Ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь, а яна ўслѣдъ за имъ. И привёвъ ёнъ икъ свойму дому, и поставивъ ли берагу. Такъ жа, дубъ одежу шъѐ, зязюля кукня, солдатъ пукня, одежу надяѐ, кабанъ хлѣбъ засявая, солдатъ хлѣба поѣсть, иде къ рацѣ: пришовъ, поядавъ, и пошовъ жито жать, у цагѐльяю, у разныя работы тамъ. Тὸ жъ диво глядѣли, а то и лучче стали глядѣть,—пошти исъ усяго свѣту стали пріяжжать смотріти. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и причалѝвъ корабъ, етаго самаго дива смотрити. Посмотривъ етаго дива, провёвъ яго хлопчикъ етый. И провёвши яго, пошовъ икъ конѝю икъ свойму. И конь яму говбра: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайся голубцомъ и ляти на той бокъ мора, послухай, што царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ на коня узлѣзъ, съ коня ўпавъ--и здѣлався голубцомъ. И полятѣвъ на той бокъ мора, сѣвъ корабельщику на правое плячо, и унёсъ яго корабельщикъ у царськія покои. Распѝсуетца царъ у накладной, и говора яму корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство, якое диво по той бокъ мора! То булὸ диво, а тяперъ ще поббляло: тячѐ ракà—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! И якъ поядаешъ, яна зновъ заростé. Такъ шо дубъ одежу шія, зязюля кукня, солдатъ пукня, кабанъ хлѣбъ засяваа; солдатъ одежу надяваа, хлѣба подъѣсть, иде къ ракѣ, пришовъ, поядавъ и на работу пошовъ. Царъ отправивъ корабельщика и говора на царевну: нумъ, моя милая, поѣдомъ посмотримъ! Яна яму отказуа: ето диво ня диво, а то диво, що здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить кельня ли мора, и у той кельни одинáнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныé матки и одного батьки. Дакъ бтъ, говора, диво!—Отправляетца той голубецъ икъ свойму двору. Ня йшовши у домъ, да пошовъ къ коню. Конь яго питаа: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Казавъ, що ето ня диво, а то диво, на три-девяти зямель и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить кельня ли мора, и ў той кельни одинàнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныѐ матки и одного батьки. Дакъ ти не могомъ ми етаго дива достать? Ёнъ жа сказуя, конь, яму: иди къ матары и проси, шобъ яна исъ своѐ груди уцыркнула молока и спяклá прбскуру! Такъ жа, иде ёнъ отъ свого коня, хлопчикъ той, до матяры до своѐ. Отъ, говора, матушка: уцыркни ты съ своѐ груди молока и спячи мнѣ прбскуру! Яна жъ узяла, уцыркнула молока исъ свое груди, послухала яго, и спякла прбскуру. Ёнъ жа узявъ тую проскуру, и помолившись Богу, и сѣвъ на свою па добраю лошадь и поѣхавъ у путь. Пріяжжая икъ той жа кельни. И отвящаа яму конь: ступай ты ў кельню и возьми тую прдскуру, що на

столѣ будя ляжать, а ету положъ! А самъ ысхоронись! Такъ жа ёнъ увійшовъ у кельню и ўзявъ тую проскуру, а свою поклавъ. А самъ сховавсь. Ажъ приходя, припливая бочка зъ мора, (вѣдомо, такъ уже спасаютца,) и вистанáвлюетца у яе кругъ, и уходять одинанцать братіявъ у кельню. Посадились за столъ, и разломивъ бóльшій братъ прóскуру на 'динанцать часьтей. И ўзяли яны по частоцы, и зьѣли туу прóскуру. И глянули другъ на друга, и сильно заплакали. Ахъ, говора: ето жъ ми братія одно! Ну, да однача, да хтось мижда насъ шутку ету да пошутивъ, *що* ми досюль не знали, *що* ми браты! Отъ тепэръ и закричали: хто туть è, знаходдитца тутъ? Отзовись! Ёнъ жа й обозвався. Яны узялись, дружка дружку поцаловали, и ўзнали, що ихъ двананцать братовъ рóдныхъ. И пошли яны сабѣ домовъ, уже у хлопчика у етаго ў госпóду. Яны жъ сѣли у свою бочку, а ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь. Пріяжжаа ёнъ домовъ и говора своей матусцы: эхъ, говора, матушка! найшовъ я своихъ 'динанцать братіявъ! Тутъ жа сичасъ и бочка къ яму, къ яго дому пришла. Сичасъ вістановивсь кругъ, и виходять яны съ круга. И вишла мать прóти ихъ и позвала ихъ у домъ. И стали яны тамъ пить и гулять. Такъ жа, тó зьбиралось диво глядѣть, а то стали уже зьбиратца пязьмѣтная сила, глядѣть уже на етыхъ на хлопчиковъ. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и приваливъ етаго дива смотрѝти. Посмотрѝвши етаго дива, и отправився у свой корабъ. Проводя яго хлопчикъ. И вя йшовши у домъ у свой, да заходя икъ лошади. Отвящая яму лошадь: ляти ты, говора, къ цару, здѣлайся, говора, голубцомъ и ляти къ цару: що будя царъ съ царэвняй гомонѣть! Ёнъ узлѣзъ на коня, упавъ зь яго и здѣлався голубцомъ, и полятѣвъ. Прилятáа ёнъ къ цару и садитца корабельщику на плячо, и уноси яго ёнъ у домъ. Расписуетца царъ на накладной. Тяперъ корабельщикъ яму отвящаа: ахъ, говора, царськое вяличаство! отъ, говора, по той бокъ мора: тó булò диво, а то й побóляло. То бывъ одинъ хлопчикъ, а тепэръ стало двананцать:— во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздá, по локоть руки у срэбры! Такъ жа и дрогнýлось у цара серца! И хýтко отправивъ корабельщика того, и на свою царэвню: нумъ, моя милая, етаго дива поѣдомъ посмотрѝть!—Эхъ, мой милый, говора: якъ жа намъ, царськое дѣло, доѣхати? Ми поѣдомъ лоткой, хвиля ўсхватитца, ми потопимсь! А коли бъ отъ нашаго крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ, золотая мосьничка да сярэбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки—птицы пѣли, óтъ, тогды ми поѣдомъ! Той жа голубецъ вилятѣвъ съ того дому и прилятѣвъ домовъ. Ня йшовши у домъ, а пошовъ икъ коню икъ свойму. И спрашуя у яго конь: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій! що царъ исъ царэвняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Царъ казавъ: нумъ поѣдомъ, моя милая, етаго дива

посмотримъ! А царэвня кажа: якъ жа намъ ѣхати? Наша царськое дѣло. У чо̀венъ сядемъ, а хвиля подни̂метца—ми потопимсь. Отъ, колибъ отъ нашаго крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ—мосьничка золотая, мосьничка сярэбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки-птицы пѣли, отъ тогды ми поѣдомъ! Конь мой милый, конь мой любiй, ти не могомъ ми етаго дѣла издѣлать? Ёнъ отказавъ: иди ты къ своей икъ братiи, и скажи имъ, щобъ яны старыя книги до свѣту читали и щиро-вѣрно Богу молились. А ты жъ бяри топоръ, да ступай на дворъ, и також ко̀лики тяши̂ и у̂ зе̂млю би̂, и та̂къ жа старайся, щобъ кровъ съ тябе лилась; а ты вѣрно работай! И чимъ большъ, тымъ лучче! Яны такъ, знатца, и здѣлали: тыя книги читали, а ёнъ узявъ ету работу работать. Стало на̂ зару заниматца, ставъ на моры мостъ подниматца. Сонца узойшло̀, и мостъ готовъ ставъ: золотая мосьничка и сярэбраная. И хвонари загорѣлись, и жарки—птицы запѣли. Сичасъ жа царъ уставъ и увидивъ, що ето дѣло издѣлалось. Тогды жъ ёнъ: нумъ, моя милая,—поѣдомъ етаго дива посмотримъ! Сыйчасъ жа лошади запрагли, и поѣхали,—уже усе̂ пераказала, некуды больше казать! И стрѣтила яго хозяйка, етаго матка хлопчика, исъ хлѣбомъ, съ сольлю. И тамъ стали яны пить и гулять. И посьли бясѣды ставъ царъ отправлятца домовъ. Такъ жа яна говора: нѣ, говора, царськое вяличаство! у насъ такъ не отправляютца! На̂тя-тка вамъ у ету книгу прочитайтя. А яна, значитца, у ету книгу писала усе̂ ето дѣло, якъ и зъ двора пошла. Тогда жа царъ прочитавъ ету книгу, и зруба̂въ своёй жанѣ другой голову̂. И стали жить. Вотъ тамъ я бувъ, и ме̂дъ—вино пивъ, и у̂ роти ня було̀ и по бородѣ не тякло̀. Отъ и казцы моей конецъ.

Д. Николаевскъ, краснобуд. в. гом. у. Отъ кр. Аникея Кавунова 50 л. негр. *О* неударяемое слышно довольно отчетливо.

18. Иванъ Ивановичъ царевичъ, божжiй королевичъ.

Зачинаетца каска отъ сивца и бурца, и отъ вѣшныго канурца... Хто будить каску сыслыха̂ть, тому будить большая награда.

Якъ живъ сабѣ царь на якомъ то царстьви и на якомъ то гусударстьви. И бывъ у яго сынъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжiй королевичъ. Тоды царь яго не пускавъ никуды̂ лѣтъ до восемнатцати, кабъ не заглида̂вся ни зачимъ, не балыва̂вся. Ну, тоды ёнъ давай просiтца: батюшка родно̂й, пусьтитя сьвѣту повидать! Тоды яму отецъ давъ роту сылдатовъ, давъ коня, збрую, мечъ, ружьжо̀. Ну, тоды, ёнъ ѣзьдивъ, ѣзьдивъ, пулювавъ, пулювавъ, по лѣсахъ, по пущихъ. Ну, посьли того выѣжжаитъ ёнъ на полянку, остана̂вліитца ны полянцы. Ажны на той

полянцы Баба-Ига, косьтиная нога, рископáла лядо и засѣила ильномъ. (Стало быть ина была ни пристáя.) Ну, тоды, послала у лёнъ трёхъ дочóкъ: дьвюхъ рóдныхъ, третьтю патчирку, лёнъ полоть. Ну, тоды, яны завидѣли яго, лёнъ полючи, а ёнъ ихъ. Ну, яны яго завидѣли, што ёнъ такій пригожій молодецъ, тоды большыя дочирь яе кажить: эхъ, якій добрый молодецъ, хорошъ-пригожъ! кабъ ёнъ мяне узявъ зы сябе, я бъ яму вышила такій ковёръ, што ёнъ во ўсимъ царстьви, во ўсёй инперіи не найдить! Й а сяредьнія дочь говорила: ето твоя не скаска, а прискаска! Вотъ моя зáгатка: кабъ Бохъ пріизьвёвъ яму мяне узять, дыкъ я-бъ однэй пукулйной (лянина, одно каливо) одѣла роту сылдатовъ, сама одѣлыся, и яго одѣла бъ! А ёнъ усё ето слухувъ и чувъ, понимався. Ну, а третьтя, ужо патчирка, обищала, говóрить: ето ваши ни скаски, ни зáгатки! Вотъ моя скаска и зáгатка: ежели бъ Бохъ пріизьвёвъ мяне яму̀ узять зы сябе замужъ, дыкъ я ба яму въ одну ночь зыбяре́мила, спородила бъ двинатцать сыновъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по колѣни ноги ў золыти, а руки пы запясьтья у сéребри! А ёнъ ето ўсё чувъ. Тоды ёнъ выслухувъ, узявъ свою армію, и поѣхывъ домой. Пріѣжжаить домой, отецъ спрашіить: што, сынокъ мой любезный: идѣ бывавъ, што идѣ видавъ, што идѣ чувавъ, якое диво? Ёнъ говóрить: вотъ, батюшка! нійдѣ я не бывавъ, ничого не чувавъ, а тольки видѣвъ на пущи, на лѣси, Баба-Ига, косьтиная нога, рископала лядо, насѣила лёну, и прислала дочóкъ лёнъ полоть. Якъ замѣтили мяне,—што молодецъ очень удáлый, очень пригожъ, хорошъ, дыкъ бóльшыя дочирь казала: што кабъ мяне узявъ зы сябе замужъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ, дыкъ я бъ яму̀ ковёръ вышила, штобъ ёнъ такого во ўсёмъ своёмъ царстьви, во ўсёмъ гусударстьви не нашовъ, якій ба зрабóтала! Ну, тоды, говорить, сяредьнія кажить: эй, сестра! я бъ яму̀ бóльшую зáгатку загадала: я бъ однэй пукулиною роту сылдатовъ одѣла, сама одѣлыся и яго одѣла! Ну, а третьтія, патчирка, кажить: ето ваши ни скаски, ни зáгатки! А моя то скаска и загатка: я бъ яму̀, говорить, въ одну ночь забяремила и породила двѣнатцать сыновъ соколовъ, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтія руки ў сéребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, ў потылицы мѣсикъ! Ну, тоды отецъ говорить: лучче, сынокъ, ету узять, которыя порóдить двѣнатцать сыновъ якъ соколовъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтья руки у сéребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ. У нашимъ царстьви быгатырёвъ мало, дыкъ боли будить! То ужъ будуть не простэя, а быгатыри! Ну, тоды, извѣстно, ёнъ, царевичъ, кажить: што ина у дренну одежу увыбравши, не пригожа. А батька кажить: ничого, сынокъ, бяри! Кыли ты царéвичъ,

дыкъ и ина будитъ царицыю! Вясьтимо, у мачихи; ина затымъ яе етакъ древно одѣѣтъ, што кабъ нихто не зыглидàвся! Ну, тоды ёнъ поѣхывъ къ баби тэй у свàты. Дыкъ ина одбила яго, што ина дура, ничого ня ўмѣитъ дѣлытъ! А ёнъ повидѣвся изъ ей, дыкъ ина яго вỳчитъ: гляди жъ, ина пыставитъ мяне за третьтимъ дисяткымъ, одѣнитъ мяне у луччую одежу. Дыкъ ты мяне такъ не вызнаишъ. А муха завьётца отъ тябе тересъ мою гыловỳ, дыкъ ты мяне и бяри! Ина будитъ тябе одбиватъ, ну ты ня слухай, и бяри ўсё-тки мяне! Ну, Баба-Ига два рáзы выводила пы дисятку, ну ёнъ ни вóдныя ня выбравъ: нема тутъ, каитъ, тыя, што мнѣ треба! Тоды ина вывела третьтій дисятыкъ. Такъ муха отъ яго вуха завилася тересъ яе гыловỳ. Ёнъ узявъ яе, вывевъ зу рукỳ шъ шару, кажитъ: во ета моя, боли ниякія не хочỳ! Ну, тоды, ина, якъ нярóдныя дычкà, дыкъ ёнъ узявъ, яе на свой коштъ, жанитца зь ей. Пыславъ бумагу къ интриполиту, штобъ жанитца зь ей. Интриполитъ зьвиньчавъ ихъ. Ну, тоды, якъ згулявъ ёнъ свадьбу, присылаитъ якій то царь, хочитъ вуювáтца изь имъ. Ёнъ якъ пулучивъ бумагу отъ того царя, што ужо хочитъ вуюватца изь имъ,—бярéтъ свою армію и ѣдитъ вуюватца изь имъ па границу. А жена яго зы два дня зыбярéмила. Дыкъ ёнъ кажитъ батьку: батюшка родимый! якъ родитъ моя жена ти живое, ти мертвое, ти худое, ти доброе, дыкъ пришлитя мнѣ курьера вистовóго на границу, кабъ я знавъ, што Бохъ дась!

Тоды ина пошла у стайню родитъ. Ну, дыкъ ина роджала, а мачиха зьмія сорóкую сьќинулыся, и одинадцытъ пытрябила, а дьвѣнадцытыго ина сабѣ у подóлыкъ узила, у свою палату зынесла. Ёнъ тамъ, етый сынъ, ставъ плакыць, кугакыць. Яны почули и пылядѣли. Ажны у яе рябёныкъ, сынъ такій, якъ ина казала, тольки одинъ. Ну, тоды сычасъ батька пишитъ бумагу сыну на границу: што породила твоя жена сына, якого обищала—волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтіи руки у сéребри, по колѣни ноги у золыти, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, ды тольки одного, а не дьвѣнадцытъ! Ну, тоды ина, вѣдьма ета, знала, што будутъ ити бумаги на границу къ яму, дыкъ ина на дьвѣнадцыти быльшакóвъ пыставила дьвѣнадцытъ кабаковъ: хто будитъ ѣхытъ, дыкъ ина бумагу причитаитъ. Тоды ѣдитъ гинырадъ съ письмомъ на границу къ сыну. Тоды ёнъ ѣдитъ, а ина вышла и говоритъ: здраствуй, здраствуй, нашаго свата человѣкъ и посланецъ! заѣдь къ намъ на нычь, мы дли васъ зьдѣлыимъ угощеніе! Вытыпимъ баню, прикажимъ прислузи выпаритъ васъ; коню дадимъ сѣна, овса! Ёнъ послухувъ, заѣхувъ. Такъ яны вытыпили баню. Ёнъ сходивъ, выпарився и пришовъ. Яны яго ныкормили, ныпоили, и спатъ положили. И коню дали сѣна, овса. Ну, якъ ёнъ заснувъ, яны узяли тую бумагу, што батька посылавъ, ды у печь

укинули; а другую сами написали: што вотъ, говоритъ, сынокъ мой любезный! породила твоя жена нѣтъ-што: не то поросёныкъ, не то щанёныкъ,—соусимъ не человѣчьчія постать, подобіе. Идѣ яго прикажитя подѣть? Той гиныралъ уставъ, бумагу у кырманъ, и пошовъ, думавъ, што тая самая. А яны тую у грубцы спалили. Пріѣжжаитъ гиныралъ къ сыну, шапку снимаитъ здалёку, подъѣжжаитъ ближе—уклоняитца: здраствуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ! А ёнъ отвищаитъ: здраствуй гиныралъ вистовой! што, зъ бумагами ко мнѣ?—Зъ бумагами! Ёнъ тоды узявъ ету бумагу и читаитъ: што породила твоя жена ни поросёнка, ни щанёнка, нѣтъ-кого, соусимъ не человѣчьчаго подобія. Што прикажитя изь имъ дѣлыть? Ёнъ якъ прічитавъ, за ўши узявся, заплакывъ. Тоды ёнъ пишитъ къ батьку: отецъ родной! што шъ дѣлыть? хто ня ёсь, охрисьтитя ды мойго пріѣзда! Такъ ёнъ, етый гиныралъ, якъ письмо пулучивъ, опять выправився у свою стырону. Яны опять вышли къ яму и кажутъ: заѣдь, къ намъ на нычь, васпанъ, нашаго свата человѣкъ! Ёнъ зайшовъ къ имъ. Яны яго ныпоили, ныкормили и спать положили. Ну, якъ ёнъ лёхъ, дыкъ яны узяли у яго ето письмо и причитали. И ўзяли, ето письмо спалили, а сами ныписали: што, отецъ мой родной! кыли моя жена родила ня тое, што обѣщала мнѣ у дѣвкахъ, родила нѣтъ-кого, дыкъ идѣ хдчитя дѣньтя яе зь дятёнкымъ, ды мойго пріѣзда, кабъ моѐ и глазы не видали! Кыли ина не такъ родила, якъ обѣщала! Тоды ёнъ, гиныралъ вистовой, нызаўтриго рано усьсѣвъ на лошыдь и поѣхывъ. Ну, якъ пріѣжжаитъ ёнъ домой, отецъ спрашіитъ: ну што, гиныралъ вистовой! ти ўсе блыгополушно на границы у сына?—Слава Богу, усё хорошо! И подавъ яму письмо. Ну, тоды, ёнъ, батька, узявъ ето письмо, разломивъ яго, и якъ причитавъ, дыкъ заплакывъ. Тоды собравъ санотъ: идѣ подѣть яѐ зъ рябёнкымъ? Што сынъ прислав, што покуль я пріѣду, кабъ яе не было: идѣ хочитя подѣньтя зъ рябёнкымъ! Тоды одинъ сынаторъ обыбрався, кажитъ: надо шклянную бочку зработать, жалѣзные обручи нагнать, смолою обсмолить, и на моря-лукоморья пусьтить. Нехай плыветь, куды Бохъ позволитъ! Ну, тоды сійчасъ шкляры зработали шклянную бочку, усадили яѐ туды зъ рябёнкымъ, кывали окували бочку, зысмолили смолою, и пусьтили на моря.

Сынъ зьвярнувся зъ границы. Ѣзьдивъ ёнъ, ѣзьдивъ кыло моря,—нійдѣ не нашовъ,—сплыла. Ёнъ заплакывъ горько. Ну, тоды поѣхывъ къ Баби-Язѣ, къ тэй самэй, и ўзявъ родную дочку яе. А етый, што поплывъ зъ маткой, плывъ-плывъ скольки тамъ, и росъ не нядѣлими, не днями, а росъ чесами. А матка ўсё плачитъ. И наплакыла повну бочку сьлёзъ, што ёнъ и ина тонутъ у сьлезахъ. Тоды ёнъ приговоривъ: матушка моя родимая! блыгослови ты мяне, штобъ шкляная бочка и жа-

лѣзные обручи рассыпылиси нарозно! Ну, кажить: Бохъ тябе блыгослови, сынокъ! Ну, дыкъ ёнъ якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, шклянáя бочка, жалѣзные обручи! рассыптися нарозно! Докуль моя матушка будить печалитца, я буду топитца у маткиныхъ сьлезахъ? Такъ ина покъ-покъ, обручи рассыпылиси, бочка на маково зернó посыпылася! Ёнъ тоды узявъ матку за руку и повёвъ. Узьвёвъ на такую високую гору, што ни здумать, ни згадать, ни у каскыхъ сказать. Называетца ета гора Буда-гора. Тоды тамъ сьнявъ планъ. Тоды ёнъ узявъ матку зу руку и обвёвъ вокругъ горы. Ну, тода говорить: матушка! блыгословитя мяне, я буду на стый горѣ Будай-городъ заводить! Матка яму кажить: дитятко моё миленькыя, дитятко моё дороже́нькыя! сь чимъ ты будишъ городъ заводить: у насъ тутъ нема ничого, тольки одна душа? А ёнъ кажить: матушка моя дороже́нькыя! мнѣ тольки дорега твоя блыгослове́нства, а то усё Бохъ дась! Якъ вышывъ ёнъ за два чесы до сьвѣту, сыйшовъ зъ горы унизъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: дай Божа, штоба бочка золыта, бочка се́ребра прикатилыся ко мнѣ! Ну, прикатилыся бочка золыта и бочка се́ребра. Ну, тоды ёнъ говорить матцы: матушка моя любезныя! деньги у насъ ёсь; тяперь блыгослови ты мяне, кабъ къ нашый Будай-горѣ лѣсъ приплывъ! Тоды матирь отвѣщаить: Бохъ тябе, дитятка, блыгословить! Тоды идутъ барки изь лѣсымъ, изъ брусьсимъ, зъ лáтыми, зъ дошкыми, су усякимъ усячиной, отъ того ужо царя, одъ батьки. Батька ужо пробу сьнимаить. Ёнъ вѣдыить, што яго сынъ живъ, што идѣ-идѣ окосьнётца—окажитца. Ну, тоды ёнъ вышывъ на гору и видить, што идутъ барки по мóрю изь лѣсымъ су усякимъ. Ну, ёнъ якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ, я буду товаръ покупать, поцѣнно давать, вашыму царю госьтинца пысылать! Яны причалили барки, товаръ пызвалйли ли крутой етый горы. Ёнъ заплативъ имъ у дьвѣ цаны. Ну й якого тамъ подарку пыславъ царю ихныму, откуль етые купцы.

Тоды яны поѣхыли домой, а ёнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ будить отецъ съ мачихой говорить, якъ пріѣдутъ купцы! Матка кажить: сынокъ мой зьлюбленный, Бохъ тябе блыгословить! Ну, ёнъ тоды зьдѣлывся гулубцомъ и полятѣвъ усьлѣдъ зы купцами. Ну, пріѣжжають етые купцы къ свойму царю. Ёнъ ихъ спрашіить: ну, ребяты, идѣ бывали, што видали? Яны кажутъ: ваша вяличество! пріявилыся крутая гора, што ни здумать, ни згадать, ни у скаскахъ сказать—якой висычины, якой ширичины! И къ той горѣ якёй то купецъ уси барки причиляить (чал), товары, лѣсъ откупляить,—

кажить: буду Будай-городъ ставить!. Ёнъ намъ у дьвѣ цаны заплатив и вамъ госьтинца прислав! Царь кажить: вѣрно ето мой сынъ! нужно побольше пыслать, кабъ скорѣй городъ ставивъ! Ёнъ ужо послав, што яму й такой и такой лѣсъ нуженъ. А сынъ пылятѣвъ гулубцомъ къ матцы. Тутъ опять ставъ молодцомъ и кажить: матушка моя родименькая, блыгослови ты мяне: думаю я Будай-городъ стыновить! Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить! Ну, ёнъ тоды вышывъ на гору и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ ёсь плотьники, топорники, столяры, кували! усѣ сыбирайтися къ моёй крутой горѣ! я буду поцѣнно платить, Будай городъ стыновить! Ну, якъ крикнувъ ёнъ, дыкъ сыбралиси къ яму пильщики, плотьники, муляры, кували, уси, уси. Ёнъ обвёвъ планъ и ставъ городъ строить. И за пувтора́ мѣсица ёнъ изь ими состроили городъ, лавки, церквы зычинали. Ну, тоды опять ѣдуть етые купцы съ товарыми. Ёнъ кажить: матушка, блыгослови мяне! у мяне лѣсу не хвата́ить! Матка блыгословила. Тоды ёнъ вышывъ ды якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ: мнѣ нужно Будай-городъ строить! Яны лѣсъ яму звалили. Ёнъ имъ у дьвѣ цаны заплативъ, ныкормивъ, ныпоивъ, и домой отпусьтивъ. И ящо царю госьтинецъ пыславъ. Тоды, яны поѣхыли, тоды ёнъ кажить: матушка, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка будить говорить зъ мачихый! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить! Ёнъ ськинуѵся узнова гулубцомъ и пылятѣвъ зы купцами. Покуль тэя купцы пріѣхыли дыкъ ёнъ слухыить. Пріѣжжаютъ купцы. Царь спрашіить: што, ребяты: по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Яны кажуть: ваша осіятельство! дали Будай города нидѣ не бывали! Той купецъ ня 'тпускаить дальше! Ну, дыкъ ёнъ говорить мачиси: вѣрно ето мой сынъ пріявився! А мачиха отвѣщаить: ето ня диво-дивушка, што Будай городъ вистроинъ крѣпко и пригожа, а вотъ ёсь у моёй матушки, на тридевятымъ царсьти, на тридесятэй зёмли, ёсь, говорить, городъ, больше Будая, кругомъ сьтѣна ў три аршина глубычины и ширичины: и ёсь у моёй матушки ны стайни пара концо́въ-жеребцовъ! якъ пойдуть гулять, дыкъ искры васкрозь сьтяну ў три аршина прила́муютъ! А ёнъ зъ гулубцами сядить ды ўсё слухыить. Тоды прилятѣвъ къ матусцы и ставъ молодцомъ. Матка спрашіить: што, мой сынокъ узьлюбленный: што тамъ батька зъ мачихый казали? А ёнъ кажить: а вотъ, якъ пріѣхыли купцы ды стали хвалитца, што мы дали не были нійдѣ, тольки у Будай у городи, у крѣпысьти, дыкъ мачиха отвѣщала: што ето ня диво, што Будай городъ вяликыя крѣпысьть! у моѐ, говорить, матушки ёсь городъ, у три аршина сьтѣна глубычины и ширичины; и ёсь у яѐ ны стайни пара концовъ-жеребцовъ; якъ

пойдуть пó городу гулять, дыкъ искры концовъ наскрóзь сьтяну прибиваютъ! Тоды ёнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба за ночь тая сьтѣна отъ Бабы-Яги перейшла ко мнѣ, стала кругóмъ мойго города, и штоба пара концовъ-жеребцовъ у мяне на стайни стояли и по городу такъ гуляли! Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить, дитятко!

Ну, тоды ёнъ за два часы до сьвѣту вышывъ на крутую горỳ, ды якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: идѣ то у тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, у Бабы-Яги ёсь каменныя сьтѣна у три аршина ў ширичину и глубычину! Прибудь ко мнѣ, стань кругомъ мойго города! И штоба пара тыхъ концовъ-жеребцовъ прибыло! Ну якъ тольки крикнувъ такъ, усё тое, што у Бабы-Яги, родилыся. Тоды ёнъ пыславъ къ царю письмо, кабъ ёнъ прыславъ яму ужо краснаго товару и рыбы. Царь прыславъ. Тоды ёнъ етыхъ купцовъ пучустувáвъ и госьтинецъ царю пыславъ. Купцы тэя поѣхыли. Тоды ёнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка зъ мачихой будить говорить? Матка блыгословила. Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и пылятѣвъ за купцами. Пріѣжжають яны домовъ, ёнъ сѣвъ зъ гулубами ды сядить. А батька спрашіить у купцовъ: ну што, ребяты: идѣ бывали, што видали? пы якихъ городахъ, пы якихъ сторонахъ ѣзьдили? Яны кажюць: дали Будай-города не пускаить той купецъ! И вотъ вамъ госьтиньчика прыславъ. И што вы тутъ сказавали жъ жаной, тое тамъ усё пріявилыся: и тая сьтѣна у три аршина ширичины-глубычины, и тыхъ пара концовъ-жеребцовъ: якъ пойдуть пó городу гулять, дыкъ задьними ногами сьтяну приламують! Еткая чистота! Етый царь кажить: надо мнѣ туды зьѣздить пылядѣть: вѣрно, ето мой сынъ! А мачиха кажить, жена яго: ето ня диво, ды дивушка! У моеи матушки, ву тридевятымъ царсьти,—у тридевятэй зéмли, стоить подъ городомъ дубъ, ни здумыть, ни згадать! На тымъ дуби дьвинадцыть кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ дванадцыть котовъ: якъ угóру йдуть—басьни бають: якъ унизъ идуть—на гусьли йграють. Вотъ то-то чистота у моеи матушки! Ну, тоды ёнъ пылятѣвъ къ своей матцы. Матка спрашіить: а што, мой сынокъ: што тамъ батька зь мачихый говорили? А ёнъ кажить: якъ пріѣхыли купцы, ды стали хвалйтца, што дали города Будáя не былй, и што вы говорили, то усё тамъ стало: и сьтѣна и жеребцы—такая чистота! дыкъ мачиха кажить: ето ня диво, а дивушка! Ёсь у моеи матушки, ву тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, дубъ; на тымъ дуби дванадцыть сокотовъ, на тыхъ сокотахъ дванадцыть котовъ: якъ угору йдуть—басьни бають, якъ унизъ идуть—на гусьли играють. Тоды ёнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба у мяне бывъ такей дубъ! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить!

Вышыв ёнъ тоды за два чесы до сьвѣту на крутую гору̀, ды якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ то на тридевятомъ царстьви, на тридесятый зѣмли, у Баби-Яги ёсь дубъ на двападцыть кокотовъ, на тыхъ кокотахъ дванадцыть котовъ,—прибудь ко мнѣ! каить. Ну, тольки ёнъ крикнувъ, усё тое и ёсь.

Идуть узнова товары. Ёнъ вышывъ на гору̀, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моей горѣ! я товаръ куплю, поцѣнно плачу, васъ напою, накормлю и царю гостиньчика пошлю! Тоды яны товаръ пызвалили, деньги пулучили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, ныпоивъ и госьтинца царю пыславъ. Тоды ёнъ кажить: матушка, блыгослови мяне, штоба мнѣ провѣдыть, што тамъ будить говорить отецъ изъ мачихый! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить! Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и сѣвъ зъ гулубцами. Прiѣжжають купцы. Царь спрашiить: што, ребяты! идѣ прiѣжжали, што чували, што видали? Яны кажуть: ваше сiятельство! дали того города той купецъ, ти хто, Бохъ яго знаить, не пускаить! Ёнъ у насъ товары откупивъ, поцѣнно заплативъ, ныкормивъ насъ, ныпоивъ, и вотъ госьтинца вамъ прыславъ. И што вы жъ жаной казали, той дубъ подъ городомъ стоить, на двападцыть кокотовъ, на тыхъ кокотахъ дванадцыть котовъ: угбру йдуть— въ гусьли йграють! Вотъ то-то красота! Царь кажить: вѣрно ето тамъ мой сынъ! надо зьѣзьдить полядѣть! Ну ина стала отгуваривать яго: ето ня диво, а дивушка! каить. У моей матушки на тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли ёсь чушка-вопе́рь. Ёнъ по городу идеть, лычемъ ореть, а ногами скородить, а вушами сѣить и вѣить. Якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣть! Полятѣвъ ёнъ къ матцы. «Ну, што батька зъ мачихый говорили?»—Батька хотѣвъ ѣхыть, а мачиха каить: ето ня диво, а дивушка! Якъ у моей матушки ёсь чушка—вопе́рь. Ёнъ по городу идеть, лычемъ орѣть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить. Якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣть! А у насъ, матушка, хлѣба умалѐньня, дыкъ блыгослови мяне, кабъ до насъ прибывъ такей вопе́рь!—Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! кажить. Ёнъ тоды, за два чесы до сьвѣту вышывъ на гору, якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй! идѣ то ў тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли, у Бабы-Яги ёсь чушка-воперь. Ёнъ лычемъ ореть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить; якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣть! У мяне нѣту хлѣба; прибудь ко мнѣ ты, у городъ Будай! Той вопе́рь идеть, лычемъ ореть, ногами скородить, вушми сѣить и вѣить; якъ пройшовъ по городу, дыкъ хлѣба нейди дѣть: по хлѣбу ѣзьдють, якъ по мосту̀! Ну, тоды купцы етые ѣдуть по мо́рю. Ёнъ ужо вышывъ, кричить молодецкимъ го-

лосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ мойму къ Будай-городу! я товаръ купляю, поцѣнно плачу! Вотъ яны товаръ звалили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, нывоивъ, и госьтинца царю пыславъ. Самъ прóситца у матушки, кажить: блыгослови мяне, матушка: я хочу провѣдать, што тамъ батька зъ мачихой будуть говорить. Матка говорить: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! Ну, тоды ёнъ гулубцомъ ськинувся и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и слухыитъ. Пріѣжжають купцы. Царь спрашіить: што, ребяты: идѣ бывали, што видали? Яны кажуть: дали города Будая нійдѣ не былй! Той купецъ товаръ у насъ откупивъ, поцѣнно заплативъ, насъ ныпоивъ-ныкормивъ, и вамъ гостинычикъ прислывъ. И той чушка-воперь, што вы говорили жъ жаной, тамъ у яго! Икая чистота! Царь кажить: вѣрно ето мой сынъ тамъ! Надо зьѣзьдить къ яму! Ну жана яго стала отгувáривать: ето, говорить, ня диво, а дивушка! Ёсь у матушки мое у каменныхъ палатыхъ одинадцыть молодцовъ, по дванадцыть пудовъ булдува. Якъ пóйдуть пó городу молотить, дыкъ моя матушка смашно сьпить, у каменныхъ палатыхъ! Ну, ёнъ осѣвся, не поѣхывъ къ сыну. Тоды ёнъ прилетаить ко двору и ставъ молодцомъ. Матка спрашіить: што, сынокъ мой? што тамъ батька зъ мачихый говорили? Ёнъ кажить: а што? якъ пріѣхыли купцы, стали расказывать, што яны дали нійдѣ не былй, тольки у городи Будаи: той купецъ у насъ товаръ откупивъ, поцѣнно плативъ, насъ ныкормивъ—ныпоивъ, и вамъ госьтинца прислывъ,—батька кажить: вѣрно ето мой сынъ! надо зьѣзьдить къ яму! А мачиха стала отгуваривать яго, говóрить: ето ня диво, а дивушка! А ёсь у моёй матушки у тридевятымъ царсьти на тридесятый зéмли каменныя палаты; тамъ одинадцыть молойцовъ, по дванадцыть пудовъ булдува; якъ пóйдуть по гóроду молотить, дыкъ моя матушка крѣпко у каменныхъ палатыхъ сьпить! И заплакывъ: што моé браты такъ дужа страдають! Тоды говорить: матушка, возьми сьпячи дванадцыть проскурикъ, и съ своé груди молока прицыркни! А я пойду къ кывалю, булдаву́ кувать! И зыказавъ сабѣ ны дорогу булдаву дванадцыть пудовъ вѣсымъ. Тоды ёнъ скувавъ булдаву, вышывъ за гóродъ и кинувъ яе угору́, за вóблыки. Ина тамъ летала—летала, тоды лятить унизъ. Ёнъ узявъ, выс‘нывивъ (выстановивъ) праву́ю ладонь. Дыкъ ина якъ ударилыся, дыкъ и рассыпалыся! Ну, тоды ёнъ пошовъ назадъ къ кувалямъ. Яны передѣлыли яму: половина желѣза а половина стали. Ну, тоды ёнъ вышывъ за городъ, якъ кинувъ яе угору́ за воблыки, йна тáмъ летала—летала, потомъ лятить унизъ. Ёнъ узявъ, шапку зьдѣвъ и выс‘нывивъ лобъ. Ина якъ ударить яму у лобъ, дыкъ тольки увогнулася. Тоды ёнъ говóрить: ну́, ребяты: хороша будить! Пришовъ у дворъ, узявъ дванадцыть проскурикъ, попрощався зъ маткый,,

и пошовъ къ Баби-Изѣ, у тридевятое царство, у тридесятую зѐмлю.

Ну, тоды, якъ ити, дыкъ ити, скоро кажитца, ды ня скоро дѣлыитца. Пришовъ къ Баби-Изѣ. А ина сьпить, яны оддыхають,—тольки булдо́вы на горѣ тырчать. Ёнъ узявъ, проскурки на булдо́вы усклавъ, а самъ за камень схувався. Ну, тоды яны одинъ другого товхъ-товхъ! Будимъ, братцы, уставать молотить! Вядо́мо, яны у яе у тьвику. Зьѣли проскурки. Вѣтеръ якъ дунувъ, дыкъ яны почули маткину кровъ. Эй, братъ, кажють: братъ у госьти пришовъ! Тоды ёнъ вышывъ, кажить: укажитя мнѣ яе! А яны кажють: братъ, утекай! А ёнъ кажить: такую яе, етакую! тольки укажитя мнѣ яе, ды поможитя тоды мнѣ! Я пойду яе своею булдавою бить! Яны тоды яму указали яе, а сами пошли молотить. Приходить ёнъ туды къ ей, ажны ина сьпить: изъ ноздёръ дымъ шибаить, изъ рота по́лынь, а зъ вушей искры сыплютца. Ну, тоды ёнъ пришовъ, разъ треснувъ по лбу—ня чуить! другій разъ—почула. И схватилися. Ина його огнёмъ палить, дымомъ ду́шить. Ёнъ тоды крикнувъ на братовъ. Браты подскочили и забили яе. Ёнъ тоды узявъ возовъ пять соломы, палаты яе́ запаливъ, братовъ узявъ за ру́ки и повёвъ у свою сторону, у свое царство.

Приводить ёнъ ихъ домовъ къ матцы. Яны поклонилися матцы, поздоро́вкылиси и живуть у Будай-городи зъ братымъ. Якъ пойдуть по городу гулять—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбу зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтія у серебри, по колѣни у золыти—дыкъ увесь городъ зьяить! Ну, тоды царь етый посылаить своихъ купцовъ съ товарыми. Купцы ѣдуть по морю; ёнъ вышывъ на гору̀, кричить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы грябцы! грябитя къ мойму городу: я товаръ поцѣнно купляю, и васъ ныпою-ныкормлю, и царю госьтинца пошлю! Яны пріѣжжають; товаръ звалили; тоды ёнъ ихъ ныпоивъ-ныкормивъ, царю госьтинецъ давъ и домой отпусьтивъ. Тоды кажить матцы: матушка моя родимыя! я, кажить,—братовъ отыйскавъ, тяперь якъ—ба отца у свой Будай городъ звыротить? Ти ёсь тамъ у мачихи якѐя зага́дки, ти нема? Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и полятѣвъ къ батьку. Купцы якъ пріѣхыли, царь спрашіить: ну што, купцы—грябцы! идѣ бывали, по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Тоды яны кажуть: ваша сіятельство! дали того города той купецъ, ти Бохъ яго знаить, не пускаить! И што вы жъ жаной тутъ говорили, то тое тамъ пріявилыся: тамъ дванадцыть братовъ стало! Мачиха якъ почула, што яны сыйскалиси, и што яе матки ужо на сьвѣти нема, дыкъ ина схватила ношъ и заколо́лыся. Тоды тэй царь кажить: слава табѣ Господи, што Бохъ опроставъ мою голову̀ отъ окаянныя силы! Поѣду я къ

своей жанѣ, къ своимъ дятёмъ! Тоды ёнъ полятѣвъ домой. Прилятѣвъ домой, зьдѣлывся молодцомъ. Матка кажить: што шъ ты чувъ? А ёнъ кажить: а вотъ што я чувъ: якъ пріѣхыли купцы, ды стали раскáзывать, што мы видали ў Будай-городи двянадцыть братовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтья— руки у серебри, по колѣни ноги ў золыти, якъ пойдуть по городу гулять, дыкъ увесь городъ зьяить,—дыкъ якъ почула ето мачиха, увызнала, што яе матку забили ужо, дыкъ ина нóжамъ сябе заколола. А батька кажить, говóрить: слава табѣ, Господи, што Бохъ опроставъ мою головý отъ окаянныя силы! Тяперь, кажить, пойду къ своей жанѣ и къ своимъ дятёмъ! Слава Богу, отецъ у госьти завтра къ намъ будить! Матушка, блыгослови мяне, штобъ за два чесы до сьвѣту провéсьти двянадцыть вёрстъ дорогу, выбить краснымъ сукномъ, и терезъ мóря мостъ, золотая мосьница и сяребриная мосьница, золотый стовпъ и сяребриный стовпъ. Матка сказала: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! За два чесы до сьвѣту вышывъ ёнъ па гору. Якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: я дожидаюсь отца у госьти! штоба Бохъ давъ, штоба до сьвѣту терезъ мóря мостъ вымысьтився и штоба была дорога на двянадцыть вёрстъ, и ету дорогу краснымъ сукномъ увыслали! Якъ ёнъ тольки сказавъ, такъ сійчасъ откуль явилиси масьтярỳ, усё ето зрабóтыли. Чуть-день ѣдить царь къ жанѣ у госьти. Пріѣхывъ, поздрáстувався жъ жаной, зъ дятьми. И ставъ жить у Будай-городи. И тяперь тамъ живуть.

С. Староселье, мстисл. у. Отъ кр. Лаврена Артемова, 58 л., негр. зап. въ моемъ присутствіи г. Аникіевичъ.

19. Иванъ Ивановичъ купецкій сынъ.

Бывъ у якомъ то царстьви—государстьви купецъ. У того купца бывъ сынъ. Доживъ ёнъ до совяршенныхъ лѣтъ, и дозволя́стца ёнъ у батьки жанитца. Ну, ѣдь сабѣ, выбирать по'быччу дѣвицу! Тоды ёнъ поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, узъѣжжаеть на поля: жнеть дѣвка жито. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлýха?—Вотъ, я зьдѣлуха не большая: етую жменьку жита важну, зьмялю и двянадцать бóхановъ хлѣба сьпяку зь яé!—Ну, коли, говорить, лѣпшія не найду, я за сябе тябе замужъ возьму! Тоды ёнъ попрощався зь éю и поѣхавъ подальше. Бярѐть дѣвка лёнъ. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлуха?—А, я зьдѣлуха не большая: ету жменьку лёну посьтялю и сомну, двянадцать постàвовъ кросёнъ вытку зь яé!—Ну, коли,

говорить, не дась Богъ, не случитца мнѣ лѣпшія найти, я тябе за сябе замужъ возьму! Уѣжжаеть ёнъ у городъ. Поставивъ коня на кватѐри, самъ пошовъ по базару, коло перепечáекъ. Уси красивыя дѣвки, ну одна красивѣй усихъ! Понорáвилась яму. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што вы, говорить, за зьдѣлуха?—А я зьдѣлуха не большая: пойду, говорить, за кого замужъ, дакъ я роджу двянадцать сыновъ, по колѣно у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють, якъ у водного! А вы, говорить, што спрашіетя, по якихъ дѣлахъ?—А я, говорить, сабѣ дѣвицу по 'быччу сво му выбираю, буду 'бручàтца зъ ёй!—Коли, каеть, ня грѐбуетя, дыкъ я, говорить, пойду за васъ! Тоды указала дворъ. И пошовъ ёнъ къ отцу свататца. Вотъ ёнъ ставъ сватать, отецъ говорить: коли дѣвица идéть, дакъ щасьтя яé не могу задержать,—нехай идеть! Просватавъ ёнъ яé. Ёнъ побоявся, штобъ якого перябóю ня булó, не воротився къ батьку, узявъ да й жанився тамъ. Пріѣжжаеть домой ижъ жаною ужо. Батька тэй усѐрдився, што не пріѣжжавъ домой благословлятца, ды й 'бручився тамъ, и матка. Тогда ёнъ батьку и матку ставъ просить, ставъ просить. Батька тыки просьтивъ яму, а матка—тая сярдита, не прощаеть яму. Отъ, ёнъ, скольки урѐмя прожили, нявѣста забрéменѣла. Тоды свякрова стала бранитца на хозяина: чаму сына не посылаешъ за купечаствомъ, чаго сидитё у хати? Собрали старцóвъ да й не думаетя! скоро ѣсьть нéчаго будеть! Тяперича ёнъ, батька, говорить на яго: ну, мой сынокъ! бяри денегъ, говорить, и ѣдь у такій и такій городъ на пристань, и купляй на пристани товаръ! Тоды ёнъ говорить: батюшка мой, говорить, кормитель мой! коли дась Бохъ, моя жана рóдить,—ти худое ти доброе—безъ мяне, говóрить, хрѐзьбинъ не гуляйтя,—я самъ буду хрезьбины гулять! Отъ ёнъ поѣхавъ. Тольки ёнъ поѣхавъ, ина почала родить. Тольки одного ина родила, а свякрова ухватила да за плотъ! Вотъ, ина роджаеть, а ина за плотъ кидаеть. Одинадцать сыновъ ина за плотъ закинула. Тольки што двянадцатаго родила, а старушка нѣйкая на порогъ. Тоды ина (свякрова) на яе усярдилася, чаго ина найшла на етый зной, а тая попросила, породиха: бабулька, говорить: ня йдитя, побудьтя часину тутъ! перебабтя, говорить, яго! Мужа у дворѣ нѣту, мнѣ самой ходить нельзя!—Этъ, каеть: якъ мнѣ яго бабить, мужички приступить къ купцовой жанѣ!—Ничого, каеть, перебабтя! Ина узила, яго перебабила. Тоды яго у ночóвочки положила, ножичекъ подъ гóловы яму положила, што пуповинку рѣзала. Тоды пошла къ купцу: купецъ нашъ милосьливый! давъ Богъ табѣ унýка, што ни чуть, ни видать было яго! И родйла, говорить, што по колѣни у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у

макусцы дробныя звёзды сіяють. Купецъ тэй увыйшовъ у комнату, дакъ ажно комната сіяеть отъ яго! Ну, ёнъ сичасъ узявъ, письмо написавъ къ свойму сыну: сынъ мой, говорить, узлюблённый! родила, говорить, твоя жана ребёночка, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють: освятивъ мою комнату усю! Тэй человѣкъ пошовъ съ письмомъ. Проходить день, обнимаеть яго тёмная ночь. Стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хату зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть— вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ зъ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говорить: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёночекъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо́, кабъ ѣхавъ домой ксьтины гулять! Тоды ёнъ легъ спать, а ина писямцо́ тое вынила, написала письмо: што родила твоя жонка ребёнка—свиный лычъ, куриныя ноги, мядьвѣдчія руки, совиный узглядъ—соусимъ не человѣччій корпусъ! Да тое письмо яму за шапку за маргелку заклала, а тое подрала. Дакъ ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Проходить день обнимаеть яго тёмная ночь. Ёнъ приходить—стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хатку зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть—вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ съ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говора: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёнокъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо́, кабъ ѣхавъ домой, ксьтины гулять! Тоды ёнъ лёгъ спать. Ина узила тое писямцо, ящо чисьтѣй накурбувала, на дятёнка на того, што ўжо й смотрѣть на яго нельзя. Ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Вотъ, приходить у тэй городишко, допытався яго кватери, сичасъ отдаеть ето писямцо. Ёнъ узявъ тое писямцо,—стыдно яму читать яго—скольки особъ тутъ було́—дыкъ ёнъ вышовъ на крыльцо. Прочитавъ ето письмо, тоды написавъ: батюшка мой, говорить, и матушка! якого Богъ ни давъ, не гуляйтя хрезьбинъ безъ мянѐ! я самъ пріѣду хрезьбины гулять! Давъ яму грошій на дорогу:

нѣшто, говорить, не такъ написано, якъ ина казала—роджу дятёнка!—Нѣ, каеть: ина родила дятёнка по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звѣзды. Тоды ёнъ дознався, што ето шваграни яé при дорози жили и подьдѣлали—которая жáла, которая лёнъ брáла. Давъ иму грошій на дорогу. Ёнъ якъ ити дакъ ити—пройшовъ день. Обнимаеть яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, адѣ нучувавъ другую ночь. Здраствуй, дѣвица!—Здравстуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А, нашто вы проситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ўжо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каеть, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала: што, батюшка и матушка! не гуляйтя хрезьбинъ безъ мяне! Ина жъ тую сичасъ узила подрала, и написала: батюшка, говорить, и матушка! сичасъ яе стратьтя! до мойго прiѣзду кабъ яе не було. А коли не стратитя, дакъ я, говорить, васъ самихъ потрачу! Написала ету карточку, ды за шапку яму заклала. Ёнъ назаўтра уставъ, помывся, Богу помолився, подякувавъ за ношлегъ, и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити—обнимаеть яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, дѣ першую ночь нучувавъ. Здраствуй, дѣвица!—Здравстуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А нашто вы проситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ужо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каеть, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала. Опять жа ина поправила: ежали яé не стратитя, дакъ я, говорить, прiѣду, домъ спалю, и попелъ вѣтеръ разнясѐть! Ёнъ приходить домой, сичасъ отдаеть карточку тому купцу. Тэй купецъ прочитавъ: ухъ, говорить: якъ ето можеть быть! кабъ етакаго ребёшачка тратить! жаль мнѣ яе, жаль етакаго ребёнка, красиваго! Сичасъ свякровъ убѣгаеть—да, говорить: ти табѣ нявѣстка дорожѣй исъ сыномъ, ти мы? Ужежъ мы дорожѣй, говорить, и домъ! Да стратить, каеть, ихъ! Ну, ёнъ подумавъ: якъ яе стратить?—такъ яе тратить нельга! Булá у яго большая кýхва; ёнъ тую кухву засмáливъ, зялѣзными обручами забивъ яé, тоды узяли яé у ету кухву садить. Ребёшачекъ етый проговоривъ: матушка моя родителка, не забудься тэй ножичекъ узять, што баба пуповинку отрѣзáла мнѣ! Узила ина тэй ножикъ, ихъ у тую кухву усадили, дно уставили, и засмáлили,—штобъ вода не найшла туды. Тоды пусьтили ихъ по мóрю. Купецъ самъ пошовъ по берегу, и смотрить, покуль изъ глазъ исплывъ,—што жалко яму етаго ребёнка—што красивъ дужа! Давъ Богъ унука, и того пусьтивъ по мóрю! Тоды ина выходить, свякрова, на берегъ и говорить: чаго ты ходишъ по берегу, иди, каеть, (у) дворъ! Што табѣ—нявѣстки съ сынкомъ дорого, а насъ зъ дворомъ ня дорого? Иди, каеть, домовъ! каеть. Тоды ёнъ вярнувся, пошовъ у комнаты.

Нямножко згодя, пріѣжжаеть сынъ. Батюшка, говорить: а дѣ жъ моя жана?—А дѣ жъ твоя жана? Што ты написавъ—здѣлано! говорить. Тоды ёнъ догадався, што ето зьдѣлали тыя дѣвки, швагрыни яе, которая жала, которая лёнъ брала. Ну, говорить: Богъ зь ею! Поплыла—тяпер не вярнуть! У здоръ етаго не принявъ, просьтивъ имъ, што показали карточку у руки. Узявъ, жанився съ тою, зъ другою, што жито жала.

Ти много, ти мало яны проплыли, и учувъ етый мальчишка, што кухва пріютилася,—ня йдеть по водѣ ужо. Матушка моя родителка, позвольтя мнѣ кухву ету распихнуть! Ина говорить: ай, мой сыночекъ! идѣжъ тябѣ распихнуть? Ина жъ зялѣзными обручами зьбита!—Позвольтя, кееть, матушка,—распихну!—Ну, Богъ тябе богослови, кееть: распихни сабѣ! Ёнъ мезинымъ пальцомъ стукнувъ у дно—тое дно выскочило! Ёнъ самъ на берегъ вышовъ и матку на берегъ вывевъ, на выспу. Матушка, моя, говорить, родителка! позвольтя мнѣ, говорить, будучку состроить етымъ ножикомъ: будеть, кееть, отъ жаркаго сонца, отъ силнаго дожджу! А ина говорить: идѣ табѣ построить будку такимъ ножичкомъ? ёнъ жа, кееть, маленькій и тупый!—Да матушка, богословитя!—Да Богъ тябе богословить: городи сабѣ якую будку! Ина легла спать,—такъ легла къ совнику, и заснула; а ёнъ пошовъ по крутому берягу и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, а свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму уси масьтера—и злотьники и плотьники и сребреники, исъ пилами исъ топорами,—уся масьтера къ яму явилася.—Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говорить, вамъ работа: штобъ на етомъ крутомъ берези зработали Будай—городъ; штобъ кругомъ етаго Будай—городу молошныя рѣки тяклй, кашные берягй прилегали;—штобъ бѣгали Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Такъ якъ хапили тое масьтера—дакъ яны ня то што у три чеса, прямо—у три минуты зработали Будай-городъ. И кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилянглй, и Вашачки бѣгали у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонка ня рушить! напьетёсь, наѣсьтесь, и мошонки не порушитя! Зработали усё якъ слѣдуеть быть. Аопнулася тая матка—што заснула подъ кусьтикомъ, аошнулася, дакъ прямо зяеть кругомъ, што куды ни глянеть кругомъ сябе, дыкъ сябе у сьтянѣ видить! Тоды яны ти много, ти мало такъ прожилй, сичасъ пославъ тэй уже батька яго товаръ на низъ. Потходють тые суденошники—который можа ходивъ лѣтъ тритцать—не было ничого на той выспи, што можа куста лозоваго не было—а то построенъ Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилянглй, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! Напь-

ётесь, наѣсьтёсь и мошонки не порушитя! Потходють тые судновые работьники къ Будай-городу, такъ вуходить купецъ на крылцо, потходить къ имъ па крутъ берегъ. Тэя работьники уторопились (оторопѣли)—што вышовъ то етакій купецъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ говорить: не торопитесь, говорить, проходжіе работьники, привалюйтя къ крутому берягу! Яны привалили къ крутому берягу, ёнъ товаръ тэй ихъ принявъ, заплативъ деньги, скольки стоивъ. Што имъ треба було, якій товаръ—ёнъ имъ опять наваливъ туды, назадъ икъ имъ.

Ёнъ знаеть тое уремя, коли яны дайдуть, сичасъ ськинувся голубчикомъ, полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ. Вуходить купецъ на крылцо, смотрить,—што яго судно идеть назадъ? Ёнъ етымъ уторопився. Потходить къ работьникамъ къ тымъ: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилось, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы проходжували, ничого не видали на жовтой высни; а тяперь, говорють, на жовтой высни, на крутой горѣ, построився Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды вуходить, говорють, купецъ на кругъ берегъ—по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды выбѣгла—жонка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ёсь!—Тó бъ то, говорить, бывъ твой сынъ!—Онъ, ёсьть, на якомъ то царстьви-государстьви ёсть дикій вѐперь, што лычамъ орѐть, хвостомъ скородить, и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушать! Ну, ёнъ узявъ товаръ принимать, а тэй голубчикъ и полятѣвъ къ матцы. Тоды говорить: мамка моя родимая! Пришли, говорить, судны къ батюшкиному двору, говорить, батюшка вышовъ и спрашіеть: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилося, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы проходжували, ничого не видали на жовтой высни; а тяперь, говорють, на жовтой высни, на крутой горѣ, построився Будай—городъ, и кругомъ етаго города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня

рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды выходить купецъ на крутъ берегъ —по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды, выбѣгла—жопка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ёсь! Тó бъ то, говорить, бывъ твой сынъ! Онъ, ёсьть на якомъ то царстьви-государстьви, ёсьть дикій веперь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородить, и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать!... Ахъ сыночекъ, говорить: адѣ ты ето доставишъ? Намъ, каеть, не достать!—Богослови, каеть, матушка! што Богъ дась!—Да Богъ тябе, каеть, благослови! Сичасъ ёнъ пошовъ на крутъ берегъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму богатыри явилися. Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говорить: на якомъ то царстьви-государсьтьви ёсьть дикій веперь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородить и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушать! Штобъ мнѣ етый веперь у три часы доставленъ бывъ!—Яны ня тольки у три часы, у три минуты доставили яго! Ёсьть уже и веперь на высци.

Тяперь, ти много ти мало прожили—тэй купецъ, значитца, собравъ товару и зновъ на низъ посылаеть. Потходють яны подъ тэй подъ Будай городъ, выходить купецъ, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Прошу, ребяты, говорить, дива посмотрѣть! Яны пошли дива смотрѣть. Приходють къ вяпрю, тэй вяпéрь устаеть, лычамъ ореть, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. И перядъ ими ето ўсё. Да. Тоды ёнъ давъ имъ хлѣба того скушать, и давъ имъ краюшку на дорогу. Отправились яны назадъ. Знаеть ёнъ ету пору, якъ яны дайдуть, сьկинувся голубчикомъ, полятѣвъ туды, сѣвъ у батьки на крылцѣ, ожидаеть ихъ. Яны тоды приходють. Выходить купецъ на крылцо. Што, говорить, ребятушки моѐ: ти ня чули якихъ нáвинъ на дорози?—Якъ, говорють, ня чуть—чули! У Будай-городи ужо ёсь дикій веперь. Ёнъ лычамъ оретъ, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. Штó у насъ говòритца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣть! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говорить, ето мой сы-

ночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька яго: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьтъ! Тб бъ твой бывъ сынъ—ёсьтъ на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ. Тб бъ твой бывъ сынъ! Купецъ узявъ сичасъ товаръ принимать, а ёнъ полятѣвъ сичасъ къ матцы домой. Матушка моя, родителка! говоритъ. Вышовъ, говоритъ, батюшка и спрашiетъ: ти нема нáвинъ у свѣти? Яны говорютъ: ёсьтъ новины! У Будай городи ужо ёсьтъ дикiй вепрь, лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и доспѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно кушатъ. Што у насъ говоритца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣтъ! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говоритъ, ето мой сыночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьтъ! То бъ твой бывъ сынъ—ёсьтъ на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ! Тб бъ твой бывъ сынъ!.. Мой сыночекъ! намъ етаго не достатъ! Мало-што ета тётенька твоя вамышляетъ тамъ! —Богослови, матушка! можа Богъ дасъ!—Да Богъ тябе, каетъ, богослови! Ёнъ сичасъ вышовъ на крутъ берегъ, якъ крикнетъ молодецкимъ голосомъ, свиснетъ богатырськимъ посвистомъ, являютца къ яму богатыри: што за работу прикажетя?—А вотъ, говоритъ: у третьтемъ царстьви государстьви ёсь баня: старый помыетца—молодый станетъ, а молодый помыетца, старъ станетъ. Якъ ба яѐ у три часы сюды приставитъ? Яны ня тольки у три часы, у три минуты зработали тую баню.

Тутъ купецъ тэй зновъ надумався, товару собравъ, опятъ ихъ послався на низъ. Яны потходютъ подъ Будай-городъ, выходитъ купецъ на крутъ берегъ: привáлюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходитя дива глядѣтъ! Приходютъ яны къ бани. Вы, каетъ, по водѣ хóдитя, да ня мыетесь! ходитя зъ дороги помыйтеся у бани у моей: тѣло помяхчѣетъ и вамъ поляхчѣетъ! Отъ яны пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познáютъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ: а который молодэй—тэй ставъ старъ! Ёнъ ихъ накормивъ-напоивъ и пазадъ отправляетъ. Тоды пошли яны назадъ, а ёнъ сьсинувся голубчикомъ и полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ и дожидаетъ ихъ. Приходютъ яны, выходитъ купецъ на крылцо, и не ўвознáетъ своихъ работьниковъ:—видитъ, што судно яго, а работьниковъ не можетъ увознатъ. Ти вы ето, ребятушки?—Мы, каетъ, мы!—Нѣшто жъ вы такъ?—А вотъ якъ: потходимъ мы подъ Будай-городъ, выходитъ купецъ на крутъ берегъ: привалюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходитя дива глядѣтъ! Приходимъ мы къ бани. Вы, каетъ'

по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у баин у моей: тѣло помяхчѣеть и вам поляхчѣеть! Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познаемъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ; а который молодэй—тэй ставъ старъ! Вѣрно, каеть, ето мой сыночекъ усё тамъ работаеть! Сичасъ ина выбѣгаеть: о, мало, говорить, ёсьть на свѣти озёльщиковъ! То бъ твоё сыны были, коли бъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинатцать братовъ. Штоба яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ!.. Тоды купецъ ставъ товаръ принимать, а ёнъ выслухавъ и полятѣвъ къ матцы. Матушка моя родителка! Приплыли работьники къ батьку, дыкъ ёнъ ихъ не познавъ: ти вы ето, ребятушки?—Мы, мы, кажуть.—Нѣшто жъ вы такъ?—А такъ и такъ: потходимъ подъ Будай-городъ, выходить купецъ на крутъ берегъ и зовѣть: ходитя дива посмотрѣть! Пошли мы туда, а ёнъ каеть: вы по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у бани у моей: тѣло помяхчѣеть и вамъ поляхчѣеть. Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познали: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ, а который молодэй—тэй ставъ старъ! Тоды батька говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ! А ина выбѣгла: вотъ то бъ твой сынъ бывъ, колибъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинатцать братовъ. Штобъ яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ! Ина говорить: а дѣ жъ ты, каеть, мой сыночекъ, ихъ найдешъ? ихъ можа вороньнё косьти поразносило, сороки тѣло порасклювали,—идѣ жъ яны будуть живы! Мало-што ина вамышляеть!—Матушка моя, родителька, богослови мнѣ съ своё груди стаканьчикъ молочка выдоить!—Мой сыночекъ, говорить:—адѣ молоко у мяне найдешъ?—Богословитя, матушка: усё Богъ дась!—Да Богъ тябе богословить! Ёнъ узявъ, стаканъ потставивъ подъ грудь, за грудь узявся,—цѣлый стаканъ молока набѣгъ! Ёнъ сичасъ узявъ, пшённыя муки на молоцѣ на етомъ замясивъ и дванатцать галушачекъ скатавъ съ того тѣсьтичка. Сичасъ ёнъ ськипувся голубчикомъ, узявъ полятѣвъ на третьтее

царство-государство, и сѣвъ на томъ дуби, куды ихъ Господь воздухомъ занёсъ. Сичасъ у дупелушко одну галушачку укинувъ. Одинъ братъ потъ хапивъ, зьѣвъ! Ахъ, братцы, говорить: матушкино молоко пахнеть! Тоды ёнъ имъ кинувъ ще одинатцать. Яны уси похапали, тожъ говорють: матушкино молоко пахнеть!—тые уси браты. Остаётца одна галушачка дьвѣнатцатая. Яны говорють: вѣрно нашъ братъ тутъ ёсьть, остаетца одна галуча. Тоды ёнъ къ имъ на токъ пырьхъ. Стало ихъ тамъ дьвѣнатцать молойцовъ. Заплакали яны, одинъ на дного глѣдючи, обнялись, поцулувалися, порадувались, што уси до кучки собралися! Тоды ськинулися голубчиками и полятѣли у тэй Будай-городъ, идѣ матка яго. Такъ уходють у комнаты, матка тая спужалася, на ноги ўпала. Яны яё потхапили: матушка наша родителка! хуть ты насъ молокомъ не кормила, ну ты дли насъ труждалася, насъ родила—поетымъ ты матушка наша родимая!

Тяперь, скольки уремя прожилй, тэй купецъ рўпитца, нагружаеть товаръ, опять на низъ отправляеть. Потходють яны подъ Будай городъ. Сичасъ выходють етые дванатцать молойцовъ на крутый берегъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Привалюйтя, говорють, ребяты, къ крутому берягў, мы ваши товары купимъ! Яны привалили, вышли къ имъ. Тоды яны товары ихъ побрали, свойго нагрузили, напоили ихъ, накормили, и посылають ихъ назадъ къ купцу. Яны знають тую пору, якъ яны пріѣдуть, сичасъ ськинулись голубчиками и полятѣли и сѣли у батьки на крылцѣ. Приходють работьники, ёнъ кажеть: Ну што, ребятушки: ти ня чули нáвинъ якихъ?—Да зачимъ, говорють, ня чули—што у насъ говóритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють, накормили насъ, напоили и назадъ отослали. Ёнъ кaеть: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный: кромя того мóста кабъ були окопы покàпаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахóрныя яблонки посóджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и ‘тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Отъ то бъ твое сыны былй! Тэй купецъ узявъ товаръ принимать, а яны полятѣли къ матцы. Матушка наша,

родителка! Пріѣхали работьники къ батьку, ёнъ у ихъ пытаеть: ти ня чули, ребяты, навинъ якихъ? Яны говорють: да зачимъ ня чули—што у насъ говоритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Ёнъ каеть: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная; золотэй гвоздъ, и сяребреный; кромя того мо́ста кабъ були окопы покапаны: по етыхъ окопахъ кабъ були сахо́рныя яблонки посо́джаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли, и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать!—Ай, мое дѣтки! идѣ жъ вамъ ето здѣлать! Мало-што ина вамышляеть!—Нѣ, матушка, богослови!—Да Богъ васъ богословить, дѣтки! Отъ яны выходють сичасъ на кругъ берегъ. Якъ крикнули молодецкимъ голосомъ, свиснули богатырськимъ посьвистомъ—являютца къ имъ богатыри: што за работу прикажетя! Да отъ: штобъ за ету ночь зработали мостъ, золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный; кромя того мо́ста кабъ були окопы покапаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахо́рныя яблонки посо́джаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ ў три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Яны якъ узяли, такъ ня то́ за ночь, а за три часы зработали етый мостъ отъ свойго крылца да до батькинаго крылца. Тоды яны знають тое уремя, якъ ихъ батька устаѐть, ськи́нулись голубчиками и полятѣли къ яму, сѣли на даху́, на крылцы, и ожидають, покамѣсь батька выйдеть на крылцо. Вышовъ батька на крылцо, смотрить—ажъ мостъ у самое у яго крылцо! Вѣрно, говорить, ето мое́ сыночки зработали мостъ! Выбѣгла тётенька и говорить: мало ёсьть на свѣти озельщ ковъ. Тобъ были твое́ сыны, колибъ яны сичасъ стали перядъ тобою: дванатцать молойцовъ, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Такъ яны тутъ уси дванатцать молойцовъ перядъ имъ на крылцы! Ни то ёнъ спужався, ни то обрадовався,—упавъ на ноги. Яны яго потхапили подъ ру́ки: батюшка нашъ, говорить, родимый! не пужайсь, говорить: мы ваши дѣти, вы пашъ отецъ роднэй! Обнялися, пуцуловалися. Тоды узяли коня съ стайни вывяли, тётеньку тую привязади къ хвосту и пусьтили у бѣлый свѣтъ коня

того! Конь тэй поразносивъ косьти яе по пдлю. Идѣ вд косьти валяютца по полю, ето усё яе! А отца тоды узяли съ собою и пувязьли у Будайгородъ. Тяперь тамъ остались купчувать съ першою жаною. Живуть, купчують. И я тамъ бывъ, чаёкъ, во якъ у васъ, пивъ, и ў Мáлятычи попавъ.

М. Малятичи.

21. Удалый молодецъ.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви живъ сабѣ царь такій, И ў яго бывъ сынъ. И ў яго булà служебка такая. И ина змалку плóха былá. А тоды подросла, стала пригожа. Ёнъ и ўлюбився у яе и ставъ сватать. Ну ина говорить: я сабѣ пойду за тябе, и будеть у насъ три сына: одинъ будеть, говорить, уво лбѣ мѣсикъ, у потылицы зорка, а вторый уво лбѣ будеть сонца, а ў потылицы звёзды, а третьтій ўдалый молодецъ! Ну, яны ожанилися. Черязъ годъ родила ина сына перваго—уво лбѣ мѣсикъ. Ну ёнъ того не видавъ, а позвавъ бабу, такую лиходѣйку. Ина хотѣла яе зьвесть, а за яго свою дочкў отдать. Дыкъ ина и дѣлыла яму зло. Узилà того дитёнка ды й у садъ занесла—бувъ тамъ садъ, што пихто не ходивъ тамъ, не ѣздивъ, и були тамъ усякія разносьти. А на яго мѣсто поклала такого, простóго. Тоды ёнъ оглѣдився, нема мѣсика. Отъ жа, жана: ты казала—родишъ мѣсикъ, ажны, говорить, простэй,—неправильно! Ну, алитку, облёгся: посмотримъ, што будеть дальше, нехай ще рóдить.

Ну, потомъ, черязъ годъ родила ина зновъ сына, уво лбѣ сонца, у потылицы звёзды. Тоды изновъ ёнъ позвавъ тую бабу, а ина занисла и того у садъ, а на мѣсто яго простого положила. Пóтомъ ёнъ оглѣ̀дився и говорить: вотъ, говорить, жана: потомъ говорила такъ, а потомъ етыкъ! Ну, алитку понороживъ—нехай третьтяго рóдить.

Пóтымъ того, черязъ годъ, третьтяго родила—у того ужу ничóго ня було—тэй удáлый молодецъ бывъ. Тоды ёнъ рассердився, усадивъ у бочку ихъ, сына и жану, и пусьтивъ на мдря. Такъ яны усплыли на большую глубину, такъ ёнъ говорить: матерь, говорить: надо мнѣ распростáтца! Ина говорить: нельзя! тутъ большая глубина, я тоды скажу табѣ, коли табѣ распростатца! Усплылй на стёръ, (збой, суходоль)—ну, говорить, сыночекъ, тутъ якъ хочешъ распростайся! Ёнъ распростався, бочка и разорвалась! Усё чисто разломавъ, на дробныя часьти разьдѣлавъ. Тоды ставъ ёнъ говорить: што, говорить, мамепька' якъ бы намъ огонёкъ, говорить, раскласьть? Тоды ина говорить: а я, говорить, тамъ служила, дыкъ бывъ тамъ опіяка такéй, дыкъ гнивцó уронивъ. А я, мёвши хату, говорить, и найшла. Дыкъ яно у мяне у кишéни! Возьми, можа и высячешъ! Ну, ёнъ сѣканувъ тое гнивцо, выскакуеть дванатцать молой-

цовъ.—Што, говорить, табѣ, удалый молодецъ, нужно?—А вотъ, говорить, мнѣ нужно: кабъ была мнѣ комлата—золотое бярно и сяребное, и кабъ було попить, поѣсь усяго, и кабъ мосты були къ берегамъ, мосьница золотая, мосьница сяребная! Ну, говорить, здѣлаемъ! Ну, сичасъ выстроили, бярно золотое, бярно сяребное, нагутували питеньня-ѣденьня, и мостъ провяли къ берегамъ—мосьница золотая, мосьница сяребная. Потомъ, плывуть по морю корабейщики. Што ето ёсь, што николи етого дома не видали нійдѣ? Поѣдемъ туды, ти не дадуть по'бѣдать. Пріѣжжаютъ туды и спрашують: што, дядюшка: ти нема у васъ чаго подъѣсь?—Чаму? у мяне, говорить, што ўгодно ѣжтя, питя! Яны сѣли за столъ, побѣдали. Ну, каеть: заплатить жа надо!—Нѣ, мнѣ платы вашія не надо, только подвязитя мяне подъ царській домъ!—Яны говорють: вò, дыкъ што тамъ подвезьть,—ти ты тяжекъ? Узявъ, поѣхавъ зь ими. Подъѣхали туды. Привярнитя, говорить, корабъ къ берегу: мнѣ надо по суходоли пройтить! Яны подвярнули. Ёнъ злѣзъ, надѣвъ свою шапку—нявидимку и подышовъ подъ палатки, и слухаеть, што будуть говорить. Потомъ того приходють корабейщики къ царю, царь спрашіеть: што, корабейщики, ти не нашли чаго-нибудь на мори—али дна, али бруча?—Нѣ, говорють: ничого не нашли, только видили сярёдъ моря построенъ домъ, золотое бярпо и сяребное, и два мосты, золотая мосьница, сяребная мосьница. Заѣхали, попили, поѣли. Коли бы ты яго увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився бы, што за домъ такой! Ёнъ говорить: да, надо съѣзьдить посмотрѣть! А баба тая тутъ. А, кажеть: ёсь чаго поглядѣть, ти правда, ти нѣ!—А вотъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идеть—пѣсьни пяёть, угорỳ идеть—басьни баить! Дыкъ коли бъ етого посмотрѣвъ! Етый удалый молодецъ сичасъ пошовъ по суходоли у домъ. Матушка! дай гнивцà, высѣчь огоньку! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ, выскакуеть дванатцать молойцовъ—што, говорить, удалый молодецъ, вамъ нужно?—А вотъ, говорить, ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идеть—пѣсьни пяёть, угорỳ идеть—басьни баить! дыкъ мнѣ надо яго приставить сюда, къ мойму дому!—Ну, приставимъ! И приставили.

Тоды, ѣдуть корабельщики. Опять попили, поѣли, и заплатить, говорить, надо хоть разъ! Нѣ, говорить, не надо мнѣ ваша плата, подвязитя мяне къ дому къ царському!—Во, чамỳ не подвезьть, ти тяжко, ти што! Сѣли и поѣхали. Ну, привярни, говорить, корабъ къ берегу, я пойду суходоломъ. Надѣвъ свою шапку—нявидимку и слухаеть. Царь спрашіеть: ну што, корабейщики: ти ня слышали, говорить, ти нъ видили на мори али дна, али шпунда?—Нѣ, говорить, не нашли! А вотъ видили коло того

дому садъ, яблона золотая, яблона сяребная. И ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ-краснобай: угорў йдеть—басьни баить, згоры идеть—пѣсьни пяе́ть! Дыкъ коли бы ты увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився!—Надо бъ было́ посмотрѣть! говорить. А баба тая говорить: э, ёсь чаго смотрѣть! Кабъ ты посмотрѣвъ у садъ, тамъ, говорить, свинья—золотая шарсьтинка, сяребная—рыеть, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванатцать молойцовъ не ўспѣвають огребать!

Ёнъ сичасъ домовъ. Матушка, дай гнивца огоньку высѣчь! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ,—выскакують дванатцать молойцовъ: што, удалый молодецъ, вамъ нужно? Ды вотъ у саду свинья, золотая шарсьтинка и сяребная; ина рыеть, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванадцать молойцовъ не ўспѣвають огребать! Доставтя мнѣ яе сюды къ дому! Яны узяли, доставили.

Потымъ того, ѣдуть опять корабельщики. Попили, поѣли, хочуть платить. Нѣ, каеть: мнѣ вашія платы не надо, а подвязитя мяне подъ царській дворецъ! Подвязьли яны яго подъ царській дворецъ. Ёнъ суходоломъ пошовъ, шапку нявидимку надѣвъ, пришовъ къ дому, ставъ подъ палаткой и слухаеть ужу. Приходють корабельщики: ну што, ребяты: ти не видали чаго на мори, ти дна, ти клёпки?—Нѣ, каеть: ничого не видали, а вотъ видали ли того дому садъ, у тымъ сади свинья—золотая шарсьтинка и сяребная. Ина рыеть, а съ—пудъ яе пшаница сыплетца. Дванатцать молойцовъ не ўспѣвають огребать! Вотъ ба вамъ того погляд́еть. Да нужно, говорить сабѣ, посмотрѣть.—А тая баба говорить: а ужў якъ сабѣ хочешъ! Унъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная. У тымъ сади два молойцы: у одного во лбѣ мѣсичко, у потылицы зорки, а у другого во лбѣ сонца, а ў потылицы звёзды! Ну, царь ставъ собиратца, а удалый молодецъ сичасъ домовъ. Мамъ, дайтя гнивца! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ—выскакуеть дванатцать молойцовъ: Удалый молодецъ, што надо?—А вотъ, говорить: ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў тымъ саду моихъ два браты, надо ихъ, говорить, доставить сюда!—Доставимъ! И приставили.

Ну, царь тэй пріѣжжаеть къ етуму дому и низдивитца, якій домъ! Потомъ того уходить ёнъ у домъ, ажъ ина сядить за столомъ, и сыны сидять за столомъ. Дыкъ ёнъ и заплакывъ. И ина заплакыла. А удалый молодецъ говорить: што, папенька, ти узнавъ своихъ сыновъ, моихъ братовъ? Ето бабушка ихъ стрябила, а я ихъ сюды приставивъ! Ну, говорить: поѣдемъ назадъ, у мой домъ! Яны поѣхыли. Ну што, говорить, етой баби здѣлать. А што, говорить, здѣлать? вывяди самаго луччаго коня и привяжи яе къ хвосту и пусь конь нагуляетца, а ина нехай навучаетца! (Изъ пѣсни).

Ну, такъ и здѣлали. И перяѣхавъ тоды царь туды къ имъ жить. И я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Колбы, любав. вол. мстислав. у. Отъ кр. Платона Никитина, негр.

22. Три сестры.

Жылò у хызяина три паненки. Расъ пошли яны у рощу на звогуляньня. А куролèвичъ, лакей и кучаръ ходили тамъ по охоти. И почули, што паненки утрóхъ говорутъ. Большая говòритъ: «штобъ я зышла зы лакея, я бъ уво дну ночь лядо высѣкла, у грудъ сыбрáла, спалила, скыпылйла, зыпыхала, пшаны засѣила и ижжала; змылòтила, змолола, пирохъ спекла. Уставъ бы друхъ, я бъ яму пирохъ згытувала; уставъ бы ёнъ и зьѣвъ!» А сяредьнія говòритъ: «нѣ, сястрица! я на ето ня 'бѣщаюся! А я, штопъ зыйшла за кучара, я бъ у одну ночъ лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, ускыпылила, зыпыхáла, сѣмя (ленъ) засѣила, выбрала, намочила, высышила, змяла и спрáла, сыткала, выбялила и рубаху пошила. Уставъ ба друхъ и рубаху надѣвъ!» А третьтія сестра, самыя малыя, говòритъ: «а штопъ я зыйшла за куролевича, я бъ родила трохъ сыновъ: по локыть у золыти, пы колѣно у сèрыбры, во лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицу!»

Скоро говòритца, а няскоро дѣетца. Зыйшла большыя зы лакея, и спрáвдила: уво дну ночь лядо высѣкла, зыпыхала пшаны, 'ижжала, змылòтила, змолола, пирохъ спекла,—уставъ лакей и зьѣвъ! А сяредьнія зыйшла за кучара, и справдила: у водну ночь лядо высѣкла, льну зыпыхала, выбрала, намочила, высышила, змяла, спрáла, выткала, выбялила, рубаху пошила. Уставъ друхъ и надѣвъ! Мáлыя зыйшла за куролевича и забéременѣла. И надо яму́, куролевичу, на прiступъ ититъ. Пызвавъ ёнъ бабыкъ и пысадивъ ли жаны, а самъ поѣхывъ. Жалко сестрáмъ, што мáлыя зыйшла за куролевича, и у́поили яны бабыкъ. Бапки спилиси, заснули. А ина родйла. Сёстры узяли, рябёнка ейныго отыбрали и за воблыки закиныли, а яму отписали, куролевичу ужо: што, вотъ: твыя жонка родйла ни звѣра, ни пса, а простую палку! Тогды куролевичъ имъ отписавъ: нехай жывутъ ды мойго прiѣзду!.. Скольки ёнъ ужо тамъ пробывъ, тольки прiѣжжаетъ домой. И говòритъ жонки: што-шъ ты мнѣ не справдила? Твоѣ сёстры справдили, а ты нѣ? Ина яму́ отвѣчаетъ: ты самъ винуватъ! Што шь ты мнѣ оставивъ нявѣрныхъ бабыкъ!—Ну, што шъ дѣлытъ? говоритъ куролевичъ: нехай до другого разу!

Скоро кажетца, а няскоро дѣетца. Опятъ куролевна забеременѣла. Потребували яго опятъ на приступъ. Ёнъ сыбравъ бабыкъ, ужо не пъяницъ, и поѣхывъ. Тогды сёстры узяли, намѣшали у страву разныхъ крѣпкихъ спиритовъ, и налилй спиритовъ у пярыны и у́ подушки. Бапки наѣлиси, якъ лягли́, такъ и заснули. Якъ тольки куролевна родйла, сёстры опятъ рябенка отыбрали и за воблыко закиныли. А куролевичу опятъ на приступъ отписали: што твыя жонка родила ни звѣра, ни пса,

а простую палку! Куролевичъ приѣжжаеть съ приступу, и давай опять жонку лаять, што ина не справила. Ина ему кажеть: ты самъ виноватъ! зачимъ уновъ сыбравъ тыхъ бабыкъ, што ихъ опять споили!..

Такъ было и у третьтій рась. Опять куролевна запяжарѣла. И думаеть: ну, тяперь ужо што Бохъ дасть, такъ и будеть! Куролевичъ опять поѣхывъ на приступъ, а ёй бабыкъ опять сыбравъ. Куролевна шъ на бабыкъ не надѣетца, а приготовила сабѣ чысакъ (тычъ). Якъ тольки пришло ёй урсмя родить, сёстры споили опять бабыкъ. Куролевна родила, вотъ яны опять къ ёй, опять хочуть отыбрать ейныго рябёнка. Ну, куролевна ухватила чысакъ и отбилась отъ ихъ. Тоцы яны отписали куролевичу: што твыя жонка родила ни звѣря, ни пса, а простую палку! Ну, тоды уже куролевичъ рассѐрдився и отписавъ: што хочетя, то зь ёю дѣлайтя, капъ яѐ не было ды мойго пріѣзда! Опять мыя жонка не справдила!... Ну, пысадили куролевну у бочку зъ рабёнкымъ и пусьтили на воду́.

Скольки яны тамъ плылѝ, ти много, ти мало—рабёнык тэй росьтёть не по днямъ, а пы чысамъ. Плывшы морымъ, узыйшли яны нѣикъ на вострывъ. Чуеть сынъ куролевны, што одну сторону́ бочки сонца пригрѣло, и ина скрипѣть стала. Ёнъ тоды прòситца: мати, позволь мнѣ бочку распѐрть! Ина отвѣчаеть: ты сабѣ, сынокъ, распирай, али глядѝ, капъ мы не утону́ли! Сынъ тогды у одно дно упёръ ныга́ми, а у другое гыловой, и распёръ тую бочку. Вышли яны на острòвъ, сынъ и говòрить: мати, выцыркни изъ грудей мылыка и спячи три пирышка́! Куролевна выцыркнула мылыка изъ грудей и спекла три пирышка́. Узявъ сынъ три пирошкѝ и пошовъ. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и видить хату. Увыйшовъ ёнъ туды, видить,—у хати чысто прибра́но; пысяротъ стоить столъ, бѣлый скатертю закрытъ. Ёнъ узявъ, пыложывъ пирошки на столъ, а самъ схувався и сядѝть. Чуеть ёнъ, што приходють яго браты. Сѣли за столъ и стали ѣсь пирошки. Зьѣли пы пирошку и стали гыворѝть одинъ одному: мы отродяся ня кушыли маткиныго мылыка, а вотъ пришлося! А другей говòрить: гето шъ, братъ, табѣ одинъ пирохъ, а гето мнѣ одинъ, а третьтій няйзвѣсно кому? А ёнъ тутъ и выхòдить изъ-пыдъ стылà: а вотъ и я ёсь, вашъ третьтій братъ!

Ну, тогды яны уси умѣсьти отправилися зы маткый, узяли её съ собой, и стали жыть уси умѣсьти ужо. А куролевичъ якъ пріѣхывъ съ приступу, такъ и жанився на ста́ршый куролевниный сяструˋ. И жывуть своимъ дѣлымъ. И отпрывлявъ куролевичъ кураблѝ за мо́ра съ тыварыми. Тыи курабли часто прыходили кылы того выстрывà, идѣ жыла́ першыя жонка яго. Пріѣжжають курабли нызатъ и доносють куролевичу, што яны диво видали: тамъ, дѣ пѐршы бывъ вострывъ, тамъ теперь го́рытъ красивый, и ходють по городу три пыничы: звѣзда уво лбу, мѣсицъ

потылицы, по локыть у золыти, пы колѣно у серябрѣ! Хочытца тутъ куролевичу пыглядѣть на гето диво, и говорить ёнъ жонки: бабынька мыя! поѣдемъ мы, пыглядимъ, што тамъ такое за диво! А жонка ня хочыть: можа, твоѐ люди илгуть! Кыли правда, што тамъ пыничы жывуть такіе, дыкъ нехай яны—кыли вумны ды разумны—пыставюць дупъ, двѣнадцыть суковъ, двѣнадцыть звоновъ,—нехай звонють, нехай рыззванивыють! Тоды мы поѣдемъ на слухъ!

Пройшло ти много, ти мало, чуеть король, што звонють звонѝ на вострыви! И опять зовѐть жонку: поѣдемъ, гетыго дива пыглядимъ! А йна говорить: што тамъ за диво, што звоны звонють? Нехай яны—кыли вумны ды разумны—нехай приставють,—ёсь тамъ такѐй выпѐръ-зубѐръ, на горỳ идеть, лы̀чамъ орѐть, зъ горы идѐть, лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѐмены пускаеть, ныгами скородить! Якъ приставють, тоды поѣдемъ!.. Ну, поѣхыли зновъ курабли куролевськіе съ тыварымъ. Пришли нызатъ и доносють куролевичу, што видѣли на вострыви и дупъ зъ двѣнадцытю суками, съ двѣнадцытю звына́ми—яны звонють,—рыззваниваютъ, и выпра́-зубра́, што на горỳ идеть—лычамъ ореть, зъ горы идеть—лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѐмены пускаеть, ныгами скородить!.. Куролевичъ опять зоветь жонку: бабынька, поѣдемъ! усё шъ тамъ ёсь, што ты гыворила! Ина отказыеть: што ты,—хочешъ, капъ мы утопилиси? Кыли яны вумны ды разумны, нехай мостъ построють отъ того гырыдца ды нашыго двырца! Тоды поѣдемъ!

Ти много, ти мало пройшло—построили и мостъ отъ того гырыдца ды до ихныго двырца. Куролевичъ опять зоветь жонку: поѣдемъ, бабынька! А йна говорить: што ты? Узьнѝметца вѣтеръ, собьѐть мостъ водой, мы утопимся. Кыли яны вумны ды разумны, нехай пыставють стѣны кымянѝя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя,—тоды мы поѣдемъ!.. Пройшло тамъ сколькі урѐмя,—пыставили и стѣны кымяныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя. Нечыго ужо бабы зыгадывать... Снырадилиси и поѣхыли.

Пріѣхыли у го́рытъ,—выхо́дить три пыничы—уво лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицы, по локыть у золыти, пы колѣно у се́рыбры, и говоруть: здрастуй, папенька! Пыздрастувалиси одинъ съ однымъ. Потходить ихъ матка къ куролевичу: а што шъ, друхъ любезный, забывъ пы мяне! Куролевичъ тоды ставъ жыть съ першый жонкый, на вострыви.

А другую жонку велѣвъ привизать одну ногỳ къ коньскыму хвосту, а другую къ другому, и пусьтивъ ко́ній у дворъ. Прибѣгли кони у дворъ и привязьли тольки пы позѣ.

Д. Обухово, сгиют. вол. витеб. у. Отъ кр-на Семена Өедорова запис. г. Попретинскій.

23. Марья-Марьяна, Кипськая Королевна.

Такъ у нѣкоторымъ то царстьви жывъ помѣщыкъ. Було ў яго тры дочары и одинъ сынъ. Ёнъ, помиравшы, сыну свойму прыказуя: «сынъ мой! Якія бъ сваты ни прылучылись, за перваго отдавай!» Помёръ батька той. Яны вышли у садъ на прогуляньня уси ўчатвярыхъ. Удругъ дощъ пошовъ. Яны подъ сохраненія у домъ кинулись. Тольки ускочыли у комлаты, тутъ нязвѣстно хто откуль гувора: «Иванъ Ивановичъ! бóльшую сястру отправляй, сураджай!» Ну, якъ у пановъ усё справно, дакъ яны одéжу склали. Думали, вясельля будя, ажно яно якъ ухватило, такъ няма вѣдома, дѣ й дѣлось што. Опять жа вышли на прогуляньня ў садъ уси, утроихъ уже. Удругъ зашумѣвъ дощъ. Яны ускочыли у комлаты опять жа. Опять прыскакуютъ: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сярэдьняю сёструшку замужъ!» Ну, одежу склали. Опять схапили, язвѣстно куды повязли,—стольки яны й бачыли. Пошли яны уже съ трэтьтяй прохадживатца, съ послѣдьняй, у садъ тожа. Опять хмара нашла, дощъ пошовъ. Яны у комлаты ускакуять, опять прискочыли нязвѣстно хто и што: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сёструшку послѣдьняю замужъ!» Во й тую схапили и повязьли нязвѣстно куды, што. Остався ёнъ одинъ. Стало яму скушно тожъ одному. Ёнъ осядлавъ лошадь свою, узявъ сабѣ мечъ и поѣхавъ Богъ вѣдая куды и што. Ѣхавъ, ѣхавъ,— стоить домъ такій, што ʻцанить нявозможно, и коло крылца дубъ стоить на шэсть кокотовъ. Ёнъ подъѣхавъ, зъ лошади злѣзъ и пошовъ у той домъ; лошадь прывязавъ. Ухóдя у той домъ, ажъ яго меньшая сёструшка тамъ, у томъ доми. Яна силно узрадовалась: «ахъ, здрастуй, здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялóся намъ у глазы одинъ одного повидать! Да што будомъ дѣлать, гувора? Мой мужъ, Воронъ, каа, и силный богатырь, дакъ я боюся, каа, если бъ ёнъ тябе не страбивъ! Гдѣ мнѣ тябе прыхоронить?» Ёнъ отвящаа: сёструшка моя, табѣ виднѣй: гдѣ хочашъ, тамъ мяне й сховай! Яна сундукъ отомкнула, да яго у сундукъ. Прылятая той Воронъ. Ускакуя у комлату: «душанька, каа,—русть-кость пахня нѣштось!»—Ахъ, гувора, душанька: ты по свѣту лятавъ, можа русьти-косьти нанюхались! Ёнъ отвящая: моо, такъ! гувора. Спросивъ у яé поѣсть. Тогды яна давай спрашавать у яго: «ахъ, душанька, гувора: а што, коли бъ прылучывся мой братъ, а твой шурьякъ,—няўжли, гувора, ты бъ яго страбивъ?» Отвящая ёнъ, гувóра: ахъ, дура ты: я жъ ба васьмá радъ бывъ ба етому! Отвящаа яна: ёнъ тутока, гувора.—Ой, тутока? Покажъ яго суды! Яна яго выпусьтила. Ёнъ тогды, по той радосьти, якъ узяли пить да гулять—троя сутокъ. Тогды ёнъ отправля-

етца оттуль, ёнъ яго ня пускаа. Настойвъ на то, што ня давъ рады угомонить яго. «Отправляесься жъ ты, гувора, дакъ дай мнѣ прымѣту!» Дакъ ёнъ шыйный платочакъ давъ яму прымѣту. Распрощались яны,—ёнъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, прыяжжая—опять жа домъ стоить,—крашшы того, а коло крылца дубъ стоить, тожа на девять кокотовъ. Уходя ёнъ у той домъ, ажъ сярэдьняя сестра яго тамъ, у томъ доми. «Здрастуй, здрастуй, гувора, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялося намъ у вочы видѣтца! Да што будомъ дѣлать: мой мужъ Соколъ, каа, и силный богатыръ,—если бъ ёнъ тябе не страбивъ? Куды бъ мнѣ тябе прыховать?» —Табѣ виднѣй, сёструшка, ёнъ уже отвящаа: куды хочашъ, туды и ховай! Яна узяла, сундукъ отомкнула, да яго туды. Прилятаа Соколъ. Ускочывъ у комлату: «душанька, каа: штось русть-кость пахня!» А яна гувора: ты, душанька, по свѣту лятавъ, можа русьти-косьти нанюхався! Ёнъ гувора: а моо, душанька, такъ! Дала яна яму ѣсть. Тогды и почала спрашавать: «што, душанька, колибъ мой брать, а твой шуръякъ, прылучывся къ намъ: няўже бъ ты яго страбивъ?»—Ахъ, дура, гувора, ты: да то жъ наша кровъ! Я бъ васьма радъ бывъ ба!—«Ёнъ жа тутока,» гувора.—Покажъ, игдѣ? Яна выпусьтила яго. Яны тогды якъ сѣли пить, гулять, хурошыя мысьли мать—шэсьтяро сутокъ! Отправляетца опять ёнъ,—той пя пуская. Ничого ня дали рады угомонить яго. Той гувора: дай жа ты мнѣ прымѣту, оставъ отъ сябе! Ёнъ оставивъ поясъ дли прымѣты свой. Самъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ,—опять домъ,—прыяжжая къ дому, крашчы того. Коло крылца дубъ стоить на дванатцать кокотовъ. Ёнъ ускакуя у комлаты, ажъ большая сёструшка яго тамъ, у томъ доми. Тая силно стала здрастоватца зь имъ: «здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать,—довялося намъ у вочы побачытца! Тольки вотъ што, гувора, братка ты мой: мужъ мой Оролъ, силный богатыръ,—коли бъ ёнъ тябе не страбивъ. Игдѣ бъ мнѣ тябе прыховать?—А, сястрица, табѣ виднѣй: игдѣ хочашъ, тамъ и прыховай! Яна узяла, сундукъ отчынила и яго туды усадила. Прилятаа Оролъ: «штось, душанька, у насъ русть-кость пахня?»—А ты жъ, каа, по свѣту лятаяшъ, русьти-косьти и нанюхався!—«И то, каа, правда!» Ну, побажавъ ѣсьти. Яна яго накормила и стала гуворыть: «а што, душанька, коли бъ къ намъ прылучывся мой братъ, а твой шуръякъ: няўже бъ ты яго страбивъ?»—Во, дура ты: тожъ кровъ наша! Я ба васьма радъ бывъ ба!—«А ёнъ жа тутока?» —Гдѣ тутока? Яна отчынила сундукъ и яго выпусьтила. Якъ сѣли яны, по той радосьти, пить, гулять, хурошыя мысьли мать,—на девять-мо сутокъ. Тогды, ёнъ отправляетца—ёнъ ня пускаа. Ну ня ўгомонили яго.

Ёнъ отправляетца, тогды тожа той прымѣты зь яго потрэбувавъ. Ёнъ тому застяжку кинавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—налучывъ силу большую: сила большая отбита ляжыть,—трупу. Ёнъ спрашуя: ти нема тутъ, гувора, жывого кого? Хто ето силу такую отбивъ,—сила такаа побита? Отвящаа у трупи у томъ хтось-то: «ето, гувора, Марья-Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костéямъ [1]) воявàла, дакъ ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Ёнъ и дальшъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—опять сила отбитая ляжыть, ще большы того. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто ето силу такую отбивъ? Отвящаа яму у трупѣ у томъ хтось: «ето, гувора, Марья-Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала, дакъ ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Ёнъ поѣхавъ дальшъ. Проѣхавъ дальшъ, тамъ ще большая часть силы отбитыя ляжыть. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто етакую силу отбивъ? Отвящаа ямỳ: «ето Марья—Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала; ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Тогды ёнъ подъяжжаа къ дворцу ўго (ужо), къ Марьиному къ тому. Ускакуя у дворецъ, прислугъ нѣту, а яна лягла на вотдыхъ, Марьяна. Ёнъ налучывъ на Марью Марьяну на сонную,—яна уморилася, легла́ на вотдыхъ и мечъ потклала подъ—гôловы,—свой мечъ! Ёнъ махнувъ, хотѣвъ головỳ изнять своимъ мéчамъ, посьли обдумався. Обдумався, посьли узявъ ли яé лёгъ, свой мечъ потклавъ подъ-головы. Прошнулася яна̂ съ свойго сына́, бача—ли яé ляжыть тожъ господинъ. Яна съ тыé досады хапила свою мечъ, хотѣла головỳ яму знять. Посьли обдумалась: «да, гувора: няўжли бъ ёнъ ня могъ головỳ зъ мяне знять: ёнъ упяродъ за мяне прыдъявився! Подожду, што за господинъ!» Отъ яна обождала, покуль ёнъ прошнувся отъ сна и стала спрашавать у яго имя—отéчаство. Стала спрашавать,—ёнъ расказавъ. Яна каа: «будяшъ ты мой мужъ, а я твоя жана, а ня токмо—што змѣй Костей мяне сватавъ,—да я ня жалаю за яго йтить!» Ну, стольки яны тамъ пили, гуляли, скольки урэмя провялóся. Тогды яна̀ дала ямỳ дозволенія, ключы отдала ямỳ: «што можашъ усюды командовать, якъ я!» Указала яму усюды ходỳ, и ў саду, гувора. «Тольки у саду, гувора,—тамъ è проклятое мѣсто. Дакъ у тое мѣсто, гувора, ня ходи!» Ёнъ усюдыхъ ходивъ, а посьли обдумався: што я, гувора, за ходяинъ, што тамъ за проклятое такое мѣсто, што мнѣ няльга побачыть? Заходя ёнъ на тоя мѣсто,—тамъ змѣй Костей. Ёнъ окованъ скольkими-тамъ цапáми къ слупу. Ёнъ якъ прыходя туды, такъ ёнъ и ускрыкнувъ: «эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ, отомкни мяне, гувора. Ты сабѣ нашовъ царство, а я табѣ придбаю ще

[1]) Хто спору отбирая, дакъ ёнъ тому нося и хлѣбъ и грошы. Дакъ коли съ хлѣбомъ лятить, дакъ тольки шумить, а якъ зъ грошы, дакъ блискучый—блискучый!..

тры такихъ царствы, коли ты мяне ослобонишъ!» Ёнъ яго отомкнувъ, послухавъ прозьбы яго, отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ ёнъ якъ потхапибся, полятѣвъ, дакъ сяйчасъ Маръю Маръяну и схапивъ туу. Схапивъ и понёсъ яé, улятѣвъ зь ёй у своё царство.

Стало яму досадно. Ёнъ на коня сѣвъ, узявъ мечъ и поѣхавъ опять разыскавать. Ѣхавъ, ѣхавъ, и кольки ёнъ проѣхавъ,—такъ логовинка уроди рѣчачки, и на логовинки тамъ хатка стоить, такъ драхлая. А по той бокъ логовинки хорошый дворъ. И тамъ силный крыкъ у тымъ дворэ. Ёнъ лошадь прывязавъ ли хатки, и уходя у хатку туу спрэжда. Ажъ тамъ старуха ляжыть. Сама ляжыть на полу, с.... на запячку, а ноги на печцы. Тогды ёнъ спрашуя: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, гувора, говубокъ мой!—Што тамъ, гувора, за крыкъ у дворэ томъ. чаразъ рѣчачку, чаразъ ложокъ? Яна отвящаа: ето, гувора. мой сынъ, змѣй Костей Маръю Маръяну сватая, ну яна ня хоча ўсё йти за яго! Ну, да, гувора, пойдя! А ёнъ уже спрашуя: якъ ба мнѣ, бабушка, увознать, посмотрѣть на яé,—мнѣ трэба, дѣло é, гувора. Отвящаа яна яму: «тàкъ, мой говубокъ, тябе туды ня пустять, а поночуй ты, гувора, тутока: заўтра ураньни яна прыдя воды брать, дакъ ты зь ёй поговоры! А сынокъ мой будя ще спать!» Ёнъ ето давай бярэгти. Прыбярогъ. Тольки яна прышла воды брать—ёнъ къ ёй. Сяйчасъ ухапивъ яé на лошадь на свою—были такòвы да й няма. Ѣхали, ѣхали; а ёнъ проспався уже, змѣй той. Оглѣдився, што няма Марьи Марьяны,—ёнъ кинався къ своёй лошади, спрашуя: лошадь, гувора, моя! Иванъ Ивановичъ звёзъ Маръю Марьяну,—няўже мы, гувора, яé ня догонимъ? Лошадь гувора: прэжде, каа, ячменя насѣямъ, да наварымъ зъ яго пива, да пива напъёмся, шэсть разовъ скакнёмъ и Ивана Ивановича догонимъ! Ну, тогды, яны ето здѣлали; якъ скакнули, сяйчасъ яго и догнали,—Ивана Ивановича зъ Марьяй Марьяной. Ёнъ якъ прискочывъ, больш ня поўрадивъ ничòго яму, тольки Марью Марьяну схапивъ отъ яго. И сказавъ яму: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ,—отъ табѣ першый гостѝняцъ! Ну й поѣхавъ зъ Марьяй Марьяной. А Иванъ Ивановичъ опять застався одинъ. Ну, скольки ёнъ ни подосадовавсь, опять вярнувся, назадъ поѣхавъ. Прыяжжаа опять икъ той хатцы. Тамъ крыкъ тожа у тымъ дворэ; а баба таа такъ и ляжы̀ть, якъ и тогды. Спросивъ ёнъ у яе: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй! А ти ня той ты, што укравъ бывъ яе?— Да нѣ, гувора: я объ етымъ знать ня знаю. Да вотъ якъ ба мнѣ, бабушка, побачыть Марью Марьяну?—А яна, каа, заўтра ураньни прыдя воды брать, дакъ ты тамъ убачышъ яé! Ну, ёнъ ето уже и пилнуя. Назаўтраго, тольки яна прышла за водой, а ёнъ за яé, сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився, што яе няма,—

иде къ коню: што, гувора, конь мой? Звёзъ опять Марью Марьяну. Няўже мы яѐ ня догонимъ? Конь гувора: насѣямъ прэжде ячменя̀, да наварымъ пива зъ яго, да напъёмся,—девять разовъ скакнёмъ и догонимъ яѐ! Ну, такъ и здѣлали. Якъ скаканули, такъ сяйчасъ и догнали. Схапивъ ёнъ Марью Марьяну и кажа: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ, ето тобѣ другій гостиняцъ! И поѣхавъ. Остався Иванъ Ивановичъ одинъ. Ну, остався одинъ, стало яму пячално. Ёнъ опять вярнувсь. Прыяжжаа ёнъ туды, къ той хатцы, тамъ у дворэ опять крыкъ. Ёнъ уходя у хатку, баба таа ляжыть, якъ ляжала. Ёнъ гувора: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, мой голубецъ!—Што йто, бабушка, за крыкъ тамъ, у тымъ дворэ?—А ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костей, сватаятца за Марью Марьяну, а яна за яго ити ня хоча. Да ничого, пойдя!—А якъ ба, бабка, мнѣ зъ ёй побачытца, у мяне дѣло ѐ икъ ёй?—А ти ня той ето ты, што кравъ яе?—А нѣ, бабка: я объ етымъ ничого ня знаю! У мяне такъ дѣло къ ёй.—Ня знаю, голубецъ, гдѣ табѣ побачыть яѐ: хиба заутра прыдя воды брать ураньни! Отъ ёнъ и пилнуя. Прышла яна на рѣчку, такъ ёнъ къ ёй. Сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився—няма Марьи Марьяны. Ёнъ икъ коню: а што, конь мой, гувора: ти догонимъ мы Ивана Ивановича,—звёзъ ёнъ опять Марью Марьяну?—А чаму, каа, ня догонимъ: насѣямъ ячменя̀, наварымъ пива зъ яго, напъёмся, да дванатцать разовъ скочымъ, дакъ и догонимъ, гувора. Ну, яны такъ и здѣлали. Якъ скочыли дванатцать разовъ, ёнъ яго и догнавъ. Тогды: вотъ табѣ, Иванъ Ивановичъ, тры гостинцы! Шархъ—головў яму̀ знявъ!

Якъ изнявъ головў, тогды по тыхъ знакахъ по яго, по прымѣтахъ потякла кровъ, што ёнъ прымѣты оставлявъ. Тогды тыя шурьяки яго кинулися яго шукать. Зъѣхалися умѣсто уси и гуворати Ворону: ты на носъ, гувòрать, чутòкъ, дакъ нюхай! Соколў сказали: ты лятать быстрэй лятаяшъ, дакъ лятай да шукай! А Оролъ сказавъ: а я, гувора, на глазы быстрэй, дакъ буду прыглядàтца ловчэй!

Ну, тымъ часомъ, ня звѣстно который скорэй знашовъ яго,—а тымъ часомъ сойшлися умѣсто уси, якъ знайшли. Отъ тогды яны, якъ найшли яго, и кинулися воды шукать, жывущыя и зростущыя. Отъ яны прыдставили воды тыя. Зростущаю змазали яго, ёнъ и зросся, живущай помазали—ёнъ отжывився. „Эхъ, гувора, братьтя моѐ,—якъ жа я силно заснувъ!“—Да, гувора: на вѣкъ ба заснувъ ты! Отправляйсь, каа, ты зъ нами, на жытьтё къ намъ! Ну ёнъ ня пожалàвъ. „Нѣ, братцы, гувора: пойду опять!“ А лошадь яго нязвѣстно дѣ дѣлася,—ёнъ пѣшкомъ пошовъ.

Ишовъ, ишовъ опять колько урэмя, прышовъ опять къ той хатцы. У туу хатку уходя, опять таа баба ляжыть, на мѣсти тыки. А у тымъ дворэ опять крыкъ вяликій—пиръ большый, свадьбу гуляють. Ёнъ спра-

шуя: бабушка, гувора, што йто тамъ за крыкъ, у тымъ дворэ, гувора. Яна отвящаа яму: ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костѣй, Маръю Марьяну высватавъ, дакъ свадьбу гуляють! Ёнъ спрашуя: якъ ба мнѣ яѐ убачыть, гувора. Яна яму̀ опять отвѣтила такжа: назаутра выйдя ураньни воды брать! Яна якъ вышла назаутра воды брать, убачыла яго, силно узрадовалась. А красьти няма на чомъ, коня няма, пѣшкомъ ня во̀зьмешъ. Ёнъ давай просить я̀е: пожалуста, гувора, спроси ты у яго, игдѣ ёнъ лошадь доставъ такую лятущаю? Яна отвящаа яму̀: „поховайся ты, каа, сутки, а заутра такимъ урэмямъ я зновъ выйду воду̀ брать!“ Яна у яго и спрашуя: гдѣ вы, душанька, узяли такую лошадь, силно лятущаю? Ёнъ знаа, што Иванъ Ивановичъ убитъ ужэ, самъ ёнъ убивъ, ёнъ смѣло и расказавъ дѣ: „лошадь, гувора, такую трудно достать: у такомъ то царстьви достата ета лошадь (нязвѣстно, у якомъ,—у такомъ то царстьви). А ще, гувора, остався лошадь у той старухи: ёнъ, гувора, куро̀сьливый, нихто на яго не пога̀литца, ну ёнъ много луччай за мойго лошадя. Ну тольки, гувора, трудно достать яго: тамъ, гувора, голо̀въ—и у тысячу не убяро̀шъ яго—понатаркавано!“ Выпытала яна у яго, ёнъ ёй расказавъ, у якомъ царстьви ето дѣствуетца. Выходя яна ураньни воды брать, ёнъ икъ ёй являятца сяйчасъ жа. Яна яму сяйчасъ гуво̀ра: нявозможно, душанька, достать такого лошадя, дужа трудно! Ёнъ отвящаа: што Богъ дасть, гувора, душанька,—пойду! Попрощався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, скольки урэмя пройшовъ, и силно прохарчывся: поѣсьть було̀ нѐчаго рашытялно. Увидявъ ёнъ на дѐрави гнѣздѐшко. Ёнъ полѣзъ: дай жа, гувора, достану,—хоть духовину провяду̀ свою, поляджу̀. Узлазя ёнъ на тоя дераво, ажъ тамъ дятляня̀ты. Тольки ёнъ хотѣвъ ѣсть ихъ, отвящаа дятялъ: эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ,—ня трать, гувора, моихъ дѣтушакъ, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пошовъ дальшъ. Шовъ, шовъ,—коло дороги повзая медвянёнокъ. Ёнъ подумавъ: ето тожа ядомаа штука, вотъ етымъ, гувора, я бъ и покрапився! Схапивъ того медвянёнка. Удругъ являятца мядвѣдица: Иванъ Ивановичъ, ня тронь мойго дятёнка! Буду я вамъ, гувора, у вяликой прыгоди! Ну, послухавъ ёнъ яе; силно ѣсьти хоча, послухавъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ, коло дороги вульликъ висить низко. Ёнъ самъ сабѣ обдумався: эхъ, узлѣзу, гувора, хоть смагу прогоню, мѐду достану! Узла̀жуя туды, тольки хотѣвъ отчынить вулёкъ,—отвящ̀аа у вульли та̀мока: Иванъ Ивановичъ, гувора,—ня 'биждайтя мяне, буду я вамъ у вяликой прыгоди! Послухавъ ёнъ, пошовъ. Якъ ити ужэ да ити, духо̀дя до самаго до туго двора, идѣ таа баба ужэ. Возяро̀ дужа шырокое, а по той бокъ возяра̀ таа баба. Ёнъ къ возяру прыходя—бача, ракъ сядить,—та̀къ изъ на̀большаю куро̀бку. Ёнъ и схапивъ туго̀ рака: отъ жа, гувора, покраплю̀сь хоть ракомъ! Якъ схапивъ ёнъ туго̀

рака, дакъ ракъ и гувора: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне,—буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пустивъ яго, пошовъ опять повзъ возяро. Бача—стоить щука, большая щука. Ёнъ схапивъ тую щуку, яна отвящаа яму: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Послухавъ, пустивъ яѐ. Тогды яна ужэ яму отвѣтила: Иванъ Ивановичъ, садися жъ на мяне, я тябе ужэ паравязў на той бокъ! Якъ паравязлà яна на той бокъ яго, бача ёнъ,—по кольлю головъ, дакъ страсть, чаловѣчацкихъ, стырчыть! Ёнъ думаа: хоть такъ—пропавъ, хоть такъ! Пойду! Пошовъ у тую, у домъ. Прыходя къ старухи къ той, поздрастовався изъ ёй. Яна спрашуя: што мнѣ скажашъ, гувора? Ёнъ ставъ ёй гуворыть: бабушка, гувора,—ти ня можно достать у васъ лошадя, гувора, хурошаго? Яна отвѣтила яму: а вотъ, гувора, голубокъ,—можно. Тры дни попàсуй моихъ лошадей; коли спасешъ, гувора,—на выбòръ сабѣ бяры; а не спасешъ, гувора,—головà останетца на колу, такъ, якъ етыя, гувора. Подмѣвся ёнъ: спасу, гувора, бабушка! Яна яму дала вячэры хорошыя ужэ, подкрапила путнò яго. Ёнъ параночававъ тамъ. Выправляя яна яго назаўтраго пàсьти дванатцать лошадей, ня кони—кобылицы. Харчэй дала ямў тожа достатошно на дѐнь. Сказала яму: ты за ими тольки иди услѣдъ, яны сами знають, дѣ трава хурошаа! Ну, яны прышли на траву хурошую и прылягли яѐ пилно ѣсьти. Ёнъ думаа: во, што тутъ ихъ пасьти? Яны якъ побитыя—на 'днымъ мѣсьти! Ёнъ до повдня якъ-ня-якъ змогався, а у пòвдень захотѣлося яму ѣсьть. Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. А лошади ходять, якъ побитыя. Ёнъ самъ сабѣ думаа: „ахъ, дурни, гувора, ня упасьли кòняй! Якъ жа можно?" Подъѣвъ, лёгъ и заснувъ. Трохи засну, гувора,—яны будуть ходить! Прошынаетца ёнъ—лошади нѣту ня 'дной! Ёнъ тогды силно заплакавъ: вотъ тутъ, гувора, и моя голова останѐтца! Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ гонють дятлы лошадей етыхъ, довбуть за вòчы, за морду. Якъ прыгнали къ ямў, дятлы тыя и разлятѣлись. Ёнъ по етому радъ ставъ: ну, кажа, тяперъ спать ня буду! Ёнъ до вечара попасовавъ ихъ и прыгнавъ домовъ. Ну, якъ выскочыла тая баба, оглѣдила, што прыгнавъ, яна выскочыла у стайню туды, да якъ узяла ихъ бить: „вы шэльмы, гувора, хочытя мойго сына паравѣсьти!" А то ня кобылы, а дочки яе, а куросьливый—то сынъ. „Глядитя жъ, гувора, коли заутра не утячѐтя, дакъ и ня прыходьтя ў дворъ!" Вячэрать дала яму зновъ достатошно. Ёнъ повячэравъ, заночававъ. Назаутраго дала поснѣдать яму, харчэй на день дала тожа яму и прыказала ямў: ступай, гувора, услѣдъ за ими, гдѣ будуть ходить, тамъ и няхай ходять! Яны отàборылися ходить. И ходили подъ повдёнъ, ажно покуля ёнъ ѣсьти захотѣвъ,—ходять на мѣсьти. Якъ подъѣвъ ёнъ, и опять заснувъ. Прошнувся, няма лошади ня 'дныѐ коло яго опять жа! Ёнъ заплакавъ силно опять жа. Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ

пруть мядвѣди етыхъ лошадей яго зъ лѣсу, такъ пруть, ажъ страсть. Якъ прыгнали къ яму̀, сяйчасъ назадъ мядвѣди тыя, а яны стали ходить ли яго опять жа. Попаса̀въ ёнъ до вечара, прыгнавъ ихъ опять жа благополушно. Яна ихъ у стайню загнала, опять узяла бить. Отвящаа: захотѣли вы, шэльмы, мойго сынка паравесьть! Коли вы ужэ заутра не утячѐтя отъ яго, дакъ штобъ я васъ и ня вѝдяла самѝхъ! Дала тогды яму вячэрать. Ёнъ повячэравъ и лёгъ спать. Ну, назаутраго отправився опять па̀сьти. Прыказуя яму: ступай за ими услѣдъ, яны сами знають, игдѣ мѣсто. Яны ишли и ота̀борылись ходить на травѣ на хурошай. Тожа ёнъ до повдня пасъ ихъ. Захотѣвъ ѣсьть. Яна яму, вѣдомо, сонныя давала пищы: якъ тольки подъѣсьть, дакъ такъ и за̀сьня заразъ. Прошнувсь ёнъ, опять лошади ни водной няма. Заплакавъ ёнъ: „отъ тяперъ, гувора, я пропавъ!" Бо слышавъ, якъ яна гуворыла имъ ето. Отъ ёнъ смотра, ажъ гонють пчолы етыхъ самыхъ лошадей. Яны жъ мысьлють яѐ прыказа, што усё ровно имъ пропасьти трэба, дакъ яны мимо яго да прамо у раку̀ у тую самаю! И бросились у раку̀, щучками поскида̀вшись. Етый жа самый ракъ, котораго ёнъ хотѣвъ зъѣсьти, ёнъ и крыкнавъ: „раки, гувора: якаясь новая рыба явилася къ намъ, дакъ трэба почастова̀ть яѐ хурошо. Почастуйтя-тка!" Кинулись яны, раки, къ имъ ужэ, якъ зача̀ли ихъ рэзать, то имъ тамъ негди було дѣтца. Выскочыли яны изъ воды и вынясьли раковъ на сабѣ, усякая куробки по двѣ! Ёнъ, не зѣвавши, за ими услѣдъ! Тогды яны отаборылись зновъ коло яго. Раки тыя ужэ опсыпались. Прыгоняя увечару̀ ёнъ домовъ ихъ опять. Ну, яна у стайню ихъ загнала, опять узяла бить ихъ,—больки тыя лячыть ихъ: „отъ тяперъ, шэльмы, гувора, убрали мойго сыночка, паравялѝ мнѣ!" А къ яму явилась тогды, вячэрать дала: ну, повячэрай, гувора, мой голубъ! Благодару табѣ, што спасъ моихъ лошадей! Заутрашній день, гувора, являйся, выбирай сабѣ лошадя на выборъ! Ёнъ являетца назаутраго, такъ яна у радъ поставила ихъ усихъ дванатцать, а той куросьливый отдѣльно стоить жарабёнокъ. Яна гувора: выбирай между дванатцати, якую хочашъ лошадь бяры! Ёнъ гувора: бабушка, гувора: якъ я могу за тры дни такую, каа, лошадь узять? Довлянъ я буду утъ—этымъ корѳсьливянькимъ за мою услугу! Яна гувора: што ето, гувора, тольки на страмъ табѣ узять? Такъ яна кольки ни жалѣла, ёнъ отвѣтивъ, што я, гувора, улюбився у етаго, етаго жалаю узять! Яна отдала яго: „забирай, гувора, яго! Я свойму слову, гувора—свято моё слово, ня нарушымо!" Ёнъ замуздавъ яго; тогды ёнъ яму сказавъ: ну, гувора, любезный мой ходяинъ, спасибо, што вызволивъ мяне отсюля̀! Поѣдомъ тяперъ къ бо̀льшаму братцу мойму! Тогды икъ сколотнувся, куроста таа объѣхала уся на имъ. Ну, здѣлався ёнъ лошадьдю такой, што страшно смотрэть на яго. Ёнъ сѣвъ на яго и поѣхавъ.

Прыѣхали туды ікъ змѣю къ Костею тому,—къ Марьи къ Марьяни. Потъ сохраненія поставивъ яго, а самъ ставъ бярэгти яѐ. Марья Марьяна опять жа прыходя воды брати. Отъ яна якъ прышла воды брати, дакъ ёнъ сяйчасъ за яѐ. Усхватилися на туу лошадь, и былй таковы, да й няма,—и задули! Змѣй обноровивъ: што няма хозяйки? Ёнъ догадався, што украдяна,—кинався ёнъ къ лошади къ своёй. Што, лошадь моя, гувора: Марья Марьяна ужэ увѐзяна моя, ти моѓомъ мы догнать? Отвящаа лошадь таа: трудно, гувора, догнать! Тольки тымъ, моо, догонимъ, што яны удвохъ будуть ѣхать на имъ! Сяйчасъ усхватився ёнъ и шархнули у погонъ за ими,—змѣй той на своёй лошади. И стали ихъ нагонять. Тогды етый бо̀льшый братъ поумивъ, лошадь етый змѣявъ: якъ жа я, гувора, буду нявѣрной крыви служыть повѣки,—дакъ луччай, гувора, хрыстіяньской крыви послужу! Тогды отвящаа: ходяинъ, гувора: трэба узнятца намъ повышай, тогды быстрэй будомъ лятѣть! И поднявся такъ високо, подъ нябяса пошти. Тогды якъ вихнувся, самъ до горы ногами паравярнувся,—а змѣй той якъ оборвався зь яго, якъ ударився объ зямлю, дакъ и здѣлався на маслёнку. А ёнъ тогды догнавъ ихъ. И остановились, и поѣхали: Марья-Марьяна на тую лошадь сѣла, а Иванъ Ивановичъ на свою-тыки. И остановились яны у Марьи-Марьяны имущастьви жыть, и тяперъ жывуть И я у ихъ тамъ бывъ, мѐдъ—вино пивъ, госьтився у ихъ. И отъ тольки учора отправився отъ ихъ.

Д. Иваньовка, телешев. вол. гом. у. **От кр. Калины Петрова, 45 л. неграмотнаго. Сказка заучена имъ на родинѣ.**

24. Прекрасная дѣвица Алена.

Жывъ сабѣ царъ. И мѣвъ ёнъ сабѣ пятеро дятей. Первый сынъ родився, нязвѣстно дѣ дѣвся, а четьвяро жывшыхъ оставшыся,—три сястры, братъ одинъ. По̀тому помѐрла царица и услѣдъ царъ. Да. И гусударъ приказавъ свойму сыну, етому младшаму и сказавъ яму: што смотри, мой сынъ, я помру,—смотри, мой сынъ, за своими сястрами, и якъ будуть свататца, дакъ гляди ня выбирай, за перваго отдавай,—хтобъ ни пришовъ, да! ёнъ говора. Ну, помѐръ царъ, остались дѣти одны. Дойшовъ ёнъ своихъ лѣтъ, справивъ ёнъ сабѣ ружайцо̀. И ёнъ захвотився на ʻхвоту пройти. Пройшовъ нямного отъ дому, вярсты въ двѣ, сустракая старичка. Ёнъ здрастуетца зь имъ, съ старичкомъ: „здрастуй, говора, старичо̀къ!"—Здрастуй, говора, молоденяцъ—царській сынъ! Ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды ты йдѐшъ, царській сынъ?"—А йду на ʻхвоту! А ты куды идѐшъ, старичокъ?—„А иду къ табѣ у сваты къ бо̀льшай сястрѣ

Воротимося назадъ, горэлку пить!“—Да, отецъ мнѣ приказававъ, штобъ я ня 'тказававъ. Пойдомъ, каа, назадъ! Ну, яны воротились назадъ домовъ, ажъ няма большай сястры,—няма дѣ дѣлась. Яны туды-суды, гукать яѐ, шукать по двору тамъ, по саду, ну нидѣ ня знайшли,—няма вѣдома, дѣ дѣлась. Остались яны утроихъ жыть. Прожылй яны годъ. Ёнъ опять пошовъ на 'хвоту. И опять нямного пройшовъ, опять сустракая старика. Потому ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды йдешъ, молоденяцъ—царській сынъ?“—На 'хвоту, а ты куды, дѣдушка?—„Я иду у сваты къ твоёй сярэдьняй сястрѣ. Воротимося назадъ домовъ, горэлку пить!“—Воротимось! Однакъ мнѣ батька приказавъ ня 'тказавать. У мяне ще застaлось двѣ! Ну, приходжують яны у домъ,—нѣту той сярэдьняй сястры. „Дѣ яна?“—А ня вѣдаю! Ну, шукали яе, гукали—и ня знайшли. Остались яны удвохъ жыть. Ну, й опять яны прожыли годъ послѣ того. И злучилось яму опять итить на 'хвоту. Нямного ёнъ пройшовъ, опять вярсты двѣ, и опять сустракаетца съ старикомъ. „Здрастуй, говора, дѣдушка!“—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ—царській сынъ! Куды йдешъ?—„На охвоту! А ты куды, дѣдушка?“—Я иду у сваты къ твоёй меньшай сястрѣ!—„Ахъ, дѣдушка-голубчыкъ,—у мяне жъ тольки одна осталась. Ну, а тольки по батьковому вялѣнью, дакъ я ня могу отказать! Воротились яны у домъ—няма никого. Ёнъ шукавъ, гукавъ яѐ у доми, по саду—няма! Ёнъ плакавъ, плакавъ, и остався одинъ ужэ. Да, ёнъ тожа такъ сабѣ обдумався: пошли моѐ сёстры такъ замужъ, пойду и я такъ у сваты: кого ни сустрэну, возьму,—ти жыдовку, ти цыганку, кого сустрэну. Вотъ ёнъ собрався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, бача ёнъ—иде жэнщина зъ молоденцомъ малымъ щѐ, щѐ тольки три нядѣли, якъ народився на етый свѣтъ. Ёнъ приближаетца къ ёй ближы. „Здрастуй табѣ, бабка!“—Здрастуй, молоденяцъ—царській сынъ!—„Што жь ты, говора: удовà, ти замужняя?“ Яна ямỳ отвящаа: я удова!—„Ну, коли ты удова, дакъ ты будяшъ моя жана!“ А молоденяцъ на рукахъ говора: нѣ, говора, молоденяцъ—царській сынъ,—ня будя моя матушка твоя жана. Твоя жана за трижды-девять зямель, на десятымъ царстьви, у бѣлой Бѣляйни, у бѣломъ шатры, прiукрасная дявица Алѐна. То твоя жана, а моя матушка ня будя твоя жана! А ёнъ отказуя: якъ жа менѣ туды доступитца? А ёнъ отвящая: иди ногами, гляди вочами, такъ и дойдѐшъ! Вярнувсь ёнъ у свой домъ, собрався ужэ получчы, набравъ грошай съ собою и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, двоя сутокъ. На трэтьтія сутки убачывъ ёнъ домъ хорошый, прiукрасный. И захотѣлось яму зайти у етый домъ. Заходжуя ёнъ у домъ, ажъ тамъ напятъ положокъ посяродъ двора. Ёнъ приходя къ етому положку и смòтра,—што ето такое дѣлаетца? Ажъ тамъ спить чаловѣкъ. Ёнъ знявъ съ плечъ шаблю

да хотѣвъ яго зарубить. А тогды поглядѣвъ на яго, а у яго видъ такій, якъ у яго: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо; чаботы якъ одно, и ружжы якъ одно, и шабли якъ одна, и шапки усё одно якъ одна. Ёнъ тогды яго обжалѣвъ и подумавъ, што и ёнъ такій горэтьникъ, якъ и я. И ня зарубивъ яго. Лёгъ коля яго и заснувъ. Ёнъ заснувъ, а теразъ повчаса той прошнувся. Прошынаетца той, и хотѣвъ яго зарубить. А послѣ обдумався: да, штожъ? и ёнъ на мяне найшовъ на соннаго и могъ мяне зарубить, а не зарубивъ, не чапàвъ. И я яго ня буду чапать. Няхай ёнъ прошнётца, тогды мы побачымъ, што ёнъ за чаловѣкъ. И ёнъ такій горэтьникъ, якъ я! И пошовъ у домъ. Прошнувся царській сынъ, ажъ выходя и той изъ дому. Ну, ёнъ яго спрашуя: „ахъ, братъ ты мой голубчыкъ, якъ тябе Богъ суды занёсъ?“ — А вотъ по такому и такому злучàю! — „Ну, дòбро; ходи жъ, мы съ тобой попъёмъ, погуляамъ!“ Сѣли яны пить, гулять, двоя сутокъ гуляли. И признали одинъ одного. На трэтьтія сутки бòльшый братъ говора: ну, говора, братъ, ѣдь ты сабѣ зъ Богомъ, а мнѣ трэба воявать, на вòйну ѣхать! А ёнъ яму отвястивъ: ахъ братъ, отдыхни трохи, — давай, я за тябе поѣду! А ёнъ говора: коли ласку, братъ, мѣешъ, ѣдь сабѣ! Да. Ёнъ тогды яму̀ сказавъ: гляди жъ братъ, усихъ будяшъ бить, усихъ воявать, а тольки одинъ будя у бѣломъ платьти, того говора, ня трогай! Да. Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ мякина, а по лѣвый — якъ солома. Добрався *до того*; хотѣвъ бить, а послѐ обдумався: ахъ, братъ мнѣ говоривъ, штобъ я яго ня трогавъ! Узявъ повярнувъ, поѣхавъ икъ брату. Пріяжжаа ёнъ къ брату, сѣли яны пить, гулять. Спрашуя той: а што, братъ, отвоявався? — Отвоявався! — „А того жъ не чапавъ?“ — Нѣ, братъ, не чапавъ! — „Ну, й, говора, молотчына!“ Двоя сутокъ пилй, гуляли, добрыя мысьли мали, на трэтьтія бòльшый братъ говора: иди, братъ! Мнѣ опять трэба ити на войну! Да. Ёнъ опять яму говора: ахъ, братъ, отдышъ ты, — давай я ще разъ зьѣжжу за тябе! А ёнъ говора: коли охвоту маешъ, ѣдь сабѣ! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. И ёнъ яму приказавъ: гляди жъ, братъ, усихъ би, усихъ воюй, тольки одинъ будя у зялёнымъ платьти, то того не чапай! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Пріяжжая ёнъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ солома лятить, а по лѣвый — якъ мякина. И до тыхъ поръ косивъ, покуль добрався до етаго мальчика у зялёнымъ платьти. Ёнъ добравсь до яго и обдумався: ахъ, братъ мнѣ сказавъ, штобъ я не чапавъ яго! Узявъ оставивъ и воротився назадъ къ брату. Яны опять сѣли пить, гулять. И той спрашуя: „ну што, братъ, отвоявався?“ — Отвоявався! — „А, того не чапавъ?“ — Нѣ, не чапавъ! — „Ну й молотчына, што не чапавъ!“ Ну, яны сѣли пить, гулять; двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысьли мали, а на трэтьтія сутки бòльшый братъ говора:

иди ты, братъ, сабѣ ужэ зъ Богомъ, а мнѣ трэба у воську!—Ахъ, братъ, —дай я зьѣжжу за тябе у трэтьтій разъ; усё равно, у мяне часъ ѐ— а ты отдыхай!—Ну, ѣдь сабѣ, братъ, коли охвоту маешъ, тольки усихъ би, усихъ воюй, а одинъ будя у краснымъ платьти, того не чапай! Дакъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить, направо якъ солома, налѣво якъ мякина лятить. Усихъ побивъ, покосивъ, добравсь до того, й того зарубивъ,—дужа, бачъ, рассерчавъ. Ёнъ воротитца назадъ, сѣли пить, гулять. „Ну што жъ, братъ, отвоявавсь?"—Отвоявавсь!—„А того жъ не чапавъ?"—Нѣ, братъ, зарубивъ!—„Ахъ, братъ, говора: што ты яго зарубивъ? хто жъ намъ за яго отвѣтя?"—Што жъ, хто отвѣтя: я зарубивъ, я й отвѣчу!—„Ну, говора, Богъ съ тобой!" Сѣли ето яны пить, гулять, двоя сутокъ попили, погуляли, добры я мысьли помали, а на трэтьтія говора: иди ты, братъ, а мнѣ изновъ надо у воську! Ну, той поѣхавъ, а ёнъ сабѣ пошовъ, своёй дорогой, куды Богъ давъ. Ну, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутокъ двоя, а на трэтьтія сутки обночывся. И уставъ пораньшы, и убачывъ ёнъ хорошый, пракрасный домъ. Заходжуя ёнъ у етый домъ,—у етымъ доми сядйть главный пташкинъ царъ, што надъ усими пташками. Ёнъ уходжуя у етый домъ и говора: здрастуй, пташкинъ царъ!—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ, царській сынъ! Куды Богъ нясе? Ёнъ *яго* отвящая: ахъ, говора, вы такія проходжалыя люди, усюды бывали, усё видали,—ти ня видѣли, дѣ жывѐ за трижды—девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры, сядйть дѣвушка, пракрасная Алена? Ну ёнъ говора: ахъ, братъ ты мой: я першый разъ отъ тябе слышу. Ужэ я проходжавъ и пряжжавъ, ну етаго ня слыхавъ! А пòтомъ, обгодй, братъ, трошки! Выходжуя на крылцо, да крикнувъ и свиснувъ—собираетца къ яму усё птаство. Яны уси собираютца къ яму: охъ, царъ нашъ, зачимъ ты насъ требуешъ?—Ахъ, птаство, вы усюды летаетя, можа вы гдѣ видали, ти слыхали, гдѣ жыве за трижды—девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры сядить пракрасная дѣвушка Алена? Ну яны говòрать: мы ужэ пролётали далѐко, увесь бѣлый свѣтъ, а тольки отъ васъ перво чуямъ. Ня вйдяли нигдѣ, говòрать. Да. И ёнъ отвящая яму: иди, братъ, сабѣ зъ Богомъ, коли нàйдяшъ! Яны попрощались, ёнъ и пошовъ сабѣ своёй дорогой. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтія бача—стоить домъ, пракрасный, хорошый. Ёнъ заходйть у етый домъ, ажны у етымъ доми сядйть звѣрный царъ. Ёнъ и спрашуя: объ чомъ, братяцъ, пришовъ?—Да тàкъ зайшовъ. Тольки вы ня прогнѣвайтесь, объ чымъ я васъ буду спрашавать?—А ну, братъ, отвящай! Ёнъ говора: вы тыки такія люди, што усюды хòдитя, бѣгаетя, ти ня чули вы, ти не бачыли гдѣ, на трижды— девятой зямлѣ, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры

сядить пріукрасная дѣвушка Алѐна? Ёнъ и говора: ну, братъ, говора, я отъ тябе першый разъ ето слышу; я ужэ пробѣгавъ увесь свѣтъ, а только нигдѣ ня чувъ, ня бачывъ. А протчымъ, обгоди трошки! Выходжуя ёнъ на крылцо, свисня да крикня,—збѣгàетца усё звяръё къ яму: собаки, вовкѝ, медвядѝ, и лѐвы, и лисы, и усё. Яны говòрать яму: объ чомъ насъ, царъ, трэбуяшъ?—Ахъ вы звѣри бѣгомыя, ти ня чули, ти ня бачыли, што на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, ѐ пріукрасная дѣвица Алѐна?—Нѣ, говòрать: першый разъ отъ васъ чуемъ. Ужэ мы усюды бѣгаемъ, а ня бачыли и ня чули нигдѣ! А пòтомъ, говòрать, ѐ у насъ старая мядвѣдица, семъ лѣтъ на 'дномъ боку ляжыть, тая можа ти ня знаа, туу спросить! Ёнъ и крикнавъ и свиснавъ! Подымаетца яна на ноги, бягить къ яму, ажъ косьти бражчàть. Яна яму отвящаа: ахъ царъ, на што ты мяне трэбуешъ, потрывожывъ мою старость?—Ну, старушка, низвини, слухай, што я тябе буду спрашавать!—Нутя, спрашуйтя у мяне!—Ты тыки старая жэнщына, у молодòсьти много пробѣгàла, много бачыла,—ти ня знаешъ ты, гдѣ на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры, ѐ пріукрасная дѣвица Алѐна? А яна отвящаа: я, говора, зъ молодосьти пробѣгàла часто тудой, я говора, знаю, гдѣ яна жыве! Да. Ёнъ ёй отвящаа: вяди, говора, старушка, у (во) етаго чаловѣка туды! Только табѣ у прикази: штобъ усё було благополушно! А яна отказуя: ня бойтесь, будя усё сохранно! Да. Пошли яны ободвы. И не доходючы такъ вѐрстъ пяти ти шасьти, яна говора: а што, говора, Иванька,—видишъ ты тяперъ яго?—Нѣ, говора, ня виджу, щэ хорошо не замѣчу! Яны пошли по ближности. Пройшли ящэ вярсты три, яна опять показуя: ну што, Иванька, бачышъ тяперъ?—Тяперъ, говора, бачу!—Ну, коли бачышъ, дакъ иди сабѣ! А сама воротилася назадъ яна. Вотъ ёнъ и пошовъ.

Уходжуя къ ёй, у ёй балаганъ.—Здрастуй, говора, дѣвушка, пракрасная Алена!—Здрастуй, здрастуй, мальчышачка—царській сынъ! Я знаю, зачымъ ты пришовъ: хочашъ мяне за жану узять. Хорошъ-прыгожъ мальчышачка, ну только ето ня прѝдетца: зачымъ ты мойго брата зарубивъ? Ёнъ ёй отвящаа: ахъ, говора: виноватъ, да не проклятъ! Я зарубивъ, я й отвѣчу! Яна яму отвящаа: стой жа, говора, тяперъ! Только што менѣ тябе жалко, а то бъ ты отвѣтивъ ба и пропавъ. Нà жъ табѣ пару прòстыхъ ножовъ, и стрòняшъ ты бабку старэнькую, малѐнькую, изъ зялѣзной тростиночкой. И ты, говора, будяшъ изъ ёй стракàтца, и ты скажашъ: здрастуй, бабка, моя голубка! Тяперъ яна яму̀ сказала: якъ ты скажашъ: здрастуй! яна табѣ скажа: здрастуй, здрастуй, скурвый сынъ на што ты мойго сына зарубивъ? А ты ёй скажи: ахъ, бабка моя голубка, прости мнѣ! Яна скажа: прощу, только поклонѝся у ноги! Дакъ

гляди, говора,—будяшъ ты кланятца ёй, дакъ, говора, низко не кланяйся, а то яна тябе тростинэй якъ пόкия, дакъ и убъè. А ты ня дужа согинайся, да хвати яè етыми ножами подъ пахи, дакъ яна и скипить!.. Ну, ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустракаетца баба изъ зялѣзной тростиночкой. „Здрастуй, каа, бабка, моя голубка!"—А здорово, здорово, скурвый сынъ! Ето ты мойго сына зарубивъ?—„Ахъ, бабка, моя голубка, прости мнѣ!"—Ну, говора, поклонисься у ноги, дакъ прощу! Ёнъ тольки нибытцомъ ставъ кланятца, да й хвативъ яè ножами етыми. Яна тамъ и скипѣла на ножахъ. Ёнъ яè бросивъ и воротився назадъ. Приходя ёнъ узновъ къ етой. „Ну што, говора, запоровъ?"—Запоровъ!—„Ну вотъ, говора, тяперака будомъ съ тобой жанитца!" Ну, яны, дождавшися скрасэньня, и пожанилися. И пожыли яны два дни. Яна яму даè ключы: иди, говора, мой милый, полюбуйся по моимъ жытялству, по саду, по винограду. Тольки усюдахъ ходи, усюдахъ любуйся, тольки тамъ будя стоять хатка, лычкомъ завязана, г—мъ замазана, дакъ у тую не гляди. А то усюдахъ сабѣ любуйся ходи!" Ну, ёнъ и пошовъ,—любовався у етомъ саду. Дойшовъ до етой хатки, и узяла яго тикавость: „якъ ето можа быть? Я уже тяперъ ходяинъ и кабъ я не глядѣвъ у ету хатку!" Ну узявъ, ето г—о обтёръ, лычко развязавъ и глядить. Ажъ тамъ змѣй кипить у котлѣ. Ёнъ тогды говора: „здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ!" —Здрастуй, здрастуй, змѣй! Зачимъ ты суды попавъ?—„Ахъ, братъ ты мой, ратуй ты мяне отсюль: дарую табѣ три смерти!" Ну, ёнъ подумавъ, подумавъ: во, три смерти даруя,—ето я довго буду жыть! Отратую я яго! „Якъ жа мнѣ тябе отсюль ратовать?" А ёнъ говора: подай мнѣ, братъ, вядро горэлки и торбу сухаровъ,—трэба мнѣ покрапитца! Ёнъ яму подавъ вядро горэлки и торбу сухаровъ. Ёнъ выпивъ, закусивъ, тогды говора: ходи, братъ, ко мнѣ суды, подай мнѣ руку! Ёнъ подходя къ яму, подавъ яму руку,—ажъ ёнъ такъ и выскочывъ, и полятѣвъ! Покуль ёнъ зачынивъ ето двери, г—мъ замазавъ, лычкомъ завязавъ, приходя у домъ,—ажно ужэ няма жонки: змѣй ухвативъ и понёсъ у своѐ царство. А ёнъ да спрэжда хотѣвъ яè узять, дакъ яè матка была силнѣй за яго, дакъ яна и усадила яго у ето пекло. Ёнъ поплакавъ, поплакавъ, собрався и пошовъ зновъ у свѣтъ бѣлый, шукать яè. Вотъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутки, ишовъ другія, а на трэтьтія сутки убачывъ ёнъ зялёный домъ зъ зялѣзной крышой, прекрасный, хорошый! Ёнъ заходя у етый домъ, ажъ тамъ яго сястра бόльшая сядѝть. Ушовъ ёнъ, яны одинъ на 'днаго зирнули—и заплакали обόдвы: ахъ, братъ! Дававъ табѣ Богъ щасьтя, да ня умѣвъ ты яго шановать, што не соблювъ ты, што яна табѣ приказала! Ёнъ говора: ну што жъ, сястра: гόра, да нечаго дѣлать! Трэба йтить шукать яè!—Да, говора: знайдешъ, да ня возьмèшъ: ёнъ,

говора, убъѐ тябе, заколотя!—Ну, што, говора, сястра, дѣлать: убъѐ дакъ я ёй ня буду рупитца тогды, а яна мнѣ!.. Яна яго садить, напримѣръ, угощенія дѣлать: напоила, накормила. Ёнъ ето собираетца итить: прощай, сястра! А яна говора: „ахъ, братка мой любый, хоть ба ты щэ трошки у мяне погостювавъ, да я боюся, што мой мужыкъ тябе убъѐ! Мой мужыкъ—Громъ!"—А я, сястра, пойду ужэ!—„Нѣ, братъ, стой: я тябе схόваю!" Узяла и сховала яго подъ койку. Удругъ подъ повднѝ стучы̀ть, грымить, и уходя у домъ. Походивъ по комлати, походивъ, и говора: ахъ, жана моя любая,—русь кось пахня!—Ахъ, мой мужъ любый, мужъ мой дорогій: ты по свѣту лятавъ, руси коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня!—Ну, ничого, говора,—давай обѣдать! Удругъ сѣли яны обѣдать, отъ яна якъ узяла одну ложачку, сычасъ у яѐ сляза̀ и покатилась. Ёнъ у яѐ спрашуя: ахъ, жана моя любаа, жана моя дорогаа, почаму вы плачытя? А яна говора: якъ жа мнѣ ня плакать,—кольки насъ було у вотца, дакъ ня тольки ня убачымся, а дажа ня учуемъ, гдѣ который прожываа! Ёнъ и говора: ахъ, дурни вы, говора. Разви вы у худое мѣсто попали? Што вамъ тутъ худо? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы яго приняли?—Вотъ дура баба: хиба у насъ хлѣба-соли няма? Мы бъ попили, поѣли, добрыя мысьли помѣли бъ! А яна говора: ёнъ, говора, тутъ,—я яго сховала! А ёнъ тогды говора: эй, шуръякъ, вылазь, гдѣ ты, говора, сховався? Отъ, якъ крикнувъ ёнъ: шуръякъ, вылазь! ёнъ и вылязъ съ подъ пола. Отъ ёнъ поздрастувався, посадивъ за столъ, сѣли пить, гулять на троя сутокъ: пили, гуляли, добрыя мысьли мали. На чатьвёртыя сутки ёнъ говора: „ну, шуръякъ, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба йти у бѣлый свѣтъ!" Ну, потому ёнъ пошовъ. Иде сутки, иде другія, на трэтьтія убачывъ домъ приотлишный—хорошый (цвѣтъ опущенъ). Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажъ тамъ сядѝть яго сярэдьняя сястра. И ету знайшовъ. Ну, яны, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный! дававъ табѣ Богъ щасьтя—долю, да ня умѣвъ ты шановатца, ня умѣвъ слухать яѐ! Пропавъ ты тяперъ"!—Ну, штожъ, говора, будешъ дѣлать: пропавъ, дакъ пропавъ! Пойду шукать яѐ!—„Да, говора, зна̀йдешъ, да ня возьмѐшъ, ёнъ тябе убъѐ!"—Ну, штожъ дѣлать: убъѐ ня убъѐ, а хоть рупитца одинъ одному ня будомъ! Ну, яна трошки яго попоила, покормила. „Ахъ, мой братъ! погостювавъ ба ты у мяне, дакъ боюся, што мой мужыкъ, Морозъ, заморозя тябе!"—Ну, што жъ, сястра: я пойду!—„Ну нѣ, говора: я тябе схόваю!" И сховала яна яго подъ койку. Вотъ, сонюшко устаѐ, обвўтрыло, морозъ раставъ и иде у хату. Походивъ, походивъ по хати: „а што, жана,—русь-кось пахня!" А яна яму̀ отвящаа: ходили по бѣлому свѣту, русикоси набра̀лися, и тутъ пахня!--Ну, ничого, ето усѐ пустое,—давайтя

обѣдать! Ну, яны сѣли обѣдать. Яна якъ узяла першую ложачку, зачарэпнула, и скушно заплакала. „Жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаа ты скушно плачашъ?“ — Якъ жа мнѣ, каа, другъ мой милый, ня плакать: кольки насъ було у батьки и нязвѣстно, хто гдѣ знаходитца. Ти довядѐтца побачытца, ти нѣ? — Во, говора, дурни вы, хиба вы у худое мѣсто попали! — А што бъ вы, говора, здѣлали, кабъ мой братъ тяперака прибывъ? — Ахъ, ты жана дурань: хиба у насъ хлѣба-соли няма, — мы бъ попили, поѣли, да добрыя бъ мысьли помѣли! А яна говора: ёнъ жа, говора, тутъ! Я яго сховала! Ёнъ тогды говора: „эй, шурьякъ, говора: гдѣ ты? Вылазь!“ Ёнъ сычасъ и вылажуя. Якъ вылязъ, сычасъ поздоровкалися, повиталися и сѣли пить, гулять на трòя сутокъ. Пилй, гуляли, добрыя мысьли мали, а на чатьвёртыя сутки ёнъ собираетца у дорогу. „Ну, говора, швагра, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ итить!“ Яны якъ попрощалися, пошли. Ёнъ съ сястрой попрощався, пошовъ. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтія бача — стоить домъ хорошый — отлишный. Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажно яго самаа младшаа сястра у етымъ доми. Якъ увыйшовъ ёнъ у домъ, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный, дававъ табѣ Богъ щасьтя-долю, да ня умѣвъ ты шановать!“ — Ну, штожъ, говора, сястра: пойду тяперъ шукать яѐ! — Да найти ты нàйдешъ яе, да узять ня возьмѐшъ! Ну, говора, братъ ты мой, сядь ты у мяне погостю̀й! Сѣвъ ёнъ, попивъ, поѣвъ и хоча ити. „Ахъ, братка мой любый, хотѣла бъ я, кабъ ты погостювавъ, да боюся, кабъ мой мужыкъ Дожджъ тябѐ не засѣкъ!“ — Ну, дакъ што, говора, дакъ я пойду! — „Нѣ, постойка, я тябе схова̀ю!“ Ну й сховала яго подъ койку. Такъ, подъ повдня хмары разыйшлись, погода установлѧ̀ятца, — иде Дожджъ. Походивъ, походивъ по хати: „а што, говора, жана, — русь кось пахня!“ — Ахъ, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ты по свѣту лятавъ, руси коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня! — Ну, ничого, говора, давай обѣдать! Сѣли яны обѣдать, яна одну ложку зачарэпнула и заплакала. Ёнъ ёй говора: жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаго ты плачашъ? — Якъ жа мнѣ ня плакать: кольки насъ було у вотца, а тяперъ мы и ня учуемъ, игдѣ который прабываа, ня тольки побачытца! — Ахъ, якая ты дурань! Такъ васъ Богъ любя! Разви вы ў худое мѣсто попали? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы приняли̇ яго? — Ахъ, дурань баба: хиба бъ мы хлѣба-соли ня знашли бъ? Попили бъ, поѣли, добрыя бъ мысьли помѣли бъ! А яна говора: а ёнъ жа тутъ! Отъ ёнъ говора: вылязай, швагра, гдѣ ты сховався! Ёнъ вылязъ. Удругъ яны познакомились, повита̀лись, сѣли пить, гулять. Пили, гуляли, добрыя мысьли мали, троя сутокъ. На чатьвёртыя яны прощаютца. Младшая сястра приготовила яму на дорогу. „Ну, говора,

иди сабѣ, шурьякъ, зъ Богомъ, куды идешъ, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ ити!“ Попрощався ёнъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ троя сутокъ, на чатьвёртыя бача—стоить домъ прабольшый, огромный, каменный! И ёнъ самъ сабѣ думаа: зайду-тка я у етый домъ, подивлюсь, што тутока дѣлаетца! Заходя ёнъ у етый домъ, ажъ яго тамъ жана сядить. Ёнъ якъ увыйшовъ у комлату, яна говора: ахъ, мужъ мой любый, дававъ намъ Богъ щасьтя-долю, да ня умѣвъ ты шановать, ня умѣвъ мяне слухать! А тяперака ты мяне отсюля не возьмёшъ, ёнъ тябе убъе! Ёнъ яѐ обнявъ и говора: ахъ, жана моя любаа, довжно пропавъ! А пойдомъ на щасьтя! А яна яму отвящаа: нѣ, говора, мой мужъ: ёнъ насъ догоня, дакъ тябѐ убъѐ!—Ну што жъ,—убъе, дакъ убъе,—хоть одинъ объ однымъ рупитца ня бу̀домъ!.. И пошли яны оттуля̀. Пошли яны съ того дому,—удругъ у повдни прилятàа змѣй у домъ. И у яго бывъ хлопчыкъ служытель. Прилятаа и спрашуа: хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, говора.—А дѣ жъ яна?—Ушли!—Ну што жъ, говора, догонимъ?—Да, говора, догонимъ. Прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ жыто, да убяромъ, да помолотимъ, да спякòмъ хлѣбъ, да зьядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, яны завину̀лися лядо копать. Выкопали лядо, посѣяли жыто; жыто тоя поспѣло; яны яго увобрали, помолотили, намололи муки и напякли хлѣба. Зьѣли той хлѣбъ и поѣхали догонять. У повдороги й догнавъ. Якъ догнавъ, такъ спусьтився: ахъ ты, приволокся суды! Ну, двѣ смерти табѣ даруятца, а ще одна остаетца. Трэба було тябѐ тогды убить и тяперъ во; а щэ разъ придѐшъ, дакъ щэ тую подарую. А у трэтьтій разъ придѐшъ—убъю! А самъ узявъ жонку и полятѣвъ назадъ. Ёнъ остався одинъ. Постоявъ, постоявъ, поплакавъ, поплакавъ, да вярнувся и ёнъ туды назадъ къ ёй. Приходя ёнъ назадъ къ ёй и говора: ахъ, жана моя любаа, пойдомъ щэ на щасьтя!—Нѣ, говора, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ёнъ насъ догоня и тябе убъѐ!—„А можа ня убъѐ!“ Упросивъ яе,—узяли опять пошли зъ ёй. Ну, ёнъ опять прилятаа домовъ, змѣй: а што, ходяйка дома?“—Нѣ, няма!—А гдѣ жъ яна?—Ушли!—А мы ихъ догонимъ?—А прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ пшаницу, да помолотимъ, намѐлямъ, да хлѣба напякòмъ, да зьядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, завинулися яны лядо копать, пшаницу сѣять. Выкопали лядо, посѣяли; увобрали тую пшаницу, помолотили, намололи муки, напякли хлѣба, зьѣли и поѣхали догонять, и у повдороги догнали. Ёнъ яму и говòра: а што говора,—ты не каесься? Ну, першый и послѣдній разъ ты тутъ! Якъ придешъ щэ,—беспрымѣнно убъю! Ну, узявъ жану и полятѣвъ, ёнъ и остався одинъ. Постоявъ тамъ, поплакавъ: што тутъ дѣлать? Пойду опять икъ ёй! Приходя ёнъ опять къ ёй: ходѐмъ, говора: усё одно мнѣ пропадать! Ублагàвъ яе; опять пошли. Ёнъ прилятаа у повдни на другій день и пытаа у хлопчыка: а

што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, няма, ушли!—А ти догонимъ мы ихъ?—А выкопаемъ упяродъ лядо, понасѣямъ проса, да убяромъ, да натовкомъ, да кашы наваримъ, да поядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, давай завинатца коля ляда. Насѣяли проса, натовкли, кашы наварили, подъѣли, поѣхали догонять,—у повдороги догнали. „Ну, говора, послѣднiй разъ ты ходивъ!“ Якъ спусьтився, сычасъ яго убивъ, на мелкiя часьти порубивъ и по полю раскидавъ.

Ну, ето уремя ходили яго швагры по бѣлому свѣту и усё ето бачыли. Вярнулись домовъ и расказують жонкамъ: отъ жа, каа, няма вашаго брата,—убивъ змѣй! Яны узяли, дома подѣлались ластовками: одна узяла жывыя воды, другая мяртвыя, прилятають туды, собрали кусочки и складують, якъ ёнъ бывъ. Сычасъ склали, гоющыя воды дали—ёнъ зросся, жывущыя дали—ёнъ отжывився: охъ, каа, якъ я довго спавъ! Ну, яны стали яму говорить: ахъ братъ, ты ня спавъ, а тябе змѣй порубивъ на мелкiя часьти. Ето щэ хорошо, што ёнъ такъ здѣлавъ; а коли бъ ёнъ убивъ, да на гнѣ спаливъ, то бъ мы ничого ня здѣлали! Ну, ёнъ говора: ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду узновъ на щасьтя, што Богъ дасть! А яны яго просють: братка, ня йди,—ёнъ спаля!—Ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду! Ёнъ зь ими попрощався и пошовъ-тыки назадъ икъ ёй. Ну, приходжуя ёнъ узновъ икъ ёй, яна плача. „Ходёмъ, жана!“ А яна яго просе: нѣ, тяперъ я ужэ съ тобой ня пойду,—я тябе луччы тутъ сховаю, покуль што! Ну, яна яго сховала. Удругъ ёнъ прилятуя у повдни. Прилятѣвъ и сѣли обѣдать. Побѣдали и лягли спать. Лягли отдыхать, яна говора: ахъ, мой мужъ милый, мой мужъ дорогiй! Няхай той мужъ мой жывъ бывъ, дакъ ты мнѣ правды ня казавъ, а тяперъ того мужа няма: искажы ты мнѣ, по якому злучаю у тябе такая силная крѣпость, што нихто табѣ ня дасть рады? А ёнъ ёй отвящаа: „моё здоровъя и сила усё у моры! Тамъ, говора, у моры ляжыть волъ, а у волу заяцъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйцы усё здоровъя моё и сила сядить тамъ! Коли бъ хто тоя яйцо доставъ, да имъ мяне ударывъ у лобъ али у груди,—тутъ ба мнѣ и конецъ!“ Ну, ёнъ якъ отдыхнувшы полятѣвъ, а яна яго тогды узбудила и говора: ну, мужъ мой любый, мужъ мой дорогiй! Собирайся, говора, туды й туды! Коли найдешъ, говора, етаго дѣла—останесься щасьливъ! Напякла яму, наварыла и выправила. Собрався и пошовъ. Иде сабѣ дорогой, ажъ бъютца два коршукй, и такъ силно бъютца, што ня возможно ихъ разборонить. Ёнъ ихъ испрашуя: ахъ вы ястрабы, ястрабы! За што вы такъ болно бъятесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ: мы дужа крѣпко ѣсьти хочамъ; дакъ мы который котораго забъёмъ, того и зьядимъ! Ёнъ отвящаа имъ: стойтя жъ вы, ястрабы, ня битеся, ходитя ко мнѣ! Яны приходжають къ яму, ёнъ сычасъ развязавъ торбочку,

вынимаа съ торбы два куски мяса и даѐ имъ. Яны наѣлись и благодарать яго: „ну, говора, благодаримъ покорно, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што накормивъ ты насъ: будомъ мы за твоѐ угощенья табѣ у большой пригоды за ето!" Вотъ яны попрощались; пошовъ ѐнъ зновъ. Иде ѐнъ по дорози, бача—бьютца два собаки, и такъ силно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Ѐнъ подходжуя къ имъ поближы: ахъ, вы псы, вы псы! за што вы такъ болно бъятѐсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ,—мы дужа крѣпко ѣсьти хочамъ; дакъ мы который котораго задавимъ, того й зьядимъ! Ѐнъ отвящаа имъ: стойтя жъ вы, псы, ня битеся, ходитя ко мнѣ! Яны прихòджуютъ къ яму; ѐнъ торбу развязавъ, по ковалку хлѣба имъ давъ, по ковалку говядины. Яны наѣлись. „Ну, говора, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, благодаримъ покорно, што ты насъ накормивъ: будомъ мы табѣ у большой пригоди за ето!" Ну, пошовъ ѐнъ дали. Подходжуя къ мору, бача—бьютца двѣ выдры, и такъ силно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Подходжуя ѐнъ икъ имъ ближы: ахъ вы выдры, выдры, за што вы такъ бъятѐсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, дужа крѣпко мы ѣсьти хòчамъ: дакъ мы котораа которую задавимъ, туюи зьядимъ! Ѐнъ говора: стойтя жъ вы, выдры, ня битеся! Ходитя ко мнѣ! Яны приходжуютъ къ яму, ѐнъ торбу развязавъ, вынимаа два ковалки мяса и дае имъ. Яны наѣлися и благодарать: спасибо табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што ты насъ накормивъ! Будомъ мы табѣ у большой пригоди! Распрощались, ѐнъ и пошовъ. Отъ, ѐнъ подходжуя къ мору. Покуль дошовъ, дакъ ужэ вода по ротъ понимаа. Иде ѐнъ и плача, и говора: Господи, што жъ мнѣ тяперака дѣлать? Иде, иде, ажно стоить востровокъ. Зирнувъ ѐнъ на правую сторонỳ, ажно сядѝть старичокъ-дядокъ на етымъ востровочку. Подходжуя ѐнъ ближэй, и говора: „здрастуй, дѣдка, мой голубчыкъ!"—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ! Якъ тябе Богъ суды принѐсъ: ти самъ ты пришовъ, ти табѣ хто показавъ?—„Нѣ, самъ, говора, дѣдка, пришовъ!"—А почаму жъ ты суды пришовъ?—„Ахъ, дѣдка, мой голубчыкъ: ти ня бачывъ ты, ти ня чувъ, игдѣ тутъ у моры ѐ волъ, а ỳ волу заяцъ, а ỳ зайцы вутка, а ỳ вутцы яйцо, а ỳ яйцы змѣява сила. Дакъ якъ ба мнѣ яго достать?"—Ня знаю, нябожа, першый разъ отъ тябе чую! Ѐнъ ставъ, заплакавъ коля яго, засмутився. Ѐнъ яму говора,—дядокъ етый: коли бъ ты давъ мнѣ што-небудь поѣсть, то бъ я табѣ помогъ,—а то я три дни ня ѣвъ! Ѐнъ говора: ахъ дѣдка, мой голубчыкъ: во, говора, ѣжъ кольки хочашъ! Знимаа яму торбочку и даѐ. Ну, ѐнъ поставивъ ямỳ ету торбочку,—дѣдъ той ѣвъ и ня ѣвъ. „Ну, говора, завязуй, нябожа, свою торбочку!" Ѐнъ узявъ завязавъ. „Ну-ка, нябожа, возьми утъ-эту довбню и иди по моихъ вусахъ, куды я дмухну, и якъ дойдѐшъ до конца вусовъ,

тольки скажи: вухъ-ти! Дакъ ёнъ къ табѣ выскоча. Тольки ты яго довбнёй у лобъ би!" Отъ ёнъ и пошовъ. И забывся, якъ ето трэба сказать. Дойшовъ до конца тукаа, люкаа, а ниякъ не припомня, якъ трэба сказать. Ёнъ ходивъ, ходивъ, уморився уже до смерти. Иде назадъ: „вухъ-ти! якъ я уморився", кажа. А ёнъ и выскакуя. Отъ ёнъ яго у лобъ. Ёнъ и завалився. „Ну, слава табѣ, Господи!" Узявъ ёнъ ножыкъ, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять зайца, а заяцъ якъ вырветца, якъ маханè отъ яго!.. Утёкъ. Ёнъ уставъ и плача: „вотъ табѣ й нà! тольки найшовъ, и няма! Ето бягущаа звярiна; побѣгла—и нямо-хто яѐ поймаа!" Иде и плача. Тольки пройшовъ шаговъ десять, 'зирнувся назадъ,—ажъ тащуть етыя собаки зайца и говòрать: „нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоё угощенiя, за твоѐ труды!" Да. Ёнъ имъ подяковавъ, узявъ зайца, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять вутку, а вутка—ковзь! полятѣла угорỳ! Да. Ёнъ уже руки опусьтивъ и плача: „Богъ знаа: ето була бягучаа звярина, дакъ поймали, а ето ужэ лятучаа: ету нихто ня поймаа!" Иде и плача. Пройшовъ ёнъ ня большы, шаговъ зъ десять, ажъ чуя—шумить угорэ. Ёнъ глянувъ—ажъ нясуть коршукй вутку тую! И говòрать: „нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, за твоё угощенiя, за твоѐ труды!" Ёнъ ету вутку узявъ, пузо разрэзавъ; ставъ яйцо брать, а янò якся ковзанулось, яйцо ето,—пошло на дно мора! Бросивъ ёнъ ужэ усё, отчурався усяго, и пошовъ ужэ съ того мѣста соусимъ. „Вѣрно, мнѣ ужэ пропàсьть тутъ!" Тольки ёнъ пошовъ съ того мѣста, вышавъ на берагъ зъ большòю журбою, ажъ ступаа отзàду. Озирнувся назадъ—ажъ нясуть выдры яйцо. „Нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоё угощенiя, твоѐ труды!" Отъ ёнъ яйцо у пазуху уложывъ и пошовъ туды. И приходя ёнъ тогды къ жанѣ. „А што, милый другъ, доставъ?"—Доставъ!—„Ну, тяперъ слава Богу, коли доставъ!" Ну, ёнъ яе прося: ходемъ, говора.—„Ну, тяперъ ужэ ходемъ на щасьтя!" Собрàлись и пошли. Прилятаа у повдня змѣй и пытаа у хлопчыка: а што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, ушли!—А догонимъ мы ихъ?—Догонимъ, да ня вòзьмомъ! Ну, яны полятѣли, догнали. „Ахъ ты, говора, нячыстая сила! ты опять жывъ! Щасьтя твоё, што я тогды тябе порвавъ на ковалки, а ня спаливъ въ огнѝ! Ну, да я тяперъ тябе спалю!" Тольки ёнъ ставъ подхàджувать, а ёнъ выхвативъ яйцо зъ-запазухи, да бэхъ у лобъ яму! Ёнъ и завалився. Ёнъ тогды на мелкiя часьти порубивъ яго, да на 'гонь, и спаливъ. И съ своёй жаной пошли у свой домъ и стали тамъ жыть. И тяперъ жывуть.

И я у ихъ тамъ бывъ, мѐдъ-горэлку пивъ, и у роти ня було, и по бородѣ не тяклò. Була у мяне смолянàа кобылка, рэпяное сядло, съ пастарнаку коньчукъ. Свиньня откуль узялася—за коньчукъ! И тяперъ у яѐ хвостомъ тырчыть. Прилятѣвъ дятялъ: чыкъ-блыкъ, давай мой башлыкъ! Да

й укравъ сядло,—и тяперъ у яго голова красна. Совнійко угрѐло, и кобылка растала. И няма нигдѣ ничо̀го...

С. Старая Рудня, рогач. у. **Отъ кр. Василія Аникеева, 29 л., негр. Внѣ предѣловъ Могилевской губ. не былъ. Изрѣдка слышатся мягкіе д̦, т̦.**

25. Марья Кирбитовна.

Жывъ сабѣ въ однэй д̦яревни старикъ съ старухою. И мѣли яны сабѣ троя д̦ятей: од̦инъ сынъ, дьвѣ дочири. Сынъ старшый, дочири младшыя. Старикъ исъ старухою умирали и сыну приказъ оддавали: „сынокъ нашъ узлюблѐнный! самъ потуль ни жанися, покуль сяcьтѐръ замужъ оддаси!“.. Ѐнъ самъ ни жанився. Удругъ къ старшай сяcтрѣ яго пріижджали сваты. Сватали, сяд̦ѣли, пили, гуляли и зъ радосьси висялились. Потому, самъ жанихъ отъижджая и прощаньня зъ милой оддае: „вый̦ди, говоря, моя милая, на крылечко,—попрощаимся съ тобою!“ Вышла ина на крылечко, ѐнъ потхвативъ яѐ потъ пашки, и сѣли у коляску. Тольки вѣтиръ зашумѣвъ, и нѣтъ никого̀. Остався братъ изъ мѐньшай сяcтрой. Ня вид̦ивъ ни винца, ни свад̦ьбы.

Жывуть годъ и другій, нѣтъ ни отвѣту ни ʼткуда, ни привѣту. И скучали по своѐй сяcтрѣ.

Пріижджають другія сваты икъ меньшай сяcтрѣ. То жа само, сватали, пили, гуляли, висялились. То жа само етый жанихъ говòря: „вый̦ди, моя милая,—попрощаимся съ тобою!“ Ина вышла. Ѐнъ ухвативъ яѐ подъ-пашки, и тольки загримѣвъ громъ. Остався од̦инъ братъ ни причомъ,ход̦ивъ, скучавъ, што нѣтъ жыть ни причомъ, бросивъ свой домъ и пошовъ у бѣлый свѣтъ. Ишовъ д̦ень, исъ усходу сонца и до за̀ходу, ни вид̦ивъ никого̀—ни чиловѣка проход̦яща, ни птицы пролитащи. Обнимая яго тѐмная ночь сярѐдъ тѐмнаго лѣса. Приход̦я ѐнъ къ большому дому, ставъ ли воротъ и думая ночивать. Выход̦я д̦ѣвушка и спрашуя: почаму, молод̦ецъ, стоишъ, и што ничого ни говорйшъ?—Я стою и говорю: ти ни можно у васъ поночивать?—А пожджи, другъ, пойду спрошу у хозяйки—-позволя, али нѣтъ. Тѐтинька, говорить: нѣйкій чиловѣкъ про̀ситца ночивать у насъ!—Пущай ид̦е поночуя! Иго хозяйка принимала и посьтелю яму давала, на койцы яго спать клала. Назаутря повутру яго спрашавала: куды, другъ, ид̦ешъ, и чаго ищишъ?—Иду искать сабѣ своихъ сяcьтѐръ! Было у мяне дьвѣ сястры, сваты сватали, ну и вянцо̀въ я ни видавъ и свад̦ьбы ни гулявъ. И самъ ни знаю, агд̦ѣ мнѣ ихъ искать. Хуть ба ў глазы повидать!—„Другъ! табѣ сяcьтѐръ ни найтить, а должно табѣ у мяне хозяиномъ быть! Ты ко мнѣ увыйшовъ, ды ʼтъ мяне ня ўвойдешъ;

будимъ мы съ тобою жыть и другъ друга почитать!“ Такъ яны осталися жыть. Жыли мѣсицъ, и другій. Тоды ина говбря: „вотъ жа, говоря: друхъ! оставайся дома хозяиномъ! хозяйствомъ управляй и ни гуляй, тольки ня йди туда, адѣ лычкомъ завязано, г...... замазано, и лозинкой заторнуто!“ Ёнъ ходивъ, осматривавъ. Пришовъ къ завязанымъ дьвирямъ. Самъ сабѣ думая: што ето? Штобъ бывшы я за хозяинъ, штоба ни посмотрѣть, што тута ёсь? Ёнъ узявъ, лозинку поломавъ и лычко порвавъ, и дьвери отворявъ. Смотрить ету хижу—сильный огонь горить и въ огнѣ поганый Кощей на цапàхъ висить. Ёнъ спрашуя: хто такій? Отвичая: поганый Кощей! —Чаго ты тутъ висишъ? и хто тябе повѣсивъ?—За приступки за моѐ повѣсила мяне жана твоя Марья Кирбитовна. Ну прошу тябе—испусьти мяне! Ну я табѣ згоджуся на усѣ уримина.—А якъ тябе отпусьтить?—Иди приняси три видра горѣлки и три булки хлѣба, и три полѣны дровъ ольховыхъ и три полѣны дровъ осиновыхъ! Ёнъ принёсъ яму̀ три видра горѣлки, три булки хлѣба, три полѣны дровъ ольховыхъ, и три полѣны дровъ осиновыхъ. Ёнъ тоды выпивавъ одно вядро горѣлки и закусававъ одну булку хлѣба, бравъ еты полѣны и бивъ по цапахъ. Выпивавъ другоя вядро горѣлки, закусававъ другимъ хлѣбомъ и бивъ палками по цапахъ. И одбивъ уси цапы, только одинъ остався—што зъ низу у горло. Третьтія вядро выпивавъ и булкою закусававъ. И усѣ цапы оторвавъ отъ сябе и самъ съ огня выскàкававъ. Вотъ жа, говòря: ни видать табѣ жаны Марьи Кирбитовны во вѣкъ! поганый Кощей говоря. Поднявся, полятѣвъ, тольки вѣтиръ зашумѣвъ. Остався ёнъ одинъ дома, заскучавъ, што сясьтёръ ни видавъ, и жану потирявъ. „Да пойду жаны шукать!“ И отправився.

Ишовъ день ись усходу и до зàходу сонца. Ня видивъ никогò. Приходя къ ночи къ дому и выскàкуя зъ дому жана яго Марья Кирбитовна. Ахъ, говоря: якъ я табѣ приказавала: идѣ ни ходи, идѣ ни смотри,—тольки туда ня йди, идѣ былò лычкомъ завязано, лозинкой заторкнуто, г...... замазано. А ты ни послухавъ мяне и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну тяперь вѣрно намъ съ тобою ня жыть,—што тяперь силъ тыхъ у мяне нѣту звоювàть яго!—Ну, слава Богу, што я увидивъ тябе, то уѣдимъ до дому свойго! Садилися на лошадь и поѣхали посьпяшнѣй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриной охоты и спрашуя у кухварки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая, што узявъ мужъ. Ёнъ тоды кинувся, поганый Кощей, на свою стайню и спрашуя своѐ лошади триногія: што, говоря, лошадь триногая: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Ни сьпиша нагонимъ. Иди, садися вячеряй и ложыся спать, а заутря уставай и будимъ нагонять! Ёнъ назаутря устававъ и садився на свою лошадь триногую и поскакавъ. И Марью Кирбитовну догонявъ и говоря: вотъ, другъ: назадъ ни воротися, ды съ своѐй жаной наусигда распросьтися! Ну когда

воротисься, то чиризъ жану голову положышъ! Ёнъ Марью Кирбитовну хватавъ и на лошади поскакавъ, и поѣхавъ назадъ домой.

Ёнъ тоды, ни ходя жаны искать, пошовъ сясьтёрь искать. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ нѣскольки урмина и приходя къ мѣдному дому. Ставъ ли калитки и бъётъ кулакомъ у калитку: ни можно поночивать у васъ? Смотря у вокошко систра яго и высылая дѣвушку: иди, говоря, отвори яму! Дѣвушка отворяла и у комнуту пущала. Систра яму поклонъ давала: ахъ, говоря, братицъ: рада я, што увидила у глаза тябе, ну ни знаю, агдѣ подѣть тябе: мой мужъ Совнушка. Совнушка зайдя и ёнъ ко мнѣ придя! Ина яго накормила, напоила и подъ мостъ посадила. Потомъ Совнушко зайшло, и ёнъ домовъ пришовъ и спрашуя: ахъ, моя милая! што у тябе русь кось пахня? Жана отвичая: ахъ, милый другъ! по Руси ходивъ, Руси набрався! Разьдивайся и садися вужынать! Разьдѣвся и садився за столъ. Подносила служанка имъ кушаньня. Кушали и разговаривали: ахъ, говоря, милый другъ: ноньчи я оддыхала и брата во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну ёнъ до жаны бывъ доступився, узявъ да назадъ воротився, а поганый Кощей отобравъ назадъ яе!—Ну, братъ мой тутъ! ина отвищая мужу. Ёнъ спрашуя: агдѣ жъ ёнъ?—А вотъ ёнъ подъ мостомъ! Ёнъ ударивъ сапогомъ и мостъ проломивъ: ну, говоря, вылизай, другъ, съ подъ моста. Ёнъ со страху вылазивъ съ подъ моста. Садилися умѣсьти, пили, гуляли, и висялилися, и оддыхать ложылися. Назаутря ранинько Совнушка устаѐ и на свою службу идѐ. И швагря яго тожа отправляитца у путь у дорогу. Совнушко госьтиницъ яму даѐ—прислугу отъ сибе, яснаго сокола. И ёнъ отправився у путь, у дорогу. Тожа ишовъ день до ночи, тода приходя къ сяребриному дому. Систра яго увидала у вокошко лицо здали, и яго стричала, и у домъ свой принимала. И поила, и кормила, и говоря яму: айдѣ тябе подѣть? Ёнъ спрашуя: зачимъ, систра, такъ?—А мой мужъ Громъ! ёнъ придя, тябе и мяне за тябе убъѐ!—Ну, идѣ хотишъ, тамъ мяне подѣнь! Ина поднимала мосьницу и садила яго подъ мостъ. Позно вечира Громъ домой приходя: здрастьви, милая! Зачимъ у тябе русь-кось пахня?—Ахъ, милый другъ: по Руси ходивъ, Руси набрався! Разьдивайся, вужынать садися! Ёнъ разьдивався и садилиси вужынать. Служанка кушаньня подносила, яны кушали и разговаривали: ахъ, ноничи я оддыхала и брата у во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни, да ня умѣвъ жыть, и спусьтивъ поганаго Кощея исъ цапей. Ну, тяперь яму ижъ жаною ня жыть, за то што ина яго вошы ища, а поганый Кощей Марьи Кирбитовны груди сьсѐ! Ина яму говоря: мой братъ тутъ! Ёнъ спрашуя: айдѣ жъ ёнъ?—Подъ мостомъ! Громъ бивъ сапогомъ мостъ и ломавъ: вылизь съ подъ моста! Ёнъ вылизавъ. Садилися умѣсьти, пили, ѣли и гуляли и од-

дыхали. Назаутря рано уставали. Громъ отправлявся на свою службу, а шуринъ по своей дорози. Громъ изь имъ прощався и на прислугу собачку дававъ. Ёнъ и пошовъ.

Опять приходя къ своей жанѣ Марьи Кирбитовны, и сѣдлали лошадей, сѣли и поѣхали у путь, у свой домъ. То яны спяшыли, лошадей подгоняли. Пріижджая поганый Кощей изь зьвяриной охоты и спрашуя у каховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая: узявъ мужъ яе! Осидлали лошадей твоихъ и поѣхали на вирховыхъ лошадяхъ! Ёнъ кинувся на стайню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ мы Марью Кирбитовну?—Иди, вячеряй, ды нямедлинно! Ёнъ повячерявъ и садився на триногую лошадь и ихъ нагонявъ. И Марью Кирбитовну одбиравъ. Ну вотъ, другъ: два разы прощаю за твою прислугу! ну, третьтій разъ ни прощу, а табѣ голову зрублю! Сѣвъ и поѣхавъ. Ну, а ёнъ назадъ воротився. Пріижджая ёнъ опять назадъ къ Марьи Кирбитовни у Кощеявъ домъ. Садилиси яны на лошадь и погоняли посьняшнѣй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриныя охоты и спрашуя у куховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна?—Опять узявъ мужъ яе! Ёнъ кинувся на конюшню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Поскорѣй садися на мяне: уѣдуть у домъ свой! Ёнъ садився на триногаго коня и нагонявъ ихъ. Марью Кирбитовну одбиравъ, а мужу яѐ голову̀ зьнимавъ.

Яго прислуга—соколъ полятѣвъ до Сонца, до хозяина свойго, а собака побѣгъ до Грома свойго. Прибигали,—соколъ прилитавъ къ Сонцу, а собака прибигавъ къ Грому, и говорили хозяинамъ своимъ, што поганый Кощей изрубивъ голову хозяину нашаму! Сонца зъ Громомъ зьбирались, икъ швагру свойму пришли. То яго тѣло воронàми зьѣто, а у черипи у головѣ ворона гнѣздо зьвила и яѐцъ нанисла, и дятей вывила. Приходили Сонца и Громъ, брали воронятъ у руки у своѐ. Ворòны билися, и дятей своихъ у ихъ просили: пусьтитя нашыхъ дятей, а што вамъ надо, придоставимъ вамъ!—Доставьтя намъ сноватилской воды и жывой!—А дайтя намъ у чомъ принѐсьти. Ну, брали бутэлочки—и подвязавали потъ крылушки. И полятѣли яны у тую сторону̀, айдѣ сноватилская вода и жывущая. Тамъ надъ колодизими каравулы крѣпкія. Яны миталися—кружылися и у колодизи бросалися, и у бутэлочки воды набирали. Икъ Сонцу и къ Грому доставляли. И яны бутэлочки у ихъ отвязавали. И имъ яны ни довѣряли, штобъ яны имъ воды такой приставили. Яны воронёнка разьдирали и сноватилской водой пырскали. То воронёнокъ и соснувалось. Жывущай пырснули—воронёнокъ полятѣвъ. Яны свойго швагра по полю косьти собирали и у̀ кучку складали и сноватилской водой пырскали. То тѣло по косьтяхъ потягнулось. Жывущай водой спырскавали—ёнъ устававъ. Ахъ, говоря, братія:—якъ крэпко заснувъ!—Да, говоря, за-

снувъ—сномъ смярётнымъ! Ну, молися Богу, што ты бывъ у насъ и давали слугъ табѣ! Ну слуги наши и твоѐ 'видомляли намъ, што табѣ голова зрублина. Мы къ табѣ приходили и тябе 'тжывили. И за етымъ, братъ, прощай! Распросьтилися и пошли уси по сторонамъ, кому куды трэба.

Ёнъ пошовъ опять къ жанѣ своёй, къ Марьи Кирбитовны. Приходя у домъ поганаго Кощея. Ну, поганаго Кощея дома нима. Ёнъ отправився у разныя стороны. Ёнъ говоря жанѣ своёй: ты мяне схувай, куды сама знаишъ, а ёнъ пріѣдя домовъ, поганый Кощей, и распроси у яго, агдѣ яго душа? Ты яму̀ тàкъ отвищай: што мужа мойго убивъ, ну и я свою душу̀ усаджу туды, айдѣ твоя! Ну яна яго схувала у вособянномъ мѣсьти. Потомъ пріижджая поганый Кощей зъ разныхъ сторонъ. 'Ны сѣли вячерить и разговарюють. И ина у яго распрашуя: айдѣ твоя душа находитца? Ну и я̀ свою туды усаджу, за то, што ты мойго мужа убивъ; я тяперь буду жыть исъ тобою!—Моя душа далякò: ёсьть на мори островъ, а на острови дубъ, а у дуби заицъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо—тамъ моя душа у яйцы!—А якъ её достать?—А трэба у бабы-яги коня достать! Такъ ёнъ поночивавъ, и назаутряго поганый Кощей отправлявся у разныя стòроны. Ина мужа къ сабѣ призывала, и пилѝ, гуляли, и вясялились, и яму расказала, айдѣ поганаго Кощея душа. Нѣтъ, другъ: табѣ туды ни сойтить и душы яго ни узять. Ёнъ говоря: што Богъ дась! И отправився ёнъ у путь. И давала яму хлѣба нямножко, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ день, ишовъ другій—и хлѣбицъ етый изьѣвъ. На третьтій день ѣсьть яму ничиго. Ишовъ, ись силъ выбився, ды й ѣсьть нѐчиго. Ёнъ лёгъ подъ кустомъ, и навалилася на яго мошкарà. И силы у яго нѣту одбиватца отъ ихъ. Ёнъ на тѣли горсьть мошакъ грябеть и ѣсьть. Нимножко усилився. Прилитàя старшая мошка и говоря яму: пусьти прислугу мою, а то мнѣ трудно жыть будя одной, а нà табѣ, зьѣжъ пирожокъ!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—то всѣ мошки полятѣли зь яго. Ну вотъ жа, другъ: я табѣ за ето сгоджуся и съ своёю прислугой, коли гукнѐшъ,—съ прислугою моёй. Ёнъ пирожокъ зьѣвъ и пошовъ. И етый день изнова йшовъ. Назаутряго тожа ишовъ-ишовъ, ись силъ выбився. Приходя къ морю. Дай хоть раковъ уловить и сырыхъ ихъ ѣсьть. Ѣвъ, ѣвъ, и нисколько ни подьѣвъ. Выхòдя старый ракъ и говоря яму: пусьти прислугу мою! ну я табѣ згоджусь. Про нужду твою, я табѣ помогу ись прислугою моёю!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ, и раки усѣ поповзьли. Яму ракъ старшый дае просьвиру. Ёнъ просьвиру зьѣвъ и пошовъ. Приходя у лѣсъ. И выбився ись силъ. И ѣсь нечиго. Увидивъ ёнъ дуплё на дериви и полѣзъ. И нашовъ у дуплѣ вирябьиное гнѣздо зъ вирябьинятами и ставъ ихъ ѣсьть. Лятить старшый вирябей. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, оддай мою прислугу,—я табѣ зго-

джусь!—Якъ жа мнѣ ихъ оддать?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—вирябъиняты и полятѣли. Давъ вирябей яму булочку. Ёнъ зьѣвъ и пошовъ. Приходя къ баби-ягѣ. И заходя у хатку яе: здрастьви, баба-яга!—А здрастьви, здрастьви, Иванъ Ивановичъ! Слыхомъ тябе ни слыхала, да повялося глазомъ повидить. А зачимъ ходишъ ко мнѣ?—А пришовъ выслужыть лошадь у тябе!—Можышъ заробить лошадь сабѣ, тольки три дни испаси двинатцать кобылицъ моихъ! Занималась баба, печку топила, и вячерю яму варила. Вячерю зварила и на столъ яму подала. Ну, Иванъ Ивановичъ, садися вячерій, я погоню кобылицъ у баню парить. И кода шъ ты спасёшъ моихъ кобылицъ три дни—и будишъ брать сабѣ лошадь нàлюбя: а ни спасёшъ, то вотъ прочихъ богатырей гòловы на колушкахъ висять, и твою повѣшу! И погнала кобылицъ у баню. И набрала бяремо жалѣзныхъ прутовъ. Ёнъ бросивъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што ина будя приказавать имъ. Ина прутами сячѐть и приказуя: смотрітя жъ вы, скурвины дочки,—я яму сьпяку булку хлѣба исо сномъ. Якъ ёнъ хлѣба зьѣсь, такъ и засьнѐ. Дыкъ вы тоды ховайтеся у лозу, у таку чимярѐчь, штобъ нихто ни пройшовъ, ни проповзъ. А хоть жа ёнъ и просьнѐтца, да штоба васъ ни нашовъ! Такъ ёнъ назаутря устававъ и кобылицъ у пòля гнавъ. Ина яго выправляла и хлѣбъ яму давала. Ёнъ кобылицъ прогонявъ и пàсьтививъ. Вотъ ёнъ хлѣба укусивъ и лёгъ и заснувъ. Кобылицы схувалиси у такую лозу-чимяречу, што нихто ни пройшовъ и ни приповзъ. Ёнъ уставъ, прочнувся,—и совнушка закатуитца, и кобылицъ при ёмъ нѣтъ. Ёнъ заплакавъ слѐзно: якъ мнѣ обрасьтітца да кобылицъ найтить? Э, говоря, коли бъ мошки лàсковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицъ изъ лозы выгнали! Мошки шумять къ яму̀, якъ тёмна туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, вы̀сморьгай дубецъ и становися у таковомъ то мѣсьти; якъ тольки покажытца кобылица изъ лозы, то би промижъ вушэй яѐ. Ина упаде на колѣньки, и садися вярьхомъ на яе, и поижджай домой икъ баби ягѣ! Ну, ёнъ такъ и зьдѣлавъ. И пріижджая позно вечира и пригоняя кобылицъ къ баби ягѣ. Што ты, сподарѝ, позно пасъшъ?—Ахъ, баба яга—на ступи поижджаишъ, а товкачомъ погоняишъ, помяломъ сьлѣдъ замитаишъ: изъ росой то лошадей и покормить! Ну, садися вячерій, а я погоню узновъ у баню! Ина погнала кобылицъ у баню, ну яму некода вячерить—ёнъ подъ баню слухать. Ина прутами сяче и щитно приказуя: смотритя, штобъ схоронились подальшы! Ну я у хлѣбъ сну прибавлю, да смотрітя ни посяньнишниму,—штобъ ёнъ васъ ни гнавъ, а одинъ пришовъ! Ёнъ выслухавъ, опять побѣгъ, садитца и вячерія, Богу мòлитца и ложытца спать. Назаутря устае, кобылицъ гоня у пòля. Ина яго выправляя, и хлѣбъ яму даѐ. Ёнъ кобылицу погнавъ у поля, у поля пригоняя, и начавъ пасьтивить. Ёнъ пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Хлѣбъ зьѣвъ, заснувъ. Кобылицы спрятались подальшы у лозу. Ёнъ прочинався—сонца на

закати. Ну кобылицъ при ёмъ нѣту. Эхъ, когда бъ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицы зъ лозы выгнали! Такъ яны къ яму летять, якъ тёмная туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высмàрьгуй дубецъ побольшы того, што учирà, и становись у томъ мѣсьти, айдѣ учирà стоявъ. Якъ тольки выскоча кобылица йзъ лозы, то би дубцомъ пò чиряпу яѐ. Ина упаде на колѣньки, садися вярьхомъ на яе и гони кобылицъ домой! Сами полятѣли выгонять ихъ. Стали кусать и грызьть, изъ лозы выгонять. Ина бягить, ёнъ бивъ яе пò чиряпу дубцомъ. Ина упадала на колѣньки, ёнъ садився на яѐ вярьхомъ и пригонявъ кобылицъ. Што ты, сподàрю, позно пасешъ такъ?— Эхъ, баба яга, косьтиная у тябе нога, ты на ступи поижджаишъ, товкачомъ погоняишъ, а помяломъ слѣдъ замитàишъ. Изъ росой лошадей и покормить! —Ну, садися, вячерiй—а я погоню кобылицъ у баню. Ёнъ кинувъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што баба яга будя приказавать кобылицамъ. И чуя—бъе и приказуя: смотрiтя жъ вы, штоба заутришнiй день ёнъ ни пригнавъ васъ, а штобъ пришовъ бизъ васъ ко мнѣ домовъ.—А йдѣжъ намъ подѣтца,—у лозѣ ня можымъ тярпѣть!—А вы схувайтися у мòря на дно! Ёнъ ето выслухавъ хорошо и пошовъ у хатку, и ложытца спать. Назаутряго рано устаеть и кобылицъ гòня пàсьтивить. Выправляя баба яга и хлѣбъ яму даеть. Ёнъ пригнавъ кобылицъ на лугъ, и пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Кобылицы схувалися у мòря на дно. Ёнъ устаѐ, совнушка закàтуитца, ну кобылицъ при ёмъ нимàшъ. Э, говоря: коли бъ раки прибули, да ласковы були, штобъ кобылицъ изъ моря выгнали! То ивляитца старшый ракъ къ яму: ну, говоря, Иванъ Ивановичъ: высморьгàй дубецъ побольшы тыхъ, што учирà высмàрьгувавъ, и становись у таковомъ то мѣсьти! Ёнъ высмàрьгувавъ дубецъ и становився у таковомъ то мѣсьти. Якъ тольки кобылица показала голову̀ изъ моря, такъ ёнъ бивъ дубцомъ промизь вушэй яѐ. Ёнъ садився на яѐ вярьхомъ и погнавъ до бабы яги. Ѣдя, и кобылица ета яму говòря: вотъ, говоря: насъ двинатцать сясьтёръ рòдныхъ, и на насъ шэрсть золотая и сяребриная,— ну силъ у насъ нѣтъ ниякàхъ. А ёсьть у насъ братъ—у конюшни ляжы̀ть у гнои, и на ёмъ шкура сосьлизла,—ну насъ баба яга бъѐ и силу вынимая, а яму̀ укладая! Ну добивайся у яѐ, штобъ ина оддала яго табѣ! Да, пригоняя ёнъ кобылицъ икъ баби ягѣ. Ну, сподарю, хоть позно пригонявъ да спàсьтививъ! Ну, заутря я табѣ—садись, вячерiй и ложысь оддыхай—ну заутря я табѣ работу дамъ! Ёнъ сѣвъ повячеривъ и лёгъ спать. Назаутря устававъ, и даѐ ина яму гарницъ маку, и иди, говоря, посѣй утъ на етомъ городчыку яго! Ёнъ узявъ и посѣивъ. Ну возьми, говоря, у мяне соху, и яго узори, етый городчыкъ! Ёнъ узявъ узоравъ. Ну, тяперь возьми заскородь. Ёнъ узявъ заскородивъ. Ну, тяперь выбирь етый макъ! А ня выбиришъ—отъ, богатырськiя гòловы висять по колушкахъ, ну й

твоя повйсьня!—Эхъ, говоря: когда бъ уси вирябъи ласковы були и ко мнѣ прибули, и выбрали макъ изь зямли! Вирябъи шумять, якъ тёмная туча. Занялися выбирать макъ изъ зямли, ну й выбрали. Ну тольки ни хватая однаго зярна. Яны разодрали стараго вирябъя и нашли зярно подъ изыкомъ. И подноси Иванъ Ивановичъ баби ягѣ етой: вотъ, изволь, баба яга, твой макъ!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, ходи, выбирай лошадь сабѣ! Ёнъ уходя у конюшню: ну, бяри любую сабѣ!—Я етыхъ, кажа—ни хочу: ето лошади дорогія! Я засну, а хто й увядё отъ мяне. Оддай ты мнѣ етаго, што гніё у гной у тябе!—Да куды ёнъ способянъ, гнилый, табѣ? Да на ёмъ шкура согнила!—Ну, нихай сабѣ—я ужо буду кой-якъ лячить яго!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, бяри сабѣ! Ёнъ узявъ коня етаго и повёвъ.

Приводя къ морю, поставивъ яго и обмывъ усю гниль отъ яго. Тогда конь говоря на яго: ну, Иванъ Ивановичъ! становися пиридо мной! Ёнъ ставъ пирядъ имъ. Ёнъ сарпнувъ на яго и уложывъ силу у яго: ну, тяперь садися на мяне! И поѣдимъ туды, куды табѣ трэба!—Ёсть на мори островъ, и я хочу, штобъ ты узнёсъ мяне на яго! Ёнъ и узнёсъ на островъ. Ёнъ дуба колотнувъ, дубъ разьбився. Заицъ усхватився и побѣгъ. Собака яго догнала, разорвала. Вутка усхватилася, полятѣла. Соколъ догнавъ вутку, разорвавъ. Иванъ Ивановичъ яйцо схвативъ, у карманъ уложывъ. И садився на свою лошадь, и поѣхавъ у поганаго Кощея домъ. Пріинжджая у *панаго* Кощея домъ, то *панаго* Кощея дома нѣту. Ёнъ, ни сьпиша, ижъ жаной своёй говоря:—ну, тяперь што Богъ дасьть! И съ панымъ Кощеямъ побоpяимся! Набирали съ собою разнахъ напитковъ и садилися воба на 'дну лошадь. И сѣли—поѣхали. Пріинжджая поганый Кощей изъ зьвяриной охоты и спрашуя у куховарки своё: а йдѣ Марья Кирбитовна?—Узявъ мужъ яё.—Няужли ёнъ отжывився? Ну, тяперь ужо ня тжывитца, якъ нагоню! И пошовъ на конюшню свою, икъ триногому коню къ свойму. Ну, што, говоря: нагонимъ мы Марью Кирбитовну изъ мужамъ яё?—Ну, нагонимъ—то нагонимъ, да ня возьмямъ!—Нѣ, тольки дай нагнать, а узять мы возьмямъ!—Нѣ, ня возьмишъ!—Ёнъ садився на яго, на свою лошадь и поѣхавъ. И нагоняя скорымъ посьпихомъ. Тольки лошадь ета отвящаа, которая подъ Иваномъ Ивановичамъ: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! То лошадь ета на колѣньки упала. Ёнъ бивъ розками, кнутами, ну лошадь усхватилася, и опять нагоняя. Изновъ лошадь ета отвящаа: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! Лошадь ета изновъ на колѣньки упала. Яму нечимъ яе погонять,—хрисьтяни пахали, и тыя лошадь яму кольлямъ погоняли. Лошадь опять усхватавалась, изновъ нагоняя. Лошадь изновъ отвящаа: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! Лошадь опять на колѣньки упала. Иванъ Ива-

новичъ злазя съ своей лошади и вынимая яйцо съ кармана и кладе на зямлю и треть сапогомъ своимъ. Якъ растёръ сапогомъ, поднялось огонь большый. Такъ разорвало Кощея на кольки часьтей.

Ну, потомъ, узявъ ету триногую лошадь, посадивъ на яѐ жану свою и поѣхавъ у свой домъ. И начали жыть. И жывуть, и мѐдъ-вино пьють. И я тамъ бывъ, и мѐдъ-вино пивъ. Тольки у роти ня було и по губахъ ни тякло; цапнувся за вухо, ажно и у роти сухо.

Д. Киселевка, самотеевичск. вол. Ѳома Григор. Мельниковъ, 53 л неграм.

26. Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ.

Жывъ сабѣ одинъ царъ. Имѣвъ ёнъ у сябе одного сына и три дочки. Тяперъ ёнъ—дай жа ёнъ померъ у старосьти. Мало ёнъ прожывъ; не знавъ ёнъ, што такъ скоро дась Богъ смерть,—не давъ ёнъ ниякаго порадку свойму сыну. Заставсь ёнъ малолѣтянъ отъ яго, а дѣвки гэтыя порадошныя, на выданьни ужо. И жывъ ёнъ безъ батьки повтора года, изъ дѣвками. Потымъ приходють къ яму три чаловѣки: „здрастуй, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ!"—Здрастуйтя, говорить, здрастуйтя! Ну, што жъ вы ко мнѣ, каеть, пришли?—„А мы пришли, кажуть, у сваты: оддай, каеть, большую сястру за насъ!"—Да за кого жъ за васъ оддать?—„За усихъ за насъ!"—Которы жъ вы, говорить, жанихи?—„Да уси мы, каеть, жанихи!"—А которыя сваты? каеть.—„Уси мы, каеть сваты!" Ну, ёнъ думавъ-думавъ, оддавъ. Узяли яны сястру большую, повяли съ собой. На другій день вечаромъ зновъ приходють утрохъ: „здрастуй, швагра!"—Здрастуйтя! Ну, чаго вы, говорить, пришли?—„Да пришли у сваты: оддай, каеть, сястру, за насъ, другую!"—За кого жъ, за васъ оддать?—„За усихъ за насъ: мы уси жанихи, каеть, и сваты!" Ну, оддавъ ёнъ и сярэдьнію. Узяли яны, повяли съ собой. На третьтію ночь то жъ само приходють яны утрохъ: „здрастуй, швагра!"—Здоровъ, швагры!—„Оддай, каеть, сястру й третьтію за насъ!"—За кого, за васъ, каеть, оддавать? Я ня вѣдаю, хто зъ васъ жанихи, хто сваты.„—Уси мы, говорить, жанихи и сваты!" Тогды ёнъ думавъ-думавъ и оддавъ. Оддавши сясьтеръ усихъ трохъ, думавъ-думавъ ёнъ,—соскучавъ одинъ. Ходивъ-ходивъ: што тутъ дѣлать? Поѣду у бѣлый свѣтъ шукать сясьтёръ! Самъ ня вѣдыеть куды. Приходить ёнъ у стайню, хотѣвъ поѣхать куды,—уси кони поупадали на ноги, ня водинъ не подлицаеть яго везьти, ня можыть ня водинъ. Тяперъ ёнъ якъ пошовъ на городъ: ходить, тужыть, тошнуеть. Сустракаеть ёнъ на городи бабку. Идеть бабка—годовъ триста ёй було. „Здрастуй, бабка!" говорить.—Здоровъ, здоровъ, Иванъ Ивановичъ рымсь-

кій царевичъ! Чаго ты тужашъ, объ чимъ тошнуешъ, Иванъ Ивановичъ? —„Ахъ, бабка моя, говòрить, пралюбезная,—тужу и тошную: оддавъ своихъ сясьтёръ, говòрить, усихъ трохъ своихъ, и ня вѣдыю,—куды, што, якъ. Хотѣвъ ба, говòрить, провѣдыть, дѣ, пошукать ба ихъ на свѣти,—увышовъ у стайню,—ня 'динъ конь ня стоить у стайни: уси поупадàли на нòги. Ня вòдинъ, говорить, конь не подлицаеть мяне вèзьти!“ говòрить. Яна тяперъ яму̀ отвѣщаеть гэта бабка: ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ: иди ты, каеть, на свой дворъ, и у тябе, говорить, на дворѣ стоить слупъ; а потъ тымъ слупомъ, говòрить, склепъ, а у тымъ склепи, говорить, стоить лошадь—збруя латна, скопъё булатно,—конь богатырській. Стоить ёнъ ужо тритцать три годы. Ты яго, говорить, вызволь оттуль, ты на ёмъ можашъ проѣхать! Ёнъ тяперъ гэтой бабцы подякувавъ: дякуй табѣ, бабка пралюбезная, за твою раду! Приходить ёнъ домовъ, на дворѣ стоить слупъ. Ёнъ, добрый молодецъ, вынивъ тэй слупъ, видить—потъ слупомъ склепъ. Ёнъ склепъ отчинивъ, сказуеть яму лошадь такъ: ахъ, кать, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Дякуй табѣ, што ты мой вызволивъ духъ: я тутъ довго простòивъ, говòрить. А тяперъ, говòрить, мы съ тобой свѣту повидаемъ! Ёнъ яго выхвативъ оттуль, вынивъ тую збрую,—прòситца ёнъ у яго до вѣтру погулять: я, говòрить, усимъ заплесневѣвъ, тутъ стоя! говòрить. Такъ ёнъ яго и пусьтивъ на волный свѣтъ. Гэта лошадь летала-летала по свѣти, пòтымъ у три часы къ яму̀ прибыла. Отвѣщаеть яму: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! возьми ты съ собой пара соколòвъ—птушакъ такихъ—и пара хортовъ, говорить, и поѣдемъ у бѣлый свѣтъ, по свѣту любовать! Такъ ёнъ узявъ гэтыхъ пара соколовъ и пара хортовъ, и поѣхали у свѣтъ. И у яго, при лошади уся збруя висить. Ѣдуть яны, ѣдуть,—узьѣжжають на такоя пòля—гэтакая нязмѣрная пòля! А на тымъ поли воська побита, што конь идѣть по щотки у крыви. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи тыя и пытаетца: ахъ, говòрить, ти ня ёсь хто тутъ, сяродъ гэтыя воськи, недобитый, рàнятый, альбо бязрукій—ти ня могъ ба ёнъ мнѣ, говòрить, отвѣтить, хто гэту воську вырѣзывъ, стольки людей положывъ гэтыкъ? Ажны устаèть—съ цугунъ голова, а по лозцы вочи: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!“—Здрастуй!—„Чаго блудишъ, говòрить, чаго узшукаешъ, чаго ты пытаешъ?“—Я, говорить, шукаю й пытаю—хочу узнать, хто гэто восько вырѣзывъ гэтыкъ? Ёнъ говòрить: нечаго ни шукать, ни пытать,—объѣдь три разы вокругъ воськи, дыкъ ты яго слѣдъ увидишъ: бы ёнъ ти по крыви, ти по сухому, дыкъ усё по щотки конь идѣть. Дыкъ ты яго нàйдешъ! На штò, говòрить, бывъ я сѝлянъ, да головòй наложывъ, и воську утративъ, а ничòго не подѣлавъ! Самъ сычасъ, отвѣтивъ яму, такъ сычасъ изновъ тамъ и лёгъ, гэтый самый! А ёнъ

узьѣхавъ на гэтый слѣдъ и поѣхавъ гэтымъ слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть,—узьѣжжаеть ще на бо̀льшая по̀ля. Ажны по тымъ полю ще повторы часьти войськи положано, якъ тое. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ войськи: ахъ, говорить, ти ня ёсь тутъ якѐй недобитый, абы бязвокій? ти не могъ ба ёнъ мнѣ отвѣтить, хто тыя воськи вырѣзывъ гэтыкъ? Ажны устаѐть и гово̀рить яму—съ цэбаръ голова и якъ ба сказать—вочи по чомъ у яго былѝ—ну, хай—по лозцы вочи. Отвѣщаеть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго блудишъ, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ?" А ёнъ отвѣщаеть: да ѣжжу, говорить, пытаю й шукаю, хотѣвъ ба я знать, хто гэтыя воськи повыразàвъ гэтыкъ? Ёнъ яму отвѣщаеть: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! нечаго ни шукать, ни пытать—объѣдь выкругъ воськи,—яго слѣдъ знашно: ти по сухѐй зямли, ти по крыви—усё конь по щотки идѐть у зямли! Ёнъ подякувавъ и поѣхавъ. Нашовъ яго слѣдъ, и поѣхавъ яго слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть, узьѣжжаеть яще на большая по̀ля, ажъ на тымъ поли ужо у три часьти воськи положано боли, якъ гэто. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи гэтыя и пытаеть, говорить: ти ня ёсь тутъ якѐй недобитый, али якѐй-нибудь можа закрався такъ,—хтобъ мнѣ отвѣтивъ, хто гэту воську повыразàвъ гэтыкъ? Устаѐть къ яму съ котёлъ голова, а по цабру̀ вочи: „здрастуй, гово̀рить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!"—Здоровъ, говорить, здоровъ!—„Чаго ты ѣздишъ, чаго шукаешъ, чаго пытаешъ?"—Да ѣжжу, гово̀рить, шукаю и пытаю, хочу знать, хто гэту воську повыразавъ гэтыкъ?—„А коли хочешъ, дакъ попадёшъ яго, каеть. Я, каеть, бывъ чаловѣкъ, а зь имъ во̀ и воську потеравъ и головой наложывъ, а ничого зь имъ не подѣлавъ! Тройчи, каеть, объѣдь выкругъ воськи, яго слѣдъ знашно: ти по сухѐй зямли, ти по крыви, усё по колѣни конь идѐть у зямлѝ! Тоды ёнъ объѣхавъ коло воськи, попавъ гэтый слѣдъ и гэтымъ слѣдомъ и поѣхавъ. Ѣдеть, ѣдеть, и видить—богатырській дымъ идѐть. Дыкъ ёнъ узьѣжжаеть туды, дѣ дымъ идѐть, ажъ тамъ три ѐлки укучи стоять, и мижъ елокъ богатырській слупокъ стоить, и горить тяпелца, богатырській дымъ идѐть. Ну, каеть, гэто воявѝтелъ той. Пріѣжжаеть ёнъ къ гэтымъ елкамъ, сьсѐвъ съ коня и пусьтивъ яго, а самъ зайшовъ къ гэтому тяпѐлцу туды. Ажны гэтый богатыръ спить, бяссмертно спить—утомився крэпко дужа. Ёнъ тяперъ узявъ, яго збрую и усё обобравъ, ничого коло яго не покинувъ. Тяперъ пошовъ да збрую зъ лошадя потчѐплювавъ, и отышовъ далёко отъ лошадей и укопавъ у землю. Ну тяперъ, гэтакъ ёнъ зробивъ,—у яго пара соколовъ и пара хортовъ, и у яго пара соколовъ и пара хортовъ. Ёнъ тогды пусьтивъ своихъ соколовъ на яго. Соколы гэтыя билиси-билиси билиси-билиси, потымъ того, што спить, узяли змогать яго соколовъ. Якъ тольки змогать стали, такъ узяли, полятѣли гулять, лётать, и стали дру-

жыть крэпко. Тоды ёнъ узявъ успусьтивъ хортовъ на хортовъ. Хорты гэтыя якъ узялись грызьтиси,—грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси,—того хорты змогають яго хортовъ. Тяперъ, якъ тольки, значитца, змогли, сычасъ узяли по ласцы гулять и бѣгать, и одинъ съ однымъ жартувать. Тяперъ узявъ лошадей потвязувавъ и пусьтивъ одинъ на 'дного. Гэты лошади якъ стали битца,--билиси, билиси, билиси, билиси—того конь змогъ яго коня. Якъ змогъ, сычасъ стали одинъ объ одного часатца, лизать—по ласцы стали жыть. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али узявъ параксьтився: Господи, каеть, богослови! поможы Божа! Пришовъ, разьвёвъ рукỳ—якъ ударить у вухо яго! Спить, а нй ня чуеть! Ёнъ другій разъ разьвёвъ рукỳ—якъ дась ямỳ!—Спить, а нй ня чуеть! Третьтій разъ: ахъ, каеть, твою такую! Якъ пеканувъ—тэй усхватився. Якъ усхватився, сычасъ за *брую*—нема збруи. Яны нàугрудки якъ сцапилиси, почалй водитца. Водилиси-водилиси, водилиси-водилиси, ёнъ добрый молодецъ, наухвàтки бывъ майстеръ, - потхвативъ яго подъ ногỳ зваливъ нѣякъ. Якъ зваливъ, сыздрокъ выхвативъ съ кишени—рѣзать яго. Расхинỳвъ груди—ажно женщина! „Ахъ, твою такую! Женщина, а такъ воюетца!"—Стой, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Я порòвницы сабѣ шукала,—слава Богу нашла! Будемъ съ тобой сярдэшня жыть! Такъ ёнъ сычасъ гэто дѣло сустановйвъ. Сѣли яны, поздоровкалиси одна съ однымъ, и давай разгуварувать. Ина яго зовѐть у своё чарство, а ёнъ яѐ у своё: поѣдемъ, каеть, ко мнѣ! Ну на томъ стало, што яна яго перапёрла: поѣхали у яѐ сторонỳ.

Тяперъ, пріѣхали у яѐ чарство, а ỳ яѐ бывъ батька стàранькій-старанькій. Тяперъ, яна ямỳ позволила: ходи, говорить, Иванъ Ивановичъ, усюдахъ ходи, тольки коло гэтыя хизòбки не ходи!. Показала ямỳ такъ хизобку маленькую,— лычкомъ завязана, стỳпой закàчана. Тяперъ, яны ходють день и два, и три: показавала, дѣ ходить яму, дѣ не ходить. Ну пòтымъ пусьтила яго ужэ на волю, одного ходить. Ёнъ гэто сабѣ думаеть—такъ магнỳшши яго тягнеть: „што гэто, што ня можно мнѣ ли тыѐ хизобки йти?" Узявъ и пошовъ. Тольки идеть ли тыѐ хизобки, ажны отвѣщаеть у гэтой хизобцы: „ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! отчыни ты, говорить, гэту хизобку, спусьти ты, каеть, хуть духъ мнѣ! Я табѣ, каеть, вѣкъ продовжу! Смерть моя сястра, я табѣ вѣкъ прибавлю другей жыть!" Ёнъ тяперъ узявъ, скрався якъ-небудь, лычко гэто отвязавъ, ступу откативъ и отчынивъ хизобку. Коли полядить, ажъ на сьтянѣ гвоздàми прибитътакей молодецъ—чыстый, пригожый,—нячыстая сила гэта. И конь на ланцугахъ привязанъ стоить. А яѐ батька дужа бывъ сильный осилокъ,—богатырь бывъ. А гэтый нячыстая сила залицався къ тэй царэвни. Дыкъ батька гэтый узявъ да яго къ сьтѣни и прикувавъ

на шэсь гвоздовъ: одинъ гвоздъ у ноги, склавши ноги; тогды у сярэдину, проти сэрца гвоздъ, и у лобъ гвоздъ, и по рукахъ, по ладоняхъ, по гвозду. Тогды ёнъ гэто спужався, узявъ двери яму отчынивъ—духъ яму спусьтивъ, такъ сычасъ зачынивъ, лычкомъ завязавъ, ступой закативъ, и самъ—бывъ да й нема,—отгэтуль! И гэтакъ ставъ ёнъ смутянъ, што Божа мой! А ёнъ да яму отвѣтивъ: „и табѣ гэтакъ будеть, якъ и мнѣ! И я бывъ съ чаловѣка!...“ Ну, уходить яна; у яго пытаетца: чаго ты сосмутився, говорить, Иванъ Ивановичъ: ти ня бывъ ты коло хизобки?— Ды нѣ,—чаго мнѣ ити, куды мнѣ ня трэба? Такъ сосмутився! Ну, потымъ ёнъ знова ходить сабѣ, ходить - тягнеть яго магнушъ—кабъ опять провѣдать хизобки тыя. А яна узяла пилнувать ужо. Ёнъ ходивъ, ходивъ, знаеть тое, што яна пилнуеть яго—якъ то ёнъ скрався. Идёть коло гэтыя хизобки, ажнъ ёнъ спрашыеть: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! зайди, каеть, у хизобку, вырви у мяне хоть съ сэрца гвоздъ! Моя сястра смерть, каеть,—я табѣ трэтьтій вѣкъ прибавлю насупроти твойго!“ Ёнъ сычасъ лычко отвязавъ, ступку откативъ, увыйшовъ у гэту хизобку, зачапивъ нохтями за гвоздъ за гэтый,—вырвавъ гвоздъ съ сэрца зь яго. А самъ бывъ и нема. Зачынивъ хизобку зновъ. Тяперъ ходить ёнъ, такъ сосмутѣвъ, што ґвалтъ. Ина у яго пытаеть, каеть: „Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго ты смутянъ такъ: ти ня ходишъ ты тамъ, коло хизобки, коло гэтыя?“—Да нѣ, каеть: што мнѣ пришлося ходить!—„Я, каеть, думаю, што ты коло тыя хизобки ишовъ, - можа, зданьнё табѣ здавалось?“—Да нѣ, каеть. Не признаетца. Тогды ёнъ ходивъ, ходивъ, ходивъ, ходивъ по дворѣ тамъ,—узнова яго тягнеть, кабъ коло тыѐ хизобки йсьти. А яна узлѣзла на третьтій атажъ на вокошко, и пилнуеть гэто яго: куды гэто ёнъ, дѣ ёнъ ходить? Ажны сычасъ яна й ня упилновала яго: забѣгъ ёнъ у гэту хизобку. Просить ёнъ яго, кабъ сы лба вырвавъ гвоздъ. Ну, ёнъ вырвавъ; запёръ, закативъ хизобку. „Ну, каеть: будешъ ты чатыри вякй жыть: одинъ свой, а три моихъ ужо!“ Сычасъ и сосмутився ёнъ такъ, што ужэ ня можыть ходить сусимъ. Ну йна гэто и узнала, што мусить ёнъ провѣдавъ гэтыя хизобки. Тяперъ яна давай яго, пилнувать яго гэтыкъ, што куды тольки ёнъ повѐрнетца, ина сычасъ и видить яго,—на вочахъ пасѐть. Ажны ёнъ гэтыкъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ—сычасъ за хизобку за гэту, отчинять. Яна якъ увидѣла, сычасъ празъ вокошко да къ яму. Прибѣгаеть туды, а ёнъ ужо зъ рукъ вырвавъ два гвозды яму. Якъ тольки яна гэто на порогъ туды, къ яму, а ёнъ гэто повырвавъ гвозды. Такъ ёнъ сычасъ зъ ногъ самъ гвоздъ вырвавъ; соскочывъ, да у лошадя ланцуги тропъ! Вывявъ вонъ лошадя, а йна на порози. „Ну, каеть, слава Богу,—чаго хотѣвъ, того й заставъ!“ Ухвативъ яѐ да на коня, и пошовъ подъ небяса! А

ёнь и застався одинъ! Агу! Якъ застався ёнъ одинъ, спужався дужа: што я зробивъ гэто? Дыкъ ёнъ тогды полы поткасавъ, да за ёй у здогонъ. Ну дѣ жъ ты догонишъ: тэй на кони, да й пошовъ подъ небяса, а ёнъ и коня ня узявъ свойго,—отрокся усяго! Якъ дась пяшкомъ бѣхъ-бѣхъ, бѣхъ-бѣхъ, узбѣгаеть ёнъ на поля, на чистая поля. Ажъ на гэтымъ поли стоять каменныя палацы, гэтакія, што тамъ оглѣдитца оть ихъ. Убѣгаеть ёнъ у гэты палацы, уво 'дны двери, у другёя, и у третьтія—ажны сядить за столомъ яго мѐньшая сястра, книжку читаеть и гэнакъ то силно плачеть. Ускочывъ ёнъ у покой ды кажыть: „здорова, сястра!“—А здоровъ, здоровъ, братецъ, говорить: съ умомъ, кеть, жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ жъ твой, кеть, мужъ?“—А, кеть, побѣхъ за твоей жаной, за своей сястрой уздогоны!.. А то бывъ Вѣтяръ, сястры яго мужъ. Ёнъ тогды: прощай, кеть, сястра! Знова, полы поткасавши, побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаеть ёнъ—ящо поля большая и палацы мудрэйшія за гэтыхъ—позлачаныя вокны. Убѣгаеть ёнъ у гэты палацы, ажны сядить яго сястра сярэдьняя за столомъ, и книжку читаеть и силно плачеть. „Здрастуй, кеть, сястра!“—Здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, кеть, твой мужъ?“—Ды за твоей жаной, за своей сястрой, уздогоны побѣхъ!.. А гэто Вихоръ бывъ. „Ну, прощай, кеть, сястра!. Попрощалиси, и пошовъ знова, полы поткасавши. Тяперь ёнъ узновъ, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаеть ёнъ ящо на поля: гэтакая поля, што чистая, гороватая, прачистая! И гэтакія палацы—разглѣдитца просто. Прибѣгаеть ёнъ къ гэтымъ палацамъ, уходить ёнъ уво 'дну комлату, у другую, у третьтію заходить—ажны сядить яго сястра большая за столомъ, книжку читаеть, и гэнакъ то силно плачеть, што бядовно! „Здорово, сястра!“—А здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, кеть, твой мужъ?“—Ды побѣхъ уздогоны за твоей жаной, за своей сястрой!.. Пташацкый царъ бывъ. „Ну, прощай, сястра!“ Попрощалиси, и побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—прибѣгаеть ёнъ къ мору. Бѣгаеть коло мора: нѐкуды ужэ итить дальшы. Ажны стоять яго швагры, усѝ укучи, и разгуваруюць одинъ съ однымъ. Приходить ёнъ къ имъ: „здрастуйтя, швагры!“—Здрастуй, здрастуй! А, кеть: зъ вумомъ жану нажывъ, да бязумно зжывъ! Што намъ робить съ тобою? —„А што жъ, кеть, швагры: што хочытя, то й робтя со мной! Будѣй оявить мнѣ гэто! А то ёнъ сказавъ, што и я бывъ чаловѣкомъ, и табѣ, кеть, будеть гэто! Я почомъ знавъ?“ Тяперъ Вѣтяръ кеть: я бъ, кеть, яѐ выкрутивъ у яго зъ рукъ, ну ина тяжала дужа—не подѣржу яѐ! Вихоръ тожъ само: я бъ, кеть, тожъ выкрутивъ яѐ, завинтовавъ ба яго, закрутивъ, да тожъ ня удѣржу: ти такъ—пропала, ти такъ—про-

пала! А Пташаццый царъ: тожъ ба, говорить, и я наславъ ба, говорить, круччà, вороньня̀, вочи бъ выдрали ямў, — ну што жъ, говорить, — тяжола, ня можно поддѐржить яѐ: хуть такъ — пропала, хуть такъ пропала! Ёнъ тяперь каеть: „ахъ, швагрочки вы мое любыя, ти ня можыгя вы мяне перабàвить на той бокъ мора? Нехай ба, каеть: дѣ янапропадаеть, хайба и я пропадавъ тамъ! Мнѣ жъ, каеть: однакòво ужо!“ Тяперь Пташаццый царъ: ну, каеть, погоди: ты тяжолъ, мы тябе не перанясѐмъ, говорить. А ёсь, каеть, у мяне такая птица, што якъ сядить, дакъ семъ морговъ лѣсу бгаеть потъ собой тольки. Отъ — тая, говорить, тябе перанясѐть! Сычасъ, якъ узявъ ляску, якъ крутнѐть, якъ мотнѐть, якъ крикнеть.... Божа вяликiй! якъ узяло гэто вороньнё собиратца, рузныя птицы! А яѐ немашатьки, тыѐ птушки! Ёнъ узновъ тропнеть якъ, лопнеть, крутнѐть палкой — ящо у большую рѣдь злятѣлося птаства — а яѐ нема. Третьтiй разъ якъ крикнеть, тропнеть, лопнеть ляской — прилятѣла! Ёнъ тогды хотѣвъ яѐ наказавать. Ина давай просятца у яго: ахъ, говорить, ваша ипараторство! у васъ, каеть, ёсь дѣтки: вы жъ тыкъ за ими глядитя, тàкъ ня покидаетя, — и у мяне, говорить, дѣтки дробныя; треба жъ имъ приготовить што. Я знаю, што вы мяне у дорогу отправляетя. А тяперъ жа, каеть, — вы мяне сь чимъ выправляетя у дорогу? Хорошый ходяинъ выправляеть батрака, дакъ хлѣба даѐть и навàры тамъ даѐть якѐя нѐбудь, усё тàкъ не выправляеть! — А што жъ табѣ треба на дорогу? — Ды якѐя-нѐбудь, говорить, говядины бочонки со два! Тутъ сычасъ ёнъ, птаства гэтаго набили, вороньня якого, того-сяго, наскубли, наклали ёй два бочонки, два поурэзы порадошныхъ. Ну, тяперъ, установили на крылья, и уссѣвъ гэтый Иванъ Ивановичъ рымьскiй царевичъ, и бочонки гэты дяржыть. И ина ямў отвѣщаеть: што, говорить, гляди жъ ты, говорить: я буду иги-иги, иги-иги, якъ тольки зиръ на бокъ, дыкъ ты мнѣ шгеръ мяса у дюбку; дыкъ я й даляй, говорить. Ну, яны и полятѣли. Дыкъ лятить-лятить, лятить-лятить, адыля зиръ назадъ! Ёнъ ёй торкъ у дюбку, — яна й даляй. Агў! ёнъ торкавъ-торкавъ, поддававъ усё. А тутъ тольки берагъ видать щѐ; якъ вокомъ скинуть, дакъ берагъ тольки. Агў, нечаго ямў давать. Глядѣла яна, глядѣла, усё: зиръ назадъ, — нема ничого; зиръ назадъ — нема ничого! Яна й нижы, яна й нижы. Тогды ёнъ узявъ, зъ ноги сапогъ знявъ, свою икру отрэзавъ, ды у ротъ ёй! Повышала троху. Иги, иги, — опять зиръ назадъ — нема ничого, зиръ назадъ — нема ничого! Тогды ёнъ сапогъ другѐй изнявъ, другую икру отрэзавъ, торканувъ ёй у ротъ. Поднялася йна вышы. Да ўжо на берагъ выходить соўсимъ. Тогды ина отвѣщаеть ямў: што, ну, йди здоровъ, а я ужэ, можа мяне такъ Богъ перанясѐть теразъ мора! Ну, якъ перанясла яна яго — сьсѣвъ ёнъ — яна говдрить: ну, каеть, — што ты мнѣ за мясо дававъ напосьлѣ? — Штò я табѣ дававъ? Мясо ўсё да-

вавъ! - Нѣ, каеть, ты признай, бо будешъ не чаловѣкомъ! Ёнъ тогды каеть: йкры табѣ дававъ своѐ!..—Ну, каеть, зьдѣвай сапоги! Ёнъ зьдѣвавъ. Яна карханула, икры тыя выкархнула. Ёнъ приложывъ, яна дмухнула— яно й прижыло. Тожъ и другую такъ само: прикладавай! Ёнъ приклавъ. Яна дмухнула, и прижыло.—Тяперича, говорить, иди зъ Богомъ, а я полячу къ дятёмъ къ своимъ, - можа мяне такъ Богъ перанясѐть! Попрощалиси одинъ съ однымь и разышлиси.

Тяперъ ёнъ якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити—двоя сутокъ ня ѣвъ ужо, якъ вышавъ. Обнимаеть яго тѐмная ночь. Сычасъ ёнъ заходить дѣ нибудь у лясокъ тамъ. Стоить тамъ у край осина, большая осина, прагромная. Ёнъ подъ гэтой осиной расклавъ тяплушкò и лёгъ наузлокòткахъ. Облоктився и думаеть, якъ што Богъ дась. Ажны сычасъ у гэтой у восини птушачки такѐя, синички называютца, тивкають у гэтой осини. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али думаеть: полѣзу! можа гэто мнѣ пославъ Господь на пропитаньня. Полѣзу, достану ихъ, обсмолю и зьѣмъ, хуть трошачку ня такъ буду ѣсь хотѣть! Подлѣзаеть ёнъ туды и ставъ ихъ брать оттуль. Яны отвѣщають яму: ахъ, говоруть, Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ! ты на насъ, каеть, не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсь насъ. Ды ня рушъ насъ: мы табѣ будемъ знадòбны, каеть; а ты будешъ нашыми молитвàми сыть! Ёнъ тяперъ и кинувъ, не бравъ ихъ, лёгъ. Такъ яму̀ ѣсьти не захотѣлося, и сытъ ёнъ доволно. Назаутраго устаѐть рано, помывся, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, у кого спытаетца: скольки вѐрстъ до такого й такого?—А, каеть, вёрстъ пятсотъ, а можа, говорить, шэссотъ будеть до яго! Обнимаеть яго узнова тѐмная ночь—скольки ёнъ тамъ за день убѣхъ, Бохъ яго знаеть,—заходить ёнъ у дубникъ - идѣ и раскладаеть тяпло. А ѣсь хочыть дужа. Расклавъ ёнъ подъ дубомъ тяпло, гэтый дубъ пригрэвся, ажны у гэтымъ дуби пчолы, гэтыя, полявыя. И зашумѣли яны тамъ у вульли. Ёнъ тогды слухавъ, слухавъ, а тогды: ахъ, Господи! можа мнѣ гэто на упитаньня Бохъ пославъ! Полѣзу! Возьму головешку якую и полѣзу! Можа тутъ мёдъ ёсь: достану, окраплюся за скольки днёвъ!.. Пчолы гэтыя отвѣщають яму̀: Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ! ня рушъ ты, говорить, насъ! ты на насъ бывало не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося насъ ѣсь, говорить. Ты будешъ, говорить, нашыми молитвàми сытъ: молись Богу, да ложысь спать! А мы табѣ будемъ знадòбны! говорить. Такъ ёнъ сычасъ Богу помолився и спать лёгъ. Назаутраго рано устаѐть, помывся, Богу помолився и маршъ, и пошовъ дорогой. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—обнимаеть яго знова тѐмная ночь. Идеть ёнъ по узбережжу, коло мора. Чыстое, ничого нема, тольки одинъ камышъ гэтый, трысьнѣкъ, значытца. Ёнъ тогды узявъ

тяпло выкресавъ, трысьнику гэтаго наломавъ и расклавъ на берази огнюшокъ. Ажны зъ мора ракъ морській повзеть на берагъ! гэткій большущій, сохрани Бохъ. Ёнъ тогды гэтаго грака ляской потчапивъ—ворухъ у вогонь. Хоть я гэтаго грака зьѣмъ, говорить. Гэтый гракъ отвѣщаеть яму: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! говорить. Я, каеть, вышовъ зъ мора заморськаго чаловѣка глядѣть,—што тутъ за люди, говорить,—а ты мяне у вогонь вѐрнешъ! Ты на насъ упяродъ не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсьти насъ. Да ты моими, говорить, молитвами сытъ будешъ. А я табѣ, говорить, знадобенъ буду!" Тяперъ ёнъ знявъ яго съ огня, ёнъ и поповзъ у мора. А ёнъ помолився, спать лёгъ. Назаутраго уставъ рано, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Приходить ёнъ туды, дѣ яго жана, у самое повдня. Ажны того нячистаго духа нема дома: поѣхавъ на полюваньня. Ина говорить тогды—ни то рада стала, ни то нѣ: а, бачь, каеть, —ты мяне й тутъ нашовъ!—А нашовъ жа, каеть.—А што жъ будеть, што ты мяне нашовъ: ты мяне отгэтуль ня возьмешъ!.. Дала яму ѣсь тамъ, покормила яго, и почали яны радитца: што, каеть, здѣлаемъ: собяромся, каеть, сучочки, говорить, возьмемъ и пойдемъ! Ну, набрали харчи съ собой и пошли дорогой. А у гэтаго нячистаго духа, у яго було пятсотъ голубовъ, и усё бѣлыя, одинъ уво 'динъ. Тяперъ, бывъ у яго одинъ голубъ такѐй у пятёхъ сотахъ тыхъ, што абы якая причина, дыкъ ёнъ сычасъ полятить и раскажеть. Гэтый голубъ къ яму прилятѣвъ и кажеть: пришовъ, каеть, зъ за мора нѣйкій чаловѣкъ, узявъ твою жонку за руку и повёвъ, каеть. А ёнъ отвѣщаеть: а бачь, каеть: ти ёнъ и сюды пришовъ? якъ ёнъ перабывъ сюды? Сычасъ ёнъ припусьтивъ на лошади, доганяеть ихъ, узявъ яѐ за руку, а на яго кажеть: ну, каеть,—коли ты тутъ будешъ ходить, дыкъ ня то моихъ, каеть, чатыре вякй, а й свойго, каеть, не доживѐшъ вѣку! Яѐ узявъ съ собою ды й повёзъ, а ёнъ застався. Ёнъ сѣвъ, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ здѣлать? Узявъ, назадъ узнова пошовъ, къ ёй. Пераночувавъ дѣ-нѐбудь, а назаутраго ёнъ раненько на полюваньня поѣхавъ знова, а ёнъ къ ёй. Ну, што жъ наругатца, весть? Радили, радили, дыкъ ёнъ и говорить: „попроси ты яго, якъ ба ёнъ мяне на тэй бокъ мора перабавивъ!" Гэто, што ничого ня будеть,—ня возьметь ёнъ яѐ отгэтуль. Ну, дала яна яму поѣсь што-нѐбудь и усадила яго дѣ-нѐбудь укрыто. Пріяжжаеть ёнъ увечара съ поля. „А што жъ, пытаетца: бывъ заморській чаловѣкъ тутъ?" Ина отвѣщаеть: ды вотъ видишъ, говорить: ёнъ ли тябе доброту здѣлавъ, вызволивъ тябе, дыкъ бы и ты яго на тэй бокъ мора перабавивъ якъ-нѐбудь!..— „Большы я яго ниякъ не перабавлю, говорить,—окромя, говорить, ёсь мой братъ —жывѐть за пятсотъ верстъ отъ мяне; дыкъ, говорить, ёсь у мойго брата лошадь такая, и яны зъ моимъ конёмъ браты. Мой, говорить, конь пералятить увесь свѣтъ—пять разъ доткнѐтца до зямли, а яго пералятить

братьній конь, увесь свѣтъ—три разы доткнегца до зямли. Дыкъ коли ёнъ, говорить, украдеть того коня, дыкъ заѣдеть. Большы ниякъ ня можно!“ А ёнъ гэто й чуеть. Назаутраго, пераночували, маршъ гэтый Нячисьтикъ, поѣхавъ знова на полюваньня. Яна яго тогды, увязала яму у хусту харчи тамъ скольки-небудь, и расказуеть яму гэто. А ёнъ говорить: я самъ чувъ усё гэто, говорить. Попрощалиси, и пошовъ ёнъ.

Якъ ити, дыкъ ити, ити дыкъ ити—обнила яго тёмная ночь. Пераночувавъ ёнъ ночь гэту, дѣ-нибудь отдыхнувъ у камышы у гэтымъ,—уставъ назаутраго, помолився Богу й пошовъ. Идеть ёнъ, ажно пасёть старичокъ коній, старый-старый дѣдъ. Заходить ёнъ къ гэтому дѣду: здрастуй, дѣдъ!—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Куды ты, каеть, идёшъ, дитя?—на яго.—Такъ и такъ, говорить, дядулька: иду я къ гэтому нячистому духу на службу! А ёнъ отвѣщаеть яму, дѣдъ гэтый: „нѣ, дитя, каеть: у яго, каеть, ёсь три кобылки, и ина, баба, яго жана, нанимаеть пастуха у поля ихъ гонять, кобылокъ гэтыхъ. Дыкъ, говорить, у яго парканъ, войстроколомъ обгороджанъ, зялѣзный тынъ кругомъ дворца, и на усякой востроколини по головѣ стырчить. А одна войстроколина пустая, говорить,—то пѣвно твоя тамъ будеть стырчать голова. Дакъ отъ, дитятка, говорить: у яѐ ёсь три кобылки; а то не кобылки, ды яѐ дочки,—дыкъ ихъ нихто не упасёть. Змовитца пасьти, якъ не упасёть, дыкъ ина голову отрубить и на войстроколину устёркнеть. Попробуй, каеть, иди!“ Ну, тяперъ, сычасъ идёть ёнъ надъ вечиръ у гэтый дворъ. Ажны гэта баба сустрѣкаеть—жонка того: ѣдеть на зялѣзной ступи и зялѣзнымъ товкачомъ погоняеть. „Здрастуй, бабка!“—А здоровъ, здоровъ, заморській чаловѣкъ! Далёко жъ ты зайшовъ, говорить. чаго жъ ты, говорить, жалаешъ тутъ?—„А отъ, бабка: службы пытаюся: ти ня выслужывъ бадѣ коня сабѣ,—пераѣхать на той бокъ мора!“—А вотъ, дитятко, у мянѐ ёсь три кобылки пасьтить. Коли, говорить, упасёшъ три дни, дыкъ дамъ табѣ кобылку; а не упасешъ, дыкъ голову на войстроколину посаджу твою!—„Ну, што жъ робить: трэба поспробувать гэтаго щасьтя! Упасу дакъ упасу, а ня упасу, дакъ што жъ робить,“ говорить. Приходить ёнъ у дворэцъ, выдаеть ина обѣдъ яму,—што тольки ёнъ пожалавъ, дыкъ ина усё даеть. „Ну, каеть: тяперъ оддыхни,—заутра раненько погонишъ, говорить. Яны кобылки зьмирныя, говорить, дакъ ты ихъ и упасёшъ!“—Ахъ, ёнъ ёй отвѣщаеть: што жъ, каеть, оддыхать, бабка: нема у мяне ни путца, ни оброточки,—сь чимъ жа пасьтить?—„А вотъ, добро, каеть—ходяйськое дитя“, каеть. Узяла яму пяньки, на лѣвый палецъ тритцать берковцовъ исъ инбару выкинула. А ёнъ, добрый молодецъ, згробъ на плечи и понёсъ. „Ага, каеть, дитятка: и ты не плохѣй малецъ!“ Зьвивъ сабѣ пугу, повивъ вобрыти, путы—тамъ повивъ, изъ-

вивъ пугу, такую што!.. Помочивъ у кўпу мази трôйчи—и купа суха. Ну, назаўтраго, пераночувавъ, и выправляеть ина яго у пôля гнать. Дала яму̂ харчй у торбу, усё тамъ, и выправляеть гнать у пôля. А ёнъ приходить тольки къ воротамъ, отчинивъ вороты у стайни, а яны—пррръ! якъ блохи —вѣдомо нячистыя дѣти! И полятѣли. „Э, каеть, бабка: вовки жъ ихъ упасуть гэткихъ!“—Ничôго, каеть, дитятка: яны тамъ дѣ собярутца на ложокъ, на лукоморья, и будуть ходить! Ну, й пошовъ ёнъ. Агў! ёнъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ до повдня̂—нема кобылъ, пропали! Тяперъ ёнъ идѣть коло гэтой осины, дѣ синички тыя были,—ажны лѣтять синички: „Иванъ Ивановичъ, чаго ты шукаешъ, чаго тужышъ, чаго ты бядуешъ?“—Ахъ, говорить, синички моѐ, говôрить, любыя! Зьмовився кобылокъ пàсьтить, да вотъ бѣда, говôрить: день ходжў и нема ихъ нидѣ!— „Готуй вобрытй, говôруть: мы табѣ ихъ поприволàкуемъ,—яны ўси наши дўпли позаймàли,—намъ нéйди жыть!“ Сычасъ ёнъ оброть наставить, а яны якъ уплятутца у яѐ, тягнуть яѐ къ яму̂! Ёнъ яѐ увяжыть, укрутить у вяровки, дяржыть гэту, а яны другую волокуть. Поприволàкували усихъ трохъ къ яму̂. Ёнъ ихъ поўвязувавъ, поўкручувавъ,—звязавъ ихъ гэнакъ, што ня можно ниякъ имъ разорватца. И гонить ихъ перадъ собой у гэтый дворэцъ. Пугой якъ смàльнеть-смàльнеть! дыкъ яны ажъ пищать! Ажно гэта бабка сустракаеть: а дитятухна! помаленьку жъ ты,—яны молодѐнькія!—А, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ дась-дась, дыкъ ина ажъ пищить! Упёръ ихъ у стайню и замкнувъ. „Ну, дитятка, отъ, одинъ, каеть, дянёкъ и упасьтивъ! Гэто ты щѐ першый пастухъ гэтакій!“ А гэтый нячистый духъ ѣзьдивъ на полюваньня. Дыкъ конь якъ разгулявся и зваливъ яго. Дыкъ ёнъ яго убивъ троху. И тяперъ самъ хворэеть, а гэту лошадь узявъ укопавъ у зѐмлю, догоры скопъёмъ,— храптомъ унизъ, значитца, а ноги угôру. И наваливъ на яго каменьнямъ. Ёнъ гэту лошадь узявъ выкопавъ изъ зямли, каменьня отвярнувъ тое, и постановивъ яго ў стайни; насыпавъ яму̂ ўса тамъ, и самъ приходить къ баби къ гэтой. Ажны̂ гэтыя дочки плачуть у покôи тамъ. А ёнъ слухаеть подъ двярмѝ. Ина ихъ вучить: ахъ, каеть, дѣточки, ховайтеся якъ-небудь по дупляхъ, по пячерахъ! Во ўжэ день упасьтивъ, а щѐ два якъ упасьтить, дыкъ ужо котору-котору, а трэба отдать, говорить. Ёнъ тяперъ: бабка, каеть, трэба занесьти кобылкамъ пива!—А вотъ, каеть, дôбро, дитятка, дôбро! ходяйській сынъ! Возьми, каеть, ключи, да ули имъ тамъ у ясьли!.. Ёнъ жа не понёсъ имъ, ды коню гэтому. Назаўтраго, давъ Бохъ день, сычасъ ёнъ устаеть до сонца, а бабка тая наготовала яму ўжо ѣденьня, наскладала у торбочку. „Отъ, говôрить, дитятухна, получай, говорить, торбочку, и гони, говорить, зъ росою, на росу̂ ихъ!“ Такъ ёнъ сычасъ тогды потходить тольки къ дяяромъ, а яны сычасъ пррръ! полятѣли,

якъ блохи, на мòра. „Отъ, каеть, бабка,—и паси ихъ, якъ хочашъ!“—А, каеть, дитятка, тамъ найдешъ ихъ, яны будуть тамъ по лукоморъю ходить, говòрить. Агу, ёнъ ходивъ-ходивъ день—нигдѣ нема кобылокъ: Идѐть ёнъ коло дуба коло того, идѣ пчолы, ажъ яны летять, пчолы. „Ахъ, каеть, заморськiй чаловѣкъ! чаго ты тужышъ, чаго шукаешъ?“—Отъ, каеть, зьмовився кобылъ пасьти, дыкъ цѣлый день не найду. Выскочили исъ хлѣва у ранньни, дыкъ нема нидѣ!—„А, каеть: готуй, каеть, вобрытй,—мы табѣ ихъ поприволакуемъ! Яны у насъ уси дупли у дубахъ позаймали!“ Якъ уплятутца у ихъ,—тянуть усихъ трохъ. Ёнъ ихъ поукручувавъ, поувязувавъ и гонить перадъ собой. Якъ дась-дась пугой, дыкъ яны ажъ пищать. Сустракаеть гэта баба яго: а дитятухна, помалѐньку ты ихъ, яны жъ молодѐнькiя!“—Ахъ, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ смальнеть! Яны ажъ пищать. Пригнавъ и загнавъ у хлѣвъ, и запёръ усихъ трохъ. „Отъ, ужо два дни упасьтивъ, дитятко!“ Даѐть яму вячерать; ёнъ повячеравъ, Богу помолився и лёгъ спать. Дождався ёнъ третьтяго дня. На третьтiй день: ну, каеть, дѣтки! ховайтеся, каеть, у мòра, по норахъ, по пячерахъ, туды-сюды, бо коли сяньни упасьтить,—котору-котору трэба отдать яму! Такъ ёнъ сычасъ тольки къ воротамъ приходить зь етой бабой, ажъ яны вороты выбили, и пошли, полятѣли! Ходивъ ёнъ, ходивъ день, ходивъ-ходивъ—нидѣ нема! Идеть ёнъ коло мора, ажны повзѐть ракъ гэтый. „Ахъ, говорить, заморськiй чаловѣкъ,—чаго ты тужышъ, чаго ты шукаешъ?“—Ахъ, говорить, ракъ мой пралюбезный! Зьмовився кобылъ пасьтить, ды не могу знайти ихъ, похувалися нейдѝ!—„А, каѐть,—твоѐ кобылки мнѣ норы позанимали. Готуй, каѐть, обрытй,—я ихъ табѣ попритягую!“ Гэтый гракъ якъ уплятѐтца—волочѐть! Ёнъ увяжыть, укрутить—забрытавъ усихъ трохъ,—посьтягувавъ яму! Ну, й гонить ихъ домовъ, ды дась-дась! Сустракаеть яго баба гэта за три вярсты щѐ: „а дитятухна, говорить, а помалѐнячку жъ ты! А ня би жъ ты ихъ! А дитятухна!“ А ёнъ смалить! „Во гэто, каеть, вовкъ яѐ рэжъ, горшы за усихъ!“ Загнавъ тыки ихъ у хлѣвъ, уперъ ихъ. Коня подгодувавъ, а самъ подъ двери, слухаеть. Ажны яны голосомъ голосють, дòчки: ни водна ня хочеть. Тогды старуха ужо тая: дитятухна, каеть: ѣзьдивъ на полюваньня ходяинъ мой, и конь разгулявся, упудився, и ёнъ яго, говорить, забивъ. Дыкъ ёнъ яго укопавъ у зямлю. Знайди яго, ды садися и ѣдь!“ А у яго ужо выкопаный! Такъ ёнъ сычасъ подякувавъ гэтой баби, на коня уссѣвъ. А гэтому нячистому духу дали вѣдома, што такiй и такiй узявъ коня и поѣхавъ. Дыкъ ёнъ якъ ударивъ у слупъ, у муръ,—слупъ завалився и яго забивъ.

Тяперъ ёнъ прiѣхавъ къ жанѣ, сычасъ, много ня мэдливши, ухапивъ жану и побѣхъ. А гэтый голубъ тропъ-тропъ и полятѣвъ. „Ахъ, говорить,

пріѣхавъ заморській чаловѣкъ, ухапивъ вашу жану на лошадь и повёзъ!" —Ну, говорить,—тяперъ яго! говорить. То жъ яны удвоихъ уссѣли, а ёнъ, Нячисьтикъ, якъ припусьтивъ на своёй лошади,—нагоняеть ихъ. Тяперъ гэта лошадь якъ заржэть посвойму: „ахъ, каеть, братъ мой родный! ёнъ мяне за три дни выкормивъ, выпоивъ, што я ў того нячистаго духа вѣкъ прожывъ, ня видѣвъ гэтаго, што ёнъ мнѣ дававъ! Поднимися ты, говорить, подъ небеса, разгуляйся и перавярнися догоры скопъёмъ, и ськинь ты нячистаго духа сь сябе, и ударъ яго, говорить, скопъёмъ догонь у головў!" Гэта лошадь якъ разгулялася, якъ поднялася подъ небеса, дыкъ ёнъ яѐ державъ-державъ,—яна яго якъ збросила сь сябе, ды догнала яго, ды якъ ударить у головў копытàми,—такъ ёнъ и упавъ на землю. Яны сычасъ поссѣдали съ коня, гэту нячисту силу порубили на ковалки, тяпло расклали и спалили яго. Раздули тэй попялъ, а сами поѣхали къ батьку. И тяперъ жывуть тамъ у яѐ чарстьви.

Д. Пстраши, *высокогор. вол.*, ***сѣнн. у.*** **Отъ кр. Евфима Григорьева, 70 л., неграм.**

Въ д. Чудькахъ, ***сѣнн. у.***, записанъ варіантъ, подъ названіемъ ***Козелъ безсмертный.*** Жили три брата и три сестры. Меньшой братъ былъ дурень. Разъ, вечеромъ, подходитъ кто то подъ окно; вечеръ добрый!—На здоровье! Хто тамъ такій?—А хто сабѣ не ёсь, али пришовъ у сваты къ большай сястрѣ вашай! Дурень, какъ сидѣлъ въ запечкѣ, такъ за старшую сестру да за порогъ. Тамъ её кто-то подхватилъ и увёзъ. И не знаютъ, не вѣдаютъ, кто. Такъ же случилосъ и со второй и съ третьей сестрами. Тогда братья стали бранить дурня: хто у насъ тяперъ будить ходяйство весьть? Жанись, коли потдававъ сясьтёръ нема вѣдома куды й за кого! Дурень женился. Чрезъ нѣсколько времени жену его украли, и дурень пошолъ её разыскивать. Приходитъ къ первой сестрѣ, она за Вѣтромъ. „Да, говоритъ: твою жену укравъ Козелъ безсмертный. Мой мужикъ видѣвъ, якъ ёнъ яѐ нёсъ. Вѣтеръ хотѣвъ отобрать яѐ ломавъ-ломавъ Козла, али ничого не зробивъ, што ёнъ безсмертный!" Приходитъ къ средней сестрѣ, та за Солнцемъ. „Да, говоритъ: мой мужикъ, пёкъ-пёкъ его, хотѣвъ отобрать твою жонку, али ничого яму ня можно зробить—у яго смерти немашъ!" Третья сестра оказалась за Громомъ. Громъ тоже „правъ-правъ Козла пяруномъ, али ничого не зробивъ: нема вѣдома, дѣ яго смерть!" И дала ему клубочекъ и ниточку, которые привели его къ женѣ. Козла не было дома, и жена спрятала мужа въ склепъ, а сама выпытала у Козла, что его смерть въ морѣ: есть тамъ камень, въ томъ камнѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ смерть. Пошолъ дурень назадъ

къ Грому. Тотъ посовѣтовалъ ему вылавливать рыбу изъ моря и бросать по берегу. Жалко стало рыбы царю-окуню и онъ доставилъ дурню камень со дна моря. Громъ разбилъ перуномъ камень, а дурень схватилъ утку, разорвалъ её и досталъ яйцо. Возвратившись къ женѣ, отдалъ ей яйцо и научилъ её: „якъ станешъ искать вошій у Козла, ударъ яго яйцомъ у лобъ!“ Та такъ и сдѣлала. Козёлъ умеръ, а они благополучно вернулись назадъ.

Въ *Чигиринкѣ, быx. у.* записанъ такой варіантъ:

Живъ дѣдъ изъ бабой, и було у ихъ три дочки й сынъ. Дѣдъ и баба померли, застались дѣти одны. Прилятая къ имъ уповдня письмо, кабъ було питѐньня-ядѐньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. И зморивъ ихъ сонъ; яны звязались поясо̀мъ и заснули. Прошнулись, ажъ бо̀льшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. На другій день опять прилятая письмо, кабъ було питеньня-ядѐньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Ихъ узновъ изморивъ сонъ, яны звязалися поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ ужэ сяредьняю дочку̀ укравъ зьмѣй. На третьтій день узновъ прилятая уповдня письмо, кабъ було питеньня-ядѐньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Изморивъ ихъ узновъ сонъ; увязались яны поясо̀мъ и заснули. Прошнулися, ажъ мѐньшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. Одинъ застався Иванька. Походивъ ёнъ, походивъ по саду, поплакавъ, да дѣлать нечаго. Бывъ у яго коникъ; сѣвъ ёнъ на коника и поѣхавъ у свѣтъ шукать своихъ сясьтёръ.

Ѣхавъ ёнъ, ѣхавъ, зъ раньня до вечара, обняла яго тёмная ночь. Подъяжжаа ѐнъ къ городу, ажъ зьмѣй обкрутився выкругъ города̀ и хвостъ у зубы узявъ. И поджавъ Иванька коня такъ, што конь пералятѣвъ чаразъ зьмѣя и не зачапивъ зьмѣя. Ѣдя Иванька, ажъ стоить домъ. И бача ёнъ, што на третьтямъ атажу сядить яго сястра, шыя-вышывая и дужа плача. Заѣхавъ Ванюша у домъ, поздрастувався съ сястрой и кажа: садись, сястра, на коня, и оѣдемъ! Яна кажа: боюсь! ти утячомъ, ти нѣ, а тогды будя ще горэй!—Ня бойсь, кажа Ванюша: садись! Сѣла яна на коня и поѣхали домовъ. Ажъ догоняя ихъ зьмѣй. Отобравъ сястру у яго, а яму кажа: гляди, кабъ гэтаго боли ня було, бо убъю! Заставсь Иванька узновъ одинъ. Плакавъ, плакавъ и пошовъ назадъ, къ сястрѣ. Пришовъ и мовчить. Тогды дала яму сястра клубочакъ и кажа: куды гэтый клубочакъ будя катитца, туды й ты иди! Ёнъ узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ къ сярэдьняй сястрѣ, и довго зъ ёй ня разговарувавъ. Дала яму̀ тая сястра повсьтинку и шарсьтинку. И покатився клубочакъ дали. Катився, катився,—прикатився къ третьтяй сястрѣ. Ёнъ и туды пришовъ

мовчики. Гэта сястра дала яму золотую трысьтинку. Покатився клубочакъ даляй, ажъ сядіть на камяни баба и дѣлая панчоху. Ёнъ кажа: здрастуй, бабка!—А здоровъ, здоровъ! куды йдёшъ, дитятка? А ёнъ кажа: ды йду, бабка, у найму!—А, наймись у мяне кобылицъ пасьтить: три дни отпасьтишъ, возьмешъ коня сабѣ любого! Нанявся Иванька кобылицъ пасьтить. Якъ выгнавъ за вороты, дыкъ яны й полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и бачивъ. Тогды ёнъ пошовъ за кусьтики, наклавъ тяпёлца, изьнявъ дудочку и играя. Давъ Богъ вечаръ, а кобылицъ нема. Тогды ёнъ узявъ повсьтинку и шарсьтинку, припёкъ къ тяплу—кобылицы й стали собиратца со мховъ, зъ болотовъ. Отрэзавъ ёнъ дубину, якъ ставъ бить кобылицъ. Бивъ, бивъ,—добираетца до меньшай. А меньшая кобылица кажа: ня би мяне, Иванъ Ивановичъ, буду я табѣ у вяликой пригоди! Ну, погнавъ ёнъ ихъ у дворъ. Пропасьтивъ тыхъ кобылицъ три дни. Тогды баба сказала яму привезьти возъ шупшыньнику. Ёнъ поѣхавъ у лѣсъ, привёзъ возъ шупшыньнику, а баба вытопила лазьню зялѣзнаю, погнала кобылицъ парить шупшиньникомъ. Парила, парила, добираетца до меньшыя. Меньша кобылица кажа: я имъ казала, кабъ яны утекали отъ Иваньки, а яны на имъ вѣшаютца! Ну, баба яѐ за гэто ня била. Ну, отпасьтивъ три дни, зовѐ баба яго у стайню, ужэ коня значитца, выбирать. Меньшаа дочка сычасъ яму кажа: ты ня бяри тыхъ коняй, которыя хорошыя, а бяри того коника, што потъ стяной ляжыть, корузлянькій! Привяла яго баба у стайню, ажъ тамъ повно коняй. Таа баба кажа: выбирай сабѣ луччаго коня! А ёнъ узявъ да гэтаго корузлянькаго таща. Выволокъ яго за вороты, ёнъ сычасъ ставъ дужа добрый конь. Сѣвъ ёнъ на яго и поѣхавъ,—по пятьдесятъ вёрстъ за часъ ѣхавъ. Отъѣхали скольки-тамъ, той конь говора: Иванъ Ивановичъ, пусьти мяне назадъ,—я отобъю дванатцать жарабцовъ, отоссу дванатцать кобылицъ! Ёнъ яго пусьтивъ. И такъ жа само и на другій день и на третьтій. И здѣлався яго конь богатыромъ. Поѣхали яны тогды къ большай сястрѣ. Пріяжжаа туды, а зьмѣя дома нема. Ёнъ узявъ сястру и поѣхавъ. Прилятаа зьмѣй и кинувсь на стайню и пытаетца у коня: „ти ёсь звѣзды на неби, ти ёсь ходяйка у дворэ?“—Звѣзды на неби, якъ были, такъ и ёсь, а ходяйки у дворэ немашака!—„А ти могомъ догнать?“—Догнать то могомъ, али узять не могомъ! Зьмѣй сѣвъ на коня, и догнавъ Иваньку съ сястрой. Тогды конь Иваньковъ кажа зьмѣю: ня лѣзь, а то ногой кивну, хвостомъ потхвачу, на макъ рассяку! А зьмѣй ня слухая, ды къ яму. Конь той ногой якъ кивнувъ, хвостомъ якъ махнувъ, потхвативъ зьмѣя и рассѣкъ на макъ!

А Иванька тогды поперавозивъ сясьтёръ домовъ и жывуть тяперь умѣсьти.

27. Кобылинъ сынъ.

Було сабѣ у десятомъ царствьи, на десятомъ государствьи, жывъ сабѣ купецъ ижъ жаною. И ня було у ихъ дятей. И зажалавъ ёнъ дятей. Што усё маеть, усимъ свѣтомъ купцуеть, а нема дятей. Тогды нѣхто нараивъ яму, што ёсь такая рыба, што якъ уловйть яе и зьѣсьть, дакъ будуть дѣти. Гэто яму нараяно. Ну, ёнъ призывая рыбака. „А што, рыбакъ, ти уловишъ ты такую и такую рыбу?“ —Ня вѣдаю, кажа, ти уловлю, ти нѣ. Коли зловлю, тогды принясу! Ну, пошовъ ловить. И показалася яму тая рыбина, ёнъ и зловивъ. Принёсъ яму, тэй узявъ, заплативъ яму. Дыкъ ходяйка и служанка узяли яе чисьтить, вымыли ды воду тую подъ вуголъ вылили. А кобыла ходила по двору, тую воду и выпила. Якъ выпила такъ и затяжарила. Тогды служэбка тая готовя рыбу и коштўя, вядомо, кухарское дѣло. Якъ покоштовала, дыкъ и затяжарила. А тогды зготовавши, понясла до столу ходяйцы, якъ зьѣла ходяйка и ходяйка затяжарила— уси утрохъ затяжарили. Ну, дыкъ тогды, якъ вышавъ срокъ, дыкъ служэбка першая поспытала, першая и обродилася и сына родила. Купецъ тэй и радъ. И ходяйка утяжку. Ну, тогды знов жа сама ходяйка знов жа сына родила. А тогды посьли ходяйки знов жа кобыла сына родила —уси три по сыну родили. И яны годуютца не по годамъ, али по часамъ. Ну, мы гэто не знаемъ—пройшло тамъ кольки урэмя, купецъ тэй утишаетца на ихъ и оддавъ ихъ у навуку—служэбкинаго сына и свойго, а того кобылинаго—подслужавать имъ у навуцы, подавать икъ столу, якъ тэй каа, вядомо. Скольки урэмя, дакъ тыя вучутца, а тэй кобыльлйй сынъ дакъ большъ ихъ понимая—тыя добро знають навуку, а тэй ще лѣпшы понявся. Якъ гляня у книжку ти у письмо, дакъ и зная: нихто ня вуча, ня показуя, а ёнъ большъ ихъ вѣдая. Ну, поучилися скольки тамъ урэмя, скоро вышли зъ навуки, дакъ ёнъ и большъ ихъ вѣдая, тэй то ужэ значитца, кобыльлйй сынъ. Ну, стали яны тогды зъ батькомъ жыть. Жыли, жыли, тогды Кобылинъ сынъ кажа: а што, татка, кабъ вы зьдѣлали намъ припасъ на прогуляньня сходить, по хвоти значитца походить, во усё ровно, якъ зъ ружжомъ. Ну, дакъ ёнъ на тоя кажа: якiй жа, говорить, припасъ? А ёнъ отказуя: а якiй жа, татулька, припасъ? Искуй служэбкиному сыну булдаву зь зялѣза у три пуды, а свойму у чатыре, а мнѣ у пять пудовъ! Ну, ти у купца зялѣза нема, ти што. Ну, батька отвѣчивъ и ставъ куваць булдовы, такъ, зь зялѣза. Тогды подѣлали тыя булдовы, три, тогды Кобылинъ сынъ узявъ тую наймитчаго, служэбкинаго сына булдаву, вышавъ на вулицу, покрутивъ, покрутивъ, раскрывъ ладоню и пусьтивъ яе подъ нябёсься. Тая булдава якъ полятѣла, ёнъ выставилъ ладоню, яна якъ удырилась, дыкъ и рассыпалась. А тогды узновъ

такжа само другого брата ўзновъ жа выспробувавъ булдаву, ти крѣпка яна. Вынясъ, размахнувъ, размахнувъ и пусьтивъ подъ небеса. Яна икъ лятѣла, ёнъ выставивъ колѣно, яна и рассыпалась—того ужэ, батькиныя жонки сына. Ну, а тогды ужэ свою ставъ выспробувать. Вышавъ у поля, якъ кинувъ—и подставивъ лобъ. Ина якъ лятѣла прамо на лобъ—якъ удырилась—дыкъ и рассыпалась. Ну, тогды ёнъ узновъ: што, кажа, татка: поломали мы свой припасъ, и на прогулянку не пошли. Трэба прибавить, татка, зялѣза. Ставъ, бачъ, надокучать яму. Ну, якій жа вамъ, каа, сынокъ, припасъ трэба, скольки прибавлять?—А ёнъ каа: а служэбкиному сыну пять пудовъ, а купецкому сыну шэсьть, а мнѣ, тата, у восемъ пудовъ. Ну, тяперка, покувавъ ёнъ гэты булдовы, стали яны узнова выспробувать. Вышавъ ёнъ на поля, поважывъ, поважывъ тую служэбкинаго сына булдаву, ды якъ пусьтивъ—дыкъ нема вѣдома дѣ ина и дѣлась, тольки пылъ да дымъ по полю—полятѣла нема вѣдома куды и што. Ну, а тогды другого брата тожъ сабѣ поважывъ, поважывъ, якъ пусьтивъ—дыкъ и нема вѣдома куды и што ина дѣлась, тольки пылъ да дымъ. Ну, а тогды услѣдъ и свою пусьтивъ, услѣдъ за имы. Ну, а потомъ ёнъ хоть посьли пусьтивъ, а потомъ яна пойдя мо на край свѣта, припасъ тэй яго перанясе обадвыхъ братовъ булдовы. Тогды ёнъ отвящая—попусьтивъ припасы—тогды побыли тамъ кольки: што жъ, каа, татка: припасы намъ подѣлали, трэба жъ намъ исьти шукать припасовъ тыхъ своихъ. Тогды тэй татка ставъ ужэ и сомугёнъ, ставъ ужэ и плакать, и матки, и того, и того, што якъ жа, якъ тэй казавъ, дождали трохъ сыновъ, и тыя у свѣтъ пойдуть, нема вѣдома куды, што дѣ найдуть, дѣ познаходють. Стали отраивать и того и того. Нѣ, кажа, татка, трэба исьти. И не послухали и пошли, попрощалися, повиталися и отправилися. Коли будуть, кажа, татка, браты мяне слухать, дыкъ мо ще й убачимся, и узвернемся, а якъ ня будуть слухать, дыкъ Богъ зная. И ўвубралиси уси и пошли. Ишли, ишли—ня такъ жа скоро дѣетца, якъ кажатца,—ишли скольки тамъ урэмя и найшли того служэбчинаго сына припасъ. Вотъ, каа, братцы, и ёсь одного брата припасъ. Ну, каа, одного брата нашли припасъ, пойдемъ жа, каа, другого брата шукать! И пошли. И усё такъ идуть и сами сабѣ разговарують, покуль знайдуть. Ну и тожъ сабѣ—сколько урэмя ишли, находють другого брата *тую* припасъ. Ну, во, каа, хвалить Бога, и другого брата знайшли. Тэй Кобылинъ сынъ: а мою, каа, Богъ вѣдая, коли до яе дойти и дѣ яѐ знайти. Ну, изновъ жа то жъ пошли дали. Ишли, ишли, и бачуть здалека на десятомъ чарстьви, у десятомъ государстьви, на поганаго цара доми стоить тая булдава. Вотъ, каа, братцы: якъ намъ яѐ достать оттуль? кабъ сами головы ня поклали тамъ! Тогды яны церазъ скольки тамъ урэмя добралися, пришли къ тому дому. Тогды тэй Кобылинъ сынъ узлѣзъ на тэй домъ и доставъ *тую* свой

припасъ. Тогды у тэй домъ, и гуляють тамъ, и пъють, и у карты гуляють. Яны завидно гэто пришли, во якъ ба и тяперъ. Тамъ порожній тогды бывъ, домъ тэй. Тогды яны, тоя, давъ Богъ ночь, тогды Кобылинъ сынъ посылая служэбкинаго сына на варту на шляхъ, вярстовъ за пять, шляхъ такій бывъ, во якъ ба тяперъ цыгунка.—Иославъ яго у лазьню—иди жъ, каа, братикъ, на варту, ды ня сьпи, кажа, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ головы зложымъ. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, да на полокъ, вѣдомо одинъ—лёгъ и заснувъ. Ничого сабѣ и не зная и ня вѣдая. А тэй того другого брата, жаноччаго сына, ходяйкинаго, покинувъ, а самъ тэй жа справой къ лазьни, ды подъ мостъ. На гнянной рацэ, бывъ, вотъ якъ ба у Бялыничахъ, мостъ такій. Тольки ёнъ сѣвъ, ажъ и ѣдя поганый царъ, смокъ съ шасьма головамы. Сычасъ собаки забрахали, свисьтѣли засвистали. Чѐго брешытя, чѐго свищитя,—не къ чужѐму двѐру ѣдемъ, къ свѐйму. Ёсь на десятомъ чарьстви, на десятомъ государствьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ мы никого не боѐмся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Нято воронъ косьти занося, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да съ шасьти головъ на шэсь миль выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти мирится? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смѐкъ, будемъ битца. Тэй Кобылинъ сынъ якъ хапивъ мечъ, якъ трахнувъ, дыкъ три головы и сьтявъ. У другій якъ трахнувъ—шэсь головъ сьтявъ. А тэй яму ничого ня зробивъ, не посиливъ. Тогды узявъ шасьтярикъ коняй, у домъ у тэй пріѣхавъ, у стайню коняй тыхъ зачинивъ и повозку укативъ, по порадкамъ, такъ якъ и усюдахъ. Ну, а тогды самъ у комлату икъ тому брату. Давъ Богъ день, тогды тэй братъ и приходя зъ варты, зъ лазьни съ тэй. Тогды ёнъ пытаетца,—а што, кажа, братка, ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка: ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ загремѣло, якъ застучѣло, дакъ я съ полка звалився ды удырився, дыкъ во на лысини гузъ ускочивъ! Ну, тэй яму ничого не сказавъ, тольки ўсьмихнувся. Ну, тогды яны узнова день тэй гуляють, пьють, ѣдять, у карты гуляють, а давъ Богъ ночь, тогды у вечари кажа на другого ужэ брата,—ну, братику, иди, кажа, у такую и такую, каа, лазьню на варту, да тольки жъ, говора, гляди, братецъ, ня сьпи, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ и головы своѐ положымъ, нихто насъ и знать, каа, ня будя. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, такъ жа само на полокъ сѣвъ, сядѣвъ, сядѣвъ и заснувъ. Ну, тэй Кобылинъ сынъ потъ повночь покинувъ того тамъ у доми томъ, а самъ пошовъ узнова подъ мостъ подъ тэй и сядить. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ заразъ и ѣдя, семъ головъ. И собаки забрахали и свисьтяли засви-

стали. Чѐго брешытя, чѐго свищитя, не къ чужому двдру ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви. Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьтй не занясѐ! А ёнъ съ подъ моста: нято воронъ косьти занося, молодецъ и самъ заходя. Дми поля! Ёнъ поля якъ дунувъ, дыкъ на семъ миль и выдувъ. А ёнъ тогды якъ дунувъ, дакъ и позлативъ. Ёнъ, бачъ, силнѣй ихъ бывъ. Што то нашъ духъ, а што няпріятельській,—мы усётки болшъ понимаемъ. Якъ тая приказка. Ну, што, кажа, Кобылинъ сынъ: ти будемъ битца, ти мирится? „Нѣ, кажа, нячистая сила, не того я заходивъ, кабъ миритца, будемъ битца!“ И стали битца. Кольки—разъ, ти два, ти три махнувъ и сьтявъ тыя семъ головъ. Ну, и семяро коняй и повозку узявъ, и поѣхавъ у домъ у тэй ихъ. Коняй у стайню зачинивъ и повозку укативъ. Особянно усё зачиняя, отъ ночи того брата и того. Ажъ скоро и день Богъ давъ. Приходя тэй ужэ братъ зъ варты тэй. А што, кажа, братка: ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка, ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ застучѣло, якъ загремѣло, зъ горы, дыкъ я злякнувся и звалився съ полка, дыкъ потылицу разбивъ дужа. Гузъ исъ кулакъ набѣгъ.

Отъ яны и гуляють знова до вечара, пьють, жывютца. Яму ужэ и рупитца. Якъ пришовъ вечаръ, дыкъ треба яму тыхъ тутъ покинуть, а самдму на варту ити. Тогды давъ Богъ вечаръ, ёнъ узявъ, повѣсивъ рушничокъ, во якъ ба гэта (занавѣсь) висить, тогды поставивъ подъ рушничкомъ стаканъ, што чай пьють. Глядитя жъ, братцы, ня засьнитя тутъ. Якъ будя зь естаго рушничка кровъ капать, бягиця якъ дужа ко мнѣ до помдцы. Трудно, я покладу свою голову, дыкъ вамъ и класьти нечаго! И пошовъ подъ мостъ. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ и ѣдя—девять головъ. И сычасъ собаки забрахали, а свисьтяли, засвистали. Чѐго брешытя, чѐго свищитя, не къ чужому двдру ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ никого мы не боемся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Ня то воронъ косьтй занося, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да зъ девяти головъ на девять миль и выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти миритца? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будемъ битца. И почали битца. Якъ зачавъ битца, якъ зачавъ, дыкъ восемъ головъ сьтявъ, а девятая голова—ужэ выбився зъ моцы—ня посиляя, девятая голова ужэ яго достаѐ, ужэ за лобъ, хоча яго змогчй. А тыя сядѣли гэто, забылися, да й заснули.

Ну, тая девятая голова съ тымъ вдитца, а яны усхапилися—ажъ зъ рушничка кровъ тяче, ужэ й съ стакана церазъ ильлѐтца. Ай, братъ, пропали! Да туды борджѣй къ мосту. Стой братъ, ня улякайся! А тая го-

лова ужэ сусимъ за лобъ яго схапила. Якъ хапили, такъ и сьтяли тую голову, и ня про што йна была. Ну, якъ сьтяли, тоды ёнъ ужэ отвящая: ну, братцы, троху мы головъ не поставляли! Вы, каа, заснули тамъ. Ну, а тяперъ, каа, дась Богъ жывы будемъ, попяраводили, каа, усихъ, мдо къ батьку вѐрномся! Узявъ ёнъ коняй тыхъ девятеро, повозку и поѣхали. И поставивъ у стайни, особянно. И давъ Богъ день. Ну, яны пробылй тамъ кольки урэмя, Богъ ихъ вѣдая, мы того ня знаемъ, отдыхнули, ну тогды ёнъ выводя шэсь тыхъ коняй и повозку: ну, кажа на служэбчинаго,—у гэто, каа, братка, твоѐ кони и повозка,—къ батьку, бачъ, ужэ собралися. А тогды вывявъ семяро коняй и повозку,—во гэто, братъ, твое кони и повозка,—на другого ужэ брата. А тогды трэтьтяю повозку свою—у гэто, братцы, моѐ кони. Тогды яны сѣли и поѣхали, къ батьку ужэ. И скольки тамъ урэмя, ти скольки вѐрстъ, ти миль яны отъѣхали, тогды тэй Кобылинъ сынъ забывся у тымъ доми ды, гэто, пальчатокъ, на кручку на сьтянѣ висѣли: дакъ забывся пальчатокъ своихъ. „Ну, постойтя, братцы, я, кажа, забывся тамъ своихъ пальчатокъ—шкода покинуть. Злѣзъ съ повозки и пошовъ туды. Дыкъ ёнъ и мушачкой ськидався и пчолочкой, и птушачкой ськидався; прискочивъ и сѣвъ на доми на томъ, а тогды ськинувся мурашачкой, ды уповзъ у тэй домъ. Ажно тамотька три бабы сядить—двѣ жонки тыхъ, а третьтя матка, ды радютца.—А, попераводили, кажа, нашихъ мужуковъ и батьку, кабъ, кажа, ихъ перавесь, радютца, бачъ. Ёнъ тыя пальчатки чапая и усё гэто чуя. Ну, одна баба кажа: што я, кажа, здѣлаю? Яны, каа, ня спали, дыкъ ськинуся я посьтѐльлю. Яны якъ лягуть, дыкъ мы ихъ и перавядёмъ, поморимъ усихъ. А другая кажа: нѣ, кажа, я ще лучче здѣлаю. Здѣлаю, каа, ськинуся, кажа, крыницай, и золотый кубокъ и сярэбраный, и ля крынички яблона, золотый яблокъ и сярэбраный. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, поморутца, пить захочуть и батьку на госьтинецъ по яблочку выщикнуть. Якъ напъютца, да по яблочку выщикнуть, дыкъ яны тамъ и погинуть уси три.. А, трэтьтяя ужэ, матка,—нѣ, кажа, дѣтки, вы ничого, каа, ня здѣлаетя. Я, кажа, якъ разину ротъ, дакъ одну зяпу поставлю на землю, а другую подъ небеса. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, ко мнѣ у ротъ уѣдуть, я ихъ и проглыну, ихъ и ня будя, кажа. Тогды ёнъ выслухавъ гэто, пальчатки тыя вычапавъ, якъ небудь, мушачкой—да борджѣй драла оттуль, догонять братовъ. Ськидавсь и мушачкой, и пчолачкой, и птушачкой, покуль догнавъ братовъ. Якъ догнавъ братовъ, узявъ, ничого имъ ня кажучи, лѣпшаго самаго коня выбравъ, сѣвъ верхомъ, и поѣхавъ, а браты у повозкахъ за имъ, кожанъ у своей повозцы, уси и ѣдуть, къ батьку. Дакъ ёнъ и поверхъ лѣсу ѣхавъ, и ў повлѣса ѣхавъ и по зямли ѣхавъ, спробувавъ коня того, ли тэй причины усё. Ѣдуть яны дыкъ ѣдуть, кольки тамъ, не такъ скоро дѣетца,

якъ кажытца. Ажны стоить посьтели три. Спать тыя браты дакъ ай-яй! Сонъ ихъ сусимъ клоня, ня можно вытримать. А посьтели тыя, дакъ ажъ ка̀пая, стройныя вельми. Ахъ, братъ, скольки мы ночей ня спали, кажа, страдали, ля̀жамъ мы, троху отдышамъ! А ёнъ кажа,—соскочивъ скорѣй: гэто, братцы, кажа, зрада! Да скорэй по одной посьтели, али по другой, али по третьтяй—усихъ ихъ поперасяка̀въ, дакъ яны поплыли кровъю. Во, братцы, во, бачитя, якая зрада. Сѣвъ на коня и поѣхали. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и прiѣжжають зновъ жа къ такому, тожа жъ сабѣ здалека бачуть— стоить яблона, сучокъ золотый, сучокъ *срабра̀ный*, яблоки золотыя, яблоки срабра̀ныя, тожъ и крыничка - кубокъ золотый, кубокъ срабра̀ный. Дыкъ яны якъ напъютца, яблочкомъ закусють, дакъ и по̀прагаютца.

Ѣдуть яны, вотъ браты: „выщикнемъ мы по яблочку, а то къ батьку ѣдемъ, кажа, домовъ, а на госьтинецъ нема ничого!“ Ня управивсь съ коня зьлѣзьти, а яны ужэ обадвы соскочили съ повозокъ да на выпярадки одинъ перадъ другимъ къ яблонцы къ тэй. Стойтя, кажа, братцы: гэто зрада! А яны ужэ по яблочку и схапили, а ёнъ ня управвися соскочить, яго конь перанёсъ. Ну, якъ схапили, тутъ имъ и аминъ, и квитъ имъ, и по яблочку у руцэ держа̀ть. Ну, ёнъ тогды соско̀чивъ, да по яблонцы трахъ—ина кровъю ськипѣла, по крыницы трахъ—и ина кровъю ськипѣла—усё нийдѣ дѣлось. А тогды узявъ одного брата у повозку и другого брата у повозку, мяртвыхъ, няжывыхъ, а самъ сѣвъ и поѣхавъ, и кони тыя за имъ идуть. Ну, двѣ причины пераѣхавъ, а третьтiя боитца, на силу надѣетца на свою и на розумъ, али што браты няжывыя, и коняй стольки, дыкъ ёнъ и опа̀суетца, обдумляѐтца, якъ што зробить, засума̀вся. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, ажно подъяжжая—стоить тая баба, ротъ разинувши—одна зяпа на зямлѣ, а другая подъ небеса. Тогды ёнъ якъ разогнавъ коняй, поднявсь у повсвѣта, якъ размахнувсь, дакъ такъ верхняю зяпу и сьтявъ. И покативъ пово̀рху, и самъ и кони тыя за имъ повярху̀. Ну, дякуй, кажа, Богу, пяражывъ своё го̀ра! Богъ вѣдая, што далшъ будя! А ще до батьки далѐко добратца. Икъ ѣхать дыкъ ѣхать, троху отъѣхавъ; а ина тамъ справившися да за имъ у погони,—хоть ты, каа, зяпу мою одну сьтявъ, кажа, а по̀томъ я тябе, кажа, одной зяпой зьѣмъ, кажа. Ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя—тогды ёнъ ускочивъ—во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, ти у сялѣ ковали кують—ускочивъ у кузьню,—ай, братъ, кажа, коваль, грэй клещи! Ёнъ ускочивъ у кузьню, а ина прибѣгая. Якъ прибѣгла, такъ разъ лизнула сьтяну, другiй лизнула, а за третьтимъ про-

лизала сьтяну и яго доста̀. Тольки бъ яго достать.—ай, кажа, коваль, хапай яѐ за языкъ! Коваль узявъ клещи да яе за языкъ. Дяржы, кажа, языкъ, на коваля. А ёнъ узявъ булдаву, якъ зачавъ бить, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ и не забивъ яѐ. Што бивъ—изъ моцы выбився, и поломавъ тэй увесь припасъ свой—и не забивъ. И коваль тэй тожъ самое—ободвы яны поуморилися и не забили. Пусьтили яе. Ну, тогды яна кажа: стой-ка, кажа,—я на тябе усьсяду и поѣду, и будемъ своѐ пѣсьни пѣть, коли я тябе перапяю, дыкъ усётки зьѣмъ. Гэтакъ зьмирговалися г-g—ни тэй, бачъ, не подоляя, ни тэй—обая силныя. Ну ёнъ подався. Ина на яго усьсѣла, ёнъ ракомъ повзѐть, ина ѣдеть и пѣсьни пяеть. И кони тыя за имъ идуть. Ага, кажа, я тябе потомъ змору, кажа. Дыкъ ина, вѣдомо, баба-сорока, и тую почне, и тую—щабеча, во якъ и у насъ бабы на хрэзьбинахъ ти на вясельли—пѣла, пѣла тамъ усякія пѣсьни да й змовкла. Нема, бачъ, у яе боляй пѣсень, уси перапѣла. Ёнъ тогды пытаетца: ти уси? Яна кажа: уси!—Ну, коли жъ, кажа, уси, тяперъ дай-тка я буду пѣть, дай-тка я на тябе усьсяду! Ну тогды ёнъ на яѐ усьсѣвъ, и кони тыя за имъ. Гэто усё по дорози, што даляй, то къ батьку ближай. Тогды ёнъ зачавъ пѣсьни пѣть. Ёнъ ниякія пѣсьни ня пѣвъ, тольки усё шабуняя: да—гу дакъ да—гу—вядеть, да усё на ёй ѣдя. Ѣхали, ѣхали:—ти уси?—Нѣ, кажа, и у полъ яще ня убився. У яе свой рацотъ, кабъ яго якъ, а у яго свой. Вѣдомо: тожъ урагъ, а то тыки чаловѣкъ, хращоный, якъ трэба быть. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и пріѣхавъ, во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, къ рацэ. Дыкъ ина ужэ осмягла: якъ къ рацэ, дакъ и стала пить. Якъ стала воду пить, якъ стала воду пить, якъ стала воду пить, дыкъ усю раку выпила, и ёнъ на ёй сядить, и повозки тыя стоять, и кони, и браты. Якъ выпила усю раку, дакъ тогды подъ имъ лопъ—отъ воды отъ тыя—лопнула, и рака тая якъ была, такъ и побѣгла узновъ, а ина тамъ и опраглася. Тогды ёнъ у повозку на своихъ коняй, да й пріѣхавъ икъ батьку. Къ батьку пріѣхавъ, дакъ батька и улякнувся. Дакъ ёнъ за батьку—татулька, ня улякайся. И показуя заслугу и усё—гэто моихъ братовъ, а твоихъ сыновъ, заслуга, а гэто моя. И гэтыхъ своихъ сыновъ, татка, ховайтя, помершыхъ. Ну, ёнъ собравъ людей, подѣлавъ домы, и поховавъ. А тэй Кобылинъ сынъ и жыветь тамъ. И я тамъ бывъ, мёдъ, вино пивъ, и у роти ня було и по бородѣ не тякло.

М. Бѣлыничи, могил. у.

28. Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ.

Вотъ было у батьки три сына̀, два вумныхъ, а третьтій дуракъ. И была у вотца на стайни кобыла. Вумныи сыны поѣхыли у лѣсъ, а дуринъ

застався дома. Двѣ нявѣстки затопили печку, напякли блиновъ. Потомъ просють яго дурука етыго: ахъ, говорють: приняси намъ воды, мы табѣ блинъ пумаслимъ. Ёнъ узявъ вёдры и пошовъ. Пришовъ ікъ колодижу, колодижъ бывъ ублизъ 'дъ ряки коло моста. И у мосту увязла щука. Итвичаить голосомъ—што чиловѣкъ говорить: вызвыль *мяне* зь естуго мѣста,—што дли *тябе* будить нужно, усё судѣйствуитца. Потомъ того ёнъ вызвыливъ и пусьтивъ *яе* у воду. Такъ и 'твичаить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нуци-ка, вёдры, чирпайтись сами и идитя домой сами! Удрухъ етыя вёдры зачёрпались и пошли упярёдъ яго. Такъ нявѣстки увидали въ окно и указыить одна другой: во, говорить, мы усё дурнимъ яго узываимъ, а што у ёмъ дѣйствуитца. Своихъ мужовъ знуджіимъ, а ёнъ у насъ усё за дурня сядить! Пріѣхыли братья зъ лѣсу, позаутрикали и нуждають яго съ собой ѣхыть у лѣсъ. Ёнъ отвичаить—когда дасьте батькыву лошадь, то й поѣду, а ни дасьтё, и ни поѣду! Дозволили запречь. Выѣхывъ за гумны, ета лошадь почила яго тарзать, разнашавать. Ёнъ зайшовъ, кулакомъ ударивъ у лобъ—ета лошадь звалилася изъ ногъ. Ёнъ за хвостъ узявъ, трихanувъ, съ кожы усю гувядину вытрисъ, а кожу узбросивъ ну гумно. Самъ узявъ, оглобли звизавъ, сѣвъ на сани и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, сани, ѣдьтя у лѣсъ сами. Етыя сани засмычѣли, заскрипѣли, за братьтими полятѣли. Чудятца браты—што ёнъ бязъ лошади пріѣхавъ. А гдѣ жъ ты, братъ, дѣвъ, батькыву лошадь? Отвѣтивъ ёнъ, што убивъ, и кожу узбросивъ на батькыво гумно—ня будить течь, говорить. Братія нарубили дровъ и поѣхыли, а яго затяють: чаму ты ни сячешъ? Ну ни такъ имъ охота, што ёнъ нысячеть возъ дровъ, а большы того посмотрѣть, *якъ* ёнъ будить сѣчь—што съ отрода топора ни диржавъ у рукахъ.

Ёнъ скызавъ: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, дровы, сячитися сами и кладитися сами! Дрòвы етыи позахрапотали, воздухымъ пычалй ломитца и на сани валитца. Нывалилыся на сани съ цѣлый сажань. Ну, браты тэя поѣхыли. Ёнъ узявъ, узлѣзъ на возъ на етый и сѣвъ, и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію, нутика, сани, ѣдьтя домой сами. Пирижжаить чиризъ возиро. Тамъ рабо-ловы ловють рыбу и вытинули одну тольки рыбинку. Такъ ёнъ увидивъ ету рыбину и отвичаить: вотъ рыбина дорогая. Хто яе будить ѣсьть, той сына родить, и хто косьти обоссеть, тэй сына родить, а хто косьти поѣсьть, и тэй сына родить. Будуть три сыны и уси быгатыри.

Дысталась тая рыбка *царевни*. Зжарила яѐ и зьѣла. Косточки на блю-

дичко отложыла. Пришла яѐ дочь и давай обсосать косьти еты и барсать подъ столъ. И отвичаить: ахъ, маминька, говорить, икая ета укусная рыбина!—Косточки ,боссала и бросила подъ столъ. Сучѐнка, бывши подъ столомъ, косьти еты и поѣла. Удругъ яны усѣ утрёхъ и забреминили. Сколькi урemя пройшло, родили усѣ три по сыну—царица, и дочь яе, и сученка ета. Такъ растуть яны, еты сыновья чистыи рибяты. Вырысьли яны лѣтъ до симнатцыти. Потомъ и говорить: „батюшка нашъ, милосьтiвѣйшiй гусударь, справъ намъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Ёсь у такомъ то царстьви, у такомъ то гусударстьви змѣй—три гыловы, уторой шэсь головъ, третьтiй двинатцыть. Кончають народъ!“ „Милосьтiвѣйшiй гусударь ни оставивъ ихъ прозьбы. Зьдѣлывъ имъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Бывъ у яго сиряди двора каминь зъ большую хоромину. Такъ яны мижда сябе и говорють: ну, што, говорють, братiя,—который мы и которому будимъ потчинятца—хто изъ насъ старшымъ будить? Сячитя каминь. Отъ кого каминь раскотитца надвоя, того будимъ слушыть. Суччiй сынъ сикanувъ—каминь тольки намѣтивъ; царицынъ сынъ сиканувъ каминь—ду ў полу убивъ; дѣвиччiй сынъ якъ сиканувъ—такъ ёнъ и покатився надвоя. Вотъ и говорить: смотритя, братiя—мяне слушыйтя и пувинуйтися! Поѣдимъ на тридисятое царство, на тридисятыю землю Подъижжають къ тому помѣсьтiю вёрстъ за двинатцыть, состроили сабѣ комнату и остановилися у ёй хватировать. Потомъ и говорить—Искорка пàрубокъ Дѣвичiй сынъ: слушыли мяне и слушыйтя. Вотъ, говорить,—Суччiй сынъ, иди на мостъ на стражу. Мостъ большой. Будить ѣхыть, говорить, Юда съ тримя головами, штобъ ты яго стрябивъ! Етый братъ ня 'тказавъ. Пошовъ къ мосту и лёхъ, и заснувъ. Искорка пàрубокъ Дѣвичiй сынъ приспавъ царицына сына, а самъ удрухъ стрялой полятѣвъ къ мосту. И ставъ на мосту, ни видить помошника своиго. Такъ пыдъ повночь чуить большэй грюкотъ—ѣдить Юда съ тримя головами. Такъ яго лошади узбѣгли на мòстъ, остановились и зарзали. Бывшы зъ имъ собаки, голосомъ позавыли. Бывшы при ёмъ питухи, и тыи позапѣли. Ёнъ уляквувся, Юда, и говòрить на лошадей: ахъ вы, говорить, песьсiя мясо, говорить, объ чомъ рягòчитя. И на собакъ,—а вы псы объ чомъ скиговитя? Такъ и на питуховъ,—а вы, истрибиная перья, объ чомъ голосъ открываитя? Намъ ровнягъ тутъ нѣту. Ёсь три брата на тридисятомъ царстьви, на тридиситой зямли, дакъ нято што яны сюды зайдуть, дакъ и воронъ косьти ни занясеть! Искорка пàрубокъ Дѣвичiй сынъ отвичаить: ды няворонъ косьти заносить а самъ добрый молодицъ на ворòнымъ кони заижжаить! Юда отвищаить:—Ти ты йздѣсь?—А йздѣсь.—Ну, почанёмъ битца! Ну й почали. Искорка Пàрубокъ голову зьбивъ Юди. Юда отвищаить: Искорка Пàрубокъ Дѣвичiй сынъ, стой, говорить: цари-короли

бъютца, тожъ замиряютца—замиримся й мы, говорить, хуть на малыя уремя. Искорка отвищаить: можно, говорить!—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты свою силу, учомъ ты бъёшъ такъ силно? Икая твыя сила?—А мыя сила, говорить, якъ либядиныя пяро!—Вынивъ свою силу и дунувъ вѣтромъ угору. Пяро полятѣло. Ёнъ дыхнувъ—яно ныздадъ ускочило у ротъ. Спрашуить Искорка Парубокъ:—а ты, Юда, укажи свою силу—чимъ ты такъ силёнъ—икая твыя сила? Етый отвищаить:—мыя сила зъ бобину ростомъ. Бросивъ на мостъ—ина й покатилась. Искорка Парубокъ схвативъ у ротъ и ету *зъѣвъ*. Ёнъ ни съ тярпѣніи бросився битца изъ имъ. Искорка Парубокъ побивъ яго и порубавъ и лошадей, и собакъ, и пѣвнивъ, и змёвъ зъ моста. Самъ скорамъ поспихымъ полятѣвъ у свою комлату и лёгъ спать, бытто ёнъ и ни бывъ тамъ. Суччій сынъ уставъ, дождавши вутра. Пысмотрѣвъ на мостъ: што такое—увесь мостъ у крыви и у перьи. Приходить у свою комнату. Искорка Парубокъ у яго й пытаить: што чувъ, што видивъ. Суччій сынъ отвищаить:—ни чувъ ничаво, и ни бачивъ. Тольки, уставши, видивъ кровъ, косьти и перья. Искорка Парубокъ и говорить: вотъ якей ты у мяне вѣрный! Ну ладно, говорить. Дыжидаить другея ночи и посылаить царицына сына: гляди жъ ты якъ можнѣй строго. Етый пошовъ. „Ну, я такъ, говорить, ни здѣлаю!" Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ Суччиго сына и опять туды на стражу. А етый Царицынъ сынъ подлѣзъ подъ мостъ и лёгъ на брусахъ и заснувъ. Искорка Парубокъ пришовъ узновъ, ставъ на мосту. Потомъ потъ повнычь потходить—чуить грюкоть и колоколы звинять. Такъ сичасъ ѣдить Юда шэсь головъ. Тольки на мостъ узыижжаить, такъ сичасъ лошади еты и позарзали, собаки позаскиготали, пѣвни позапѣли. Ёнъ и говорить, Юда: што вы мяне устращаитя? Мнѣ ровняги нѣту. Есь ровняга на тридисятомъ царстви Искорка Парубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занясеть, говорить. Искорка Парубокъ отвищаить: нѣтъ, Юда, говорить,—ня воронъ чиловѣчицкыю косьти заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони заижжаить. Юда говорить: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну, што жъ ты сюды пришовъ—ти битца, ти кылы мяне пучудитца? Ай будимъ честно расходитца? Искорка твищаить: ни затымъ я йшовъ сюды три годы. Табѣ ни дамъ ходу и на три шаги!—Ну, пошнёмъ воюватца! Бились, бились, ёнъ яму три головы зьбивъ, а три осталось.—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари короли бъютца и тыя замириваютца; здѣлаимъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Можно, отвѣчаить Искорка Парубокъ. Юда говорить: Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ?—Етый отвищаить:—мыя сила, говорить, ни большая,— якъ либядиныя пяро. Дунувъ—яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ—опять на мѣсьти сѣло.

Искорка Пàрубокъ спрашуить: Юда, говорить—укажитя мнѣ свою силу!—Мыя сила, говорить, тожъ ни большая—якъ воловскій орѣхъ. Бросивъ на мостъ, ина покатилась. Искорка Пàрубокъ схвативъ и ету зьѣвъ. Юда узлився—давай битца. Искорка Пàрубокъ узявъ, посѣкъ, пурубавъ и яго, и лошадей и субакъ и пѣвнявъ, и змевъ зъ моста. А самъ пошовъ у свою комлату, узявъ и лёгъ и спить, бытто и ни бывъ ёнъ тамъ. Давъ Богъ день, приходить Царицынъ сынъ. Ёнъ у яго й пытаить:—што чувъ, што видивъ? Етый отвѣщаить:—а што, говорить, ня чувъ ничого и ня видивъ—тольки уставъ, дакъ кровъ зъ моста, дайжа и мяне обкапыло пудъ мостомъ!—Охъ, браты, òтъ якъ вы вѣрно мнѣ слўжитя! Третьтія ночи дожидають, треба ити самому. Искорка Пàрубокъ говорить—ну, брàтія, говорить: натя вамъ колоду картовъ, и прошу я васъ ни спать усю ночь и натя вамъ порожній стуканъ. Когда етый стуканъ сухей кровъю ныбяжить, то якъ сила ваша подбигайтя ко мнѣ на мостъ. Вотъ яны конъ или два у карты згуляли, и на столъ головы поклали. Свѣчи гырять, и яны спять. Искорка Пàрубокъ стоить на мосту. Якъ потъ повнычь—чуить грюкотъ и колоколы звинять. Ѣдить Юда двинатцыть головъ и двинатцыть коній. Якъ узьѣхавъ на мостъ, такъ сичасъ лошади зарзали, собаки заскиготали, пѣвни запѣли, зязюли закукували. Ёнъ и говорить:—што вы, песьсія мясо, рягочитя? ны лошадей. А вы, псы люты, што вы скигочитя? Мнѣ тутъ ровняги нѣту—вы мяне не улякайтя. Есть ровный на тридисятомъ царстви Искорка Пàрубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занясеть, говорить. Искорка Пàрубокъ отвищаить: нѣтъ, Юда, говорить, ня воронъ чиловѣчицкыю косьть заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони заижжаить. Юда говорить: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну штожъ, говорить:—ти воюватца, ти тольки другъ на друга пулюбуватца ты сюды заѣхавъ? Искорка Пàрубокъ говорить: ни такъ любуватца, якъ воюватца.—Ну, говорить, почанёмъ. Бились, бились—двѣ гòловы зьбивъ. Тутъ етый **стуканъ** кровъю сповнйвся. А яны спять. Потомъ Юда говорить: Искорка Пàрубокъ Дѣвичій Сынъ: цари, короли бъютца и тыя замиряютца, здѣлаимъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Замирились. Такъ ёнъ и говорить: Искорка Пàрубокъ, укажи мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ. Икая твыя сила?—Мыя сила, говорить, ни больши, якъ либядиныя пяро.—Дунувъ, яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ, опять на мѣсьти сѣло. А што, говорить, я табѣ показавъ свою силу, покажи и ты мнѣ свою—икая у тябе сила? Етый говорить:—моя сила якъ хунтовое яблыко. Вынивъ яе и бросивъ на мостъ. Искорка Пàрубокъ потхвативъ и ето зѣвъ. Юда разозлився, што ёнъ обидивъ яго. А Искорка Пàрубокъ съ правыя ноги схвативъ сапогъ и запусьтивъ на ету комныту, и зьбивъ яе по вокны. Ўсхватилися етыи яго браты—по зямли сы стукана

пу колѣни наплула кровъ. Удругъ яны побѣгли къ яму—ёнъ шэсь головъ зьбивъ одинъ. Узяли етыго Юду порубили и посѣкли и змяли яго косьти ў ряку. Искорка Пàрубокъ и говорить:—ну, братцы, дайтя мнѣ оддыхи троя судыкъ! А братья 'тъ радысьти спишать домой. Ёнъ отвищаить: - нѣ, я силно зьбився. Оддыхнёмъ троя судыкъ, тоды будимъ ѣхыть. Первыя ночы дыжидають—такъ ёнъ братовъ приспавъ, сьжинывся гòлубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая съ тримя гыловами. Сѣвъ на вокно и забрукувàвъ. Жана Юдина послышила и говорить: Юда мой, биззаконный мой. Ослязивъ тябе Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, осляжу и я яго.—думаить, ето душа Юдина прилятѣла. Будить ѣхыть къ своиму дому, пожалаить пить—я стану криницыю коло дороги и пущу разныя стуканы и напущу разныхъ ядовъ. Якъ глынеть, то трёхъ минутъ ня выбудить. Искорка узявъ у замичанія и полятѣвъ къ братіямъ—браты етыго ни знали. Назаутряго браты рупютца домой, ёнъ ихъ просить пыдождать. Дыжидаить другія ночы, ёнъ сьжинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая мѣла шэсь головъ. Сѣвъ на вокно, загуркувавъ. Ина почула и говорить: Юда мой, милый мой! Оскорбивъ тябе Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, оскòрблю и я яго. Будить ѣхыть до свойго дому—я стану яблыный, и пущу воздухъ на сорокъ вёрстъ. Почуить ёнъ воздухъ и пожалаить яблыкъ. Я повѣшу разныя и насычу ядами. Тольки ёнъ яблыко возьмёть, дыкъ яго на скольки часьтей рызорветь! Вотъ ёнъ узявъ у замичанія и пылятѣвъ къ братіямъ своимъ. Лёгъ, бытто и ни бывъ нійдѣ Назаутряго браты устають и рупютца домой. Опять ёнъ ихъ упрàшиить: оддыхнёмъ хуть одны сутки. Дыжыдаить ёнъ третьтія ночы. Такъ узявъ, братовъ приспавъ, сьжинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, што двинатцыть головъ. Сѣвъ на вокнѣ и забуркувавъ. Почула Юдина жана и говорить: Юда мой, милый мой,—оскорбивъ *тя* Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, оскòрблю и я яго. Будить ёнъ ѣхыть къ своиму дому, а я лягу на яго дорози зьмяёю и займу обширносьти на дватцать пять вёрстъ, длиньнику на сорокъ пять,—ни быйдеть и ни 'бъѣдить. Якъ будить ѣхыть, такъ я на жало яго и схвачу! Ёнъ ето услышивъ, у памить узявъ, и пылятѣвъ къ братіямъ къ своимъ. Чуть на зарю, будить братіявъ своихъ:—ну, вотъ, рибяты—тяперь поѣдимъ! Выбрались ѣхыть, скольки проѣхыли—жилають мижда собой пить, Суччій сынъ и Царицынъ сынъ, и ёнъ жилаить. Ёнъ имъ и отказыить: а ти зьмятили, говорить, воколо дороги, криницу,—вотъ я й видавъ яе, а вы нѣ. Проѣдимъ и напъёмся. Увидили еты братьтя криницу, на выгонки пубижали. Ёнъ имъ отвичаить:—стойтя, я упярёдъ буду пить. Пиритягнувъ нàхристь мèчемъ—пиривратилась вода уся кровъю. Ёнъ затяёть:—нутя, браты, питя воду ету! Яны ни узяли. Скольки проѣхыли, почули яблышный воздухъ—по-

жилали яблыка. Искорка отвичаить: няужли вы ни видали коло дороги яблыны? А я ѣхавъ и видивъ яе! Вотъ мы, говорить, доѣдимъ ды иѐ, здѣлымъ оддышку и яблыкъ нытрисёмъ. Замѣтили браты ету яблынь, и замѣтили яго замичанiю ли криницы. Были бросились, а потомъ назадъ—нутка ты упярёдъ, говорють, покушiй яблыкъ! Ёнъ узявъ, сиканувъ нàхристь **меччу**—потикла зъ иё кровъ, и закричала громкамъ голосомъ—што яго браты пуулякнулись. Ёнъ отвищаить имъ: ето ще намъ ни загадка. А вотъ подъѣдимъ къ загадцы! Скольки тамъ проѣхыли, и видють нѣйкую большую горў, и сказують мижда собою: тоды ни былò етый горы, ни туды мы ѣдимъ!—А вотъ жа уси тыи примѣты, уся тая дорога! Подъижжають ближи. Ина разинула пасьть, вытигнула жало ны вярсту. Подъѣхыли къ ѐй, Искорка Пàрубокъ силно скочйвъ прямо ёй у пасть. И давай яе зъ изыка сѣчь мечимъ и ковалкыми выкидывать. И скызавъ на братовъ: якъ скрозь прорублю, якъ сила проижжайтя скрозь яе. И мою лошадь ни ‘ставляйтя! Увидали браты скрозный ходъ, якъ сила скрозь пролятѣли и провяли скрозь яго лошадь, а яго и пристыновили. Ёнъ остався. А зьмѣя ета пириворотилась назадъ услѣдъ за имъ. Ёнъ стрялою лятить утикать, а ина за имъ. Во, коло дороги стоить ковальскiй домъ; ёнъ и говорить: куваль, кувальскiй сынъ—прикрый мяне отъ нагàлной смерти! А яго домъ увесь чугунный! Дайжи й денника нѣтъ, и сонца ня свѣтить туды. Ёнъ яго упусьтивъ у вороты—вороты чугунныя, и захватили яе на вулицы. Ина узила, кругомъ дому обвилась у три рѣди и почила пролизывать крышу. Отъ трёхъ разъ прогрызла крышу и говорить: куваль, кувальскiй сынъ! Подай мнѣ виноватыго! Куваль узявъ клещи, краспёкъ, ды яе за качки пронявъ клищами наскрозь, и дяржить, и кричить: Искорка Пàрубокъ! иди, говорить, руби мечимъ съ хвоста и ды головы! Етый узявъ яе, почавъ рубить. Дырубивъ ды головы. Во яны узяли ды иѐ у котёлъ. Почали пириваривать и дѣлать яму кобылу. Здѣлали кобылу; ёнъ зы иѐ живъ три годы, у коваля. Ну, говорить, ѣдь жа ты на етый кобыли, ды нийдѣ, говорить, ни остыновляйся. Кыли идѣ остынойсься, то три годы прослужашъ опять. Вотъ, скольки то ёнъ проѣхывъ, уронивъ кнутъ,—тамъ коло дороги тожа самыя жывъ куваль. И узнавъ, што ни простая кобыла ета. Поднявъ яму пугу и узявъ за руку, зачурувавъ кобылу ету, што ина ня можить изъ мѣста сеступить. Ну, Искорка Пàрубокъ, кыли три годы проживёшъ,—поѣдишъ на ёй опять. Тольки ты ни ходи на Ўсiяньскыю горў, и ни гляди на свою сторонў! Ёнъ зачавъ опять жить три годы. Вышавъ на Ўсiяньскыю горў, глянувъ на свою сторону. Бытто помѣвъ замичанiя, што матка водў носить, а батька рубить дровы. Залився слизами. Узыйшовъ на дворъ, куваль затямивъ яго: што, говорить, сходивъ на Ўсiяньскыю гору, пылядѣвъ на

свою сторону? Ёнъ отказываить: нѣтъ, говорить, ни ходивъ—ето я йшовъ по камышывой лозѣ, камышыва лоза колонула ў глаза, и покатилыся зъ глазъ слиза. Вотъ етый Искорка Па̀рубокъ проживъ три годы и туть. Потомъ ѣдить на етый кобыли, дыижжанть до третьтиго дому до царськыго. Тэй царь зыложивъ пути, и занявъ яго на совѣтъ: што, говорить, высватыишъ мнѣ тамъ и тамъ дѣвицу, говорить,—то ты поѣдишъ домой, а ня высватыишъ, то ты й пувякуишъ у мяне, говорить. Сыбяри, говорить, сабѣ двинатцыть мылойцовъ и 'тправляйся у путь. (Имя царя забыто). Ѣдить ёнъ пы дорози, пириѣжжаить ёнъ чиризъ ряку, тамъ сядить ны рякѣ Обпивало,—у ротъ вода бяжить, а зь яго нийдѣ ни видать—нижы яго рика суха—и кричить:—ай, пить хочу! Ёнъ сказыить: здрастуй, Обпивало!—Здрастуй, Искорка Па̀рубокъ. Пойди со мною у свѣтъ!—Ну, пойдимъ! Нямного пройшли, стоить коло дороги хлибопёшня, ублизь города, на двинатцыть пячей хлѣбъ пякуть, и одного Объидалу кормуть. А ёнъ кричить: ай, ѣсь хочу! Здрастуй, Объидала! говорить Искорка. —Здрастуй, Искорка Па̀рубокъ!—Пойди, Объидала, со мной у свѣтъ!—Штожъ, пойдёмъ! Яще пройшовъ—горить городъ. Наскочивъ Гунька, якъ лятѣвъ, наскочивъ на 'гонь, лёгъ у огонь, у самый силный, и ко̀жаю накрывся и кричить:—ай, зьмёрзъ! Огонь путушивъ и кричить: ай, зьмёрзъ. Искорка Па̀рубокъ говорить:—здрастуй, Гунька, пойдёмъ со мной у сваты. Гунька отказыить: пойдёмъ. Няиножко пройшли—стоить Довгошостъ коло дороги.—Здрастуй, Довгошостъ! —Здрастуй, Искорка Па̀рубокъ. Куды Богъ нясеть?—Идёмъ у сваты.—Возьмитя и мяне!—А ходи, пойдимъ,—намъ етакіи люди и надо. Сколькн тамъ урямя пройшли, сядить Лысыя Муха коло дороги. Здрастуй, Лысыя Муха.—А здрастуй, Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій сынъ! Куды Богъ нясеть?—А ў сваты! Возьмитя и мяне!—А ходитя, намъ етакіи надо. Ну, пошли яны. (Набравъ ёнъ сабѣ двинатцыть мылойцовъ). Пришли яны къ етыму царю у сваты прикрасной дѣвицы. Такъ сватъ и говорить: моё сваты. Поставивъ двинатцыть бочикъ вина и пыложивъ имъ двинатцыть пудовъ хлѣба, и говорить: если ето за нычь, говорить, ни распорядитя—то й ни моё сваты! Пошли яны у сарай у етый, и начили пить вино. Етыи выпили по треби по своей, Обпивало выпивъ уси бочки и ў кучу скативъ. И самъ на бо̀чки сѣвъ и кричить: пить хочу̀! А Объидала увесь хлѣбъ поѣвъ—и кричить: ѣсь хочу! Видить ёнъ назау̀триго, што вино попито и хлѣбъ поѣдинъ,—надо оддать ето ужу дочь яму—потомъ говорить: ну, если, говорить, зять мой будишъ, вотъ я ящо табѣ закажу загадку на нычь! Если сотворишъ ето, то дочь будить за вами. Узявъ, напаливъ яму вугульля жару ў ями—если ночь ету пириночуитя у ями у етой, то дочь за вами будить! Сычасъ етый Гунька ложитца въ огонь, накрывся кожую, и по кожи йни пошли зи̇мныи. Лягли яны ўси укрывшись и покрях-

тують, што дужа холодно. Назаутриго уставъ етый царь и говорить: идитя, говорить, хуть косьти ихъ повыкидайтя оттуль. Пришли слуги смотрѣть, а яны крихтять: дайтя намъ хуть погрѣтца! Уходить ёнъ у комнату—бизъ отказу надо дочь отдать. Дочь ета отказываить: позвольтя намъ у саду прогулятца! Пошли у садъ, и давай ина у яго смотрѣть у головѣ. Накинула сонъ, ёнъ и заснувъ. А сама сьскинулась голубкый и пылятѣла, кабъ и соусимъ отлитѣть отъ яго. Такъ сичасъ Муха укусила яго за ж..., ёнъ усхватився—дѣвицы нѣту. Спросивъ у туваришувъ: а дѣ ина дѣлась, у которую сторону пылятѣла? Довгопостъ, видивъ ты? Зьмѣть хуть глазомъ! Довгошостъ схвативъ яго сабѣ на хвостъ, два разы пириворотився и яѐ попирядили. Узяли яѐ ни 'тпущая къ отцу, и пувяли пу своей дорози. Пріижжаить къ етуму царю, а етый царь окруживъ свой домъ и пыкопавъ канавы и напаливъ огнёмъ большимъ. Потомъ и говорить: а што Искорка Пàрубокъ,—живъ ты зь естой дѣвицыю, покуль довёвъ сюды?—Нѣ, каеть, ня живъ. Ну, коли ня живъ—положивъ сухую былину—дыкъ пярейдишъ чиризъ былину, а коли живъ, дыкъ и ни пярейдишъ! А дѣвица узила, ды й дротину уткнула у былину, и ёнъ ни замѣтивъ. Ёнъ и пиряйшовъ. Искорка Пàрубокъ сказуить: а ты, царь, ѣздивъ на моёй лошади?—Нѣ, ня ѣздивъ.—Ну, коли ня ѣздивъ—пиряйди ты по етой былини. И пярейдишъ, коли ня ѣздивъ. Ёнъ узявъ и пошовъ—надѣитца, што ня ѣздивъ. Тольки уступивъ сиряди канавы, а дѣвица ету дротину сморьгъ къ сабѣ—былина пупуламъ, а ёнъ у канаву и упавъ. А Искорка Пàрубокъ зь естой дѣвицый и зьвинчались, и поѣхыли у свое царство. Ды якое було вясельля, вино рякою лилося, и мнѣ дайжа выпить пришлося. У роти то ни було, и по губахъ ни тякло.

Вохотская вол., мстисл. у. **Отъ кр. Никиты Алексѣева, 45 л., негр.**

29. Таратурка.

Якъ живъ царь Василь, и вѣкъ у яго дитей ни было. Занимався ёнъ охвотой-рыболовлій, имѣвъ ёнъ двинатцать рыбаковъ. И вывизали яны неводъ шавковый; работыли три гòды. Поѣхыли яны на мòря рыбу ловить. Проловили трòя сутыкъ, уловили три рыбинки, три вòкуни. Приносють къ царю Василю еты три рыбинки, три вокуни. Тады думшіи, райшіи и гадшіи (думчіе, райчіе, гадчіе—отъ раять и гадать—совѣтовать, думать) совѣтъ прызьнясьли: искушать еты три рыбинки, три вокуни царицы, и родить ина сына—сильнаго могучиго богатыря. Тады царица узила еты три рыбинки, три вокуни, дала изгутувать кухарки. Кухарка обмыла, шилуху и вантробы бросила ны зямлю̀, а сука, подбѣгши, поѣла шилуху и вантробы. И забирѐминила. Кухарка, обгутувавши, нейди изъ середины кусочикъ оторвала и сама тѝхынько поспытала, штобы царица

не ўвознала, и забирѐминила. Тады подали еты три рыбинки, три вокуни, царицы. И царица еты три рыбинки, три вокуни, искушала. И забирѐминила царица. Проносили яны уси три годы. Тады перво сука родила: увесь чиловѣкъ, тольки вухо собаччіе. И доложили царю, што сука родила мальчика. Вялѣвъ гусударь яго принять отъ суки и пирихрясьтить. Нарикли яму йме Таратурокъ — собаччій сынъ. Тады родила старуха кухарка, тожъ мальчика. И етуму йме нарикли Иванъ-кухаркинъ сынъ. Тоды родила царица мальчика, и яму нарикли йме Василій Васильивичъ—царській сынъ.

Тады яны сичасъ посядѣли двѣ нидѣли и стали ходить; и пубижали на волю играть. Таратурокъ-собаччій сынъ сильнѣй усихъ. Котораго ирванеть али скубанеть—яны плачуть, къ царю Василію идуть на жалобу. И уси три зовуть отцомъ: „обидивъ, говорють, насъ Таратурка-собаччій сынъ!" Ну, гусударь имъ и говорить: „вы зъ имъ ни йграйтя, коли ёнъ васъ обижаить: ну тялеснаго наказанія яму ни давайтя!"

Ну, сповнилось имъ по мѣсицу отъ рожденія, и совѣтъ яны друхъ со другомъ прозносють: „пойдёмъ къ отцу свойму, штобы ёнъ вялѣвъ кузницамъ скувать намъ цацки-палицы-булавицы, молодецкіи забавицы; штобы ёнъ намъ пукувавъ и золотомъ поблитувавъ!" Яны пошли къ царю, совѣтъ прознѐсьти. У ихъ спрашиваить царь: „што жа вамъ надо, дѣти мои возлюблѐнныи?" Таратурокъ-собаччій сынъ за ихъ смялѣй, бойчѣй,—царю отвичаить: „тятинька наймилѣйшій, тятинька налюбѣйшій! Намъ надо, говорить отцу Василію, палицы-булавицы, молодецкіи забавицы!" —„А по скольки вамъ нужно фуньтиковъ?"—Нѣ, тятинька: вы ни спрашувайтя фуньтики, а спрашувайтя пудики!—„Ну много ли жъ вамъ надо пудиковъ?"—А мнѣ, говорить, тятинька, надо двинатцать пудиковъ!—„Ну табѣ, Иванъ-кухаркинъ сынъ, скольки нужно?"—Мнѣ восимъ, говорить, пудиковъ.—„Ну табѣ, Василій Васильивичъ, много ли нужно?"—А мнѣ, тятинька, шэсь пудиковъ нужно! Ну, у царя, правду бають, ня пиво варить, ня вино курить, жалѣза ни пукупать и по кузьницахъ ни хлопотать. Вялѣвъ гусударь пукувать имъ палицы-булавицы и золотомъ поблитувать, и имъ на руки подать. Яны узяли еты палицы-булавицы и пубижали ў чистыя поля, у зялёную дуброву, пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ размахнувъ-размахнувъ, и бросивъ ету палицу-булавицу уверьхъ, и ускинувъ зъ виду вонъ. Тады лятить ина зверьху, ёнъ узявъ, подставивъ лобъ и ѳдарилась палица булавица объ ягоный лобъ, и рассыпалась по маковому зярну,—уси двинатцать пудиковъ. Тады, на яго глидя, бросивъ и кухаркинъ сынъ зъ виду вонъ свою палицу-булавицу. Етый подставивъ колѣно, и ў яго тожа разлятѣлась палица-булавица на много-много часьтей,—тольки крупнѣй. Тады бросивъ и Василій Васильивичъ: забросивъ свою палицу-булавицу

зъ виду вонъ. И подстановивъ колѣно, и ина рассыпалась на много долій. Узяли яны еты куски и понясьли къ царю, зачимъ царь зд́ѣлавъ малыи палицы-булавицы.—„Дѣти мои! много шъ вамъ надо прибавки?“ Таратурокъ-собаччій сынъ ‘пять жа отвичаить упрѐдъ своихъ братовъ: —„мнѣ, говòрить, надо дватцать чатыри пуда!“ Кухаркинъ сынъ говòрить: „мнѣ двинатцать пудовъ нужно!“—А мнѣ, говòрить Василій Васильивичъ-царській сынъ, надо десить пудиковъ, и будить зъ мине дòсить!—‘Пять жа пукували палицы-булавицы: Таратурки дватцать чатыри пуда, кухаркинуму сыну—двинатцать пудовъ, а Василію Васильивичу десить пудовъ; золотомъ поблитували, и имъ на руки подавали. Яны ‘пять жа узяли палицы-булавицы, и пубижали у чистыя пòля, у зялёную дуброву пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ ‘пять жа размахнувъ и забросивъ палицу зъ виду вонъ; лятить ина узадъ,—ёнъ подставивъ колѣно; палица-булавица тольки увогнулась, а ни разлитѣлась. Вось яны тады акъ пубижали, и ўсё бросають палицы уверьхъ, и бягуть усё дальшы и дальши у чистыя пòля, у зялёную дуброву. И збѣгли яны на третьтія чарьство, на читьвёртое гусударьство. Убигають у зямлю Юды-антіюды биззаконной головѣ, у чарьство яго.

Убѣгли яны у городъ. Ёсь и питяньнё и ядиньнё, ну народу нѣтути. Яны день зъ вутра до вечира пили-гуляли, у карты играли, на сабѣ ничаво ни сподивались. Бывъ день, даёть Бохъ ночь. Таратўрокъ-собаччій сынъ давай жѐрибья митать, кому быть большимъ братомъ, и къ калинувуму мòсту, къ огняной ряцэ на караулъ ити. Упавъ жерибъ самымъ молодшимъ братомъ быть кухаркинуму Ивану, и на первую ночь на караулъ ити къ калинувуму мосту кы ‘гняной ряцэ. На другую ночь Василію Васильивичу сяреднимъ братомъ быть и на караулъ ити кы ‘гняной ряки; на третьтію ночь Таратурки-собаччіиму сынў на караулъ ити и быть старшимъ братомъ.

Увечири Иванъ-кухаркинъ сынъ пойшовъ на караулъ къ калинувуму мосту, кы ‘гняной ряки; ставъ, нимношко коло мосту постоявъ, коло ‘гняной рякѣ. И хто-то тамка тропнувъ, али лопнувъ, пыдъ мостомъ. Ну, кухаркинъ сынъ етыго дѣла спугався и оттулька утёкъ и ў ясьли, у стадоли, у сѣно зарывся и проспавъ усю ночь. А ёнъ жа, Таратурокъ-собаччій сынъ, узявъ палицу-булавицу и пойшовъ къ калинувуму мосту, кы ‘гняной ряки, пубачить, ти ёсь гэто Иванъ-кухаркинъ сынъ на караули? Прийшовъ жа ёнъ къ мосту и ни найшовъ молодшыва брата Ивана-кухаркинывa сына. И ставъ ёнъ коло мостў, коло ‘гняной рякѣ. Вось ёвъ Таратурокъ-собаччій сынъ слышыть—ѣдить Юда-антіюда-биззаконная голова, ву вторымъ часу у ночи,—на вòдныхъ пличахъ девить головъ. Счасъ кони яго зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крик-

нувъ громкимъ голосомъ и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ девять вустовъ: вовчія мясо, чаво вы ржѐтя? песьтія мясо, чаво вы брешытя? орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника. Тольки ёсь у третьтимъ чарьстьви, у читьвёртымъ гусударьстьви Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня то, што трёхъ годъ, и трёхъ мисяцо̀въ нѣтъ, яво сюды воронъ косьсй ни занясѐть!“ Ну, Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ и съ палицый-булавицый, молодецкой забавицый:— „ня во̀ронъ, говорить, косьси заносить, а самъ добрый молодецъ заходить“.—А, ты, говорить, ёсь? —„Ёсь“.—На обѣдъ, къ завтриму поспѣишъ.—Нѣ, гово̀рить,—пода̀висься. —„Выризай, гово̀рить, Таратурокъ-собаччій сынъ, токъ, выровняй горы и рвы, штобы было ровно на пидьдисятъ вёрстъ, а я буду пузулачивать!“ Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ—на шысьдисятъ пять вёрстъ вырizавъ токъ.—„Ну, Юда-антіюда-биззаконная голова, позолачивай токъ на шысьдисятъ пять вёрстъ!“ Юда-антіюда якъ фукнувъ,—вызолотивъ токъ на шысьдисятъ вёрстъ, а на пять вёрстъ силы у яго ни хватило, съ усихъ девять вустовъ. Тады говорить Таратурокъ: „ну, што намъ такъ спиратца? урема, говорить, намъ съ тобой ужу дратца!“ Вотъ яны бися-дярися, бися-дярися, и Таратурокъ-собаччій сынъ знявъ Юды-антіюды девить головъ своёй па̀лицый-булавицый; и збивъ коней, хортовъ и соколовъ, и въ огняную ряку посадивъ. Тады Юды-антіюды голо̀вы потрубивъ, отъ тулова посорвавъ, каминь узворотивъ и подъ каминь положивъ. Тады опять пойшовъ у комнату и лёхъ на своё мѣсто. Заря занимаитца, куфаркинъ сынъ обчинаитца, у стадоли, у ясьляхъ, у сѣни, и идѐть къ старшаму брату, якъ бы у роди съ каравула. Ну, Таратурокъ и спрашиваитъ у яго: „ну, што, гово̀рить, Иванъ—младшій братъ, ти бывъ ты на каравули коло калиновава моста, коло ʻгняной рякѣ?“—Бывъ, братицъ.—„Ти ни видавъ ты ково, ти ни слыхавъ чаво? Можа пяшо̀й пройшовъ, али на коні хто проѣхавъ?“—Нѣ, братъ: ни видо̀мъ ни видавъ, ни слыхо̀мъ ни слыхавъ, и птица и тая ни пролитѣла.—„Вотъ ето хорошо, ды ня дужа: а худо, ды ни усимъ!“

Ну, яны етый жа самый день пили-гуляли, у карты грали, на сябе ничаво ни сподивались. Бывъ день, даетъ жа ʻпять Бохъ ночь. Таратурокъ-собаччій сынъ посылаитъ сяредниго брата, Василія Васильивича царськаго сына, къ кулинувуму мосту, кы ʻгнянэй ряцѣ на каравулъ. Пойшовъ Василій Васильивичъ къ калинувуму мосту, кы ʻгнянэй ряки и ставъ подъ мостомъ. И хто-то тамъ тропнувъ, али лопнувъ, ну, Василій Васильивичъ ахти спугався и утёкъ оттуль у стадоль: „што, гово̀рить, мнѣ, царському сыну, пришлось стоять на каравули коло калиныв аго мосту, коло ʻгняной рякѣ?“ Тады ёнъ пойшовъ у тоя стадоля и у тыи

ясьли и лёхъ у сѣни спать. Ну, Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа захотѣвъ взнать, ти ёсь ето сяредьній братъ на каравули коло калинываго моста, коло гнянэй рякѣ. Узявъ палицу-булавицу и пойшовъ туды. И нѣтути сяредьниго брата на каравули. Ну, ёнъ и ставъ подъ мостомъ. Простоявъ ёнъ до третьтиго часу у ночи, и слышить—ѣдить другой Юда-антіюда биззаконная голова, на 'дныхъ пличахъ двинатцать головъ. Сичасъ яго кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крикнувъ громкимъ голосомъ, свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ двинатцать вустовъ: вовча мясо, чаво ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешытя, орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника! Тольки ёсь у третьтимъ чарьстьви, у читьвёртымъ гусударьстьви Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня тольки трёхъ годъ, трёхъ мисяцовъ нѣтъ, яво воронъ косьси сюда ни занясеть, ня то, што ёнъ самъ зайдить. Ну Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ, съ палицый-булавицый, и говорить: „ня воронъ косьси заносить; а самъ добрый молодицъ заходить.“ —„Ти ты, говорить, ёсь?“ — „Ёсь“. — „На обѣдъ къ завтриму поспѣишъ!“ — „Нѣ, подависься“. — „Вырізай, Таратурокъ собаччій-сынъ, токъ на семдисятъ пять вёрстъ, а я буду пузулачивать!“ Вотъ Таратурокъ якъ фукнувъ: вырізавъ токъ на сто двадцать пять вёрстъ!—„Ну, Юда-антіюда биззаконная голова,—вызылачивай токъ на сто дватцать пять вёрстъ. Юда-антіюда якъ фукнувъ,— вызылотивъ токъ на сто вёрстъ, а на дватцать пять вёрстъ силы у яго ни хватило. „Што, говорить Таратурокъ, мы будимъ съ тобой спиратца,— уремя намъ дратца!“ Тады яны бися-дярися, бися-дярися, и збивъ Таратурокъ-собаччій сын Юды-антіюды уси двинатцать головъ, и узвярнувъ каминь, выложивъ ихъ подъ каминь; тады побивъ ягоныхъ коній, хортовъ и соколовъ, и бросивъ усихъ въ огняную ряку, а самъ пойшовъ домовъ и лёхъ спать на своёмъ мѣсьти. Заря занимаитца, сяредьній братъ обчинаетца, у стадоли, у ясьляхъ, на сѣни, и идётъ къ старшаму брату, какъ бы уроди съ каравулу. Таратурокъ у яго спрашиваетъ: „ти бывъ ты, братъ, на каравули“?—Бывъ, баитъ ёнъ. „Ти ня видивъ ты ково? ти ня слышивъ чаво? можа пѣшій пройшовъ, али конный проѣхывъ?“ —Нѣ, братъ, ни слыхомъ ни слыхавъ, ни видомъ ни видавъ.—Ну, ето хорошо, ды ня дужа, худо, ды ни сусимъ!

Яны етый жа самый день пили, гуляли, у карты играли, ны сябе ничаво ни сподивались. Бывъ дѣнь, даетъ Бохъ ночь. Приходитца ити на ету ночь самому Таратурки-собаччиму сыну. Тады ёнъ увечири ставляить на вокнѣ стаканъ водки и стаканъ воды, и свѣчку восковую ставитъ на столѣ, и свѣчку сальную тожа ставитъ на столѣ; а имъ кладетъ дванатцать колодъ картъ, и ихъ просить и приказываитъ: мотритя, братцы

пійтя-гуляйтя, прохлаждайтись, на сибе ничаво ни спыдивайтись, ну спать ни укладайтись, на ети вещи посматривайтя, што я на столѣ посновійвъ! Вамъ я объисню ястьвинной правдой: коли пойдѐть изъ горѣлки кровъ, тады мы тольки будемъ мѣть звиданьня зъ Юдой-антіюдой биззаконной головой; коли съ сальнэй свѣчки пойдеть кровъ, тады пойдёмъ зъ нимъ дратца; коли пойдѐть кровъ зъ воды, тады ёнъ станить мяне осиливать; коли пойдеть кровъ зъ восковой свѣчки, тады ёнъ мяне убъеть! И до тыхъ вы поръ ни бяжитя, покуль кровъ зъ воды ня увидитя; ну коли увидитя кровъ зъ воды, тады бягитя съ палицый-булавицый кы 'гнянэй ряки, къ калинувуму мосту, бяжитя на вотборо̂ну мяне, на сохраненьня души моёй! И самъ пойшовъ. Пробывъ жа ёнъ урема коло семъ часовъ коло калинываго мосту̂, коло 'гнянэй рякѣ, ожидавши Юду-антіюду биззаконную голову. А яго усё нѣтути. Яны тольки здѣся грали чатыри годіины и улягли́ся спать крѣпкимъ богатырськимъ сномъ, бизъ жадный опаски. И слышить Таратурокъ-суччій сынъ, што ѣдить Юда-антіюда биззаконная голова, зимля стонить, лѣсъ вянить, зъ дуба листья валютца,— вужась шипко ѣдить,—на 'дныхъ плечахъ питнатцать головъ, самый на̂большій братъ,—и двѣ головы пы большущиму пивному котлу. Кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали; ёнъ на ихъ крикнувъ: вовча мясо, чаво вы ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешитя, орлиныя перья, чаво вы свищитя? На усимъ бѣлымъ свѣти противъ мяне нѣтути супротивника, тольки ёсь равенъ мнѣ у третьтимъ чарьстьви, у чатьвёртымъ гусударьстьви Таратурка-собаччій сынъ: но ёнъ младъ, яму нѣтути трёхъ годъ, дажа и трёхъ мисяцо̀въ; яво воронъ косьсей сюды ни занясѐть!—Тататурокъ-суччій сынъ изъ подмосьтя выбихъ и баить: „ня воронъ косьси заносить, а добрый молодецъ самъ заходить. Здорово, Юда-антіюда, биззаконная голова! я учира съ твоимъ братьтямъ витався, а сяни съ тобою повитаюсь!"—„Ти ты тутка ёсь?" Ёсь,—баить Таратурка.—„На обѣдъ мнѣ поспѣишъ!"—Нѣ, подависься.—Выризай, говорить Юда-антіюда, токъ на двѣсьтя пидьдисятъ вёрстъ. Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ, вырязавъ токъ на двѣсьтя дватцать пять вёрстъ.—„Ага, говорить: малъ, Таратурокъ, токъ."—Будить зъ насъ, ня дѣти у насъ, а дѣти будуть, самы добудуть. Тады Юда-антіюда пузулотивъ токъ на двѣсьтя семдисятъ пять вёрстъ, —на пидьдисятъ больши Таратурки. Вось, яны тады узялися битца: бися-дярися, бися-дярися,—Таратурокъ отрубивъ яму пять головъ съ плечъ, а Юда-антіюда убивъ Таратурку у зямлю по колѣно.—„Ну што, говорить Таратурокъ: Юда-антіюда! цари-короли дярутца и оддышку маютъ, —будимъ и мы оддыхать.—Ну, кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ!—Ну, поспѣю, а будимъ оддыхать. Тады ёнъ вылизъ зъ зямли, узявъ, зъ лѣвой ноги сапохъ зьдѣвъ и якъ фукнить у етый домъ, гдѣ яго

браты Иванъ и Василій; увесь домъ звыротивъ ды потолка, на потолокъ сапохъ узлятѣвъ,—браты ни сочнулись.—Ну, говорить Юда-антіюда: досыть намъ оддыхать, будимъ дратца! хыть съ онной головой останусь, а усё зъѣмъ! Тады яни 'пять жа узялись битца: бися-дярися, бися-дярися, ящо збивъ Таратурокъ Юди-антіюди три головы, а ёнъ убивъ Таратурку у зямлю по самый поясъ.—„Цари короли дярутца и оддышку мѣють; будимъ оддыхать!"—просить Таратурокъ—собаччій сынъ.—„Кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ".—Поспѣю, а будимъ оддыхать! Вылизъ тоды Таратурокъ изъ зямли, зьдѣвъ опослѣньній сапохъ и бросивъ у братовъ: знявъ по самыи вокны хату, и сапохъ улятѣвъ у вокно и пупавъ у затылокъ Ивану кухаркинуму сыну; ну столика ни захвативъ. Тады яны ускочили и смотрють на етытъ столикъ, якъ примѣты пока жуть: ти живъ старшій братъ, ай нѣ? Пысмотрять—съ усихъ чатырёхъ вящей кровъ идёть, и на столъ канула, ну со столика ни канула. „Ну, одначи, бають, во што, братъ: живъ ня живъ большій братъ, а пубяжимъ якъ можно пыскорѣй къ калинувуму мосту, кы 'гнянэй рякѣ! Потомъ оглянулись, и яго жа обувъ тутъ, и говорють: „вѣрно ня живъ нашъ братъ, коли яго сапоги тутка!" Ну схватили яны свои палицы-булавицы, молодецкіи забавицы, и пусьтились бѣхть кы 'гнянэй рякѣ. „Ну, Юда-антіюда биззаконная голова, говорить Таратурокъ: урема намъ дратца!" —Ды й пора! кольки ни оддыхай, а усё я тибе зъѣмъ! Ну Таратурокъ видить ето дѣло, што яго братьтя бижать, и отвичаить яму смѣло: „а нѣ! обжарёсься!"—Што ты, говорить Юда-антіюда, смѣлъ ставъ?—„А то, што я тибе ни боюся, што я тибе зразу убъю, на похватъ мало!" —Съ чаво ты силу узявъ?—„А мнѣ, говорить; Бохъ давъ!" И съ одново змаху яму двѣ головы знявъ. Тады и братьтя яго подбѣгли, и давай яго ззаду валять. А Таратурокъ-суччій сынъ упавъ, якъ мёртвый, што дужа измаився. Братьтя яго съ охвоты начали яго рубить палицамъ—булавицамъ и зняли яму чатыри головы съ плечъ; остаетца у яго таперь онна голова, самая нàбольшыя—корнивáя. И Юда-антіюда биззаконная голова опусьтивъ руки и припасъ свой бросивъ объ зямлю и крикнувъ громкимъ голосомъ, просивъ прощеньня у отца-матири и милыхъ своихъ сяьстёръ: „тятинька и маминька, и сястрицы! прощайтя мяне: убивъ мяне Таратурокъ суччій сынъ, сильный могучій богатырь!" И яму зукъ дала у етымъ мать яго, съ таво града, агдѣ жили Таратурокъ и братьтя яго троя сутыкъ.

Тады добили Юду-антіюду биззаконную голову, изняли опослѣньнію голову. Тады Таратурокъ-суччій сынъ и говорить братьтямъ: во почаму я подався Юди-антіюди: во на твоёй ночи, Иванъ, я зьнявъ мяньшому Юди-антіюди девить головъ, девить хортовъ, девить соколовъ и девить коней збивъ! А на твоёй, Василій Васильивичъ, я убивъ и фторова Юду-

антіюду, и знявъ яму двинатцать головъ, убивъ яго двинатцать хортовъ, двинатцать соколовъ и двинатцать коней! Вò почаму у мяне на пять головъ силы ни хватило! И тады сичасъ узвыротивъ каминь и пыказавъ имъ обиду, тыи голòвы, што знявъ зъ Юдій-антіюдій.

Посли жъ таво пошли яны опять у тотъ горотъ, агдѣ Таратуркины сапоги лижать. Яны лягли спать, Иванъ и Василій, а яму, Таратурки, некыли спать, треба дѣло узнать: гдѣ ето дужа рыкнуло голосомъ у тымъ у городи, якъ прощався Юда-антіюда. Ёнъ пошовъ хлипонъіствуя коло вОконъ, коло комнатъ. Приходить къ оннэй комнати у скрытымъ мѣсьти, коло зилинòва саду, и слышить чиловѣчьимъ голосомъ разговоръ. Ёнъ подойшовъ ближи таво къ дзярёмъ: совѣтъ прозносють дѣвицы у рёхъ онна съ оннэй, якъ бы звесть съ свѣту етыхъ трёхъ богатырей. Онна говорить: „я, сястрицы, ихъ звяду су свѣту!“—А якъ жа ты звядешъ ихъ, коли яны сильныи могучіи богатыри?—„Нѣ, сястрицы, звяду; яны ня будуть ни знать, ни вѣдыть! Яны пойдуть у такую то зямлю, у такѐй то горотъ; я ето знаю, такъ я накину на ихъ вяликій жаръ и сонъ, будуть яны бѣхть и валитца, сонъ ихъ будить клонить, а жаръ палить; а я, говорить, обярнусь у стадоль на горочки, тисовою крыватькой, пуховой пяриной, шубой вызылачиваный, и будить тамъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій. Тады яны прибягуть туды, а я упредъ залячу: яны лягуть спать, на мнѣ, на тисовый крывати, на пуховый пярини: якъ уснуть, я ихъ задушу. Вотъ якъ я ихъ звяду!“ А другая говорить: нѣ, сястрица, ты ни звядешъ ихъ су свѣту, а во я звяду!—А чимъ ты ихъ звядешъ?—Вотъ якъ звяду: накину тожа палъ и займу рѣки и озёры; и будуть яны бѣхть и валитца, ну воды нигдѣ ни найдуть. А я оборочусь сама ключкомъ, криничной водичкой, обрубикъ будить сяребриный, ковшичикъ золотэй. Яны по ковшичку выпьють, тады я ихъ разорву! Во якъ я ихъ звяду! Ну третьтія говорить сястрица: вотъ я ихъ звяду!—Ну, а ты якъ?—А вотъ якъ: накину нà йхъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, оздухъ яблышный-виноградный, а еты древы я поунистожу, сама оборочуся яблыной, разными яблычками самоцвѣтными драгоцѣнными. Якъ яны подойдуть и пы яблычку зъядуть, то я у ихъ сэрца повырву! Ну мать ихъ говорить: нѣ, дѣтушки, вы ихъ ни звядетя, вотъ я ихъ звяду.—А ты, матушка, якъ ихъ звядѐшъ?—А вотъ якъ: оборочуся свиньнёй, одинъ лычъ будить рыть у неби, а другей у зямлѣ: якъ ихъ нагоню, то ихъ усихъ и прожру—зъѣмъ! Прослухавши усё, Таратурокъ-суччій сынъ, пойшовъ къ братьтямъ: позно, говорить, тутъ спать; живо времьмя у походъ ступать! Тады и пубижали яны зъ етаво города вонъ.

Бяжи яны, бяжи, бягуть и валютца, сонца жарить, сонъ клòнить, прибигають къ етый стадоли. Ну браты яго гетаво дѣла ни знають.

—„Братиць, говорють: позволь здѣся ляхтѝ заснуть, очинно здѣся прилесно: оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, тясовая крывать съ пуховый пириный! - „Нѣ, говорить, вы малыи браты, а я большій! я перши засну!“ Тады сычасъ подымавъ палицу-булавицу, молодецкую забавицу, якъ тиснувъ палицый по узголовью, по тясовый крывати, по пуховый пярини, такъ у кучу и ссадивъ зразу, пàтрушки еты у мисьтяхъ зложивъ. Уторэй разъ якъ цапнувъ пàлицый-булавицый, тольки лужина крови потикла, и ничаво ни стало. Во, говорить, братцы: ето ня сонъ, а зрада наша! И ни зыхотѣлося имъ спать никольки. Опять пубижали. Бигуть и валютца, уста у ихъ смагой заросли, пить смерть хочитца, нѣтуги на свѣти воды нигдѣ, ни ряки, ни возира, ни разнэй узнòрины. Прибигають къ руччю съ сяребринымъ обрубцамъ, зъ золотымъ ковшичкомъ.—Што, говорють, старшій нашъ братъ: смерть наша, позволь напитца по ковшичку воды! —„Нѣ, братцы, я большій братъ, я перши выпъю ковшичикъ, али два. Тады якъ цапнувъ палицый-булавицый по етыму обрубцу, ёнъ яго зломивъ. Тоды ковшичикъ пыложивъ и другей разъ якъ цапнувъ.—ничаво здѣся ни стало: ни криницы, ни обрýба, ни ковшика, тольки рѣзыная кровъ потикла руччёмъ. А имъ ни стало ни жару, ни палу, и пить ни захотѣлось. Тады опять пубижали яны. Бягуть, оздухъ мѣють лёхкій, запахъ хорошій, ѣсь жилають, ды нечива: тады прибигають къ яблыни: вочинь красивая яблыня, яблыки самоцвѣтныи, драгоцѣнныи, ни то, што рукамъ ихъ ирвать, можнò вустамъ узять. Браты опять просють Таратурку: „позволь, братиць, зъѣсь намъ пы яблыку“. А ёнъ имъ отвичаить: „вы молодшіи браты, а я старшэй: перво я зъѣмъ, можа два, а можа и три“. Тады ёнъ подскочѝвъ къ яблыни и цапнувъ яѐ палицый-булавицый пыдъ макушку: суччя ето обломивъ! За другей разъ съ пня зваливъ. Тады узявъ, умисьтяхъ зложивъ и третьтій разъ якъ цапнувъ палицый-булавицый—потудова й дѣла ни стало, тольки лужина крови потикла. А яны ни хотѣли разныхъ хруктовъ, а сами пубижали утикать. Прибигають яны къ воловнику, и ёнъ мѣить тысичу воловъ и пять сотинъ быковъ. „Ну, здорово, воловникъ!“—Ну, здорово, Таратурокъ-суччій сынъ!—„Братъ воловникъ, ни бай, што мы тутытька ишли: ти знаишъ ты свинью? ина гонитца за намъ!“—Во, братъ Таратурокъ-суччій сынъ: якъ мнѣ иѐ ни знать, коли я иѐ на днѝ по пити разовъ видаю.—Тольки я иѐ ни боюсь: у мине волы хороши, а мижъ тово волы-полы и быкикнарасы,—на рогахъ подымуть иѐ, и ничаво ина мнѣ ни здѣлать! „Пыжалуста ни бай, што мы тутытька ишли!“—Питнатцать рублёвъ, тоды ни скажу! Ёнъ давъ яму дватцать рублёвъ.—Скажу, што шовъ старикъ у питнатцатомъ году съ торбычкой и съ кійкомъ; ходѝть табѣ, баба, съ торбый и съ кійкомъ! Яны опять пубижали. Прибигають къ конюху; ёнъ

мѣить двѣ тысичи конёвъ и повторы тысичи жирянцовъ-сивцовъ-бурцовъ, вѣщихъ караўльцывъ. „Здорово, конюхъ!“ -- Здорово, Таратурокъ-суччiй сынъ, куды идёшъ, куды путь дяржйшъ? — „Эхъ, братъ, конюхъ: иду и самъ ня вѣдыю куды, дяржу путь дли таво, и самъ ни вѣдыю дли каво“. — Ды што ты мнѣ врёшъ: ты утикаишъ отъ вѣдьми-свиньни! — „А ти знакома ина табѣ?“ — А якъ жа ина мнѣ ни знакома? Ды я иё ни боюся, у мине кони хороши, а мижъ тово жирянцы сивцы-бурцы, подымуть ие на копытàхъ, ды на зубахъ. — „Братъ, конюхъ, ни сказывай, што мы тутыськи ишли!“ — Пидьдисятъ рублёвъ, тады ни скажу! Ёнъ давъ яму сто рублёвъ. — Скажу, баить конюхъ, што у дватцать пятомъ году пройшовъ старикъ. Тады яны сутки убигають, Таратурокъ къ зямлѣ прилигаить, ти слышить вухомъ чиловѣчискимъ: ти бяжить свиньня! Чиловѣчискимъ вухомъ ня слышить. Тады прилёхъ собаччимъ вухомъ, и слышить: бяжить свиньня вужасно шпарко, ажъ зимля стонить! Тады яны давай шпарчѣй таво утикать. Прибигають къ кузняцу̀ Соломону, и въ яго двинацать учильникòвъ-кузняцовъ, и усё сильныхъ богатырёвъ. И въ ётаво кузница̀ усё жалѣзный тынъ, мидяныи ворòты, а пыдворотни зъ рыббiй косьсй. Тоды сичасъ и говорить Таратурокъ суччiй сынъ: „кузнецъ Соломонъ! отопри вороты!“ — А што, говорить, тй пупався, братъ Таратурокъ, къ вѣдьми-свиньни? Ёнъ яму отпёръ вороты. „Ну што, братъ, избавъ ты насъ отъ вѣдьмы-свиньни, штобы йна насъ ня зъѣла“. — Могу, говорить кузнецъ Соломонъ: тольки дай тыщу рублёвъ. — „Во табѣ, братъ, двѣ тыщи, тольки избавъ!“ Тады сичасъ бяжить свиньня: одинъ лычъ рыить у зямли, а другей лычъ у неби. Прибигаить къ воловнику и стала удали: „воловникъ, воловникъ, ти видивъ ты трёхъ богатырёвъ?“ — Нѣ, говорить, вѣдьма-свиньня, ня видивъ! я бы и тибе ня увидивъ, коли бъ ты на глазы ни нывярнулась. А пройшовъ старикъ у питнатцатомъ году зъ торбой и съ кiйкомъ; и ходить табѣ тожа съ торбой и съ кiйкомъ на вѣки. Йна бросилась къ яму, а яё якъ пыдняли волы-полы и быки кнарасы на рогахъ своихъ, тады йна оттуль ходу! И прибѣгла къ конюху; а ёнъ пасѐть конёвъ на рѐстонькахъ. „Конюхъ, конюхъ! ти ня видивъ ты трёхъ богатырёвъ? Который яны дорогый ишли?“ — Я бы и тибе ня видивъ, коли бъ ты на глазы ни пупала! А здѣся пройшли у дватцать пятомъ году три старики! Ина и оттуль лызу. И прибигаить къ кузняцу̀ Соломону. „Кузнецъ Соломонъ, отпирай вороты! — А на што табѣ отпирать?“ — „На то, што ни сохраняй Таратурку суччаго сына: ёнъ моихъ трёхъ сыновъ и трёхъ дочокъ звёвъ, и я яго звяду“. — Нѣ, вѣдьма, ни звядёшъ. — „Нѣ, звяду“. — А чимъ табѣ отпирать вороты, ты лучче лижи вороты, а я табѣ Таратурку пыдамъ на лопати. Йна якъ солупнула, половина доски ссадила, — а ина у три аршины была; другѐй разъ якъ

олупнула, и дирку нибольшую прылизала: третьтій разъ якъ солупнула, и языкъ уложила. А кузнецъ Соломонъ вялѣвъ своимъ масьтирамъ распалить красно клящей, и узять которыи молотки половчѣй, и зхватить свинью. И зхватили яны иё клищамъ яснымъ-зы языкъ увосьмихъ, и давай задавать молоткамъ тижолымъ: бей, бей,—збили на кобылу! И Таратурокъ-суччій сынъ узявъ уздечку и ету кобылу забрытавъ, и спросивъ повѣсмо льну и самъ сѣвъ вярьхомъ и говорить: если ето добрая кобыла и у ей нѣтути ничаво свинова, то я повѣсмо льну запалю и кругомъ тыну обскачу̀, и ёнъ ни згорить! Третьтію часть двора ни объѣхавъ, а лёнъ спыжѣвъ. „Што, братцы товарышы, распякитя клящѝ яснѣй, зададимъ ей половчѣй: ина у насъ таперь подъ рукамъ стала!“ Зхватили иё клищамъ и давай бить: збили ие на малинькую кобылку, якъ бы трёхъ лѣтъ. Тады Таратурокъ-суччій сынъ узявъ повѣсмо льну и зажохъ, и кругомъ двора объѣхавъ и половина ни згорѣла. „Ну, таперь будить ие бить!“ Тады узявъ, своихъ братовъ Ивана и Василія отправивъ у отцовскій домъ, „ну я, говорить поѣду дальши тово!“ Кузняцу Соломону выкинувъ ящо двѣ тыщи, и сѣвъ на ету кобылицу и поѣхывъ у тёмный лѣсъ, у щирый боръ дорогый.

Прыижжаить питнатцать вярстовъ, стоить сосна тритцать обхватывъ, возли дороги: на етый соснѣ сядить дѣдъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, калита двинанцать яловицъ влизаить: мѣить ёнъ при сабѣ пушку-свистушку-смылянушку, двинанцать сажонъ дылины, и уся гвоздямъ всажина вострыми. „Здрастуй!“ говорить Таратурокъ-суччій сынъ.—„А! ета ты, Таратурокъ-суччій сынъ! ты мнѣ много урону надѣлавъ: звёвъ мою усю хамилію: сыновъ, жану и дочокъ! И я тибе со свѣту звяду!“—„Ну ни прійдитца, штоба ты мяне со свѣту звёвъ, старый дуракъ“. Тады ёнъ етый пушкой-свистушкой-смылянушкой якъ смылянѐть съ сосны: ни пупавъ по Таратурки, а пупавъ по кобыли! Такъ кобылу и пирирубивъ пупуламъ, якъ траву! остався Таратурокъ бязъ лошади! Скочивъ ёнъ къ етуму дѣду на сосну, схвативъ яго за бороду и вдаривъ яго головой объ сосну! И давай ящо прибувлять своёй палицый-булавицый. Голову яго побивъ, бороду яго усю изодравъ, пушку-свистушку-смылянушку отобравъ, калиту яго разодравъ, говядину птицамъ воронамъ и сорокамъ оддавъ,—а самъ и пойшовъ пяшёй.

Усходить ёнъ къ вяликуму полю, коло барськаго двору, и видить выносить богатырь мѣхъ иржы, нямножко—тольки сто читьвяртей иржы; отсюль, съ поля бяреть стохъ хлѣба и нясеть домовъ, и вдарить объ зямлю, смолотить, и зярно высыплитца. „Бохъ помочь, Коробъ-Коробанывичъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ. Што, братъ: скажи ты пѣвную правду: куды ты йдёшъ, куды путь дяржишъ?

—„А я иду туды, самъ ни знаю куды, путь дяржу дли того, самъ ни знаю дли кого“.—Нѣ, братъ Таратурокъ! я знаю, што ты идёшъ къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! Возьми мяне у товаришы!—„А, кому ни нады товаришы, а мнѣ пять-шесь! ступай зъ Богомъ“. И пошли Коробъ Коробанывичъ съ Таратуркомъ у дружби.

Проходють яны одни сутки, сѣить Сявбитъ жито: сто читьвяртей у сивалки держить на пличахъ, и жито на зямлю бросаить, и ў тёмныи облаки смотрить: хорошая луна узойдёть—сѣить, плохая—стоить. „Народи Божа, Сявбитъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ! куды идешъ, куды путь дяржишъ?—„А я иду туды, самъ ня вѣдаю куды, путь дяржу дли таво, самъ ни знаю дли каво“.—Нѣ, я знаю, ты идёшъ къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! возьми мяне у товаришы.—„А, кому ни надо товаришы, а мнѣ пять-шесь, ступай зъ Богомъ!“ Поснавивъ Сявбитъ сивалку мяжой и идеть у товаришы. Пройшли яны ня много уремьмя, видють, качаить Горовикъ горы, зъ онной стороны дороги на другую, а зъ тэй на ету. „Бохъ помочь, Горовикъ!“—Спасибо, Таратурокъ-суччій сынъ. Братъ Таратурокъ, ти ни возьмёшъ мяне къ сабѣ у товаришы?—„А што, братъ: коли хочишъ, пойдёмъ!“ И Горовикъ бросивъ горы качать, и пойшли яны у читьвярохъ. Пройшовши нямного, ляжить Обжора, сярёдъ дороги. А ета дорога идеть чирисъ возира. Ёнъ нагнѐтца и онну половину выпьить; а потомъ выльить у другую, а потомъ тутытьки напьѐтца и у тую выльить. „Здорово, Обжора! пусьси дорогу!“—А возьми мяне у товаришы! Узяли яны и Обжору. Иди-иди яны, ти мало, ти много, а тольки увошли яны у тёмный лѣсъ. Бяжить Моросъ на стрѣчу ймъ, объинивши, обдѣлавшись, страсъ смотрѣть. Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ! —„Здорово, сильный Моросъ!“—Штò, братъ: возьми и мяне къ сабѣ у товаришы: и я къ худой години табѣ пригоджусь!—Узяли и яго. Тады сичасъ идуть ины у шасьтихъ и увошли у чисто пòля, у зялёную дуброву. И стоить бѣлъ шатёръ, и у етымъ шатры ляжить Слонъ Ивановичъ, Отрублинная голова, и дяржить пыдъ собой мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное. И тады ублизь подходить Таратурокъ-суччій сынъ къ Слону Ивановичу, и котитца буйнàя голова Слона Ивановича къ Таратурку и просить низкимъ поклономъ и сэрцамъ покорнымъ: „Таратурокъ-суччій сынъ, сильный могучій богатырь! буть ты такей добрый, приживи ты мнѣ буйную голову, Слону Ивановичу, буду я за тибе стоять, якъ самъ зы сябе!“—Ну, якъ жа мнѣ приживить табѣ буйную голову? у мине припасу такова нѣтути!—„Возьми ты моё тулово богатырськое, повороти, и ёсь подо мною мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное, и ёсь у мяне добрая лошадь богатырьская, дарую яе табѣ, и мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное до жизни твоей, только приживи мнѣ буйную гòлову. И

ў мяне отрублина голова ни въ учайности, и семъ лѣтъ, а отрубивъ яё Вырiёнъ Антiенывичъ, за ничаинносъ свою, моимъ припасомъ, меччю-самосѣччю, и за мою жану, за законъ, за бракъ. Ну я жану свою оскорбить ни могу: ина къ яму ня прѐлисна, и йна узята по няволи, ни съ вахоты. Поѣдишъ ты на моимъ добрымъ кони, и зъ моимъ припасомъ, тольки якъ ты подъѣдишъ подо градъ Варiёнывъ—и у яго вяликая крѣпось—якъ возможно, коня ни жалѣй, а у крѣпось на кони узъижжай. И у яго ёсь двинанцать псовъ съ жалѣзнымъ дюпкамъ—сильныи богатыри; якъ можно забей трёхъ, али читырёхъ меччю-самосѣччю! А на пѐридъ бросютца къ табѣ самыи злыи и сильныи. Тады ты у градъ уижжай и якъ траву усихъ побьешъ; тады ты на крыльцо, на двинанцатый итапъ уижжай на кони, у бѣлы каменны палаты, къ Вырiёну-Антiенывичу. И коня на крыльцы оснавляй, вострымъ копьёмъ двери митай, а самъ напѐридъ ни ступай, и мёчъ самосѣчъ наготòви дяржи. А Варiёнъ Антiёнывичъ бросится къ табѣ со своимъ мячомъ-самосѣчымъ, со своихъ бѣлыхъ каминныхъ палатъ; тогды ты вострый меччю мяжду яго рукъ бросай, и яго мечъ пирярубишъ, и тогды ты знимишъ яму двинанцать головъ змяиныхъ. И ёсь у яго палатахъ колодицъ, и у тымъ колодцы на днѣ двѣ бутыли: въ оннэй бутыли живая вода, а у другей мѐртвая. И табѣ укажить жана мыя Сымiихлида Михайловна. Тады йна поѣдить съ тобой ко мнѣ, Слону Иванычу, и приживить мнѣ буйную голову!

Тады Таратурокъ суччiй сынъ поѣхавъ къ Варiёну Антiенычу тольки одинъ, на добрымъ кони Слона Ивановича; узявъ мечъ-самосѣчъ и копьё довгомѣрное. Подъѣхавши къ крѣпосьси, якъ птица узлятѣвъ на крѣпось; и бросились къ яму еты псы, и ёнъ зразу дивяти псамъ головы знявъ и у городъ узъѣхавъ; вскочивъ на конй на двинанцатый итапъ, добра коня поснавивъ на крыльцы и дрòгнувъ копьёмъ у еты двери. Зразу разлятѣлись еты двери на нѣскольки дòлiй, и бяжить жа самъ Варiёнъ Антiенывичъ ужасна зъ вяликимъ со зломъ: „Хто ето такёй тутытька ёсь большы мяне? хто могъ мою дверь разбить и крѣпось ни отпирать?“—А я, говорить,—Таратурокъ суччiй сынъ; табѣ ни жалаю со буйной головы шапки узнять! Тады выснавивъ иму напярёдъ копье довгомѣрное, а потомъ якъ ударить своимъ мячомъ-самосѣчымъ, и разрубивъ мечъ Варiенывъ. Тады вочинно оробѣвъ Варiёнъ Антiёнывичъ, приклaняитца яму своимъ головàмъ: „ни зруби мои голòвы, ни проливай крови богатырьскiя, будь ты мнѣ старшимъ братомъ, а я буду молодшимъ, и пувиливай ты усимъ моимъ мѣньнимъ.“—„Нѣ, ни жалаю я етава, отвичаить Таратурокъ: а жалаю знять твои голòвы и придать тябе злой смерти!“ И зрубивъ яму Таратурокъ уси яго двинанцать головъ и

пробивъ довгомѣрнымъ копьемъ яго рятивое сэрца и проливъ горячую кровъ. Сійчасъ ето дѣло вузнала Симіихлида Михайловна, што ёнъ пріѣхавши отъ Слона Ивановича: тащйть еты двѣ бутыли воды, и яму подаёть и сама зъ нимъ на доброва коня садитца, и уижжають зъ етыхъ мястовъ. Привёзъ Таратурокъ Слону Ивановичу живой и мертвой воды и жану ягоную, и приложили яны яго голову къ яго тулову, и полилй живой водой и лилй изъ бутыли въ уста, и у четьвирть години Бохъ збавивъ, и ёнъ живъ ставъ. „Ну, братъ Таратурокъ: спасибо табѣ, што ты прижививъ мнѣ мою буйную голову." Тады жану у шатры оснавивъ, а самъ пойшовъ съ Таратуркомъ.

Идуть яны усямёхъ, а Таратурокъ ѣдить на лошади. И пріижжають яны къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ. И у яе двинанцать дочокъ, вочинно красивыхъ, вужасна пріукрасныхъ. И кругомъ жалѣзный тынъ, и урытъ коло крыльца мидяный стовпъ: и вбито у ёмъ семъ колецъ: царьскій сынъ коня привяжить за золотое кольцо; королевській—за сяребриное кольцо; купечискій—за мидяное; а прочихъ вящей нижы тово. Таратурокъ межа-таво привизавъ свойго коня за уси семъ колецъ, на вопись ни смотря. И самъ пойшовъ у бѣлы каминны палаты. У палатахъ сидять двананцать дочокъ пріукрасныхъ. „Здорово, дѣвицы красавицы!"—Здорово,—Таратурокъ суччій сынъ!—„Дѣ жа ваша матка?"—„Матка разузнала ваши дилà и поѣхала за мòря, сичасъ пріѣдить, привязеть сто воловъ къ свадьби!" Скоро пришли и яго шесь товаришовъ: Коробъ Коробанывичъ, Сявбитъ, Горовикъ, Обжора Моросъ и Слонъ Иванывичъ. „Ну, здорово, дѣвицы красавицы!"—„Здорово, друзья любезныи: якъ васъ Бохъ собравъ усихъ умисьтяхъ?" Яны говòрють: „насъ собравъ Таратурокъ суччій сынъ!" Сей минуты пріижжаить баба-ига, жалѣзная нога, на ступи ѣдить, тувкачомъ погоняить, граблямъ слѣдъ загрибаить, а помяломъ замитаить. Якъ узъѣхала на свой дворъ и ввидила коня, и што ёнъ привязанъ къ усимъ кольцàмъ: „ня можно, говорить, взнàть, хто такей за молодецъ пріѣхавъ! Ну тольки хто ни ёсь, а буйну головỳ зниму и усторну на тынину!" Тады сичасъ улизаить ина у домъ свой: „што за богатыри тутытька такіи?" Яны отвичають: „здорова, баба-ига, жалѣзная нога!"—„Ну, я думала, хто такіи молодцы, ажна ето тутъ сильныи богатыри! Вò што, дочỳнька: протопи-ка ты байню дли милова дружка!" А у яе байня уся жалѣзная. Вытопила дочка байню, дужа жарко. Баба-ига и зоветь ихъ у байню. А Таратурокъ пославъ Мороза; ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ: охолодивъ байню, напусьтивъ усю инію. „Садися, зятёкъ, поѣдимъ у байню." Сѣли Таратурокъ зъ бабой-ягой на ступу и поѣхали. Ёнъ узявъ съ собой палицу-булавицу и пушку-свистушку-смолянушку. Пріѣхали яны у байню, а тамка хòлодно. Вось ёнъ якъ зачавъ бить бабу-ягу палицай-булавицай и пушкой-сви-

ступкой: „што ты, говорить, надо мной насмѣшку робишъ.“ Тады загадала другую дочку топить байню, штобы три сажени сожгла, штобы духу было. Якъ вытопилась байня, Таратурокъ опять пославъ Моросъ. Ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ—напусьтивъ повну снѣгу.—Поѣхали опять у байню Таратурокъ и баба-ига. А тамка опять холодно. Вотъ ёнъ якъ начавъ ие бить сильнѣй таво: „што я хлопицъ табѣ, ти што?“ И дужа збивъ бабу. Вось ина тады и говорить: ну, зятёкъ, таперь я сама буду топить: двинанцать саженъ дубовыхъ дровъ спалю, а усё ублаготворю.“ Натопила ина байню и подступу нѣтути. Таратурокъ пославъ Моросъ. Ну ёнъ ничаво не мохъ подѣлать,—дужа жарко. Тады пославъ Обжору; ёнъ якъ начавъ лить водой, обхладивъ байню, а Моросъ ильдомъ задѣлавъ. „Ну, поѣдимъ, зятёкъ, у байню.“ Сѣли яны на ступу и поѣхали. А тамки одинъ лёдъ. Тады ёнъ ие ящо больши набивъ. Ну, ина змирилась и давай доставлять разныхъ питиньня и идиньня. „Коли, говорить, ублаготворишъ, то ня буду бить, а нѣ, то голову зниму!“—„Ублаготворю,“ говорить. Напикла ина и наварила усяво; а Таратурокъ пославъ Обжору. Ёнъ якъ начавъ уплитать, за онну щаку вола, за другую два, и пыглотавъ усё. Ина другой расъ напикла ще больши; а ёнъ тожа усё поѣвъ. Тады баба-ига ето дѣло вузнала, и у третьтій разъ ихъ, окроми Обжоры, ублаготворила. Яны тамъ пили и ѣли и гуляли. Напослѣдокъ Таратурокъ убивъ бабу-ягу и знявъ ёй голову и всторнувъ на тынину, а самъ жанився на ейный дочкѣ.

Товаришы яго пойшли у свои мясты, а ёнъ прiижжаить жъ жаной къ отцу. Царьскій сынъ Василій царьствомъ править, а Иванъ-кухаркинъ за дворника, а батьки у живыхъ нѣтути. Ёнъ жалаить, штобы братьтя яму покорялись; ну царьскій сынъ Василій въ етымъ дѣли ни въ согласіи. И просить ёнъ другихъ царей помочи противъ Таратурки. Ну, Таратурокъ въ етымъ дѣли ни робѣить, на свою силу богатырьскую надёжу мѣить и на свой запасъ богатырьскій; отсѣкъ Василію Васильвичу голову и ставъ яго царьствомъ пувиливать. А Ивана-кухаркина сына узявъ къ сабѣ у палаты. И живъ зъ имъ у согласіи.

Козьянская вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго, посѣщавшаго и губерніи великорусскія. Языкъ вслѣдствіе этого смѣшанный.

30. Тридцать три сына съ половиной.

Якъ живъ такъ сабѣ старикъ исъ старухой. Дыкъ у ихъ було ***тритцать три сыны съ половиной.*** Отпусьтили имъ сѣножати тритцать три десятины съ половиной. Покосили яны, наклали тритцать три ськирты съ половиной. Тоды унадилася у ськирётки кобылица изъ за моря, тритцать три жерябцы съ половиной. Тоды батюшка ето покуль оглѣдивъ,

дыкъ ськирётки двѣ ай три яны и зьѣли. Приходить енъ, говорить:— ахъ, сынки моѐ любые, говорить: шкода у насъ ёсь,—нѣхто ськирётки начивъ ѣсьти наши! Ну, тыя, которыя поѣдены двѣ, которыя цѣлы—стали ходить на калавуръ туды, къ ськирёткамъ. Который дѣ то пойдеть, коло ськирётки ляжить, тольки тое и останетца, што подъ бокомъ, а ськирётки и нѣту. Тоды ходили, ходили—уси переходили, осталася тольки половиночка ськирётки. Тоды Половинка-Исьтинка на батюшку говорить: „што ты батюшка, вѣдаешъ?"—„А што, сынокъ?"—„Ѣдь ты у городъ и купи зялѣза пудовъ десятокъ, и скуй мнѣ три прутики, да по три пудики! Пойду я ськирёточки сьтяречь," говорить. А батюшка отказуеть: „э, Исьтинка добрый молодецъ: э, сколькі сьтерягли, не усьтерягли, а половиночки уже нечаго и сьтяречь!"—„А спробую, батюшка." Вотъ, батюшка поѣхывъ и купивъ зялѣза пудовъ десятокъ и скувавъ яму три прутики да по три пудики. Тоды привозить. „Што, татка,—ти здѣлавъ?"—„Здѣлавъ!" „Ну вотъ, попробую я сьтяречь!" Тоды узявъ прутики подъ пашку и пошовъ къ ськирётцы. Пришовъ, на ськирёточку лёгъ и отъ, тольки люди увоспалися, кобылица изъ за моря и лятить, тритцать три жерябцы съ половиной, и обступили ськирёточку тую яго кругомъ. Ёнъ тады думавъ, думавъ—якимъ бы способомъ ускочить на ие, на кобылицу на тую? Иськинувся мушкой и усьсѣвъ на яѐ. Кобылица усчула, што ёнъ усьсѣвъ на ие,—пошла угору. Ина лятить, а ёнъ прутикомъ мижъ вушъ мижъ вушъ, и сьсѣкъ одинъ прутикъ. Ина й промовила яму: „ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, за што ты мяне болно сячѐшъ?"—„А на што мяне високо нясешъ?" Ина тоды пошла спускатца на зямлю. Ёнъ другѐй прутикъ узявъ, усё мижъ вушъ, мижъ вушъ!—Сьсѣкъ и другей. Ина ще промовила: „эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ, што ты жалаешъ изъ мяне?" говорить.—„А вязи мяне на батьковъ дворъ" говорить. Покуль узьѣхавъ на батькинъ дворъ—третьтій прутикъ исьсѣкъ. Тоды батюшка у вокно посмотрить: „ахъ, сынки моѐ любые! посмотритетка, што Исьтинка лошадей нагнавъ! Не пагинули ськирётки наши!" Тоды вышли на подворья и давай разьдилять: кобылицу батьку старому; ну, жерябцовъ тожа зновъ—большаго большому, такъ рядомъ и разьдялили усихъ. А Исьтинку половиночка досталась. Ёнъ Половиночка, и коня яму половиночка.

Ну, доклали до царя: ёсь у царстьви такій старикъ, тритцать три сыны съ половиной. Царь обдумався—што одного батюшки, одныѐ матушки, можеть, ёсь который удобный,—осилокъ якій, ти што. Вотъ и спросить ихъ до сябе, тольки кинуть отцу-матери Половиночку, похоронить отца-матерю, а тритцать три кабъ къ яму, до царя, прибыли. Тяперь тыя поѣхали тритцать три, а Половиночка осталась. И подумавъ: што жъ? тыя тритцать три браты поѣхали; што нибудь имъ будеть, награда икая,

а мнѣ за труда нѣту ничого! заплакавъ и пошовъ у конюшню. А лошадь спрашуеть: „што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, силно плачешъ? Мнѣ тяжко, я не могу у конюшни стоять!“ А ёнъ отказуеть: „якъ жа мнѣ не плакать: тритцать три браты поѣхали до царя, имъ икая, икая награда будеть, а мнѣ за труда нема ничого!“ Ёнъ отказуеть: „не плачь, добрый молодецъ, садись на мяне лягѐнько, дяржися кряпѐнько, яны у томъ, у томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть, мы тамъ будемъ!“ Ну, ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, дѐржитца кряпенько. Поднялись угору, дыкъ и видютъ, дѣ яны на зѐмли, якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали подъ ихъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши; мо̀а, ѣсь хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говорють: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говорють. И не позвали. Тоды переночевали, знова опять назаўтраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ тогды зьбяжить куды, ногды зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, столько бяды, каеть, коли зьбяжить, коли зьвѣрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!“ И поѣхали. А ёнъ якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ сьпить. Тоды уставъ, прошнѐтца—нима ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и зновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнѣ не плакать силно? Што жъ,—отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибився! Ёнъ говорить: Исьтинка, добрый молодецъ, ты не плачь! Яны у томъ и томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись кряпѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся кряпѐнько, поднялись угору, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши, мо̀а, ѣсь

хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говоруть: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говоруть. И не позвали. Тоды яны переночевали, знова опять назаутраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ ногды забяжить куды, ногды и зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, стольки бяды, каеть, коли, зьбяжить, коли зьвѣрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!" А ёнъ, якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ знова сьпить. Тоды уставъ, прошнѐтца—нема ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и изновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнъ не плакать сильно? Што жъ, отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибився! Ёнъ говорить: добрый молодецъ, ты не плачь! Яны ѣхали троя судокъ, мы ихъ у три часы догонимъ! Яны у томъ и томъ угомонищи ночують, яны 'гня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись крянѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся крянѐнько, поднялись угорў, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ, якъ мухи, повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: приволокся нашъ Исьтинка, добрый молодецъ! Большій братъ: о?—Яйбогу!—Ахъ, братцы родные! которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши! Узбудитя яго! Исьтинка добрый молодецъ вѣрно ня стáнетца!—Которыя судки, говорить, волочѐтца. Тоды узяли, разбудили яго тамъ. Поѣхали, уси до царя. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать—скоро каетца, ня скоро дѣетца—пріѣхали къ царю. Царь выходить: Здрастуй, здрастуй, господа! Поздрастувалиси, давай ихъ началниками насáджувать—того тымъ, того тымъ—тритцать три браты, усё началство. Тоды говорить: што жъ, господа, а куды Исьтинку добраго молодца припоручимъ? говорить. Тоды яны сказують: а куды припоручить яго?—лошадей досматривать! Ну и припоручили яго коло лошадей досматривать.

Тоды обдумався царь: одного отца, однѐ матушки, моеть, который удобный? Што, господа началство, ти ня можетя вы пройти который до Бога, распросить у Бога, *ча* (чего) сонца примяркнуло на троя судокъ? Тэй каеть: я не могу, тэй каеть: я не могу! Тритцать три браты,—ни водинъ ня можеть. Тоды нарáдзилиси: скажамъ, што нашъ Исьтинка можѐть. Спросивъ царь Исьтинку: што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, говорить: што,—можашъ ты дойти до Бога, распросить, ча сонца примярк

нуло на троя судокъ? Ёнъ говорить: што жъ, тритцать три браты бóльшихъ ёсь, а мяне мѐзинаго посылають! говорить. Тоды скопановàли уси браты: да, говорють: ямỳ стрàшки не давши, по чесьти ня пóйдеть! Ёнъ заплакавъ силненько, пошовъ у конюшни. То лошадь спрашуеть: „ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! ча ты плачешъ силно? Мнѣ тошно, я не могу стоять у конюшни?“ А ёнъ отказуеть: якъ жа мнъ не плакать? тритцать три браты бóльшихъ ёсь, ды ня могуть ити до Бога, распросить, ча сонца примяркнỳло на троя судокъ, а мяне мѐзинаго посылають! — „Ну, што жъ? кода посылають, дакъ нужно слухать, говорить. Иди!“ Отъ, ёнъ и пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити — скоро каетца, ня скоро дѣетца — и стоить обàполъ шляху два дубы. На тыхъ дубóхъ бьютца два ворони̇. Ды якъ силно бьютца, што крыви по зàборсьни на корѐньни. Яны у яго й спрашують: ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко? — А славъ царь до Бога распросить, ча сóнца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись тамъ объ насъ, объ грѣшныхъ: докудова мы битца будемъ? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити — приходить ёнъ къ морю. А черезъ мóря стоить рыбина. Дакъ ёй подковами да ʽбодьдями рѐбры поломали. Тая знова говорить: охъ, Исьтинка, говорить, добрый молодецъ, куда Богъ нясеть далѐко? — Славъ царь до Бога распросить, ча сóнца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ мяне, объ грѣшномъ, докуль я покуту ету буду держать? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити, а сядить обаполъ шляху на ʽдномъ боку мущина, на другомъ женьщина и качають камень, — тэй оть сябе пихнѐть да — охъ, жарко! тэй оть сябе пихнѐть да — охъ, жарко! Тыя зновъ говорутъ: эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далѐко? — Славъ царь до Бога распросить, ча сóнца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ насъ, объ грѣшныхъ, — докуль мы будемъ камень етый качать? говорють. — Хорошо, говорить, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити — ажъ дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный и кричить: ай, тяжко! ай, тяжко! Етый человѣкъ пытаетца: ай, Исьтинка, добрый молодецъ, куда тябе Богъ нясеть? — А иду къ Богу. Славъ царь распросить, ча сóнца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись тамъ обо мнѣ грѣшномъ, докуль мнѣ етый тынъ держать? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити — стоить баба: переливаеть водỳ съ колодяжа у колодяжъ. Тая узновъ спрашуеть: эхъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко? — А славъ царь до Бога распросить, ча сóнца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ мяне объ грѣшной, докуль я ету воду буду мѣрить? говорить. Хорошо, спомянусь! Отъ тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ

ити, приходить къ Господу Богу. Господь Богъ яго спрашуеть: што вамъ Исьтинка, надо, объ чомъ вы спрашіетя?—А што жъ, Господи! прилавъ царь распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ?—А ча примяркнуло?—дѣвка сына спородила, ды у воду утопила; того сонца у гоноръ уступило, зачимъ дѣвка сына загубила,—и на три дни примяркнуло! Ну, тоды ёнъ и пошовъ. Ёнъ яму записочку давъ. А тоды спомянувся: эхъ, говорить: скольки мнѣ на дорози було злучаю, а я и призабувъ. И вярнувся назадъ распросить.

Вярнувся ёнъ къ Господу Богу.—Ча ты воротився назадъ? А ёнъ сказавъ: а, Господи Божа! призабывъ, якія мнѣ злучаи были!—А якія табѣ злучаи были?—Першій злучай: стоить обаполъ шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бъютца два вороны, ды якъ бъютца! Крыви по заборсьни! Просили спытатца, докуль имъ такъ битца.—А еты вороны коли будуть дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будуть битца, покуль сьвѣту перямѣна, а коли такъ будуть дѣлать, якъ Господь показавъ по вангилю, дакъ перестануть битца!—А йще, Господи, якій злучай бывъ ище: стоить рыбина черезъ моря,—по ёй ходють и подковами, ободьдями ребры поломали. Дакъ и тая просила, штобъ и объ яè спомянувся: докуля покуту я буду держать ету?—А коли выкархнеть назадъ корабъ тэй зъ народомъ, што проглотила на волю, дакъ пойдить по воли, а ня выкархнеть, дыкъ будеть держать, покуль и сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи перяйшовши вярсту, абы й двѣ отыйшовши. А то йна тябе утопить! говорить.—А йще, Господи, якій бывъ злучай: на 'дномъ боку шляху мущина сядить, а на другомъ женьщина, да й качають камень,—тэй оть сябе, тэй оть сябе, и кричать: ай, жарко! Дакъ и тыя говорили: спомячись объ насъ, объ грѣшныхъ,—докуль мы будемъ камень етый качать?—А ето кумы; ѣхали къ хрясту, да й грѣхъ сотворяли; отъ имъ качать, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то яны тябе покотють!—Ну ще жъ, Господи: дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный да й кричить: ой тяжко, ой тяжко! Дыкъ и тэй говоривъ: спомянися объ мяне, докуль я буду етый тынъ держать?—А ёнъ ня думавъ на етый сьвѣтъ, а якъ на тымъ бувъ, дакъ казавъ: якъ помру, дыкъ хоть тынъ мной подопри! Дыкъ яму держать, покуль сьвѣту перямѣна! Ды не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ёнъ тябе подопреть! каеть.—А ще Господи, якій злучай бывъ: переливаеть женьщина воду изъ колодежа у колодежъ, и того не дольлеть, и того не дольлеть. Дыкъ и тая просила: спомянись объ мяне, грѣшной, докуль я буду ету воду мѣрить? А ета баба чужія молоки мѣрила, отбирала у коровъ, дыкъ ина будеть мѣрить, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ина и тябе у колодежъ усодить!.. Ну й пошовъ.

Приходить къ тэй баби. „А што, Исьтинка, добрый молодецъ: ти поминався объ мяне объ грѣшной?“—А, поминався! Погоди, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ яе: переливать табѣ ету воду, покуль и сьвѣту перямѣна! говорить.—Ну, догадався, што упярядѣ не сказався!—Полоскався бъ и ты тутъ! говорить. Тоды приходить къ тому, што тынъ дяржить. А што, Исьтинка добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшномъ?—Поминався; погоди, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: держать табѣ етый тынъ, покуль и сьвѣту перамѣна!—Ну, догадався; што упярядѣ не сказавъ!—пособивъ ба и ты бъ держать мнѣ тынъ! Тоды приходить къ тымъ, што камень качають. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався: погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ ихъ: качать вамъ етый камень, покуль и сьвѣту перямѣна будеть!—Ну, догадався, што упѐрядѣ не сказався!—покатився бъ и ты, якъ камень етый! Тоды приходить къ тэй рыбини. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшной?—Поминався, погоди, перяйду, тоды раскажу. Тоды отыйшовся ёнъ можа у вярсту ти боли, говорить: коли выкархнешъ ты корàбъ зъ народомъ, што проглынула, на волю, дыкъ и сама пòйдешъ по воли, а ня выкархнешъ, дыкъ будешъ лежать, покуль и сьвѣту перямѣна! Ну, ина якъ карханула,—дыкъ на вярсту̀, ти боли, воду̀ выбросила зъ берега, покуль выкархнула,—корабъ тэй и пошовъ. И яна пошла по воли. Тоды приходить къ тымъ къ дубòмъ. Тыя спрашують у яго, тыя вороны̀: ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався, погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: коли будетя дѣлать по божаму по закону, якъ Богъ наповѣ̀дявъ вамъ, дыкъ перестанетя битца. А коли будетя дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будетя битца, покуль и сьвѣту перямѣна!—Нѣ, ня будемъ, каеть, своимы думамы, а по божаму по закону, говорить. Вò, дубы расьхинулиси, и яны перестали битца.

Тоды пришовъ, подавъ до цàря записку тую. Полядѣвъ царь, похвалывъ. Тоды уздумавъ царь, што у якомъ то царстьви, у якомъ то государстьви, Богъ знаеть, идѣ, ёсь царевна пригожая, ды нихто ня высватаеть яе. Тоды спросивъ у етаго начальства: што, господа: можетя вы зьѣздить у такоя и такоя царство, мнѣ царевну высватать? Яны—тэй каеть: не могу! тэй каеть: не могу! Тритцать три братьтя и ни водинъ ня можеть. Сконпановали знова на Исьтинку, што Исьтинка нашъ говоривъ: што, могу, каеть. Тогды спрашуеть царь у Исьтинки: што, Исьтинка: можешъ ты у такоя и такоя царство зьѣздить, мнѣ царевну высватать? Ёнъ говорить: дѣ жъ я могу? Тритцать три браты большихъ ёсь, ды ня могуть, а я мѐзиный, ды у всякое дѣло довждòнъ уступàть! Да! тукнули уси браты: ёнъ по чесьти ня пойдеть! Яму̀ страшки не давши,—ёнъ

по чесьти ня пойдеть! говорють. Ну, ёнъ, значитца, заплакавъ силно и пошовъ у конюшни. Лошадь яго говорить: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ: ча ты силно плачешъ, ажно мнѣ тошно стоять у конюшни?—Этъ, лошадь моя добрая: тритцать три браты большихъ и ни у якоя дѣло не уступають, усё мяне посылають!—У такоя и такоя царство у сваты ѣхать, кабъ царевну высватать!—Што жъ дѣлать, посылають, говорить, дакъ иди!—живъ будешъ!

Ну, ёнъ пошовъ. Якъ ити дыкъ ити—скоро то каетца да няскоро дѣетца—сустрѣкаеть человѣка. Здрастуй!—Здрастуй! Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Послав царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго!—Говорить: возьми и мяне съ собою!—А што ты за человѣкъ? говорить.—Да я такей человѣкъ, говорить: вы придитя къ крѣпосьти къ такой, што ни узыйти ни узьѣхать, только птицы перелятѣть!—цыгунныя сьтѣны, цыгунныя ворота—дыкъ ты скажешъ: хто мнѣ вороты отопрѣть? А я скажу—я! Якъ плячми тернусь, дыкъ разломаю, раскрышу усю крѣпось ихъ!—Ну, ходемъ! Пошли. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, сустрѣкаетца яще человѣкъ. Здрастуй, Исьтинка добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Послав царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Говорить: возьми й мяне съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить. —А я такей человѣкъ, што крѣпось якъ вы зломаетя, а ёнъ услышить,—якь пусьтить хортовъ—по цѣломъ мядьвѣдю,—дыкъ яны васъ и разорвуть. А ты скажешъ: хто хортовъ униметь? А я скажу: я! По два, по три за хвосты укучу позьвяжу и на парканъ повѣшу!—Дыкъ ходемъ! Ну й пошли. Ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, ще сустрѣкають человѣка. Здрастуй, Исьтинка, добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко?—Послав царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Возьми и мяне, съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить. А я такій человѣкъ: якъ вы хортовъ повяжитя, ёнъ на сколько пячей хлѣбъ будеть печь; тоды загадаеть вамъ загадку: сколько у мяне хлѣбушка ёсь, кабъ увесь поѣденъ бувъ, а коли окорочакъ дѣ найду, топоръ да мечъ—голова доловъ съ плечъ и на ножи серца вытащу. Дыкъ ты скажешъ: хто хлѣбушка поѣсь? А я скажу: я! Дакъ я по двѣ по три булки, по двѣ по три булки—и ще ѣсь буду просить—увесь поѣмъ. И сколько напитковъ выкатить кухвовъ, дакъ ты скажешъ: хто напитки попъеть? Я скажу: я! Дакъ я уси напитки попъю, и пить буду просить!—Ну, каеть, ходемъ! мнѣ етакія люди надо, говорить.

Ну тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходють яны къ той крѣпосьти, ни узыйти ни узъѣхать, цыгунныя сьтѣны, цыгунныя во-

роты. Якъ тернувся етый плячмй, дакъ разломавъ, раскрышивъ усю крѣпось ихъ. Тоды тэй царь якъ почувъ, што разломали крѣпось, пусьтивъ на ихъ хортовъ по цѣломъ мядьвѣдю.—летять на ихъ! Тоды енъ каеть: хто мнѣ хортовъ униметь? Тэй каеть: я! Ёнъ по два, по три за хвосты укучу позвязавъ и на парканъ повѣсивъ! Ну тоды, пришли. Здраствуй!—Здрастуйте, сватовъя! Щѐ у мяне етакихъ сватовъ не булò, якъ вы пришли! говорить. За чесь принявъ ихъ.

Тоды пили, пили, гуляли, гуляли, и приказавъ на скольки пячей хлѣбъ печь, ды кабъ и знашували ето укучу яго. Ну, давъ Богъ вечеръ, ёнъ ихъ отправляеть: „ну, сватовъя, говорить: смотритя! скольки хлѣба ёсь, кабъ увесь бывъ поѣденъ за ночь; а ежали нѣ, найду окорочку, топоръ да мечь—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу!“ Ну тоды, отправивъ ихъ особянно, такъ, у боковочку—станемъ говорить. Пошли яны, давай у карты гулять: гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди поляди, штò яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што не голодны, а хлѣбушка стольки? дѣ яны яго подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить.—А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить, красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поусыпалиси, ёнъ говорить: а хто мнѣ етый хлѣбъ поѣсь? А тэй говорить: я! Якъ ставъ: по двѣ, по три булки, по двѣ, по три булки,—попоѣвъ тэй хлѣбъ увесь, пошовъ подъ царській домъ, уклавъ голову у вокно и кричить: ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! Усю ночь; не даеть цàрю спать! Давъ Богъ день. „Ну однача, говорить, сватовъя: скольки у мяне сватовъ ня булò, ще такихъ обжоровъ ня видавъ!—скольки поѣли, и ще ѣсь просють!

Вотъ тоды день гуляли, гуляли, пили, пили,—усяго було, только птушàччаго молока ня було—тогды выкативъ кýхвовъ, ды говорить: ну, господа сватовъя! кабъ попили за ночь уси напитки еты, кабъ пидѣ капли не нашовъ! А ежли найду, топоръ да мечъ—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу! Ну й отправивъ ихъ у боковочку. Пошли яны, давай у карты гулять. Гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди, поляди, штò яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што напилиси, а напитковъ стольки?—дѣ яны ихъ подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить. А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить! красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поусыпалиси, ёнъ говорить: А хто мнѣ еты напитки попъеть?—Я! И пошовъ. Якъ цмухнѐть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухви, якъ цмухнеть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухви. Попивъ усё. И пошовъ подъ царській домъ, уклавъ головỳ у вокно и кричить: ай, пить хочу! ай, пить хочу! ай, пить хочу! Не давъ цàрю спать усю ночь. Богъ день давъ. „Ну,

однача, говорить, сватовья: скольки у мяне сватовъ ня було, ще такихъ пьяницъ ня видавъ! скольки попили, и пить просють!—Ну, вѣрно наша дочь да то ваша будеть!" Попили заручины и отправивъ ихъ.

Прїѣжжаеть. Тэй царь сичасъ кабъ жанитца, къ вянцу ѣхать. А ина говорить: „нѣтъ, вы справилиси, а я не справилась—обнороитя. Ну, Исьтинка добрый молодецъ! слушали вы царя, послушайтя и мяне! Уже не туда, а ў повдороги. Видили вы идѣ хатка стоить? У тэй хатцы моя бабушка живеть, и ў яе подъ печчу гусельки. Дыкъ кабъ ты мнѣ приставивъ ихъ! Тоды будемъ и вясельля гулять!" Ну, ёнъ пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити, приходить къ тэй хатцы. Ажъ Баба Зьмія тая похаджуеть по двору. „Што, бабушка,—можня переночувать у васъ?"—Чаму, можня! говорить. Отъ ёнъ занучувавъ. Ина некуды отвярнулася, ёнъ полядѣвъ, идѣ тыя гусьли, крючкомъ зачапивъ, нагутувавъ, якъ ихъ вытащить ужо оттуля. Тоды ина легла; якъ засьнеть, ёнъ тихинько—цморьгъ ихъ! Дыкъ яны зазьвинять. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!"—Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляди жъ! Тоды знова поляжить, поляжить, тольки яна разосьпитца,—ёнъ цморьгъ! Дыкъ яны якъ зазьвинять. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!" Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляди! Тоды давъ ей ужо разоспатца ловко, а самъ узявъ порасьчинявъ и дьвери и вороты и усё—кабъ утечь ужо—тоды якъ выхапивъ ихъ съ подпечи, дыкъ яны дыръ, дыръ! дыръ, дыръ! Дыкъ ина за имъ! Гналася, гналася, чуть не порвалася, бѣгучи. „Ну, Исьтинка добрый молодецъ! посьлѣдьнїй ба разъ ты ходивъ! говорить. А царь тэй ужо видить, што ина не подаетца яму, ня хочеть жанитца зь имъ, дакъ ёнъ приказавъ у воротихъ яму выкопать и жару напалить. Тоды приходить Исьтинка—яны канаву выкопали, жару наготовали, и бляхой затянули, накрыли. „Ну, Исьтинка: по сьвѣту ты походивъ, усякихъ воздуховъ ты набрався; зволь перяйтить черезъ ету бляху! говорить. Таа царевна отвѣщаеть: нѣ, говорить: ето ня Исьтинку наготовлено, а ето, хто со мной одружитца хочеть!—Вотъ, коли перейдетя черезъ ету бляху, дакъ мой другъ будешъ, а нѣ—нѣ! Тоды царь тэй—и жанитца хочетца, и смерти получить не хочетца—и пошовъ. Тольки ступивъ на бляху, а ина цморьгъ! Ёнъ туды и шамъ! А ина бляхой и накрыла. А зь Исьтинкой ожанилася. Исьтинка усимы братамы командуеть и тяперь.

И я тамъ бывъ, мёдъ, вино пивъ, да то ў роти ня було, по бородѣ потякло. Дали пирогъ, я за порогъ; дали крайчикъ, я подъ вороты, якъ

зайчикъ; дали щуку, я усю дорогу щупавъ. Щупавъ—щупавъ, ничого не найшовъ, такъ прійшовъ.

Д. Чернавцы, радомльской вол. чаусск. у. Отъ кр-на Гаврила Минина, 60 л., неграмотнаго.

31. Малъ Малышокъ.

Живъ дѣдъ изъ бабой. И ня було у ихъ дитей. Дѣду уво снѣ соснилось, што иди ты у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ и вывядитя дятей сабѣ. Расказавъ ёнъ сонъ баби, и баба такъ яму сказала: „што жъ, иди, дѣдъ, у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ, посыпимъ у рэшато, я сяду, дятей вывяду. Яны будуть пищѣть—намъ будеть весялѣй,—мы будемъ думать, што наши дѣти!“ Дѣдъ бабы послухавъ, пошовъ у лѣсъ, узлѣзъ на бярезину—одно яйцо въ гняздѣ. Ёнъ у другую—тамъ тожъ одно. Такъ ёнъ узлазивъ на тритцать бярозъ.—На статьняй бярози нашовъ два яйцы. Такъ ёнъ собравъ тритцать одно яйцо. И больши лазить не ставъ. Принёсъ яйцы домовъ, у рэшато усыпавъ, и сѣла баба на яйцы. Усё ровно, якъ курица. Нядѣли церазъ три вывялиси дѣти, не птушаччыя, а настоящыя дѣти—мальчички. Баба тогды говорить: „лядитку, дѣдъ, ня птушки, а усё сыны! тритцать одинъ!“ Дѣдъ ставъ радъ, што яму Богъ сыновъ давъ. Собравъ дьвѣ пары кумовъ, горэлки съ повгарца, запрогъ коня, поѣхавъ къ попу. Ставъ просить, кабъ пріѣхавъ попъ дятей кьстить. Пріѣхавъ попъ кьстить. Ставъ кьстить ихъ—усихъ перакьстивъ, по разному имю давъ. Одинъ бывъ хужы усихъ, меньшый—тому имя не нашовъ. Сказавъ дѣду и баби: „якъ хочыця, такъ яго и зовитя, я имя не нашовъ!“ Якъ ёнъ меньшы усихъ бывъ, прозвали яго *Малымъ Малышкомъ*.

Стали яны росьти не по годахъ, а по часахъ. Церазъ годъ стали большыя. Тогды яны сказали батьку: „тать, што мы будемъ гулять?—будемъ работать!—Можа пожни ёсь косить, пойдемъ косить! Ѣдь на мѣсто, косъ купи намъ!“ Поѣхавъ батька на мѣсто, купивъ тритцать косъ, а одну не нашовъ - меньшаму сыну. Усё мѣсьтечко обшукавъ, не нашовъ косы. Привёзъ косы домовъ. Бяритя, сынки, косы, котору который хочыть! Сыны подышли, разобрали косы. Малъ Малышка пришовъ: а мнѣ батька, гдѣ коса?—Нема, мой сынокъ, не нашовъ. Я старый, а ты малый—будемъ дома!—Ну, нехай будеть такъ, якъ батька кажыть!

Была у яго пожня. Пошли яны косить,—отъ свойго сяла вёрстъ за пять. Пришли на пожню, пожня была большая, яны размѣрали кажный сабѣ по ковалку, а два ковалки такихъ покинули—батьку и Малышку. Ну, яны косють. А Малый Малышокъ сказуеть батьку: пойду я, тать, по-

ляджу, якъ яны косють тамъ. Батька кажыть яму: гляди, сынокъ, кабъ не заблудивъ!—А можа й попаду! Пошовъ, ды заблудивъ. Увышовъ у лѣсъ. Ходивъ, ходивъ, ня можно выйти изъ лѣсу. Поглядѣвъ на увесь лѣсъ тоды—одинъ дубъ вышы за усяго лѣсу. Ёнъ узлѣзъ на тэй дубъ, поглядѣвъ кругомъ,—бачить, што у тритцатёхъ косють. Ёнъ тогды узявъ, етый дубъ за макушку рукою, похинувся у етый бокъ, дѣ косють, задомъ,—гэтый дубъ пераломився пополамъ. Узявъ сучча побламувавъ, на плечы, да й пошовъ прамо туды. Пришовъ къ имъ, кажыть:—«поможы, Божа, вамъ, братцы! Што вы два ковалки пожни покинули? нехай ба усё разомъ косили! Ти гэто можа чужая?» А яны кажуть: гэто покинули табѣ изъ батькомъ!—«Якъ жа мы будемъ косить: я малый, а ёнъ старый? —А хоть сабѣ наймитя!—«Ну ладно, кажыть! Шапку зьдѣвъ, перакрьстився —поможы Божа мнѣ! И давай косить! И косить, и грабеть, и у стохъ кладеть, гэтой дубинкой! Уперадъ за ихъ скосивъ—одинъ два ковалки— и скосивъ и скативъ. Дубину гэту у землю убивъ, и коло дубины стохъ склавъ. Яны кажный своё ковалки покосили, особо, кажный по стогу. Тогды пришли домовъ съ пожни. Батька говорить: ну што, сынки, покосили пожню?—Покосили усю! А Малый Малышокъ кажыть батьку: покосили, а два ковалки покинули! Батька кажыть: на што?—Мнѣ ковалокъ и табѣ!—Я, каеть, ужэ старый, косить не могу!—Не тужы, батька, я скосивъ и у стохъ склавъ!—А вы—пытаетца у ихъ, у тыхъ сыновъ: вы у одинъ стохъ склали?—А мы, кажуть—пособя! Накосили тритцать одинъ стохъ! Тогды батька кажыть: трэба яго пилнувать, покуль перевязёмъ, а то покрадуть! Узяли у десятёхъ пошли пилнувать. Ночу цѣлу пилновали, а нѣхто стохъ укравъ. Пришли изъ варты, пытаетца батька: ти цэло сѣно?—Одинъ стохъ нѣхто укравъ. Сказавъ батька на ихъ: дураки! у десятёхъ ня упилнували! На другую ночь другій десятокъ пошовъ. Тожа такъ само перапилнували—и зновъ нѣхто стохъ укравъ. На третьтюю ночь третьтій десятокъ пошовъ—тожа такъ само не запилновали—и стохъ украдено. На чатьвёртую ночь трэба першаму десятку йти. Яны стали спороватъ изъ Малышкомъ: и у яго жъ стохъ сѣна ёсь, нехай ёнъ идеть! —Ну, дакъ што жъ, кажыть: коли йти, дакъ и йти! Сходи, батька, къ ковалю, нехай коваль кульку зялѣзную скуеть, пудовъ у тритцать. Пошовъ батька къ ковалю, скувавъ кульку пудовъ у тритцать. Узявъ ёнъ кульку гэту, кинувъ угору, дакъ яна изъ вочъ утякла. Видить ёнъ, што назадъ лятить—потставивъ лобъ. Ина по лбу якъ ударила, развалилася на чатыри ковалки. Тогды ёнъ кажыть: батюшка, искуй мнѣ другую кульку, пудовъ у тритцать пять, да кабъ мякчѣйшая трошку, а то дужа сухая! Коваль скувавъ другую. Узявъ ёнъ гэту, кинувъ угору—гэта зъ вочъ не улятѣла—звярнулася назадъ. Знова лобъ потставивъ,—якъ ударила,

тольки у кули ямочка стала небольшэнькая. «Ну, гэта будеть ладна!» Узявъ гэту кулю и пошовъ пилнувать сѣно.

Пришовъ къ свойму стогу, узлѣзъ наверхъ, сѣвъ. Сядѣвъ, сядѣвъ, чуеть—нѣшто стучыть, ажъ земля дрыжыть. Видить—бяжыть кобыла, а за ёй тритцать одинъ жарабокъ. Прибѣгла къ гэтуму стогу, дѣ ёнъ сядѣвъ, и давай яго кругомъ ѣсьть. Ёнъ дотуль сядѣвъ, покуль стохъ зьѣли. Не большы якъ на одинъ сажанъ засталось. Тогды ёнъ схвативъ гэту кобылу. Не ухапивъ за гриву, да за хребётъ, и сѣвъ задомъ напярòдъ. Отъ яна яго повязла!—по поляхъ да по лугахъ, по високихъ лѣсахъ! А ёнъ кулькой яè по с—ы. Ина дотуль возила, покуль уморилась. Тогды яму кажыть:—«Малъ Малышокъ, пусьти мяне у сьвѣтъ гулять,—а табѣ дамъ, што ты хочышъ?»—Я, кажыть, ничòго не хочу, а тольки отдай мнѣ гэтыхъ жарабковъ!—«Бяри сабѣ, тольки пусьти мяне!»—А ты жъ мяне обманишъ!—«Нѣ, кажыть,—ня 'бманю!—«Прибѣгла къ гэтымъ жарабкомъ, а яны ужэ сѣно доѣдають. «Садися, говорить яму,—на самаго большаго—а гэтыя уси услѣдъ пойдуть!» Ёнъ подумавъ, подумавъ—хоть гэты и утякуть,дакъ одного будеть за сѣно досыть! Ёнъ узявъ да сѣвъ на яго. Поѣхавъ, ажно яны уси усьлѣдъ и пошли. Прiѣхавъ домовъ, кони на дворъ ня лѣзуть—дворъ бывъ маленькiй. Кажыть: «ходитя, братцы, бяритя сабѣ по коню! Я уловивъ, сѣно ядучы!» Вышли тыя браты, кажный сабѣ по 'дному узяли. А яму не осталось. Одинъ бывъ хужы усихъ хромый, ломый, дакъ ёнъ застався ззаду, пришовъ посьли,—разомъ не справився йти. Тогды ёнъ кажыть: во й мой пришовъ. А яны стали сьміятца коло яго: «самъ конiй ловивъ, а сабѣ якого покинувъ!»—Ну, што изъ вамы дѣлать, изъ дуракамы? Луччыхъ конiй побрали, да ящѐ й сьмяютца коло мяне,—мнѣ й гэтый хорошъ будеть!

Ну, стали яны тогды кажный свойго жарабка гудувать. Посправляли хомуты, колёсы, стали усё работать, у лѣсъ ѣзьдить, зямлю пахать. Дворъ хороший выстроили, большый—стали жыть на первый сортъ, што луччы ня трэба.

Жыли яны такъ, жыли, годы тры-чатыры. Скучыло имъ такъ жыть. Тоды яны сказали такъ: поѣдимъ мы у сьвѣтъ, якъ намъ злучытца—жанитца, а можа, у службу куды придялитца! А Малъ Малышокъ говорить: вы ѣдьтя, а я не поѣду: батька изъ маткой старэя—хто ихъ приховаеть безо насъ!—Ну, ты сабѣ оставайся! Тольки жъ ты насъ не догонишъ тогды!—Догоню, и дорогу найду! Узяли яны и поѣхали. Малъ Малышокъ застався дома.

Церазъ годъ батька померъ, пухувавъ ёнъ батьку, лѣпи якъ протчыя хованоть. На другiй годъ матка померла. Малъ Малышокъ матку щѐ лѣпшы пухувавъ. Останьня—гэто прикладины—отправивъ пу батьку, пу матцы,

тогды собравъ мужуковъ, спытався у ихъ: «можа хто найдетца на моё хозяйство подъ арэнду, годовъ на нѣскульки? Пріѣду, дакъ возьму, а не пріѣду—дакъ соусимъ ня трэба мнѣ ничого!» Дворъ гэтый бывъ лѣпи паньскаго. Мужуки ня 'динъ не узявся, за тоя, што вяликій дворъ бывъ. Ёнъ гукнувъ пана, отдавъ дворъ пану подъ росписку—арэнды нийкія, абы бъ тольки тэтакій бывъ дворъ, якъ тяперъ. А жарабка свойго годовавъ,—тоя пить и ѣсьти дававъ, што самъ ужывавъ. За тры годы выучывъ яго говорить съ собой, и за тры годы узгодовавъ яго лѣпи братнихъ. Хлѣбъ продавъ, грошы узявъ, поѣхавъ братовъ догонять.

Браты ѣхали тры годы, а ёнъ догнавъ ихъ у тры мѣсяцы. „Здоровы, братцы?"—Здоровы, Малъ Малышокъ! Якъ жа нашы дома, батька йзъ маткой?—„Батька йзъ маткой въ вѣшнымъ доми, а вамъ на здоровъя! Якъ жа вамъ злучалось? Што вы видили: худо ти добро?"—Худа ня видили, а добра було много. Тяперъ ты ѣдь попераду!

Вотъ якъ поѣхавъ Малъ Малышокъ напрадъ, цѣлый день проѣхавъ, ня 'днэй дяревни ня було, тольки лѣсъ да поля. Заходить сонца. Пріѣжжають къ лѣсу, ажны стоить хатка на куриной нозцы и крутитца. „Стой, каеть, хатка, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Ина стала. Выйшовъ ёнъ у хатку, ажны ляжыть Баба-Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть.—Тритцать одинъ!—Ну, шкода! У мяне ёсь дватцать дерять дочокъ, пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы, у моё сястры повинно быть!.. Пошовъ ёнъ съ хаты, сѣли и поѣхали. Ѣхали, ѣхали, проѣхали часовъ десять, пріѣхали еще къ хати, также само—стоить на куриной нозѣ и крутитца. „Стой, каеть, хата, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Яна перавярнулася. Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить—опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть!—Тритцать одинъ!—Ну, шкода!—у мяне тритцать дочокъ,—однэй не хватаеть; а то бъ пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы,—у моёй сястры ёсь! Поѣхали дальшы. Теразъ малое урэмя пріѣхали къ хати—стоить на куриной нозцы и крутитца. «Стой, каеть, хата, не крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить, опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу,

ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату. «Здрастуй, Баба Юга косьтяная нога!» Добрый вечаръ, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—«Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа гдѣ у службу придялитца! Ну добро, што васъ Богъ принёсъ! у мяне тритцать одна дочка, будемъ свадьбу гулять! Заѣжжайтя на дворъ, распорадитя конёвъ. Я завялю дать овса и сѣна! Яны заѣхали на дворъ, распорадили конёвъ, овса-сѣна наготовлено *було*. Зайшли ўсѣ ў хату; дала имъ выпить и закусить; зазвала своихъ дочокъ. Пришли яе дочки, гэтакія красавицы, што лѣпшыхъ шукать ня трэба. „Ну, каеть, зятьки мое: выбирайтя сабѣ, который кому хочыть!» Ну, яны узяли каждый по днэй. Тогды яна кажыть: «ну, кладитеся спать, а заутра будемъ свадьбу гулять!» Узяли, лягли спать. Малъ Малышокъ вышовъ къ свойму жарабку, ёнъ яму и кажыть: «Малъ Малышокъ! думаешъ жанитца, а приходитца сь сьвѣту збытца!»—За што такъ?—«Гэта вѣдьма порэжыть васъ! Якъ ляжытя спать, возьми, шапки имъ понадивай на головы, а братамъ платки позавязувай, и самъ сабѣ такъ зьдѣлай! Ина уноччы устанеть, у яе ёсь мечъ-самосѣчъ, пусьтить по тыхъ головахъ, которы у шапкахъ. А ты ня сьпи и гляди, дѣ ина будеть мечъ брать. Якъ мечъ пяройдеть по головахъ, тогды утякайтя!» Лягли яны спать, а Малъ Малышокъ не заснувъ. Якъ яны заснули, тогды ёнъ узявъ, шапки понадивавъ дѣвкамъ, а платки позавязувавъ малцамъ. Устала баба, носомъ понюхала, ладно послухала,—спять уси! Пошла на полати, узила мечъ-самосѣчъ, приказала яму: иди по тыхъ головахъ, по'тсякай, которыя ў шапкахъ! Мечъ-самосѣчъ пошовъ потсякавъ головы. А баба каеть: у день прибяру! Баба заснула. Малъ Малышокъ узбудивъ братовъ, тихынько съ хаты вышли, и кажыть имъ: поѣдемъ! А яны кажуть: а жанитца жъ? А ёнъ кажыть имъ: молитя Бога, што не пошли на тэй сьвѣтъ за гэтыхъ дѣвокъ.

Поѣхали дальшы. Отъѣхали вёрстъ триста, прочнулася баба. Оглѣдила, што дочки посѣчаны, ну, кажыть—Малъ Малышокъ хитёръ! хитрый! Ды ня утёкъ, догоню!» Було у яѐ тры козлы на стайни; узила козла, сѣла вѐрхомъ, стала зялёзнымъ тувкачомъ погонять, Малъ Малышка догонять! Не дала отъѣхать трыста вёрстъ, догнала за тры часы. «Э, каеть, Малъ Малышокъ: ня утекъ отъ мяне. Давай изь имъ битца. Билися, билися, тры часы. Малъ Малышокъ забивъ яе козла.

Тогда яна пошла назадъ пяшкомъ, а Малъ Малышку сказала: «будешъ ты самъ у моихъ рукахъ!»—Ну, тогды тоя и будеть.

Проѣхали яны сьвѣтъ,—штò назадъ ворочатца? Придялилися у царство, на службу. Царъ у ихъ распытався: откуль яны, якѐя? Яны яму расказали, и вѣрно служыть стали. Малъ Малышокъ надъ братамы зьдѣ-

лався ляхвѐторомъ. Ёнъ ставъ надъ имы командувать. Имъ стало жалко, што меньшый большымы командуеть. Пошли къ цару, сказали, што за трыдевять зямель, у трыдевятомъ царстьви, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣкъ,—ёнъ самъ рубить, самъ сячеть и головы умѣсто кладеть. Нашъ Малъ Малышокъ можэть достать яго! Царъ призвавъ Малъ Малышка, кажыть яму: «а ти правда гэто, што за трыдевять зямель, у десятомъ царстьви, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣчъ, самъ рубить, самъ сячеть и головы у мѣсто кладеть? Кабъ ты мнѣ яго доставъ!» —Ёсь то ёнъ, ёсь, а достать ня можно!—«Ну, ня 'тказъ, а то отсяку голову сичасъ!»—Дайтя строку часы на тры подумать, якъ зьдѣлать! Пошовъ къ жарабку на конюшню, начавъ тужыть, што дрэнно стало жыть. У яго жарабокъ пытаетца: «чаго, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ тэй мечъ-самосѣчъ достать! «Ну, гэто, кажыть, ня служба, а служба-службочкой будеть! Молися Богу, ложысь спать!» Пошовъ ёнъ къ цару объясьнився, што привязэть мечъ. Помолився Богу, лёгъ спать. Назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився, сѣвъ на жарабка, и къ баби покативъ. Пріѣхавъ саму повночь. Яму жарабокъ кажыть: ти видивъ жа ты, дѣ мѐчъ?»—Видивъ!—«Иди, бяры тихынько, кабъ ина не почула,—ина тяперь сьпить. Скорынько назадъ утекай!» Ёнъ пошовъ, узявъ мечъ-самосѣчъ на полатяхъ, тихынько вышовъ съ хаты. Сѣвъ и поѣхавъ. Устала баба, якъ стало видно. Спознала, што у яе нѣхто бывъ. Оглѣдилася, ажъ меча нема. Яна узнала, што Малый Малышокъ. Вышла, сѣла на козла, тувкачъ у руки узила, сѣла на козла, тувкачомъ погоняеть, удругъ Малышку догоняеть. Кажыть яму: тяперъ зъ моихъ рукъ ня ўшовъ! Стали битца. Бибися, билися, Малъ Малышокъ зьбивъ козла. Пошла баба назадъ, говоручы: што щѐ будешъ у моихъ рукахъ!—Ну, тогды тоя будеть! Привёзъ Малъ Малышокъ мечъ-самосѣчъ цару. Царъ яго за гэто нагородивъ вышшымъ чыномъ, ундаръ-охвицэромъ.

Братòмъ большы стало завидно. Пошли узнова къ цару, говоруть: што òтъ, тамъ и тамъ, у тэй самой бабы ёсь гусьли-самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Малъ Малышокъ можэть доставить!» Призаваеть царъ Малаго Малышка, пытаетца: «ти правда гэто, што ёсь у тэй самэй бабы гусьли-самогулы, што самы играють, самы скачуть, самы пѣсьни пяють?»—Ня вѣдую, ваша царськое вяличество!—«Ня 'тказъ, а кабъ разузнавъ, а то отсяку голову у часъ!..» —Буду шукать! Пришовъ къ жарабцу и ставъ тужыть, што узнова стало худо на сьвѣти жыть. «Объ чомъ ты такъ засмутився?» гэто жарабецъ пытаетца.—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ отъ тэй-самэй бабы достать гусьли самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Да не вѣдую, ти ёсь!—«Ёсь, говорить, до-

станемъ! жарабецъ отвящая яму: «Садися поскорэй, держысь покрапчэй —мы якъ сигнёмъ, сичасъ къ баби присьтигнёмъ.

Пріѣхали къ баби. Ёнъ и сказуеть: «ступай у хату: якъ у хату увойдешъ на правой руцэ, на полатяхъ, лежать гусьли. Тольки тихынько бяры, кабъ яны не зайграли. Баба почуеть, яна тябе убъеть. Яна тяперъ вышла нѣкуды на малое ўрэмя!» Пошовъ ёнъ у хату, увышовъ направо на полатки, узявъ гусьли у своѐ лапки, вышовъ, сѣвъ и запѣвъ. Жарабецъ говорить: мовчы, баба убъеть! Поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ти много— ти мало, покуль баба разузнала, што гусьлявъ нема. Узила третьтиго козла, жалѣзный товкачъ,—нў погонять, Малышку догонять. Догнала, начила битца. Бились пуўтора сутокъ. Зьбивъ ёнъ яе козла. Тогды яна заплакала: огорчывъ мяне на вѣкъ! Поѣхавъ Малъ Малышокъ у дворъ привёзъ гусьли-самогулы. Узявъ царъ гусьли самогулы, ставъ ихъ жать, яны стали йграть—пѣсьни пѣть и плясать—што на ўсёмъ царстьви слыхать. За гэту службу нагородивъ царъ Малъ Малышка чыномъ хитьхвѐбалямъ.

Братомъ опять стало пущэй отъ яго. Ставъ ихъ службой натягавать лѣпи,—гэто за гэто за самое, што яны яго выдавали. Отъ нѣякъ то у тоя урэмя злучылося, што сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло. Пошли братьтя къ цару и сказали, што Малъ Малышокъ можэть узнать—отчаго. Призаваеть царъ Малъ Малышка, задаеть яму службу, кабъ разузнавъ, отчаго сонца на 'днымъ мѣсьти тры часы простояло. Ёнъ сказуеть: «никъ ня можно!»—Ну, ня 'тказъ, отрублю голову уразъ!—«Дайтя слободы часы на тры!»—Хуть и на сутки, можно!

Пришовъ ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть. Яму здалося, што ня придетца большы на сьвѣти жыть. А жарабецъ у яго пытаетца: «объ чомъ, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ разузнавъ, отчаго сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло! А жарабецъ яму говорить: «гэно ня служба, а служба службочка будеть! Садись да поѣдемъ!» Сѣвъ ёнъ, поѣхали. Ѣхали, ѣхали сутокъ съ троя. Пріѣхали къ мору, ажно ляжыть празъ мора чудо юда Рыба-Китъ, по ёй уси ходють-ѣзьдють. Поѣхали яны по гэтой рыбини, рыба у яго пытаетца:— «куды, Малъ Малышокъ, ѣдешъ?»—Къ сонцу, зачымъ простояло у такоя и такоя урэмя, на 'днымъ мѣсьти тры часы!—«Не забудься, спроси про мяне, што я на 'днымъ боку три годы ляжу *не зьля* мнѣ перавярнутца: уси по мнѣ ходють и ѣзьдють. Я табѣ за гэто отслужу!»—Добро, спытаюся! Пераѣхали празъ рыбу, пріѣхали туды, сонца закачуетца куды [1])

[1]) У разсказчика вообще пробивается стихотворческая жилка. Типъ баяна, слагателя пѣсенъ - припѣвокъ, складныхъ поговорокъ, присказокъ и т. п. Встрѣчается довольно часто. На свадьбахъ—столбовой бояринъ.

Увыйшовъ ёнъ у гэту землянку, ажны тамъ мѣсицъ. Давъ яму здрастуй, Малъ Малышокъ. Мѣсицъ у яго пытаетца: „зачымъ ты, Малъ Малышокъ, сюды забрався?“—Къ сонцу, распросить, отчаго на ‘дныимъ мѣсьти тры часы простояло! „Ну, Малъ Малышокъ: натку табѣ шубу, борджэй вывярни, да надивай, за печку полизай —заразъ совнійко прийдеть. Яно тябе спячеть. Ты тамъ слухай, а я буду говорить, покуль яно не такъ станеть жарко!“ Утъ ёнъ гэтакъ и зьдѣлавъ. Пришло сонца, загорѣлась уся хата, Малъ Малышокъ спёкся бъ, кабъ шуба не космата. Братъ сонцу кажыть: „къ табѣ чыловѣкъ прыѣхавъ, пытатца, чаго на ‘днэмъ мѣсьти простояло тры часы?—А дѣ жъ ёнъ? „За печкой!“—Вылизай сюда! Вылизъ, низко сонцу поклонився. Сонца у яго стало пропытувать: зь якого царства, хто? Ёнъ расказавъ. Яно яму сказало: „што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѣть, саноуправкой прадѣть. Гэтакія красивыя (род. пад) у сьвѣти нема. Я на яе углѣдився и тры часы простоявъ!“ Тогды ёнъ сказавъ про рыбу: «за што покутуеть тры годы на днэмъ боку, ти скоро отпокутуеть?»—«Пущай яна выкархнеть сорокъ кораблей, што проглынула на моры, тогды узнова пойдеть на мора гулять. И кабъ большы гэтаго ня дѣлала!“ Тольки не кажы рыбини, покуль пераѣдешъ, а то яна страханѐтца, тябе утопить!“ Малъ Малышка сонцу низко уклонився, у своё цартство воротився. Пріѣхавъ ёнъ къ рыби, рыба у яго спрашуеть, ти пытався ёнъ празъ яѐ?“—‘Къ пераѣду, тогды скажу!“ Пераѣхавъ, тогды ёй кажыть: ότъ, кажыть: выкархни сорокъ кораблей, исъ тымъ, проглынула ись чимъ! Яна ‘яму сказуеть, кабъ ёнъ якъ можно борджэй отъяжжавъ отъ мора: а то якъ страхануся, дакъ вода зальлѐ! Рыба своѐ грахи отпокутувала, пошла у мора. Малъ Малышокъ прыѣхавъ къ цару. Сказавъ цару, што вотъ сонца отъ того простояло тры часы, што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѣть, самоуправкой прадѣть. Гэтакія красивыя у сьвѣти нема. Яно на яе углѣдилося и простояло тры часы. Царъ яго за гэто нагородивъ службой яхвицэромъ.

Прожывъ трошки, царь ставъ думать празъ гэтую паненку Волынку, якъ ба яе достать. Уздумавъ Малышку приказать. Призаваеть Малышку, кабъ ёнъ доставъ яму паненку Волынку. Малъ-Малышокъ уздумавъ на рыбу—и кажыть: што подумаю, можа достану? Што рыба, бачъ, яму сказала тогды: што я табѣ отслужу! Пошовъ къ жарабку и ставъ плакать. Жарабокъ спрашыить: «чаго, Малъ-Малышокъ, засмутився?»—Якъ жа не смутитца, царъ щэ службу задавъ! «Якую?»—Кабъ доставъ тую паненку Волынку, што на моры у золотой човни плыветь, вясломъ воду грабеть, самоуправкой прадеть.—«Гэто ня служба, а служба службочка будеть! Ступай къ цару, набяры разныхъ хрухтовъ, и напитковъ и наѣдковъ,

тогды поѣдемъ!» Пошовъ ёнъ къ цару. Сказуеть: «Ваша царское вяличество: не вялитя казьнить, а позвольтя рэчь говорить! Дайтя мнѣ рублей на трыста разныхъ напитковъ—хрухтовъ!» Царъ гэто яму усё выдавъ, што ёнъ спрашувавъ. Забравъ ёнъ уси напитки, пошовъ къ жарабцу, кажыть: усё царъ давъ, што ты казавъ! Жарабокъ яму кажыть: бяры тяперъ балганъ, поѣдемъ къ мору!

Прыѣхали къ мору. Тяперъ пущай мяне на зялёные луга, а самъ будь у балгани за шинкара̀. Убачышъ, будеть ѣхать паненка Волынка тутъ, тогды поменьшы пи, а большы постукавай. Ина заглѣдитца на балганъ, подъѣдеть и будеть пытатца у тябе: коли тутытька ставъ жыть и чымъ занимаесься? Тогды ина будеть у тябе усихъ напитковъ просить, а ты старайся якъ можно, кабъ яѐ зловить! Ну, ёнъ шатёръ расьпявъ коло мора, расклавъ уси своѐ напитки, настоящый бухетъ [1]) устроивъ. Ну, сичасъ жа видить, нѣшто на моры поблйскуваеть. Вотъ и ѣдеть прамо, гэтая самая паненка Волынка у золотомъ човни, сама вясломъ грабеть, санопр̂авкой распрадываеть, ды шатеръ разглядываеть. Подъѣжжаеть къ шатру и распрашуваеть: «што гэто такоя за новое устройство? Сколькя прыѣжжала, ниразу не видала?»—Я тутытька новый, посялився зъ разнамы хрухтамы. У мене ёсь выпить и закусить, усяго того, што кому хочытца. У мене ёсь усяго довольно, и дешавòго и дорогòго, и сладкаго и пріятныхъ!—«Дайтя мнѣ одинъ стаканьчикъ сладкаго!» Ёнъ ей наливъ стаканьчикъ, кабъ разбирало. Ина вяселцо подала, съ човна: постанòвъ на вяселцо! Ёнъ постановивъ на вясло. Ина выпила, гроши у стакани назадъ подала. Поѣхала дальшы. Задумався Малъ Малышокъ: што тутъ была и ниякъ узять ня можно! Проѣхала ина трохи, стало у яе у головѣ разбирать. Вярнулась назадъ, кабъ смашнѣйшаго поспытать: «позволь, господинъ шинкаръ! дайка покрэпчаго и солодѣйшаго!» Ёнъ говорить: «радъ старатца ли вашыя милосьси! я зъ гэтаго жыву!» Наливъ стаканьчикъ крапчэйшаго. Яна вяселцо подала съ човна: постановъ на вяселцо! Ёнъ постанювивъ, ина къ сабѣ поднесла, выпила и заплатила. Поѣхала опять отъ яго. Проѣхала трохи, зашумѣло у головѣ луччы. Надумала щэ чарку выпить, трэтьтію. Прыѣхала назадъ, спрашуеть у яго: «ти ёсь у васъ крапчэйшыя?»—Ёсь крапчэйшыя! Тольки дорого!—«У мяне грошый хватить!» ина отвящаеть. Ёнъ наливъ стаканъ. Подала ина вяселцо попрежнему. Ёнъ ёй сказуеть:—«прошу васъ, вашыя милосьси,—не прогнѣватца: гэто дужа дорого, вы хмялны трохи,—я тожа, упадеть зъ вяселца, разобъетца разольетца,—прошу милосьси зъ рукъ узять!» Яна потплыла ближы, протягнула руку, а ёнъ у воднэй руцэ стаканъ дяржыть, а другой рукой яе

[1]) М. Толочинъ при желѣзнодорожной станціи съ буфетомъ.

потхвативъ: будь, милая, тутъ! Свиснувъ на жарабка. Жарабокъ прибѣгъ. Забравъ усё своё къ сабѣ, яе на сябе, на жарабка сѣвъ, и поѣхавъ.

Привёзъ паненку Волынку къ цару. Царъ увидивъ яе, яѐ красоту, не ўсядѣвъ на своёмъ мѣсьти. Подарывъ яго чыномъ капитаномъ. Пожывъ царъ съ паненкою дня два, задумавъ зь ёй жанитца! Ина сказуеть: «ня ўрэмя мнѣ жанитца! Я у гэтой одежы ня буду жанитца. У мяне ёсь *сандукъ* зялѣзный, трыста пудовъ, у моры ляжыть. Достань сандукъ, я раззодѣнусь, тогды будемъ жанитца!» Ёнъ призвавъ Малъ Малышку: «ёсь у моры, каеть, сандукъ зялѣзный у трыста пудовъ, кабъ яго доставивъ!»—Ни якъ, говорить, ня можно!—«Ня 'тказуватца, а то 'трублю голову у разъ!»—Дайтя ня много подумать!—«Думай, скольки хочышъ!» Отправився ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть,—плохо пришло жыть! Жарабокъ у яго пытаетца: «што, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ, кабъ зъ мора доставъ сандукъ жалѣзный у трыста пудовъ!—«Гэто ня служба, служба службишка будеть. Ступай къ цару, нехай дась мечъ-самосѣчъ!» Пошовъ ёнъ къ цару, узявъ мечъ-самосѣчъ. Поѣхали къ мору. Жарабокъ говорить: пущай по малой рыби, по головахъ, мечъ-самосѣчъ! Ёнъ пусьтивъ мечъ-самосѣчъ у мора, и каеть: самой меньшай рыби головы сьсикай и у одно мѣсто зьбирай! Мечъ и начавъ своё работать. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «Малъ Малышокъ, перастань мою силу портить: што табѣ трэба, тоя будеть!»—Ёсь у моры сындукъ трыста пудовъ, жалѣзный, паненки Волынки: мнѣ яго трэба достать! Яна послала рыбу. Оглѣдили гэтый сындукъ сказують: ёсь! Ина каеть Малышку: «отъижжай якъ можно на трыста вёрстъ, я брошу гэтый сындукъ табѣ на руки,—лови яго якъ можно! А коли ня уловишъ—у землю упадеть, тогды сусимъ пропадеть—нихто не достанеть!» Узявъ ёнъ мечъ-самосѣчъ, отскочывъ на трыста вёрстъ, чуеть—грымить и стучыть—сындукъ къ яму лятить. Ёнъ сындукъ споймавъ, сичасъ у цара ставъ. Царъ за гэту службу чыномъ ротнымъ нарадивъ.

Тогды царъ сказуеть паненцы Волыцы: будемъ жанитца! Ина сказуеть: чымъ сындукъ отпѐрти?—Ёсь ключы у моры золотэя, пятсотъ пудовъ,—ключы трэба достать! Призвавъ царъ Малъ Малышка, задаеть яму гэту службу. Малъ Малышокъ говорить, што достану,—бязъ спору. Узявъ опять мечъ-самосѣчъ, прыѣхавъ къ мору, пусьтивъ мечъ-самосѣчъ по сярэдьній рыбы по головахъ. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «што табѣ трэба, Малъ Малышокъ?»—Ёсь у моры ключы отъ того сындука, золотэя, пятсотъ пудовъ. Трэба достать!—«Уними мечъ-самосѣчъ, достанемъ!» Послала рыбу шукать ключовъ. Шукали, шукали, не нашли. Такъ и съ отвѣтомъ пришли: нема ключовъ! Малъ Малышокъ знова мечъ-самосѣчъ пусьтивъ по большэй рыби. Юда-рыба говорить: уними мечъ-самосѣчъ,—разыщымъ ключы! Ина собрала усихъ, которыхъ у води ёсь, по зямлѝ

повзують, жабъ, араковъ—и послала шукать ключовъ. Шукали, шукали —не нашли. Узновъ такъ пришли. Давай ина щытать усихъ, которыя шукали,—уси ёсь, одного арака нема! Ажно повзётъ и ракъ. «Нашовъ ключы! говоритъ: были глыбоко пяскомъ занёшаны!» Сказала рыба Малышку: отъижжай на пятсотъ вёрстъ: я брошу ключэй! Ёнъ отъѣхавъ на пятсотъ вёрстъ, чуетъ—шумитъ и звинитъ—ключы къ яму летятъ. Ёнъ схвативъ гэты ключы, притащывъ цару, подавъ ключы. За гэтаю службу вышшымъ чыномъ нагородивъ,—полковникомъ.

Такъ царъ говоритъ паненцы Волынцы: будемъ жанитца! Ина сказуетъ яму: я у твоёмъ суборы ня буду вяньчатца: мнѣ кабъ за 'дну ночъ бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбряная. Мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ были насоўжданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дѐравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла. Тогды буду вяньчатца! Призвавъ ёнъ Малъ Малышку, задавъ яму гэту службу.—Ниякъ ня можно гэтой службы сослужытъ! Царъ кажытъ: хошъ, мнѣ придетца топоръ и плаха, а ты гляди, кабъ была смярдотна рубаха!—Дайтя строку дни на два надуматца, разузнатъ дѣло. Пошовъ къ жарабцу, ставъ горко плакать. Ставъ у яго жарабокъ спрашуватъ: «што такъ крэпко заплакавъ, Малъ Малышокъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать? придетца съ свѣтомъ расстратца! и съ тобой распрощатца!— «За што такъ?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—А кабъ за одну ночъ бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбраная; мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ были насоўжданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дѐравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ, дванатцатъ сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла.—«Отъ, ето служба, не службишка,—служба—я не помогу! Тольки табѣ наговору: иди къ паненцы Волынцы; якъ можно яѐ проси,— можа ина зьмилуетца надъ тобой!»

Пошовъ Малышокъ къ паненцы къ Волынцы! Ставъ яе упрошать, низкамы уклонамы умолятъ, кабъ гэту службу яму помогла. Ина яму сказала: «Малъ Малышокъ, ня думай: молись Богу, ложыся спать, черазъ ночъ будетъ готово! Тольки справъ хорошаю мятёлочку, по мосту подметай. И приди, цару объясьни, што готово!» Подякувавъ Малышка паненцы, по-

шовъ на своё мѣсто. Помолився Богу щырымъ сэрцамъ, лёгъ спать. Нискольки не спалòся, усё думалося,—якій ужэ сонъ? Ставъ вутрушкомъ рано, вышовъ къ рэццы, усё исправно. Пошовъ къ цару. Ваша вяличество, службу сослужывъ, усе йсправивъ—можно у суборъ итить. Отъ, царъ яго княземъ наградивъ, чыномъ. Узявъ ёнъ мятёлочку, пошовъ къ мосту —дѣ подмятеть, дѣ почисьтить, дѣ вѣточку поправить на дерави.

Разодѣвся царъ съ паненкой Волынкой, пошли у суборъ. Деравы цвитять; у суборы свѣчы горать: пѣвшыя пяють; огонь горыть перадъ субо ромъ, смола кипить у котлѣ... Пришли къ огню, къ большому котлу. Яна говорить: вамъ напярòдъ ити, а я ўслѣдъ за вамы пойду!—гусакъ заўсягды попèраду идеть, а за собой гўсину вядѐть! Царъ призвавъ Малаго Малышка, пославъ яго попèради. Малъ Малышокъ, якъ пошовъ, такъ прамо и перайшовъ. За имъ пошовъ царъ—увалився у котёлъ, увесь ёнъ такъ и пожаръ,—увесь, большы ня будеть. За царомъ паненка Волынка якъ перайшла, Малъ Малышка за рукў ўзяла, у суборъ увышла, обвиньчались. Оттулитька узнова перашли. Туды ишли деравы цвитѣли. Оттудова идуть,—разные винограды посьпѣли,—а яны ядуть.

Тогды Малъ Малышокъ зьдѣлавъ пиръ на ўвесь православный хрысьянскій миръ. И стали тамъ жыть—пожывать, добра нажывать.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, по бородѣ тякло, у ротъ не попало. Дали мнѣ оттуль смоляную кобылу ѣхать, рэпъяя сядлò, гороховую пугу. Ѣду я оттуль, ажъ у мужука токъ горыть. Я пошовъ тушыть,— кобыла отъ огня растала, сядло свиньни зьѣли, пугу вороны расклювали. Тогды я ставъ тургувать кирпичомъ;—застався не причомъ.

М. Старый Толочинъ, орш. у. От кр-на Максима Өедосовова, 42 л., малограмотнаго.

32. Трёмъ-сынъ Безыменный.

Нѣ ўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, не именно у томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И ў ихъ не былò дятей. Посьли, подъ старосьть давъ Богъ имъ, родила старуха сына. Пошли яны за бабою—баба ня йдѣть бабить. удивляетца етому, што баба вѣкъ не роджала, а подъ старосьть родила. Ну баба ета не пошла бабить. Пошли кумовъ звать,—и кумы не пошли хрисьтить. Пошли къ попу,—попъ не ўзявъ хрисьтить. Остаетца етый младенецъ нехращоный. И узросъ ёнъ ужо мальчишка порядошный, ставъ на вулицу ходить. Стали яго мальчишки звать Безымённымъ. Приходить ёнъ домой и говорить своей матери и отцу: матушка, почаму ето мяне зовуть мальчишки Безымённымъ? Мать уздохнула: „мой ты сынокъ! я тябе родила, пошла бабу

звать,—баба не пошла; пошла кумовъ звать,—и кумы не пошли; къ попу понясьли,—и попъ не ставъ хрисьтить!“—Матушка, говорить: сшійтя вы мнѣ свитку и поясъ, купитя и шапочку и чаботы! Тоды яны справили яму, ёнъ одѣвся и прощаетца зь ими, и отправляетца отъ ихъ. Мать заплакала слезно и сказалз: мой сынокъ! подъ старосьть Богъ давъ намъ тябе на потѣху, а ты насъ покидаешъ?

Ну, пошовъ ёнъ путёмъ дорогой и зайшовъ у лѣсъ. Ишовъ лѣсомъ троя судокъ. И найшовъ у лѣси, стоить хатка. У етой хатцы спасалися три пустэльники. Ёнъ приходя къ имъ, уклонився имъ. И стали яны у яго опрашавать: откуда ты, молодый юношъ, и по якой няволи зайшовъ сюды? Ёнъ расказавъ имъ ету обвязнось свою, што ёнъ нехращоный на сьвѣти ёсьть,—што не пошла баба къ яму, кумы не пошли, и попъ не ставъ хрисьтить. Тогды яны яго узяли, охрисьтили, и дали яму имя Трёмъ-сынъ,—усимъ трёмъ пустэльникамъ, значитца.

Ну, стали яго питать и стали яго грамоти учить. Бывъ ёнъ у ихъ у навуцы лѣтъ не меньши десяти. И зьдѣлавйя ёнъ парнюга уже порядошный. Грамоти ёнъ доучився якъ слѣдуеть,—яны яго довучили. Тогды й проситца: отцы моѐ родимые, говорить: пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать!—Хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое доброе завйсенъ. Тогды занясьли яму напярёдъ, куды ёнъ будеть ѣхать, три клунки серебра, и дали яму коня не сѣдлàнаго и не муздàнаго—занясьли серябро и посыпали. Ёнъ и поѣхавъ.

Доѣхавъ ёнъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. Яны, усмотря ето, и говорють: нѣ, Трёмъ-сынъ, воротись ка назадъ, не пора табѣ отъ насъ отъѣжжать, ящѐ ты зàвисенъ на чужое добрò! Тогды ёнъ опять служивъ у ихъ годъ. Годъ вышовши, опять проситца у вотцовъ: „отцы мое родимые, отцы мое милосэрные, пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Яны опять: хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое добро завйсенъ! Тяперь занясьли опять три клунки золота и дали яму коня несѣдланаго и немузданаго. Ёнъ доѣхавъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. А яны, смотрють усё. Тяперь яны опять: „воротись, Трёмъ-сынъ, назадъ: не пора ще табѣ отъ насъ отъѣжжать. Ёнъ воротився, опять годъ у ихъ служивъ. Отслужомши годъ, опять проситца такъ жа: отцы моѐ родимые, отцы мое милосэрные! Пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Тогды яны дали яму коня—засидлали и замуздали. И занясьли три ношки ружъявъ, и повѣсили на древи. Доѣжжая ёнъ до етыхъ ружъявъ, облюбовавъ сабѣ одно ружжо, и узявъ сабѣ тольки одно, и поѣхавъ зъ ружжомъ зь естымъ. Яны скричали на яго: „Трёмъ-сынъ! воротись назадъ, отъ, мы тябе тяперь пусь-

тимъ, благословимъ!" Ёнъ вярнувсь. Благословили яго, ну и сказують яму: „будешъ ты ѣхать через етый лѣсъ, троя судокъ будешъ ѣхать, и выѣдешъ ты изь естаго лѣсу подъ столишный городъ,—такъ ба, якъ потъ Питирбурхъ. И будеть тамъ большая гора и на горѣ на етой будеть Жаръ-птица. Ты разъ разгонься на коні, ня уловишъ яѐ. Тогды и другей разъ, и тожа ня уловишъ. А у третьтій разъ ты скокнёшъ, и ухватишъ Жаръ-птицу за хвость и вырвешъ три пера. И положъ ихъ ты сабѣ у карманъ. А коня пусьти у заповѣдные луги, у скрытные. А самъ иди у городъ, и появися къ царю. У царя коросьливыя лошади. Ёнъ уже искавъ, искавъ лекарей,—нихто ня можеть вывесьти етыя коросты. И ты возьмися етыхъ коней лячить. Ну и тольки, говорють,—зарёю вячернею и вутреньнею етыми перушками потри ихъ,—изьдѣлаютца кони такіе, што любо смотрѣть на ихъ!" Ну тоды, ёнъ откланився имъ и поѣхавъ. А яны приказали: „икая табѣ будеть потордча нещасная, ты выйди зъ города и скрикни свойго коня, и ёнъ къ табѣ прибудеть, и ёнъ табѣ будеть совѣтъ давать!" И поѣхавъ ёнъ.

Ѣхавъ троя судокъ, выѣжжаеть ёнъ къ етой горѣ къ крутой. И летаеть Жаръ-птица. Ёнъ разъ разогнавсь,—не поймавъ. Другей разъ разогнався—не поймавъ. Третьтій разогнався—вырвавъ исъ хвоста три перушки. И пусьтивъ своиго коня у скрытные луга, а самъ пошовъ къ царю у во дворецъ. Докладуютца царю, што вотъ нашовся такой то масьтеръ, што ёнъ можать коросту вылячить зъ лошадей. Призываеть яго царь къ себѣ и опрашаваеть: можашъ ты, братецъ, вылячить?—Могу, ваша нпираторское вяличество! И отправляетца ёнъ на конюшню. Дожадая ёнъ вячернія зари, и узявъ ёнъ етыми пёрушками коній гладить. И сичасъ короста ета облѣзла и зьдѣлались кони, што любо глядѣть. И опять, дождавши вутреньнія, тожа такъ зьдѣлавъ. Докладывають царю кучары, которые при ёмъ служили упярёдъ: ваша нпираторское вяличество, вы тяперь вашихъ коней не увознаетя! Царь ня могъ утярпѣть, пошовъ смотрѣть. Поглядѣвъ на коній, и узрадовався. И призывая Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашавая: Трёмъ-сынъ! чимъ мнѣ тябе за ето наградить и пожаловать? Ёнъ сказуя: ваша нпираторское вяличество! ничаво я не хочу вашаго жалованьня и награды, а буду служить при вашай конюшни! Царь тяперя призывая усихъ кучарёвъ своихъ, которые яму прежде служили и приказуя имъ, штобъ яны яму повиновались и слушали яго: а если ня будуть, то катай ихъ, якъ самъ знаешъ!

И етыя кучары обидѣлись за ето, што можа который служивъ годовъ по дватцать пять, а ёнъ сягодьни поступивъ,—икъ яму подъ начальство итить. Ну, теперича и стали радитца мижда собою: якую бъ яму подвесьти штуку, штобъ яго исъ свѣту збавить? И пошли яны яго каравулить,

чимъ ёнъ етыхъ коней лѣчить. И не спали яны усеѐ ночь. Дождалися яны зари; Трёмъ-сынъ сичасъ вынимая еты три пёрушки и ставъ коней гладить. И уся конюшня загорѣлася якъ отъ огня—ясно зьдѣлалось. Тогды, якъ царь уставъ, такъ ины пошли къ яму. „Ваша царьское вячество, говорють: Трёмъ сынъ не своею, говорить, силою лѣчивь коней! Якъ ёнъ вынивъ три пёрушки нѣйкихъ, дыкъ мы думали што уся конюшня загоритца!“ Царь призвавъ тяперь Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашуя у яго: „Трёмъ-сынъ, што—чимъ ты лячивъ коней?“—Есьть у мяне зъ Жаръ-птицы три перушки!—„Ну, и ступай! Чимъ лѣчивъ, тымъ и лячѝ!“ Тогды яны опять обдумалися - пойдемъ, скажемъ царю, што ёнъ пьяный пришовши, хвалився, што—я могу Жаръ-птицу достать, говорить:—тоё, съ которыя пёрушки вырвавъ. Призываѝя яго царь къ сабѣ и говорить яму: Трёмъ-сынъ, ты учераѝ пьяный пришовъ и хвалився, што могу Жаръ-птицу достать? говорить. Тогды ёнъ говорить: не могу, ваша царьское вяличество! Якъ жа можно достать? говорить. На 'твѣтъ сказуя царь: „если ты не достанешъ мнѣ Жаръ-птицы,—моя мечь, твоя голова будеть съ плечъ!“ Трёмъ сынъ тогды заплакавъ и пошовъ зъ города вонъ.

И скричавъ своёго добраго коня: „конь мой милый, конь мой любый! а дѣ бъ ты бывъ, штобъ ко мнѣ прибывъ!“ Бягить къ яму конь, и бягить и ржеть. И припавъ на колѣнкахъ перадъ имъ. „И што, говорить, Трёмъ-сынъ—табѣ бѣда?“—Бѣда, говорить, конь добрый мой! Загадавъ мнѣ царь загадку,—не знаю, якъ яе й перетерпѣть! Конь ему сказавъ: „не робѣй, Трёмъ-сынъ! ето не бѣда, а бѣда ще уся уперядѣ! Скажи царю, штобъ ёнъ зьдѣлавъ етакіе напитки, составивъ, штобъ одно одного сладжѣй было и пьянѣй. И нехай ёнъ табѣ дасьть винчалную скатерсьть, которая на столѣ была, якъ ёнъ винчався. И нехай скуеть три пруты жалѣзныхъ: одинъ сабѣ прутъ возьми, другій кучеру, а третьтій хвалетору. И карету нехай запригуть самую первѣйшую. И поѣжжай туды къ горѣ къ той. Тамъ стоить дубъ. И на дуби ина тамъ ночуеть. И ты пріѣдь и расьтели ету скатерсьть подъ дубомъ, и поставъ етыя напитки усѣ, и поткрый ихъ! Тогды кучары нехай отъѣдуть оттудова, и самъ ляжъ у скрытномъ мѣсьти и ляжи до уремя. Ина якъ устанеть, такъ и злятить на ету скатерть и станеть етыя напитки кушать. И зьдѣлаетца ина пьяна, и тутъ жа ина перевалитца, ляжить, лежать будеть. Тогды ты приходи, и бяри яе у лѣвую руку и згарнувай скатерть ету и забирай кубки и няси ў карету. И поѣжжай пошибчѣй—кучера по плечахъ сьтегай прутомъ, а кучеръ нехай лошадей стегаеть; и хвалетора такжа. И будеть ина скидаватца змяёю тамъ и усякой гадосьтю—жабой, ящиркой, мышшу, ну ты яѐ не пускай, у рукахъ, говорить, дяржи ды й дяржи!“

Ну, ёнъ такъ и сказавъ царю. Царь етыя составы усѣ составивъ и придоставку яму давъ, якъ слѣдуеть, повную. И поѣхавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго. И разославъ скатерть ету, и поставивъ етыя кубки зъ наливками. И самъ отышовъ въ вӧдаль лёгъ, и кучаровъ отогнавъ оттуль, штобъ ина не видала ихъ. Тогды ина дождавшись зари и злетаеть ина зъ дуба, увидивши етую скатерть и наливки—кубки етыя стоять. И подлятѣла сичасъ къ кубкамъ къ етымъ, и стала кушать напитки етыя. И зьдѣлалась ина пьяна, и сичасъ жа на скатерсьть на ету брыкъ! и завалилась. Тогды подбѣгаеть Трёмъ-сынъ, и бяреть яѐ у лѣвую рукў, и скричавъ кучаровъ, штобъ подъѣжжавъ сюды поскорѣй! Тогды згарнувши скатерсьть и кубки етыя, и ў карету кладеть. И самъ зь ёю садитца, зъ Жаръ-птицай. И зачавъ сьтегать кучара прутомъ жалѣзнымъ, а кучаръ лошадей, а хвалеторъ тожа лошадей.

А зь яе хмель сичасъ вышовъ, ина стала скидаватца усякой гадосьтю. А ёнъ держить у рукахъ, не пускаеть,—не ᵕбробѣвъ. Ина изновъ стала Жаръ птицай, якъ была на своёмъ мѣсьти. Привозють яны яе у царьскій домъ. Подаеть ёнъ яе царю—и дайжа увесь дворецъ засьявъ. Тогды царь спрашуя у яго: «чимъ тябе жаловать за ето, Трёмъ сынъ?»—Ничӧго не хочу, ваша царьское вяличество—опять иду служить при своей должносьти, опять на конюшню! Ну, царь дужа доволенъ остався Трёмъ сыномъ. И говорить: «гляди жъ ты за кучарами хорошенько, катай ихъ моей рукою!»

Ну, ёнъ пошовъ по конюшни, идѣ непорядки найдеть, положить кучера да штукъ пятьдесятъ—шестьдесятъ закӧтить: знайтя! вы мнѣ находитя дорогу, и я вамъ найду! Ну, тяперича, собрались еты кучары, и говорють: ёнъ насъ прогонить, прийдетца ити прочь отъ яго.

На етый случай, зьдѣлалось, три дни и три ночи было затменія. И отгадовавъ царь, и находивъ такихъ людей, и по книгахъ шукавъ,—отчаго бъ ето три дни и три ночи затменія было? Кучары етыя опять собравшися—пойдемъ, говорить, заутра къ царю, и скажемъ, што ёнъ пришовъ пьяный и хвалився, што нихто не можеть узнать, отчаго затменія было, три дни и три ночи,—ни царь, нихто, а я, говорить, могу узнать! Пошли яны къ царю: ваша царськое вяличество! учера пришовъ Трёмъ-сынъ, пьяный и говорить: што вотъ, нашъ царь не могъ узнать, отчаго три дни и три ночи затменія было, а я, говорить, могу узнать!.. Призываеть яго царь: „Трёмъ-сынъ! што ты ўчера пьяный говоривъ?"—Ничого не говоривъ, ваша царськое вяличество.—А ты, говорить, говоривъ, што могу узнать, отчаго три дня и три ночи затменія было!—Якъ жа можно, говорить, ваша царськое вяличество, узнать божжаю луну?—Нѣ, Трёмъ сынъ! если ты не ўвознаешъ, то моя мечь, а твоя голова доловъ съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ-сынъ, заплакавши опять изъ города вонъ. Искричавъ своиго добраго коня: «Конь мой милый: адѣ бъ ты бывъ, коли бъ ко мнѣ прибывъ!» Конь бяжить, копытомъ зямлю бьѣть:—а што, говорить, Трёмъ сынъ?—табѣ бѣда?—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Не тужи, говорить, Трёмъ сынъ! ето не бѣда, бѣда ящо уперядѣ будеть! Скажи царю, нехай табѣ клубокъ ссучить у три нитки: нитка золотая, нитка серебряная и шавковая. И пусьти етый клубокъ, будеть ёнъ катитца уперяди, и ты усьлѣдъ иди! И ёнъ покотитца къ сонцавой матки. И тамъ ты увознаешъ, отчаго три дни и три ночи затменія было!»

Царь яму, ня довго думаючи, ссучивъ клубокъ етый. И вышовъ ёнъ за городъ, и пусьтивъ клубокъ етый. И покатився етый клубокъ, и ёнъ усьлѣдъ за нимъ идѣть. Котитца етый клубокъ, стоять два колодезя изъ водою, обоя повны. И ли колодезей стоить старуха зъ вядромъ: и съ одного бяреть, у другей иљлеть, и у томъ не прибавляетца, и у томъ не убавляетца—и обое повны. Ёнъ приходя къ ёй: помогай Божа табѣ, старушка!—Спасибо! Куды тябе Господь нясеть, Трёмъ-сынъ? «А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашавать—чаго три дни и три ночи затменія было! —Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу, говорить. Покуль ба мнѣ етыя колодези переливать?—Хорошо, говорить

Прикачуетца опять—бьютца воронъ изъ выдрами. Кровъ зь ихъ плувѣть. Ёнъ потходя къ имъ, говоря: „помогай Богъ!“—Куды тябе Богъ нясеть, Трёмъ-сынъ?—А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашувать, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянися, говорють, и объ нашу душу—докуля намъ битца?—Позабивалися, говорють, до полусмерти, нема знать, за што! —Хорошо, говорить. Теперь покатився клубочикъ и прикачуетца,—стоить тынъ. И старикъ бѣгаеть коло яго—одну сторону подниметь—другая валитца; ёнъ тую подниметь—тая валитца! Бѣгая съ одного боку на другей и не поставить ниякимъ родомъ! Помогай Богъ, старичокъ!—Здоровъ, здоровъ, Трёмъ-сынъ! куды тябе Богъ нясеть, говорить. А йду говорить, къ сонцавой матки, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу: докуль ба мнѣ етый тынъ поднимать?—Хорошо, говорить, помянусь.

Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ у дяревню. И бѣгаеть мужикъ по дяревни, и саджаеть кулами у вокны—у одные торканеть у вокно, ды къ другей побяжить, у другей торканеть, къ третьтей побяжить. Бѣгаеть ды й усё. Тоды ёнъ говорить: Помогай Богъ табѣ!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ! куды тябе Господь нясеть?—А иду къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись, говорить, тамъ объ мою душу, докуля бь кулаки ето мнѣ саджать у вокны?—Хорошо, говорить, по-

мянусь. Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ къ морю. Терязъ мо̀ря ляжить китъ рыба, и по ей дайжа колявѝны выбиты, ѣдучи на колёсахъ. Помогай Богъ табѣ, китъ рыба!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ. Куды тябе Богъ нясеть?—А къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись тамъ объ мою душу, покуля бъ мнѣ тутъ лежать? хуть ба Господь мнѣ позволивъ другимъ бокомъ поворотитца!—Хорошо, говорить, помянусь... Перекатився ёнъ терязъ моря, и покатився ёнъ у дубнѝкъ—бывъ дубникъ силный тамъ—лѣсъ дубовый.

И прикачуетца—у лясу у томъ стоить хатка. И ина уся—сьтѣны побпалены, побсмалены. Укачуетца у хату клубочикъ, и ёнъ услѣдъ за имъ. Стрѣчаетъ яго сонцава матка, старушка, и спрашуя яго: Трёмъ сынъ! ти по хоти ты, ти по няволи идешъ?—Мать, говорить, старушка: не такъ я по хоти, якъ по няволи!—хочу̀, говорить, свою душу̀ спасьти отъ нахалныя отъ смерти! Расказавъ свою обиду: «повялѣвъ мнѣ царь увознать: отчаго три дня и три ночи затменія было? А не узнаю, дыкъ царській мечь, а моя будетъ голова съ плечъ!» Тоды ина яго попоила и покормила, дала яму ѣсьть и напитца, якъ слѣдуеть. На ночь ина яго завярнула у дванатцать кожъ. И положила яго у скрыню у большую. И расказавъ ёнъ ёй уси етыя продухты: вотъ, матушка старушка! якъ ишовъ я сюды, и прикатився мой клубочикъ къ колодезямъ. И стоитъ тамъ старушка зъ вядромъ, и переливаеть воду̀ изъ одного колодезя у другей, и обоя повны. А тогды прикатився клубочикъ—бъютца вороны зъ выдрами, ажъ кровъ плуветъ. А тогды бѣгая старикъ коло тыну, и ни якъ яго не поставя; а другѐй бѣгая по дяревни и кулаки то̀ркая у вокны. А тогды прикатився клубочикъ къ морю. И ляжить китъ-рыба терязъ мо̀ря, и по ей да̀йжа колявины выбиты отъ ободьдявъ. И просили яны спомянуть ихъ души, поколь имъ еты муки тярпѣть?

Ну, ина ето выслухала, увярнула яго у дванатцать кожъ, и положила яго у скрыню. И послала сабѣ посьтель на скрыни, и говорить: слухай, тутъ я буду у сына опрашавать! Я сама яго сяньни дожадаю на ночь,—яго три дни дома не было. Тяперь, якъ совнушка захо̀дить, стала хата лопать—тресь-тресь! тресь-тресь! Ускакуеть ёнъ у хату: здрастуй, матушка моя!—Здоровъ, мой сынокъ. А йдѣ тябе Господь носить?—Ахъ, матушка, не спрашавайтя мяне! А я у досади у большой! говорить. Дала яму вячерить. Ёнъ повячеривъ, и лягли спать на етый скрыни. Тогда мать ета нямножко полежала, ‘другъ и здрыгнулася, испужалася бытто. Сонца опрашуя: чаго вы, матушка, ето спужалися такъ?—Мой сынокъ! видила я уво снѣ, што три дни и три ночи затменія было̀. Почаму ето такъ?—Матушка, говорить, вы не знаетя мо̀е досады: ёсьть у мори Прекрасная Настасья. Я хотѣвъ моря выпалить и за сябе Прекрасную На-

стасью узять, у супружаство сабѣ. 'Къ я моря троя сутокъ паливъ. И не выпаливъ, и Прекрасную Настасью не узявъ!..

Опять, полежавши, мать опять здрыгнулася. Опять ёнъ спрашуя: матушка, чаго вы ето пужаетеся?—Увидила уво снѣ, мой сынокъ: кажетца, терязъ моря ляжитъ Китъ-рыба; по ёй колявины выбиты. И ина ляжитъ и не шавельнётца.—А вотъ, матушка, говоритъ: ина много людей проглынула, поѣла, дайжа корабли поѣла. Колибъ ина выхаркнула хуть третьтію часьть, ёй ба Богъ гряховъ отпусьтивъ ба!.. Опять матушка полежала опять здрыгнулася. Сонца спрашуя: матушка, чаго вы такъ сягоньни пужаетеся?—Мои сынокъ! видила я уво снѣ: старикъ бѣгая, говоритъ, по дяревни, саджаетъ руки у вокны.—Оттого, матушка, говоритъ сонца, што люди у яго просилися на ночь, а ёнъ не пусьтитъ. Церезъ ето много люди рукъ и ногъ потмаражавали. Коли ёнъ покаетца, Богъ гряхи яму отпусьтя. Опять мать полежала, здрыганулася.—Чаго вы матушка?—Ахъ, мой сынокъ! видила я уво снѣ: кажетца, вороны зъ выдрами бьютца, ажъ кровъ плуветъ. За што имъ ето такъ?—Оттого, говоритъ, матушка, што ня слѣдуетъ двѣ пары кумовъ братъ на 'дного рябёнка,—а то яны за хресьника дярутца: тэй къ сабѣ тянетъ, а тэй къ сабѣ! Нехай яны покаютца, Богъ гряховъ имъ отпусьтитъ!

Опять матушка здрыганулася, полежавши. Ахъ, мой сынокъ! видила я, што старикъ тынъ держитъ, и ниякъ не удержитъ. Отчаго ето?—Оттого, говоритъ, матушка, што на етомъ сьвѣти ёнъ казавъ: абы якъ нибудь тутъ прожитъ, а на томъ сьвѣти хоть тынъ потпиратъ! А того не знаетъ, якъ яго потпиратъ. Нехай покаетца, Богъ яго гряховъ просьтитъ. Опять мать здрыганулася. Ахъ, мой сынокъ: видила я уво снѣ, што баба воду изъ колодезя у колодезь переливаетъ, и обоя повны. Отчаго ето?—А вотъ отчаго, говоритъ — матушка: люди хлебали водичку, а ина ѣла молочко. У чужихъ коровокъ отбирала. Каба ина покаилася, Богъ ба гряховъ отпусьтивъ ба!

Ну, поговоривши и заснули. Тогды, якъ совнушка усходитъ, и сичасъ распрощався зъ маткой и пошовъ: прощай, матушка! Тогда ина отпираетъ скрыню ету и вапущаетъ яго вонъ, съ кожъ выворачуваетъ. И опрашуя яго: ну, слыхавъ ты, Трёмъ-сынъ?—Слыхавъ, говоритъ. И пошовъ ёнъ, отправився. Распрощався, поблагодаривъ ёй за хлѣбъ-соль.

Приходитъ ёнъ къ китъ-рыби, китъ-рыба спрашуя: ну, што, Трёмъ-сынъ! ти спросивъ ты объ мяне? Тутъ ёнъ говоритъ: дай, китъ-рыба, перяйду, тогда скажу табѣ! Ну, перяйшовъ и говоря: покайся ты своимъ грѣхамъ, выхаркай хуть третьтію часьтъ людей и кораблёвъ, што ты проглытила, тогда тябе Господь просьтитъ грѣхамъ твоимъ! Пошовъ дальши. Приходитъ ёнъ, адѣ бѣгавъ старикъ подъ-оконью. Старикъ опять обо-

рочаетца: Здоровъ, здоровъ. Трёмъ сынъ, говорить. Ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувъ! говорить. И штобъ ты, говорить, людей пускавъ на ночь, ночавать, тогда тябе Господь простить твоимъ грѣхамъ! Опять пошовъ ёнъ до етыхъ до выдровъ и до вороновъ. А што, Трёмъ сынъ, ти помянувъ нашу душу?—Помянувъ, говорить: Покайтеся своимъ грѣхамъ, говорить, то Богъ просьтить грѣхамъ вашимъ, и прикажитя, кабъ по двѣ пары на дного рябёнка не брать кумовства! Приходить ёнъ икъ тыну къ етому. Старикъ опрашуя опять: Трёмъ сынъ! ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувся, говорить. Ну й покайся своимъ грѣхамъ, тябе Господь просьтить. Пошовъ ёнъ до колодеся. Старуси етой говорить, што перестань ты ето дѣлать, молоки отбирать, и покайся своимъ грѣхамъ, тябе Богъ просьтить.

Пошовъ ёнъ до царя. Появляетца къ царю. Царь изъ имъ поздоровкався,—Ну што, Трёмъ сынъ: ти увознавъ ты, отчаго три дни и три ночи затменія было?—Увознавъ, говорить, ваша царськое вяличество: ёсьть у мори Прекрасная Настасья, и хотѣло Сонца моря выпалить и за сябе Прекрасную Настасью узять у супружаство!

И етымъ царь бывъ крѣпко доволенъ и опрашуя: Трёмъ сынъ! чимъ тябе жаловать?—Ничого, ваша царськое вяличество не хочу,—хочу при своей должносьти служить опять. Пошовъ ёнъ на конюшню и поглядѣвъ за порядками, и узявъ етыхъ кучарёвъ опять по своиму заливать имъ. Ну яны опять собралися, опять стали разговоръ мѣть: якъ намъ яму зьдѣлать подкопъ опять? Одинъ говоря: пойдемъ заутря къ царю, братцы, и скажемъ, што ёнъ можеть достать Прекрасную Царевну, которую Сонца не могло узять! Ну, пошли и сказали царю. Царь призавая яго къ сабѣ, Трёмъ сына и спрашуя: што ты учера, Трёмъ сынъ, говоривъ пьяный вечаромъ?—Ничого я не говоривъ, ваша царськое вяличество!—Нѣ, ты, говорить, говоривъ, што я могу достать Прекрасную Настасью, которую и сонца не няло!—Ваша царськое вяличество! якъ жа можно: коли Божая луна, говорить, не няла, а я якъ жа могу достать?—Нѣ, можашъ! А если не достанешъ, то моя мечь, а твоя голова будеть съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ сынъ заплакавши отъ яго, изъ города вонъ. Пройшовши и скричавъ свойго добраго коня: конь мой милый, адѣ бъ ты бывъ, ко мнѣ прибывъ! Конь бяжить, копытомъ зямлю сячѐть: «што, Трёмъ сынъ,—табѣ бѣда?»—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Ето не бѣда, говорить, Трёмъ сынъ, а бѣда ще уперядѣ будеть. Скажи царю своиму, кабъ ёнъ шовковый шатёръ сшивъ, и кабъ ёнъ товару краснаго наклавъ туды, тамъ шалей, платковъ, косьниковъ, стужакъ—разнаго. И нехай дасьть стуловъ нѣскульки штукъ, и карету запряжеть,—шесьтёрка лошадей кабъ была, и кабъ кучаръ бывъ и съ хвалеторомъ. И три прута жалѣзныхъ возьми.

И поѣдешъ ты къ морю и разопнешъ свой шатёръ, и разложишъ товары своѐ тамъ. И кучаровъ отошлешъ вѡдаль у скрытое мѣсто, кабъ ины стали. А самъ сядь у стуло и сиди. Ина у суботу будеть проѣжжать два разы по морю. Одинъ разъ ина проѣдеть—ничого не скажеть, а оттудова поворотитца, будеть ѣхать и опросить у тябе: господинъ купецъ, якими ты товарами торгуешъ? Ты ей на 'твѣтъ скажи: извольтя, Прекрасная Настасья, пріѣхать къ берегу, тоды я зъ вами потолкуюся! Тогда ина пріѣдеть къ берегу, и бяри яе за лотку и сморьгай яе на берегъ. И бяри яе за косы и сячи жалѣзнымъ прутомъ до тыхъ поръ, покуль ина присягнеть, и комъ зямли зьѣсьть,—што я буду твоя, а ты мой! Саджай яе у карету тогда и поѣжжай у царській дворъ, домой яѐ вязи сабѣ!" Тяперь конь распрощався зь имъ: прощай, Трёмъ-сынъ, коли будеть табѣ бѣда, изновъ требовай мяне!

Пошовъ Трёмъ-сынъ къ царю и сказавъ яму ету придоставку приставить усяѐ: зьдѣлать и шатёръ и товаръ набрать, карету и лошадей шасьтёрку, двухъ кучаровъ, усё. И отправився ёнъ у дорогу. Пріѣжжая ёнъ къ морю, снимаеть свой шавковый шатёръ, раскладаеть своѐ разные товары.

Тоды ина ѣдеть у водинъ край, ничого не сказала; проѣхавши, поворотилася назадъ и 'прашавая у яго: господинъ купецъ, якими товарами торгуешъ?—Извольтя, сударыня, сюды поближе, што я буду кричать тамъ, торгуватца зъ вами! Пріѣжжая ина къ берегу, ухвативъ ёнъ за лотку и вытащивъ яе на берегъ у лотцы. И узявъ яе за косы и узявъ яе прутомъ жалѣзнымъ етымъ похаджавать. И ина отвѣчаеть: „Трёмъ-сынъ, за што ты мяне такъ бьѐшъ?"—Я бью тябе за ето,—когда ты мнѣ присягнешъ што будешъ моя супруга, то я тябе не буду бить! Прекрасная Настасья на етомъ была согласна. Дала яму большую клятву, и брала яго за руку, и цалувала яго у вуста. И скричавъ ёнъ своихъ кучаровъ. Кучары пріѣжжають, тогды ёнъ бяреть свой шовковый шатеръ, и складаеть своѐ красные товары, и кладеть ёнъ у карету. И садитца зь ей у карету, и отправився ёнъ икъ царю. Пріѣжжаеть ёнъ уво дворецъ и съ Прекрасной Настасьей. Царь яго стрѣчаеть зъ большимъ довольствіемъ, и узирнувъ на яе красоту и благодаривъ Трёмъ-сына за приставку за яго. И опрашаваеть опять Трёмъ-сына: чимъ тябе наградить?—Не хочу ниякой награды, ваша царськое вяличество: пойду опять при своей должносьти служить!

Поживши царь зь ёй тамъ мало-много, улюбився ёнъ у Прекрасную Настасью. Сичасъ свою жену спотребивъ, вумерла ина, и на ней хочеть у супружество вступить. Царица ета померла и похоронивъ яѐ. Ёнъ зь ёй мѣеть суюзъ, у супружество яе узять. Ина яму̀ на'твѣтъ: „государь, говорить, милосьливый! коли ёнъ доставивъ мяне,—я, говорить ще дѣвица

несоўсимъ у красѣ—моѐ красы тутъ и половины нема со мной—дыкъ нехай достанеть и мою красоту!» Призавая Трёмъ-сына: «ну, Трёмъ-сынъ: коли ты мяне достававъ, достань жа и мою красоту!" говорить:—„Ступай къ морю и скажи Китъ-рыби, кабъ ина мою скрыню выкинула изъ моря. А ў той скрыни ёсьть вутка, а ў вутцы яйцо—тамъ моѐ и лицо!" говорить. Трёмъ-сынъ сичасъ отправляетца къ морю. Приходить ёнъ къ Китъ-рыби. „Китъ-рыба, говорить: выкинь скрыню Прекрасной Настасьи зъ моря!" Китъ-рыба отвѣтила яму: Трёмъ-сынъ, говорить, отыйди на семъ вёрстъ отъ моря, а то потонѐшъ,—разливъ зьдѣлаю большій! Трёмъ-сынъ отышовъ на семъ вёрстъ отъ моря. Китъ-рыба повярнулася, сичасъ разливъ зьдѣлала на семъ вёрстъ отъ моря. Выкинула ина ету скрыню. Наскочили етыя самыя выдры и разодрали етыя завѣсы, скрыню етую отпёрли. Вутка вырвалася исъ скрыни и полятѣла. А гдѣ ня бывши вороны̀ етыя сичасъ за вуткою. И разорвали ету вутку. Яйцо вывалилось, да й у мо̀ря опять. Ёнъ опять къ Китъ-рыби: „Китъ-рыба! яйцо увалилось у мо̀ря!" Китъ-рыба приказала раку разыскать яйцо ето. Ракъ етый разыскавъ яйцо и нясеть у своихъ клешняхъ на̀ берегъ, и подаеть Трёмъ-сыну у руки. Трёмъ-сынъ поблагодаривъ и пошовъ зь естымъ яйцомъ до Прекрасной Настасьи. Тяперь Прекрасная Настасья ето яйцо разьбила,—была красива, ящо покрасивѣла! Царь не налюбуетца на яѐ красоту. И просить яѐ у супружаство, кабъ повѣньчатца. „Нѣ, не пора яще ваша царськое вяличество: ще моѐ немашъ вясёлосьти. Призавая къ сабѣ Трёмъ-сына опять: „иди, Трёмъ-сынъ,—коли умѣвъ достать мяне и мою красоту, достань и мою вясёлосьть. На̀ табѣ, говорить, платокъ. Ёсьть у такихъ то мѣстахъ вовкъ. То мой братецъ. И ў яго ёсьть моѐ гусьли самогранныя. И на̀ табѣ платокъ етый, и возьми съ собою (тыхъ), которые были табѣ злочинцы. Тоды ёнъ станеть дѣлать самогранныя гусьли, ты поставъ сьвятить одного. Ёнъ будеть сьвятить и якъ задремлеть, то ёнъ яго зьѣсьть тогды. Тогды ёнъ у тябе будеть просить: давай сьвятить кого! Ты друго̀го поставъ. И тэй задремлеть—и того зьѣсьть. Ты й третьтяго заставишъ—и того зьѣсьть. Тогды ёнъ заставить тябе сьвятить. И прикажа табѣ: смотри, Трёмъ-сынъ, не дремли, а то я й тябе зьѣмъ! Тогда, коли табѣ задремлетца, дыкъ ты спросися у яго умытца; и скажи такъ, што я ишовъ путёмъ дорогою, позапоро̀шивъ своѐ глаза: промыть мнѣ треба! Тяперь ты якъ помыесься, вынь платочекъ етый и стань утиратца имъ. Тогды ёнъ узнаеть, што йто мой платокъ,—ёнъ табѣ дасьть самогранныя гусьли готовыя!"

Трёмъ-сынъ отправився, узявъ съ собой своихъ злочинцавъ, трёхъ кучаровъ и отправився туды, адѣ ина показавала—находитца яѐ братъ. Приходить ёнъ туды, ёнъ заснувши бывъ. Прошанаетца ёнъ ото сна ‘тъ

крѣпкаго и опрашавая: што ты, Трёмъ-сынъ, пришовъ?—Пришовъ я къ вамъ, зъдѣлайтя мнѣ самогранныя гусьли!—А ти ёсьть кому сьвятить, Трёмъ-сынъ?—Ёсьть, говорить. Сыйчасъ ёнъ одного кучара подаётъ сьвятить. Тэй сьвятивъ, сьвятивъ—задремавъ. Ёнъ яго *зъѣвъ*. Проситъ ёнъ другого сьвѣтцà. Ёнъ и другого давъ. И другей задремавъ. Ёнъ зѣвъ и яго. Подаетъ ёнъ и третьтяго. Ёнъ и того зѣвъ. Тяперь, говорить, Трёмъ-сынъ, становись самъ сьвятить. Ставъ Трёмъ-сынъ сьвятить. До тыхъ поръ сьвятивъ, докуль сильная дремòта на яго напала. Тогды ёнъ говорить: «пожалуста, говорить, позвольтя мнѣ глазы промыть! Ишовъ я по дорози, запорошивъ своѐ глазы—пыли набилося!» Вовкъ яму позволивъ помытца. —Ёнъ помывся, тоды ванимая етый платокъ шовковый и ставъ утиратца. Ёнъ узглянувъ на етый платокъ: ахъ, Трёмъ-сынъ! Чаму жъ ты мнѣ не сказавъ? Ето сястрица послала за гусьлями—за самограннами. Я жъ ба давно табѣ готовыя давъ ба, а то ина будеть сярдитца! Ваноситъ яму самогранныя гусьли готовыя. Узявъ ёнъ гусьли и пошовъ отъ яго, распросьтився зь имъ. Идучи, ёнъ у самогранныя гусьли и зачавъ играть. Идеть старикъ зъ дубинкую. И почувъ ету умилную игру, и ставъ ёнъ плисать. И ёнъ пляшеть и дубинка пляшеть. Потходя, етый старикъ говорить: «ахъ, Трёмъ-сынъ! отдай ты мнѣ етыя гусьли самогласныя!»—А ты мнѣ што даси? Трёмъ-сынъ спрашуеть.—«Дамъ табѣ ету дубинку, говорить. Ина хоть икую силу побьеть! говорить, хоть тутъ дватцать корпусòвъ пригонь, дыкъ ина табѣ ихъ и поколотить и помолотить!» Отдавъ Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли—узявъ сабѣ дубинку.

Пройшли яны скольки тамъ уремя, Трёмъ-сынъ говорить: што мы ето съ тобой зъдѣлали?—на што мы отдали самогранныя гусьли. Намъ нèпричемъ будеть и повесялитца съ тобой. Бяжитка ты, говорить, отбяри ихъ у яго! Дубинка етая побѣгла и начила етаго старца хлестать (пульгать): отдай, говорить, самогранныя гусьли, а то я тябе забью! Тэй старикъ отдавъ, бросивъ, и самъ драло. А дубинка потхватила етыя самогранныя гусьли, ды къ Трёмъ-сыну принесла.

Идуть яны опять, играють и пляшуть—веселятца. Идеть коробошникъ исъ коробкой. И услыхавъ умилную игру ету и ставъ ёнъ плисать. И плисавъ, што просто, ажъ на ёмъ рубашка мокра стала. И проситъ у яго самогранныхъ гусьлявъ етыхъ. «Трёмъ-сынъ, отдай мнѣ самогранныя гусьли етыя!» Трёмъ-сынъ спрашуя: а ты мнѣ што даси?—«Дамъ я табѣ отъ—вынимаеть съ коробки скрынучку такую, и отпёръ ету скрыночку, икъ пувалила оттуда воська, нясьмѣтная сила. Выступила большая сила! Етому Трёмъ-сынъ обрадувався. Сыйчасъ искричавъ—убирайся на своѐ мѣстà,—яны й скрылись. Тогды отдавъ коробошникъ ету скрынучку, а ёнъ яму само*гласныя* гусьли. Тогды пошовъ Трёмъ-сынъ съ скрыночкой и съ

дубинкой. Пройшли яны много ли—богато, опять Трёмъ-сынъ говорить на дубинку: дубинка, говорить: вотъ у насъ воська своя, говорить, поиграть намъ неўвошто! Бяжи, говорить, дубинка, опять отбяри самогранныя гусьли. Дубинка етая сычасъ поскакала и нагнала коробщика етаго и начила яго хлыстать безъ милосьти: отдай наши самогранныя гусьли! Тэй, бросивши гусьли, самъ науходакà.

Идуть яны опять путёмъ дорогою, приходють—пасеть пастухъ скотину. Ёнъ и зайгравъ коло пастуха. Пастухъ давай скакать! И скакавъ просто до тыхъ поръ, покуда заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ! дай ты мнѣ самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету пугу!» говорить. Пуга была длинная. «Скольки разовъ замахнешъ, стольки и табуновъ будеть скоту!» Трёмъ-сынъ узявъ отдавъ самогласныя гусьли етыя. А самъ узявъ пугу ету. И пошли путёмъ дорогой. Пройшли яны нямного урема, и Трёмъ-сынъ говорить: дубинка, иди ты отбяри самогласныя гусьли! Дубинка ета сычасъ пубижала и начила пастуха етаго гонять кругомъ стада. Пастухъ етый вяртѣвсь, вяртѣвсь—бросивъ самогласныя гусьли. Приносить *енъ* етыя самогласныя гусьли.

Идуть яны дорогою, играють. Ѣдеть чаловѣкъ такъ. силно богатый, на купца походжъ. И вуслыхавъ ету умилную игру, и ставъ скакать. Скакавъ, скакавъ и заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ, отдай ты мнѣ етыя самогранныя гусьли!» А ты мнѣ што даси.—«Дамъ òтъ табѣ скатерсьть!» Сычасъ разославъ яё, скатерсьть, на зямли, и откудова узялись кушаньня на скатерсьти, напитки усякіе разные. «Отъ ты, гдѣ захочешъ, расьтяли—будеть табѣ питяньнё-ѣдяньнё!» Отдаеть Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли, бяреть съ собой скатерсьть. И пошли яны путёмъ дорогой. Пройшли нямного яны, опять: дубинка, иди отбяри самогранныя гусьли,—намъ нѐпричемъ пувесялитца! Нагнала дубинка етаго купца, и стала яго валять безпощадно. Бросивши етый купецъ самогранныя гусьли и самъ науходакà. Приносить ето *енъ* самогранныя гусьли. И пошли путёмъ дорогой.

Идуть яны коло господскаго дому, строють плотьники комнаты помѣщику. Ёнъ заигравъ у самогранныя гусьли у етыя,—уси плотьники бросили сякеры и зачàли скакать уси. И до тыхъ поръ скакали, што й позаморилися ужо. Вуходить старый плотьникъ, который бывъ главный майстеръ: «ахъ, Трёмъ-сынъ, говорить: отдай намъ етыя самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету сякеру. Адѣ ты задумаешъ сабѣ хуть дворецъ царській, дыкъ ина за ночь табѣ зработаеть!» Отдавъ етый самогранныя гусьли, узявъ сякеру и пошовъ путёмъ дорогой. Пройшли—„дубинка, говорить, што мы йдёмъ, мы соусимъ позауныли! Иди отбяри самогранныя гусьли!» Дубинка сычасъ поскакала туды, къ плотьникамъ и зачилà етыхъ плотьниковъ валять по свòйму: «отдайтя наши гусьли самоглас-

ны!» Плотьники етыя закричали на майстра: отдавай, говорють, ихъ—отдавай! А то ина насъ позабиваеть! Вуносить ёнъ самогласныя гусьли. И бяреть дубинка ета и пошла сабѣ къ Трёмъ-сыну. Ну, тяперь, Трёмъ-сынъ сказуя: ну тяперь мы во усёмъ повномъ собраніи. Пойдёмъ. И пошли яны тяперь до столишнаго города, адѣ и Настасья Прекрасная и царь.

И приходють яны туды. Такъ была рѣка тута, и царьскій дворъ на 'динъ бокъ рѣки, а ёнъ по другую сторону наупротивъ вялѣвъ сякеры выстроить за ночь другей дворецъ луччи того. Сыйчасъ скатерсьть ету разославъ тутъ. Подѣлалось усё у яго—и напитки и кушаньня и усё у яго. Скрынку отпёръ—выступило воська. И поставивъ ёнъ чисовыхъ увязьдѣ, якъ и быть, по военному. И подѣлавъ ёнъ поваровъ и усякихъ слугъ—усё акуратъ ёсьть. И пугую замахнувъ нѣскульки разовъ, и стало скота у яго пропасьть на 'бори—и коровъ, и свиней, и быковъ, и 'вецъ и усяго.

Прошнувся царь, и смотрить у вокошко—и крѣпко ёнъ спужався: „што ето такое дѣлаетца у моёмъ царстьви. За одну ночь зьдѣлалося?" И пошовъ ёнъ будить Прекрасную Настасью: душенька моя, говорить—што йто у нашамъ царстьви дѣлаетца? говорить. Узглинула ина у вокошко и отвичаить яму—я знаю, хто ето воюеть—ето Трёмъ-сынъ воюеть. Царь сычасъ посалаеть сюды свойго слугу: нехай Трёмъ-сынъ придеть ко мнѣ! Трёмъ-сынъ пишеть яму бумагу—годя мнѣ къ вамъ ходить, а придитека вы ко мнѣ! Ёнъ уже не боитца. Царь вялѣвъ кучарамъ лошадей запречь и садився съ Прекрасной Настасьей и поѣхали туды во дворецъ. Стрѣвъ ёнъ ихъ исъ чесьтю, отдавъ имъ поштэнія. Тоды и пошли расхаджуватца по устройству. Обглѣдила ина яго порядковъ, остановилася у во дномъ мѣсьти и выхватила у царя мечь отъ боку и сычасъ Трёмъ-сына етаго голову долой зьнила съ плечъ, порубила яго на буйные куски. И вялѣла изъ хорошаго колодеся наносить воды чистыя у котёлъ. И положила етое мясо ина сама—и руки закасала ужо и вялѣла подложить огня. И уськипятила ету воду. Сыйчасъ мясо ето вытигнула вонъ, и наносили воды холодныя чистыя опять. И ина сама узила, перямыла ето мясо и узила ина, частки зложила опять, якъ ино было, частка къ частки, и мёртвою водою спорснула—ёнъ соснувався якъ ёсьть человѣкъ. Живою спорснула опять—ускочивъ Трёмъ-сынъ якъ ото сна. И дужа красивъ ёнъ! Бывъ красивъ, а тутъ такія красоты прибуло, што Божа.

Царь глянеть, глянеть, на яго и на сябе у зеркало—нема такія красоты. Тоды й говорить—Прекрасная Настасья! зьдѣлай и мяне такимъ, якъ яго!—Хорошо говорить. Узила мечь яго, сычасъ голову долой съ плечъ яму зьнила и на мелкія часьти порубила и собакамъ потдавала. А на

ёмъ тогда зъ Божу помоччу повѣньчалася. И зьдѣлався ёнъ царёмъ, а йна царицай. И стали тымъ царствомъ уладѣть.

М. Студенецъ чериков. у. Отъ кр-на Ивана Павлова, 70 л., неграмотнато, бывшаго въ молодости въ военной службѣ. Говоръ пограничный, между южнобѣл. и восточнымъ въ могилевской губерніи.

33. Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ.

Якъ было два браты; у оннаво у бо́льшаво дятей ня было́, а у малаво дѣти ёсь. И стали яны древни. Тады и гово́рить малый братъ: «што мы будимъ своимъ дитямъ корьмить опрочихъ людей? Одьдѣлимъ мы брата, пусь яны сами робють и корьмютца». Яны узяли, выстроили ящо домъ, дали яму дѣлю и ни пожилали умисьтяхъ жить. И етытъ Иванъ старикъ ставъ Бога просить, штоба Богъ давъ яму рябёнка. И Господь услыхавъ яво молитву, и давъ яму рябёнка. И родила старуха Иванова сына. А ёй было сто сорокъ годовъ. И ды тово доживъ етытъ старикъ Иванъ, што и ёсь тово и много, што и нѣтути ничаво. Тады ёнъ пойшовъ къ малому брату. А живъ ёнъ на 'динѣ:—«Братицъ, мой любый! дозволь жанѣ твоёй сходить у мой домъ!»—«И скажи жъ ты мнѣ, чаво йна пойдѣть у домъ твой?»—А во̀ зачимъ: за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ рябёнка, и штоба ина яго пирибабила!—«Ну, яще ина къ табѣ ни йшла, штоба пирибабить твойво сына! Што ина у тябе ти отъѣсь, ти отопъеть, ти скольки вящей знясеть? Ни пойдѣть ина къ табѣ!» Ёнъ заплакавъ слезно, старикъ, и отъ брата ро̀ннывa пойшовъ домовъ.

Тады нямношко времьмя прождавши, опять пойшовъ къ брату: «такъ дозволь, братицъ, штоба сходила твоя работьница и пирибабила мойво сына».—Ну, нешто я дли тябѐ нанимавъ работьницу, штоба ина бабила твоихъ дятей? ёй надо работу робить! Тады ёнъ тошнѣй тово обидився и пойшовъ домовъ. И времьмя ужо подойшло къ ночи. Ёнъ узявъ, печку затопивъ и воды горшокъ у печку поснавйвъ, и нача̀въ ночовочки мыть и ножикъ точить. «Што, говорить, старуха, я думаю?»—«А што?»—«Я видивъ, што якъ братьнихъ дятей бабы бабили, такъ и я свойво буду бабить!—«А коли знаишъ, то и дѣлай?» Вось, слышить и видить у вокошичка: идуть старыи старики у трёхъ, на яво дворъ; подходють подъ вокошичка: господинъ хозяинъ! пусьси ты насъ стариковъ ночивать за Христа—ради Бога!—«Идитя вы, дѣдушки, я васъ принимаю зъ вяликимъ довольствіямъ; ночуйтя съ Господомъ Богомъ!» Яны сичасъ пришли у домъ, сѣли на лавки; старшій сѣвъ напѐридъ, сяредьній посирядини, а малый нижи тово. Самъ хозяинъ ночовочки мыить. Тады самый старѣйшій старичокъ говорить: «дли чаво ты ето ночовочки—мыишъ?»—Ахъ,

дѣдушка! за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ сына; я братнію жану просивъ и брата, штоба ина пирибабила, а также просивъ у яго молодчанку; ну братъ ни пусьтивъ. «А што, говорить, ты ничаво ни варишъ, тольки онну воду грѣишъ?»—Дѣдушка любезный, ня мѣю ничаво варить! троя сутыкъ тому, якъ крошка хлѣба у доми была!»—Жёрны ёсь у тябе?—«Ёсь.»—«Ну, иди мяли, и кашу вари».—«Единаго зирна ня мѣю, дѣдушка».—«Ну, чимъ жа вы проживали троя сутыкъ?»—«Возьмёмъ воды кипячоный, посолимъ, и напьемся,—и тымъ живёмъ».—«Ну, поди жъ ты, дитя, мяли, я табѣ вялю, а я твойго рябёнка пирибаблю!» Тоды пойшовъ старикъ Иванъ молоть, прохожій старикъ узявъ, сына яго пирибабивъ. А ёнъ зирнятъ ня мѣить, а мука идеть шпарко. И ёнъ зъ радысьси етый давай жёрны скорѣй водить. И намоловъ ёнъ у скоромъ уреми сь читьварикъ муки бѣлый, и хорошый. И приносить чашку муки у хату. Тады поснавивъ горшокъ на кашу, а прихожій старикъ говорить: «на што ты стольки муки принёсъ?»—На кашу, любезный,—вы можа ня ѣвши, а мы со старухай тожа!»—«Дай поменьши гарнушикъ!» Усыпавъ трёмъ пальцамъ мучицки *) и убросивъ три солинки. И Господь давъ споръ у горшку, и яны уси насытились пять душъ, и дажа половины ня зъѣли. «Ну што, дитя, ёсь у тябе дежка?»—«А ёсь,—тольки сямейная, большая». Тады принясьли ету дежку и стали пироги учинять. «Будимъ», говорить старшій прихожій, «завтра твойво сына ко хрясту нясьти». Тады учинивъ ёнъ пироги: три разы трёмъ пальцамъ бросивъ; другова старика заставивъ мясить. А къ етыму старику Ивану, во якіи прихожіи старики пришли: Господь, Микола-Угодникъ и Ягорій-Харабрый. Коли еты пироги пыдыйшли, то стали ня стольки у дежки, кольки на дежки. И три печки выпикли пироговъ съ оннэй дешки: у печь садють махонькіи, а съ печи чуть вытянуть. Тады етытъ старичокъ вышавъ на дворъ и убивъ воробья. И зьдѣлався етытъ воробей, якъ вяликій волъ. Яны гувядины нагутували многая множиства. Тады въ оннымъ вядрѣ помишавъ старикъ воду, и стала крѣпкая горѣлка; у другимъ помишавъ и стало пріятное вино. И тады начавъ разливать у бутыли еты напитки.

И посылаить явоный малый братъ дятей и внуковъ: зходитя вы, дѣтки и внуки, къ дѣду и обсмотритя, ти живы яны ёсь». Яны пошли. Приходють у етый домъ, зьдѣся, у етымъ доми ходють чатыри старики: три чужихъ, а чатьвёртый ихный дѣдъ; одинъ напитки наливаить, другей говядину таскаить и въ чашку кладеть, третьтій съ печи пироги таскаить, чатьвёртый—относить и водой поливаить. Яны оборотились и идуть узадъ у домъ свой. Ёнъ и говорить, етый старый старичёкъ имъ: «скажитя свойму

---

*) У разсказчика, какъ я уже замѣтилъ выше, говоръ смѣшанный. Граница цокающаго говора проходитъ сѣвернѣе.

отцу, и дѣдушки, што просимъ яго сюды». Яны приходють у свой домъ «Ну што, дѣти мои и внуки, ти видали вы што?»—«Якъ жа ня видали? —коли тамка ходють чатыри дяды старыхъ: нашъ дѣдъ и три дяды чужихъ, старѣй яго; одинъ напитки наливаитъ, другей говядину таскаитъ и въ чашку кладетъ, третьтій съ печи пироги таскаитъ, чатьвёртый—относить и водой поливаитъ; и вялѣвъ старый дѣдъ прихожій, штобы и ты прійшовъ къ имъ!»—Вѣрно вы испугались, вы ня можитя ето разобрать—ето ўраги!» Одѣвся и пойшовъ. Тады приходить у братный дворъ, и такъ усё находить, якъ баили рибяты. И посадили яго за столъ хлѣба-соли искуситъ и напитковъ испитъ. И ёнъ вужасно скоро ставъ пьянъ, и разговоръ ставъ мѣть со старымъ прихожимъ старикомъ: «во, дѣдушка любезный, я благодарю Бога: вѣкъ я богато живу, бывавъ я у разныхъ пирахъ, ну тольки такова кушанья ня кушавъ». Яму старикъ говоритъ: да, человѣча—рабъ Божій! хорошая мукà, и пикла яё чèсная рука,—за то яно и скусно!—«Ну, хто у васъ пойдетъ за кума, али куму?»—А што: Микола сходитъ за кума, а Ягорій за куму: а милосьси просимъ васъ усихъ на пирушку у вечири! Ёнъ и пойшовъ домовъ вужасно хмѣльный.

Господь послявъ Миколу за кума, Ягорія за куму, ў скоромъ уреми яны воротились, приносють дятёнка у дворъ. Старикъ спрашиваитъ: «якъ яго называть?»—«А звать яго Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ».

И еты старики пробыли у Ивана старика троя сутыкъ; тады отправляютца яны куды имъ назначино. А у Ивана старика за троя сутыкъ наполнилось усяво, и злата и сèрибра многое множиство.—Усё ето зьдѣлавши, еты старцы пойшли отъ старика Йвана. Ну, нямного уремьмя пройшовши, Микола-Угодьникъ проситъ Бога: «Господи! позабывъ, говоритъ, я вещь онну отдатъ кумѣ, штоба йна отдала хресьнику черисъ семъ годовъ, дозволь мнѣ воротитца и отдать ёй лѣсинку!» Тады ёнъ воротився и подаетъ кумѣ лѣсинку у вокошко: «нà тѣ, кума, лѣсинку: положи у сокрытое мѣсто, штоба йна пробыла семъ годовъ. Тады расплачитца хресьникъ слёзно, а до сями годовъ ни ядинэй слязы ня выронитъ». Самъ и пойшовъ.

Пройшло семъ годовъ, а имъ ни протянулось, а якъ бы семъ днёвъ. И заплакавъ Иванъ Ивановичъ слезно, и плачитъ троя сутыкъ, увесь день и ўсю ночь. Тады яны уздумали про тую лѣсинку, што имъ давъ кумъ. Йна сичасъ принисла ету лѣсинку. Ёнъ лѣвый рукой принимаетъ, а правэй хрестъ на сабѣ покладаитъ: «Благодарю Бога и отца хрèснаво и матушку хрèсную,—Миколу Угодьника и Ягорія Харяброва: я отъ ихъ мѣю дарованье!». И пириставъ плакатъ. «Таперь, тятинька и маминька, прощайтя мяне; буду, дакъ буду у двинанцатъ годовъ,—принимайтя мяне, а ня буду, поминайтя мяне.—Я поставлю вамъ двинанцатъ караульщиковъ,

застоятелiй своихъ, яны будуть васъ убиригать. Тоды пойшовъ у чистое поля и крикнувъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ: и сичасъ на лѣси листъ пувявъ, а съ дуба листъ посыпався, и добрый конь на тридивятымъ царстьви воржавъ, и бяжить къ яму: «хозяинъ, мой любый, Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ! И будишъ ты млодъ царевичъ, и што табѣ нужно отъ мине?»—«Надо сѣсьть и ѣхать у тридивятое царьство, у тридисятое гусударьство, къ царю Димiёну. И жилаю я яго дочку узять у супружаства: Настасю-Пирикрасю Димiёновну. Якъ ты на ето скажишъ, ти можно? а?—«А, ничаво, говорить, по жаланью твойму можно». Ёнъ сѣвъ на коня свойво.—«Ну, якъ тибе несьть: ти ровно зъ тёмнымъ облакомъ, ти ровно съ дрямучимъ лясомъ?»—Няси, мяне, якъ бы у повлѣсу!—Третьтя царьство проижжають, у чатьвёртое узъижжають: стоить дубъ у двинанцать обхватовъ. Жилаю я, говорить Иванъ, етый дубокъ побить и поколотить и свою силу богатырьскую взнать?—«Можитя побить и поколотить!» Тады ёнъ соскочивъ зъ добра коня, и зхвативъ етый дубокъ, и выдирнувъ изъ зямли и положивъ на руку свою: «прутикъ, прутикъ, ды и той малъ!» Якъ поднявъ ды вдаривъ объ сыру зямлю, разлятѣвся етый дубъ по маковому зярну... «Благодарю Бога и Миколу Угодьника и Ягорья Харобраво: мѣю силу зъ добраво молойца!» И поѣхавъ ёнъ дали, и ящё проѣхавъ третьтя царьство и чатьвёртое гусударьстьво: стоить дубокъ у двадцать пять обхватовъ; и етый дубъ ёнъ побивъ и поколотивъ, и рассыпався ёнъ по ножикову чиряну. Тады узъижжаить ёнъ на тридивятое царьство, у тридисятую зямлицу. И завёвъ ёнъ сабѣ хорта, сокола. И хочить ёнъ ити къ царю Димiёну, штобы узять сабѣ у жану яго дочку Настасю-Пирикрасю; а конь яму и совѣтуить: Иванъ-Ивановичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! у царя Димiёна ёсь двинанцать дочарей, и двинанцать подличницъ. И уси яны оннаво росту, и голосу и волосу, и красоты; ты якъ прiѣдишъ на дворъ, и найдёшъ чатыри кольцы; и ты мяне привяжи за уси чатыри кольцы, а самъ лягъ спать на крыльцы на троя сутыкъ: красоты зъ лица свойго ня пусьти, глазъ свѣтлыхъ ня 'ткрый; а то яны табѣ могуть пусьтить туманъ, и ня можишъ ты яё узнать. Коли выйдить царь Димiёнъ и будить тибе пробуждать, ну ты яму ни адинаво слова ни отъивляй. Тады придуть дѣвицы-красавицы, а ты зъ ними разговора ня мѣй и глазъ ни кажи. Яны пойдуть у бѣлы-каминны палаты и сядуть уси двадцать чатыри дявицы, а ты тады устань, и по палатамъ похаживай и на дявицъ посматривай: ина сядить да дьвери шастая [1]); и ёй на лина муха сядить; йна платочкомъ махнеть, и тады ты къ ёй подходи и

---

[1]) Тоже, черта заносная.

здрастуй ёй давай: йна тожа табѣ отъявить: «здрастуй, Иванъ Иванывичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Пріѣхавъ ёнъ къ царю Диміёну, привизавъ коня за уси чатыри кольцы, а самъ лёхъ спать на троя сутыкъ. Тады выходить царь Диміёнъ: «што такоя ёсь: удалецъ-молодецъ, ниякъ ня можно взнать, хто ето?— Коли бывъ ба ёнъ царьскій сынъ, то привизавъ ба къ золотому кольцу, королевскій—къ сяребриному, княжаскій—къ мидяному, а богатырьскій—къ мѣсянзовуму,—а то за уси чатыри кольцы!» Ёнъ ничаво ня твичаить. Приходють къ яму дѣвицы-красавицы и говорють: «што ты, добры-молодиць, ня можишъ своихъ глазъ показать и у наши палаты уступать? Ёнъ имъ отвичаить: идитя вы у каминны палаты, сядьтя по своимъ мистамъ, я приду и буду взнавать Настасю-Пирикрасю Диміёнывну!» Яны пошли и сѣли у рядъ, уси двадцать чатыри дявицы. И ёнъ къ имъ у палаты уступаить и царю Диміёну здрастуй дасть. «Я думавъ, што ето хто, ажно ето Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! Будишъ зять мой! Полно табѣ по палатамъ ходить,—здрастуй давай, по имени называй!»—«Стойтя, ни звинитя, дайтя рѣчи сговорити, по палатамъ походити; на вашихъ дочарей пріукрасныхъ посмотрѣть!» Ёнъ по палатамъ похаживаить и на дѣвицъ поглядываить. И сѣла муха на лицо явоный дѣвицы. Ёнъ тоды къ ёй подбѣхъ и здрастуй ёй давъ: «здрастуй, Настася-Пирикрася Диміёнывна!»—«Здрастуй, Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Тады сичасъ законъ, бракъ Божій прозвяли, положили ихъ на ложницы.

Стали яны другъ со другомъ разговоръ мѣть; йна стала распытывать, ти силёнъ ёнъ? А ёнъ ёй разсказавъ усё, якъ ёнъ къ ёй ѣхавъ и дубы тыи побивъ. Тады ина говорить: нѣ, Иванъ Иванывичъ! ня ёсь ты силёнъ, а во ёсь на тридивятымъ царстьви, у тридисятой зямлицы Каръ-Карковичъ—Игнатій Даниловичъ, при поли боецъ, при войски молодецъ, отъ дожжу пальча, отъ вѣтру затулъ. И ты яму у подмётки ня гожъ!» И ни подалёчу гуляньня царьскаво стоявъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ. И чуть на зари выпрыгнувъ ёнъ у вокошко, и етый дубъ выдирнувъ изъ зямли, со зла свойво; якъ гряхнувъ объ зямлю, и разсыпався ёнъ по маковому зярну. И уся мать зимля задрыжала, палаты заколотились и стёклы вылитили зъ бѣлыхъ палатъ. Тады ёнъ въ окошко упрыгнувъ и лёхъ спать. Вутромъ супруга яго Настася-Пирикрася Диміёнывна идеть къ яму зъ водой и утиральникумъ. Ёнъ помывся, обтёрся и Богу помолився. Тады йна спрашиваить: «што ето, Иванъ Иванывичъ, было вутромъ коло насъ: ти небо звалилась, ти зимля провалилась?»—Нѣ, ето ня небо звалилось, ни зимля провалилась, а молодецкая рука объявилась».—«Ну чимъ ина могла объяснитца?»—«Ти знаишъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ: поди по-

смотри: ёнъ побитъ и поколо̀чанъ».—Нѣ, Иванъ Иванывичъ: ты ня молодецъ, а ёсь у тридивятымъ царсьви, у тридисятымъ гусударствьви Каръ-Карковичъ, Игнатій Даниловичъ, ты яму у подмётки ня гожъ!» Разсярдився Иванъ Иванывичъ, бяреть свойво коня, хорта и сокола, у тёсьтя дѣдовское копьё и мечъ, попросьтився и поѣхавъ. «Буду у тритцатымъ году, то буду, а ня буду, поминайтя мяне!»

И зъѣхавъ ёнъ туды у тридисятое гусударьство на третьтіи сутки. И узъѣхавъ у градъ Каръ-Карковича. Народу нѣтуги никаво. Ёнъ узявъ, коня, хорта и сокола, и пусьтивъ у чистое по̀ля. Приходить самъ у бѣлыкаминны палаты, у дворецъ Каръ-Карковича. У палатахъ тольки похаживаеть старуха и молодая дѣвица—лѣтъ шасьти. «Здорово, бабушка стара̀я, Каръ-Карковича—матушка ронна̀я!»—Здорово, Иванъ Иванывичъ Трёхъсынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! якъ тибе Господь занёсъ: ти конь привёзъ, ти самъ зайшёвъ?—«Господь занёсъ, конь привёзъ и самъ зайшёвъ: захотѣвъ твойво сына Каръ-Карковича повидать и силу взнать!» —Дитя моё милое, ни дожидай ты сына мойво!—«А дѣ ёнъ?»—На войнѣ, подъ Копыло̀мъ, подъ смыко̀мъ, подъ нявѣрнэй силой. Вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюють, а самово ни видать!—«Дайтя мнѣ обѣдать!»—Ти много надо табѣ кушанья?—«Пувтора пуда хлѣба, горшокъ капусти и горшокъ каши, пудъ гувядины и два вядры водки, и ришато сяльдей!» По'бѣдавши лёхъ ёнъ отдыхать. И слышить: лискотьня̀, брызгоньня̀ и го̀монъ. Ажно идеть Каръ-Карковичъ зъ войны отъ нипріятиля. Тады уходить у свой домъ и говорить: «што ето, маминька, тутъ руськой кровью пахнить: ти бывъ тутъ руській чаловѣкъ?—«Ты самъ на войнѣ набрався запаху нипріятнаво, а тутъ нѣтъ никаво! Зходи лутчи у байню!» Ну, ёнъ ни послухавъ матки и побѣхъ по дому искать. Тады ёна показала яго и говорить: «смотри, якъ можно тиши и спокойній обходись!»—А што, ёнъ дужа вѣрно сильный? И сказала яму, што ёнъ у яе поѣвъ. Тады, Каръ-Карковичъ побѣхъ и разбудивъ яго, и стали битяца. Иванъ Иванывичъ якъ зхвативъ яго за руку, якъ сьтиснувъ, ажно кровъ зъ нохтей потикла.—Каръ-Карковичъ на колѣни упавъ и ставъ яго просить: «будь мнѣ старшимъ братомъ, а ня губи ты мяне!» И просьтивъ яго Иванъ Иванывичъ.

Тоды яны пили-гуляли, цѣлыхъ три дни, и присылаить Копылъ Цмокъ, Ниподписаный Лобъ, письмо и бросаить у вокошко къ имъ, штоба Каръ Карковичъ бывъ опять на войну. И ставъ тоды Каръ Карковичъ просить Ивана Иванывича: пособи, братъ, побить мнѣ непріятиля: вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюю, а яго самаго ня видивъ, а усихъ моихъ людей ёнъ побивъ!"—Мы самы воины! говорить Иванъ Иванывичъ: „поѣдимъ удвоёмъ!"—„Я боюсь, ни поѣду, говорить Каръ Карковичъ.—«Ну, бяри трубу и смо-

три!“ Тады призвавъ коня, хорта и сокола, сѣвъ на коня, узявъ мечъ самосѣчъ и копье довгомѣрное и поѣхавъ. И начавъ воивать, а хортъ и соколъ по бокамъ стали. За ‘динъ оборотъ тыщу головъ зьнимаить. Прибивъ усихъ. И увидавъ ето Копылъ Цмокъ, што войска яго нѣтути, и ставъ утикать. А Иванъ Иванывичъ яго догонять. Копылъ Цмокъ тады узворотивъ каминь, и самъ подъ каминь пошовъ, у норы подъ зямлёй. Пріѣхавъ къ етыму камню Иванъ Ивановичъ, поставивъ коня, хорта и сокола, а самъ пыднявъ каминь и пойшовъ у пящеры. Тады—иди, иди,—сядить двинанцать дявицъ и вышиваютъ ширинки: што иголкый набирѣть и ниткой дирганѣть—выскочить солдатъ, изъ ружжомъ, изъ копьёмъ, изъ тисакомъ! Здорово, Каръ Карковичъ!—Нѣ, я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ! Тады бросились яны на яго и хотѣли игламъ яго пробить, а ёнъ имъ усимъ мячомъ головы зьнявъ, иглы поломавъ, ширинки подравъ, и солдатъ усихъ побивъ. Отворивъ другую дверь и увидивъ, што тамъ комната яще больши, и тутъ тожа двинанцать дявицъ сядить и ткутъ кросны: што чилнокомъ прокинить, набилками ударить—выскочить солдатъ зъ ружжомъ и зъ конёмъ.—«Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ!—«Ага, туды народу ни напросився, самъ у руки пупався!“ и хотѣли яго чилнокамъ прибить. Ну ёнъ мячомъ усимъ головы зьнявъ, кросны пулумавъ и подъ ноги бросивъ, и пошовъ самъ дальши того. Отворяить дварйну: сядить старуха—Копылà Цмыкà супруга. «Здорово, Каръ Карковичъ, Игнатій Данилывичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ.—«Ну, усё ровно!» И оборотилась ина кошкой, нохти по три аршина, и бросилась ина яму у глазы и хотѣла разодрать. Иванъ Иванывичъ ударивъ иè мячомъ по головѣ и разрубивъ; кохти отломивъ и у карманъ сабѣ положивъ, а самъ пошовъ дальши. Отворивъ ящо двярину,—большая изба; и ляжить у ей самъ Копылъ Цмокъ, самъ на кутѣ, вусы закручины за грядкой. «Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я Иванъ Иванывичъ!—«Хто ни на ёсь, а самъ у руки пупався!» И начавъ вусы откручивать. А Ивавъ Иванывичъ якъ цапнувъ мячомъ у нутро яго,—ёнъ затрёсся и ня живъ ставъ. Тады ёнъ узявъ яго за вусы и вытинувъ зъ пящеръ. Привязавъ къ хвосту и привёзъ къ Каръ Карковичу, показать яму. Вышивъ Каръ Карковичъ и узглянувъ на Цмыка-Копылà,—такъ зъ ногъ упавъ и ня живъ ставъ,—дужа спугався: «ахъ, братъ,—гдѣ бравъ, тамъ и брось!» Вялѣвъ Иванъ Иванывичъ коню хвостомъ махнуть и разлятѣлись яго косьти по зямлѣ. А сами стали пить и гулять.

На ночь лягли яны спать, и Иванъ Иванывичъ лёхъ на кровати Каръ Карковича. Удрухъ ноччю прилитаютъ три сороки; улятѣли у вокно и стали дѣвицы: жана Ивана Иванывича и дьвѣ своячиницы, и говорютъ: игры самоигры, гусьли самолàды, посьпивайтя! мечъ самосѣчъ, потанцуй! котъ са-

моплясъ, поскачи! Игры самоигры заиграли, мечъ самосѣчъ затанцовавъ, котъ самоплясъ заскакавъ. „А ты, Каръ Карковичъ, зъ нами пѣешъ-гуляишъ, а тяперь лягкишъ спать!» Подбижала къ кровати и хвать одежу! И увидила свойго мужа. Защикотала и маршъ за ворóты. А Иванъ Ивановичъ захвативъ мечъ и отрубивъ жанѣ рукў и ногў. Полятѣла йна бязъ руки и бязъ ноги, и отцу-матири объяснила, што прилитала Пóжаръ зьмия, и оторвала ёй ногў и рукў. Вутромъ разсярдився Иванъ Иванывичъ на Каръ Карковича и ўбивъ яго. Солдаты ты уси яму низкимъ поклономъ кланiютца и просють у ихъ жить, ну ёнъ давъ усимъ оставки а самъ поѣхавъ домой.

Дорогой совѣтуитца зъ конёмъ; конь яму я говорить: „убей мяне, нутро выбрось, а самъ улѣзь туда и сяди: и прилятить чорный воронъ, зъ дятьми, и када сядуть, то лови трёхъ, али чатырёхъ. Коли ёнъ станить тибе просить пусьтить яго дитей, то ты скажи, штобъ ёнъ принёсъ табѣ живой воды!“ Ёнъ такъ и зьдѣлавъ. Поливъ водой коня, и ёнъ живъ ставъ, и поѣхавъ домой. Яго устричають хлѣбомъ-сольлю, а жаны нѣтъ. И вялѣвъ ёнъ вынисьти жану и спрашиваить: „ти табѣ Пожаръ зьмiя рукў и ногу оторвала?—Да!—«Нѣ, жана: ты усихъ обманываишъ, я самъ табѣ ихъ отсѣкъ!» И вытягнувъ рукў и ногў и прижививъ ёй. Побывъ ёнъ тутъ троя сутыкъ, жану привизавъ къ дванацать лошадинымъ хвостамъ и разорвавъ на куски. А самъ поѣхавъ къ отцу. Мать помёрши, тольки три дни ни засьпѣвъ. Изъ протчихъ узявъ сабѣ жану и ставъ жить.

Козлян. вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго.

4. Удовенушка добрый молодецъ.

Жывъ сабѣ добрый молодецъ Удовёнушка, сиротина—удовиный сынъ. И ёнъ ходивъ на боярськiй дворъ гулять. И ли яго много насмiялися боярськiя дѣти,—вѣдомо, значытца, сиротина: бытто коравый, бытто дирявый! Разъ потомъ ожыдали празьника вяликаго—паски. Тогды на всенощной стояли тры государствянныя дочары. Вышли яны на звонницу на ʻтдышку, на другей ʻтажъ, а унизу спавъ ужэ той сиротина, Удовёнушка добрый молодецъ. Вотъ ёнъ прошнувся и бача, што стоять государствянныя дочары, отъ ёнъ пострамився ужэ ворочатца. Сычасъ усхватилася хвиля силная,—усхватило тыхъ царськихъ дочарэй и понясло. Удовёнушка добрый молодецъ вышовъ и просмотрэвъ своими глазами ў тую сторонў, куды ихъ понясло. И потомъ узышовъ опять на высокiй тажъ и зновъ провёвъ своими глазами, у якую сторонў понясло. Тогды, кончылася ужэ служба, собралися ужэ уси народы обѣдати, а государствянныхъ дочарэй нѣту. Жде царъ, што ето такоя? ужэ ўси народы съ цэрквы попошли,

и цэркви позапираны, а моихъ дочарэй нѣту! Ужэ государъ ожыдая обѣдать и спрашуя: гдѣ моѐ дочары,—дочарэй нѣту? Спрашуя и ў поповъ и у прочыхъ народовъ, и ў господъ. А тыа дають отвѣтъ государу уси, што видяли, што у цэркви былѝ, а съ цэркви нязвѣсно-дѣ дѣлись. Усимъ празьничакъ, весялò, ну государỳ—государỳ печаль—гора вяликое. И увесь городъ запечалився, и санаторы, и попы, и уси народы запечалились. У печали государъ ужэ надумався: повно печалитца, буду сабѣ и радость уже шукати! Пославъ пабликацыи увяздѣ, штобъ объ государствянныхъ дочаровъ нихто не разговаровавъ: будя виновянъ и наказанъ крэпко. Тогды, мѣсяцы ужэ теразъ два, ти, моо, теразъ тры, Удовёнушка добрый мòлодецъ пошовъ на боярськiй дворъ гулять. Тамъ яго бъють, и зъ яго насмихаютца; а ёнъ такiй бывъ парнишка, што кого возьмя за рукỳ—дакъ рука станя тонка,—такiй, знатца, бывъ силный. Пòтомъ яго бъють за ето, што ёнъ урэдъ дѣлая, а ёнъ заплакавъ да й сказавъ: коли вы мяне бъѣтя, ня прымаетя мяне гулять—иду къ государỳ да й скажу, што вы говорыли про государствянныхъ дочарэй! Тыя слёзно начàли плакать и попужалися: упали парадъ имъ наукòлянцы и просять: ня йди, кажуть, и ня говоры! Ня йдѐть жа ёнъ по той винѣ, штобъ государỳ доложыть, а йдѐть по той, штобъ государỳ услужыть. Прышовъ къ государу, государъ и спрашуя: „зачымъ ты, мальчикъ, прышовъ,—гулять ко мнѣ?»—Ваша нпяраторськое височаство, не гулять я къ вамъ прышовъ, а служыть я къ вамъ прышовъ!—«Якой ты мнѣ службой назначывся служыть?» Отвѣщая яму: я, говора, могу вашыхъ дочарэй достать! Государъ потому крэпко узгнѣвався, такъ узгнѣвався, што ня можно стярпѣть яму: што ёнъ ужэ бывъ празабывъ, а тутъ опять успомнили! Вялить аквитанту: моихъ жа дочарэй нѣту, и тябе ня будя! вялить брать мечъ и рубить головỳ ямỳ. Пòтомъ ёнъ уздыхнувъ и говора: „Господи! нехай жа того рубять, хто няправъ, а я жъ служу вамъ вѣрою и правдою! Вы напяродъ разыщытя, а тогды накажытя!“ Государъ и одумався—отлягло яго жаркое сэрца—што трэба упяродъ распросить, а ня губить. Пòтомъ тогды говора: „ти вѣрно ты кажашъ, што можашъ моихъ дочарэй достать?“ Поклявся и побожився, што вѣрно могу! Отвѣтивъ яму государъ: ну, колижъ ты можашъ достать моихъ дочарэй, будя табѣ вяликая награда, и дочь моя будя за тобой! Спрашуя государъ: „што табѣ трэба, кольки вàрмяи, ти грошай, говора: исказуй усё, што табѣ трэба!“—Ничòго мнѣ ня трэба, ни вàрмяи, ни грошай,—я самъ собой иду страждать. Дайтя мнѣ тольки на дорогу троху грошай и такую лошадь, которуу я самъ сабѣ отыщу! Государъ повялѣвъ: ищы сабѣ лошадь, гдѣ-бо ты хочашъ! Обыскавъ ёнъ сорокъ стадъ лошадей и ў сороковой стади нашовъ сабѣ лошадь. Таа лошадь, ростомъ яна вялика, ну худаа и коросьливаа

Узявъ ёнъ туу лошадь и давъ ёй волно у лузи погулять на троя сутокъ. А тая лошадь была богатырськая, да нихто яѐ не знавъ. Затымъ яна была хўда, што хозяина подъ яѐ нѣту. Потомъ вялѣвъ собрать ковалёвъ и сковать такій шнуръ на двятцать пять вёрстъ довжыной, и сковать палочку-попирàшачку, на двятцать пять пудовъ. Тогды узявъ тую лошадь, тая лошадь стала золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный. Собравсь ёнъ, помоливсь Богу и отдавъ поклоны на уси чатыры стороны: опять у пятый разъ отдавъ поклонъ у тую сторону, куды ужэ ѣхати яму. И сказавъ усимъ народамъ: прощайтя! И сказавъ ямў увесь народъ: щасьливый путь у дорози! И отъяжжаа.

Поѣхавъ путёмъ-дорогой и сустракаа чаловѣка. „Здрастьви, братъ!" —Здрастьви!—„Куды тябе Богъ нясѐ?"—А йду шукать помѣсьтя сабѣ, гдѣ бъ найти сабѣ у жытялство! И видя ёнъ, што ето ня прòстый чаловѣкъ ѣдя, и спрашуя: «а вы, господинъ, куды ѣдетя?»—А ѣду по государствянной службы,—мяне государъ посылая за своими дочарми! Той ужэ чаловѣкъ яму говòра: прыми и мяне за товарыша,—и я ужэ пойду табѣ послужу! Той говора: «прыму тябе! нà, говора, мой шнуръ, растягни яго по дорози!» Вывѣдуя, бачъ, якій помошникъ. Ёнъ тогды узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ — такъ увесь разостлавъ яго по дорози! И опять шморгнувъ — и собравъ у мѣсто! «Ну, подай мнѣ, говора, на лошадь!» Ёнъ зъ большой охотой подавъ ямў. Ёнъ называя: хорошъ молодецъ! иди ко мнѣ у помошники! Стòишъ ко мнѣ у помошники! Якъ жа тябе зовуть? —А мяне зовуть Юда! Удовёнушка добрый мòлодецъ дужа узрадовався, што нашовъ сабѣ помошника. Ѣдуть яны и прыяжжають къ рацэ, и къ грэбли большой-большой. Чаловѣкъ грэблю мостя. Завялѣвъ ямў помѣщыкѣ, штобъ ёнъ загрузивъ грэблю. Ёнъ грузя грэблю, ухватя дрэво, вырвя, и грузя грэблю! Тогды Удовёнушка говора: помогай Богъ табѣ!—Добрагока, здоровья, добрыя люди!—Што дѣлаешъ, говора, чаловѣча добрый?— А вотъ, говора, грэблю мощў! Удовёнушка добрый молодецъ спрашуя: оставъ ты, говора, ето,—ходи ты со мною у помошники! Ну, й той спрашуя: «куды жъ васъ Богъ нясе?» говора.—То жъ, говора, ѣду я по государствянной службы: посылаа мяне государъ дочарэй своихъ шукать! Той зъ большой радостю къ имъ и прыляпився: радъ, говора, я къ вамъ быть у помошники!—Ну, возьми, говора, шнуръ мой, растягни яго по дорози! Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ,—такъ увесь и разостлавъ по дорози; а тогды шморгнувъ—и собравъ усѐ умѣсто. Ёнъ говора: хорошъ молодецъ! ходи ко мнѣ у помошники! Якъ жа тябе зовуть?—А мяне зовуть Запры-водъ! И поѣхали яны ужэ утроихъ. Два помошники ужэ ў яго. То бывъ вясёлъ, а то щэ повесялѣвъ, у кольки частей ужо. Прояжжають яны, и стракають ящэ чаловѣка. И што ёнъ дѣлая? Возьмя горў, и скачуя горў

ру̀ ўнизъ, а посли уверхъ яѐ покотя. Той опять яму говора: помогай Богъ!—Добраго здоровъя, добрыя люди! Сказують яму: што ты дѣлаешъ? —А вотъ, мнѣ повѐляно зѐмлю ровновàть! Удовёнушка добрый молодецъ говора: оставъ ты ето, ходи ты со мной у помошники!—А куды жъ васъ, каа, Богъ нясѐ?—Да ѣду я по государствянной службі: государъ посылая мяне своихъ дочарэй шукать? Той говора: зъ большой радостю я готовъ къ вамъ за помошника быть!—Ну возьми, говора, мой шнуръ, растягни по дорози. Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, махнувъ—ёнъ увесь и разостлався по дорози. Тогды шморгнувъ—и собравъ увесь у мѣсто. „Ну, кажа, хорошъ молодецъ! Якъ жа тябе зовуть?» —А мяне зовуть Горунъ! Очиститаль горъ, знатца. Ну, поѣхали ўжэ ўчатырохъ.

Прыяжжають яны къ городу. И обыйшли яны городъ кружкà—и нигдѣ нямà воротъ: кружкà високія валы. Ёнъ узявъ шнуръ, и паракинавъ конецъ у городъ. По томъ шнуру пошовъ самъ. А стянà висòка, боляй якъ сями вёрстъ вышыной. Своимъ жа помошникамъ сказавъ: якъ торгну, дакъ вы тягнітя, и опять ко мнѣ подавайтя! Ну, тогды, идѐ ёнъ по городу, и убачыла яго мѐньшая дочаръ государствянная. И бягомъ бяжыть къ яму̀, зъ большой радости, и обнимая яго руками и палуя: зачымъ ты, якъ тябе Богъ сюды прыславъ? А ёнъ исказуя: прыславъ мяне вашъ отецъ сюды за вами! Завялà яна яго у домъ, и садила за столъ, и дала яму̀ ѣсть. Слѐзно плача и расказуя: што ня узять вамъ насъ: нашы мужы жа змяй. У мойго мужа тры головы, а ў другія сястры, у сярэдьнія, шэсть головъ, а у большыя—девять головъ. Отъ, говора,—подъѣжтя и отправляйтесь своимъ путёмъ: вы мяне ня вòзьметя! А ёнъ говора: вòзьмямъ, говора. Тольки ёнъ укусивъ разовъ тры, алебо пять,—а ёнъ и налятàя домовъ ужэ. Сычасъ запаливъ жаркимъ огнёмъ и разинавъ ротъ яго изъядàть. А ёнъ ня уторопѣвъ: сычасъ схвативъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. Тры разы ўдарывъ, тры головы збивъ —и ўбивъ! „Бяры, государыня, говора, што табѣ найлуччы!“ Тая ничого ня хоча, тольки бъ зъ душой выйти. Ну, набравъ ёнъ такихъ вящей, которыхъ у тымъ царстви нѣту, и яѐ повёвъ. Провòджуя яѐ къ шнуру и говора: вотъ, иди по етому шнуру и сòйдешъ унизъ, и тамака ёсть моѐ помошникѝ, тры чаловѣки. Увязавъ тыя одѐжы, вящэй што, дыя̀менты, навязавъ на цэпъ и тòргнувъ: тягнитя! Яны ето вытягнули и подали шнуръ яму назадъ. Узрадовались яны етому: благодарыть тябе, Господа Бога, што помогъ Богъ нашаму господину отратовать дочаръ государствянную, хоть одну! По радости Бога просять: поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и тыхъ достать! Заслужамъ жа и мы сабѣ отъ яго государствяннаго якую чэсть! А ёнъ парараправивъ тую и пошовъ. Иде ёнъ по городу, увйдяла яго и другая, сярэдьняя дочаръ. Яна бяжыть къ яму̀,

и рада, и плача, обнимая яго руками и цалуя: зачымъ тябе Богъ принёсъ, Удовёнушка?—Отецъ посылая мяне за вами! Яна отвящаа: ня ўзять, говора, вамъ насъ! нашы мужыки змяй! А ёнъ отвящая: я ўжэ одну узявъ, меньшаю! А тая отвѣтъ даѐ яму̀: хоть ты узявъ тую, а мяне ня возьмешъ: у тыя тры головы було̀, а ў мойго шэсть! Узяла яго у домъ, усадила за столъ, а дала яму ѣсть. Тольки жъ укусивъ можа разы два ли тры, такъ ёнъ и налятая. Якъ улятѣвъ у горницу, такъ запаливъ огнёмъ и силно заровъ на яго. Узявъ ёнъ свою палку-попирашку и нача̀въ изъ имъ битца. Начавъ битца, начавъ битца,—якъ махнувъ девять разъ, такъ уси шэсть головъ и збивъ! И убивъ. «Ну, бяры, говора, што табѣ трэба!» Тая ничо̀го ня хоча, рада душой увойти. Тогды ёнъ набравъ опять вящэй и повёвъ яѐ къ шнуру. «Вотъ, иди по етому по шнуру,—тамака ёсть моѐ помошникѝ и сястра твоя!» Царэвна сыйшла. Опять ёнъ навязавъ вещы, торгнувъ, яны й потягнули. Такъ ёнъ двюхъ дочаровъ и вывявъ. Тогды закинули яму шнуръ опять у городъ, а сами по радости опять стали Бога просить: «поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и трэтьтяю царэвну ўжэ достать!» Тогды ёнъ пошовъ, искать ужэ трэтьтія царэвны. Трэтьтяя царэвна ўжэ й послышала, што двёхъ сястяръ яѐ ужэ воротили. Ну, тогды яна ужэ стоить, по вулушцы ходя, и прысматруя, коли ёнъ ужэ будя итить за ёй. Тогды, приходжуя ёнъ, яна й убачыла яго, слёзно заплакала, и обняла яго руками и цалуя. Тогды ёнъ говора: ну, говора, царэвна,—убирайсь! А яна яму говора: ня ўзять табѣ мяне и во вѣкъ. Ёнъ говòра: я ужэ твоихъ двёхъ сястёръ вы̀вявъ отсюля̀!—«Латьвѣй тыхъ вывòдить: у одныѐ мужа було тры головы, а у другія було̀ шэсть; а у мойго жъ девять!» Тольки дала яна яму ѣсть—увяла у домъ, посадила за столъ, и дала ѣсть—укусивъ ёнъ можа разы два ти тры, такъ ёнъ и налятаа, такъ и заровъ на яго грозно! Ёнъ узявъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. И бився ёнъ зъ имъ ужэ много, нясчотно,—ужэ самъ истомився. Потудова жъ бився, покуль убивъ того. «Тяперъ бяры, говора, што табѣ найлуччы!» Тая рада тольки зъ душой выйти. Набравъ ёнъ которыхъ вящэй, прывёвъ яѐ къ шнуру и сказавъ ёй: иди по ёмъ,—тамъ моѐ помошникѝ и сястры твоѐ двѣ. Тогды, яѐ парадавшы, и пошовъ самъ ужэ по шнуру. Тогды узыйшовъ ёнъ на стяну̀ и ставъ самъ рассматравать, дѣ-бо што дѣетца. А яго ужэ помошники узрадовались: «слава Богу, говора,—намъ ужэ ёсть по жанѣ!» Во̀ якъ ужэ яны! Тогды шморгъ тэй шнуръ, да доловъ. А яго и оставили на стянѣ: сами и поѣхали.

Заплакавъ жа ёнъ слёзно, што остався на такой горэ на високой. Якъ яму̀ сойти оттуль? Тогды мысля: куды мнѣ покатитца зъ етыя стяны: ти у по̀ля, ти ў городъ? Тогды ёнъ покатився, подумавъ: пойду

опять у городъ! И ўпавъ у садъ, и ўбився крэпко, и отбивъ сабѣ ноги, ня можа ўжэ поворотитца. Идè пожаръ вяликій, а ў пожары крычыть змяя: Удовёнушка, добрый молодецъ! поратуй, говора, мяне и дятей моихъ,—я тябе зъ вяликаго гора вызволю! Ёнъ говора: якъ жа я могу тябе поратовать, што я самъ болянъ!—Вы-тыки люди, говора, можныя, крэпкія,—якъ-небудь вы можатя помогти мнѣ! Возьмитя, говора, дрэво сорвитя и киньтя на 'гонь, дакъ я самъ выйду и дятей вывяду! Ёнъ тогды хвативъ дрэвò большое, сырое, вырвавъ и кинавъ на 'гонь. Тогды парайшла яна сама и дятей вывяла,—вышла съ огня. «Ну, што табѣ, говора, трэба?» А ёнъ говора: я вотъ болно крэпко разбивсь! Яна пошла, напилась росы, и прышла, змочыла яго усяго. Тогды говора: а што, якъ табѣ? ти лёхко табѣ? Ёнъ тогды повярнувсь и говора: «э, говора, мнѣ щэ етаго и ня чутно!» А ямў ўжэ поляхчэло много. Яна пошла напилася ў другій разъ росы, прышла, опять намочыла яго ўсяго. Ёнъ тогды ставъ и хорошый, такій, якъ и бывъ, а щэ хоча крэпчы быть. Яна тогды пошла, напилася у трэтьтій разъ, прышла тожъ, опять намочыла яго. Тò бывъ хорошъ, а то щэ нянàча покрапчэвъ. Тогды яна подякала ямў и говора: ня 'пàсуйся ты, Удовёнушка, добрый молодецъ! Щэ сыновъ побивъ, а щэ батька ихъ ё: и коли будяшъ зъ имъ битца, допрашуй тыя лошади, на которой царськихъ дочокъ достававъ!

Тогды ёнъ пошовъ шукать ужэ батьки ихъ. Батька ето ихъ дочувся, што ужэ сыновъ побивъ, и грòзитца: «сыновъ побивъ, а мяне ўжэ, говора, ня убъè, а я яго ўбъю!» Коли ёнъ прыходжуя къ яму, ажъ ёнъ у лазьни парытца, и грозитца на яго. Ёнъ сычасъ, ускòчивъ у лазьню и начàвъ яго бить своёй палкой—попирашкой. Тэй жа не сподѣвався, знатца, етаго, што ёнъ ускоча, начанè яго бить. Такъ тры гòловы яму збивъ у лазьни. «Скажы мнѣ, говора,—идѣ тая лошадь, на которой ты царськихъ дочокъ достававъ?»—А вотъ, иди, говора, тамъ будя стоять стайня, уся мѣдная, тамъ будя и лошадь стоять,—золотая шарстина и сярэбраная!.. Ёнъ якъ прышовъ икъ стайни, лошадь учула духъ крыстяньскій и зарзала. И на тэй лошади и сядло мѣдное и ўздэчка. Сѣвъ ёнъ на яè и поѣхавъ. Поѣхавъ на той лошади и пытаетца: ти можашъ ты мяне зъ естаго городà вывязти?—Нѣ, говора, не могу; а ёстяка у мяне другій братъ, той можа вывязти! Ёнъ сычасъ лошадь тую поставивъ, опять пошовъ икъ змѣю пàратца ў лазьню. Опять начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ,—осталось ужэ шэсть. Тогды опять допрàшуя: искажы, говора: игдѣ таа лошадь, што ты царськихъ дочокъ достававъ? Такъ ёнъ сказавъ: иди, говора,—стоить тамъ стайня, уся сярэбраная, и вороты и ключы. Отъ тамъ стоить и лошадь, то жъ само--золотая шарстинка и сярэбраная! Ёнъ тогды прыходжуя къ ворòтамъ, лошадь счула крыстяньскій духъ и за-

рзала. Тамъ, на тэй лошади, сядло усё сярэбраное и ўздэчка, и мечъ сярэбраная. Сѣвъ ёнъ на тую лошадь и поѣхавъ. И говора ёй: ти можашъ ты мяне зъ естаго города вывязть? Лошадь тая узниметца-узниметца,—нямножко-нямножко ня ўскоча на стяну. «Не могу я, говора, тябе вывезть! Ёсть у насъ, говора, трэтьтій братъ; отъ, того допрашавай, идѣ ёнъ стоить». Пошовъ опять ёнъ къ тому змѣю, зновъ у лазьню паратца. И начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ: осталось тольки тры головы, а девять збивъ ужэ. Тогды спрашуя: искажы, гдѣ тая лошадь, што ты царськихъ дочокъ достававъ?—А вотъ будя, говора, стайня, уся золотая, и вороты и ключы,—а у стайни тамъ стоить лошадь, золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный, и золотое сядло, и золотая уздэчка, и золотая мечъ!... Отъ коли отказавъ крайня ужэ! Ёнъ прыходжуя икъ стайни, лошадь духъ счула крыстяньскій и зарзала тожъ такъ. Ёнъ сычасъ узявъ тую лошадь, сѣвъ на ёй и поѣхавъ. «Што, лошадь,—можашъ ты мяне зъ естаго города вывязти?» Яна говора; могу, говора. Ёнъ поднявся, изъ города и выѣхавъ. Догнавъ своихъ и послужниковъ, и паралятѣвъ, и опять вярнувся у городъ у той. Тогды опять по той радости пошовъ у лазьню зновъ. Ну, и соусимъ убивъ яго, кончывъ яго соусимъ. Тогды пошовъ ходить по тыхъ домахъ по ихъ, идѣ яны прожывали; нашовъ ёнъ одные вянокъ, и другія, и трэтьтія. Дужа тыя вянки слишны, дужа дорогія. Ёнъ тогды побравъ тыя вянки, сабѣ сховавъ у карманъ, тогды узявъ и поѣхавъ ужэ соусимъ зъ города. Поблагодарывъ Бога и поѣхавъ.

Тогды ёнъ поѣхавъ и прыѣхавъ упяродъ за ихъ у городъ у свой ужэ, игдѣ яго царъ. А тыя щэ на дорози. Тогды лошадь пуcтивъ у поля гулять, одёжу свою усю сховавъ и военнаю збрую, а самъ надѣвъ такоя,—простоя, съ простонародія, диравая—сермяги. Зайшовъ ёнъ икъ ковалю и проситца у яго, кабъ прынявъ яго за работьника. Коваль и прынявъ яго. Ну, ёнъ жывѐ тамъ дуракомъ: ня умѣя ни говорыть, ни такъ што: скажа, дакъ яго слово не подъ дѣло. Ковалёва жонка послала яго свинней пасти. Ёнъ прыгнавъ свинней къ лѣсу, да хвосты позвязававъ имъ, да на дуба и поўстягававъ: дурачокъ, вѣдомо, ня знаа ничого, што ёнъ,—а самъ узявъ, ды й пошовъ домовъ; да сѣвъ на лавцы, да на столъ узлокотився, да слюну пустивъ изъ рота, и сядить сабѣ. Ковалёва баба спрашуя: игдѣ жъ свинни? А ёнъ отказуя: поўзлизали, каа, на дуба да й пяють! Тогды ковалиха побѣгла за ковалёмъ: якій ты самъ дуракъ, и такого дурака ты сабѣ прынявъ! Онъ, свинни, говора, у лѣси подавилися! Ну, коваль, то сказано—мужацкій полъ,—зразу ничого не задавъ, ни грозы, ничого. Ажъ бача свинней на дуби,—ёнъ и самъ засміявся.

Ну, бача, што дуракъ: што зъ дуракомъ ужэ будешъ дѣлать? Коваль свинней отчапивъ и домовъ прыгнавъ, а ковалиха вòзя яго кочаргой, а ёнъ голòся, якъ яго мога̀; ти я, говора, виноватъ: яны поўзла̀жавали жалудьдя ѣсть да й пяюти тамъ!..

Пòтомъ прыѣхали ужэ и тыя помошники̇ яго, изъ дочками ужэ, у домъ къ отцу, и хвалютца: што òтъ мы, говора, ихъ выратовали,—достали и отобрали! А той дурачокъ выйдя на вулицу, сопли пустя, слюнў пустя, обдѣлаетца.. Царъ радъ своимъ дочка̀мъ и пославъ по своёй зямлѣ вядомòсти, што воротилися дочары̀ яго, и молѝтца Богу. «Коли жъ вы ихъ достали, и отдамъ ихъ за васъ! А дѣ жъ той, што, говора, упяродъ отъ мяне отправлявся?» Яны отказуютъ: «а тэй, говора, тамъ щэ остався: ёнъ ня могъ самъ вылязть, ня токмо, што ихъ вывязть!» Цару тольки и ў клòпоти ужэ объ тымъ, значытца, объ дурни; ёнъ радъ, што дождався дочарэй, а до того ужэ стольки клопотòвъ. Отдаѐ ёнъ ужэ ихъ у замужаство усихъ троихъ. Вѣдомо, ужэ разумныя люди, коли достали. Ускорости ужэ свадьби, одна узяла ужэ хвартўхъ злота и понясла ужэ къ ковалю: «вотъ, издѣлай, говора, мнѣ, коваль, вянокъ такі̇й, якъ бывъ у мяне за першымъ мўжамъ!» Коваль назаутраго пошовъ у шынкъ выпивать горэлки наща, а яго работьникъ зайшовъ у кузьню, да й начавъ ковать: и мѣхомъ *днѐ* и по ковадлу бъѐ—бытто дѣлая ёнъ ужэ вянокъ. Ковалёва жонка стучыть у вороты, хоча бить яго, штобъ ёнъ не попортивъ ковалю, а ёнъ говора: я табѣ ня 'тчыню, ты тутъ щэ злота укра̀дешъ! Ковалёва жонка побѣгла у шынкъ по коваля и ругая яго: твой, говора, работьникъ, ёнъ пòсудъ попортивъ увесь! Коваль скорэй бяжыть. Бача ёнъ, што бяжыть кузнецъ, ёнъ вянокъ съ кармана, и къ тяплу, и грэя яго, и потчыщаа. Коваль говора: отчыни, говора, братъ! Ёнъ сычасъ отчынивъ и вянокъ показуя ковалю: поля*т*и-тка, говора, дяденька, —ти такъ я издѣлавъ? Тэй коваль узявъ у руки вянокъ и говора: да, братъ,—такъ! А тэй коваль и самъ ня умѣя здѣлать такі̇я работы, да тольки такъ... И говора своёй ходяйцы: вотъ, говора, які̇й ёнъ ёсть щэ дорогі̇й работьникъ! Тогды и сама тая ужэ дивитца. Тогды, царськая дочаръ прыходжуя за вянкомъ, коваль и отдавъ ёй. «Вотъ жа, говора, які̇й вянокъ коваль здѣлавъ,—якуратъ якъ той, што за тымъ мужамъ бывъ!» А ето той. Тогды и другая узяла хвартўхъ золота—позавидовала на тэй вянокъ—и тая занясла къ ковалю. «Отъ, говора, коваль: издѣлай и менѣ такі̇й вянокъ, якъ моёй сястрэ!» Коваль помѣвся и той здѣлать. *Тэй* жа коваль опять пошовъ у шынкъ, выпивать наща, а *той* яго дурачокъ злото тоя забравъ, заховавъ, а самъ зновъ мѣхомъ днѐ и по ковадлу бъѐ. Ковалёва баба опять у вороты стукая, да хоча бить яго, што ёнъ пòсудъ портя, ёнъ плача 'ў кузьни да й говора: чаго ты тамъ? говора: ето,

говора, чужоя! Коваль иде съ шынку, а ёнъ щэ у кузьни. Ёнъ узявъ другія вянокъ, да начавъ изновъ яго подчыщать. Коваль говора: отчыни! Ёнъ сычасъ отчынивъ и показуя: а што, ти такъ я здѣлавъ? А коваль ужэ радъ, што значытца, яго вызволивъ: да, говора,—такъ, братъ! Прыходя царэвна за вянкомъ, и узяла и отправилась домовъ, и хвалитца: вотъ, вянокъ, говора, хорошый! Якуратъ, якъ за першымъ мужамъ, говора, бывъ! А трэтьтяя догадалась и спрашуя: ти няма у ихъ кого чужого? Яны отказують: ёсть, говора, якійся дурачокъ! Трэтьтяя царэвна пошла къ ковалю, ничого ужэ ня бравшы,—'вознавать. Увыйшла йна у домъ, а яны обѣдають. Тыя тогды уси поусхвàталися зъ-за стола, што царэвна прышла, а ёнъ сядить за столомъ, узлокотився надъ чашкой и сярбàя. Тыя говоруть: вотъ, говора, сударыня: не прогнѣвайся, што дуракъ у насъ такій! Яна говора: ничого! И бытъ ина на шутку зъ имъ говора: ето, говора, мой жанихъ будя! И началà шутить изъ имъ, и бытто цаловатца. А ёнъ плача: «чаго яна ко мнѣ вяжатца? я ѣсти хòчу: а яна мнѣ ѣсти ня даè! Отыйди отъ мяне, а то я табѣ капустой вочи зальлю! Скотина ты!» А коваль ижъ жаной просять яè, кабъ яна ня угнѣвалася, што ёнъ такъ говора на яè. Ёнъ тогды заплакавъ, бытто усердився, и побѣгъ за дверы, за порогъ, и ругаетца на яè. А яна за имъ услѣдъ. Ёнъ тамъ очыстився; тогды стали сабѣ на дворэ одны, заплакали—и яна и ёнъ. «Другъ мой, говора: якъ тябе Богъ воротивъ оттуль?» Ёнъ и расказавъ ёй.—«Коли ваша свадьба?»—А вотъ, у ето 'оскрасэньня!—«Ну, выяжжайтя жъ вы, говора, на свадьбу, и я, говора, выйду къ вамъ на устрэчу!» Тогды прышла царэвна домовъ и сказала своимъ сястрамъ: «вотъ, найшовся жъ той, што насъ вывявъ оттуль, который страждавъ за насъ!» Сёстры узрàдалися крэпко и сплягнули руками. Тогды сказала имъ мовчать, до урэмя не казать никому,—покỳляка наша свадьба будя! Тогды, поджыдаючы, ёнъ пошовъ у городськую лазьню, и обмывся и одѣвся у свою 'дèжу и узявъ свою золотую мечъ, и палку-попирашку на прымѣту.

Тольки жъ яны ѣдуть, прыяжжають икъ цэркви, а ёнъ на устрэчу къ имъ да—здрастуй! имъ. Тыя яго помошники началѝ утякать съ повозокъ, а ихъ тыя жоны да ихъ прыдѐржыли,—за ихъ! «Куды жъ ты, говора, мой милянькій, отъ мяне утякаяшъ?» Такъ яны ня могли утекти,—усихъ ихъ побравъ за рỳки. «Вѣрныя, говора, моè товарыши, да вы ня хочытя со мной поздорòвкатца: попышнѣли, говора. А имъ ужэ пыхота ня тая зашла! Воротився и самъ къ цару и дочары. «Здрастуй, царъ наяснѣйшый!» Познавъ и царъ яго, што ето Удовёнушка добрый молодецъ. «Здрастуй, здрастуй, Удовёнушка, добрый молодецъ!» Дочары къ отцу слёзно заплакали: утъ—это той, говòрать, который насъ поратовавъ отъ змя-

ёвъ; а ето, говòрать, бродяги! Ёнъ за насъ страждавъ и свою кровь проливавъ, а яго выдали изъ дружбы, а зъ насъ изругались! Государъ сказуя: «Удовёнушка, добрый молодецъ! которуу дочару хочашъ самъ, бяры за сябе; а другихъ отдавай, хто по дружби табѣ!» Удовёнушка добрый молодецъ на мѐньшай жанився самъ, а другихъ по'тдававъ, кого мѣвъ за дружбу сабѣ. Царъ за яго дружбу давъ яму своё царство. И начавъ царствовать, и тяперъ ёнъ царствуя. А тыхъ вы̀вяли у чистая пòля и дали имъ по дванатцать стрэловъ.

С. Кошелево, рогач. у. Отъ кр. Игната Емельянова, 60 лѣтъ, слѣпого съ дѣтства, нищаго.

35. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ.

Нѣукоторомъ царстьви, нѣукоторомъ государстьви, живъ сабѣ одинъ купецъ богатый. И родився у яго одинъ сынъ на родахъ. И бывъ ёнъ щасьлѝвъ и хорошъ, и пригожъ. И росъ ёнъ не по годахъ, а по часахъ, не по часахъ, а по минутахъ. У навуку подався и навуку скоро пройзойшовъ. И пòтомъ пошовъ на прогуляньня и узявъ съ собой палочку. Якъ шибнувъ тую палочку, яна якъ полятѝть на тридевятое царство,— и попала Баби-Юзѣ у ногу̀. Тогды яна отвѣщаеть: „ахъ, Иванъ Ивановичъ, не со мной табѣ жартовать: ёсь Бѣло-пòля, на Бѣломъ поли стоить ложа на тэй ложи ляжѝть слишна панна; у головахъ стоить конь, изъ лубки жаръ ѣсь! Вò съ тэй табѣ жартовать!“ Пòтомъ ёнъ приходить домовъ и говòрить: „отецъ мой родный! ты мяне сплодивъ и выгодувавъ,—пусьти мяне, съ кимъ я хочу̀ жанитца! Объявилося мнѣ, што ёсь Бѣло-пòля, на Бѣломъ поли ляжить ложа, на тэй ложи ляжить слишна панна; у головахъ стоить конь, изъ лубки жаръ ѣсь!“ Пòтомъ отецъ яму̀ отвѣщаеть: „бяри грошай, кольки треба, и лошадь, и садись и поѣжжай!“ Отъ ёнъ узявъ грошай и лошадь, и поѣхавъ. Ѣхавъ ёнъ цэлый день и обнимаеть яго тёмная почь. Ну, увидивъ ёнъ мàленьку хатку на куриной нозцы. Захòдить ёнъ у ету хатку, тамъ дядокъ маленькій—съ клубочакъ. „Здрастуй, дѣдушка!“—А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды жъ ѣдешъ, куды путь дѐржишъ?—«Ѣду, дѣдушка, на Бѣло-пòля, да не знаю, дѣ Бѣло-пòля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?» —Нѣ, каеть, не знаю; асли, каеть, знаютъ—слуги моѐ. Обночуй, каеть: заутра посмотрѝмъ! Ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, уставъ гетый дѣдъ. Уставъ, якъ свиснувъ—и валить пташки, якъ ёсь на свѣти, и маленькія и вяликія. „Отъ вы, слуги моѐ, каеть, усюда летаетя, и по лѣсу и по пòлю, уси пути-дорожки знаетя, а ти знаетя, дѣ Бѣло-пòля?“ —Нѣ, говорить, дѣдушка,—не знаемъ! Пòтомъ ёнъ говòрить: «ахъ, Иванъ

Ивановичъ, купецкій сынъ! поѣжжай дальшы, не могу, каеть,—не знаю!» Отъ ёнъ уссѣвъ и поѣхавъ. Опять день ѣхавъ тожа. Обнимаеть яго ночь. Пріѣжжаеть ёнъ опять—стоить хатка на куриной нозцы. Тогды ёнъ зайшовъ, а у той хатцы дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! куды ѣдешъ, куды Богъ нясеть? —«А ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля. Знаешъ, дѣдушка, идѣ Бѣло-поля?» —Нѣ, не знаю; асли знають—слуги моѐ! Обночуй жа, каеть, а заутра поглядимъ! Давъ Богъ день. Гетый дѣдъ якъ свиснувъ—и валить звярьё! Якъ ёсь на свѣти звярьё, дакъ усѣ собрались, и маленькія и вяликія. «Ахъ, дѣдушка, говорють: нѣ, каеть, не знаемъ, дѣ Бѣло-поля ёсь!» Потомъ ёнъ говорить: ну, Иванъ Ивановичъ, поѣжжай дальшы,—не знають, не вѣдають! Потомъ ёнъ узнова и поѣхавъ. Опять цэлый день ѣхавъ, обнимаеть яго тёмная ночь. И видить ёнъ—стоить хатка на куриной нозцы. Усходить ёнъ у тую хатку, а у тэй хатцы сядить дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды ѣдешъ, куды путь дѣржишъ?—«Ахъ, ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля, да не знаю, дѣ яно, гето Бѣло-поля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?»—Нѣ, не знаю; асли знаеть—слуга моя. Ну, обночуй, каеть: заутра знать будемъ усё! Ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ день; отъ, назаутраго дѣдушка вышавъ, якъ свиснувъ—дакъ нашла воболока; тёмна ночь—а то ще тямнѣй стало. Тогды ёнъ спрашіеть у яѐ: «слуга моя вѣрная, ти не знаешъ ты, идѣ Бѣло-поля?»—Якъ жа я, каеть, не знаю: я тяперъ чаразъ [1]) яго йшла!—«Ну, каеть, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, становись на крылышко ей, ина тябе занясеть на Бѣло-поля. Тольки не сказывай, што видишъ Бѣло-поля. Ина тябе будеть спрашивать: што Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?—отвѣщай ей, што ня виджу!» Отъ ёнъ ставъ ёй на крылышко, ина яго и понесла. Несла-несла, несла-несла, принесла къ Бѣлому полю. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло поля?»—Нѣ, ня виджу! Ина ще пронесла троху. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?»—Нѣ, каеть, ня виджу! Пронесла ящѐ трошки и спрашіеть у третьтій разъ: «Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, ти видишъ Бѣло-поля?» Яму здаѐтца, што ёнъ минувъ, проходить Бѣло-поля, дакъ ёнъ говорить: виджу! Ина й спусьтила яго. И спусьтила у такія мхи, у болоты, што не самому пройти, ни коня провесьть. Ишовъ ёнъ, ишовъ, выбрався на Бѣло-поля. Увидала яго гета панна и говорить: «здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!»—Здрастуй, здрастуй, говорить, панна!—«Ахъ, говорить, я давно тябе поджидала, ледьви дождала!»—А я давно ѣду,

[1]) Граница твердаго и мягкаго р.

ледьви-ледьви доѣхавъ до тябе! Ну, потомъ яны попили, посовѣтували и пераночували. Давъ Богъ день, яна тогды сичасъ—посовѣтували тожа йзновъ,—тогды садитца на тую лошадь на свою, што зъ лубки жаръ ѣсь, и говорить: я жъ поѣду на прогуляньня, а ты усюдахъ ходи, только у водно мѣсто не ходи,—у тую комлату, што двери г-мъ замазаны, лычкомъ завязаны,—туды не ходи! Сама сѣла на коня и поѣхала. Конь тэй поверхъ лѣсу поднявся и пошовъ по вѣтри. А ёнъ остався ходить безъ яѐ, и не пошовъ туды. Потомъ ина прiѣжжаеть увечару̀, ну попили, поѣли, посовѣтували, опять пераночували. Давъ Богъ день; ина садитца на гету лошадь: «ну, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ, содяржи свой день опять: не ходи туды, идѣ табѣ не показано. А я поѣду на прогуляньня!» Отъ ёнъ день ходивъ, ходивъ, и стѐрпивъ. Отъ яна прiѣжжаеть увечару̀. „Ну, хорошо, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ, сутриваѐшъ своё сумлѣньня хорошо!“ Опять попили, погуляли, посовѣтували и заночували. Назаутраго давъ Богъ день, яна опять такъ жа само: ну, Иванъ Ивановичъ, я поѣду на прогуляньня, а ты судержай опять своё сумлѣньня! И поѣхала. Ёнъ ходивъ, ходивъ, и удругъ такъ съ повдня, подъ вѐчаръ, самъ на сябе думаеть: „што жъ я, усюдахъ ходжу, усё вѣдаю, а тамъ я не могу знать, што тамъ дѣетца?“ Ёнъ приходить туды, посмотрѣвъ, ажъ тамъ поганый Кощей на ланцугу привязанъ! Потомъ ёнъ отвѣщаеть, якъ засмотрѣвъ яго: „а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ!“—Здрастуй, каеть.—„Пожалуйтя, Иванъ Ивановичъ, спусьтить мяне зь естаго мѣста̀, а тябе да̀рую трема̀ смертями!“ Ёнъ сабѣ надумався, такъ постоявъ сабѣ—надумався: «охъ, мой Богъ! гето жъ я довго жить буду на свѣти: трема смертями да̀руеть! Спущу!» Узявъ двери отвязавъ и яго спусьтивъ. Якъ яго спусьтивъ, ёнъ—якъ ина ѣхала съ прогуляньня—обнявся зь ёй, и сѣвъ и стали гулять. «А ты, говорить, Иванъ Ивановичъ к. с., ня суйся къ намъ, бо ина моя!“ Потомъ ина, панна гета, отыйшлася отъ яго (Кощея) и накормила яго, (Ив. Ив-ча) и дала яму мѣйсцо, дѣ ночувать. Потомъ пераночували, давъ Богъ день, ёнъ уснувъ, гетый поганый Кощей. Ёнъ тогды яе на свою лошадь и давай утекать. У поганаго Кощея бывъ соколъ и соболь. Отъ гетый соколъ засвиставъ, соболь завывъ, а конь зарзавъ. «Ты, вовча мясо, чаго ржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ, каеть, не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашiя панны нема!—„Ну, ничого, каеть: догонимъ, отбяромъ,—будеть наша!“ Ёнъ уссѣвъ на лошадь и догнавъ. „Ну, Иванъ Ивановичъ, первою смертю тябе даровавъ, большы, каеть, ня суйся, бо я тябе убъю!“ Отъ ёнъ яѐ узявъ и поѣхавъ. А ёнъ назадъ вядетца съ конёмъ. Отъ яна замѣтила яго, изнова дала яму мѣйсцо, накормила яго, ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ

день, ёнъ, Кощей поганый, опять уснувъ. Тогды ёнъ за яѐ, и увёзъ. Тогды соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Чаго ты, вовча мясо, иржёшъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?“—Якъ жа намъ не рзать, ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого: догонимъ, отбяромъ!» Удругъ садитца на гету лошадь, и догоняеть яго. Догнавъ и отобравъ. „Ну, помни жъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, што я табѣ двѣ смерти даровавъ! Боли ня суйся ко мнѣ, бо я тябе убью!“ А пòтомъ, якъ схвативъ яе, такъ и полятѣвъ. Ёнъ за ёй тожа опять привёвся. Яна яго усмòтрила, што ёнъ опять ёсь, тогды яна яго накормила, напоила, опять мѣйсцо дала—ночуй! Отъ ёнъ переночувавъ. Давъ Богъ день, Кощей поганый заснувъ. Тогды ёнъ яѐ узявъ и поѣхавъ. Отъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Ты, вовча мясо, чаго ржёшъ? Ты, песься мясо, чаго выешъ? Ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ не рзать, и ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—„Ну, ничого, догонимъ отбяромъ! Сѣвъ на гету лошадь и догоняеть яго. Догнавъ, сичасъ и отобравъ. «Ну, каеть, помни, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, што я тябе послѣдней смертю даровавъ,—большы ня суйся, бы уже забъю!“ Ухвативъ яѐ и поѣхавъ.

Ну, а Иванъ Ивановичъ купеческій сынъ забивъ свою лошадь, вѣдомо, приставъ, сусимъ—утекавъ. Тогды ёнъ чуть вядѐтца зь ей, ажны лятить воронъ исъ своими дятьми. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ!“—А, каеть, здрастуй!—«Будь ты, каеть, ласковъ, —покорми мою силу: много лятѣвъ, и щѐ далёко лятѣть. Я за твою доброту удружуся табѣ у потреби!» Ёнъ узявъ гетаго коня кинувъ. Крукъ гетый напитався, подъѣвъ и полятѣвъ. А ёнъ и пошовъ самъ туды опять. Ина яго уберегла, што ёнъ ёсь, опять пришовъ, тогды яму̀ дала—покормила яго, дала мѣйсцо. Пераночували. Давъ Богъ день. Кощей поганый уснувъ. Ёнъ узявъ яе и повёвъ. Пòтомъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. Ёнъ прошнувся. „Ты чаго, вовча мясо, иржёшъ? А ты чаго, песься мясо, выешъ? А ты чаго, совино перья, свищешъ?“ —Якъ жа намъ не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого, догонимъ, отбяромъ!» Сѣвъ на коня и догоняеть ихъ. Яе ухвативъ, а яго якъ ударивъ, дакъ ёнъ и рассыпався,—убивъ яго.

Пòтомъ гетый крукъ, идѣ бывши, лятить суды̀, „Ахъ, говòрить, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Я жъ табѣ казавъ: ня суйся суды, получишъ смерть! Потомъ узявъ свою силу и думаеть: «што зь имъ рòбить? треба яго отживить! Ну, каеть, надо, каеть, живущія, каеть, и гоющія воды достать!» Отъ ёнъ узявъ, свойму дятёнку пляшачки подвязавъ подъ крылля. Гетый узявъ и полятѣвъ. Тамъ бовтонувся, зачѐрпнувъ гоющія

воды и живущія, и полятѣвъ. Покуль ёнъ прилятѣвъ, дакъ яны яго зложили умѣсто, якъ бывъ ёнъ. Потомъ прилетаетъ гетый кручанокъ, приноситъ воду живущую-гоющую. Узяли, полили гетой водой гоющай—згоився, живущай—отживився. Бывъ молодецъ, а то ще получчавъ. Потомъ ёнъ говоритъ: охъ, говоритъ, якъ я довго проспавъ! А крукъ яму отвѣщаетъ: „ну, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Ина будетъ рада, што убачитъ тябе, што ты пришовъ, а ты спроси у яѐ, отъ кого ёнъ такого коня маетъ, што ня можно отъ яго, ня можно утечь!“ Гето уже поганаго Кощея. Ну, потомъ ёнъ приходитъ туды, ина: ахъ, слава Богу, говоритъ, што тябе Богъ воротивъ! Якъ тябе Богъ воротивъ? —Ну, я уже табѣ сказавать ня буду,—якъ воротивъ, да воротивъ! А вотъ, говоритъ,—скажи ты мнѣ, панна, отъ кого ёнъ етакаго коня маетъ, што отъ яго ня можно никому утечь? Ина яму отвѣщаетъ: «вотъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ: ёсь на тридевятомъ царстьви Баба-Юга; а у яѐ ёсь девять кобылъ. Дакъ хто три дни спасѐтъ, такого коня будетъ мѣтъ!» Отъ, ёнъ туды и пошовъ.

Тогды идѐтъ ёнъ первымъ довгомъ чаразъ раку—идетъ рѣчка силная дужа—ажны ли рѣчки плещетца рыбка. Потомъ яна отвѣщаетъ: ахъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, укинь мяне у воду: я табѣ при злой години знадоблюсь! Ёнъ яѐ узявъ, укинувъ у воду, и пошовъ. Идетъ ёнъ, ажны два вовки бъютца за одну костку. „Ахъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ,—подяли ты намъ гету костку!» Ёнъ узявъ гету костку и подяливъ имъ. Яны зьѣли костку и побѣгли. И ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—идѐтъ по лясу; лѣсъ такѐй буйнэй! Ажны два шаршнѝ бъютца за одно дуплё. „Ахъ, каетъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—подяли насъ дуплями! Мы табѣ при злэй години знадобимся! Ёнъ тогды узявъ, одного покинувъ у гетомъ дуплѣ, а другого занёсъ у другоя. А самъ и пошовъ. Приходитъ туды, къ гетой Баби-Юзѣ, што на триждадевятомъ царстьви живѐтъ. Тогды ина отвѣщаетъ: а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, здрастуй, купецкій сынъ! Ну, што жъ ты ко мнѣ пришовъ, коній пасьвитъ? Вотъ спасешъ три дяньки, возьмешъ коника на выборъ! Отъ, ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, ина тутъ што-нибудь яму ѣсьти приготовила; сама узяла зялѣзныхъ прутовъ пукъ и пошла ихъ наказуватъ. А у яе была нявѣстка. То жъ, яна—змѣя, а нявѣстка Богу вѣрила. То жъ нявѣстка отвѣщаетъ: „ахъ, говоритъ, Иванъ Ивановичъ: коли хочетя достатъ што-нибудь, дакъ нѐколи дужа ѣсьти: послухай, дѣ ина имъ скажетъ ховатца!“ Отъ ёнъ послухавъ. Яна говоритъ: ховайтеся по бохотахъ (виръ широкій) у раку, кабъ ёнъ васъ не нашовъ, кабъ къ вечару у дворъ не пришовъ! Потомъ ина убѣгаетъ у хату, ёнъ обѣдаетъ. „Ахъ, каетъ,—што жъ ты, каетъ, Иванъ Ивановичъ, ня скоро яси?“ Нявѣстка

отвѣщаеть: якъ жа яму скоро ѣсь, ёнъ давно зъ двора, ня ѣвши; у яго ўроци попортилося отъ сухого хлѣба! Потомъ яна выправляеть яго ў поля, гнать кобылъ. Даеть яму сыру сопливаго, хлѣба драмливаго. Потомъ ёнъ якъ вышавъ, яна вороты отчинила, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и видивъ! Потомъ ёнъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, нямного пройшовъ, захотѣлось яму дужа ѣсь. Ёнъ узявъ, гетый сыръ зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—лёгъ и заснувъ. Якъ спи, дакъ спи—до самаго вечара̀. Прошнувся, идеть и плачеть. Идеть коло рѣчки, гета рыбка тропъ-тропъ! „Чаго, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, плачешъ?»—Ахъ, говорить,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ня бойсь, каеть, не утративъ: стой, говорить, напередѣ!» Отъ яна, гета рыбка, якъ шавольнўлася, якъ стрепянўлася, тольки спросила, дѣ яна приказала ховатца. Якъ собрала свою силу, якъ зачала̀ трепетатца, зачала трепетатца—и выгнала гетыхъ кобылъ изъ воды! Потомъ ёнъ пригоняеть домовъ гетыхъ кобылъ. «Ну, говорить, хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ, к. п.! Отъ, спасёшъ три дяньки, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, ёнъ заночувавъ. Яна яму ѣсьти тутъ дала.. Пераночувавши, назаўтраго, давъ Богъ день, яна удругъ яму ѣсьти дала, а сама узяла зялѣзныхъ прутовъ подъ паху пукъ и пошла наказувать ихъ. Нявѣстка отвѣщаеть: ахъ, Иванъ Ивановичъ, к. с.! коли хочешъ што достать, дакъ иди послухай, дѣ яна казала имъ ховатца! Ёнъ пошовъ послухавъ. Ина наказыеть: што ховайтеся по мхахъ, по болотахъ! Пошовъ ёнъ, гето послухавъ, сѣвъ—опять обѣдаеть. Ина приходить у хату: «ахъ, што жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, няскоро ясй! А нявѣстка отвѣщаеть: якъ жа яму скоро ѣсьти, коли у яго у роти усё попортилось, отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даеть ина яму сыру сопливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть уже у поля: ну, ступай жа пасьвить уже! Вороты отчинила, яны якъ вырвались, поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ! Потомъ ёнъ ишовъ, ишовъ, якъ захотѣвъ ѣсьти! Зьѣвъ гетый хлѣбъ, гетый сыръ—такъ лёгъ и заснувъ. Якъ спи дакъ спи—до самаго вечара̀. Прошнувся—нема кобылъ. Отъ ёнъ идеть и плачеть. Ажны бяжить вовкъ: «чаго, Иванъ Ивановичъ, к. с., плачешъ?» —Ахъ, каеть,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ну, ничого; стой напередѣ, пилнуй,—пригонимъ!» Гетый вовкъ якъ заскуголивъ, завывъ, собравъ свою силу. Пошовъ по мхахъ, по болотахъ, кобылъ етыхъ и выгнавъ. Ёнъ пригоняеть ихъ у дворъ. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Отъ, хорошо: два дяньки спасьвивъ, третьтій якъ спасьвишъ, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, дала яму ѣсьти што нибудь; ёнъ подъѣвъ и заночувавъ. Давъ Богъ день; яна дала яму снѣдать, а сама зялѣзныхъ прутовъ пукъ подъ паху и пошла ихъ наказувать. Тожъ нявѣстка яму говорить: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, к. с.: коли хочешъ гето достать, дакъ иди

послухай, куды ина имъ скажеть ховатца!» Ёнъ пошовъ, ажны ина имъ кажеть: што ховайтеся по дупляхъ, по 'синьнику, по дупляхъ! Ну, добро. Сама уходить у хату, а ёнъ ѣсь. «Ахъ, каеть, якъ ты няскоро яси!» А нявѣстка отвѣщаеть: яму жъ, каеть, ня можно скоро ѣсьти: у яго у роти усё попортилось за дорогу отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даёть ина яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть пасьвить. Отчинила вороты, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ. Ну, пошовъ ёнъ услѣдъ. Ишовъ, ишовъ, и захотѣвъ ѣсьти. Отъ ёнъ сыръ тэй зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—якъ лёгъ, дакъ и заснувъ. Прошнувся, ажны уже сонца заходить. Отъ ёнъ идёть и плачеть. Гетый шарстёнь лятить и спрашіеть: „Иванъ Ивановичъ. к. с.: чаа ты плачешъ?» А ёнъ говорить: чаму мнѣ не плакать, коли я своихъ кобылъ утративъ!—«А дѣ ина казала имъ ховатца?»—А по лѣси, по дупляхъ, по 'синьнику! Гетый шарстёнь свою силу якъ гукнувъ, загудѣвъ, ставъ щипать, вѣдомо уже, кусатца—и выгнавъ ихъ. «Ну, стой, каеть, Иванъ Ивановичъ, наперади,—пригонимъ!» Отъ ёнъ и пригнавъ ихъ у дворъ. Ина: «а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, к. с.! Отъ, хорошо! Три дяньки спасьвивъ,—возьмешъ коника на выборъ! Дала яму ѣсьти чаго нибудь, а сама пошла. Нявѣстка отвѣщаеть яму: «гляди жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, к. сынъ: ёсь у куточку у стайни маленькій жарабёночакъ, няпошлый, недолужлый уже. Дакъ яна съ усихъ хорошихъ коній силу отбярёть, да на яго, одному яму. Гляди жъ, каеть,—ина тябе будеть отбивать: бяри, каеть, хорошаго, сядешь и поѣдешъ! А ты ня слухай, возьми маленькаго, што ли тябе будеть луччи хорошаго!» Ну ёнъ пошовъ у стайню, узявъ гетаго жарабёнка малаго и вядёть. А йна убачила: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! Якій ты чаловѣкъ худый, нябразованый,—узявъ такого коня! Ты жъ ба узявъ хорошаго, кабъ уссѣвъ и поѣхавъ!» А ёнъ отвѣщаеть: ну? у насъ бывъ якій уговоръ: на выборъ коня брать? Я й узявъ на выборъ по своей любови, который мнѣ улюбився, такого я и узявъ!»—«Ну, нѣчаго дѣлать!» Ёнъ яго й повёвъ.

Якъ весьти, дакъ весьти, якъ весьти, дакъ весьти—обнимаеть яго тёмная ночь. Ёнъ узявши, тяплышко высѣкъ, разложивъ, и сѣвъ,—заночувавъ. Тогды жарабёнокъ гетый отвѣщаеть яму: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной (вѣр. искаженное: зямчужной. Мянтузъ въ южномъ говорѣ—названіе рыбы налима) росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Конь узявъ, покатався, покатався, и побѣгъ назадъ. А ёнъ пераночувавъ: назаўтраго давъ Богъ день, сонца узыйшло, а яго нема. Ёнъ и сумився. Потомъ бяжить гетый конь, подъ имъ земля дрыжить, и по сяннэй копѣ зямлю копытамы ворочаеть: «хозяинъ мой вѣр-

ный, бяри, каеть, вяди мяне, я ще тябе не звязу—у мяне сила не уся!» Яны вяли, вяли, день. Обнимаеть ихъ тёмная ночь, ёнъ тяплышко высѣкъ, разложивъ и заночувавъ. Жарабёнокъ гетый отвѣщаеть: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Узявъ тэй конь, покатався, покатався и побѣгъ назадъ. Назаутраго давъ Богъ день, уже сонца обутрало порадошно,—нема яго коня! Ёнъ сядить ли тяплышка и сумився. Ажъ бяжить яго конь, ажны земля дрыжить и по наболыпамъ копяку зямлю копытамы ворочаеть. «Хозяинъ мой вѣрный, бяри мяне, вяди,—я ще тябе не звязу: сила моя не уся!» Ёнъ яго узявъ и повёвся. Вяди, вяди—цэлый день. Обнимаеть ихъ тёмная ночь. Ёнъ тяплышко высѣкъ, разложивъ, и заночувавъ. Конь гетый отвѣщаеть: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Тэй конь покатався, и побѣгъ назадъ. Назаутраго, давъ Богъ день—нема яго коня; уже й сонца обутрало—нема; агу—большоя раньня уже,—нема коня; уже й подъ повдня сонца—нема коня? Ажны ёнъ къ повдню бяжить, ажъ земля дрыжить, и по цэлому стогу зямлю копытамы ворочаеть. «Ну, каеть,—во тяперъ, хозяинъ мой вѣрный, вырви у мяне съ персьти триждыдевять шерсьти, и садись на мяне, поѣдемъ! Тогды ёнъ 'яго вырвавъ съ персьти трижды-девять шерсьти и сѣвъ на яго и поѣхавъ: „во тяперъ, каеть, моя уся сила! Вотъ, хозяинъ мой вѣрный: якъ мы пріѣдемъ, будеть ина намъ рада. И спроси ты у яѐ, кабъ ина узяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы стояла!“ Отъ, якъ ёнъ пріѣхавъ, дужа яна была яму рада. Ёнъ ёй сказавъ, кабъ ина узяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы стояла. Ну, тогды яѐ узявъ и повёзъ. Сичасъ конь зарзавъ, соколъ засвиставъ, соболь завывъ. Ёнъ прошнувся: ты чаго, вовча мясо, иржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму намъ не рзать, и ня выть, и не свистать, коли нашія панны нема!—«Якъ можно быть? Я жъ яго убивъ, разбивъ на дробный макъ!»—Нѣ, каеть,—живъ!—«Ну, ничого, каеть—отбяромъ!»—Нѣ, каеть,—не 'тбяроэшъ! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Гетый конь поднявся високо, што купецкій сынъ ѣдеть изъ ёй уже, съ панной зъ естой, а тэй—Кощея, ще вышай! Гетый конь, Ивана купецкаго сына, отвѣщаеть: «поднимись повышы мяне и страханись,—объ сырую зямлю яго ударъ, нячистую силу, кабъ ёнъ разбивсь! А мы съ тобой будемъ умѣсьти жить!» Отъ ёнъ якъ поднявся вышай яго, страханувся, ударивъ поганаго Кощея объ сыру зямлю—разбивъ яго на крошки, дробнѣй маку!

Отъ яны усѣли одинъ на 'дного, а другѣй на другого, и поѣхали. А яму достався и соколъ и соболь, усё уже яго—што усё доставъ, на чомъ

налегавъ. И поѣхавъ къ батьку и стали жить-поживать, добра наживать.

И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло, у роти ня було. Дали мнѣ пирогъ—я за порогъ; дали мнѣ смыкъ—я подъ вороты шмыкъ.

С. Высокое, орш. у. Записано мною отъ кр. Якова Игнатьева, 76 лѣтъ, негр. Внѣ предѣловъ своей губерніи не былъ.

36. Удовины сыны.

Жывъ сабѣ царъ, и було у яго тры дочары. Выходють первой дочары годы замужъ отдавать; и пріяжжають къ ёй сваты. А яна гувòра: «батюшка, гувора: што жъ вы мяне замужъ отдаятё—ниякихъ работъ я ня вѣдаю: купітя менѣ шовку краснаго и дайтя мнѣ домъ чистый, спокойный, кабъ я училась усихъ работъ!» Тяперъ яè у етый домъ отправили. Змѣй, откуль бывшы, домъ разбивъ, и яè узявъ и понёсъ съ собой. Горували, горували яны, и осталiсь тàкъ, безъ усяго. Тяперъ, и другой дочары—напòготови замужъ отдавать. Икъ той дочары сваты прыѣхали, и тая отцу кажа: «што жъ вы мяне отдаятё,—я ниякихъ дялòвъ ня вѣдаю!» И такъ само: «купитя менѣ шовку чорнаго и отправтя мяне у вучебный домъ!» И отправили яе. Змѣй опять прилятѣвъ, узявъ дѣвку и понёсъ съ собою. Яны горували, горували, и ничòго. Тяперака вышли годы трэтьтяй дочары замужъ отдавать. Прыяжжають сваты по туу дочку, а яна гувора отцу: «што жъ вы мяне отдаѐтя у люди, коли я ниякихъ работъ ня вѣдаю? Купитя менѣ бѣлаго шовку и отправтя мяне у вучебный домъ!» Ну, отправили яе у вучебный домъ, а змѣй, откуль бывшы, разбивъ домъ и яè узявъ съ собой. Тяперъ, яны горують, и мать и отецъ, што были тры дочары, и нямà нивòдныя. Яны давай горувать, давай прослухàть по ўсимъ бѣлымъ свѣту. И просивъ усихъ разныхъ народовъ, кабъ ихъ только знайтить, ти живыхъ ти мяртвыхъ. Собрались Удовиныя сыны къ обѣду и говоруть мижъ сябе такъ: меньшый гувора братъ: я, гувора, знаю, дѣ яны и могу ихъ воротить! А нищія, значитца, ходють и разслухàють етыхъ дяловъ. Сычасъ и доложили аппаратору налишно: «исказавъ Удовиный сынъ младшый: я знаю и могу ихъ воротить!» Такъ ихъ аппараторъ спрашуя у свой домъ, и допрашують ихъ: братьтя, гувора: скажытя, гдѣ моихъ дочакъ, ихъ можно достать? Ёнъ отвячàа: ваша царское вяличаство: кабъ лошади намъ хурошія були, и кабъ мèньшаму брату, Удовиному сыну, була булава у сямнанцать пудовъ, сярэдьняму брату кабъ у дванацать пудовъ, а бòльшаму девять пудовъ! Тогды, лошадей собрали, булавы ўзяли и выяжжають съ царскаго двора.

Ёнъ, Удовиный сынъ и гувора старшому брату: шыбай, гувора, свою булаву! скольки улятить, стольки намъ до ношлегу ѣхать! Ёнъ швырнувъ, яна й загрымѣла. Поѣхали яны услѣдъ за ёю и цэлый день, до самой ночы ѣхали. Ну, обночылися тутъ, заночавали коло яе. Тогды, назаутраго, устають, помылися, Богу помолилися, опять жа сярэдьній братъ бярэ ету свою булаву и шыбнувъ путёмъ, куды ѣхать имъ. И узновъ цэлый день ѣхали за булавой. Прыѣхали къ булавѣ и заночавали. Ну, заночавали, назаутраго устали, Богу помолилися,—опять жа ужэ меньшый братъ бярэ ету свою ужэ оружыю—булаву и шибаа у свой путь, куды имъ ѣхать. Опять ѣхали цэлый день до етыя до оружыи, найшли булаву, и коло булавы ужэ ношлегъ имъ. Тогды, назаутраго, устали, помылись, Богу помолились, опять поѣхали у свой путь. Прыяжжають яны у повдни ў городъ: стоить городъ за калиновымъ мостомъ. И такъ, городъ будя направо, а налѣво стоить тры домы: одинъ домъ красный, другій чорный, а трэтьтій бѣлый. Тяперъ и гувора меньшый братъ Удовинъ сынъ: братія, гувора: прыѣхали ў городъ—пить и гулять, и расплачаватца якъ слѣдуя быть! Добыли до вечара у городи, меньшый братъ гувора большаму: братъ, гувора: иди, братъ, ночавать подъ етый мостъ потъ калиновый, и гляди бострого, што будя! Ёнъ пошовъ сабѣ подъ мостъ ночавать, помолився Богу и лёгъ спать подъ мостомъ. Етому жъ брату меньшаму, Удовиному сыну, неколи ждать, а услѣдъ за имъ пошовъ повѣрать. Етый сабѣ спить своимъ порадкомъ, а етый на мосту стоить на калавуры. Такъ сычасъ у повночъ ѣдя змѣй чатырохъ-головный. Подъяжжаа къ мосту, сычасъ собака забрахавъ, конь зарзавъ, соколъ заѳвиливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо,—ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты соколъ, ня ѳвили: што я у свѣти никого не боюся, а боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьти не занясё!» А ёнъ сказуа: ня воронъ косьти молотца заносят, самъ молодецъ по своёй охоти ходя!—«Ты тутъ, говора, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, кажа.— «Ну штожъ, гувора: будомъ битца, ай мирытца»? —Проклятый, гувора: я не прыѣхавъ съ тобой мирытца, прыѣхавъ тябе соусимъ убить!—«Дуй токъ!» гувора.—Ты дуй, проклятый! Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ; а Удовинъ сынъ дунувъ—золотый токъ здѣлавъ. Ну, тогды давай битца яны. Билися-билися, и Удовинъ сынъ яго збивъ, и головы етыа позбивавъ и поскидававъ у вогнянаю рэчку. Лукавый жа ѣздя по рэццы, побираа еты головы у лотку. А ёнъ пошовъ сабѣ на хватеру свою и лёгъ спочивать богатырськимъ сномъ. Прыходя братъ, пераночававшы, съ подъ моста опять жа на хватеру. Ёнъ спрашуа: братъ, ти видавь ты што, ти ня було приторочаства табѣ якого ноччы?—Ничого, братъ, ня було: ночававъ спокойно!.. Ну, днемъ погуляли, попили, поѣли, у городи походили,—дожыдаютца другой ночы

ўжэ. Посылаа Удовинъ сынъ сярэдьняго брата на калиновый мостъ, на 'гняннаю рэчку, и прыказуа ямў: гляди, братъ, построжэй! И ёнъ ямў ня вѣра,—опять услѣдъ пошовъ. Той жа братъ прышовъ, подъ мостомъ и лёгъ спать. Ну ямў спать неколи—стоить на стурожы на мосту. Во повночъ ѣдя тожа сямиголовный змѣй на лошадю,—коло яго хортъ и соколъ. Яны узъяжжають на мостъ—конь зарзавъ, хортъ забрахавъ, а соколъ зацвиливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо, ня ржы, а ты хортъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили: што я не боюсь у свѣти никого, тольки боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьтѝ не занясѐ!» Ёнъ жа кажа: ня воронъ кóсьти молотца занóся, молодецъ по 'хоти самъ заходя!—«А ти тутъ ты, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувора.—«Ну, будомъ битца, ай мирытца?»—Нѣ, проклятый, не за тымъ я прыѣхавъ, кабъ мирытца, а затымъ, кабъ тябе соўсимъ убить! Дми токъ!.. Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ на пять вёрстъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Тяперъ давай битца яны на мосту. Удовинъ сынъ яго збивъ, сколотивъ, и головы яму позбивавъ и ў вогнянnаю рэчку поўкидававъ. А лукавый опять по рэцны ѣздя да головы етыа збираа. И пошовъ Удовинъ сынъ опять на свою хватеру, а брата ня будивъ, тамъ и кинавъ подъ мостомъ яго. Прыходя братъ опять на ету хватеру, дѣ яны значытца хватяровали, ёнъ и спрашуа: што, братъ,—ти ня було прыторочаства табѣ якого?—Нѣ, братъ, ничóго ня було!.. Пили день, бясѣдовали, гуляли,—дожыдаютца трэтьтія ночы. Отправляетца Удовинъ сынъ самъ ужэ на стражу, а ихъ оставляа на хватеры и прыказуа имъ: «отъ, братцы, слухайтя муйго прыказа!» Становя имъ стыканъ воды сярадѝ стола. «Братцы, гуляйтя, ня спитя! Што коли стыканъ повянъ будя, тѐразъ потячэ вода, дакъ якъ можно бяжытя ко мнѣ, поспяшайтя на калиновый мостъ, на 'гняннаю рѣку!» Сказавъ имъ етакъ, а самъ и поѣхавъ. Во повнóчъ прыяжжаа на калиновый мостъ змѣй—двананцать головъ—на конѣ, и пёсъ при ёмъ и соколъ. Сычасъ конь зарзавъ, собака забрахавъ, соколъ зацвиливъ. «Стой, песьсяя мясо, ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили! Што я ў свѣти никóго не боюсь. Ё Удовинъ сынъ, и того не боюсь; да й яго, гувора, воронъ косьтѝ не занясе!» А ёнъ гувора: да ня воронъ молотца занося, самъ по 'хоти молодецъ заходя!— «А ти ты тутъ, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувóра. «Ну што жъ: ти будомъ битца, ти мирытца?»—Нѣ, гувора, някаянный: я прыѣхавъ убить тябе!— «Ну, дуй токъ!»—Нѣ, ты дуй, някаянный! Змѣй якъ дунувъ, на десять вёрстъ выдувъ сярэбраный токъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Ну, и битца. Давай битца, давай битца, бились-бились, бились-бились, змѣй убиваа етаго Удовинóго сына. «Эхъ, лукавый, гувора: цары-короли

бьютца, отдыхъ дають,—пора и намъ, гувора, отдыхнуть!» Убивая, бачъ яго. Тогды, сымаа колцо съ правыя руки съ своѐ, и пусьтивъ у городъ, у етый домъ, прамо у хватеру свою, и збивъ домъ етый по вокны своимъ колцомъ. Прошынаютца браты яго, а ужэ съ етаго стыкана не вода, а кровъ ужэ тѐразъ пошла—што ёнъ становивъ имъ. «Эхъ, братъ, гувора: нямà нашаго Удовиного сына, рòднаго брата!» И ўхватили свою оружыю и побѣгли кольки-силъ на калиновый мостъ, на 'гнянную ракў. Прыбягають удвоихъ, а Ўдовинъ сынъ трэтьтій, и ўзяли бить яго. Позбивали головы ўси и ў вогняннаю ракў поскидали. А лукавый головы збираа, у човни ѣздючы, подъ мостомъ. Такъ тыя пошли ва свою хватеру уси, уси троя: вотъ тяперъ, гувора, пòйдомъ, братцы, царськихъ дочакъ шукать! Прыходють къ чорному дому утроихъ. Ёнъ и гувора на бòльшаго брата: вотъ, братъ, гувора,—тутъ твоя царськаа дочъ и жана твоя будя! Би, гувора, вуроты своѐй збрўяй! Ударывъ тэй братъ яго вороты своѐй збруяй, дакъ замки ня зворохнулись. Тогды Удовинъ сынъ правратився, меньшый, якъ ударывъ—дверы й замки посыпались уси. Прыходють на самый вышній атажъ—царэвна сядить у стули и ланцугòмъ яѐ замкнуто кружкà. «Отъ, братъ, гувора: ето твоя будя жана», гувора. Замки еты попорвавъ на ѐй уси, ланцуги, и бярэ яѐ за рукў и сходя зъ дому и проручаа бòльшаму брату яѐ: ступай, каа, братъ, на свою хватеру, гдѣ мы знаходилися! А яны пошли у другій домъ опять жа, у бѣлый. Ёнъ и гувора на сярэдьняго брата: разбивай, братъ, дверы, гувора: тутъ твоя нявѣста, царськая дочъ, гувора; за штò мы, гувора, трудимся! Ударывъ сяредьній братъ у вороты и разбивъ уси замки. И пошли на верхній атажъ. Также прыходють къ ѐй, яна зъ радосьти ня могла што й дѣлать, на ихъ глядя. Тожъ и ета ланцугамы такъ обвѐрнута и замкнута. Сычасъ ланцуги еты зняли, и даѐ сярэдьняму брату: вотъ, гувора, твоя, братъ, нявѣста, царськая дочъ! Отправляа и етыхъ,—узявъ за руки и повёвъ къ хватеры, къ сястрэ значытца. Звёвъ ихъ укучу обѣдвихъ. Яны ня могуть одна одной радосьти приставить—рады крэпко, што злучылися умѣсто. А ёнъ пошовъ у красный домъ, самъ ужэ Удовинъ сынъ. Прыходя къ вурòтамъ къ етымъ и ударывъ своѐй булавой. Разбивъ етыя замки и дверы уси, и усходя на вышній атажъ. Сядить яна у стули, тожъ ланцугамы обкручана и запѐрта, и чорна ўжэ стала, акъ вугàль. Ёнъ усё ето опчыстивъ доловъ, порвавъ—понматовавъ ланцуги, и яѐ узявъ съ собой. И яны пошли на свою хватеру, туды къ сястрамъ тыки къ своимъ, умъсто. Собралися тры сястры умѣсьти ихъ—и зъ радосьти—съ печали ня могўть говорыть одна съ одною. Тяперъ яны тамъ пили и гуляли, и думать ужэ отправлятца ў путь. Такъ Удовинъ сынъ гувора: братія, гувора: пойду довѣдаюсь у тэй домъ, агдѣ я ўзявъ

свою нявѣсту, царськую дочку! Уходя ў домъ у етый. Скольки ёнъ тамъ побывъ у дому ў томъ, сычасъ яго охватила ограда високая дужа, такъ високая, што й сонца ня видно. Ёнъ у етомъ доми бывъ—няльзя яму̀ выйти никуды̀—нѣскольки сутокъ. Етыя братьтя тутъ и плакали и горавали и чаго ня дѣлали—няма брата меньшаго Удовиного сына. Яны ждали-ждали, и поѣхали, отправились у путь, у свою сторону̀. Прыяжжають на калиновый мостъ, на 'гняннаю раку̀, такъ сычасъ являетца ета сатана, который головы збиравъ етыхъ змяёвъ подъ мо̀стомъ. Вылазя на верхъ, на мостъ, и спрашуа у ихъ—знаа, што яго няма ўжэ, загороджанъ у воградн: «а што, гувора: я̀къ вы достали ихъ, дѣ затрудэнія ваша, што вы трудилися? Вотъ я ихъ, гувора, побивъ,—у мяне й головы ўси!» Становитца ёнъ ужэ намѣстьникомъ за Удовинаго сына: што вотъ я побивъ ихъ, доставъ меньшаю царэвну! И отправляютца у путь съ калиноваго моста, съ огнянныя раки̇, и ёнъ ужэ прылучывся къ имъ, етый сатана. И поѣхали у путь, домовъ, у свою зямлю. Прыяжжають къ отцу у своё царство, и тутъ ужэ радосьти! Етыхъ чудасо̀въ глядѣть збираютца уси князи и бояры, што вотъ царськія дочки вярнулись Богъ знаа откуля̀. И гуляють ужэ, веселятца. Такъ лукавый и думавъ ужэ прозвесть вясельля, кабъ у етымъ царстьви царовать ужэ за своѐ труды.

А Ўдовинъ сынъ сядѣвъ-сядѣвъ, и давай Богу молитца, давай Бога просить у вограды. Господь ссылаа яму голуба у вограду. И садитца яму на праваа плячо и гувора яму̀: «возьми ты тры зялѣзныхъ пруты и иди у старую у конюшню по праву руку̀. Будя склепъ стоять у конюшни, у сараи; коло етаго склепа ляжы̇ть етый змѣявъ батька, ужэ пропавшый, схо̀ваный. И би̇ ты яго зялѣзнымъ прутомъ мяртваго, зби уси тры пруты на ёмъ!» Тогды ёнъ расказавъ ето и полятѣвъ. А ёнъ узявъ, значытца, тры пруты, пошовъ у конюшню, найшовъ батьку змѣяваго, Сатаніила, и давай яго бить мяртваго. И потуль яго бивъ, покуль ёнъ поворушы̇вся и отвясьтивъ: «за што ты моѐ старыя косьти ворўшышъ?»—А вотъ за што, гувора: покажы мнѣ лошадь свою стару̀ю, што ты на ёй ѣздивъ, и сядло своё покажы мнѣ! Ёнъ яму̀ и показавъ: «ступай, гувора, по правуу стороиу̀, и будя склепъ, и у скляпу за дванацать замковъ стоить лошадь!» Ну, ёнъ пошовъ. Тольки замки отбивъ еты, дакъ лошадь кинулась къ яму̀, акъ звѣ̀ръ. Ёнъ лошадь схвативъ ету. «Вотъ, гувора: акъ служыла старому хозяину, послужы и менѣ такъ!» Узявъ сядло и засядлавъ яе. «И садися, гувора, вѐрхи крэпко на мяне!» Ёнъ, сѣвшы на лошадь, и ударывъ яѐ подъ боки̇. И полятѣла теразъ верхъ, теразъ ограду, усё-'дно якъ молоньня! И поѣхавъ своимъ путёмъ братовъ догонять, и нявѣсту свою.

И прыяжжаа у царській дворэцъ, дѣ браты яго и царськія дочки.

Яны тутъ. И сатана етый собрався, кабъ къ вянцу итить, а йна водя, и дожыдаетца Удовинаго сына. Сычасъ, ня довгая ўрэмя, Удовинъ сынъ и являетца у царській дворэцъ. И тутъ сычасъ услышавъ ёнъ, што тэй къ вянцу жалаа, етый самый сатана, съ царськой дочкой. Сычасъ являетца Удовинъ сынъ—зъ радосьти ня могла яна своѐ жысьти утярпѣть. А лукавый ужэ увознавъ, што ёнъ прыѣхавъ, засмутився. Тогды спрашуа яго царъ: што ты, гувора, такъ смутянъ? гувора.—За то, гувора, смутянъ, што вѣрно, мнѣ, гувора, етой жысьтю ня ўладѣть, гувора. Сычасъ Удовинъ сынъ прыскакавъ къ ёй на вышній балхонъ, и захвативъ яѐ на вышнямъ балхони. Сычасъ схватили яго, узяли и ўбили тамъ, етаго самаго лукаваго. Тогда Удовинаго сына признали труды яго, што ёнъ трудився. На царськой доццэ Удовинъ сынъ и жанився, и жыть остались у царстьви у етомъ.

С. Покатъ, рог. у. Отъ кр. Михаила Иванова, 65 л. негр. Языкъ отчасти подвергся вліянію живущихъ здѣсь старообрядцевъ—великоруссовъ.

36. Ивашка—медвѣжье ушко.

Живъ сабѣ такъ человѣкъ и была у яго хозяйка. И пошла ина у лѣсъ у грибцы. И заблудила.Налучився на яе той жа часъ мядвѣдь. Ёнъ яе узявъ, да и узнёсъ яе къ сабѣ, у лѣсъ и ставъ, значитца, зь ей жить. Пожила яна годы три и забременѣла отъ яго. Родила яна сабѣ сына. Дали яны яму имя—прозванія Ивашка медвѣдьджая вушко. Побывъ ёнъ годы три, и росъ не по годахъ да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Да. Ёнъ и говорить: мать, я, говорить, ня буду съ тобой жить и зъ мядвѣдемъ, ну я ввыйду отъ тябе! Пошовъ сабѣ, идеть дорогой и стручая человѣка. Той говорить: здрастуй, говорить, Ивашка—медвѣдьджая вушко!—Добрая здоровья, говорить, Дубъ-Дубовикъ. А куды ты идешъ? пытая Дубъ-Дубовикъ у въ Ивашка, медвѣдьджаго вушка. Ну ёнъ говора: пойду у свѣтъ!—Ахъ, братъ, пойду и я съ тобой!—Ну, пойдемъ. Скольки яны урemя ишли—стоить опять человѣкъ. Яны говорють: здрастуй, говорють, Гора-Горовикъ!—Добрая здоровья, Ивашка медвѣдьджая вўшко, и Дубъ-Дубовикъ!—Ну куды вы идѐтя?—Идёмъ у свѣтъ!—Пойду й я зъ вамы!—Ну, ходи, говорить етый Ивашка, медвѣдьджая вушко. Ну яны пошли утрохъ. Ишли, ишли, и нашли яны сабѣ домъ. Вотъ, говора, братцы, во гдѣ теперъ будемъ жить. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко и говорить на Гору-Горовика: ну, Гора-Горовикъ, ты оставайся, говора, обѣдъ варить, а мы пойдемъ на охвоту. Той сичасъ узявъ, вола зарѣзавъ, облупивъ, у котёлъ уклавъ, тяпло расклавъ и давай варить. Тольки ета говядина закипѣла, сичасъ жа иде и стукаа у двери и каа—отчини, хто у моёмъ доми ёсть?—бязсмертный Кощей, ёнъ самъ съ кокоть, борода зъ

локоть. Ёнъ яму отчинивъ. Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ узявъ и уссадивъ яго. Ну, дай мнѣ, говора, ѣсть! Ёнъ яму и давъ вола. Ёнъ етаго вола зьѣвъ, тогды узявъ полосу у яго выкроивъ съ плячей, самъ и улятѣвъ. Ну, тому неколи дожидатца, а треба другого рѣзать вола—обѣдъ треба готовать. Приходжують яго товарищи, тольки што ёнъ закипѣвъ. Ну, говора, братъ: давай обѣдать! Ёнъ вынявъ совсимъ ще сыроя мясо. Яны стали ѣсть: ахъ, говора, якъ ты варивъ, совсимъ яно у тябе сырое!— Ахъ, братцы: покудова дровы нарубивъ, ну, братцы, запозьнився. Ну однача ёнъ того не сказавъ имъ, што яму такая штука здѣлана. Ивашка медвѣдьджая вушко говора: эхъ, братъ, ня стоя табѣ! А нутка ты, Дубъ-Дубовикъ, оставайся тутъ, ти ня лучьчи ты зготовишъ! Дубъ-Дубовикъ начавъ пошибчи ворочатца. Вола зарѣзавъ, сичасъ облупивъ, у котёлъ уклавъ яго, тяпло расклавъ и ставъ варить яго и думая—якъ ба поскорѣй. Сичасъ жа и лятить той самый змѣй, самъ съ кокоть, борода зъ локоть, Кощей бязсмертный и стучить у двери: хто у моёмъ доми ёсть, отчини! Ёнъ яму отчинивъ. Перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ перасадивъ. Ну, уссади мяне на лавку! Ёнъ уссадивъ. Дай мнѣ ѣсть! Ёнъ яму давъ ѣсти. Кощей вола зьѣвъ и опять полосу выкроивъ зь яго и полятѣвъ. Той думавъ—отъ гора! Начавъ ще пошибчи ворочатца, зарѣзавъ другого вола, ставъ готовать. Да, сичасъ яны и приходжують. Давай, говора, братъ, обѣдать! Ёнъ вынимаа совсимъ сыроа. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ахъ, братъ ты мой! Я жъ думавъ, што ты получчи зготуешъ, ажно ты ще худжи! Однакъ идитя вы сабѣ, братцы, на охвоту, а я останусь готовать; ти ня луччи я васъ зготую! Ивашка медвѣдьджая вушко вола зарѣзавъ, уклавъ у котёлъ и начавъ готовать. Развёвъ тяпло. Да. Тольки ёнъ зготовавъ, сичасъ и лятить, и говора: хто у моёй хати ё, отчини мнѣ! Ёнъ говора: руки ня потсыхали, коли треба, дакъ отчинишъ! Ёнъ отчинивъ. А ну, говора: перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ отказуя яму—што ноги ня потсыхали, пералѣзешъ и самъ.—Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ говора: ноги ня потсыхали, самъ узлѣзешъ!—Дай мнѣ говора, поѣсть! Коли наготовавъ, дакъ поѣжъ! Я наготовавъ да ни дли тябе. Ёнъ схватився да на яго. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко ухапивъ яго за бороду да потёгъ яго прамо у лѣсъ. Узявъ, расколовъ дуба, да засадивъ яго бороду у дуба, да й забивъ клиномъ. Вотъ ты, говора, тутъ посяди, покуль товарищи придуть! Приходють товарищи. Ну, давайтя, каа, братцы обѣдать! Вотъ я зваривъ не такъ, якъ вы. А ходитя братцы— побѣдавши, каа, поглядитя, што я усадивъ у дуба—бороду ущамивъ у дуба! Пришли яны у то мѣсто, посмотрать, ажно яго нѣту. Вырвався и полятѣвъ, борода у дуби осталась. Отъ яны и пошли. Пойдемъ, каа, братцы, полядимъ, куды ёнъ пошовъ, вить кровъ, говора, ё! Отъ яны узяли

и пошли. Увыйшли у лѣсъ у вогромный. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора—ну, Дубъ-Дубовикъ, давай, каа, дорогу! Начавъ Дубъ-Дубовикъ ирвать дубы, дорогу пробирать. Да. Пробрали дорогу, пришли къ большой горѣ. А ну, Гора-Горовикъ, раскапуй гору! Гора-Горовикъ раскопавъ. Перапшли яны гору, ляжить большій камянь. И потъ той камянь нора. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора: вотъ, братцы, во ёнъ куды полѣзъ. Ну, давай воловъ рѣзать и пасъ сшивать. И ўпусьтитя мяне туды я пойду яго шукать. Ну вы, братцы, тутъ довжны быть круглый годъ, до етаго уремя, якъ мене упуститя туды. Ну, а тогды, братцы, якъ годъ выйдя, вы довжны прибыть сюды, и я пасъ етый сколотну и вы мяне вытиньтя! Тогды яны узяли, воловъ штукъ пятнадцать зарѣзали, здѣлали пасъ, начапили камянь и упустили туды. И ще не хватая. Давай, братцы, яще зарѣжамъ штуки три, да пасъ надвяжамъ! Ну вотъ, нашили и упусьтили яго туды. Достали глыбину. Ну, вотъ, тяперъ братцы, пущайтя мяне туды. Тольки глядитя жъ, братцы, тяперъ я васъ прошу, штобъ вы гдѣ были, а у той часъ, якъ мене спущаетя, черазъ годъ довжны сюды прибыть!

Упусьтили яго туды, ёнъ и пошовъ. Находжуя, стоить домъ мѣдный. Приходя ёнъ у тэй домъ, сядить тамъ дѣвушка. Ахъ, говорить: здрастуй Ивашка, медвѣдьджая вушко! Слыхомъ було слыхать, а тяперъ и ў глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову занёсъ сюды,—мы живомъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ну, я того и ищу! Ну, однаково, говора: давай мы съ тобой жанитца! Ёнъ говора: нѣ, говора: я пойду бязсмертнаго Каща шукать! Эхъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще красивѣй мяне ё, ты на мяне забудешъ!—Нѣ, говора: я й тябе возьму отсюль! Ну, ёнъ пераночававъ, назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився и пошовъ. Приходжуа, ажъ стоить другій домъ сярэбраный. Здрастуй, говора, дѣвка!—Здрастуй, здрастуй, Ивашка—медвѣдьджая вушко! слыхомъ було слыхать, а тяперъ и ў глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою головў занёсъ сюды, мы живёмъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ!—Ну, я того, говора, и йщу, я за имъ и иду, за бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ахъ, Ивашка—медвѣдьджая вушко, давай, говора, съ тобою жанитца!—Нѣ, говора: пойду подальшъ, пойду бязсмертнаго Каща шукать! —Ахъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще крашы мяне ёсть, ты и на мяне забудешъ?—Нѣ, говора: я не забуду, я й тябе возьму. Да й пошовъ, пераночававши. Стоить третій домъ—домъ золотый. Ёнъ уходжуя у той домъ,—сядить красивая дѣвка, вышивая. А здрастуй, говора, Ивашка—медвѣдьджая вушко! ти по воли ти по няволи зайшовъ сюды, буйну голову,

говора, занёсъ? Здѣсь бязсмертный Кощей, дакъ ёнъ тябе зьѣсть! —Ну, я яго ищу!—Да ти ищешъ, ти не ищешъ, а ёнъ тутъ не такъ, якъ на томъ свѣти, на етомъ свѣти ёнъ силнѣй! Ну, на жъ ты, говора, поѣжъ, и здѣлаю я тябе булдвкой и уторну у подушку. Ну ёнъ говора: пожалуста и распроси, дѣ яго, каа, смерть. У скоромъ уремю прилетая бязсмертный Кощей и говора: фэ, русь кось пахня! Ну яна яму отказуя—ахъ, говора, душанька: ты по Русѣ летавъ, Руси набрався, такъ табѣ бытто отдае тутъ. Я тутъ кольки живу, а руськаго человѣка не бачила! Унясла яна яму горячихъ картечъ, ёнъ наглытався. Лёгъ сабѣ и ляжить. Ина говора: душанька, сколькн мы съ тобой живомъ! Ну, крый Богъ, насъ хто побидя—крый Богъ, твоѐ смерти. Ёнъ зараготавъ —ха, ха, ха, дура, моѐ смерти нѣту. Моя смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, да, а въ вутцы яйцо, вотъ то моя смерть. Да. Уставъ и полятѣвъ етый бязсмертный Кощей. Яна тогды яго и выпусьтила, Ивашку медвѣдьжая вушка и говора: знаешъ, говора, другъ мой, дѣ яго смерть? Яго смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, а въ вутцы яйцо, штобъ яйцо ты тоя доставъ, да ударивъ яму у лобъ, отъ яму и смерть—дакъ идѣ ты достанешъ? Ёнъ узявъ сабѣ ружайцо и пошовъ. Скольки ёнъ уремя ишовъ, што болить ажно яго шкура; што ёнъ ѣсть хоча. Бягить вовкъ; ахъ, думаа: возьму убъю, хотя вовка наѣмся. Тольки ёнъ зложився бить, а вовкъ и говора: ахъ, Ивашка—медвѣдьжая вушко, ня би мяне, я табѣ при злой годинн знадоблюсь! Такъ Ивашка медвѣдьджая вушко и пошовъ, ѣсть не захотѣвъ. Опять ишовъ, ишовъ, ажъ шкура яго болить. Думая: ну, хто сабѣ навретца, убъю да зьѣмъ. Бача, лятить коршикъ. Ёнъ склався и думая: убъю. Коршикъ яму говора: ахъ Ивашка, медвѣдьджая вушко, ня би мяне, я табѣ знадоблюсь при злой годинн! Такъ ёнъ узявъ и пошовъ, и не захотѣвъ ѣсьти. Скольки ёнъ уремя ишовъ, приходя къ мору; ажъ ляжить ракъ, такій огромный; и ёнъ думая: отсяку яго половину да зьѣмъ. Вотъ жа поправлюсь! Ракъ говора: ахъ, говора, Ивашка медвѣдьджая вушко! вить ты бачишъ, што я горую—половина на берагу, половина у водѣ. Вотъ ты возьми колъ, да спихни мяне у воду. Я табѣ у злой годинн знадоблюсь: што табѣ треба, то табѣ отъ мяне будя. Ивашка, медвѣдьджая вушко узявъ колъ и скативъ яго у воду. Ёнъ говора: ну, благодарить табѣ, Ивашка медвѣдьджая вушко, што табѣ треба, сказувай! —А вотъ што, говора, мнѣ треба,—я пришовъ сюды за смертю Каща бязсмертнаго. Ёсть у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а у зайцу вутка, а въ вутцы яйцо!—А вотъ, говора, я табѣ яе доставлю.

Такъ ёнъ поповзъ и тягня скрыню ету перадъ собою. Ёнъ узявъ ету скрыню, разбивъ крышку, тольки отчинивъ—заяцъ выскочивъ и побѣгъ.

Ахъ, Богъ мой: дѣ тэй вовкъ дѣвся, што казавъ—я табѣ при злой години знадоблюся—што, кабъ ёнъ мнѣ уловивъ етаго зайца. Такъ той жа часъ вовкъ и схвативъ яго. Ёнъ яго узявъ разодравъ. Вутка изъ яго пыръ—и полятѣла. Ёнъ стоючи и говора: дѣ ето дѣвся тэй коршикъ, кабъ ёнъ мнѣ яе уловивъ. Тольки ёнъ сказавъ—откуль узявся коршикъ, уловивъ тую вутку. Ёнъ узявъ, разодравъ тую вутку, узявъ яйцо. Ну, яно гразная. Ахъ, понясу у мора, помыю. Узявъ, понёсъ. Ставъ мыть, яйцо ето покатилося прамо у мора. Ёнъ стоючи и каа: ахъ, Божа мой, Божа, што якъ ба тэй ракъ да мнѣ ето яйцо подавъ! Такъ и нясе той ракъ тоя яйцо яму. Ёнъ узявъ и пошовъ. Ну, слава табѣ Господи. Приходжуя прамо къ бязсмертному Кащу. Такъ якъ ишовъ, такъ прамо у домъ. Бязсмертный Кащъ, акъ тольки ёнъ увыйшовъ, ёнъ глядь на яго—а говора, ты тута, Ивашка, медвѣдьджая вушко!—А ёнъ говора: а уже жъ тутъ! Такъ ёнъ усхватився, прамо къ яму и кинувся. Ёнъ яго ударивъ тымъ яйцомъ прамо у лобъ. Тогды бязсмертмый Кащъ кажа: ахъ, вотъ моя смерть! Убивъ бязсмертнаго Кащa. Тогда говорить: ну, красная дѣвка, я тябе возьму, а дому етаго жалко, якъ мы домъ заберомъ. А яна говора: эхъ, я домъ, говора, сичасъ забяру. Узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко узявъ яго, у кишеню уклавъ и пошли. Приходжують къ другому дому. То золотый узяли, а ще приходжують къ сяребраному. Што жъ, говора, красная дѣвка, я тябе забяру, а якъ жа домъ забрать?—Эхъ, говора, не безпокойся: я домъ сичасъ забяру! Узяла яйцо, опкатнула кругомъ. Такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко уклавъ яго у кишень и пошли. Приходжують яны къ третьтему дому, къ мѣдному. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ну вотъ, говора: я тябе забяру, а якъ жа ты домъ забярёшъ, дома шкода!—Эхъ, говора, я домъ сичасъ забяру. Ина узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко уклавъ яго у кишень и пошли. Приходжуя на тоя мѣсто—якуратъ годъ. Узявъ ёнъ, привёвъ ихъ на тоя мѣсто и посадивъ ету, зъ мѣднаго дому, и торганувъ тэй пасъ. Яны узяли и потягнули. Вытягнули и начали одинъ съ однымъ битца. Тэй говорить: ето мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: не битеся, тамъ еще крашы мяне ёсть. Такъ яны узяли, опусьтили опять пасъ. Ёнъ узявъ, посадивъ съ сяребранаго дому тую дѣвушку. Яны потаскали. Вытягнули и почали опять дратца—тэй говора: мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: ня битеся, тамъ яще дѣвушка крашы мяне ёсть. Яны упусьтили пасъ; ёнъ посадивъ и третьтюю, што изъ золотого дому. Тогды вытащили—ну,

братъ, говора: ето намъ по одной, а третьтяя будя намъ за чалядку, служить будя намъ. Ну яго, братъ, упусьтимъ пасъ и утягнемъ уполъ и пасъ перарѣжамъ—нехай ёнъ убъётца. Да, упусьтили пасъ. Ёнъ тогды узявъ, пудовъ ли ста зачапивъ камянь, и торганувъ пасъ, и самъ отышовъ дужа далёко. Яны и потаскали яго. Только уполъ свѣта утягнули—узяли, пасъ перарубили—такъ гудеть тэй камянь назадъ. Ёнъ тогды говора: ахъ, Божа мой: вотъ ба ето мнѣ было! Узявъ, избѣднився (што горко стало), зажурився и пошовъ одинъ. Ахъ, Божа мой, во што то мнѣ було. Не знаю, якъ ба мнѣ на той свѣтъ достатца? Такъ, находжуя дужа хмара большая. Ёнъ и думаа—ахъ пойду я подъ дуба схowаюся, штоба я не замякъ. Приходжуя подъ дуба и ставъ. И чуя, кричать птицы, дужа крѣпко. Ёнъ тогды: ахъ, Божа мой, ить пойдя хмара—засячѐ ихъ дожджъ! Узлѣзу я, ихъ прикрыю. Ёнъ узлѣзъ на дуба́ и распявся надъ гняздомъ, и прикрывъ етыхъ дятей, покудова хмара не пройшла. Тогды, распогодилось, ёнъ узявъ и злѣзъ, узявъ и схоронився. Ня довгимъ уремямъ лятить птица Полугрица и спрашая: ахъ, дѣтки моѐ—хто васъ прикрывъ отъ етыя хмары? Я уже думала, што вы живы ня будетя? Яны кажуть: якійся, говоруть, чаловѣкъ! Яна и кричить—ахъ, говора, чаловѣкъ, обясьтися: што ты за ето хочашъ? Ёнъ отказуя птицы-Полугрицы—што я ничого съ тябе не хо̀чу, только штобъ ты мяне доставила на тэй свѣтъ! Во ина яму и говора: што иди, наби мнѣ двѣ бочки мяса, дакъ я тябе доставлю!—Только чимъ жа мнѣ, якимъ тябе мясомъ?—А вотъ би лягушакъ, би мышей, би гадо̀въ, якую звярину попадешъ, такую би—и складай у бочки. Тогды ко мнѣ придешъ и скажашъ. Ну я тябе понясу! Пошовъ Ивашка медвѣдьджая вушко и начавъ бить разныя разносьти: и вужовъ, и лягушакъ, и мышей, разная—разная, што только на свѣти ёсть, и складавъ у бочки. Набивъ и приходжуя—ну, я уже набивъ. Да. Опущаетца птица-Полугрица. «Ну, говора: подвязуй мнѣ подъ одно крыло бочку, и подъ другоя, а самъ садись посяродъ. И смотри: управо гляну—съ правой бочки подай, улѣво гляну—зъ лѣвыя бочки подай, и якъ гляну, такъ и кидай! Ну и понясла яна. Начала птица-Полугрица што даляй, то вышай угору̀ подыматца. Якъ яна на боки позирая, такъ ёнъ говядину кидая. Такъ ёнъ кидавъ, не большы ба уже сажѐнь на пяти яго узнесьть, уже говядины не стало. Птица-Полугрица разъ зирнула—нема, у другій бокъ зирнула—нѣту,—почала̀ маленько унизъ опускатца. Да Ивашка медвѣдьджая вушко уробѣвъ. Сичасъ узявъ, отрѣзавъ своѐ икры. Якъ яна зирнула, ёнъ ей и укинувъ—такъ яна зразу саженя на два угору̀ усхватилася. Зирнула яна у другій бокъ, ёнъ отрѣзавъ другея икры и укинувъ ёй у ротъ. Ну, яна яго уже вынесла. «Ну, слава табѣ Господи!» Тогды птица-Полугрица говора: скажи ты мнѣ: што кольки

ты мнѣ говядины дававъ—ну смашнѣй етыя не было. Што ето за говядина? А ёнъ говора—што я отрѣзавъ свое икры.—А ну, покажи! Ёнъ узявъ, выставивъ. Яна харкнула, яно зразу приросло. Ёнъ другую выставивъ—яна зновъ харкнула, и другая болька загойлась, яно и приросло. Ну, тольки, иди пожалуста поскорѣй, уже твоѐ товарипи скоро будуть жанитца. Ну яны бъ давно жанилися, ну тольки безъ тябе ничого ня будя! Ёнъ пошовъ; приходжуя у городъ. И здѣлався ёнъ мастеровымъ—сапожникомъ, шавцомъ значитца. Ну однакъ жа, ёнъ шить ня умѣя—тольки ёнъ ставъ у яврея хватировать. И тая дѣвушка, самая послѣдняя, што была у золотомъ доми, говора: коли ты мнѣ пошiешъ такiя чаравики, якъ у мяне были у томъ золотымъ доми, дакъ я тогды уже—такъ тому и быть—што я съ тобой буду уже жанитца. Такъ етый Дубъ-Дубовикъ вышавъ на вулицу и пытая: хто во такiя то чаравики справя, во стольки то гроши дамъ. А ёнъ говора: ахъ, Иваничка—а ёнъ здѣлався Иваничка пъяничка—ахъ, говора, Иваничка пъяничка, даденъ заказъ, штобъ чаравики такiя и такiя были, якъ у етыя барыни—дужа богато грошай дасьть! А ёнъ яму говора: иди, бяри задатокъ, и говори, што я справлю. Ёнъ пошовъ, узявъ задатокъ, давъ етому Иваничку. И сказано такъ: штобъ къ такому то уремю были чаравики готовы. А Иваничка напився, объ ѐто ня думая. Етый явреи и говора: ахъ, говора: Иваничка, што ето будя?—А што?—А якъ жа? соглашався: коли умѣешъ шить, дакъ и шiй! Мнѣ за ето говора, голову знимуть! Ванька пошовъ, домъ раскативъ, чаравики вынявъ и отдавъ—нà, нясй! И будуть у тябе спрашавать—хто табѣ ихъ шивъ? не шивъ, а хто табѣ работавъ ихъ?—ну ты скажи—што у мяне ѐ Иваничка пъяничка! Жидъ и понёсъ. Узяли етыя чаравики, и добравъ ёнъ свою остальную плату. Ина говора: во ето икуратъ якъ моѐ! Во тяперъ я табѣ ще скажу—коли ты справишъ мнѣ такоя платьтя, якъ у мяне, такъ тому и быть, што будомъ жанитца съ тобой! Ёнъ, Дубъ-Дубовикъ, вышавъ на базаръ и говора: эй вы портныя—господа, ти ня можа хто зъ васъ здѣлать такоя и такоя платьтя? Иваничка пъяничка и говора: поднимайся, говора, дѣлать и бяри задатку побольшы. Да; ёнъ узявъ задатку и приходя: на табѣ грошай, ну тольки ти здѣлаемъ, Иваничка?—Здѣлаемъ, ня бойся! Уже етому явреѣю треба несьть, а тутъ платьтя не готово. Ахъ, Иваничка, што будемъ робить?—Я не знаю! Што умѣвъ, то й здѣлавъ, ты поднимався! Пошовъ Иваничка, раскативъ домъ и вынявъ платьтя. Нà, няси, добирай остальныя гроши! Принесъ и отдавъ. Вотъ ето, говора, моѐ! яна уже. Отъ тяперъ, говора, хорошо! Тольки кабъ у мяне такiй вянокъ бывъ! Коли скуѐшъ, то уже пѣвня, што мы съ тобой будемъ вѣньчатца! Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу. Вышавъ Дубъ-Дубовикъ на базаръ и клича: господа ковали! ти ня можытя здѣлать вянокъ отъ такiй

то, якъ у моѐ нявѣсты бывъ! А почомъ хто зная—якій ёнъ бывъ. Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу и говора: кузнецъ! ступай, поднимайся!— Охъ, Иваничка: якъ жа здѣлаемъ? Мы здѣлаемъ, якій хочешъ, а тольки якъ же не бачивши? Лицо подъ лицо не подвядёшъ! Ёнъ говора: ня бойся, бяри грошай поболи! Ну хорошо, ёнъ пошовъ и поднявся. Я, говора, зработаю. А! зработаешъ?—Зработаю! Вотъ табѣ грошай стольки то! Да смотри, штоба здѣлавъ. Приходжуя у кузьницу—давай, Иваничка, работать! Я, братъ, етаго ня ўмѣю, што умѣвъ, то робивъ, а то я етаго не знаю!—Ты жъ коваль, дакъ довжонъ на ўсякія отличія работать! Напився Ваничка да спить. Што, Ваничка, прошинайся, а то голова долой мнѣ! Да. Ваничка домокъ раскативъ, вянокъ вынявъ, оттащивъ: на, говора: отняси, да 'стальныя гроши забяри! Ёнъ понёсъ тэй вянокъ. И спрашуя у яго яна: хто у тябе работая?—Иванька пъяничка! Запрагая лошадей, ѣдя Ванички смотрѣть. Ето уже ина, ина, чій вянокъ. И спрашуя у коваля: адѣ Иваничка пъяничка? Ванька ето услыхавъ, ёнъ узявъ, сичасъ легъ на столъ, ж... выставивъ. Пошла ина изновъ къ ковалю. И спрашуя: у коваля: скажи правду, ти именно ето ёнъ работавъ? Я, говора, вамъ не скажу—работавъ ёнъ, ти нѣ, тольки ёнъ мнѣ подаѐ! Яна обратно звярнулася, опять тамъ къ яму. Ёнъ опять тыки ляжить. Отъ яна на ето не посмотрѣла и прамо у лицо поглядѣла. «Вотъ, говора, другъ мой любезный; ить я тебе кольки лѣтъ ожидала!» Яны тоя считали, думали, што конецъ яму тамъ будя, якъ ёнъ туды полятѣвъ. Ну, а яна ето вѣдала, што ёнъ якъ-якъ да выкрутитца оттуль.

Ну, вотъ яны и повѣньчались. А Дубъ-Дубовикъ и Гора-Горовикъ повѣньчались съ тыми меньшими. И стали жить да поживать, кожная у своёмъ доми.

Д. Новая-Бычь, быхов. у. Отъ кр-на Павла Иванова, 45 л., неграм.

37. Вечорка, Повношникъ и Заравой.

Живъ сабѣ такъ мужичокъ ижъ жаною. И прожили до старосьти, и у ихъ нѐ было дятей. Потомъ при старосьти лѣтъ баба ета забременила и родила у водну ночъ трёхъ сыновъ: большаго сына родила вячерняго, сярединяго—повношнаго, и меньшаго—зарявого. И бабушка—пупорѣзьница наложила имъ усимъ имя три Иваны: Иванъ Вячорка, Иванъ Повношникъ, и Зарявой Иванъ. Етыя Иваны росьли тамъ не днями, а просто чисами, и ўвышли у суваршэнныя лѣта, и ўслыхали, што ў царя хтось то укравъ три дочари зъ дворца, и нязвѣстно хто, и гдѣ, и коли. Царь разославъ тамъ по ўсихъ мѣстахъ посланцовъ; ну тольки не могли найтить. Ну, и

давъ послухъ—што якъ ихъ хто разьища, дыкъ отдасьтъ ихъ замужъ тымъ и половина царства отдасьтъ. Ну, еты Иваны давай проситца у свойго отца разыскуватъ царськихъ дочарэй. Батька позволивъ,—коли, говоритъ, жаланія имѣетя, дыкъ ѣдьтя! Тоды меньшій Иванька пошовъ къ кувалю и заказавъ сабѣ такую купцабу зьдѣлатъ, двананцатъ пудовъ. Зьдѣлавъ коваль купцабу, ёнъ поткинувъ яе у высоту, потставивъ колѣно, ина 'бъ колѣно ударилась и переломилась, ета самая купцаба. Потомъ ёнъ заказавъ зьдѣлатъ купцабу у дватцатъ пятъ пудовъ. Поткинувъ ёнъ тую, тая и не погнулась дайжа. Ну, каетъ, ето мнѣ будетъ помошница. Заказавъ тоды зьдѣлать цэпъ, нѣскольки сажанѣй. Приходя къ отцу, къ своимъ братамъ, къ етымъ двумъ Иванамъ, да, и просютъ у вотца благословенія ититъ разыскуватъ дочарэй етыхъ. Отецъ ихъ благословивъ, и яны отправились у путъ дорогою.

Ишли, ишли яны тамъ много-мало уремя и уходютъ у лѣсъ. У лясу стоитъ хатка на куриной ноэцы. Яны заходютъ у ету хатку, и меньшій етый Иванъ говоритъ на большаго: ты отставайся тутъ обѣдъ варитъ, а мы пойдемъ на охоту. Тэй занявся обѣдъ варитъ, и зваривъ, якъ слѣдуя быть и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ—бивъ, бивъ, чутъ живого отставивъ. Приходютъ тыя браты—обѣдатъ нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаетъ: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя, што зь имъ було,—нехай и яны получутъ тоя, што зь имъ було. На другій день меньшій Иванъ говоритъ сяредьнему: ну, отставайся ты сягоньни обѣдъ варитъ! Яны пошли на охоту, а ёнъ отстався обѣдъ готовитъ. И зваривъ, якъ слѣдуя бытъ, и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ —бивъ, бивъ, чутъ живого отставивъ. Приходютъ тыя браты—обѣдатъ нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаетъ: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя—што зь имъ було, нехай и яны получутъ тоя, што зь имъ було. На третьтій день говоря: ахъ, ступайтя вы, говоря, на хвоту, я накормлю васъ, говоря. Ихъ отправивъ на охвоту, самъ занявся обѣдъ готовитъ. Зготовивши обѣдъ, лёгъ сабѣ и полежуя на лавцы. Удругъ вылазя съ подъ печки, самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку, и давай такимъ жа порядкомъ обѣдъ яго ѣсьтъ. Ёнъ тогды, много ня думавши, Иванъ етый и давай яго битъ. До тыхъ поръ бивъ, покамѣсь ёнъ ставъ яго проситъ: ня бй мяне, говоря, до смерти—буду я вамъ меньшій самый братъ, и буду наусегда слухатъ васъ. Ну, собралися яны уси укучу и побѣдали. Побѣдавши, отправляютца ины у ходъ, и тэй зь ими.

Ишли, ишли, ишли, ишли—потходють, стоить дубъ огромаднѣйшій, и подъ тымъ дубомъ пошла нора, такъ, якъ колодязь, усё равнó. Другъ ёнъ и говоря: ну, хто зъ насъ полѣзя у ету нору. Тэй боитца, другій боитца—ну, видно, говоря, лѣзьть мнѣ, меньшаму брату. Опусьтивъ ёнъ етый самый свой цэпъ, и говоря:—глядитя жъ, говоря—я опущусь на тэй свѣтъ, и якъ торгану за цэпъ, вы мяне тады тащитя. Отъ, ёнъ опусьтився и видить тамъ такій жа свѣтъ, якъ ба й тутъ. Ёнъ ставъ ходить тамъ, любопиствовать—и видить—стоить мѣдный дворецъ. Ёнъ потходя къ яму и нигдѣ ня можытъ дзярей найти. Замѣтивъ ёнъ у водномъ мѣсьти двери и отворивъ еты двери и ставъ ходить по етыхъ комнатахъ. Другъ заходить у водну комнату и сядить тамъ измученная царевна. Узыйшовъ ёнъ туды, ина крѣпко обрадовалась, што увидала русскаго чаловѣка, и говорить: «ахъ, юноша, говоря: якъ тябе Господь сюды занёсъ? Жалко мнѣ, говоря, тябе, што ты тутъ пропадешъ! Скоро прилятить шасьтиглавый зьмѣй, ёнъ, говорить, тябе тутъ стрябить». А ёнъ отвѣщая: ну, тамъ якъ Господь дась! Отъ яны, первымъ довгомъ, сѣли, выпили и закусили якъ слѣдуя, потомъ ёнъ спрашуя у яе—по якой дорози ёнъ будетъ ѣхать. Ина показала яму тую дорогу, ёнъ пошовъ и сѣвъ подъ мостомъ. Другъ ѣдя зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогда говоря: што ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ говорить, противпика ниякаго нѣту, тольки есьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясеть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцавъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти мирится?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца! И схватились яны битца.

И ударивъ ёнъ яго куцабою и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтряхнувся. Тоды рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ, и зьбивъ яще двѣ головы. Потомъ зьмѣй просяя яго—давай, Иванъ, отдыхнёмъ! Отъ ёнъ сычасъ потребувавъ у царевны воды—сильныя и бязсилныя. Ну царевна яму подалà воду бязсилнаю, а Ивану стуму подала силныя воды напитца. То зьмѣй етый худжы ослабъ, а у Ивана силы ще прибавилось. Тады ёнъ узявъ яго и напослѣдку убивъ, и туловища забросивъ у ровъ. Приходя у дворъ етый и забирая ету самую царевну, и съ собой забрала ина своё тамошняя платьтя, рàзная, и вышли зъ дворца. Остановилися, и Иванъ ставъ смотрѣть на етый дворецъ. Потомъ ина отвѣщаеть, царевна—няужли табѣ жалко етаго дворца?—Да, говоря, дужа пригожій дворецъ. И выняеть ина яму платокъ—махни, говорить, етымъ платкомъ три рàзы! Ёнъ махнувъ платочкомъ, и етый дворецъ

зьдѣлався яечкомъ. Ёнъ узявъ ето яечко, у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Да. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. Етыя, вытащивши, три етыхъ брата, которыя тамъ, и говорють: тэй говоритъ: ето мнѣ будя жана, тэй —мнѣ! Ахъ, говоря! коли бъ намъ усимъ троимъ доставъ по такой, то бъ было хорошо. Ну и большій яе узявъ сабѣ за жонку. И отсталися яны пять ожидать. А меньшій Иванъ отправився путёмъ дорогой ще дальшы. Ишовъ, ишовъ ёнъ, да, и видитъ—стоитъ сяребринный дворецъ. Ёнъ потходитъ къ дворцу и ставъ шукать двярей. Нашовъ двери, оттворивъ, заходя у водну комнату—нема никого, ёнъ у другую—нема никого, потомъ у третьтяю, сядитъ змученная царевна. Ёнъ говоря: здрастуй, говоря.—Здрастуй, здрастуй, говоря на 'твѣтъ. Якъ тябе Господь сюды занёсъ. Нехай уже я, говоря, погибла тутъ, дакъ и ты молодый человѣкъ тутъ погибнешъ.—Ну, говоритъ, якъ Богъ дасъ.—Отъ скоро, говоритъ, прилятитъ мой девятиголовый зьмѣй. Ёнъ, говоря, тябе убъетъ. Ну, тамъ, говоря, што Богъ дась, а дайка, говоря, поѣсь. Отъ яны сѣли за столъ, попили, поѣли, якъ слѣдуя, и потомъ ина говоритъ—скоро прилятитъ, говоря, зьмѣй. Куды жъ ёнъ, говоритъ, будетъ лятѣтъ? спрашуя Иванъ. А вотъ тою, говоря, дорогою, показуя яму у вокно. Отъ ёнъ отправляетца на тую дорогу и садитца такимъ жа порядкомъ опятъ подъ мостомъ. Другъ ѣдзя зьмѣй и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогды говоритъ: што ты, говоритъ, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говоритъ, противника ниякого нѣту, тольки ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдетъ, и яго воронъ сюды косьти не занясетъ. А ёнъ яму отвѣщаетъ: добрыхъ молотцовъ нихто ня водитъ, ни воситъ, яны сами заходютъ.—Ну, выходи, говоря, сюда! Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца. И схватились яны битца. Ударивъ яго куцабою и зьбивъ три головы у яго. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тады рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ и зьбивъ ящо три головы. Тоды зьмѣй прося отдыху на пять минутъ. Ну, отдыхай, говорить, нячистая сила! Зьмѣй потребувавъ у царевны воды, силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя воды. То у Ивана силы прибавилось, а зьмѣй ще худжы ослабъ. Ударивъ Иванъ и тыя головы уси зьбивъ. И закинувъ яго у ровъ у воду, подъ мостъ, подъ той. Тогды, приходитъ у дворецъ, у дворцы опятъ выпили и закусили съ царевной—ну, говоритъ, тяперь пойдемъ, а то мнѣ урема нема—ще много работы. Да; вышли зъ дворца; остановився. Ванъ и говоритъ: эка, якій дворецъ пригожій!—А жалаешъ ты, штобъ ёнъ бывъ табѣ?—Якъ ба не жалать? И выняетъ яму платокъ, и махнувъ ёнъ три

разы платочкомъ и зьдѣлався етый домъ яечкомъ. Ёнъ яечко ето у карманъ и отправився къ етой норѣ. Посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ, яе потащили. Ну, говоруть: слава Богу, двомъ намъ по нявѣсьти ёсьть! Будемъ ожидать щѐ. А Иванъ отправився опять дальшы. Ишовъ, ишовъ, видить, стоить золотый дворъ. Ёнъ потходить къ яму и говорить: то была красота дворцы, а ето ящо красиви! Потомъ, ставъ приглидатца дзярей; нашовъ двери, отворивъ, усходить туды—сядить тамъ измученная царевна. Ёнъ говорить—здрастуй, говорить. Ина 'твѣщаеть—чуть тольки уже душа сядить у ёй—здрастуйтя! Якъ тябе, говорить, Богъ донёсъ сюды?—Да я пришовъ, говорить, нарошня васъ разускувать. Да, другъ, говорить: погибнешъ, говорить, и ты тутъ.—Ну, я не затымъ пришовъ, штобъ погибнуть, а затымъ пришовъ, штобъ васъ отсюда вывесьть. Отъ, яны сѣли, закусили хорошенько, якъ слѣдуя, и потомъ ина говоря: другъ, схувайсь, говоря, куды-небудь, а то сычасъ зьмѣй мой прилятить—двананцать головъ—дыкъ ёнъ зьѣсть, говоря, и тябе и мяне!—Ну, тамъ, говорить, якъ Богъ дась! Куды ёнъ будеть лятѣть?—Отъ по той, говорить, дорози, адѣ мостокъ—показала яму у вокно. Ёнъ отправився—сѣвъ подъ мостокъ. Другъ ѣдеть двананцатьголовый зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнувся яго лошадь. Ёнъ говоря: што, ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противниканиякаго нѣту, тольки ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясёть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцовъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца: зато, што вы украли у такого то царя три дочки, дыкъ я пришовъ ихъ отсюлитька узять!—Ну, говорить: ты двохъ братовъ моихъ убивъ, ну мяне не забьешъ, я, говорить, усё ето 'тплачу! И стали битца. И ударивъ яго Иванъ Зарявый и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тогды рассярдився Иванъ. Ударивъ Иванъ другій разъ—зьбивъ ящо три головы. Ударивъ яго зьмѣй—и убивъ яго по колѣно у землю. Потомъ зьмѣй говорить: ну што, ти дальшы будемъ битца, али будемъ, говорить, миритца?—Нѣ, говорить, я не затымъ пришовъ, кабъ миритца. Другъ зьмѣй потребувавъ воды силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя. Иванька поправився, порубивъ яго на мелкія куски и забросивъ у чистая поля. Тады увошли у дворецъ, выпили и закусили якъ слѣдуеть, и отправились. Вышавъ Иванъ и остановився и спрашуя етыя царевны: эка, говорить, якія тутъ устройствы хорошія у етомъ дворцэ! Ина отвѣщая яму: ты можа жалаешъ, штобъ етый дворецъ бывъ у насъ съ тобой?—

Якъ ба не жалать, говорить. Вынула ина платокъ и дала яму,—ёнъ махнувъ платкомъ три разы, и дворецъ зьдѣлався яѣчкомъ. Ёнъ узявъ, ето яечко у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. «Слава Богу, ужо намъ усимъ трёмъ ёсьть по нявѣсьти!» И узяли, и цэпъ яму туды кинули—нехай ёнъ тамъ и остаетца!

Иванъ етый заплакавъ силно, якъ цѣпъ етый упавъ: вотъ коли, говоря, я тутъ пропавъ! Поплакувши, пошовъ ёнъ путёмъ-дорогой. Приходить—стоить большій-большій дубъ. И находить силная гроза; ёнъ ставъ подъ етаго дуба. Другъ, на етомъ дуби закричали птицы у гнязьдѣ.—Ёнъ, много ня думавшы, узлѣзъ па дуба, зьнявъ съ сябе одёжу и накрывъ етыхъ дятей. Другъ прилетая Жаръ-птица и благодарить яго: спасибо табѣ, Иванъ Зарявой—зная якъ яго и звать—за то, што ты забярёгъ моихъ дятей, и не знаю, чимъ мнѣ за ето табѣ отплатить.—Ня треба мнѣ, говорить, твоё ничого, только вынесь ты мяне на тэй свѣтъ.—Ну, говорить, вынесу. Тольки наготовъ мнѣ мяса двѣ бочки и воды бочку, то тогда я тябе вынесу. И показала яму: иди, говорить, вотъ за ряку, тамъ ёсьть богатый такій старикъ, дакъ ты яго, говорить, попроси, буковъ на мясо,—ёнъ сляпый. Ёнъ пошовъ къ старику. Старикъ етый, говорить: я дамъ табѣ говорить, буковъ—тольки пропасьтиви мнѣ ихъ годъ! Ну, дѣлать нечаго, согласився ёнъ годъ пропасьтивить. И старикъ етый яму говорить:—усюды гоняй, усюды паси, ну на такій и такій лугъ не гони. Ето вѣдьминъ лугъ, и ина тябе згубить. Я бывъ погнавсь на тэй лугъ, дыкъ ина и мнѣ вочы выколола. И я вѣ уже тритцать годовъ сляпэй!—Я не боюсь говорить, етаго! Звивъ сабѣ пастуськую пугу и погнавъ прямо на тэй лугъ пасьтивить буковъ. Прилетаеть вѣдьма—на ступи и тувкачомъ погоняя, а мятлой слѣдъ заметая, и закричала на яго: ахъ, говорить, с. сынъ, хто табѣ дозволивъ буковъ пасьтить на моёмъ лугу?—Я, говорить, самъ сюды пригнавъ, ни у кого не спрося! Да подошовъ къ ёй ближы, и давай яе пугой етую бить, склавшы удвоя. Бивъ, бивъ, потомъ ина стала у яго просить:—пусьти, говорить, мяне.—Нѣ, говорить, не опущу, отдай, говорить, того старика вочы, тогда, говорить, я тябе пущу!—Иди, говорить, у мою хату и подъ подушкую два лежать пузурьки зъ лекарствомъ, то ты пумажъ, говорить, однымъ и другимъ—то будеть старикъ етый бачыть. Вотъ ёнъ пошовъ у хату у яе изь ёю, узявъ еты два пузурька, и пришли къ старику. Однымъ пузурькомъ пумазавъ, зьдѣлалися глаза, тольки ёнъ ня бача; другимъ пумазавъ—ставъ бачыть. Тады ёнъ яе узявъ, убивъ. Тады старикъ етый яму благодаривъ за тоя, што ёнъ ставъ бачыть. Бяри буковъ, говоря, сколькі угодно, хоть и усихъ, за ето. Отъ ёнъ нарѣзавъ двѣ бочки мяса и насоливъ. Да приходя къ

той къ Жаръ-птицы. Жаръ-птица говорить: ну, подвязуй мнѣ еты бочки потъ крыльля. Ёнъ подвизавъ. Ну, тяперь, говорить: третьтюю бочку воды. Наливъ ёнъ воды, подвизавъ третьтюю бочку къ хвосту,—ну, тяперъ, говорить—садися самъ на мянѐ. Сѣвъ ёнъ на яѐ, ина яму говорить—смотри жъ ты, говорить: якъ ротъ разину, то ты кидай мнѣ мясо у ротъ. Отъ ина яго якъ понесла! Нясеть, а ёнъ говядину ей кидаеть у ротъ. Другъ кидавъ, кидавъ, не хватая мяса. И видать уже сьвѣтъ етый, а тутъ нѣту у яѐ силы лятѣть. Ёнъ много ня думавши, отрѣзавъ ей своѐ икры зъ ноги. Укинувъ у ротъ. Пролятѣвъ ще троху и такимъ жа значитца манеромъ укинувъ ей и другія ноги икру. Да, и вынесла яго на етый сьвѣтъ! Идѣ ты, говорить, мнѣ смашныя такія говядины нашовъ потъ-посьлѣ? Ёнъ показавъ ёй—вотъ, говорить, я дѣ узявъ—зъ ногъ икры! Ина харкнула, и выхаркнула ето мясо. Нà, говорить, прикладай къ ногѣ! Ёнъ приклавъ, къ одной ногѣ и къ другой, здѣлалися яны ничимъ неўрядимы. Тады ёнъ яѐ поблагодаривъ за ето, и ина отправилась на тэй сьвѣтъ. А ёнъ тада отправився у тэй городъ, дѣ и царь проживавъ. Знявъ сабѣ хватеру у старенькой старушки. И потомъ посалаеть ету старуху итить у городъ, услыхать, ти нема якихъ новосьтей. 'На приходя и расказуя яму, што ёсьть слухъ,—бывшія пропавши у царя три дочки разысканы. Дакъ будеть мяньшой дочки посьлизаўтра, говорить, свадьба, исъ тымъ, хто яе доставъ. Ну, потомъ назаўтра, зновъ ёнъ посалаеть яе. Ина пошла, стала тамъ разслухувать новосьтей и приходить къ яму и расказуеть—вотъ, говорить: будя свадьба тогда, коли найдетца человѣкъ и сошъеть ей такія бушмаки, якія йна носила у зьмѣявымъ доми. Тады ёнъ говорить: иди, бабка, къ царю и скажи: што я могу пошить такія бушмаки. Бабка пошла къ царю и говорить: я, говорить, могу такія бушмаки пошить!—Если тольки можашъ, то я награджу тябе, бабка, ўсимъ, што ты тольки пожалаешъ. Дали ёй грошай; ина приносить и говорить: ну тольки, говорить, смотри жъ: штобъ ты мяне къ смерти не подвёвъ. Ёнъ говорить: ня бось, бабка. Строку було дадзено на троя судокъ. Проходють судки—сапожникъ етый не занимаетца работой; и хторыя тожа такъ само не занимаетца. Баба ета давай плакать: мяне тяперь за ето, говорить, предадуть злой смерти. Тады ёнъ отвѣщаеть: ня бось, бабка: заўтри, на вутро будуть готовы—уставай и няси! Отъ ёнъ вечеромъ вышавъ зъ города на пòля, катанувъ ето золотоя яѐчко и здѣлався золотэй дворецъ. Ёнъ сычасъ увышовъ у етый дворецъ, нашовъ полусапожки. Узявъ ихъ, вышавъ зъ дворца, махнувъ платочкомъ и здѣлався ёнъ яечкомъ. Принёсъ еты сапожки ноччу, поставивъ на столъ. Старуха на вутро устала и обратно узила еты полусапожки и нясеть еты полусапожки къ царю. Дѣвка тая убачила полусапожки и крѣпко ина обра-

довалась. И просить свойго отца, штобъ ёнъ дозволивъ потребовать яго сюды, хто шивъ полусапожки. Отецъ сычасъ пославшы карету и приставили яго у дворецъ. Увыйшовъ ёнъ у дворецъ, ина убачила яго и говорить: вотъ хто мяне доставъ, ну ня тэй, сь кимъ хотѣли свадьбу гулять. Ну тутъ, сычасъ, ставъ отецъ спрашувать — што зь ими дѣлать? Сычасъ. приказали етыхъ привязать къ коньскимъ хвостамъ и пусьтить по полю. Привязали къ хвостамъ, и разволокли по усяму полю. А зь естой царевную пувиньчались, и отдавъ яму царь пуловина царства, и стали яны жить ды й поживать.

С. Палужь, чериков. у. Отъ кр-на Марка Иванова, 35 л. малограмотнаго, бывшаго въ воен. службѣ.

38. Иванъ Вѣтровичъ.

Въ нѣкоторымъ царствьи, въ нѣкоторымъ гусударствьи, ну ни въ самомъ томъ, въ которомъ мы живёмъ, была у царя дычка. Тольки ёнъ яе никуды ни пускавъ: ни пройтитца, ни проѣхытца. Тольки было погодная времюшка, отворила окошко, вяйнувъ вѣтиръ у глазы, и зъ етыго ина забремила. Отецъ и мать етому ни спокойны, што яна ни законно зыбярёмила. Ну, начали допрашивать яе. Ина говорить: отецъ мой любый, отецъ мой милый, вяйнувъ вѣтиръ у глаза, и зъ етыго я зыбяремила. Мѣла ина сына; яны сказали дать яму имя и хамилію Иванъ Вѣтровъ. Ну, тольки, трёхъ годовъ мальчикъ етый, Иванъ Вѣтровъ, мытица, Богу молитца и дѣду здрастьви кажить: здрастьви, дѣдушка, живъ ты, здоровъ? А ёнъ отвищаить: живъ то живъ, ды нибольшоя здоровья! есьли бы дитятка моё мило было, ды зьѣздило у той и у той лѣсъ, насѣкло дровъ, ды притопило комнутку мнѣ. А ёнъ отвищаить: котору мнѣ лошадь запрягать? А ёнъ говорить: зыпряги, дитятка, лошадь выдовоза. Ну, ёнъ запрёгъ выдовоза, приижжаить у лѣсъ, дровы сячеть, а мядьвѣдь коня дяреть. Ёнъ говорить: дяри, дяри, чортъ тябе бяри, ды самъ дровы пувязёшь! Ну, ёнъ бяреть мядьвѣдя зы ковнеръ, запригаить у воглобли и привозить дровы. Дѣдушка, идѣ мнѣ етыя дровы звалить? А ёнъ говорить: звали кыла комны-ты. — Куда мнѣ свою лошадь пусьтить? А ёнъ говорить: пусьти на конюшню! Етый мядьвѣдь якъ начавъ драть усихъ лошадей, справили значитца конюхи гвалтъ, дыкъ ёнъ пошовъ ды вывивъ мядьвѣдя у другую конюшню пустую. Назавтраго ёнъ мыетца, Богу молитца и дѣдушку здрастьви даеть. Здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? — Живъ то живъ, ды ни совсимъ здоровъ! Есьли бы дитятка ласкове было ды зьѣздило у то и то болото, ды наломало курчевъя, ды притопило комнутку, можить ба я поздоровѣвъ. А дѣдъ зъ бабый яго ни любили, што ёнъ низаконнорождиный. Туды хто пойдить, ня выйдить, хто поѣдить, ня выидить, — дыкъ яны яго пысылали, кабъ ни вярнув-

ся. Ну, ёнъ запрёгъ мядьвѣдя и поѣхывъ у ето болото; отпрёгъ мядьвѣдя и стали ломать курчевья: ёнъ сабѣ, мядьвѣдь сабѣ. Потомъ прибигаить чортъ и кажитъ: здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, што ты житильство разоряишъ? А ёнъ говоритъ: совсимъ раскопаю, кыли ни пойдишъ моей маиньки нивидимо служить! Дыкъ ёнъ сыгласився нивидимо служить! Ну, привозитъ ёнъ ето курчевья и спрашіитъ: дѣдушка, идѣ мнѣ курчевья звалить? А ёнъ кажитъ: звали ля комныты! Яно яму ни надо было, али ёнъ тольки хотѣвъ, штоба значитца ёнъ ни вярнувся. Ёнъ курчевья звaливъ, мядьвѣдя отпрёгъ и у лѣсъ пусьтивъ. Назавтраго ёнъ умываитца, Богу молитца, и дѣдушку здрастьви даетъ: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Живъ-то живъ, ды ни совсимъ здоровъ; есьли бъ дитятка моё ласкове было: ёсь у тридисятымъ царствьи, у тридисятый зямли, ёсь Огняный царь, за пять вёрстъ огнёмъ пячетъ, винуватъ намъ данныго и пошлинныго двинадцыть бочакъ золыта. Есьлибъ дитятка узыскало, вяликая у нашимъ царствьи польза бъ была! Ну, ёнъ пошовъ на базаръ, купивъ три пруты зялѣзныхъ по девить пудовъ, и пошовъ путёмъ дорогую, и ўзявъ чорта съ собою. Приходитъ въ приповѣдныя луги, въ шовкывыя травы, идѣ нихто ни проходитъ, ни пріижжаитъ, ни птицы ни прилитаютъ. Якъ заглѣдивъ Огняный царь, што хто то въ етыхъ лугахъ распоряжаитца,—разбивъ шатёръ и лёхъ оддыхать,—ну, потомъ, Огняный царь пославъ трёхъ быгатырей кы Ивану Вѣтрову забрать яго. Етый чортъ якъ бразьнитъ прутъ онъ прутъ, дыкъ ёнъ ихъ зуглушивъ: мовчать, говоритъ: баринъ спитъ! Яны вярнулиси къ Огняному царю. Ваша инпираторская вяличиство! баринъ спитъ, а слуга якъ сьвисьнитъ, якъ крикнитъ, мы ни могли слова отвясьтить! Ну потомъ етый Огняный царь рассердився на ихъ, шлетъ сорокъ тысячъ войска и двинадцыть быгатырей. Етый чортъ глядѣвъ—глядѣвъ, што прамножиство народу идетъ, будитъ Ивана, говоритъ: баринъ, уставайтя! прамножиство народу идетъ! Ну, потомъ Иванъ етый якъ протёръ глаза, якъ узявъ прутъ, якъ пусьтитъ—отразу тысячу ломитъ; чортъ подаетъ, а ёнъ ломитъ,—ёнъ у два часы съ половиный усё войско разьбивъ и двинадцыть быгатырёвъ. Тольки одного быгатыря покинувъ ли вясьтей царю. Кыли ты мнѣ, кажитъ, ни даси данныго и пошлинныго, дыкъ я тябе и сожгу и у плѣнъ зыбяру! Тяперь етый Огняный царь якъ рассердився ны яго, шлетъ восимдисятъ тысячъ войска и двадцыть чатыри быгатыря. Ну Иванъ Вѣтровъ и ето у три часа побивъ войско. Потомъ Огняный царь шлетъ пысланца, говоритъ: Иванъ Вѣтровъ, приди ко мнѣ попить, погулять, покуль я двинадцыть бочакъ золыта споряжу. Ну, ёнъ пошовъ туды, попивъ, погулявъ скольки ёнъ тамъ, сутки, а можа и двоя, ну потомъ спорядили золота. Ну, ёнъ привозитъ домой и кажитъ: дѣдушка, а идѣ мнѣ ето золото дѣть! А дѣдъ говоритъ: звалитя, говоритъ, у сарай!

Назавтраго ёнъ мытица, Богу молитца, идеть, дѣдушку здрастьви даеть: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Ёнъ кажить: живъ то живъ, ды ни сусимъ здоровъ! Дѣдъ съ бабый за ночь надумылися яму дать другую дорогу... Ёсь, говорить, у тридисятомъ царстьви, у тридисятой зямли, ёсь тулувища Мѣдныя, яго во сьвѣти нихто ни збасуить, есьлибъ ты яго збасувавъ, дыкъ мы у сьвѣти никого ни быялися бы! Ну ёнъ тады пошовъ на базаръ, купивъ сыкола, либидя и приносить матцы у комнуты. Убивъ тьвячокъ (гвоздь) у притылку, и повѣсивъ платочикъ, и пыдставивъ стаканъ, говорить: маминька моя родная, якъ будить съ платочка кровъ ити въ стаканъ, то отворяйтя вокошко и выпущайтя сыкола и либидя. Самъ попрощався съ матирью и пошовъ у путь. Ишовъ ёнъ путёмъ-дорогую, systрикаить Дубувика, который дубы пирянoсить. Здрастьви, говорить, Иванъ Вѣтровъ: куды идешъ, куды Богъ нясеть?—Иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать! Ёнъ говорить: возьми, братъ, мяне съ собою!—Пойдёмъ сабѣ у тыварищихъ. Якъ ити, дыкъ ити путёмъ дорогую, сустрикають Гыровика (который горы переносить.) Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, куды идешъ? куды Богъ нясеть?—А иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю, Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать. А возьми мяне съ собою! хуть я сьвѣту пывидаю!—Ну, говорить, ходи, пойдёмъ. Пошли яны утроёмъ. Приходють яны утроёмъ у тридисятая царство, у тридисятую зямлю у Мѣдныго тулувища горидъ. Ну, потомъ, похoдили по гориду, а потомъ кажуть: што ходить! надо сабѣ обобрать хватеру! Пришли у дворецъ Мѣдныго тулувища—нима никого, нима ничого, тольки прамножиство воловъ въ етомъ дворцы. Ну, оббирають сабѣ кухню. Застывляить Иванъ Вѣтровъ Дубувика рѣзыть вола и готовить обѣдъ. Тады ёнъ сійчасъ узявъ вола за рòги, зарѣзывъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и смотрить на дворъ; ляжить сярёдъ двыра каминь; и ёнъ самъ сабѣ размышляить: хто яго сюды ти привёсъ, ти принёсъ, што ёнъ такій примогучій? Потомъ ёнъ, етый каминь, пыдымаитца, сичасъ и вылàзить оттуль старикъ сядой. Ну, потомъ говорить: хто въ моёмъ доми роскошуитца, няси мяне на крыльцо! Ёнъ, той Дубовикъ, обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ яго на крыльцо. Тады ёнъ кажить: хто въ моимъ доми роскошуитца, няси мяне у кухню. Ёнъ у кухню яго унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ! Ёнъ яго за столъ пысадивъ. Што ёсь у печи, тоя на столъ няси! Ёнъ яму пыловину тую вола вынисъ. Ёнъ отразу яго зьѣвъ. Потомъ яго узявъ, яго, етыго Дубувика, набивъ, а самъ увыйшовъ на своё мѣсто, подъ каминь. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Гыровикъ. Дубовикъ кажить: якъ вы замарудили тамъ,—прамножиство собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловина вола зьѣли. А Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣдній волъ, ящо ёсь! Потомъ яны сѣли, подъѣли (быгатыри разъ

у сутки ядуть) и оддыхать лягли. Назаўтраго устають, мыютца, Богу молютца.—«Ну, говорить: сягоньни ты, Дубовикъ, ходи на прихацку, а ты, Гыровикъ, обѣтъ готуй!» Ёнъ узявъ вола за роги, зарѣзывъ, облупивъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить, што на дворѣ ляжить большій каминь. И думыить ёнъ самъ сабѣ: што ето, ти то етый каминь хто привёсъ, ти ёнъ самъ вырисъ? Ну, потомъ етый каминь подымаитца, и зь яго вылазить старикъ сядой: хто въ моимъ доми рыскошуитца: няси мяне на крыльцо? Ёнъ обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ на крыльцо яго. Потомъ у кухню унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ и што ёсь у печи, то всё на столъ няси. Ёнъ сѣвъ, пыловину етыго вола зьѣвъ, и давай бить Гыровика етыго. Ёнъ зьдѣлывся нииживымъ, ну дыкъ ёнъ и схувався на своё мѣсто. Ну, потомъ, етый узявъ, остатьню пыловину вола у котёлъ, згутувавъ. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Дубовикъ. Ёнъ кажить: якъ вы тамъ призабавилиси, прамножиства собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловину вола зьѣли. Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣдній, есь ящо! Потомъ сѣли, подъѣли, и спать лягли. Назавтраго говорить: ну, Дубовикъ и Гыровикъ: идитя прогуливатца, а я остаюся ѣсьти варить! Ну, потомъ ёнъ вола за роги, зарѣзавъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить на дворъ: ляжить каминь большій. И думыить ёнъ самъ сабѣ: хто ето каминь сюды привёсъ, ти ёнъ самъ тутъ вырисъ? Такъ етый каминь сымаитца, опять жа вылазить оттуль старикъ сядой и кажить: хто въ моимъ доми рыскошуитца, той мяне няси на дворъ! А Иванъ Вѣтровъ говорить: якій чортъ тябе вынисъ оттуль, тэй нихай нясеть тябе на крыльцо! Ну, потомъ ёнъ самъ на крыльцо узыйшовъ. «Хто въ моимъ доми рыскошуитца, той няси мяне у кухню!»—Якій чортъ тябе принёсъ сюды, такій нехай нясеть и ў кухню! Потомъ ёнъ самъ увыйшовъ у кухню. Тады кажить: хто у моимъ доми рыскошуитца, сади мяне за столъ. А ёнъ яму отвищаить: якій чортъ тябе принёсъ у кухню, такій нихай и за столъ содить. Ёнъ самъ сѣвъ за столъ. Ну, потомъ, яны давай дратца съ Иваномъ Вѣтровымъ. Тэй Иванъ пересиливъ иго. Узявъ зы бороду̀, привёвъ къ сьтѣни, у щелку клинымъ бороду̀ загнавъ. А самъ спать лёгъ. Ёнъ, якъ кивать, дыкъ кивать, вынивъ бороду изъ щелки, и вышивъ, ни чипавъ ужо яго. А ёнъ спить. Приходить Дубовикъ и Гыровикъ, ёнъ кажить: што вы такъ замарудили? Вотъ у мяне и собакъ ни налѣзло, и кухня ни ўгарна, и гывядина и жариныя и сырая цэла. Потомъ яны сѣли обѣдыть, побѣдыли. Потомъ яны хотѣли класьтися спать, ну Иванъ Вѣтровъ говорить: истритя ножи, нѣкыли! Ну, потомъ яны найстрили ножи, тоды Иванъ Вѣтровъ кажить: рѣжтя воловъ: въ одну скирту гывядину, а въ другую шкурки. Ну, яны усихъ воловъ порѣзыли, тады одинъ ны чатыри часьти кожи разризаить, а другій пасъ шшиваить. Ну, потомъ яны пасъ шшили. Ну, няситя

къ етыму камню, што на дворѣ ляжить. Трогый, говорить, Дубовикъ, етый камянь! Дубовикъ етый тронувъ, дыкъ ёнъ ни скылыхнувся! Ну-тка ты, Гыровикъ! Гыровикъ етый тронувъ—скылыхнувся. Эхъ, сильники! Потомъ самъ пыдыйшовъ, подбŏримъ ударивъ, дыкъ на пять вёрстъ откатився. Ну, потомъ, Иванъ Вѣтровъ пыдпиризався—ну, кажить: пускайтя мяне въ ету пичару, идѣ каминь лижавъ, а сами якъ день дыкъ ночь дожидайтя мяне. Ну, тутъ ёнъ якъ спусьтився пыдъ зямлю, стоить слупъ. На имъ написыно: на дну сторону хорошо будить, у другую ловчѣй, у третьтю яще луччи, а ў чатьвёрту убитъ будишъ. Иванъ Вѣтровъ пошовъ туды, идѣ убитъ будить, къ Мѣдныму тулувищу у домъ. Тольки приходить, стоить домъ мѣдный. Равняитца съ крыльцомъ, выходить дѣвица красивыя. Здрастьви, говŏрить, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Господь сюды занёсъ: у насъ нихто ни проходить, ни прижжаить, ни птицы ни прилитають!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдывать!—А ёнъ посьли твоёй чесьти спить; ты идешъ яго убить, тольки ня убъешь, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Ёнъ заходить къ ей. Ина говорить: ти ни хочитя ѣсьти, пить? Вотъ уво дной печи двинадцыть вопрёвъ варины, у другей двинадцыть пичей хлѣба спечино! Ёнъ садитца и ѣсь. Ина подходить и кажить: ти ни хочитя попить?—Да, говорить. Вотъ, нáтя вамъ мѣдныя ключи, идитя въ мѣдный анбаръ: на праву руку сила, на лѣвую бясьсильля; ну ня пійтя налѣво, а направо! Ёнъ пошовъ налѣво силу попивъ, пиривярнувъ направо, и поблагодаривъ, и пошовъ путёмъ-дорогую. Якъ ити путёмъ, стоить домъ сяребриный. Выскáкыить дѣвка красивѣй тыѐ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Богъ занёсъ? у насъ нихто ни проходить, ни прижжаить, и птицы ни прилитають!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдыть.—Ёнъ посьли твоёй чесьти оддыхаитъ; да ты идешъ яго убить, ну ни вобъёшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Вотъ ёнъ заходить къ ей. Ина говорить: ти ня хочитя попить—поѣсь. Ёнъ говорить: да!—Вотъ во днэй печи двинадцыть воловъ жариныхъ, у другей печки двинадцыть хлѣбовъ печино. Ёнъ садитца и ѣсь. Ина приходить къ яму и кажить: ти ня хочитя попить? Ёнъ говорить: да, хочу. Ина подносить яму сяребриныя ключи и говорить: идитя у сяребриный анбаръ: направо сила, налѣво бясьсильля!—Ёнъ направо напився, налѣво силу пиривярнувъ, поблагодаривъ и пошовъ. Шовъ путёмъ дорогую, стоить золотый домъ. Тольки равняитца, выходить дѣвица пыкрасивѣй тыхъ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! куды Богъ тябе нясеть?—Иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдыть!—Да, ты идешъ убить яго, ну тольки ты яго ни ўвобъёшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ! Заходить къ ей. Ина говорить: ти ня хочитя попить-поѣсьть? Ёнъ говорить: да, хочу. Вотъ, говорить, во днэй печки двинадцыть барановъ жариныхъ, у другей двинадцыть хлѣбовъ спечино! Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. Ти ня хочитя напитца?—Да,

говорить, хочу!—Вотъ вамъ золотыя ключи, идитя въ золотый анбаръ! Тамъ направо—сила, налѣво—бясьсилья; ну ня питя налѣво, а питя направо. Ёнъ пошовъ, напився направо, пиривярнувъ силу налѣво, поблагодаривъ и пошовъ. Вотъ ёнъ приходить у домъ къ Мѣдныму тулувищу. Ажны ёнъ спить. Вотъ ёнъ яго узбудивъ, давай дуть токъ. Мѣдныя тулувища выдувъ блишаный (бляха), а Иванъ Вѣтровъ золотэй. Давай дратца. Тольки Иванъ Вѣтровъ зьбиваить Мѣдныя тулувища по пахи у землю, Мѣдныя тулувища просится у Ивана Вѣтрова, говорить: цари, короли дярутца съ силую, зъ войскымъ, а и то оддухъ мѣють, а мы съ тобою—и то воддуху ня мѣимъ. Ды попъёмъ, пыядимъ чаго нямного! Ну, потомъ, Мѣдныя тулувища самъ пъеть сь лѣвыя руки, а Ивану Вѣтрову даеть съ правыя. Тады Мѣдныя тулувища покряпчѣвъ, а Иванъ Вѣтровъ поплошѣвъ. Давай дратца опять. Мѣдныя тулувища зьбивъ Ивана Вѣтрова у землю пы пахи, посѣкъ меччу, и огнёмъ спаливъ косьти яго.

Ну матка яго забыла на ето, што ёнъ якъ ишовъ, казавъ: якъ будить зъ мойго платочка кровъ ити, пусьтитя сыкола и либидя. Полядѣла матка, заплакала. Пусьтила сыкола и либидя у тридисятая царство, у тридисятую зямлю. И прилитають яны у Мѣдныго тулувища домъ: да, говорють: идѣ нашъ хозяинъ жись поклавъ! Ну потомъ полятѣли—ёсь такія живущія и гоющія воды, ну дыкъ соколъ лебидя у ленты увобравъ, а лебидь яму кубки привизавъ подъ крыльля. Потомъ лебидь спускаитца внизъ, стороржи пускаютца ловить яго, соколъ зьлитѣвъ и зачерпнувъ воды живущія и гоющія. Ну, прилитають яны къ Ивану Вѣтрову, спырснули яго пôпилъ гоющію и живущію водою, и Иванъ Вѣтровъ оживився. Бывъ молодецъ, ды ящо почисьтѣвъ. Ну, такъ ёнъ и приходить къ Мѣдныму тулувищу, говорить: што ты, старый хрѣнъ, спишъ? —Ти ты тутъ?—Да, говорить: зачимъ хожу, тоя надо дыходить. Давай дратца опять. Дралиси, дралиси, тольки Иванъ Вѣтровъ зьбивъ Мѣдныя тулувища. Ёнъ кричить оддуху, а Иванъ Вѣтровъ кажить: я оддухнувъ. Потомъ Иванъ Вѣтровъ, яго пы пахи у землю зьбивъ, и посѣкъ, косьти пупаливъ, штоба косьтина ды косьтины, пылина ды пылины ни сходилиси, штоба вѣкъ яно ня трыгалыся. Идеть Иванъ Вѣтровъназадъ, равняитца зъ зылотымъ домымъ. Выходить дѣвка и кажить: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?—Отчаго, говорить. Такъ ина оставляить домъ свой, имущиство и идеть за имъ. Идуть. Тады ёнъ оглянувся назадъ. Ина кажить: што ты, Иванъ, етыго дому жалѣишъ?—Да, говорить: у нашимъ царсьтви и золото дорого. Такъ ина яму дала платочикъ. Махни, говорить, три раза! Ёнъ махнувъ три раза. Етый домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ. Идеть, домъ нясеть и яе вядеть. Проходить кыло сяребриныго дома. Выходить дѣвка и говорить: штожъ ты, Иванъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?

—Отчаго, говорить, возьму! Ина пошла за имъ. Иванъ оглянувся назадъ. Ина говорить: што ты, Иванъ, дома етыго жалѣишъ? Да, говорить: у нашимъ царстьви и сирибро дорого. Ина яму дала платочикъ, говорить: махни платочкымъ три раза. Ёнъ махнувъ платочкымъ, домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ и пошовъ. Идеть ёнъ кыло третьтиго мѣдныго дома. Такъ выскакуить дѣвушка и говорить: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ? Ну, дыкъ ёнъ и ету ўзявъ, якъ и тыхъ. Значитца, идеть, три домы нясеть и три дѣвицы видѣть. Ну, пришовъ у ету пячору, сколонувъ канатъ и зачапивъ старшую изъ мѣдныго дому. Дубовикъ и Гыровикъ вытигнули яе. Давай спорить Дубовикъ из Гыровикомъ: той говорить: мнѣ жонка, а той: мнѣ. Ина кажить: братцы, ни дяритися: васъ три браты, а насъ три сястры! Иванъ Вѣтровъ выйдить и подѣлить. Ну, потомъ опускають опять канатъ, ёнъ подпысавъ другую, съ сяребриныго дому. Тады опускають третьтій разъ. Ёнъ самъ, Иванъ Вѣтровъ, изь дѣвушкой зъ золотого дому подпысався, яны и вытигнули. Тады большую сястру, зъ мѣдныго дому, оддавъ Дубувику, сь сяребриныго—Гыровику, а изъ золотого узявъ сабѣ. Потомъ подѣливъ царствы: дубувикова жонка ни такъ красива, етыму больши, а гыровикова красивѣй, етыму меньши описавъ царства. А своѐ труды ны бумази сьписавъ, сабѣ ничого ни ўзявъ. Якъ пришовъ ёнъ домой, распатёръ еты труды, дыкъ дѣдушка якъ глянувъ—зыдавився, бабушка сомлѣла, а ёнъ остався жить жъ жонкой и зъ маткой.

Басьня уся, казать нильзя. Я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, у роти ни было и по бородѣ ни тякло; дали хлѣба крайчикъ, дыкъ я подъ вороты, якъ зайчикъ; якъ дали пы гыловѣ, дыкъ я дали утикать.

Д. Босьмыничи, старос. вол. мстисл. у. Отъ кр. Архипа Павлова 47 л., неграмотнаго, зап. г. Аникіевичъ.

39. Кашеваръ да добрый молодецъ.

Живъ сабѣ старичокъ зъ бабой удвоихъ, у яго дятей не было. Тяперь ёнъ говорить на бабу: «што, бабушка, будемъ дѣлать? Пойди, говорить, бабушка, на городъ, купи, говорить, бабушка, яечекъ двանадцать; и будемъ, говорить, сядѣть! А таки жъ, говорить, курка-писклятокъ выводить!» Ну, купили двенадцать яечекъ и сѣли на ихъ. Ну, тяперь яны сяди-сяди, сяди-сяди,—и вывяли двенадцать сыновъ. Тяперъ, собрали кумовъ, повязли хрясьтить. Перяхрясьтили одинадцать, а двенадцатаго забыли. Вярнулись къ попу. «Батюшка, говорить: одного забылись пеяксьтить!» Ёнъ узявъ хрисьтить да говорить: ну, ето будеть Кашеваръ, да добрый молодецъ! Пріѣхали яны съ хреста, хрезьбины згуляли. Узялися тыя малцы расьтй, растуть не по годамъ, растуть по часамъ. Черазъ нѣскульки урелля уж-

парни хорошія. «Ну што, отецъ, говорють, будемъ робить? намъ, говорють, гулять нечаго, треба за хозяйство займатца!» Отецъ пошовъ, сичасъ пожню имъ занявъ. Отъ ёнъ имъ оправивъ косы, грабли, усё якъ слѣдуеть. Убираютца яны уже на тэй лугъ косить. Собралися и поѣхали. Пріѣхали и начали косить. А тэй меньшій Кашеваръ да за кухаря имъ остався. Тогды, зваривъ тамъ што нибудь и требуеть ихъ снѣдать. Ну, яны сѣли, поснѣдали, тогды жъ ёнъ говорить: «братцы, пора, говорить, отдыхнуть трошку; тяперь, говорить, нечаго зразу хапатца на работу!» Яны лягли отдыхать, уснули. Ёнъ узявъ косу, якъ шарнеть, дакъ ёнъ удвоя скосивъ, якъ яны. Тогды приходить къ имъ: «пора, братцы, уставать, отдыхнули трохи!» Тяперь, яны пошли косить, пришли—косъ нема. Покуль яны до ихъ дойшли, дыкъ много уремя пройшло. И опять стали косить. А ёнъ обѣдать готувавъ. Приходить, обѣдать гукаеть. Приходють обѣдать, ёнъ у ихъ спрашіеть: што, говорить, братцы: якъ у васъ тамъ на косьбѣ? Яны яму отвѣщають: «ахъ, братъ! говорють: мы косили-косили, а Богъ якъ давъ, дакъ чуть косы найшли!» Ёнъ говорить: «ну, братцы, молитеся Богу и проситя Бога, што Богъ помогаеть!» Яны косили нѣскульки уремя—можа день—два—три. Кажеть: братцы! пора гресьти, а то, говорить, почарнѣеть! Ну и начали гресьть, у копы валять. Тогды пришли отдыхать. Яны лягли отдыхать, а ёнъ якъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвоя боли за ихъ згрёбъ. «Тяперь, братцы, надо стожарья дѣлать!» Яны начали у стоги кидать, и пришли яны ночавать уже къ яму. Отъ яны повячеряли и уснули. Ёнъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвоя боли за ихъ скидавъ стоговъ. Тогды лугъ етый яны якъ коньчили, покосили и у стоги поскидали уже,—«тяперь, братцы, мы домовъ будемъ отправлятца!» Тяперъ, якъ пришли яны *дома*, ёнъ, Кашеваръ, добрый молодецъ отцу и говорить: отецъ, мы много накосили стоговъ, говорить: надо ихъ смотрѣть, кабы хто не укравъ стога! Пошовъ дни черезъ чатыри, ти черезъ пять смотрѣть Кашеваръ—одного стога нема! Приходить дома, и отвищаеть отцу: «надо ходить вартовать». Батька сказавъ зряду ходить вартовать. Пошовъ пѣрядомъ большій. Пришовъ вартовать и лёгъ «вартовать» подъ стогомъ. Проснувся—а стога нема чуть свѣтъ! Пришовъ назаутраго отвѣщаеть Кашевару и отцу: «што, говорить: я не могъ ничого зробить! якъ наскочили, мяне чуть ня убили,—такъ стогъ и сцапляни!» На другую ночь высылають другого. Ну, другій пошовъ и тожъ лёгъ подъ стогомъ. Саму повночь ухапився вѣтяръ, такъ и покатило стогъ, и схапили. Тогды ёнъ приходить назадъ и отвищаеть Кашевару и отцу: «што, говорить, не можемъ усмотрѣть гетакъ, што хочитя, дѣлайтя! Тогды Кашеваръ, добрый молодецъ, говорить: «за двѣ ночи да два стога упало! Ступайтя, говорить, возьмитя жалѣзо

и скуйтя мнѣ, говорить, булаву дванатцать пудовъ!» Отъ яны пошли и скували булаву двенадцать пудовъ. Тогды привозють къ яму у дворъ. Ёнъ вышавъ сычасъ на дворъ, посмотрѣвъ тыя булавы, якъ схапивъ яе, якъ спусьтить подъ небеса! Яна—выставивъ рукỳ—якъ ударилася объ рукỳ—якъ ударилася объ рукỳ, дыкъ и разбилася! Тогда ёнъ на 'тца закричавъ:—«што, говорить, отецъ: коло мяне смяётесь?» говорить: «якъ можно, говорить, покрѣпшы работайтя булаву!» Яны узяли и опять отправилися у кузьню. Ну, и сковали яе уже покрѣпшы, тожъ у двенадцать пудовъ. Ну, привязли яны домовъ; тогды ёнъ вышавъ со дворца, схапивъ яе, якъ пусьтивъ подъ небеса! Тогды подставивъ колѣно. Яна ударилася объ колѣно, отскòчила. Тогды, ёнъ яе узявъ, уклавъ у карманъ. Ну, перяксьтився Богу, и пошовъ на ночь. Тогды, пришовъ, на стогъ узлѣзъ, сѣвъ сабѣ на стогу, за колъ узявся, за стрѣлу. У саму пòвночь, бяжить кобылица изъ двенадцатимы жарабцамы. Якъ прискòчила, якъ тирнỳлася коло стога, дакъ стогъ схапила и пошла. Ёнъ съ стога упавъ. Назаỳтраго, опять пошовъ. Опять на стогъ узлѣзъ и покрѣпшы уже нарехтувався. И въ саму повночь, бяжить опять кобылица изъ двенадцатимы жарабцамы. Тольки подъ стогъ подбѣгаеть, подбѣгаеть къ стогу, ёнъ съ стога соскочивъ, да на ле—узнялися яны вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ—понясла яна яго, на тридесятая царство, на тридесятаю зямлю. Ёнъ якъ ставъ яе булавой тэй бить—ина яго носила, носила,—уже ỳ яе мочи нѣту—заморивъ! «Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю: я жалаю, кабъ ты мяне на отечецкій дворъ, говорить, знесла! Утъ яна на отечецкій дворъ якъ принесла,—сичасъ къ яму выходить отецъ и братія:—мы, говорить, думали, што тябе на свѣти нѣту! А ёнъ, бачь, довго летавъ на ёй,—дней семъ можа. Ну, говорить, братцы: штобъ конюшни устроили, и кабъ двенадцать стойловъ кабъ былò! А самъ ёнъ тогды и отправився. И ёнъ заказавъ, а самъ отправився. Отъ яны стали конюшню строить. Устроили и двенадцать стойловъ. А ёнъ узновъ узнявся вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ, и летавъ нѣскульки уремя, довго, покамѣсь яе заморивъ такъ, што яна уже ня можеть и дыхать. Тогда яна яго спрашіеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю—я жалаю, кабъ у мяне было двенадцать сыновъ твоихъ—жарабцовъ! Тогды яна якъ зарзала, ажъ земля затряслася. Яны прискочили къ ёй, къ кобылицы. «Ну, тяперь, говорить, поѣдемъ домой!» Ну, 'зяли спускатца—спусьтились кы дворỳ. Якъ узьѣхавъ ёнъ на дворъ, сычасъ братьтя и выскочило и отецъ вышавъ. Якъ вышавъ, ёнъ узявъ, разьдяливъ имъ усимъ по лошади, а старику отдавъ кобылку. Тыя жъ лѣпшихъ расха-

пали, а яму засталась худѣйшая, маленькая. Ну, тяперь, говорють, отецъ; надобя жанитца! Ну, у батьки спросилися, узяли лошадей и поѣхали. А яго плошѐнькая лошадь, ёнъ узявъ у поводѐ и вядеть сабѣ. Скольки урремя пройшло, ёнъ вёвся, вёвся, и лошадь у яго спрашіеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ, пусьти мяне, говорить, на лугъ, дай мнѣ три разы покачатца, и три травинки зьѣсь, и три росинки сьпить!» Тогды, якъ покачався ёнъ, дакъ ёнъ полѣпшавъ. «Тяперь, говорить, мяне сѣдлай: клади на мяне сядло чаркѐсьская, и войлокѝ—бухарочки, потпружи мяне дванадцатимы потпругамы! Тяперь садись на мяне лѣпко и дяржись крѣпко, и узнимемся вышы лѐсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!»... Ёнъ тыхъ братовъ нагнавъ и перегнавъ. Сычасъ прилетають яны, стоить хатка на курьей нозцы. И ли тыѐ хатки дванадцать слуповъ убито и дванатцать кольцавъ убито у слупы. Тогды ёнъ сычасъ узявъ, къ кольцу привязавъ лошадь, къ слупу, сычасъ приходить къ хатцы: «хатка моя, повярнись задомъ, стань ко мнѣ перядо̀мъ, я у тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Яна покрутилась и стала къ яму перядо̀мъ. Тогды ёнъ улѣзъ у тую хатку; на лавцы ляжить бабка. «Здрастуй, бабка!» А здрастуй, говорить, Кашеваръ добрый молодецъ! ни чуво̀мъ чували, ни видо̀мъ видали, а тяперь, говорить, чуемъ и видимъ!—Ну, вотъ што, говорить, сватьтюшка: ти нема ў тябе дванадцать дочъ? Яна яму отвясьтила:—«у мяне, говорить, нѣту, а ў сястры ў моѐ ёсь!—дальшы, говорить, ити надобя!» Ёнъ сичасъ выходить, на свойго коня садитца, отъѣжжаеть. Браты наѣжжають: «ахъ, што ты, говорить, ѣдешь упярёдъ?» Ёнъ имъ отвясьтивъ: мнѣ и треба упярёдъ ѣхать! Нѣскульки урремя ёнъ ѣхавъ, тожъ пріѣжжаеть опять къ хатцы на курьей нозцы. Пріѣжжаеть къ хатцы, дванадцать слуповъ укапано, и дванадцать кольцовъ убито, у *вснкій* слупъ по кольцу. Ёнъ иссѣвъ съ свойго зъ добраго коня и приходить къ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядко̀мъ, я ў тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Дакъ ёнъ якъ сказавъ, дакъ хатка сычасъ перекрутилася къ яму перядко̀мъ. Улѣзъ ёнъ, а *яна* на лавцы ляжить, ноги задравши. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! ни чуво̀мъ чували, ни видо̀мъ видали, а тяперь чуемъ и видимъ!—«Ну, вотъ што, бабушка-сватьтюшка: ёсь ли у тябе, говорить, дванадцать дочъ?» Ина яму отвѣтила:—нѣ, говорить: о̀тъ, у сястры у моѐ, говорить, ёсь! Тогды ёнъ отворотився—прощай, говорить, бабушка! Вышавъ и сѣвъ на свойго добраго коня и опять пошовъ. Опять пошовъ у ходъ. Пріѣжжаеть къ хатцы, опять жа—стоить хатка на курьей нозцы, дванадцать слуповъ укапано, дванадцать кольцовъ убито. Тогды ёнъ ссѣвъ зъ добраго коня и приходить икъ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядкомъ! я ў

тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Ина перекрутилася. Тогды ёнъ улѣзъ у хатку, ляжить баба на лавки, ноги на грядкахъ, титьки подъ стольлю. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! Во: ни чувомъ чували, ни видомъ видали,—а тяперь и чуемъ и видимъ! Што ходишъ, што ѣздишъ?—«Што, ёсь у тябе двянадцать дочъ?» Яна отвищаеть,—говорить: ёсь!—«Ну, тяперь, говорить, будемъ свадьбу гулять!» Ну, сычасъ, яна ўстала зъ лавки, приняла яго,—посадила яго за столъ, и стали разговаривать, бясѣду вѐсьти. Сычасъ прiѣжжають братiя, лошадей къ слупамъ попривязали, къ кольцамъ, и овса имъ засыпали, и сами пошли у горницу. Поздрастувалися зь бабушкой и начали пить—гулять. Тогды Кашеваръ да добрый молодецъ выходить у садъ. Сычасъ, подскакуеть къ яму Настася-Привокрася, бабина дочка. И тогды яна яму сказуеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! отъ, говорить: мать насъ якъ гукнѐть, дакъ мы скинемся голубками усѣ, посыплеть пшаницы намъ, и мы будемъ клювать. И мать съ тобою выйдеть къ намъ и будеть у тябе спрашивать: узнай, говорить, котора твоя? Дакъ я, говорить, крылышкомъ трёпну, дакъ ты говори, што утъ—гета моя! А тогды скинемся дѣвками, паннамы, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо. Ина насъ увядѐть у горницу, и будеть спрашивать у тябе: узнай, котора твоя? Я платкомъ махну, дакъ тогды гляди и скажи: утъ-гета моя!» Ну, тогды ина, бабушка, пошла и гукнула ихъ у горницу и скинула голубкамы. Поманила ихъ и посыпала пшаничкн имъ. Тогды узила, Кашевару и говорить: «узнай, котора твоя?» Яна крылцамъ—трёпъ! Ёнъ говорить: утъ-гета моя! Тогды скинулись яны уже дѣвкамы, паннамы, и вводить ина ихъ у комлату и гукаеть: Кашеваръ да добрый молодецъ! ну, говорить, узнай,—котора твоя? Яна хусточкой махнула, ёнъ и узнавъ,—говорить: утъ-гета моя! Ну, тогды уже нечаго, надо уже къ вянцу ихъ отправлять. Поѣхали яны къ цэрькви и обручились. И дала яна яму хусточку подъ вянцомъ. Отъ, табѣ, говорить, ета хусточка: знадобитца при злэй годины! Ну, прiѣхали домой, стали пить-гулять, добрыя мысьли мать. Пили-гуляли, у конецъ вясельля, ето уже треба ихъ,—уже складины дѣлать. И сычасъ у сарай, соломы нас(т)лали и туды ихъ усихъ у пуню положили спать. Ну, конь етый Кашеваровъ, узявъ и кричить:—«Кашеваръ, добрый молодецъ! сьпитя, отпочивайтя, на сябе угоды не знайтя! Уже, говорить, бабушка послала за катомъ, будеть, щупая по платьтю—головы оттинать!» Кашеваръ отвищаеть: што намъ дѣлать? Говорить: «а возьмитя, говорить, зь ихъ платьтя перемянитя: зь ихъ платьтя на сябе, а своё на ихъ!» Яны ўзяли, платьтя перемянили, передѣлись: своё на ихъ, а зь ихъ на сябе. А Настася Привукрася у садъ увыйшла и осталась тамъ. Тогды, прiѣжжаеть катъ. Яна упусьтила яго у хлѣвъ.

Ёнъ и пошовъ, щупая по платьтю, головы оттинать. Тогды конь говорить: „Кашеваръ. добрый молодецъ! будетъ опять худо!"—Што намъ дѣлать? говоритъ. — „Утекать треба!" Тогды узявъ лошадь, копытамы землю выбивъ подъ сьтяну: «лѣзьтя сюды подъ сьтяну!» Яны якъ улѣзли подъ сьтяну, говоритъ: „садитесь на лошади живо!" Якъ вылѣзли, такъ сѣли на лошади и науходà, уѣжжать! Уѣхали. Ну, бабушка была уснула крѣпко. Ну, якъ учула, што яны уѣхали, загрукотѣли, яна сычасъ уздогонъ за имы; у ступу сѣла, тувкачомъ погоняетъ, помяломъ слѣдъ заметаетъ. А яны ѣхать, ѣхать, пріѣхали къ огнянэй ряцэ. Ёнъ узявъ, хусточкой махнувъ—калиновый мостъ ставъ. Перяѣхали яны огнянаю ряку̀, опять ёнъ махнувъ, калиновый мостъ упавъ. Яна прискочила да говоритъ: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! узявъ одинадцать дочь, говоритъ: а ти будешъ у госьти ко мнѣ ящо?» Ёнъ ёй отвѣтивъ, што буду! Ну й поѣхали. Ѣхали, ѣхали, и выѣжжаютъ на лугъ. Охъ, говоритъ, братія! отдыхнёмъ, нехай лошади походютъ по лугу. Ну, пусьтили лошади по лугу, а самы отàборились, зьдѣлали балганьчикъ сабѣ, и отдыхать. Якъ начали лошади битца, дакъ забилися у̀си, — одинъ одного позабили уси. А Кашевара, добраго молотца, конь, етый не чапався, и далёко ходивъ отъ ихъ. Тогды стали браты спорить—твой лошадь упярёдъ завёвся! твой лошадь упярёдъ завёвся! Ну, й браты забилися уси, тольки одинъ Кашеваръ застався, тэй не чапався одинъ. Тогды узявъ братовъ усихъ на бярема, и понёсъ къ ряцэ,—ряка тамъ ишла—и у̀бросивъ ихъ у ряку̀. Тогды узворотився, узявъ лошадей по два, по два, и тыхъ у рѣку унёсъ усихъ. Тогды Кашеваръ пришовъ къ свойму доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Ёнъ говоритъ: „што плачешъ? Ето, говоритъ, бѣда не бѣда, ще будетъ бѣда,—топоръ да плаха, да смѐртна рубаха!" Ну, тогды ёнъ яго осѣдлавъ, сѣвъ и поѣхавъ на имъ.

Ѣдетъ сабѣ дорогой—ляжитъ пярò, такòя пяро, што ажъ увесь свѣтъ зьяетъ. Ёнъ ссѣвъ зъ лошади и бяретъ тоя пярò. Конь яму отвѣщаетъ: «ахъ, говоритъ, Кашеваръ, добрый молодецъ! ня рушъ етаго пера, у̀ етымъ пярѣ вяликая бяда!—будетъ табѣ, говоритъ, топоръ да плаха, да смярѐтна рубаха!» Ёнъ яму отвѣщаетъ: «ахъ, говоритъ, песьсяя мясо! што ты знаешь? говоритъ: ето, говоритъ, доброму молодцу привукраса!» Узявъ тоя пяро у кишень и поѣхавъ. Выѣжжаетъ на лугъ, зъ лѣсу, сичасъ узявъ, теплушкò расклавъ и ставъ сабѣ коло того тяплà трубку курить. Узявъ тòя пяро и поворачуетъ сабѣ, красуетца. Тольки такъ ето подъ лѣсомъ, недалèко, помѣщицкій домъ бывъ. Тогды помѣщикъ тамотьки смотритъ: што ето за диковина тамъ, што ажъ увесь свѣтъ зьяетъ? Якая диковина тамъ? Тогды ёнъ посылаетъ писаря туды, къ яму, кабъ отдавъ тоя пяро,—што ёнъ тамъ красуетца зь имъ! Ну ёнъ яму, помѣ-

щикъ, и говоритъ: што хочешъ, говоритъ, бяри, только отдай мнѣ ето пяро! Коли хочешъ, половина имѣньня свойго табѣ отпишу, своѐ вотчины. Ёнъ говоритъ: «што мнѣ, говоритъ, яго гроши и имѣньня? говоритъ? Ето доброму молодцу привукраса!» Ну, могъ помѣщикъ туды самъ къ яму оборотитца. «Ну, дай, говоритъ, Кашеваръ, етая пярò,—я тябе съ своей дочарью ожаню!» Ёнъ только тяжко уздыхнувъ, и узявъ и отдавъ тоя пяро яму. Ну, тогды пріѣхали яны *дома*, тамъ ёнъ сколько побывъ у помѣщика у того,—«ну, што жъ, говоритъ: надо жанитца!» помѣщикъ на яго.—Да, говоритъ, надо!—«Ну, говоритъ, жанися!»—Што жъ, говоритъ, жанитца—у мяне, говоритъ, ёсь жана, я, говоритъ, ее приставлю суда! Ну, тогды узявъ свойго добраго коня, и поѣхавъ къ баби, къ вѣдьми. Сычасъ пріѣхавъ, и ў садъ. Тогды якъ улѣзъ у садъ, сичасъ яна идетъ, Настася Привокрася. Ёнъ сичасъ схапивъ яѐ за рукỳ да къ сабѣ на коня, и только й бывъ. Коло вокна застучѣвъ зъ саду. Ахъ! говоритъ баба вѣдьма. Якъ учула, сычасъ у ступу, тувкачомъ погонятъ, помеломъ слѣдъ заметатъ, уздогонъ за имъ, слѣдомъ. Прискòчили къ огнянэй ряцэ. Ёнъ хусткой махнувъ—калиновый мостъ ставъ, черезъ ряку перяѣхавъ, зновъ махнувъ хусткой, калиновый мостъ упавъ. Яна у огняную рѣку по заборсни ускочила: «ахъ, Кашеваръ, добрый молодецъ! Узявъ одинадцатъ дочокъ?»—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?»—Узявъ!—«А ти будешъ яшо у госьти?»—Буду! говоритъ.

Ну, привёзъ ёнъ яе суды къ помѣщику, и началѝ пить-гулятъ, весялитца. Ну етый помѣщикъ у яе и ўлюбився. Улюбився такъ, што сичасъ и жанитца требуетъ. Ну яна говоритъ: «якъ жа мы жанитца будемъ, винчатца, вясельля гулятъ, коли ў мяне платьтя нема маткинаго винчалнаго, шòвковаго?» Панъ сычасъ на Кашевара добраго молодца: „Кашеваръ добрый молодецъ! говоритъ: кабъ былò такоя и такоя платьтя!“ Ёнъ пошовъ къ коню къ свойму, сычасъ усклавъ на яго головỳ и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Посалаетъ мяне панъ за платьтямъ винчалнымъ Настаси Привокраси!—„Што жъ, садися на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ!» Ёнъ сѣвъ на яго лѣпко, держався крѣпко, и полятѣли къ тэй вѣдьми. Сычасъ прилетаетъ ёнъ, сычасъ коло ‘кошка зъ лошадя сѣвъ и коло ‘кошка ходитъ,—скинувся котомъ чорнымъ. Ну, а ‘кошки расчѝниты. Ёнъ сычасъ на ‘кошко. Баба ета вѣдьма узяла яго, голỳбитъ: ти не моихъ дочушакъ душа? говоритъ. Узяла и положила коло сябе спатъ. Яна заснула, ёнъ подъ подушку, сичасъ ключики узявъ. Бывъ котомъ, ставъ молойцомъ. Узявъ, отомкнувъ скрыню, платьтя тоя узявъ и сычасъ за вокно. И сѣвъ на добраго коня свойго на богатырськаго. И якъ только съ саду полятѣвъ, баба и ўчула. Сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, у здогонъ за имъ. Только ёнъ перя-

ѣхавъ огняную ряку, ина туды. И по колѣни у огняную ряку ускочила. „А што, говорить: узявъ одинадцать дочокъ?"—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?"—Узявъ!—«Узявъ платьтя винчальная?»—Узявъ!»—А ти будешъ ящо у госьти?"—Буду!

Ну, тяперь, привёзъ платьтя и отдавъ ей. И стали пить, гулять, весялитца. Ну тогды панъ говорить: „будемъ жанитца!"—Якъ жа жанитца? говорить: нѣту жъ у мяне винчалнаго персьня! Тогды требуетъ яго панъ. «Ну, Кашеваръ добрый молодецъ! доставивъ ты платьтя, доставъ и персьтень винчальный!» Ну, вышавъ ёнъ къ доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Тэй конь яму̀ отвищаетъ: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! гето не бѣда! Будеть бѣда, топоръ и плаха, и смярётная рубаха. А тяперь, садись на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ за персьнемъ!» Сычасъ поклавъ на яго сядло чаркесьская, войлоки бухарочки, потпруживъ двянадцатимы потпругамы, сѣвъ и поѣхавъ. И сычасъ приѣжжаетъ у садъ, спускаетца, сычасъ котикомъ и скидаетца. Тогды скинувся котикомъ, сычасъ на кошко. Баба змія сычасъ узяла яго,—на ру̀ки бяреть, голубить яго: „гето ти не моѐ дочушки душа?» говорить. Сычасъ на руки бяреть, и на посьтелю съ собой кладеть яго. И у бабы ў роти за щекой золотэй персьтень—тэй. Ну, ёнъ прихитрився, коло яѐ лёгъ и такъ хвостомъ якъ ставъ шаволить коло зубовъ, коло рота—яна спросоньня якъ кашлянула, такъ персьтень и выплюнула. Ёнъ бывъ котокъ, персьтень ухапивъ, да за вокно, и зьдѣлався молойцомъ. Сѣвъ на добраго коня, да драло. Ина прошнулась, да за имъ у здогонъ. По поясъ у 'гняну ряку̀ ускочила. «А говорить, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ узявъ?»—Узявъ!—«Настасю Прикрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная ўзвъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо у госьти»?—Буду!

Ну, привязли и отдали персьтень тэй, и стали пить, гулять, весялитца. Пили, гуляли, весялилися. «Штожъ, говорить: жанитца надо!» ёнъ загадуетъ. Ну яна отвѣщаетъ: „штожъ жанитца?—нѣту моихъ свячей винчалныхъ, што мать моя винчалася!" Ну, панъ стребувавъ Кашевара добраго молодца, и отвѣтивъ, кабъ свѣчи доставивъ винчалныя. Тогды ёнъ вышавъ къ коню и заплакавъ. „Што ты плачешъ?"—Панъ сказавъ свѣчи винчалныя доставить!—„Ну, ето дѣло, не дѣло—садись, поѣдемъ!» Ёнъ засѣдлавъ яго и поѣхали. Опять у садъ и спусьтились. Тогды ёнъ у сади походивъ. Тамъ у сади цэрьква, яе кельня, тамъ пастушокъ за садомъ. Ёнъ къ яму, сычасъ одежу у яго перядѣвъ, и кошалёкъ узявъ, а яму свою отдавъ. Тогды конь яму̀ сказуетъ: я скинуся барашкомъ! И ўзвъ, и скинувся барашкомъ: золотая шарсьтинка, сярябрана, золотэй копытикъ, сярэбраный копытикъ, золотэй рожокъ, сярэбраный рожокъ. И походжують

сабѣ тамъ коло цэрьквы. Якъ повѐрнетца, даъ бочокъ ажно зьяеть. Тогды рабяты услыхали: ай, говорють: што ето за штука такая! И уси вонъ изъ цэрьквы, уси до дного. Ну отъ, уси съ цэрьквы выскочили, баба тая выскочила, и уси. А ёнъ сычасъ ускочивъ, свѣчи ухапивъ, да сычасъ у кошалёкъ. Сычасъ идеть барыня. «Барыня, я твой пастушокъ!»—Пожалуста, говорить, поймай мнѣ яго! Ёнъ яго подманіить: барашка, барашка, барашка, барашка! Ды за имъ дальшы идеть. Дальшы отступили,—бывъ барашка, ставъ лошадемъ. Ёнъ тогды хопъ на яго да и нѣту. Баба вѣдьма на ступу, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ заметаеть, ды ў здогонъ. По груди у вогнянаю ряку ускочила. «Што, Кашеваръ да добрый молодецъ: одинадцать дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Ну, тяперъ привязли, отдавъ ёнъ свѣчи. Стали пить, гулять, весялитца. «Ну, будемъ жанитца?»—Нема, говорить, моихъ гуслявъ саноплясныхъ, што моей матцы свадьбу играли! Ёнъ зоветь Кашевара и отвѣщаеть, кабъ доставивъ гусьли саноплясныя. Пошовъ ёнъ къ коню и заплакавъ. «Ну, каеть, не плачь, поѣдемъ! Тольки гляди! лежать яны у скрыни; гляди жъ, говорить, якъ будешъ брать, да сядишъ на лошадь, дакъ кабъ слѣдъ у слѣдъ ступавъ. А ня будешъ слѣдъ у слѣдъ ступать, дакъ яны, говорить, зайграють, яна тябе поймаеть и стратить!» Ну, сѣвъ ёнъ на добраго коня и поѣхали. И 'пусьтилися туды, ў садъ. Скинувся котомъ, скинувся котикомъ, и прямо у 'кошко. Ну, яна ўвидала, сичасъ на рўки узяла, голубить стала. На койцы и спать сь имъ легла. Ина заснула богатырськимъ сномъ, а ёнъ не спавъ; сычасъ ключики съ подъ подушки узявъ, скрыню отомкнувъ и гусьли саноплясныя узявъ, и слѣдъ у слѣдъ ладивъ. Бывъ котомъ, здѣлався молойцомъ, сѣвъ на свойго добраго лошадя, застучѣвъ коло вокна. Ина прошнулася, сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, да ў здогонъ. По пахи у огняпну рякў ускочила. „Ну, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ зьвёвъ?"—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй ўзявъ?»—Узявъ!—„Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли саноплясныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Привёзъ ёнъ гусьли, отдавъ. Стали яны пить, гулять, весялитца, у гусьли саноплясныя играть. Тутъ бида такая, што... Гульбища подняли! Пьють, гуляють, веселятца. Тоды панъ: ну, будемъ жанитца!—Якъ жа намъ жанитца, коли нѣту, говорить, тыхъ лошадей, што моя мать къ вянцу ѣздила! Требуеть панъ Кашевара добраго молодца. „Ну, говорить Кашеваръ добрый молодецъ! не доставишъ коней, будеть табѣ топоръ да

плаха, да смярётная рубаха!“. Заплакавъ ёнъ, пошовъ къ коню. Конь яму отвѣщаетъ: «бяри ты три пуды пяньки, три пуды смолы и три кожи, и усмаляй мяне и укручай, кабъ мяне кобылица ня спортила, мать. „И бяри, говоритъ, съ собой булаву свою и би мяне, говоритъ, не жалѣй!“ Ахъ, конь мой! говоритъ: якъ жа мнѣ тябе битъ, што ты мяне такъ вызволяешъ?—«Ну, говоритъ: нужды нѣтъ, а би мяне, говоритъ, якъ сила твоя!» А яна значитца, кобыла, отъ батьки отъ яго знова къ вѣдьми досталася, и тыхъ усихъ позворотила, што у рѣку побросавъ. Ну, ёнъ узявъ три пуды пяньки, три пуды смолы, укрутивъ яго, обсмоливъ, поклавъ на яго сяделцо чаркесьская, войлоки—бухарочки, сѣвъ и поѣхавъ. Прискочили къ конюшни. Якъ почавъ ёнъ яго битъ тамъ, якъ ставъ ёнъ вищѣтъ, ирзатъ!.. Ну, якъ учула кобылица, якъ стала двери ломатъ у конюшняхъ, да якъ выскочила, якъ шарпнула, дакъ рядъ смолы, рядъ пяньки и кожу вырвала, стащила. Тогды другей разъ якъ шарпнула—ще рядъ пяньки, рядъ смолы и кожу доловъ! Третьтій разъ тольки хотѣла,—а ёнъ хлопъ на *яе*, и ускочивъ Кашеваръ добрый молодецъ, и давай *ее* булавой битъ. Яна й полятѣла. Двери поразломали уси, и жерябцы за ёй. Баба вѣдьма учула, сѣла у ступу и у здогонъ. Якъ лятѣла, по шыю у вогняну ряку! «Ахъ, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ: одинанцатъ дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—„Настасю Прикрасю узявъ?“—Узявъ!—«Платьтя винчальная узявъ?»—Узявъ!—«Перстень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчальныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли санаплясныя узявъ?»—Узявъ!—«Лошадей моихъ винчальныхъ узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо?»—Нѣ, чортъ къ табѣ нехай будетъ! И поѣхавъ на кобылицы.

Привёвъ кобылицу, панъ и выходитъ—и радъ, якъ ни съ чаго. Сичасъ и свадьба будетъ, усё подоставлявъ! думаетъ. Кобылу сичасъ на конюшню, а конь Кашевара добраго молойца стоитъ сярёдъ двора. Ну, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ! ступай на кухню, зъ дороги, говоритъ, отдыхни!

Тольки ёнъ ступивъ на кухню, а кухарѝ сычасъ за яго—голову на колодку, отрубили, и порубили усяго на дробныя штуки, и у котёлъ, у молоцэ изварили, и узяли, собакамъ оддали. Ну, собаки й поѣли. Тогды конь стоитъ на днымъ мѣсьти; никуды ня йдетъ. А яны пъютъ, гуляютъ. Скольки яны тамъ пили, гуляли, и весялились, и стало ёй, Настаси Привокраси, скушно. Зирнула у вокно, убачила етаго коня, и выходитъ къ яму, къ коню, и спрашіетъ у яго: „што, говоритъ, конь мой! што ты говоритъ, сосмутився, стоишъ?» У яго слёзы посыпались, у лошадя, якъ бобъ, изъ глазъ. Ина говоритъ: «ахъ, Господи, говоритъ: скольки страждавъ, и тяперь ничого ня пъешъ, не яси!“ Узила платокъ, и стала яму слёзы вытиратъ. Обтираетъ лошадю слёзы и яна слязмы дужа залилась. И лошадь у яе спра-

шіеть: коли ты яго жалѣешъ, вѣрно яму присягала, иди, говорить, приняси мнѣ уси косточки, собяри мнѣ и положи передо мною! Ина пошла собирать еты косточки, по углохъ, по сметьнищахъ, по полю—собрала уси, однаго палца мѣзиннаго неха. «Иди, говорить, шукай!» Ина пошла, найшла той палецъ, принесла и положила тамъ перядъ имъ, перядъ лошадьдю. Лошадь разъ дыхнувъ,—ёнъ соснувався, другѣй разъ дыхнувъ—зашаволився, третьтій разъ якъ дыхнувъ—дакъ ёнъ ускочивъ. «Охъ, говорить: заснувъ жа я богатырськимъ сномъ крѣпко!»—Нѣ, говорить: тябе страчено было! И ёнъ то бывъ пригожъ, а то ще попригожѣвъ—дужа красивъ ставъ: што ни ў казцы сказать, и ни въ умѣ показать. Тяперь яна узяла, обняла яго, поцаловалися, и повяла у комлаты. И стали пить, гулять, весялитца. Ну ёнъ, тэй панъ, якъ убачивъ, што ёнъ дужа красивъ ставъ, такъ сичасъ бросився на кухню и сичасъ на кухарей закричавъ: рубитя, говорить, мяне на мелкія штуки, сичасъ у котёлъ укиньтя! Ну, узяли, порубили, у молоцэ зварили, собакамъ оддали. Собаки и поѣли. И пропавъ умѣсто собаки. А Кашеваръ изь ѐй у тымъ имѣньни и остався. И живеть. И я тамъ бывъ. Да што жъ, коли мнѣ ничого не попало!—Мёдъвино давали, правды.

Высоковская вол. орш. у. Отъ кр-на Якова Игнатова, 76 л. негр.

40. Настася Прикрася.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви, жывъ сабѣ царь, и ў яго были два сыновьй. Вотъ сыны етыя просють у вотца благословенія ѣхыть у сьвѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Яны якъ поѣхыли у сьвѣтъ, дыкъ ѣзьдють семъ лѣтъ, ящо и тяперь ихъ нѣтъ. Вотъ на сёмая лѣто народився у яго ящо сынокъ. И ни расьтѣть ёнъ по годахъ, да расьтеть ёнъ по чысахъ, ни по чысахъ, да по минутахъ. И етый задумавъ сабѣ ѣхыть у сьвѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Отъ ёнъ сѣдючы ли вокна задумався, а бабка идеть ды й спрашыить у яго: Иванъ, говорить: я знаю, говорить, твоѐ мысьли, объ чомъ ты думишъ! Ёнъ усердився на яѐ: якъ можыть хто знать моѐ мысьли, объ чомъ я думую! Отъ ёнъ ету бабку, выскочывъ, догнавъ, да по потылицы разы съ три задѣвъ. Ета бабка заплакувшы ды й пошла. Ёнъ назадъ вярнувся у комнату, сѣвъ и раздумувся: што за што я ету бабушку разобидивъ? Пойду, пирипрошу ету бабушку! Сычасъ забѣгъ и ставъ просить ету бабушку: што просьти мнѣ, бабушка, ето, што я тябе разобидивъ! Скажы мнѣ: объ чомъ ты моѐ мысьли знаишъ, што я думую?—А ты думаишъ жанитца!.. Тольки, у мяне ни спросёмшысь, ня жэнисься! —Ну якъ жа, бабушка, ты мнѣ совѣтъ прикладешъ?—Ёсь у

городи Слиснищи и пасеть пастухъ лошадей на смятьнищи. Ежыли табѣ батюшка тую лошадь покупаить, ты можашъ на ёй ѣхыть жанитца!.. Ёнъ сычасъ просить свойго батюшку: што я хочу у сьвѣтъ ѣхыть, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка! И поижжайтя, батюшка, у городъ Слиснища, и покупайтя мнѣ тую лошадь, што тамъ пасѐть пастухъ на смятьнищи!—Батюшка сычасъ поѣхувъ у городъ Слиснища. Ажно етый пастухъ пасѐть лошадей на смятьнищи. Ёнъ спрашыить: што табѣ, пустушокъ, за ету лошадь? А ёнъ отвищаить: сто рублей! А ёнъ яму отвищаить: я за яѐ трёхъ копѣикъ ни дамъ, ни то сто рублей, за ету лошадь. И пріижжаить домой узадъ. Сынъ спрашыить: папинька, ти купили мнѣ лошадь? А ёнъ отвищаить: што ина дорогà, ина ня стоить тые цэны у треть доли! А ёнъ отвищаить: што, батюшка, какъ хотитя, —нятмѣнно купитя мнѣ ету лошадь. Батюшка ни хотѣвъ яго сердить, опять поѣхувъ. Узновъ спрашыить: што табѣ за ету лошадь?—«Двѣсьтя рублей!» Поглядѣвъ, поглядѣвъ, што ина ня стоить, ёнъ опять ня купивъ етыя лошади. Узновъ пріѣхувъ бязъ лошади. Ёнъ спрашыить: што папинька, покупили вы мнѣ лошадь, ти нѣ?—Нѣ, говорить, сынокъ: ина дòрога, ина ня стоить етый цанỳ и треть дажы. Ёнъ яму у ноги поклонився: батюшка, говорить, мой родимый: штò скажыть, тò платитя, ни жалѣйтя деникъ, тольки купитя мнѣ ету лошадь. Ёнъ у третьтій разъ поѣхывъ куплять. Ёнъ у третьтій разъ пріѣхывъ и спрашыить: што табѣ за ету лошадь?—«Триста рублей!» Ёнъ узявъ, триста рублей выкинувъ, а лошадь узявъ. Отъ ёнъ приводить ямỳ ету лошадь, и ёнъ поклонився яму у ноги за ету лошадь, и прòсить благословенія у батюшки: благословитя мяне, батюшка,—хочу я у сьвѣтъ ѣхыть, шукать сабѣ подруги, а вамъ дорогого подарка. Батюшка яго благословивъ, ёнъ и поѣхывъ на своей лошади. Выѣхывъ тольки зъ города, дыкъ лошадь сильно устала. Отъ ёнъ, лошадь, отвищаить яму чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ, пусьти мяне позною росою походить, а ранною выкачатца!» Ёнъ яе пусьтивъ. Ина позною росой походила, ранною выкачалась. Ёнъ ураньни уставъ, свиснувъ, лятить яму лошадь яго,—вотъ лошадь лятить, ажъ зямелюшка ўся подъ ёй дрыжыть. Нука, Иванъ, говорить: садись на мяне, да дяржысь покрѣпчы за мяне. И якъ тябе несьть: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы òблокъ ходячыхъ? Ёнъ каить: няси мяне вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднилà ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидавъ домъ. И кругомъ етаго дому, парканъ хорошый обгорòджанъ, и стовпъ поставлинъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискòчыть и къ кольцу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю ўзять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ:

здраствуй, бабка! Тамъ бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ ету лошадь у яе на конюшни кинувъ, а яе получывъ сабѣ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, нѣсьти: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болокъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣса стоячаго! Якъ поднила ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ другій домъ. Увидивъ другій домъ, и пусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ стовпу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлату ускочывъ, и ногой топнувъ: здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ и ету лошадь поставивъ на конюшни, а тую яе получывъ узновъ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить, тожъ чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, несьти: ти вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болакъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднила яна яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ третьтій домъ. Увидивъ третьтій домъ и спусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ кольцу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадв привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ—здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жила. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Ёнъ свою лошадь оставивъ на конюшни, а яе узявъ. Якъ поднявся вышы лѣсу, такъ увидивъ, што стоить домъ золотэй. Отъ ёнъ подъижжаить подъ етый домъ, къ кольцу лошадь привизавъ, и спудитца у комнаты итить. Лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ! ты, говорить, ни спросёмшысь у мяне, ни кидайся! А иди, говорить, управо бярися, якъ ня можно, управо: одинанцать комлатъ пярейдишъ, а у двинанцатой ина булить спать. Дакъ ключы забирай у ёй поскорѣй!»

Отъ ёнъ пошолъ, ходивъ, ходивъ—ни найшовъ яе нійдѣ. Опять при-

ходить къ лошади: нима, говорить, нiйдѣ!—«А забирай управо, ўсё управо!» Ёнъ ходивъ, ходивъ, нашовъ. Бѣлъ сьнѣгъ, милъ сьвѣтъ, ну красивѣй яе у сьвѣти нѣтъ. Ина уснула богатырськимъ сномъ. Ёнъ забравъ подарки тамъ якiя, и ключы забравъ. Ина крѣпко уснула богатырськимъ сномъ, и ёнъ грѣхъ зь ёй помѣвъ, ина и ни чула. Ёнъ приходить къ лошади. А лошадь и ўвознала. Лошадь отвищаить: «эй, Иванъ, говорить: глупо зьдѣлавъ, говорить: полизай у ряку обмавайся!» Ёнъ полѣзъ. Мывся, мывся, сѣвъ на яе,—«нѣтъ, тяжолъ, полизай обмазайся у другей разъ!» Ёнъ мывся, мывся, сѣвъ на яе—нѣтъ, тяжолъ!—Иди, ще мыйся. Ёнъ пошовъ, помывся. А ключами, што ў яе узявъ, яны каминныя конюшни позамкнули. Отъ ёнъ, каминныя конюшни позамкнувшы, и сѣвъ, на ету свою лошадь. Лошадь якъ тисканувъ, лошадь якъ прыгнула церизъ етый парканъ, такъ кольцо чирканувъ копытомъ. Якъ чирканула ета лошадь кольцо, ина очнулася и узнала—што бывъ госьть у яе и грѣхъ помѣвъ. «Бывъ госьть, да ни увыйдѣшъ!» говорить. Ина сычасъ крикныла: быгатыри, подать лошадей! Отъ ёнъ покамисьть замки пулумавъ, да каминныя конюшни пулумавъ, лошадей подостававъ, а ёнъ ужэ троху проскочывъ. Тольки чўстуить ета лошадь подъ имъ, што ина натискуить. Ета лошадь отвищаить: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! А ў бабы волосъ дѐвигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и видила, якь ёнъ шаволився коло етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дадина, и написано: хто можыть етаго дуба ссѣчъ и зрубать, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ, рубать и палить, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, первой: дай, говорить, бабушка, дай мою лошадь, говорить, а на твою! Ина яму отвищаить:—сядь ка, говорить, попи, поѣжъ! Ёнъ говорить: неколя, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ, да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискочыла къ етый баби: старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мой ясй, а ня можашъ злочынца поймать сѣдючы туть?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гнàлася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню, посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискавать яго. Узновъ жа также лошадь отвищаить: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить и спалить, тэй можыть злочынца поймать! А ў бабы волосъ дѐвигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и видала, якъ ёнъ шаволився ли етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дадина и написано: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ,

рубать и палить, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, уторой: дай, говорить, бабушка, дай мою лошадь, говорить, а на̀ твою! Ина яму отвищаить: сядь ка, говорить, попи, поѣжъ! Ёнъ говорить: неколи, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискòчыла къ етый баби: старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мои яси, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискавать яго. Узновъ жа лошадь отвищаить: Иванъ, пиши на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Ёнъ написавъ и поѣхывъ. Пріижжаить къ третьтій старуси. Тая дала яму попить, поѣсьть; а ина услѣдъ усё. Попивъ ёнъ, поѣвъ, узявъ свою лошадь и поѣхывъ: ты, говорить, тяперь и на своей лошади увойдёшъ! Отъ, ёнъ сѣвъ на свою лошадь и помаленьку поѣхывъ ужо. Ина прискàкыить къ третьтій старуси. Старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мой яси, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! И опять за имъ у догонъ. Отъ ёнъ видить, што ина ни далёко наижжаить, отъ ёнъ шапку знявъ и отвищаить ей: прощай, Прикрасная Настася! якъ табѣ у поли вѣтра ни поймать, такъ табѣ мяне ни поймать! А самъ шарахъ подъ нибиса на своей лошади! А ина яму отвищаить тольки: што жджи жъ ты мяне чирязъ годъ съ рябёнкымъ! и варнулася назадъ.

Отъ ёнъ, скольки ёнъ ўремя проѣхывъ, стомився, и на низъ опусьтився. И ляжыть каминь огромный дужа, што хоромины ў три али ў чатыри каминь. Отъ ёнъ сичасъ на каминь головў поклавъ и лёгъ оддыхать. И заснувъ быгатырськимъ сномъ; а конь ли яго стоить. А яго тыхъ два брата ѣзьдили, ѣзьдили и воротилися назадъ. И пупали яго на камни на етумъ. Отъ яны давай искать, нашли у иго дорогей подарыкъ, и бялетъ нашли, узнали, што ето братъ ихъ рòдный. Удругъ одинъ говорить: ну што, братъ: мы яго загубимъ! Якъ намъ ѣхыть къ отцу,—што мы ѣзьдили семъ лѣтъ и ничого ни вязёмъ, ну ёнъ семъ лѣтъ, акъ родився и такія подарки у яго есьть!—А другій говорить: нѣ, говорить, жалко, говорить, свое крывѝ губить, а мы луччы етый каминь подымимъ, а подъ имъ продоньница на тэй сьвѣтъ! Нехай туды идеть! Жывъ будить, нихай зъ Вогомъ жыветь, я забьетца, Богъ сабѣ тамъ изь имъ! Ну, яны каминь подьняли, и ўкинули яго у продоньницу. Подарки забрали, а лошадь не далася. Отъ ёнъ туды звалився и ня чуствувавъ—тамотьки ще спавъ.

Прошнувсь ёнъ, сичасъ яму пить захотѣлось. И пошовъ ёнъ шукать:— разьви тутъ людей нима? идѣ нѣбудь да найду водицы попить, говорить. Якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить— хатку нашовъ. Ёнъ заходить у ету хатку, ажну тамъ старуха. Ёнъ уходить у хатку: здраствуй, бабушка! А яна отвищаить:—здраствуй, молодицъ. —Подай ты мнѣ, бабушка, водицы попить!—Нѣ, говорить, молодѣцъ: поѣсьть дамъ, а водицы нѣ!—Объ чимъ жа такъ, говорить, бабка?—А вотъ, царськыю дочъ зьмѣю объ двинанцати гылывахъ на ву̊жанъ привязуть, ёнъ яе зьѣсьть, тады отомкнеть усѣ ключы, пусьтить усю воду̊. А тяперь позамкнувъ усюдахъ воду—ни дасть нiйдѣ никому! А ёнъ у яе спрашыить: бабушка, говорить: а куды жъ яе привязуть, ету царевну? А вотъ къ морю, говорить къ тому и тому беригу, тоя и тоя мѣсто! говорить. Отъ ёнъ сычасъ и отправився, стый Иванъ, къ тому мѣсту. И сѣвъ тамъ за кустомъ нѣйди. Сычасъ цыганъ привёзъ царевну; отпрёгшы лошадей, царевну у повозцы кинувъ, а самъ лошадей забравъ, да у̊ лѣсъ. Да й узлѣзъ на зялёнаго дуба—ужо глядѣть, якъ будить стый зьмѣй ету царевну ѣсьть. А стый Иванъ подходить къ ёй. Ина сичасъ убачыла, заплакала, ета царевна: што пущай жа я, говорить, по няволи сюды привёзина, а ты, добрый молодѣцъ, чаго сюды зайшовъ: ти по хоти ти по няволи?—Я самъ, говорить, ни знаю—ли я по хоти, ли по няволи!—потому ёнъ сонный бывъ. Ну, мяне, говорить, зьмѣй зьѣсьть, ёнъ и тябе зьѣсьть! А ёнъ отвищаить: моить, подавитца! говорить. Натка ты у мяне, говорить, у головахъ пойщи малосьть! Ина стала йскать, и отдала яму своё кольцо имяннόя. А ёнъ говорить: ногды я у тябе на колѣнкахъ засну, а ёнъ прибудить, дыкъ ты мяне узбудить ня у̊збу̊дишъ, а колни мяне палцомъ у воко! Вотъ ёнъ и заснувъ у яе на колѣнкахъ. Ина видить, што моря волнуитца, зъ моря узымаитца ужо нячыстая сила, дакъ ина заплакыла. Слиза у яе капнула яму на щаку. Ёнъ здрыгнувся, ажъ зимля сколыхнулыся подъ имъ: якъ ты мяне, говорить, обжигнула! Отъ ёнъ сычасъ оявляитца. «О, говорить: коли по дномъ присалавъ, а то разомъ двохъ! Будить чымъ повячэрять! «А Иванъ говорить: ето нязвѣстно, говорить: можа й одного ни зьяси, подависься! говорить. А ти ты Иванъ?—Я!—Ну, што жъ: ти пришовъ битца, ай миритца?—Нѣ, нячыстая сила: пришовъ я битца съ тобой! И стали воюватца: ёнъ яму шэсь головъ знявъ зъ разу, 'пять узновъ размахнулися—ёнъ ящо шэсь знявъ. Тады повырвавъ у яго у̊си дванапцать языковъ изъ головъ, и къ повозцы якъ ударить, дыкъ яны и прирастутца, уляпивъ усихъ дванапцать у повозку. И пошлό воды усюдахъ достатошно. Тады сказыить: ну, прощай, сударыня, покамись мы съ тобой побачымся! Ёнъ отправився къ етый старуси, а цыганъ зьлѣзъ зь зялёнаго дуба и запрёгъ лошадей и

ўвозить царевну у лѣсъ. И ванимаить ножъ и говорить: присягни, што я тябе ритувавъ отъ зьмѣя и будишъ мнѣ жана; а ни присягнешъ, дакъ я тябе усё ровно загублю тутъ! У страха вочы вялики, ина комъ зямли зьѣла пирядъ имъ,—што смерть конёшня усякому страшна. Ну, и отправились яны ужо къ батьку. Царь якъ увидавъ, што ёнъ яѐ вязеть, дыкъ ёнъ ни знавъ, куды етаго цыгана принимать, якъ яго благотворить. А я, говорить, ничого ни жалаю, я хочу зъ вашай дочарью одружытца, ли того, што я иѐ спасъ! Отъ, царь спрашыить: якъ жа ты яго, говорить, забивъ? А ёнъ отвищаить: узьлѣзъ на зялёнаго дуба, якъ пусьтивъ зъ дуба сякирдю, дакъ отразу двананцать головъ сьсѣкъ! Отъ ёнъ сычасъ, ня довго думаючы, ужо свадьбу гулять.

А Иванъ етый ужо дыгадався, што у ихъ свадьба, говорить: пойду-тка я къ вашаму царю на свадьбу! Отъ, идеть ёнъ по вулицы, ажъ дѣти зьдѣлыли скрипучку ти зъ лучынки, ти сь чаго тамъ, и обронили. Вотъ, говорить: што къ свадьби треба, то я й нашовъ! Отъ ёнъ приходить къ царю, ажъ тамъ пулкувая музука ужэ рѣжыть. Господа музуканты, говорить: ти ни позволитя мнѣ поиграть? А царь говорить, видить, што ня зьдѣшный чаловѣкъ: мы бъ и рады, колибъ хто поигравъ! говорить. Отъ, сыйчасъ ёнъ якъ зайгравъ, дакъ скольки тамъ було музукантувъ, нихто проти тыя музыки ни поправитца, якъ ёнъ у тую скрипучку зайгравъ—су̀проти яго. Отвищаить царь яму: што ты жалаишъ изь мяне свадьбу мнѣ саграть етыкъ?—А ёнъ отвищаить: ничаго ни жалаю, только 'тъ вашый дочари стаканъ вина выпить! Ну, ёнъ сычасъ и посалаить дочъ, кабь ина вынисла стаканъ вина. А цыганъ ужо сядить изь ей и ни пускаить—ой, говорить: ты тяперь много пругожыхъ найдишъ, да молодыхъ! Ина сычасъ высалаить дѣвкой стаканъ вина. Отъ ёнъ стаканъ вина выпивъ, а кольцо имяннdя зьдѣвъ, да ў стаканъ тихынько, кабь дѣвка тая ня видила: няси, говорить, и пиридъ царевной поставъ стаканъ етый! Ина поставила пиридъ царевной стаканъ етый, а царевна якъ зирнула—яе кольцо имяннdя у стакани. Вотъ ина говорить: батюшка мой родимый: ня ёнъ мяне ритувавъ, етый цыганъ, а тэй, што играить у ету скрипучку. А етый ужо цыганъ отвищаить: да, ина тяперь хорошыхъ и пругожыхъ и много найдить. Вотъ Ивана гукнули. Ёнъ у цыгана спрашыить: а ёсь жа у тябе примѣта, когда ты ритувавъ?—А якъ жа, говорить: ёсь у мяне, говорить, двананцать языковъ у повозцы улѣплино! Да!—Ну, когда жъ ты ихъ ляпивъ, попробуй ты ихъ и вырвать. Ёнъ ирвавъ, ирвавъ, ничого ня зьдѣлавъ! Ёнъ тогды крикнувъ: подайти-тка клящей! И клёщами ня вырвавъ, ниякъ ничого ня зьдѣлавъ. Отъ ёнъ, Иванъ етый, якъ хватить языкъ да яму у морду!—обвѣсивъ цыгана етаго якъ чысами, усяго чысто. Такъ сычасъ яго царь узявъ, къ коньскому хвосту при ви

завъ и пусьтивъ у чыстая пӧля, цыгана. А на Ивана на етаго говорить: Иванъ, говорить, я хочу тябе съ своей дочкую одружыть! говорить. А ёнъ отвищаить: я, говорить, ужо одружӧнъ, мнѣ нильзя! Вотъ ина на совѣтъ къ сабѣ яго гукнула. «Ну, ня хочышъ жа ты, Иванъ, со мной дружытца, што жъ ты, говорить, жалаишъ?"—А я, говорить, што жалаю: штобъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Вотъ ина яму отвищаить:—я табѣ совѣтъ, говорить, прикладу! Ёсьть у мойго батьки козёлъ трирогій, што на тэй сьвѣтъ литаить. И скуй двинанцать прутовъ жалѣзныхъ по двинанцать пудовъ, и штобъ мой батюшка ня вѣдывъ. И якъ сядишъ на етыго козла, дыкъ би яго мижъ вушэй. Одинанцать прутовъ собъёшъ, а двинанцатый прутъ якъ остӑнитца, дакъ саджанй, штобъ скрозь рёбры проскочывъ! Дакъ ёнъ тябе на тэй сьвѣтъ вынисить. Отъ, царь спрашыить: ну, Иванъ, говорить: скажы мнѣ: што ты за свою службу жалаишъ, што ты ня хочышъ зъ моей дочарью одружытца?—А вотъ, ничого ни жалаю, тольки, говорить, жалаю, кабъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Ну, говорить: ни ли кӧго бъ я такой службы ни сослужывъ, ну якъ ты ли мяне служывъ, то и я ли тябе сослужу. Отъ ёнъ скувавъ дванацать прутовъ жалѣзныхъ по дванацать пудовъ, сѣвъ на козла и поѣхывъ. И потуль бивъ мижъ вушъ, покуль зьбивъ одинанцать прутовъ, а дванацатымъ якъ саджанўвъ, дакъ ёнъ якъ давъ рогами у тэй каминь, дыкъ каминь у гору поднявся. Яны выскочыли—ёнъ соскочывъ, а козёлъ опять назадъ загримѣвъ туды.

Лошадь яго ужо стощала, стоючы. Потому скоро ето кажытца, да ня скоро дѣитца,—можа ето и дӧвгая уремя дѣилося. «Я ўжо, говорить, тябе ждӑла, ждӑла, ды ўжо и жданочки поѣла ждўчы! Ну, говорить: пусьти-ка мяне позною росою походить, а ранною выкачатца». Отъ ёнъ яе пусьтивъ. Ина позной росой походила, ранной выкачалась. Ёнъ ураньни уставъ, свиснувъ!—лятить яму лошадь яго, ажъ зямѐлюшка ўся подъ ей дрыжыть. «Ну, говорить: садись на мяне поляхчэй, да дяржысь покряпчэй! И якъ тябе несьть: вышы лѣсу стоячыго, ти вышы бӧлокъ ходячыхъ?»—Няси мяне вышы лѣсу стоячыго! Ёнъ поднявся вышы лѣсу стоячыго, и понёсъ, покамись ёнъ свой домъ увидивъ ойцовськiй. Опусьтився ёнъ на низъ, а лошадь свою пусьтивъ у заповѣдныя луги, хорошыя.

А йна ўжэ, Прикрасная Настася, выстроила дворъ у пятьдисятъ вёрстъ отъ батькинаго двора, и зылотая мосьница да сяребриная, зылотэй слупъ ды сяребриный.

Ёнъ сичасъ приходить бизъ ничагӧ! Батька усердився, што тыя сыны дорогѐя подарки привязьли, а ёнъ ѣзьдивъ, ѣзьдивъ, и ничого ни привёзъ,—и сычасъ яго у тямницу запёръ.

А ина ужо увознала, што ёнъ узворотився къ отцу. Сычасъ письмо

преть, кабъ Иванъ бывъ икъ ёй. Удругъ бо̀льшый братъ говорить: «батюшка, ето за мной шлеть!» Одѣвся хорошо и поѣхывъ. Только ёнъ ѣдить къ ёй, а сынокъ яе выскочывъ и говорить: мама, говорить: батюшка ѣдить!—Нѣ, говорить, ни батюшка, а дядюшка ѣдить! Вотъ ёнъ прилятѣвъ: здраствуй, говорить, сударыня!—А здраствуй, говорить, шурьякъ! Ну, што жа ты пріѣхывъ ко мнѣ?—А я пріѣхывъ съ тобой одружытца! —Ну, говорить, быгатыри: одружытя иго, кабъ только мякинькыго пысадить ны коня!... Отъ, якъ дали, дакъ чуть жыво̀го уссадили ны коня. Ды по коню, и прогнали.

Такъ удругъ ина письмо и преть: кабъ бывъ Иванъ икъ ёй. Сяредьній братъ говорить: ето ина за мной шлеть! Одѣвся и поѣхывъ. Сынокъ яе выскочывъ, увидивъ яго и говорить: батюшка ѣдить!—А ина отвищаить: нѣ, говорить,—ни батюшка, дядюшка ѣдить!—Вотъ ёнъ прилятѣвъ: здраствуй, сударыня!—Здраствуй, здраствуй, шурьякъ! Што жъ ты ко мнѣ пріѣхывъ?—А я пріѣхывъ, одружытца съ тобой!—Ну, быгатыри, говорить: одружытя и етыго! Отъ яны якъ уздали яму, дыкъ чуть жывого ны коня уссадили. И прогнали.

Тады ина преть третьтія письмо. Во̀ батька выпусьтивъ ужо яго изъ тямницы. Ёнъ вышавъ, свиснувъ быгатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ,—конь бяжыть, ажъ зимля дрыжыть. Сѣвъ на свою добрую лошадь, якъ поѣхывъ по етуму ну мосту, дыкъ етый мостъ,—якъ вырони пы поднебисью съ пыдъ копыто̀въ лятить!.. Вотъ сынокъ увидивъ: мама, чортъ ѣдить!—Нѣ, сынокъ,—ето батюшка ѣдить!

Вотъ сынъ якъ побѣхъ, якъ лятѣвъ, якъ хвативъ—стримяно̀ пупуламъ разлума̀въ, и коня зьдѐржывъ. Батька схвативъ яго къ сабѣ на ру̀ки, и прискочывъ къ ей, и плетьтю яе сикапувъ разъ: «здраствуй, сударыня! говорить: ня етыкъ дѣлыють, што пусьтила малыго рябёнка,—нямного ня у̀бивъ!» Поздоровкылися, обнилися и пуцулувалися. И тяперь жывуть у етымъ дворцы.

Старосельская вол. мстисл. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

41. Иванъ и Настася.

Нѣу̀которомъ царстьви, нѣу̀которомъ государстьви, ну ни у̀ томъ, у которомъ мы жывёмъ, было у царя три сыны,—два разумныхъ, а третьтій дурачокъ. Тяперь, была Настася [царевна, чырязъ три царствы у чатьвёртомъ. И у̀ яе бывъ садъ, и у̀ томъ сади разныя яблоки. Тяперитька царь послався свойго большаго сына, разумнѣйшаго, къ ёй за яблоками. Тяперитька ѣдить ёнъ по дороги. И пріѣхавъ значытца къ камяню—ляжыть каминь, а отъ того каминя три дороги. И на камяни лита-

ры написаны: одной дорогой ѣхать—дакъ разбойники забъють, а другою дорогою поѣхать, зварьё зъѣсьть, а третьтію дорогою поѣхавшы, коню будить што ѣсьть, а самому нѐчаго. Ну, ёнъ тяперь назадъ и вярнувся дома. Тяперь другого сына послав. Тожа й тэй такъ. Къ тому камню пріѣхавъ—побывъ, побывъ, прочытавъ,—и тэй вярнувся. Тяперь дуракъ давай попросився: пусьти мяне, татъ! Ёнъ яго унимать: куды ты, дуракъ, говорить, поѣдишъ? Коли разумнѣйшыя вярнулись, а то ты поѣдишъ. Ну, ёнъ давай проситца, давай проситца,—батька и пусьтивъ—и лошадя давъ, и пусьтивъ. Тяперитька ёнъ пріѣхавъ къ тому камяню, къ писаному, пирачытавъ тую натпись и отважывся: поѣхавъ тэю дорогой, адѣ написано, што коню будить што ѣсьть, а самому нечаго.

Ѣдить ёнъ одны судки—пиряѣхавъ одно царство. Стоить хатка на куриной нозцы; а ў тэй хатцы Баба-Ига косьтиная нога. Отъ ёнъ попросився на ночъ, ина пусьтила; ‘благотворила и коня пиримянила. Дала яму̀ ступу—ёнъ на ступи ѣдить, кочарьгой погоняить, помяломъ слѣдъ замитаить, кабъ и слѣду ни знатно було̀. Сѣвъ ёнъ на ступу и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, изновъ судки проѣхавъ—стоить хатка на куриной нозцы. У тэй хатцы другая Баба-Ига. Пусьтила яго на ночъ, ублаготворила, тую узила ступу, а свою дала. Поѣхавъ ёнъ дальшы. Изно̀ватька судки ѣхавъ. Усё до Настаси тэй добираитца. Стоить третьтія хатка на куриной нозцы, и тамъ Баба-Ига. Пусьтила ина яго на ночлегъ, ублаготворила, и дала свойго коня. На чатьвёртыя судки пріижжаить ужэ у городъ, у тэй то, адѣ Настасиі царевны садъ.

Пріижжаить у тоя царство къ Настаси, а тамъ ляглй спать на двинанцать судокъ, у томъ царстьви. Ёнъ уѣхавъ—ни воротъ ни шукавъ, нич̀ого, чырязъ крѣпосьть пирилятѣвъ. И ў горницу увыйшовъ, и ня чувъ нихто—спять уси. Тады увыйшовъ у водну горницу—спить дѣвка. Ти ето Настася царевна? Нѣ, ня ето! ето слуга яе,—самъ сабѣ говорить, самъ сабѣ отказуить. Ну, тяперитька, увыйшовъ у другую горницу, и тамъ дѣвка спить. Ти ня ето Настася царевна? Нѣ ня ето, ето яе слуга самая вѣрная—самъ сабѣ отказуить. Тяперь увышовъ у третьтію горницу, адѣ то Настася спить. Ёнъ улюбува̀въ у яе и грѣхъ помѣвъ зь ей. И ина ня чула, ни знала. Тяперитька ёнъ по̀сьли етаго и съ конёмъ у садъ пошовъ. Пошовъ у садъ и нащыпавъ разнахъ, разнахъ, три вузельчыки, три платочки. Нащыпавшы, написавъ ёнъ таблицу у сади: што вотъ такей и такей Иванъ Ивановичъ—царевичъ у яе сади бывъ, яблокъ нащыпавъ, и зъ Настасій съ сонной грѣхъ мѣвъ. Прихо̀дить тяперь къ коню, а конь говорить—нѣ, много ты нагряшывъ, ни могу тябе везьть!—загибли мы ‘боя тутъ,—и ты, и я.—Што жъ дѣлать, конь мой вѣрный? А што жъ дѣлать: иди ў лазьню, гряхи змывай! Потѣй крѣпко у духу.

Ну, тяперь пошовъ ёнъ у лазьню. Мывся, мывся, приходить къ коню, конь говорить: «нѣ, каить, троху змывъ, а найболи осталось. Иди ще змывай, да найболи потомъ штобъ выходило сь тябе!» У другей разъ пославъ яго. Приходить ёнъ другей разъ зъ бани икъ коню, тяперитька лошадь каить: „двѣ доли змывъ гряховъ, а третьтію иди мыйся! Змыишъ, говорить, дыкъ поѣдимъ, а то погибли!" говорить. Пошовъ ёнъ и третьтій разъ. Мывся, мывся, потѣвъ, потѣвъ—приходить зъ лазьни къ коню: «отъ жа, каить: тяперитька змывъ, да ня усё! Тяперь выѣдимъ съ саду, выѣдимъ и зъ городу, тольки однымъ волоскомъ, хвостомъ зачепимъ за крѣпосьть, дыкъ затрясетца городъ и прошнутца уси!" Сѣвъ ёнъ на лошадя, узявъ яблоки и поѣхавъ. Дакъ ёнъ волоскомъ хвостомъ зачапивъ крѣпосьть. Такъ ина уся й заколотилась—и городъ, и крѣпосьть, и садъ —усё. И попрошынались уси: што тутъ такоя? Икая тривога? Бѣгали, бѣгали, и горницы расчиняты и у сади воровство ёсь. Бѣгала ина, бѣгала,—покуль прочытала таблицу тую. Тады кинулась у догонъ за имъ. Бѣгла, бѣгла, ни догнала—тольки крикнула громкимъ голосомъ: Иванъ Ивановичъ—царевичъ! ожыдай мяне на дванапцатый годъ у госьти.

Ну, ёнъ якъ поѣхавъ, минувъ тыя два дворки, што посьли заижжавъ, туды ѣдучы, а у третьтій заѣхавъ, коня того оддавъ, а свойго узявъ и поѣхавъ. Тяперитька прiижжаить у своё царство и захотѣлося яму спать. —Думаить: «никого я тутъ ни боюся, у своёмъ царстьви заспу!» Ёнъ заснувъ и лошадь увыйшла. Тяперитька два браты тыя ѣзьдили по 'хоти. И напали тяперь яго соннаго. И напали, што и яблоки вязеть къ отцу къ свойму. Тяперитька радютца мизь-собку: «што намъ дѣлать изь имъ? што мы ничого ни привязьли, а ёнъ яблоки привёзъ!—будить намъ отъ отца, ёнъ усё царство яму отдась! Нума, каить, яго забъёмъ, а яблоки етыя сами подьнясёмъ, што мы сами достали ихъ!» А другей каить: «нѣ, бить нильзя, и намъ ни помогѐтца; а нума мы вочы выколимъ яму луччы!» Узяли, яму вочы выкололи, и яблоки тыя забрали, и яго кинули. Ёнъ прошнувся—нима ни лошадя, нима ни яблокъ, нима ничого, и ни бачыть ничого.

Тяперича сляпуючы якъ итить, дакъ итить—приходить къ рацэ. Ну тяперь коло ряки попавъ човянъ, [1]) што по водѣ ѣзьдють. Подъ човянъ узявъ да й лёгъ—човянъ опрокинутъ: «хто, хто, придить къ етому човну, нападѐть мяне!» Тяперитька, ляжыть ёнъ и чуить,—троя (нячисьтиковъ) зъ воды вышло, на човянъ сѣли и говорють. А ёнъ чуить усё. Тяперь одинъ говорить: братцы, говорить: «што йто за роса сяньни: хуть якей сляпэй, тольки бъ ямки абы були—дакъ росою пумазать, и бачыть будить!» А другей говорить: «ето што? А вотъ я, говорить, у томъ то цар-

[1]) Ч твердое: чыстый, чэразъ, човянъ и т. д. Также и всѣ шипящіе.

стьви, знаю—воды нема увдвся,—съ чужыхъ царствъ воду навозють. А тамъ ба, коли бъ яны знали ето, да звили вярёвки зъ лыкъ съ сырыхъ, ды тамъ у ворѝтахъ стоить кустъ, дыкъ якъ ба яны двананцать паръ воловъ запрягли, да тэй кустъ съ кореньямъ вырвали, дакъ ба було воды разливноя моря!» А третьтій говорить: «ёсьть и у томъ у томъ царстьви царевна дужа низдорова, и третьтій годъ—осталися одни косьти тольки. А ёй пользу можно лёхко дать: брала ина причасьть у Господьнимъ храми и заблюлà ина крошачку. Ды у головы подъ подушку у тряпучку схувала ина. Тяперь ета щура выпорола яе, проѣла тряпучку, и крошачка ета упала подъ мостъ у щѐлучку. А курàпа, нашовшы яе и зьѣла. Тяперь ина раздулася такаа большаа съ корову, мостъ подамаить, ды яе нихто ня видить. А у ей (царевны) тольки одинъ духъ да шкура. Вотъ тяперитька якую пользу ей дать: колибъ хто мостъ поднявъ, да курàпу разрѣзавъ, да у шкуру у яе царевну завярнувъ, дывъ ба ина щэ луччы стала, якъ була!»... Тяперь уси разомъ съ човна бовть, бовть, бовть у воду, и пошли, и нима вѣдома и хто, и якій, и што. А ёнъ подъ човномъ сядить сляпэй.

Тяперь ёнъ съ подъ човна вылизъ, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, да рукою по травѣ поводивъ, да вочы помазавъ. Ёнъ росой помазавъ вочы своѐ, и ставъ щэ ярчэй глядѣть, якъ упярёдъ, коли щэ вочы были у яго—отъ росы отъ тыѐ.

Тяперь пошовъ ёнъ у тоя царство, адѣ воды нима, лозоваго кусту смотрѣть. Ёнъ увыйшовъ у тоя царство и говорить: вы водою нуждаитись,—я вамъ дамъ воду! Затѣивъ съ суровыхъ лыкъ, съ сырыхъ, канаты вить и двананцать паръ воловъ кабъ было хорошыхъ. Яны ето приготовили. Ёнъ на лугъ повёвъ воловъ тыхъ, и запригаить воловъ у кустъ у тэй канатами, кабъ кустъ тэй вырвать. Тады позачапили етый кустъ, запрягли, якъ крикнули—вырвали тэй кустъ. Вырвали тэй кустъ—вода тая такъ и пошла съ подъ куста у гору,—и по усяму царству. Яны стали яго нагораджавать, давать грошы. Ёнъ ничого ни бяреть. И пошовъ у тоа царство, адѣ царевна низдорова силно.

И увыйшовшы у тоа царство, да йшовъ, и похвалився: «што царевна низдорова, я могу помочы дать!» Яго тады узяли на лошадей и къ ёй повязьли. Тяперитька доставили къ ёй, ина ничого,—лижать одны косьти. Ёнъ тады пувялѣвъ мостъ разобрать подъ ёю. Якъ мостъ разобрали и увидили,—ляжыть таа курапа, якъ курдва, дужа большаа. Пувялѣвъ разрѣзать яе, дакъ духъ тэй вышавъ; а яѐ напрянули, голую, кожай тэй. За троя судокъ кожа тая нима вѣдома стала—ти у яе уросла, ти дѣ,— и ина щэ красивѣй стала, якъ бала. Тяперитька яму дають награды и хочуть, штобъ ёнъ за сябе яе узявъ и половина царства штобъ узявъ,

а ёнъ отвищаить: „ни надо мнѣ ето ничого, у мяне своя у госьти прі-ѣдить!» И вышавъ ужэ домовъ къ оцпу.

И приходить ёнъ,—ни ўвознають яго.—У работьники нанявся—у воцца. Куды яго тяпериттька?—у віньницу у горѣлушную поставить! Поставили затирать заторъ—якъ тольки дѣ торканѣть—дыкъ и дирка у чапу [1]) и клёпка вонъ. Тяперь досъ яго туды—ёнъ силно крѣпокъ, нихай ёнъ у виньницу дровы носить. Затѣили яго дровы носить у виньницу. Ёнъ сажынь отразу подвяжыть, унясеть, да тады и сядить, гуляить ужэ. Прошло такъ двинанцать годовъ. Наижжаить ужо Настася царевна исъ сыномъ, и зъ воськую. И построились яны за рякою, остановились. И сынъ ужо кричыть: «нихай ко мнѣ Иванъ Ивановичъ на ўстрѣчу выйдить, отецъ мой, а то я усё тутъ и поразорю и поразобъю, если яго ня 'тойщитя!» Ёнъ, царь тэй, сурядивъ на ўстрѣчу сына того, што вочы коловъ. Тяперь, ёнъ идеть на ўстрѣчу, сынъ тэй кричыть—«во, идеть мой дядюшка, который мойму оцпу вочы коловъ!» Да ўзявъ яго за руку, замахнувся и закинавъ нима вѣдома куды. Изноватька кричыть: «отецъ мой наўстрѣчу нихай выйдить,—а то кладъ усякому дамъ!» Ёнъ, нечаго дѣлать—адѣ того брать—изновъ другого сына сурядивъ такъ наўстрѣчу. Ёнъ идеть, а тэй кричыть: «во мой дядюшка идеть, который мойму оцпу вочы коловъ! Нѣ, каить,—подайтя мнѣ мойго батюшку, што у насъ яблоки у сади бравъ!» Тяперь ужо царь тэй спужався: адѣ яго брать? Узявъ ужо уво ўсихъ пататца: што тутъ зьдѣлать? А ёнъ говорить: «я помочы дамъ!»—Што хочышъ бяри, говорить, тольки дай помочы! Ёнъ узявъ, у грязь побдѣлався, у виньницы у твань,—увыйшовъ у грошы, ды грошай повны карманы понасыпавъ, кольки яму треба—царь ужо ни жалѣить. Тады ёнъ пувялѣвъ, кабъ хорошый мостъ бывъ отсыпанъ,—и пошовъ, якъ бывъ у виньницы, такъ и пошовъ.

Идеть да съ кишэня грошы бяреть ды варміи тэй сыплить. Тыя бяруть грошы, ды кланіютца, хапають грошы тыя. «Во, каеть, идеть батюшка мой—якей ёсь ды ёсь, ды отецъ мой!» Ёнъ пришовъ къ Настаси, пурукався и повёвъ къ оцпу, и зъ варміяй повёвъ къ оцпу. И стався на царстьви томъ, а батьку доловъ.

Д. Будино, братьковичск. вол. климов. у. Отъ кр-на Өедора Өедорова, 60 л., неграмотнаго.

42. Микита Игривичъ, купецкій сынъ.

Живъ сабѣ купецъ, а было ў яго два сыновья: большій Иванъ купецкій сынъ, меньшій Микита Игривичъ купецкій сынъ. Померъ отецъ и пы-

---

[1]) Чопъ—чанъ, кубъ.

зычинивъ лавки до возрdсту ихъ. Скольки яны прыжили, и хочуть яны у вольный сьвѣтъ пойти, вольнаго сьвѣту пувидать. А яны были силно могучія быгытыри. И просили: «матушка наша родимая, блыгыслови насъ у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать и силы попробувуть!» Тады ина говорить: «дѣти моѐ возьлюблиныя! ись кимъ вы мяне покидаитя?»—Матушка наша родимая! ни блыгысловитя вы насъ, мы чиразъ вашу волю пойдимъ!... Блыгысловила ина ихъ хлѣбомъ сольлю, и златымъ-сѐребромъ. «Дѣти мое возьлюблиныя! ни сь кимъ ни битца, ни дратца, тольки пиридъ усякимъ стать, шапку сьнять, и день добрый дать!» Отправилиси яны у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать.

Шли то скольки, и одинъ съ однымъ говорить: «што то мы ёсь: ни ў царяхъ цари, ни ў князяхъ князи, ни ў чистымъ поли силно могучія быгатыри?» Идуть дальшъ, уходють у лѣсъ. Сядить старикъ и огонёкъ кладеть. Яны стали, шапки сьняли и день добрый дали.—„Дѣти моѐ возьлюблиныя, Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! куды вы идитё! Посядитя ли мяне, и я вамъ посовѣтую. Прdйдитя вы нѣскульки поль, прийдитя вы къ лѣсу. И у бѐрези тамъ стоить дубъ. И ты Иванъ купецкій сынъ ухвати за макушку и вытыщи яго. Подъ дубымъ будить зялѣзная плита, подъ зялѣзную плитою будить склепъ, а ў склепи конь,—тd слуга твой!“ Микита Игривичъ заплакывъ, говdрить: „отецъ мой! а я што бизъ щасьтя остаюся?“—Потому, ёнъ говорить: ни въ одинъ день вы рdджыны, и ни въ воднымъ щасьти! Пройди пѣшимъ и будить твоё щасьтя. И ў такомъ то царствьи далёкимъ, будить тожа лѣсъ, а ля лѣсу дубъ. Вотъ тамъ тожа вытыщишъ дубъ, а подъ дубымъ плита, а подъ плитой склепъ, а ў склепи конь, и тожа, Микита Игривичъ, слуга твой!

Яны пошли отъ старика и приходили къ лѣсу. Ажъ стоить дубъ. Иванъ купецкій сынъ хвативъ за вирхавйну и вытащивъ дубъ. Тожа зялѣзна плита. Узьнимавъ зялѣзну плиту, подъ плитой склепъ, а ў склепи конь. Оказався конь: Иванъ купецкій сынъ, я тябе нѣскульки годовъ жду, шэрсьть мыя иржой зырасла, пусьти мяне у чисто поля пыкачатца, силу пыказать, иржу оптѐрти. Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля пыкачатца и силы попробувуть. Тады кызавъ: садись на мяне, Иванъ купецкій сынъ! садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, я вѣрный слуга твой! Иванъ купецкій сынъ сѣвъ на лошыдь, а Микита Игривичъ пѣшимъ. Тоды, скольки пройшли, пришли къ тому лѣсу, што старикъ кызавъ. Тамъ стоить дубъ. Хвативъ Микита Игривичъ дубъ и вытащивъ яго. Подъ дубымъ плита, пыдъ плитою склепъ, а ў склепи конь. Оказыитца: Микита Игривичъ! я тябе жду двѣсьтя лѣтъ и ни могў дожадать. Моя кожа нитокма што иржой зырасла, а то и мdхомъ! Пусьти мяне у чисто пdля на

три часы пыкататца, иржу опте̂рти, и силу попробувуть! Пусьтивъ ёнъ яго у чисто по̂ля на три часы пыкататца и силы попробувуть. Пыкачався ёнъ, и силы попро̂бувувъ. Тады прибигавъ къ хызяину свойму Микиту Игривичу: садися полягѐнько, и дяржися покрапѐнько,—хочишъ, вокымъ мячи, а хуть мѐчимъ сячи!

Ѣхыли то скольки, и прижжали на горыдъ, во̂ якъ ба на Вітымськъ. Сказыть Микита Игривичъ: „Иванъ купецкій сынъ! што мы ёсь за храбрыя воины,—ружжа̀ у̂ насъ нима̀? Заѣдимъ на̀ городъ и купимъ сабѣ поружжу̀, по хорошыму ружжу.» Ёнъ отвичавъ: такъ то, братъ, што надо! Купили пу ружжу сабѣ, тожа и патро̂нувъ. Зъ горыду выижжали у чистыя по̂ля. Пріижжали къ лѣсу, ажны бяжить левъ ись ливинятыми. Иванъ купецкій сынъ склався бить. Микита Игривичъ отказыить: «братъ Иванъ купецкій сынъ! ни сыдиржа̀ишъ матушкиныго прика̀зу! Матушка приказывала, што пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!» Ёнъ отказыить: э, Микита Игривичъ, братъ мой! я пиридъ поганымъ зве̂римъ шапку сьниму и день добрый дамъ?... я яму дамъ! Видивъ левъ нимину̂чую свою бяду и ниу̂гасимую свою сьмерть, ёнъ говорить: «ня би мяне, Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ, купецкій сынъ! я луччи дамъ пы дятёнку на послу̂гу!» Узяли яны у лева пы дятёнку на послугу и поѣхыли дальшъ.

Тожа бяжить мядьвѣдь изъ мидьвидинятыми. Тожа Иванъ купецкій сынъ склада̀итца бить. Микита Игривичъ кажить: «ня слухыишъ матушкина приказу! Матушка приказывала никого ни бить, ни казьнить, а сказывала шапку сьнять и день добрый дать!» Отказыить Иванъ купецкій сынъ: вотъ я яму, поганыму зьвѣру здѣну шапку? вотъ я яму дамъ! Посмотрѣвъ мядьвѣдь, што нiминучія яго бида, ниу̂гасимыя сьмерть: «Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! ня битя мяне: я вамъ луччи дамъ пы дятёнку на послугу!» Узяли пы дятёнку на послугу и пусьтили ихъ живыхъ.

Ѣдуть дальшъ, бяжить вовкъ изъ вувчинятыми. Складаитца Иванъ купецкій сынъ усётки бить. Микита Игривичъ каитв: «братъ Иванъ, купецкій сынъ; ни де̂ржисвся ты матушкиныго приказу! матушка приказывала пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!»— Э! кажить: погануму звѣру день добрый дамъ? Тожа и вовкъ видитъ нiминучую биду, ниу̂гасимую сьмерть, отвищавъ: «Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ купецкій сынъ; ня битя мяне, я вамъ дамъ пы дятёнку на послугу; и при злэй годины присьтирагуть васъ!» Вотъ яны сабѣ узяли по три слуги и отправляютца у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать.

Уижжали у тёмный лѣсъ, у пущу у драмущу, пріижжають къ тромъ доро̂гымъ,—урось пошли. И стоить дубъ, а на дубѣ прибита таблица.

Прычитавъ Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ: «у лѣво поѣдь, убитъ будишъ; прамо поѣдь, сытъ будишъ; а ў право поѣдь, голодинъ будишъ!» Имъ, братомъ, надо разлучитца зьдѣсь. Иванъ кажитъ: я поѣду прамо, идѣ сытъ буду. Микита Игривичъ говоритъ: «а я поѣду у право, хуть голдинъ буду, ды живъ буду!» Вотъ рыспрощалиси и поѣхыли. Поѣхыли и 'бдумылиси, што ниякія примѣты ни дали на дуби на гэтымъ. Опять зьнжжалиси яны. Иванъ вынимавъ зылотоя блюдичко и повѣсивъ на сукѣ, а Микита Игривичъ вынивъ съ кармана ножикъ и ўторкнувъ у дубъ. «Тольки, говоритъ, братъ Иванъ купецкій сынъ, станитъ табѣ скушно, дыкъ ѣдь къ дубу примѣты глядѣть; есьли мнѣ станитъ скушно, я ѣду примѣты глядѣть; есьли я убитъ буду, зъ мойго ножика кровъ будитъ течь и кореньня умытъ!» Иванъ купецкій сынъ говоритъ: «а есьли я убитъ буду, будитъ зъ блюдичка кровъ течь, кореньня умытъ!» Рыспрощалиси и поѣхыли. Иванъ поѣхывъ у богатый край, тому попалыся хорошо житъ. Микита Игривичъ поѣхывъ, попався у горыдъ, тольки у крѣпко бѣдный. И тольки заижжавъ къ шанкару и говоритъ: „эйка, говоритъ, хозяинъ! покорми мяне и слухъ моихъ и кыня мойго!... Я имѣю усихъ грошій—одинъ грошъ и тымъ уплачў!" Тольки покормивъ цулуваньщикъ яго и слухъ яго и кыня яго. И выходивъ на горыдъ пулюбуватца Микита Игривичъ, ажъ весь градъ чорнымъ сукномъ усланъ. Ёнъ прыходивъ къ цулуваньщику и говоритъ: „цулуваньщикъ, скажика ты мнѣ, што у вашимъ гради, ли хто то родився такой съ царськый памиліи, ли такой нищасный помёръ?»—Ёнъ говоритъ: «нѣтъ, ни родився, ни помёръ, али ёсь, говоритъ, на Полымъ-рацэ у насъ поганый цмокъ; давали яму по чиловѣку на нычъ зьидатъ. Тяперъ, говоритъ, у нашаго цара три дочки; добрався ёнъ до большія дочкй,—надо яму сягоньнюшнюю ночъ царськую дочку большую вёсьти, яму звѣсьти!»—Ахъ, Божа мой, Божа! можа зьѣсь, а можа удавитца! ёнъ ужо отвичаитъ Микита Игривичъ. Пошовъ на горыдъ и купивъ пучокъ шпиликъ. Давъ Бохъ, пройшовъ день, за днёмъ ночъ. Поснавйвъ ёнъ на столъ зылотоя блюдо, а ў блюди яру свячу, и приказувавъ цулуваньщику: «смотри, говоритъ: есьли моё слуги будутъ тихо лежатъ, ни пускай, а есьли будутъ просйтца, дыкъ якъ поможнѣй пускай; и када будитъ сь свячй кровъ плытъ, столъ мытъ, пущай!»

Самъ пошовъ у гэту хатку, которая стоитъ на Полымъ-рацэ и куды чиловѣка упущаютъ. Запаливъ сьвячу, узявъ книгу у руки и Богу молитца сѣдючи. А цулуваньщикъ лёгъ и заснувъ. Сійчасъ царськую дочъ и вязутъ погануму цмоку зьѣсьти. И привязьлй яе исъ усимъ провыдымъ, и ўпущали у тую хатку яе. Провыдъ пошовъ назадъ, а ина уходила у хатку. И складала руки пирадъ Микитою Игривичимъ: «и якій вы ёсь? от-

будува васъ Господь узнёсъ? Ти ты царъ, ти ты панъ, ти ты силный могучій бигатыръ?»—Я й ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій бигатыръ, а есьмъ Микита Игривичъ, купецкій сынъ! и хочу вашій сьмерти доглѣдитца!.. Тяперъ говорить: «охъ, якъ мяне брудь зьѣла! возьми, ищи мяне; есьли я усну силнымъ бигатырськимъ могучимъ сномъ, а ёнъ оказжитца, тады вóлысы моè на мнѣ ирви; ня очнуся одъ гэтыго, возьми, мяне шпилькыми коли,—усё-тки очхнуся!» Ина ищить яго, а ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ бигатырськимъ сномъ. Тады ёнъ оказытца на Пóлымъ-рацэ: «эка, говорить, ты царськыя дочъ! выходи,—мнѣ тябе надо зьѣсть! Ина начила будить яго и волосы ирвать на имъ. Ни мохъ ёнъ очхнутца. Тады начила шпилькыми колоть. Якъ тольки шпилькыми уколола, ёнъ очхнувся. А цмокъ говорить: «нука, царськыя дочъ! што ты ни выходишъ? Я видь никого ни боюся во усимъ сьвѣти! Тольки ёсь на тридисятымъ гусударствьи Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся; али хто ихъ сюды зынясѐть, ихъ сюды ворынъ косьти ни зынясѐть!» Микита выходить и поганыму цмоку говорить: «ворынъ косьти ни заносить, али добрый молодецъ самъ зьдѣсь ходить!» Ёнъ сказыить: «ти ты зьдѣсь, Микита Игривичъ?» —Зьдѣсь! говорить. Говорить поганый цмокъ: Микита Игривичъ, подми поля!—Нѣтъ, говорить: я у чужимъ царстьви нявóльникъ,—ты подми. Вотъ ёнъ якъ дунувъ, поганый цмокъ, дыкъ на три вярсты градъ построивъ и крыши мѣдью покрывъ! Тады ёнъ говорить: давай битца! Ёнъ ны коня крикнувъ мáтымъ голысымъ: „сивиць—бурицъ, багькувъ калавурицъ и вѣшный послужёницъ! послуживъ отцу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябѐсьсю ивирни литають. «Што, говорить, прикажишъ, хызяинъ мой, Микита Игривичъ?»—А што прикажу: приступаимъ на службу, ли на службучку? Отказыить конь: нѣтъ, гэта ня служба, а службычка; а служба упирадѣ! Садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, мѐчимъ ни сячи, а вокымъ мячй! Вотъ ёнъ сѣвъ полягѐнько, и дяржитца покрапѐнько, и начавъ зь имъ битца. Якъ би, дыкъ би—двѣ гыловы зьбивъ; а ёнъ яму̀ ногу̀ правую опсѣкъ, ранивъ яго. И осьвятивъ быгатырськую кровью увесь градъ. Просить поганый цмокъ привалъ у яго «э, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца съ силый, и три часы оддышки мають, а мы одинъ на одинъ—намъ довольно минута часа.» Оддухнули и начали битца. Микита Игривичъ и тую гылову̀ яму зьбивъ. А тада узявъ, тулово яго убросивъ у раку̀ и говорить: ѣшъ, щука рыба, яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Лижàвъ тамъ каминь самотесъ; ёнъ бывъ рѐстымъ можа съ хату зъ гэту. Ёнъ узявъ, однэй ногой поднявъ, а рукой пыдкатѝвъ уси голòвы. Ина усё гэто видала, царевна гэта, якъ ёнъ бився. Тады ёнъ уходивъ у хатку и говорить: ахъ, поганый цмокъ, якъ

ёнъ обрѣзывъ мяне! Тады ина сьнимала напейникъ свой, платокъ шовковый, и увяртѣла ногу яму. Тады ина просить яго: «поѣдимъ, говорить, со мной къ отцу мойму, ёнъ табѣ опишить третьтію часъ царства свойго!» Тады ёнъ говорить: «на што мнѣ ваша царство? я ў чужимъ царстьви нявольникъ!» Самъ пошовъ къ цулуваньщику.

Пувутру пораньши ссылаить царъ слугу свойго вѣрныго ны лышадяхъ: «поѣдь и сбяри хуть косьти яе! хуть мы пухуваимъ яе ли царськія памиліи!» Пріижжаить слуга, ажны ина выходить живая. Згробъ, ды ў Полымъ раку волокѣть, штобъ утопить,—гэтый слуга. «За што ты мяне?» —А кыли ты ни скажишъ, што я тябе отъ поганыго цмока одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—Ина говорить: «скажу, што ты»! А тулуво идѣ дѣвъ, скажишъ, и гыловў?—«Скажу: тулуво убросивъ у Полымъ раку, а гылову пыдъ каминь пысадивъ!» Вотъ ёнъ сичасъ привозить. Отецъ радъ, доволинъ ставъ и пытаитца: «хто тябе одборонивъ отъ сьмерти?» Ина говорить: ёнъ! тулуво у раку убросивъ ды говорить: щука рыба, поѣшъ яго,—ёнъ много людей поѣвъ, а гол̀ывы пыдъ каминь пыдтащивъ!» Вотъ ёнъ ны яго сказавъ: «бывъ ты у мяне слуга вѣрный, будь минисьтиръ,— я тябе съ своею дочирью пожаню и пыловину царства опишу!»

Микита Игривичъ пубранився на цулуваньщика, што слугъ ни пусьтивъ и пыложився спать. Тады узнова устаѣть чуть тольки слонца заходить и идеть на горыдъ: узнова чорнымъ сукномъ горыдъусланъ! Ёнъ опять ворочіитца къ цулуваньщику, говорить: «што йто, говорить: ти тоя ни собрàто, ти другоя увыслàто»?—Нѣ, кажить: тоя собрàто, а другоя увыслато! Оказався сяредьній братъ яго ишъ шастьмя гылывàми. И хочить сяредьнію дочку зьѣсьти,—надо вѣзьти! Микита Игривичъ спрашиваить у цулуваньщика: «слуги моѐ накормлины?»—Накормлины!— «А лошадь накормлина?»—Накормлина!—«Ну, дай мнѣ поѣсьть,—ни меньши, говорить, выпить—два гарцы горачиго сьпирту, а покушить ня много: шэсь хунтувъ хлѣба и два хунты соли! Пойду, говорить, сьмерти доглѣджуся!» Заславъ ны столѣ обрусъ и поснавивъ у зылотомъ подсвѣшнику яру сьвячу, и приказувавъ: «смотри, цулуваньщикъ: будить сьвича яра тёмно горѣть, и кровъ будить зь яе течь и будуть слуги моѐ просітца, пущай якъ поможнѣй!» Тэй цулуваньщикъ бытца слухаить яго: забився ись сямъёю идѣ-то тамъ у камōрку и лёхъ спать, кабъ ня чуть и голысу ихъ.

Такъ ёнъ сійчасъ опять у тую хатку отправляитца. Пришовъ, поставивъ сьвячу, книгу у руки и читаить. Привозють сяредьнію дочку и ўпускають у гэту хатку. Провыдъ ныэадъ пошовъ. Ина уходила и патàлыся: ти ты царъ, ти ты панъ, ти силный могучій быгатыръ? Отказывувъ Микита Игривичъ: «я ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій быгатыръ,—а я есьмъ

Микита Игривичъ, купецкій сынъ. И хочу вашій съмерти доглѣдитца. Тады ёнъ поклавъ голову ёй на колѣни, ды говоритъ: «мяне брудь зьѣла, ищи ли мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ. «И окажитца поганый цмокъ, будй якъ поможнѣй мяне: вылосы ирви на мнѣ; а ня чхнуся, шпилькыми колй мяне,—усё я очхнуся!» Ина стала искать, ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ быгатырськимъ сномъ. Оказыитца поганый цмокъ: «эка царськыя дочъ, выходи, мнѣ тябе надо зьѣсьти!» Ина яго давай будить, зы вылосы ирвать,—ни чихаитца! Зачила шпилькыми колоть,—очхнувся. Цмокъ опять оказыитца: «што ты ни выходишъ? я никого ни боюся во ўсимъ сьвѣти! Ёсь, говорить, на тридисятымъ царствьи Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся. Али хто жъ ихъ сюды,—ворынъ косьти ни заносить!» Микита Игривичъ къ яму выходить: «э, говорить: ворынъ косьти ни заноситъ, али добрый молодецъ самъ сюды заходить!»—«А ти ты тутъ?»—Тутъ! «Подми поля!» Микита Игривичъ отказыитъ: што я у чужимъ царствьи нявольникъ,—ты подми! Якъ дунувъ поганый цмокъ—на шэсь вёрстъ горыду выпаливъ. Микита Игривичъ якъ дунувъ, на шэсь вёрстъ горыду построивъ и крышу пысирабрывъ. «Ну, давай битца!»—Давай! Крикнувъ матымъ голысымъ: «косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мною, якъ лѣсъ пирадъ травою!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябёсьсю йиврни литають. «Што, хызяинъ, говорить, прикажитя?»—А на што мы, говорить, приступаимъ: на службу, ли на службучку съ поганымъ цмокымъ?—«А што, говорить: служба ня служба: служба упирадѣ, гэто службучка! Садися полягѐнько, дяржися покрапѐнько, вокымъ ни мячй, ды мѐчимъ сячй!» Вотъ ёнъ сѣвъ ны коня и начавъ битца съ поганымъ цмокымъ. Якъ би, дыкъ би, ёнъ по щотки коня у землю убиваитъ, а ёнъ яму три гыловы сьнимаитъ. Проситца поганый цмокъ: «эй, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца, оддышки шэсь часовъ мѣють, а ты мнѣ дай хуть три!»—Да, говорить: цари, короли съ большэй силый, а мы одинъ на динъ! пувчиса табѣ оддышки даю! Тады пувчиса давъ оддышки, тады давай битца! Якъ бися, дыкъ бися, покуль ёнъ три головы зьбивъ, поганый цмокъ яму правую руку обрѣзывъ, и кыня пы колѣни у землю убивъ.

Вотъ тады зьлизавъ съ кыня, и пусьтивъ кыня у чистая поля, а самъ начавъ трупъ яго убирать. И 'сьвитивъ Микита Игривичъ кровью своёй ни тока градъ, а то поля усюдыхъ видно было!.. Узявъ, тулуво у рѣку укинувъ и говорить: щука рыба, ѣшъ яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Тады головы, каминь поднявъ, пыдкативъ шэсь головъ. Ина у вокошко глядѣла и ўсё гэто видала, царевна гета. Уходивъ ёнъ у хатку и говорить: вотъ, с. с.! съ кимъ бився, съ кимъ дрався, а нихто ни

ранивъ мяне,—а вотъ поганый цмокъ ранивъ! Царевна нашйникъ сьнимала и правую рукў укручувала. Прощався Микита Игривичъ ись царевный и отправлявся на 'ддышку. Ина яго просила: «Микита Игривичъ, поѐдимъ къ мойму отцу, ёнъ пыловину бо̀льшыю свойго царства вамъ опишитъ и намъ съ тобою законный бракъ дась!» Ёнъ говоритъ: «на што мнѣ вашы царствы,—я ў чужимъ царстьви нявольникъ!» Тады ёнъ просьтився зь ею и пошовъ. Приходивъ къ цулуваньщику и хотѣвъ бизъ усякаго суда гыловў сьнять, оччаго слухъ ни пусьтивъ. Самъ положився спатъ. Царъ призвавъ свойго довѣриннаго: «ѣдь, кажитъ, и привязи и пухувай у царськый памилiи косьти яе!» Ёнъ прiнжжаитъ,—ина живая выходитъ. Ёнъ схвативъ ды ў По̀лыма рѐку претъ. Ина кажитъ: «за што?» —А кыли ни скажишъ ты, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—«Ну, скажу, што ты одборонивъ!»—Идѣ тулуво дѣвъ?— «Бросивъ у По̀лымъ ракў!»—А головы идѣ дѣвъ?—«Пыдъ каминь подклавъ!» Якъ привёзъ тольки, отецъ радъ, доволинъ усимъ. «Хто тябе отъ сьмерти збавивъ?»—Ды ёнъ; тольки ёнъ прiѣхувъ пы мяне, а ёнъ узьнявся зъ ракй, хотѣвъ зьѣсьти мяне; ёнъ нычàвъ битца зь имъ и забивъ, голо̀вы пыдъ каминь пыдкативъ, а тулуво у рѐку укинувъ! Ну, бывъ ты у мяне слуга мой вѣрный, бывъ ты минисьтиръ, будь ты грапъ свѣтлый! И я ны тябе бо̀льшыю часъ царства мойго опишу и зъ дочирью гэтую ожаню!

Вотъ тады Микита Игривичъ, опятъ солнца заходитъ, ёнъ устаѐтъ и спрашiитъ у цулуваньщика: покормлины моѐ слуги?—Покормлины!—Ну, а конь у чистымъ поли; дай мнѣ поѣсьть! Дай, говоритъ, выпитъ три гарцы горачиго сьпирта и дай, говоритъ, поѣсьть девитъ хунтувъ хлѣба и три хунты соли! Вотъ ёнъ давъ яму. Выпивъ ёнъ три гарцы сьпирту горачиго, поѣвъ девитъ хунтувъ хлѣба и три хунты соли. Тады опятъ пошовъ на горыдъ. Опятъ сукномъ увыслàно. Ёнъ пришовъ спрашiитъ: «што, цулуваньщикъ, тоя ни выбрато, ли другоя увыслато?»—Говоритъ: «тоя увыбрато, ды другоя увыслато! Ёсь у цара самыя мѐньшыя дочь любимыя; надо тую вѐзьти цмоку зьѣсьти. Оказався зь дивитьмя гыловами!» Тады ёнъ говоритъ: «надо сьмерти доглѣдить усётки!» Проходитъ день; за днёмъ ночъ приходитъ; ёнъ опятъ приказыитъ цулуваньщику: разославъ платочикъ, а на платочку поставивъ зылотэй подсвѣшникъ и посновивъ яру сьвѣчку и приказавъ: «смотри, говоритъ: якъ платочикъ чоринъ станитъ, сьвича погасьнитъ, подсвѣшникъ почарнѣитъ, слуги будутъ крѣпко просьтца, —смотри, пущай слухъ моихъ бизъ отказу, а то мой мечъ, твоя гылова съ плечъ!» А самъ отправляитца. Пошовъ у хатку у гэту, запаливъ сьвячў, узявъ книшку и Богу молитца сѐдючи.

Опятъ привозютъ царськыю дочъ съ усимъ царськимъ про̀выдомъ. Яе

пусьтили у хатку, а провыдъ пошовъ ныздъ. Ина опять руки сыщапила, упала на колѣнки: «ти ты панъ, ти ты царъ, ти силный могучій быгатыръ? откуль тябе Бохъ нанёсъ?» Отказыитъ Микита Игривичъ: «я ни панъ, и ни царъ, и ни силный могучій быгатыръ! я есьмъ Микита Игривичъ купецкій сынъ. И хочу вашій сьмерти доглѣдить!» Ну ёнъ опять: «мяне брудъ зьѣла, ищи мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ: «есьли, говорить, я усну крѣпкимъ могучимъ быгатырськимъ сномъ, ирви вълысы на мнѣ; есьли ня 'чнуся, коли шпилькыми мяне,—усётки я очхнуся!» Тады ёнъ заснувъ у яе на колѣнихъ. Сійчасъ поганый цмокъ: «эй, выходи, царськыя дочъ: мнѣ тябе нужно зьѣсьти!» Ина яго зы вылосы ирвать,—ни 'чихаитца; ина начила шпилькыми колоть. Ёнъ тады очхнувся. А цмокъ кричить: «што ты ни выходишъ? я на усимъ сьвѣти никого ни боюся, тольки ёсь, говорить, на тридисятомъ царстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся. Али ихъ ворынъ косьти ни зынясѐтъ!» Ёнъ выходить, кажить: «нѣтъ, ворынъ косьти ни заноситъ, добрый молодецъ самъ тутъ ходить!» —Нука, дми пòля! на Микиту Игривича поганый цмокъ.—«Штожъ я? якъ я могу дуть: я у чужимъ царстьви нявольникъ, ты дми!» Вотъ ёнъ якъ дунувъ—на девить вёрстъ горыду выпыливъ. А Микита Игривичъ якъ дунувъ, на девить вёрстъ горыду выстриивъ, и крышу пызылотивъ.—Ну, давай битца, говорить. Кричить Микита Игривичъ на кыня: косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мной, якъ лѣсъ пирадъ травою! Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябѐсься ивирни литаютъ, зъ нозьдѐръ дымъ, зъ рота полымя: «што, хызяинъ мой, прикажишъ?»—Што: становимся, говорить, на службу, ли на службучку?—Нѣтъ, говорить: была службычка назадѣ, а тяперъ служба пирадъ нами! Садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, и вдкымъ мячи, и мѐчимъ сячи, и шапку хорошо ны головѣ дяржи!—Давай битца!... Начали битца: якъ бися, дыкъ бися, покуль три гыловы зьбивъ, дыкъ ёнъ кыня по колѣни у землю убивъ. Стойка, говорить, песься мясо, ни торопися! А соколы на дубахъ затьвиглили, а на горахъ ильвы заскрыгытали. Якъ выскычивъ конь зь зямли, видить-ничого ня можно подѣлыть, схвативъ шапку зъ гыловы, якъ бросивъ на трахтыръ на тэй,—по бальки крышу сьнявъ. Тады видить—ня могутъ вылизьть слуги яго—височо. Хвативъ сапохъ зъ ноги, и бросивъ на трахтыръ—по вокны трахтыръ сьнявъ. Тады слуги ужо вылизьли, бягутъ къ яму. Тады яны оддыхнули, давай битца. Прибѣгли слуги. Нука: я бився, а тяперъ вы побитися! Якъ начали битца, дыкъ слуги якъ хватили, сійчасъ шэсь головъ сьняли, а ёнъ самъ ни чипався. Тады, ёнъ узявъ тулуво убросивъ у рѣку и приказавъ: щука рыба, ѣшъ яго мясо: ёнъ много людѣй згубивъ! А головы опять туды, пыдъ каминь, пыдкативъ. А ца-

ревна гэто видила. Приходить и прыщаитца зь ѐю. Ина говорить: што жъ вы прыщаитися со мною? поѣдимъ къ мойму отцу: ёнъ на насъ усё царство опишить и законный бракъ намъ съ тобою дась.—Нѣтъ, говорить: я ў чужимъ царстьви нявольникъ, ни нужно! Ина подарила яму шавкову ленту и даямантывый персьтинь; ёнъ и пошовъ.

Приходить у трахтыръ, а цулуваньщикъ сьпить. Ёнъ опять сьтѣны по бальки узьнявъ и посновивъ, и крышу узьнявъ и посновивъ. А ёнъ ня чуить ничого гэтыго. Ёнъ разбранився на яго: тольки прыщаю за то, што ты кормишъ мяне и слухъ моихъ! Вотъ тады етый опять прїижжаить зы царевный. Ина выходить. Ёнъ згробъ ды у Полымъ-раку турить опять жа.—За што ты? каеть.—А кыли ты ни скажашъ, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ утоплю!—Ну, говорить, скажу отцу, што ты одборонивъ! Прїѣхыли домовъ. Пытаитца отецъ: «хто тябе отъ сьмерти одборонивъ?»—Ёнъ одборонивъ!—«Ну, бывъ ты у мяне слуга вѣрный, бывъ ты минисьтиръ, бывъ ты грапъ свѣтлый, будь тяперъ зять, и усё царство на тябе описую!» Тады, назаўтраго, ёнъ хочить законный бракъ дать изь меньшыю дочкую и усё царство описать. Вотъ ужо свадьбу згулять здумыли пу вутру. Микита Игривичъ посылаить лева на заручины, подвизавъ яму на шію даямантывый персьтинь: ступай у бѣлокаминныя хоромы, и зъ молодой поздраствуйся,—тябе пропусьтють! Левъ якъ бѣхъ у бѣлъ-каминныя хоромы, такъ увесь народъ якій тутъ бывъ: цари, короли, рысхинулися. Ёнъ прибигавъ къ столу, ина свой персьтинь у рукахъ подиржала и хрухтувъ у платочикъ навизала, и яму послала на госьтиницъ. И начила крѣпко плакать за столомъ. Отецъ приходивъ къ ей и говоривъ: дочь моя! чаго ты плачишъ?—Отецъ, говорить: даруйтя словомъ! вялитя запрѣхчи кони, поѣдимъ на горыдъ пыкатаимся, а тоды поѣдимъ у соборъ повиньчаимся! Вотъ, поѣхыли по большихъ улицыхъ. Ина ѣдить помаленьку и приглидаитца, ти ни усмотрить идѣ Микиту Игривича. По большихъ ни нашла. Поѣхыли по малыхъ. Ажны левъ смотрицъ у вокно. Тады ина говорить: отецъ родимый, ни кажитя казьнить, даруйтя слово говорить! Вотъ того найдимъ, хто оборонявъ насъ. Якъ ускочила у хату, такъ ни глядѣла ни на слухъ яго, ни на кого, такъ къ яму, а ёнъ ляжить на корвати. Ня вѣртя мнѣ, а вѣртя персьню мойму: вотъ мой персьтинь на гулубэй леньти! Сяредьня говорить: ня вѣртя мнѣ, повѣртя нашийнику мойму: я правую руку увяртѣла! Большая говорить: ня вѣртя мнѣ, а вѣрьтя нашийнику мойму: я правую ногу увяртѣла нашийникымъ своимъ! Просить отецъ: «и поѣдимъ у бѣлокаминныя хоромы, и табѣ усё своё царство опишу и законный бракъ дамъ изь меньшій дочкый!»—Тады ёнъ говорить: ваши лошыди мяне ни зьвязуть!—«Якъ можно быть, кабъ шэсьтира коній тябе ни зьвязьли?»—А ни зьвязуть!

—Нѣтъ, прошу васъ: зьвязуть!» Якъ сѣвъ, буда согнулыся, и лошыди ни вязуть. Тады ёнъ говорить: «пыижжайтя вы, а я на своихъ пріѣду!» Яны поѣхыли; ёнъ на одного на свойго усьсѣвъ вярхомъ и пріѣхывъ къ имъ у бѣлъ-каминныя хоромы. И слуги за имъ пришли. «Нука, говорить: пойдемъ примѣтъ поляднмъ!» Вотъ пошли. Микита Игривичъ спрашіить у того ўжу повѣрныго: «якъ жа ты каминь пыднимавъ?»—Я, говорить, ногою пыднимавъ, а рукою пыдкачивывъ!—«Ну, говорить: ходитя, царськыя памилія,—посмотритя, якъ ёнъ будить пыднимать каминь!» Яны пошли. Пришли къ камини. «Нука, пыдними!» Ёнъ и ныгами пробувавъ, нѣ,—ни ўстаеть; ёнъ и руками—нѣ! А ёнъ говорить: «дуракъ, тольки пыднять носикымъ каминь и головы видать!» Самъ пыднявъ носикомъ каминь. «Ну, говорить: выкыть рукой головы, пыкажи царськый памиліи!» Ёнъ тольки руку пыдклавъ пыдъ каминь, а ёнъ хвать—каминь опусьтивъ. «ну, говорить: выдирни руку!» Ну идѣшъ ёнъ выдирнить? Такъ ёнъ и сядить! Вотъ, говорить царъ: больши ничого ни стоить, тольки вынить руку и къ растрѣлу привесьти! Али къ растрѣлу привесьти—ето малая мука—а ўзять ды къ коньскому хвосту: пущай ёнъ стольки намучитца, скольки людей помучувъ!» Привизали къ коньскимъ хвостамъ и пусьтили у поля гулять: порвали на куски яго! А Микиту Игривичу царъ давъ законный бракъ зъ меньшыю дочкую.

Ну, тады, получивши законный бракъ, Микита Игривичъ, побравши своихъ слухъ, ильва и мядьвѣдя и вувка, поѣхывъ, зыхотѣвъ брата отвѣдыть Ивана купецкаго сына. Отправився къ столишныму горыду: якъ у насъ Москва, а ў Питири проживаить царъ. Ажны той горыдъ зьмія лютая зыклила. Ёнъ у землю увыйшовъ. А тамъ лѣсъ ставъ, пуща драмуща. Прііжжаить къ рацэ, ажъ рыболовники рыбу ловють. Якъ увидили яго слухъ, спужалиси ды ўтикать отъ яго! Ёнъ: «стойтя, братцы, ни ўтикайтя! нѣшто такоя я хочу зъ вами сыйгиси: хто тутъ мохъ заклясьти горыдъ?» Отвичають рыболовники: «оказався у насъ сьпирва одинъ цмокъ съ тримя гылывами, поѣвъ много людей, добрався до большія дочки царськія, али силно могучій быгатырь Микита Игривичъ купецкій сынъ обобрався, одборонивъ дочку отъ сьмерти нимипучія, забивъ цмока. Тады оказався другій цмокъ исъ шасьтю гылывами; хотѣвъ сярэдьнію царськыю дочку зьѣсьти. И тожа силно могучій быгатырь Микита Игривичъ купецкій сынъ одборонивъ,—цмока поганыго забивъ. Оказався третьтій поганый цмокъ зь дивити головами; добрався до меньшія царськія дочки, хотѣвъ яе зьѣсьти. Опять жа Микита Игривичъ купецкій сынъ одборонивъ и гэту, цмока поганыго забивъ. Дыкъ вотъ матка гэтыхъ трохъ цмокывъ, лютыя зьмія, прыклила яго горыдъ зы своихъ сыновъ: горыдъ у землю пошовъ, а лѣсъ вышывъ, пуща драмуща. По гэтымъ лясу

никто ни разу ни прыижжаитъ и ни проходитъ, зьмія лютыя никого ни пропускаитъ!.. Распрашіитъ Микита Игривичъ купецкій сынъ: «господа рыболовники, мнѣ нужно гэтый дорогый поѣхыть!» Яны отвичаютъ: ти ты панъ, ти ты царъ, ти силно могучій быгатыръ: ня ѣдь, ина тябе каминимъ зьдѣлыитъ, ни пропусьтитъ!—«Што будитъ, ня будитъ, а поѣду!» И поѣхывъ. Ѣдь-ѣдь, пріижжаитъ у лѣсъ, пущу драмущу. Обнимаитъ яго тёмная ночъ. Микита Игривичъ становитца тутъ нучуватъ. Сьсидаитъ съ своей лошыди и рыскладаитъ огонь. Слуги яго коло яго. Коня ёнъ привизавъ. Сядитъ ёнъ ли огоньку, ажны приходитъ бабычка изъ лубучкый. «Здрастьви, Микита Игривичъ, купецкій сынъ!»—Здрастьви, бабычка!—«Позвольтя мнѣ ли свойго огоньку пиринучуватъ: я по грибохъ ходила ды заблудила, обнила тёмная ночъ. Даетъ Бохъ ночъ, а за ноччу день, я тады пойду. Али я боюся блиско пыдходитъ вашихъ сыбакъ, дайтя мнѣ свою лясычку одборонитца, сыбакъ отыгнатъ. Ёнъ сабѣ думувъ про гэто, и хотѣвъ пысьміятца про яе: якъ можно бытъ? ина корга баба,—а моя ляска тридцатъ пудовъ! кабъ ина пыднила? Нихай подымитъ!—«Возьми сабѣ!» каитъ. Ина якъ хватила ляску, якъ махнула по усихъ, такъ уси каминимъ и стали. «Убивъ ты, Микита Игривичъ, моихъ сыновъ, и я жъ тябе жжила сь сьвѣту!»

Вотъ Ивану купецкыму сыну стало скушно. Думыитъ Иванъ купецкій сынъ: «убитъ ёнъ, ли голодинъ!»—на брата на свойго Микиту Игривича. «Поѣду къ дубу, поляджу, што тамъ ёсь такдя?» Усьсѣвъ на коня и поѣхывъ. Ѣхывъ скольки то, пріижжаитъ у пущу драмущу къ дубу, ажны зъ яго ножика кровъ тячетъ и кореньня помыла. «Ахъ, братъ мой, Микита Игривичъ! получивъ ты нищасную сьмерть! Ну, поѣду, поляджу, идѣ юмёръ!» И поѣхывъ дорогую. И видитъ—ляжитъ пятъ камянёвъ. И обнила яго тёмная ночъ. И сьсидаитъ ёнъ съ кыня и привязыитъ кыня къ дубу. И взявъ книгу, читаитъ; и дычитався ды того, што гэто ляжитъ братъ мой Микита Игривичъ, а гэто конь яго, а гэто слуги яго. Зьдѣлыла яму гэдыкъ Баба-Игипувка! Вотъ ёнъ тады дыжидаитца, ти ня придитъ къ яму хто. Тяперъ, приходитъ къ яму тая баба: «здрастьви, Иванъ купечицкій сынъ!»—Здрастьви, бабушка!—«Пусьти мяне, дитятка, къ свойму огоньку пиринучуватъ!—по грибохъ ходила, ды заблудила!»—Ночуй сабѣ!—«Дитятка, я боюся твоихъ слухъ! дай мнѣ своѐ ляски отогнатъ собакъ?»—А ёнъ узнавъ, што гэто тая лютая зьмія.—«Нѣ, я самъ!» Лясучку уво 'дну руку, а другѐю за груди. И начавъ яе кылотитъ. Ну тольки ина крѣпка была.—«Ты, говоритъ, левъ, ня видишъ, што я дѣлую? А ты, мядьвѣдь?» Левъ отломивъ дубину, а мядьвѣдь клянину. А ёнъ дяржитъ за груди. «Ну, говоритъ: прибавтя ей!» Якъ ньчали яѐ охаживытъ! якъ ньчали охаживытъ! Били, били: «ты мойго брата и слухъ яго

зыклила и горыдъ яго?»—Нѣ, ни я! ни знаю!—«Прибавтя ей дубиныкъ!» Нычали опять дуить. «Ну, а ты, вовкъ: што ляжишъ? ни видишъ, што дѣлують?» Вовкъ той посвойму вырывать ззаду мясо, икры тигать, и сиськи вырвывъ.—«Стой, говорить: Иванъ купецкій сынъ! пусьти душу ны покаянія, усю правду скажу: Микита Игривичъ жживъ моихъ трохъ сыновъ, я зыклила горыдъ яго, и каминимъ обярнула яго и кыня яго, и слухъ яго!»—Ты шъ зьдѣлыла, дыкъ ни пущу тябе, покуль ня дьдѣлыишъ!—«Одьдѣлую, сынокъ!»—Ну, одьдѣлывый!—«Ёсь у мяне садъ большій, у сади двѣ криницы: одна криница вода живущая, а другая гоющая. Постой,—я сходжу у садъ, принясу воды, и оджививлю.—«Я табѣ одной ни повѣру, я пошлю слухъ своихъ исъ тобою! «И пославъ зъ ею слухъ и приказавъ: смотритя, слуги, ина спротивитца зъ вами на дорози, ли утячетъ!» Отказуитъ левъ: Иванъ, хызяинъ мой! ящо я гэтыго николи ня зьдѣлыю, кабъ ина утикла! Тады пошли. Ина на дорози спротивылыся зъ ими. Левъ узявъ за груди однэй рукой, а другей дубинку, ды й давай охаживитъ. Мядьвѣдь и вовкъ тожъ узялиси зы яе: били, били, прибили сусимъ. «Стой, левъ! пусьти душу ны покаянія!» Тады пошли у садъ. Зачерпнула ина живущія и гоющія воды, и пошли ызадъ. Побрызгыла гоющію водою, чирапки опсыпалиси; побрызгыла живущію—той часъ уси пять оджили. Схватився Микита Игривичъ къ брату свойму Ивану и пуцулувавъ, и слёзьма заплакавъ: «ахъ, братъ, якъ я крѣпко уснувъ,—ни почувъ, якъ ты пріѣхывъ ко мнѣ!»—Охъ, братъ, Микита Игривичъ: худэй твой сонъ! Ты заснувъ бывъ навѣкъ! А зьмяю дяржитъ, ни пускаитъ. Зы тябе мы уже дали ей, а тольки за горыдъ свой покуль што прибавь ей. Вотъ Микита Игривичъ со своими слугами якъ хвативъ яе: «ты мой горыдъ зыклила?»—Ни знаю! А Иванъ купечицкій сынъ: «братъ Микита Игривичъ, ни жалѣй яе, прибавъ!» Вотъ Микита Игривичъ опять якъ хвативъ со своими слугами, били, били, прибили.—«Стой, Микита Игривичъ, ня би: усё твоё спольню!» Вылымила чатыри лясины, обкла́ла якъ хату вянецъ рубютъ: лѣсъ пошовъ у землю, а горыдъ вышивъ. А зьмяю лютую добили. Ина скрозь зямлю прывалилыся. «До табѣ, братъ Иванъ, труждатца! Поѣдимъ ко мнѣ!» Пріѣхыли къ яму, у горыдъ; а тамъ ужу и купцы купчуютъ. Тады поѣхыли матушки искать. Искали—искали, ни знашли, вѣрно помёрла. Тады вярнулиси къ Микиту Игривичу у яго царство. Микита Игривичъ ставъ за царя. «А ты, братъ Иванъ, будь у мяне за главнаго минисьтира!» Ну, дыкъ ёнъ и ставъ за минисьтира. Яны и тяперъ тамъ живутъ.

Рясиянская вол. сѣнн. у. Отъ мѣстнаго кр-на запис. г. Аникіевичъ.

43. Мѣдное Чудовище.

Нѣукоторомъ царстьви—государстьви живъ царь менистый. И бывъ у яго садокъ на три вярсты ширинй, на три вярсты довжинй. И ў тымъ садку яблонь: золотый листокъ, сяребриный листокъ. Якъ зародютца яблоки—золотоя яблоко, сяребриная яблоко. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Али одинажды соснилося царицы уво снѣ: што ваша царство вяличиство: ето вамъ утѣха ня ўтѣха, а *ежалибъ* вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотый колосъ, сяребриный колосъ, золотая зярно, сяребриная зярно. Вотъ ба вамъ утѣха была! Ну, царица, уставши, стала царю докладать, што такъ и такъ: уво снѣ видила, што ежалибъ вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотэй колосъ, сяребриный колосъ, золотоя зярно, сяребриная зярно. Ну, у цари солдатовъ ня нѣтъ: собравъ строявыхъ, рядовыхъ, отстановныхъ. Ну и вытеребили, вымякчили, вытроили. Люди сѣютъ пшаницу, вотъ и царь посѣявъ пшаницы; людьская тольки усхаджуетъ, а царськая уже краску скидуетъ. Коли стала высыпать—золотый колосъ, сяребриный колосъ. Коли стала наливать—золотоя зярно, сяребриная зярно. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Часовыя стоятъ кругомъ, берягутъ. Али унадився воръ у пшаницу—што ночь пярейдетъ, то ти поквўлтовата, ти повырѣзана, ти поквўлтовата, ти повырѣзана.—Отъ ето царю было ужо досадно. Ёнъ тогды давай загўкувать охвотьничковъ солдатовъ: хто бъ ето, говора, убярёгъ, што бъ угодно наградивъ бы тогды! Ёнъ тогды ставъ солдатовъ загўкувать: „ти ня можно, кабъ хто уловивъ яго, нагороджу чимъ тольки пожелаешъ?“ Вотъ одинъ отгукнувся, говоритъ: я уберягу!

Вотъ, былй игруши скачиваныя, якъ терябили, дуплиноватыя; отъ, ёнъ улѣзъ у дуплё и лёгъ тамъ. Тольки подъ повночь шу-усь! прилетаетъ. Спусьтився. Давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, нарѣзавъ стольки, скольки яму сила поднять. Тольки жъ ёнъ набравъ подъ крыльля, ставъ узниматца—а ёнъ зъ дупля да за бороду: стой, дѣдушка, ня увыйшовъ! Ёнъ крикнувъ на часовыхъ—часовыя прискочили. А тутъ передъ царськимъ вокномъ, и царь ето почувъ, узрадовався, што шумъ етакій. Ёнъ тогды спрашуетъ: хто ты тамъ ёсь? царь у яго. А ёнъ говоритъ: што я ёсь Мѣдный Чўдовища. Ну, Мѣдный, ня Мѣдный Чўдовища—запёрли яго на дванадцать дварей, на дванадцать замковъ у склепъ. Вотъ ёнъ тамъ сядитъ. Назаўтряго рассылаютъ по царяхъ, по короляхъ, по князяхъ, кабъ зьѣжжалися Мѣднаго Чудовища полядѣтъ. Вотъ яны позьѣхалися—пьютъ, гуляютъ. А ў ца-

ря бывъ сынишка,—мальчишка, небольшій ще, малолѣтьній. Отъ ёнъ ходить, верябейковъ стрѣляеть. И якъ давъ прахъ той стрѣлоццы завалитца у склепъ туды. Ёнъ ходивъ, ходивъ, шукавъ, шукавъ, али и плакать ставъ. Отъ ёнъ тады и спрашіеть: „што ты, Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, што ты плачешъ?"—Ахъ, дѣдушка,—я стрѣлочку потерявъ!—«Иванъ Ивановичъ, твоя стрѣлочка у мяне!»—Дядулячка, оддай ты мнѣ яе!—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ: возьми отомкни дванадцать дьярей и дванадцать замковъ и вывяди мяне на вулицу, тады я стрѣлочку оддамъ!"—Якъ жа я тябе отомкну? Ключики у маменьки ў кармани, и часовыя стоять?—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ, ты иди къ мамцы да по колѣняхъ покатися—скажи: головка моя болить, дыкъ ина тябе станеть гладить, голубить, скажеть: дитятухно моё, бѣгаешъ, простудився! А ты тихынько ключики съ кармана вынь. А тогды у царськую палату зайди, царськую корўну на сябе надѣнь. Тады, по дворѣ иди, руками помахавай и ключми побрязкавай. Часовыя расступютца тады"! Ну, вотъ, ёнъ побѣгъ къ маменьцы и почавъ говорить: маменька, головка моя болить. Ина стала яго гладить, голубить. Ёнъ тогда цихынько ключики вышаволивъ съ кармана; у царськія палаты зайшовъ, царськую корўну на сябе надѣвъ. Тогды по дворѣ идеть, руками помахаваеть, ключми побрязкаваеть. Чисовыя расступилися. Ёнъ тогды отомкнувъ одны двери, другія... дванадцатыя, и отомкнувъ замокъ одинъ, другій и дванадцатый, и вывевъ яго на вулицу. Отъ ёнъ яму стрѣлочку оддавъ, попрощався и пошовъ.—Тольки сказавъ: „ну, Иванъ Ивановичъ! при злой години спомяни мяне,—я табѣ знадоблюся!"

Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли, и послали, Мѣднаго Чудовищу кабъ привесьть. Тутъ кауть: яго нѣтъ.—„Какъ нѣтъ?" —Вашъ жа сынъ яго выпусьтивъ!—„Какъ выпусьтивъ?" Тутъ сичасъ часовымъ головы на колодку, потсикавъ. Такъ царю ето обидно,—усё дно, якъ обманъ якой. И хотѣвъ сыну головў отсѣчь. Тутъ цари, князи, короли стали царя отговарювать: «якъ ето можно, кабъ царськая колѣно нистожить? А ежли ёнъ здѣлавъ такій проступокъ, возьмитя яго, прогоньтя у бѣлый сьвѣтъ!» Отъ ёнъ яго узявъ, и зъ двора согнавъ.

Ёнъ вышавъ на вулицу, плачить, не знаеть, бѣдненькій, куды йти. Идеть солдат Иванька:—„Эхъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! што ты плачешъ?"—«Эхъ, Иванька служивый! якъ мнѣ не плакать вотъ? прогоняють мене у бѣлый сьвѣтъ, а я не знаю, куды йти!»—«Эй, Иванъ Ивиновичъ! проси мяне тольки, Иваньку, за слуговина,—а сьвѣтъ вяликъ, у сьвѣти людей многс!» Отъ ёнъ вярнувся на дворъ, сѣвъ подъ вокномъ на колѣничкахъ—ящё госьти не разьѣжжалися—якъ ставъ плакать, якъ ставъ просить—отдавъ яму батька Иваньку за слуговина. Отъ ёнъ яму

одежу надѣвъ хорошую царськую, обчапавъ яго лентами; ёнъ попрощався и пошовъ.

Отъ яны ишли, ишли, захотѣлось имъ пить. „Эхъ, говорить, Иванъ, на слуговина: пить дужа хочетца!"—А вотъ, Иванъ Ивановичъ: я ў походи ходивъ,—тутъ ёсь колдяжъ вельми глубокъ дужа, тольки вода хороша и кўбочекъ тамъ плазаетъ. Вотъ мы ленту за ленту посчипаемъ, котораго спусьтимъ, той напьетца, другому подась! Такъ и ёсь—прохаджуютъ—ажъ вода глубока и кубочекъ ёсь. «Ну-ка, Иванъ слуговинъ: дайка я тябе спущу,—самъ напьесься и мнѣ подаси!» А тэй говорить: эхъ, Иванъ Ивановичъ! ты мяне туды спусьтишъ, а оттуль ня вытягнешъ,—я тяжолъ. А якъ ты маленькій—я тябе туды ўпущу и оттуль вытягну! Ёнъ подумавъ, подумавъ—ето й правда. „А якъ я яго оттуль ня вытигну, куды я одинъ пойду тады?" Вотъ тады лента за ленту, лента за ленту посчапавъ и упусьтивъ яго туды. Отъ ёнъ напився, царевичъ, почерпнувъ, яму подавъ. Иванъ Ивановичъ напився,—тогды говорить: «Ну, Иванъ слуговинъ, тягни мяне!»—Нѣ, не потягну!—„Отчаго жъ ты мяне! не потягнешъ?"—А такъ, штобъ я бывъ Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, а ты штобъ бывъ у мяне слуговинъ, и кабъ оддавъ ты мнѣ свою одежу, и кабъ ты мяне обчапавъ своими лентами! Отъ ёнъ думавъ, думавъ, плакать спробувавъ, али думаетъ: «чимъ тутъ пропадать, луччи жъ по сьвѣти ходить, за слуговина хоть!.. Ну, Иванька! тягни мяне! Оддаю табѣ свою одежу, побчапаю тябе лентами: будешъ ты Иванъ Ивановичъ, а я буду Иванъ слуговинъ!..» Отъ ёнъ яго вытягнувъ. Ёнъ одежу зьдѣвъ, на Иваньку надѣвъ царськую одежу, лентами обчапавъ; а самъ надѣвъ яго шинялёкъ и шапочку хуражачку. И пошли. Отъ!

Яны ишли, ишли, ишли, ишли, и прослухали, што у нѣкоторомъ царстьви-государстьви хочетъ царь дочку оддать за зятя, на цари коруновать. Отъ яны съ царства до царства, съ царства до царства, допытываючи, пришли до царськаго дворца. Уходютъ у царській дворецъ, тутъ —звѣсно, человѣка по 'дѣжи узнаютъ—тутъ яму укланяютца, коло яго витаютца, и давай у царськія палаты просить ихъ. «Ваша величиство! слуговина мойго заприйтя куды-небудь, у баню, и часовыхъ поставтя, а то ёнъ воръ, ще што нибудь украдетъ!» Отъ, яго (Ивана Ивановича) заперли, а сами тамъ пьютъ, гуляютъ. Отъ ёнъ, царь етый, говорить: «ёсь у мяне три кобылицы-нябыльницы на стайни. Хто троя судокъ спасётъ и зьвядетъ, за того дочку оддамъ,—и кабъ позараньши домовъ приваджувавъ!» А яны не кобылицы, да зьмяиё. Отъ ёнъ говдритъ: „э, у мяне слуговинъ усё ето зьдѣлаетъ!" Вотъ и гукаетъ: „Ванька слуговинъ, поди сюда!" Ёнъ прихаджуетъ: «здрастуйтя!»—Здрастуй! Вотъ на табѣ повхунтика хлѣба, и ёсь на стайни три кобылицы нябыльницы,—кабъ ты ихъ зьвёвъ

у западныя луга, кабъ напасьвивъ и позараньши домовъ приваджувавъ!.. Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шовковыя поводы у руки узявъ,—якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга,—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ и плакать уже спробувавъ,—маркотно. Али здумавъ: „э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!“ О, ёнъ и являетца! «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Пойдёмъ жа у мой домъ, сямьй моёй, жаны моѐ, сыновъ моихъ, дочарей моихъ повидаемъ!» Прихаджують, ажъ стоить мѣдяной домъ, на три 'тажи, такій што а-я-яй! Отъ яны уходють у першую комнату, ажъ сядить жана. «Жана моя намилѣйшая, уклонись Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Ина яму уклонилася. Уходить у другую комнату, сядить двападцать дочарей. „Дочушки моѐ намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!“ Яны яму сыклонилися. Приходють у третьтюю комнату—сидять двападцать сыновъ.—Сыны моѐ намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Яны сыклонилися. „Ну, говорить, сыночки мое! ушасьтёхъ идитя у западныя луга кобылицъ нябыльницъ искать, ушасьцёхъ идитя баню топить, надо Ивана Ивановича попарить, молойцомъ наставить!» Отъ тыя пошли у западныя луга, кобылицъ нябыльницъ искать, а еты пошли баню топить. Отъ много—мало урѳмя спусьтёмши, етыя приходють—говорють: „батюшка, баня готова!“ Отъ ёнъ: хорошо! говорить. Узявъ мѣдяную одежу, мѣдяную шапку, и повёвъ яго у баню. Обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ яму мѣдяную одежу, мѣдяную шапку. Приводжуеть домой, посадивъ яго на кресло и давъ яму стаканъ пива выпить, которая пьѐтца на Раштвѐньскій день. Ёнъ якъ выпивъ,—силёнъ ставъ. Якъ пойдить по мосту—и мостъ угинаетца. Вотъ и етыя прихаджують ушасьтёхъ: «батюшка, кобылицы нябыльницы ёсь!»—А дѣ жъ яны были?—„А дѣ жъ яны были: забралися у лозу, у мяречу у такую, што насилу половили!» —Ну, хорошо, што половили! привяжитя ихъ, пущай на неби звѣзды личуть—не подохнуть! Отъ яны ихъ привязали. А тутъ пили, пили, гуляли, гуляли.—„Ну, Иванъ Ивановичъ: урѳмя и отправлятца! И я знаю, што табѣ у бани тамъ маркотно—на табѣ старшія дочки салхвэтку, што ты потребуешъ, то табѣ й будеть!“ Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ.

Якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, ёнъ и на однэй, и на другѣй, и на третьтей—пріѣжжаеть кы дворцу. А яны на крылцы стоять. Царь тольки плячими тіісьнеть, што одежа хорошая. А ёнъ

(Иванька) говорить: «во, говорить: я говоривъ,—воръ-мошеньникъ, во якую одежу уворовавъ!»—Да, да! и я вижу, што уворовавъ! Ну, кобылицъ нябыльницъ зялѣзными прутами драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули,—на што ловилися! А его зновъ у баню, и чисовыхъ поставили.

Тольки у царськомъ дворцы спать полягліся, ёнъ сичасъ за салхвэтку: «салхвэтка, салхвэтка, зьдѣлай мнѣ палацы луччи царськихъ палатъ, и кабъ и столы, кабъ и канапы, и стульля, и ўсё!» Такъ ето усё и зьдѣлалося. Тогды говорить: «салхвэтка, салхвэтка, дай мнѣ повгарца спирту!» Такъ сычасъ и ёсь. Ёнъ тогды крышку узявъ, наливъ, на дворъ вынисъ, по крысцы чисовымъ давъ, яны и позаснули,—оружжи у козлы, и спать полягли. Царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани блясвъ дужа большій: «ахъ, мамўшка-нянюшка! пойдемъ мы вўлушками-провўлушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванъ слуговинъ проживаетъ?»—А пойдемъ сабѣ, панна царевна! Вотъ яны приходжують туды, а ёнъ на канапи ляжить, ни бытца што сьпить. Ина походила, походила, тутъ на столѣ напитки стоять, усё—ажъ выйти оттуль не хочетца. „Ахъ, мамушка-нянюшка! якъ ба яго разбудить?"—Не знаю, панночка-царевночка! вдзьмемъ двери отчинять, яны задрыжать—дакъ ёнъ ти не прошнѣтца? Тольки яны узялись за двери, яны задрыжали—ёнъ и прошнувся: «ахъ, низвинитя, панна царевна, што я задремавъ! я у бани, дыкъ мнѣ досадно, маркотно. дакъ я... «Да, да, Иванька слуговинъ: и я виджу, табѣ тутъ досадно!» Ну, сѣли пить-гулять. Отъ ёнъ салхвэткой требувавъ казаковъ на кулачики, и ўсякія комэдыи. Отъ, и ей салхвэтка уподобала. «Эхъ, Иванька слуговинъ,—продай ты мнѣ ету салхвэтку!»—Нѣтъ, панна царевна: продать яё я не могу. Подарить подарю, а продать не могу!— «Ды што ты мнѣ будешъ дарувать? я не нищая: я купить могу!»—Нѣ, панна царевна: я продать не продамъ! Отъ, яны пили-гуляли, и стало зарять ужо. Ина распрощалася, и пошла домой. Ёнъ тогда салхвэтку склавъ,—тогды якъ была баня и стала баня. Чисовыхъ паростувкавъ, ружжи имъ подававъ—яны зновъ сьтерягуть яго. Отъ, развидьнѣло. Изновъ зовуть яго у царськыя палацы. «Иванька слуговинъ! поди сюда!» Дали яму хлѣба повхуньтика. «Иди на стайню, бяри три кобылицы-нябыльницы, вяди на заповѣдныя луги пасьвить! И кабъ пораньши домовъ приваджувавъ!» Ёнъ увыйшовъ у стайню, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два, и третьтію три. Якъ сѣвъ, шавковыя поводы у руки ўзявъ,— якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у заповѣдныя луга—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися, кобылицы-нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхуньтика зьѣвъ, и плакать уже спробувавъ,—маркотно.

Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Вотъ Мѣдная Чудовища являетца. «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдемъ жа у домъ ко мнѣ, баню вытопимъ, попаримъ, молойцомъ тябе наставимъ!» Приходютъ, ажъ стоитъ сяребриный домъ на три тажи, такій, што ажъ зяетъ. Отъ ёнъ тогды говоритъ: «ну, сынэчки моё! идитя удевятёхъ шукатъ кобылицъ-нябылницъ, а утрёхъ идитя баню топитъ!» Отъ, тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много-мало урремя спусьтёмши, етыя утрёхъ приходютъ: «батюшка, баня готова!» — Ну, хорошо! Узявъ сяребриную одежу, сяребриную шапку, повёвъ яго у баню: обмывъ яго, обходивъ яго, въ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ на яго сяребриную одежу, сяребриную шапку. Отъ, посадивъ яго на стулъ и давъ выпитъ стаканъ пива, которая пьетца на Воскресный день на Вяликій. Ёнъ якъ выпивъ, посильнѣвъ ящё. Якъ пойдетъ по мосту — мостъ угинаетца, якъ сядитъ на кресло, кресло гнётца. Отъ мало-много урремя спусьтёмши, етыя приходжуютъ. «А што, ёсь кобыльницы-нябылицы?» — Ёсь, батюшка! — «А дѣ жа яны былй?» — Да дѣ жъ яны былй: забралися у сйня моря подъ каминь, насилу половили! — «Ну, хорошо, што половили, привяжйтя ихъ, пущай на неби звѣзды личутъ, не подохнутъ!» Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ, урремя отправлятца! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, на первой, на другой, и на третьтей, — вѣзьти яго ни хочутъ, тяжолъ, — дарма што зьмяйё. А яны на крылцы стоятъ, плячми тиснутъ, што етакая одежа у яго, почищи тыё, однымъ словомъ сяребриная. «Во, не казавъ я вамъ, што воръ, мошеньникъ! Вö якую дежу, ще почищи, уворовавъ!» — Да, да, говоритъ: и я вижу! А царевна, дыкъ ина и вочми проймаетъ. Вотъ тогды кобылицъ-нябыльницъ зялѣзными прутьтями драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули. А яго зновъ у баню отправили и стражу поставили.

Тольки у царськомъ дворѣ спатъ поуляглися, ёнъ говоритъ: «салхвэтка, салхвэтка, подай мнѣ палаты, луччи царськихъ палатъ! Подай мнѣ столы, кресла, канапы!» Ина сычасъ! Тогды говоритъ: «салфэтка, подай мнѣ повгарца спирту!» Ина подала. Ёнъ крышку узявъ, на дворъ вынисъ, по крысцы имъ (часовымъ) давъ. Яны ружжи у козлы и спатъ полягли. Вö царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани блискъ дужа большій: «ахъ, мамушка-нянюшка, пойдемъ мы вулушками-правулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванька слуговинъ проживаетъ?» — А пойдемъ сабѣ, панна царевна! Отъ яны якъ ишли, такъ прямо туды. И ёнъ ня сьпитъ. «Здрастуй, здрастуй табѣ, Иванька слуговинъ!» — Здрастуй, панна царевночка! Ахъ, якъ мнѣ у бани маркотно! «Да, да, и я вижу, што табѣ маркотно тутъ!» — Ахъ, панна царевна! коли вы обвиньчаетесь, хоть бы мяне зъ бани вызволили! «Слухай, Иванъ слуговинъ: не говори

ты мнѣ етаго! Я на того мерзавца смотрѣть не хочу, я бъ луччи съ тобой обвиньчалася?»—Э, панна царевна: што вамъ тдя говорить, чаму ня быть. Дѣ вамъ за прбстаго мужука выходить!.. Ну, тольки яны тамъ пили, пили, гуляли, гуляли, и вина требувавъ у салхв этки и казаковъ на кулачики—и ўсяго—усё ето ёсь. Уподобала ёй салхвэтка, што не расстрятца! «Продай, да й продай, Иванька слуговинъ!»—Нѣ, панна царевна: продать я не могу! Подаровать подарую, а продать не могу!—«Да зь якимъ ето намярѣніемъ ты подаруешъ?»—А вотъ, панна царевночка,—кабъ зъ вами ночь ночувать!—«Ну, хорошо! Тольки кабъ зь ярыми сьвѣчами, зъ войстрыми мечами!»Ну, ёнъ отдавъ: хорошо! Сычасъ якъ отдавъ, якъ была баня, такъ и стала баня.

Стало видьнѣть, ёнъ чисовыхъ растуркавъ, ружжи у руки подававъ,—изновъ стярягуть. Давъ Богъ дянёкъ, гукають яго зновъ весьти кобылицъ нябылицъ у западныя луга пасьвить. И кабъ позараньши домовъ привбджувавъ!... Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шдвковыя поводы у руки ўзявъ,—явъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга,—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ, и плакать уже спрбувавъ,—маркотно. Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Ёнъ и являетца: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдёмъ жа у мой домъ, побываемъ, баню вытопимъ, молойцомъ тябе наставимъ!» Приходють, ажъ стоить домъ золотэй на три тажи, што просто зьяеть, якъ сонца! «Ну, сыночки моѐ! идитя ўси двинадцать у западныя луги кобылицъ нябыльницъ шукать; а вы, дочушки, идитя уси двинадцать баню топить!» Вотъ тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много мало урёмя спусьтёмши, дочки приходжують: батюшка, баня готова!—Ну, хорошо. Отъ, узявъ золотую одежу. золотую шапку, повёвъ яго у баню, обмывъ яго, обхоливъ, зъ руки на руку перемѣняючи и надѣвъ золотую одежу. Просто, ёнъ якъ сонца ставъ. Привёвъ ёнъ яго домовъ, посадивъ на стулъ. «Што, Иванька: ти чуствуешъ ты силу ў сябѣ?»—Да якъ, дѣдушка, ня чуствую: колибъ хто поставивъ слупъ, у зѐмлю конецъ и ў небо конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увесь бы свѣтъ оборотивъ! Подумавъ ёнъ, подумавъ: много силы яму давъ!» Давъ яму стаканъ вина, што на Юрьевській день пьетца, вясною; у яго силы отбылб. «Будеть сь тябе и етыя силы!» Много-мало ўремя спусьтёмши, сыны прихаджують. «А што, ёсь кобылицы-нябыльницы?»—Ёсь, говорють, батюшка!—«А дѣ жъ ины были?»—Да дѣ жъ ины были? забрàлися на небо зà болоки, да нàсилу половили! «Ну, привяжитя ихъ: нехай на неби звѣзды личуть, не подохнуть!» Отъ

яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ: уремья отправлятца! Прощайся изъ моей жаной, исъ сынами и зъ дочерями, а съ тобой мы щё увидимся!» Отъ, ёнъ попрощався, сѣвъ и поѣхавъ. Ёнъ и на 'дной и на второй и на третьтей—не вязуть! Отъ ёнъ поводы на плечи ўсклавъ,—ихъ и тягнеть. Царь, царица на крылцы стоять, плячии тиснуть, дивютца, што етакая золотая одежа, и кобылицы яго не вязуть, а ёнъ ихъ тягнеть, поводы на плечи усклавши. Отъ, якъ только кобылицы иябыльницы на дворъ, головы на колодку, и потсѣкали и за плотъ позакидали,—на што ловилися. А яго у баню и чисовыхъ поставили.

Вотъ у царськомъ дворѣ только спать поўляглися, отъ ёнъ говорить: «ахъ, ребяты чисовэя! пусьтитя мяне проходитца вулушками-перявулушками!»—А можно, можно, Иванъ слуговинъ! разьви ты насъ не угосьтивъ, ти што? Мы тобой довольны! Отъ ёнъ, якъ ишовъ, такъ прямо икъ царевни. Отъ яны пили-гуляли, съ салхвэтки требовали и напитковъ, комэдій разныхъ, и ўсё. И сьвѣчи ярыя горять, и войстрыя мячи стоять. Ну, али уремя уже и отдыхать. Якъ только класьтись, дыкъ ина сычасъ: «мамўшка-нянюшка! потушитя сьвѣчи восковыя и положитя мячи войстрыя!» Вотъ тутъ ёнъ рассярдився, якъ шархнеть за двери, якъ тряхнеть дверьми,—дыкъ и вокны и двери, усё повысыпалось! «Ахъ, мамушка, нянюшка за што ёнъ на мяне рассярдився? ти я яму прикро што сказала?»—Не знаю, панна царевна: можа за ето, што вы обѣщали перяспать сь сьвѣчами ярыми, зь мечами войстрыми, а тяперь вы вялѣли потушить сьвѣчи осковыя и положить мячи войстрыя. Дыкъ можа за ето.... Ну только у царськомъ дворцэ столяровъ-маляровъ ня нѣтъ. Ина за ночь усё ето наладила, кабъ батька не знавъ. А ёнъ самъ у баню и отдыхаеть.

Давъ Богъ днёкъ, царь тэй каеть на етаго солдата: «вотъ, каеть, идеть непріятель на троя судокъ, и хто етаго непріятеля звоюеть за того свою дочкў отдамъ и царство передамъ!» Вотъ ёнъ идеть, непріятель, ажъ зямелюшка колотитца! Вотъ солдатъ вышавъ, пошовъ воеватца. И ёнъ вышавъ зъ бани. Говорить: «ахъ, говорить: кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюды! повоевався бъ я кругомъ етаго войська!» Ёнъ и являетца: «Здрастуй, говорить, Иванъ Ивановичъ!»—Здрастуй!—«Вотъ, привёвъ я табѣ коня воронца—сяредьняго братца своего, и мечъ кладенецъ и рямённую плеть, и мѣдяную одежу! Ѣдь, говорить: ты сильнѣй за яго, и лошадь твоя сильнѣй за яго,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ якъ пошовъ, пошовъ, на дорози етаго догнавъ,—щё ёнъ идеть воеватца—плетей зъ десятокъ яму давъ,—ёнъ не знаеть, хто. Якъ пріѣхавъ туды—кому рукў, кому ногу, зьѣхався съ старшимъ, якъ шарахнуеъ—такъ голова и покатилася... Вотъ назадъ пріѣхавъ икъ бани, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, да силку собирай! Коли мнѣ надо будешъ

тогды ко мнѣ прибудешъ!» Самъ якъ лёгъ спать, на троя судокъ. Якъ тольки ночь, такъ царевна идёть къ яму, пилнуеть, якъ воречка, домой идёть—и батька етаго не знаеть. Отъ, на чатьвёртыя судки непріятель посилнѣйшій идёть, ажъ зямелюшка трясётца. Отъ, етый пошовъ воеватца, а Иванъ Ивановичъ говорить: эхъ, кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюда! Ёнъ и являетца: «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! вотъ жа привёвъ я табѣ коня воронца, большаго братца свойго, сяребриную одежу, мечъ кладенецъ и ряменную плеть. Ѣдь, говорить: ты силнѣй за яго и лошадь твоя силнѣйшая,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Нагнавъ етаго узновъ на дорози—ёнъ идёть воеватца, дыкъ ёнъ яму плетей зъ десятокъ уськинувъ! Тяперь туды пріѣхавъ, кому руку̑, кому ногу̑; якъ зьѣхався съ старшіимъ, якъ шархнувъ—такъ голова и покатилася! А самъ тогды брядучей стопой къ бани пріѣхавъ, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, силку собирай!“ Якъ лёгъ спать, на шесьтеро судокъ. Якъ тольки ночь, царевна приходить, яго пилнуеть, ночуеть, а якъ зоречка—домой идёть. И батька етаго не знаеть. Вотъ, на сядмыя судки посилнѣйшій идёть непріятель: уся зямелюшка трясётца и колышетца. Етый зновъ солдатъ вышавъ воеватца. Ёнъ жа вышавъ зъ бани: «ахъ, якъ я молодый, кабъ мнѣ конь вороный! Покрасувався бъ, покрасувався бъ коло етаго войська!» Вотъ Мѣдная Цудовища и являетца: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Вотъ, привёвъ табѣ коня воронца дѣдовскаго, што вѣкъ никуды не тревоженъ еще, и золотую шапку, и золотую одежу и мечъ кладенецъ, и ряменную плеть. Лошадь ета твоя силнѣй яго лошади, ну ёнъ силнѣй тябе. И я знаю, што у̑ тябе тыѐ салхвэтки нѣту, на̀ табѣ мѐньшія дочкѝ салхвэтку. И ежали ёнъ тябе упярёдъ ра̀нить, хапай якъ можно салхвэтку и кричи: салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцыть богатырёвъ! Такъ яны якъ явютца на тымъ мѣсьти и разорвуть яго. Тяперь попрощаемся, больши мы зъ вами ня у̑видимся!“

Отъ, ёнъ якъ сѣвъ и поѣхавъ воеватца. Догнавъ зновъ на дорози ётаго—идёть воеватца. Отъ ёнъ яму плетей десятокъ уськинувъ: пріѣхавъ туды, кому руку̑, кому ногу̑ отломивъ, якъ зьѣхався съ старшимъ, старшій яго якъ шархнувъ—ись сѣдла вонъ выбивъ. Тогды ёнъ говорить: „салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцать богатырёвъ!“ Якъ выскочили, якъ хапили, на тымъ мѣсьти разьбили на мелкія часьти! Отъ ёнъ тогды сѣвъ уже, брядучей стопой ѣдеть, и кровъ исъ плеча плывётъ. Царь-царица на крылцы стоять и кланіютца и просють милосьти, кабъ хоть на дворъ заѣхавъ, рану увяртѣть: „хто за наша царство свою горючую кровъ разливаеть?“ Отъ, ёнъ на дворъ заѣхавъ. Царь у дочки хустку знявъ зъ головы, пополамъ разодравъ, одной половиной яму рану завязавъ, а другую половину доцэ отдавъ. Тяперь персьцень у дочки

узявъ ды яму отдавъ—на руку надѣвъ. Ёнъ тогды маршъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ бани, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привизавъ. „Иди, кося, гуляй, силку собирай, а якъ надо будешъ, ко мнѣ прибудешъ. А самъ якъ лёгъ спать на двинадцать судокъ. Тогды царевна пошла полядѣть, ажъ и персьтень яе и салхвэтка. Тогды пришла и батьку доложила. „Такъ и такъ: мой персьтень у етаго Ивана слуговина и моя хустка—рана уверчана!" Тяперь батька пошовъ, царь, повѣривъ. Позволивъ тогды ёй сядѣть тамъ пилнувать и день и ночь, покудова ёнъ и проспався.

Якъ жа ёнъ проспався, тогды царськую карету запрягли, къ бани подъѣхали, ды яго у карету узяли, ды й у царськія палацы привязьли, за столъ за тисовый посадили. Также и царевну поплечь зь имъ посадили, а зъ-за стола у цэркву пошли и обвѣньчалися и свадьбу згуляли. А етаго мошенника на поля вывяли, да растрѣляли. Царь яму передавъ усё царство.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ. Дали мнѣ пирогъ, я за порогъ, дали мнѣ хлѣба крайчикъ, дакъ я подъ вороты, якъ зайчикъ, маршъ и пошовъ.

Д. Попова Слобода, радомльск. вол. чаусск. у. Отъ кр. Нестера Сергѣева Высоцкаго, 75 л. неграмотн.

44. Гадюка въ огнѣ.

Нѣукоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви жывъ старикъ у водной дярэвни со старухой. И мали яны сабѣ дятей одного сына тольки. Жили сабѣ ня плохо, порадошно. Стало ихъ сыну годовъ восямнадцать. Ёнъ ставъ у ихъ просить грошай у ярмалокъ. «Дайтя мнѣ, тата, грошай, я пойду у ярмалокъ!» Батька питая у сына: «кольки жъ табѣ трэба грошай?—Дай мнѣ пьять рублей. Батька давъ яму пьять рублей. Ёнъ и пошовъ у ярмалокъ. Иде дорогой, нясуть хлопцы кота малого у лѣсъ. Ёнъ у ихъ и питая: «куды вы, хлопцы, кота несете?»—Понясомъ у лѣсъ, закиномъ, бо ёнъ школьливый! Ёнъ каа: ня закидайтя яго, продайтя мнѣ! Хлопчики ня знаять, що за яго просить, и кажать: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ винявъ пьять карбованцовъ, оддавъ имъ; кота узявъ на бярэмокъ и понёсъ домовъ. Приносля домовъ и пусьтивъ кота у хату. Матка питая: „що жъ ты купивъ?"—А купивъ кота!—„Що жъ ты за яго давъ?"—Пьять карбованцовъ! Матка заругала была яго, а старикъ каа: да ничого, няхай сабѣ ужэ, кажа. Дождадая парань другого ярмолку, опьять прося пьять карбованцовъ. Матка ня хотѣла давать, а батька опьять давъ. Ёнъ пошовъ у ярмалокъ. Доходя подъ другую дярэвню, вядуть малыя рабяты у лѣсъ собаку вѣшать. Ёнъ у ихъ питаа: „куды вы

ведетѐ собаку етаго?"—Повядомъ повѣсимъ, бо ёнъ ня хорошый, ня слухая хозяина! Ёнъ каа: „не вядитя яго вѣшати, продайтя менѣ! Кольки вамъ за яго?"—Яны говдрать: пьять карбованцовъ. Ёнъ винявъ пьять карбованцовъ, собаку за вяровку, и повъёвъ домовъ. Привдя домовъ, матка знова питаа: „що ты купивъ, сынъ?"—А купивъ собаку!—„А кольки жъ ты за яго оддавъ?"—Пьять карбованцовъ! Матка заругала яго, а ёнъ мàтары отвѣтивъ: будя стярэгть двора. Дожыдая ёнъ трэтьтяй ярмалки, и опьять прося пьять карбованцовъ грошай. Матка дужа ня хотѣла давать. Ну батька рашився ящѐ дать пьять карбованцовъ. Ёнъ узявъ грошы, пошовъ у ярмалокъ. Доходя дорогой подъ кусты—пасуть рабятишки скотъ санопàсомъ, вясной. И бѣгаять съ палдчками, зъ голдвнями, у водно мѣсто у водинъ *кущъ* и кричати вельми. Захотѣлось яму пойтить туды полядѣть, чаго яны кричать. Приходя икъ имъ и питая: „Чаго вы, хлопцы, кричитѐ да бѣгаете съ палками тутъ?"—А дтъ, дядчка: у томъ кущѣ ляжыть гадюка вяликая, дакъ ня дадимъ рады ни якъ яѐ ўбить, хоча насъ укусить! Ёнъ: ходемтя, каа, полядимъ: я побàчу, якая яна! Пошли уси, кольки ихъ булд, къ тому кусту,—ёнъ глядить на яѐ—гадюка большая. Ёнъ говора: ня битя яѐ,—продайтя менѣ яе! Яны уси одинъ на дного зглянỳли—который тамъ не зная ничого, говора, кричить: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ вынявъ пьять карбованцовъ и оддаѐ имъ. Якъ оддавъ грошы, такъ гадюка скдчила прамо съ куста да яму на рỳки. Скочила на рỳки, ёнъ и понѐсъ яѐ домовъ. Нясѐ домовъ, яна яму на рукахъ говора, отвящаа: «купивъ жа ты мяне, говора, парань, отъ смерти—приняси жъ, каа, домовъ—и возьми новый горщдкъ и налджъ клочча и положъ мене, и поставъ на пѐчи у кутку!» Парань понѐсъ гадюку ету домовъ, принося домовъ—икъ яго щасьтю ня булд батька и матки у хати. Ёнъ поспяшывъ найтить ндвый горщокъ и намостить клочча, и поклавъ туды яе, и поставивъ у кутѣ на печь. Приходя батька и матка и питаа: що жъ ты купивъ у ярмалку? Парань ня зная, якъ отвѣтить: «я, говора, купивъ сабѣ, да не вамъ!»—А дѣ жъ ты ето дѣвъ, що купивъ?—«А днъ на пѐчи у кутку, у горщку поставивъ! Матка полѝзла на печку, глянула у гдрщикъ, оттуль чуть носомъ ня зарала, утякàячи. И кричала усимъ голосомъ громко: утякай, тякай, старикъ, хутчѣй—гадюка ў хати! Тогды и батька заругавъ сына. Сынъ увярая—що ня бойтеся, яна васъ кусать ня будя!

Приходя вяснà, наступаа лѣто, подойшла косовица и такжа жатва. Сямья малàя, трэба усимъ убиратца на день зъ дому. Остаѐтца у доми, только котъ да собака, да гадюка на пѐчи. Рàньницай старики исъ сыномъ порабдтаять дружно, сонячко поднѝмятца, старикъ старуху посилаа, щобъ наготдвила обѣдъ да принясла имъ. Старуха приходя домовъ, хата

витоплена и наготовано обѣдать, якъ ненадо бить луччай. Старуха удивилась етому, и довго глядѣла и по хати и по двору: няма никого—и хто наготовавъ обѣдать? Навязала горшки и понясла старику съ сыномъ, обѣдать. Сѣли, побѣдали, старуха старику давай расказувати про то, що злучилось. Старикъ побѣдавъ исъ сыномъ и каа: а ето намъ Богъ давъ! Да, потомъ на другій день, параночували, дѣдъ опьять посилаа бабу исъ поля обѣдать готовить. Приходя старуха,—также само наготовляно чищай того щѐ. Старуха стала рада етому злучаю, ня стала разглядать и понясла обѣдъ. Принося старику и расказала, що злучилось. Сѣли, побѣдали. Старику и стало дико: хто-жъ ето такій готовя у доми обѣдъ? Давай сыну говорить: «идитка ты домовъ, мой сынъ, да узлѣзь тихонько на хату, да открый трохи стольницу, да й гляди, хто будя готовить обѣдъ заўтра! Сынъ батька послухавъ, пошовъ домовъ. Увишовъ тихонько у дворъ, що нихто не видавъ, на хати ночь пераспавъ. Назаўтраго раньнямъ уставъ, поднявъ нябогатько стольницы и глядить у хату, хто будя готовить обѣдать. Чуть стало сонца усходить, гадюка съ печи падаа, зъ горшка, доловъ и оброкидаетца у самую у пригожую дѣвицу, и тутъ кричити на собаку и на кота: «собака и котъ, ступайтя суды!» Собака и котъ приходять икъ ёй. Яна ими и распораджаетца. „Ну, ты, котъ, ступай по трески, а ты, собака, на, кушинъ бяри на шыю, ступай по воду! А то насъ хозяинъ корми, и грошы заплативъ за насъ, отъ сьмерти насъ отратовавъ усихъ троихъ, дакъ трэба имъ готовить обѣдъ!» Котъ ставъ таскать трески, носить у хату, а собака принесъ воды. Зняла съ собаки кушинъ воды, стала собирать обѣдать. Парань зьлѣзшы тихонько съ хаты, отчинивъ дверы у хату тихонько, и схвативъ яе за плечи. Яна ахнула и сказала: ахъ, якъ ты мяне спужавъ! Ну, спужавъ, говора, да ето усё ничого—вѣрно судьба твоя и моя: у якомъ ты положеньню менѐ заставъ, такъ вѣрно мнѣ и быть! Садись, да оддыхай, да дай мнѣ обѣдъ зготовить!» Парань сѣвъ оддыхать, а дѣвица стала обѣдъ готовить. Яна яму и говора: „ну, тяперака обѣдъ готовъ! Тольки давай ми, говора, съ тобою—одно другому дадимъ клятву: покуль ми будомъ жыть, *ш*объ ты бувъ мой мужъ, а я твоя жана! Ругать и наказавать якъ хочашъ мене би и лай, тольки ня 'шыбайся, шобъ ты мене не назвавъ гадюкой! А тольки ты назовешъ мене гадюкой, то ты не мой, а я не твоя!" Съ обоихъ сторонъ побожылись, *щ*объ вѣкъ не называть другъ дружку худымъ. Навязали обѣдъ и понясьли отцу-матары удвоихъ. Принясьли, побѣдали ўси учетьвяромъ, старикъ исъ старухой рады стали, що сынъ доставъ такую дѣвицу сабѣ. Побѣдавшы, старики лягли оддыхнуть, а дѣвица исъ сыномъ стали жыто жать. До вечара большы дѣвица нажала, якъ старикъ нажавъ съ старухой и съ сыномъ за цѣлаю

нядѣлю. Старикъ исъ старухой поговорили: «давай жанить сына изъ етой дѣвушкой!» Ожанили сына, стали жыть.

Пожывъ кольки тамъ, годъ—два; ражжывся порадошно, начавъ ѣздить у дорогу, извожничить. На жану оставляя увесь обработъ, довяра̀я на яе,—яна управляетца съ усимъ сама. И такіа яна штуки дѣлала: дѣ плохо̀я жыто—дакъ яна выбирала са̀мая тольки зярно, а за соломой не хотѣла заботитца.

Ну, одинъ разъ бувъ мужъ у дорози. Пройшло усё жнива̀, пріѣхавъ по во̀сяни домовъ. Ня доѣхавшы домовъ, стрэвъ своихъ сусѣдяй. Яны яму̀ й подвяли жану. «Ѣдь, говора, домовъ: твоя жана табѣ привобрала: ще й жыто стоить не пожато!» Доява̀жая до свойго поля—доѣхавъ до одной нивм—жжатая, до другія—жжатая, дояжжая до третьтяй—стоить солома ня жатая. Мужъ и рассѐрдився на жану. «Почаму жа жыта ня жжатая?» На дорози ѣхавшы, заѣхавъ у шынкъ, випивъ добро горэлки, шобъ нагонять жану добро, домовъ пріѣхавшы. Пріѣхавъ домовъ, отчинивъ ворота, увёвъ у дворъ ко̀няй. Отецъ-мати вискочили, рады стали, и жонка такжа. Ёнъ зразу ставъ жану ругать.—Батька й мати и жана стали яго увѣра̀ть, шо ето солома тольки стоить, а жыто наша дома! Ёнъ не различая ничо̀го, усё-тыки продовжая ругать и ругать. Наконецъ того съ пьяныхъ глазъ забувсь свою прѝсягу и назвавъ яе гадюкой! Назвавъ! Якъ назвавъ гадюкой, такъ яна удырилася объ зѐмлю и здѣлалася гадюкой. Полѣзла на печку и лягла̀ у кутокъ. Ёнъ повячеравъ, лёгъ спать. Назау̀тра прочинаетца, на ето на у̀сё забувсь, и питая у батька: а дѣ жъ жана? Батька и матка плача и говора: ты яѐ назвавъ гадюкой, дакъ яна здѣлалася гадюкой и полѣзла на печь. Ёнъ узлѣзъ на печь и давай просить яѐ. Довго яна мовчала, ничо̀го яму не говорила. Потомъ ёнъ ставъ нау̀колѣньки перадъ ёй, и ставъ силно плакать и просѝть. Яна яму отвѣтила: «коли ты хочашъ буть щасьливимъ, дакъ ступай за мной!» Ёнъ и согласився. Яна злѣзла съ печки и поповзла вонъ изъ дому, а ёнъ пошовъ услѣдъ за ёй.

Довго яны йшли дорогою, полямы, лясамы, лугамы разнамы, потомъ увойшли у нязвѣстность: тамъ га̀довъ большыхъ и малыхъ силно богато. Яна сычить своимъ голосомъ, дорогу имъ дають и не займаять ихъ. Провёвшы етаго гада, яна яму й кажа: гляди жъ ты, якъ ми прѝдемъ икъ хати, дакъ у етой хати будя сидѣть старикъ. Ето старикъ мой отецъ. Ёнъ у мяне спро̀ся гадцкимъ голосомъ: хто ты такій. Я яму отвѣчу, що ето мой искупитялъ, ёнъ мяне откупивъ отъ сьмерти. И попрошу яго, шобъ ёнъ тябе наградивъ. А ты жа смотри: будя давать табѣ у награду золото и серабро, дакъ ты яго не бяри. А ёсть у яго на правой руцѣ на мѐзинцы пѐрсьтянь, дакъ проси яго. Дакъ изъ етымъ персьтнямъ будяшъ

ты щасьливъ! Вотъ и доходять—стоить у лясу̀ хата.—Приходять икъ дверамъ, яна подъ дваярамы засычала,—старикъ скоро и отчинивъ двери. Убачивъ яѐ и зачавъ цаловать. И гадцкимъ голосомъ посычавъ изь ёй, спросивъ: хто такій съ тобой? Яна яму отказала: етый чаловѣкъ откупивъ мяне отъ сьмерти! Дакъ я яму побяща̀ла вяликаю награду. Дакъ прошу васъ, наградитя яго! Старикъ повёвъ парня у своѐ кладовйя и открывъ яму золото и серабро, и сказавъ: бяри сабѣ, скольки хочашъ! Ну ёнъ грошай не ў̆зявъ. Ёнъ убачивъ у старика пѐрсьтянь на мѐзинцы, ставъ просйть: ня трэба мнѣ вашы грошы, ни золото ни серабро, а дайтя мнѣ зъ вашай рукй персьтянь! Старикъ усьмяхнувся и кажа: що жъ табѣ зь яго? дли тябе грошы луччи! А ёнъ каа: «у мяне грошы своѐ дома ѐ, а пѐрсьтянь вотъ будя въ знакъ памяти, васъ и дочари ва̀шыя!» Довго старикъ ня дававъ, усѐ стяснявся, наконецъ того стала и дочка̀ просить, щобъ оддавъ. Ёнъ послухавъ дочки, изнявъ и оддавъ персьтянь той. Парань персьтянь узявъ, надѣвъ на руку̀ и ставъ благодарить и отправлятца съ хаты. Старикъ исказавъ дочары: провядй жъ яго, вонъ изъ га̀довъ вывяди, и раскажи, якъ обращатца съ перстьнямъ! Пошли вонъ съ хаты, гадюка провяла̀ гадъ етый увесь, потомъ того остановились, яна и говора: перамѣняй персьтянь съ однеѐ руки на другую! Перамянивъ персьтянь съ однеѐ руки на другую,—выскакуя дванатцать чаловѣкъ прислуги. И спрашуять: што, хозяинъ, трэбуяшъ? Хозяинъ тогды говора: дайтя намъ попить и поѣсть! Сичасъ невидймо накрываетца столъ, напитковъ и закусковъ кольки душэ ў̆годно! Попили-поѣли, просьтились и пошовъ парань домовъ.

Скоро казка сказуетца, ну ня скоро дѣло дѣлаетца. Урэмя пройшло до̀вгая, когда парань зъ дому отлучився, и ня скоро домовъ пришовъ. Когда прихо̀дя домовъ, насилу увознавъ свой домъ. Батька зъ маткой худо̀бу ў̆сю прожыли, тольки остався одинъ собака да котъ. И хата на бо̀къ схилилася ў̆жэ. Хозяинъ ушовъ у дворъ, поманивъ собаку. Собака явився къ яму, завищавъ отъ радосьти, и ставъ бросатца къ яму на груди. Ёнъ ушовъ у хату, старики увознали сына, заплакали отъ радосьти. Сынъ стариковъ унявъ и сказавъ имъ: ня журитеся! будя що пить, будя що ѣсьть!—Старики унялись. Парань паракида̀я персьтянь изъ руки на руку̀,—виска̀куять слугй и питаять: що, хозяинъ, трэба? Хозяинъ каа: накрыйтя столъ, и шобъ було попить-поѣсьть що удоволь! Той накрывся столъ, напитковъ и закусковъ—кольки кому жала̀тяно. Ёнъ опьять—старики повячерали и уляглись спать—ёнъ опьять паракида̀я зъ руки на руку̀ и приказуя своимъ слугамъ: «щобъ мнѣ за но̀чь сострòянъ бувъ домъ—луччай самаго перваго министра! И щобъ мы булй паранѐсяны, я и отецъ мой и матяръ, и собака и котъ щобъ находився при мнѣ!» Самъ лёгъ спать. На-

вутро починаетца старикъ исъ старухой—сами сабѣ ня вѣрать: на якомъ яны свѣти жывуть: на томъ, ти на етомъ? Потомъ сынъ уставъ, увѣривъ стариковъ, що ето усё здѣлавъ я—старикъ исъ старухой опьять обрадовались.

Довго—коротко пожыли, и начавъ сынъ отцу говорить, щобъ отецъ ишовъ сватаца. Отецъ у сына питая: куды жъ? Сынъ отвящая: иди къ цару. Отецъ сыну отвящая: «Якъ жа мнѣ итить? Царъ своѐ дочари ня 'ддасть. Да пожалуй и мнѣ голову зниия!» Сынъ говора: «иди, ня бойся, ёнъ табѣ ня знимя голови! А якую задачу ни задасть, дакъ ты яму усё обящай!» Старикъ послухавъ сына и пошовъ. Написавъ прошэнія, парадавъ цару. Царъ разглядавъ, посмяявся и потрэбовавъ старика. Старикъ пришовъ, павъ наўколѣньки парадъ царомъ и объявивъ свою прозьбу. Царъ вислухавъ старика и сказавъ: «ну, коли жъ твой сынъ хоча моѐ дочари, дакъ нехай ёнъ пріѣдя утъ такимъ то поѣздомъ: щобъ у яго була золотая карета и шасьтярикъ лошадей, и дванатцать полковъ за имъ воська у проводы йшло!» Старикъ побящавъ: ето ўсё будя! Возворотився домовъ, расказавъ, що злучилося, сыну и вельми спячалився. Сынъ батьку сказуя: ня журись, отецъ: ето ўсё будя! Дождавъ вечара, паракинувъ персьтянь зъ руки на руку, вискочили слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ и сказуя: шобъ була золотая карэта, шасьтярикъ лошадей, кучары, лакеи, хвалеторы и дванатцать полковъ воська, проводъ шобъ бувъ! Слуги отказали: усё будя готово! Назаўтраго днёмъ устають—усё собрано подъ домомъ. Сынъ со старикомъ, съ старухой сѣли, поѣхали. Пріѣхали къ цару—царъ увидавъ—усё ето, що злучилось, и бувъ ставъ противорэчить, ня 'ддавать свою дочь. Дакъ ёнъ цару угрозивъ: коли ты ня 'ддаси свою дочь, дакъ я твоё усё царство раскопаю! Царъ подумавъ, призвавъ дочь, пригласивъ дочь свою вийти замужъ за яго. Пожанили и начали жыть зъ молодой жаной.

Довго—мало пожыли—повадився къ ёй змѣй ў ночный бытъ. И начавъ ёнъ яѐ збивать: що ты зъ мужыкомъ жывёшъ? якоя ты удовольствія имѣешъ? Забяри ты яго персьтянь тихенько ночьчи зъ руки, и я тябе унясу! Ты у мяне будяшъ жыть у золотомъ доми, а ня ў такомъ! То жъ казка кажатца—що у бабы волосъ довягъ, да вумъ коротокъ,—на усё ето злодѣйство ина согласилась. Якъ ночьчи мужъ уснувъ, яна тихенько зняла персьтянь и парадала змѣю. Змѣй яе потхвативъ—бывъ таковъ, да й нѣту! Занёсъ за синяя мора, на тридесятая царство. Тамъ паракинувъ персьтянь зъ руки на руку—вискакуять слуги, питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ приказуя, шобъ царськаго зятя до дня перанёсьть у старикову хатку, у батьковськаю, а домъ изнёсьти, щобъ и мѣста ня было. Усе ето за ночь и збылось. Прочинаетца царській зять у своей у

гнилой у хатцы—нямà ни жаны, нямà ни персьтьня. Тольки отецъ и мать, да котъ да собака. Поплакали, покручинились съ сямѐйствомъ, да що жъ тутъ дѣлать? Трэба итйть икъ тѐсьтю жалитца! Пошовъ къ цару, объяснивъ своё нещастя, царъ рассердився, засадивъ яго у турму. И назначивъ яму пищу: хунтъ воды, хунтъ хлѣба у сутки. Посядѣвъ ёнъ нядѣлю, посядѣвъ и другую. Старики плàчать: и ѣсьти станòвитца нечаго имъ. Вотъ собака да котъ собрàлися до мѣста, и началѝ между собой дѣлать совѣтъ: „ну, що тутъ, братъ, дѣлать? ажа хозяинъ нашъ пропавъ! Нѐкому насъ хлѣбомъ кормити! Давай-ка ми старатца, доставать хозяину персьтянь!“ А котъ каа: „дѣ жъ ми достàномъ? я жъ ня вѣдаю, дѣ жъ ёнъ!“ А собака говора: я знаю,—пòйдомъ! А котъ говора: дѣ жъ? каа. А собака говора: трэба, братъ, плысть чаразъ мòра! Котъ откàзуя: я плавать ня ўмѣю!—Собака: «я паравязў тябе!» Согласилися воба, кинули старика и старуху и отправились у путь.

Довгая урэмя бяжàли яны сухимъ путёмъ. Наконецъ того пришли къ мору. Собака на кота кажа: садись менѣ на спину! Котъ уплёвся собацы за спину,—собака пошовъ плысть у мòра. Довго собака бився по морськимъ волнамъ, наконецъ досьтигъ берага. Вышли на берагъ, оддыхнули, опьять пусьтилися сухимъ путёмъ. Довго-коротко бѣгли—достягàять у етый золотый домъ. Тогды собака коту и говора: „отъ тутъ, братъ, табѣ ужэ дѣло пристойть!“ Котъ и спрашуя у собаки: «що жъ тутъ отнòситца мнѣ дѣлать?»—А òтъ що: ты душы̀ мишэй, лазь по щеляхъ, а я буду носить ихъ укупу! Котъ принявся за свою работу. Такъ узявъ ихъ скоро душыть, що собака ледва справлявся тягàть ихъ укупу. Довго яны ихъ тягàли, наконецъ того вилàзя мйшаччій царъ и питàя у ихъ эхъ, собака и котъ! що вамъ трэба? Дакъ скажытя мнѣ да парастаньтя душыть мою *черъ*. Тогды собака отвѣчаа: «òнъ що намъ треба: вашъ хозяинъ унёсъ отъ нашаго хозяина жану и яго зъ руки персьтянь. Тò намъ жана ня нỳжна, а добудьтя намъ пѐрсьтянь у яго?» Тогды царъ скликнувъ своихъ остальныхъ усихъ мишэй и питая, гдѣ находитца персьтянь. И спитавъ у ихъ, идѣ нахòдитца персьтянь, и хто охотникъ будя достать яго, оддать ямỳ? Двѣ половѝя миши визвались охотниками достать у яго персьтянь. Скàзуять цару: „ёнъ закладàетца ноччи у яго ў роти, бярэ у ротъ зъ руки Тò мы принимямъ другія мѣры! Мы—одна обмочимся у помйи и ўсоскòчимъ ямỳ на ротъ; то ёнъ спросонокъ плюня и виплюня персьтянь, а ми тогда яго вамъ приставимъ!» Собака и котъ пирастали душыть мишэй—стали ожыдать ночи. Отъ, наступая ночь, змѣй улёгся жъ жаной спать. Тольки заснувъ крэпко, *пргиняли* мишы за свою мѣру: обмочились у помйи и ўсоскочила яму прамо на ротъ, и захлопала своими лапкамы. Змѣй спросоньня виплюнувъ персьтянь. Одна берагла,

а другая съ помийками возилась. Ухватила той персьтянь, и отдали свойму цару. А мишшый царъ парадавъ собацы. Собака узявъ персьтянь, поблагодаривъ мишэй и пошовъ у путь.

Довго ли, коротко бѣгли, прибѣгли къ мо̀ру. Собака коту и говора: «на̀ табѣ, говора, персьтянь, возьми у ротъ и дяржи крэпко, бо я, говора, буду плысть, умору̀сь задышусь, дакъ мо̀а, разину ротъ, а кольцо упадѐ у мо̀ра!» Котъ узявъ персьтянь, сѣвъ на собаку, собака и поплывъ у мо̀ра. Довго-мало плывъ, начавъ уставать. Питая ў кота: «ты вѝшай сидишъ, далѐко бачишъ: ти далѐко бѐрагъ?» Котъ отвѣтивъ: нѣ, ужэ не далѐко! А персьтянь изъ ро̀та въ воду̀!... Котъ сабѣ и мовчить, пома̀вкуя, покуля̀ на берэгъ вѝйдя. И видя, стоить на берэзи дрэво,—ёнъ собаку и говора: дяржы̀ вотъ на то̀я дрэво, суда блѝжай! Собака повярнувъ на дрэво. Тольки ставъ на бѐрэгъ вылазить, а котъ ху̀тко съ спины скокъ! да на дрэво, на верхъ! Собака оглянувся—ня видно кота. Начавъ кричать: «а дѣ жъ ты дѣвся?» А котъ отвячая: „братъ, я во̀ ўжэ дѣ,—на деравн!»—Чаго жъ ты туды забрався?—«А я, говора, виноватъ: упусьтивъ персьтянь, коли ты у мяне спрашувавъ, ти далѐко берэгъ!» Собака яго полаявъ, и наконецъ того: ставъ увяща̀ть яго: злазь,—будомъ другія мѣры принимать! Котъ отвячая: боюсь, задушышъ! Собака яму побожывся: ня буду душыть! Котъ изъ вяликимъ страхомъ злѣзъ на землю. Отъ, собака и говора: «ну, давай приниматца за работу! Я буду по водѣ плавать и ныра̀ть, ловить и душыть раковъ, а ты, котъ, носи ўку̀пу. Довго яны душыли раковъ—наносили большую ку̀пу. Ня ўстерпъ стало рачѝному и рыбъяму цару,—вышавъ къ собаку и къ коту на берэгъ,—питая ў ихъ: «що вамъ трэба?» Собака отвящая: «ми плыли мо̀рамъ, упусьтили зъ рота персьтянь, то твоѐ раки ухватили и ня даютъ намъ!» Царъ сичасъ созвавъ раковъ и рассмотривъ ихъ: «ти ўси ви вишли?» Раки сами себе повѣрили: нѣ, говору̀ть: одного рака нѣту! На самой серо̀дини мо̀ра сядѝть ракъ съ одной клюшнёй. Царъ сичасъ пославъ гонцовъ; отыскали рака съ персьтьнямъ, витащили на берэгъ, и оддали собаку персьтянь. Тогды собака узявъ у ротъ и побижавъ сухимъ путёмъ прамо къ турмѣ, дѣ заключався ихъ хозяинъ.

Подбяга̀я собака къ турмѣ, и ставъ лапамы на вокошко, залаявъ. Хозяинъ увознавъ свойго собаку, простягнувъ у вокно руку̀. А собака изъ рота положывъ яму̀ у руку̀ персьтянь. Тогды хозяинъ, узявшы персьтянь, обрадовався. Паракѝнувъ зъ руки на руку̀, виска̀куять слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба?—Первая дѣло—попить, поѣсьть,—отъ голоду! Попивъ-поѣвъ, и потомъ вялѣвъ разбурыть усю турму и распусьтить усихъ до 'дного нявольника. Другій разъ приказавъ своимъ слугамъ, щобъ приставить жану умѣсьти зъ змѣямъ звя̀заныхъ. Да, якъ було сказано, такъ и здѣлано

Тогды царъ свою дочь сказнивъ, зъ змѣямъ умѣсьти, а зятю повялѣвъ жанитца на комъ ёнъ схо̀ча. Тогды годи брать царськихъ дочарэй, а найшовъ по себѣ ровну. Ожанився и теперъ жыве̇ и хлѣбъ-соль жуе̇. И я тамъ бувъ, мѐдъ-вино пивъ.

С. *Поповка, гомельск. у.* Отъ кр-на Семена Григор. Бабарыки, 37 л. негр. Говоръ смѣшанный; населеніе занимается отхожими промыслами.

45. Три купца.

Нѣу̇которомъ царстьви, нѣу̇которомъ государстьви, ну не именно у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ у одномъ городи богатый купецъ. И бывъ у яго усяго одинъ сынъ. И етый сынъ возросъ ужо до такихъ лѣтявъ, што треба и Богу учитца молитца. А ёнъ никдли и у̇ цэрькву ня хдить. Тогды батька ругаеть: што ты, говорить, у цэрькву ня ходишъ, Богу ня молисься? Ну, давъ Богъ годовый празничакъ Вознясенія. Купецъ яго уругавъ и выправивъ силкомъ къ обѣдьни. Ну, такъ ёнъ ишовъ по большой вулицы, и протѝвъ сапожницкія вывѣски засмотрѣвся сабѣ. Потому соступивъ зь мѣста, сапоги—подошвы у яго оторвались. Ёнъ ня могъ ити у цэрькву, пошовъ къ сапожнику. И просивъ ёнъ сапожника починить сапоги яму̇. Ну сапожникъ бывъ руській, и сказавъ: не могу!—сядьни у насъ большій празьникъ! Потомъ говорить: надѣвай готовыя сапоги и ступай, а свое̇ оставъ,—съ урѐмямъ поправлю! Надѣвъ ёнъ сапоги, и не пошовъ у цэрькву, назадъ вярнувся. Отецъ жа думавъ, што ёнъ бывъ у цэрькви да пришовъ. Такъ ёнъ и ня бывъ у цэрькви.

Потомъ ёнъ достигъ до совяршэнныхъ лѣтявъ, што жанить треба. И ёнъ замѣтивъ тдя урeмя, што у сапожника дочь красивая. Ну, батька посылаеть икъ товаришу у сваты, ёнъ говорить отцу: «мнѣ нику̇ды, говорить, не понора̀вилось, якъ къ тому сапожнику у сваты йти!» Такъ батька сумився, не хотѣвъ у сапожника дочку̇ брать,—якъ бывъ ёнъ купецъ мяни̇тый. Сынъ отвѣтивъ, говорить: дакъ я й жанитца ня буду, отъ тябе увыйду! говорить. Ну отецъ говорить: судьба твоя, сынъ! Сичасъ приходить къ сапожнику у сваты, ну, сапожникъ отвѣчаеть: «вы, говорить, коло мяне сьмиитѣсь! Купецъ: нѣ, говорить, не сьмяюсь! Ну, потомъ отвѣщаеть сапожникъ: я зъ радосьтю отдаю! говорить. Хорошо! Ня довго думаючи, за свадьбу, посьпяшнѣй зачали. Свадьбу 'тгулявши, годы три пожывъ купецъ, умёръ. Ну а ёнъ, сынъ купечацкій, жывъ жъ жаною честно, не видавъ ниякдго глупства ижъ жаны; потому нажывъ имѣнія еще у̇двойня̀, якъ отецъ. Потдмъ, самъ никогда и у̇ лавки ня бывъ,—прикащики приносили приходъ и расходъ. Дѣтявъ у яго ня було. Тяперь яму захотѣлося у лавку сходить, полюбопиствовать. Приходить ёнъ у

свою лавку, и рядомъ зь яго лавкой другого купца лавка. И тамъ стояли два купца товарипи. Ну, якъ ёнъ богатъ силно, протйвъ ихъ, яны къ яму̀ не подходили. И мижда собой раговоръ мѣли: вотъ у такомъ то протчамъ царстьви товары наши дороги. Поѣдемъ, братъ,—нагру̀зимъ по барки и поѣдемъ! Имъ мо̀рямъ плысь треба було. Сычасъ етый купецъ богатый приходить къ имъ, пощтэнія оддавъ, якъ слѣдуеть. «Што вы, говорить, господа, разговàріитя мижда собою?» спрашіеть етый купецъ, богатый. А вотъ, говорить: мы разговаріимъ: наши товары силно дорогй отъ у такомъ то царстьви! Дакъ мы по барки, говорить, нагружаемъ и туды отправляемся! А ёнъ отвѣщаеть: «и я, господа, зъ вами поѣду! Три барки нагрузимъ и поѣдемъ умѣсьти! Никогда нигдѣ я ня бывъ, поѣду, говорить, самъ зъ вами!»—Ну, поѣдемъ, говорить, братъ, умѣсьти, коли ты уже нами не гребуешъ! Отъ, нагрузили яны по одной барки товару, а ёнъ три. И отправилися плысьти по мо̀рю. Отплыли, можеть, со̀тенька два отъ берега, закинули якорь, стали мижда собой разговаривать уси у̀троихъ, и мижда собой споръ за жонъ стали имѣть. Потомъ бяднѣйшій купецъ говорить на богача: „твоя жанà, говорить, не хороша,—могу я сычасъ змануть еѐ!" Ну ёнъ, якъ мѣвъ у жаны совѣсь, видавъ, што ина икуратна, не занималась ни сь кимъ у глупство ни ў якдя, говорить: «ежали, говорить, у три дьнй жану мою зманишъ, то я отъ трёхъ барокъ товару прочь. А ежали не зманишъ, то ты одные своѐ прочь!»

Сычасъ купецъ отправляетца у лёхкой лотки на берегъ, етый, который зману̂ть собираетца. И приходить къ купцу, къ дому, къ жанѣ яго. И ставъ разныя сьмѣшки заводить. Ну ина вялѣла дворнику прогнать купца сычасъ жа. То дворникъ обругавъ и прогнавъ. Такъ купецъ у вяликую досаду превознёсъ сябе, хо̀дить, тоскуить по̀ городу, потому што якій товаръ бывъ, и той прйдетца оддать купцу,—за жану, што не зманувъ. Ну, потомъ, старуха идеть, которая была дли етыя купчихи. И говорить: зачимъ, господинъ купецъ, тоскуешъ силно? Ну, и расказавъ купецъ у подробносьти ей, почаму у доса̀ду пройзыйшовъ. Ина яму сказуеть: «ты глупой, говорить, сусимъ, дармо̀ што купецъ! Вотъ, сядьнишній день ина будеть у лазьни мытца, ты сядь идѣ, у якомъ мѣсьти, скрыйся, и замѣчай примѣтъ на голомъ тѣли яѐ; а я табѣ кольцо имяннḋя подамъ. Тогда, говорить, и у̀сё доказателство табѣ мужу, скажи—отдала мнѣ и кольцо имяннḋя!» И разыйшлись: баба сабѣ, а ёнъ у баню, и схвався. Приходить жана купца у баню: якъ раздѣлася, ёнъ увидивъ у яе на лѣвомъ плячѣ родимую бородавку. Купчиха вышла, и ёнъ вышавъ, што купчиха и не видала яго, якъ ёнъ вы̀шавъ, и не знала, што ёнъ бывъ. Приходить къ старуси, узявъ кольцо отъ яе, и побѣгъ.

Садитца у лотку и прiѣжжаетъ къ купцамъ къ тымъ къ двумъ. И подаетъ кольцо купцу имяннóя: «вотъ, говоривъ, што твою жану не знаню—вотъ жа знанивъ! И ты, говоритъ, моетъ, сколькя лѣтъ проживъ, ни знаешъ, моетъ, примѣты яе на голомъ тѣли, ти ёсь ти нѣ, а я знаю —на лѣвомъ плячѣ бородавка родимая у яѐ ёсь!» Купецъ изъ досады говоритъ: «я свойму слову хозяинъ,—получай моихъ три барки товаровъ!» Самъ садитца у лёхкую лотку, на берегъ отправляетца. Приходитъ домой пѣша, сычасъ ударивъ у щóку жану! Никóли не ругався, а то ударивъ у щоку жану. Потомъ сказавъ: „душачка, низвинитя, што я васъ ударивъ! Поѣдемъ, говоритъ, на мóря кататца у лотки!» Ина за ето не ўсерчала, идетъ за имъ тожъ, потому ина ня слыхала за имъ ниякóго глупства. Сычасъ приходитъ на бéрегу мóря, сѣли у лотку вóба, поѣхали кататца по морю у лотцы. И ёнъ сабѣ мысьли мысьлитъ: зброситъ зъ лотки у мóря жану. Потомъ говоритъ: «нѣ, говоритъ: востровъ близко, завязу на востровъ, и брошу на вострови!» Подьяжжаетъ къ вострову,—сычасъ говоритъ: «и пóйдемъ, говоритъ, душачка, гулять по вострову!» Узьвёвъ на серяди вострова, бросивъ жану, самъ побѣжавъ отъ жаны. Жана спугалась, чаа мужъ убѣжавъ. Пала нà землю и вỳмерла сы ʽспугу.

Приходитъ купецъ домой. И замѣчанiя былó съ товаришами, што жъ жаною ѣхавъ на мóря, а ʽттуль одинъ,—и стали начальству доказаватъ: «почаму, говорютъ, нашъ купецъ ѣхавъ на мóря жъ жаною, а оттуль одинъ, и жаны нѣту?» Начальство узялóся за купца: дѣ жану подѣвъ? Купецъ давай денежками засыпàтъ,—потому ёнъ видивъ, што жана не живà. Потомỳ, потуль денежки дававъ, покуль мỳщества не стало, года за два. Домъ продавъ, потомъ лавки—усё рѣшивъ, усё имущество. Не хватило ничóго ўже, и попавъ у вострогъ.

А жанà вылежала три гóда на вострови мèртвая. Потомъ Богъ давъ ей,—воскреслà. И одѐжа на ей уся погнила, стала голая. Тольки коло яе который бывъ, остався земчугъ, тольки тэй остався, и тэй неўвошто увинỳтъ,—узила у пригóрщи. И смотритъ нà моря, плуветъ корабъ съ солдатами. Закричала ина, стоючи: господа, возьмитя, говоритъ, мяне! Услыхавъ начальникъ голосъ, вялѣвъ яѐ узятъ солдатамъ. И отдаетъ ина имъ етый земчугъ: дайтя мнѣ солдацкую одѐжу одѣтца, и пострижитя мнѣ волосы по мущиньски! И зпала, у которомъ бокỳ городъ свой, просила перевязьтѝ. Сычасъ яе перевязьли съ моря нà берегъ. И було позно урамя —ночь обнилà яе. Ну ина—ночевать ей нейди, сыйшлà зъ дороги у лѣсъ и лягла подъ сóсною подъ большою.

Цеперазъ часъ урмя прилетаетъ птица на соснỳ. Якъ сѣла на сосну, дакъ ажъ соснà сколонулась. Теразъ повчаса прилетаетъ другая, тожа своимъ порядкомъ силная птица, на ету саму сосну. Яше теразъ

повчаса третьтія—на ету саму сосну тожъ. И стали разговариваṫь человѣчецкимъ голосомъ пṫицы. И ето ня былй пṫицы—былй три злыхъ духи: три діавола, и не знали, што ина подъ сосной находітпа. Стали промижда сябе разговариваṫь человѣчецкимъ голосомъ. «Ты, говориṫь, братъ, идѣ бывъ?» одинъ на другого говориṫь.—«А я бывъ у воднымъ городи, шутку подшуṫивъ, ды̄й хорошую! Отъ, говориṫь: собралисъ, говориṫь, три купца ѣхаṫь съ товаромъ у чужія земли. Потомъ, говориṫь, я призьвёвъ ихъ и зьдѣлавъ я мижда ихъ споръ на мори. И мѣли яны залогъ объ жонъ. Потому одинъ обозвавъ жану някуратною богатаго. Ну тэй сказавъ: я отъ трёхъ барокъ товару прочь, коли мою жану зманишъ, коли ина поблудная! А не зманишъ, ты отъ одные барки товару прочь! Т̄яперь, говориṫь: на троя судокъ зьдѣлали условъ яны. Ну, сычасъ отправляется купецъ у городъ, и идеṫь прямо къ купцу, жану змановаṫь. Ну, ставъ коло яе сьміятца,—ина у рязонъ ничого не принила—вялѣла дворнику прогнаṫь. Отъ, дворникъ яго прогнавъ. Пошовъ купецъ тоскуючи по городу, у силной досади. Которая была старуха дли яе и могла спросиṫь у купца: чаго ты, каеṫь, у силной досади? Купецъ расказавъ подробносьṫи. И назвала ина купца глупымъ. Ступай, говориṫь, сядьни баня будеṫь топітца,—ступай у баню и скрыйся у якомъ скрытномъ мѣсьṫи. И смотри примѣтъ на голомъ ṫѣли яе. А я табѣ кольцо имяннóя подамъ. Купецъ пошовъ у баню и скрывся.—Увидавъ на лѣвомъ плячѣ бородавку родимую. Потомъ, вышатчи зъ бани, подала старуха кольцо яму̑ имяннóя. Ёнъ отъ радосьṫи побѣхъ къ морю, саітца у лотку, пріѣжжаеṫь къ купцу, и подаеṫь кольцо и говориṫь примѣ*тъ*, который ёнъ видавъ,—на лѣвомъ плячѣ бородавку. Т̄яперь купецъ выступаеṫь съ свойго судна и оддаеṫь три барки товару: я, говориṫь, свойму слову хозяинъ! Сычасъ приплываеṫь къ берягу̑, сѣвши у лотку, приходиṫь домой, и жану ударивъ у щоку. Потомъ обратно говориṫь: пойдемъ, говориṫь, душачка, кататца на моря! Жана не усярчала за ето, пошла *съ* имъ,—потому ина не видала никогда *съ* яго худóго. Пришли къ морю, саітца у лотку обоя и поплыли кататца. Потомъ, ёнъ думавъ: у мóря увросиṫь яе! Ну, али вѣдавъ востровъ, поѣхавъ къ вострову. Пріѣжжаеṫь къ вострову: пойдемъ, говориṫь, гулять по вострову! на жану̑. Узьвёвъ на серядi вострова и бросивъ жану. Самъ побѣжавъ отъ яе. Жана сы спугу ву̑мярла,—ёнъ видавъ. Шовъ по городу бежъ жаны ужо, и товарищи увидали, што бежъ жаны шовъ,—а туды жъ жаною—доложили на-

чальству. Начальство узялось за купца. Купецъ деньгами засыпать. Дали-боли—за два годы имущество ряшивъ и домъ продавъ. Не хватило у купца денегъ—у вострогъ попався. И тяперь сядить!..»

Ну, жана тутъ и разузнала. объ чомъ ето случилось у ихъ,—што мужъ ня виновенъ, дьяволъ смусьтивъ.

— «А ты, говорить, идѣ бывъ?» на другого.—«Я, говорить, тожъ не глупую вещь изъдѣлавъ! Я въ одномъ царьстьви уничтоживъ воду по ўсёмъ царьству,—который стошникъ дѣиствовавъ на усё царьство, то я яго загрузивъ каменьёмъ и дерявьёмъ. Тяперь у тымъ царстьви воды нѣту. Приставляеть царь у своё царьство воду. И до тѣ царю силно досадно, и отъ привозныя воды народъ силно мреть!»—А што жъ, говорить: можно ету воду, говорить, открыть? Ёнъ говорить: отчаго жъ ня можно? Ежали бъ знавъ хто мѣсто тоя! И расказавъ подробно, дѣ мѣсто тоя, одинъ другому. «Ну, а ты, говорить, идѣ бывъ?—на третьтяго отвѣщають—и што зьдѣлавъ?»—А я бывъ у водномъ царьстьви тожъ. И зьдѣлавъ тамъ тожъ хорошую штуку. Тамъ, говорить, черезъ мяне царевна высыхла на былину!—«А што жъ, можно яе воспользовать, царевну?» дiяволы говорють.—„Отчаго жъ ня можно? Треба тольки собрать крошки у церкви и слѣдущая отслужить и дать царевни".

Дiяволы улятѣли, потовковавши. Ну, ина лежала до дня подъ етымъ деревомъ и слыхала усё, што яны говорили. Давъ Богъ день, отправляется ина у ето царьство, идѣ воды нема. Приходить у царьскiй городъ и спрашiеть чаю. И сказуеть трахтирщикъ: у насъ, говорить, чай дорогъ! А ина отвящаеть: почаму? Потому, што воды нѣту у нашамъ царьстьви! Царь нашъ силно у досади церазъ воду! Ина 'твѣщаеть на 'твѣтъ: пусьтяки, говорить: воду можно достать! Трахтирщикъ поднёсъ чаю ёй, а самъ увѣдомивъ на царьскiй дворецъ: якiй то проходящiй солдатишка хвалитца, што воду открыю,—не нашай зямли! Сычасъ посылаеть царь двухъ жандаровъ—попросить милосьти къ царю. Не пойдеть по чесьти, приставить безъ чесьти. Хорошо! Пришли жандары и обвѣщають: што ты, говорить, братъ, хвалився,—воду открыю?—Могу! говорить.—Васъ царь спрашiеть! Безотказно идеть. Приходить, отдала царю поштэнiя, якъ слѣдуеть быть. Сычасъ царь припявъ къ собѣ, ставъ угащавать, ставъ спрашавать: «што, братъ: можашь воду открыть у моимъ царьстьви?»—Могу! Тольки мнѣ дайтя безъ усякаго начальства три полкѝ солдатовъ. Ну хуть и убытокъ будеть у народи, то я ня 'твишаю! Царь говорить: «не

жалѣю трёхъ полковъ солдатовъ *ли бы вдда* была!“—Кабъ мяне слухали, што буду говорить,—кабъ слухали! Ну, царь давъ три полки солдатовъ, и назаўтраго повутру отправляетца ина съ солдатами куды знала.

Вотъ яны два дни ў проходи, на третьтій день остановилися оддышку имѣть. И ина пошла мѣсто узнавать, дѣ—діяволы тувкували—загрўджена вода. Съ повдня пошла и до ночи нема̀. И солдаты мижды собою товкують: нашовся якій то солдатишка, зьвёвъ насъ, и самъ утёкъ! А другія говорють: отправимся назадъ у городъ! Ну нѣкоторыя говорють: нельзя! Потомъ и ночь обнила—нѣту! Давъ Богъ день—нѣту! Подъ повдня—идѣть. И нѣкотдрыя увидали: вотъ, говорили—зьвёвъ!—идеть, говорють. Приходя къ солдатамъ, говорить: ну, рябяты! пойдемъ дали! Приходють къ мѣсту, идѣ разознала ина—заставляеть полкъ солдатовъ копать гдру. Ну, тыя заморились,—не такъ объ пищи, якъ объ водѣ—другій полкъ приставила камень отгружать. Ну, й той уморивсь бывъ,—третьтій приставила лѣсъ вытасковать. Ну, й ня ўсйла была̀ и тому! Сказала: рябяты, прихинитесь усй, и сами сябе беряжйтя, кабъ вода не затопила! Потомъ, у скоромъ урмени, растаскали лѣсъ—вода открылась. И народу мало потёрлось отъ воды,—не посьпѣли зь мѣста сыйтй. Вода по ўсимъ царьству пошла, и лўччи якъ упрѐдъ была вода. Царь съ музыкою, съ хлѣбомъ-сольлю сустрѣкаеть за городомъ, тольки не знаеть, съ котораго боку будеть ити. Якъ пришовъ—жалуеть гинаралскимъ чиномъ. Ну ина отвѣщаеть: я, говорить, съ простыхъ лицъ, благодарю васъ за чины! А царь отвѣщаеть: „ёсь у мяне, говорить, дочь, то я за тябе ее отдамъ!“ —Нѣтъ, говорить: вы находйтя сабѣ съ царьскаго лица! А мнѣ, коли ўгодно, подарйтя у увѣшная потомство полкъ солдатовъ луччихъ! Царь съ радосьтю дарйть. Надѣляеть деньгами, и отправляетца ина у ето царьство, дѣ царевна нездоровая,—исъ своими солдатами, мѣючи гинаралскій чинъ.

Подходить у ето царьство, близъ города къ кабаку, и спрашіеть водки дли солдатовъ. Солдатовъ угосьтила водкой, не спрашуеть ни службы, ничагд—солдаты етому рады! Одинъ до другого говорють: я, хоть бы й пусьтили домовъ, то я не пойду отъ етаго начальника. Спрашіеть ина у кабатчика: «што у вашамъ гдроди слышно?»—Хорошо, говорить, хто удалѐ отъ города живеть; а хто ўблизи, тому трудно прожить!—«Отчаго ето такъ?» ина уже на ʻтвѣтъ говорить. А ʻнъ отвѣщаеть: оттого, говорить, што нашъ царь силно сярдитъ теразъ дочь!—«А што дочари, говорить, случилось?»—Нездорова, говорить, нѣшто, и нихто ня можеть воспользовать!—„Ето, говорить, пусьтяки! я бъ могъ ба рады дать!“ Кабатчикъ побѣгъ къ царю, и доложивъ царю: якій то гинаралъ проходящій, сь чужихъ зямель, хвалитца, што вашай дочари можеть рады дать!

Царь сичасъ вялѣвъ просить милосьти його. Оявляитца ина къ царю, якъ слѣдуеть поштэнія отдавъ царю. Царь принимаеть къ сабѣ у комнату, съ собой умѣсьти кушать. И ставъ спрашивать: «вы, говорить, говорили, што моей дочари пользу превознясў?"—Могу! говорить. И прошу милосьти, говорить, принять къ сабѣ мой полкъ солдатовъ,—потому мнѣ нѣгди ихъ помясьтить—я проходящій! говорить. Сычасъ помященія для солдатовъ задали. Обѣщавъ царю, кабъ ѝтъ такомъ то номастырю було служенія заўтри и кабъ была ваша дочь привезена туды, и дохторя кабъ были ваши тамъ!

Назаутраго, давъ Богъ день, оявились уси у номастырь. Отыйшло служенія, вялѣвъ сьнять пристолъ. Ну царь отказуеть: пристолъ нельзя разрушать! Потомъ вялѣвъ тыки сьнять. Сьняли—а тамъ ныря. Сама пошла мышь шукать у пори, ну й вялѣла калавурить, кабъ ня выпусьтить зъ номастыря мышь. Нашла ина мышь, выгныла зъ поря, и забили. Ну, тогды вялѣла дохторямъ потрошить. Ну дохторя отказывались, сказали: заставляить гинаралишка якій то мышей потрошить! Ну царь приказавъ потрошить. Стали яе потрошить, ина увидила у нутрѣ тайны, якъ чистая стяклѝ. И узила сама ў руки, и уси зьдивились, потайны, якъ чистая стяклѝ. И узила сама ў руки, и уси зьдивились, почаму ина знала, што у мышини у нутрѣ тайны? Уси признали, што тайны ўнутрѣ. И почаму ёнъ, говорють, знавъ? Хорошо. Отдають тайны попу. Попъ слѣдащія молитвы отправивъ и даеть царевни бѝлной. Царевна той жа часъ стала здорова, покрасивѣла, якъ и упредъ была. Царь возрадовавсь етому гинаралу: «и возьми, говорить, братъ дочь мою за сябе! Половина царства отписую, и по сьмерти усё!»—Нѣ, благодарю васъ, царь! потому што я съ прѝстыхъ лицъ дослужився гинарала вотъ за вѝду у такимъ то царьстьви. А вы сабѣ шукайтя царевича якого либо. А мнѣ подарітя два полки солдатовъ у вѣшная потомство, якъ подарили у томъ царьстьви: за вѝду. Подвышіеть царь зъ радосьти чинами, одинаріями и даеть два полки солдатовъ.

Отправляетца ина у своё государство къ свойму городу. Подыйшотчи близко города, даеть бумагу губернатору, што ѣдить гинаралъ проходящій сь чужихъ зямель съ трамя полками солдатами, кабъ у такомъ то доми у такого то купца мѣсто очисьтить. Ежали жъ дома нѣту, хуть падатки на томъ мѣсьти построить, потому я ў етаго купца у предніягоды бывъ, и мнѣ знакомъ хорошо. Потому я хочў хуть на етымъ мѣсьти побыть съ своимъ народомъ! Губирнаторъ послухавъ, сповнивъ дѣло, построивъ палатки—дома нѣту,—и сустрѣтивъ своимъ порядкомъ проходящаго гинарала. Гинаралъ у палаткахъ устроивъ балъ дли начальства дли губерськаго. И мѣли яны разговоръ: дѣ той купецъ? Губирнаторъ отвѣщаеть: у вострози сядить. И скоро рѣшенія,—подъ наказъ пойдеть! Гинаралъ спрашіеть проходящій: за штѝ?—А ѝтъ, говорить, без-

звѣсно, дѣ жану дѣвъ.—Хорошо, говорить: а дѣжъ яго домъ тяперь дѣвся? гинаралъ говорить.—А вотъ, говорить: мелкомѣстная начальство понямножку деньги потягували, вотъ и домъ, говорить, разорёнъ териз есто! Сычасъ гинаралъ спрашіеть: прошу, говорить, губирнатора, кабъ мнѣ яго привѣсьти зъ вострога,—ёнъ мнѣ силно знакомъ! Губирнаторському по приказанію приводють яго у уковахъ. Вялѣвъ гинаралъ проходящій у вособую палатку увесьти, а госьтей оставивъ. «А што жъ, говорить, братъ: узнавъ мяне?»—Нѣ, говорить, не знаю!—«Да я у тябе, говорить, бывъ!»—У мяне много было, говорить. «Дѣ жъ ты своё имѣнія дѣвъ?» говорить. Мовчить купецъ зъ досады большой. Оставила ина яго у палатки, сама выходить къ начальству: «и скажитя, братія, хто скольки узявъ зь естаго мущества денегъ?» Ну, другъ друга стали выказавать. Распишитесь, господа! говорить. Сычасъ расписались уси, хто кольки узявъ. Оборощаетца къ купцу у палатку: «што жъ, говорить: узнавъ, господинъ купецъ, мяне?»—Нѣту! говорить. Вялѣла уковы сьнять. Сычасъ уковы сьняли зь яго. Зьдѣвай, говорить, рыштаньскую одѣжу. Зьняли зь яго одежу рыштаньскую. Стоить голой купецъ. И спугався, думавъ, што наказавать яго будуть. Сычасъ зьдѣваеть сь сябе гинаральскую одѣжу и даеть яму. Ну ёнъ боитца. Ина яму говорить: падѣвай, дуракъ! Ёнъ одѣвся у ету 'дёжу. Сама одѣлась у женьскую одежу. «Што жъ ты не узнавъ, говорить, мяне?»—Нѣтъ, говорить, не узнавъ! Сичасъ бяреть яго за руку и вядеть къ начальству. «Вотъ, говорить, господа! не дослядивши, дѣ чія жана, ня мѣетя правы домъ чужій разорять! Кабъ моё добро поповнито було! Вотъ, я своему мужу гинаральскій чинъ выслужила и три полки солдатовъ отъ протчихъ царей!»

Ну вотъ, и усё кончаетца. Стали узновъ хорошо жить. И я тамъ бывъ, и усё ето видивъ.

Д. Корчеватка, рясвян. вол. чаусск. у. Отъ кр. Павла Сергѣева, 47 л. негр

46. Ракъ Царевичъ.

Живъ сабѣ такъ ходяинъ исъ ходяйкой. И яны много прожили, а дятей не мѣли. Ну, пошла старушка зимнымъ уремямъ по воду. Почарпнула воду вядеркомъ, а ракъ у вядро. Ина яго вонъ, а ёнъ: «не бросай мяне, я буду твой сынъ, будешъ щасьлива!» Ну, ина пришла домой. Дѣдъ говорить: «ли чаго ты принесла рака?» На 'твѣтъ старуха сказала: «ёнъ говоривъ: буду твой сынъ! возьми мяне,—будешъ щасьлива!» Старикъ давъ на твѣтъ: «идѣ ты видала, кабъ ракъ бывъ сынъ, и якоя щасьтя зъ рака?»

Ракъ отвѣщаетъ дѣду: «не ўлякайся, я тябе буду звать отцомъ! Примемъ трудъ тяжолый, потомъ будемъ мѣть щасьтя!»

Попочувавъ ракъ, обогрѣвся. И зоветъ старика отцомъ, старушку матерью. «Што, говоритъ, отецъ и матерь, я вамъ скажу: идика, отецъ, къ царю у сваты!»—Якъ я пойду, я сусимъ неўборенъ, старъ! «Ничавó, отецъ, объ етымъ ня ўнывай, ето я буду въ отвѣти!» Узявъ старичокъ кіёчакъ и пошовъ къ царю. Приходитъ къ царьскимъ палатамъ, стоятъ на калавури солдаты. „Куды, старикъ, идешъ?»—Ды вотъ, иду къ царю у сваты за свойго сына! Иго подъ калавуромъ доставили до царя. Царь спрашіетъ ужо: «што, говоритъ, хотишъ, старичокъ?»—Ваша царьство вяличаство,—до вашій милосьти: хочу засватать вашу царськую дочь за свойго сына!—«Очень, старичокъ, етымъ благодаринъ! Што жъ я тебѣ отвѣчу? Когда ты хочешъ узять мою дочь, тыкъ ты будешъ мой сватъ, а сынъ твой мой зять. Выстрой тяперь отъ моего дома и до своего мостъ хорошій. И якѣй жа хорошій: кабъ была мосьница золотая и сяребриная, тожа столбъ золотэй и серебряный. Ну, ежли етаго ня ўпольнишъ за показанный срокъ, то тебѣ будетъ топоръ и плаха и на смертъ бѣлая рубаха!» Старикъ загорювавъ, пошовъ.

Приходящи домовъ, набранивъ старуху: «ли чаго ты несла намъ бяду домой? Мнѣ обѣщана топоръ и плаха,—на смерть бѣлая рубаха, за такую вину, што я й не видавъ, а сказано мнѣ здѣлать!» Ето ракъ услыхавъ. «Разскажи жа мнѣ, отецъ, икая вина на тябе упадаетъ?»—А вотъ икая—идѣ ето я могу здѣлать? Велѣно здѣлать отъ нашиго дома и до царськаго мостъ хорошій—золотая мосьница и сяребриная, золотэй столбъ и сяребриный, и ў показаный срокъ,—а я йще не знаю,—длиненъ той срокъ ти малъ!.. На 'твѣтъ давъ ракъ: «отецъ и мати! ложитеся спать, вутро вечера мудрянѣй,—усё Богъ дастъ!» Ну, уснули крѣпкимъ сномъ, нихто ничавó не слыхавъ. Вышавъ ракъ ночóю на дворъ, ставъ подъ святымъ небомъ, снявъ раковину, засвятивъ, якъ молодэй мѣсицъ, и крикнувъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся до мяне усѣ: я вамъ закажу службу! Ну, яны явилися усѣ къ яму и конно и пѣша. „Отъ-што я вамъ братія, скажу: кабъ бывъ вымощенъ мостъ къ раньню, отъ моего двора и до царськаго хорошій—золотая мосьничка и сяребриная, кабъ было красиво царю прогулятца!»—Постаряемся ли васъ, господинъ нашъ!

Повутру ошинаетца царь—освятила работа половину царьства! Потомъ царь пріўзадумавъ: „што я, сь кимъ ето занявся? Либо ёнъ со мной занимаетца? Ёнъ жа бывъ старъ человѣкъ и соўсимъ у ветхой одежи,—а якія ето заботы ёнъ издѣлавъ,—што круто и скоро! Ето къ часьти царськой вочень красиво!» Повутру ошнувся старикъ сы старухой: „якъ ето будетъ царь у нашъ домъ прибывать? Нашъ домъ дрянь!“ Тяперь опять рячетъ

ракъ: «ступай, отецъ, къ царю у сваты!» Старикъ узявъ кiечакъ и пошовъ. Тяперь идеть безъ заботъ и сьмяётца,—по мосту хорошо ити. Приходить къ дому царському, у яго часовыя спрашують: «куды йдешъ, старикъ?» Сурьёзно спросили у яго. Ёнъ на 'твѣтъ давъ тожа сурьёзно: «я иду къ царю,—я царьскiй сватъ!» Ну тамъ поляд̂ѣть на яго—у рубищи у етакомъ, у дренномъ!—Уход̂ящи у палатку, старикъ сказавъ: здрастьви, ваша царьство вяличаство! Царь на твѣтъ давъ: здрастьви, сватъ мой! милосьти прошу у палатку! Приказавъ слугамъ поставить стулъ рядомъ исъ своимъ стуломъ,—якъ вотъ мы съ тобой. «Ну, будемъ, сватъ, разговаривать: свадьбу надо д̂ѣлать? Штоба приготовився хорошо! По етому мосту кабъ купы (п=ф) были зъ разными напитками ли кàжнаго слупа, хто якей жалаеть, той будеть пить; и кабъ ли кàжнаго слупа стояла яблонка зъ злишными вѣтками—бытто золото и серябрò, на ихъ, и яблочки золотыя и сяребриныя, и разныя хрухты: вина выпить, яблочкомъ закусить! Теперь отправляйся домой до свойго сына, и кабъ ето мнѣ былò сочѝнито,—а то топоръ и плаха, на смерть бѣлая рубаха!» Опять старикъ загорювавъ, заскучавъ, пошовъ. Приход̂ящи домовъ набранивъ старуху: «ли чаго ты приносила бяду домой?» Потэмъ ракъ услыхавъ ихныя разговоры: «эхъ, говорить, отецъ и матярь: объ чомъ говорить, скучаетя?»—Да якъ жа намъ не скучать? Д̂ѣ жъ мы, говорить набярёмся?—«Отецъ и мати! ложитеся спати: вутро вечера мудрянѣй,—усё Богъ дась. Давъ Богъ ночь. Ну, уснули яны крѣпкимъ сномъ. Ёнъ выход̂яща на дворъ, подъ свято небо, збросивъ свою раковину на зямлю̀ и засiявъ, якъ молодэй мѣсицъ. Воскликнувъ громкимъ молод̂ецкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки! собирайтеся уси до мяне!» Ну яны и идуть и идуть—и конно и пѣша. «Што прикажетя, господ̂инъ нашъ?»—А вотъ што я вамъ скажу: къ моей свадьби приготàвлюйтесь! Выбирайтя по етомъ зъ мосту красоту, устраивайтя яблоны—золотая яблона и сяребриная ли кажиннаго слупà; на тыхъ яблонахъ кабъ было прикрашано бытто золотòя вѣтьтя и сяребриная, золотоя яблоко и сяребриная, золотыя купы и сяребриныя, зъ разными напитками, зылотэй стаканъ и сяребриный, золотоя блюдо и сяребриная,—за тымъ, кабъ можно былò прохожымъ людёмъ и проѣжжымъ што выпить и закусить!..—«Рады старятца, господ̂инъ нашъ! Мы ето испольнимъ!» Къ вутру усё ето явилось.

Царь выход̂ивъ и далякò прохàджувавъ. Узявъ рукою за свою головỳ сяредьнимъ пярстòмъ и подумавъ: «якъ ето д̂ѣлаетца круто? Што нихто ня вид̂ивъ етой работы! И якъ по моёмъ приказу усё й сычѝнито!.. Вутромъ ракъ и говорить оццу и матери: «што, говорить, отецъ-мати, нехай отецъ ид̂еть у сваты къ царю ще од̂инъ разъ,—ёнъ больши уже не пойд̂еть!» Ёнъ узявъ кiёчакъ и пошовъ. И радъ, идеть, идеть, да й

вина покушаеть. Приходить ко дворцу, у яго часовыя спрашують: «куды идешъ, старикъ?»—Ды я, говорить, иду къ царю! Я, говорить, царській сватъ! Ну, яго подъ калавуромъ доставили у царськія комнаты. Здрастьви, ваша царьство вяличаство! попрѝстому, помужицки! Здрастьви, говорить, мой сватъ! Прошу милосьти ў палатку къ сябѣ! Приказавъ слугамъ поставить стулъ рядо̀мъ со своимъ стуломъ. Приказавъ свату: «што пущай твой сынъ суряджаеть поѣздъ и прибываеть сюды,—тутъ будемъ свадьбу играть! А самъ ёнъ мижда усихъ кабъ бывъ верьховой,—кабъ я мижда ўсяго поѣзду узнавъ, который мой зять!»

Ну тяперь, приходящи домовъ, и сказавъ сыну свойму: «прибирайся заўтри ѣхать къ царю—и кабъ ўси были у поѣздахъ, а ты кабъ бывъ верьховой,—кабъ бывъ знатенъ у ўсемъ по̀ѣзду!»—Кладитеся спать, утро вечера мудряпѣй, треба дѣло спольнять! Ночой, яны положилися спать, ничаво ни слыхали, а ёнъ выходяща на дворъ, воскликнувъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся на мою свадьбу усѣ! Кабъ было ли мяне полкъ солдатовъ украшѐнныхъ и музыки полковэя, ваши наряды зыпряжнэя, и ли мяне верьховая лошадь увобраная!»—Рады старатца, господинъ нашъ! Усё ето спольнимъ! Собралися, украсили усё сяленія. Старикъ со старухой—яны были съ такимъ умомъ—яны не рады и не спужалися: што тутъ такоя будеть? Отправлялиси у путь повутру. Пріѣжжаеть,—оддавали хорошій хоръ и чесь ли царськаго дворца. Царь у вокошко признававъ своего зятя. Приказавъ своимъ слугамъ: «а йдитя того верьхового подъ руки зьнимитя!» Слуги пошли, благородно яго сьнимали, ну й уносили яго на рукахъ у царськую палату, садили яго на стулѣ съ старшую дочкую. Было̀ у ихъ гуляньня дванадцать дней,—открытая торжаство̀ по ўсимъ городу. Ну, обручались законнымъ бракомъ. И усихъ не стало, усяго по̀ѣзду, остався зять одинъ, якъ бывъ ракъ такъ и ёсь, усё ракъ. И остався тамъ жить.

Тяперь, было̀ у яго у етаго царя ящо двѣ дочки. Дыкъ яны выбрали сабѣ зятёвъ хорошихъ, увобраныхъ, разумныхъ. И тяперь статьтй такея, што яны стали надъ ей надругатца: «што наши мужья хорошія, а тытку бо̀льшая сестра—и за кого ты вышла!» А ина имъ говорить: «што ёнъ, говорить, при вѝди народа, дакъ ёнъ ракъ, а якъ я ночую зь имъ у посьтели, дыкъ ёнъ не ракъ, отъ яго уся палатка зьяеть, якъ раковину свою сьнѝметь!» Тяперь яны подсовѣтовали: што мы, говорить, постараемся, дыкъ её сожгёмъ, раковину!» Ну, яны уснули—а тыя раковину украли и сожгли у прачешной пецы,—вядомо, тамъ огонь день и ночь горить. Ёнъ со сна услыхавъ смрэдъ. Ёнъ спросивъ: што такоя за ето смрэдъ? Ажъ ина дала яму на твѣтъ: у насъ у городи вопрёвъ не смалють днёмъ, а смалють ночо̀й, дыкъ отъ того смрэдъ! Ёнъ прыхватився

ажъ яго одежи нѣту! «Ну што жа? говоритъ: жана моя, говоритъ, милая, да у раду поступила у глупую! Хто ды мяне тяперь захочетъ дойти, дыкъ ёнъ стопчитъ троя ботовъ зялѣзныхъ, собъетъ три кіи зялѣзныхъ; за трудами своими изъѣсь у харчахъ три проскуры зялѣзныхъ!» Ну, тяперь, самъ вышавъ на дворъ днёмъ, и усѣ яго видали, што ёнъ вочань красивый молодецъ. «Эй, говоритъ: сивчикъ-бурчикъ, вѣшный калавурчикъ, стань передо мною, якъ листъ передъ травою—служивъ мойму оццу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжитъ, земля дрыжитъ! Прибывъ етый лошадь, павъ на колѣны передъ имъ. Ну, ёнъ бярѐтца за гриву и садитца на спину. И сказавъ ёнъ: „уси прощай!“ И вознявся самъ на воздухахъ, коло воблакъ ходячихъ, и поѣхавъ. Ну, а жана осталась.

Пожила, пожила, и стало ей плохо бизь яго—стали уже обиждать ее. Ина стала скучать своему отцу, кабъ ёнъ етыя вещи ей справивъ: троя ботовъ зялѣзныхъ, три кіи зялѣзныхъ и три проскуры зялѣзныхъ. Отецъ и справивъ ей еты вещи, ина пупросила блугусловенія: блугуслови мяне, отецъ-мати уѣхать!—мнѣ плохо жить. Ины блугусловили, ина и пошла яго искать. Пошла у тую сторону, куды видила—ёнъ поѣхавъ.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, дужа довго страждала у своёмъ походи! боты прибила, кіёкъ одинъ уже изьбила, нарячѐнный хлѣбъ зялѣзный, который мужъ сказавъ, уже зьѣла,—стоитъ ей на пути домъ. Обнимаетъ яе тёмная ночь. Стоитъ у воротахъ вяльможа женьскаго полу. А здрастьви табѣ, здрастьви, проходжая!—кажетца, што ето ты нашаго брата жана? Трудно табѣ добратца до яго! Ну, прошу милосьти къ себѣ понучувать!“ Ина низко голову склонила и пошла нучувать. Повутру рано уставала, и благодарила на 'тходи. Ина ѐй, вяльможа, одовжила платочекъ: «на вотъ табѣ платочекъ, отъ большія сястры подарокъ!» Етый платочекъ вочань пригожъ, разными тьвитами, бытто золотый и серебромъ усаджаванъ, разнымъ украшэніямъ. Ина получила етый платокъ, лобзувала яго, якъ и свойго мужа. Потомъ поблагодарила и отправлялася у путь.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—скоро то говоритца, да трудовъ много принила—другія стоптала боты, зьбила другій кій, зьѣла и другій хлѣбъ, отъ мужа благословѐнный. Потомъ опять приходитъ, на яѐ пути стоитъ домъ, почищи ще й того. Иѐ присьтигаетъ уже тёмная ночь; у воротахъ опять стоитъ жа вяльможа женьскаго полу, такого жъ виду и лица. «Здрастьви тебѣ! говоритъ. Якъ бытто ты нашаго брата жана, и наша нявѣстка? Трудно табѣ добратца до яго. А тольки уже большы пространдала, чимъ страждать! прошу милосьти понучувать у насъ, оддыхнуть!» Пріютила у палаты, у домъ свой, покормила, пріютила на оддыхъ. Повутру ношлежница уставала, благодарила, усердный отвѣтъ да-

вала: благодарю васъ за ношлегъ, за ваша угощенія! вы мяней прощайтя! Ина: «вотъ, говоритъ, голубка, я тебѣ дамъ подарокъ!» Ина ей дарувала подарокъ—щётку, которой учѐсують голову. Ина вочань пригожа, украшѐнна красиво—тамъ одно золото, одно серябро, и разныя цвяты Ина, получивши еты вещи, и пошла.

Довго уремя страждала ина—надѣвала третьтія боты, брала третьтій кій у руку и начинала третьтію проскуру ѣсь. Довго уремя страждала у своимъ походи, мало оддыху мѣла,—якъ ето скоро сказуетца, ды ня скоро сочиняетца,—третьтія стоптала боты, третьтій оббила кій, зьѣла и третьтій хлѣбъ. Ёй на пути бывъ опять домъ. Ина приходяща къ дому, её обнимала тёмная ночь. Такъ у етомъ доми, у воротахъ, стояла вяльможа женьскаго полу. Увознала её. «Здрастьви, говоритъ, правукрасная царевна! Давно страждаешъ, голубка! Заутри свой страдъ покончишъ! Прошу милосьти ко мнѣ попучувать, нявѣстка наша, нашаго брата жана!» Пріютила яе у палатку, накормила, пригласила яе на воддыхъ. Назаутряго ина уставала и сьпяшила у путь. Ина ѐй дала подарокъ. Дала ей куделичку и прясьличку и веряте́нца. «Отъ, сказала: узыйди у городъ и сядь на базари, расьтялй платочекъ, отъ большія што сястры подарочекъ, и поставъ на платочку щётку, и пряди сама куделю. И будетъ итти со слугами вяльможа, женьскаго полу. Ей вещи етыя дужа уподобаютъ. Ина будетъ ихъ тургувать. Ну, ина будетъ тебѣ цѣны давать прежди сотни,—ты не соглашайся; потомъ будетъ давать тысячи—не соглашайсь; ты не хотй ничаво! А мѣй договоръ: зь яѐ паномъ за вещь ночь нучувать. Ина уси три вещи у тябе вѳзьметъ. А ты ни на вошто большы не соглашайся!» Ина подякувала и пошла.

Приходитъ у городъ, пріютилась серяди базару—день бывъ погодьливый,—ина расположила своѐ вещи—платочекъ разослала, щѐтку поставила на платокъ, стала работой заниматца,—куделичку прядетъ! Потомъ, повуденныя ли часы, ти якія—ето ни показано—ходила вяльможа по базару, со слугами. Приходяща къ ѐй, сказала: «здрастьви тебѣ! А што, голубка, продаси ты мнѣ своѐ вещи?»—А йна на ‘твѣтъ спросила: которую вы жалаетя?—«А мнѣ вотъ унорови́вся платочекъ!—(Платокъ напярёдъ подарѳванъ) Што табѣ дать за яго?»—Ина на ‘твѣтъ отказала: я ничѳго ня хочу!—«А якъ жа ты,—дармо оддаси?»—Нѣ, я дармо не дамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ?»—А я хочу изъ вашимъ паномъ ночь нучувать!—«Ахъ, якая жъ ты бязсовѣсная!—Што табѣ за польза, съ паномъ ночь нучувать? Я жъ дамъ табѣ сотню денягъ за яго. Ето будетъ табѣ пользительно!» Ина на ‘твѣтъ дала, што: а я не хочу! Ина отъ яѐ отышла, походила, походила,—скушно стало: не могу растратца зь естыми вящами! «Ну, пойди, дура, когда не хочешъ денягъ, пойди по-

ночуй!» Забрала платочекъ и пошла. «Ну, и пойди за мной!» Потомъ пришли домой—ина яе у палатку пріютила—у такую палатку далекую, што ина и голосу мужнинго не слыхала. Потомъ прибывавъ мужъ ись охвоты. Ина яго зьнимала изъ лошадей слугами, угощала разнами напитками, которыя пьянѣй усихъ. Ну, упоила яго и ў спальню положила, ёнъ бясь чўстьвія бывъ. И позволила ей спать ложитца съ паномъ. Ну ина легла, и стала съ имъ разгуваривать: «я ўсё твоё приказанія спольнила! Я троя ботовъ зялѣзныхъ стоптала, я три кія зялѣзныхъ зьбила, и три хлѣба зялѣзныхъ зьѣла! Стала говорить, якъ страждала. До тябе дойшла, и вотъ съ тобой ляжў, а ты мнѣ ничого не говоришъ!» Ина яго и будила, и колыхала, и щипала. Ну, а ёнъ сьпить и отвѣту ина никотораго не слыхала отъ яго. Ти чустовавъ ёнъ, ти нѣ, ето не знато дѣло. Вутро уставала, благодарила и выходила. Вяльможа надъ ей сьміялася, назвала дурой: «вотъ, якая ты дура! Што ты получила отъ пана? А я бы табѣ дала дениxъ много! Отвѣтъ отказала вяльможи: «я дениxъ не хочу!» Ну, и отправилася ў своё мѣсто.

Поставила щетку, уже й безъ платка, сама прядеть куделичку. Отправлявся панъ за хвотою, опять изновъ—«ти я у во снѣ видавъ, ти што надо мною было—якъ бытто бы я гласъ слыхавъ свое прежнія супруги. Я гласъ слыхавъ и болѣзи тѣлу своему припявъ. Посьпяшу-ка позараньшы съ охвоты домой!» А йна опять—изновъ выходила, вяльможа, на городъ, на гуляньня, й со слугами. Приходила опять кы етой сидѣлицы. «Што, голубка, говорить: продай мнѣ ету вещь!»—на щетку.—Купи!—«Што возьмешъ?»—А я ня хочу ничого—съ паномъ ночь пучувать! Ина ипять яе назвала дурой: «ну, икую ты, говорить, совѣсь получила, што ты съ паномъ нучувала?—Ничаво!—А я табѣ дениxъ бы дала!» Ну, потѣмъ ляхко согласилася, позволила—дала ще ночь перепучувать. Ну, опять такимъ жа путёмъ, такъ жа само: пріѣхавъ ёнъ съ охвоты, дыкъ ина сьнимала яго съ поизды слугами, привѣчала знов на угощенія. А ёнъ угощенія жастоко не принимавъ, —мысьливъ сабѣ то, што николи на мяне етаго не бывало, кабъ етакая угощенія я мѣвъ. Тольки ёнъ ставъ остерегатца, скоро ставъ бясь чустьвія пьянъ—самъ на сябе натянувъ такъ,—уснувъ за бясѣдой крѣпкимъ сномъ. Ну, ины узяли и положили у палатку на посьтелю. Тогды ина на яе сказала: «ступай съ паномъ нучувать!» Ну, ина легла. Подождала, покуль уси заснули, и во время человѣчецкаго сна стала яго разбуджать. Опять своё разговоры разговаривала, усѣ своё труды расказала: «я другую ночь съ тобою ночую, а отъ тябе ничого ня чую!» Ну ёнъ усё ето понимавъ, а отвѣту ниякого не давъ. Потомъ, ночь на проходи, стала вутра. А её разбуджають, высалають вонъ. Ина устала и поблагодарила. Ина, вяль-

можа тая, посьмиялась и назвала дурой: «двѣ ночи, говорить, ты нучувала, якую пользу ты получила?»

Ина поблагодарила, отправилась на своё мѣста, занимала своё мѣсто' пряла куделичку. Коло яе мужъ яе пройшовъ не ў знатномъ види. Ипять отправлявся на охвоту. Тяперь ина яго къ видну разглѣдила, только што не ўвознала. Прибываеть ёнъ съ охвоты уже изъ разными думами. А йна, вяльможа, выходила ыпять на городъ сы слугами, на прогуляньня,—скучала по третьтей вещи,—кабъ уже и ету достать. Ну, дыкъ ету уже вещь—куделичку и прясьлицу и верятенца уже ляхчѣй достала, круто: «Продаси мнѣ ету вещь третьтiю?» Ина 'твѣтъ дала: продамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ.»—На твѣтъ дасть: «я не хочу ничого: съ паномъ ночь нучувать!» Ина на слугъ: «бярите еты вещи! Поди за мной!» Ну, и прiютила яе у тэй спальни, дѣ ина двѣ ночи нучувала. Ну, прибываеть панъ исъ охвоты позараньшы. Ина яго сьнимала слугами исъ пойзды, садила за столъ исъ собою и угощала напитками разнами. Ёнъ при сябе свою силу узявъ, и опять зделався хмялёнъ—натянувъ на сябе. Ну, тоды положили яго у посьтель. Якъ стала тишина у ночи, заставивъ яе мужъ перестлать посьтелю, якъ ей унравитца. Ну дыкъ ина перестлала посьтелю и начила разговоръ. На твѣтъ ёнъ давъ ей, што вутромъ ты не пойдешъ. Вутромъ яе стали васалать. Первый разъ называли: голубушка, пойди изъ ношлегу! Ина не пошла. Во торыхъ разахъ называли ее бязсовѣсной. Ина не пошла. Третьтiй разъ сказали: «говорять табѣ—ступай изъ ношлегу!» Потомъ ина не послушала. И выходють исъ спальни удвоихъ увобравшись. Ну, тогды ёнъ вялѣвъ вывесьти перваго жеребца со стайни и тую вяльможу растаскать по чистому полю, привязать икъ конському хвосту. А сами стали жить-поживать, и царювать. И я тамъ годы два ти три тому бывъ, только ничого не бачивъ. Спокойной ночи, прiятнаго сна, радоснаго вутра! Бывайтя здоровы!

М. Горки, чаусск. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

47. Иванъ Бѣлоросейскiй.

Нѣўкоторомъ то царстьви, нѣўкоторомъ то государстьвя, живъ такъ король. И прозваньня яму дали Бѣлоросейскiй. И самъ ёнъ Иванъ, и сынъ у яго тожъ Иванъ бывъ. Живуть да пожаваюць, ядуть хлѣбъ да пояда-ють. И сынъ гэтый яго большiй бывъ охвотьникъ дужа, ходивъ ўсё по хвоти. И много разовъ ходивъ, то ничого й ня видивъ. Одинъ разъ по-шовъ, попавъ мужичка худачка, на поли оручи. Кобылка яго дрэнная, жарабочикъ у яѐ хорошiй. Уподобалося гэто Ивану Ивановичу. Давай ёнъ у мужичка худачка спрашавать: продай мнѣ мужичок-худачокъ гэ-

таго жарабочка!—Ахъ, паничокъ, я самъ радъ, што дождавъ. Отказуеть яму паничокъ: што ты ще не дождавъ, ще тольки увидивъ. А продай, продай, каеть, я табѣ много грошай дамъ!—«А скольки ты мнѣ даси?»—Ды скольки я табѣ дамъ,—я табѣ дамъ сто рублей! А бывало жъ рубъ и то большія гроши, а сто рублей, гэто уже дужа много. Подумавъ, подумавъ, гэтый мужичокъ: а, отдамъ, каеть, нехай сабѣ!—Да ты, каеть, купишъ сабѣ за гэты гроши четыре кони, а захочешъ два, дакъ ты хозяйство сабѣ наживешъ. Ну, и отдавъ. Ёнъ забрытавъ яго и повёвъ. такъ што кобыла гэта не зарзала, жарабочекъ не запищѣвъ. Потомъ приводить домовъ, поставивъ на стайню. Потомъ, тую жъ самую ночь, сснилося яго батьку Ивану: што купивъ твой сынъ жарабка сабѣ на споминаньня, а батьковой головѣ на стенаньня! Тяперъ ёнъ уставъ, сядить и думаеть: «што зъ гэстаго будеть? Возьму тка я сонникъ, погляджу, ти ня увиджу я што про гэто!» И такъ ёнъ сабѣ разобравъ, што гэто нехорошо тыки яму. Тоды ёнъ думаеть самъ сабѣ: ну, лѣпи жъ возьму я иго, да маленькаго страчу, утоплю, хуть не такъ мнѣ жалко будеть! Давъ Богъ день, отъ ёнъ у день позвавъ яго къ сабѣ: Иванъ, каеть: ходитка я табѣ нѣшто скажу! Ёнъ пришовъ: а што, тата, скажашъ? Пойдемъ-тка, каеть, съ тобой, покажу я табѣ границу на мори, соты ище малъ, а я старъ, часомъ скоро помру, ты ня будешъ вѣдать ничого! —«А пойдемъ, тата!» Яму не такъ гэта граница, якъ абы бѣгчи. Пошли. Идеть ёнъ сабѣ да й раздумався, гэтый батька, што плохія такія думки у яго на мозгахъ. Идеть сабѣ утупившися, никуды не глянеть. А гэтый Иванъ, яго сынъ, усё бѣгаеть—у водинъ бокъ забяжить, у другій забяжить. Потомъ забѣгъ,—стоить яблонка, и на ей ёсь яблочки; ёнъ узявъ шибнёвъ и ставъ шибать, и яблочки збивать. Яблонка гэта яму говорить: Иванька, Иванька, ахъ ты королевичъ! Не зьбивай ты моихъ яблочекъ. А отъ, ёсь на мнѣ сухоя сучча, возьми, наломай ты два пучки, навяжи—одинъ подвяжи подъ одну паху, а другій подъ другую—табѣ усётки къ ночи къ тёмной згодитца! Ёнъ здѣлавъ, наломавъ, навязавъ, и потъ пахи подвязавъ. И побѣхъ услѣдъ за батькомъ. Батька на яго усердився, зачимъ ёнъ абы куда забѣгаеть: зачимъ ты, каеть, забѣгаешъ, чаму ты ня йдешъ услѣдъ за мной?—«А я, каеть, забѣгавъ туды-сюды, яблочки, каеть, збивавъ!» А гэтаго не сказавъ!—Ну, ходи, каеть, борджѣй! Ну й приходють къ гэтому мору, да й къ синему. Ну вотъ, каеть, полядитка, дѣ граница, вуунъ, вуунъ бѣлый камень!—«Дѣ, дѣ, каеть, я ня виджу!»—Да вунъ, каеть, подыйди поближи! А тамъ сусимъ ниякого й камяня ня було дажа, на бѣломъ мори. Ёнъ подыйшовъ, да й нагнувся и лядить у мора. Ёнъ яго ўзявъ да й пихнувъ, батька сына, а самъ, кабъ не бачить и не чуть, якъ ёнъ кричать будить, ни крику, да й ниякого голосу—можа

пожалѣю, думаеть сабѣ, дакъ кабъ ня вытегть,—и побѣгъ оттулятьки.

Ну, якъ ёнъ упавъ у мора, дакъ яго рыбина вяликая и ужрала. Потомъ,—ёнъ занимався папиросками, уже куривъ,—и была у яго сярничка, и ёсь у яго зъ естыя яблонки суччa два пучки, отъ ёнъ и ставъ тяпло тамъ класъ. Разложивъ тяпло, ножъ вынявъ, ставъ яе рѣзать тамока, печь и ѣсьти. Проносила яна яго тамъ день, а можа два—не могла вытримать, што ей, значитца, дужа жарко. Ина узяла яго, карханула, да й вонъ на берагъ. Ну, а якая тамъ на ёмъ была одежа, дакъ и погнила, и остався ёнъ голый. И думаеть ёнъ тогды сабѣ, на берази: куды мнѣ ити, што робить, домовъ мнѣ ити, дакъ не утопивъ батька—дакъ засячеть, абы завѣсить—пойду, куды вочи глядять. Надумався: пойду на шляхъ, попрôстому на госьтинецъ. Хай тамъ тыки боли люди ходють и ѣздють и сидять ли дороги; и можа хто мяне возьметь. И пошовъ и сѣвъ. Полядѣвъ, полядѣвъ, ня чуть никôго, да и не видать; хотѣвъ уже убратца оттуль ити, али думаеть сабѣ: нѣ, посяджу, ящо троху. Ажны почувъ, нѣхто стучить—ѣдить. Потомъ и увидивъ; ажъ, зъ большой карэтой. И такъ яму стало тогды стыдно (неувага). Нѣ, каеть, гэтыхъ пропущу, сыйду на бокъ, заховаюсь, бо гэто абы якій панъ, абы король,—самъ сабѣ думаеть. Узявъ ды сыйшовъ на бокъ, ды сѣвъ подъ кустъ, сховався. Бѣхъ изъ ими маленькій собачка, якъ узбѣхъ на гэтый слѣдъ, прибѣхъ, да й брешеть на гэтаго Иванбку на королевича. Ажно й то ѣхавъ король, другій. Ну, собачка гэтый брешеть на яго. Гэтый король каеть: стой, на хурманà. Иди ты, каеть, поляди, гэто собака не такъ брешеть, тамъ нѣхто ёсь. Ёнъ злѣзъ, гэтый хурманъ, и пошовъ. Приходить туды, ажъ хлопчикъ голый сядить. Тоды ёнъ кажеть: «хлопчикъ нѣйкій голый сядить!»—Якій сабѣ, каеть, ёсь, вяди яго суды!» (по руську). Ёнъ яго узявъ, и привёвъ къ гэтому королю. Чимъ тябе, каеть, зовуть, хлопчикъ? король пытаетца у яго.—«А? каеть, што? мяне чимъ зовуть? мяне зовуть Иваномъ, и батьку тожа мойго Иваномъ!»—А ящо чимъ?—«Королевичемъ». А, ёнъ каеть кучару: гэто пѣвно мой сынъ, у мяне жъ икуратъ такій сынъ. Якъ ты, каеть, пришовъ сюды?—«Да я, каеть, и самъ не знаю,—солгавъ,—хто мяне сюды ти принёсъ, ти привёзъ!»—Ну, якій ёнъ сабѣ ёсь ня ёсь, повязу домовъ. Увяртѣвъ, у свою карэту усадивъ и поѣхали. Ѣхали празъ мясьтечко празъ якоя, ёнъ яму узявъ, да одежу и купивъ, якъ разъ на яго. Привозить домовъ, ажъ и свой сынъ ёсь дома. Якъ привёзъ, злучивъ, дакъ и не ўвознаеть, который сынъ рôдный, который находный. Ну, каеть, якій сабѣ ёсь, ня ёсь, годуйся, каеть, нехай одинъ сынъ будеть родный, а другій находный. И удалися яны волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо, и ўсё якъ одинъ. Ну, и живуть яны, годуютца, и никôли яны ни за што

не сварутца, вотъ, якъ дѣти, вядомо. Никдли. Такъ одинъ одного и зовуть: ты братецъ родный, а ты братъ находный. Ну, жили, уже яны и поросьли, и старый уже ставъ гэтый король. Вядомо жъ, скоро казка кажетца, да не такъ яно скоро дѣетца, якъ кажетца. Гэтый король уже ставъ дужа старъ. «Ну, вотъ, дѣти, што я вамъ скажу: одинъ сынъ родный, а другій находный, и распишу я вамъ своё королевство пополамъ, и кабъ вы, по моёй смерти, жили, поживали, и часто мяне поминали. Ну, проживши нямного и помёръ, расписавши имъ своё королевство гэто. Ну, живуть яны, поживаютъ, и часто батьку поминають. А усётки между сябе хорошо живуть, никдли не сварутца. Живуть и поживають и усё батьку поминаютъ. Ну, потомъ, прожили кольки и кажуть сами мижда сябе удвухъ, разговаруютъ: што ты, каеть, вѣдаешъ, братъ родный: я думаю, кабъ мы который жанилиси. «И я хотѣвъ, каеть, табѣ, братъ находный, давно гэто казать! Я-тки думаю: ты, братъ находный, жанися!»—А нѣ, братъ родный, ты усётки родный, а я находный: табѣ треба уперадъ жанитца, а я тольки буду за свата табѣ; я тыки вѣдаю дѣвку добрую!—«Ну, нехай сабѣ буду и я; а дѣ жъ ты вѣдаешъ и дѣвку?»—А вѣдаю, каеть, далёко: ёсь у нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви, ти можа у томъ, у якомъ мы живёмъ, и ёсь нѣйкій король, и ёсь у яго одна дочка. Пойдемъ къ ёй у сваты, не такъ—поѣдемъ, а пойдемъ. Сходи ты, каеть, на мѣсто!—«Чаго жъ я пойду?»—Купи, каеть, тамъ шѣраго сукна, простого мужицкаго!—Да на што табѣ, ти у насъ надѣть нечаго?—Нѣ, я хочу гэтакаго! Послухавъ ёнъ, пошовъ, гэтый братъ родный. Купивъ гэтаго сукна, шѣраго, простого мужицкаго. Купивъ, приносить домовъ. Ну, позвали кравца, и пошивъ гэтый кравецъ сермяжку зь естаго сукна, и шапку. Пошивъ, и ёнъ надѣвъ, гэтый братъ находный. Во тяперь, каеть, ти ладно? каеть на брата. Якоя ладно, дужа дрэнно, сусимъ нельзя выйти и на люди. Мы жъ тыки названыя королевичи, а гэтакъ надѣвшиси дрэнно у сермягу. Ёнъ каеть: нехай сабѣ! Ты жъ, братецъ, будешъ молоденецъ, дакъ ты надѣнься ладно, а я ужо вядомый сватъ! Ну вотъ надѣвъ гэтую сермягу, гэтую шапку, да й кажеть: ну, тяперъ жа ты мяне не зови ни Иваномъ, ни братомъ, а зови, што Ивашка—шѣра сермяжка. Тяперъ мяне усюдахъ будуть звать! Ну, выбралиси и пошли ў сваты. Потомъ, подыйшли подъ гэто королевство, куды яны уже йшли у сваты, и послали письмо напѐрадъ, подыйшовши ужо троху. Получивъ гэтый король письмо гэто отъ ихъ: што идёмъ къ табѣ у сваты Бѣлоросейськія королевичи. Потомъ яны идуть, идуть, приходютв у такую пущу, у драмущу, што ни уздўмать и ни ўзгадать, и ни ў казцы сказать, ажъ у тэй пущи ляжить чело вѣкъ, надѣвшись дужа крѣпко—штаны суконныя, кожухъ тёплый, ар-

мякъ добрый, и шапка вушатая. Ляжи̑ть да усё кричи̑ть—а гэто дѣялося улѣтку—да й кричи̑ть: аай, стю̑дёно, аай, стю̑дёно. Ты схо̑ди-тка, каеть братъ родный, поля̑ди... А нѣ, ты не зови мяне братомъ, скажи: схо̑дитка, сватъ, поля̑ди!—Ну, схо̑ди, сватъ, поля̑ди, што тамъ такоя, муси̑ть, ёнъ намъ знадобитца. Ну, братецъ находный пошовъ, поля̑дѣвъ. Што ты гэто, каеть, ляжишъ, такъ на̑дѣвшись, гэто жъ дужа жарко—у насъ сорочки на спинахъ, и то намъ тяжки.—Ну, а мнѣ, каеть, зимой тёпло, ня то тёпло соусимъ горачо. - Хо̑ди-тка, каеть, изъ нами, можа мы тябе нагрѣемъ.—Ну, пойду! Уставъ и пошовъ разомъ изъ ими. Ну й пройшли кольки тамъ урема—не такъ то скоро дѣетца, якъ скоро кажетца,—прихо̑дють у такоя поля вяликая, што ни уздумать, ни узгадать и ни у казцы сказать. На тымъ поли тожъ повзаеть и усё собираеть разныхъ тамъ и жабъ и козявокъ, разное тамъ поскудство: тамъ и жуковъ, и мухъ тамъ, и кричи̑ть: ѣсьти! Бо яго уже мужики выгнали изъ дяревни, што ёнъ усё побъядавъ и нико̑ли не наѣвся. Тогды ёнъ каеть, Ивашка гэтый шѣра сермяжка: што я, каеть, усё тябе буду слухать,—схо̑ди-тку ты поля̑ди, што тамъ за чаловѣкъ такій? Пошовъ гэтый моло̑денецъ и поля̑дѣвъ. Каеть:человѣкъ, собираеть усё да ѣсь, и кричи̑ть: ѣсьти. Чаго ты кричишъ,каеть: ты жъ бы пошовъ у дяревню, да й подъѣвъ хлѣба!—«А мнѣ, каеть, хлѣба много треба!»—Ну, дакъ хо̑ди ты зъ нами, можа мы тябе накормимъ!—«О сёй, зачимъ, кажеть—пойду!» Ну, иду̑ть учатырохъ уже разомъ. Пройшли кольки урема знова, не такъ жа скоро дѣетца, якъ скоро кажетца—прохо̑дють опять у пущу у драмущу, што ни уздумать, ни узгадать, и ни указцы сказать. И потомъ кричи̑ть тамъ—пить! и якразъ по бороду у водѣ стои̑ть у возяру̑. И почули гэтыя жъ сваты, што ёнъ кричи̑ть: ай пить, ай пить! Кажеть гэтый уже Ивашка шѣра сермяжка: схо̑ди-тка ты, каеть, поля̑ди, хто гэто тамъ кричи̑ть и дѣ. Пошовъ гэтый моло̑денецъ туды и поля̑дѣвъ, ажъ стои̑ть человѣкъ у водѣ, и по самую бороду̑, ды й кричи̑ть: пить. Аяяй, каеть, чаго ты кричишъ гэто, у во̑дѣ стоючи? Трошку прися̑дь, ня боли, якъ на вяршокъ, дакъ и напъесься.—Ага, каеть, дякую табѣ за твою добрую ласку, я жъ якъ напъюся, дакъ усю воду̑ и выпъю, а тогды другій разъ што я буду пить?—Да нутка, ну, каеть, согнися трошку, да й воды напися! А што жъ ты мнѣ даси тогды, якъ я выпъю?—Ну вотъ!—Гля̑ди жъ, кабъ правда гэта твоя была. Ёнъ пригнувся, якъ сморганувъ—такъ усю отразу и проглынувъ. Осталися тамъ раки и рыба, и жабы. Гэтый объядало туды тогды, да нутка терабить, терабить. Поѣвъ усё, почисьтивъ. Тогды ёнъ: ну, што ты, опивала, напився?—А дякуй табѣ за добрую ласку: напився, што я буду у другій разъ пить? Напився, не напився, тольки разозлився!—Ну, хо̑ди разомъ, можа напоимъ мы тябе! А ты, объядала, наѣвся?—«Ахъ, кабъ я, каеть, наѣвся, то бъ я

и соўсимъ рассѣвся!»—Ну, пойдемъ разомъ уси.—«Да ужо тяперъ кабъ вы и не хотѣли мяне узять, дакъ ба я пошовъ». Ну й пошли разомъ. Ишли яны нѣскульки уремя—не такъ жа скоро дѣетца, якъ скоро кажетца, и подходють къ гэтому королю. И признаваютца, што такія и такія идуть сваты къ табѣ у сваты. Ёнъ кажеть имъ: ходитя, ходитя, я довго жду гэтакихъ: я ли васъ уже, ли подорожныхъ людей, приготовивъ уже лазьню!—Охъ, дякуй табѣ: намъ гэто дужа добро подорожнымъ людёмъ, што мы къ вамъ идёмъ.—Ну, ходитя, ходитя борджѣй. Отъ яны подходють—ящо можа вёрстъ пять було отъ гэтой лазьни, а лазьня гэта цугунная, да такъ натоплена, што ажъ червона. Отъ имъ такъ горача дужа. А гэтый Морозъ радъ: о, тутъ нагрѣюся! Ну, гэтый Ивашка шёра сермяжка каеть: ну, Морозъ, поскорѣй жа грѣйся, поскорѣй, а то намъ горача. Гэтый Морозъ, покинувши ихъ, да ще блйжы побѣгъ къ гэтой лазьни, узявъ да штаны зьдѣвъ, да якъ пусьтивъ духъ, такъ у гэтой лазьни ажно вода замерзла. Такъ яны уси туды бягомъ, отъ и стали тамъ стукать гэтыми котлами. А тогды кажуть: вотъ, король: не собравъ у усимъ своимъ королевствьи дровъ, и лазьни не натопивъ хорошо!—Ну, однако сваты! гэто король уже каеть.—Ну сваты, не сваты, коли бъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тяперъ вамъ можа хочетца выпить?—Оѣй: зачимъ!—Ну коли выпъетя, кольки ёсь у моимъ дворцу вина и горѣлки, усю коли выпъетя—дакъ отдамъ дочку за васъ замужъ!—Ну, што будеть? Опивала: ти бярэсься ты?—«Попъёмъ! (шепчутся) Вы тольки што смашнѣйшая—тоя пития, а мнѣ усё кидайтя». Ну й пошли яны у порадокъ. Вялѣвъ гэтый король кольки ёсь вина и горѣлки, вялѣвъ выставить на дворъ. Ну, яны выпили тамъ, Опивала усё попивъ, яны мало пили. Объядала жджеть, ти скоро дадуть ѣсьти. Попили усё, тоды и кажуть яму: ахъ, ты король, король! на пять человѣкъ ты й то жъ не собравъ напоить, намъ ящо мало.—Ну, однача сваты! гэтый король уже каеть.—Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли. Ну, тяперъ ѣсь ти хочетя?—Оохъ, зачимъ? Помывшиси, да напившиси, дакъ добро бъ подьѣли! Приказавъ гэтый король своимъ слугамъ—кольки ёсь у яго воловъ, коровъ усихъ порѣзать, котлы на дворѣ повѣсить и мясо гэго поварить, и сватовъ накормить. Ну, порѣзали, поварили. Сватовъ кормили, да не накормили. Объядала гэтый и пошовъ по своему: вы, каеть, выбирайтя сабѣ, што потлусьтѣй, а мнѣ, каеть, усё кидайтя и косьти, усё! Ну, и попили и поѣли усё гэто. Тогды кажуть: аай! король, король! не собравъ, чимъ и сватовъ накормить. Ѣли, ѣли и не подъѣли! Ну, король гэтый и кажеть: однача сваты. Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тяперъ сабѣ можетя отправлятца, и тамъ на якоя число можетя пріѣхать, со-

ўсимъ на вясельля! Ну, яны зъ гэстымъ съ королемъ распрощалися и поцалувалися. Пошли назадъ своей дорогой. Приходють жа къ тому мѣсту, идѣ кричавъ пить Опивала, пошовъ узновъ у своё тоя возяркд—воды уже повно. Дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ напоили! Улѣзъ—якъ кричавъ, такъ и кричить—пить! Гэты остальнэя пошли дали своёй дорогой. Приходють жа узнова къ тому мѣсту, дѣ кричавъ тэй Обжора. И пошовъ: дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ накормили на моимъ вяку! Ну, и пошли остальнэя дальшы дорогой своей. Приходють зновакъ тому мѣсту, дѣ гэтый Морозъ казавъ, стидёно. Дякуй вамъ, каеть, што мяне на моёмъ вяку хоть разъ вы нагрѣли! И пошовъ. Якъ кричавъ, такъ и кричить. А гэтыя жъ у двухъ браты пошли домовъ, братъ родный и знаходный. Пришли домовъ, много ня думавши, поѣхали на вясельля. Братъ гэтый родный кяжеть: ахъ, братецъ знаходный! поѣдемъ мы на вясельля, дакъ скинь ты гэту свою сермяжку, а то будеть намъ дужа стыдно. А ёнъ каеть: а нехай сабѣ—якій свату стыдъ! Потомъ, ня довго думаючи, стали яны собирать прочихъ королёвъ на вясельля, вясельля гулять начинать. Ну, и собралися ѣхать. Ну, якъ увидѣли, што ёнъ гэтакъ надѣвшись, Ивашка, шѣрая сермяжка: на што ёнъ намъ гэтакій? будеть намъ дужа стыдно, што мы ѣдемъ прибравшиси дужа пригожа. А тэй жа кажеть: якъ жа намъ ѣхать безъ свата? мы яго сховаемъ мижда насъ, ёнъ никому ня будеть виденъ! Нѣ, каеть, будемъ съ каретъ вылѣзать, будеть усякому видать! Ну, потомъ узяли-тки яго. Ѣдуть, ѣдуть, да усё поговарують: нѣ, нѣшто намъ нехорошо! Возьмемъ, да яго засячёмъ, гэто ёнъ насъ дужа стыдить!—Ай нѣ, каеть: куды мы поѣдемъ безъ яго? Усё-тки ёнъ нашъ попутчикъ, ёнъ жа нашъ сватъ!—Нѣ! ну хоть такъ скинемъ!—Ну, кидайтя, тольки бы не губитя—усё тэй молодёнъ ихъ просить. А ёнъ сядить, бытто бы и ничого ня чуеть. Ёнъ то ня дужа ихъ боитца. Потомъ ня ўтѐрпѣли, узяли, скинули съ своё кареты. Ёнъ бѣгчи услѣдъ, да—ахъ, Божа мой, Божа мой, за што я такъ горую? Дай мнѣ, Божа, каеть, коня, кабъ полѣпи за ихъ. Такъ и давъ Бохъ яму. Ёнъ сѣвъ, за сватами и поѣхавъ. И такій ёнъ, што ни ўздумать, ни згадать, ни ў казцы разсказать, што прамо вотъ позлачано ажны. И наперадъ заѣхавъ имъ. Якъ было имъ стыдно, дакъ ящо боли стало: што гэтакій сермяжка, да ѣдеть на такомъ добромъ кони. Потомъ яны кажуть: нѣ, мы тыки усё яго засячёмъ, гэтаго Ивашку шѣрая сѣрмяжка! Ай ну, братцы: ну, што вы кажетя—молоденецъ гэтакъ—досъ вы яго разъ скинули. Лѣпи мы узнова возьмемъ яго, а гэтаго коня посяродъ возьмемъ, ёнъ будеть усихъ окрашать, якъ будеть ѣхать. Ну, потомъ яны послухали гэтаго молоденца, яго къ сабѣ узялй, а гэтаго коня межда своихъ упраглй. И поѣхали дальшъ. И недалеко уже до гэтаго короля, посылають яны попераду

письмо, кабъ король прислав̃ъ подъ молодого коній, бо далекая пераѣздка. А то ихъ уже бытцамъ то пристали. Потомъ уѣхали у нѣйкая мястечко, и живъ тамъ коваль, и усё ковавъ и приковувавъ, и плескавъ и приплёскувавъ. Гэтый Ивашка кажеть: стойтя, каеть, тутъ! Тутъ мнѣ одна вещь треба. Ёнъ злѣзъ, идеть къ гэтому ковалю. «Помогай Бохъ!“ говорить.—Дякуй, Ивашка шѣрая сермяжка!—«Послухай ты мяне, што я табѣ скажу!»—Нутка, што?—«Скуй ты мнѣ оброть, кабъ тыки покрайней мѣры пудовъ зъ дванадцать!»—Ого, на што табѣ гэтакая?—«Што табѣ до гэтаго—мнѣ треба: табѣ не знать, а мнѣ не сказать, на што гэто!» Э, гэтыя думають сабѣ, которыя ѣхали уже собраны—дружйна: гэто жъ ёнъ нѣшто знаеть! А мы яго считали за такого человѣка за дреннаго Потомъ яны поѣхали даляй. Сковавъ коваль оброть, ёнъ ковалю за гэту оброть тоя давъ, што ёнъ сказавъ. Отъѣхали трохи отъ гэтаго короля—присылаеть король подъ молодого кобылу, што зъ дванадцати чартовъ сковавши, кабъ яна уже молодòго разнясла и развязла, кабъ николи яго ни увидать и ни спознать. Оохъ! Яна бяжить и гогочеть. Гэтый молодэй хотѣвъ на яе сѣсть. Нѣ, братъ родной, стой, не садися, я-тку сяду, яе объѣду! Узявъ, сѣвъ на свойго коня и наупроти яе поѣхавъ. Яна подбѣгла къ коню, якъ свиснула у ноздри—конь гэтый и повалився, а ёнъ на яе усхватився, гэтый Ивашка шѣрая сермяжка. Ну, и забрытавъ. Нутку ѣхать да й погонять. Отъ яна яго якъ подняла, дакъ ажъ подъ воболоки. Тутъ гэтый молодецъ думаеть: вотъ пропавъ. Ну, объѣхавъ, яе такъ зьбивъ, што соусимъ, яна уже и повалилася. Ну и на своихъ коній и поѣхали. Прiѣзжають туды, къ гэтому королю. «Отъ, дякуй табѣ, нашъ сватъ, подославъ нѣйкую чаплю подъ молодого, и пристала соусимъ. Мусить уже пущѣйшихъ и ня было!»—Ого, кажеть, сваты, однача.—Ну, сваты, не сваты, колибъ не сваты, дакъ къ табѣ бъ у сваты не йшли. Ну, будемъ начинать вясельля гулять. О й стали и вясельля гулять, и молодыхъ гэтыхъ звиньчали. Потомъ, зьвинчавши, по нашаму сказать, побѣдали. Ну, побѣдавши, яна уже говорить, гэта королевна: ахъ Иванька, Иванька, пойдемъ мы на й третьтiю атажу, покачаемъ кулю! А ёнъ приказававъ, Ивашка шѣрая сермяжка: гляди, ты пилнуйся мяне, можа я забуду, дакъ ты пилнуйся, одинъ никуды не ходи. Потомъ жа яна выбираеть такій часъ, што гэтый сватъ нѣкуды отвярнувся, отыйшовъ. И подговорила яго, свойго мужа: пойдемъ, покачаемъ съ тобою кульку! Ну й пошли на третьтiю тажу. Привяла яго къ такей кульцы, што якъ покатила ды й сказала: перанимай! Дакъ ина и ударилася у стяну и одёржилася тамъ. Ну и добро, што ёнъ не ставъ перанимать, а то бъ яму тамъ усё. Тогды ина каеть: кати ко мнѣ! А ёнъ сядить надъ ёй, и не скранувъ. Оглѣдився гэтый Ивашка шѣрая сермяжка, што нема брата родного, ёнъ и

туды, и туды, а потомъ побѣгъ на трѣтьтюю тажу, и попавъ, и такъ сказавъ попростому: ахъ братова, братова, ёнъ ще страмитца, а вы ужо повялй яго кульку качать! Да у насъ ня гэдакъ качають!—А нутка, якъ?—А во якъ. Да якъ ударивъ ногой гэтую кульку, дакъ ина у дворцы кольки стѣнъ проломила и у городъ провалила. Вотъ якъ у насъ качають! А ёнъ ще страмитца. Ёнъ ба ще лѣпи покативъ!—Ну, потомъ, згуляли вясельля, тутъ жа и 'тправилиси, забравши яе съ собою. Ну, и поѣхали, и пріѣхали у свой дворецъ. Потомъ ина думаеть: стой, якъ ба мнѣ тябе уловить! А у яе тожъ була шабля пудовъ восемъ. Ну, ёнъ якъ лёгъ спать на своёй посьтели, вясельля згулявши, якъ горѣло тяпло, ёнъ туды клався, якъ и треба: а якъ потушили тяпло, ёнъ перавярнувся—гдѣ голова—тамъ ноги положивъ, а дѣ ноги, тамъ голову. Потомъ яна потмкралася, якъ сѣканула—не по головѣ, да по ногахъ—и отсѣкла ноги. И сама скрылась, побѣгла. Ёнъ жа и не закричавъ, и не заякотавъ. А потомъ ёнъ уставъ, да й поповзъ зъ гэтаго дому тожъ на дорогу, на госьтинецъ. Отъ тамъ много ёнъ и мучився—тамъ уже кричавъ и якотавъ. Ажъ тожъ идеть одинъ бязрукій. И почувъ ёнъ, бязрукій: нѣхто кричить и якочить. И пытаетца: хто тутъ кричить да якочить ящо? И тожъ усё ноччу дѣялось. Той бязногій пытаеть: «а хто идеть?»—Да я бязрукій!—Ахъ, Божа мой, каеть: бѣдный бязрукій, ну я бязногій хужи. А ёнъ подыйшовъ: ага, правда, мучисься! Ну што, кажеть бязрукій на бязногаго: кабъ пошли мы умѣсьти?—«Я жъ ня могу. Ти здужаешь жа ты мяне несьти?»—Поляджу! А ну, подыйшовъ къ яму: а нутка, бярися, бязногій, мнѣ за шію. Такъ ёнъ ощапився и стали гомонить, такъ хай сказать. Куды мы тяперъ, бѣдныя люди? уже бязрукій кажеть на бязногаго. А бязногій кажеть: дякуй Богу што ты трапився; тяперъ я вѣдаю, куды мы пойдемъ. Пойдемъ, дужа у большую пущу, у такую, што небсходимую. А бязрукій тогды у бязногаго пытаетца: а што мы тамъ будемъ робить?—А будемъ людей разбивать, ды й гроши отбирать, проходжихъ и проѣжжихъ.—Ого! ты молодецъ!—А я жъ тыки усё думаю: якъ жа намъ хлѣба заробить? гэдакъ тольки. Гэтый бязрукій кажеть: и потомъ правда! Ну, й пошли яны. И начали: якій человѣкъ ѣдеть, яны, што ёсь, у яго отбяруть, абы панъ, абы жидъ, абы купецъ—хто ни попало имъ. Потомъ, якъ зажили грошій много, потомъ подходить уже восянь—стюдёно уже стало. Гэтый бязногій кажеть: што мы будемъ робить: ужо жъ зима?—Я жъ ня вѣдаю, што робить!—Кабъ мы сабѣ хату збудували!—А добро будеть! Ажъ ѣдеть коваль нѣкуды на кирманъ. Вязеть топоровъ дужа много. Ну, вотъ яны много не брали, а штукъ по пять. Ну, вотъ тяперъ пойдемъ у лѣсъ. Подносить бязрукій бязногаго къ древу, бязногій древо звалить, отсячеть, бязрукій бязногаго понясеть, а бязногій

руками тожъ древо тягнеть. Ну и насѣкли лѣсу и натигали у грудъ и принимаютца хату будувать. Хату збудували и печь зляпили: ну и жили дальшъ, поживали. И усё гроши отбирали. Тольки уже стали у жидовъ, у купцовъ, и у пановъ, у поповъ —у кого были гроши. А якій бѣдный идеть человѣкъ, дакъ яны ще яму дадуть. Потомъ имъ стало дренно жить: што потомютца, придуть, треба хату топить, ѣсьти варить, много трудовъ дужа, безпокойства. А што ты вѣдаешъ, бязрукій.—А што, бязногій?—Што я табѣ скажу?—А нутка, кажи!—Я думаю, кабъ мы ходяйку сабѣ дѣ выстарались! Уже зима стала!—А дѣ жъ мы выстараемся!—Да вотъ, бяритка мяне, да няси!—Пойдемъ. А гэто дѣялося у коляды. „А куды мы пойдемъ?“—Ды пойдемъ у дяревню!—«А коли мы пойдемъ?»—Ноччи; тамъ будуть игрища у коршмѣ. Тамъ будуть: дѣвокъ много будеть, и яны будуть гулять, а тогды выйдуть на дворъ холодать, а мы подойдемъ да подъ вугломъ станемъ, да которую небудь ухапимъ. Ото намъ будеть ходяйка; да у гэтакій лѣсъ занясёмъ, яна ня будеть вѣдать куды. Потомъ пошли къ гэтой коршмѣ. Ажны и правда: играють, и скачуть, и выбягли дѣвки на дворъ. Одна тамъ трошку дали отышла, яны схапили й понясьли. Такъ што нихто и ня чувъ и не бачивъ. Што ина спужалася, дакъ ничого и не говорить. Потомъ батька тужить—дочка пропала. А матка плачеть, што й нема вѣдома, дѣ дѣлась сы йгрища—нихто ня чувъ и не бачивъ. И не знають, якъ яе поминать—ти яе ховтуры отправлять. Такъ потужили да поплакали, на гэтомъ и осталося. А бязрукій и бязногій дѣвку понясьли. И принясьли у свою хату, и кажуть ёй: нябось, нябось, будеть табѣ добро у насъ. Будуть якія жиды дорогой вѣзьти муку, крупы, мы отбяромъ и сюда къ табѣ принясемъ, а ты напячешъ и наваришъ, сама подъяси и насъ накормишъ. Проживши троху, оглѣдилася ина, обдумалася. Першъ задумалася, засмутѣла, ажъ схудѣла, а потомъ забылася, да й поправилася, посытѣла. Ну и живеть, и хорошо. Потомъ проживши, унадилася къ ей баба. И такъ привыкла, што уже сама сабѣ кажеть баба, што уже нихто мяне не отучить отгэтуль. А якая баба?—Юга!—Да ще къ тому у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣздить, зялѣзными товкачами погоняеть, и нукаеть, и понукаеть, и усё къ гэтой дѣвцы. Пріѣжжаеть ина къ ей ноччи, якъ пойдеть бязрукій изъ бязногимъ гроши отбирать, а дѣвка одна останётца. Отъ ина тогды ѣдеть. И пріѣдеть къ гэтой хати и першій разъ скажеть: дѣвка, моё дитятка, отчини мнѣ! Ина отчинила, и бабу упустила. Вотъ, поищи, моё дитятка у головѣ. Ина яе почала йскать, а яна дудку приправила къ серцу, да давай кровъ ссать. Ну, и нассалася. Потомъ на гэту ступу сѣла и поѣхала. Приходють гэтый бязрукій зъ бязногимъ, уже якъ давъ Богъ день. Ну, готова, ядà?—Готова, дядячки! Ну

подъѣли, лягли спать. Выспалиси, побѣдали, потомъ скоро вечаръ подышовъ, узнова пошли у свой обходъ. Гэта баба узнова ноччи пріѣжжаеть, къ гэтой дѣвцы да й гукаеть яе: отчини двери. Ина отчинила: ищи, скурва дочь, ў мяне у головѣ! Тогды уже, привыкла баба, смѣла. Ина и ищеть, а яна кровъ ссеть у яè. Потомъ за гэтыхъ два разы уже гэтый бязрукій зъ бязногимъ узнали: што гэто дѣвка бѣлая, чуть ходить. И говорить бязрукому «што гэто, братъ, наша дѣвка гэта худая, што яна ажъ валяетца. Я думаю, ти ня ты, братъ, изь ей!—И што ты, гэто братъ? Я гляжу да думаю: ти ня ты гэто зь ей!—Я нѣ!—Ну и я нѣ!—Будемъ тка у яе пытатца: чаго яна?—Ну, будемъ. Дѣвка, чаго гэто ты такая худая; ти табѣ хлѣба мало, ти чаго?—«Ай, дяденьки, ня вѣдаетя вы...» —А што?—Якъ вы пойдетя тольки, а ко мнѣ баба пріѣдеть, нѣйкая Юга, да йще у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣдеть, зялѣзными товкачами погоняеть, и пукаеть и понукаеть, скажеть: отчини мнѣ! Тогды придеть, да кровъ мою тягнеть, ссеть!—Ага, постойтка, кажеть, мы яе уловимъ. Ну мы сягодняшню ночь ня пойдемъ никуды, а гэту бабу уловимъ! Ну, пришла ночь, ина легла, гэта дѣвка, спать, а яны стали гэту бабу пилнувать. Ажъ такъ подъ повночь: ѣдеть! Дѣвка отчинила. А яны яе хорошенько, узяли ды ў зялѣзную ступу усадили у гэтую, што ина ѣхала, да й давай товчи. Товкли, товкли, много дужа. Стойтя, бязрукій зъ бязногимъ; ня битя мяне, ня товчитя мяне! Я вамъ што небудь скажу!—Што ты намъ скажешъ?—Хорошая! Тольки пусьтитя мяне: будуть у васъ и руки и ноги!—А нутка, яны уже кажуть—нутка, тогды пусьтимъ!—Ходитя за мной. Яны идуть, яе держать. Приводить ина ихъ къ колодежу. Отъ, мочитя тутъ—руки и ноги будуть. Гэтый жа бязрукій хотѣвъ скорѣй туды руки уткнуть своѐ, цыбы, а тэй каеть: нѣ, братъ, стой! Узявъ, оторвавъ сукъ изъ древа изъ листомъ и помочивъ: сычасъ жа иссохъ, совсимъ! Стой, братъ, би бабу боли! Давайтка горши пярэдняго бить, якъ уперадъ ще били. Били, били, потомъ ина просится у ихъ: стойтя, бязрукій и бязногій—будуть у васъ руки и ноги!—Ну, добро! Ходитя за мной. Пройшли троху, ажно ще колодежъ. Вотъ тутъ, каеть, мочитя! Гэтый жа узнова бязрукій хотѣвъ узновъ скорѣй, а бязногій каеть: нѣ, братъ, стой, треба и тутъ полядѣть. Узявъ, гнилый пень отломивъ, да ў гэту воду помочивъ. Сычасъ отростки пошли. Пусьтивъ суччa, отростки—и зялёный! Ну вотъ, мочи тяперъ! Помочили! Руки и ноги у ихъ стали, Би бабу боли! Тяперъ намъ лѣпи, уже зъ руками и зъ ногами! Давайтка бить; били, били, били, были, и покинули чуть што живую. Тогды который бывъ бязрукій, да на бязногаго: што мы, братъ, будемъ зь ей дѣлать, ти покинемъ?—Э, братъ, покинувши, ина отживеть тутъ! А ў тымъ лѣси тамока нѣколи дѣлали дубъ люди,

дакъ пни такея широкія, дужа большея, дубовыя. Отъ што мы, братъ зробимъ изь ей!—А што?—Возьмемъ, пень гэтый ращепимъ, клиньня натешимъ, а ў бабы гэтыя волосы довгія. Коло клиньня обкрутимъ, да ў щелку у гету й загонимъ!—А, братъ, гэто добро! Узяли и здѣлали гэтакъ, засадили гэту бабу туды. Потомъ пошли. И рады яны, што у ихъ ёсь руки и ноги. Приходють домовъ у свою хату. Дѣвка каеть: а што, дяденьки, дѣ баба?—Ну, баба, каеть, николи ня выйдеть, мы яе у добрая мѣсто посадили!—А дай жа Божа!—Пень дубовый, каеть, раськяпили да яе коло клиньня волосы обкрутили, да яе туды й засадили. Дѣвка кажеть: «а ти жива йна?»—Ды, каеть, трошку, чуть, чуть живая!—Ахъ дяденьки, ина отживеть!—Ня можно быть! Ина тамъ ссохнеть и здохнеть!—Отъ, сходитя тольки, поглядитя, што нема яе!—А што ты думаешъ, пойдемтка, братъ, а можа и правда! Да й пошли. Приходють туды, къ гэтому мѣсту —ажъ нема ни бабы, ни пня! Ажъ ина якъ отдыхнула, дакъ пень вырвала изъ волосами и потягнула! Ну што, пойдемъ, братъ, шукать, бо будеть и намъ трудно. Яны гэто слѣдомъ, ажъ приходють: такій домъ вяликій, каменный, мурованый! Уходють туды, ажны дѣвка, такая пригожая, печку топить и блины пячеть. Яны кажуть: здорово табѣ, дѣвка?—Здорово, добрыя молотцы! чаго вы ходитя?—Одного дѣла шукаемъ—Ага! я вѣдаю! гэто вы мою матку забили! О, ина добро чухаеть зъ вашихъ рукъ! Ну, постойтя; коли возьмитя мяне замужъ который, дакъ покажу, дѣ яна. А ня возьметя, дакъ ина отдыхнеть, разорить васъ, прамо поѣсь!—Возьмемъ! Покажи, адѣ ина?—Да онъ, у тымъ и тымъ, каеть, пограби! Ну, вотъ яны зъ напалу, якъ ускочили на яе, дакъ прамо и разорвали, не дали ёй поправитца. Ну, да й грудъ тамъ осиновый бывъ такій, вядомо у лѣси. Яны запалили, яе на грудъ ускинули; яна й згорѣла. То уже ня 'тживеть во вѣкъ, николи. Ну вотъ, и приходють къ ёй назадъ. А што, што здѣлали зъ моёй маткой?—Да нема ўжо!—Ну вотъ, я тяперъ зь вамъ пойду!—А нѣ, чагожъ табѣ ити, ты тутъ обожджи!—Нѣ, пойду!—Яны кауть сами мижда сябе: ну, нехай! Ну, ходи! Ну й приходють къ своей уже хати. Тогды: ну што, братъ, ты вѣдаешъ: табѣ треба жанитца—бязрукій на бязногаго. Нѣ, братъ, у мяне много дяловъ! табѣ, дакъ яно приходно! Мнѣ, братъ, ящо треба довѣдатца, якъ мой братъ живеть родный! Такъ, много не говоривши, гэтый кажеть: ну и нехай сабѣ!—Ну, братъ, а треба жъ намъ свою дѣвку, каеть, отнесьти къ яе батьку!—Ну, отнясёмъ! Тамъ што было у ихъ уже грошай унoго, наживши, яны узяли гэтой дѣвцы—ня то што тамъ личили абы што,— такъ гарцы два, абы три отсыпали ёй. Ну, кауть, дъвка, иди сабѣ къ батьку!—А, дяденьки, я жъ ня вѣдаю дороги, я жъ ба давно утякла отъ васъ! А! Ну, яны отнясьли яе къ батьку, и яе батьку подяковали. Ну, и

пошли. Пришли домовъ, занялися вясельля гулять. Згулявши вясельля, тэй кажеть, што бывъ бязрукій: ну, братъ, будемъ жа дялитца!—А будемъ сабѣ!—Будимъ гроши дялить! А братъ: на што яны мнѣ? Ты ихъ и не нясй, я кольки небудь возьму сабѣ на дорогу! Нехай у тябе будуть. Я, Богъ вѣдаеть коли ще, буду займатца житьтёмъ. Ну и разойшлись. Подяковали одинъ одному и разыйшлиси. Тэй застався тамъ, бязрукій, а бязногій пошовъ. Приходить къ свойму королевству, дѣ годовався, къ брату родному. Ажъ яго братъ свиней пасьтить! Што, братъ, ужè свиней пасьтишъ?—А здоровъ, здоровъ, братъ знаходный. Здоровъ, братъ родный—дожився!—А дякуй табѣ, братъ знаходный, ты мяне дужа наставивъ на житьтё!—Уже бытто сварйтца. Ну дакъ, а што жъ я, каеть, што жъ я вѣдавъ гэто? Дайка мнѣ, каеть, пугу!—Нѣ подожджи, братъ. Мы ще хочемъ съ тобой поговорить, братъ находный!—Ну, што?—Дѣ ты бывъ догэтуль?—Идѣ бывъ, ходивъ ноги зароблять!—А дѣ твоѐ ноги? У тябе жъ твоѐ ноги и были и ёсь?—А, ёсь, гэто жъ я заробивъ сабѣ ноги. Твоя жъ жонка мнѣ отсѣкла ноги. Хотѣла голову отсѣчь, да дякуй Богу, што ноги. Ну потомъ, во тяперъ дайтка, дай пугу!—Усё пугу дай!—Нѣ, братъ, подожджи, я табѣ разскажу ще дно!—Ну што?—Дужа мнѣ художить!—Да я вѣдаю, што худо! Ня усё ты вѣдаешъ: вотъ ящо ёсь у гэта свиньня во бѣлая, дакъ я постоянно ёй цалую. Якъ пригонишъ домовъ, яна сичасъ: а с. с., пришовъ! Бѣлка, разставъ ноги, цалуй, с. с. Я й цалую ёй подъ хвостъ!—«Ну, тяперъ, дайтка, дай, каеть, пугу!» усё пугу доходить! Ну на! А якъ жа, каеть, куды жъ я пойду?—Да йдитка къ ковалю, здѣлайтка тамъ прутики сотри такого мяккаго зялѣза и со три сухого, крушнаго! Ёнъ пошовъ и здѣлавъ, гэтыхъ шесь прутковъ у коваля, и приходить къ яму. Иди жъ ты, каеть, узлѣзь на лазьню, да й сяди тамъ, покуль што, жджи тамъ, покуль што будеть! Дай ка мнѣ свою одёжу!—Ну, й перамянили яны одежу, тэй того надѣвъ, а тэй того. Ну, потомъ, и отправився на гэту лазьню, пошовъ, гэтый пастухъ. А ёнъ сичасъ, колъ на плечи, да й нутка гэтыхъ свиней бить да гнать домовъ. И узгоняеть на дворъ, а ина гэто и почула, што свиньни пищать, скогочуть—вышла на ганокъ да й глядить. Ажъ ёнъ гонить и бъеть. А каеть с. с., ти ты уже гэтакъ! А, скурвый сынъ, постой, догэтуль ты й живъ!—А вовкъ тябе ѣжъ съ свиньнями! Докуль я буду пасьтить?—Вотъ я тябе, каеть, засяку!—Чортъ тябе забяри: разъ умирать! каеть. Потомъ принимаетца къ яму. А ёнъ каеть: а уже подожджи, не сячи мяне, а лѣпи скажи вытопить лазьню, дакъ вымыюсь,—нечаго рукъ нихто ня будеть шкарѐдить надо мной, мыть,—такъ прамо у ямку и зарыешъ!—А, каеть, правда: дѣвка, иди топи лазьню, хай гэтый скурвый сынъ хай отмыетца. Ну, потомъ, вытопила лазьню. Ну, ёнъ

пошовъ мытца. И тамъ довго сабѣ сядитъ. Ина ждала, ждала,—нема! Эхъ, разсердилася дужа. Ухапила свою шаблю и побѣгла со злосьти. Якъ бѣгла, тольки ина у двери, а ёнъ яе за косы, ды объ зѐмлю, ды нутка! Ахъ, Господи, подайтка мнѣ, говоритъ, пруточки со три, хорошенькихъ сухонькихъ. А яе мужикъ оттуль зъ лазьни—кидѐль, оттуль зверху. Якъ ставъ ёнъ яе битъ, а яна кричатъ, да ще къ тому якотатъ: аяяй, зязюлечки, а кукулечки, а голубчикъ мой! Ня буду! николи ня буду, буду почитатъ за короля и узыватъ королёмъ!—Нѣ! поломавъ гэтыя прутки. Подайтка ящо мякчѣйшихъ Божа мой! Ёнъ тогды нялёхъ, ящо три прутки яму. Отъ ёнъ тыми ящо больши! Якъ ставъ битъ—бъетъ, да й приказуетъ: ò табѣ пастухъ, ò табѣ свинопасъ! во табѣ: Бѣлка, разставъ ноги—цалуй, скурвый сынъ, Бѣлцы подъ хвостъ! Я табѣ усё зважавъ, кольки годъ тярпѣвъ, усё спробовавъ, што съ тябе будетъ!—Миленькій, родненькій! николи гэтаго ня будетъ боли!—Нѣ, неправду ты кажашъ. Ина яму ноги цалуетъ, пальцы нàкрыжъ складаетъ и перадъ имъ присягаетъ! Ну й пусьтивъ! Отъ ина идетъ: ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Якъ пришла домовъ: ахъ, запрагайтя коній, ѣдьтя по короля, борджѣй тольки. А ёнъ каетъ: ну, братъ, лѣзь борджѣй зъ лазьни! И узнова перамянили одежи, усякій свою надѣвъ. Полѣзъ тогды тэй братъ находный на лазьню, а гэтый уже сядитъ такъ. Ажъ сычасъ за имъ пріѣжжаютъ. Ахъ, братъ: я жъ боюсь ящо остатца безъ тябе!—Ну, ничого, будетъ хорошо! Ты, братъ, будь тутъ, живи!—Нѣ, братъ, ня можно, мнѣ треба йти къ свойму батьку довѣдатца, якъ ёнъ: ти живъ ёнъ, ти нѣ? Ну оставайся здоровъ! И пріѣхали, яго узяли. Ну, а ты, братъ, иди здоровъ, находный! Вотъ ёнъ остався, хорошо яму стало житъ: стали яго почитатъ и королёмъ знатъ уси, ня то што ина одна (повбогатыра бывъ). А тэй и пошовъ сабѣ, и бытца што коноваломъ. Приходитъ у якую дяревню и кажетъ: нема у васъ жарабковъ класьти, лехчать?—Нѣ, у насъ нема. Пошовъ дали. Приходитъ у своё королевство и усё пытаетца—у якую дяревню придетъ: ти ня ёсь у васъ жарабцовъ класьти?—Нема, добрый коновалъ! У нашаго короля ёсь, ужо годовъ тридцатъ стоитъ на стайни жарабокъ, ды нихто яго не положитъ и не полехчаетъ.—Ну, што такъ?—Такъ, што ёнъ неплатный, жарабокъ гэтый, али завѣтный—хто злегчаетъ, дакъ королю голову зниметъ, а коли нѣ, дакъ королёва мечь—а коновалова голова съ плечь, да на тычину и усторнутъ!—Ого, ну вотъ ящо якія дурни! Што-то за коновалы, што жарабка не злегчатъ! Мужуки кажутъ: а нѣ! ня гэтакія приходили, а то найшовся нѣйкій курганъ! Ёнъ низкій бывъ. Ну, нехай сабѣ курганъ! а я тыки усё яго покладу и злехчаю! Мужуки гэтыя кажутъ: ахъ, нутка, иди: уже тамъ девятъ тычинъ изъ головами, тольки уже твоѐ нема!—Да й пойду!—Э, нѣйкій, каетъ, курганъ нашов-

ся, хвалитца во тутъ! Отъ, и пошовъ. Приходи҃ть у свой дворецъ. Ажны сяди҃ть яго ба҃тька на ганку сивэй, сивэй, да уже дужа старый. Здорово табѣ, король! —Здорово, добрый коновалъ! Казали мнѣ мужуки, што у тябе ёсь жарабокъ у стайни не злехчаный?—Ёсь! А ты злехчаешъ?—Злехчаю! —Ну, гляди҃тка! Тольки вотъ одна тычина засталася—мусить тутъ твоя голова буде҃ть!—А ужо поляди҃мъ?—Злехчаешъ ты мойго жарабка, дакъ мнѣ голову знимешъ, а не злехчаешъ—дакъ моя мечь, а твоя голова съ плечь, и вотъ на тычину утъ на гэту!—А ёнъ каеть: ну, вотъ, поляди҃мъ! Якъ засвиставъ—а стайня муруваная, и дьвери зялѣзныя. А жарабокъ якъ зарзавъ—а стайня тогды пополамъ и развалилася! А жарабокъ съ цѣпа сорвався, и къ яму тогды прискочивъ, да й загоготавъ ящо больши! Ти҃ху, ти҃ху, мой жарабокъ, ти҃ху! Отъ тогды ба҃тька и спужався. Отъ якій попався. Ёнъ яго своёй ладоньню по задку ударивъ, ёнъ ставъ и ноги расклавъ, ёнъ яму и... ёнъ яго и злехчавъ, стоючи, не клавши. Ну й подносить къ гэтому королю, ды къ батьку свойму: ти знаешъ ты мяне, король, хто я ёсь?—Не знаю и ня вѣдаю!—Сынъ жа я твой!—Ага, сынокъ, правда твоя, да не моя. Усётки жъ вотъ сонъ справди҃въ. Ну, вотъ, воля твоя, што хочешъ, то робъ со мной. Ёнъ узявъ на предметъ, да й палецъ сабѣ отсѣкъ. Вотъ, слухай, ба҃тька, што гэто никдли нидѣ не було, а буде҃ть дакъ ня вѣдаю—ти буде҃ть, ти нѣ, што кабъ сынъ ба҃тьку голову отсѣкъ. Вотъ ёнъ узрадовався, ба҃тька, и радъ, што сына доставъ. Бывши утопивъ, а то и живый ставъ. Вотъ зъ радось҃ти ба҃тька справивъ пиръ на увесь миръ, и уси люди пировали, пили, гуляли. И я ящо тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло, а у ротъ ни попало.

М. Обчуга, сѣнненск. у. Отъ кр. Филонова, 28 л. малограмотнаго записано мною.

49. Микита дуракъ.

Нѣукоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви жывъ сабѣ такъ одинъ чаловѣкъ законный. И мѣвъ саби трохъ сыновъ. Два такъ и сякъ, а третьтій Микита дуракъ. Ёнъ поклавъ ихъ спати, и накладавъ на ихъ сонъ. И будя старшаго прэжди, и будя и гуво̀ра: «що таби, каа, снилося?»—А вотъ, гувора, що мнѣ снилося: що поставили ми кузьни, дакъ я кую-кую, да ниякъ завдзу ня 'тправлю, усѐ много работы ѐ!—„Ты, мой сынъ, ковалёмъ будяшъ!“ А другого узбудивъ, гувора: «що табѣ снилося?»—А пошли ми, гувора, у то̀а мѣсто, отъ у то̀а и то̀а урочыща, и выкопали лядо, да насѣяли проса. Дакъ просо наша уродило тако̀а, що Божа, Божа!—«Ты будяшъ, мой сынъ, па̀харомъ!» А Микиту узбу-

дивъ: «що таби снилося?» каа. Микита сказуа: минѝ ноги мѝли, а ты туу во̀ду пивъ! А ёнъ гувора: «duракъ дурацкаа гувора!» И такъ подъ началу покували сакѐры и копаницы и почалѝ лядо копать,—прэжда усяго. А Микита увышовъ у клѣть и надѣвъ одѐжу мужицкуу, празьнишнуу, и пришовъ икъ имъ, и хо̀дя съ посошкомъ, дѣ яны рабо̀таять. И бра̀ты гуво̀рать: „поляди, гуворать, отецъ, що ёнъ дѣлаа, у що̀ ёнъ надѣвся, дуракъ?“ Отецъ гувора: «нехай, моѐ сыны! не чапайтя; ето яму такъ хочатца, нехай пухо̀дя!» Вотъ жа ёнъ тамъ ходя, а тудо̀ю была дорога большаа, шляхъ. И ѣхали по той дорози купцы. И спрашуять у ихъ: «хто ето ходя? на барщини вы работаетя ето? прыгоньшый ходя у васъ ето?»—Нѣ! ето, гувора, у мяне сынъ та*кый* гуляка! Яны спрашуять: «якъ жа ёнъ гуляа?»—А вотъ такъ гувора: мало вума у яго!—«Дакъ продай ты намъ яго, можа ёнъ намъ сподоби̇тца!»—Якъ жа я, гувора, своѐ дитя продамъ? А ёнъ гувора: продавай, татъ; я ў тэбе жыть не буду!»—Я не знаю, гувора, що за тэбе просить!—„А отъ, гувора, дайтэ аршынъ,—у васъ ѐ аршынъ!» Купцы аршынъ дали. Ёнъ одмѣравъ зямли аршынъ шырыны и глубины кругомъ. Выкопали яму. «И насыптя грошый отцу мойму!» И выбравъ самаго луччаго коня у купцовъ: «на̀, отецъ, гувора, ету лошадь, пашы лядо сабѣ!» И купцы повязлѝ яго.

И привязли саби купцы тыя у домъ. И за то ёнъ купивъ, що ня було̀ у яго дитей, сына пиядѝнаго. И пошла ямѝ польза такаа няйзмѣтная съ кѝплянымъ яго сыномъ. И то былѝ лавки, а то подѣлавъ и магазыны ўжэ. И гувора ёнъ: «що, сынъ Микита? ты гуляй, выбирай,—жанить тэбе я могу ужэ!» А ёнъ гувора: що, батюшка,—я не могу жанитца, хо̀чу дялѝтца. Ёнъ гувора: «сынъ мой, бязъ що̀ту грошыки бяры, пѝ и гуляй, а дялитца не дялиеь!» А ёнъ гувора: ня хочу̀ пить и гуляти, а дялитца буду! Вотъ узявъ, отдяливъ яго, давъ яму лавочку худуу,—на йзругу. Микита провъёвъ годъ, и другій, дакъ загнили ўси товары у вотца; а Микита рашшырывся, у яго турго̀вля пошла. А етый купецъ подъ курулѐвською во̀бластю бывъ причѝненъ. И вонъ давай выдумувать, протчымъ купцо̀мъ говорыти: «давай ми напишамъ икъ королю свѣдѣнія, що купецъ Микита пивъ и гулявъ зъ нами, и ѐтаа говорывъ, що здэсь-ня-здэсь, на десятомъ царстви и ў нѣкото̀ромъ государстви ѐ куроль; и ў яго ѐ дочь прекрасная Марья Павловна. И ежали бъ мяне куроль мало мальскаа що попросивъ, я бъ за яго висватавъ яѐ. Дакъ ёнъ якъ поѣдя, дакъ бязъ голови прыѣдя оттуль. А то̀ намъ ня быть купца̀ми, а быть старцами, ежали яго ни згубимъ ми!» И написали и подали королю етаа. Куроль трэбуя яго: «що ты, гувора: купецъ Микита?—я жъ усихъ васъ жала̀ю и жалѣю! якъ жа ты, що знаешъ, чаму ты мнѣ не гуво̀рышъ? Ты съ такими-то пивъ и гулявъ, и отъ такіа рэчы

говорывъ!» А ёнъ гувора: я етаго ня знаю! Вонъ гувора: «ня знаашъ ты, дыкъ вонъ у менэ е мечъ: а табѣ голова съ плечъ!» Микита сказуа: ну, курулевськаа вяличаство! найди ще одинадцать Микитовъ, таких, якъ и я, якъ одинъ голосъ, якъ одинъ волосъ, и ўся порода такова! Куроль якъ ставъ шукать, дакъ тольки трохъ найшовъ у своёмъ курулѐвстви.—«И такихъ лошадей! якъ у менэ батьковскій!» Ёнъ ставъ куплять, дакъ купляв по чужыхъ царо̀хъ, да курулёхъ, яцэ до двянадцати Микитовъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ. И лошадей такихъ давъ усимъ, якъ у яго батьковскій. И посѣли на конѐй, и гувора: «ну, купецъ Микита: отправляйся у сваты!» А ёнъ гувора: нѣ, пусьти менэ на тры годы ў навуку!» Пусьтивъ на тры годы ў навуку, дакъ ёнъ ихъ научывъ разнаго масьтярства: и кулёсы дилать, и карэты, и бѣлую посуду дилать и ўсѐ, що на свѣти—разнаго наўчывъ. Выхо̀дя тры годы, дакъ и трэбуя куроль. Пріѝхали яны къ королю уси двянадцать, на лошадяхъ, и стали потъ крылцомъ. И гувора куроль: «ня ўво гнѣвъ вамъ, господа Микиты! а дѣ старшый Микита?»—ровныя лицы, ничо̀го не ўгадаа. Вонъ признаѐ: «я ѐ большый!» Ёнъ зовѐ къ сабѣ съ чесьтю пировать. И пили—гуляли тры дни. И потомъ стали убиратца у дорогу, у сваты. И ёнъ гувора: «давай мини, запрагай лошадей дватцать пъять исъ телегами, и наклада̀й усякаго мини,—матеріялъ щобъ бувъ!» И отправляятца, у путь. И ѣдуть яны, дакъ на путѣ злучылося яму, що два вовки на дорози и не раздѣлять голову коньскую. И гуво̀рать: „купецъ Микита! раздяли ты намъ сю голову̀! будомъ таби у вяликой прыго̀ди!» Ёнъ пувялѐвъ *рассячить* голову̀. Микиты рассѣкли голову̀: одинъ поволокъ на той бокъ дороги, а другій на той. И вовки̇̀ полягли̇̀ ѣсть голову̀. И ўѝхали у лисъ, дакъ дужа большый пожаръ идэ. Мурашка крычыть: «купецъ Микита, поретуй муѐ семейство̀! Поѣдяшъ ты къ королю у сваты, у вяликой помочы буду табѣ!» Микита сказуя: «Микиты! за мѐтлы и за вѐдры обретовать еѐ!» Обретовали муравъёвъ и поѣхали. Ѣдуть дальшъ— зновъ пожаръ подымаетца. А прэжда пожару бяжы̀ть мышъ и гувдра: «купецъ Микита! выратуй ты менэ, бо якъ поѣдяшъ къ королю у сваты, я таби буду у вяликой прыгоди!» Купэцъ Микита и перэнёсъ её чэразъ пожаръ. И ѣдуть да̀ляй, дакъ двѝ пчалы на 'дномъ тьвяту̀ бъютца. И гуворать: „купэцъ Микита! раздяли ты намъ сэй тьвѣтъ! будомъ таби у вяликой прыгоди! Купэцъ Микита злѝзъ, и самъ разрызавъ тьвѣтъ поноламъ. И пчолы набрали мѐду и полятѣли безо спору. И прыѝхавъ у курулевськуу у вобытность.

И не доижжаючы дворца, поставивъ шатры сабѣ. Куроль вышовъ поутру ў раньни, и ба̀ча шатры. И посылааа 'тъ сябе провѣдчыка: „иди, поляди, що ето ѐ такоа? ти якій чаловѣкъ злонравный, а й такъ якій?

Занявъ, бясъ спросу шатры поставивъ!“ И гувора провѣдчыкъ прышовшы: „хто такій ѐ вы? що вы бясъ спросу шатры поставили: ти вы хòчытя драку завесть, а й що такоа?» А Микита гувора: нѣ, гувора: мы прыихали у сваты! Ёнъ гувора, провѣдчыкъ: ээ! не такія прыижжали, да бязъ головъ поѣхали, а вамъ и ѣхать нѐчаго! Провѣдчыкъ прыѣхавъ икъ королю и отвящаа: курулевсько вяличаство! ето прыѣхали ў сваты! Ну, куроль гувора: вотъ и хорошэ! Яны узяли и прышли къ королю: узявъ съ субою чатырохъ Микитовъ, самъ пъятый. И прышли, королю чесьть отдали, якъ лучча быть ня можно. И куроль много дивився: николи ня бачывъ такòго злучàю, щобъ прышло пъять чаловѣкъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ, и ростомъ усѐ якъ ядынственно. И спрашуа куроль: „хто жъ жанихъ тутъ?“ Микита гỳвора: я е жанихъ! Ёнъ за сябе сватавъ. Ёнъ пувялѣвъ уззвать дочаръ свою: видала, гувора, ты коли? ну тольки я старшы тябе, гувора, а ня видавъ! Можно ѐто быть: пъять чаловѣкъ у водинъ вобразъ—различыи немà? Я думаю, що ня тыа сваты прыйҳали, щобъ ня ‘дать, а тыа, щобъ отдать! А яна гувора: пора, пора, батюшка, я ў тябе выгулялась. И стали пить да гулять,—дакъ тры дни и тры ночы—магарычы пилѝ. И ёнъ гуворà, Микита: «що жъ, батюшка,—коли будомъ вянчàтца?» Ёнъ гувора: «загадàю табѣ зàгадку,—отгадàяшъ—тогды!»—Ну, якую зàгадку?—Е у мяне скѝрта пшаницы, дванадцать сажнявъ довжыны и шырыны, кругомъ, щобъ ты яе за ночъ змолотивъ и зьвѣявъ, и въ закромъ иссыпавъ, скирты ня разворàчуючы и сноповъ ня развязуючы!» Микита гувора: «якъ жа ето можно дѣлать такъ?»--«Ня здѣлаяшъ такъ— бязъ головъ вамъ ѣхати!» И йде ёнъ, Микита, журытца, у шатры у своѐ—утякать трэба. А мурашка стрыла яго и гувòра ямỳ: «купецъ Микита! иди у курулѝ спроси—дирки забить у закроми,—чымъ забить, ти хлопка, ти що, а то й тымъ будяшъ виноватъ, ёнъ вину и тымъ найдя, шо рассыпавъ! И йди, ложысь спать—будя змолòчано!» А мурашка была старшаа надъ муравъями, не надъ однымъ своимъ, а надъ усими была старшаа. Якъ згукнула муравье, дакъ ня ‘сталося по дномъ нѐсть, а ўдвёхъ по дномъ зѐрню нясьлѝ, а по ‘днòмъ ня стало кòжной. А мышыныя недоѣдки—тратѝнки и икъ тратѝнкамъ клали, а половинки икъ половинкамъ. Назаўтра ураньни прыходя Микита исъ своими Микитами зновъ. Ну, куроль спрашуа: змолотивъ?—Змолотивъ! Пошли, поглядѣли у закромы. И бача куроль, що, отъ, гувора: ѐто цэлнаа пшаница, а ето половинки, а ето тратѝнки! Куроль себи и дивитца: нѣ, гувора: ето якаась хитрость ужэ прыѣхала! И ставъ скирту разворачавать и снопы развъязавать до самія зямли. И не найшовъ ни одногò зерня ни въ ядыномъ снопу. И прышли домовъ да стали пить да гулять, зновъ на тры дни. И гуво-

ра доцcы: „вотъ дочка! ня тыа сваты прыѣхали, шобъ ня ‘тдать, а тыа, щобъ отдать. А дочка гувора: пора, пора, батюшка! я у тябе загулась ужэ! Ёнъ кажа, купецъ Микита: „ну, батюшка, вянчатца ўжэ!» Нѣ, гувора: такъ няльгà: пошый чаравички ёй такія, якъ батьковськыя, щобъ такія мѣрой, и красою такія и вагòй—щобъ на шали прыкипуть,—и не смотрывшы! Микита гувора: якъ жа можно ето?—„Ня здѣлаяшъ етаго, бязъ головй ѣхати!“ Микита и пошовъ у свое шатры зажурывшыся, и думая убяжать. А мишъ стракàя яго и гувора: я ужэ прынясла̀ табѣ ихъ, иди жа, загадуй Микитамъ, пяхай дѣлаять! А Микиты навучаны былй ўсяго рэмейства̀, яны могли усè дѣлать. И на такомъ блюдцы и поднесть щобъ королю. И блюдо такòа щобъ булò. Микита повялѣвъ—дакъ за ночъ и здѣлали усè—и чаравики и блюдо, и мѣрою, и красою, и вагòю—особо чаравики зважыли, и блюдо особо, и умѣсьтяхъ. И здѣлали и выважыли. Мышъ однясла, на мѣсьти поставила. Мыкита назаўтра уранньи узявъ чаравики и пушовъ къ королю зь Микитами. И прынёсъ. поставивъ. Куроль пувялѣвъ унести своѐ, и ўзяли мѣрать мѣрою,—мѣрою ровны, и красотою ровны, и на шали поставили—вагòю ровны: и собо разварнули, сами важыли—ровно, и блюдо и чаравики—усè ядынственно. Ёнъ и гувора, корòль: отъ дочкà, ня тыа сваты прыѣхали, щобъ ня ‘тдать, а тыа, щобъ отдать. А яна гувора: пора, пора, батюшка! я у тебэ загулялась тутъ! И яны пилй тры дни зновъ и тры ночы, да, гуляли. И ёнъ гувора: „ну, говора, батюшка: пора вянчатца!“ Ага! А ёнъ гувора: нѣ, зять: ещэ табѣ зàгадку загадаю: издѣлай цэркву восковуу за ночъ, шобъ и звоны и попы, и здѣлай тутъ, на правомъ крылцэ̀, шобъ ударыли звоны, и я прошнувся и пошовъ на завутрань, якъ ударать у звоны! Микита гувора: «ти ёсть жа, гувора, ето дѣйствія дэ̀, що ты загàдуешъ, ето жъ нѣту нидэ!» Куроль гувора: ня здѣлаешъ етаго, бязъ головъ поѣдетя! Ёнъ иде отъ короля, обратився, у журбѣ у большой. Пчолы стрэли яго и гувòрать: «иди, Микита, ля крылца̀ ложыся спать, якъ удàрать узвоны̀, дакъ щобъ ты прэжда бувъ у цэркви, чимсь куроль»! Микита пушовъ, лёгъ тамъ исъ своими Микитами. И пчолы здилали цэркву восковуу—и звоны и попы. И ударили ў звоны. Микита уставъ и молитца Богу, и радуетца ужэ. И куроль прочнувся и не потпаразувавшысь, тольки халатъ надѣвъ на сябе, и дивитца сабѣ: «що ето такоа? Избуваатца! Я жъ думавъ сабѣ, що нэ бўдэ етаго ничого у свѣти, що я загадувавъ!» И отойшла завўтрань, началась обѣдьня. И ў обѣдьни повянчались. И давай пить и гулять тры дни и тры ночы. И тяперъ гувора: «батюшка, пора ўбиратца, домовъ ѣхати!» Куроль гувора: моя дòчка ня можа на такой карэти ѣхати, а здилай карэту такуу щобъ вищала, и пищала, и крычала. А ёнъ, Мыкита, гувора: того

я ня боюсь! у мяне майсьтярà своѐ, издѣлаю!» И здѣлавъ карэту и подъѣхавъ. Карэта тошно такова. Куроль гувора: що, такъ тошно, карэта такаа, да моа дочкà ня можа на такихъ лошадяхъ ѣхать. А ёсть у нявѝдомыхъ лугòхъ кобылица, подъ ёй дванадцать жарабцовъ, и на ихъ масть золотая да сярэбраная, дакъ моя дочкà на такихъ лошадяхъ можа ѣхать! Ёнъ узявъ и гувора: „хто жъ ето здѣлаа?“ гувора Мыкита.—А ня здѣлаешъ, знову бязъ головы поѣдешъ, дармà що звинчавшысь! У менэ стурòжа крэпкаа! И ёнъ вишовъ, Микита, и ў журбѣ ў большой, журытца. А стракаятъ яго на дорози вовкѝ ды и гувòрать: «купецъ Микита! бяры гнўзду и йди вотъ на туу дорогу. Тамъ на той дорози стоить вярбà. Дакъ ты узлѣзь, на яе садися—мы навѐрнамъ яѐ къ табѣ! И вовки навярнули туды кобылицу зъ жарабцами. Кобылица прышла и стала часатца объ вярбў, и Микита бросився на яѐ зразу, на храбѐтъ. И стала яна яго носити, щобъ якъ нибўдь искинути съ сябе. Микита ставъ яѐ бить мижъ вушэй гнуздòю! И потудова бивъ, покудова яна отихла. Вонъ загнуздавъ яѐ и съвъ и поѣхавъ. И жарабцы услѣдъ идуть. Ёнъ запрогъ у туу карэту и подъѣхавъ икъ королю. Куроль гувора: «що ето за чудо такоа? Я думавъ, що нѣту у свѣти такого! Вотъ, гувора, дочкà: вѣрно, гувора, отдать трэба:» А дочка гувора: пора, пора, батюшка: я давно у тебэ вѝгулялась! И узяли ўбиратца, ўкладатца, ў дорогу ужэ.

И ѣдуть по дорози, дыкъ ёнъ и гувора, Микита: я не за сябе тябе висватавъ и звинчавсь! ето за короля за свойго! А яна гувора: съ кимъ звинчалась, съ тымъ и жыть буду! И ѣдуть по путю, и 'тсылаа ёнъ прэжда сябе бумагу къ королю: «вотъ, я ѣду ўжэ, висватавъ курулевну, Марыю Павловну!» А той купецъ, що купивъ яго, дакъ почувъ, що ѣдя ёнъ, дакъ ёнъ написавъ королю: «курулевсько вяличаство! купецъ Микита якъ ѣхавъ сватать за тябе курулевну, дакъ ёнъ мѣвся: я зъ ёй буду жыть, а короля паравядў!» Куроль дожыдаятца яго и выкопавъ ямму на пурòзи у горницахъ, на ўхòди, и насыпавъ жару. И сычасъ Микита якъ прыихавъ икъ горницамъ, да увидивъ куроль и такія лошади и такуу курулевну изъ золотыми кудрàми, и ня могъ тярпѣть, у вокно глядя, и побѣгъ на стрэчу и ввалився у ямму. Купецъ Микита жджэ (жде) дожыдаа, що куроль ня йдэ? На ўстрэчу нужно вийти, а ёнъ ня йдэ? И Микита увийшовъ, и зирнувъ у яму, ажъ куроль у ями ляжыть вѝпроставшысь, и ня жывѝй. Микита спрашуя: що ето за случàй такій. Яны сказують: ето ёнъ на тябе копавъ ямму и приготовàвъ огня, жару; и вотъ, говòрать, зъ радости хотѣвъ тебэ стракати, да самъ увалився, и ўтопився и пропавъ!—«Зарыйтя яго!» повялѣвъ купецъ Микита. Узяли, закопàли.

И Микита жывѐ спокойно, и ставъ курулёмъ. И допросивсь, хто на мяне наводѝвъ ето зло? Созвавъ купцовъ. Купцы отвячаять: ето твой, що купивъ тебэ, намъ оклятовàвъ, шо ня быть намъ купцами, а быть старцами, а трэба яго съ свѣту паравесть!» Ёнъ узявъ, яго повѣсивъ. И жывѐ спокойно тяперъ ужэ сабѣ.

Яна, жана, спрашуя: «якого ты рода?» Вонъ гувора: «я рода мужыцкаго!»—Ну, давай, гувора, поѣдомъ поглядимъ свуйго курулевства, да й заѣдомъ къ отцу къ твойму, посмотримъ, ти жывъ ёнъ? Ежали жывъ, дакъ къ сабѣ вòзьмамъ, а помѐръ—поминать будомъ!... И объѣхали яны своѐ курулевство и прыѣхали у тòа сялѐнія, гдѣ отецъ яго. И давъ ёнъ знать, «щобъ мини булà у такого старыка хватера на ночъ!» Показавъ на свойго отца. Отецъ жывъ, братовъ ня булò, одинъ исъ старухою. Надвчалники гувòрать: «вотъ къ таби куроль на ночъ жалаа по якойся давной дружби»! А старыкъ соўсимъ бувъ драхлый ужэ. И ўзявъ и заѣхавъ ёнъ икъ яму. И старыкъ хоча утякать отъ яго: «няхай самъ ночуа!» А ёнъ каа: якъ жа можно ночавать бязъ хозяина? ето ня можно, йти исъ свойго дому! И заночували. И стали ужынать давать имъ, и посадили старыка мижда сябе и старуху. Куроль ижъ жаною по краихъ сѣли, а ихъ посадили посярэдини сябе, и накормили хорошэ. Хата ня большаа. И послали постель королю, и занялѝ усю хату, ня можно пройти. И помыли яму ноги, и тазъ изъ водой поставили на прыпячку. Ноччы старыкъ захотѣвъ пить вельми, и у бабы спрашуятца: ой, бабъ: я пить хочу! А баба гувора: «тярпи, дѣдъ пранцоватый! Сказано отъ старыхъ людей: на хотѣньня ёсть тярпѣньня! тярпѝ! Ты бачышъ, король ӛзли сябе якій ножъ поклавъ войстрый! Якъ сѣканѐ, дакъ голова твоя злятѝть, якъ ступишъ на ихъ постель ногами!» А ёнъ гувора: я напъюсь исъ тыѐ миски ясныя, що яму нòги мыли! Яго нòги чыстыя! И ўзявъ пить. И ўзявсь руками, да шкрабнувъ. Дакъ тазъ той и зазвинѣвъ. А ёнъ и почувъ. И гувора: свѣтла! Сичасъ засвятили. «И що такӛа ето?» А старыкъ сядить ракомъ надъ тазомъ. «Панокъ, голубчыкъ! Пить хотѣвъ, дакъ напився водицы!»—Да ето жъ вода, мнѣ ноги мыли ёю,—яна нячыста!— „Нѣ, гувора: твоѐ ноги чыстыя, ета ничого!» Тогды куроль уставъ. «Вотъ, гувора: батюшка!—ты мой батюшка,—якъ ты закладàвъ намъ, тромъ братіямъ, ложывшысь спать, и бòльшаго брата пробудивъ, и бòльшый братъ сказавъ, що я кую, кую, да ниякъ завӛзу ни отправлю, бытца ковалёмъ ужэ ставъ! Ну ты будяшъ, мой сынъ, ковалёмъ. А другого брата узбудивъ: що табѣ снилось? Другій сказуя отецъ мой: у томъ и ў томъ урочыщы выкопали лядо мы, да й насѣяли проса; дакъ просо уродило хорошаа. Дакъ ты сказавъ, що ты будяшъ пахаръ. А менэ ўзбудивъ и говоривъ: що табѣ, Микита сынъ, снилося? А я таби говору:

що мини нòги мыли, и ты водỳ пивъ, туу, що ноги мыли. Дакъ вотъ ты яе сягѐночы напився!» Дакъ ёнъ гувора: «няужэжъ ты мой сынъ?»— «Твой, батюшка!» И стали ỳбиратца япы, гòди ночавать. И издѣли худуу одѐжу зъ яго и надѣли свою хорошуу одежу, и на старика и на старуху. И ỳзяли и повязли съ собой. И жывуть тамъ, и весяля̀тца, куpулевствомъ управляять. И я тамъ бувъ, и мѐдъ-вино пивъ, и ỳ роти ня булò и по бородѣ не тяклò.

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр-па Филиппа Иванова Лапеки, негр. Говоръ смѣшанный, подъ вліяніемъ живущихъ вблизи старообрядцевъ.

50. Премудрый Соломонъ.

(Легенда).

Нѣкоторомъ царствіи, нѣкоторомъ государствіи, стало быть ня у тòмъ, што мы живёмъ, были сабѣ двѣ бабы удовы. У одныѐ былѝ колёсы, а у другія была кобыла. И яны̀ дружбу дужа одна съ одной вялѝ. И одна однэй давали то колёсы, то коня ѣзьдить по дрòвы. Отъ разъ тая поѣхала у дровы, якѐй былѝ колёсы. Пріѣхала у лѣсъ, на шаговъ двацать отышла, стала ужо дровы рубить. Нарубивши дровъ, прихòдить къ кобыли. Тая кобыла жарабѝлася—ляжить жарабёнокъ подъ колёсамы. И сама сабѣ рассуждаеть: ти гэто кобыла ожарабилася, ти гэто колёсы жарабили жарабя̀? Узила жарабя̀ съ подъ колёсъ и потсадила подъ кобылу. То, акъ жарабя пссѐло матку, такъ ина дровъ наклала на туу кобылу, и вязѐть домовъ, и жарабятка тòя идеть пòплечъ зъ маткой. Пріѣхала домовъ, дровы тыя скинула доловъ, а жарабятка сховала. А товарисцы кобылу повяла̀. Отдала ёй кобылу, таа кобыла дужа ржеть по жарабя̀ти. Тады ина пошла у хлѣвъ, таа баба, чія кобыла. Оглѣдила, што кобыла была жарòбная, а тяперъ—дѣ ина дѣла, баба таа, жарабя̀ моё? Тогда ина пошла къ ей: «дѣ ты дѣла жарабя̀ моё? Кобыла была жарэбная, а тяперъ нема жарабяти!» А ина говорить: «гэто колёсы моѐ ожарабились!»—А зачимъ ты думаешъ, што колёсы ожарабились?—„А затымъ, што я подъ колёсами нашла! Гэто моё жарабя!» Тады яны зьдѣлали шумъ большій, бабы тыя, стали битца, узàлобки водѝтца одна съ однэй. Тады собрався народъ, и тыхъ бабъ разьвялѝ. И не могли яны нихто ихъ разобрать. «Ступайтя къ цару на рассудокъ!» Пришли къ цару, азъ цара нема дома,—уѣхавши заграницу. Царица каеть: «я васъ разбяру! Притягнитя ко мнѣ колёсы и жарабя, и кобылу,—я васъ разбяру!» И сказала узьвѐсьти на високую горỳ, усё гэто, и кобылу, и колёсы и жарабя. И тады сказала пусьтить колёсы, доловъ зъ горы зь високія. Тыя колёсы якъ заля̀пали, бигучѝ зъ горы, а жарабя булò ще

сляпдя—яно троя судокъ ня видить, якъ ожарабитца,—тдя жарабя побѣгло за колёсами. Тады царица говорить, што колёсы ожарабили жарабя! Тая баба бярѐть жарабя, чіѐ колёсы. А тая дужа плачеть, чія кобыла. А царица да была ўтяжкў. И оказуетца у яѐ у серадини: «якъ ты гэто судишъ, матушка? ты судишъ, каеть, по блудному, бо ты сама блудная!» Тады ина раздумалася, царица: «коли ты гэтакій вумница, у серадини, у чѐрави, мяне блудной потрэскаешъ, позываешъ,—а тады, ты мяне будешъ и ладно потрэскавать». А тады, теразъ три дни, якъ тэй судъ бывъ, бабській, объ жарабя, ина родила. Узяла и занясла кухару на кухню. Занясла и приказала: «и вотъ сичасъ, сей минутой, кабъ ты яго зарэзавъ!»—Ваша анпяраторство вяликая! я тяперъ занятъ—можетя отправитца? Дакъ ина отъ яго пошла, съ кухни, а рабяшачка тамъ покинула. Ну, якъ ина отъ яго пошла ужэ, тэй рабёшачакъ каеть: «пожалуста, каеть, кухаръ—прикрый мяне! Ёнъ яго накрывъ! Тады бдумалася царица у своимъ палацы: «пріѣдеть мужъ мой ззаграниины и скажеть: дѣ ты дѣла рабёшка? што ты была у цежари, ўтяжкў!» Побѣгла ина знов на кухню: ти ты зарэзавъ рабёшка, ти нѣ?» Нѣ!—«Ну, пожалуста жъ, кухаръ, бяжы ты у городъ,—ти не 'бродився хто небудь, распытайся. Мы яго замѣнимъ!» А тэй поваръ знавъ, што ковалиха—коваль бывъ, кузнецъ—што жонка была ўтяжку. Пошовъ ёнъ туды къ ѐй, ажъ ковалиха родила сына, Тогды ёнъ говорить: а дѣ твой мужикъ? Кузьня была за городомъ. Ина яму отвѣщаеть, ковалиха, отказуеть: «што ты скажашъ?»—А што жъ я табѣ скажу? Што табѣ давъ Богъ, каа (кого) ты родила?—«Родила сына!»—Отдай ты яго царицы, на замѣну, а я табѣ царськаго дамъ сына! Ина обдумалася, думаеть: «што тутъ зрдбить?» А ёнъ ей, кухаръ, отвѣщаеть: а вотъ жа, каеть: твой сынъ будеть царовать, будеть царомъ, а царській будеть, каеть, ковалёмъ! Тая обдумалася ковалиха: «гэто добро будеть! Бяжы жъ ты, принясй мнѣ царськаго сына!» Ёнъ приходить у царській палацъ, кухаръ и говорить царицы: «нашовъ я такую бабу, што родила сына!»—У гэто намъ и дужа будеть добро! царица отказуеть. Тады: „бяри жъ ты гэтаго сына и няси ковалиси, а яѐ рабёшка приняси ко мнѣ!" Кухаръ узявъ, яе сына занёсъ къ ковалиси, а ковалихинаго узявъ, царицы понёсъ. Царица кажеть: «вотъ гэто намъ и добро: пріѣдеть нашъ мужъ домовъ, царъ, и узрадуетца, што намъ Господь давъ сына мнѣ!" А ковалиха узяла сына того, што поваръ ёй принёсъ и пошла къ ковалю къ свойму, и яго наўлоньни узяла, сына того. Подходить потъ кузьню, а стояла тамъ пўня ля кўзьни. Ина яго у пуни положила и соломой накрыла. А сама пошла у кузьню. Тэй коваль и спужався: што ты пришла такъ? А ў яго на работи людей много було. Ина яго гукнула съ кузьни и кажеть яму:

давъ Богъ мнѣ сына, иди домовъ! Ёнъ людей тыхъ, сказавъ: выйдитя, братцы, съ кузьни вонъ! Уси повыходили тыя люди, а ёнъ кузьню замкнувъ и пошовъ домовъ. Идеть разомъ зь ей, жъ жонкой, коваль. „Зайди жъ ты, каеть, у пуню, возьми сына—я тамъ поклала, побоялася дома кинуть яго, дакъ я съ собой яго узяла и поклала у пуни!" Пытаетца ёнъ у жонки, коваль: гэто жъ яго нема, каеть, рабёшка? Ина яму отказуеть: я яго соломой накрыла! Ёнъ узявъ вилки древяныя, што скоту трасуть кормъ, и ставъ яго шукать. „Отецъ кузьнецъ! ёнъ отзываетца, хлопчишка тэй: осьтярожно вилками поры—ня выколь мнѣ вочи, бо я ляжу̀ тутъ!" Пошовъ тогды коваль у тоя мѣсто, дѣ ёнъ обозвався, открывъ солому и узявъ гэтаго сына на ўлоньни и занёсъ домовъ. Тогды пошовъ ды позвавъ людей: «пожалуста, ходитя ко мнѣ! Мнѣ Богъ давъ сына,—и прошу васъ на родины!» А тогды пошовъ у каршму̀, узявъ гарнецъ горэлки. Прынёсъ домовъ и попросивъ бабку пупорэзьницу: „перабабъ мнѣ, пожалуста, сына, попрошу я табе!" Тая бабка яго перабабила. Ну, тогды ёнъ ихъ посадивъ за столъ, усихъ, и давъ имъ горэлки, и што Богъ давъ тамъ закусить.—Закусили.—Яны яму подяковали уси и разышлись, пошли по домахъ уси. Тогды ужо говòрыть жонцы, коваль тэй, породиси: „а што, баба, коли кстить будемъ?"—А што жъ: у святый день перакстимъ! Табѣ нѐколи у рабочій, дакъ у святый, у нядѣлю! Тогды коваль пошовъ у городъ. Поговорывъ ёнъ съ своёй бабой: сыщемъ мы кумòвъ на свой домъ и позовёмъ мы попа, и перахрысьтимъ мы у хати у своёй! Дождавъ ёнъ нядѣли, пошовъ куму̀ прывёвъ, а тогды и кума прывёвъ. Тогды сычасъ запрогъ коня свойго и поѣхавъ, попа прывёзъ. И стали хрась тить того рабёшка. Попъ каеть: имя дать Иванъ! А ёнъ отвѣщаеть, тэй хлопчикъ батьку тихимъ голосомъ, кабъ нихто ня чувъ: дай мнѣ, батька, ймя—Соломонъ! Говорить тогды коваль попу: зьдѣлайтя отдолженьня! дайтя яму ймя Соломонъ,—жана моя родила яго у соломи! Ну, перакстили яго, дали имя Соломонъ. Тогды почестовàвъ ёнъ ихъ—попа и кумовъ, и подяковали яны яму, и потправлялися яны по мѣстахъ по своихъ, кумы, а попу коня запрогъ.

Тэй мальчишка ставъ рàсьть—не годамъ, али часамъ, не часамъ, али минутамъ, и выросъ большый. Отвѣщаеть кузнецъ, батька яго, яму: „сынъ мой, любимый! трэба пастуха нанять, скотъ пасьтить, а ты молодъ ящо!" —Ня трэба, батька, намъ пастушокъ,—я буду гонять самъ на пàсту! И былй старшы яго тамъ малцы на пасьти, другихъ хозяиновъ. Яны яго гоняють усё малаго—упародъ, скотъ отворачавать, коровъ. Обидно яму, што яны яго дужа гоняють часто! Тогды ёнъ каеть: насадимъ мы старшаго надъ пастушками! Большы яго тамъ были нѣкоторыя. Тэй каеть: я буду! А тэй каеть: я буду! И у болоти тамъ *лягушки* близко

кричать—крахають. Тэй Соломонъ каеть: нѣ! тэй будеть старшымъ, хто униметь гэтыхъ *люгашакъ*! Постали тогды пастушки кружка болота: „ну, будемъ, каеть, казать, кабъ тишы,—сьтихли кабъ люгашки!“ Такъ уси перказали, у порадокъ уси малцы, што тишы! А тыя люгашки ня чують гэтаго, усё крахають. Прыходить до Соломона чарада, што яму трэба сказать: тишы! Якъ сказавъ Соломонъ, што тишы! такъ яны и сьтихли уси! Тогды сказавъ: «отъ жа: я буду надъ вами старшый, бы яны мяне послухали!» Дакъ ёнъ и ставъ надъ ими старшымъ. И узявъ, по разрадахъ коровъ разьдяливъ—одному давъ сивыхъ, другому давъ чорныхъ, а третьтяму бѣлыхъ давъ, чатьвёртому давъ красныхъ, а пятому рабыхъ, бѣлы плямы, а сабѣ узявъ рабыхъ, чорны плямы. И котора пойдеть напяродъ корова, тэй тогды бяжы отворачавать. И распасьтивъ дужа ёнъ скотъ, ставъ дужа сытый, зь етой зь яды, што ёнъ ставъ дужа хорошо ихъ пасьтить, и поить и пасьтить. Распасьтивъ коровъ, тогды каеть: „ну, малцы! што будемъ робить!“ А яны яму отвищають: ты жъ надъ нами старшый,—што намъ прыкажашъ робить? „Надрать бяросты зъ бярэзины!“ Яны яго слухують. И пошли у лѣсъ, надрали бяросты. И начавъ ёнъ ихъ грамоти учить. Яму Господь сказавъ, што ты на што глянешъ, дакъ ты усё и будешъ знать; такъ и грамоти выучився. И ставъ ёнъ тыхъ пастушковъ грамоти учить, яны гразьзю писали на бяросьти. И понаучававъ ихъ грамоти. И нихто ня могъ разобрать, што яны писали, тольки ёнъ да малцы тыя, што ёнъ понаучававъ. Прыгнавъ домовъ скотъ, отчинивъ хлѣвъ, сказавъ: «батька,—отвѣщаеть ковалю: отъ, я научився грамоти и малцовъ понаучававъ!» Батька говорить: а хто жъ табѣ показавъ?—А я своимъ вумомъ выдумавъ,—што я дужа на свѣти вумница! Зьдѣлай мнѣ, батюшка, тяперъ стральбу! Показавъ яму хорму, якую дѣлать стральбу! Батька зьдѣлавъ яму тую стральбу. И узявъ ёнъ сабѣ на пасту съ собой тую стральбу, погнавъ коровъ. И сказавъ наносить дровъ. И якдя дераво—што орэхи растуть. Яны наносили дровъ, большую граду. Тогды подпаливъ ёнъ ихъ, тыя дровы; згорэли тыя дровы—остався гольки попялъ. Ёнъ съ того попялу надѣлавъ пороху и ставъ стралять на поли. Удивляетца царъ: хто гэто такъ лопаеть, што у моимъ царстьви нема гэткія штуки? Сказали цару: гэто ёсь у коваля—ёсь сынъ Соломонъ, и ёнъ гэтыя штуки работаеть! Спрашуеть яго—яго къ сабѣ царъ позвавъ: «дѣ ты гэто научився, чимъ гэто ты покаешъ?» А ёнъ цару отказуеть: я своимъ вумомъ могу на сьвѣти, што здумаю, то зробить! Цару стало гэто, што ёнъ зъ нѣйкаго колѣна, зъ нѣйкаго поводу—што ёнъ гэто не коваль. Прыходить гэтый царській сынъ зъ вучилища, тэй, што пры имъ жыветь, и бярэть ножъ, и зьдѣлавъ дрывяный молотокъ, и зьдѣ-

лавъ общугй дрывяныя. Царъ тогды поглядѣвъ на гэтыя штуки, и завялѣвъ запрэхчи коня и усадивъ съ собой гэтаго сына и поѣхавъ на пóля. И каеть: сынъ! штó бъ на гэтымъ поли було? зьдѣлать можно? А ёнъ яму̂ говорыть: поравшы, будеть пшаница! Вотъ ужэ цару замѣтно, што не яго сынъ! Уѣхали у пущу: штó бъ у гэтой пущи було? пытаетца царъ у сына.—Вырубить гэтый лѣсъ и накласьти дровъ грады большэя, и попалить ихъ,—за гэто угальля ковалёмъ будеть бязъ клóпоту. А помижъ гэтыхъ пнёвъ, што пни высѣчаны, тыя дровы, и узорать ихъ, тую землю, и насѣить ячмѣню, дакъ то хлѣба будеть много! Тогды царъ вярнувся домовъ. Отвѣщаеть жанѣ царъ, жонцы своей: «ня мой гэто сынъ! А мой сынъ, каеть, у коваля Соломонъ!» А жонка яму каеть: «почимъ жа жъ ты вѣдаешъ, што гэто Соломонъ сынъ твой?»—А потымъ я вѣдаю, што ёнъ можыть воевськимъ дѣломъ займатца, войной! А гэтый сынъ займаетца ковальскимъ! Тогды яна на мужука каеть, на цара: „почимъ жа ты вѣдаешъ, што ёнъ займаетца ковальскимъ дѣломъ?" —А прыдеть зъ вучилища, дакъ ёнъ дѣлаеть дрывяныя молотки и общуги. Дакъ я по гэтымъ узнаю яго. И запрагàвъ я коня и ѣзьдивъ зь имъ на пóля и говорывъ яму̂. што на гэтымъ поли дѣлать будемъ? А ёнъ мнѣ говóрыть: што вотъ можно на гэтымъ поли засѣить жыта, ти пашаницы,—хлѣба будеть досить усимъ войську. А у пущу поѣхавъ—попалить пущу, дакъ будеть ковалёмъ угальля доволи. Отъ я по гэтымъ узнаю, што гэто ковалёвъ сынъ. Кабъ мой сынъ, ёнъ бы на пóли сказавъ, што вотъ можно на поли состроить лàкари солдацкія, ученьня солдацкая! А царыца сказала цару: коли жъ твой Соломонъ сынъ,—хай заутра коваль къ табѣ прыѣдеть, и не на кони, не пяхотóй, и не надѣвшыси, и не голый, и не подъѣвшы, и кабъ голоденъ ня бывъ. Зазвавъ царъ коваля къ сабѣ: „кабъ ты ко мнѣ заутра явився, рàнянько, и не на конй, и не пяхотóй, и не надѣвшыси кабъ бывъ, и не голый, и кабъ не сытый бывъ, и не голодный. А ня зьдѣлаешъ гэто, дакъ я табѣ голову̂ сьсяку̂!» Прышовъ домовъ да и плачеть коваль. Ажъ прыгоняеть сынъ съ паствы. «Што ты, батька, плачашъ?»—Загадавъ царъ загàдку! «Што за загадка?»—Кабъ заутра рано къ яму явився я, и не на конй и не пѣшкомъ, и кабъ и не голый и не надѣвшысь, и не подъѣвшы и не сытый!.. Соломонъ отвѣщаеть матцы своёй: учини ты зъ муки заутра кисялю̂, кабъ батька посьнѣдавъ бязъ хлѣба! Пераночававшы, наварыла яна кисялю, ковалиха. „Ну, садися, батька,—ѣжъ кисель!» И хлѣба яму̂ не давъ Соломонъ сынъ. Наѣвся ёнъ того кисялю. «Зьдѣвайся, батька, кабъ ты бывъ голымъ! Батька зьдѣвъ одѣжу усю доловъ, а ёнъ теразъ ночь прыготовивъ батьку одежу. А якая одежа—гэто сѣть, што рыбу ловють, и батьку укрутивъ у тыя сѣти. И

прывёвъ яму козла, Соломонъ ковалю, и сказавъ: «помижъ ногъ козла ущамй и ѣдь къ цару. Якъ прыѣдешъ, кабъ половина была на ганку козла, а половина у хати, то на порози и стой!» Такъ коваль и поѣхавъ.

Сичасъ являетца ёнъ къ цару, коваль. Царъ гэто увидивъ, што ёнъ ѣдеть, спрашуеть: «хто табѣ гэтакъ подьдѣлавъ?» -- А гэто мой сынъ Соломонъ!—«А што ты ѣвъ?» царъ пытаетца у коваля.—«Ѣвъ кисель бязъ хлѣба!—«Можашъ сабѣ, коваль, домовъ ити!» И отвѣщаеть царыцы царъ: якъ ты сабѣ хотѣла, а потомъ, гэто мой сынъ, Соломонъ. Такъ яна, царыца, и змовкла. Ничого яму не сказала. Тогды того сына, што дѣлавъ молотокъ и обцуги дрывяныя, царъ узявъ, ды й вывявъ вонъ за руку съ свойго дому, съ хаты, и отвёвъ къ ковалю. „На табѣ, коваль, твойго сына! гэто твой сынъ!" Коваль яго повёвъ, того сына, къ сабѣ. И вялѣвъ запрэхчи коней у саму лѣпшу карэту, у поиздъ, ѣхать за Соломономъ къ ковалю. Спрашуеть у ковалихи царъ прыѣхавшы: дѣ сынъ Соломонъ? Ковалиха каеть: узявъ хлѣба у торбочку и пошовъ!— Ня вѣдаешъ, куды пошовъ?—Ня вѣдаю! Тогды царъ разославъ по усимъ городу своихъ вѣрныхъ слугъ, разыскать Соломона.—Яны яго нидѣ не нашли. Прыходють къ цару слуги: нема нидѣ Соломона! Тогды царъ нарадивъ людей большы и пославъ по усихъ дорогахъ, кабъ яго найти дѣ. Здогоняеть яго минисьтеръ царськiй. Ёнъ видить гэто, што яны возьмуть яго къ батьку, ёнъ доставъ тогды хлѣбъ свой съ торбы, *спёвъ*, и ставъ хлѣбъ ѣсьти, и вошы бъёть на тэй скорынцы хлѣба на самой. Што ты мальчишка гэто работаешъ?—А я старое выгоняю, а новое накладаю!—А гэто што робишъ?—А гэто няпрыятелявъ убиваю! Тыя министры узяли, отраклися яго, поѣхали назадъ, што ёнъ соусимъ имъ показався дурный малецъ. Попрыѣжжали уси—уси зъ дорогъ, являютца къ цару. «Ну, нѣтъ Соломона мойго сына?» -- Ваша анпяраторство вялико! нѣтъ нигдѣ! А тольки бачили на дорози дурного мальца! Царъ пытаетца: што жъ ёнъ работавъ тэй малецъ? А ёнъ на подворъя, каеть, ходивъ и хлѣбъ ѣвъ заразомъ, и достававъ вошы, на скорынцы бивъ. Гэто, каеть, дурный малецъ!—тыя, што шукали яго. А царъ говорить: А што ёнъ казавъ?—А казавъ, што старое выгоняю, а новое накладаю, и непрыятелевъ убиваю! Царъ каеть: «гэто дѣсьвительно Соломонъ! трэба було брать!" Поѣхали, не нашли ужэ у тымъ мѣсьти яго.

Такъ батька царъ оставивъ гонятца за имъ. Прышовъ наказъ съ протчихъ царыковъ,—што дѣсьвительно сынъ твой Соломонъ тутъ у насъ, показуеть разныя штуки! Ставъ показавать, якъ на сьвѣти воеватца, подѣлавъ граматы, стрэльбы и ставъ порохи показавать якъ работать, зъ якого дрэва. А то до яго дрӯччамъ бились, рукопашну, дрэвомъ. И начавъ шклы работать, вокны шклить; а давно не було шкловъ—ко-

жай вокны запинали свѣтлой. И начавъ работать люйстры, што самъ сябе чаловѣкъ увидаетъ. А дàвно люйстровъ нѐ было, и чаловѣкъ сябе ня видивъ, опричъ якъ у водѣ. И разныя навуки прыставлявъ—якъ што дѣлать на сьвѣти. Тогды тэй царъ пославъ чаловѣка къ гэтому къ батьку: „Отъ, вашъ сынъ Соломонъ разныя штуки прыставляетъ, показуетъ, якъ на сьвѣти жыть!“ Запрагаитъ батька кòней, поѣхавъ у тоя царство за сыномъ. А ёнъ знавъ, што батька за имъ прыѣдетъ. Дакъ ёнъ увыйшовъ у другòя царство отъ батьки. Прыѣжжаетъ батька, а яго нема. Пытаетца у того цара: «бывъ тутъ мой сынъ Соломонъ?»—Бывъ!—«А дѣ жъ ёнъ дѣвся?»—Ня знаю, увыйшовъ, каетъ, отъ насъ! И ёнъ по усимъ свѣту показавъ навуки, къ батьку не являвшыся. Покуль уси навуки попокàзывавъ по протчихъ царыкахъ. И ня звѣсно, скольки ёнъ зямель обыйшовъ. Якъ сьвѣтъ вяликъ, такъ ёнъ на усимъ сьвѣти показавъ навуки, сьвѣтъ просьвятивъ. А тогды обдумався домовъ,—явитца къ батьку назадъ. И нанявъ сабѣ звощика исъ конёмъ и наработавъ люйстровъ, и прыѣжжаетъ домовъ у свой городъ, дѣ батька. Разставивъ тыя люйстры на гòроди продавать. Ходила царыцына дѣвушка по городу и увидила тыя люйстры, покупала одно, невяличкое, можа яно тамъ съ четьвертъ кругòмъ. И прыноситъ яна у царськiй дворецъ тоя люйстро. И показуетъ царыцы: отъ, якую вещъ я покупала на гòроди,—што у нашамъ царсьви нема! Царыца пытаетца: „а ёсь у яго ящо большы?“—Ёсь! И такiя ёсь вяликiя, што зь яго дьверы можно составить, зь дьверы вяличинёй! Царыца сказуетъ на дѣвку: пòйдемъ съ тобою мы къ яму! И пошли яны обѣдьвѣ по городу, и нашли яго, звощика того. И спрашуетъ у яго: «продажныя у тябе гэтыя вещи, люйстры?»—А ля гэтакихъ лицъ не могу продать!—„Ли чаго жъ ты ня можашъ мнѣ продать?“ царыца пытаетца.—А ля гэтакихъ лицъ хто со мной ночь перасьпитъ, тому и дàрмà даю! Царыца обдумалася, написала яму писямцо и дала: што я могу съ тобою сочинить—пераспать. А тольки яна не знаетъ, што гэто сынъ. Тогды яна написала бумагу, ёнъ бумагу гэту у кишэнь. Отдавъ ей люстру саму бòльшую. А тогды прыноситъ домовъ царыца тоя люйстро и пошла къ мужуку, къ цару. „Полядитка якую я у своимъ городи вещь покупала!“ Царъ прыходитъ, смотрытъ—самъ сябе увидавъ. Ничòго не казавшы царъ жанѣ, якъ увидивъ тоя люстро, пошовъ къ кучару и сказавъ саму лѣпшу карэту запрагать, лошадей шасьтярыкъ. Сѣвъ ёнъ и поѣхавъ у карэти нà городъ. И нашовъ ёнъ сына свойго Соломона и узрадовався такъ, што якъ свойму воку—радъ, што сына увидавъ. «Сынъ мой дорогёй! покуда ты будешъ мяне мучить, по сьвѣту тягать за собой,—што я за тобой ѣжжу, шукаю тябе? По сьвѣту навуки показуешъ, а дома нѣ!“—Отъ, батька—на штожъ мнѣ: я тяперъ дома буду

жыть, я й навуки буду разныя показавать! А звощику подарывъ тыя уси вещи люйстры. А самъ сѣвъ зъ батькомъ у карэту и поѣхавъ до свойго батьки у хату. «Сынъ мой любимый, рòдный! Чаго ты мяне отрòкся?» —А за тымъ отрокся, што мяне хотѣла матка зарэзать!—«А за што ина хотѣла тябе зарэзать?»—За тымъ, што я матку назвавъ блудной!—«Сынъ мой любимый! ня трэба говорыть гэтакъ на матку!»—«Коли яна у праводу гэтымъ занимаетца, матушка наша! - «А почаму ты, сынъ мой любимый, гэто знаешъ?»—А вотъ табѣ, батюшка, посмотрыти: вотъ яе расьписка у мяне у кипэни! Осмотрѣвъ царъ по тэй расьписцы, што дѣсьвительно сынъ правду говорыть. Прыѣжжаетъ у дворъ,—матка и спознала, што тэй, што продававъ у городи люйстры. Матцы й страмно стало, стыдно, што сама своей рукой расьписку дала, што съ сыномъ буду грэхъ сочинять.

Ёнъ тогды распорядився, Соломонъ, уси тыя навуки дѣлать дома, - якъ по протчихъ царыкàхъ: и ружжы и граматы и шклы—усё. Тогды сказавъ: батька, буду я жанитца! Батька яму позволивъ. Поѣхавъ ёнъ, высватався у протчимъ царстьви. И дужа яна была прыгожая, тая царэвна. И бывъ у тыѣ царевны тожъ само полюбовникъ, такъ само царъ, опрочъ Соломона. И того цара полюбовника яе называли царъ Давидонъ. Прыѣхавъ ёнъ у сваты прамудрый Соломонъ,—дѣвушкинъ батька пытаетца у яе: «за кого ты пойдешъ луччи,—ти за Соломона, ти за Давидона? —Нѣтъ на сьвѣти крàшай цара Давидона, а нѣтъ на сьвѣти мудрэй Соломона!“ Тогды ина отвѣщаетъ батьку, што пойдетъ за Соломона, затымъ, што ёнъ дужа мудрый. Тэй царъ Давидонъ тогды поѣхавъ отъ царыцы отъ тыя. А царъ Соломонъ ожанився зъ ей. И по протчихъ по усихъ послáвъ царыкàхъ, што ёнъ по сьвѣту ходивъ: «што вотъ, прыѣжжайтя на свадьбу къ цару Соломону, што я вотъ у васъ бывъ. разныя навуки показавъ, дакъ прошу вашыя милосьти къ сабѣ на вясельля!» Такъ уси царыки могли тронутца и прыѣхать къ яму на васѣльля.

И сѣли уси за столъ у порадокъ царыки съ протчаго царства. И разговаруютъ сами собой: што нема на сьвѣти милѣй. якъ жанà! А другія царыки говорутъ: што матка мила. А никотòрыя говорутъ: „батька милѣйшый на сьвѣти! И вѣрно нихто такъ не скажытъ, якъ батька али матка!» А никоторыя говорутъ: жана вѣрно скажытъ. И сами помижъ сябе спорку зьдѣлали. А ёнъ, прамудрый Соломонъ гэто усё слухаетъ, што яны разговаруютъ. Тогды ёнъ говорытъ: „я вамъ скажу заутра урани, хто ёсь на сьвѣти вярнѣй: ти жана, ти матка, ти батька—хто на сьвѣти вярнѣй ёсь. Якъ поустаетѣ, тогды скажу!“ Пошли яны уси спать, царыки, а прамудрый Соломонъ жъ жаной ня лёгъ спать. Вышавъ ёнъ

вонъ, на ганокъ на свой, ажъ являетца яму голубъ. „Прамудрый Соломонъ! не кладися жъ жаной спать, бо не попадешъ у царство нябесная, будишъ грэшный чаловѣкъ! Такъ ёнъ зь ёй и не клався. Цѣлу ночъ такъ проходивъ, по своимъ покои ходючи. А заўтра раненько ўставъ, помывся й Богу помолився, и пошовъ у стайню. И ўзявъ потъ полў сабѣ пугу, сховавъ, кабъ жонка ня видила. Тогды на жонку: „пойдемъ чай пить къ дарыкомъ!

А бывъ у яго, у Соломона, собачка маленькій, и тэй собачка побѣгъ зь имъ разомъ. Отвѣщаетъ имъ Соломонъ: «я вамъ обѣщався сказать, хто на сьвѣти вѣрный ёсь!» То протчія царыкй кажуть: «слухаемъ васъ, бо вы вумныя на сьвѣти ёсь!» Доставъ Соломонъ съ потъ полы пугу, сховавшы ина была у яго. И сказавъ на собачку: служыть мнѣ! Тэй собачка дубкомъ ставъ перадъ имъ и стойть. Тогды пугой дѣрнувъ. Тэй собачка запищэвъ и кинувся усимъ подъ ноги, ховатца отъ яго. Ёнъ тогды крыкнувъ узнова на яго: служыть мнѣ! Такъ тэй собачка узновъ дубкомъ и ставъ перадъ имъ, и слўжыть, ще й руки лижыть, што—просьти. Тогды прымѣръ зьдѣлавъ: узявъ, три разы такъ пугой стёбнувъ жонку помалёньку,—тольки прымѣръ зробивъ—што жонцы покажытца? Жонка выскочила вонъ и закрычала: запрагайтя коняй! Запрагли коняй, ина и утякла отъ яго, поѣхалы. Тогды ёнъ царыкомъ говорыть протчымъ: «вотъ, вы учора разговарывали, што на сьвѣти вярнѣй нема, якъ жонка: отъ, я собачку бивъ, ёнъ мнѣ й служыть опять; а жонцы тольки прымѣръ давъ—и ина отъ мяне утекла, кинула! А никому ня вѣртя, господа цары! нѣтъ на сьвѣти вярнѣй якъ собака—гэто вѣрно слово я кажу!»

Тогды прамудрый Соломонъ прожывъ зь батькомъ цэлый годъ бязъ жонки. «Батька, дайтя мнѣ полкъ солдатовъ, пойду за жаной за своёй, пѣхотой». — Сынъ мой любимый,—а дѣ жъ твоя жонка? батька пытаетца. —«А я такъ по своимъ вуму знаю, што ина у цара Давидона,—утякла къ тому къ свойму кавалеру, къ давному». Даетъ яму батька полкъ солдатовъ, и отправляетца ёнъ у походъ. Ишовъ ёнъ повтора года зь имы и потходить подъ царській дворэцъ, дѣ царъ Давидонъ жъ жонкой жыветъ. И зайшовъ у пущу, и сказавъ на солдатовъ: ложытеся тутъ спать, а я одинъ пойду къ жанѣ! Прыходить ёнъ, а жана сядить на ганку. Якъ увидала яго, такъ и заплакала: «што нѣтъ на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ, и ты мяне гэтакъ обстрамивъ перадъ царами!» Пытаетца Соломонъ у жонки: «а дѣжъ твой царъ Давидонъ?» А йна яму отвѣщаетъ: «у саноти, пошовъ на совѣтъ!»—Ахъ, жана моя, сховай ты мяне, кабъ царъ Давидонъ не знявъ мнѣ голову доловъ шабляй! Ина съ скрынки узяла одежу вонъ, а яго у скрыню усадила. И сама сѣла на

тэй скрыни. Ажъ приходить царъ Давидонъ съ санотомъ. Отвѣщаетъ яна яму, Давидону: «ти ёсь на сьвѣти прыгожэй, якъ царъ Давидонъ, ти ёсь на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ?» А ёнъ отвѣщаеть, царь Давидонъ: што ёсь на сьвѣти прыгожэй мяне люди, а тольки нѣту на сьвѣти мудрэй Соломона! А ина сьмяётца зъ естаго, жонка: «што ёнъ за мудрый, што у мяне подъ ж. сядить!» Царъ тогды кажыть: «што ты кажашъ: гэто няуправду!» Ина подымаеть скрыню, отчиняеть—ажъ сядить у скрыни царъ Соломонъ. «Чаго ты, Соломонъ, гэто попався у скрыню?“ царъ Давидонъ яго спрашуеть.—Мусить, судьба моя такая, што мяне у скрыню жонка сховала!—«Ну, лѣзь вонъ ись скрыни!» Ёнъ вылѣзъ вонъ. И бярэть шаблю царъ Давидонъ и хочеть яму головў зрубить, Соломону; отчаго ты нападеньнямъ прышовъ къ моёй жанѣ! А ёнъ отвѣтивъ, царъ Соломонъ яму, цару Давидону: якій ты, царъ Давидонъ, будешъ, што ты одинъ на 'динъ головў зрубишъ мнѣ? Ты зьбяры народъ, восько своё, и чорный народъ—простыхъ, ня воиновъ, усихъ кабъ зазвавъ, усё *сво* царство, и зьдѣлай шыбялницу, и ты повѣсь прамудраго Соломона на шыбялницы. И табѣ тогды будеть лахва, што ты повѣсивъ такъ прамудраго Соломона. И зьдѣлай три пятьли: шавкòвую за шыю, пянькòвую за сярэдину, а зъ лыкъ зьвита за ноги—кабъ гэтыя были пётьли! Гэтый царъ Давидонъ собравъ увесь народъ, усё царство и подѣлавъ гэтыя петьли. А жана яму отвѣщаеть: ня слухай Соломона, руби яму головў, бы ёнъ своёй мудросьтю увыйдеть отъ насъ! Ёнъ узявъ, и послухавъ яго,—не рубивъ яму головы, а лѣпи повѣшу, кажеть. А у царыцы была дѣвушка—и тая говòрыть на цара Давидона: руби доловъ яму головў, бы ёнъ увыйдеть отсюда своёй мудросьтю. А царъ Давидонъ послухавъ яго, ня зрўблюеть ямў головы. И увесь народъ собравъ къ шыбялницы. И прывяли цара Соломона. Ёнъ отвѣтивъ цару Давидону, царъ Соломонъ: я самъ сабѣ надѣну петьли на шыю и за сярэдину, и за нòги, и самъ сабѣ соскòчу съ уступу, зъ ганки съ тэй, и повѣшусь. А тольки царъ Давидонъ, позволь мнѣ поиграть у жулѐичку тры разы! Ёнъ ямў позволивъ: поиграй сабѣ перадъ сьмертю! Такъ ёнъ и зайгравъ у жулейку. Тольки Соломонъ зайгравъ,—такъ народъ ставъ драмать увесь. Якъ зайгравъ другій разъ, такъ народъ поклàвся. Якъ зайгравъ трэтьтій разъ—такъ смашно заснули, уси—и восько, и народъ, и царъ Давидонъ заснувъ, и жонка заснула, и дѣвка заснула, уси заснули. Якъ тольки заснули яны уси, то царово Соломоново восько у сей жа минутой наскòчили туды. Тогды царъ Соломонъ отвѣщаеть свойму воську: рубiтя гэто восько яго усё, тольки не чапать чорнаго народу! А тогды, якъ порубили гэто восько, яго ужэ восько обнялò,—тогды ёнъ цара Давидона бўдить, Соломонъ: «уставай, царъ Давидонъ! што ты сьпишъ?

пора мяне вѣшать!» Поляцiть царъ Давидонъ, ажъ яго воська ни дно-го нема солдата, а усё наступило Соломоново. Тогды ёнъ и говорыть жонцы, царъ Давидонъ, прошнувшысь: правду ты казала, што ёнъ своей мудросьтю увыйдеть. Тогды царъ Соломонъ цара Давидона пятлю на шыю шовковую, а жонцы пяньковую, а дѣвцы лышную—и повѣсивъ ихъ усихъ троихъ. А тогды распорадився съ тымъ городомъ, што забравъ ёнъ царство другоя, и поставивъ начальство у тымъ городи своё—рас-пораджатца. А самъ отправився къ батюшку, у свой дворъ, къ рóд-ному. *)

Ажъ сустрыкаеть яго Сусъ Хрыстосъ, цара Соломона. «А дѣ ты бывъ царъ Соломонъ?» —А я бывъ, повѣсивъ цара Давидона жъ жонкой и зь дѣвкой—усихъ троихъ повѣсивъ! Спрашуеть Сусъ Хрыстосъ: «а куды жъ идешъ, прамудрый Соломонъ?»—Иду къ батьку!—«Ходи ты со мной, пра-мудрый Соломонъ!»—Сусъ Хрыстосъ на яго говóрить. Такъ ёнъ и по-шовъ зь имъ.

Приходють яны къ пеклу. Сусъ Хрыстосъ якъ духнýвъ своимъ ду-хомъ, такъ уси дъябли поутякали съ пекла. Ёнъ забравъ, Сусъ Хры-

---

*) *Въ дер. Городкѣ, забѣлышинской вол. климович. у.* эпизодъ этотъ передается такъ: «Стало быть, премудрый Соломонъ у отца рось-тився.» Хочетъ отецъ его еженить, указываетъ невѣсту, но Соломонъ самъ избираетъ себѣ невѣсту, «у такомъ то царствьи у короля дочку.» Отецъ знаетъ, что у дѣвушки есть „полюбовникъ", и говоритъ Соломону: „Нѣ, мой сынъ,—ни за кусъ хвытаесься, ты тымъ кусымъ пыдависься!" —Пычаму такъ?—„А ты у тыя дѣвушки подъ ж. будишъ сядѣть!"— Ну, ето моё дѣло! Ожанився...» Черезъ недѣлю молодуха поѣхала къ род-нымъ въ гости, да тамъ и осталась, у полюбовника. Спустя нѣкоторое время, Соломонъ ѣдетъ съ войскомъ за женою. Условившись съ войскомъ относительно сигналовъ, онъ оставляетъ его въ десяти верстахъ отъ го-рода, а самъ ѣдетъ къ женѣ. Та пьетъ чай и принимаетъ его «до чесь-ти». На дворѣ показывается полюбовникъ. „Ай, идеть съ саноту хы-зяинъ етыго дому!" Ну, дыкъ што?—«Дыкъ ёнъ ни залюбить, што ты тутъ!»—А идѣ жъ мнѣ дѣтца?—«Пылизай у сундукъ!» Является хозя-инъ. Она сидитъ на сундукѣ. «А што бъ, мой милый, ты зьдѣлывъ, кабъ мой мушъ прiѣхывъ?»—Я бъ яго сiйчасъ ну куски нурубивъ усяго! Она соскочила съ сундука и открыла. Тотъ выхватилъ саблю: полизай вонъ! А Соломонъ: «ахъ ты вумный, вяликiй князь! ты имѣй руссужденiя въ себѣ, што попався табѣ у руки примудрый Соломонъ! Ты мяне ни руби, а подгонь високiй кипажъ, ды вязи мяне на поля, ды поставъ висиль-ницу високую, ды сыбяри усё начальство, усѣ выйска, ды мяне новѣсь на висильницы,—дыкъ табѣ будеть пыхвала, што ты повѣсивъ примуд-раго Соломона!» Тотъ такъ и сдѣлалъ. Передъ смертью проситъ Соло-

стосъ, уси души и повёвъ сь пекла вонъ, а Соломона узявъ замкнувъ у пекли одного. «Суся Хрысьтё Сыня Божый! што вы мяне покинули одного?» —А ты своей мудросьтю отъ гэтуль утячешъ, и упяродъ за мяне будешъ у царстьви нябесномъ! Прамудрый Соломонъ нашовъ тамъ топорокъ у пекли и надѣлавъ количковъ и зьдѣвъ одежу доловъ и разобравъ по нитоццы, и навивъ шнуровъ. И царъ Соломонъ по пеклу давай планы разводить. Прысылаетъ анцыпаръ на двинатцать головъ— дъябла съ однэй головой: «а сходи у пекло, поляди, што тамъ дѣетца?» Прыходитъ дъяболъ—ажъ тольки одинъ Соломонъ. «А што ты тутъ робишъ, Соломонъ?» дъяболъ яго пытаетца.—«А буду разводить планы! Мнѣ Сусъ Хрыстосъ сказавъ, кабъ я поразводивъ планы тутъ. На правомъ боку суборъ будетъ цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будетъ косьтёлъ, а посяродъ пекла будетъ Прысвятыя Матяры Бугуродицы стоянья!» Дакъ усё пекло Соломонъ и занявъ. Дъяболъ полятѣвъ къ анцыпару и кажытъ: занято жъ усё пекло, занявъ прамудрый Соломонъ: на правомъ боку суборъ будетъ цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будетъ косьтёлъ, а посяродъ пекла будетъ Прысвятыя Матяры Бугуродицы стоянья! Зазываетъ ёнъ къ сабѣ, анцыпаръ на двинатцать головъ, къ сабѣ Соломона. «Што ты тамъ зьдѣлавъ у пекли?»—А поразводивъ планы, усё пекло занявъ!—«А чаго ты, каетъ, застався тамъ?»—А мяне Сусъ Хрыстосъ покинувъ! А ти вѣдаешъ, анцыпаръ,—я на яго дужа не спокоенъ! якъ ба мы, анцыпаръ,—ты тыкій мудрый, и я не плохёй—якъ бы мы зьдѣлали, кабъ Суса Хрыста закували у зялѣзы? Отвѣщаетъ яму анцыпаръ на двинатцатъ головъ: «ты жъ-тки прамудрый Соломонъ: порай, якъ дѣлать!» —А вотъ якъ: двинатцать прутовъ зялѣза, и по дватцать чатыры пуды

монъ позволенія повеселиться и заигралъ на рожкѣ, подавая сигналъ своему войску. «А у тымъ царьстьви ни знають, якъ у рожокъ играть. Уси и задивились». Потомъ Соломонъ предлагаетъ загадку, увидя, что его жена везетъ въ своемъ экипажѣ полюбовника къ мѣсту казни: «господа, рассудитя етый судъ: пусь лошыдь пиридокъ вязеть,—а чаго чортъ усьлѣдъ задокъ нясеть?» Тѣ не могутъ рѣшить. Идетъ Соломонъ къ нижней петлѣ. «Ти въ ето сило мнѣ лѣзьть?»—«Нѣ, лѣзь у верхнее». Снова игра на рожкѣ, «передъ смертю». Потомъ третья петля и третья игра на рожкѣ. Пыль отъ его войска закрываетъ небо. «Соломонъ, ты тамъ височо,—што ето за пыль?»—А ето ангелы летятъ пы мою душу! Окружило его войско цѣпью всѣхъ. Приказалъ Соломонъ внизу повѣсить жену, а надъ нею полюбовника: «я пыдъ тобою сядѣвъ, а ты повыси наперёдъ полюбовникымъ!» Забралъ царство, поставилъ тамъ своихъ начальниковъ, а самъ поѣхалъ домой.

кабъ було у кажнымъ прути. И скувать зялѣзы ! Ну, дъяблы сычасъ гэты зялѣзы кують и надѣлали ланцугй и шрубы, позакручивать зялѣзы тыя. И у сьтянѣ покрутили дирки, дѣ дъябли жывуть, у тымъ муру. И сказавъ прамудрый Соломонъ: «ты, каеть, сйлянъ дужа,—на анцыпара—а Сусъ Хрыстосъ сильнѣй тябе. Окуйся ты уперадъ, анцыпаръ: коли ты не порвешъ, ты й ёнъ не порветь зялѣза! Такъ ёнъ яго и окувавъ и позашрубливавъ крэпко, того анцыпара. „Ну, тяперъ, анцыпаръ, ирванися крэпко! Коли не порвёшъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь!» Тогды ёнъ якъ трыпянувся, анцыпаръ тэй на двинатцать головъ, такъ зялѣзы задѐржыли, и кинулась у яго кровъ и зъ вушъ, и зъ роту, и зъ носу, отусюль—у дъябла, што дужа теразъ силу ужэ ирванувъ. „Ну, тяперъ Сусъ Хрыстосъ ня 'торветца! Коли ты не порвавъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь! Тогды отвѣщаеть дъяболъ Соломону: „отмыкай мяне!“ Тогды Соломонъ узявъ, своей рукой пераксьтйвъ яго во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, и сказавъ ***алилуя***. Такъ ёнъ и увився у тымъ мўры дъяболъ.

Тогды яго дъябли узяли и скинули, прамудраго Соломона, доловъ съ пекла. И ёнъ помёръ - ударывся дужа объ зѐмлю и помёръ. И дѣтки яго, пастушки, найшли на поли, и узяли яго и поховали тыя дѣтки, прамудраго Соломона. И ёнъ ставъ у царствiи нябесномъ. А Сусъ Хрыстосъ пошовъ на небо на Ушэсьтя (Вознесенiе), на Тройцу, на Духа. И разговоръ съ Соломономъ мѣвъ. «А што, кажыть, Соломонъ: я табѣ казавъ, што будешъ упѐрадъ мяне у царствiи нябесномъ! Ажъ во, ты ужэ тутъ, а я посьли тябе прышовъ».

А перадъ концомъ сьвѣта, дъябли отгрызуть зялѣзы тыя и анцыпара того выпустють, и ёнъ сойдеть доловъ на зѐмлю, и нарòдитца жъ жыдовки Масiяшъ, и яны будуть дѣйствовать обàдвы на гэтымъ сьвѣти, будуть распораджàтца. И ня будеть уроды перадъ концомъ сьвѣта. И яны будуть ѣзьдить и будуть змущать народъ: «нàтя вамъ золота и хлѣба, потпйсыйтеся подъ насъ!» И тэй анцыпаръ скажыть, што—я вашъ богъ! И крыкнеть анцыпаръ: облòки, спусьтйтесь! И ёнъ на 'блоки станеть и скажыть: я пойду на небо! И увойдеть ёнъ на повсвѣта на блòкахъ, а Господь пошлеть ангала зъ вяликимъ зъ зялѣзомъ и скажыть—ударыть анцыпару у груди зялѣзомъ, кабъ наскрòзь пробивъ яго. Ёнъ полятйть доловъ назадъ. И кинеть Господь за имъ, за 'нцыпаромъ, сонца и мѣсицъ и дьвѣ часьти звѣздовъ. И загорытца земля и вода, и конецъ сьвѣту будеть.

С. Стовбцы, лисичинской вол. сѣнн. у. Отъ кр-на Прохора Григорьева, 54 л., неграм. Интересное дополненiе къ легендамъ, даннымъ въ IV выпускѣ «Бѣл. Сборника».

Въ д. *Усохской Будѣ, краснобудской вол. гомельск. уѣзда*, отъ крестьянина Кузьмы Сем. Морозова записанъ слѣдующій варіантъ:

„Бувъ царъ Давидъ; у цара Давида було семдесятъ семъ жонъ. И начинаетца у яго сынъ прамудрый Соломонъ отъ первыя жонки. Тяперака, позычила одна сястра у другія—мужычка—горщокъ. Поставила яна позычаный горщокъ на прыпячку, курыца узлятѣла и разбила. Вона говдра: оддай мой горщокъ!—А, моя сястрица: горщокъ разбитый, курыца разбила!—Ну, ты мнѣ заплати!—Вона кажа: за що табѣ платить, дярмо? И удырыла яе тожъ по вуху. Тая подняла крыкъ и пошла на судъ къ царыцы Давидиси: побила, каа, мяне за моё добрая! Сказала царыца: «якъ жа ты можашъ узыскавать за такоя дярмо, за горщокъ? Би яѐ по ўху яще разъ!» А Соломонъ, значитца, у пузи сѣдючи, говора: «што ты, блудная, за блуднаю тягнешъ! Ня можашъ распорадитца, а ще за яѐ добро яѐ бъешъ? Вона тогды говора: „погоди жъ ты, коли ты такій, што щѐ не родився, а уже блудной узываешъ!“

И когда Соломонъ родился, она завязала его въ пеленки и вбросила въ «провалья». Пробылъ онъ въ «провальи» двѣнадцать мѣсяцевъ, и выросъ такъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ. Тогда явился онъ въ городъ. Царь Давидъ начинаетъ его «узнавать». Велѣлъ запречь карету серебряную и возить по своему царству: «хто ету карэту оцанўя, того бярытя до мене!» Ѣздили посланцы съ каретой двѣнадцать сутокъ, не могъ ее никто оцѣнить. Возвращаются въ городъ, «сидитъ» нищій, ѣстъ корку хлѣба и „шукая у головѣ“.—„Што йто ты дѣлаешъ?“—А старъ(ръ) выкладаю, новъ(въ) накладаю, злого побиваю!—„Старыкъ, оцанй нашу карэту,—щò яна стòя?“—А якъ не подъяси, за яшнаю лўсту оддаси!— „Э, дўрань ты старый!» И поѣхали къ царю.

„Нихто ня могъ оцанить карэту, тольки стàрацъ сказавъ, што якъ не подъяси, за яшнаю лусту оддаси!» Ёнъ кажа: було брати яго, ето прамудрый Соломонъ!... На другой день посылаетъ на базаръ разбитый горшокъ: «хто етый горщокъ залатая, того бярытя до мене!» Носили цѣлый день, никто не взялся. Вечеромъ является майстеръ: «я залатàю, тольки якъ жа налицо латку класть? Няситя къ цару, нехай вывярня горщокъ навыворотъ (на изнанку), тогды я залатàю!»

На третій день Давидъ посылаетъ искать, «хто ему ерусалимъ достроя. Соломонъ собравъ одинàтцать такихъ, якъ самъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо: казавбы одна мать родила. Приходять яны къ цару и говòрать: царъ Давидъ! ми вамъ храмъ достроимъ! И стали строить. Якъ одна рука, строять. Давидъ питая: хто у васъ старшый?—Ми ўсѣ ровныя! Царъ и не разобравъ мижъ ихъ Соломона. Кончили яны суборъ, якъ чугунъ (котелъ), безъ верху, и просять ра-

щоту. «Що жъ у васъ верху нема?» — А коли намъ верхъ кончить, дакъ ты скоро помрэшъ! — „Ну, що жъ, братцы: дамъ вамъ ращотъ, побѣдайтя у мене!“ И завялѣвъ ложки здѣлать по аршыну: „якъ яны будуть обѣдать, я угадаю!“ Садились яны одинъ научротивъ другого, брали ложки за концы и одинъ одному давали ѣсть чаразъ столъ. Царь глядѣвъ—глядѣвъ, и не угадавъ. «Скажытя вы мнѣ, господа майстры: хто зъ васъ прамудрый Соломонъ?» — А вотъ я, отецъ мой, прамудрый Соломонъ! Енъ яго цаловавъ, миловавъ и узявъ къ сабѣ.“

Чрезъ нѣкоторое время царь насильно оженилъ Соломона и самъ умеръ. Соломонъ цѣлый годъ спалъ съ женою спина къ спинѣ Тогда она написала своему прежнему полюбовнику, чтобы онъ увезъ ее отъ Соломона,—она прикинется умерщею,— а Соломона попросила поставить ее послѣ смерти на три дня въ церковь. Прикинулась она умершею, Соломонъ заковалъ ей руки желѣзнымъ обручомъ и поставилъ въ гробу въ церкви. Полюбовникъ ее укралъ оттуда.

Тогда „объяснилась на Соломона война: на востровахъ птицы зъ зялѣзными дюбками глытаять людей.» Онъ собралъ войско, вооружилъ его желѣзными цѣпами и «выбивъ тую птицу, тольки трэтьтяя часть осталась у пящеры, и сказавъ: трыжды будяшъ ты прòклята, коли полятишъ зъ етаго мѣста! И понадявàвъ кулй солòмянныя у шынели, и обставивъ пящеру кулями, и коло кулей поставлàвъ зялѣзныя цапы. Тая птица якъ зирнè, да й опять назадъ у пящеру подаѐтца.»

Потомъ Соломонъ раздѣлилъ свое войско на три «роты». Первую одѣлъ въ черное платье съ рогами, вторую въ красную, какъ жаръ третью въ червоную, какъ кровь. Спряталъ ихъ подлѣ города полюбовника, а самъ пошелъ къ бывшей женѣ. Та, угостивши, прячетъ его въ стеклянный шкафъ. Приходитъ ея мужъ. „А що бъ ты зьдилавъ, коли бъ до мене прамудрый Соломонъ прышовъ?—А пошли бъ, погуляли, тогды бъ головў зьнявъ!—«А вонъ жа тутъ!»—А дѣ?—„У шкахви!“—„Давай яго сюды!.. Ну, пошли, погуляли.—„А я табѣ головў зрублю!—Дуракъ ты: якъ ты можашъ страннику ноччи голову рубить? Ты изьдѣлай двѣ шыбялницы—одну шовковую, другую пяньковую, и гукни свой черъ(рь), щобъ видѣли, якъ ты будешъ мене мучить!... Тотъ такъ и здѣлатъ. Предъ смертью проситъ Соломонъ позволенія «потрубить три разы у рожокъ, съ своей стороной попрощатца.» Ему позволили. Протрубилъ онъ разъ, является черная рота.—«Хто ето»?—Ето смерть моя! Протрубилъ другой, является красная рота.—«А ето хто?»—Ето кровъ(вь) моя! Протрубилъ въ третій разъ, явилась червоная рота. „А ето хто?“—А ето нгелы, будуть мою душў брати!... Окружили войска черь и перебили. Жена повѣсилась въ пеньковой петлѣ, мужъ ея въ шелковой. Въ заключе-

ніе Соломонъ говоритъ: «будя трыжды разъ прокьятъ, хто на твоей землѣ населитца...“

По варіанту, записанному въ с. *Самотѣевичахъ чериковскаго уѣзда*, Соломонъ былъ обмѣненъ матерью на сына прачки, родившагося одновременно. — По отвѣту, что изъ лѣса можно угля нажечь, отецъ узналъ, что выдаваемый за его сына есть сынъ прачки, а его сынъ отданъ прачкѣ. Тогда Соломонъ скрылся и явился подъ видомъ сопливаго мальчишки и старца нищаго. Отецъ ищетъ его при помощи золотой кареты и длинныхъ ложекъ. Соломонъ уходитъ къ бабѣ ягѣ и тамъ сватаетъ ея дочку, которую раньше любилъ „чортъ“. Въ отмщеніе за это, чортъ указываетъ Соломона отцовскимъ посламъ. Но ихъ прогоняетъ теща его —баба-яга. Соломонъ „представляетъ разныя мудрости, утѣхи“. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ скрипку; но никакъ не могъ заиграть на ней. Старый чортъ научаетъ его музыкѣ, требуя отъ него за это душу. Соломонъ вкладываетъ въ скрипку кусокъ дерева и когда приходитъ срокъ расплаты, отдаетъ чорту этотъ кусокъ дерева, какъ душу скрипки.

Потомъ Соломонъ идетъ къ отцу и играетъ у него на свадьбѣ. Отъ его игры никто „не усѣдивъ и не улѣживъ, пустились у его скакать, и люди, и собаки, гуси и куры, и уся тварь на землѣ». Отецъ нанимаетъ его стеречь свой садъ, и ночью идетъ провѣрять, хорошо ли онъ стережетъ садъ. Соломонъ уже не въ образѣ старца-нищаго, а въ обыкновенномъ видѣ. Происходитъ признаніе. Отецъ плачетъ отъ радости и передаетъ сыну царство. Соломонъ царствуетъ долго, «премудро разводя обиды каждому. И усѣ звѣри яго слухались.“

По варіанту *Казимирослободской вол. мстиславскаго у.*, Соломона, сына царя Давыда, берутъ подъ арестъ за дешевую оцѣнку золотой кареты, потомъ судятъ въ сенатѣ. Здѣсь онъ доказываетъ, что пища и сонъ для человѣка дороже золота. Его освободили. Затѣмъ прибавленъ извѣстный эпизодъ о постройкѣ Давыдомъ дома съ чугунной крышей и продажѣ его старику за три брички воловыхъ золота. При этомъ Давыдъ, узнавъ въ старикѣ Господа, умолилъ его дать ему „углушекъ“ въ его домѣ. (Записаны мною.)

Молодой Юнкеръ.

Было на чисахъ десить солдатовъ и одинадцатый юнгыръ (г—g) изъ ими, начальникъ. И было етымъ усѣмъ строгыя служба, такъ што вынисьти ни возможно. Потомъ яны собираютца убижать. Юнгыръ имъ говрить: будимъ служить: ти худо, ти добро, будимъ служить! Потомъ вя усовисьтивъ ёнъ ихъ и усѣ разымъ пошли. И ёнъ зь ими. Пшли яны

лѣсымъ усё, такъ што яны сами заблудили. Пуща ета велика, имъ ня возможно было никуды выбитца на путь. Ни стало у ихъ пищи ужо ничѐго. Ишли значитца яны девить дней по лясу̀, тяперь ужо на десятый день бязь пищи яны жить ни могуть. Што яны придумали сабѣ? Придумали одного зь ихъ страбить повѐчирици, ды зготовить, бо нечиго ѣсьть. Одинъ изь ихъ дисьвитильно, юнгырь етый говорить имъ: «такъ якъ вы щитаитя мяне большаго, дыкъ я совѣтую вамъ: пройдёмъ яще день такъ,—можить быть Богъ дась!»—Ды мы то тябе и ня требуимъ, мы тябе и почитаимъ за старшого! мы возьмёмъ изъ насъ дисяти одного!— „То обождитя, ёнъ говорить: я узьлѣзу на дериво, пыляжу—ти ня видать дяревни!“ Ну, ёнъ узьлѣзъ на дериво, ничагѐ ня видивъ. Потомъ зьлѣзъ зъ дерива и сказавъ имъ, што видавъ дяревню; „дыкъ вотъ за мной путь дяржитя. Пройдёмъ яще день, вотъ у дяревню привяду я васъ!“ Ёнъ ето обманувъ ихъ, штобъ никого ня губить,—ёнъ ничѐго ня видивъ. А потомъ яны послухыли яго: день ишли. И опять жа занялись: „мы ня скоро придёмъ, зугубить надо!“ Потомъ ёнъ: «погодитя, я яще разъ узьлѣзу на дериво, поляжу̀! Самыя високыя выбравъ дериво и полѣзъ, —яны яго послухыли. Узьлѣзъ и видить што то такоя, ни зьвѣсно што: ли каминь, ли дяревня, ли горыдъ якей—ни зьвѣсно што, тольки видно далёко! Ёнъ зьлѣзъ зь дерива и говорить: «видать, братцы, постройки! Скоро придемъ!» А ёнъ самъ ни знавъ, што, али ёнъ говоривъ, штобъ яны ни губили. Яны яго послухыли. Потомъ пройшли другія сутки посьли етыго. Ето ужо одинадцать сутокъ. Усѣхъ одинадцать дней ишли усё пошти бязь пищи, тольки на первый день была пища, а то усё бязь пищи.

Потомъ увыйшли у горыдъ; етый горыдъ завалинъ камнями. И людей нима у етымъ горыди, тольки замѣтно, што горыдъ. У концы нашли яны одну старушку у вызьбу̀сцы. Яны зайшли къ етый старуси, поздраствувались то, и распрашыють у яе: «што ето такоя зьдѣсь было?» —Ето, говорить, бывъ зьдѣсь горыдъ, и могучій бывъ горыдъ!—„Отчаво сычасъ нѣть? што и пунищивàтца нейди?»—Ахъ, говорить: ето нячиста сила забравъ етый горыдъ, и оплинтавъ яго,—тольки я одна осталася. —„Ня можно ли у васъ, тётушка, пыкормитца? мы одинадцать дней якъ ѣли, помираемъ голодной сьмертю? „То старуха ихъ дисьвитильно покормила, икая у яѐ тамъ здобычь, тую пищію покормила ихъ. Потомъ яны поблагодарили ей, потомъ спрашують у яе: „нѣть ли тутъ яще кого живого? укажитя намъ!“ Ина указыить имъ: «ёсь, говорить, собстьвинно царськыя дочь: вотъ тамъ, говорить, на поли у стѐвби замурина!» То пошовъ къ ёй юнгырь. Приходя къ стовбу̀ и вызываить: «здрастви, ваша аппираторство вяликая!» Ина говорить: «а здраствитя! Госпади! говорить: откуль васъ Богъ сюда ко мнѣ принёсъ»?—Мы, говорить, убяжа-

ли съ такого то царства,—признаёмся, говорить, своимъ грѣхымъ!—„А, говорить: слава жъ Богу! я и сама оттуль, царя етыго дочь! Вы, говорить, при полный служби?» Говорить: при полный!—«Попрошу я васъ, суслужытя мнѣ службу, што я васъ заставляю: поставтя на такихъ то вулицахъ трёхъ чиловѣкъ солдатовъ уси урозь—штобъ усю ночь прыстыяли, штобъ ничого никому ниговорили, якоя начальство ня будить ивлятца, штобъ ни твичали яму ничого, штобъ мовчали.»

Такъ ёнъ и зьдѣлывъ: пыставивъ ихъ на етыхъ вулицахъ и приказавъ строгую службу: «хто ни будить ивлятца вамъ зъ начальства, што ни будить спрашивать васъ, ни говорйтя ничого! мовчитя!» То такъ ёсь Сиради ночи ивляитца имъ полковникъ, съ котораго полка яны утяклй. «Ахъ, говорить: ты, Ирмолаивъ, чаго ты убягаешь отъ мяне? Думувъ, я тябе ни найду? Нѣ! я тябе найду и въ водѣ!» Ёнъ разныя угрозы яму дѣлывъ, саблію голову яму отсикавъ,—но ёнъ ничого яму ня 'твичавъ, по приказанью свойго юнгыра. Потомъ и къ другому съ такыми самыми угрозыми. И етый ничаго ня 'твѣтивъ. Потомъ ёнъ къ третьтиму, тожа съ такыми самыми угрозыми. И тэй ничого яму ни 'твятивъ. Ну, питухи завѣли,—етаго ничагò ни стало. А етый бывъ нячистый духъ. Идылъ, будто у розыйски за ими пусьтився. Етый нячистый духъ у концы вѣку укравъ у етыго царя дочь и унёсъ у свой горыдъ, заваливъ етый горыдъ, штобъ никагò нè было, штобъ, значитца, ина одна тольки была. Ина ни хотѣла здаватца у ихъ у вѣру, дыкъ яны яе у стовбъ замурували, сказали ей: «здайся намъ, дыкъ ты освободисься!» Ну ина ни согласилыся; яны яе у стовбъ замурували и сказали: „покуль твоè выйскà ня будуть зьдѣсь, потуль ты ни свободисься!" Ну, а тяперь, якъ пришли яе выйска и суслужили ёй службу, дыкъ ина грудьдю стала вонъ.

Дыкъ ина призвала юнгыра, поблагодарила яму, што ёнъ приказавъ своимъ солдатамъ суслужыть службу. «Ну и тяперь, говорить: «отслужытя мнѣ другую службу, ужо строжэйшыю: штобъ усю ночъ ни спать и што будить вамъ гынералъ ивлятца, ничагò ни говорітя!» Ну, ёнъ призвавъ солдатовъ, поставивъ ихъ по тыхъ вулицахъ, по которыхъ ина указала, и приказавъ имъ: «будить вамъ ивлятца начальникъ тожа строгій, тожа нашыго полка, и будитъ спрашивать: чаго вы утикали, зачимъ? будить вамъ сьсикать головы, ну вы ня страшытися етыму, ни твичайтя яму!» Усиради ночи явився имъ гынералъ. „Вы, говорить, чаго убижали, мошэньники вы, такёя вы, чаго вамъ ни хватало, чаму вы мнѣ ни жалывалися?» И много чаго... Яны мувчать, ничагò яму ни 'твичають. Потомъ ёнъ усихъ трёхъ едыкъ объѣхывъ, и ничаго яму нихто ня 'твѣтивъ. Потомъ запѣвъ пятухъ—и низьвѣсно идѣ дѣвся ихъ гынералъ. Яны съ часовъ сьйшли. И ина ослобонилыся по колѣни.

раго молойца прыбувай!“ Рызьзя своё надѣвъ, а лошадь пусьтивъ. Жалейку ў руки, торбу на плечи, и прышовъ домовъ. „Отъ, кажыть: ёнъ нигдѣ не пропадѣть!“ Самъ подъ грады, ноги на грады, и играить на печи у жалейку.

Ну, тяперъ, прыходить яго ночь ужо. „Отъ, тяперъ, кажыть, прихо̀дить моя ночь! Я, кажыть, ня буду васъ просить, самъ пойду!“ Тяперъ уставъ съ печи, торбу на плечи, жалейку у руки, и пошовъ на мо̀галку играючи.

Прыходить—жовтый пясокъ рассыпся (и т. д.). Ну, гэнакъ усё: жовтый пясокъ рассыпався, гробова дошка отчинилась, батька зъ мяртвыхъ устаеть. „Отъ, ты, кажыть, сынокъ, усё одинъ ходишъ! Ну, кажыть:—што мѣвъ имъ дать по коню, нехай табѣ уси тры кони. Ёсь, кажыть, у чистымъ поли, у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ конь ще трохъ пущѣйшый. Ты на ёмъ полюбуйся и отправъ зно̀въ у по̀ля. Тяперъ, кажыть, прощай, сынокъ, на вѣкъ вѣчный! Имѣишъ ты тяперъ свого коня, што табѣ бывъ намиргованъ (г=g), дакъ тяперъ у тябе будить тройка коней ужэ!“ Ну, тяперъ ёнъ кажыть: жовтый пясокъ засыпайся (и т. д.). Батьку отправивъ, а самъ и пошовъ. Отышовсь отъ батьки, якъ крыкнить, якъ сьвисьнить богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—прыбыла до яго лошадь. Пущѣйшая ужэ далёко. Ёнъ у лѣво вухо ўлѣзъ (и т. д.). Поѣздивъ, полетавъ, полетавъ, прыѣхавъ на мѣсто на тоя на саме. У правая вухо улѣзъ (и т. д.). А самъ торбу на плечи, жалейку у руки и пошовъ. Прыхо̀дитъ домовъ: „отъ, кажыть: нашъ дурань! нигдѣ не пропадеть!“

Тяперъ дѣ-то, у якомъ чарстьви, у якомъ государсьви, скинулася царевна, объявилася и ўлѣзла на трэтьтій атажъ и сѣла на вокошку и такую объявку пусьтила: хто яе тамъ застанить и поцалуитъ, тому усё чарство останѐтца по сьмерти батьки, и яе мўжамъ бўдить. Тяперъ, гэтакій наближать пошовъ, кабъ кожанъ туды прыяжжавъ, и тамъ бўдить скакать и яе заставать гэто. И братомъ яго вѣляно, кабъ яны ѣхали на гято диво глядѣть. А ёнъ, дурань, про̀ситца у братовъ: ахъ, кажыть, браты вы моѐ родныя! возьмѝтя вы мяне съ собой, хай и я поляджу гэтаго дива!—Э, ты, кажыть: дуракъ ты, дуракъ!—куды ты поѣдишъ? хиба табѣ работы дома нема? Отъ, я табѣ работу, кажыть, дамъ, коли табѣ нѐчаго ро̀бить дома!—большый братъ кажыть гэтакъ. Пошовъ, узявъ два гарцы маку ды два гарцы пяску̀, ды укучу зьмяшавъ:—„вотъ, кажыть: покуль мы прыѣдимъ, кабъ ты гэто перабравъ, да кабъ чисто было,—гэтый особянно, а гэтый особянно!“ Ёнъ тогды ўзявъ, у торбу усыпавъ: хай табѣ вочи, кажыть, выбярыть! Што жъ робить—трэба выбирать! кажыть. У головы уклавъ да й лёгъ. Ляжыть сабѣ

ра̀зы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы доткнувся тольки Тяперъ на гэто мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такѐй ста̀рацъ, якъ и бывъ. И говорыть: ,,лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до добраго молойца̀ прыбувай!“ Пусьтивъ яго у чистая по̀ля, а самъ торбу на плечи и пошовъ домовъ. Прышовъ домовъ ды на печь; по̀ги на грады, а самъ на печи лёгъ, ды играить у жалѐйку. Вотъ ужэ браты кажуть: ,,Вотъ, нашаго дурня дьяблы ня узяли,—идѐть ужэ, у жалейку играить! Яго, кажыть, и не задавивъ тамъ нихто!“.

Ну, тяперь другая ночь прышла ужо—сяр̀эдьняму ити. Ёнъ ихъ крэпко застрашувъ, што ужэ не пойду, кажыть, за другого. Яны якъ поко̀тютца изъ жонкой—братъ тэй и жонка: братецъ, родный, сходи, кажыть, сходи! ,,Га, не пойду, каить: кабъ вы не дождали! сходитя сами сабѣ!“ каить. На томъ стали, што упросили тыкѝ яго. ,,Ну, каить: нехай жонка торбу у тры полы шыить и дьвѣ булки хлѣба дасьть,—ужэ пойду, што робить!“ Яны яму посьли батьки хлѣба не дають, дакъ ёнъ у ихъ ѣсьти спрашыить, кабъ ужэ дали. Сычасъ дала яму жонка торбу и дьвѣ булки хлѣба уклала. Такъ ёнъ и пошовъ.

Прыхо̀дить на мо̀галку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Сычасъ рассыпався и пясокъ и дошка расчинилась и батька устаѐть. Што жъ ты, кажыть, сынокъ: чаму жъ сярэдьний сынъ не прышовъ?—Гэ! яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я пошовъ узнова!—,,Ну вотъ жа, кажыть: ёсь, кажыть, узнова у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ коникъ бу̀рацъ, вѣшный каву̀рацъ, пущѐйшый трошку того: то жъ нехай и той табѣ застаѐтца, коли яны мяне боятца! Ты, кажыть, на ѐй, што хочашъ, дакъ застанешъ. Ну, а тяперь, сынокъ, кажы опять за мною: батька зъ мяртвыми кладися (и т. д.). А ты полюбуйся зъ ей и отправъ яѐ зновъ у по̀ля!“ Ёнъ гэто сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ (и т. д.). А самъ и пошовъ.—Отыйшовсь—якъ сьвисьнить молодецкимъ посвистомъ, крыкнить богатырськимъ голосомъ—прыбыла до яго лошадь, збруя латна, скопьё булатно, конь богатырській. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ, обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яѐ и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры разы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы доткнувся тольки. Тяперъ на это мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такѐй ста̀рацъ, якъ и бывъ. И говорыть: ,,лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидзёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до доб-

53. Три ночи на могилѣ отца.

Жывъ сабѣ такій купецъ, значитца, большый богатырь, и було у яго тры сыновъё—два сыны жанатыхъ и разумныхъ, а третьтій сынъ холостый и дурань. Ёнъ дурань, до вочань сылянъ крэнко. Тяперъ прышлося гэтому батьку умирать. Ёнъ говорыть: нука, говорыть, сыны моѐ пралюбезныя! Я, каить, помираю, а вы станетёси, говорыть, у жытьтѝ! И, кажыть, прыходитя ко мнѣ на могалку ночуваць тры ночи: большаму, говорыть, на перву ночь, а сярэдьняму, говорыть, на другую ночь, а дурню, каить, на послѣднію ночь. И якъ будитя ити, кажытя: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Ну, тяперъ гэтыхъ жонки у голосъ, ня хочуть пускать—кажуть: проси якъ нѣбудь дурня, ти ня пойдить ёнъ за тябе—нъ большаго, жонка ужэ. А дурань гэтый на печи ляжыть. Тяперъ ёнъ кажыть: „ахъ, братъ—сходи ты за мяне къ батьку на ночь, тытку, кажыть, сьмялѣйшый!—Гэ, кажыть: кабъ ты не дождавъ, кабъ я за тябе пошовъ на ночь! Прыйдить моя ночь, тогды я й пойду! кажыть. „Братецъ, говорить, родный, сходи!" Ёнъ тогды кажыть яму: „Нехай, кажыть, жонка пошыить торбу, у тры полы, кажыть, и дай, кажыть, дьвѣ булки хлѣба,—вы мнѣ ѣсьти не даетё—дакъ я пойду тогды!" кажыть. Сычасъ гэто, нядовго думаючи, торбу яму пошыли, дьвѣ булки хлѣба уклали,—пошовъ ёнъ играючи. Ёнъ часто на жулѣйцы игравъ, гэтакъ игравъ, што нямо́жно и у свѣти сыйскать.

Прыходить на могалку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Такъ гэто и расчинилося. И устаеть ёнъ зъ мяртвыхъ. „Ахъ, кажыть, сынокъ: што жъ ты, кажыть, прышовъ? Я жъ казавъ большаму прыходить!"—Гэ, кажыть: яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я, кажыть, прышовъ,—почали мяне просить! „Ну, кажыть, добро! Ну вотъ жа, кажыть, сынокъ: ёсь, кажыть, у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ коникъ бурацъ, вѣшный кавурацъ. День, каить, буяить, ночь гуляить, а якъ крыкнишъ,—до добраго молотца прыбуваить! Ну, каить, тяперъ—вотъ ты, кажыть, крыкни, сьвисьни,—ёнъ до тябе прыбудить. Ты на ёмъ покрасуйся и пусьти яго у зялёныя луги, у стидёныя воды, говорыть. Ну, а тяперъ, кажыть, кажы за мной: батька зъ мяртвыми кладися, гробова дошка зачиняйся и жовтый пясокъ засыпайся!" Ёнъ гэтакъ сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ, гробова дошка зачинилась и жовтый пясокъ засыпався. Ёнъ отышовъ—якъ крыкнувъ богатырськимъ голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ—прыбыла до яго лошадь—збруя латна, скопъё булатно, конь богатырській. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ—обярнувся королевичъ такой, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яѐ и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры

ни моё чисы. Потомъ вялѣла свойму батюшку узять етаго юнгыра на конюшню. Яго узяли на конюшню. Теризъ скольки уремя зьмѣй етый, нячистая сила, пишыть етому царю: оддай мнѣ дочку, узнова иду на тябе битца и забяру твоё усё царство! Думавъ етый царь: жалко дочки! И узявъ написавъ: идзи сабѣ, ни дамъ дочки! Потомъ ёнъ, етый зьмѣй, вляитца оттуль. Царь конешно силу выставляить, сабѣ думыть: ничого ня будить! А етый сабѣ юнгырь думыть: погоди жъ, говорить: я жъ съ тобою тяперь буду дратца! Узявъ свою лошидь, копьё и сѣвъ на лошидь, отправився. И догоняить войску царскыю и опирадивъ яе, яго жа нихто ни узнавъ, хто ёнъ такёй. И прiнжжая къ яму, къ зьмѣю. Начинають дратца. Такъ ёнъ яму зъ разу зьнявъ яму шесь головъ. Зьмѣй говорить: стой, молодэй юнгырь! Цари—короли бьютца, и то оддышку маютъ, а мы съ тобою ни маимъ! А ёнъ отвѣтивъ: ну, пущай сабѣ, оддохнёмъ! Давъ оддышку на четвирть чиса. Оддохнули, и давай узнова битца. Бились довго, ёнъ двѣ головы зьнявъ. Тады зьмѣй просить узновъ оддышки. „Нѣтъ, говорить: ни дамъ я тяперь табѣ оддышки!—Хотя жа пусьти мяне назадъ! Я съ тобою никада ня буду дратца!—„ Нѣ! я тябе, нячистая сила, ни пущу одного часу: тутъ ти мнѣ сьмерть, ти табѣ сьмерть!" И началй опять битца. Ёнъ яму сырвавъ четыри головы, а зьмѣй яму икру вырвувъ. А царэвна кровь платкомъ зывизала. Ну, ёнъ яго побивъ и спаливъ. Сѣвъ на лошидь и поѣхывъ. И стрикаитъ войску царскыю. Говдрить: „погублинъ ужо, нѣтъ яго! погублинъ и спалинъ!" Потомъ поднявся на лошиди високо и полятѣвъ. Прилятѣвъ, пусьтивъ свою лошидь куда ёнъ знавъ, самъ лёгъ на койку оддыхать. Такъ, якъ заснувъ богатырськимъ сномъ, спавъ троя сутокъ и ни причинався. То пошла разъ царевна у конюшню чаго тамъ и спрашiить у старшыго кучира: „бывъ ли гдѣ твой младый юнгырь?"—Нѣ, говорить: нiигдѣ ня бывъ, а сьпить,—третiй день сьпить! То ина: „дай, говорить: надо 'глѣдить: живой ли ёнъ или нѣтъ? Што жъ у васъ нихто яго ня глѣдить?" Ина 'глѣдила яго, узнала платокъ свой на нозѣ: поглядѣла—на грудяхъ часы яе. Узбудить яго ни узбудили. Ина отправляитца у палату. Просила тца, штобъ такого юнгыра надо стрѣтить зъ музукую, хлѣбымъ-сольлю, потомъ што ёнъ набядивъ нагонитиля нашыго зьмѣя. А мы ни знали! Када ёнъ прачхнувся, то стрѣтили яго съ хлѣбымъ съ сольлю, съ музукую, узяли яго у палаты царскыя. Потомъ гуляли много у палати царскый. Тяперь царевна пожылала и выйти замужъ за яго, што ёнъ два разы яё помилувавъ. И признався ёнъ, што ина подарила яму чисы. И вышла ина зы яго замужъ. И бывъ пиръ якъ николи.

Бѣлынковичи, Климовичскаго уѣзда. Граница двухъ говоровъ. Произведенiе очевидно заносное. Запис. въ моемъ присутствiи отъ мѣстнаго крестьянина г. Анкiевичемъ.

аршинъ,—такей огромный. Приходить у трахтиръ и спрашіить трахтирщика: а што, говорить, ето у васъ, у царскымъ саду ляжыть за чиловѣкъ? такей огромный?“—А ето, говорить, богатырь ляжыть нижывой!—„А чаго жъ ёнъ, говорить, помёръ!“ Говорить: ето нячистая сила дванадцать головъ поразила яго, и у ето урема узила царевну отъ насъ! Етый юнгыръ говорить: „што жа вы яго ни схоронили до етыхъ поръ!“—А, говорить: ни знашовся нихто яго схоронить, што ёнъ такъ огроминъ! То юнгыръ дождавши вечира отправився на горыдъ, панявъ золотого масьтира, договоривъ яго вылить гробъ золотэй на стыга богатыря, труну. Етый вылилъ гробъ и зьдѣлыли пограбенія у водну ночь. Такъ имъ лёхко показалыся, якъ будто самый лёхкій чиловѣкъ. И пошовъ юнгыръ у свой трахтиръ, схоронёмши, и приспокоився, знатца, лёгъ оддыхать спокойно. На другую ночь подходить подъ вокно и гукаить трахтирщика ня зьвѣсно хто: вышлитя мнѣ виновнаго! Трахтирщикъ думувъ, думувъ: хто тутъ виновный! А потомъ уздумувъ на юнгыра: вѣрно, юнгыръ виновинъ! Ёнъ узявъ выславъ стыга юнгыра: иди, говорить: тябе гукаить ня зьвѣсно хто! Ёнъ ’дѣвся и вышывъ. „А, говорить: здрастьви, молодэй юнгыръ! благодарю тябе, што ты схоронивъ тѣло моё! Лижало яно у насъ довго, нихто во усимъ царетьви ни нашовся схоронить яго, окроми тябе! Ходи, говорить, за мной: одблагодарю и я тябе! Повёвъ яго у гору, у зёмлю, оддавъ яму своё копьё, оддавъ яму свою лошидь, давъ яму силу нибкнавенную, што яцо сильнѣй, якъ ёнъ самъ! Отправився юнгыръ на свою хвартеру. То у ето урема опьляитца тая самыя царевна, выгрузилася на беригъ. Царь, видзивши, што ина ужо выгрузилася на беригъ, хлакъ выбросила вясёлый и послала виставого къ царю: што, говорить, ваша дочь явилася якъ съ того сьвѣту: штобъ прислали карету подъ мяне! А ето пройшло три годы. А ёнъ нирѣхывъ тиразъ три часы ето усё—царь зъ радосьти съ своёю войскою самъ отправився на беригъ. И пріѣхала ина съ отцомъ у палаты своѐ. Такъ, якъ у вясёлымъ разсудки, пошли по саду прыгулятца. Дай зайтить у трахтеръ, идѣ етый самый юнгыръ. Спрашіить царевня у трахтирщика: нѣтъ ли у васъ чисовъ, посмотрѣть, который часъ, я своѐ забылась? Говорить: ёсь у мяне тутъ на квартеры чиловѣкъ, у яго ёсь чисы. Ина говорить: позовитя мнѣ яго сюда, штобъ мнѣ посмотрѣть! Трахтирщикъ вызвавъ яго. Выскакыить ёнъ исъ чисами: „и вотъ, говорить, смотритя!“ У своихъ рукахъ дёржыть. Ина посмотрѣла на чисы и узнала, што ето яе имянённыя часы, што ина оддала юнгыру. И думыить: откуль жа яны узялиси? Спрашіить у трахтирщика: давно у васъ квартирантъ етый? Трахтирщикъ говорить: три годы прыжываить, у такомъ то чисьлѣ явився. Ина думыить: у етымъ году я оддала ихъ! Придумалыся ёй: нѣ, думаить

стала. Много ина будила, однака ни разбудила. Узила, повѣсила имянёныя часы яму и положыла у карманъ яго кошалёкъ зъ золотымъ. Процалыся съ сьпящимъ, заплакыла и поѣхыла, значитца, ужо у своё царство,—ужо у горыдъ ни вярнулыся. Якъ ина уѣхыла отъ яго, ёнъ тамъ часы чиризъ три опрочнувся. Бѣгитъ мальчикъ стый по мосьтику. Ёнъ спрашіитъ яго: „а што, говорить: бывъ ли мяне тутъ хто, ай нѣтъ?“—Была, говорить, собстьвинно царевна; будила васъ, дайжа плакыла, штобъ вы устали, вы ни проснулиси! Тады ёнъ спрашіитъ у мальчика: „а тяперь раскажытя мнѣ, куды ина ѣхыла?“—А уѣхыла, говоритъ мальчикъ, на моря, кораблёмъ у свое царство поѣхыла! Ну, ёнъ тяперь плакать начинаитъ: „ну, я тяперь погибъ, ни поставила ина мяне ничимъ!“ Івляитца къ яму старичокъ: „послухай, говорить, молодый юнгыръ: чаго ты такъ скучаишъ?“ Да вотъ, говорить: якъ жа мнѣ ни скучать: мнѣ надо было ѣхыть съ царевную, а тяперь ина уѣхыла у своё царство, а мяне покинула.—„А вотъ што, говорить старичокъ яму: иди на горыдъ и купи човинъ, то мы ихъ нагонимъ!“—Да, говорить: денихъ нѣтъ! А старичокъ говорить: полядитя у кармани, у васъ яще золотэя деньги есьть. Ёнъ полядѣвъ—дисьвительно: у яго кошалёкъ зъ золотыми деньгами: денихъ много! Ёнъ узрадувався. Пошовъ на горыдъ купивъ човинъ, привёзъ къ беригу яго, къ морю. „Ну, говоритъ, дядюшка! я купивъ човинъ, купивъ и привёзъ.“ Старичокъ кажыть на яго: да, вотъ тяперь и поѣдимъ! Ето жъ дѣитца дня три спусьтя якъ ина поѣхыла, покуль ёнъ справився. То старичокъ говорить: „ты ложыся ницъ у човинъ, штобъ табѣ ни было страшно, што конешно волны, а я погоню човинъ!“ То ёнъ легъ ницъ, старичокъ стый погнавъ човинъ. Проѣхыли яны нямного, старичокъ спрашіитъ у юнгыра: поляди, говорить: што дѣитца тяперь одзади и што и унаради! Ёнъ уставъ, обыкновенно, полядѣвъ: одзади ничого ни видать, а унрадѣ, будто муха колышитца по морю. А ето ёнъ увидивъ корабъ. Тады старичокъ говорить: ложысь узнова! Ёнъ опять лёгъ. Теризъ якихъ нибудь два—три часы, и ёнъ оявився у своёмъ царстви, яс опирадивъ. Выгрузився на беригъ уже у своёмъ царстви. Тутъ ёнъ рыспрыщався со старикомъ зъ стымъ, который у човни яго гнавъ. Тяперь ёнъ зайшовъ у царскый трахтиръ и спрашіитъ царскыга трахтирщика: „Ти ня можно мнѣ нанять у васъ квартёру?“—Да, говорить; ни знаю: зьдѣсь царская хамилія часто прибываитъ. А правда, говорить, ёсть у мяне тамъ боковычка вокномъ у садъ, то тамъ можно помясьтитца. Ёнъ заплативъ яму дорого, и ёнъ яго пусьтивъ у тую боковучку. Потомъ ёнъ пошовъ у садъ царскый прыходитца, поглядѣть. Находитъ у царскымъ саду,—ляжытъ нижывой богатырь: у яго глазъ отъ глазу на цѣльный

тилыся пазадъ, ёнъ прочхнувся. И бѣгыть мальчикъ. Ёнъ спрашiть у стаго мальчика: „а што? тутъ бывъ хто нибудь коло мяне?“ Говорить: была царскыя пролётка съ царевную!—Куда жъ ина ушла? спрашiть. —А, говорить: пазадъ у горыдъ, васъ ни разбудила! Ёнъ узявъ, отправився къ ёй, пошовъ. „Ну, говорить ина: жалѣю тябе, юнгырь, ды останѐсься ты тутъ, бизъ усякаго посьлѣдства! Якъ вы ня сповнили мойго приказанiя?“ говорить. „Иди ето ўжо на другую дорогу, иди ды стой, никому ничого ни говори! я буду тамъ ѣхыть“! Ёнъ опять ставъ на часы на мосьтику, опять служыть. Много ужо часы проходють. Бяжыть мальчикъ, нясеть у корзинцы яблычки и говорить: „возьмитя, господинъ юнгырь, яблычка, закуситя, а ето ничаво ни значить, што царевна тамъ говорила!“ Ёнъ узявъ ето яблычко, закусивъ. Якъ закусивъ, такъ и заснувъ. Сычасъ ѣдить царевна. Много ина будила яго, ну ничого ня здѣлала, ни якъ ни разбудила. Вярнулыся опять у свой горыдъ. Ёнъ опять якъ ина уѣхала, ёнъ сычасъ прочхнувся. Тамъ мальчикъ коло яго бѣгыть, гуляить. Ёнъ спрашiть яго: бывъ хто тутъ ли мяне?— Была, говорить, царскыя пролётка съ царевную. Много тябе будила, и ты не прочхнувся, ина уѣхыла назадъ у горыдъ. Ёнъ опять заплакывъ изъ гориньти своёй, опять пошовъ къ ей. Приходя къ ёй, ина на яго стала конешно сваритца: „ахъ, говорить: жаль мнѣ тябе, юнгырь, якъ отца свойго, што ты освободивъ мяне отъ усихъ наказанiй моихъ! Ну, говорить: иди на етый самый мостъ, смотри, и служы строго часы, никуды ни гляди, ни съ кимъ ни говори, ни слухай капелiй ни якыхъ, дыкъ я тябе возьму у своё царство, и ты будишъ моимъ другомъ. А коли, говорить, ни сослужышъ правильнымъ, дыкъ останѐсься тутъ, и ня быть табѣ дома никогда!“ Ну, ёнъ поплакавъ —поплакавъ, пошовъ на своё мѣсто. И думыить: „Господи! што ето такоя со мною?“ А ето яго злэя духи искушають, што ёнъ повредивъ ихъ. Ну, пошовъ ёнъ третьтiй разъ, ставъ на службу. Ходивъ, ходивъ по стуму мосьтику, ужо проходють яго часы. Слышить ёнъ, у етый хатцы такая капелiя, што ня можыть растратца зь ѐю. И приглашають яго туды, у капелiю у ету: „пожалуйтя, господинъ юнгырь, ко мнѣ!“ Выходить барышня и кажыть: „тамъ у насъ, говорить, люди такѐя ожыдають васъ! А царевна яцо, говорить, няскоро будить ѣхыть! Мы, говорить, знаимъ, чаго вы ожыдатя!“ Ёнъ думувъ много, раздумувся, послухавъ етыя барышни, пошовъ у хатку: „дай, думыить, сходжу полюбопытствую: а можыть, у самымъ дѣли царевна ня скоро будить ѣхыть!“ И пошовъ. И потомъ выпивъ рюмку вина. Якъ вышывъ на мосьтикъ, такъ яго хмѣль обравъ, и ёнъ заснувъ на стымъ мосьтику третьтимъ разомъ. Прiижжаить опять по третьтиму разу царевна у своей пролётцы—кареты. И опять будзить яго

Пошли яны къ старусцы тэй, увыйзбушку—ихъ тамъ квартера. Потомъ. утромъ, па третьтій день требуить царевна юнгыра опять: ,,ну, благодарю тябе, юнгыръ, за твоихъ дьвѣ службы, што ты заставивъ своихъ солдатывъ, суслужыли вѣрно! Тяперь суслужытя ящо третьтію строгую службу! Ужо тутъ нѣкотырымъ быть ужо нижывымъ! То ужо будить сюды самъ царь. И перваго у такихъ то вулицахъ пройдзѣть, и утарого пройдзѣть, а третьтиго зрубить! То вы возьмитя спалѣнныя воды, указала имъ тоя мѣсто, тамъ у вулусцы у криницы, и етую водою помочитя рану тую, и яны ожывутца!" Ну, такъ жа на третьтію почъ юнгыръ поставивъ трёхъ солдатывъ на показанныхъ вулицахъ и приказавъ имъ строго: ,,ни говори ничого, хотя и самъ царь явитца, ну ни говори ничого!" То й івляйтца дисьвитильно поччу самъ царь исъ саблію. Первыму грозивъ, саблію махавъ, по имени называвъ, ну а ёнъ ничà ня твѣтивъ. Такъ и къ другому съ тыми самыми угрозами. Ну солдатъ, ничаво ни робѣвшы, исповнявъ службу по приказанію юнгыра. Къ третьтиму подънижжая ёнъ, ставъ угрозами: ты, говòрить, зачимъ сюды ушовъ? Ёнъ, ни тороплядся, ничòго яму ня твѣтивъ по приказанію юнгыра свойго. Ёнъ тоды зрубивъ яму голуву. Пропѣвъ пятухъ, яго ни стало, нязьвѣстно идѣ ёнъ и дѣвся. Открывантца у горыди шумъ, открывантца торговля, усё, и царевна тройкую по горыду прикàтыитца. А етыя два чисовыхъ, жывыя солдаты, узяли жывой воды у тэй криницы и помочили яму, етыму убитыму, рану. И ставъ ёнъ жывой. То царевна ужо спросила ихъ усихъ къ сабѣ у палаты,—ина ужо у палатахъ стала. Тяперь ина ихъ наставила усихъ начальниками: который городничій, который становый, который слѣдыватилимъ, и усихъ попридзялила начальствымъ у етымъ горыди, а юнгыра оставила такъ, ничимъ. Юнгыру говòрить: ,,ну вы, юнгыръ, суслужытя мнѣ цяперь самы службу, которую я вамъ укажу! Вы, говòрить, будьтя ля горыду на мосту чисовымъ и хто ня будить вамъ што давать, ни бярития, будить говорить, спрашивать,—вы ничого ни твичайтя, покуль сама буду ѣхыть зъ горыду, значитца, къ свойму батьку!" Ёнъ тады па мосьтикъ на етый, служыть тамъ. Тутъ хатка ля мосьтика. Тутъ капелія вядзѐтца, тамъ пляски, игры,—ну ёнъ ничаго ня слухыить. Стольки яму часовъ назначино былò, и царевны нѣту, а часы прохòдють. Нясѐть старичокъ кукшынъ зъ водою, а яму пить больно хòчитца, такъ што ёнъ ня можыть и вытирпить. И етый старичокъ говòрить па юнгыра: ,,возьми етыя воды хлибни, а то я бачу твоѐ уста ужо зарослп!" То ёнъ послухувъ яго, узявъ, глынувъ раза два, такъ и заснувъ сьмертнымъ спомъ. Ѣдить царевна на етыхъ порахъ якъ ёнъ заснувъ. Будила, будила яго, кричала, ничагò ёнъ ни увызнавъ, ни разбудила яго, воротилыся у горыдъ назадъ. Тольки якъ ина воро-

макъ гэтый, сохнить подъ бокомъ на пѐчи. Яны поѣхали, а ёнъ сплёвъ сабѣ коробку, пайкй у два, у грыбы ходйть: прынясёть грыбовъ—тогды нявѣстки дадуть ямў ѣсьти, а не прынясёть, такъ не дадуть.

Ну, тяперъ, знаить ёнъ тоя урэмя, што яны тамъ ужэ позаѣхали, што тамъ ужэ диво гэто ёсь, можа повмѣсяца ждавъ ёнъ тамъ, ти кольки—тогды ёнъ злѣзъ съ печи, макъ гэтый съ пяскòмъ у коробку уклавъ, жалейку у руки, и пошовъ у лѣсъ, торбы побравшы своѐ. Прыхòдить ёнъ, гдѣ тамъ, на тэй па лугъ, гдѣ ямў слѣдуить ужэ—якъ крыкнить, сьвисьнить,—прыбылй до яго лошади уси тры: „а, кажыть, лошади моѐ пралюбезныя! у такомъ то чарстьви, у такомъ то государстьви скинулася царевна, узлѣзла па трэтьтій атажъ и сѣла на вокошку и такую обьявку пусьтила: хто яе тамъ заставить и поцалуить, тому усё чарство останѐтца по сьмерти батьки, и яе мужамъ будить. Ти немогли бъ мы, говорыть, туды заѣхать и зъ ей повидатца?—Большый лошадь отвѣцаить: „што, говорыть, будить урэмя, ды ни тяперъ, говорыть. Ѣдь ты, говорыть, на малой лошади тяперъ; ну знимйся ты за вярету! говорыть. Ды, говорыть, не витайтися зь ѐй. Такъ якъ будишъ лятѣть, такъ и поляти!" говорыть. Ёнъ тогды у свойго лошадя у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ—обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыскать:, чистъ, на имъ одежа, што у сьвѣти ня можно сыскать такѐя. Якъ пусьтивъ—тыя ѣхали можа мѣсяцъ, повтора мѣсяца—а ёнъ у тры часы ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, такъ коло яе ногъ, коло самыхъ, облятѣвъ!—Яны: лови! лови! А ёнъ якъ лятѣвъ, такъ и полятѣвъ—бывъ да й нема. Прилетаить на тоя мѣсто, якъ сьвиснувъ, якъ крыкнувъ,—прыскòчили тыя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ старацъ, такъ и ёсь. И бòльшый лошадь уси порадки порадчить. Ёнъ тогды каить: лошадь моя пралюбезная! ёсь жа у мяне работа: два гарцы маку, и два гарцы зямли, да укучи! говорыть. Якъ ба мы яѐ повыбрали?" каить. Тяперъ большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на пòсьтилки своѐ торбы, говорыть и сьтялй пòсьтилки на земли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!" Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у ноздри якъ дунўли—и разлучили гэтый макъ—макъ особянно, пясокъ особянно. Прыносить домовъ, набравъ коробку грыбовъ тую, самъ на печь, макъ у головы. Нявѣстки отвѣцають: ти выбравъ, кажыть, ты макъ? Будить табѣ, кажыть, отъ ихъ, якъ прыѣдуть!—А хай вамъ вочи выбярыть! Повыбравъ, кажыть, и макъ, и грыбовъ вò набравъ.

Отъ, тяперъ, прыяжжають браты и кажуть своимъ жонкамъ: Божа, Божа! што тамъ було! И подскакували, кажуть, и усё. А одинъ царевичъ, кажыть,—дакъ увесь у золоти: якъ скакнўвъ, дакъ до ногъ доскòчивъ! Лови, лови! дяржы, дяржы!—а ёнъ и поѣхавъ. Туть-туть поцаловать яе, да, говорыть, и полятѣвъ!

Ну, тяперъ ина ня урымеьтить гэтаго, што ёнъ гэтакій. Оявила набликать, кабъ узновъ съ усяго чарства што до душы кожанъ ходянинъ бывъ. А сама на чатвёртомъ атажы ужо сѣла на вокнѣ. Ну, тяперъ, зьѣздъ ставъ, ѣдуть уси—десятники выгоняють, зьѣздъ такей, што Божа мой! Ну. ѣдуть гэтыя ужэ браты. „Возьмитя, кажыть, мяне съ собой. Хай я поляджу гэтаго дива!“—А дуранъ ты гэтакій такій! Куды ты, кажыть, посьпѣвъ? Табѣ, кажыть. работы нема дома! Отъ я табѣ, кажыть, работу дамъ! Пошовъ, тры гарцы маку и тры гарцы зямли, и укучу зьмяшавъ: кабъ мнѣ, кажыть, перабраный бывъ, покуль я прыѣду! говорыть. Большый усё братъ гэтакъ. А самъ и поѣхавъ. Ёнъ тэй пясокъ сушыть на печи.

Тяперъ ёнъ вѣдаить, што близко ужэ урэмя тоя, ёсь ужэ тамъ сыборыща. Сычасъ злѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовь у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвисьнить, якъ крыкнить,—прыбылй до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?“ Ды. говорить: ти ня урэмя намъ ѣхать? Большый конь отказуить: „успѣимъ, говорыть, ще! Тяперъ, говорыть, повышы йна узьлѣзла! И ѣдь ты, говорыть, на сярэдьнямъ, говорыть, кони! И тожъ, кажыть, близко коло яе, да не витайтися зь ей—успѣимъ витатца!“ Такъ сычасъ ёнъ лошадей тыхъ отправивъ у чистая поля, у зялёныя луги, у стидзёныя воды, а самъ сярэдьняй лошади у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ, и ставъ королевичъ такей, што сыскать ня можно! Одѣяньня чисто, што й сказать ня можно. Сѣвъ и поѣхавъ. Тожъ ѣхали по мѣсяцу, по повтора мѣсяца, а ёнъ за повтора часа ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, поднявся коло яе, коло самыя ужэ коло полотины—туть витатца бъ ужэ, да не витався,—и поѣхавъ прамо. Туть: лови-лови! лови-лови! А ёнъ и полятѣвъ! За повтора часа назадъ зьвярнувся. Ну, туть, тольки якъ—и распусьтили зновъ усихъ—якъ ёнъ полятѣвъ, тамъ зъ вокна ина соскочила, и распусьтили усихъ. А ёнъ прыскочивъ на своё мѣсто, якъ сьвиснувъ, якъ крыкнувъ—прыскочили тыя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ ошарпаный, такій и ставъ зновъ. Ёнъ тогды кажыть: лошади моё пралюбезныя! Ёсь жа у мяне работа: тры гарцы маку и тры гарцы пяску, да укучи. Ти не могли бъ мы макъ такъ разобрать? Тяперъ большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки своё торбы, говорыть, посьтялй посьтилки на зёмли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у поздри якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ тэй разобрали и пошли. Ёнъ макъ у коробку, грыбовъ набравъ. и прышовъ домовъ. Тры часы прэмэдлиъ тольки. Прыносить грыбы гэтыя:

„натя, кажыть: хай вамъ Богъ не поможыть! День провёвъ, покуль макъ перабравъ, во грыбовъ назьбиравъ,—вы усё кажытя, што ничого ня роблю“.

Прыяжжають яго браты. Почалй жонкамъ расказувать: „Божа мой, якія штуки тамъ былй! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ подьнявся, тутъ-тутъ-тутъ поцалувать! да нѣ! Подьнявся, кажыть, и полятѣвъ подъ небеса!“ А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?“—Гэ! ты дурань! ти перабравъ ты макъ, кажыть! Отъ, я табѣ перабяру, кали ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ —хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ напосивъ!“ кажыть.—Ну, тяперъ, тутъ нядовго ждучи, сычасъ трэтьтій наблпкатъ: кабъ узнова зьбиралися усп! А ина узьлѣзла на пятый тажъ на вокошко. Ну й ймъ прыказъ гэтакій твердый, кабъ уси были,—до душы кабъ были, уси ходяины кабъ были, усякій кабъ пшовъ.

Просится ёнъ у ихъ: „братцы, кажыть: возьмитя вы мяне разъ! хуть я дива гэтаго поляджу!“ Большый братъ кажыть: „агу! а вотъ я табѣ работы дамъ, коли табѣ работы нема!“ Пошовъ, чатыры гарцы маку и чатыры гарцы пяску принесъ: „на, перабяры! а то, кажыть, печи усё наплюнишъ!“ Ёнъ на посьтилку усыпавъ, да й подъ головы на печь, сушыть на печи.

Знаить ёнъ тоя урэмя, вѣдаить, што ёсь ужо тамъ сыборыща. Сычасъ зьлѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовъ у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвисьнить, якъ крыкнить,—прыбылй до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?“—Ды, говорыть: ти ня урэмя намъ ѣхать? Большая кажыть лошадь: урэмя, кажыть: мы тяперъ усё урэмямъ зьдѣлаимъ.—А ина узьлѣзла на пять атажовъ на вокно ды й сѣла. А ёнъ коробку подъ кустъ, а самъ у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ. Якъ вылязъ, бывъ царевичъ—а то ужэ у сьвѣти нема лѣпшъ яго ужэ. У водинъ часъ прыѣхавъ туды. Якъ подьнявся и повитався зь ею и прыдержывся. И яна яму пячатку прыклала: першаю у потылицы, другую на лобъ. Ёнъ и полятѣвъ. Тутъ: лови-лови! да й некого ловить—ёнъ бывъ, да нема! Ну, тяперъ, прилятѣвъ на мѣсто, у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такимъ паршывымъ, якъ и бывъ. Говорыть: лошади мое пралюбезныя! Ёсь жа, говорыть, у насъ работа: пять гарцовъ, говорыть, маку и пять гарцовъ пяску: трэба намъ яго перабрать. Тяперъ, большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки свое торбы, говорыть, посьтялй посьтилки на земли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у поздры якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ

тэй разобрали и пошли. Ёнъ ихъ отпусьтивъ: „лошади, говорыть, пралюбезныя! идитя у зялёныя луги, у стидзёныя воды!“ Узявъ коробку, пошовъ у лѣсъ, грыбовъ набравъ. И здавъ бабамъ грыбы гэты и макъ. А самъ ожыдаить братовъ, на печи лежучи, макъ у головы. Прыяжжають браты. Почали жонкамъ расказувать: „Божа мой! якія штуки тамъ были! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ поднявся, и повитався зь ею. И яна яму пячатку прыклала.“ А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?“—Гэ! ты дурань! дѣ табѣ быть? ти нерабравъ ты макъ, кажыть? Отъ, я табѣ перабяру, коли ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ—хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ наносивъ!“ кажыть. Гэто имъ диво, што якъ ёнъ выбравъ макъ гэтый. „Ну, дось сь тябе работы стало, видать!“

Ну, тяперъ гэта царевна пусьтила пабликать, кабъ икъ ёй явився гэтый жанихъ яè. Перво-на-перво зазвала съ панства, зъ большыхъ помѣщиковъ, вобыскъ пусьтила. Обглѣдила—нема яго. И розыскъ распусьтила пазадъ гэтыхъ. Тяперъ шъ шляхтовъ; а посьли съ купцовъ, зъ мужуковъ, съ усякихъ-усякихъ,—шукала йна усихъ. Тяперъ зь нищихъ,—дѣ якiй ня бывъ, ды кабъ собраныя были уси. Уси убогія пособиралися,—якія бъ сабѣ нè было—дурнэя, якихъ—якихъ тольки, абыбъ тольки чаловѣкъ,—дакъ усихъ собирали. „Ну, кажыть, браты: тогды я просивъ, кабъ вы мяне узяли, а тяперъ я й безъ васъ пойду! Можа йна и ко мнѣ ти не признаитца!“ кажыть. Узявъ жалейку у руки, маршъ и пошовъ. Прыходить у чистая поля, у зялёныя луги, у стидзёныя воды,—якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—прыбыли до яго лошади уси тры. „Ахъ, лошади моè пралюбезныя! Собирають усихъ туды, и нищихъ, ти ня можно бъ и намъ туды достатца?“ А большый лошадь отвѣщаить: тяперъ табѣ трэба ѣхать на меньшамъ лошадю! И ты, говорыть, ня убирайся някъ. А меньшаму лошадю кажыть: ахъ, кажыть, братъ мой любезный: подвязи яго подъ такую и такую изобку—подъ лазеньку,—тамъ лазенька стояла не далеко отъ дворца, за вярсту—подвязи подъ лазеньку, и кинь тамъ! А яму говорыть: „а ты, говорыть, узьлѣзь на цапки, ноги на грады, и играй у жалейку! Тябе, говорыть, найдуть тамотьки“.

Ёнъ сѣвъ на коня и поѣхавъ, прыѣхавъ подъ лазеньку, увышовъ у яè, узьлѣзъ на цапки, лёгъ на цапки, ноги на грады, подъ столь. Играить у жалейку. А самъ коравый, паршывый—страшно глядѣть на яго! Сохронь Божа! Здаетца, ня можно бъ было поцитать яго за чаловѣка!

Ну, ина тяперъ усихъ гэтыхъ нищихъ нераглѣдила сама изъ дѣвкой. Нема яе (жениха). Тогды говорыть тамъ якiй убогiй, напрымѣръ, дѣвцы

расказунть: вотъ, кажыть: у лазьни тамъ играить нѣйкій, такъ у сьвѣти нема такія музыки, якъ тамъ у лазьни!" Дѣвка гэта отвѣчаить ей: што, говорыть, у лазьни—ляжыть на цапкахъ, играить у жалейку, у сьвѣти нячуть такея музыки, якъ ёнъ. Ина сама маршъ изь дѣвкой у лазьню у гэту. Отчинила,—гэтакъ играить прыгожа, што сохрони Божа! Ня можно утерпить, здаетца! Ухапила—залобицу яму подняла,—тутъ пячатка яе, и тутъ яе (показывается лобъ и затылокъ). *Сняла* яго оттуль, вядѣть за руку къ батьку ужо. Ёнъ зробився такимъ дурнымъ: не пойду! упираитца, ня йдеть! А ина яго вядѣть—обшарпаный, ободраный—Божа! ратуй! ня можно на яго глядѣть. Батька узявъ плевать на яе! „Ну, кажыть, татулька: якъ сабѣ хочитя, а гэто, говорыть, мой".

Ну, тяперъ, у яго были, у гэтаго цара, ще дьвѣ дочки замужнихъ—да то былй за виньшыхъ царыковъ потдаваны, напрымѣръ. Ну, узыскавъ ёнъ гэтыхъ царыковъ на весельля ужэ—гэта дочка жонитца ужэ зъ гэстымъ. Тяперъ ёнъ пры старосьти лѣтъ. „И вотъ, говорыть, зяти мое пралюбезныя: ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви сьвинка—золотая сьвинка, носомъ орэть, а ногамы боронуить, и ззаду хлѣбъ расьтѣть за ей—можно самому цару ѣсьти. Который, кажыть, застанить яе и прывядеть гэту сьвинку, такъ тому, говорыть, усё чарство опишу!" Ну, тяперъ, гэты царыки ободвы гэты: ну, што, говорыть: трэба ѣхать. Батьки трэба слухать! А Богъ вѣдаить, идѣ яна, у которомъ чарстьви тая сьвинка! Тяперъ и ина на яго—гэты зяти увобралися, узяли сабѣ воську, музыку—маршъ и поѣхали по сьвинку по гэту. А ина на яго: ну, штожъ, кажыть: ти ня зьѣздивъ ба ты, ти не доставъ ба?"—Што ты? кажыть. Борони Божа,—куды я поѣду? Нехай яны ѣдуть, прывязуть сьвинку! Выдумали што—сьвинку нѣйкую, идѣ яе возьмешъ? Я, кажыть, ни зашто не поѣду, борони Божа! Яна и заплакала.

Подождавшы такъ, съ повгода можа пропусьтивъ, тогды уздумавъ: „душка, кажыть, душка! Сходи ты, кажыть, къ батьку, водопойныя кобылки попроси, поѣду, кажыть, и я за сьвинкой!"—Дурань ты, кажыть, дурань! Тэя—ужо можа вязуть—а ты уздумавъ ѣхать!—„Нехай сабѣ, кажыть, вязуть. Сходи-тка ты, говорыть, къ батьку. А не дась, дакъ я пяшкомъ пойду!" Тяперъ, ина пошла къ батьку: „татулька, кажыть: просить мой дурань хоть водопойныя кобылки: хочить и ёнъ ѣхать!"—Э, кажыть, уздумавъ! Ну, ды сходи, кажыть, на стайню, нехай дадуть хурманы якого яму коня тамъ!—Прывяли яму якую тамъ кобылёшку. Ёнъ вышавъ съ покою, къ головѣ сѣвъ плячьми, а хвостъ у руки, ды ладоняй по заду, по заду! Бье тую кобылёшку. И поѣхавъ. „Во, кажуть: дурань по дурному и ѣзьдить!" Выѣхавъ дѣ у олешникъ тамотька, сосно-

чивъ зъ гэстаго коня, ухапивъ за хвостъ, якъ трахапѐть,—косьти вытрасъ: „Сороки, вороны! говорытъ: вамъ свѣжая мясо, а табѣ, кўсьтя, вѣшная накрывка!“ А тогды якъ крыкнувъ богатырськимъ голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ,—прыбыли до яго лошади. „Ахъ, говорыть, лошади моѐ пралюбезныя! У которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви ѐсь сьвинка, золотая сьпинка, носомъ орэть, ногамы боронуить, а ззаду хлѣбъ расьтѐть—можно самому цару ѣсьти! Ти ня можамъ мы, говорыть, яѐ застать?“ Тяперъ лошадь большый отвѣчаить: „зачимъ, говорыть, царъ нашъ наясьнѣйшый?—можамъ, говорыть, застать. И ѣдь ты, говорыть, на меньшай лошади! И давъ яму̀ лошадь, едвабный шнурокъ и кожаный бизунъ, и говорыть на лошадя: ты дратуй яе ногамы, а ты сячи яѐ бизуномъ, покуль ина здастца вамъ!“ Тяперъ ёнъ у лѣво вухо ўлѣзъ, а ў право вылязъ, и зьдѣлався такимъ королевичамъ, што и сказать ня можно. Сѣвъ ня коня и полятѣвъ. И проминувъ ёнъ ихъ у повдороги ще.

Якъ прылятѐвъ, ажны гэта сьвинка носомъ орэть, ногамы боронуить. Ёнъ напавъ на яе, якъ узявъ яѐ сѣчь, якъ узявъ яѐ сѣчь. Конь копытàмы, а ёнъ бизуномъ. Сьвинка гэта: „ахъ, кажыть, заморській чаловѣкъ: што ты зь мяне хочашъ? говорыть: за што ты мяне ставъ такъ забивать?“ говорыть—„Здайся, говорыть, сьвинка, бо убъю тябе, ня пущу тябе живэя!“ Дотуль яе бивъ, покуль ина здалась. Тогды сѣвъ, на едвабный шнуръ зачапивъ и вядеть яе. Сычасъ чуить ёнъ, што яны гэто ѣдуть ужо туды. Ёнъ зъ дороги у бокъ зьѣхавъ, у право вухо ўлѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ паршывымъ такимъ, якъ и бывъ. Тяперъ ёнъ, значитца, обярнуся такимъ самымъ, у лохмотьти у такомъ, якъ и бывъ—гэтый дуранъ, сьвинку гэту прывязавъ на едвабнымъ шнуру, сьвинка гэта своимъ порадкомъ узяла работать зямлю гэто: носомъ орэть, ногамы боронуить, ззаду хлѣбъ расьтѐть и посьпиваить—самому цару можно ѣсь яго. А ёнъ цяплушкò расклавъ у гэтыхъ дубкахъ, ды у жалейку играить, на боку ляжыть. Ажны наѣхали гэтыя швагры яго и съ своимъ войськомъ и увидили гэто, у дубкахъ у гэтыхъ тяпло горыть. Тяперъ яны посылають лакея: а йди, говорыть, поляди,—што то за гонь горыть тамъ, у дубкахъ у гэтыхъ? говорыть: трубучку закуры и иди, и распытайся, хто тамъ такей гэто? Тяперъ гэтый лакей прыходить, и узнавъ яго. Сьвинка прывязана, а ёнъ на бокў ляжыть, у жалейку играить. Лакей гэтый прыхòдить къ имъ. „Што тамъ за гонь?“—Да, говорыть, нашъ дуранъ вядеть гэту сьвинку ужэ!—„Якъ можно быть?“ говорыть. „Пòйдемъ мы, говорыть, полядимъ. Альбы мы, говорыть, по чесьти якъ у яго выпросимъ, альбы мы яѐ отбяромъ у яго!“ Прыходють къ яму: „здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорыть. „Ти ты ўжэ, говорыть, сьвинку

вядешъ?"—А вяду, кажытъ. Я' дну сабѣ, кажытъ, узявъ, а тамъ, кажытъ, много сьвинокъ ходитъ яицо. Ѣдьтя и вы, возьмитё сабѣ!—„Да нѣ, кажытъ: што ты врешъ, швагра: ина тамъ, говорытъ, одна такая была! Ну што, говорытъ, швагра: отдай намъ сьвинку!"—А нѣ, кажытъ: вы сабѣ зьѣздитя, другую возьмитя сабѣ! а я гэту повяду къ батьку. Ти усё жъ, кажытъ, вамъ: и я повяду къ батьку! Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ зьдѣлатъ? Просютъ не дай Богъ якъ: мы табѣ тоя дадимъ, мы табѣ тоя! Потымъ того говорытъ: „ахъ, Богъ зъ вамы! говорытъ. Коли отрэжытя мнѣ на нозѣ по палцу по мѣдпымъ, дакъ возьмитя сабѣ!" Яны гэта думали, думали, узяли—што здумали—своѐ дохтора, своё усё—ничого! думаютъ. Узяли, отрэзали по палцу „Ну, говорытъ: бярытя, вядитя! Узяли, повяли сьвинку. А самъ ёнъ остався ли гнюшка ли того. Посядѣвъ, ти полежавъ ёнъ кольки тамъ,—отвяли яны отъ яго можытъ вярсту, можытъ боли, тогды ёнъ якъ сьвиснитъ на лошадь, —прыскочила къ яму лошадь. Ёнъ у водинъ часъ дома ставъ. Яны ѣхали повгода, а ёнъ за тры дни справився. Прыѣхавъ домовъ, лошадь пусьтивъ у зялёныя луги, у стидзёныя воды, а самъ идѣтъ, у жалейку играитъ. „Вотъ, кажытъ, дурань! коня, кажытъ, нейди спратавъ, и идетъ, и сьвинки не вядетъ, и играитъ у жалейку!" Жонка пытаитца яго, говорытъ: дѣ жъ ты бывъ, дѣ ты лошадь дѣвъ? говорытъ—„А што? кажытъ: я ѣхавъ, ѣхавъ, лошадь упала, дакъ я и кинувъ яе; пропала, дакъ я и вярнувся. Ти мнѣ пяшкомъ итти?" Ожыдаетъ ёнъ ужэ тыхъ. Жонка плачытъ: отъ, кажытъ, и хвалися мнѣ батьку тобою! Выпросила, кажытъ, у батьки лошадь, и ты поѣхавъ, и лошадь пропала нейди! А тэя сьвинку прывядутъ, и батька чарство имъ опишытъ; а намъ нейди будитъ—хоть ты по кускохъ иди!" говорытъ.—Ну, нехай сабѣ, и намъ нейди будитъ мѣсто! Отъ, тэя, прыводятъ яны мѣсяцы тиразъ два ужэ сьвинку. И такѐя радосьти тамъ, Божа сохрани! Сяродъ дядинцу прывязали, перадъ покоямъ; сьвинка тая работаитъ своимъ порадкомъ. Ну, сычасъ радосьти такѐя—тутъ гэто царъ справивъ вечарынку, напрымѣръ: зяти прывяли значитца сьвинку. И гэто, значитца, позьбиралиси госьти, прочія короли, глядѣтъ сьвинку, што то такоя.

Ну, тяперъ, говорытъ: ну што, зяти моѐ пралюбезныя! говорытъ: ёсь у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, говорытъ, кобылица зъ двандцатьмы жарабцамы. Ина ходитъ и замуздана, закилзана, и подъ сядломъ. И 12 жарабцовъ ли яѐ! Коли тую, говорытъ, кобылицу уловитя и прывидитё ко мнѣ—ваша чарство! Я тольки буду съ ковалка хлѣба у васъ сядѣтъ!" Яны то мулютца; сами съ собой говорутъ: а што, кажытъ: дурань, кажытъ, и гэто достанитъ! отъ бяда! кажытъ. Ну што, кажытъ, дѣлатъ!—застанитъ, будемъ узновъ просить у яго—ти по

чесьти, говорыть, ти по сэрцу, а усё нѣякъ достанямъ у яго! Ну, сычасъ отправляютца яны зновъ. Побольшъ воська съ собой узяли. А гэто дужа далёко, нявѣстно, у которомъ чарстьви. На цэлый годъ забираютца. Тогды жонка: што ты, кажыть, вѣдаишъ? Ти ня зьѣздивъ бы ты по кобылицу по гэту?"—Гэ! Божа сохрани! якъ мнѣ, кажыть, ѣхать? ти у мяне конь ёсь, ти у мяне воська? Куды мнѣ ѣхать? Тоя-сёя капочавъ. Ёнъ обождавъ того, посьли того мѣсяца повтора. „Душка. кажыть, душка! сходи къ батьку!" кажыть.—Чаго? „Попроси, кажыть, водопойныя кобылки! Зьѣжжу и я по кобылицу!"—Дурань ты, дурань! яны жъ нѣйди вядуть ужэ?—„А, вядуть! добро устрѣну на дорози, дакъ и я вярнуся, коли вядуть!" Тяперъ ина ня хочыть ити къ батьку. Натявся на тоя, што сходи! „Да мнѣ, кажыть, страмно за тябе, ходить дѣстовать: опять пропадеть кобыла!"—Ну, кажыть, сходи!—Прыходить: „татулечка! дай, кажыть, изновъ кобылу якую, хоть водопойную: хочыть ѣхать мой дурань по кобылицу!" Ну, ёнъ тольки насьміявся зъ гэтаго. „А сходи, кажыть: хай дадуть яму якого тамъ коня! нехай, кажыть, попробуить ѣхать! Ящо, кажыть, зьвядеть, нейди здохнить, назадъ прыдить пяшкомъ! Сычасъ хурманомъ сказала, осядлали яму лошадь, и вядуть подъ ганокъ. Ёнъ гэто усьсѣвъ на голову плячми, а за хвостъ руками узявся, и лошадь гэту по заду руками! И поѣ-ѣ-ѣ-хавъ за вороты. „Оть, кажыть, дурань! по дурному и ѣзьдить".

Ёнъ выѣхавъ у дубки, зъ гэстыя лошади соскочивъ. За хвостъ! косьти вытрасъ. „Сороки, вороны! вамъ свѣжая мясо! А табѣ, кусьтя, вѣшная покрывало!" А самъ якъ крыкнить богатырськимъ голосомъ! сьвиснить молодецкимъ посвистомъ, оявляютца къ яму лошади. „Лошади моё пралюбезныя! ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви, кобылица зъ двападцатьмы жарэбчиками. И замуздана, и закилзана, и подъ сядломъ. Ти не могомъ мы яе застать?"—Большый лошадь отвѣчаить яму, говорыть: „а съ чимъ жа ты, говорыть, по яе ѣдишъ? Гэта жъ кобылица наша родна матка! И насъ, говорыть, тры отлучана отъ яе, а девять жарабцовъ при ёй то! И говорыть:" вярнись ты, попроси у свойго,—жапу свою попроси,—кабъ ина спросила у батьки дѣдовськаго бязьмена!" говорыть: А той бязьменъ пудовъ трыдцать!—ѣхать по кобылицу ужэ по тую. Вярнувсь ёнъ домовъ: „душка, кажыть, душка! сходи ты, кажыть, къ батьку, попроси дѣдовськаго бязьмена!" Гэтый царъ и засьміявся зъ гэстаго: што ёнъ, кажыть, кобылу забъёть тамъ тую дѣдовськимъ бязьменомъ. И ёнъ, дурань, яго не подѣйствуить. „А, говорыть: нехай прыдить возьмить, коли яму трэба дѣдовській бязьменъ! Сычасъ, дѣ то ёнъ тамъ ляжыть у клѣти, бязьменъ гэтый.—„А вотъ, говорыть: поди возьми, коли табѣ трэба! Ёнъ сычасъ пошовъ, добрый молодецъ,

ухапивъ на руку, и узявъ зь имъ попиратца, замѣсто ляски. Тяперъ царъ гэтый отвищаитъ: „ну! ни у комъ ты лошадей попрыбиравъ моихъ, ажны ты ничого малецъ!" Прыбывъ ёнъ къ своимъ лошадямъ. Лошадь большая отвищаитъ: „Ну, говорытъ: садись, говорытъ, ты на мяне, и смотры, говорытъ: якъ прыѣдимъ мы къ ей, къ кобылицы, дакъ ина давно, говорытъ, мяне видила, дакъ ина зъ радосьти, говорытъ, можытъ зьѣсьти насъ! Ина, кажытъ, и закилзана, и замуздана, говорытъ: уся збруя при ей; ходитъ трыдцатъ тры годы зь девятимы жарабцамы, а насъ тры отлучана отъ яе. Дакъ ты, говорытъ: я якъ буду лятѣтъ, дакъ поплечъ стану изь ей; ина станитъ пюхатца со мной, а ты якъ небудь,— хватайся, говорытъ,— садись на яе! Якъ только ускочишъ на яе, такъ яе бязьменомъ и лупи межы вушъ! Дотуль яе лупи, покуль ина табѣ здастца. Ина, говорытъ, понясетъ тябе подъ небеса, а ты усё лупи яе, покуль здастца. А я буду проситъ: матушка, здайся, а то, говорытъ, забъѐтъ тябе! . .

Ну, такъ и стало. Ёнъ якъ ускочивъ на яе—подняла яго подъ небеса! А ёнъ яе хвощитъ. „Ахъ, говорытъ, якій гэто усьсѣвъ на мяне!" говорытъ. Трыдцатъ тры годы ѣжжу, нихто не садивсь па мяне. Якей гэто? А ёнъ просить, лошадь гэтый: матушка, здайся, говорытъ, а то забъѐтъ. „Ну, говорытъ, стой, Иванъ Ивановичъ, ня би мяне!" Яна ужэ яго назвала Иванъ Ивановичъ. „Ходила, говорытъ, по воли, а тяперъ буду подъ няволяй!" Ёнъ тяперъ ѣдитъ на кобылицы на гэтой, а девитъ жарабцовъ идутъ услѣдъ за ими, а яго лошадь дисятая. Ѣдитъ ёнъ, ажны чуитъ—ѣдутъ гэто швагры яго по кобылицу по гэту. Ёнъ свою лошадь пусьтивъ у чистыя луги—зялёныя тровы зьядатъ, а гэту кобылицу прывязавъ. Ажны сычасъ яны посылаютъ лакея,—увидили дымокъ: ёнъ расклавъ дымокъ и сядитъ ли кобылицы ля тыя. „Иди, говорытъ, поляди,—на лакея—пипрымѣнно гэто дурань вядетъ кобылу ужэ!" Лакей гэтый подходитъ: позвольтя, говорытъ, пипочку закурытъ!—Изволь, говорытъ, покуръ! Узявъ тяпла и пошовъ отъ яго. Прыходитъ. „А што?" говорутъ?—Да што? говорытъ: вядѐтъ кобылицу и девитъ жарабцовъ ли кобылицы!—„А ли яе жъ было дванадцать жарабцовъ?"—Нѣту! говорытъ: тольки 9, а 10-я кобылица! „Ну што, говорытъ, пойдемъ?"—„Пойдемъ ужэ просить яго, на вошто сойдимся?" говорутъ. Прыходютъ къ яму „Здрастуй, швагра!"—Здоровъ, швагры!—„Ти ты ужэ кобылу вядешъ?" говорутъ.—А, каитъ: я сабѣ узявъ! каитъ. Тамъ много коній ёсь, каитъ,—ходютъ. Я сабѣ кобылу узявъ, 9 жарабцовъ за ей идетъ!—„А ну, швагра! говорутъ: досъ табѣ сьміятца зъ насъ!" Ёнъ имъ отвищаитъ: што жъ, говорытъ, за сьмѣхъ? При тый жа кобыли дванадцатъ жарабцовъ, а я тольки, каитъ, узявъ зь девятьмы жарабцамы. Дакъ тая кобылица нейди тамъ ящо,

ваша!—„Ну, швагрочка! говорутъ: хай тая тамъ будитъ, а ты намъ спусьти гэту!“ Ёнъ гэто думавъ, думавъ—просютъ дужа яго крэпко. „Ну, говорытъ: отрэжу я по палцу на руцэ, по мѣдяномъ, дай бярытя сабѣ!“ Яны гэто обдумалися: „Ну што, говорутъ: у насъ своѐ дохторы, своё зѐльля, усё своё,—сычасъ гэто услѣдъ загòитца! Што намъ гэто? каитъ. Отрэжамъ!“—Отрэзали по палцу. Ёнъ гэты палцы позьбиравъ и ў калитў. У калиту уложывъ, а имъ кобылу оддавъ. И повялй яны отъ яго. „Ну, каитъ, швагра: поѣдимъ рàзомъ!“—А я, говорытъ, вамъ не товаришъ,—вы мяне оттуль ня вòдитя, и отгэтуль не поведетё!. Зяли отъ яго кобылу и повялй, гэту. Ёнъ часы два промэдливъ тамъ, посьли прызвавъ свого лошадя, ускòчивъ на лошадя и прылятѣвъ домовъ: четьверо сутокъ ёнъ промэдливъ. Идетъ, бязьменъ на плечахъ нясе тъ, у жалейку играитъ, и идетъ сабѣ по двору по чарськимъ. Ина сустракàитъ яго: „дѣ жъ ты, каитъ, лошадя дѣвъ, дуранъ ты?“—А штожъ, говорыт ь:—ляску свою, говòрытъ, вёзъ и самъ усьсѣвъ, дакъ ина й пропала! говорытъ. Вярнувсь я! Куды жъ я, говòрытъ, пяшкòмъ пойду? Отъ такъ ина узнова у голосъ. А ёнъ сабѣ гэтакъ само на ложку, жалейку у руки, ыграесть сабѣ. —„Отъ, тольки, говорытъ, ты на гэто!“

Тяперъ, теразъ мѣсяцъ прывòдютъ тыя кобылу и девитъ жарабцовъ ли яе. Гэтакiя радосьти, музыка тутъ идетъ за гэтой кобылицай, играитутъ! Зьѣздъ гэтакiй смотрэтъ гэтыхъ лошадей, што прывяли! Богъ знаитъ, якая лошадь. Собрàлося протчихъ королёвъ!—И будитъ гэтый царъ описавать чарство свое усё зятёмъ своимъ гэтымъ. „Ну што, говорытъ, зяти? я бдумався! говорытъ. Ёсь то, каитъ, у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, стойтъ, говорытъ, левъ ля студьни—ли колодися попростому, прыбитый на 12 ланцуговъ. А яму постоянно, якъ день, такъ ночь, шэсь чаловѣкъ водў льлютъ съ студьни. А ёнъ пьётъ услѣдъ якъ день, якъ ночь. И ўси съ своѐ пнэрыи болѣсьти сьтягуитъ и зъ народу, и съ скоту. Вочань крэнко тамъ здоровы и скотъ и народъ. Коли, говорытъ, вы гэтаго лѐва украдитя оттуль и прыведетё мнѣ, говорытъ—усё ваша! говорытъ,—усё чарство ваша!—И я, говорытъ, буду на ласкàвымъ хлѣби тогды ужэ сядѣтъ у васъ!“... Ну што жъ? Яны обдумались гэто:—покуль мы доѣдимъ, дакъ дуракъ ужэ будитъ вѐсьти. А мы, говорутъ, якънебудь у яго выморочимъ! Такъ яны узгорачйлися. Ну, говорутъ, достапимъ! Якъ-якъ, а застанимъ, говорутъ, и лева ужэ. Забрали воська побольны съ собой и музыку, зайграли зъ двора, и поѣхали. Тяперъ жана къ яму говорытъ: ахъ, дуракъ-дуракъ, што сь тябе будитъ? Тольки, говорытъ, ляжышъ, говорытъ, у жалейку граищъ! Отъ, яны прывядутъ лѐва, говорытъ, и усё, каитъ, чарство застанѐтца имъ; а мы съ тобой по кускòхъ пайдимъ!“—Ахъ, каитъ, душка, душка! ти по кускòхъ люди ня ходютъ? А

ўсёжъ тыки хлѣбъ ядуть! каитъ. Ну, ина па гэтымъ и остановилась.

Тяперъ ёнъ, подождавшы мѣсяца поўтора, ти два тамъ, надѣитца, што яны ужэ подъижжаютъ близко къ леву къ гэтому, и говорытъ: „душка! сходитка къ батьку, попроси зновъ мнѣ кобылёшки водопойныя, попробўю зновъ ѣхать по лева.“—Я не пойду, каитъ, боли проситъ, и батьки парушать! каитъ. Коли хочишъ, каитъ,—иди пяшкомъ!—„Ну, говорытъ, прощай жа! А ўжожъ пойду, хоть пяшкомъ!“ Попрощався жъ жаной и пошовъ. Отыйшовсь ёнъ скольки тамытьки, тогды—идѣ яму тамъ выпадалося, прызвавъ своихъ лошадей къ сабѣ, усихъ трохъ па раду. Большый лошадь отвиццаитъ, ды сярэдьняй лошади ужэ раитъ, якъ што дѣлатъ: ѣдьтя вы! говорытъ. Якъ подъѣдитя близко подъ яго такъ, говорытъ, нехай ёнъ у лѣво вухо улѣзитъ, а ў право вылѣзитъ. Обѳрнитца ёнъ, говорытъ, осѝлкомъ и чиста дзѐжа на ёмъ купечацкая. Каитъ: коня оставъ у лугахъ, а самъ пѣшшу иди. Къ прыдишъ ты къ гэтой студьни, къ леву къ гэтому, такъ ты сычасъ нанимайся у гэтаго цара одинъ спаиватъ гэтаго лева. И гэтый левъ знаитъ, объ чомъ ты прышовъ. И гэтый царъ тябе наймить; потому ёнъ наймить, што у яго 12 чаловѣкъ выходить у сутки тольки воду лить,—дьвѣ перамѣны. А ты наймисься одинъ; дыкъ ёнъ табѣ дужа дорого будитъ у годъ платитъ. И потомъ того у ночы нарадисься зъ левомъ, якъ што дѣлатъ, левъ табѣ нарадитъ!. Ёнъ сычасъ и поѣхавъ. Лошадь пусьтивъ у поля, самъ прыходитъ къ студьни, къ леву къ гэтому. „Здрастьви, говорытъ, рабяты!“—Здоровъ, здоровъ! говорутъ.—Ну штожъ, говорытъ, рабяты: што васъ шэсь чаловѣкъ наливаитя гэто воду ўсё?—Да насъ, каить, дьвѣ перамѣны. И заўсёгды, говорутъ,—усё дванадцать чаловѣкъ у сутки выходитъ.—А я жъ, говорытъ,—объявитя, говорутъ, свойму цару: я одинъ змовлюсь поитъ яго.—Да, говорытъ: да ничого ня зьдѣлаишъ одинъ!—Да, братъ, не ваша дѣло! говорытъ: я одинъ соглашусь!. Тамъ сычасъ гэтый начальникъ пошовъ и объявивъ гэто цару. Гэтый царъ изъ милой охвотой:—што выходитъ работниковъ, а то одинъ! Зьнявъ зь яго пробу: выпробуемъ дьни два, тогды будимъ змову дѣлатъ! Ёнъ сычасъ и ўзявъ съ повдня, гэто дѣло дѣлатъ. Ильлѐ зъ гэстаго колодися воду. И левъ гэтый ня могъ сьпитъ воды тыя. Управляющій гэтый пошовъ къ цару и говорыть: ци ўправитца, каитъ, левъ пить, якъ ёнъ работаитъ! Такъ сычасъ остановилиси яны на ночъ. Остановилиси и зговорилиси зъ гэстымъ лѐвомъ. Говорытъ: у моимъ чарстьви ловчэй будитъ, будитъ табѣ выгода лучча! Такъ гэтый левъ и здався. „А што жъ ты зробишъ? говоритъ: витъ ты мяне ня торвѐшъ отгэтуль!“ Каитъ: „лѣзь ты у моё у лѣвая вухо, а ў правая вылѣзишъ,—обѳрнисься ты богатырськой мухой!“ И гэто дѣялося у дванадцатымъ часу, у повночь. „И ля-

т̄и ты, каит̄ь, у покой!. Отчинют̄ь лакеп покой и, каит̄ь, тамъ подъ ложкомъ ляжы̆ть д̄ѣдовській, каит̄ь, молотъ. Ты, каит̄ь, гэтый молотъ ухапи̇ и тахт̄и яго, говорыть, сюды!. Тольки ни зачаписѣ нигд̄ѣ тамъ, якъ буд̄ишъ пе̇сьт̄и сюды!“ Ёнъ такъ и зьд̄ѣлавъ. Сычас̇ъ обярнувся мухой и ўлят̄ѣвъ у покой. Такъ сычасъ царъ угадавъ: ахъ, каит̄ь: сычасъ не̇йд̄и, каит̄ь, богатырськая муха зазьвин̄ѣла, каить. А ёнъ сычасъ подъ ло̇жакъ сѣвъ—муха гэта. Потомъ того, якъ ухапивъ ёнъ гэтый молотъ—лакеи покой отчинили: вячѐру давали. Якъ ухапивъ молотъ гэтый съ подъ ложка, якъ зачапився за што тамъ, за су̇хветъ—и завалився увесь палацъ гэтый, и побивъ усихъ тамъ. Принёсъ къ гэтому къ леву, у право вухо ўл̄ѣзъ, у л̄ѣво вылязъ,—обярнувся молойцомъ, чистымъ такимъ, што .. Ухапивъ, ланцуги потбивавъ, лошад̄ь свою гукнувъ къ саб̄ѣ, ускочивъ на лошад̄ь и поѣхавъ у свою сторону̇. И лева полевёвъ. Тяперъ ёнъ знаит̄ь тоя, што недалёке ѣдут̄ь швагры̇ яго ужэ по лева. Ёнъ тогды лошад̄ь пусьт̄ивъ у по̇ля, т̄иплушко̇ расклавъ, лева прывизавъ на ланцугу, а самъ на боку лёгъ, и граит̄ь у жалейку. Ѣдут̄ь яго швагры, увид̄или гэтый дымъ. „А отъ, якразъ, кажут̄ь, лева вяд̄еть дуракъ нашъ!“ На лакея говорут̄ь:„ ид̄и, закуры трубку, говорут̄ь, посмотры: нипрым̄ѣнно ёнъ вяд̄еть лева!“ Лакей гэтый прыхо̇д̄ить: здрастьви, царевичъ, говорыт̄ь.—„Здоровъ, говорыт̄ь, здоровъ!“—Позвольтя, говорыт̄ь, т̄ипялу̇шка ўзят̄ь, пипочку закурыт̄ь?—„А можно, говорыт̄ь: за гонь, говорыт̄ь, нихто грошый ни бярэть!. Ёнъ сычасъ т̄яперъ, прыход̄ить лакей гэтый: вяд̄еть, говорыть, дуракъ лева ўжэ! Ну, рад̄ить—рад̄ить: по̇йд̄имъ, каит̄ь, просит̄ь—моит̄ь, якъ выпросимъ? „Ну што, говорут̄ь: здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорыт̄ь, швагры̇, здоровы!—Т̄и ты ўжэ, говорыт̄ь, вядешъ лева!“—А я, каит̄ь, свойго ўзявъ! А тамъ говорыт̄ь, ёсь боли, и вамъ буд̄итъ! говорыт̄ь.—„Ай, говорут̄ь, швагра, швагра! Дось таб̄ѣ шут̄итъ коло насъ!“ Да ну—говорыт̄ь, яке̇я шутки!—„Ну, швагра! оддай намъ и гэто ўжэ!“ —О, каит̄ь: усё вамъ, да вамъ! Нехай жа я хут̄ь одну вецъ прывязу къ бат̄ьку!—„Ну, што хочишъ, швагра, а намъ яго спусьт̄и.“—А, каит̄ь —што зъ вами ро̇бить?—коли на сьпи̇ни ві̇ражыт̄я по полос̄ѣ кожы отъ шыи до пять, на вяршокъ, дакъ, каит̄ь, возьми̇тя саб̄ѣ?. Яны гэто думали—думали, думали—думали! „А! хай рэжыт̄ь!“ говорут̄ь: своѐ дохтора, зал̄ѣчимъ якъ небуд̄ь! своё ўсё!“ Ёнъ узявъ—дали яму—узявъ и выдравъ по полос̄ѣ у ободвыхъ. Скрут̄ивъ у трубочку, уклавъ у калиту ў свою. Лева отчапи̇въ зъ ланцугомъ,—оддавъ имъ наруки—вяд̄итя! каит̄ь. А самъ остався тамъ. Отвял̄и отъ яго лева гэтаго, моит̄ь, вярсты д̄ьв̄ѣ, т̄и тры, тогды лошад̄ь прызвавъ, ускочивъ и поѣхавъ на лошад̄и. Подъижжаит̄ь —зъ лошади, своё д̄ия̇ньня над̄ѣвъ—што отъ жаны отхо̇д̄ивъ—ид̄ет̄ь теразъ дворъ, у жалейку граит̄ь!—„О, каит̄ь: дурань ужэ ид̄ет̄ь!—За

тры дни по лева сходивъ. И куды, каитъ, попипатца ужо, пяшкомъ ходитъ! Копя, каитъ, не далй яму! А жана плачитъ: отъ, каитъ, пустосмѣшникъ ты: тольки, каитъ, сьмяютца люди коло тябе! Ись твоей, каитъ, работой.—Ну што, говорытъ: хай сьмяютца! ня усимъ жа, каитъ, плакатъ: кому трэба сьміятца, кому трэба плакать!—„А отъ жа, каитъ, отецъ имъ чарство попйшытъ, а намъ и ня будитъ пичого!"—А хай, каитъ: усё жъ и на насъ успомнитъ!—ковалокъ якей зямлй дасъ!—„А, тольки, каитъ—ты на гэто, каитъ, и одбаешь!"—Отъ, сычасъ тутъ, пиразъ мѣсяцъ вядутъ лева изъ музыкой. И тутъ радосьти такея, сустракаютъ ихъ тутъ. Божа! собралося тутъ пароду, купцовъ тутъ, съ усихъ—лядѣтъ гэтаго дива, якей ёнъ, гэтый левъ, звѣръ.

И справивъ гэтый царъ баль. И трэба ужэ описаватъ своимъ зятёмъ чарство яго. По коньчаньни гэтый бали—описка ужэ. Тяперъ ёнъ, царъ, на дочку каитъ: „сходи ты по свэйго дурня, каитъ—чаму ёнъ ня йдетъ?" —А ёнъ икъ имъ ня йдеть, ёнъ у своей комлати. Прыходитъ. „Ну, чаго ты? каитъ: ишовъ ба ты послухавъ ращоту, якъ тамъ, па якомъ ты сусновапьни будишъ жытъ?" Пошовъ ёнъ, за печь залѣзъ, да й стоитъ за печчу. О, тяперъ па ихъ: ну, каитъ, зяти—собирайтися! говорытъ. „Отъ, говорытъ: я у васъ застаюсь на ласкавымъ хлѣби жытъ, а вамъ здаю усё своё чарство!." А ёнъ отвицаитъ: а мнѣ што, татулька, будитъ?—„А табѣ? штожъ табѣ будитъ? Ничого табѣ ня будитъ?. За печчу не заробляютъ, каитъ. Хто трудитца на сьвѣти, каитъ, тэй тоя и маитъ!" Ёнъ тогды: а якея ихъ, говорытъ, татулька, труды? Поляди, каитъ, татулька: ти ёсь у ихъ на погахъ по палцу за сьвинку? каитъ. Сычасъ сапоги доловъ зьдѣли, посмотратъ—ажны у ихъ нима по палцу. А ёнъ тогды съ калиты шавэль—шавэль! палцы тыя вынивъ. „Во гэто, каитъ, одного палецъ, а гэто другого. Тяперъ, каитъ, тата: поляди у ихъ, за кобылицу: ти ёсь у ихъ на руцэ палцы? "Вынивъ тыя палцы:„ у гэто, говоритъ, одного палецъ, у гэто другого—за кобылу. Отъ, каитъ, татулька: поляди, ти ёсь у ихъ сьпины каитъ, за лева, якъ яны лева застали!" Тогды вынивъ гэтыя кружники, скуру,—поприкладали къ ихъ сьпинамъ—ихъ скура! „А штожъ яны, каитъ, татулька: прывялй яны кобылицу. У яе жъ довжно быть дванадцатъ жарабцовъ, а яны прывяли тольки девитъ. А дѣжъ тры йщо? А тры, говорытъ, умяне!" Тогды, якъ вышавъ надворъ, якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ—прыбылй до яго лошади уси тры. И спусьтивъ ёнъ укучу усихъ лошадей гэтыхъ. Гэтыя лошади—такея радосьти, што сышлиси укучу уси—нюхаютца! И одныё шерсьти, одного росту, одного лоску—усё. Тогды гэтый царъ, за ихъ гэты ухватки, за гэтаку боль, узявъ ихъ, на коньски хвосты попрывязавъ, и на ковалки разодравъ по чистому полю. А гэтому усё чарство свое попйсавъ. И тяперъ ёнъ жывётъ тамъ. И казцы гэтой конецъ.

Обчугская вол. сѣнпен. у. Отъ мѣстнаго крестьянина записано мною.

54. Поповъ парубокъ.

Жила себѣ удова, во такъ, якъ бы у насъ у Соnии. И бывъ у яе одинъ сынъ. Жили яны бѣдно, и ѣсть нѐчаго було. Отъ, ина говоритъ: иди, мой сынъ—ты ужо ў лѣтахъ—ти не заробишъ ты чаго нѐбудь на пропитаньня! Ну, ёнъ пошовъ къ дяку. А ў прежнее урему были деньги дороги. Приходитъ къ дяку. «Здрастуй!»—Здрастуй! Што жъ ты пришовъ?—„А я пришовъ, ти не наняли бъ мяне у работники?"—Ну, мнѣ нуженъ работникъ. А ти будешъ ты вѣрно служитъ?—„Буду, батюшка, старатца съ усердіемъ!"—Ну, служи! И дамъ табѣ жалованья одну денежку у годъ!—„Ну, добря, спасибо и за ето." И остався служитъ, на годъ ставъ. И такимъ самымъ манеромъ ёнъ прослуживъ годъ. Дякъ даётъ яму одну денежку. Ёнъ зайшовъ икъ колодесю, къ матери не заходя, и ўкинувъ яѐ у водў и каетъ: коли я вѣрно служивъ, то моя деньга будетъ навярху, а ня вѣрно, то затонетъ. Ина и ўтонула. Прослуживъ ёнъ яще годъ уторэй ужу. Получивъ денежку и зновъ пошовъ къ етому самому къ колодесю и ўкинувъ яѐ у водў. „Коли я вѣрно служивъ, каеть, то моя денежка не затонетъ!" Кинувъ, а яна и ўтонула. Остався ёнъ и на третій годъ. Пошовъ и съ той денежкой къ колодесю, и бросивъ и тую у водў: „коли жъ я невѣрно служивъ батюшку, то пусь моя и остальная тонетъ деньга, а коли вѣрно, пусь уси три поднимутца наверхъ!" Яны и ўсплыли.

Ёнъ, получёмши етыя уси три денежки у руки, пошовъ по дороги покупатъ товару на еты три деньги. Устрѣтивъ тряпошника, первый яму бывъ по пути. «Здрастуй!»—Здоровъ!—Ти нема ў тябе на моѐ деньги товару?—Тэй открывъ свой ящикъ, скрыню, показавъ яму разныя ленты, стужки, крали, персьни. Ёнъ посмотрѣвъ и говоритъ: ето не по моей торговли! Ти нема такихъ вящей, кабъ ко мнѣ принадлежало—кабъ ко храму? Тэй открывъ яму ладунъ—ящичекъ.—„Вотъ ето мнѣ, каетъ, вещь нужная и ля Бога, говоритъ, угодная, если я буду ўгоденъ!" И купивъ за уси три денежки у яго ладуну. Пошовъ у чистое поля по дорози и раскдавъ огонёкъ на кургони, и ўсыпувъ етый ладунъ на гонь. Етый дымокъ пошовъ подъ небеса. И услышынъ бывъ голосъ нявидимый: што табѣ надо, человѣча? А ёнъ отозвався: жалаю, говоритъ двѣ дудучки, кабъ могли йгратъ, подъ ими могли горы и лѣса плясатъ, и што перядъ ими стоитъ! Ну, и видитъ, што падаютъ двѣ дудучки перядъ имъ, незвѣстно кимъ зброшено ихъ. Ну, ёнъ publaгодаривъ Бога за такую посланую вещь, яму желаемую, и пошовъ. Идетъ дали и приходитъ къ своей матери. Тая дужа узрадовалась, што увидила яго у добрымъ здоровьи и стала распрашаватъ: „што жъ ты, сынокъ,

заслуживъ, скольки пользы мы будемъ имѣть зь естаго, што ты три годы прослуживъ?" Ёнъ говорить: мать моя дорогая, не принёсъ сичасъ пользы табѣ, а надѣюсь скоро мѣть отъ Бога пользы. „Ну, што жъ ты дѣлавъ?"—А такъ и такъ... (Всё разсказываетъ).

Ну, поживши малое урямя, говорить: мать моя дорогая! пойду опять къ етому самому свойму хозяину служить.—Богъ благословить тябе Ну ёнъ и отправився изновъ. Приходить къ батюшку и начавъ мѣть договоръ изь имъ, у наймы пастуховъ изь имъ. Батюшка дужа радъ бывъ етому дѣлу—яму пастухъ нужинъ бывъ. Договорилися яны, значитца, по заслузи заплата, а расчотъ у концы лѣта Ну, ёнъ нанявъ и договоривъ, и ёнъ погнавъ у поля скотину яго. Сѣвъ на кургонушикъ и заигравъ у еты двѣ дудучки своѐ. Якъ заигравъ, дыкъ скотъ ставъ тунцувать, а тоды и лѣса, и горушки, и ўсё. Тунцували, покуль съ силъ выбились. Едва ёнъ ихъ пригнавъ удвору. Вѣдомо, ня пивши, ня ѣвши. Увидила ето матушка и батюшка, стали яго бранить: якъ ето ты напасьтивъ скотъ, што и боки у ихъ пустэя? Ёнъ кажеть: батюшка и матушка! пораньше уставайтя и присматрійтя за мной, куды я скогь гоняю. А ў ихъ бывъ садокъ, у етаго у дяка. И возьли тута агрисгу дужа много. Назаўтриго, ёнъ скотъ не гнавши, забралисъ мальчики изъ дяревни ворувать етый агристъ. Батюшка и матушка побѣгли у садъ, кабъ ихъ зыхватить. Пастухъ ето зьмѣтивъ и сичасъ нычавъ у дудучки играть, а батюшка зъ матушкой давай у вагрисьти тунцувать. Ёнъ играеть, а яны танцують. Потомъ яны стали яго просить—што, здѣлай милось, оставъ. Ёнъ имъ отвѣчаеть: я три годы вамъ прослуживъ, и што вы назначали, то я бравъ, а тяперь пожалуйтя, што я стану требувать—то я вамъ оставлю. Ну, яны, батюшка сказуеть:—што жъ ты желаешь?—Ну 50 р. у годъ. Батюшка согласився яму деньги отдать, а дѣло пойдёмъ доходить судомъ—што я пободрався увесь. Заплативъ деньги, и пошли на судъ. Идуть. Идуть и сустрѣкають гончаровъ на дорози Возы ихъ были тижалы, а колявины глыбоки, ня хочеть нихто зъ дороги ворочать. Батюшка кричить: вярни зъ дороги! Гончары кричать: у батюшки возъ то не тижолъ, и вы люди духовныя, вы наша видитя. положенія—тижолыхъ возовъ! Батюшка видить, што яны люди бытцомъ то ня гордыя, злѣзъ зъ воза и пошовъ къ имъ любопыствовать. А возы стоять. Потомъ яны узглянули и говорють: што у васъ, батюшка: якъ бытто вы пободраны ўси?—А вотъ, такъ и такъ (Разказываетъ имъ все.)—«Хтожъ васъ заставлявъ у вагрисьти тунцувать?"—Когда ёнъ зайграеть, то нельзя вытримать.—Ну и тэя стали просить: пожалуста, зайграй и намъ. Ёнъ зайгравъ, яны и пошли уси тунцувать. Тунцу-

вали до тыхъ поръ, што и горшки уси чисьтенько побили на куломѣсь, и яны скачуть, и горшки, и черянки—и усё. Скакали, скакали—докуль съ силъ выбилисъ—просють яго ужу, кабъ переставъ. Ёнъ каеть: а дасьтё ну пятёрички, дыкъ перестану. Яны кажуть: у насъ нема, мы горшки не продавали. Ну, нехай сабѣ—вы не бязъ грошій! Яны дали яму̂ пятёрку, ёнъ и переставъ играть. Пошли и етыя съ своей обидой. Ѣдуть—дякъ изъ матушкой и гончары. Ну й потомъ сустрѣчаютъ дехтярёвъ. Дякъ жа мовчить ужу зъ матушкой, ну а гончары говорють: якъ жа свою обиду не расказать. «Ну, здоровъ!»—Здоровъ! Куды вы? —А, такое и такое дѣло.... (Разсказываютъ, какъ они плясали). Да пойграй, говорить, пожалуста, и намъ! Ёнъ ставъ играть, а яны якъ пошли тунцувать! Дыкъ и побилося и поразливалося усё чисьтенько—и уси у дёготь поудѣлылися якъ черти. Ёнъ ставъ требувать деньги, а яны стали божитца и клястца, што нема грошій. Ёнъ ихъ отпусьтивъ. И пошли уси у̂мѣсьти на судъ. Ну, яны ужу такъ условились, кабъ никому не говорить, затрудненій ня дѣлать начальству. И пришли у губерню. И просють, кабъ доложили губерни начальнику—што больше нельзя никому етого доложить. Доложили губерни начальнику. Той подозвавъ къ сабѣ и сказыеть: што ето за такое за чудо зъ васъ? И хто васъ, такихъ дурнявъ заставлявъ у такія дѣла поступать! Ёнъ, говорить, зъ дрючкомъ надъ вами не стоявъ! Никакой яму накази за ето нѣту, и вы можетя отправлятца по мѣстамъ. И я вотъ сичасъ тожа попрошу сыграть. Ну, тыя отышли, а етый говорить: удовинъ сынъ! вы мяне не довжны просить, а я довжонъ вашего приказу слушать, вы наши начальники. Ну̂, тутъ ужу вызвавъ ёнъ жану свою, дочерей, усихъ дятей своихъ. Нуку, сыграй! Ёнъ началъ имъ играть, яны начали уси кучкую тунцувать. До того у̂жу, што кричить—перестань! А ёнъ каеть: я за му̂зукой уперёдъ и не слыхавъ. Ну, и наградивъ яго крѣпко: „довжно быть, ты у Бога бывъ достоинъ!“ А тыя такъ и пошли домовъ, безъ усякаго усяго.

С. Сонно мстиславскаго уѣзда. Отъ кр. Ив. Васьковскаго, 27 л. и гр. Запис. мною.

55. Синяя свита.

Живъ бывъ царь волшебникъ. Ставъ ёнъ кличъ кликать, вызвать охотника, штонъ узявся схуватца отъ яго. И за того, хто схуваитца, обѣщавъ выдать свою дочку̂ замужъ и половина чарства оддать. Нашовся такой Синяя свита—палѣво свита—Соломенный кувнакъ. Узявся ёнъ схуватца отъ царя, а коли не схуваитца, дыкъ яго на смерть довжны сказнить. На етымъ ёнъ и расписався. С. св. пал. свита, Сол. кувнакъ перидъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ

вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридевятое чарство. А у етымъ чарстьви ёсь дужа большэй лухъ. На етымъ лугу расцыпався ёнъ на три цвяты. На другей день царь, уставши ранѣнько, умывшись билѣнько, посмотрѣвши у свои волшебныя книги, узнавъ усё и кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ на большэй лухъ у тридесятомъ чарстьви и расцыпався на три цвятки разноцвѣтныхъ.—Слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи, идитя вы у тридесятое чарство. Ёсь тамъ дужа большэй лухъ, а на имъ три цвятки разноцвѣтныхъ. Вы ихъ оторвитя, у платокъ завярнитя и мнѣ приняситя! Слуги и пошли. Ишли яны ти довго, ти коротко, тольки нашли тыи цвятки, у платокъ завярнули и къ царю принясли. Тады царь пытаитъ: „А што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ Ставъ свита царя просить, кабъ дозволивъ схуватца ящо рась. Царь дозволивъ. Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридесятое чарство. У етомъ чарстьви ёсь такей мохъ, што сверху болото, а подниздмъ бяздонная вода. Зайшовъ ёнъ у мохъ, обярнувся рыбой вокунемъ, забрався на самое дно и сядитъ тамъ. На вутро царь, уставши ранѣнько, умывшись бѣленько, посмотрѣвши у волшебныя книги, кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ за тридевитъ земель, у тридесятое чарство и схувався у болоти, обярнувшись рыбой вокунемъ!“ Велѣвъ царь своимъ слугамъ итить у тридесятое чарство, вычисьтитъ болото и зловитъ вокуня. Слуги такъ и здѣлали; зрубили, вычисьтили тое болото такъ, што тольки одна буза осталась поверху; закинули яны сѣти, поймали окуня, завярнули у платокъ и къ царю принясли. „Ну, што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ пытаитъ царь. Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ опять ставъ проситъ царя, кабъ дозволивъ ящо схуватца. Царь и ящо дозволивъ. Синяя свита пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридесятое чарство, дѣ ёсь такей дубъ, што корни у земли, а макушка у неби. Узлѣзъ ёнъ на дубъ, обярнувся иголочкой ды подъ коринку, и сядитъ. Прилетѣла на дубъ птица Нагай, узнала, што тутъ ёсь человѣкъ, и пытаитъ: хто тутъ ёсь?—Я, кажитъ

Свита.—„А зачимъ ты забрався сюды?“—„Ды вотъ, узявся я схуватця отъ царя волшебника, ды ниякъ не схуватца.“—„А хошь, я тибе схуваю?“ кажиҭь пҭица. Свита ставъ ее просиҭь. Нагай пҭица обярнула яго пярӣнкой; узяла къ сабѣ подъ крыло, снесла и положила сонному царю запазуху. Вутришкомъ царь уставъ, умывся, посмотрѣвъ по волшебнымъ книгамъ и говориҭь: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ; по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ; подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ: по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ; збѣхъ у тридесятое чарство. Ёсь тамыҭька дубъ, што корни у земли, а макушка ў неби. Забрався ёнъ за яго кору и сядӣҭь, обярнувшись иголочкой.“ Приказавъ царь слугамъ, кабъ яны спилили дубъ, покололи яго на дровы и сожгли. Слуги такъ и здѣлали, а Синей свиты не нашли, объ чомъ царю и доложили. Вотъ царь вышивъ на крыльцо и зовѣҭь: «Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—Нѣ, говориҭь Свита: збяри перши вяльможей и королей, тады покажуся.“ Царь думавъ, што ёнъ тутыҭька, дѣ либо ли яго: кружився, кружився воколо сябе, а Свита сядӣҭь сабѣ у яго запазухой. Вотъ царь собравъ вяльможей и енараловъ; вышивъ на крыльцо и опять зовѣҭь: «Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—«Нѣ, боюсь—обманешъ. Снаряжайка дочкў подъ винецъ, тады и я буду.» Царь велѣвъ заложиҭь у карету шасьтёрку лошадей, посадӣвъ у ее королевну и вышивъ на крыльцо. Удрухъ вылеҭѣла пярӣнка и стала добрымъ молодцомъ. Сѣвъ ёнъ къ королевни ў карету, и поѣхали подъ винецъ. Повиньчались и сыграли свадьбу. Царь отписавъ яму половину чарства, а по смерти и ўсё.

Городокскій уѣздъ витеб. губ. Запис. уч-ца Бѣлинская.

56. Хведоръ Набилкинъ и суправдишные богатыри.

Живъ бывъ сабѣ у воколицы шляхҭицъ. Тоды примѣромъ уздумавъ ёнъ сабѣ што—убяруся я богатырёмъ! Ну, справивъ сабѣ тамъ якѐй струменъ—праведную косу намѣсть меча, полотняный шатёръ справивъ, тое—сёе, узявъ кобылёнку, сядло справивъ тамъ якое, и поѣхавъ. Ѣхавъ—ѣхавъ, пріѣзжаеҭь у городъ. Глянеҭь—прибита таблица. Ёнъ сицасъ узявъ, вынивъ карандашъ и сицасъ объявляеҭь чесь, што у такомъ то году, такого то мѣсица, такого то числа, ѣхавъ силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ—ззадӣ не догоняҭь и спереду не стрѣкаҭь, а стрѣвши, на колѣнки стаҭь и шапку зьдѣҭь ды й проздравиҭь! Послѣ етого ёнъ поѣхавъ дальше по своёмъ пуҭю. Дальше наѣзжаеҭь къ етой таблицы справядливый богатырь. Глянувъ на таблицу и думаеҭь самъ сабѣ: што тутъ за такѐй явився сильникъ—нијакія чутки ня було объ яго, а тутъ

ёсь. И спереду не сустрѣкать, и ззади не догонять, а стрѣвши на колѣнки стать и шапку зьдѣть ды й проздравить! Ну, тутъ етый богатырь три версты кругу давъ и яго объѣхавъ и напярёдъ ставъ, ставъ на колѣнкахъ и шапку зьдѣвъ. Тоды говорить: здраемъ—жалаемъ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ!. Дѣ, прикажетя мнѣ, говорить, ѣхать: ти ззади, ти напередъ?—Ѣдь ззади, дрень! Той и поѣхавъ ззади. Ну, проѣхали яны кольки тамъ, пріѣхали къ лугу. Етый жа силный богатырь якъ пріѣхавъ, соскочивъ зъ лошади, такъ и пусьтивъ на прогулку. Такъ ина и загримѣла. Ну, а Хведоръ Набилкинъ свою пусьтивъ на рову на лугу. Етый жа богатырь расьпявъ свой шатёръ, а Хведоръ свой шатёрчикъ. Глянеть—глянеть—идѣ жъ яго лошадь? самъ тутъ, а лошади нѣту. А йна красуеть. Тоды, перепучувавши, богатырь ставъ истрить мечъ, а Хведоръ Набилкинъ—давай и ёнъ свою косу истрить. И тая жъ мечъ истритца тихонько, а коса звонить—дзынъ объ камень! Тэй богатырь и думаеть, што ето такое, што яго мечъ звенить почище моей? Тоды простояли яны тамъ два дни, на третій день приходить къ яму богатырь и говорить: „силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! просить васъ двѣ головы—цмокъ къ сабѣ на чесь—поборотца! Ну, етый што крупной силы побивъ, а мелкый, дыкъ и щоту нема.» Значитца, ёнъ получивъ повѣстку отъ змѣя. «Дыкъ ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажетя?»—Атъ, говорить: ты, говорить, дрень: буду я руки гадить такими пусьтиками! Богатырь той вышавъ, сицасъ свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—яго лошадь сицасъ оявляетца къ яму. А яго коло яго ходить. Тоды сѣвъ на лошадь и поѣхавъ къ тому цмоку. А тэй ждавъ, ждавъ—нѣту, дыкъ ёнъ ужу и самъ ѣдеть. И здѣлали стрѣчу. И цмокъ тэй спрашаеть у богатыря: што ты за такей: ти ты, говорить, Хведоръ Набилкинъ, ли ты побивъ большія силы, што и щоту нема?—Я, говорить. Слухаеть яго ужу затѣву. Подъѣхавъ и говорить: а ты што за такая птушка?—А вотъ, говорить, подъѣжжайка поближе! Ну, богатырь вынивъ свою мечъ съ подъ сѣдла, тоды цмокъ и спрашаваеть: ну што жъ, говорить: ти будемъ битца, ти миритца?—Нѣ, говорить, нячистая сила, ни на то я, добрый молодецъ, ѣхавъ, кабъ миритца, а на то, кабъ битца! Тоды примѣромъ ёнъ подъѣхавъ поближе. „Э, нѣ, говорить: младъ ты!“—Ну, младъ—не младъ, а будеть ладъ! Якъ двигнувъ меччу, такъ двѣ головы доловъ. Тоды сичасъ—надо жъ яму на призпакъ привезьти голвы, што убивъ. Ну, ёнъ усторнувъ на мечъ и вязеть одну голову на признакъ. Пріѣхавъ и спрашаваеть у яго, у Хведора Набилкина: гдѣ, говорить, прикажитя голову дѣть, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ? Отвищаеть ёнъ: брось у кусть! говорить

Тамъ, нямного думаючи, наѣжжаетъ яцо быгатырь на тую таблицу. Глянувъ ны яе и думаетъ: што такое ето оявилося? откуль ето? Ну, ѣдетъ дальши, нападаетъ на ихъ. Сицасъ злѣзъ зъ лошади и пусьтивъ. Тая и полятѣла на крусуваньня. Нямного зпоровя, пусьтёмши лошадь, и подходитъ къ Хведору Набилкину: надожъ чесь отдать. Хведоръ Набилкинъ спрашаваетъ: хто ты такей?—Я, говоритъ, богатырь!—Ну, пожалуй зъ нами умѣсьти! Ну, тэй расьпявъ свой шатёръ и занучували. Назаутрего подходитъ етый богатырь и спрашаваетъ у яго: здраемъ—жалаемъ! Вотъ проситъ васъ къ сабѣ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ, такей и такей поганый цмокъ съ 4-ми головами повоюватца? Ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажатя?—Ѣдь, дрень, ты! Етый сицасъ устаётъ, свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—лятитъ лошадь. Осѣдлавъ, и поѣхавъ къ етому поганому цмоку на чесь—побитца. Сицасъ пріѣжжаетъ къ дому къ яго, а ёнъ сицасъ узнавъ, што ето ѣдетъ силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ. Выходитъ къ яму пѣшомъ и спрашаетъ: што ты ёсь за силный могучій, што ты такъ почестно и поздно ко мнѣ оявляесься?—Я Хведоръ Набилкинъ! Я пріѣхавъ къ табѣ битца.—Ну пріѣхавъ, дыкъ давай битца! Стали битца—дыкъ ёнъ яго зьбивъ, змясивъ, головы подрубивъ, узявъ сторнувъ голову на мечъ повезъ на показъ. Пріѣжжаючи, лошадь сицасъ пусьтивъ и патаетъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ: гдѣ прикажетя дѣть голову?— Брось, дрень, говоритъ, у кустъ и ту!

На третій день приходитъ первый богатырь и говоритъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! проситъ васъ такей то зьмѣй, поганый цмокъ, зъ восьмя головами на чесь, пугулять, повоюватца. Мы удвохъ зьѣздили, а вамъ таперь ѣхать.—Ну, слушаю!—Тольки, говоритъ, я сьвисну свою лошадь, и вы сядьтя на мою богатырськую лошадь и ѣдьтя къ яму!—Ничого, говоритъ: подать мнѣ мою дрень! Яны сицасъ тутъ яму засидлали яго лошадь, ну ёнъ сѣвъ на лошадь и поѣхавъ. Ѣдетъ—отъ, якъ мужикъ пахатъ съ сохою—прытко дужа, хвабро. А тоды тэй цмокъ ждавъ—ждавъ богатыря Хведора Набилкина и не дождався. Не дождавшись богатыря, ѣдетъ къ яму самъ. И дѣлаютъ стрѣчу на дорози. Тоды ёнъ объявляетъ яму: ти ты силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ?. Тэй мовчавъ—мовчавъ. а тоды дай утекать оть яго. Назадъ! И не попавъ на тую дорогу, ды на другую, на глухую. И уперся у болото. Дыкъ и ёнъ свойго коня утопивъ у болото, и цмокъ и коня утопивъ и самъ утопився—вѣдомо, ёнъ тяжкій. Тоды ёнъ вярнувся назадъ—а у яго тольки головы тырчатъ. Ухвативъ ёнъ яго мечъ и давай головы сѣчь. Замахнувъ разъ—двѣ головы сьтявъ;

другей—ящо двѣ сьтявъ—и такъ уси восемъ головъ сьтявъ. Тоды, узявши ету мечъ на плечи, кинувъ лошадь свою у болоти, бы ня вытягнеть, и пошовъ къ богатырямъ. Пришовши къ богатырямъ, кричить: эй! сицасъ отправтесь отъ у такое то и такое мѣсто, дѣ я боровсь, и приставтя мнѣ мою лошадь и голову на признакъ—я сьтявъ уси восемъ! Тыя думають: што йто ёсь, откуль ето оказія такая? Ну, поѣхали яны туды, найшли тое мѣсто и мизь сябе дѣлають, разговоръ: мы ѣзьдимъ по сьвѣту, силу оявляемъ, а ёнъ што такей за сильный, што не являвся и мѣеть такую силу? И убивъ яго у грязь и съ туловомъ, зъ лошадьдю, и головы посымавъ? И чимъ ёнъ тутъ посымавъ? Глядѣть ненавошто! Коса, ды й усё тутъ. Во сила! Тоды узяли стаго коня и понясьли подъ пахою. И принесши яму примѣръ, отъявляють: дѣ голову дѣть?—Брось дрень, говорить, у кусть!

„Ну, тяперь, говорить, господивъ Хведоръ Набилкинъ, сильный могучій богатырь, пойдемъ къ царю на чесь. Ёсь у царя Винограда три дочки, и мы женимъ васъ и будемъ слухыть вашего приказу—што скажетя, то будемъ и дѣствувать?“ Обчисьтили, обхолили яго, усё поприбрали хольно, браво, и говорють: сильный могучій богатырь: якъ вамъ не совѣстно на такой лошади ѣзьдить?—Пущай сабѣ, говорить: мяне познають и у стомъ! Яны спрашавають у яго: или намъ повѣстку дать, говорють, царю, ти такъ ѣхать?—Нѣ, говорить, надо повѣстку дать. Я сицасъ напишу! Сицасъ написавъ, што такого то числа, такого то мѣсица я буду къ вамъ у сваты, къ царю Винограду.—И пославъ одного богатыря съ повѣсткой. Тоды другей богатырь спрашаеть: когда жъ мы, говорить, поѣдемъ у сваты?—А якъ повѣрнеть, говорить, тэй! Ну, сицасъ пріѣжжаеть етый богатырь отъ царя Винограда и подаеть яму повѣстку: што прошу милысьти прибыть ко мнѣ и съ своими слугами! Нядовго думаючи, ёнъ вялить сицасъ богатырёмъ своимъ прибиратца ѣхать у сваты. Отжили на лугу дыстатошно.

Ну, яны собрались и поѣхали. Якъ свиснувъ одинъ богатырь молодецкимъ посвистомъ, дыкъ ажъ горницы уси заколотились. Ну, царь Виноградъ говорить: дочки моѐ, говорить: выходитя къ силному могучему богатырю Хведору Набилкину, стрѣньтя, яго со усёю благородносьтю! Дочки тыя собрались, стрѣтили яго и пувяли яго у горницы, и много пріудовольствія дали имъ усякаго. И дивютца што ёнъ—такей, а слуги яго такѐя. И большая говорить: я пойду, обручуся зъ имъ! А меньшая: нѣтъ, говорить, я обручусь! А малая говорить: а кому, говорить, отецъ, царь Виноградъ, позволить, тая зъ имъ будеть и жить! Ну, споровали —споровали, большая пожелала изъ имъ обручитца. Ну, а малая и сярёднія пожелали изъ яго прислугами. Тольки яны побыли у госьтёхъ

три дни, на чатьвёртый день обручилися уся три —Хведоръ Набилкинъ зъ большою, одинъ богатырь съ середней, а тэй другёй богатырь зъ малою.

Тольки яны стали жить у царя Винограда и почувъ цмокъ—Шутъ, што стакій у яго зять съ прислугами, и оявляетъ царю Винограду,— што попробуемъ, говоритъ, битца—хто кого переможетъ! И присылаетъ повѣстку къ яму, кабъ на такое и такое число на плящъ собратца воинство дѣлать.—Царь Виноградъ призвавъ Хведора Набилкина и говоритъ: ну, што, мой зяць: якъ мы будемъ распоряджатца? Силы у насъ мало, у яго у три рѣди силы боли, якъ у насъ—ужу намъ ня жить, ёнъ насъ выгонить изъ дому!—А вотъ, батюшка, говоритъ, царь Виноградъ прискольки у васъ ёсь шавцовъ, кравцовъ, сторялёвъ и плотниковъ—прикажитя, кабъ уси були сюды на дворъ къ намъ съ своимъ струменсотомъ! Ну, тутъ сицасъ царь Виноградъ приказавъ усимъ оявитца. И собралися уси чисьтенько—плотникъ съ топоромъ, шавецъ съ шильлемъ, съ копыльлемъ, кравецъ зъ ножнями съ иголками, бондарь зъ размѣромъ, съ заторомъ. Сицасъ царь Виноградъ и патаетъ: зять мой Хведоръ Набилкинъ: што ты будешь дѣлать зь етыми зь людями?—А будемъ дѣлать деревянныхъ людей! Выставлять будемъ на плящъ, адѣ битца. Сицасъ, дождавши того урemя, што битца, усихъ чисто повыставляли: побшили усихъ, подѣли и повыставили, и муницу пристроили. Ну, появку дали цмоку—Шуту: выходи бой дѣлать! Ну, ёнъ вышовъ зь людями—скольки у яго тамъ було—зьвѣстно, зь-истари корэльки были не бальшэя! Тольки, примѣромъ, етый цмокъ—Шутъ глянувъ у подзорную трубку, што люди уже стоять драку дѣлать—ёнъ говоритъ: старайтесь, говоритъ, ребяты, кабъ намъ побить войську царя Винограда! Сицасъ подходють къ плящу, давай битца, давай стрѣлять. Бивъ— бивъ—отъ ихъ ни крику, ни зыку, ни виску, ничого нѣту—вѣдомо дерево—якъ ударють, дыкъ ёнъ бурдэль—и повалитца. И цмокъ—Шутъ повыпаливъ уси запасы, и не убили никого. Ну, поѣдемъ, каеть, на рукопашь! Тоды пришли на рукопашь, ажны дерево. А яны стоять на затлёти, кабъ на ихъ стрѣлъ ня йшовъ. Ну, тоды видитъ тое, што запасъ у ихъ вышовъ, Хведоръ Набилкинъ говоритъ: „ну, принятца, говоритъ, братцы, у щирую правду!“ Ну, тымъ ти довго—сицасъ силу тую побили, потусували и цмока—Шута у полонъ забрали и къ царю Винограду приставили налишно. Тоды царь Виноградъ говоритъ: ну, якъ мы будемъ, говоритъ дялить?—А Хведоръ Набилкинъ говоритъ: я, говоритъ, останусь у твоёмъ доми, а моѐ слуги пойдутъ у царство у Шутово!—Нѣ, говоритъ: пущай твоѐ слуги у моёмъ доми, а ты отправляйся у Шутово царство. (Познавъ.) Тоды ёнъ поѣхавъ у тое царство и ставъ тамъ жить. И жана у яго патаетца: хто ты такэй ёсь, и зачимъ у тя-

бе не такая сила, якъ у тыхъ прислугъ трехъ?—А я, говорить, такей, што ня силой воюю, а розумомъ.

Записано мною въ д. Хаходахъ родильской вол. клим. у. Отъ кр. Степана Павлова, 80 л. неграмотнаго.

57. Сынъ продадёный.

Бывъ мужъ жъ жаною. Помѣли яны четьверо дятей. Помёръ батька, помёрла матка, зостались дѣтки одны. Ну, яны коло людей кое якъ повыросли. Можеть, сынъ бывъ бóлшій. Ставъ ёнъ у людей пытать: ти ня можно бъ мнѣ жанитца? И подстроили яму̀ люди, што можно жанитца. Ёнъ посватався и жанився. Тяперь спрашиваеть у жаны: «жана моя милая, жана моя любая! примимъ мы зятя къ бóльшай сястрѣ, видь мнѣ болшы помочи будеть!“ Тольки жъ яны такъ зрядилися, ѣдуть сваты къ той болшой. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говóрить: мѣли бъ мы зятя принять, а тяперь сваты хорошіе: оддадимъ мы яѐ, а можа примимъ къ сярёдней. Оддали жъ яны яе, вясельля згуляли. Тольки пріѣхали зъ вясельля, ѣдуть другіе сваты къ сяредней. Вотъ ёнъ опять жъ жаною говóрить: «имѣли мы принять къ ёй зятя, ды оддадимъ и ету: тó былй сваты хорошіе, а еты еще луччи. А можа къ меньшай примемъ!» Оддалй жъ яны и ету, вясельля згуляли. Покуль зъ вясельля пріѣхали, ѣдуть третьтіе сваты. Тó были хорошіе, а еты еще луччіе. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говорить: «имѣлись зятя принять, ды то былй сваты хорошіе, а еты еще луччіе: оддадимъ и ету!» И оддали. Живуть яны тоды нядѣлю, другую и третьтію самъ-другъ жъ жаною, поодлававши. Тяперь ёнъ говóрить: «жана моя милая, жана моя любая! Съѣжжу я къ сёстрамъ у госьти: дóбро, што за добрыхъ оддали, а икая имъ жисьть, задобросьть, отъѣдаю!» Запрёгъ лошадь и поѣхавъ. Заѣхавъ къ бóльшай сястрѣ. Дала ина яму̀ чесьти, такія хорошія. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть другія, гуляеть и третьтія. Здалóся яму̀ троя сутокъ прогулявъ, ажъ прогулявъ три годы̀. Тяперь выправляеть яго сестра удвóру: «ѣдь, мой брахнинька, ѣдь, мой родной, удвору!» Даеть яму̀ чресло денегъ удвору, а ёнъ ёй говóрить: «ахъ, моя сястрица рóдная,“ штожъ я тябе, бóльшай сястрицы, довѣдався, хотѣлось бы довѣдатца сяредней сястрицы!»—Ну, брахнинька мой, куды сабѣ хочешъ, поѣдешъ, тольки я тябе выправляю! Тяперь ёнъ запрёгъ лошадь, попрощався съ етою сестрою и поѣхавъ. Заѣхавъ къ сяредней сястрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть ёнъ другія, гуляеть и третьти. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы̀. Выправляеть яго сястра удвору и даеть яму̀ чресло денегъ. „Ѣдь, мой брахнинька, удвору!“—Ахъ, моя сястрица: што я васъ двухъ сясьтёръ

довѣдався, хотѣлось бы мнѣ довѣдатца третьтей сястры.—„Ну, мой брахнинька, ѣдь куды хочешь, тольки я тябе выправляю!“ Вотъ ёнъ пошовъ, лошадь запрёгъ, съ сестрою попрощався и поѣхавъ. Заѣхавъ жа ёнъ къ третьтей сяетрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть ёнъ другія, гуляеть и третьти. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы. Тяперь выправляеть яго сестра удвору и дасть яму на госьтинецъ чресло денегъ. Пошовъ ёнъ, запрёгъ лошадь, подъѣхавъ подъ крылцо, простився зь ёю, поцаловався, и говòрить ина яму: „будеть табѣ, брахнинька, на дорози три шинкù, не заѣжжай ни въ вòдинъ шинкъ, а ежали тольки заѣдешь, потеряешь чересло денегъ!“ Поѣхавъ ёнъ. Ѣдеть и видить напèреди шинкъ. И думаеть: чаго мнѣ заѣжжать? видь у мяне на возу много питенья и ѣденья. Вотъ выбѣгаеть ишъ шинку шинкарь и кричить: „эй, добрый человѣча! Зачимъ ты насъ миновавъ? ти табѣ жаль тэй копейки, што бъ ты намъ сè давъ? Мы бъ ёю покормилися. Ты проѣхавъ, другій объѣдеть, а третьтій обойдеть,—съ чаго жъ намъ жить?“—Мусивъ ёнъ заѣхать. Выпивъ и закусивъ. Узновъ сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ—у кармани нема денегъ чересла. Ну, того уже не вèрнишъ, што потерявъ, поѣхавъ и думая: „ну, тенерь у другій шинокъ ни за што не поѣду!“ Пріѣжжая къ другому шинку и не взиряеть на яго. Выбѣгая шинкарка, догоняя яго: „эй, человѣча добрый! што ты насъ обижаешъ, ти тябе бъ ета копейка добила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? Вы пàнитя, сѣетя, а мы зь етаго хочемъ прокормитца. Ты проѣхавъ, другій объѣдя, а третьтій обойдя!“ Мусивъ ёнъ вярнутца, заѣхавъ. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ у карманъ—другого чересла̀ нема денегъ. Ну, такъ ёнъ и думая: „потерявъ два чересла̀ денегъ, а съ третьтимъ вернусь удвору. У етый третьтій шинкъ ни за што не поѣду“. Ѣдеть ёнъ къ шинку, не взиряеть на яго, объѣжжаеть. Выбѣгаеть тожа шинкарская дочь, догоняеть его и кричить: „эхъ, человѣча добрый! Зачимъ ты насъ обижаешъ? ти тябе бъ тая копейка убила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? мы зь етаго живёмъ, кормимся. Ты объѣхавъ, другій объѣдя, третьтій обойдеть,—съ чаго намъ жить?“—Мусивъ ёнъ зайти. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало ѣхавъ, цапъ за карманъ—нема ни вòднаго чересла̀ денегъ. Пошкрабавъ, пошкрабавъ головку,—што потерявъ, того не вèрнишъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, захотѣлось яму̀ пить. И тожъ нійдѣ воды нема, ни рѣки, ни возира, ни колодижа, нійдѣ ничого нема. Ѣдеть ёнъ, и видить въ сторонѣ буцомъ криница. Пріѣхавъ туды, такъ и ёсь—криница и трава хорошая. „Выпрягу коня, воды напъюся, конь оддыша и травы поѣсъ!“ Лёгъ ёнъ одыхàть и заснувъ

Видить ёнъ во снѣ: приходить къ яму̀ Бязсмертный Кащъ и говдря: „Што ты вѣдаешъ, добрый человѣча: оддай ты мнѣ тоя, што ты у дворѣ не вѣдаешъ, дыкъ я табѣ оддамъ три чересла денегъ.“ Думавъ ёнъ, думавъ: што я ў дворѣ ня вѣдаю? одна жана осталась! Такъ ёнъ во снѣ и отказывая: „а ўжожъ нехай сабѣ табѣ тоя, што ў дворѣ ня вѣдаю!“ Ёнъ яму̀ сонному уклавъ три чреслы̀ денегъ и писямцо. Проснувшись, ёнъ цапъ за карманы—и видить, што деньги опять при ёмъ, и говдрить: слава Богу, што деньги вярнулись! Съ радосьтю запрёгъ коня, сѣвъ и поѣхавъ.

Пріѣжжаеть къ своёй жанѣ, и не знавъ того, што жану оставивъ беременную, и родився ў яго сынъ, и за девить лѣтъ наўчився грамоти. Яму̀ ўсё казалось, што ёнъ пробывъ девить сутокъ. Подъѣжжая къ двору, яго ўстрѣчая яго сынъ и говдря: „здраствн, отецъ!“ Тоды ёнъ кусь сябе за губу̀, подумавъ: „вотъ кого я оддавъ, чаго не вѣдавъ!“— Узъѣхавши ў дворъ, сынъ отпрёгъ лошадь, прибравъ яго хорошенько и ўбѣгаеть у хату. Говдрить яму отецъ: „вытопи ты мнѣ баню!“—Хорошо, батюшка, вытоплю! Приготовивши ўсё, говорить отцу: ўсё ўже готово, ступай у баню! Ёнъ пошовъ, а сынъ говдрить матцы: „посмотрю я у батюшкины карманы, ти не привёзъ ёнъ мнѣ якого госьтинца?“—Поляди, мой сынокъ! Ёнъ полядѣвъ. Цапъ—три чересли пашовъ денегъ. Такъ ёнъ обрадовався стому: будеть, матушка, на нашъ вѣкъ! И пашовъ сто писямцо. „Нѣ, матушка: не радуйся стыми деньгами и пріѣздомъ батюшки: або оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащею, яму на ўслугу.“ Такъ и заплакавъ ёнъ, заплакала мать. Приходить отецъ зъ бани, а яны плачуть. „Чаго вы, чаго вы?“—Што жъ ты не бачивши, ня видивши сына, оддавъ Бязсмертному Кащею яму на ўслугу?“ Ну, нямного побывши, выбираетца стый сынъ, прощаетца зъ маткою, зъ батькою и говдрить: я пойду̀, тольки не пойду яму̀ служить, а по волному свѣту ходить. И пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много—мало пройшовъ, стоить хатка при дорози. Ёнъ уходить у тую хатку, тамъ сидить дѣвка, шіить, вышиваить. „Здраствн, дѣвка!“ — Здраствн, Иванъ Ивановичъ, силный, могучій богатырь. Куды Богъ нясеть?—„Не спрашивай, дѣвка, а дайка лучче мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, помытца, побѣлитца и пообѣдать“. Ина сичасъ узила, цебирь пива поставила и брюсъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, побѣлився, сѣвъ за столъ. Ина ўзила, кувалокъ хлѣба отрѣзала и кувалокъ сыру. Ёнъ сѣвъ и пообѣдавъ. „Вотъ тяперь, говорить, дѣвка, пытайся ў мяне, куды мяне Богъ нясе? Оддавъ мяне батька Бязсмертному Кащею, тольки я яму̀ не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить“.—Ну, ляжь ты, поддышъ не-

множко, а я выйду на крыльцо, посмотрю, ти ўвойдешъ, ти не ўвойдешъ отъ Бязсмертнаго Кащея! Крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ посвистомъ. Лятить къ ёй пташтва, што ёсь на свѣти, уси слетѣли. Теперь ина будить: „устань, Иванъ Ивановичъ, силный, могучій богатырь, посмотри, што ў мяне на дворѣ дѣетца! Ёнъ спрашиваеть у пташтва: „ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кащъ прибываеть?“ Пташтва отказывая: „Мы увесь свѣтъ злётаваемъ,—Бязсмертнаго Каща нигдѣ не видали!“ Тоды ёнъ зъ дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ. Такъ ёнъ узрадовався, што пташтва яму сказали, што яго быцъ у свѣти нема. Пошовъ дальшъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много, ти мало пройшовъ, опять стоить хатка при дорози. Тамъ сидить дѣвка, шіить, вышиваить. Ёнъ уходить у хату: „здрастви, дѣвка-дѣвица!“—Ина отказываеть: здрастви, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясеть?—„Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясе, а дайка мнѣ цебирь пива, да брюсокъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко!“ Ина ўзила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, подбѣлився. Ина ўзила, кувалокъ хлѣба отрѣзала, кусокъ сыру положила. Ёнъ сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. Тяперь я табѣ скажу путь-дорогу. Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащею на услугу, а тольки я яму не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить.—Лягь, поддышъ немножко, а я выйду посмотрю: выйдешъ, аль не выйдешъ отъ Бязсмертнаго Кащея. Вышла на крыльцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идеть къ ёй усё звѣрьё, што ни ёсь на свѣти. Тельки одныхъ ильвовъ не было. Ина будить яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што у мяне на дворѣ дѣетца?“ Ёнъ уставъ и зирнувъ у вокно,—такъ и спужався, што тамъ дичь такая. „А ты не пужайся, а свойго пытайся“. Тяперь ёнъ говорить: вы по свѣту ходитя; ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кащъ прибываеть? Звѣрьё отказываеть: мы увесь свѣтъ сыходимъ, а Бязсмертнаго Каща нигдѣ не видали! Такъ ёнъ узрадовався, што быцъ яго у свѣти нема. Тяперь ёнъ съ стою дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ сутки, ишовъ другія,—стоить хатка при дорози. Тамъ сядить дѣвка, шіить, вышиваить. „Здрастви, дѣвка-дѣвица!“ —Здрастви, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясеть? —Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясеть, а дайка мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко. Ина ўзила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила и кувалокъ хлѣба отрѣзала и кусокъ сыру подала. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся,

побѣлився, сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. „Вотъ тяперь пытайся ў мяне путь-дороги! Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кацу на услугу, ну тольки я не пойду яму̀ служить, а пойду по волному свѣту ходить!“— Ляжъ поддышъ немножко, а я выйду, посмотрю—увойдѐшъ, аль не ўвойдѐшъ ты отъ Бязсмертнаго Каца? Ина вышла на крылцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идуть къ ёй уси львы, што ёсь на свѣти уси сошли. Тяперь ина будить яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што ў мяне дѣтца на дворѣ?“ Ёнъ уставъ, посмотрѣвъ въ окошко, такъ и спужався. Дѣвка отвѣцаеть: „ты не пужайся, а ў мяне пытайся!“ Тожъ ина зирнула въ окошко и видить, што трёхъ ильвовъ нема. Ина вышла на крыльцо, якъ свиснула, такъ листъ отпавъ. И идуть тыя три львы. Ина спрашіить: „идѣ вы хо̀дитя, идѣ забарилися? За вами давно харчуемся?“ —Мы видь были̇̀ у работи.—„У якой жа вы были работи?“—Мы чисьтили мо̀ря Бязсмертному Кацу—яго до̀чкамъ купатца! Такъ ёнъ спужався. А ина кажить: „ты не пужайся, а ў мяне пытайся. На̀ табѣ клубочекъ, иди жъ ты съ етымъ клубочкомъ туды и туды, будя тако̀я и тако̀я мѣсто, дыкъ ты тамъ сядь и сиди. И будеть лятѣть одипа̀дцать голубокъ, сядуть яны коло моря, разбярутца—и стануть дѣвки злишныя, што разлюбоватца ими. Ну штобъ яны тябе ня видили. По̀йдуть яны мытца—бѣлитца, помыютца—побѣлютца, выйдуть вонъ, узповоодяютца и полетять. А будеть летѣть одна̀ и тая сядя коло моря, разбярѐтца и ина. То дѣвки излишныя, а ета еще излишнѣй. По̀йдеть жа ина мытца—бѣлитца, а ты тымъ уремямъ украдься якъ-нибудь, да украдь яѐ одѣяньня. Тяперь ина выйдеть вонь, хва̀титца—одѣяньня нема. Ина тамъ туды—сюды, глядь—глядь на ўси стороны—нема одѣяньня. Дыкъ ина прійдеть къ табѣ и скажить: ты мой мужъ, а я твоя жана, оддай мнѣ моё одѣяньня! Ты ёй одѣяньня оддасй. Тяперь ина одѣнетца, порхъ и полятѣть, а ты етымъ клубкомъ швырни, коло пальца обвярни концомъ ниточки, клубочекъ зачепитца за яе, ты кончикомъ шморьгни и притянишъ яѐ къ сабѣ.“ Вотъ ёнъ, попрощавшись, и пошовъ по тыхъ примѣтахъ, якъ ина яму̀ сказала. И нашовъ тоя мѣсто, идѣ яму сѣсть. Ёнъ сѣвъ и сидѝть. И видить—лятѝть одинадцать голу̀бокъ, сѣли коло моря, сѣли, разобра̀лися, пошли мытца—бѣлитца—дѣвки злишныя! Помылися—побѣлилися, вышли вонъ. Надѣлися и полятѣли. Видить ёнъ—лятить ще одна голубка. И тая сѣла на тоя мѣсто, разобралася, и стала дѣвка злишная: то были пригожія, а ета ще луччая. Пошла ина мытца—бѣлитца, а ёнъ повзкомъ къ одѐжи. Якъ повзти, такъ повзти, и заволокъ къ сабѣ то одѣяньня, идѣ сидѣвъ. Ина вышла изъ воды, глядь—глядь—идѣ моё одѣяньня? Во ўси стороны разглѐдила

—нема одѣяньня. Ина тутъ стала спрашивать: „хто тутъ ёсь, хто зъ мяне сосмѣявся? Чимъ ёнъ жалая, тымъ и будя, тольки оддай моё дѣяньня!“—А ёнъ усё мовчить. „Ежали старый, будя мой батюшка рòдный, ежали сярèднiй—будя мой дядюшка родный; ежали холдстый, будя мой мужъ вѣрный. Тольки оддайтя моё одѣяньня!“—Ёнъ тяперь отвѣсьтiвъ. Ина прихòдить къ яму̀ и говдрить: „ты мой мужъ, я твоя жана, оддай моё одѣяньня!“ Ну, ёнъ и оддавъ ёй одѣяньня. Ина одѣлась, пырхъ и полятѣла. А ёнъ стымъ клубочкомъ, коло палца ниточкою завяртѣвши, за ею шибень! и швырнувъ. Клубочекъ яѐ и зачапивъ. Ёнъ клубочекъ сморыгъ къ сабѣ и притягнувъ къ сабѣ яе. Ну, ина говòрить: „я хитра, а ты еще хитрѣй!“ Присягнули яны одинъ другому: што будя, то будя, уже не разлучатца одинъ зъ другимъ; будя дòбро, обòимъ будя дòбро, будя худо, будя обòимъ худо. „Ты къ нашаму батюшку идèшъ, садись на мяне!“ Ёнъ сѣвъ на яе и ина потащила яго. Прилетаютъ къ батюшкину двору. Иди жъ ты, говòря, къ мойму батюшку. Ёнъ на тябе закричить: идѣ ты забàвився—забарѝвся, давно надо было быть! А ты отказывайся, што дорога велѝка, обножився. Тяперь ёнъ скажить: „ничаго“—и будя тябе посылать на станцыю. Ты на тую станцыю ня йди. Пошлѐть ёнъ на другую, ты й на тую станцыю ня йди. Пошлѐть ёнъ и на третьтiю, и на четьвёртую, и дальшы, и дальшы. И пошлѐть ажъ на двѣнадцатаю. Вотъ на тую ты иди,—тò моя станцыя будя. Тяперь жа ты пòйдешъ на мою станцыю, ёнъ пришлѐ табѣ харчи. Ты первыя харчи не ѣжъ, ёнъ пришлѐ табѣ другую харчу, ты и той не ѣжъ, и будеть присылать до двѣнадцати. Ты и одинадцать не ѣжъ, а двѣнадцатаю можно съѣсть: то харча будеть моя. Ну, такъ и вышло. Пошовъ ёнъ на двѣнадцатаю станцыю, зьѣвъ двѣнадцатаю харчу.

Прилетаеть туды къ яму̀ полюбовница яго и говòрить: „сходи ты къ батюшку, можа ёнъ загадая што здѣлать табѣ?“ Ёнъ пошовъ туды, а Кащъ говоря: завтря рано приходи ко мнѣ! Ёнъ переночевавъ и назавтря пошовъ къ яму̀. Пошовъ къ яму, а ёнъ сидѝть за столомъ и спрашiить: „што ты ко мнѣ ходишъ?“ А ёнъ говòря: што ты, батюшка, велѣвъ мнѣ повутру приходѝть.—„А вотъ, штобъ ты за сеѐношнаю ночь здѣлавъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонили, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!“

Прилетаеть къ яму̀ яго полюбовница, спрàшiить у яго: што табѣ батюшка казавъ?—А што жъ ёнъ казавъ? Казавъ, штобъ я за сеѐношнаю ночь построивъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонились, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!—Ну, ложись спать: сто у̀сё будя здѣлано! Переночевавъ жа ёнъ, а цэрква уже готова. Посылаеть ина яго узнова къ батюшку,—можеть ёнъ загадаеть табѣ дѣлать што нибудь?

Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидӣтъ за столомъ и спрашіӣтъ: што ты хо̂дишъ ко мнѣ?—А што жъ я хожу: т̄и гулять жа? можа што загадаетя, што д̄ѣлать?—Да, хорошо. А цэркву ты зд̄ѣлавъ?—Зд̄ѣлавъ!—Охъ, не самъ ты ето зд̄ѣлавъ: которая, да которая дочка̂ моя показавала табѣ!—Нѣ, говдря, нихто мнѣ не помогавъ, нихто не показававъ. „Ну, кабъ ты за сеѐношнаю ночь выкопавъ мнѣ канаву отъ своеѝ станцыи до моеѝ, семъ сажанеѝ ширины и три сажни глыбины, и кабъ по ёй вода пошла, и зд̄ѣлавъ лотку и вясло̂, и кабъ ты пріѣхавъ по етой канави ко мнѣ!" Прихо̂дӣтъ ёнъ на свою станцыю, прилетаетъ къ яму̂ яго полюбовница, спрашіӣтъ у яго: што табѣ мой бат̄юшка казавъ?—„А штожъ ёнъ казавъ? кабъ я за сеѐношнаю ночь отъ своеѝ станцыи до яго выкопавъ канаву, семъ сажанеѝ ширины, а три сажни глыбины, и кабъ зд̄ѣлавъ лотку и вясло, штобъ по канави вода пошла, кабъ я завтря у̂раньни по етой канави у новой лотки пріѣхавъ къ яму̂!" А ина яму говдря: ложись спат̄ь, усё будя зд̄ѣлано!—Ну, переночевавъ, пазавтря садитца у лотку, ина яму̂ говдря: не грябися жъ весломъ, а грябися рубомъ, або мой батюшка скинетца щукою и проглыне т̄ябе, а ты яму языкъ прирѣжъ, вотъ ты и проѣдешъ! Ну, ёнъ сѣвъ у лотку и поѣхавъ. Ажъ такъ и стало. Пріѣхавши на берегъ, усьт̄ягнувъ ёнъ на берегъ лотку и пошовъ у̂ станцыю. А бат̄юшка ие бывъ у вод̄ѣ и у̂же за столомъ сидӣтъ. Спрашиваетца ёнъ у яго: „што ты ко мнѣ хо̂дишъ?"—Што жъ я хожу? Бат̄юшка жъ вялѣвъ мнѣ по новой канави у новой лотки пріѣхат̄ь къ яму̂!—„Охъ, не самъ ты ето д̄ѣлаешь—которая, да которая дочка помогая табѣ!"—Нихто мнѣ не помогая, нихто мнѣ не пособляя!—„Ну, иди на станцыю, увечару̂ ко мнѣ прихо̂ди!"—Ёнъ пошовъ на станцыю. Што ёнъ тамъ д̄ѣлавъ, т̄и лежавъ, т̄и нѣ, а у̂вечару къ яму̂ пошовъ. Ёнъ тожъ сидӣтъ за столомъ и спрашіӣтъ: „што ты хо̂дишъ ко мнѣ? Приходь завтря повутру: ежали ты узнаешъ мою бо̂льшаю дочь, а свою невѣсту, я т̄ябе буду жаниг̄ь, а не у̂знаешъ, я т̄ябе страчу!"

Прилетая яго полюбовница къ яму̂. „Што табѣ бат̄юшка казавъ?"—Што жъ ёнъ казавъ? Сказавъ: ежали я угадаю его бо̂льшаю дочь, будя жанит̄ь на ёй, а не у̂гадаю—стра̂т̄я."—А йна кажит̄ь яму: „завтря у̂раньни бат̄юшка призовет̄ь насъ усихъ къ сабѣ, зд̄ѣлаетъ голу̂бками и посыпит̄ь намъ ѣсь. А кабъ ты знавъ мяне, то я у̂сихъ буду клюват̄ь и перепа̂рхуват̄ь зь мѣста на мѣсто. То й лови мяне!" Вотъ ёнъ уставъ повутру и пошовъ къ яму̂. Ёнъ сидӣтъ за столомъ и спрашіӣтъ: „Што ты ко мнѣ ходишъ?"—А што жъ я хожу̂? Мнѣ батюшка прика̂зыит̄ь угадават̄ь своеѝ дочки̂, а моеѝ нявѣсты! Ёнъ кажит̄ь: „да, ступай на тую и тую станцыю, бу̂дешъ угадават̄ь." Покуль ёнъ порогъ переступивъ одинъ—другій, а яны уже тамъ, и кормютца. „Ну, угадавай,

мижъ етыхъ!“ Одна похажіить и поклёвуваить. Вотъ ёнъ и ухапивъ яе. „Ина ваша дочь, а моя невѣста!“—„Ну, угадавъ сягодни, угадай и завтря. Увечару ко мнѣ приходи, а тяперь иди на станцыю!“—Ёнъ вечера дождавъ, а увечару опять къ яму пошовъ. Ёнъ сидить за столомъ и спрашиваетца у яго: што ты ко мнѣ ходишъ? — „Што жъ я, батюшка, хожу? Увечару мнѣ батюшка вялѣвъ приходить!“ —Завтря ураньни приходи ко мнѣ: ежали узнаешь мою старшаю дочь, жанить буду, а не узнаешъ, я тябе страчу! Прилетаеть къ яму яго полюбовница: „ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—А сказавъ: завтря ураньни приходи ко мнѣ; ежали узнаешъ мою большаю дочь, жанить буду, а не узнаешъ, я тябе страчу!“—„Вотъ, завтря якъ ты пойдешъ, увидишъ насъ двѣнадцать у батюшки, сидѣвши за столомъ. Будемъ мы дѣвками—красавицами, якъ одна, излишными, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, и трудно будеть табѣ узнать мяне. Якъ можно гляди на мяне: у мяне сядить муха на воко, дыкъ я буду вельми махать хвартухомъ, отгонять яе.“ Ну, тяперь ёнъ переночувавъ, намъ завтря идеть къ отцу, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: „чаго ты ко мнѣ ходишъ?“—А што жъ я хожу? мнѣ жъ батюшка вялѣвъ угадать своёй большай дочки, а моёй невѣсты.—„Да, ступай на тую и на тую станцыю, тамъ будешъ угадавать!“ Покуль ёнъ порогъ—другій переступивъ, а тамъ уже дѣвки сидять за столомъ, такія излишныя, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, сидять и пѣсьни пяють. Вотъ ёнъ похаживаеть коло стола и жджеть, поглидая, которая махапеть хвартухомъ. А отецъ, стоя ззади—скорѣй! кричить. „Ну, угадавай!“ Вотъ ина маханула хвартухомъ, а ёнъ цапъ за яе: „вотъ ваша дочь старшая, а моя невѣста!“—Ну, угадавъ сягодни, угадаешъ и завтря. Ступай на станцыю, а увечару ко мнѣ приходь! День днювавъ, и увечару къ яму пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ. „Што ты ко мнѣ ходишъ?“—А што жъ я хожу? мнѣ батюшка вялѣвъ увечару приходить. „Да, завтря повутру ежали ты угадаешъ мою большаю дочь, а свою невѣсту—жанить буду, а не угадаешъ—тябе страчу!“ Пристаеть къ яму яго полюбовница и спрашіить: „што мой батюшка табѣ казавъ?“—Што жъ ёнъ мнѣ казавъ? Казавъ—завтря повутру приходи ко мнѣ, ежали ты угадаешъ мою старшаю дочь, а свою невѣсту, жанить буду, а не угадаешъ, я тябе страчу!—„Ну, вотъ жа мы пойдемъ завтря къ яму, поставить ёнъ одинадцать молодицъ, а мяне тамъ не будя. И скажа: угадавай мижъ етыхъ! А ты скажи яму: „нѣ, батюшка, мижъ етыхъ нема вашай большай дочки, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: якъ нема мижъ етыхъ? у мяне большы нема! А ты и у другій разъ скажи, што нема тутъ вашай большай дочки, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: до-

сюль жа ты угадававъ, ну и живъ со мною, а тяперь не угадавъ, ну й голову табѣ съ плечъ!. А ты скажи яму: смерть мнѣ, дыкъ смерть, а пусьти мяне, батюшка, перядъ смертю по твоихъ покояхъ покрасуватца. А ёнъ скажа: а й правда: скольки живѐ со мною, а моихъ покоевъ ще ниразу не видавъ, — хай покрасуетца перядъ смертю. Вотъ я въ одномъ такомъ то и такомъ покою буду сидѣть у запечку вельми поганою старухою, такъ што табѣ гадко будеть на мяне глядѣть, покой етый будеть запёртый и тябе не пусьтють туды. Дыкъ я кашляну, а ты спроси: хто жъ ето еще тамъ сидить ды кашляеть? Яны табѣ скажуть: тамъ у насъ сидить старая — престарая старуха, кашляеть. А ты скажи: треба полядѣть. Ну, яны тябе и пустють: „идѣ ёнъ, увидивши злишныхъ красавицъ, узглянить на яѐ!" Вотъ, ты якъ увойдешъ, дыкъ ня гребуй, а пойди ко мнѣ и сморьгни мяне за праваю руку и скажи: „што жъ вы брешитя! ето жъ ваша большая дочь, а моя нявѣста!" Дыкъ была я злишная красавица, а то еще позлишнѣю." Ну, такъ усё и вышло. Нечего Кащу дѣлать, надо яго жанить зь ёю! Сійчасъ заручины згуляли, повялй у цэркву и звинчали, гучное вясельля было.

Жили жъ яны тамъ зъ недѣлю ти зь двѣ, любовалися собою. Тяперь ина говорить яму: „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! сходи къ мойму батюшку и спроси у яго, ти ни загадаеть табѣ што — нибудь здѣлать?" Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: што табѣ треба, чаго ты ко мнѣ ходишъ?—А што жъ я хожу, батюшка? ти гулять жа мнѣ? Можа што загадаетя дѣлать?—Да, гулянаго хлѣба нѣту, треба што робить! Вотъ што! ёсь у мяне жеребецъ неукъ: штобъ ты мнѣ яго поучивъ! Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?"—Ничого худого не казавъ, а тольки сказавъ, што у яго жеребецъ—неукъ, дакъ кабъ яго поучивъ.—Мужъ мой милый, мужъ мой вѣрный! якъ ты ничого не знаешъ худого, то ты думаешъ, и мой батюшка ничого худого не сказавъ. Жеребецъ жа етый и ёсь мой батюшка; ёнъ имъ скинитца, и якъ ты прийдешъ къ яму, дыкъ ёнъ и проглынеть тябе. Побѣгла ина скорѣй у городъ и купила двѣнадцать пудовъ зилѣза и скувала яму булаву у двѣнадцать пудовъ и говорить: на, попробуй; ежали ета булава будеть табѣ лёгка, живы будемъ, а тяжка—пропали мы! Ёнъ узявъ яе на мезинецъ и мотаеть ёю, якъ соломинкою. „Ну, завтря ты пойдешъ къ яму, булаву ету сховай подъ праваю полу, а лѣвою рукою отчиняй вороты; якъ ты тольки отчинишъ, такъ ёнъ раскрывши ротъ къ табѣ, а ты яму булавою тряпляй мижъ ушми ударить; дыкъ ёнъ на колѣнки упадеть, а ты хватайся садитца на яго и поѣжжай. Якъ жа ёнъ тоя прочухая, што

ты яго тяпнувъ, дыкъ будя старятца подъ ноги тябе подбить. Ну, дыкъ ты узновъ яго помижъ вушъ тяпни. Будя тябе ёнъ носить—носить, а дылй начнѐ скидать тябе, кабъ ногами прытоптать, ну, ты узновъ яго тяпни помижъ вушъ!" Ну, назавтряго пошовъ ёнъ къ Кащу. Тэй и понёсъ яго.—Носивъ—носивъ, и увёзъ у такую багну, што одны вушки тырчать. Думавъ ёнъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Багна вельми вяликая, вытащить яго ниякимъ родомъ нельзя. Вотъ ёнъ узявъ, одно воко выколовъ и одно вухо отрѣзавъ, штобъ было што несьти батюшку на примѣту, што жеребецъ затопився.

Приходить ёнъ къ жанѣ, переночевавъ зь ёю, усё хорошо, якъ слѣдуеть. Навутро жана говорить: сходи къ мойму батюшку, можа ёнъ загадаеть што дѣлать? Ёнъ и пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: „што ты ко мнѣ ходишъ? А жеребца выучивъ?"
—Што жъ, батюшка, учивъ—учивъ, да ёнъ якъ увёзъ мяне у такую багну, што ниякъ нельзя было яго вытянуть,—одны вушки тырчать!.
—„Ну, надо было табѣ якую признаку узять, а то я не повѣрю. Можа ты продавъ яго?"—„Нѣ, батюшка, я ўзявъ!" И вынимая яму воко. Ёнъ приложивъ къ сабѣ, яно и зраслось; вынувъ вухо — и тоя зраслось. „Ну, ступай на станцыю, а ўвечару ко мнѣ приходь!"—Вотъ, увечару ёнъ собираетца ити, а жана яму говорить: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! на табѣ булку хлѣба и кусокъ сала. Досюль табѣ вороты были отчинены, а тяперь будуть зачинены. Дыкъ ты приди къ воротамъ и скажи: „милыя моѐ вороты, успусьтитя мяне на дворъ." И ў петники имъ сала кидѐль! Вороты и отчинютца. Узойдешъ жа ты на дворъ, кинутца къ табѣ собаки: яны тябе разорвуть. А ты имъ булку хлѣба кидѐль. Покуль яны яѐ зьѣдять, а ты ўтячешъ. Або мой батюшка усё это будеть самъ, и воротами и собаками!" Ну, такъ усё и было. Приходить ёнъ у комнату, а батюшка уже сидить за столомъ. „Чаго ты ко мнѣ ходишъ?"—А што мнѣ батюшка вялѣвъ увѐчари приходить.—„Завтря повутру приходитя ко мнѣ удвоихъ жъ жаною!" Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?"—А казавъ, кабъ мы завтря удвохъ пришли къ яму. — „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! якъ ты одинъ ходивъ, то мы были обоя живы, а якъ пойдемъ удвоихъ, то помирать намъ! Давай луччи утячомъ къ твойму отцу!"

Вотъ, яны сичасъ выбралиси, поклала ина своѐ рукавички на столъ и дала имъ своё ймя, и пошли наўходъ, а двери замкнули. Кащей ждавъ, ждавъ, не дождався, и посылая за ими: чаго яны ня йдуть? Пришовъ посолъ къ дверямъ: брязь-брязь по замку: „эй, сичасъ идитя, батюшка приказуя!" Рукавички отказують: сичасъ идёмъ! Кащъ пытая у посла: чаму яны ня йдуть? Ёнъ отказуя: „сичасъ, говорили,

придемъ!“ Ёнъ ждавъ, ждавъ, не дождався, опять посылая пословъ за ими: „Ай, скорѣй приходйтя, такъ батюшка приказуя!“—„Вотъ, сичасъ идёмъ!“ отвичають рукавички. Ну, посолъ и пошовъ назадъ. „Што яны? зачимъ ня йдуть?“—Сичасъ, кажуть, идуть! Ёнъ ждавъ, ждавъ: „нѣ, видно яны ня придуть, а треба самому йти!“ Приходя ёнъ къ дверямъ, такъ трахъ ногою ў ихъ! Яны расчинились, ажъ тамъ яе рукавички. „А, вотъ ето хто мнѣ говоривъ! Яны пошли наўходъ. Ступайтя ўздогонъ!“ А тыя уже отъѣхали далёко. Тоды ина говоря: „мужъ мой любый! приложись къ зямлѣ, послухай: ти не шумить дуброва, ти не стогня дорога, ти нема за нами погони?“ Ёнъ прилёгъ, послухавъ, ажъ шумить дуброва, стогня дорога, гоня за ими погоня. Вотъ ина здѣлалась цэрковкой, а яго здѣлала попомъ. Гоня погоня и ўбигая у цэркву. Спрашуя ў попа: ти ня видивъ ты, ти не заходили люди сюды помолитца? А ёнъ отказуя: „я тутъ вѣкъ живу, вѣкъ попомъ служу: никого не бачивъ, никого ня видивъ. Ета дорога ни заходная, ни заѣжжая!“ Етая погоня воротилась назадъ, а яны опять скинулись людями и дальшы пошли. А Кащей спрашуя у посла: „а што, бачили кого?“—Нѣ, никого не бачили, никого ня видили, тольки при дорози стояла цэрква и ў ёй попъ обѣдню служивъ. И мы ў яго пыталиси—ти не заходили сюды хто помолитца Богу, дыкъ ёнъ сказавъ, што ето дорога ни заходжая, ни заѣжжая, я вѣкъ живу, вѣкъ обѣдню служу, и никого ня виджу!—„Ну, ето жъ яны самыя и ёсь! Надо было ихъ забрать! Ступайтя опять наўздогонъ!“ Опять яны пошли. А ина говоря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! приляжъ, послухай, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не гоня за нами погоня?“ Ёнъ послухавъ: „жана моя милая, жана моя любая: шумить дуброва, стогня дорога, гоня за нами погоня!“ Тяперь ина здѣлалась пшаницую, а яго здѣлала сторожамъ, згонять зь яе верабьёвъ. Прибѣгая погоня къ пшаницы, спрашуя у сторожа, ти не бачивъ ёнъ кого, ти ня видивъ?—„Нѣ, говоря: я тутъ съ самой вясны, и никого не бачивъ и ня видивъ: ета дорога ни заходжая, не забѣглая!“ Погоня вярнулась назадъ, а йны узновъ скинулиси людьми и дальшы пошли. Кащей спрашуя пословъ: „ну, кого вы видили?“—Никого ня видили; тольки при дорози стояла пшаница и сторожъ. Ёнъ намъ сказавъ, што никого не бачивъ, никого ня видивъ, отъ самыя вясны!—„То жъ яны самыя и были, надо было и брать ихъ! Видно вы не догонитя, надо самому йти!“ Пошовъ самъ. А жана говоря: мужъ мой милый, мужъ мой любый! послухай еще, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не будя за нами погоня? Ёнъ послухавъ: шумить дуброва, стогнеть дорога, гоня за ними погоня! Приходють яны къ морю, и скинулась ина вуткую, а яго здѣлала селязнемъ. Увидивъ ето

Кащъ и сичасъ зъ ружжа ў ихъ! А самъ и вярнувся назадъ. Яны тоды скинулись людьми и пошли.

Ишли—ишли, подходють подъ тую дяревню, игдѣ яго отецъ и мать. Подходють яны, а ў концы села стоить крыница, а коло крыницы древо яворь. Тяперь ина и говдря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! иди ты одинъ у дворъ, а я буду коло крыницы; мнѣ неладно ити съ тобою, нихто не повѣря, што я твоя жана. Иди и смотри: твой батька богатъ, собярѐ увесь свой родъ, и будуть тябе часьтить. И ў тябе три сястры; отъ усихъ ты госьтинцы принимай, а отъ самой мѐньшай не принимай, а якъ прѝмешъ, то мяне забудешъ!“ Вотъ ина узлѣзла на яворь и сидить, а ёнъ пошовъ къ своимъ батькамъ. Тыя дужо обрадовались и на радосьти понасытили мёду, наварили пива и созвали увесь свой родъ. Пъють яны, ядуть и яго тряхтують. Гуляють сутки, гуляють другія, гуляють и третьтія. И ўсё ёнъ берёгся тыя меньшыя сястры; ина стала плакать, ну, тутъ и батькѝ стали яму̀ говорить, кабъ ёнъ што нѐбудь узявъ отъ яе. Вотъ ёнъ и принявъ отъ яѐ ти стаканъ ти ложку. Якъ принявъ, такъ и забывся, што ў яго была̀ жана. Прошовъ день—другій,—ёнъ такъ и ня вѣдая. Батька говдря: „надо бъ тябе, мой сынъ, жанить! Поѣдемъ къ такой и такой, богатой!“ И поѣхали. Высватали и заручины згуляли. Ну, и ўже къ вянцу̀. А ў батьки была челядка. И пошла ина на крыницу по воду̀. Пришла ина по воду̀, и такъ яѐ освятило, што ина излишна стала. И говбря сама сабѣ: „якъ я излишна стала!“ А ёй нѣхто говдря: „ты излишна, а я ще излишнѣй!“ Тая глядь, а ина знакомкою стала, да такою излишною,—на явори стоить. „Ахъ, сястрица, што ты сюды узлѣзла? злѣзь, ды ходи къ намъ, у насъ сягодьни вясельля, погуляемъ!“—Ну, добря! злѣзла ина, узяли воды и пошли, и разговариваютъ, што уволю погуляемъ. Пріѣхали зъ вѣнца, зайграла музыка, собра́лось много госьтей, стали каравай качать. А тая говдря челядцы: „я сяду у запечекъ, а ты мнѣ дай крошачку тѣста, а якъ будешъ сажать у печь, то ты й мою крошку усади!“ Ина ўзила и ўсадила. Погулявши, вынули каравай. И той увесь вышавъ нехорошій, сгорѣвшій, никуды не гожій—узяли да й укинули яго ў помыйницу. А съ той крошачки вышавъ такій излишный каравай, што яго на столъ положили. Довго ина заедно съ етою челядкою гуляла, покуль не стали каравай дялить. Тольки поставили молодыхъ у конецъ стола, а первая жана яго скинулась голубкою и скокъ на вокно. И пирождкъ съ хлѣба тожа скинувся голубкою и скокъ къ ёй на вокно. Сидять у пары и говорють: „слухайтя, люди—міряне, нашей проповѣди! Ти вѣдаешъ ты якъ табѣ приказывали сходить къ мойму батюшку дѣлать што-нибудь? —„Вѣдаю!“—Ти вѣдаешъ жа, мой милый, якъ ёнъ заставивъ тябе стро-

вѣдаешъ жа ты, мой милый, якъ мы утекали, якъ я была цэрковкой, пшаничкой и вуточкой?—„Вѣдаю!“—А ти вѣдаешъ, якъ мы пришли къ крыницы, и я приказавала табѣ ничого не брать отъ меньшай сястры? Такъ ёнъ зірь, а на столѣ ляжить яѐ письмо. Тутъ ёнъ и закричавъ: „Стойтя, ето не моё весельля!“ Уси уторопѣли, спужалися. „Чія жъ ето свадьба?“—Да я жъ жанатъ!—„Гдѣ жъ твоя жана?“ А йна сичасъ здѣлалась такою излишною, сморьгнула тую яго невѣсту, сама стала и поцаловалась зь имъ. Тыя ус и стали кричать на яго, а ёнъ говоря: „посмотрите-ка на каравай и на яе письмо! Ина моя жана первая“. Ну, и стали свадьбу гулять.

И я тамъ на свадьби бывъ, мёдъ—вино пивъ, у ротъ не попало, хоть по бородѣ тякло.

Новая-Ельня чериков. у. Отъ кр. Григорія Тихонов', негр., записала учительница А. І. Горбикъ.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстностей, въ которыхъ записаны сказки настоящаго выпуска.

Могилевская губернія.

Бохотская вол.—№ 29.
Казимирослободская вол.—№ 51, вар. III.
с. Соино—№ 54.
Оршанскій: м. Старый Толочинъ—№ 32.
с. Высокое—№ 36.
Рогачевскій: с. Старая Рудня—№ 25.
с. Кошелево—№ 35.
д. Покать—№ 37.
Сѣнненскій: д. Петраши, высокогор. в.—№№ 13, 27.
с. Мошканы—№ 15.
д. Чудьки, рясп. в.—№ 27, вар. I.
Ряснянская вол.—№ 44.
м. Обчуга—№№ 49, 53.
с. Стовбцы, лисич. в.—№ 51,
Чаусскій с. Радомль—№ 1.
д. Чернавцы, радом. в.—№ 31.
д. Попова Слобода, радом. в.—№ 45.
д. Корчеватка, рясп. в.—№ 47.
м. Горы—№ 48.
Чериковскій: д. Плещино, малят. в.—№ 4.
с. Новая Ельня—№ 12, 57.
м. Малятичи—№ 21.
д. Киселевка, самот. в.—№ 26.
с. Самотеевичи—№ 51. вар. II.
м. Студенецъ—№ 33.
с. Палужь—№ 39.
д. Будино, братьков. в.—№ 43.
Чериковскій уѣздъ—№ 57.

Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ: д. Обухово, селют. в.—№ 23.
Городокскій: д. Волотовки, козьян. в.—№ 17.
Вировлянская вол.—№ 18.
Козьянская вол.—№№ 30, 34.
Горковская вол.—№ 54.
Городокскій уѣздъ—№ 9, варіантъ.

УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, записывавшихъ сказки для настоящаго выпуска.

Мною записаны: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 и вар. 1, 2, 3, 4, 53, 54, 56.

Нар. учит. Буднецкій—№ 10.

— — Барановскій—№ 17, 18.

— — Аникієвичъ—№ 20, 27 вар. I, 40, 44, 52.

— — Попретинскій—№ 23.

— — Тихоновичъ—№ 27, вар. II.

— — Васильевъ—№ 30, 34.

Нар. уч-ца Горбикъ—№ 57.

— — Бѣлинская—№ 9 вар. и 55.

Указатель предметный.